Джеймс КЛАВЕЛЛ
ТАЙ-ПЭН

Посвящается Тай-Тай, Холли и Микаэле

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я хочу выразить искреннюю признательность людям Гонконга, которые столь щедро делились со мной своим временем и знаниями и открыли мне дверь в свое настоящее и прошлое. Разумеется, эта книга – прежде всего роман, а не историческое повествование. Ее населяют персонажи, созданные воображением автора, и любое сходство с отдельными людьми и компаниями, которые являлись – или являются – частью Гонконга, носит случайный характер.

КНИГА ПЕРВАЯ

Дирк Струан поднялся на ют линейного корабля Ее Величества «Возмездие» и направился к трапу. Семидесятичетырехпушечный флагман стоял на якоре в полумиле от острова. Вокруг него расположились остальные военные корабли флотилии, десантные суда экспедиционного корпуса, лорки и опиумные клиперы Китайских торговцев.

Светало. Утро вторника, 26 января 1841 года, было пасмурным и холодным.

Проходя по главной палубе, Струан взглянул на берег, и радостное возбуждение охватило его. Война с Китаем закончилась.

Его план полностью оправдал себя: победа, быстрая и почти бескровная, как он и предсказывал. Главный приз – вот этот самый остров.

Двадцать лет он жил ради этого дня. И вот сейчас он отправляется на берег, чтобы присутствовать на официальной церемонии вступления во владение и увидеть своими глазами, как китайский остров засияет еще одной жемчужиной в короне Ее Британского Величества королевы Виктории.

Остров назывался Гонконг. Тридцать квадратных миль скал и каменистой почвы к северу от устья полноводной реки Сицзян в южном Китае, отделенных от материка проливом едва в тысячу ярдов. Негостеприимный. Неплодородный. Необитаемый, за исключением крошечной рыбацкой деревушки в южной его части. Стоящий на самом пути свирепых ураганов, которые каждый год врываются сюда из бескрайних просторов Тихого океана. Окруженный с востока и запада коварными мелями и рифами. Не приносящий никакого дохода мандарину, к чьей провинции он принадлежал.

Но Гонконг – это еще и величайшая гавань на свете. И для Струана это ключ, который откроет ему Китай.

– Эй, там! – крикнул молодой вахтенный офицер морскому пехотинцу в ярко-красном мундире. – Баркас мистера Струана к среднему трапу!

– Есть, сэр! – Солдат перегнулся через борт и прокричал приказ вниз.

– Сию минуту будет готово, сэр, – доложил офицер, стараясь не выдать того трепета, который испытывал в присутствии торгового князя, ставшего живой легендой в китайских морях.

– Никакой спешки нет, парень.

Струан был настоящим великаном. Его лицо обветрело в тысяче штормов. Синий сюртук застегивался на серебряные пуговицы, узкие белого цвета брюки были небрежно заправлены в морские сапоги. Он был вооружен как обычно: нож в складке сюртука за спиной и еще один – за голенищем правого сапога. Ему минуло сорок три.

У него были рыжие волосы и изумрудно-зеленые глаза.

– Славный денек, – сказал он.

– Да, сэр.

Струан спустился по трапу, вступил на нос баркаса и улыбнулся своему сводному брату Роббу, который сидел в середине.

– Опаздываем, – с широкой улыбкой заметил Робб старшему брату.

– Да. Его превосходительство и адмирал затеяли состязаться в многословии. – Струан на мгновение задержался взглядом на острове. Затем махнул рукой боцману: – Отчаливаем. К берегу, мистер Маккей!

– Так точно, есть, сэр-р!

– Наконец-то! После стольких лет, а, Тай-Пэн? – спросил Робб.

«Тай-Пэн» по-китайски означало «верховный повелитель». В торговой компании, в армии, на флоте или у целого народа есть только один такой человек – тот, кто держит в своих руках всю реальную власть.

– Да, – ответил Струан.

Он был Тай-Пэном «Благородного Дома».

Глава 1

– Чума забери этот вонючий остров, – проворчал Брок, окидывая взглядом пляж и поднимая глаза на гору. – Весь Китай у наших ног, а что мы берем? Ничего, кроме этой голой растреклятой скалы.

Он стоял на берегу недалеко от воды в компании двух других Китайских торговцев. Вокруг небольшими группами стояли еще торговцы и офицеры экспедиционного корпуса. Все ожидали, когда офицер королевского флота откроет церемонию. Почетный караул из двадцати морских пехотинцев двумя ровными шеренгами выстроился у флагштока, алый цвет их мундиров резал глаз. Неподалеку от них неопрятными кучками толпились матросы, только что с огромным трудом утвердившие высокий шест в каменистой почве.

– Восемь склянок было время поднятия флага, – продолжал Брок охрипшим от нетерпения голосом. – На час уже опаздываем. Какого дьявола, кому нужны эти задержки, в бога душу мать?

– Ругаться во вторник – плохой йосс, мистер Брок, – заметил Джефф Купер, крючконосый американец из Бостона в черном сюртуке и лихо заломленном на бок фетровом цилиндре. – Очень плохой!

Партнер Купера, Уилф Тиллман, приземистый, крепко сбитый южанин из Алабамы, внутренне напрягся, уловив скрытый вызов в несколько гнусавом голосе своего молодого компаньона.

– А я вам вот что скажу: весь этот чертов кусок дерьма размером с мушиное пятно – плохой йосс! – раздраженно ответил Брок. «Йосс» было китайским словом, означавшим удачу, неудачу, Бога и дьявола одновременно. – Такой плохой, что хуже некуда.

– Было бы лучше, если бы это оказалось не так, сэр, – вмешался в разговор Тиллман. – Здесь сейчас закладывается будущее всей Китайской торговли, хороший там йосс или плохой. Тайлер Брок пристально посмотрел на него сверху вниз.

– Нет у Гонконга никакого будущего. Нам нужны открытые порты на материковом побережье Китая, и вы, черт меня побери, сами это прекрасно знаете!

– Гавань здесь самая лучшая в этих водах, – заметил Купер. – Хватит места, чтобы откилевать и переоснастить все наши корабли. Остров достаточно велик, чтобы построить здесь дома и лабазы. И главное – здесь мы наконец сами себе хозяева.

– Колония должна иметь плодородные земли и крестьян, чтобы их

обрабатывать, мистер Купер. Должна приносить доход, – горячась, начал объяснять Брок. – Я исходил остров вдоль и поперек. Да вы и сами все видели. Урожая здесь не вырастить. Нет ни полей, ни реки, ни лугов. Значит, ни мяса тебе, ни картофеля. Все необходимое придется доставлять морем. Прикиньте-ка, во что это встанет. Черт, да даже рыбы тут толком не наловишь. А кто будет оплачивать содержание Гонконга, а? Мы и наша торговля, клянусь Богом!

– А-а, так вот какая колония вам нужна, мистер Брок, – произнес Купер. – А я-то думал, что у Британской Империи, – он ловко сплюнул, – таких колоний уже достаточно.

Рука Брока незаметно передвинулась ближе к ножу.

– Вы плюнули, потому что у вас запершило в горле, или вы плюнули на Империю?..

Тайлеру Броку было под пятьдесят. Это был одноглазый исполин, твердый и несокрушимый, как железо, которое ему в дни юности приходилось разносить по покупателям в Ливерпуле, ловкий, сильный и опасный, как торговые суда, несущие по двадцать пушек, на которых он мальчишкой сбежал из дома и которыми со временем сам стал управлять как глава торгового дома «Брок и сыновья». Одевался он богато, рукоятку ножа, висевшего у пояса, украшали драгоценные камни. Его волосы уже поседели, начинала седеть и борода.

– День сегодня выдался холодный, мистер Брок, – быстро проговорил Тиллман, злясь в душе на своего молодого партнера за его несдержанный язык. Брок не из тех людей, которых можно дразнить удовольствия ради, а они пока не могут позволить себе открыто враждовать с ним. – Ветер прямо до самых костей пробирает, а, Джефф?

Купер коротко кивнул. Однако глаз не опустил и по-прежнему продолжал смотреть на Брока. Ножа у него не было, но в кармане он носил «дерринджер»[1]. Одного роста с Броком, он был не так широк в плечах – и не боялся никого на свете.

– Я дам вам один совет, мистер Купер, – тяжелым голосом произнес Брок. – Лучше вам не плеваться слишком часто после слов «Британская Империя». А то найдутся люди, которые могут и не спросить, какие у вас были намерения.

– Благодарю вас, мистер Брок, я запомню, – небрежно ответил Купер. – У меня для вас тоже есть совет: ругаться по вторникам – плохой йосс.

Брок подавил в себе раздражение. Придет время, и он безо всякой жалости раздавит Купера, Тиллмана и их компанию – крупнейшую среди американских. Но сейчас он нуждался в них как в союзниках против Дирка и Робба Струанов. Вспомнив о Дирке, Брок выругался про себя и в который раз проклял йосс. Йосс сделал Струана и его компанию крупнейшим торговым домом в Азии, настолько богатым и могущественным, что другие Китайские торговцы, благоговея и завидуя, называли его «Благородным Домом» – «благородным», потому что он с истинно королевским постоянством был первым всегда и во всем: самый большой, самый богатый, с самым крупным торговым оборотом и лучшими клиперами, и главное – потому, что Дирк Струан был Тай-Пэном, первым среди всех тай-пэнов Азии. И тот же йосс стоил Броку глаза семнадцать лет назад, как раз в тот самый год, когда Дирк положил начало своей империи.

Это произошло у острова Цюшан, недалеко от устья великой Янцзы, чуть южнее огромного порта, который назывался Шанхай. Брок прорвался сквозь муссоны с небывалым грузом опиума. Струан отстал от него на несколько дней, тоже с опиумом в трюмах. Брок первым добрался до Цюшана, продал груз и повернул назад, довольно ухмыляясь при мысли, что Струану придется идти дальше на север и

---

[1] Дерринджер – короткоствольный пистолет крупного калибра.

пытаться с новым для себя риском продать опиум в незнакомых местах. Брок, набив сундуки серебряными слитками, со свежим попутными ветром спешил на юг домой – в Макао, когда со стороны, моря внезапно налетел страшной силы ураган. Китайцы называли эти ураганы «Повелителями Ветров». Европейцы звали их тайфунами. Море во время тайфуна превращалось в ад.

Тайфун безжалостно расправился с кораблем Брока, его самого придавило рухнувшей мачтой и брусьями. Пока он беспомощный, лежал там, оборванный конец фала, став игрушкой ветра, хлестал его подобно бичу. Команда освободила его из-под обломков, но не раньше, чем обрывок каната с металлическим кольцом на конце выбил ему левый глаз. Корабль к этому времени лег на борт, и Брок вместе со всеми рубил такелаж, спуская в воду переломанные мачты, реи. Каким-то чудом судно выпрямилось. Тогда он залил в кровоточащую глазницу бренди – он до сих пор помнил эту боль.

И он помнил, что через много дней после того, как его уже сочли погибшим, он все-таки дотащился в порт. От трехмачтового красавца-клипера остался один корпус, который тек по всем швам. Паруса, мачты, пушки – все бесследно сгинуло в пучине. И к тому времени, когда Брок заново оснастил судно, доставил на борт пушки, ядра и порох, набрал команду и купил новый груз опиума, серебро, заработанное им в том плавании, растаяло, как дым.

Струан попал в тот же шторм на своей лорке – небольшом судне с китайским корпусом и английской оснасткой, которым пользовались для контрабандных перевозок в прибрежных водах в хорошую погоду. Но Струан сумел выбраться из урагана целым и невредимым, и когда он, по обыкновению элегантный и невозмутимый, подошел приветствовать Брока на пирсе, его странные зеленые глаза смеялись.

Дирк и его проклятый йосс, думал Брок. Йосс помог Дирку превратить одну-единственную вонючую лорку в целый флот клиперов и сотни лорок, в забитые товарами пакгаузы, груды серебра. В растреклятый «Благородный Дом», черт бы его побрал. Йосс спихнул «Брока и сыновей» на триждырастреклятое второе место. Второе. И все эти годы, продолжал негодовать Брок, йосс приклонял к Струану ухо нашего бесхребетного полномочного посланника, его растакого-разэтакого превосходительства Лонгстаффа, разрази гром этого идиота. И вот теперь они на пару продали нас ни за грош.

– Чума на этот Гонконг. И чума на Струана!

– Если бы не план Струана, вы бы никогда не выиграли эту войну с такой легкостью.

Война началась два года назад в Кантоне, когда китайский император, решив привести европейцев к покорности, попытался положить конец контрабандной торговле опиумом, которая являлась краеугольным камнем всей британской торговли с Китаем. Наместник Линь окружил европейское поселение в Кантоне войсками и потребовал, чтобы ему доставили все до единого ящики с опиумом, сколько их ни найдется в Азии, в качестве выкупа за жизнь беззащитных английских торговцев. Через некоторое время ему были переданы и тут же уничтожены двадцать тысяч ящиков опиума, и британцам разрешили уехать в Макао. Но Британия не собиралась терпеть ни вмешательства в свои торговые дела, ни действий, угрожающих жизни ее подданных. Шесть месяцев назад на Восток прибыл британский экспедиционный корпус, который формально был передан в распоряжение капитан-суперинтенданта торговли Лонгстаффа.

Но именно Струан разработал хитроумный план, согласно которому следовало оставить в покое Кантон, где начались все неприятности, и отправить экспедиционный корпус на север к Цюшану. Струан рассчитал, что англичанам будет нетрудно без потерь овладеть островом, поскольку китайцы не имели представления

о современной войне и были бессильны против любой европейской армии или флота. Оставив на Цюшане небольшой гарнизон и несколько кораблей, чтобы блокировать устье Янцзы, экспедиционный корпус должен был двинуться дальше на север, подойти к устью Пей-Хо и угрожать оттуда столице Китая Пекину, находившемуся всего в ста милях вверх по течению. Струан понимал, что только такая непосредственная угроза заставит императора запросить мира – и немедленно. Этот блестящий замысел великолепно оправдал себя. Экспедиционный корпус прибыл к берегам Китая в июне прошлого года. К июлю англичане уже были на Цюшане. К августу флот встал в устье Пей-Хо. А еще через две недели император прислал чиновника, чтобы обсудить условия мирного договора – впервые в китайской истории император официально признал европейскую нацию. И война закончилась почти без потерь с обеих сторон.

– Лонгстафф поступил очень разумно, последовав этому плану, – уверенно заявил Купер.

– Любой Китайский торговец скажет вам, как поставить китаеза на колени, – грубо ответил Брок. Он сдвинул цилиндр со лба назад и поправил повязку на глазу. – Лучше ответьте, почему Лонгстафф и Струан согласились вести переговоры здесь, в Кантоне, а? Каждый дурак знает, что «вести переговоры» для китайца значит просто тянуть время. Нам нужно было оставаться на севере у Пей-Хо до тех пор, пока мирный договор не был бы подписан. Так ведь нет же, мы вернулись со всем флотом назад и вот уже полгода ждем, когда эти содомиты приложат наконец перо к бумаге. – Брок сплюнул. – Глупо все, чертовски глупо. Нам нужно было оставить за собой Цюшан. Вот уж, скажу я вам, остров так остров – Цюшан имел двадцать миль в длину и десять в ширину, земли его были богаты и плодородны, построенный там большой город Тиньхай был удобным портом. – На Цюшане человек, по крайности, вздохнуть может полной грудью. Да что говорить, три-четыре фрегата с этого острова могут закупорить Янцзы быстрее, чем вы шляпу снимете. А кто держит в своих руках эту реку, тому открыт путь к сердцу Китая.

– Цюшан пока что еще у вас, мистер Брок,

– Ну, да. Только это не записано в этом вонючем договоре, так что он вроде и не наш. – Брок принялся притопывать ногами, чтобы согреться на холодном ветру.

– Может быть, вам стоит поговорить об этом с Лонгстаффом, – заметил Купер. – Он обычно прислушивается к советам.

– Только не к моим, нет. И вам это хорошо известно. Но я вот что скажу: когда в парламенте услышат об этом договоре, вот тогда и придет час расплаты, помяните мое слово.

Купер закурил сигару.

– Здесь я, пожалуй, соглашусь с вами. Это поразительный документ, мистер Брок. Особенно в наше время, когда все европейские державы захватывают земли, где только можно, и рвутся к власти.

– Соединенные Штаты, я так полагаю, остаются выше этого? – Лицо Брока стало жестким. – А как насчет ваших индейцев? А покупка Луизианы? Испанская Флорида? Вы уже посматриваете на Мексику и на русскую Аляску. В последней почте говорилось, что вы даже пытаетесь прибрать к рукам Канаду. А?

– Канада американская, а не английская. Мы не будем воевать с вами из-за Канады, она присоединится к нам по своей доброй воле, – ответил Купер, скрывая беспокойство. Он подергал себя за бачки и одернул сюртук на плечах, чтобы защититься от пронизывающего ветра. Купер понимал, что война с Британской Империей сейчас будет катастрофой и погубит компанию Купера-Тиллмана. Черт бы побрал войны! Но при этом он знал и то, что Штатам рано или поздно придется воевать за Мексику и Канаду, если не отыщется иного решения. Точно так же, как Британии пришлось воевать с Китаем.

– Никакой войны не будет, – сказал Тиллман, дипломатично пытаясь успокоить своего компаньона. Он вздохнул и пожалел, что сейчас он не у себя в Алабаме. Вот уж где человек может жить, как джентльмен. Там вам не придется каждый божий день иметь дело с проклятыми англичанами, или с богохульствующим и сквернословящим отребьем, вроде Брока, или с самим дьяволом во плоти, вроде Струана, или даже со старшим партнером, вроде Джефферсона Купера, который считает Бостон пупом земли и по молодости лет не имеет представления о сдержанности. – И эта война уже закончилась, к лучшему то или к худшему.

– Помяните мои слова, мистер Тиллман, – обратился к нему Брок. – Этот в господа бога мать растреклятый договор ничего не дает ни нам, ни им. Нам нужно было закрепиться на Цюшане и открыть порты на материковом побережье. Через пару-тройку недель воевать придется снова. В июне, когда ветер посвежеет и погода установится, флоту опять плыть на север к Пей-Хо, это уж как пить дать. А если дело дойдет до драки, как, спрашивается, мы сможем закупить чай и шелка, когда время придет, а? Прошлый год был почти без торговли из-за войны, позапрошлый – вообще без торговли, да еще в придачу весь наш опиум забрали за выкуп. Восемь тысяч ящиков только у меня одного. В два миллиона тэйлов серебром мне это обошлось. Наличными.

– Ну, эти-то деньги не пропали, – возразил Тиллман. – Ведь это Лонгстафф приказал нам тогда расстаться с ними. Чтобы спасти наши жизни. Он выдал нам бумагу от имени британского правительства. Да и в договоре это есть. Нам должны вернуть шесть миллионов тэйлов серебром за конфискованный опиум.

Брок грубо расхохотался.

– Вы думаете, парламент признает Лонгстаффову писульку? Господи, да любое правительство вылетит из своих кресел в мгновение ока, стоит ему лишь заикнуться о выделении денег для уплаты за опиум. А что до шести миллионов по договору, так все это пойдет в счет военных издержек. Я знаю парламент получше вас. Мой совет вам обоим, помашите своим пятистам тысячам тэйлов ручкой. Так что если мы ввяжемся в войну и в этом году – торговли опять не будет. А не будет торговли, мы все вылетим в трубу. Вы, я, любой Китайский торговец. Даже «Благородный Дом», чтоб он провалился ко всем чертям.

Резким движением он выдернул часы из кармана. Церемония должна была начаться уже час назад. Время уходит, подумал он. Да, но не для компании "Брок и «сыновья», Господь свидетель. Семнадцать лет Дирку сопутствует добрый йосс, но теперь настало время перемен.

Брок с торжеством подумал о своем втором сыне, Моргане, который умело – и с безжалостной жесткостью – управлял всеми их вкладами в Англии. Он спрашивал себя, удалось ли Моргану подорвать влияние Струана в парламенте и в банковских кругах. Клянусь Господом, мы еще пустим тебя ко дну, Дирк, думал он, и твой Гонконг вместе с тобой.

– Какого черта, почему не начинаем? – раздраженно бросил он и заторопился к морскому офицеру, который расхаживал взад-вперед рядом с шеренгами морских пехотинцев.

– Что с тобой творится, Джефф? Ты же знаешь, что он прав насчет Гонконга, – заговорил Тиллман, когда Брок отошел достаточно далеко. – Тебе следовало бы подумать дважды, прежде чем задирать его.

Купер улыбнулся своей бледной улыбкой.

– Брок так чертовски самоуверен. Ничего не мог с собой поделать.

– Если Брок прав относительно нашего полумиллиона тэйлов, мы банкроты.

– Да. Но Струан потеряет в десять раз больше, если выплата не состоится. Так что деньги он получит, можешь не сомневаться. Ну а вместе с ним получим свое и мы. – Купер посмотрел вослед Броку. – Как ты думаешь, он знает о нашей сделке со

Струаном?

Тиллман пожал плечами...

– Не знаю. Одно скажу, насчет договора Брок прав. Это глупость. Он еще влетит нам в копеечку.

Последние три месяца компания «Купер и Тиллман» действовала как тайный агент «Благородного Дома». Британские военные корабли блокировали Кантон и устье Сицзян. и английским купцам было запрещено торговать с китайцами. Лонгстафф – по совету Струана – наложил это эмбарго как еще одно средство ускорить подписание мирного договора, зная, что склады в Кантоне буквально завалены чаем и шелком. Но поскольку Америка не объявляла войны Китаю, американские корабли могли беспрепятственно проходить в порт, показывая нос английским фрегатам. Поэтому компания «Купер и Тиллман» закупила четыре миллиона фунтов чая у Чен-це Цзин Арна – или Дзин-куа, как его прозвали европейцы, – самого богатого китайского купца, и переправила все это в Манилу, якобы для испанских торговцев. В Маниле испанский чиновник за солидную взятку выдал необходимые разрешения на ввоз и вывоз, и чай был перегружен – беспошлинно – на клиперы Струана, которые на всех парусах полетели в Англию. С Дзин-куа расплатились грузом опиума с целого корабля, который Струан доставил в укромное место на побережье.

Гениальный план, думал Купер. Каждый смог заработать и получил нужный ему товар. Но мы заработали бы целое состояние, если бы наши корабли могли доставлять чай непосредственно в Англию. И Купер в который раз начал проклинать Британские Навигационные Акты, воспрещающие любым судам, кроме британских, доставлять грузы в английские порты. Черт их всех побери, негодовал он, мир принадлежит им.

– Джефф!

Купер проследил направление взгляда своего компаньона. Какое-то короткое мгновение он не мог отыскать в переполненной гавани то. что привлекло внимание Тиллмана. Наконец он заметил баркас, отваливший от флагманского корабля, и в нем – высокого рыжего шотландца, который был столь могуществен, что заставил сам парламент служить своим целям и вовлек в войну величайшую державу на земле.

– Было бы, наверное, слишком наивно надеяться, что Струан не доплывет до берега. Купер рассмеялся.

– Ты несправедлив к нему, Уилф. Да и к тому же, у моря никогда не хватит дерзости его тронуть.

– Может быть, и хватит. Давно, ох, давно пора. Клянусь всем, что есть в мире святого.

Дирк Струан стоял на носу баркаса, нырявшего вверх-вниз на невысокой волне. И хотя время начала церемонии уже прошло, он не поторапливал гребцов, зная, что без него она все равно не начнется.

Баркас находился в трехстах ярдах от берега. Боцманское «так держать» приятно пророкотало, растворяясь в бодрящем северо-восточном муссоне. Далеко впереди и в вышине ветер набирал силу и гнал облака с материка, через остров и дальше, в открытый океан.

В гавани было тесно от кораблей – сплошь британских, не считая лишь нескольких американских и португальских. Торговые суда всех размеров. До войны «купцы» стояли бы на якоре в Макао, крохотном португальском поселении, построенном на выступающем в море пятачке земли в сорока милях к юго-западу от Гонконга, по ту сторону огромного устья Сицзян. Или у острова Вампоа в тринадцати милях южнее Кантона. Китайские законы запрещали кораблям европейцев подходить к Кантону ближе этого острова. Императорским указом вся торговля с Европой была

ограничена этим городом. Если веришь слухам, в его стенах жили свыше миллиона человек. Но ни один европеец не знал этого наверное, поскольку ни один еще никогда не ходил по его улицам.

С древних времен китайцы придерживались в отношениях с европейцами самых жестких законов, практически закрывавших для них страну. Негибкость установившейся системы, недостаточная свобода для европейских коммерсантов появляться там, где им вздумается, и торговать так, как им хочется, и послужили причиной войны.

Когда баркас со Струаном проплывал мимо одного из торговых кораблей, несколько детей помахали ему с палубы, и он помахал им в ответ. Хорошо, подумал он, что у ребятишек будет наконец-то свой дом, настоящий дом на собственном куске твердой земли. С началом войны всех британских подданных в целях безопасности эвакуировали на корабли. Всего их набралось примерно сто пятьдесят мужчин, шестьдесят женщин и восемьдесят детей. Некоторые семьи кочевали с одного корабля на другой без малого год.

Вокруг торговых судов расположились боевые корабли британского экспедиционного корпуса: семидесятичетырех-, сорокачетырех-, двадцатидвухпушечные линейные, бриги, фрегаты – малая часть еще небывалого по своей мощи флота. И вместе с ними десятки десантных кораблей, доставивших сюда четыре тысячи британских и индийских солдат – небольшую часть самой сильной в мире армии.

Среди этих кораблей выделялись великолепные, с наклонными мартами опиумные клиперы – самые быстрые суда из всех, какие когда-либо строились.

Струан почувствовал, как волнение охватывает его при виде этого острова с его главной вершиной, поднимающейся на пятьсот с лишним метров почти прямо из моря. Он еще ни разу не был на Гонконге, хотя знал о нем больше, чем любой другой человек. Он поклялся, что не ступит на этот берег, пока остров не станет британским. Ему нравилось быть таким по-королевски высокомерным. Клятва, однако, не помешала ему послать на Гонконг своих капитанов и брата Робба, которые обследовали каждую его пядь. Он знал все рифы и скалы, долины и холмы, знал, где будет строить свои пакгаузы и Большой Дом компании и где пройдут дороги.

Струан повернулся и посмотрел на свой клипер «Китайское Облако», несущий на борту двадцать две пушки. Все клиперы компании Струана имели в своих названиях слово «Облако» в честь его матери, умершей много лет назад, которая принадлежала к клану МакКлауд[2].

Матросы красили и драили и без того сверкающий чистотой корабль. Шел осмотр орудий и проверка такелажа. «Юнион Джек»[3] гордо плескался на корме, а флаг компании – на бизани. На флаге «Благородного Дома» переплелись красный королевский лев Шотландии и зеленый императорский дракон Китая. Под этим флагом двадцать оснащенных пушками клиперов бороздили все океаны мира, и сотня быстрых вооруженных лорок контрабандой доставляла опиум на побережье. Он развевался также и на трех громадных плавучих складах опиума, под которые были приспособлены корпуса больших торговых судов. И тот же флаг реял на «Отдыхающем Облаке» – крупном, проводившем большую часть времени на рейде командном судне с его сейфами для перевозки серебра, рабочими кабинетами, роскошными каютами и кают-компаниями.

Ах ты, красавец, с гордостью подумал Струан, глядя на свой флаг.

---

[2] МакКлауд – Cloud (англ.) – облако.

[3] Юнион Джек – разговорное название британского флага.

Впервые он поднял его на груженной опиумом лорке, захваченной им у пиратов. Прибрежные воды буквально кишели пиратами и корсарами всех мастей, так что китайские и португальские власти даже назначали крупные суммы серебром в награду за их поимку. Поэтому, когда ветер и море не позволяли заниматься контрабандой или весь опиум оказывался распроданным, Струан отправлялся на охоту. Серебро; которое ему приносили налеты на пиратов, шло на закупку новых партий опиума. Чертово зелье, подумал он, поморщившись. Но Струан знал, что его жизнь накрепко связана с опиумом – без него не могли бы существовать ни «Благородный Дом», ни сама Британская Империя.

Причину этого следовало искать начиная с 1699 года, когда первый британский корабль мирно продал свой груз в Китае и привез назад шелка и – впервые – удивительную траву, которая называлась «чай» – на всей земле только Китай производил ее дешево и в изобилии. В обмен на нее китайский император согласился брать только серебро. И с тех пор эта политика оставалась неизменной.

За пятьдесят с небольшим лет чай стал самым популярным напитком на Западе – и особенно в Англии, крупнейшей торговой державе. Еще через двадцать лет чай сделался для британского правительства главным источником доходов от внутреннего налогообложения. А к концу XVIII столетия отток серебра в Китай практически опустошил государственную казну, и несбалансированная торговля, при которой за чайный лист платили звонкой монетой, стала национальной катастрофой.

В течение всего XVIII века британская Ост-Индская Компания – гигантская, наполовину частная, наполовину государственная корпорация, получившая особым парламентским актом безраздельное право на торговлю с Индией и всей остальной Азией, – с возрастающим отчаянием предлагала взамен серебра все, что только можно: хлопчатобумажные ткани, ткацкие станки, даже пушки и корабли. Но императоры неизменно отвечали высокомерным отказом. Они считали, что Китай в состоянии сам обеспечить себя всем необходимым, с презрением относились к «варварам», как они называли всех некитайцев, и рассматривали остальные страны мира как своих вассалов.

И вот, тридцать лет назад, британское торговое судно «Блуждающая Звезда» поднялось вверх по реке Сицзян и бросило якорь у острова Вампоа. В его трюмах находился секретный груз – опиум, который в избытке производился в Британской Бенгалии. Опиум китайцы употребляли уже много веков – правда, доступен он был либо очень богатым, либо тем, кто жил в провинции Юньнань, где тоже выращивали мак – тем не менее это была контрабанда. Ост-Индская Компания тайно выдала капитану «Блуждающей Звезды» разрешение предложить опиум китайцам. Но только за серебро. Китайская купеческая гильдия, которой император своим указом предоставил монополию на торговлю с Западом, купила груз и тайно продала его с огромной прибылью. Следуя джентльменскому соглашению, капитан «Блуждающей Звезды» передал серебро представителям Компании в Кантоне, получил свою долю в виде чека, выписанного на лондонский банк и, не теряя времени, полетел назад в Калькутту за новым грузом опиума, Струан хорошо помнил «Блуждающую Звезду». Он плавал на ней юнгой На этом корабле он стал мужчиной – и увидел Азию. И поклялся уничтожить Тайлера Брока, который был на «Звезде» третьим помощником капитана. Струану тогда исполнилось двенадцать, Броку – восемнадцать, и он был не по годам силен. Брок возненавидел его с первого взгляда и с особым удовольствием придирался к нему, урезая паек, назначая вне очереди на вахту, отправляя на реи в бурную погоду, всячески издеваясь над ним и изводя непосильной работой. Малейшая оплошность – и Струана привязывали к мачте, а по его спине начинала гулять плеть.

Струан проплавал на «Блуждающей Звезде» два года. Потом как-то ночью судно наскочило на риф в Малаккском проливе и пошло ко дну. Струан выплыл на

берег и добрался до Сингапура Позже он узнал, что Брок тоже остался в живых, и эта новость сделала его счастливым. Он жаждал мести, но хотел сам выбрать способ и время.

Струан нанялся на другой корабль. К тому времени Ост-Индская Компания выдала тайные лицензии на торговлю опиумом уже многим независимым торговцам, тщательно отобранным среди капитанов собственных кораблей, и продолжала продавать им только бенгальский опиум по самой сходной цене. Компания стала получать гигантскую прибыль и сосредоточила в своих руках огромные запасы серебра. Китайские купцы и мандарины закрывали глаза на эту незаконную торговлю, поскольку и их доходы резко возросли. И, будучи тайными, эти доходы не учитывались при исчислении обязательной мзды, регулярно выплачиваемой императору.

Опиум стал основным ввозимым в Китай товаром. Ост-Индская Компания быстро прибрала к рукам все его мировые запасы за пределами провинции Юньнань и Оттоманской империи. За двадцать лет количество серебра, вырученного за контрабанду опиума, сравнялось с долгом за чай и шелка.

Баланс торговли был наконец восстановлен. Затем стрелка весов наклонилась в другую сторону, потому что потребителей опиума в Китае оказалось в двадцать раз больше, чем потребителей чая в Западной Европе, и серебро хлынуло в карманы европейцев таким мощным потоком, что это встревожило даже китайских купцов. Компания вновь предложила другие товары, чтобы стабилизировать торговлю. Но император остался непреклонен: за чай – только серебро.

К двадцати годам Струан уже являлся капитаном собственного судна, на котором перевозил опиум. Брок был его основным конкурентом. Они беспощадно соперничали друг с другом Через шесть лет Струан и Брок стали главными фигурами в Китайской торговле.

Тех, кто занимался контрабандой опиума, стали называть Китайскими торговцами. Это была группа неустрашимых, жестких, предприимчивых индивидуалистов, командовавших собственными кораблями – англичан, шотландцев, нескольких американцев. Они с легким сердцем направляли свои крошечные суда в незнакомые воды навстречу неведомым опасностям Другой жизни они не знали и не хотели. В море они уходили, чтобы мирно торговать... это были купцы, а не завоеватели. Но если море становилось враждебным, если на них нападали, мирные суда превращались в боевые корабли. И если они дрались плохо, корабли бесследно исчезали, и о них быстро забывали.

Китайские торговцы очень скоро поняли, что в то время как на их долю приходится весь риск, на долю Компании приходится львиная часть прибыли И, кроме этого, их не допускали к законной – и баснословно прибыльной – торговле чаем и шелками. Поэтому, продолжая жестокую конкуренцию между собой, они, следуя увещеваниями Струана, начали совместную борьбу против Компании с целью лишить ее монополии на торговлю с Азией. Без этой монополии торговцы могли бы превращать опиум в серебро, серебро – в чай, затем доставлять чай в Европу на своих кораблях и продавать его непосредственно на рынки всего мира. В этом случае Китайские торговцы самостоятельно контролировали бы всю мировую торговлю чаем, и их доходы превысили бы всякое воображение.

Местом, где разгорелась эта борьба, оказался парламент. Парламент предоставил Компании исключительные торговые привилегии два столетия назад, и только парламент мог их теперь отобрать. И вот Китайские торговцы начали выделять огромные суммы, покупая голоса, поддерживая тех членов парламента, которые верили в свободное соперничество и свободную торговлю, обращаясь в газеты и к членам правительства. Они были настроены решительно, и растущее богатство придавало их словам все больший и больший вес. Они были терпеливы,

настойчивы и неукротимы – такими их взрастило море, и в упорстве при достижении намеченной цели они не знали себе равных.

Компания была взбешена этим наступлением и не хотела расставаться со своими привилегиями. Но она отчаянно нуждалась в Китайских торговцах для пополнения запасов серебра, шедшего в уплату за чай, и к этому времени уже попала в зависимость от тех огромных доходов, которые приносила ей продажа бенгальского опиума. Поэтому она осторожно и очень тщательно организовала в парламенте отпор посягательствам на свои интересы. Парламент, в свою очередь, оказался между двух огней. Он открыто порицал торговлю опиумом, но нуждался в доходах от продажи чая и торговли с Индией. Парламент старался прислушиваться и к Китайским торговцам, и к Компании и в результате не удовлетворил ни тех, ни других.

Тогда Компания решила примерно наказать Струана и Брока, своих основных противников. Она отобрала у них лицензии на торговлю опиумом и разорила их.

У Брока остался его корабль, у Струана не осталось ничего. Брок вступил в тайное партнерство с другим Китайским торговцем и продолжил борьбу против Ост-Индской Компании. Струан и его команда напали на логово пиратов к югу от Макао, сожгли его и захватили самую быстроходную лорку. Затем Струан стал тайно перевозить опиум для других торговцев, беспрестанно захватывая все новые и новые пиратские суда и неуклонно увеличивая свое состояние. Вместе с остальными Китайскими торговцами он тратил все большие суммы, покупая новые голоса, сея недоверие и возмущение до тех пор, пока парламент не начал открыто требовать полного уничтожения Компании. Семь лет назад парламент принял акт, лишавший Ост-Индскую Компанию монополии на торговлю с Азией и открывавший эту часть света для свободной торговли. Однако этим же актом за Компанией сохранялось исключительное право на торговлю с Британской Индией, что означало мировую монополию на опиум. Парламент единодушно осудил торговлю опиумом. Компания не хотела его продавать. Сами Китайские торговцы предпочли бы другой – но не менее выгодный – товар. Однако при этом все понимали, что без установившегося баланса чай – серебро – опиум империю ждет крах. Это был факт мировой торговли, который приходилось принимать.

Обретя долгожданную свободу, Струан и Брок быстро превратились в торговых принцев крови. Их вооруженные флоты росли и становились все мощнее. И соперничество в торговле еще больше отточило их давнюю вражду.

Чтобы заполнить политический вакуум, образовавшийся в Азии, когда Ост-Индская Компания лишилась там своей власти и торговля стала свободной, британское правительство назначило туда своего дипломата, достопочтенного Уильяма Лонгстаффа, сделав его капитан-суперинтендантом торговли и вменив ему в обязанность защиту интересов Короны. Эти интересы сводились к неуклонному расширению товарооборота – для увеличения отчисляемых в государственную казну сумм – и строгому недопущению к торговле с Азией всех остальных европейских держав. Лонгстафф отвечал также за безопасность торговли и британских подданных. Однако его мандат был сформулирован весьма расплывчато, и какой-то реальной власти для определения политики в регионе он не получил.

Бедный малыш Уилли, беззлобно подумал Струан. Даже после семи лет моих терпеливых разъяснений наше «высокое» превосходительство капитан-суперинтендант торговли все еще не в состоянии видеть дальше собственного носа.

Струан посмотрел на берег как раз в тот момент, когда солнце появилось над горой и залило неожиданным светом собравшихся там людей: друзей, врагов – в обоих случаях соперников. Он повернулся к Роббу.

– Взгляни-ка на них. Ни дать ни взять дружная компания, вышедшая, чтобы тепло нас встретить. – Годы, проведенные вдали от родины, не стерли окончательно

его шотландского выговора.

Робб Струан коротко хохотнул и еще круче посадил на ухо свою фетровую шляпу.

– По-моему, они все молятся, чтобы мы сейчас, у них на глазах, пошли ко дну, Дирк.

Роббу было тридцать три. Темные волосы, чисто выбритое лицо с глубоко посаженными глазами, тонкий нос и пышные бакенбарды. Он был одет во все черное, за исключением плаща из темно-зеленого бархата, белой рубашки с оборками и белого галстука. Запонками и пуговицами на рубашке служили рубины.

– Боже милостивый, да это никак капитан Глессинг? – спросил он, вглядываясь в собравшихся на берегу.

– Он самый и есть, – ответил Струан. – Я подумал, что именно ему следует зачитать постановление.

– А что сказал Лонгстафф, когда ты предложил его кандидатуру?

– «Чес-с-слово, Дирк, ну хорошо, пусть будет он, если вы полагаете это разумным». – Струан улыбнулся. – Мы далеко продвинулись с тех пор, как начали, клянусь Господом Богом!

– Ты продвинулся, Дирк. Когда я сюда приехал, все уже было готово.

– Ты наш мозг, Робб. Я всего лишь твердая рука.

– Да, Тай-Пэн, конечно. Всего лишь твердая рука. – Робб прекрасно понимал, что его сводный брат был тем, кем был – Тай-Пэном и что в торговом доме «Струан и компания» и во всей Азии Дирк Струан единственный имел право на этот титул. – Чудесный сегодня денек для поднятия флага, не правда ли?

– Да.

Робб продолжал наблюдать за братом, когда тот опять повернулся к берегу. Дирк казался ему таким огромным, стоя там, на носу баркаса – выше скал и, как они, несокрушимый. Как бы я хотел быть похожим на него, подумал Робб.

Робб участвовал в контрабандном рейсе лишь однажды, вскоре после своего приезда на Восток. На их корабль напали китайские пираты, и Робб едва не лишился рассудка от ужаса. Его до сих пор мучил стыд, хотя Струан и сказал ему тогда: «В этом нет никакой беды, парень. Первый раз в сражении всегда трудно». Но Робб раз и навсегда понял, что он не боец. Ему не хватало храбрости. Он нашел другие способы помогать брату. Покупал чай, шелка и опиум. Договаривался о займах и присматривал за серебром. Вникал в современный механизм мировой торговли и финансирования, становившийся день ото дня все более сложным. Охранял брата, и компанию, и их флот, обеспечивал их безопасность. Продавал чай в Англии. Вел бухгалтерские книги. Словом, делал все, что позволяет современной компании успешно работать. Да, все это верно, говорил себе Робб, но без Дирка ты ничто.

Струан рассматривал людей на берегу. До них оставалось не менее двухсот ярдов, но он уже отчетливо видел лица. Большинство из них были обращены к баркасу. Струан улыбнулся про себя.

Да, подумал он, мы все собрались здесь в этот день, назначенный судьбой.

Морской офицер капитан Глессинг терпеливо ждал, когда можно будет начать церемонию поднятия флага. Ему исполнилось двадцать шесть лет. Сын вице-адмирала, он сам являлся капитаном линейного корабля, и служба в Королевском Флоте была у него в крови. С восходом солнца на берегу быстро становилось светло; далеко на востоке, у самого горизонта, небо рассекали нити облаков.

Через несколько дней будет шторм, подумал Глессинг, пробуя ветер. Он отвел взгляд от Струана и по привычке проверил расположение своего корабля, двадцатидвухпушечного фрегата. Сегодняшний день стал вехой в его жизни. Не часто именем королевы провозглашали присоединение к Империи новых земель, и

то, что ему выпала честь зачитать этот документ, было большой удачей в его карьере. Во флоте было немало капитанов старше Глессинга. Но он знал, что выбор пал на него потому, что он дольше всех пробыл в этих водах и его корабль, фрегат Ее Величества «Русалка», принимал самое деятельное участие во всей кампании от начала до конца. Даже и не кампании вовсе, презрительно подумал он. Так, скорее, небольшом инциденте. Все можно было бы уладить еще два года назад, найдись у этого идиота Лонгстаффа хоть капля мужества. Ну конечно. Стоило ему только разрешить мне появиться со своим фрегатом у ворот Кантона. Черт побери, потопил же я потом целый флот этих дурацких боевых джонок, расчищая себе дорогу. Я мог бы обстрелять Кантон из своих пушек, захватить это дьяволово отродье наместника Линя и вздернуть его на нок-рее.

Глессинг раздраженно пнул песок под ногой. Мне, собственно, наплевать на то, что язычники украли весь наш опиум, черт бы его побрал. Здесь они правы... с контрабандой пора кончать. Это оскорбляет флаг. Но подумать только, эти варвары осмелились требовать выкуп за жизнь английских подданных. Лонгстафф должен был разрешить мне принять надлежащие меры. Но куда там! Он отступил, поджав хвост, пересадил всех на торговые суда, а потом меня спутал по рукам и ногам. Меня, клянусь Господом, который должен был защищать наших торговцев и их семьи. Черт бы побрал этого слепца! И будь проклят Струан, который водит его за нос.

Ну да ладно, добавил он, обращаясь к самому себе, как бы то ни было, тебе повезло, что ты здесь. Это единственная война, которую мы ведем в данный момент. По крайней мере, единственная война на море. Все остальное – не более чем инциденты... скучное покорение индусских княжеств – клянусь Господом, эти язычники молятся коровам, сжигают вдов и поклоняются идолам! – да еще афганские войны. И он почувствовал прилив гордости, оттого что был частью величайшего флота в мире. Хвала Господу, что он родился англичанином!

Неожиданно он заметил приближающегося к нему Брока и с облегчением увидел, как того перехватил по дороге толстый, совсем без шеи коротышка тридцати с небольшим лет с огромным животом, вываливавшимся из брюк. Это был Морли Скиннер, владелец «Ориентал Тайме» – самой влиятельной английской газеты на Востоке. Глессинг внимательно знакомился с каждым выпуском и считал, что Скиннер знал свое дело. Очень важно иметь приличную газету, подумал он. Очень важно, чтобы все кампании освещались должным образом ко славе Англии. Но сам Скиннер – отвратительный человек. Да и все остальные тоже. Впрочем нет, не все. Уж никак не Аристотель Квэнс.

Он взглянул на уродливого человечка, в одиночестве сидевшего на невысоком холмике, откуда был виден весь пляж. Человечек сидел на табурете, перед ним стоял мольберт с картиной, над которой он с очевидным увлечением работал. Глессинг усмехнулся про себя, вспомнив те добрые вечера, которые он проводил с художником в Макао.

Кроме Квэнса, ему не нравился ни один человек из собравшихся на пляже, за исключением Горацио Синклера. Горацио был одних с ним лет, и за два года, что Глессинг провел на Востоке, они сошлись довольно бчизко. Тем более что Горацио оыл помощником Лонгстаффа, его переводчиком и секретарем – единственным европейцем на Востоке, который мог свободно говорить и писать по-китайски, – и им приходилось много работать вместе.

Глессинг окинул взглядом берег, и лицо его исказила гримаса отвращения... Горацио стоял у самой воды и беседовал с австрийцем Вольфгангом Мауссом, человеком, которого Гпессинг презирал всей душой. Его преподобие Вольфганг Маусс был единственным, кроме Синклера, европейцем, способным писать и изъясняться по-китайски. Этот огромный чернобородый священник-ренегат исполнял обязанности переводчика у Струана и вместе с ним торговал опиумом. За поясом у

нею торчали Пистолеты, полы сюртука покрылись белесой плесенью. Красный нос бесформенной картофелиной сидел на обрюзгшем лице, черные с проседью волосы спутались и выглядели дико, так же как и борода. Несколько уцелевших зубов обломились и стали коричневыми. Главное место на этом крупном лице занимали яркие глаза.

Такой контраст в сравнении с Горацио, подумал Глессинг. Горацио был светловолосым, хрупким, чистым, как адмирал Нельсон, в честь которого он получил свое имя – память о Трафальгаре и о дяде, которого он там потерял.

В беседе принимал участие третий: высокий стройный евразиец – молодой человек, которого Глессинг знал только в лицо. Гордон Чен, незаконнорожденный сын Струана.

Черт побери, думал Глессинг, как только у англичанина может достать стыда, чтобы выставлять вот так, всем напоказ, своею ублюдка-полукровку? А этот к тому же и одет, как все проклятые язычники, в длинную рубашку, и за спиной болтается эта их чертова косичка. Гром господень! Если бы не его голубые глаза и светлая кожа, никто бы в жизни не подумал, что в его жилах течет хоть капля английской крови. Почему этот чертенок не подстрижет свои волосы как приличествует мужчине? Отвратительно!

Глессинг отвернулся. Полагаю, в том, что он полукровка, нет ничего страшного, продолжал он разговор с самим собой, это не его вина. Но этот дьявол Маусс – плохая компания. Плохая для Горацио и для его милой сестры Мэри. Вот уж поистине юная леди, достойная внимания! Клянусь всеми святыми, из нее выйдет прекрасная жена.

Глессинг в нерешительности замедлил шаг. Впервые он серьезно подумал о Мэри как о возможной подруге жизни.

А почему бы и нет, спрашивал он себя. Ты знаком с ней вот уже два года. Она первая красавица Макао. Содержит дом Горацио в безукоризненном порядке и обращается с братом, как с принцем. У них лучший стол в городе, а как умело она управляет слугами. Божественно играет на клавесине и поет как ангел, клянусь Создателем. Ты ей явно нравишься – почему же еще ты получаешь открытое приглашение на обед всякий раз, когда оказываешься вместе с Горацио в Макао? Так чем же не жена? С другой стороны, она никогда не бывала в Англии. Вся ее жизнь прошла среди язычников. У нее нет никаких доходов. Родители умерли. Но какое это, спрашивается, имеет значение? Преподобного Синклера уважали во всей Азии, а Мэри прекрасна, и ей всего двадцать. У меня отличные перспективы. Я получаю пятьсот фунтов в год и со временем унаследую родовое поместье и земли. Ей-Богу, может быть, она назначена мне судьбой. Мы могли бы обвенчаться в английской церкви в Макао и снять там дом, пока не истечет срок моего назначения здесь, а потом мы уедем домой. Решено. Когда момент созреет, я скажу Горацио: «Горацио, старина, я хочу поговорить с тобой кое о чем...»

– Что за задержка, капитан Глессинг? – прервал его мечтания грубый голос Брока. – Восемь склянок было время поднятия флага, уже целый час прошел.

Глессинг круто обернулся. Он не собирался сносить воинственный тон ни от кого рангом ниже вице-адмирала.

– Флаг будет поднят, мистер Брок, не раньше, чем его превосходительство прибудет на берег или с флагмана будет дан сигнал пушечным выстрелом.

– И когда же это произойдет?

– Если не ошибаюсь, вы еще не полностью представлены здесь.

– Вы имеете в виду Струана?

– Ну, разумеется. Разве он не Тай-Пэн «Благородного Дома»? – Глессинг сказал это сознательно, зная, что тем самым разозлит Брока. Затем он добавил: – Я предлагаю вам вооружиться терпением. Никто не приказывал вам, торгашам,

высаживаться сегодня на берегу.

Брок покраснел от гнева.

– Вам лучше научиться отличать торговцев от торгашей. – Он передвинул языком за щеку кусок жевательного табака и сплюнул на камни под ноги Глессингу. Несколько капелек слюны попали на безукоризненно вычищенные туфли с серебряными пряжками. – Прошу прощения, – обронил Брок с издевательским смирением и отошел в сторону.

Лицо Глессинга словно окаменело. Не будь этого «прошу прощения», он вызвал бы Брока на дуэль. Гнусное отребье, подумал он, кипя от возмущения.

– Виноват, прошу прощения, сэр, – обратился к нему главный старшина корабельной полиции, отдавая честь. – Сигнал с флагмана.

Глессинг прищурился от резкого ветра. Сигнальные флажки возвещали. «Всем капитанам прибыть на борт к четырем склянкам». Прошлой ночью Глессинг присутствовал на приватной беседе адмирала с Лонгстаффом. Адмирал категорически утверждал, что именно контрабанда опиума являлась причиной всех беспорядков в Азии. «Черт возьми, сэр, они утратили всякое чувство приличия, – громогласно возмущался он – Ни о чем не хотят думать, кроме денег. Запретите продавать опиум, и у нас, черт возьми, не будет никаких проблем ни с этими дьяволами-язычниками, ни с торговцами, черт бы их побрал. Флот Ее Величества проследит за выполнением вашего приказа, клянусь Господом Богом!» И Лонгстафф согласился с ним – и правильно сделал. Приказ, видимо, будет оглашен сегодня, думал Глессинг, с трудом сдерживая ликование. Хорошо. Самое время. Интересно, Лонгстафф уже сказал Струану о том, что отдает такой приказ?

Он оглянулся через плечо на лениво приближающийся к берегу баркас. Струан всегда поражал его. Он восхищался им и ненавидел его – непревзойденного морехода, который избороздил все океаны мира, уничтожая людей, компании и корабли ради процветания «Благородного Дома». Он так не похож на Робба, подумал Глессинг, Робб мне скорее нравится.

Он против воли содрогнулся. Может быть, и есть доля правды в тех сказках, которые шепотом пересказывают друг другу моряки на всех китайских морях, что Струан тайно поклоняется дьяволу и что дьявол за это дал ему власть на земле. Иначе как еще человек его лет мог бы выглядеть так молодо и сохранить свою силу, белые зубы, густые волосы и молниеносную реакцию, когда большинство людей в этом возрасте уже нетвердо держатся на ногах, ни на что не годны и выглядят полуживыми? И уж, конечно, на кого Струан наводил ужас, так это на китайцев. Они называли его «Старая Зеленоглазая Крыса-Дьявол» и назначили награду за его голову. Награды, правда, были назначены за голову каждого европейца, но голова Тай-Пэна оценивалась в сто тысяч серебряных тэйлов. Мертвого. Потому что никто не мог даже надеяться захватить его живым.

Глессинг с раздражением попытался пошевелить пальцами ног в туфлях с пряжками. Ноги ныли от холода, и он чувствовал себя неудобно в парадной форме с золотым позументом. Черт побери все эти проволочки! Черт побери этот остров, и эту гавань, и это растрачивание впустую добрых английских кораблей и добрых английских моряков. Ему вспомнились слова отца: «Разгрызи Господь этих штатских Все, о чем они пекутся, это деньги и власть. Им неведомо чувство чести – они просто не знают, что это такое. Когда тобой командует гражданский чин, смотри в оба, сынок. И не забывай, что даже Нельсон прикладывал подзорную трубу к слепому глазу, когда им помыкал какой-нибудь олух в партикулярном платье». Как может такой человек, как Лонгстафф, быть таким непроходимо глупым? Он ведь из хорошей семьи, получил прекрасное воспитание – его отец был дипломатом при испанском дворе. Или португальском?

И зачем Струану понадобилось убеждать Лонгстаффа прекратить военные

действия? Конечно, мы получили гавань, которая способна вместить все флоты мира. Но что еще?

Глессинг поднял взгляд на суда в гавани. Двадцатидвух-пушечный корабль Струана «Китайское Облако»; «Белая Ведьма», тоже двадцать две пушки – гордость компании Брока; двадцатипушечный бриг Купера-Тиллмана «Принцесса Алабамы». Красавцы, все до единого. Н-да, подумал он, за них стоило бы подраться. Я знаю, что могу пустить ко дну американца. Брок? Трудная задача, но я лучше Брока. Струан?

Глессинг попробовал представить себе морскую схватку со Струаном и вдруг понял, что Струана он боится. Этот страх разозлил его и заставил до боли жалеть, что Брок, Струан, Купер и все остальные Китайские торговцы не пираты.

Бог свидетель, поклялся он, как только приказ Лонгстаффа будет объявлен официально, я поведу флотилию, которая разнесет их всех в пух и прах.

Аристотель Квэнс задумчиво сидел перед наполовину законченной картиной на мольберте. Это был крошечный человечек с черными седеющими волосами. Его одежда, в отношении которой он отличался почти болезненной щепетильностью, была сшита по последней моде: облегающие ногу серые брюки, белые шелковые носки, черные туфли с бантами, жемчужно-серый атласный жилет и сюртук из черной шерсти. Наряд довершали высокий воротник и галстук с жемчужной заколкой. Наполовину англичанин, наполовину ирландец, Квэнс в свои пятьдесят восемь лет был старейшим европейцем на Востоке.

Он снял очки в золотой оправе и принялся протирать их белоснежным платком, украшенным французскими кружевами. Я жалею, что дожил до этого дня, думал он. А все этот Дирк Струан, черт бы его побрал. Не будь его, не было бы и этого проклятого Гонконга.

Он чувствовал, что присутствует при конце эпохи. Гонконг означает конец Макао, думал он. Он перетянет сюда всю торговлю. Все английские и американские тай-пэны переедут сюда со своими главными конторами. Отныне они будут жить и строиться здесь. Вслед за ними сюда переберутся португальские клерки. И все китайцы, которые кормятся за счет европейцев и торговли с Западом. Ну и пусть. Я, по крайней мере, никогда здесь жить не буду, поклялся он. Время от времени придется приезжать сюда ненадолго, чтобы заработать на жизнь, но Макао навсегда останется моим домом.

Макао был его домом уже больше тридцати лет. Квэнс единственный изо всех европейцев думал о Востоке как о своем доме. Другие приезжали сюда на несколько лет. потом возвращались на родину Оставались только те, кто здесь умирал. Но даже и в этом случае, если это было им по карману, они писали в своих завещаниях, чтобы их тела отправили «домой».

Меня, благодарение Господу, похоронят в Макао, говорил себе старый художник. Какие славные времена я там знавал, знавали все мы. Теперь это в прошлом. Черт бы побрал китайского императора! Надо быть полным идиотом, чтобы разрушить здание, с таким умом построенное сто лет назад.

Все шло так замечательно, с горечью подумал Квэнс, и вот теперь всему пришел конец. Теперь Гонконг принадлежит нам. Мощь Англии утвердилась на Востоке, и торговцы вкусили власти, теперь они уже не ограничатся одним Гонконгом.

– Что же, – нечаянно произнес он вслух, – император пожнет то, что посеял.

– Почему так мрачно, мистер Квэнс? Квэнс надел очки. Прямо у подножья холмика, на котором он расположился, стоял Морли Скиннер.

– Не мрачно, молодой человек. Печально. Художник имеет особое право – даже обязанность – быть печальным. – Он отложил незаконченную картину в сторону и укрепил на мольберте чистый лист бумаги.

– Вполне, вполне с вами согласен. – Скиннер грузно поднялся к нему наверх. Его бледные карие глаза напоминали цветом прокисшие остатки пива в кружке. – Я,

знаете ли, просто хотел услышать ваше мнение об этом великом дне. Мы готовим специальный выпуск. Без нескольких слов от нашего старейшего жителя номер был бы не полным.

– Совершенно верно, мистер Скиннер. Вы можете написать следующее: «Мистер Аристотель Квэнс, наш ведущий художник, бонвиван и обожаемый друг, отклонил предоставленную ему возможность высказаться со страниц газеты, находясь в процессе создания очередного шедевра». – Он взял щепоть табака и громоподобно чихнул. Затем платком смахнул табачные крошки с сюртука и брызги слюны с бумаги на мольберте. – Желаю вам всего хорошего, сэр. – Он сосредоточился на белоснежном листе. – Вы мешаете совершиться бессмертному творению.

– Я в точности знаю все, что вы сейчас чувствуете, – сказал Скиннер с довольным кивком. – В точности. Я и сам чувствую то же самое, когда мне предстоит написать нечто значительное. – Он повернулся и тяжело двинулся дальше.

Квэнс не доверял Скиннеру. Ему никто не доверял. По крайней мере никто из тех, чье прошлое хранило какие-то тайны, а таких здесь было большинство. Скиннер любил вытаскивать всякую всячину из тьмы лет на свет божий.

Прошлое. Квэнс вспомнил о своей жене и весь передернулся. Смерть, гром и молния! Как я мог быть таким глупцом, чтобы поверить, будто это ирландское чудище способно стать достойной подругой жизни? Благодарение Господу, она вернулась в свое мерзкое ирландское болото и больше не омрачит чистого неба над моей головой. Женщины – источник всех бед и страданий, выпадающих на долю мужчины на этом свете. Ну, осторожно добавил он, пожалуй, все-таки не все из них. Уж никак не моя милая, дорогая Мария Тань. Ах, вот лакомый кусочек, или я ничего не понимаю в женщинах. А уж если кому и дано оценить, какое чудо получается, когда португальская кровь смешивается с китайской, то это тебе, славный, мудрый старина Квэнс. Черт побери, все-таки я прожил удивительную жизнь!..

И он вдруг отчетливо осознал, что, наблюдая закат одной эпохи, он одновременно становится и частью другой. Здесь сейчас открывается первая страница новой истории, очевидцем которой ему предстояло стать и которую его кисть была призвана запечатлеть. Появятся новые лица, которые он нарисует, новые корабли, которые он напишет. Новый город, который он увековечит в своих картинах. И новые девушки, за которыми можно будет приволокнуться, новые попки, которые можно будет ущипнуть.

– Печальным! Да никогда в жизни! – проревел он. – За работу, Аристотель, старый ты пердун!

Те из собравшихся на пляже, кто услышали последнее восклицание Квэнса, весело переглянулись. Старый художник был жутко популярен, и его компании искали многие. И все знали о водившейся за ним привычке разговаривать вслух с самим собой.

– Сегодняшний день был бы совсем не тот без доброго старого Аристотеля, – с улыбкой заметил Горацио Синклер.

– Да. – Вольфганг Маусс раздавил вошь в своей бороде. – Он так уродлив, что кажется мне почти красавчиком.

– Мистер Квэнс великий художник, – сказал Гордон Чен. – Следовательно, он прекрасен.

Маусс повернулся всем телом и в упор посмотрел на евразийца.

– Следует говорить «красив», мой мальчик. Неужели я так плохо учил тебя все эти годы, что ты не чувствуешь разницы между словами «прекрасный» и «красивый», а? И он не великий художник. Он пишет в отличном стиле, и он мой друг, но волшебства великого мастера у него нет.

– Я сказал «прекрасен» в художественном смысле, сэр.

Горацио заметил, как на лице Гордона Чена промелькнуло раздражение. Бедный Гордон, подумал он, от души жалея юношу. Чужой в равной степени и тому миру, и этому. Отчаянно пытающийся быть англичанином, но при этом не расстающийся со своим халатом и косичкой. Хотя все знали, что он сын Тай-Пэна, прижитый им от китайской наложницы, никто не признавал его открыто, даже отец.

– Я считаю, что его картины удивительны, – сказал Горацио, смягчая голос. – И сам он тоже. Странно, все его обожают, и все же мой отец презирал его.

– О, твой отец, – вздохнул Маусс. – Он был святым среди нас. Он сохранил в душе высокие христианские принципы, не то что мы, бедные грешники. Да упокоится душа его с миром.

Нет, подумал Горацио. Пусть душа его горит в аду во веки вечные. Преподобный Синклер прибыл и поселился в Макао с первой группой английских миссионеров тридцать с небольшим лет назад. Он помогал переводить Библию на китайский язык и был одним из учителей в английской школе, которую основала миссия. Всю жизнь его почитали как достойнейшего человека – исключение составлял лишь Тай-Пэн – и когда он умер семь лет назад, его похоронили как святого.

Горацио мог простить отцу, что тот раньше времени свел в могилу их мать, мог простить ему те «высокие принципы», которые превратили этого человека в злобного тирана с узким, ограниченным взглядом на жизнь, его фанатичную веру в Бога грозного и карающего, его одержимую приверженность своей миссионерской работе и все побои, которые он обрушивал на собственного сына. Но даже по прошествии всех этих лет Горацио не мог простить отцу то, как он избивал Мэри, и те проклятия, которые он неустанно призывал на голову Тай-Пэна.

Тай-Пэн был тем самым человеком, который подобрал маленькую Мэри, когда она, шестилетняя девочка, в ужасе убежала из дома. Он успокоил ее, а потом отвел домой к отцу и предупредил его, что если тот еще хоть пальцем дотронется до крошки, он прилюдно стащит его с проповеднической кафедры в церкви и будет гнать кнутом через все улицы Макао. С тех пор Горацио боготворил Тай-Пэна. Избиения прекратились, но отец был изобретателен на наказания. Бедная Мэри.

При мысли о Мэри сердце его забилось быстрее, и он посмотрел на флагманский корабль, ставший их временным пристанищем. Он знал, что она сейчас смотрит на берег и так же, как он, считает дни, оставшиеся до их благополучного возвращения в Макао. Всего лишь сорок миль отсюда на юг, но как далеко. В Макао Горацио прожил все свои двадцать шесть лет, за исключением того времени, что учился дома, в Англии. Школу он ненавидел – и дома, и в Макао. Он ненавидел уроки, которые проводил с ним отец. Горацио отчаянно старался удовлетворить его, но это ему не удавалось. В отличие от Гордона Чена, который был первым евразийским мальчиком, принятым в английскую школу Макао. Гордон Чен оказался блестящим учеником и неизменно заслуживал одобрение преподобного отца Синклера. Но Горацио не завидовал ему, у Гордона был свой мучитель – Маусс. За каждую порку, которую Горацио получал от отца, Маусс давал Гордону Чену три. Маусс тоже был миссионером, он преподавал английский, латынь и историю.

Горацио расправил нывшие от холода плечи. Он увидел, что Маусс и Гордон Чен опять не отрываясь смотрят на баркас, и в который раз спросил себя, почему Маусс так жестоко обходился с молодым человеком в школе, почему требовал от него столь многого. Он полагал, что причиной тому была ненависть, которую Вольфганг испытывал к Тай-Пэну. Ненависть, вызванная тем, что Тай-Пэн видел его насквозь и поэтому предложил ему деньги и место переводчика в контрабандных рейсах вдоль побережья, позволив за это распространять Библию на китайском языке и проповедовать язычникам на каждой стоянке – но только после того, как опиум будет продан. Горацио считал, чго Вольфганг презирает себя за лицемерие и за то, что участвует в таком зле. За то, что его заставили притворяться, будто цель

оправдывает средства, когда он знал, что это не так.

Странный ты человек, Вольфганг, думал он. Он вспомнил, как в прошлом году они вместе отправились на только что захваченный остров Цюшан. Лонгстафф с одобрения Тай-Пэна назначил туда Маусса временным магистратом для поддержания порядка на период военных действий и отправления британского правосудия.

Вопреки обычаю, на Цюшане были отданы строгие приказы, запрещавшие грабеж и насилие Маусс проводил над каждым мародером – китайцем, индусом, англичанином – честный открытый суд и затем приговаривал его к смерти, произнося при этом одни и те же слова: «Gott im Himmel[4], прими сию заблудшую душу. Повесить его». Вскоре грабежи прекратились.

Поскольку между повешениями Маусс любил предаваться в суде воспоминаниям, Горацио узнал, что тот был трижды женат, каждый раз на англичанке, что первые две жены скончались от дизентерии и нынешняя тоже часто болеет. Что, хотя Маусс был преданным мужем, дьявол по-прежнему и с неизменным успехом искушал его борделями и винными погребами Макао. Что Маусс выучил китайский у язычников в Сингапуре, куда был направлен еще совсем молодым миссионером. Что двадцать лет из своих сорока он прожил в Азии и за все это время ни разу не побывал дома. Что теперь он носил с собой пистолеты, потому что «никогда не угадаешь, Горацио, вдруг один из этих дьяволов-язычников захочет убить тебя, или эти богопротивные пираты позарятся на твое добро». Что всех людей он считал грешниками, и себя – первейшим среди них. И что его единственной целью в жизни осталось обращение язычников в истинную веру, дабы сделать Китай христианским государством.

– Чем это так занята твоя голова – Неожиданный вопрос прервал течение мыслей Горацио.

Он увидел, что Маусс внимательно смотрит на него.

– Нет, так, ничего, – поспешно ответил он – Я просто... просто размышлял. Маусс задумчиво поскреб бороду.

– Вот и я тоже. В такой день есть над чем поразмыслить, hein? Азия теперь уже никогда не будет прежней.

– Да Наверное, вы правы. Вы собираетесь уехать из Макао? Будете строиться здесь?

– Да. Куплю себе кусок земли – это будет хорошо. Нашей собственной земли, подальше от этой папистской выгребной ямы. Моей жене здесь понравится. Ну а мне? Даже не знаю Сердце мое там, – добавил Маусс голосом, полным тоски, и махнул огромным кулаком в сторону материка.

Горацио увидел, как глаза Маусса, устремленные вдаль, вдруг стали бездонными Почему Китай так завораживает людей, спросил он себя.

Он окинул усталым взглядом пляж, зная, что не найдет ответа на свой вопрос. О, если бы я был богат Пусть не так богаг, как Тай-Пэн или Брок, но все же достаточно, чтобы построить красивый дом, принимать у себя торговцев и устроить для Мэри роскошное путешествие домой через всю Европу.

Ему нравилось работать переводчиком при его превосходительстве, быть его доверенным секретарем, но денег, которые он получал на службе, ему не хватало. В этом мире без денег не прожить. У Мэри должны быть бальные платья и свои бриллианты. Обязательно Но, даже несмотря на скудное жалованье, он был рад, что ему не приходилось зарабатывать свой хлеб насущный так, как это делали Китайские торговцы. Торговцы должны быть безжалостными, слишком безжалостными, и жизнь

---

[4] Gott im Himmel – Господи на небесах (нем.).

их полна опасностей. Многие из тех. кто сейчас мнят себя богачами, останутся без гроша в кармане через какой-нибудь месяц. Один невернувшийся корабль, и все для вас может быть кончено. Даже «Благородный Дом» время от времени нес убытки. Их клипер «Багровое Облако» должен был вернуться еще месяц назад. Может быть, он попал в шторм, кое-как добрался до берега с дырой в корпусе и сейчас чинится и переоснащается на безвестном острове где-нибудь между Гонконгом и Землей Ван Димена[5], отклонившись от курса на две тысячи миль. Скорее же всего, он покоится на дне морском с грузом опиума на полмиллиона гиней в трюме.

А что человеку, если он торговец, приходится делать с людьми, даже с друзьями, чтобы просто выжить, не говоря уже о том, чтобы преуспевать. Чудовищно.

Он заметил, как Гордон Чен не отрываясь смотрит на баркас, словно прикованный к нему взглядом, и попытался угадать, о чем он думает. Это, должно быть, ужасно, когда в тебе течет кровь двух рас. Наверное, если уж говорить откровенно, Гордон тоже ненавидит Тай-Пэна, хотя и притворяется, что это не так. Я бы на его месте ненавидел...

Гордон Чен думал об опиуме. И мысленно благословлял его. Не будь опиума, не было бы и Гонконга, а Гонконг, с восторгом говорил он себе, это самая невероятная возможность делать деньги, которая когда-либо могла мне представиться И для Китая это большая удача, подлинный подарок йосса, о каком даже мечтать нельзя было.

Если бы не было опиума, продолжал он, не было бы торговли с Китаем. Если бы не было торговли с Китаем, у Тай-Пэна никогда не появилось бы столько денег, чтобы выкупить из «дома цветов» мою мать, и я бы никогда не родился на свет. Опиум дал отцу те деньги, на которые он много лет назад купил матери дом в Макао. Опиум кормит нас и одевает. Опиум позволил заплатить за мое обучение в школе, за моих английских наставников и китайских наставников – и вот на сегодняшний день я самый образованный молодой человек на всем Востоке.

Он взглянул на Горацио Синклера, который с хмурым видом смотрел вокруг себя, и почувствовал укол зависти от того, что Горацио ездил учиться домой. Сам он еще никогда не был дома.

Однако он тут же прогнал от себя это чувство. «Дом» придет позже, радостно пообещал он себе. Через несколько лег.

Он повернулся и вновь посмотрел на баркас, Тай-Пэна он боготворил. Он никогда не называл Струана «отец», и тот никогда не говорил ему «мой сын». В действительности за всю жизнь Струан разговаривал с ним раз двадцать или тридцать, не больше. Но Гордон старался, чтобы отец гордился им, и в мыслях своих всегда думал о нем как об «отце». Он не уставал благословлять его за то, что Струан продал его мать Чен Шеню, чтобы тот сделал ее своей третьей женой. Мой йосс поистине огромен, думал он.

Чен Шень являлся компрадором «Благородного Дома» и к Гордону Чену относился почти как к сыну. В качестве китайского посредника он покупал и продавал товары для Струана. Любой товар, крупный или мелкий, обязательно проходил через его руки. По обычаю, на каждый вид товара он набрасывал определенный процент. Эти деньги и составляли его личный доход. Но, поскольку доходы компрадора зависели от благосостояния компании, на которую он работал, и, кроме этого, ему приходилось оплачивать большие долги, он должен был проявлять в делах крайнюю осторожность и быть очень дальновидным, чтобы разбогатеть.

Ах, думал Гордон Чен, если бы я был так же богат, как Чен Шень! Или еще лучше, как Дзин-куа, дядя Чен Шеня. Он улыбнулся про себя, удивляясь, насколько

---

[5] Земля Ван Димена – старое название Тасмании.

трудно давались англичанам китайские имена. Настоящее имя Дзин-куа было Чен-це Цзин Арн, но даже Тай-Пэн, который знал Чен-це Цзин Арна почти тридцать лет, до сих пор не научился правильно выговаривать его имя. Поэтому однажды, много лет назад, Тай-Пэн дал ему прозвище «Дзин»; «куа», которое к нему обычно добавляли, являлось скверно произнесенным китайским словом, означавшим «господин».

Гордон Чен знал, что китайские купцы с легким сердцем принимали эти прозвища. Собственные исковерканные имена только веселили их, лишний раз доказывая, насколько далеки от культуры эти дикари из далекой Европы. Гордон вспомнил, как много лет назад, еще ребенком, он тайком наблюдал через дыру в ограде сада за Чен-це Цзин Арном и Чен Шенем, когда те курили опиум. Он слышал, как они смеялись над его превосходительством – мандарины Кантона дали Лонгстаффу прозвище «Грозный Пенис», обыграв на свой лад его имя[6], и иероглифы с этим значением использовались в адресуемых ему официальных посланиях больше года, пока Маусс не рассказал Лонгстаффу об этом, испортив замечательную шутку.

Он исподтишка взглянул на Маусса Гордон уважал его как твердого, не ведающего жалости учителя, и был благодарен ему за то, что тот заставил его стать лучшим учеником школы. И одновременно с этим презирал его за грязь, вонь и звериную жестокость.

Гордону Чену нравилась школа при миссии, нравилось учиться, сидеть в классе вместе с другими учениками. Но однажды он узнал, что он не такой, как остальные дети. Маусс поднял его и при всех объяснил значение слов «бастард», «незаконнорожденный» и «полукровка». Гордон тогда в ужасе убежал из школы. Дома он впервые взглянул на свою мать другими глазами и исполнился презрения к ней за то, что она китаянка.

Потом он узнал, глядя на нее сквозь еще не высохшие слезы, что быть китайцем даже наполовину – большое счастье, потому что китайцы – самая чистая раса на земле. И еще он узнал, что Тай-Пэн его отец.

– Но почему же тогда мы живем здесь? Почему «отец» – это Чен Шень?

– У варваров бывает только одна жена, и они не женятся на китаянках, сын мой, – объяснила ему Кай-сун.

– Почему?

– Такой у них обычай. Глупый обычай. Но так уж они устроены.

– Я ненавижу Тай-Пэна! Ненавижу! Ненавижу его! – вырвалось у мальчика.

Мать ударила его по лицу. Наотмашь. Раньше она никогда его не била.

– На колени! На колени и проси прощения! – гневно заговорила она. – Тай-Пэн твой отец. Он дал тебе жизнь. Он мой Бог. Он выкупил меня для себя, а потом облагодетельствовал, продав Чен Шеню как жену. С чего бы, ты думаешь, Чен Шень, который мог купить себе тысячу девственниц, стал брать в жены женщину с двухлетним сыном нечистой крови, когда бы Тай-Пэн не захотел так? Зачем бы Тай-Пэн стал тратить столько денег и покупать мне дом, если бы он не любил нас? И неужели ренту получала бы я, а не Чен Шень, если бы сам Тай-Пэн не распорядился так? Почему даже сейчас, когда мне столько лет, Чен Шень так хорошо относится ко мне, если не уважает неизменное расположение к нам Тай-Пэна? Отправляйся в храм и долгими поклонами вымоли себе прощение. Тай-Пэн дал тебе жизнь. Поэтому люби и почитай его, и благословляй его, как благословляю его я. И если ты еще хоть раз произнесешь такие слова, я навсегда отвернусь от тебя.

Гордон Чен мысленно улыбнулся. Как права была мать, и как ошибался я, каким был глупцом Но все же не таким, как наши мандарины и император, будь он проклят,

---

[6] Фамилия «Лонгстафф» состоит из двух счет и означает дословно «длинный жезл» (прим. перев.).

когда вздумали запретить торговлю опиумом. Любой дурак знает, что без нее у европейцев не будет серебра, чтобы платить за чай и шелка.

Однажды Гордон спросил у матери, откуда берется опиум, но она не смогла ему ответить, и никто в доме не смог. На следующий день он обратился с этим вопросом к Мауссу, и тот рассказал ему, что опиум это сок – «слезы», как он тогда выразился, – созревшей коробочки мака Опиумный плантатор делает на коробочке тонкий надрез, и из этого надреза сочится белая жидкость Через несколько часов «слеза» отвердевает и меняет цвет на темно-коричневый Тогда ее бережно соскребают и делают еще один аккуратный надрез. Потом соскребают новую каплю и делают следующий надрез. «Слезы» собирают вместе и скатывают в шар, десять фунтов – его обычный вес. Лучший опиум поступает из Бенгалии, это в Британской Индии, hein? Или из Мальвы. Где находится Мальва, мальчик?

– В Португальской Индии, сэр!

– Она когда-то была португальской, но теперь принадлежит Ост-Индской Компании. Компания завладела ею, чтобы ее мировая монополия на производство опиума стала полной, разорив тем самым португальских торговцев опиумом здесь, в Макао. Ты делаешь слишком много ошибок, мальчик, поэтому получай кнута, hein?

Гордон вспомнил, как он ненавидел опиум в тот день. Но сейчас он благословлял его. И благодарил свой йосс за отца и за Гонконг. Гонконг сделает его богатым. Очень богатым.

– Здесь, на этом острове, будут нажиты целые состояния, – произнес он вслух, обращаясь к Горацио.

– Некоторые торговцы действительно будут процветать, – рассеянно ответил Горацио, не сводя глаз с приближающегося баркаса. – Но весьма немногие. Торговля – дьявольски обманчивое дело.

– Одни только деньги на уме. Гордон, hein? – Голос Маусса звучал грубо. – Лучше бы ты почаще задумывался о своей бессмертной душе и о ее спасении, мальчик. Деньги значения не имеют.

– Конечно, сэр. – Гордон Чен скрыл снисходительную усмешку, до чего же глуп этот человек.

– Тай-Пэн выглядит как могущественный герцог, который пришел, чтобы принять королевство под свою руку, – заметил Горацио, словно разговаривая сам с собой.

Маусс обернулся и посмотрел на Струана:

– А разве это не так, hein?

Баркас достиг прибрежных бурунов.

– Суши весла! – прокричал боцман. Матросы выполнили команду, попрыгали за борт и с привычной сноровкой потащили баркас по мелководью.

Стоя на носу баркаса, Струан вдруг замер в нерешительности Затем спрыгнул. В тот момент, когда его сапоги коснулись песка на берегу, он почувствовал, что этот остров принесет ему смерть.

– Господи милосердный!

Робб был рядом и видел, как внезапно побледнел его брат.

– Что случилось, Дирк?

– Ничего. – Струан заставил себя улыбнуться. – Ничего, мой мальчик. – Он отер со лба соленые брызги и пошел по пляжу к флагштоку. Клянусь кровью Христовой, думал он, столько лет я трудился, чтобы заполучить тебя. Остров, и теперь тебе со мной не сладить. Нет, клянусь Богом.

Робб смотрел ему вслед, отмечая его легкую хромоту. Нога, должно быть, постоянно причиняет ему боль, подумал он. Он попробовал представить себе, что испытывает человек, у которого осталось чуть больше половины стопы. Это случилось во время того единственного контрабандного рейса, в котором он

участвовал. Спасая жизнь Роббу, беспомощному и парализованному страхом, Струану пришлось отбиваться сразу от нескольких пиратов. Мушкетная пуля оторвала ему два пальца и наружную часть стопы. Когда нападение было отбито, корабельный врач прижег рану и залил ее горячей смолой. Робба до сих пор преследовал запах горелого мяса. Если бы не я, подумал он, ничего этого бы не произошло.

Он последовал за Струаном, снедаемый отвращением к самому себе.

– Доброе утро, джентльмены, – произнес Струан, подходя к нескольким торговцам, стоявшим у флагштока. – Прекрасный денек сегодня, клянусь Создателем.

– Холодно, Дирк, – ответил Брок. – И это прямо страсть как учтиво с твоей стороны, что ты так поторопился.

– Я приехал рано. Его превосходительство все еще на корабле, и сигнального выстрела я пока тоже не слышал.

– Видно, ты и в самом деле спешил. Правда, при этом опоздал на полтора часа, а заодно и обделал все свои делишки с этим малахольным лакеем, чтоб мне провалиться.

– Я буду благодарен вам, мистер Брок, если вы воздержитесь от подобных выражений, говоря о его превосходительстве, – отрывисто произнес капитан Глессинг.

– А я буду благодарен вам, если вы оставите свое мнение при себе. Я не служу во флоте, и вы мне не указ. – Брок смачно сплюнул. – Лучше тревожьтесь о тех войнах, где за победу не приходится драться.

Рука Глессинга сжалась на рукоятке сабли.

– Никогда не думал, что доживу до того дня, когда королевский флот будет призван защищать контрабандистов и пиратов, которыми вы все являетесь. – Он посмотрел на Струана. – Все до единого.

Сразу наступило молчание. Струан засмеялся.

– Его превосходительство придерживается другого мнения на этот счет.

– У нас есть акты парламента, клянусь Богом, навигационные акты. Один из них гласит: «Любое судно, несущее вооружение без специального на то разрешения, может быть захвачено как приз военным флотом любой державы». У ваших кораблей есть такое разрешение?

– В этих водах полно пиратов, капитан Глессинг, как вам известно, – небрежно заметил Струан. – Мы вооружаемся в такой степени, в какой это необходимо, чтобы защитить себя. Ни больше, ни меньше.

– Торговля опиумом противозаконна. Сколько тысяч ящиков вы продали на побережье Китая вопреки законам, китайским и всего человечества? Три тысячи? Двадцать тысяч?

– То, чем мы здесь занимаемся, известно любому судье в Англии.

– Ваша «торговля» бросает пятно на наш флаг.

– Возблагодарите-ка лучше Бога за эту торговлю, потому что без нее в Англии не будет ни чая, ни шелка, а только одна всеобщая нищета, которая вырвет самое сердце ее.

– Верно сказано, Дирк, – поддержал его Брок и опять повернулся к Глессингу. – Лучше вам раз и навсегда усвоить, что без торговли не будет никакой Британской империи. И налогов не будет, чтобы покупать порох и строить военные корабли. – Он окинул взглядом безупречно аккуратную форму Глессинга, белые чулки, белые панталоны, туфли с пряжками и треуголку. – И ни фартинга не найдется, чтобы одевать красавчиков, которые ими командуют.

Морские пехотинцы поморщились при этих словах, а кое-кто из матросов рассмеялся, правда с большой осторожностью.

– Это вы должны Бога благодарить за королевский флот, клянусь честью. Не будь его, вам некуда было бы сунуться со своей торговлей.

С флагмана прогремел сигнальный выстрел. Не договорив фразу до конца, Глессинг круто повернулся и зашагал к флагштоку.

– На караул!

Он развернул постановление. На берегу воцарилась полная тишина. Глессинг помолчал некоторое время, ожидая, пока уляжется его гнев, потом начал читать:

«По указу его превосходительства достопочтенного Уильяма Лонгсгаффа, Ее Британского Величества королевы Виктории капитан-суперинтенданта торговли в Китае. В соответствии с документом, известным как договор Чуэн-пи, подписанным 20 января сего года его превосходительством – от имени правительства Ее Величества и его превосходительством Ти-сеном, полномочным представителем Его Величества Тао Куаня, императора Китая, я, капитан королевского флота Глессинг настоящим вступаю во владение сим островом Гонконг от имени Ее Британского Величества, ее наследников и правопреемников навечно и безоговорочно в день сей, 26 января, в год 1841 от Рождества Христова. Земля сего острова – отныне английская земля Боже, храни королеву!»

«Юнион Джек» взлетел на верхушку флагштока и гордо заплескался там; почетный караул морских пехотинцев салютовал из ружей Затем загрохотали пушки всею флота, и ветер наполнился запахом пороха. Собравшиеся на берегу трижды прокричали здравицу в честь королевы.

Ну вот, подумал Струан, дело сделано. Теперь назад пути нет. Теперь мы можем начинать. Он отошел от группы торговцев и спустился к воде. Здесь он в первый раз повернулся к острову спиной и устремил взор по ту сторону огромной гавани, туда, где. в тысяче шагов от него, лежал материковый Китай.

Полуостров, своим острым концом врезавшийся в бухту, которая кольцом огибала его, был низменным, с девятью приземистыми холмами. Он назывался Цзюлун – торговцы произносили «кулун» – что означало «девять драконов». К северу от него лежали бескрайние неизведанные земли Китая.

Струан прочел все книги, написанные в разное время тремя европейцами, которым удалось побывать в Китае и вернуться обратно: Марко Поло, почти шесть столетий назад, и двумя католическими священниками, которым было позволено посетить Пекин в середине XVII века. Из этих книг он не почерпнул почти ничего.

Последние двести лет европейцам не разрешалось путешествовать по Китаю. Однажды Струан вопреки существующему закону углубился на милю внутрь страны, когда продавал опиум на побережье недалеко от Сучжоу. Но китайцы повели себя враждебно, а с ним не было никого, кроме его первого помощника. Однако не враждебность заставила его повернуть назад. Лишь неисчислимость людских толп и неоглядность земель.

Кровь Христова, думал он. Ведь мы же абсолютно ничего не знаем о самой древней и многочисленной нации на земле, что кроется там внутри?

– Лонгстафф собирается прибыть на берег? – спросил Робб, подходя к нему.

– Нет, Робби, мой мальчик. У его превосходительства есть дела поважнее.

– Какие это?

– Ну, скажем, чтение и составление донесений. И заключение тайных договоренностей с адмиралом.

– Зачем?

– Затем, чтобы поставить торговлю опиумом вне закона. Робб рассмеялся.

– Я вовсе не шучу. Как раз по этому поводу он сегодня и хотел меня видеть. Меня и адмирала. Он собирался спросить моего совета, когда ему лучше отдать приказ. Адмирал заверил нас, что флоту не составит труда проследить за его неукоснительным выполнением.

– Боже милостивый! Лонгстафф что, сумасшедший?

– Нет Он всего лишь простоват. – Струан закурил сигару. – Я посоветовал ему обнародовать приказ, когда пробьет четыре склянки.

– Это безумие! – воскликнул Робб.

– Это очень мудрый ход. Они договорились, что флот не должен ни во что вмешиваться в течение недели, «чтобы дать Китайским торговцам время избавиться от своих запасов».

– Но что прикажете делать потом? Без опиума нам конец. Всей Китайской торговле конец. Бесповоротный.

– Сколько у нас есть наличными, Робб? Робб огляделся, убедился, что поблизости никого нет, и заговорил, понизив голос:

– У нас есть серебро в Шотландии. Миллион сто тысяч фунтов стерлингов в нашем банке в Лондоне. Около ста тысяч серебром здесь. Нам должны три миллиона за конфискованный опиум. На «Багровом Облаке» опиума на двести тысяч фунтов по сегодняшним рыночным ценам. Потом...

– «Багровое Облако» можешь вычеркнуть, приятель. Мы его потеряли.

– Надежда пока остается, Дирк. Давай дадим им еще месяц. На складах у нас опиума еще на сто тысяч. Мы должны девятьсот тысяч по срочным траттам.

– Во что нам обойдется содержание компании в следующие полгода?

– Ста тысяч должно хватить на корабли, выплату жалованья и мзду китайцам.

Струан на мгновение задумался.

– К завтрашнему дню среди торговцев поднимется паника. Ни один из них, исключая, пожалуй, Брока, не в состоянии сбыть весь свой опиум за неделю. Позаботься о том, чтобы весь наш опиум сегодня же был переправлен на берег. Я думаю...

– Лонгстаффу придется отменить приказ, – с растущей тревогой заговорил Робб. – У него просто нет иною выхода. Он разорит казну и...

– Может быть, ты все-таки выслушаешь меня? Завтра, когда начнется паника, собери каждый тэйл, который у нас есть, и каждый тэйл, который ты сможешь занять, и начинай скупать опиум. Ты должен суметь приобрести его по десять центов за доллар.

– Нам и свой-то не успеть продать за неделю, не говоря уже о чужом.

Струан стряхнул пепел с сигары.

– За день до того, как закон должен будет вступить в силу, Лонгстафф его отменит.

– Не понимаю.

– Все дело в том, чтобы сохранить свое лицо, Робб. Когда адмирал откланялся, я объяснил Лонгстаффу, что запрет на опиум подорвет всю торговлю с Китаем. Черт меня побери, сколько раз ему нужно это объяснять! Затем я указал, что если он отменит свой приказ сейчас же, то потеряет лицо и заставит адмирала – человека порядочного и благонамеренного, но совершенно не разбирающегося в коммерции – потерять свое. Единственное, что остается, это отдать приказ, как было условлено, а затем, сохраняя адмиралу – а заодно и себе – лицо и место, отменить его. Я пообещал тем временем растолковать адмиралу все тонкости здешней торговли. Кроме этого, через три дня назначена еще одна встреча с Ти-сеном, а такой приказ не может не заслужить одобрения китайцев и, следовательно, поставит их в невыгодное положение на переговорах. Лонгстафф целиком со мной согласился и попросил держать все это в секрете.

Лицо Робба просветлело.

– Ах, Тай-Пэн, где еще найти такого человека, как ты! Но кто может гарантировать, что Лонгстафф отменит свое распоряжение?

В кармане Струана лежал подписанный указ, датированный шестым днем,

считая от сегодняшнего, который отменял запрет на торговлю опиумом. Лонгстафф буквально силой всунул эту бумагу ему в руки. «Вот, Дирк, возьми лучше сейчас, тогда я не забуду его вовремя подписать. Черт возьми! Вся эта бумажная волокита... ну, ты понимаешь, – ужасно. Но лучше до поры никому его не показывать».

– Неужели ты не отменил бы такое глупое распоряжение, Робби?

– Да, да, конечно. – Робб был готов расцеловать брата. – Если у нас шесть дней, и никто ничего не знает наверняка, мы заработаем целое состояние.

– Именно. – Взгляд Струана заскользил по гавани. Он обнаружил ее лет двадцать с небольшим тому назад. Тайфун краем зацепил его корабль в открытом море, и, хотя он успел приготовиться к шторму, ему не удалось вырваться, и ураган неумолимо увлекал их к берегу. Они шли под одними снастями, тяжело продвигаясь вперед. Полуденное небо и горизонт были неразличимы за чудовищными пластами воды, которые Повелители Ветров срывали с поверхности океана и швыряли на них. Потом, уже совсем недалеко от берега, цепи штормовых якорей полопались в этом аду, и Струан понял, что корабль обречен. Море подхватило их и бросило на прибрежные скалы. Каким-то чудом порыв ветра изменил их курс на долю градуса, и, миновав скалы, они очутились в узком, шириной каких-нибудь триста ярдов, проливе, не указанном ни на одной карте. Этот пролив образовывала с материком восточная оконечность Гонконга – в конце его их ждала спасительная гавань.

Тот тайфун вывел из строя большую часть торгового флота в Макао и потопил десятки тысяч джонок по всему побережью. Но корабль Струана и джонки, прятавшиеся в гавани Гонконга, переждали его безо всякого для себя ущерба. Когда шторм утих, Струан проплыл вокруг острова, чтобы нанести его на карту. Затем отложил эту информацию в своей голове и начал строить тайные планы.

И вот теперь, Остров, когда ты наш, теперь я могу уехать, думал он, чувствуя, как на него накатывается теплая волна радостного возбуждения. Теперь – парламент.

Прошло уже много лет с тех пор, как Струан понял, что единственный инструмент, с помощью которого он сможет защитить «Благородный Дом» и новую колонию Империи, находится в Лондоне. Подлинным средоточием власти на земле был британский парламент. Став его членом, опираясь на ту власть, которую дадут ему несметные богатства «Благородного Дома», он сумеет подчинить себе управление политикой Империи в Азии, как сейчас подчинил себе Лонгстаффа. Да.

Несколько тысяч фунтов посадят тебя на парламентскую скамью, размышлял Струан. Хватит добиваться своего через других. Отныне ты будешь в состоянии делать это сам. Да, наконец-то время пришло, дружище. Пройдет два-три года, и ты получишь дворянский титул. Затем – Кабинет. А затем... Затем, клянусь Богом, ты определишь курс, которым Империя, Азия, «Благородный Дом» будут следовать тысячу лет.

Робб молча наблюдал за ним. Он знал, что брат забыл о его существовании, но это его нисколько не обижало. Он любил наблюдать за Струаном в те минуты, когда мысли его уносились далеко-далеко. Когда черты лица Тай-Пэна теряли свою жесткость и ледяная изумрудная зелень таяла в его глазах. Когда его голову заполняли мечты, которые, как Робб понимал, ему никогда не суждено разделить со старшим братом. В такие моменты Робб чувствовал свою близость к нему, и душу его обнимал покой. Молчание нарушил Струан:

– Через шесть месяцев ты займешь, мое место, станешь Тай-Пэном.

Робб почувствовал, как его желудок сжался в тугой комок.

– Нет. Я не готов, – ответил он, отчаянно борясь с охватившей его паникой.

– Готов. Только в парламенте я смогу защитить и нас, и Гонконг.

– Это верно, – согласился Робб. Потом добавил, стараясь, чтобы его голос звучал ровно: – Но мы решили, что это произойдет позже – через два-три года. Пока

слишком многое необходимо сделать здесь.

– Ты сам справишься со всем этим.

– Нет.

– Справишься. И Сара ни на секунду в этом не усомнится, Робб.

Робб взглянул на «Отдыхающее Облако» – их плавучий склад, где временно жили его жена и дети. Он знал, что Сара в их семье честолюбива за двоих.

– Но я пока не хочу. Времени впереди достаточно.

Струан подумал о Времени. Он не жалел о годах, проведенных на Востоке, вдали от дома. Вдали от жены Рональды и Кулума, Йэна, Лечи, Винифред – его детей. Он был бы рад, если бы они были здесь, рядом с ним, но Рональда всей душой ненавидела Восток. Они поженились в Шотландии, когда ему исполнилось двадцать, а Рональде – шестнадцать, и сразу же после свадьбы отплыли в Макао. Их первенец, мальчик, умер при рождении, а когда на следующий год родился их второй сын, Кулум, он тоже стал часто болеть. Тогда Струан отослал семью домой. Раз в каждые три-четыре года он брал отпуск и возвращался к ним. Месяц-другой в Глазго, в кругу семьи, а потом – назад, на Восток, потому что здесь его ждали дела, ждал «Благородный Дом», который он должен был построить и возвеличить.

Ни о едином дне я не жалею, говорил он себе. Ни о едином. Человек должен идти в этот мир, чтобы взять от него все, что возможно, отдавая при этом и себя без остатка. Разве не в этом заключается смысл жизни? Даже если Рональда – чудесная жена и я люблю своих детей, мужчина все равно Должен делать то, к чему призван судьбой. Разве не для этого мы рождаемся на свет? Если бы лорд всех Струанов не отнял у клана землю, не огородил ее и не прогнал нас – нас, своих родственников, которые из поколения в поколение трудились на этой земле, – я, наверное, стал бы фермером, как фермером был до меня мой отец. Да, и до конца дней своих был бы доволен своей долей. Но лорд отослал нас в зловонные трущобы Глазго и забрал все наши земли себе, чтобы стать графом Струаном, и разрушил клан. А мы умирали там с голоду, и я отправился в море, и йосс был благосклонен к нам, и вот теперь наша семья живет в полном достатке. Вся до последнего человека. Потому что я ушел в море. И потому, что «Благородный Дом» из мечты превратился в реальность.

Струан быстро усвоил ту истину, что деньги прежде всего дают человеку власть. И он намеревался использовать свою власть, чтобы уничтожить графа Струана и выкупить часть земель клана. Нет, он ни о чем не жалел в своей жизни Он открыл для себя Китай, и Китай дал ему то, чего никогда не могла бы дать ему родина. Не просто богатство – богатство само по себе отвратительно. Но богатство и цель, которой оно служит. Он чувствовал себя в долгу перед Китаем.

И Струан знал, что, хотя он отправится домой, станет членом парламента, войдет в кабинет министров, отомстит графу и сделает Гонконг немеркнущим украшением британской короны, он обязательно вернется сюда. Потому что достижение конечной цели – ее он держал в тайне от всех и даже самому себе не позволял слишком часто о ней думать – потребует многих и многих лет.

– Времени никогда не бывает достаточно. – Он посмотрел на самую высокую гору острова. – Мы назовем ее Пик, – рассеянно произнес он, и вновь у него появилось это странное, неожиданное ощущение, что остров ненавидит его и желает ему смерти. Он вдыхал эту ненависть, разлитую в самом воздухе острова, и ошеломленно спрашивал себя: почему?

– Через шесть месяцев ты начнешь управлять «Благородным Домом», – хрипло повторил он.

– Я не смогу. Один – нет.

– Тай-Пэн всегда один. В этом заключается вся радость и боль его жизни. – Через плечо Робба он увидел приближающегося к ним боцмана. – Да, мистер Маккей?

– Прошу прощения, сэр. Прикажете выкатывать бочонки? – Маккей был невысок ростом, крепко сбит, его волосы были затянуты сзади в короткую прокопченную косичку, напоминавшую крысиный хвост.

– Да Всем матросам – по двойной чарке. Устанавливайте все, как договорились.

– Есть, так точно, сэр-р. – Маккей заспешил прочь.

Струан повернулся к Роббу, и Робб уже не мог видеть ничего, кроме этих странных глаз, струивших на него свой зеленый свет.

– В конце года я пришлю тебе Кулума. К тому времени он уже закончит учебу в университете. Иэн и Лечи пойдут в море, потом присоединятся к вам А там и твой Родди подрастет. Благодарение Богу, у нас достаточно сыновей, которые продолжат наше дело. Выбери одного из них, который придет на смену тебе. Тай-Пэн обязательно должен сам выбирать, кто его сменит и когда. – Тут он, словно подводя итог разговору, решительно повернулся спиной к гавани и сказал: – Шесть месяцев!

Струан ушел. Робб смотрел вслед брату, чувствуя прилив ненависти к нему, к себе, к этому острову. Он знал, что как Тай-Пэн он не оправдает ничьих надежд.

– Не хотите ли выпить с нами, джентльмены? – обратился Струан к торговцам. – Тост за наш новый дом? Есть бренди, ром, пиво, сак[7], виски и шампанское. – Он указал рукой на баркас, из которого его люди выгружали на берег бочонки Несколько матросов уже водружали столы. Другие, пошатываясь под тяжестью корзин, подносили холодное жареное мясо: цыплят, окорока, два десятка молочных поросят, говяжий бок, а также буханки хлеба, холодные пироги с солониной, чаны с холодной капустой, тушенной со свиным салом, три-четыре десятка копченых окороков, гроздья бананов из Кантона, пироги с сушеными фруктами, хрустальные бокалы и оловянные кружки и даже ведерки со льдом для шампанского, который лорки и клиперы компании доставили с севера. – Приготовлен завтрак для всех, кто проголодался.

Его слова были встречены одобрительным хором голосов, и торговцы начали собираться у столов. Когда у каждого в руке оказался наполненный бокал или кружка, Струан поднял свой бокал с бренди: – Тост, джентльмены!

– Я выпью с тобой, но не за этот растреклятый обломок скалы. Я выпью за твой скорейший конец, – сказал Брок, поднимая кружку с элем. – Хотя, подумав дважды, я, пожалуй, выпью и за твой чертов голыш. И дам ему имя: «Струанова Дурь».

– Да, остров невелик, – спокойно ответил Струан. – Но на нем хватит места и Струану, и остальным Китайским торговцам. Вот достаточно ли он вместителен для Струана и Брока – судить не берусь.

– А я тебе вот что скажу, Дирк-старина, вдвоем мы не поместимся даже во всем Китае. – Брок осушил кружку, швырнул ее в сторону и направился к своему баркасу. Некоторые из торговцев последовали за ним.

– Честное слово, манеры у него преотвратные, – высокомерно поморщившись, заметил Квэнс. Затем он воскликнул среди общего хохота: – Ну же, Тай-Пэн, тост! Мистера Квэнса одолевает жажда бессмертных! Пусть вершится история.

– Извините меня, мистер Струан, – заговорил Горацио Синклер. – Прежде чем будет произнесен первый тост, не покажется ли вам уместным возблагодарить Господа нашего за те милости, которые он явил нам сегодня?

– Ну конечно, дружок. Как глупо было с моей стороны забыть об этом. Не согласишься ли ты сам прочесть молитву?

– Здесь присутствует преподобный Маусс, сэр.

Струан заколебался, предложение Синклера застало его врасплох. Он внимательно посмотрел на молодого человека, с удовольствием отметил глубокий

---

[7] Сак – группа сухих вин, импортировавшихся из Испании и с Канарских островов.

юмор, притаившийся на самом дне светло-серых глаз, и громко объявил:

– Преподобный Маусс, где вы? Давайте помолимся.

Внушительная фигура Маусса выросла над рядами торговцев. Нетвердо ступая, он двинулся к голове стола и поставил на край свой пустой бокал, притворившись, что так и не успел его наполнить. Все присутствующие сняли шляпы и с непокрытыми головами замерли в ожидании на холодном ветру.

На берегу стало тихо. Струан поднял глаза на возвышение у подножья горы, где будет стоять кирка. Внутренним взором он увидел эту кирку и весь город с его причалами и лабазами, домами и садами. Он увидел Большой Дом, где Тай-Пэн из поколения в поколение будет держать свой двор. Дома для других владельцев компании и их семей. И их любовниц. Он подумал о своей теперешней наложнице Т'чунг Йен Мэй-мэй. Струан купил Мэй-мэй пять лет назад, когда ей только-только исполнилось пятнадцать и мужчина еще не касался ее.

Хей-йа, радостно сказал он самому себе, воспользовавшись одним из ее кантонских восклицаний, которое в зависимости от интонации могло выражать удовольствие, злость, отвращение, беспредельное счастье или полную беспомощность. Поистине, это не женщина, а дикая кошка, с нежностью подумал он.

– Милостивый Боже диких ветров, и прибоя, и любви во всей ее красоте, Бог великих кораблей, и Северной Звезды, и красоты родного дома, Бог и Отец младенца Христа, воззри на нас и смилуйся над нами. – Маусс, закрыв глаза, воздел руки. Его голос звучал проникновенно, вечная, неизбывная тоска поднялась из глубин его души и овладела всем его существом. – Мы – сыновья человеческие, и наши отцы тревожились за нас, как Ты тревожился за своего благословенного сына Иисуса. Распяты святые на земле, и множатся грешники. Мы смотрим на великолепие цветка и не зрим Тебя. Мы сносим гнев Повелителей Ветров и не знаем Тебя. Мы бороздим грудь могучего океана и не чувствуем Тебя. Мы возделываем землю и не касаемся Тебя. Мы едим и пьем, и нет вкуса Твоего на губах наших. Все это Ты, и многое другое – тоже Ты. Ты – это жизнь и смерть, удача и неуспех. Ты Бог, а мы люди...

Он замолчал с искаженным лицом, пытаясь преодолеть душевную муку. О, Боже, прости мне прегрешения мои. Позволь мне искупить слабость мою обращением язычников. Позволь стать мучеником за Твое Святое Дело. Обрати меня из того, что я есть, в то, чем я был когда-то...

Но Вольфганг Маусс знал, что к прошлому нет возврата, что с того момента, как он поступил на службу у Струану, благодать навеет да оставила его и плотские желания завладели им и держали в своей власти крепче, чем болотная трясина. Конечно, Боже, я сделал то, что должен был сделать, думал он. Для меня не было и нет иного способа попасть в Китай.

Он открыл глаза и беспомощно огляделся вокруг.

– Извините. Простите меня. Я утратил верные слова. Я вижу их – великие слова, которые откроют вам Господа, как некогда Он был открыт мне, но уста мои навсегда онемели для этих слов. Простите меня. Господи, благослови этот остров. Аминь.

Струан взял полный бокал виски и протянул его Мауссу.

– Я думаю, ты сказал очень хорошо. Тост, джентльмены! За королеву!

Они выпили, и когда бокалы опустели, Струан распорядился наполнить их снова.

– С вашего позволения, капитан Глессинг, я бы хотел предложить вашим людям выпить с нами. И вам, конечно. Тост за новое владение королевы. Сегодня вы вошли в историю. – Он повернулся к торговцам и воскликнул: – Мы должны почтить нашего капитана. Давайте назовем этот пляж мысом Глессинга!

Предложение было встречено одобрительным ревом.

– Давать название острову или любой его части – прерогатива верховного командования, – заметил Глессинг.

– Я упомяну об этом его превосходительству. Глессинг отрывисто кивнул и рявкнул главному старшине корабельной полиции:

– Матросам по чарке, поздравление от торгового дома «Струан и компания». Морским пехотинцам воздержаться. Вольно стоять.

Несмотря на то, что Струан бесил его, Глессинг не мог сдержать восторга при мысли, что пока существует колония Гонконг, его имя будут помнить. Ибо Струан никогда не бросал слов на ветер.

Следующий гост был поднят за Гонконг и встречен тройным «ура». Затем Струан кивнул волынщику, и над пляжем поплыл скерл клана Струан.

Робб не выпил ни капли. Струан пригубил бокал с бренди и начал пробираться сквозь толпу гостей, здороваясь с теми, с кем хотел поздороваться, и кивая остальным.

– Ты не пьешь, Гордон?

– Нет, благодарю вас, мистер Струан. – Юноша поклонился по-китайски, гордясь тем, что его заметили.

– Как идут твои дела?

– Очень хорошо, благодарю вас, сэр.

Мальчик уже вырос в молодого мужчину, подумал Струан. Сколько ему теперь? Девятнадцать. Время бежит так быстро.

Он с теплотой вспомнил Кай-сун, мать мальчика. Она была его первой наложницей, и самой красивой. Хей-йа, она многому тебя научила.

– Как поживает твоя мать? – спросил он.

– Она чувствует себя очень хорошо, – улыбнулся Гордон. – Она была бы рада передать со мной свои молитвы о вашем благополучии. Каждый месяц она зажигает в храме благовонные палочки, чтобы йосс был благосклонен к вам.

Интересно, спрашивал себя Струан, как она теперь выглядит. Он не видел ее семнадцать лет. Но лицо ее помнил очень отчетливо.

– Передай ей мои наилучшие пожелания.

– Это будет очень большая честь для нее, мистер Струан.

– Чен Шень говорит мне, что ты много и прилежно работаешь и очень полезен ему.

– Он слишком добр ко мне, сэр.

Чен Шень никогда не бывал добр к тому, кто не отрабатывал свой хлеб сторицей. Чен Шень – старый вор, подумал Струан, но, клянусь Господом, без него мы бы пропали.

– Что ж, – сказал он вслух, – ты не мог бы пожелать себе лучшего учителя, чем Чен Шень. В следующие несколько месяцев нам предстоит много работы. Можно будет получить хорошие комиссионные.

– Я надеюсь быть полезным «Благородному Дому», сэр.

Струан почувствовал, что его сын хочет сказать ему что-то важное, но лишь благожелательно кивнул и отошел, зная, что Гордон найдет способ поговорить с ним, когда придет время.

Гордон Чен поклонился и, помедлив несколько секунд, направился к одному из столов, и вежливо подождал поодаль, пока для него не освободится место. Он чувствовал на себе изумленные взгляды, но не обращал на них внимания... пока Струан оставался Тай-Пэном, он был в полной безопасности.

Купцы и матросы, собравшиеся на пляже, руками разрывали цыплят и молочных поросят и набивали рты мясом; жирный сок стекал по их подбородкам. Настоящая банда дикарей, подумал Гордон и возблагодарил свой йосс за то, что его воспитали как китайца, а не как европейца.

Да, продолжал он беседовать сам с собой, мой йосс огромен. Несколько лет назад йосс привел к нему его китайского Наставника. Он никому не рассказывал об

этом человеке, даже матери. От него он узнал, что не все, о чем проповедовали преподобные Синклер и Маусс, обязательно истина. Он узнал о Будде, о Китае и его прошлом. И о том, как отплатить за жизнь, дарованную ему свыше, использовав ее во славу родной страны. И, наконец, в прошлом году Наставник посвятил его в члены самого могущественного и воинственного изо всех тайных обществ Китая – Хун Мун Тонга. Это общество, распространившееся по всей стране, было законспирировано, как ни одно другое. Его членов связывали между собой самые священные клятвы кровного братства. Его целью являлось свержение ненавистных маньчжуров – чужеродной династии Цин, которая правила Китаем.

Вот уже двести лет под разными названиями и в разных обличиях это общество сеяло в народе зерна неповиновения. Во всех уголках Китайской империи – от Тибета до Формозы, от Монголии до Индокитая – постоянно вспыхивали восстания. Где бы ни начинался голод, ни усиливался гнет или недовольство, Хун Мун объединял крестьян против императора и его мандаринов. Все выступления заканчивались поражением, и войска императора с неимоверной жестокостью расправлялись с восставшими. Но тайное братство продолжало существовать.

Гордон Чен понимал, что ему, китайцу лишь наполовину, оказали немалую честь, признав достойным вступления в братство Хун Мун. Смерть Цинам! Он благодарил свой йосс за то, что родился именно в этот период истории, именно в этой части Китая и с таким отцом, потому что сознавал: Китай почти созрел для всенародного восстания.

И он благословлял Тай-Пэна, ибо тот преподнес Хун Муну жемчужину, не имеющую цены, – Гонконг. Наконец-то после стольких лет у братства появилось надежное убежище, где его не настигнет рука мандаринов, и днем и ночью пытающихся напасть на его след. Гонконгом будут управлять сами варвары, и здесь, на этом маленьком диком островке, общество наберет силу. С Гонконга, своего нового безопасного лагеря, они станут тайком проникать на материк, не давая покоя Цинам, пока не наступит Священный День. И если йосс, думал он, если йосс будет ко мне благосклонен, я сумею воспользоваться могуществом «Благородного Дома» на благо нашего дела.

– Убирайся отсюда, чертов язычник!

Гордон Чен вздрогнул и поднял глаза. Крепкий, коренастый матрос смотрел на него горящими глазами. В руке он держал ногу молочного поросенка, от которой отрывал большие куски своими сломанными зубами.

– Катись отсюда, или я намотаю твою косичку на твою же вонючую шею!

Боцман Маккей торопливо подошел к ним и отшвырнул матроса в сторону.

– Придержи язык, Рамсей, чертово ты отродье. Не сердитесь, мистер Чен, он вполне безобидный малый.

– Да. Благодарю вас, мистер Маккей.

– Хотите перекусить? – Маккей коротким движением вонзил свой нож в цыпленка, поднял его и предложил молодому человеку.

Гордон Чен аккуратно отломил кончик крылышка, ужасаясь про себя варварским манерам боцмана.

– Спасибо.

– И это все?

– Да. Это самая вкусная часть. – Чен поклонился. – Благодарю вас еще раз. – Он отошел. Маккей направился к матросу.

– С тобой все в порядке, приятель?

– Мне следовало бы насадить на нож твое гнилое сердце. Эта обезьяна что, твоя китайская милашка?

– Говори тише, парень. Этого китайца нужно оставить в покое. Если тебе так уж хочется связываться с языческими ублюдками, вокруг полно других. Но этого не

трогай, клянусь Всевышним. Он – сын Тай-Пэна, вот так-то.

– Тогда почему же он не носит этот чертов знак... или не обрежет свои чертовы волосы? – Рамсей понизил голос и осклабился: – Хе, говорят, они совсем другие, эти китайские милашки. Устроены не по-нашему.

– Не знаю. Я к этому отребью и близко не подойду. В Макао полным-полно белых девочек, на наш век хватит.

Струан рассматривал сампан, стоящий на якоре недалеко от берега. Это была небольшая лодка с уютной кабиной, устроенной из тонких пальмовых циновок, натянутых на бамбуковые дуги. Рыбак и его семья были танка, речные люди, которые всю жизнь проводили на плаву и редко, если вообще когда-либо, высаживались на берег. Струан разглядел в сампане четверых взрослых и восемь человек детей. Некоторые из ребятишек были привязаны к лодке веревкой, закрепленной у них на поясе. Это, скорее всего, сыновья, отметил он про себя. Дочерей не привязывают, потому что дочери никому не нужны.

– Как вы думаете, когда мы сможем вернуться в Макао, мистер Струан?

Он обернулся и приветливо улыбнулся Горацио.

– Надо полагать, завтра, мой мальчик. Однако, я думаю, ты понадобишься его превосходительству для еще одной встречи с Ти-сеном. Нужно будет потом перевести кое-какие документы.

– Когда состоится встреча?

– Через три дня, если не ошибаюсь.

– Если один из ваших кораблей пойдет в Макао, может быть, вы распорядитесь, чтобы он захватил мою сестру. Бедняжка Мэри уже два месяца не ступала по твердой земле.

– С радостью. – Интересно, что сделает Горацио, спросил себя Струан, когда узнает про Мэри. Сам он узнал правду о ней чуть больше трех лет назад...

Он пробирался через толпу на рынке в Макао, когда какой-то китаец вдруг сунул ему в руку клочок бумаги и тут же исчез. Это оказалась записка, написанная по-китайски. Струан показал ее Вольфгангу Мауссу.

– Здесь указано, как пройти к некоему дому, мистер Струан. И послание для вас: «Тай-Пэну «Благородного Дома» нужно получить особо важную информацию, которая может помочь его компании. Приходите тайно к боковому входу в Час Обезьяны».

- Час Обезьяны - когда это?

- Три часа пополудни.

- Где находится дом?

Вольфганг объяснил ему и добавил:

- Не ходите туда. Это ловушка, hein? Не забывайте, что за вашу голову назначена награда в сто тысяч тэйлов.

- Дом стоит не в китайских кварталах, — возразил Струан. — К тому же они не станут устраивать ловушку среди белого дня. Собери команду моего баркаса. Если я не выйду оттуда живым и невредимым через час, вы ворветесь следом и отыщете меня.

Итак, он пошел, оставив Вольфганга и вооруженных матросов в готовности немедленно прийти к нему на помощь. Нужный ему дом стоял в ряд с другими на тихой, зеленой и тенистой улочке. Струан вошел через дверь в высокой боковой стене и очутился в саду. Здесь его ждала прислужница-китаянка в аккуратных черных штанах и черном халате. Ее волосы были собраны в пучок. Она поклонилась и, приложив палец к губам, жестом пригласила его следовать за ней. Они прошли через сад, вошли в дом, поднялись по скрытой от чужих глаз лестнице и оказались в какой-то комнате. Струан шел за прислужницей настороженно, готовый в любую минуту отразить внезапное нападение.

Комната, в которой они очутились, была обставлена богато, на обшитых деревянными панелями стенах висели ковры. Кроме стола и стульев, Струан увидел еще и китайскую мебель из тика. Комната удивила его чистотой, неожиданной в таком месте; едва уловимо пахло тонкими благовониями. Единственное окно выходило в сад.

Женщина прошла к дальней стене и осторожно сняла одну из панелей обшивки. Под ней открылось крошечное отверстие. Она заглянула в него и жестом подозвала Струана, показав рукой, что ему нужно сделать то же самое. Струан слышал про старинную китайскую хитрость, когда врага обманом уговаривали приложить глаз к такому отверстию, а с другой стороны стены его поджидал человек с длинной иглой. Поэтому он держал лицо в нескольких дюймах от отверстия. Но и так он мог хорошо видеть все, что происходило в соседней комнате.

Это была спальня. Ван Чу, верховный мандарин Макао, лежал на постели, голый и жирный, и громко храпел. Мэри, тоже нагая, лежала рядом. Положив руки под голову, она смотрела в потолок.

Струан завороженно наблюдал эту картину, чувствуя, как душу его наполняет ужас Мэри томно ткнула Ван Чу в бок, ласками разбудила его, стала говорить с ним и смеяться. Струан и не подозревал, что она выучила китайский, он знал ее не лучше, чем любого другого человека в Макао – исключая ее брата. Мэри позвонила в маленький колокольчик. В спальню вошла прислужница и начала помогать мандарину одеваться. Ван Чу не мог одеваться самостоятельно, ему мешали его ногти длиной в четыре дюйма, на эти ногти, чтобы они не сломались, были надеты специальные чехольчики, украшенные драгоценными камнями. Струан отвернулся, задыхаясь от отвращения.

Внезапно из сада послышались монотонные голоса, и он осторожно выглянул в окно. Внизу собиралась охрана Ван Чу, солдаты отрезали ему единственный путь к отступлению. Прислужница знаком показала, чтобы он не беспокоился, а подождал. Она подошла к столу, налила ему чая, затем поклонилась и вышла.

Через полчаса солдаты покинули сад, и Струан увидел, как они построились на улице перед паланкином Ван Чу. Мандарину помогли усесться в паланкин, и процессия тронулась.

– Хэллоу, Тай-Пэн.

Струан резко обернулся, выхватив нож. Мэри стояла у двери, скрытой обшивкой комнаты. Она накинула халат из легкой полупрозрачной ткани, который не скрывал ничего совершенно. У нее были длинные светлые волосы, голубые глаза и ямочка на подбородке; халат позволял видеть длинные стройные ноги, крошечную талию и маленькие упругие груди. На золотой цепочке вокруг шеи висел бесценный медальон из нефрита, покрытого тонкой резьбой. Мэри изучала Струана с открытой улыбкой, полной лукавого любопытства.

– Вы можете убрать нож, Тай-Пэн. Здесь вам не грозит опасность. – Ее голос звучал спокойно, в нем слышалась насмешка.

– Тебя следовало бы выпороть, – сказал он.

– Поркой меня не удивишь, разве вы этого не знаете? – Она показала рукой в сторону спальни: – Там нам будет удобнее. – Подойдя к бюро, она налила бренди в два бокала.

– В чем дело? – спросила она с той же порочной улыбкой. – Неужели вам никогда не приходилось бывать в спальне девушки?

– Ты имеешь в виду спальню блудницы? Она протянула ему бокал, и он принял его.

– Мы с вами очень похожи, Тай-Пэн. Нам обоим в постели больше нравятся китайцы.

– Клянусь Богом, дрянь ты этакая, ты...

– Не нужно разыгрывать лицемера, это вам не идет. Вы женаты, и у вас есть дети. Тем не менее у вас много других женщин. Китайских женщин. Я все о них знаю. Я специально позаботилась выяснить о вас все подробности.

– Невозможно, чтобы передо мной сейчас стояла Мэри Синклер, – произнес он, обращаясь больше к самому себе.

– Не невозможно. Удивительно, да. – Она спокойно потягивала свой бренди. – Я послала за вами, потому что хотела, чтобы вы увидели меня такой, какая я есть.

– Зачем?

– Для начала вам лучше отпустить своих людей.

– Откуда ты о них знаешь?

– Вы очень осторожны. Так же, как и я. Вы ни за что бы не пришли сюда тайно без ваших телохранителей. – Ее глаза насмешливо смотрели на него.

– Что ты задумала?

– Как долго вы приказали вашим людям ждать вас?

– Один час.

– Мне понадобится больше времени для разговора с вами. Отпустите их. – Она рассмеялась. – Я подожду.

– Да уж, сделай милость. И заодно надень на себя что-нибудь.

Он вышел из дома и приказал Вольфгангу ждать его еще два часа, по истечении которых они должны будут заняться его поисками. Он рассказал Мауссу про потайную дверь в стене, но умолчал о Мэри.

Когда он вернулся, Мэри лежала на кровати.

– Пожалуйста, закройте дверь, Тай-Пэн, – попросила она.

– Я же просил тебя одеться.

– А я просила вас закрыть дверь.

Он со злостью захлопнул ее за собой. Мэри сняла свой прозрачный халат и отбросила его в сторону.

– Вы находите меня привлекательной?

– Нет. Ты вызываешь во мне отвращение.

– А вот вы не вызываете во мне отвращения, Тай-Пэн. Вы единственный человек в мире, которым я восхищаюсь.

– Посмотрел бы на тебя сейчас Горацио.

– А, Горацио, – произнесла она с загадочным выражением на лице. – Как долго вы приказали вашим людям ждать на этот раз?

– Два часа.

– Вы рассказали им про потайную дверь, но не про меня.

– Почему ты так уверена?

– Я знаю вас, Тай-Пэн. Поэтому я и доверяю вам свою тайну. – Она поиграла бокалом, опустила глаза. – Мы уже закончили, когда вы заглянули в отверстие в стене?

– Кровь Христова! Да неужели ты...

– Будьте терпеливы со мной, Тай-Пэн, – оборвала она его. – Мы закончили?

– Да.

– Я рада. Правда, это и хорошо, и плохо. Я бы хотела, чтобы вы были уверены.

– Не понимаю тебя.

– Я бы хотела, чтобы вы были уверены в том, что Ван Чу мой любовник.

– Зачем?

– Затем, что у меня есть информация, которая может оказаться полезной для вас. Вы никогда бы не поверили мне, не убедившись, что я была его женщиной.

– Что за информация?

– Я знаю многое из того, что могло бы вам пригодиться, Тай-Пэн. У меня много любовников. Иногда сюда заходит Ти-сен. Большинство мандаринов Кантона. Один

раз был даже старик Дзин-куа. – Ее глаза превратились в льдинки и словно поменяли цвет. – Они не находят меня отвратительной. Им нравится цвет моей кожи, и я выполняю все их желания. Они выполняют мои. Я должна рассказать вам все, что знаю, Тай-Пэн. Ведь я лишь возвращаю вам свой долг.

– Какой долг?

– Вы прекратили побои. Правда, помощь пришла слишком поздно, но это не ваша вина. – Она поднялась с кровати и накинула халат из плотной ткани – Я не буду больше испытывать ваше терпение. Пожалуйста, выслушайте меня, а потом можете поступать, как вам заблагорассудится.

– Что ты хочешь рассказать мне?

– Император назначил в Кантон нового наместника. Этот новый наместник Линь везет с собой императорский указ, запрещающий торговлю опиумом. Он прибудет сюда через две недели, и в течение последующих трех недель поселение в Кантоне будет окружено войсками. Ни одному европейцу не позволят покинуть Кантон, пока не будут сданы все запасы опиума.

Струан презрительно рассмеялся.

– В это я никогда не поверю.

– Если опиум будет сдан и уничтожен, любой, у кого останутся его запасы за пределами Кантона, заработает на этом целое состояние, – спокойно заметила Мэри.

– Свой опиум никто и никогда не отдаст просто так.

– Предположим, всех жителей поселения возьмут заложниками. И в качестве выкупа назначат опиум. Что вы сможете сделать? Военных кораблей у вас здесь нет. Вы беззащитны. Разве не так?

– Пожалуй.

– Пошлите корабль в Калькутту с распоряжением скупать опиум – столько, сколько сможете – через два месяца после того, как он туда прибудет. Если моя информация неверна, у вас останется достаточно времени, чтобы отменить это распоряжение.

– Это тебе Ван сказал?

– Только о наместнике. Все остальное я додумала сама. Я хотела расплатиться с вами.

– Ты мне ничего не должна.

– Вас никогда не пороли кнутом.

– Почему ты не прислала ко мне кого-нибудь с тайным посланием? Зачем понадобилось приводить меня сюда? Чтобы я увидел тебя вот такой? Затем ты заставила меня пройти через весь этот... весь этот ужас?

– Я хотела все рассказать вам. Сама. Я хотела, чтобы кто-то другой, кроме меня, знал, какая я на самом деле. Вы единственный человек, которому я доверяю.

– Ты сошла с ума. Тебя нужно было бы запереть под замок.

– И все потому, что мне нравится спать с китайцами?

– Крест Господень! Да ты что, не понимаешь, кем ты стала?

– Понимаю. Позором Англии. – Ее лицо исказила злоба, оно сразу постарело, стало жестче. – Вы, мужчины, можете делать все, что только захотите, а нам, женщинам, оказывается, нельзя. Бог ты мой, да как бы я могла лечь в постель с европейцем? Первое, что он сделал бы, выйдя отсюда, это побежал рассказывать остальным о своем приключении и опозорил бы меня перед всем светом. А так никто не страдает. За исключением, может быть, меня, но это случилось очень давно.

– Что случилось? О чем ты?

– Вам следует раз и навсегда усвоить одну истину, Тай-Пэн. Женщине нужны мужчины так же, как и мужчине нужны женщины. Почему мы должны довольствоваться одним только мужем? С какой стати?

– Как долго продолжается все это?

– С тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Не кажитесь таким потрясенным! Сколько лег было Мэй-мэй, когда вы купили ее?

– Это совсем другое дело.

– Для мужчин это всегда другое дело. – Мэри присела к столу перед зеркалом и принялась расчесывать волосы. – Брок тайно договаривается с испанцами в Маниле насчет урожая сахара. Он предложил Карлосу де Сильвера десять процентов за монопольную торговлю.

Струан почувствовал, как в нем заклокотала ярость. Если Броку удастся этот его трюк с сахаром, он приберет к рукам всю торговлю на Филиппинах.

– Откуда ты знаешь?

– Его компрадор Шэ-Цин сказал мне.

– Он тоже один из твоих... клиентов?

– Да.

– Ты хочешь сообщить мне еще что-нибудь?

– Того, что я сказала, уже достаточно, чтобы вы смогли заработать сто тысяч серебром.

– Значит это все?

– Да.

Струан поднялся с кресла.

– Что вы намерены делать?

– Рассказать обо всем твоему брату. Тебя лучше отправить в Англию.

– Позвольте мне жить своей собственной жизнью, Тай-Пэн. Мне нравится то, что я делаю, и я никогда не стану иной. Ни один европеец, кроме Горацио и вот теперь вас, не знает, что я говорю на кантонском и мандаринском наречиях. Даже из китайцев лишь немногим известно об этом. И только вы знаете обо мне всю правду. Я обещаю, что буду вам очень-очень полезна.

– Ты отправляешься домой, подальше от Азии.

– Азия – мой дом. – Морщины прорезали ее лоб, ему показалось, что взгляд ее смягчился. – Ну, пожалуйста, оставьте все, как есть. Ведь ничего не изменилось. Третьего дня вы повстречались со мной на улице, и вы были добры и обходительны. Я по-прежнему все та же Мэри.

– Нет, уже не та. Ты считаешь, что все это, – он обвел взглядом комнату, – ничего не значит?

– В каждом из нас живут сразу несколько людей, часто очень разных. Сейчас вы видите перед собой одну Мэри, но и та, другая девушка – милое, доверчивое, невинное ничтожество, которое ведет пустые разговоры и обожает ходить в церковь, играть на клавесине, петь и вышивать, – это тоже я. Я не знаю, как это получается, но это правда. Вот вы, Тай-Пэн Струан – дьявол, контрабандист, принц, убийца, муж, развратник, святой и еще целая сотня других людей. Который из них настоящий вы?

– Я ничего не скажу Горацио. Ты можешь просто уехать домой. Деньги я тебе дам.

– У меня достаточно денег, чтобы оплатить собственный проезд, Тай-Пэн. Я получаю много подарков. Мне принадлежит этот дом и еще соседний. И я уеду, когда сочту нужным, и тем способом, который выберу сама. Пожалуйста, предоставьте меня моему йоссу, Тай-Пэн. Я – это я, и не в ваших силах изменить тут что-либо. Когда-то вы могли бы помочь мне... Нет, это тоже не честно. Никто не смог бы мне помочь. Мне нравится то, что я делаю. Я клянусь вам, что никогда не стану другой. Я останусь тем, что я есть. Либо тайно, и никто не будет знать об этом, кроме вас и меня, либо открыто. Так зачем же причинять боль другим? Зачем причинять боль Горацио?

Струан посмотрел на нее сверху вниз. Он понимал, что она говорит серьезно.

– Ты представляешь себе всю опасность своего положения?

– Да.

– Вообрази на минуту, что у тебя будет ребенок.

– Опасность придает жизни остроту, Тай-Пэн. – Она постаралась проникнуть взглядом в самую глубину его души, и ее голубые глаза потемнели. – Только об одном я жалею, пригласив вас сюда. Теперь я никогда не смогу принадлежать вам. А я бы очень хотела этого.

Струан предоставил Мэри ее собственной судьбе. Она имела право устраивать свою жизнь так, как ей хотелось, и публичное обличение ничего бы здесь не поправило. Хуже того, оно погубило бы ее верного, преданного брата.

Сведения, полученные от нее, он использовал с огромной выгодой. Благодаря Мэри «Благородный Дом» добился почти полной монополии на торговлю опиумом в течение целого года и с лихвой вернул себе ту долю – двенадцать тысяч ящиков, которая пошла на выкуп за жизнь поселенцев. То, что Мэри сообщила ему о Броке, тоже оказалось правдой, и Брока удалось остановить. Струан открыл на имя Мэри секретный счет в Англии и стал переводить на него часть получаемой им прибыли. Она поблагодарила его за это, но никогда не проявляла интереса к этим деньгам – казалось, они для нее не существовали. Время от времени Мэри передавала ему новую информацию. Но так ни разу и не заговорила о том, как началась ее двойная жизнь и что послужило тому причиной. Господи всевидящий и милосердный, думал он, я никогда не научусь понимать людей...

Сейчас на берегу он пытался представить себе, что сделает Горацио, когда узнает обо всем этом. Мэри не сможет долго сохранять свою вторую жизнь в тайне – рано или поздно, но она неизбежно сделает ошибку.

– Что-нибудь случилось, мистер Струан? – спросил Горацио.

– Ничего, дружок. Я просто задумался.

– У вас есть корабль, который отплывает сегодня или завтра?

– Что?

– Отплывает в Макао, – рассмеялся Горацио. – Чтобы забрать Мэри в Макао.

– Ах, да. Мэри. – Струан собрался с мыслями. – Завтра, по всей вероятности. Я дам вам знать.

Он стал проталкиваться сквозь толпу коммерсантов, направляясь к Роббу, который стоял у одного из с голов и смотрел в море.

– Что дальше, мистер Струан? – выкрикнул Скиннер.

– А?

– Остров наш. Что теперь предпримет «Благородный Дом»?

– Будет строиться, конечно. Кто успеет построиться первым, выгадает больше всех, мистер Скиннер. – Струан добродушно кивнул и двинулся дальше. Интересно, подумал он, что сказали бы другие торговцы – даже Робб, – если бы узнали, что «Ориентл Тайме» принадлежит ему и Скиннер находится у него на жаловании.

– Ты не ешь, Робб?

– Позже, Дирк. Времени достаточно.

– Чай?

– Спасибо.

К ним присоединился Купер и поднял свой бокал.

– За «Струанову Дурь»?

– Если это действительно так, Джефф, – заметил Струан, – вы окажетесь в одной помойной яме вместе с нами.

– Ага, – добавил Робб. – И помойка окажется не из дешевых, если дом Струанов будет иметь к ней какое-то отношение.

– Н-да, что-что, а делать дела красиво «Благородный Дом» умеет! Отличное виски, бренди, шампанское. И венецианское стекло, – Купер щелкнул ногтем по

своему бокалу, и тот издал высокий чистый звук. – Великолепно.

– Сделано в Бирмингеме. Там только что изобрели новый способ изготовления стекла. Одна фабрика уже производит по тысяче бокалов за неделю. Не пройдет и года, как таких фабрик появится целая дюжина. – Струан на мгновение замолчал. – Я готов доставить в Бостон любое заказанное вами количество Десять американских центов за бокал.

Купер осмотрел бокал более внимательно.

– Десять тысяч. По шесть центов.

– Десять центов. Брок сдерет с вас двенадцать.

– Пятнадцать тысяч по семь центов.

– Идет – с гарантированным заказом за тридцать тысяч по той же цене в течение года, начиная с сегодняшнего дня, и гарантией, что вы будете покупать только у «Струана и компании».

– Идет – если вы перевезете груз хлопка из Нового Орлеана в Ливерпуль на том же корабле.

– Сколько тонн?

– Триста. На обычных условиях.

– Идет – если вы выступите нашими агентами по закупке чая в Кантоне в этом сезоне, В случае необходимости. Купер сразу насторожился:

– Но ведь война окончилась. Зачем вам может понадобиться посредник?

– Вы согласны?

Мозг Купера в этот момент напоминал муравейник. Договор Чуэн-пи безотлагательно открывал Кантон для торговли. На днях все они возвращались туда, чтобы опять разместиться в поселении. Они вернутся в свои фактории – или хонги, как назывались на Востоке дома, где располагались их конторы, – и останутся там, как всегда, до мая, потому что в мае заканчивался торговый сезон. Но сказать, что «Благородному Дому» сейчас понадобится посредник в Кантоне, было бы такой же глупостью, как заявить, будто Соединенным Штатам Америки нужна королевская фамилия.

– Так вы согласны, Джефф?

– Да. Вы ожидаете новой войны?

– Жизнь – лишь бесконечная череда проблем, а? Не об этом ли пытался сказать сегодня Вольфганг.

– Не знаю.

– Как скоро будет готов ваш новый корабль? – вдруг спросил Струан.

Купер прищурился:

– Откуда вы узнали о нем? Это секрет для всех, кроме правления нашей компании. Робб рассмеялся.

– Наше дело все знать, Джефф. Этот корабль может оказаться слишком серьезным конкурентом. Если он поплывет так, как, по расчетам Дирка, должен поплыть, мы, возможно, перекупим его, чтобы он не достался вам. Или построим четыре таких же.

– С каких это пор британцы стали покупать американские корабли? – нахмурился Купер.

– О, мы не собираемся их покупать, Джефф, – сказал Струан. – У нас уже есть копии чертежей. Строить мы будем там, где всегда строили. В Глазго. На вашем месте я бы скосил мачты еще на градус и добавил по брам-стеньге на грот и бизань. Как вы его назовете?

– «Независимость».

– Тогда мы назовем свой «Независимым Облаком». Если он будет этого достоин.

– Мы вытесним вас со всех морей. Мы уже дважды побили вас на суше, а теперь

нанесем удар по вашему самому чувствительному месту. Мы отнимем у вас вашу торговлю.

– Надежд на это у вас столько же, сколько у грешников в аду. – Струан заметил, что Тиллман уходит. Его голос сразу стал жестким. – И вообще никаких, пока половина вашей страны живет за счет рабства.

– Придет время, и все изменится. Но начали работорговлю англичане.

– Ее начали подонки.

Да, а сумасшедшие продолжают их дело, с горечью подумал Купер, вспомнив яростные споры, которые постоянно вспыхивали у него с партнером во время частных бесед: у Тиллмана была своя плантация, и он торговая рабами. Как Уилл может быть настолько слепым?

– Каких-нибудь восемь лет назад вы все еще занимались этим делом.

– Струаны никогда не торговали живым товаром, клянусь Господом. И клянусь всем, что свято, я разметаю по волнам любой корабль, который поймаю за этим занятием. Будь то в британских водах или где угодно. Мы первые сказали всему миру: рабство вне закона. Да поможет нам Господь, пришлось ждать до 1833 года, чтобы эти слова перестали быть просто словами. Но теперь дело сделано. Поэтому запомните, любой корабль!

– Тогда почему бы вам не сделать еще кое-что для торжества справедливости. Используйте свое влияние, чтобы нам разрешили покупать опиум у этой трижды проклятой Ост-Индской Компании, черт бы ее побрал. С какой стати на аукционы не допускают никого, кроме британских купцов? Почему нас вынуждают покупать низкокачественный опиум в Турции, когда в Бенгалии его предостаточно для всех нас?

– Вы прекрасно знаете, что я сделал больше, чем можно было от меня требовать, чтобы сокрушить Компанию. Пора и вам раскошелиться, приятель. Вложите деньги. Начните тормошить людей в Вашингтоне. Подтолкните брата вашего компаньона. Он ведь, кажется, сенатор от Алабамы? Или он слишком занят, присматривая за четверкой подлецов-охотников на черных пташек и за парой «рынков» в Мобиле?

– Вам известно мое отношение к этому, клянусь честью, – раздраженно бросил Купер. – Откройте нам доступ на опиум ные распродажи, и мы развернемся так, что вам негде будет приткнуться. Если уж говорить откровенно, по-моему, вы просто боитесь конкурировать на равных. Иначе зачем вам держать в силе Навигационные Акты? Зачем издавать особый закон, запрещающий любым кораблям, кроме английских, доставлять груз в Англию? По какому праву вы монополизируете крупнейший потребительский рынок в мире?

– Уж никак не по Божественному праву, приятель, – резко ответил Струан, – которое, похоже, безраздельно царит в американском образе мыслей и в американской внешней политике.

– Кое в чем правы все-таки мы, а не вы. Давайте соперничать честно. Чертовы тарифы! Свободная торговля и свободные моря – вот это правильно!

– Здесь «Струан и компания» с вами. Вы что, газет не читаете? К вашему сведению, мы ежегодно покупаем десять тысяч голосов, чтобы поддержать шестерых членов парламента, которые проголосуют за свободную торговлю. Мы делаем все, что в наших силах.

– Один человек – один голос. Мы голоса не покупаем.

– Что ж, у вас своя система, у нас – своя. И вот что я вам еще скажу. Британцы были против американских войн. Обеих. А также против этих выродков из Ганноверской династии. Не вы эти войны выиграли, а мы их проиграли. И проиграли с радостью. Почему мы должны сражаться с кровными братьями? Но если наши островитяне когда-нибудь решат воевать со Штатами, берегитесь, клянусь Господом.

Потому что тогда вам конец.

– У меня, похоже, созрел тост, – объявил Робб.

Американец и шотландец с трудом оторвали глаза друг от друга и уставились на него. К их изумлению, он наполнил три бокала.

– Ты не будешь пить, Робб, – сказал Струан, и его голос прозвучал как удар плети.

– Буду. В первый раз на Гонконге. В последний раз в жизни. – Робб протянул им бокалы. Это золотисто-коричневое виски изготовляли специально для «Благородного Дома» в Лох Таннох, откуда они были родом. Робб отчаянно нуждался в глотке спиртного, он мог бы сейчас выпить целый бочонок.

– Ты поклялся на Библии!

– Знаю. Но пить воду под тост принесет нам несчастье. А этот тост важен. – Рука Робба дрожала, когда он поднял бокал. – Я пью за наше будущее. За «Независимость» и «Независимое Облако». За свободные моря. За свободу от любых тиранов.

Он отхлебнул, задержал обжигающую жидкость во рту, чувствуя, как все у него внутри сжалось, требуя этот глоток.

Потом сплюнул, не проглотив ни капли, и выплеснул остатки виски из бокала на камни.

– Если я еще хоть раз захочу сделать это, выбей бокал у меня из рук. – Чувствуя невыносимую дурноту, Робб повернулся и зашагал прочь от берега.

– Для этого требуется больше сил, чем есть у меня, – покачал головой Купер.

– Робб, должно быть, сошел с ума, если решился так дразнить дьявола.

Шесть лет назад Робб начал напиваться до бесчувствия, до белой горячки. Годом раньше Сара приехала в Макао из Шотландии и привезла с собой детей. Некоторое время все шло прекрасно, но потом она узнала о китайской любовнице Робба, Мин Су, с которой он жил уже много лет, и об их дочери. Струан помнил ярость Сары и боль в глазах Робба, и ему было жаль обоих. Им давно следовало бы развестись, подумал он, проклиная закон, согласно которому развод можно было получить только актом парламента. В конце концов Сара согласилась простить Робба, но только при условии, что он Богом поклянется немедленно избавиться от любовницы, которую обожал, и их дочери. Ненавидя себя, Робб дал согласие. Он тайком передал Мин Су четыре тысячи серебряных тэйлов, и она с дочерью уехала из Макао. Он больше никогда не видел их, и не слышал о них. Но Сара, хотя и смягчилась, так и не смогла забыть прекрасной молодой женщины и ее ребенка и продолжала сыпать соль на незаживающую рану. Робб начал пить. Вскоре алкоголь завладел им целиком, и он не трезвел месяцами кряду. Затем как-то раз он исчез. После долгих поисков Струан отыскал его в одном из вонючих винных погребов Макао, притащил домой, привел в чувство. Потом вложил ему в руку пистолет.

– Застрелись сейчас же или поклянись Всевышним, что больше не притронешься к спиртному. Это яд для тебя, Робб. Ты беспробудно пьешь уже почти целый год. Подумай о детях. Несчастные ребятишки боятся тебя как огня, да и как им тебя не бояться. А я – я устал вытаскивать тебя из сточных канав. Посмотри, во что ты превратился, Робб! Ну, давай, посмотри!

Струан заставил его взглянуть на себя в зеркало. Робб дал клятву, и после этого Струан отправил его на месяц в море, распорядившись, чтобы ему не давали ни капли спиртного. Робб тогда чуть не умер. Пришло время, он опять стал самим собой, поблагодарил брата, вернулся к Саре и попытался помириться с ней. Но мира между ними быть уже не могло – как и любви. Бедный Робб, думал Струан. Да, и бедная Сара. Ужасно, когда муж и жена живут вот так...

– Какого дьявола, зачем Робби понадобилось это делать?

– Думаю, он хотел предотвратить ссору, – сказал Купер. – Я уже начинал

злиться. Мне очень жаль.

– Не извиняйтесь, Джефф. Это все моя вина. Ну, – добавил Струан, – пусть мужество Робби не пропадет даром, а? Его тост?

Они молча выпили. Бражничающие торговцы и матросы разбрелись по всему берегу.

– Эй, Тай-Пэн! И ты, чертов колонист! Идите-ка сюда! Это был Квэнс, сидевший рядом с флагштоком. Он помахал им и прокричал вновь:

– Черт возьми, вы идете или нет!

Старик взял понюшку табаку, чихнул два раза и неторопливо обмахнул грудь платком с французскими кружевами. – Ради Бога, сэр, – обратился он к Струану, глядя на него поверх своих очков без оправы, – как, дьявол меня забери, может человек работать в таком бедламе? Это все вы и ваши проклятые бутылки!

– Вы попробовали коньяк, мистер Квэнс?

– Напиток безупречен, мой дорогой друг. Как грудки мисс Тиллман. – Он снял картину с мольберта и поднял ее над головой: – Ну, что скажете?

– О Шевон Тиллман?

– О картине! Клянусь всеми пузырями бурды из молока с пивом, как вы можете помышлять о заде записной красотки, когда перед вами шедевр? – Квэнс взял еще понюшку, поперхнулся, хлебнул из оловянной кружки с «наполеоном» и чихнул.

На картине акварелью была запечатлена сегодняшняя церемония. Тонко. Верно. И чуть-чуть сверх того. Без труда можно было разглядеть Брока и Маусса. Глессинг тоже был там с постановлением в руках.

– Что ж, картина хороша, мистер Квэнс, – сказал Струан.

– Пятьдесят гиней.

– Я купил у вас одну на прошлой неделе.

– Двадцать гиней.

– Не пойдет.

– Пятьдесят гиней, и я напишу вас зачитывающим постановление.

– Нет.

– Мистер Купер. Шедевр. За двадцать гиней.

– Не считая Тай-Пэна и Робба, у меня самая большая коллекция Квэнса на всем Дальнем Востоке.

– Черт возьми, джентльмены, я должен где-нибудь раздобыть хоть какие-то деньги.

– Продай ее Броку. Его тут прекрасно видно, – посоветовал ему Струан.

– Чума на вашего Брока! – Квэнс сделал очень большой глоток из кружки и пожаловался хриплым голосом: – Он отказался покупать, черт бы его побрал! – Он яростно потыкал в картину кистью, и Брок исчез. – Клянусь Создателем, с какой стати я должен дарить ему бессмертие! И на вас обоих мне тоже плевать. Я пошлю ее в Королевскую Академию. На вашем следующем корабле, Тай-Пэн.

– А кто оплатит фрахт? И страховку?

– Я оплачу, мой мальчик.

– Чем это, интересно?

Квэнс задумчиво разглядывал свое творение Он чувствовал, что даже в старости он по-прежнему сможет писать и достигать новых высот, его талант живописца не потускнеет.

– Так чем же, мистер Квэнс?

Квэнс надменно махнул рукой Струану:

– Деньгами. Серебром. Медью Долларами. Наличными!

– Вам кто-то открыл новый кредит, мистер Квэнс?

Но Квэнс ему не ответил. Он продолжал молча восхищаться картиной, зная, что подцепил рыбку на крючок и она уже не сорвется.

– Ну же, Аристотель, кто это? – настаивал Струан.

Квэнс сделал очередной глоток, взял еще табаку И чихнул. Потом прошептал с заговорщицким видом – Присядьте. – Он оглянулся, чтобы убедиться, что их никто не слышит. – Секрет – Поднял картину. – Двадцать гиней?

– Хорошо, – согласился Струан. – Но смотри, твой секрет должен стоить этих денег.

– А, Тай-Пэн, вы истинный князь среди нас. Хотите табаку?

– Не тяни, выкладывай!

– Похоже, что некая леди пребывает в полном от себя восхищении. Когда смотрится в зеркало. Без одежды. Я получил заказ написать ее в таком виде.

– Господи всеблагой и всемогущий! Кто?!

– Вы оба ее очень хорошо знаете. – Тут Квэнс добавил с притворной грустью: – Я поклялся не выдавать ее имени. Но ее попка силой моей кисти будет принадлежать грядущему. Она великолепна. – Очередной глоток из кружки. – Я... э-э... видите ли, настоял на том, чтобы ознакомиться с натурой. Целиком. Прежде чем согласился принять заказ. – Он поцеловал сведенные в щепоть кончики пальцев. – Божественна, джентльмены, прост божественна! А какая грудь! Боже милостивый, у меня едва не сделался приступ ипохондрии. – Еще один глоток бренди.

– Нам-то ты можешь сказать. Ну, кто это?

– Первое правило при адюльтере и при работе с обнаженной натурой – никогда не разглашай имени женщины. – Квэнс с сожалением прикончил содержимое кружки. – Но среди вас не найдется ни одного, кто не заплатил бы тысячи гиней, чтобы стать обладателем этого портрета. – Он поднялся на ноги, благодушно рыгнул, обмахнул платком сюртук, закрыл коробку с красками и поднял мольберт, бесконечно довольный собой. – Что ж, на эту неделю с работой закончено. Я зайду к вашему компрадору за тридцатью гинеями.

– Двадцать гиней, – отрезал Струан.

– Оригинал Квэнса с самым знаменательным днем в истории Востока, – презрительно покачал головой художник, – за сумму, которой едва хватит на бочонок «наполеона». – Он вернулся на свой баркас и сплясал джигу среди хора приветственных голосов, встретивших его.

– Господь вседержитель, но кто же? – произнес Купер после минутной паузы.

– Должна быть Шевон, – сказал Струан с коротким смешком. – Как раз такая затея, которая пришлась бы по душе этой юной леди.

– Никогда. Признаю, она взбалмошное создание, но не настолько же. – Купер бросил тревожный взгляд в сторону плавучего склада компании «Купер и Тиллман», где жила Шевон Тиллман. Она была племянницей его компаньона и приехала в Азию год назад из Вашингтона. За это время она стала первой красавицей в этой части света. В свои девятнадцать лет она была обворожительна, смела и представляла собой блестящую партию, но ни одному мужчине пока не удалось залучить ее – ни в постель, ни под венец. Ей сделали предложение все холостые мужчины Азии, включая Купера. Ему, как и всем остальным, она отказала и в то же время не отказала... держала на привязи, как вообще всех своих поклонников. Однако Купер не расстраивался, он знал, что рано или поздно Шевон будет его женой. В Азию под опеку Уилфа Тиллмана ее отправил отец, сенатор штат а Алабама. Он надеялся, что его дочь понравится Куперу, а Купер – ей, и их союз еще более упрочит семейный бизнес. Купер влюбился в нее без памяти, едва лишь увидел.

– Вот и прекрасно, тогда мы немедленно объявим о помолвке, – в восторге предложил Тиллман, узнав об этом.

– Нет, Уилф. Давай не будем спешить. Пусть она попривыкнет к Азии, да и ко мне тоже.

Поворачиваясь к Струану, Купер улыбнулся про себя. Такая дикая кошечка

стоит того, чтобы ее подождать.

– Наверное, это одна из «юных леди» миссис Фортерингилл.

– Что ж, ее крольчата на все способны.

– Ну, конечно. Вот только они не стали бы платить Аристотелю за это.

– Деньги могла бы дать сама Старая Кобыла. Дело от этого только выиграет.

– «Дело» и без того процветает. У нее сейчас лучшая клиентура во всей Азии. Ты можешь представить себе эту Каргу дающей деньги Аристотелю? – Купер нетерпеливо подергал себя за бакенбарды, – Максимум, на что она может пойти, это расплатиться с ним натурой. А может быть, он просто шутит с нами?

– Квэнс шутит над кем угодно и над чем угодно. Но над своим искусством – никогда.

– Кто-нибудь из португалок?

– Исключено. Если она замужем, муж разнесет ей голову из пистолета. Если она вдова... хм, что ж, тогда всей католической церкви лежать в руинах. – Резкие черты его лица сложились в усмешку. – Я использую все возможности «Благородного Дома», чтобы выяснить, о ком он тогда говорил. Ставлю двадцать гиней, что узнаю это первым!

– Идет. Если выиграю, я забираю вот эту картину.

– Черт побери, теперь, когда Брока на ней нет, она мне самому начала нравиться.

– Тогда сделаем так: победитель получает картину, и мы попросим Аристотеля вписать в нее проигравшего.

– Идет. – Они скрепили сделку рукопожатием. Внезапно раздался пушечный выстрел, и они посмотрели в сторону моря. В восточной части пролива появился корабль. Он словно летел над водой. Его прямые паруса – фок, грот, марсели, брамсели, бом-брамсели надувались кверху, выпирая прямоугольными куполами из-под врезавшихся в них бык-горденей и рифов; натянутые, как струна, снасти пели на разгоняющемся ветру. Клипер с косыми мачтами шел крутым бакштагом, так что брызги летели через планширь с подветренной стороны и волна из-под кормы взлетала вверх, а над пеной, отмечавшей его путь – белоснежной на бирюзовом фоне океана – морские чайки выкликали свое приветствие.

Опять громыхнула пушка, и с подветренного борта отделилось облачко дыма. «Юнион Джек» развевался на корме, «Лев и Дракон» – на бизани. Те из присутствующих на берегу, кто выиграли свои ставки, восторженно приветствовали корабль, потому что огромные суммы ставились на то, чей клипер первым дойдет домой и чей первым вернется.

– Мистер Маккей! – крикнул Струан, но боцман и сам уже спешил к нему с двойным телескопом.

– На три дня раньше срока – рекордное время, сэр-р, – объявил боцман Маккей, улыбаясь беззубым ртом. – Ох, сэр, вы только гляньте, как летит. Это обойдется Броку в бочонок серебра! – Он заторопился назад.

Клипер Струана «Грозовое Облако» вырвался из пролива и теперь, когда ему не нужно было лавировать, пошел прямо по ветру, быстро набирая скорость.

Струан приложил короткий сдвоенный телескоп к глазам и поймал в фокус условные флажки, которые искал. Послание гласило: «Кризис не разрешен. Новый договор с Оттоманской империей против Франции Разговоры о войне». Затем Струан осмотрел корабль, краска свежая, снасти не провисли, пушки на месте. И в углу фор-бом-брамселя он увидел небольшую черную метку – это был условный сигнал, который использовался только в крайних случаях и означал «Важные депеши на борту». Он опустил бинокль и предложил его Куперу:

– Не хотите взглянуть?

– Благодарю.

– Это называется бинокуляры или бинокль – «два глаза». Резкость наводится вот этим винтом в центре, – пояснил Струан. – Сделан для меня по специальному заказу.

Купер посмотрел в бинокль и увидел кодовые флажки. Он знал, что сейчас весь флот пытается разгадать, что они означают. Каждая компания тратила немало времени и денег, чтобы заполучить ключ к шифру «Благородного Дома». Бинокль оказался мощнее обычной подзорной трубы.

– Где я могу раздобыть партию этих штук?

– Сто гиней за бинокль. Год на поставку. Хочешь – соглашайся, не хочешь – твое дело, с горечью подумал Купер, хорошо знавший эту интонацию.

– Идет.

В этот момент были подняты новые флажки, и Купер вернул бинокль Струану.

Второе послание содержало только одно слово: «Зенит» – это был особый код внутри основного шифра.

– На вашем месте, – казал Струан, – я бы избавился от хлопка, закупленного вами в этом году. И побыстрее.

– Почему?

Струан пожал плечами.

– Просто пытаюсь оказать небольшую услугу. Извините, мне пора.

Он зашагал навстречу Роббу, направлявшемуся к ним вместе с боцманом. Купер смотрел ему вслед. Что же кроется за этими чертовыми флажками, спрашивал он себя. И что он имел в виду, говоря о нашем хлопке? И почему, черт побери, до сих пор еще не прибыл пакетбот с почтой?

Вот это и делает торговлю таким захватывающим делом.

Ты покупаешь и продаешь для рынка, который откроется через четыре месяца, зная только цены рынка, закрывшегося четыре месяца назад. Один просчет, и тебя ждут унылые стены долговой ямы. Тонко рассчитанный риск, который себя оправдал, и ты можешь удалиться на покой и навеки забыть про Восток. Купер почувствовал, как в кишечнике поднялась и покатилась вверх волна боли. Эта боль никогда не отпускала его и уже давно стала для большинства торговцев неотъемлемой частью жизни на Востоке.

Так что же крылось за предостережением Струана... дружеская подсказка или намеренный обман?

Капитан Глессинг, стоя рядом с Горацио, провожал глазами «Грозовое Облако». В его взгляде сквозила зависть. Корабль являл собой достойный приз, и, поскольку он был первым в этом году кораблем, вернувшимся из Англии с заходом в Калькутту, его трюмы сейчас буквально ломились от опиума. Глессинг тоже мучился вопросом, что означают флажки. И почему на фор-бом-брамселе появился черный квадрат.

– Прекрасный корабль. – заметил Горацио.

– Да, корабль замечательный.

– Даже если это пират? – с иронией спросил Горацио.

– Пиратом его делают владельцы и груз в трюмах. Корабль есть корабль, а это один из самых статных молодцов, когда-либо служивших человеку, – сухо ответил Глессинг. Остроумие Горацио его не позабавило. – Кстати, раз уж речь зашла о кораблях, – сказал он, стараясь, чтобы приглашение не прозвучало нарочито. – Не согласитесь ли вы и мисс Синклер отужинать со мной сегодня? Я бы хотел показать вам свой фрегат.

– Это очень любезно с вашей стороны, Джордж. Я с удовольствием принимаю приглашение. И Мэри, я полагаю, будет в восторге. Она еще ни разу не поднималась на борт фрегата.

Может быть, сегодня, сказал себе Глессинг, мне представится возможность выяснить, как Мэри ко мне относится.

– Я пришлю за вами баркас. Три склянки – последняя полувахта – вас устроят?

– Давайте уж тогда встретимся, когда пробьет восемь склянок, – небрежно заметил Горацио, желая показать, что он знаком с морской терминологией: три склянки в эту вахту означали половину восьмого, тогда как восемь склянок отбивали в восемь часов ровно.

– Очень хорошо, – кивнул Глессинг. – Мисс Синклер будет первой женщиной, которую я принимаю на борту.

Господи, подумал Горацио, а ведь Глессинг, похоже, испытывает к Мэри нечто большее, чем мимолетный интерес.

Ну конечно! Приглашение предназначалось для нее, а вовсе не для меня. Какое нахальство! Как этот напыщенный осел смеет надеяться, что Мэри хоть на секунду может подумать о нем как о возможном спутнике жизни. Или что я позволю ей выйти замуж так рано!

Стук мушкета, упавшего на камни, заставил их обернуться. Один из морских пехотинцев потерял сознание и ничком лежал на берегу.

– Какого дьявола, что с ним такое? – раздраженно спросил Глессинг.

Главный старшина корабельной полиции перевернул молодого солдата.

– Не могу знать, сэр. Это Норден, сэр. Он уже давно как бы не в себе, недель этак несколько. Наверное, у него лихорадка.

– Хорошо, оставьте его, где лежит. Соберите матросов. Морская пехота – к лодкам! Когда все поднимутся на борт, вы вернетесь и заберете его.

– Есть, сэр-р.

Старшина подобрал мушкет Нордена, перебросил его одному из пехотинцев и увел людей к лодкам.

Когда они отошли на достаточное расстояние, Норден, который лишь притворялся, скользнул в тень ближайших валунов и спрятался там. Господи Иисусе, ниспошли мне спасение и обереги, пока я не доберусь до Тай-Пэна, истово молился он. У меня больше никогда не будет такой возможности, как сейчас. Защити меня, благословенный Боже, и помоги добраться до него, прежде чем они вернутся за мной.

Брок стоял на юте своего корабля и смотрел на флажки в подзорную трубу. Шесть месяцев назад ему удалось получить ключ к шифру Струанов, и он смог прочесть первое послание. Теперь он ломал голову над тем, что это еще за «Зенит»? Что может значить эта чертовщина? И что есть такого важного и срочного в договоре с турками, что капитан решился вот так, в открытую, передать это сообщение, пусть даже и зашифрованное, вместо того чтобы тайно доложить о нем Струану, когда тот прибудет на борт? Может быть, они узнали, что я разгадал их шифр? Может быть, они специально подсовывают мне эту информацию, а «Зенит» означает для них, что это сообщение – фальшивка. «Кризис» и «война» должны означать, что цена на чай и шелка поднимется. И, видимо, на хлопок тоже. Наверное, стоит начать скупать и то, и другое, и третье. Если только все это правда. Да, и, возможно, угодить прямо в капкан, который расставил для меня Струан. Где, черт побери, болтается «Седая Ведьма»? На этот раз ее обставили – это никуда не годится. Дьявол забери Горта! Его нерасторопность обошлась мне в тысячу гиней.

Горт был его старшим сыном и капитаном «Седой Ведьмы». Сыном, которым можно было гордиться. Рослый, как отец, такой же суровый и могучий, и вдобавок ко всему превосходный моряк, знавший все тонкости морского дела. Да, такой сын сумеет продолжить начатое тобой, с гордостью думал он, он достоин того, чтобы через год-другой стать Тай-Пэном. Брок молча помолился за безопасность Горта, потом опять стал проклинать его за то, что тот пропустил «Грозовое Облако» вперед.

Он перевел подзорную трубу на берег, туда, где стояли, беседуя, Струан и Робб, и пожалел, что не может слышать их разговора.

– Извините меня, мистер Брок. – Это был Нагрек Тум, капитан «Белой Ведьмы» – крупный, крепко сбитый уроженец острова Мэн с огромными руками и лицом цвета мореного дуба.

– Да, Нагрек?

– По флоту ходят слухи... Я не очень-то им верю, но с другой стороны, кто знает – дыма без огня не бывает. По этим слухам, военный флот вот-вот получит распоряжение положить конец контрабанде опиума. И наши корабли можно будет захватить как пиратские.

– Да, такое не часто услышишь, – презрительно усмехнулся Брок.

– Я поначалу тоже смеялся, мистер Брок. Пока не услышал, что приказ будет оглашен сегодня, когда пробьет четыре склянки. И что Струан уговорил Лонгстаффа предоставить нам отсрочку на шесть дней, чтобы мы могли продать имеющиеся у нас запасы.

– Ты уверен? – Брок едва успел переварить эту поразительную новость, как со стороны трапа послышался шум. На палубу тяжело ступила Элиза Брок, крупная женщина с толстыми руками и силой здорового мужчины. Ее поседевшие волосы были убраны в неплотный пучок на затылке. Следом за нею на палубе показались две их дочери – Элизабет и Тесс.

– Доброе утро, мистер Брок, – приветствовала Лиза своего супруга, твердо встав на палубе и сложив руки на огромной труди. – Прекрасный денек, право слово.

– Где вы были, душа моя? Здравствуй, Тесс. Привет, Лиллибет, милая, – заговорил Тайлер Брок. Он обожал своих дочерей, и это чувство сейчас целиком заполнило его.

Элизабет Брок, шести лет, с коричневыми кудряшками, подбежала к отцу, сделала книксен, едва не упав при этом, потом вскочила к нему на руки и, обняв, крепко прижалась. Он рассмеялся.

– Мы навещали миссис Блэр, – ответила Лиза. – Бедняжка, ей совсем худо.

– Она потеряет младенца?

– С Божьей помощью, нет. Доброе утро, Нагрек.

– Доброе утро, мадам, – поклонился Тум, отводя глаза от Тесс, которая стояла у фальшборта и смотрела в сторону острова. Тесс Брок, высокой девушке с красивой фигурой, которую подчеркивала туго перетянутая по моде того времени талия, было шестнадцать. Слишком резкие черты лица не позволяли назвать ее очаровательной. Но это лицо, говорившее о сильной натуре, все дышало жизнью, и потому ее находили привлекательной. И очень желанной.

– Я распоряжусь насчет еды. – Лиза заметила, как Нагрек смотрел на Тесс. Девочка выросла, подумала она, пора бы ее уже помолвить. Но уж, конечно, не с Нагреком Тумом, клянусь Господом. – Пойдем-ка вниз, Тесс. Сама, сама давай, Лиллибет, – добавила она, когда Элизабет потянулась к ней, просясь на руки.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, мамочка. Ну вот пожалуйста-пожалуйста!

– Надо ходить своими ножками, девочка моя. – С этими словами Лиза подхватила крошку огромными ручищами и понесла вниз. Тесс направилась к трапу следом за ней, улыбнувшись отцу и застенчиво кивнув Нагреку.

– Ты уверен насчет Струана и Лонгстаффа? – повторил Брок свой вопрос.

– Да, – ответил Нагрек, с усилием прогоняя образ девушки из разгоряченных воображением мыслей. – Стоит вложить золотую гинею в руку человека, как у него сразу отрастают длинные уши. У меня есть свой человек на флагмане.

– Но Струан никогда на это не согласится. Он просто не сможет. Такой приказ пустит его по миру вместе со всеми нами.

– Ну, как бы там ни было, разговор на эту тему состоялся. Сегодня утром.

– О чем они еще говорили, Нагрек?

– Парень больше ничего не слышал.

– Тогда все это вранье. Опять какой-нибудь дьявольский трюк Струана.

– Да. Но какой?

Брок перебрал в уме несколько вариантов.

– Пошли людей на лорки. Опиум, весь до последнего ящика, перевезти на берег. Тем временем передай кошелек с двадцатью гинеями нашему человеку на «Китайском Облаке». Скажи ему, получит еще столько же, если разузнает, что за всем этим кроется. Только будь осторожен. Мы не можем себе позволить потерять его.

– Да уж, если Струан его когда-нибудь поймает, пришлет нам его язык в подарок.

– Вместе с головой. Ставлю пятьдесят гиней, что и у Струана есть здесь соглядатай.

– Ставлю сотню, что вы ошибаетесь, – горячо возразил ему Тум. – Я доверяю каждому из своей команды!

– Тогда моли Бога, чтобы я не поймал его живым раньше тебя, Нагрек.

– Но зачем им понадобилось поднимать «Зенит»? – недоумевал Робб. – Разумеется, мы и так немедленно прибудем на борт.

– Вот уж не знаю, – пожал плечами Струан. «Зенит» означало «Владельцу срочно прибыть на борт». Он нахмурясь посмотрел на «Грозовое Облако». Боцман Маккей терпеливо ждал их на пляже, отойдя подальше, чтобы не слышать, о чем они говорят.

– Отправляйся на корабль, Робб. Передай Исааку мои поздравления и скажи, чтобы он немедленно прибыл на берег. Ты проводишь его в долину.

– Зачем?

– Слишком много ушей на борту. Все это может оказаться важным. – Затем он крикнул: – Боцман Маккей!

– Да, слушаю, сэр. – Маккей заторопился к нему.

– Доставьте мистера Струана на «Грозовое Облако». Затем отправляйтесь на мой корабль. Захватите палатку, кровать и мои вещи. Я сегодня ночую на берегу.

– Есть, так точно, сэр-р! Прошу прощения, сэр, – вдруг добавил боцман, переминаясь с ноги на ногу. – Есть тут один парень. Рамсей. Он служит на фрегате Ее Величества «Русалка», это корабль Глессинга. Рамсей доводятся родственниками нам, Маккеям. Первый помощник отчего-то взъелся на бедолагу. Тридцать плетей вчера и еще больше осталось на завтра. Его силком завербовали в Глазго.

– Ну? – нетерпеливо бросил Струан.

– Я слышал, сэр, – осторожно проговорил боцман, – что он подыскивает укромное место, где ему можно было бы бросить якорь.

– Кровь Христова, вы что, совсем из ума выжили? Мы не берем дезертиров на наши суда. Если мы возьмем на борт хоть одного, зная, кто он такой, у нас могут просто-напросто отобрать корабль – и будут правы!

– Это верно. Только капитан Глессинг вроде бы как ваш друг. Вот я и подумал, может быть, у вас получится выкупить его, – торопливо добавил Маккей. – Мои призовые деньги могли бы помочь, сэр. Он славный парень, и он все равно сбежит с корабля, если впереди не будет просвета.

– Я подумаю об этом.

– Спасибо вам, сэр-р. – Боцман отдал честь и быстро ретировался.

– Робб, если бы ты был Тай-Пэном, что бы ты сделал?

– Люди, завербованные во флот насильно, всегда опасны, и доверять им нельзя, – тут же ответил Робб. – Поэтому я никогда не стал бы его выкупать. И теперь

я стал бы присматривать за Маккеем. Возможно, Маккей уже человек Брока и делает все это по его указке. Я бы устроил ему проверку. Выбрал бы посредников – скажем, Маккея как часть такой проверки и кого-нибудь из его врагов – и водил бы Рамсея за нос, ни в коем случае не доверяя его информации.

– Ты рассказал сейчас то, что сделал бы я, – заметил Струан, и глаза его весело блеснули. – А я спрашивал, что стал бы делать ты.

– Я не Тай-Пэн, и это не моя забота. Если бы я им был, я бы все равно не стал тебе ничего говорить. Или, может быть, и сказал бы, а потом сделал все наоборот. Чтобы проверить тебя. – Робб был рад, что время от времени мог ненавидеть своего брата. Это потом только усиливало его любовь к нему.

– Чего ты боишься, Робб?

– На этот вопрос я отвечу тебе через год. – Робб зашагал следом за боцманом.

Некоторое время Струан размышлял о своем брате и о будущем «Благородного Дома», потом он поднял бутылку бренди и двинулся вдоль расщелины в скалах по направлению к долине.

Ряды пирующих коммерсантов редели, некоторые уже шли к своим баркасам. Другие еще продолжали есть и пить; время от времени раздавались взрывы хохота над теми, кто, выписывая ногами восьмерки, пытался станцевать рил[8].

– Сэр!

Струан остановился и удивленно посмотрел на молодого морского пехотинца:

– Да?

– Мне нужна ваша помощь, сэр. Отчаянно нужна, – проговорил Норден. Его глаза лихорадочно блестели, лицо посерело от волнения.

– Какая помощь? – Струан мрачно поглядывал на штык, висевший у солдата на поясе.

– Я болен. У меня женская болезнь. Вы можете помочь. Дайте мне лекарство, сэр. Все, что угодно; я сделаю все, что угодно.

– Я не врач, приятель, – ответил Струан, чувствуя, как зашевелились волосы у него на затылке. – Как ты оказался здесь, разве ты не должен быть около своей лодки?

– У вас ведь было то же самое, сэр. Но вы нашли лекарство. Мне нужно только лекарство. Я сделаю все, что угодно. – Голос Нордена стал похож на карканье, на губах заблестели хлопья пены.

– Я никогда не болел этим, парень. – Струан краем глаза заметил, что главный старшина корабельной полиции направился к ним, выкрикнув что-то, что прозвучало как имя. – Тебе лучше вернуться к своей лодке. Тебя ждут.

– Лекарство. Скажите мне, как выздороветь. Я не нищий, я скопил денег, сэр. – Норден вытащил грязную, завязанную узлом тряпку и с гордостью протянул ее Струану; по его лицу катились капли пота. – Я бережлив, здесь у меня... здесь у меня пять полных шиллингов и четыре пенса, сэр. И это все, что у меня есть на свете, сэр, а потом еще есть жалованье, двадцать шиллингов в месяц – я отдам их вам. Вы можете забрать их все, сэр, клянусь благословенным Господом нашим Иисусом Христом, сэр.

– Я никогда не болел женской болезнью, парень. Никогда, – повторил Струан. Сердце его сжалось при воспоминании о детских годах, когда богатством для него были пенни, шиллинги и полушиллинги, а не десятки тысяч серебряных тэйлов. И он вновь пережил неизбывный ужас своей юности – безденежье, безнадежность, бесприютность, голод, холод и раздутые животы детей. Господи милосердный, я могу забыть, какп голодал сам, но я не в состоянии забыть детей, их крики и голодный

---

[8] Рил – шотландский народный хороводный танец.

плач, разносимые колючим ветром из выгребной ямы на улице.

– Я сделаю для вас все, понимаете, все, сэр. Вот. Я могу заплатить. Я не хочу ничего получать задаром. Вот, возьмите, сэр.

Старшина быстрым шагом приближался к ним.

– Норден! – зло выкрикнул он. – Клянусь Господом, ты получишь пятьдесят плетей за нарушение строя!

– Тебя зовут Норден?

– Так точно, сэр. Берт Норден. Пожалуйста. Мне ничего не нужно, кроме лекарства. Помогите мне, сэр. Вот. Возьмите деньги. Они все ваши, и я еще достану. Именем Христа заклинаю, помогите мне!

– Норден! – опять прокричал старшина, покраснев от гнева; ему оставалась до них еще сотня шагов. – Немедленно ко мне, ублюдок ты чертов, или ты оглох?!

– Пожалуйста, сэр, – умолял Норден с растущим отчаянием. – Я слышал, вас вылечили язычники. Вы купили лекарство у язычников!

– Значит тебе сказали неправду. Я не знаю ни о каком китайском лекарстве. Лекарства нет. Никакого. Тебе лучше вернуться к своей лодке.

– Да нет же, конечно, лекарство есть! – взвизгнул Норден. Он выхватил штык из ножен. – И вы скажете мне, где достать его, или я распорю вам брюхо!

Старшина, похолодев от ужаса, бросился к ним бегом.

– Норден!

Несколько человек на пляже изумленно обернулись... Купер, Горацио и еще кто-то. Все трое сорвались с места и побежали к ним.

В этот миг в голове Нордена словно оборвалось что-то, и он, мыча и брызжа пеной, ринулся на Струана и яростно полоснул штыком. Но Струан неуловимым движением ушел в сторону и хладнокровно ждал, что тот станет делать дальше, зная, что может убить Нордена в любую минуту.

Нордену показалось, что его со всех сторон окружили дьяволы огромного роста, все на одно лицо, но он никак не может дотянуться ни до одного из них. Он почувствовал, как воздух рванулся у него из легких, берег с размаху врезался ему в лицо, и он словно завис над землей в агонии, но почему-то не ощущая боли. Потом наступила тьма.

Старшина скатился со спины Нордена, и его кулак метнулся вниз еще раз. Он схватил Нордена за мундир, потряс его как тряпичную куклу и опять швырнул на гальку.

– Какой дьявол в него вселился? – пробормотал он, поднимаясь на ноги. Его лицо еще искажала гримаса гнева. – С вами все в порядке, мистер Струан?

– Да.

Подбежал Купер, Горацио и с ними еще несколько торговцев.

– Что случилось?

Струан осторожно перевернул Нордена ногой.

– Несчастный глупец. У него женская болезнь.

– О Господи! – с омерзением воскликнул старшина.

– Лучше отойдите от него, Тай-Пэн, – предупредил Купер. – Если вы вдохнете его запах, можете заразиться.

– Бедняга думал, что у меня тоже когда-то была эта болезнь и чго я вылечился. Клянусь крестом Господним, если бы я знал лекарство от этой заразы, я был бы самым богатым человеком на свете.

– Я прикажу заковать эту свинью в железо, мистер Струан, – сказал старшина. – Капитан Глессинг заставит его пожалеть, что он родился на свет.

– Пусть просто принесут лопату, – ответил Струан. – Он мертв.

Наступившее молчание нарушил Купер.

– Первый день и первая кровь. Плохой йосс.

– Китайцы думают иначе, – рассеянно заметил побледневший Горацио. – Теперь его дух будет охранять это место.

– Плохой это знак или хороший, но бедолага действительно умер, – качнул головой Струан. Ему никто не ответил.

– Да помилует Господь его душу, – произнес он, повернулся и зашагал вдоль берега на запад к скалистому гребню, который спускался с горного массива и почти упирался в море. Дурные предчувствия обуревали его. Он пил свежий, чистый воздух, вдыхал запах соленых брызг. Это был плохой йосс, говорил он себе. Очень плохой.

Приближаясь к гребню, он почувствовал, что тревога его усиливается, а когда он наконец очутился внизу, в долине, где будет построен город – он сам выбрал это место, – Струан в третий раз ощутил, как его со всех сторон окружает глухая стена ненависти.

– Господи, ты Боже мой, – сказал он вслух, – да что это со мной творится? – Впервые в жизни он испытывал такой ужас. Стараясь подчинить его своей воле, он, прищурившись, посмотрел на круглый холм, где будет стоять его Большой Дом, и в этот миг вдруг понял, почему остров принял его так враждебно. Он громко рассмеялся. – О, будь я на твоем месте, Остров, я бы тоже возненавидел меня. Тебе просто не по нраву мой план! Что ж, Остров, а ведь план хорош, клянусь Всевышним. Хорош, ты слышишь? Китаю нужен большой мир, и большому миру нужен Китай И ты – ют ключ, который отомкнет нам его ворота. Ты понял это, как понял это я. И я добьюсь своего, и ты мне поможешь!

Прекрати, сказал он себе, ты разговариваешь как сумасшедший. Ну конечно, а что еще могут о тебе подумать, объяви ты всем, что тайная цель, которую ты преследуешь, состоит отнюдь не в том, чтобы разбогатеть на торговле и навсегда уехать отсюда. А в том, чтобы использовать эти богатства и власть и открыть Китай всему миру и в первую очередь – британской культуре и британскому закону, с тем чтобы каждая сторона могла учиться у другой и развиваться дальше ко благу обеих. Да. Воистину мечта безумца.

Но он был убежден, что Китай может предложить миру нечто особенное, неповторимое. Что это было, он пока даже не представлял. Может быть, когда-нибудь ему суждено это узнать.

– И нам самим есть что предложить, – продолжал размышлять вслух Струан, – если только ты захочешь принять это. И если наш дар не запачкается, переходя из рук в руки. На счастье или на горе, но ты теперь британская земля. Мы будем лелеять тебя, сделаем центром всей Азии, а это значит – центром всего мира. Я торжественно посвящаю «Благородный Дом» этой задаче. Если ты повернешься к нам спиной – останешься тем, что ты есть сейчас – пустым, безжизненным осколком голой осклизлой скалы – и ты умрешь. И если «Благородный Дом» отступит когда-нибудь от назначенной ему цели, уничтожь его, я благословляю тебя на это.

Он взошел на круглый холм и, достав из ножен кинжал, срезал две длинные ветки. Расщепив одну и воткнув ее в землю, он вставил другую в прорезь, так что получился грубый крест. Струан плеснул на него бренди и поджег.

Те на кораблях, кому была видна долина и кто заметил дым и пламя, потянулись за подзорными трубами. Они увидели горящий крест, Тай-Пэна подле него и суеверно содрогнулись, гадая, что за сатанинский обряд он там затеял. Шотландцы знали, что сжигание креста издревле являлось сигналом сбора для всех людей клана и для сородичей из родственных кланов, призывом к ним встать под крест на великую битву. И поднимать горящий крест мог только вождь. По древнему обычаю, будучи однажды воздвигнут где-либо, горящий крест обязывал клан защищать эту землю, пока останется жив хотя бы один человек из клана.

Глава 2

– Добро пожаловать на борт, Робб, – приветствовал младшего Струана капитан Исаак Перри. – Чаю?

– Спасибо, Исаак. – Робб благодарно опустился в глубокое морское кресло, вдыхая резкий запах пропитавшейся солью кожи, и приготовился ждать, ибо никто на свете не мог заставить Перри торопиться, даже сам Тай-Пэн.

Перри налил чай в фарфоровые чашки.

Он был худощав, но при этом невероятно силен. В каштановых волосах переплетались и седые, и темные пряди, придавая им сходство со старой пенькой. Седеющая борода и шрам на лице завершали портрет капитана. Перри распространял вокруг себя запах просмоленной пеньки и соленых брызг.

– Как прошло плаванье? – поинтересовался Робб.

– Отлично.

Находясь в капитанской каюте, Робб, как всегда, испытывал безмерное счастье. Каюта была просторная и роскошно обставленная, как и вообще все жилые помещения на корабле. Мебель для клипера изготовлялась из красного дерева, металлические части – из латуни и меди. На паруса шел холст только самого высокого качества, веревки были всегда новые. Пушки в идеальном состоянии. Лучший порох. Тай-Пэн неизменно следил за тем, чтобы офицеры – и матросы – его флота имели лучшие каюты, получали лучшее питание и свою долю в прибыли; и на борту всегда находился врач. Наказание плетью было запрещено. За трусость или неповиновение и для матросов, и для офицеров существовало только одно наказание – их высаживали на берег в ближайшем порту и уже никогда не принимали обратно. Поэтому и для тех, и для других считалось большой удачей попасть на корабль Струана, и ни на одном из его судов никогда не пустовала ни одна койка.

Тай-Пэн навсегда запомнил свои первые корабли, жизнь на полубаке и наказания плетью. И тех, кто приказывал его пороть. Некоторые из них умерли прежде, чем он сумел их разыскать. Тех, кого он нашел, он разорил. Не тронул только Брока. Робб не знал, почему его брат пощадил Брока. Всякий раз, думая об этом, он внутренне содрогался, ибо понимал, что каковы бы ни были причины, побудившие Струана так поступить, однажды наступит день расплаты.

Перри добавил в чай ложку сахара и сгущенное молоко. Он протянул Роббу его чашку и сел за рабочий стол красного дерева, внимательно посматривая на младшего Струана из-под нависших бровей своими глубоко посаженными глазами.

– Мистер Струан в добром здравии?

– Как всегда. Ты ожидал найти его больным?

– Нет.

В дверь каюты постучали.

– Войдите!

Дверь открылась, и Робб, изумленно открыв рот, уставился на молодого человека, стоявшего на пороге.

– Господь вседержитель, Кулум, мальчик мой, откуда ты взялся? – Он взволнованно вскочил на ноги, опрокинув чашку. – Вот уж действительно «очень важные депеши на борту» – и, конечно же, «Зенит»!

Кулум Струан вошел в каюту и закрыл за собой дверь. Робб по-отечески обнял его и только тут заметил его бледность и впалые щеки.

– Что с тобой, дружище? – встревоженно спросил он.

– Мне уже гораздо лучше, благодарю вас, дядя, – ответил Кулум едва слышно.

– Лучше после чего, малыш?

– После чумы, бенгальской чумы, – ответил Кулум, словно удивившись вопросу.

Робб рывком повернулся к Перри:

– У тебя на борту чума? Ради Создателя, почему же ты не поднял «Желтого

Джека»?

– Разумеется, у меня на борту нет никакой чумы! Чума была в Шотландии, с тех пор уже прошли месяцы. – Перри вдруг замолчал. – «Багряное Облако»! Они что, еще не прибыли?

– Опаздывают на четыре недели. Ни слова, ни весточки – ничего. Что произошло? Ну же, рассказывай. Перри посмотрел на Кулума:

– Мне рассказать ему обо всем, Кулум, сынок, или ты все расскажешь сам?

– Где отец? – спросил Кулум у Робба.

– На берегу. Он ждет вас на берегу. В долине. Ради всего святого, что случилось, Кулум?

– Чума пришла в Глазго в июне, – тупо глядя в пол, начал Кулум. – Говорят, ее опять привезли на корабле. Из Бенгалии. Сначала Сазерленд, потом Эдинбург, потом докатилось и до нас в Глазго. Мама умерла, Иэн, Лечи, бабушка... Винифред так слаба, что долго не протянет. Дедушка присматривает за ней. – Он беспомощно шевельнул рукой и опустился на подлокотник кресла. – Бабушка умерла. Тетя Ютиния, все малыши и ее муж. Десять, двадцать тысяч человек умерли за два месяца. Потом, в сентябре, чума пропала. Просто так, взяла и кончилась.

– Родди? Что с Родди? Мой сын мертв? – спросил Робб дрожащим голосом, и его лицо исказилось от боли...

– Нет, дядя. С Родди все хорошо. Болезнь его даже не коснулась.

– Ты уверен, Кулум, уверен? Мой сын здоров?

– Да. Я видел его накануне отъезда. Очень немногие из его школы заболели.

– Слава Богу! – Робб содрогнулся, вспомнив первую волну чумы, которая, возникнув неведомо откуда, прокатилась по Европе десять лет назад. Пятьдесят тысяч смертей в одной только Англии. Миллион – в Европе. Тысячи в Нью-Йорке и Новом Орлеане. Некоторые называли эту болезнь каким-то новым именем – холера.

– Твоя мать умерла? – переспросил Робб, словно не веря. – Йэн, Лечи, бабушка?

– Да. И тетя Сьюзан, и кузина Клер, и тетушка Ютиния, кузен Дональд, и маленький Стюарт, и...

Он умолк, и в каюте настала жуткая тишина.

– Когда я пришел в Глазго, – нервно заговорил Перри, – ну, наш Кулум был совсем один. Я не знал, что и делать. Решил вот, что будет лучше взять его с собой. Мы отплыли на месяц позже «Багряного Облака».

– Ты поступил правильно, Исаак. – Робб услышал свои слова как бы со стороны, словно их произнес кто-то другой. Как он сможет сказать обо всем Дирку? – Ну что же, мне, видно, пора возвращаться. Я дам вам знать, когда можно будет сойти на берег. Пока вам лучше оставаться на корабле.

– Нет, – громко сказал Кулум. Слово возникло откуда-то из глубины него, будто он разговаривал с самим собой. – Нет. Я поеду на берег первым. Один. Так будет лучше. Я увижусь с отцом наедине. Я должен сказать ему. Я поеду на берег один. – Он поднялся и, тихо ступая, прошел к двери; корабль размеренно покачивался, был слышен мягкий плеск волн о борт. Кулум вышел. Потом он вспомнил о чем-то и вернулся в каюту. – Я заберу депеши, – тихо сказал он своим высоким голосом. – Он захочет прочитать депеши.

Когда баркас отчалил от «Грозового Облака», Струан находился на круглом холме, где будет стоять его Большой Дом. Как только он увидел на баркасе своего старшего сына, сердце его перевернулось.

– Кулу-у-м! – покатился с вершины холма его ликующий крик. Он сорвал с себя сюртук и бешено закрутил им над головой, как человек, проживший шесть долгих лет на необитаемом острове, при виде первого корабля. – Кулуу-у-м! – Он бросился вниз, не разбирая дороги, напролом через колючие заросли шиповника, не обращая

внимания на царапины, забыв о тропинке, которая вела с берега через гребень к рыбацкой деревушке и пиратским стоянкам в южной части острова. Забыв обо всем на свете, кроме того, что сегодня, в первый день, здесь, с ним, его дорогой сын. Быстрее! Теперь он бежал вдоль берега, задыхаясь от радости.

На баркасе Кулум заметил его первым.

– Вон туда. Высадите меня вон там – Он указал рукой на ближайшее место на берегу.

Боцман Маккей круто заложил руль.

– Навались, ребята! – крикнул он матросам. Все они уже знали о страшном известии; сейчас эта новость перелетала с корабля на корабль, неся с собой щемящее чувство тревоги за близких. У многих имелись родственники между Сазерлендом и Глазго, и в Лондоне жили семьи большинства остальных.

Кулум встал и прыгнул через борт в мелкую воду.

– Оставьте нас. – Помогая себе руками, он двинулся к берегу.

Струан забежал в полосу прибоя, торопясь навстречу сыну, и здесь увидел слезы на его лице и прокричал:

– Кулум, мальчик мой!

Кулум остановился на мгновение и беспомощно опустил руки, утонув в бездонной радости отца. Потом он бросился вперед, вздымая ногами тучи брызг, и наконец, задыхаясь, упал в спасительные объятия. И тут весь ужас последних месяцев прорвался наружу, как лопнувший нарыв, и он зарыдал, прижавшись к отцу изо всех сил, и тогда Струан на руках отнес его на берег, покачивая как младенца и приговаривая: «Кулум, сынок» и «Ну, полно, полно...», и «О, дитя мое», а Кулум бормотал сквозь слезы: «Мы умерли... мы все умерли... Мама, Йэн, Лечи, бабушка, тетя, кузина Клер... мы все умерли, отец. Остались только я и Винифред, да и она сейчас, наверное, тоже умерла». Он повторял имена снова и снова, и каждое, как нож, вонзалось в сердце Струана.

Выплакавшись, Кулум заснул, обретя наконец покой в сильных и теплых объятиях отца. Сон его был глубок, и никакие сновидения не мучали его – впервые с тех пор, как началась эпидемия. Юноша проспал остаток этого дня, всю ночь и часть следующего, и все это время Струан держал сына на коленях, мягко его покачивая.

Струан не замечал течения времени. Иногда к нему приходили жена и деги – Рональда, Йэн, Лечи, Винифред – они садились рядом, и он разговаривал с ними. Иногда они уходили прочь, и он звал их – тихо, чтобы не потревожить сон Кулума, – и тогда они возвращались. Иногда он напевал тихие колыбельные песенки, с которыми Рональда обычно укладывала детей спать. Или гаэльские прибаутки своей матери, да еще те, что слышал от Катерины, своей второй матери. Иногда душу его окутывал туман, и он ничего не видел. Проснувшись, Кулум почувствовал умиротворение.

– Здравствуй, отец.

– С тобой все в порядке, сынок?

– Да, теперь все хорошо. – Кулум поднялся на ноги.

На пляже в тени скалы было холодно, но, выйдя на солнце, он начал согреваться. Флот неподвижно стоял на якоре в бухте, посыльные суда сновали между кораблями. Самих кораблей стало меньше.

– Это там будет стоять Большой Дом? – спросил Кулум, показывая рукой на круглый холм.

– Да. Там мы смогли бы жить с осени и до весны. В этот период здесь славно, хороший климат.

– Как называется эта долина?

– У нее пока нет названия. – Струан встал и подошел к сыну, преодолевая боль, разлившуюся по плечам и спине.

– У нее обязательно должно быть название.

– Маленькая Карен – твоя кузина Карен, младшая из дочерей Робба – хочет назвать ее Счастливой Долиной. Мы были бы счастливы здесь. – Голос его налился свинцом. – Они сильно страдали?

– Да.

– Ты расскажешь мне об этом?

– Не сейчас.

– Крошка Винифред, она умерла до того, как ты уехал?

– Нет. Но она была очень слаба. Доктора сказали, что при таком состоянии... доктора просто пожали плечами и ушли.

– А дедушка?

– Чума его даже не коснулась. Он примчался к нам быстрее ветра, когда услышал про болезнь, потом взял к себе Винифред. Я отправился жить к тете Ютинии, чтобы помогать им. Но я им не помог.

Струан стоял лицом к гавани, не видя ее.

– Ты сказал дяде Роббу?

– Да. Да, кажется, сказал.

– Бедный Робб. Мне лучше поторопиться на корабль. – Струан нагнулся и поднял конверты с депешами, наполовину присыпанные песком. Конверты были не распечатаны. Он отряхнул их от песка.

– Прости, – сказал Кулум, – я забыл отдать их тебе.

– Да нет, дружок. Ты мне их отдал. – Струан увидел направляющийся к берегу баркас. На корме сидел Исаак Перри.

– Доброе утро, мистер Струан. – осторожно заговорил Перри. – Сожалею по поводу вашей утраты.

– Как там Робб?

Перри не ответил. Он спрыгнул на берег и рявкнул матросам: «Пошевеливайтесь!», и Струан, преодолевая онемение своего разорванного в клочья мозга, спросил себя, почему Перри вдруг стал бояться его. Он не знал никаких причин для такого страха. Абсолютно ни одной.

Матросы вынесли на берег стол, скамьи, пищу, чай, бренди и одежду.

– Пошевеливайтесь! – раздраженно повторил Перри. – И станьте на рейде. Убирайтесь отсюда ко всем чертям и становитесь на рейд!

Гребцы быстро столкнули баркас на воду, вывели его за полосу прибоя, где и бросили якорь, радуясь возможности убраться подальше от тяжелой руки капитана.

Струан помог Кулуму переодеться во все сухое, потом надел чистую рубашку с оборками и теплый бушлат. Перри помог ему стянуть промокшие сапоги.

– Спасибо, – сказал Струан.

– Болит? – спросил Кулум, увидев его покалеченную ногу.

– Нет.

– Касательно мистера Робба, сэр, – начал Перри. – После того, как Кулум отправился сюда, он потребовал себе бутылку. Я сказал ему нет, но он ничего не хотел слушать. Вы отдали распоряжение, – запинаясь продолжал он, – так что каюта слегка пострадала, но бутылку я у него забрал. Когда он пришел в себя, он не стал сердиться. Я доставил его на «Китайское Облако» и передал на руки жене.

– Ты поступил правильно, Исаак. Благодарю тебя. – Струан положил Кулуму на тарелку его завтрак: говяжье рагу, клецки, холодного цыпленка, картофель, галеты, и налил себе оловянную кружку горячего сладкого чая.

– Его превосходительство шлет свои соболезнования. Он выразил желание повидаться с вами в любое удобное для вас время.

Струан провел рукой по лицу и ощутил ладонью колючую щетину. Интересно, задумался он, почему я чувствую себя грязным всякий раз, когда не побреюсь или не почищу зубы.

– Ваша бритва лежит вон там, – сказал Перри, показывая на маленький столик, поставленный сбоку. Он предвидел, что Струану, вероятно, захочется привести себя в порядок. Ему было известно, что чистоплотность стала для Тай-Пэна почти манией. – Я привез горячую воду.

– Спасибо. – Струан намочил в горячей воде полотенце и протер им лицо и голову. Затем намылил лицо и быстро и умело побрился без зеркала. Далее он окунул маленькую щетку в кружку с чаем и начал энергично чистить зубы.

Должно быть, еще одно языческое суеверие, с отвращением подумал Перри. Зубы стареют, гниют и выпадают – всегда так было и ничего с этим поделать нельзя.

Струан ополоснул рот чаем и сплюнул. Он вымыл кружку свежим чаем, вновь наполнил ее и с удовольствием выпил. Среди его бритвенных принадлежностей имелся флакончик одеколона, он вылил несколько капель себе на ладонь и протер лицо.

Почувствовав себя освеженным, он сел к столу. Кулум едва притронулся к пище.

– Тебе нужно поесть, дружок.

– Спасибо, я не голоден.

– Все равно поешь. – Ветер растрепал золотисто-рыжие волосы Струана – шотландец носил их длинными и не подвивал, – он рукой отбросил их назад. – Моя палатка установлена, Исаак?

– Конечно. Вы отдали распоряжение. Она стоит на холме над флагштоком.

– Передай Чен Шеню от моего имени, пусть он отправляется в Макао и купит там мед и сырые яйца. И пусть достанет китайских трав, которыми лечат расстройство желудка и последствия бенгальской чумы.

– Я хорошо себя чувствую, отец, спасибо, – слабо запротестовал Кулум. – И не нуждаюсь ни в каких отварах, приготовленных языческими ведьмами.

– Они не ведьмы и не колдуны в нашем понимании этих слов, сынок. И они китайцы, а не язычники. Их травы много раз спасали мне жизнь. Восток – это не Европа.

– Не стоит беспокоиться обо мне, отец.

– Нет, стоит. Восток не место для слабых и хилых. Исаак, отправь в Макао с Чен Шенем «Китайское Облако», и если корабль не обернется за рекордное время, капитан Орлов и все офицеры будут списаны на берег. Верни сюда баркас.

– Может быть, Кулуму лучше отправиться вместе с нами в Макао, мистер Струан?

– Он останется здесь под моим присмотром, пока я не решу, что он здоров.

– В Макао за ним будет хороший уход. У нас на корабле не...

– Черт побери, Исаак, ты будешь наконец делать то, что тебе приказывают? Давай сюда баркас!

Лицо Перри тут же превратилось в каменную маску, и он прокричал команду своим матросам.

Струан сел посередине баркаса, посадив Кулума рядом, Перри устроился позади них.

– К флагману! – приказал Струан. Он по привычке проверил положение своих кораблей, потом потянул носом воздух и посмотрел на облака, стараясь определить, какая будет погода. Море было спокойно. Но что-то подсказывало ему, что надвигается буря.

По пути к флагману Струан вскрыл депеши. Доход от продажи чая в прошлом году – хорошо. Плаванье Перри оказалось прибыльным – хорошо. Копия коносамента «Багрового Облака», которую Перри привез из Калькутты, – плохо... потеряно опиума на двести тысяч фунтов стерлингов. Благодарение Богу, клипер был застрахован, хотя это не вернет ни людей, ни времени, которое уйдет на строительство нового корабля. Груз опиума являлся контрабандой и поэтому при

страховании не учитывался. Годовой прибыли как не бывало Что же все-таки с ним случилось? Шторм или пиратство? Шторм, скорее всего. Если только они не наскочили на испанского, французского или американского – или английского, что ж, почему нет? – капера, которых было полным-полно в этих водах. Наконец он сломал сургучную печать на письме от своего банкира. Струан пробежал письмо глазами, и у него вырвалось громкое проклятие.

– Что случилось? – испуганно спросил Кулум.

– Так, старая рана разболелась. Ничего, пустяки, скоро пройдет. – Струан притворился, что занялся следующей депешей, но сам внутри бушевал от ярости, повторяя про себя прочитанное Господь Бог и все его ангелы! «Мы с сожалением извещаем вас. что совершенно непреднамеренно и на очень короткий срок мы превысили кредит, чем воспользовались злобные конкуренты, организовав широкое наступление на наш банк. Вследствие чего мы не можем долее держать двери открытыми. Совет директоров пришел к заключению, что мы в состоянии выплатить шесть пенсов за фунт. Имею честь, сэр, оставаться вашим покорнейшим слугой...» А у нас их бумаг без малого на миллион Двадцать пять тысяч за миллион, и это при том, что у нас почти на миллион долгов. Мы банкроты. Господь вседержитель, ведь я же предупреждал Робба не помещать все деньги в один банк. Разве можно было это делать, когда в Англии спекулируют все и вся и когда банк имеет право выпускать ценных бумаг на любую сумму, какая ему заблагорассудится.

– Но этот банк надежен, – сказал ему тогда Робб, – а нам нужно иметь капитал одним куском, чтобы иметь возможность предложить его в качестве дополнительного обеспечения. – И Робб пустился в подробные объяснения сложной финансовой махинации с испанскими, французскими и немецкими акциями, а также акциями национального внутреннего займа, которая в итоге должна была обеспечить торговому дому «Струан и компания» стабильное финансовое положение на международном уровне, открыть ему поистине неограниченный кредит для строительства новых кораблей, в которых нуждался Струан, и дать «Благородному Дому» особые привилегии на прибыльных рынках Германии, Франции и Испании.

– Ну хорошо, Робб, – согласился он тогда, так и не поняв до конца всех тонкостей этого плана, но веря в правильность того, о чем говорил его брат.

И вот теперь нам конец. Мы – банкроты.

Боже милостивый!

Он был еще слишком по грясен случившимся, чтобы начать искать выход Сейчас он мог размышлять лишь о величии Нового Века. О его сложности. О его невероятных скоростях. У Англии новая королева, Виктория – первый популярный в народе монарх за многие столетия. И ее муж Альберт – правда, о нем он еще ничего толком не знал, какой-то чертов иностранец из Сакс-Кобургов. Но парламент теперь стал действенной силой, в нем наконец воцарился порядок, а это был большой шаг вперед. Двадцать шесть лет мирной жизни, и ни одной большой войны на горизонте – неслыханное в веках достижение. Дьявол Бонапарт, слава Богу, на том свете, неистовая Франция надежно закупорена, и Британия впервые безраздельно правит миром. С рабством покончено восемь лег назад. Каналы как новый способ перевозки, платные дороги с необыкновенно ровной и долговечной поверхностью, фабрики, ткацкие станки, промышленность и массовое производство, железо и уголь, акционерные общества – вот лишь некоторые из множества нововведений, появившихся за последние десять лет. А ведь есть еще и пенсовая почта – первая дешевая почта на свете, и первая в мире полиция, и «магнетизм» – какого бы дьявола ни означало это слово, – и паровой молот, и первый Фабричный Акт, и парламент, наконец-то вырванный из рук кучки богатых аристократов-землевладельцев, так что теперь – даже поверить трудно – любой англичанин, имеющий дом с годовым доходом в двадцать фунтов, действительно мог

участвовать в выборах и даже стать премьер-министром. А Промышленная Революция с ее невероятным размахом, сделавшая Британию фантастически богатой, и эти богатства начинают теперь распространяться за пределы страны. Новые идеи о государственном управлении, о взаимоотношениях правительств и народов, опрокидывающие вековые барьеры Все британское, все новое. А взять этот локомотив!

– Да, вот уж изобретение, которое потрясет весь мир, – пробормотал он.

– О чем ты говоришь, отец? – спросил Кулум. Струан пришел в себя.

– Я просто вспомнил нашу поездку на поезде, – сказал он первое, что пришло в голову.

– Вы ездили на поезде, сэр? – заинтересовался Маккей. – На что это похоже? А когда это было?

– Мы были пассажирами первого рейса машины Стефенсона, которую он назвал «Ракета». Мне в тот год исполнилось двенадцать, – ответил Кулум.

– Нет, парень, одиннадцать, – поправил его Струан – Это было в 1830. Одиннадцать лет назад. Первый рейс «Ракеты» с первым пассажирским поездом в мире. От Манчестера до Ливерпуля. День пути для дилижанса, а мы проделали все путешествие за полтора часа. – Струан вновь задумался о судьбе «Благородного Дома». Он вспомнил о своих инструкциях Роббу занять столько денег, сколько удастся, чтобы сделать корнер на опиуме. Так, прикинем... возможно, нам удастся заработать на этом пятьдесят, его тысяч фунтов. Да, но ведь это капля в море по сравнению с тем, что нам нужно. Три миллиона, которые нам должны за украденный опиум! Да, только нам их не получить, пока договор не будет ратифицирован – это от шести до девяти месяцев, а ближайший срок платежей по траттам через четыре недели!

Где взять наличные? Положение у нас пока хорошее, вернее, не положение, а репутация. Вот только шакалы щелкают зубами у самых пяток. Во-первых, Брок. Потом «Купер и Тиллман». Интересно, это Брок начал наступление на банк? Или его щенок Морган? У Броков достанет на это и денег и влияния. Нам нужны наличные. Или огромный долгосрочный кредит. Кредит, опирающийся на реальные деньги, а не на пустые бумажки. Мы банкроты. По крайней мере, мы банкроты, если наши кредиторы насядут на нас через месяц.

Он почувствовал на своей руке ладонь сына.

– Что ты сказал, мой мальчик? Ты говорил «Ракета»? Кулума сильно встревожили бледность Струана и пронзительный свет, струившийся из его глаз.

– Флагман. Мы прибыли.

Кулум поднялся вслед за отцом на палубу Он никогда раньше не бывал на военном корабле, не говоря уже о линкоре. Трехмачтовый корабль «Титан» флота Ее Величества был одним из самых мощных судов того времени. Его семьдесят четыре пушки располагались на трех пушечных палубах. Однако на Кулума эта громадина не произвела никакого впечатления. Корабли его не интересовали, а море он ненавидел. Он боялся его неистового нрава, безбрежные просторы и таящиеся в них опасности пугали его, и он не умел плавать. Его всегда удивляло, как это отец мог любить море.

Я так мало знаю о своем отце, подумал он. Что ж, ничего странного тут нет. За всю жизнь я видел его лишь несколько раз, последний – шесть лет назад Он совсем не изменился за это время. Зато изменился я сам. Теперь я твердо знаю, чему хочу посвятить свою жизнь. И сейчас, когда я один... Мне нравится быть одному, и вместе с тем одиночество так мучительно.

Следуя за отцом, Кулум спустился по трапу на главную пушечную палубу. Низкий потолок заставил их пригнуться, когда они направились в кормовую часть к каюте, которую охранял часовой Внутри корабль пропах порохом, смолой, пенькой и потом.

– Добрый вечер, сэр, – приветствовал Струана морской пехотинец, направив на него свой мушкет, как предписывала инструкция. – Начальник караула!

Начальник караула в алом мундире с начищенными до ослепительного блеска пуговицами вышел из караульного помещения. Этот человек был тяжел и тверд, как пушечное ядро, и имел такую же круглую голову.

– Добрый день, мистер Струан. Одну минуту, сэр-р. – Он почтительно постучал в дубовую дверь каюты. Оттуда донеслось: «Войдите», и он вошел, прикрыв за собой дверь.

Струан достал сигару и предложил ее Кулуму:

– Ты уже куришь, мальчик мой?

– Да. Спасибо, отец.

Струан раскурил сигару для Кулума и еше одну для себя. Выпустив длинную струю дыма, он прислонился спиной к одной из двенадцашфутовых пушек Ядра, каждое в шестьдесят фунтов весом, были уложены рядом в аккуратные пирамиды – всегда наготове.

Дверь каюты открылась. На пороге появился Лонгстафф, изящный, щегольски одетый мужчина с высоким лбом и темными глазами Его черные волосы были завиты по последней моде, густые бачки топорщились. Часовой взял мушкет на караул, начальник караула вернулся в свою каюту.

– Привет, Дирк, дружище. Как вы себя чувствуете? Я был так опечален, узнав о вашем горе. – Лонгстафф нервно подал Струану руку, потом улыбнулся Кулуму и протянул руку еще раз: – Вы, должно быть, Кулум. Я Уильям Лонгстафф. Мне искренне жаль, что вы прибыли к нам при таких ужасных обстоятельствах.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, – ответил Кулум, пораженный тем, что капитан-суперинтендант торговли оказался так молод.

– Вы не обидитесь, если придется чуть-чуть подождать, Дирк? У меня сейчас встреча с адмиралом и всеми капитанами. Я закончу через несколько минут, – добавил Лонгстафф с легким зевком. – Мне о многом нужно поговорить с вами Если у вас есть настроение.

– Да.

Лонгстафф встревоженно взглянул на золотые, украшенные драгоценными камнями карманные часы, которые свисали с его парчового жилета:

– Почти одиннадцать! Похоже, мне никогда не будет хватать времени. Не хотите ли пройти в кают-компанию?

– Нет. Мы подождем здесь.

– Как вам будет угодно. – Лонгстафф быстро вернулся в каюту и захлопнул дверь.

– Он очень молод для полномочного представителя Короны, не так ли?

– И да, и нет. Ему тридцать шесть. Империи создаются молодыми, Кулум. Это разрушают их старики.

– Он совсем не похож на англичанина. Он кто, валлиец?

– Ею мать испанка. – Что, видимо, объясняет его природную жестокость, подумал про себя Струан. – Она была графиней. Его отец служил дипломатом при испанском дворе. Это был один из тех браков, которые называют «породистыми». Его семья связана по какой-то линии с графами Тот.

Если ты не родился аристократом, с горечью подумал Кулум, как бы умен ты ни был, у тебя нет ни одного шанса пробиться наверх. Ни одного. Пока не произойдет революция.

– Дела в Англии очень плохи, – сказал он отцу.

– Как так. дружок?

– Богатые слишком богаты, а бедные слишком бедны. Люди ринулись в города в поисках работы. Людей много – рабочих мест мало, поэтому наниматели платят все

меньше и меньше. Народ голодает. Лидеры чартистов по-прежнему в тюрьме.

– Вот и хорошо. Этих смутьянов вообще следовало бы повесить или хотя бы выслать из страны.

– Ты не одобряешь Хартии, отец? – Кулум сразу насторожился. «Народная хартия» была написана более трех лет назад и с тех пор являлась символом свободы, объединяющим всех недовольных британцев. Хартия требовала права голоса для каждого совершеннолетнего мужчины, отмены имущественного ценза для членов парламента и выплаты им жалованья, уравнения избирательных округов, тайного голосования и ежегодного проведения сессий.

– Я одобряю ее как документ, содержащий справедливые требования. Но не одобряю самих чартистов и их лидеров. Я считаю, что в Хартии много в основе своей правильных идей, но попали они в плохие руки.

– А что плохого в том, чтобы агитировать за реформу? Парламент должен решиться на все эти изменения.

– Агитировать – да. Говорить, спорить, писать петиции. Но не подстрекать к насилию и не устраивать революций. Правительство поступило совершенно правильно, когда покончило с беспорядками в Уэльсе и Мидленде. Клянусь Господом, неповиновение – это не выход. Ходят слухи, что чартисты так и не усвоили преподанного им урока, что они скупают оружие и собираются на тайные сходки. Клянусь Богом, их следует растоптать раз и навсегда.

– Хартию растоптать не удастся. Слишком многим она нужна, и эти люди готовы умереть за нее.

– Что ж, тогда смертей будет очень и очень много, мой мальчик. Чартисты должны запастись терпением.

– Ты просто не представляешь, отец, во что теперь превратилась жизнь на Британских островах. Ты так долго пробыл здесь. Терпение нелегко дается тем, у кого живот подвело от голода.

– Здесь, в Китае, то же самое. Везде в мире ты увидишь одно и то же. Но бунт, неповиновение – это не британский путь.

Скоро он будет им, мрачно подумал Кулум, если для британцев ничего не изменится в самом близком будущем. Он пожалел, что оставил Глазго и уехал на Восток. Глазго был центром шотландских чартистов, а он возглавлял группу студентов, которые тайно поклялись отдавать свой труд – а если понадобится, и жизни – движению сторонников Хартии.

Дверь каюты вновь распахнулась, и часовой замер. Из каюты вышел адмирал, массивный человек с каменным лицом; было видно, что он сильно не в духе. Сопровождаемый своими капитанами, он направился к трапу. Большинство капитанов были молоды, хотя попадались среди них и седовласые старики. Все были в морских мундирах и треуголках, их сабли позвякивали на ходу.

Капитан Глессинг вышел последним. Он остановился перед Струаном:

– Позвольте выразить вам мои соболезнования, мистер Струан. Какое страшное невезение!

– Да. – Неужели это просто невезение, подумал Струан, когда ты теряешь красавицу-жену и трех чудесных ребятишек? И имеет ли Бог – или дьявол – какое-то отношение к йоссу? Или все это: Бог, дьявол, везение, йосс – лишь разные названия одной и той же вещи?

– Кстати, вы были совершенно правы, прикончив того взбесившегося пехотинца, – говорил между тем Глессинг.

– Я его и пальцем не тронул.

– О? Значит мне показалось. С того места, где я стоял, мало что можно было разглядеть. Это, впрочем, не важно.

– Вы похоронили его на берегу?

– Нет. Не стоит загрязнять остров болезнями такого рода... Имя Рамсей говорит вам что-нибудь, мистер Струан? – спросил Глессинг, отбросив в сторону любезности.

– Рамсей – довольно распространенное имя, – осторожно ответил Струан.

– Верно. Но шотландцы обычно стараются держаться друг друга. Разве не в этом секрет успеха тех компаний, которыми руководят шотландцы?

– Да, найти людей, достойных доверия, трудное дело. А вам имя Рамсей говорит о чем-нибудь?

– Это имя матроса, дезертировавшего с моего корабля, – ответил Глессинг, глядя на него в упор. – Если не ошибаюсь, он доводится родственником вашему боцману Маккею.

– И что же?

– Ничего. Просто ставлю вас в известность. Как вы, конечно, знаете, любое торговое судно, вне зависимости от того, несет оно вооружение или нет, может быть захвачено в качестве приза, если примет на борт дезертира. Захвачено королевским военно-морским флотом. – Глессинг улыбнулся. Дезертировать глупо. Куда еще ему бежать, как не на другой корабль?

– Некуда. – Струан почувствовал себя в ловушке. Он был уверен, что Рамсей сейчас скрывается на одном из его кораблей, и не сомневался, что Брок приложил к этому руку, а возможно, и Глессинг тоже.

– Сегодня мы проводим досмотр всех кораблей. Вы, конечно, не станете возражать?

– Конечно, нет. Наша компания очень тщательно подбирает команды на свои корабли.

– Очень разумно. Адмирал решил, что «Благородный Дом» заслуживает особой привилегии, поэтому ваши корабли будут осмотрены немедленно.

В этом случае я уже ничего не могу сделать. И он выбросил из головы эту проблему.

– Капитан, я бы хотел представить вам моего старшего... моего сына Кулума. Кулум, перед тобой наш знаменитый капитан Глессинг, который выиграл битву при Чуэн-пи.

– Добрый день. – Глессинг вежливо пожал руку молодому человеку. Рука Кулума с длинными пальцами показалась ему мягкой и немного женственной. Смахивает на денди, подумал Глессинг. Приталенный сюргук, бледно-голубой галстук, высокий воротник – должно быть, студент последнего курса. Любопытно пожимать руку человеку, который перенес бенгальскую чуму и остался жив. Интересно, а я бы выжил?.. – Это нельзя было назвать сражением.

– Два небольших фрегата против двадцати боевых джонок и тридцати с лишним брандеров? И это, по-вашему, не битва?

– Стычка, мистер Струан. Это могла бы быть битва... – Если бы не этот чертов трус Лонгстафф и не ты, гнусный пират, хотелось закончить Глессингу.

– А вот мы, коммерсанты, считаем, что это была самая настоящая битва, Кулум, – с иронией сказал Струан сыну. – Нам никогда не понять разницы между сражением и стычкой. Мы всего лишь мирные торговцы. Но первый в мировой истории случай, когда Англия скрестила оружие с Китаем, заслуживает того, чтобы его назвали «сражением». Это произошло чуть больше года назад. Мы стреляли первыми.

– А как бы поступили вы, мистер Струан? Это было правильное тактическое решение.

– Ну, разумеется.

– Капитан-суперинтендант торговли полностью одобрил мои деист вия.

– Конечно. Правда, у него не было особою выбора.

– Заново переживаете старые баталии, капитан Глессинг? – раздался голос

Лонгстаффа. Капитан-суперинтендант стоял на пороге своей каюты и с интересом слушал их разговор, оставаясь незамеченным.

– Нет, ваше превосходительство, просто по-новому смотрю на старую стычку. Как вам известно, мистер Струан и я никогда не сходились во взглядах на то, что произошло у Чуэн-пи.

– А почему вы непременно должны смотреть на это одинаково? Если бы мистер Струан командовал вашими кораблями, его решение, вполне возможно, совпадало бы с вашим. И будь вы на месте мистера Струана, у вас тоже могла бы появиться уверенность, что китайцы не станут нападать на вас первыми, и вы бы пошли на риск и не отдали приказа открывать огонь. – Лонгстафф зевнул, поигрывая карманными часами – А что бы предприняли вы, Кулум?

– Не могу сказать, сэр. Я не знаю всех сложностей обстановки, существовавших на ту пору.

– Хорошо сказано. «Сложности обстановки» – это удачное выражение. – Лонгстафф усмехнулся – Не согласитесь ли составить нам компанию, капитан? Бокал сака?

– Благодарю вас, сэр, но мне пора возвращаться на свой корабль. – Глессинг ловко отдал честь и удалился.

Лонгстафф жестом пригласил Струанов в кабинет для совещаний, который временно служил капитан-суперинтенданту в качестве личных апартаментов. Комната выглядела по-спартански, из обстановки имелось только то, что было необходимо для работы. Глубокие кожаные кресла, столы с картами, комоды, массивный дубовый стол были надежно прикручены к палубе. Позади бюро из дуба, богато украшенного резьбой, полукругом шли окна кормы с частыми рамами. Каюта пахла дегтем, табаком, морем и, неизбежно, порохом.

– Стюард! – позвал Лонгстафф. Дверь каюты открылась в ту же секунду.

– Да, сэр?

Лонгстафф повернулся к Струану:

– Сак? Бренди? Портвейн?

– Сухой сак, благодарю вас.

– То же самое, пожалуйста, сэр, – сказал Кулум.

– Мне портвейн. – Лонгстафф опять зевнул.

– Слушаю, сэр.

Стюард достал бутылки из буфета и разлил вино в тонкие хрустальные бокалы.

– Вы впервые покинули Англию, Кулум? – поинтересовался Лонгстафф.

– Да, сэр.

– Но, я полагаю, с нашими последними «сложностями обстановки» вы хорошо знакомы.

– Нет, ваше превосходительство. Отец не писал подробных писем, а в газетах про Китай не упоминают.

– Ну, скоро начнут, не правда ли, Дирк? Стюард подал бокалы: сначала Лонгстаффу, затем его гостям.

– Проследите, чтобы нас не беспокоили.

– Да, сэр. – Стюард оставил бутылки на столике рядом и вышел.

– Тост, – провозгласил Лонгстафф, и Струан вспомнил тост Робба и пожалел, что сначала отправился на флагман. – За то, чтобы ваше пребывание здесь, Кулум, было приятным, а возвращение домой – безопасным.

Они выпили. Сухой сак был превосходен.

– Здесь сейчас вершится история, Кулум. И никто не может рассказать вам об этом правдивее и лучше, чем ваш отец.

– У китайцев есть старинная поговорка, Кулум... «Правда имеет много лиц», – сказал Струан.

– Я не понимаю.

– Просто мое изложение «фактов» совсем не обязательно будет единственно верным. – Эти слова напомнили ему об императорском наместнике Лине, который содержался в Кантоне под стражей и в бесчестье, потому что его политика привела к открытому конфликту с Британией; в скором времени его ожидал смертный приговор. – Этот дьявол Линь все еще в Кантоне? – спросил он.

– Думаю, да. Его превосходительство Ти-сен улыбнулся, когда я три дня назад задал ему вопрос о судьбе Линя, и сказал загадочно: «Багряный является Сыном Неба. Как может человек провидеть волю Неба?» Китайского императора зовут Сыном Неба, – пояснил Лонгстафф для Кулума. – «Багряный» – еще одно из его многочисленных имен, поскольку он всегда пишет тушью алого цвета.

– Странные, странные люди эти китайцы, Кулум, – добавил Струан. – Например, из трехсот миллионов человек только император имеет право писать алой тушью. Попытайся представить себе это. Если бы королева Виктория заявила в один прекрасный день, что отныне только ей дозволено пользоваться красными чернилами, как бы мы ни любили ее, сорок тысяч британцев в тот же миг отказались бы от всех чернил, кроме красных. Я бы сам первый так поступил.

– И каждый Китайский торговец, – вставил Лонгстафф с издевкой, которой сам, очевидно, не замечал, – немедленно послал бы ей бочонок чернил означенною цвета – с оплатой по получении – и заверил бы Ее Британское Величество в своей готовности стать поставщиком Короны – по соответствующей цене. И все заверения непременно были бы написаны красным. Ха, надо полагать, у них есть на это право. Где оказались бы все мы, не будь торговли?

Возникла короткая пауза, и Кулум спросил себя, почему отец молча проглотил нанесенное ему оскорбление. Или это не было оскорблением? Возможно, это лишь еще одна непреложная истина: аристократы всегда издеваются над теми, кто не принадлежит к их кругу? Что ж, наша Хартия решила бы проблему аристократии раз и навсегда.

– Вы хотели видеть меня, Уилл? – Струан чувствовал себя смертельно усталым. Его нога болела, невыносимо ныли плечи.

– Да. За последние два дня произошло несколько незначительных событий, Кулум, вы не извините нас на минуту? Мне необходимо поговорить с вашим отцом наедине.

– Разумеется, сэр. – Кулум поднялся.

– В этом нет нужды, Уилл. – Струан жестом остановил сына. Если бы не насмешки Лонгстаффа, он не стал бы его задерживать. – Кулум теперь один из партнеров торгового дома «Струан и компания». Придет день, когда он будет управлять им как Тай-Пэн. Вы можете доверять ему так же, как доверяете мне.

Кулуму захотелось сказать: «Я никогда не стану участвовать в этом, никогда. У меня другие планы». Но он не смог произнести ни слова.

– В таком случае примите мои поздравления, Кулум, – небрежно наклонил голову Лонгстафф. – Быть партнером «Благородного Дома» – это удача, которую нельзя купить ни за какие деньги.

Только не когда ты банкрот, едва не добавил Струан.

– Садись, Кулум.

Лонгстафф прошелся взад-вперед по каюте и начал:

– На завтра назначена встреча с полномочным представителем китайского императора для обсуждения деталей договора.

– Он предложил место и время встречи или вы?

– Он.

– Тогда, наверное, вам лучше все изменить. Выберите другое место и назначьте другое время.

– Зачем?

– Затем, что если вы согласитесь с его предложением, он и все мандарины будут рассматривать это как проявление слабости.

– Хорошо. Если вы так считаете. Скажем, послезавтра, а? В Кантоне?

– Да. Возьмите с собой Горацио и Маусса. Если хотите, я тоже поеду с вами. И мы обязательно должны опоздать на четыре часа.

– Но, черт меня возьми, Дирк, к чему такие крайности. Четыре часа? Клянусь честью, это просто смешно!

– Это не смешно. Если вы будете вести себя с ними как повелитель с подчиненными, вы получите преимущество на переговорах. – Струан посмотрел на Кулума. – Здесь, на Востоке, игру приходится вести по восточным правилам. Незначительные вещи, мелочи приобретают огромную важность. Его превосходительство получил крайне трудное назначение. Один крошечный промах сейчас – и его последствия не исправить в течение целого полувека. Ему приходится действовать быстро и при этом соблюдать величайшую осторожность.

– Да. И никакой помощи, черт побери! – Лонгстафф осушил свой бокал и вновь его наполнил. – Какого дьявола, почему они не могут вести себя как цивилизованные люди, этого мне никогда не понять. Никогда. За исключением вашего отца, здесь нет ни одного человека, который старался бы помочь мне. Дома Кабинет просто не представляет, с какими проблемами мне приходится здесь сталкиваться, да им это и не интересно. Я здесь полностью предоставлен самому себе. Мне присылают невыполнимые инструкции, рассчитывая, что я смогу найти общий язык с невозможным народом. Клянусь честью, мы должны опаздывать на четыре часа, чтобы доказать, что мы «выше» них, когда всякому и так ясно, что мы выше! – Он раздраженно взял щепотку табака и чихнул.

– Когда вы намерены провести распродажу земли, Уилл?

– Ну... э... я так думал, когда Кабинет одобрит договор Времени у нас достаточно. Скажем, где-нибудь в сентябре.

– Разве вы забыли о вашей замечательной идее? Мне казалось, вы хотите начать застраивать Гонконг немедленно?

Лонгстафф напряг свою память. Ему показалось, что он действительно припоминает какой-то разговор со Струаном. О чем там, черт побери, шла речь?

– Ну, передача Гонконга, конечно же, остается неофициальной, пока оба правительства не ратифицировали договор – я хочу сказать, это ведь обычная процедура, ну?

– Да. Но ситуация у нас необычная. – Струан поиграл бокалом. – Гонконг наш. Чем скорее мы начнем строиться, тем лучше, разве это не ваши слова?

– Ну, остров-то, конечно, наш... – Что же это был за план? Лонгстафф подавил очередной зевок.

– Вы сказали, что вся земля должна принадлежать королеве. Что до тех пор, пока вас официально не назначили первым губернатором Гонконга, управление островом должно быть сосредоточено в ваших руках, поскольку вы являетесь полномочным представителем Короны. Если вы подпишете особое постановление, все пойдет по плану. Будь я на вашем месте, я бы провел распродажу уже в следующем месяце. Не забывайте, Уилл, что для колонии вам понадобятся деньги. Кабинет с большим подозрением относится к тем колониям, которые не могут обходиться своими средствами.

– Правильно. Да. Совершенно верно. Конечно. Мы должны начинать как можно скорее Первая распродажа земли будет проведена в следующем месяце. Так-так. Теперь мне надо определить форму владения. Что это будет: фригольд[9], аренда или

---

[9] Фригольд – безусловное право собственности на недвижимость.

еще что-нибудь.

– Аренда на девятьсот девяносто девять лет. Обычный для Короны срок арендных соглашений.

– Отлично. – Лонгстафф беспомощно всплеснул руками. – Как будто у нас других забот не хватает, Кулум! Теперь вот придется превращаться в каких-то чертовых торгашей. С чего, дьявол меня забери, вообще начинают строительство колонии, ну? Должны быть выгребные ямы, улицы, дома и Бог его знает что еще. Да, еще здание суда и тюрьма! – Он остановился перед Кулумом: – Вы сколько-нибудь знакомы с юриспруденцией?

– Нет, ваше превосходительство, – ответил Кулум – Я всего лишь прослушал половину курса по изящным искусствам в университете.

– Это не важно. Мне понадобятся управляющий делами колонии, генерал-адъютант, казначей и Бог знает кто еще. Потом нужно же иметь какую-то полицию. Вам бы не хотелось возглавить нашу полицию?

– Нет, благодарю вас, сэр. – Кулум постарался не показать, насколько его шокировало это предложение.

– Что ж, я уверен, мы сможем найти вам какое-нибудь применение. Каждому придется приложить усилия. Я не в состоянии сам обо всем заботиться. Поразмыслите о том, чем бы вам хотелось заняться, и дайте мне знать. Нам понадобятся люди, достойные доверия.

– А почему бы не назначить его к вам в штат заместителем? – предложил Струан. – Мы одолжим его вам на полгода.

– Превосходно. – Лонгстафф улыбнулся Кулуму. – Очень хорошо. Отныне вы заместитель управляющего делами колонии. Так, давайте посмотрим... Приготовьте-ка все для распродажи земельных участков. Это будет вашим первым поручением.

– Но сэр, я ничего не знаю о том, как проводятся распродажи земельных участков. Я ничего не знаю о...

– Вы знаете не меньше, чем любой из нас, а ваш отец сумеет вас направить. Вы будете... э... заместителем управляющего делами колонии. Отлично. Теперь я могу забыть об этой проблеме. Выясните, что следует сделать и как, а потом скажете мне, что необходимо сделать для придания всему этому официального характера. Проведите аукцион. Думаю, это будет честно. – Лонгстафф вновь наполнил свой бокал. – Да, кстати, Дирк, я отдал распоряжение об эвакуации наших сил с острова Цюшан.

Струан почувствовал, как внутри у него все похолодело.

– Зачем вам понадобилось это делать, Уилл?

– Я получил специальное послание от его превосходительства Ти-сена два дня назад, в котором он просил меня сделать это в качестве жеста доброй воли.

– Вы могли бы подождать.

– Он требовал немедленного ответа, а... э... с вами никак нельзя было связаться.

– «Немедленно» для китайца может означать любой срок до столетия включительно. – О Уилли, дурень ты несчастный, подумал он, сколько же раз тебе нужно объяснять?

Лонгстафф почувствовал на себе давящий взгляд зеленых глаз.

– Ти-сен как раз посылал копию доювора императору и хотел включить в свое донесение весть о том, что мы приказали оставить остров. Мы ведь и так собирались вернуть его китайцам, ну? Такой же у нас был план. Чертнязьми, какая разница – сейчас или потом?

– Для китайцев сроки всегда очень важны. Приказ уже отправлен?

– Да. Он был послан вчера. Ти-сен оказался настолько любезен, что предложил нам воспользоваться императорской конной эстафетой. С ней я его и передал.

Дьявол тебя забери за твою слепоту, в отчаянии подумал Струан. Невыносимый идиот.

– Очень плохо пользоваться их услугами для передачи наших распоряжений. Мы потеряли лицо, а они получили дополнительные очки. Теперь уже бесполезно посылать корабль. – Его голос звучал холодно и жестко. – К тому времени, когда он доберется до Цюшана, эвакуация уже закончится. Ну что же, дело сделано, так что говорить теперь не о чем. Но это было неблагоразумно. Китайцы увидят в этом лишь проявление слабости.

– Мне подумалось, что акт доброй воли – это отличная идея, отличная, – продолжал Лонгстафф, стараясь преодолеть свою нервозность. – В конце концов мы получили все, что хотели. Контрибуция на них наложена небольшая – всего шесть миллионов долларов, – но и это с лихвой окупает уничтоженный ими опиум. Кантон вновь открыт для торговли. И у нас есть Гонконг. Наконец-то. – Его глаза заискрились. – Все идет по плану. Остров Цюшан значения не имеет. Вы сами говорили, что его нужно захватить только для отвода глаз. Но Гонконг наш. И Ти-сен заверил меня, что еще до конца месяца он назначит сюда мандарина, и они...

– Он сделает что?! – Струан был ошеломлен.

– Назначит на Гонконг мандарина. А в чем дело?

Спокойнее, спокойнее, одернул себя Струан, напрягая все душевные силы, чтобы сохранить невозмутимость. Хватало же у тебя терпения до сих пор, ну же, держи себя в руках. Это слабоумное ничтожество – твой самый необходимый инструмент.

– Уилл, если вы позволите ему сделать это, вы своими руками отдадите ему власть над Гонконгом.

– Вовсе нет, мой дорогой друг, ну? Гонконг теперь принадлежит Британии. Язычники на острове будут жить под нашим флагом и подчиняться нашей администрации. Кто-то же должен отвечать за этих дьяволов, ну? И должен же быть кто-то, кому мы будем платить таможенную пошлину. Где найти для этого более удачное место, чем Гонконг? Они построят здесь свою таможню, склады и...

– Что?! – Слово с треском врезалось в дубовую переборку и запрыгало по каюте. – Кровь Христова, вы, я надеюсь, не согласились на это?

– Ну, лично я не вижу в этом большого зла, Дирк, а? Клянусь честью, это же ничего не меняет, разве нет? Наоборот, избавит нас от целой кучи проблем. Нам уже не нужно будет находиться в Кантоне. Мы сможем делать все дела прямо отсюда.

Пытаясь справиться с бешеным желанием раздавить Лонгстаффа как клопа, Струан подошел к бюро и налил себе бренди. Держись. Ты не можешь его сейчас уничтожить. Сейчас не время. Ты должен его использовать.

– Вы пришли к конкретному соглашению с Ти-сеном, что он может назначить на Гонконг мандарина?

– Ну, мой дорогой друг, я не то чтобы окончательно согласился. Это ведь не предусмотрено договором. Я просто согласился с тем, что это хорошая мысль.

– Вы выразили свое согласие письменно?

– Да. Вчера. – Лонгстафф был сбит с голку настойчивостью Струана. – Но разве это не го, чего мы так долго добивались? Иметь возможность обращаться к мандарину непосредственно, а не через купцов из этого китайского хонга?

– Верно. Но не на нашем острове, клянусь Создателем! – Голос Струана звучал ровно. А про себя он подумал: черт бы побрал эту убогую пародию на полномочного представителя Короны, этого напыщенного дурака, нерешительного аристократишку, умеющего делать только ошибки, эту навозную кучу, о которую все время приходится спотыкаться. – Если вы допустите это, мы потеряем Гонконг. Мы потеряем все.

Лонгстафф подергал себя за мочку уха, сникнув под взглядом Струана.

– Но почему, отец? – спросил Кулум.

К огромному облегчению Лонгстаффа горящие зеленые глаза повернулись к юноше, и капитан-суперинтендант торговли подумал: «Да, почему? Почему мы должны все потерять? Мне казалось, я просто чудесно все устроил».

– Потому что они – китайцы.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Я знаю, мой мальчик. – Чтобы заглушить боль от потери семьи, внезапно выросшую внутри него, и прогнать от себя безумную тревогу по поводу грозящего им банкротства, он решил все подробно объяснить – не только Кулуму, но и, в который раз, Лонгстаффу. – Первое, что ты должен понять: в течение пятидесяти столетий китайцы называли свою страну Срединным Царством – царством, которое боги поместили между небом сверху и землей снизу. Китаец – исключительное существо, он стоит выше всех уже просто потому, что он китаец. Всех остальных людей – всех без исключения – они считают дикарями, которые недостойны даже снисходительного взгляда. Только им одним как единственной действительно цивилизованной нации дано божественное право властвовать на земле. Для китайцев наша королева Виктория – не более чем вассальный правитель, который должен платить им дань. У Китая нет ни флота, ни армии, мы можем сделать с ним все, что нам заблагорассудится. Но они верят, что они самая цивилизованная, самая могучая и самая богатая – в этом, полагаю, они потенциально могут быть правы – нация на земле. Ты когда-нибудь слышал о Восьми Правилах?

Кулум покачал головой.

– Видишь ли, это были условия, на которых китайский император согласился торговать с «варварами» сто пятьдесят лет назад. Эти Правила ограничивали всю торговлю с нами одним только портом – Кантоном. Чай и шелк должны были оплачиваться только серебром, торговля в кредит не допускалась, контрабанда была запрещена. «Варварам» разрешалось строить лабазы и фактории в Кантоне на полоске земли длиной полмили и шириной двести ярдов. Выходить за пределы этой строго ограниченной территории – Кантонского поселения – «варвары» не имели права, и проживать в поселении могли только в период зимней торговли – с сентября по март, – после чего должны были возвращаться в Макао. Ни при каких обстоятельствах ни одной «варварской» семье не разрешалось жить в поселении, так же как и ни одной без исключения женщине. В поселении ни в коем случае не должно было храниться оружие. Изучение китайского, прогулки на лодке или в паланкине, смешение с местным населением запрещалось. «Варварские» военные корабли не допускались в устье Жемчужной реки[10].

Все наши торговые суда вставали на якорь у Вампоа, тринадцатью милями ниже, где происходили погрузка и разгрузка и где выплачивалась таможенная пошлина за вывоз товара – серебром. Все сделки с «дикарями» должны были осуществляться монопольно через гильдию из десяти китайских купцов, которую мы называем Ко-хонг. Ко-хонг также является для нас единственным поставщиком пищи и строго определенного числа слуг, лодочников и компрадоров. И, наконец, главное Правило, делавшее нас совершенно беспомощными, – нынешний договор отменяет его – гласило, что все петиции, прошения, жалобы «варвары» могли подавать только в Ко-хонг, который затем передавал их мандаринам.

Правила преследовали единственную цель – держать нас на расстоянии и в постоянном напряжении, но при этом выжимать из нас каждый пенни. Запомни: китайцы любят деньги. Но то, что выжималось из нас, шло в карман не всем китайцам,

---

[10] Жемчужная река – другое название реки Сицзян.

а только маньчжурам, которые правят страной. Маньчжуры считают, что наши идеи – христианство, парламент, свободные выборы и, в первую очередь, равенство людей перед законом и суд присяжных – революционны, опасны и вредны. Но им нужно наше серебро.

При Восьми Правилах мы были бесправны, наша торговля контролировалась, с нас могли затребовать любую мзду. И все равно мы делали деньги. – Он улыбнулся. – Мы заработали много денег. И они тоже. Со временем большинство Правил отпало само собой из-за жадности чиновников. Основные – никаких военных кораблей, никаких официальных контактов, кроме как через купцов Ко-хонга, никаких жен в Кантоне, запрещение оставаться там после марта или селиться раньше сентября – остались в силе.

И что типично для китайцев, несчастных купцов Ко-хонга сделали целиком ответственными за нас. Стоило возникнуть какому-нибудь «осложнению», и на них обрушивался гнев императора. Что опять же очень по-китайски. Ко-хонг выдаивали и будут выдаивать до тех пор, пока большинство купцов не разорится. У нас на шестьсот тысяч гиней их ценных бумаг, которые не стоят ни гроша. У Брока примерно столько же. По китайским обычаям Ко-хонгу приходится покупать свои должности у императора, и им полагается постоянно слать наверх огромные «подарки» – пятьдесят тысяч тэйлов серебром составляет обычный «подарок» императору в день его рождения от каждого из них.

Над Ко-хонгом стоит главный мздоимец самого императора. Мы зовем его Хоппо. Он отвечает за выжимание денег из мандаринов Кантона, из Ко-хонга и вообще изо всех, кто попадается ему под руку. Хоппо так же покупает свою должность – он, кстати, самый крупный торговец опиумом и наживает на этом огромные деньги.

Поэтому допустить на Гонконг хотя бы одного мандарина значит открыть двери всей системе. Этот мандарин станет Хоппо. Ему будет подчинен каждый китаец. Каждый китайский купец, приезжающий на остров, должен будет «купить» лицензию и заплатить ему мзду, и они в свою очередь постараются как можно больше выжать из нас. Хоппо будет уничтожать всех, кто захочет нам помогать, и поддержит любого, кто нас ненавидит. И они не успокоятся до тех пор, пока не выживут нас отсюда.

– Почему?

– Потому что они – китайцы – Струан потянулся, чтобы размять плечи, чувствуя, как на него волной накатывается необоримая усталость. Он подошел к буфету и налил себе еще бренди. Как бы я хотел хоть на час стать китайцем, с тоской подумал он. Тогда я без всяких хлопот смог бы достать где-нибудь миллион тэйлов. Что ж, если ответ заключается именно в этом, сказал он себе, попробуй рассуждать как китаец Ты Тай-Пэн «варваров», мандарин с неограниченной властью. Какой в этой власти прок, если ты не можешь использовать ее на то, чтобы повернуть йосс в свою пользу? Как ты можешь воспользоваться своим положением? У кого есть миллион тэйлов? На кого ты можешь нажать, чтобы получить его? Кто обязан тебе услугами?

– Что же нам делать, Дирк? Я хочу сказать, я полностью с вами согласен, – встревоженно проговорил Лонгстафф.

– Вам следует немедленно отправить Ти-сену послание. Попросите его... нет, прикажите ему...

Внезапно Струана осенило, и он замолчал. Усталость как рукой сняло. Ах ты глупый, полоумный, ни на что не годный пустобрех! Ти-сен! Ти-сен решит все твои проблемы! Один мандарин. Это все, что тебе нужно устроить. Два простых шага: первый – отменить соглашение Лонгстаффа с Ти-сеном, как его следовало бы отменить в любом случае; второй – через одну-две недели сделать Ти-сену тайное предложение, что в обмен на один миллион серебром ты заставишь Лонгстаффа изменить свою точку зрения и разрешишь ему назначить на Гонконг одного

мандарина. Ти-сен с радостью ухватится за это предложение, потому что таким образом Китай в одно мгновение возвращает себе все, что был вынужден уступить, потерпев поражение в войне. Он нажмет на Ко-хонг, и они соберут ему миллион, и тоже сделают это с радостью, потому что сразу же добавят этот миллион к цене чая, который они умирают как хотят нам продать, а мы умираем как хотим купить. Бедняжка Уилли – не проблема, а из торговцев никто не станет возражать против одного мандарина. Мы придумаем ему новое имя, так что даже самые проницательные будут сбиты с толку и ни о чем не догадаются. Скажем, «торговый уполномоченный». Коммерсанты не станут возражать против китайского «торгового уполномоченного», потому что он поможет торговле и упростит выплату таможенной пошлины. Теперь дальше, к кому следует обратиться с этим тайным предложением? Разумеется, к старому Дзин-куа. Он – самый богатый и самый хитрый из купцов Ко-хонга, и к тому же он твой главный поставщик, и ты знаешь его уже двадцать лет. Он – наиболее подходящая фигура, в этом нет сомнения.

Один-единственный мандарин обеспечит будущее «Благородного Дома». Это так. Но он погубит Гонконг. И сделает невозможным твой план Рискнешь ли ты пойти на эту сделку, зная, что впоследствии тебе придется найти способ перехитрить его? Это огромный риск – ты-то понимаешь, что один мандарин означает всю систему целиком. Ты не можешь отдать этому дьяволу в кабалу Робба, а вслед за ним Кулума и их детей. Но без этих денег не будет ни «Благородного Дома», ни будущего.

– Вы что-то хотели сказать, Дирк?

– Прикажите Ти-сену именем королевы забыть о том, что на Гонконге будет мандарин.

– Полностью с вами согласен. – Лонгстафф со счастливым видом присел к столу и взялся за перо. – Что мне написать?

Бедный Уилли, а кто мне подскажет, что я должен делать, спросил себя Струан. Действительно ли цель оправдывает средства?

– Напишите следующее: «Ти-сену в Кантоне. Особое постановление. Только Ее Британское Величество королева Виктория имеет право назначать чиновников на британском острове Гонконг. На земле этого острова не будет ни китайских чиновников, ни каких бы то ни было китайских таможенных учреждений. – Он помолчал в нерешительности, потом стал размеренно диктовать дальше, чувствуя, что момент подходящий: – И все китайцы, проживающие в колонии Ее Величества Гонконг, будут отныне британскими подданными, подчиняющимися только английским законам».

– Но это превышает мои полномочия!

– Посланникам привычно превышать свои полномочия. Именно поэтому их и отбирают столь тщательно, Уилл. Именно поэтому мы имеем теперь империю. Раффлз, Хастингс, Клайв, Рэли, Веллингтон. Правительство Ее Величества облекло вас полномочиями своего представителя для подписания договора с Китаем. Что они там, дома, знают о Китае, да и хотят ли вообще что-нибудь знать? Но вы, вы первопроходец, Уилл. Вы творите историю. Вы готовы согласиться на один крошечный, бесплодный, почти необитаемый островок, когда во всем мире принято в подобных ситуациях захватывать целые континенты, когда вы могли потребовать весь Китай, если бы только захотели. Но вы оказались гораздо дальновиднее.

Лонгстафф заколебался, покусывая кончик пера.

– Да, но мы уже договорились о том, что китайцы на Гонконге будут подчиняться китайским законам, исключены будут лишь все виды пыток. – На подбородке у него собралась капелька пота. – Это был один из пунктов договора, и я издал особое постановление.

– Вы передумали, Уилл. Так же, как передумал Ти-сен. Ведь пункта о назначении мандарина там не было.

– Но это подразумевалось.

– Не вами. И не мной. Он старается обмануть вас. Как сделал это в вопросе об эвакуации с Цюшана.

– Верно, – согласился Лонгстафф, радуясь, что Струан сумел убедить его. – Вы правы, Дирк. Абсолютно. Если мы допустим хоть какой-то контроль... вы правы. Они опять примутся за свои старые фокусы, ну? Да. И уже давно пора показать китайцам, что такое настоящая справедливость. Закон и порядок. Да. Вы правы.

– Закончите письмо так, как это сделал бы император: «Да устрашится этого всякий и, дрожа, подчинится», и подпишитесь своим полным титулом, – сказал Струан, одновременно открывая дверь каюты.

– Дежурный офицер!

– Да, сэр-р?

– Его превосходительству нужен его секретарь, мистер Синклер. Немедленно.

– Есть, сэр-р!

Лонгстафф закончил писать. Он перечитал послание.

– А не слишком ли это грубо, Дирк? Я имею в виду, не упомянуть ни одного его титула и закончить письмо так, словно это императорский указ?

– В этом-то и заключается вся суть. Вам еще нужно будет опубликовать его в газете.

– Но это частный документ.

– Это исторический документ, Уилл. Один из тех, которыми вы можете гордиться. И он доставит огромное удовольствие адмиралу. Кстати, почему он был так зол?

– А, все одно и то же. – Лонгстафф стал передразнивать адмирала: – «Черт возьми меня совсем, сэр, нас послали сюда драться с язычниками, и после двух десантов без какого-либо с их стороны сопротивления, о котором стоит упоминать, вы заключили позорный договор, принесший нам гораздо меньше того, что министр иностранных дел приказал вам потребовать. Где те открытые порты, которые вы должны были вытребовать у императора?» Вы уверены, Дирк, что, запросив меньше, мы поступили правильно? Я знаю, вы уже говорили об этом раньше, но... м-м... торговцы, похоже, считают это большой ошибкой. Я имею в виду, что мы остались без открытых портов.

– Гонконг важнее, Уилл.

– Что ж, раз вы в этом по-прежнему уверены... Адмирал был также очень раздражен из-за каких-то дезертиров и еще отсрочкой вступления в силу приказа о запрещении контрабанды опиума. И... м-м... торговцы подняли такой ужасный шум. Явились целой делегацией.

– Их возглавлял Брок?

– Да. Невоспитанная скотина. Сердце Струана упало.

– Вы им сказали, что собираетесь отменить приказ?

– Ну, Дирк, я не то чтобы прямо им так сказал. Но я намекнул, что он будет отменен.

– А адмиралу вы тоже намекнули, что отмените приказ?

– Я дал ему понять, что дальнейшие меры в этом направлении были бы нецелесообразны. Он пришел в крайнее раздражение и заявил, что сообщит о своей точке зрения в адмиралтейство. – Лонгстафф вздохнул и зевнул. – Клянусь честью, он совершенно не представляет себе наших проблем. Совершенно. Я был бы очень вам признателен, Дирк, если бы вы взялись объяснить ему, что такое «торговля». Я попробовал, но мне так и не удалось заставить его здраво смотреть на вещи.

А мне никак не удается приучить к этому же тебя, Уилли, подумал Струан. Если Робб уже успел скупить опиум, мы завязнем еще глубже. Если не скупил, нам все равно конец.

Разве что эта сделка: один чертов мандарин за один чертов миллион.

– Даже не знаю, что бы я делал без помощи вашего отца, Кулум. – Лонгстафф взял понюшку теабаку из табакерки, усыпанной драгоценными камнями. Черт побери, думал он, я ведь дипломат, а не военный, который без войны жить не может. Губернатор Гонконга – это как раз то, что нужно. Став губернатором Гонконга, впоследствии можно рассчитывать и на что-нибудь стоящее. Бенгалия, возможно. Ямайка... вот уж, скажу я вам, чудное местечко. Канада? Нет, черт, слишком холодно. Бенгалия или какой-нибудь другой из индийских штатов. – В Азии все невероятно сложно, Кулум. Приходится сталкиваться с таким разнообразием взглядов и интересов – Короны, торговцев, миссионеров, королевского флота, армии, китайцев, – и все они в вечном противоречии между собой. И китайцы, дьявол их забери, тоже делятся на конфликтующие группы. Купцы, мандарины, маньчжуры. – Он положил табак в обе ноздри, глубоко втянул в себя воздух и чихнул. – Я полагаю, вам, конечно, известно, что Китаем правят не китайцы.

– Нет, сэр.

– Как нас уверяют, половина всех проблем из-за этого. Нынешние правители Китая – маньчжуры. Они родом из Маньчжурии. Дикие варвары, жившие когда-то к северу от Великой Стены. Говорят, они правят Китаем уже двести лет. Нас, должно быть, принимают здесь за дураков. Китайцы утверждают, что существует громадная стена – вроде Адрианова Вала[11], которая тянется вдоль всей северной границы Китая и защищает страну от диких кочевых племен. По слухам, эта стена свыше трех с половиной тысяч миль длиной, сорок футов высотой и тридцать толщиной, она настолько широка, что по ней могут ехать восемь всадников в ряд. И через каждые триста ярдов там, якобы, стоят сторожевые башни. Сложена стена из кирпича и гранита, и возвели ее две тысячи лет тому назад. – Он презрительно фыркнул. – Надо же такое выдумать! Смешно!

– Я считаю, что стена существует, – проговорил Струан.

– Ну, полно, Дирк, – замахал на него рукой Лонгстафф. – Невозможно, чтобы такое укрепление могло быть построено две тысячи лет назад.

– Легенда гласит, Кулум, что на строительство стены был отправлен каждый третий человек в Китае. Строили ее десять лет. Говорят, при строительстве умер миллион человек, и все они погребены в стене. И духи умерших охраняют ее.

Кулум усмехнулся.

– Если она так огромна, маньчжуры бы никогда ее не преодолели. Не может быть, чтобы она существовала.

– Согласно легенде, маньчжуры прорвались через стену обманом. Китайский генерал, охранявший ее, продал собственный народ.

– А вот это более чем вероятно, – с отвращением произнес Лонгстафф. – Никакого понятия о чести здесь, на Востоке, ну? Этот генерал полагал, что сможет с помощью врагов захватить трон, но маньчжуры воспользовались им, а потом уничтожили. По крайней мере, так говорится в легенде.

– Вот уж действительно странная легенда, сэр, – сказал Кулум.

Взгляд Струана стал жестким.

– Тебе лучше сразу привыкнуть к тому, что ты теперь будешь слышать много странного. И подумай еще вот над чем, Кулум, – китайская цивилизация насчитывает пять тысячелетий. Постарайся осмыслить это: книги, печатные прессы, живопись, поэзия, правительство, шелк, чай, порох и тысячи других вещей. В течение тысячелетий! Мы же можем считать себя цивилизованными последние пятьсот лет. Если это вообще можно назвать цивилизованностью.

---

[11] Адрианов Вал – каменная стена, пересекающая север Англии. Построена Адрианом в 122-128 гг. н.э. для защиты римской Британии от северных племен.

Раздался стук в дверь. В каюту торопливо вошел Горацио.

– Ваше превосходительство?

– Вы нужны мне, Горацио. Я хочу, чтобы вы незамедлительно перевели это на китайский и отослали со специальным курьером. И направьте копию мистеру Скиннеру, пусть напечатает это в своей газете.

– Слушаюсь, сэр. – Горацио взял бумагу и повернулся к Струану: – Я был очень огорчен, услышав ужасное известие.

– Благодарю вас. Это мой сын Кулум. Горацио Синклер. Молодые люди пожали руки, с первого взгляда понравившись друг другу.

Горацио прочел письмо.

– У меня уйдет много времени на то, чтобы перевести это в приемлемых придворных выражениях, сэр.

– Его превосходительство желает, чтобы письмо было отправлено именно в том виде, в каком оно написано, – веско сказал Струан. – Безо всяких изменений.

Горацио открыл рот от изумления, потом едва заметно кивнул.

– Да, я... э... сделаю это немедленно. Но Ти-сен ни за что не примет такого послания, мистер Струаи. Ни за что, ваше превосходительство. Иначе он слишком потеряет лицо.

Лонгстафф встрепенулся.

– Лицо? Я покажу этому скользкому плуту-язычнику, что такое лицо, клянусь Богом! Передайте адмиралу мое почтение и попросите его отправить это письмо в Вампоа на линейном корабле, с распоряжением проследовать оттуда прямо в Кантон, если только письмо не будет принято!

– Слушаюсь, сэр.

– Не примет его, скажите пожалуйста! – продолжал возмущаться Лонгстафф, когда Горацио вышел. – Поразительное высокомерие. Все эти язычники – варвары. Все до единого. Китайцы. Маньчжуры. Они не ведают, что такое справедливость, и их презрение к человеческой жизни поистине невероятно. Они продают своих дочерей, братьев, сестер. Уму непостижимо.

Кулум вдруг вспомнил свою мать и братьев, и то, как они умирали. Водянистые рвота и стул, вонь, невыносимые рези в животе, запавшие глаза, подергивающиеся руки и ноги. Потом конвульсии, еще более сильная вонь и вслед за этим – смерть и черная дыра разверстого рта. А после смерти внезапно наступали мышечные спазмы, и вот егоз мать, скончавшаяся час назад, вдруг начинает извиваться на кровати – мертвые глаза открыты, рот зияет...

Давние страхи опять заползли в его душу, лишая сил, и он отчаянно попытался заставить себя думать о чем-нибудь другом – о чем угодно, лишь бы отвлечься, забыть этот кошмар.

– Касательно распродажи участков, сэр. Землю сначала необходимо промерять. Кто должен этим заняться, сэр?

– Найдем кого-нибудь, не беспокойтесь.

– Может быть, Глессинг? – предложил Струан. – У него есть опыт в составлении карт.

– Прекрасная мысль. Я поговорю с адмиралом. Отлично.

– Кстати, раз уж о нем зашла речь, вы могли бы подумать о том, чтобы назвать пляж, где сегодня был поднят флаг, мысом Глессинга.

Лонгстафф был поражен.

– Положительно, я никогда не научусь понимать вас. Зачем изменять самому себе и увековечивать имя человека, который вас ненавидит?

Потому что хорошие враги – это большая ценность, подумал Струан. К тому же Глессинг будет мне полезен. Теперь он умрет за этот мыс, названный его именем, а это означает – за весь Гонконг.

– Мне просто подумалось, что такой жест доставит удовольствие нашему доблестному военному флоту, – сказал он вслух.

– Это действительно хорошая идея. Я рад, что вы ее предложили.

– Ну что же, полагаю, нам пора возвращаться на свой корабль, – сказал Струан, наклонив голову. Он устал. А впереди было еще очень много дел.

Исаак Перри стоял на юте «Грозового Облака», наблюдая, как морские пехотинцы ищут под брезентом, в баркасах и в парусной кладовой. Он ненавидел морских пехотинцев и морских офицеров... когда-то его самого заставили служить в военном флоте.

– На судне нет никаких дезертиров, – еще раз повторил он.

– Разумеется, – ответил ему молодой офицер, возглавлявший отряд, присланный на корабль для проведения обыска.

– Пожалуйста, распорядитесь, чтобы ваши люди не оставляли после себя такого беспорядка. За ними придется убирать целой вахте.

– Ваш корабль окажется завидным призом, капитан Перри. И сам корабль, и его груз, – с издевкой ухмыльнулся офицер.

Перри впился глазами в Маккея, который стоял у площадки сходного трапа под охраной вооруженных солдат. Если только ты помог Рамсею проникнуть на корабль, подумал Перри, ты покойник, Маккей.

– Баркас у кормового грапа, – крикнул третий помощник. – Владелец поднимается на борт. Перри поспешил навстречу Струану.

– Они считают, что на нашем судне скрывается дезертир, сэр.

– Я знаю, – ответил Струан, вступая на палубу. – Почему мой боцман находится под стражей? – обратился он к высокомерному молодому офицеру, и в его голосе появился пугающий скрежет.

– Это всего лишь предосторожность. Он родственник Рамсея и...

– К черту предосторожности! Он невиновен, пока не будет доказано обратное, клянусь господом Богом! – прорычал Струан. – Вы здесь для того, чтобы проводить обыск, а не гонять и арестовывать моих людей.

– Я ничего не знал, сэр, – выкрикнул Маккей. – Я не помогал Рамсею пробираться на борт. Не помогал. Не помогал!

– Да сжалится над тобой Господь, если он здесь, – оборвал его Струан. – С корабля ни шагу до последующего распоряжения. Марш в каюту!

– Есть, сэр. – Маккей нырнул вниз.

– Кровь Христова, Исаак! – бушевал Струан. – Ты, кажется, капитан этого корабля. По какому закону военный флот может арестовывать человека без ордера, из одной только предосторожности?

– Такого закона нет, сэр. – Перри сжался, предпочитая не спорить.

– Убирайся ко всем чертям с моего корабля. Ты списан на берег!

Перри побледнел.

– Но, сэр...

– Чтобы к заходу солнца тебя здесь не было. – Струан двинулся к трапу, который вел внутрь корабля. – Пойдем, Кулум.

Кулум догнал Струана в проходе перед капитанской каютой.

– Это несправедливо, – волнуясь, заговорил он. – Несправедливо. Капитан Перри – лучший капитан, который у тебя есть. Ты сам это говорил.

– Он был им, парень, – ответил Струан. – Но он не сумел защитить своего человека. И он боится. Чего именно, я не знаю. Но люди, в душе которых поселился страх, опасны, и нам такие не нужны.

– Но ведь Маккей не пострадал.

– Первый закон для капитана, который служит у меня, – это оберегать свой корабль Второй – свою команду. Тогда они, в свою очередь, будут оберегать его.

Человек может командовать кораблем в одиночку, но он не может в одиночку ходить на нем в море.

– Перри не совершил никакого проступка.

– Он позволил военным взять Маккея под стражу вопреки закону, клянусь Богом, – резко ответил Струан. – Капитан должен уметь больше, чем просто прокладывать курс и управлять парусами, черт побери. Исаак должен был поставить на место этого молодого щенка. Он испугался, и он подвел одного из своих людей в тот момент, когда это было особенно важно. В следующий раз он может не спасти свой корабль. Я не стану так рисковать.

– Но он служил у тебя много лет. Неужели это ничего не значит?

– Почему, значит. Это значит, что нам везло все эти годы. Теперь я ему больше не доверяю. Поэтому ноги его здесь не будет, и довольно об этом! – Струан открыл дверь каюты.

Робб сидел за письменным столом и застывшим взглядом смотрел в кормовое окно. По полу были разбросаны коробки, сундучки, детская одежда, игрушки. Сара, жена Робба. дремала, прикорнув в морском кресле. Это была маленькая женщина на последних месяцах беременности, во сне ее лицо избороздили морщины, и оно выглядело усталым. Заметив Струана и Кулума, Робб безуспешно попытался выдавить из себя улыбку.

– Привет, Дирк. Кулум.

– Привет, Робб. – За эти два дня он постарел на десять лет, подумал Струан.

Сара, вздрогнув, проснулась.

– Привет, Дирк – Она тяжело поднялась и подошла к двери. – Здравствуй, Кулум.

– Как поживаете, тетя Сара?

– Устала, мой милый. Очень устала. И я терпеть не могу жить на корабле. Не хочешь ли чаю?

– Нет, спасибо.

Робб с тревогой следил за Струаном.

– Что я могу сказать?

– Ничего, Робби. Они умерли, мы живы, и говорить больше не о чем.

– Так ли, Дирк? – Взгляд голубых глаз Сары стал жестким. Она пригладила свои золотисто-каштановые волосы, расправила длинное зеленое платье с турнюром. – Так ли?

– Так. Извини нас, Сара, но я должен поговорить с Роббом.

– Да, конечно. – Она взглянула на мужа, презирая его за слабость. – Мы уезжаем, Дирк. Мы покидаем Восток навсегда. Я приняла решение. Я отдала «Струану и компании» семь лет жизни и одного ребенка. Теперь пришло время уезжать.

– Я считаю, что ты поступаешь разумно, Сара. Сейчас Восток не место для семьи. Через год, когда будет построен Гонконг – другое дело. Вот тогда здесь станет очень хорошо.

– Для кого-то, может быть, но не для нас. Не для моего Родди, и не для Карен, Наоми или Джейми. Не для меня. Мы никогда не будем жить на Гонконге. – Она вышла.

– Ты купил опиум, Робб?

– Купил немного. Потратил всю нашу наличность и занял что-то около ста тысяч – точно не помню. Цены не слишком упали, поэтому я потерял к ним всякий интерес.

Значит мы завязли еще глубже, подумал Струан.

– Почему наша семья? Это ужасно, ужасно, – мучаясь, говорил между тем Робб. – Почему вся наша семья?

– Йосс.

– К чертям йосс – Робб уставился на дверь каюты. – Брок хочет видеть тебя как можно скорее.

– Зачем?

– Он не сказал.

Струан сел, на минуту приспустил сапог и подумал о Броке. Затем объявил:

– Я сделал Кулума партнером.

– Хорошо, – ответил Робб. Но голос его прозвучал равнодушно. Он по-прежнему, не мигая, смотрел на дверь, за которой скрылась Сара.

– Отец, – вставил Кулум. – Я хочу поговорить с тобой об этом.

– Позже, мальчик мой. Робб, есть еще одна новость. У нас крупные неприятности.

– Я должен сказать тебе одну вещь, прямо сейчас. – Робб оторвал взгляд от двери. – Дирк, я покидаю Восток вместе с Сарой и детьми. На следующем корабле.

– Что?

– Я никогда не буду тай-пэном, я просто не хочу им быть.

– Ты уезжаешь потому, что я сделал Кулума партнером?

– Ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что это не так. Конечно, ты мог бы сначала обсудить это со мной, да, но дело не в этом. Я сам хочу уехать.

– Почему?

– Все эти смерти дома заставили меня задуматься. Сара права. Жизнь слишком коротка, чтобы изойти потом и умереть здесь, вдали от дома. Я хочу покоя, немного покоя. Денег у нас больше чем достаточно. Ты можешь выкупить мою долю. Я хочу уехать со следующим кораблем.

– Почему?

– Я устал. Устал!

– Ты просто слабак, Робб. Сара опять на тебя насела, да?

– Да, я слабак, и да, она опять на меня насела. Но я принял решение. Слишком много смертей. Слишком много.

– Я не могу выкупить твою долю. Мы разорены. – Струан протянул ему письмо банкира.

Робб прочел, и его лицо постарело еще больше.

– Будь они прокляты во веки вечные!

– Согласен. Но тем не менее мы банкроты. – Струан поддернул сапог и встал. – Извини, Кулум, твое партнерство ничего не стоит. На наш лондонский банк повели организованное наступление, и он уничтожен.

Казалось, воздух в каюте сгустился.

– У нас есть сто тысяч фунтов в Шотландии, – сказал Робб. – Выдели мне половину, а сам забирай остальное.

– Спасибо, Робб. Это было сказано по-мужски. Робб стукнул кулаком по столу:

– Не моя вина, что банк приостановил платежи!

– Верно. Поэтому не требуй себе половину наших денег сейчас, когда нам понадобится каждый пенни!

– Тебе понадобится, а не мне. Ты найдешь выход, всегда находил.

– Пятидесяти тысяч фунтов Саре не хватит и на пять лет.

– Предоставь мне самому беспокоиться на этот счет! Эти деньги не проведены через бухгалтерские книги, поэтому они наши, тут все честно. Я возьму половину. Моя доля в деле стоит в двадцать раз больше!

– Мы банкроты! Ты что, не в состоянии понять этого своей башкой? Банкроты!

Дверь открылась, и в каюту вошла маленькая девочка с золотистыми волосами. В руках она держала соломенную куклу. Ее лицо выражало озабоченность.

– Здлавствуй, папа. Здлавствуйте, дядя Дилк. – Она подняла голову и внимательно посмотрела на Струана: – Я улодина?

Струан с усилием оторвал взгляд от Робба.

– Что, Карен, девочка моя?

– Я улодина?

– Нет. Нет! Конечно же, нет, Карен. – Струан поднял ее на руки. – Кто говорил тебе такие ужасные вещи, крошка?

– Мы иглали в школу на «Отдыхающем Облаке». Это была Лиллибет.

– Лиллибет Брок?

– Нет-нет-нет. Она моя лучшая подлужка. Это была Лиллибет Какая-то Длугая.

– Так вот запомни, никакая ты не уродина. И скажи этой Лиллибет Какой-то Другой, что ужасно некрасиво говорить людям такие вещи. Ты у нас очень хорошенькая.

– Ой, как здолово! – На лице Карен расцвела огромная улыбка. – Папочка всегда говолит, что я класивая, но я хотела сплосить у вас, потому что вы знаете. Вы знаете все на свете. – Она обняла его своими ручонками и изо всех сил прижалась к нему. – Спасибо, дядя Дилк. А тепель поставьте меня на пол. – Она пританцовывая подбежала к двери. – Я так лада, что я не улодина.

Робб осел в своем кресле. После долгого молчания он произнес:

– Черт бы побрал этих банкиров. Прости меня. Это моя вина – и мне очень жаль. Я был... прости.

– Мне тоже жаль, дружище.

Робб безуспешно пытался сосредоточиться.

– Что мы можем предпринять?

– Не знаю. Послушай, Робб, не делай этого, а? Дай мне пару месяцев. Мы отправим Сару и детей с первым же кораблем. Чем скорее, тем лучше – они уедут до сезона тайфунов.

– Может быть, мне как-нибудь удастся устроить заем. Нам предстоят платежи по векселям на предъявителя. Мы потеряем корабли – все. – Робб заставил себя не думать о Саре. – Но как успеть, у нас так мало времени? – Он нервно покрутил пальцами. – Почта прибыла вчера. Ничего важного для нас. Никаких новостей из дома. Вполне вероятно, что кое-кто уже знает о крахе нашего банка. Мы купили небольшой пакет акций банка Брока, чтобы иметь возможность присматривать за ним. Так что он, скорее всего, тоже знает, как обстоят дела у нас. Не потому ли он хочет с тобой увидеться?

– Возможно. В любом случае, стоит ему что-либо пронюхать, как он тут же сядет нам на шею. Если вообще не он сам все это и начал. Он скупит наши векселя и уничтожит нас.

– Почему? – спросил Кулум.

– Потому что и я уничтожу его, если мне предоставится возможность хотя бы вполовину такая удачная, как эта.

Кулум хртел спросить почему, хотел сказать, что он тоже возвращается домой со следующим кораблем. Но отец выглядел таким измученным, а Робб был так угрюм... Он скажет им обо всем завтра.

– Мне необходимо поспать несколько часов, – произнес Струан. – Я отправляюсь на берег. Вы с Сарой возвращайтесь на «Отдыхающее Облако», хорошо? Я приказал Перри убраться с корабля до захода солнца. Он списан на берег.

– Кто займет его место?

– Не знаю, – ответил Струан, выходя из каюты. – Дай Броку знать, что я встречусь с ним на острове на закате.

Глава 3

Струан спал мало. Еда на столе осталась нетронутой. Он неподвижно смотрел

через вход в палатку на корабли, стоящие на якоре в гавани. Солнце умирало, и низко над горизонтом вставал размытый круг луны. Небо загромождали огромные кучевые облака. Ветер нес с собой обещание шторма.

Ти-сен, беспрестанно твердил ему мозг. Ти-сен. Он единственный, кто может спасти тебя. Да, но это предательство по отношению ко всему, во что ты веришь и для чего столько лет трудился.

Вошел Маккей с зажженным фонарем и поставил его на стол. Палатка была просторной и удобной; на каменистую землю были брошены ковры.

– Баркас Брока подходит к берегу, сэр.

– Соберите всех людей, Маккей, и отойдите с ними подальше, чтобы ничего не слышать.

– Есть, сэр.

– Есть какие-нибудь новости о Рамсее? Его поймали?

– Нет, сэр.

– Где он?

– Я не знаю, сэр. Струан рассеянно кивнул.

– Завтра задействуйте всех наших шпионов, пусть они найдут, где он прячется.

– Прошу прощения, сэр, я уже оповестил их, сэр. – Маккей старался скрыть тревогу. – Если он окажется на борту, то это кем-то подстроено. – Помолчав, он добавил нерешительно: – Как-то нехорошо получилось с капитаном Перри, сэр.

Глаза Дирка Струана сразу же превратились в льдинки.

– Я даю вам пятнадцать дней, чтобы доказать, что я был прав насчет Исаака. Пятнадцать дней, или вы отправляетесь на берег за ним следом.

– Есть, сэр-р. – Маккей почувствовал, как холодная колючка, чиркая по внутренностям, устремилась из мошонки в низ живота и стала забираться выше. Он мысленно проклял себя за то, что открыл рот. Неужели ты так никогда и не поумнеешь, старый болван?

На пляже послышались тяжелые шаги Брока. Одноглазый великан остановился у входа в палатку.

– Разрешение ступить на борт, Дирк?

– Да, Тайлер.

Маккей вышел. Брок уселся за столом, и Струан щедро налил ему бренди.

– Тяжело терять семью. Я знаю, что это такое. Я потерял двух жен при родах, ребятишек тоже. Скверно.

– Да.

– Хоромы у тебя небогатые, – заметил Брок, окидывая взглядом палатку.

– Ты голоден? – Струан показал рукой на стол.

– Вот спасибо. – Брок взял цыпленка, разорвал его пополам и откусил большой кусок белого мяса. На мизинце его сверкнуло золотое кольцо с крупным изумрудом. – Похоже, йосс «Благородного Дома» сошел на нет.

– «Йосс» – большое слово. Брок рассмеялся.

– Ладно тебе, Дирк. Компания должна иметь звонкую монету, чтобы поддержать свой кредит. Даже такая, как «Благородный Дом».

– Это верно.

– Я не пожалел времени, Дирк, времени и денег, чтобы быть в курсе всех ваших дел. – Брок отодрал зубами оставшуюся часть куриной грудки и начал ее жадно жевать. – У тебя хороший повар. Скажи ему, что у меня найдется для него место.

– Ему нравится то, которое он занимает сейчас.

– Нет денег – нет места, мой мальчик. Нет банка, нет кредита, нет кораблей – ничего нет! – Брок разодрал другого цыпленка. – Ты не держишь у себя шампанского? Сегодня случай особый, готов поручиться!

Струан быстро и аккуратно откупорил бутылку и наполнил чистые хрустальные

фужеры для Брока и для себя.

– Холодное как раз в меру, парень. Как раз в меру. – Брок почмокал губами. – Двадцать пять тысяч за миллион – как будто не много, а?

Струан промолчал. Его лицо оставалось спокойным.

– Шесть пенсов за фунг, они сказали. Я получил письмо со вчерашней почтой. Представляешь, сам потерял на этом деле десять тысяч фунтов. Скверно. Очень скверно, когда банк рискует деньгами своих клиентов. – Брок весело хмыкнул. – Я тут «случайно» наткнулся на этого стервеца Скиннера. Он тоже решил, что это скверно. Сейчас статью пишет – готов поспорить, на первую страницу и с огромным заголовком. А как же иначе?

Он отрезал себе кусок яблочного пирога и принялся уничтожать его с видимым удовольствием. – Ах да, кстати, у меня тут скопилось на восемьсот тысяч векселей на предъявителя торгового дома «Струан и компания». Я скупал их последние полгода как раз в ожидании такого момента. Вернее, их скупал мой сын Морган и наши лондонские агенты.

– Удачное капиталовложение, Тайлер. Весьма удачное.

– Ага. Вот и Скиннер сказал мне то же самое, Дирк, мой мальчик. Он сильно поразился твоему плохому йоссу, но я пообещал ему сохранить названия всех твоих кораблей. Плохой йосс менять названия. Но под моим флагом они станут ходить быстрее.

– Тебе нужно сначала получить их.

– Через тридцать дней они будут у меня, парень. Как раз через тридцать дней наступит срок выплаты по векселям. Это, кстати, тоже давно всем известно. Так что на Востоке кредита для тебя нет. С тобой покончено, приятель.

– Может быть, я сначала пущу ко дну все свои корабли, прежде чем позволю тебе владеть ими.

– Только не ты, Дирк. Я тебя хорошо знаю. Другой, возможно, так бы и поступил, но только не ты. В этом мы с тобой похожи. Корабли – это дело особенное. Дороже сердцу, чем любая красотка. – Он допил шампанское. Струан наполнил его фужер снова. Брок рыгнул. – Прошу прощения. – Он опять пригубил. – Это шампанское – прямо рыгательная смесь какая-то, а?

– Это ты начал давить на банк?

– Нет. Если бы я мог до такого додуматься, уже давно бы это сделал. Идея прямо гениальная. Очень уж мне нравится видеть, как тебя заарканили за одно место.

– Если это было устроено специально, я узнаю.

– Специально, парень, специально. Можешь мне поверить.

– Кто это был?

– Морган, – ответил Брок. – Я решил поручить это ему – малыш подрастает. Н-да. Мой мальчик это и провернул, и я горжусь им смертельно. – Он довольно почесался: вши давно стали среди торговцев нормальным явлением. – Так что ты разорен, Дирк. После стольких лет. Конец.

– За тридцать дней много чего может произойти.

– Верно. Я слышал, твой сын отвечает за распродажу земельных участков?

– Да. Но там все будет честно. Кто даст больше, тот и получит землю. Мы не шельмуем, Тайлер. Шельмуют другие. Нам это ни к чему.

– Черт тебя побери! – взревел Брок. – Ты заявляешь, что я шельмую?

– Ты шельмуешь все время, – ответил Струан, дав волю своему гневу. – Ты шельмуешь со своими людьми, шельмуешь со своими кораблями, и когда-нибудь это погубит тебя. Нельзя вечно строить свой успех на ударах плети.

– Клянусь Богом, я делаю только то, что делают все. Если у тебя такие новомодные слезливые взгляды, это вовсе не значит, что все остальные не правы.

Плеть держит отребье в узде. Отребье!

– Ты живешь плетью, от плети ты и умрешь.

– Ты хочешь решить наш спор сейчас? Плеть против плети? Нож против ножа? Тогда выходи, клянусь Богом! Или ты все такой же трус?

– Я уже говорил тебе однажды и скажу еще раз, последний. Когда-нибудь я приду за тобой с плетью. Может быть сегодня, может быть завтра, может быть через день. Но, клянусь Создателем, когда-нибудь я приду за тобой. И запомни вот еще что. Если ты случайно умрешь до того, как я буду готов, я приду за Гортом и Морганом и пущу ко дну твое дело.

Брок выхватил нож.

– А может, парень, я перережу тебе глотку прямо сейчас.

Струан спокойно наполнил фужеры. Бутылка опустела.

– Открой другую. Там их еще много.

Брок рассмеялся.

– Ах, Дирк, мой мальчик, ты редкий человек. Ты разорен, а все чего-то хорохоришься, изображаешь из себя. Тебе конец, ты слышишь, парень? Твой «Благородный Дом» полетел вверх тормашками. И ты трус!

– Я не трус, Тайлер. Ты это знаешь.

– Ты помнишь тот холмик, где собирался поставить свой Большой Дом, – спросил Брок, и глаза его заискрились.

– Да.

– Он мой, парень. Я куплю его. Сколько бы ты ни предложил, я дам больше.

Кровь бросилась Струану в голову. Он знал, что у него теперь нет денег, чтобы тягаться с Броком. И не будет, если он не заключит сделку с Ти-сеном. Если не предаст Гонконг. – Будь ты проклят!

– Он будет мой, парень. Как и вся эта вонючая скала. – Брок осушил свой фужер и снова рыгнул. – После того, как твоя компания пойдет с молотка, я выживу тебя с этих морей, так, чтобы даже духу твоего здесь не осталось. – Он достал кошелек, отсчитал двадцать золотых гиней и швырнул их на пол палатки. – Вот, закажи себе гроб. Брок важно поднял голову и вышел.

– Прошу прощения, сэр. – В палатке появился Маккей. Дирк Струан слегка вздрогнул и вышел из оцепенения.

– Да?

– Мистер Кулум на берегу. Он хочет вас видеть. Струан с изумлением увидел, что водянистая луна стоит высоко, и на берегу уже глубокая ночь.

– Проводите его сюда.

– Приходили еще люди, сэр. Этот китаец, Гордон Чен. Мисс Синклер. Какая-то супружеская пара, я их не знаю. Старый Квэнс. Я сказал им всем, что вы примете их завтра. Надеюсь, я поступил правильно, не позволив мистеру Кулуму прийти без предупреждения. – Маккей заметил на полу золотые монеты, но не произнес по их поводу ни слова.

– Пока вы подчиняетесь приказам, вы всегда будете поступать правильно, Маккей.

Кулум подошел ко входу в палатку.

– Я не потревожил тебя, отец?

– Нет, мой мальчик. Присаживайся.

Кулум увидел соверены на ковре, нагнулся и начал собирать их.

– Оставь их, где лежат.

– Почему?

– Потому что я хочу, чтобы они там остались. Кулум сел.

– Я хотел поговорить с тобой, отец.

– У меня сейчас нет настроения разговаривать, дружок.

– Ты серьезно говорил о том, чтобы сделать меня партнером?

– Да.

– Я не хочу быть партнером. Я не хочу жить на Востоке. Я хочу вернуться домой.

– Я разбираюсь в таких вещах лучше тебя, Кулум. Повремени немного.

– Время ничего не изменит.

– Ты молод, мой мальчик. Времени у тебя достаточно. Будь терпелив со мной. И с Китаем. Робб объяснил тебе, как приступать к организации торгов?

– Да. – Черт бы побрал дядю Робба, подумал Кулум. Если бы только он не вспылил так перед отцом и не сказал, что собирается уехать. Черт, черт, черт. Проклятый банк, чтоб ему провалиться. Все разрушил. Бедный отец. – Думаю, я смогу с этим справиться.

– У тебя не возникнет никаких проблем, если все будет вестись честно: тот, кто дает больше, получает землю.

– Да, разумеется. – Кулум опять покосился на гинеи под ногами. – Почему ты хочешь, чтобы эти монеты там лежали?

– Это деньги на мой гроб.

– Я не понимаю.

Струан рассказал ему о своем разговоре с Тайлером Броком.

– Тебе лучше заранее знать, что это за человек, Кулум. Будь осторожен, потому что он станет преследовать тебя так же, как я стану преследовать Горта.

– Сыновья не повинны в грехах своих отцов.

– Горт Брок – копия своего отца.

– Но разве Христос не учил нас прощать?

– Учил, парень. Но их я простить не могу. Они олицетворяют все, что есть гнусного на земле. Они тираны, которые верят, что плеть способна ответить на любые вопросы. В мире есть одно незыблемое правило: деньги – это власть, будь ты королем, лордом, вождем, купцом или землепашцем. Не имея власти, ты никогда не сможешь защитить то, что есть у тебя и не облегчишь жизнь другим.

– Значит ты говоришь, что учение Христа неверно?

– Вовсе нет, парень. Я хочу сказать, что бывают люди святые. Они могут прожить счастливую жизнь в смирении и кротости, не желая ничего, кроме того, что ниспослано им судьбой. Есть люди, которые с рождения довольствуются тем, что они всегда вторые, а не первые – я так не могу. И Брок тоже. А ты?

– Я не знаю.

– Когда-нибудь придет и твой день испытания. Тогда ты узнаешь себя.

– По твоим словам получается, что деньги – это все?

– Я говорю, что в наше время, не имея власти, ты не сможешь стать святым, творить добро. Власть ради власти – это грех. Деньги ради денег – это грех. Запомни это навсегда.

– Неужели это так важно – иметь деньги и иметь власть?

– Нет, мой милый, – ответил Струан с ироничной усмешкой. – Важность приобретает только недостаток денег.

– Зачем тебе нужна власть?

– А зачем она нужна тебе, Кулум?

– Может быть, мне она и не нужна.

– Да. Может быть, и так. Хочешь глоток чего-нибудь, мой мальчик?

– Я выпью немного шампанского.

– Ты ел?

– Да, спасибо. Ты прав, я еще не очень-то много знаю о себе, – добавил Кулум.

– Что ж, время у тебя есть. Я так рад, что ты здесь, Кулум. Очень рад.

Кулум оглянулся на золотые монеты.

– Но в общем-то все это пустые разговоры, не правда ли? Я имею в виду

партнерство и прочее. Компании конец. Что ты намерен теперь делать?

– Ну, пока мы еще не банкроты. У нас есть двадцать девять дней. Если йосс будет против нас, этот вариант «Благородного Дома» умрет. Тогда мы начнем все сначала. – Не обманывай себя, подумал он, ты никогда не сможешь начать сначала.

– Битва без конца?

– А чем еще по-твоему должна быть жизнь, парень?

– Могу я подать в отставку как партнер, если мне это не понравится или я сочту, что не подхожу или не достоин этой должности? По своему желанию?

– Да. Но только не в том случае, если ты когда-либо станешь Тай-Пэном. Тай-Пэн не может уходить, пока не будет уверен, что его дело остается в надежных руках. Он должен быть в этом уверен. Это его последняя обязанность.

– Если нам столько должны китайские купцы, почему не попробовать собрать с них эти деньги? Тогда у нас будет чем расплатиться с Броком.

– У них нет денег. – К дьяволу все, сказал себе Струан, ты в ловушке. Решайся. Выхода нет: либо Ти-сен, либо...

– А что если поговорить с его превосходительством? Не мог бы он выдать нам аванс? В счет выкупных денег?

– Эти деньги принадлежат Короне. Может быть, парламент примет его представление, может быть, он его отвергнет. Серебро не перейдет из рук в руки еще почти целый год.

– Но мы его все-таки получим. Брок, конечно же, примет твои гарантии?

Голос Струана стал хриплым.

– Я уже поведал тебе о степени великодушия Брока. Я бы не дал ему двадцати гиней, окажись он на моем месте. Черт бы побрал его и его проклятых выродков.

Кулум неуютно шевельнулся в кресле, его башмак случайно сдвинул одну из золотых монет. Она ярко сверкнула.

– Его превосходительство не слишком... ну, он, по-моему, несколько простоват, нет?

– Он просто чужой человек в Азии, вот и все. Эта должность для него не подходит. Я бы, к примеру, точно так же растерялся при монарших дворах Европы. Но он полномочный посланник. И это единственное, что имеет значение. Да, он простоват, но и с ним тебе нужно быть осторожным. Ты должен быть осторожен со всеми.

– Он всегда делает то, что ты ему подсказываешь?

Прежде чем ответить, Струан выглянул из палатки в темноту ночи.

– Он следует моим советам в большинстве случаев. При условии, что я оказываюсь последним, с кем он советуется.

Кулум двинул носком башмака другую золотую монету.

– Должно же быть что-то... кто-то, к кому можно обратиться. У тебя не может не быть друзей.

Мысли Струана неумолимо возвращались к единственному человеку, который мог бы разжать для него капкан... Ти-сен. Брок заберет все наши корабли при первой же возможности и безо всяких церемоний, думал он, исходя бессильным гневом. Без кораблей тебе конец, парень. Конец всему... Компании, Гонконгу, твоему плану. Ты можешь начать сначала, это верно, но не заблуждайся... тебе уже никогда не построить такого флота и не набрать столько людей. И ты уже никогда не сможешь обогнать Брока. Никогда. Ты станешь вторым. И останешься вторым до конца дней.

Струан почувствовал, как кровь застучала в его висках, вены на шее вздулись. В горле пересохло. Я не буду вторым. Клянусь Создателем, всеблагим и всесильным, я не могу. Не могу. Не могу. Ни после Брока, ни после кого-то еще.

– Завтра, когда вернется «Китайское Облако», я отправлюсь в Кантон. Ты поедешь со мной.

– А как же быть с распродажей? Я должен этим заниматься?

– К дьяволу распродажу! Нам нужно сначала спасти Компанию. Возвращайся на «Отдыхающее Облако», мой мальчик. Мы отправимся сразу, как только это будет возможно.

– Хорошо. – Кулум встал.

– Спокойной ночи, сынок.

Кулум опустил глаза. Монеты, завораживая, притягивали к себе его взгляд. Он нагнулся и начал собирать их.

– Я же сказал тебе оставить их в покое!

– Я не могу. – Капельки пота выступили на лбу Кулума. Ему казалось, что монеты обжигают ему пальцы. – Я... они должны быть моими.

– Ради Бога, зачем?

– Не знаю. Я... я просто чувствую, что они нужны мне. – Он положил гинеи в карман. – Теперь они мои. Спокойной ночи, отец.

Глава 4

Струан в одиночестве обедал в просторной столовой их внушительной фактории в кантонском поселении. Это большое трехэтажное здание было построено Ост-Индской Компанией сорок лет назад. Струан всегда мечтал о нем как о единственном, достойном «Благородного Дома». Восемь лет назад он купил его.

Столовая располагалась на втором этаже. Из ее окон открывался вид на Жемчужную реку. Этажом ниже протянулся лабиринт контор, складов, оптовых магазинов. Третий этаж занимали жилые комнаты, и среди них – личные апартаменты Тай-Пэна, тщательно отгороженные от остальных. Здесь имелись свои внутренние дворики, галереи, отдельные комнаты и общие спальни. В доме жили и работали от сорока до пятидесяти португальских клерков, кроме них еще десять-пятнадцать человек европейцев и сотня китайских слуг-мужчин. Закон запрещал нанимать прислужниц-китаянок.

Струан отодвинул свое резное кресло от стола и раздраженно закурил сигару. Огонь в огромном камине согревал мраморные плиты, которыми были выложены пол и стены. За столом могли одновременно обедать до сорока человек. Столовое серебро в георгианском стиле отличалось тонкостью работы. Висячая люстра – хрустальная и со множеством свечей – заливала комнату ярким светом. Струан подошел к окну и посмотрел вниз на гуляющих по парку торговцев.

Позади парка на всю длину поселения протянулась большая площадь, выходившая другой стороной к причалам на берегу реки. Площадь по обыкновению кишела китайскими уличными торговцами, зеваками, продавцами и покупателями, предсказателями судьбы, писцами, нищими и собаками. За пределами своих факторий только в этом, как его называли, Английском парке европейцы могли передвигаться относительно спокойно. Китайцам, за исключением слуг, запрещалось заходить сюда и в фактории. Всего в поселении было тринадцать зданий, вытянувшихся в один ряд, который в двух местах прерывали узкие улочки – Хог Стрит и Олд Чайна Лейн. Дома стояли на невысокой насыпи с колоннадой по фасаду. Только Струан и Брок владели отдельными домами. Другие торговцы делили между собой остальные, занимая столько места, сколько им было нужно, и выплачивая арендную плату Ост-Индской Компании, построившей поселение его лет назад.

С севера границей поселения служила улица Тринадцати Факторий. Стены Кантона находились отсюда в четверти мили. Все пространство между поселением и городскими стенами занимал сплошной муравейник домов, домиков и лачуг. Река казалась буквально запруженной плавучими деревнями танка. И надо всем этим, не смолкая ни на минуту, висел пульсирующий монотонный шум голосов,

напоминающий невероятных размеров улей.

В одной стороне парка Струан заметил Брока, увлеченно беседующего с Купером и Тиллманом. Интересно, подумал он, о чем они говорят; наверное, американцы объясняют Броку все тонкости чайно-опиумной торговли с испанцами. Что ж, удачи им, подумал он без всякой досады. В любви и в торговле все средства хороши.

– Где же, дьявол его забери, этот чертов Дзин-куа, чтобы мне провалиться? – произнес он вслух.

Уже двадцать дней Струан пытался добиться встречи с Дзин-куа, и каждый раз посланный им слуга возвращался с одним и тем же ответом: «Его назад нет все лавно. Твоя здать мозна. Завтла его назад Кантон есть, холосо, беспокойся нет».

Кулум пробыл с ним в поселении Кантона десять дней. На одиннадцатый прибыла срочная записка от Лонгстаффа: возникли сложности с распродажей земельных участков.

Вместе с этой запиской пришло письмо от Робба. Робб писал, что. статья Скиннера о банкротстве Струана повергла торговцев в ужас, большинство из них тут же отослали депеши домой, распределяя капиталы по нескольким банкам; что все с нетерпением ожидают тридцатого дня; что кредит получить невозможно, и все предложения, с которыми он обращался к противникам Брока, не дали результата; что весь военный флот был взбешен, когда Лонгстафф официально объявил об отмене своего приказа о запрещении контрабанды опиума, и адмирал немедленно отослал домой фрегат с просьбой к правительству разрешить ему действовать самостоятельно; и что Чен-Шеня, их компрадора, осаждают кредиторы, требуя уплаты всех мелких долгов, которые в другое время могли бы подождать.

Струан понимал, что проиграет сражение, если не увидится с Дзин-куа в течение ближайших восьми дней. Вновь и вновь он спрашивал себя, действительно ли Дзин-куа нет в Кантоне или он просто избегает его. Он, конечно, старый вор, размышлял Струан, но он никогда не стал бы прятаться от тебя. Да даже если ты и встретишься с ним, приятель, действительно ли ты готов сделать этому дьяволу Ти-сену свое предложение?

За стеной сердито заспорили чьи-то монотонные голоса, и дверь распахнулась, пропустив в столовую молодую перемазанную грязью женщину-танка в вонючей одежде и слугу, который пытался вытащить ее обратно. Женщина была в традиционной огромной конической шляпе, грязных черных штанах и рубашке, поверх которой она носила грязную стеганую куртку.

– Остановить мозна нет этот колова чилло, масса, – сказал слуга на «пиджин-инглиш», цепляясь за вырывающуюся девушку. Только на «пиджин» могли торговцы переговариваться со своими слугами, а те – с ними. «Корова» означало «женщина», «чилло» – «ребенок». «Корова чилло» означало «молодая женщина».

– Корова чилло вон! Очень быстро раз-раз, ясно?

– Твоя хочит колова чилло, хейа? Колова чилло оч-чень холосо постель джиг-джиг. Два долла ладна, – выкрикнула девушка.

Слуга схватил ее в охапку, шляпа свалилась на пол, и Струан в первый раз отчетливо увидел ее лицо. Он едва смог узнать ее, так она была заляпана грязью, а узнав, рухнул в кресло, задыхаясь от хохота. Слуга, разинув рот и отпустив девушку, смотрел на него во все глаза, как на сумасшедшего.

– Этот корова чилло, – со смехом проговорил Струан, – остаться можно, ладно.

Девушка с гневным видом привела в порядок свою засаленную, кишащую вшами одежду и скороговоркой выпустила вслед удаляющемуся слуге новую порцию оскорблений.

– Колова чилло оч-чень холосо есть твоя видеть, Тай-Пэн.

– И мне тебя тоже, Мэй-мэй! – Струан изумленно смотрел на нее сверху вниз. –

Какого черта ты здесь делаешь, и что, черт побери, означает вся эта мерзость, которую я вижу на тебе?

– Колова чилло думать твоя делай джиг-джиг с новый колова чилло, хейа?

– Кровь Христова, сейчас здесь уже никого нет, девочка! Прекрати говорить на «пиджин»! Я потратил достаточно времени и денег, чтобы ты могла говорить по-английски не хуже королевы! – Струан поднял ее на вытянутых руках. – Боже милостивый, Мэй-мэй, от тебя разит прямо до небес.

– От тебя бы тоже разило, если ты наденешь эти вонии одежды.

– «Если бы ты надел эту вонючую одежду», – механически поправил ее Струан. – Что ты здесь делаешь, и к чему все эти «вонии одежды»?

– Отпусти меня, Тай-Пэн. – Он поставил ее на пол, и она печально поклонилась ему. – Я прибыла сюда тайно и в большой печали, потому что ты потерял свою Верховную Госпожу и всех детей от нее, кроме одного сына. – Слезы покатились по ее перемазанному грязью лицу, оставляя светлые бороздки. – Жалко, жалко.

– Спасибо тебе, девочка. Да. Но это уже в прошлом, и никакая печаль не способна вернуть их назад. – Он погладил ее по голове и провел рукой по щеке, тронутый ее состраданием.

– Я не знаю вашего обычая. Как долго мне следует носить траур?

– Никакого траура, Мэй-мэй. Их больше нет. Не нужно ни плача, ни траура.

– Я воскурила благовония за их благополучное возрождение.

– Спасибо. Ну а теперь, что ты здесь делаешь и почему ты уехала из Макао? Я же сказал, чтобы ты оставалась там.

– Сначала мыться, потом переодеться, потом разговаривать.

– У нас здесь нет для тебя женской одежды, Мэй-мэй.

– Моя ни на что не годная ама, А Гип ждет внизу. У нее с собой моя одежда и вещи, не беспокойся. Где ванна?

Струан дернул шнур звонка, и в ту же секунду на пороге появился слуга с расширенными от удивления глазами.

– Корова чилло моя ванна, ясно? Ама войти можно. Принеси чоу! – Повернувшись к Мэй-мэй, он добавил: – Твоя говорить, какой чоу можно.

Мэй-мэй высокомерно протараторила ошеломленному слуге меню и вышла.

Ее необычная ковыляющая походка неизменно трогала Струана. Ступни Мэй-мэй были перевязаны. Их длина не превышала трех дюймов. Когда Струан купил ее пять лет назад, он разрезал повязки и пришел в ужас от увечья, являвшегося, согласно древней китайской традиции, основным признаком женской красоты – крошечных ступней. Только девушка с перевязанными ногами – ступнями лотоса – могла стать женой или наложницей. Те, у кого ноги оставались нормальными, становились крестьянками, слугами, дешевыми проститутками, амами или работницами, и их презирали.

Ноги Мэй-мэй были искалечены. Боль, которую она испытывала без тесных сдавливающих повязок, вызывала жалость. Поэтому Струан позволил восстановить повязки, и через месяц боль утихла, и Мэй-мэй снова смогла ходить. Только в преклонном возрасте перевязанные ноги становились нечувствительными к боли.

Струан расспросил ее тогда, пригласив Гордона Чена в качестве переводчика, как это делалось. Она с гордостью поведала ему, что мать начала перевязывать ей ступни, когда ей исполнилось шесть лет.

– Повязки представляли собой влажные ленты шириной два дюйма и длиной двенадцать футов. Мама плотно намотала их мне на ноги: вокруг пятки, через подъем и под стопой, подогнув четыре пальца и оставив большой свободным. Высохнув, повязки сжались, и боль была ужасной. Потом проходят месяцы, годы, и пятка приближается к большому пальцу, а подъем выгибается дугой. Раз в неделю повязки снимают на несколько минут, и ноги моют. Через несколько лет четыре

подогнутых пальца сморщиваются, отмирают и их удаляют. Когда мне почти исполнилось двенадцать, я уже могла ходить довольно хорошо, но мои ноги были еще недостаточно маленькими. Тогда моя мама спросила совета у женщины, сведущей в искусстве перевязывания ног. В день моего двенадцатилетия эта мудрая женщина пришла к нам в дом с острым ножом и мазями. Она сделала ножом глубокий надрез поперек стопы, посередине. Этот надрез позволил еще больше прижать пятку к пальцам, когда повязку наложили снова.

– Какая жестокость! Спроси ее, как она могла вынести такую боль.

– Она говорит: «За каждую пару перевязанных ног проливается озеро слез. Но что есть слезы и боль? Теперь я, не краснея от стыда, могу позволить каждому померять мои ноги». Она хочет, чтобы вы измерили их, мистер Струан.

– Об этом не может быть и речи!

– Пожалуйста, сэр. Это даст ей возможность очень гордиться собой. Ее ноги идеальны в представлении китайца. Если вы этого не сделаете, она будет считать, что вы стыдитесь ее. Она ужасно потеряет лицо перед вами.

– Почему?

– Она думает, вы сняли повязки, потому что решили, что она вас обманывает.

– Почему она должна так думать?

– Потому что... видите ли, она никогда раньше не встречалась с европейцем. Пожалуйста, сэр. Только ваша гордость за нее способна оправдать все ее слезы.

Тогда Струан измерил ее ноги и выразил радость, которой не испытывал, и она трижды низко поклонилась ему.

Он терпеть не мог эти поклоны, когда мужчины и женщины, стоя на коленях, касались лбом пола. Но древняя традиция требовала именно такого выражения полного послушания от всех подчиненных при обращении к господину, и Струану приходилось мириться с этим. Если бы он начал протестовать, то опять испугал бы Мэй-мэй, и она потеряла бы лицо перед Гордоном Ченом.

– Спроси ее, болят ли у нее ноги сейчас.

– Они всегда будут болеть, сэр. Но уверяю вас, ей было бы гораздо больнее, если бы у нее были большие, отвратительные ноги.

После этого Мэй-мэй что-то сказала Чену, и Струан уловил слово «фан-квэй», которое означало «дьявол-варвар».

– Она хочет знать, как доставлять удовольствие некитайцу, – перевел Гордон.

– Скажи ей, «фан-квэи» от китайцев ничем не отличаются.

– Да, сэр.

– И еще скажи ей, что ты начнешь обучать ее английскому. Немедленно. Предупреди ее, что никто не должен знать о ваших занятиях. Никто не должен догадываться, что она говорит по-английски. Перед другими она будет говорить только по-китайски или на «пиджин», которому ты ее также обучишь. И последнее, отныне ты отвечаешь за нее передо мной своей жизнью.

п

– Могу я теперь войти? – Мэй-мэй стояла на пороге, склонившись в изящном поклоне.

– Пожалуйста.

Чистый овал лица, миндалевидной формы глаза под идеальными дугами бровей. Теперь Мэй-мэй вся благоухала, а длинный просторный голубой халат был сшит из тончайшей шелковой парчи. Волосы были убраны в два полумесяца на затылке и украшены нефритовыми заколками.

Для китаянки она была высокого роста. Кожа ее отличалась такой белизной, что казалась почти прозрачной. Мэй-мэй была родом из провинции Сучжоу.

Хотя Струан купил ее у Дзин-куа и много недель препирался со стариком из-за цены, он знал, что на самом деле Дзин-куа подарил ему Тчунг Мэй-мэй в

благодарность за многочисленные услуги, которые Тай-Пэн оказывал ему на протяжении долгих лет. Он знал, что Дзин-куа без труда мог бы продать ее самому богатому человеку в Китае – какому-нибудь маньчжурскому князю или даже самому императору, – получив за нее столько нефрита, сколько она весила. Что уж тут говорить о пятнадцати тысячах тэйлов, на которых они в конце концов сошлись. Мэй-мэй была неповторима и не имела цены.

Струан поднял ее и нежно поцеловал.

– Ну, а теперь рассказывай, что происходит. – Не выпуская ее из рук, он опустился в глубокое кресло.

– Во-первых, я приехала переодетая из-за опасности, которая грозит не только мне, но и тебе. За твою голову по-прежнему назначена награда. А похищение с целью получить выкуп – наша древнейшая традиция.

– С кем ты оставила детей?

– Со Старшей Сестрой, разумеется, – ответила она. Старшей Сестрой, как то предписывал обычай, Мэй-мэй называла Кай-сун, бывшую любовницу Тай-Пэна. Кай-сун была теперь третьей женой китайского компрадора «Благородного Дома». Тем не менее Мэй-мэй и Кай-сун относились друг к другу с большой теплотой, и Струан знал, что у Кай-сун дети будут в безопасности и она присмотрит за ними, как за своими собственными.

– Хорошо, – кивнул он. – Как они?

– У Дункана синяк под глазом. Он споткнулся и упал; я порола это черепашье дерьмо, его аму, пока у меня рука не отвалилась. У Дункана плохой характер из-за варварской крови.

– Твоей – не моей. А Кейт?

– У нее прорезался второй зубик. Это большой йосс. Раньше, чем наступил второй день рождения. – Она на мгновение прижалась к нему. – А потом я прочитала газету. Этот Скиннер. Опять плохой йосс, хейа? Этот сын собаки Брок старается разорить тебя с помощью больших денег, которые ты должен. Это правда?

– Отчасти правда. Да, если йосс не переменится к нам, мы банкроты. Так что больше не будет ни шелков, ни дорогих духов, ни нефрита, ни домов в подарок, – поддразнил он ее.

– Ай-й-йа! – воскликнула она, качнув головой. – Ты не единственный мужчина в Китае.

Он шлепнул ее пониже спины, и в то же мгновение ее рука с длинными ногтями метнулась к его лицу, но он перехватил ее за кисть.

– Никогда больше не говори так, – сказал он, награждая ее страстным поцелуем.

– Кровь Христова, – выдохнула она, отстраняясь от него. – Посмотри, что ты сделал с моими волосами. Эта ленивая потаскуха А Гип трудилась над ними целый час. Ну да ладно.

Она знала, что доставляла ему огромное удовольствие, и гордилась тем, что в свои двадцать лет умела читать и писать по-английски и по-китайски и говорила на английском и на трех наречиях китайского: кантонском, своей родной провинции Сучжоу и мандаринском – языке Пекина и императорского двора. Кроме этого, она знала многое из того, что Гордон Чен почерпнул в школе, он оказался хорошим учителем, и они сильно привязались друг к другу. О, Мэй-мэй прекрасно понимала, что второй такой, как она, нет во всем Китае.

В дверь тихо постучали.

– Европеец? – прошептала она.

– Нет, девочка. Это всего лишь слуга. Им приказано сначала докладывать мне о любом человеке, который приходит в этот дом. Да?

Вслед за первым слугой вошли двое других. Все трое избегали смотреть на Струана и девушку, но их явно разбирало любопытство, и они дольше обычного

накрывали на стол, расставляя блюда с китайской пищей и раскладывая палочки.

Мэй-мэй обрушила на них поток слов на кантонском наречии, после чего они нервно поклонились и заторопились к двери.

– Что ты им сказала, что они так испугались? – поинтересовался Струан.

– Я просто предупредила их, клянусь Богом, что если они кому-нибудь расскажут, что я здесь, я своей рукой разрежу им языки напополам, отрежу уши, а потом уговорю тебя приковать их цепями к одному из твоих кораблей и утопить его в океане вместе с их чертовыми женами, детьми и родителями, а перед этим ты еще наведешь свой Дурной Глаз на это проклятое отребье и на их проклятое мерзкое потомство на веки вечные.

– Перестань ругаться, дьяволенок ты кровожадный! И не шути насчет Дурного Глаза.

– А это и не шутка. Он у тебя как раз такой. Ведь ты и есть дьявол в варварском обличий – для всех, кроме меня. Я-то знаю, как с тобой справиться.

– Черт побери, Мэй-мэй, прекрати это. – Он перехватил ее руки, собиравшиеся интимно погладить его. – Лучше поешь, пока все горячее, я с тобой потом потолкую. – Струан легко подхватил ее на руки и отнес к столу.

Она положила ему на тарелку креветок, обжаренных в масле, постной свинины, грибов, потушенных с соей, мускатного ореха, горчицы, меда, потом занялась своей тарелкой.

– Смерть господня, я проголодалась, – сказала она.

– Может быть, ты все-таки прекратишь богохульствовать!

– Ты забыл добавить свое «клянусь Господом», Тай-Пэн! – Она лучезарно улыбнулась ему и с огромным наслаждением принялась за еду.

Он взял палочки и, ловко орудуя ими, тоже начал есть. Струан нашел обед превосходным. Понадобились месяцы, чтобы он развил в себе вкус к такой пище. Ни один из европейцев не признавал китайской кухни. Струан тоже одно время предпочитал плотные завтраки и обеды доброй старой Англии, но Мэй-мэй убедила его, что для здоровья полезней есть так, как едят китайцы.

– Ну, а теперь расскажи, как ты добралась сюда? – спросил Струан.

Мэй-мэй выбрала крупную креветку из тех, что сначала обжарили, а потом потушили в соевом соусе с травяными приправами, изящным движением отломила ей голову и принялась чистить.

– Я заказала место на лорке. Я покупила фантастический дешевый билет и вымазалась грязью для безопасности. Ты должен мне пятьдесят монет.

– Выплатишь их себе из своего содержания. Я не просил тебя приезжать сюда.

– Ай-й-йа! Этот колова чилло деньги достать легко мозна, беспокойся нет.

– Прекрати это и веди себя пристойно.

Она рассмеялась, предложила ему очищенную креветку и взялась за другую.

– Спасибо, мне довольно.

– Ешь их больше. Они для тебя очень полезны. Я уже говорила тебе много раз, что они приносят здоровье и дают много-много силы.

– Полно, девочка моя.

– Нет-нет, в самом деле, – настаивала она с полной серьезностью. – Креветки очень полезны для тех, кто хочет много любить. Очень важно хотеть много любить! Жена должна следить за своим мужем. – Она вытерла пальцы вышитой салфеткой и взяла палочками одну из креветочных голов.

– Черт возьми, Мэй-мэй, неужели нужно есть и головы тоже?

– Да, клянусь Господом. Ты разве не знаешь, что это самая вкусная часть? – проговорила она, передразнивая его, и расхохоталась так, что поперхнулась. Он похлопал ее по спине, но очень нежно, а потом дал ей выпить несколько глотков чая.

– Вперед тебе наука, – сказал он.

– Головы все равно самая вкусная часть, даже так, можешь не беспокоиться.

– Даже так, выглядят они ужасно, можешь не беспокоиться.

Некоторое время они ели молча.

– С Броком действительно все так скверно?

– Скверно.

– Так ужасно просто разрешить эту скверность. Убей Брока. Теперь пора.

– Что ж, это один из выходов.

– Этот выход, тот выход – ты найдешь выход.

– Почему ты так уверена?

– Ты не захочешь потерять меня.

– Почему я должен тебя терять?

– Я тоже не хочу довольствоваться кем-то вторым. Я принадлежу Тай-Пэну. Я не какая-нибудь чертова Хакка, или речная женщина, или кантонская шлюха. Чай?

– Да.

– Пить чай после еды очень полезно для тебя. Тогда ты никогда не станешь толстым. – Она налила чай и грациозным движением поднесла ему чашку. – Ты мне нравишься, когда ты сердитый, Тай-Пэн. Но ты не пугаешь меня. Я знаю, что доставляю тебе слишком много радости, как и ты мне. Когда я стану второго сорта, другая займет мое место и не о чем беспокоиться. Это йосс. Мой йосс. А также и твой.

– Откуда ты знаешь, может, ты уже отступила на второе место, Мэй-мэй?

– Нет. Тай-Пэн, еще нет. Позже – да, но пока – нет. – Она склонилась над ним и поцеловала его, а потом, когда он попытался удержать ее, легко скользнула в сторону.

– Ай-йа, я не должна была давать тебе столько креветок! – Она со смехом побежала, но он догнал ее, и она обвила руками ею шею и поцеловала его. – Ты должен мне пятьдесят монет!

– Дьявол тебя забери! – Он опять поцеловал ее, желая ее так же сильно, как она желала его.

– Твои поцелуи хороши на вкус. Сначала мы поиграем в трик-трак.

– Нет.

– Сначала мы поиграем в трик-трак, потом будет любовь. Времени много. Я теперь живу с тобой. Мы играем один доллар за очко.

– Нет.

– Один доллар за очко. Может быть, у меня болит голова, слишком устала.

– Может быть, я не сделаю тебе новогоднего подарка, который собирался сделать.

– Какой подарок?

– Можешь не беспокоиться.

– Пожалуйста, Тай-Пэн. Я больше не буду тебя дразнить. Какой подарок?

– Можешь не беспокоиться.

– Ну, пожалуйста, скажи мне. Пожалуйста. Это нефритовая заколка? Или золотой браслет? Или шелк?

– Как теперь твоя голова?

Она сердито шлепнула его, потом обняла за шею.

– Ты такой плохой со мной, а я такая хорошая с тобой. Ну что ж, пусть будет любовь.

– Мы сыграем четыре партии. По тысяче долларов за очко.

– Но это слишком огромная ставка! – Она прочла в его смеющихся глазах вызов, и ее глаза сверкнули в ответ: – Четыре партии. Я разобью тебя в прах, клянусь Господом!

– О нет, клянусь Господом!

Они сыграли четыре партии, и она тараторила то проклятия, то благословения

йоссу, плакала, смеялась, вскрикивала в зависимости от того, как складывалась игра. Она проиграла восемнадцать тысяч долларов.

– Смерть господня, я разорена, Тай-Пэн. Разорена. О, горе мне, горе, горе. Все мои сбережения и даже больше. Мой дом... Еще одну партию, – умоляла она. – Ты должен дать мне возможность вернуть проигранные деньги.

– Завтра. По тем же ставкам.

– Никогда в жизни я больше не буду играть по таким ставкам. Никогда, никогда, никогда. Только еще один раз завтра.

Мэй-мэй выскользнула из большой кровати с резным навесом на четырех высоких столбах и подошла к камину. Чугунный чайник тоненько посвистывал на низкой железной полке рядом с огнем.

Опустившись на колени, она вылила горячую воду из чайника на чистые белые полотенца. Отблески пламени танцевали на ее изумительном по красоте и чистоте линий теле. Ее ноги были обуты в крошечные спальные туфельки, аккуратные повязки плотно охватывали щиколотки. Ноги у нее были длинные и очень стройные. Движением руки она отбросила рассыпавшиеся иссиня-черные волосы за спину и вернулась к кровати.

Струан протянул руку за одним из полотенец.

– Нет, – остановила его Мэй-мэй. – Я сама. Это доставляет мне удовольствие, и это моя обязанность.

Вытерев его насухо, она вымылась сама и мирно устроилась рядом с ним под стеганым одеялом. Свежий ветер шевелил камчатные занавеси на окнах и заставлял шипеть огонь в камине. По стенам и высокому потолку метались тени.

– Посмотри, вон там дракон, – сказала Мэй-мэй.

– Нет. Это корабль. Тебе тепло?

– Рядом с тобой – всегда. А вон пагода.

– Да.

Он обнял ее, наслаждаясь прохладной шелковистостью ее кожи.

– А Гип готовит нам чай.

– Хорошо. Чай – это будет замечательно. Чай освежил их, они вернулись в кровать, и он задул лампу. Они опять начали рассматривать тени.

– Твой обычай говорит, что у тебя может быть только одна жена, хейа?

– Да.

– Китайский обычай лучше. Тай-тай – это более мудро.

– Что такое «тай-тай», девочка моя?

– «Повелительница повелителей». Муж, конечно, главное лицо в семье, но внутри дома первая жена всегда главная из главных. Это закон для китайцев. Много жен – это тоже закон, но всегда только одна Тай-тай. – Она поправила свои длинные волосы, чтобы они ей не мешали. – Ты скоро женишься снова? Что говорит ваш обычай?

– Не думаю, что я теперь вообще женюсь когда-нибудь.

– Ты обязательно должен жениться. На шотландке или на англичанке. Но сначала ты должен жениться на мне.

– Да, – ответил Струан. – Может быть и должен.

– Да, может быть, ты должен. Я твоя Тай-тай. – Она теснее прижалась к нему и быстро уснула безмятежным сном Струан еще долго наблюдал за пляской теней, потом заснул и он.

Едва лишь рассвело, он проснулся с предчувствием близкой опасности. Достав из-под подушки нож, он подошел к окну и приоткрыл занавесь. К его крайнему удивлению оказалось, что площадь пуста. Позади площади, на реке, над плавучими деревнями повисла тревожная тишина.

Он услышал приглушенный звук шагов, направлявшихся к его комнате. Струан

бросил взгляд на Мэй-мэй. Она спала все так же безмятежно. С ножом наготове он прислонился к стене позади двери и стал ждать.

Шаги остановились. Через секунду раздался тихий стук в дверь.

– Да?

Мягко ступая, в комнату вошел слуга. Увидев Струана, голого и с ножом в руке, он перепугался и выдохнул, побледнев:

– Масса! Ключконосый масса и челноволосый масса сюда ходить. Говолить твоя быстло лаз-лаз пазалуста мозна.

– Скажи я приходить быстро раз-раз.

Струан торопливо оделся. Он уронил расческу, едва не разбудив Мэй-мэй.

– Вставать еще рано Ложись ко мне, – пробормотала она в полудреме, глубже зарылась в одеяло и тут же заснула снова.

Струан открыл дверь спальни. А Гип терпеливо ждала на корточках в коридоре, где и спала ночью. Струан давно бросил бесплодные попытки заставить ее спать где-нибудь в другом месте, а не перед дверью своей госпожи. А Гип только улыбалась, кивала головой, говорила: «Да, масса» и оставалась спать у двери. Ее плотное квадратное тело крепко сидело на коротких ногах, улыбка, казалось, навсегда застыла на ее круглом лице с отметинами оспы. Вот уже три года она была личной рабыней Мэй-мэй. Струан заплатил за нее три тэйла серебром.

Он жестом пригласил ее в комнату.

– Мисси спать можно. Ждать эта комната, ясно?

– Ясна, масса.

Он заторопился по лестнице.

Купер и Вольфганг Маусс ждали его в столовой. Маусс с задумчивым видом проверял свои пистолеты.

– Извините, что побеспокоили вас, Тай-Пэн. Надвигаются неприятности, – сказал Купер.

– Какие?

– Повсюду ходят слухи, что вчера ночью в Кантон прибыли две тысячи маньчжурских солдат – «знаменосцев».

– Вы уверены?

– Нет, – ответил Купер. – Но если это правда, наше положение можно назвать незавидным.

– Хау-куа посылал за мной сегодня утром, – тяжелым голосом добавил Маусс.

– Он не сказал, вернулся ли уже Дзин-куа?

– Нет, Тай-Пэн. Он по-прежнему утверждает, что его отца нет в городе. Что касается меня, я так не думаю, hein? Хау-куа был сильно напуган. Он сказал, что его разбудили сегодня рано утром. Ему был предъявлен указ, подписанный самим императором, в котором говорилось, что всякая торговля с вами должна быть прекращена немедленно. Я сам читал его. Печати настоящие. Весь Ко-хонг гудит как потревоженный улей.

Со стороны площади донесся топот копыт. Струан и Маусс бросились к окну. Внизу появилась полусотня маньчжурских; солдат верхом на лошадях, они неторопливой рысцой въехали на площадь с восточного конца и спешились. Это были рослые воины, у каждого имелся мушкет, длинный лук, меч и копье с флажком. Некоторые были бородаты. Их называли «знаменосцами», потому что они являлись императорской гвардией и носили на копьях особые флажки с императорской геральдикой. Китайцев в эти полки не набирали; они составляли элиту императорских войск.

– Что ж, как минимум сорок-пятьдесят человек в Кантону имеется точно, – изрек Струан среди общего молчания.

– А если их здесь действительно две тысячи? – спросил Купер.

– Нам лучше быть готовыми к тому, чтобы покинуть поселение в любую минуту.

– «Знаменосцы» – это плохой знак, – покачал головой Маусс. Он не хотел уезжать из поселения, он желал только одного – быть со своими новообращенными китайцами и дальше проповедовать среди язычников. Это занимало все его время, когда он не переводил для Струана. – Schrechlich[12] плохой.

Струан обдумал возможные варианты развития событий, потом позвонил слуге.

– Большой чоу быстро раз-раз. Кофе – чай – яйца – мясо – быстро раз-раз!

– «Знаменосцы» на площади, а вас словно ничего и не беспокоит, кроме завтрака? – встрепенулся Купер.

– Что толку волноваться на пустой желудок, – ответил Струан. – Сегодня с утра я голоден.

Маусс захохотал. До него дошел слух, который шепотом передавали друг другу слуги; слух о том, что таинственная любовница Тай-Пэна приехала к нему под большим секретом. По предложению Струана два года назад он тайно рассказал Мэй-мэй о христианстве и обратил ее в истинную веру. Да, с гордостью подумал он, Тай-Пэн доверяет мне. Благодаря ему, о Господи, по крайней мере одна душа обрела спасение. Благодаря ему и другие смогут унаследовать Царствие Твое и приобщиться благодати Твоей.

– Завтрак – это хорошая идея.

Стоя у окна, Купер видел торговцев, спешивших через парк в свои фактории. «Знаменосцы» собрались на площади в тесную кучу и оживленно болтали, сидя на корточках.

– Может быть, и в этот раз все будет, как тогда: мандарины захватят нас и потребуют выкуп, – предположил Купер.

– Только не в этот раз, дружище. Если начнется заваруха, они первым делом постараются всех нас перерезать.

– Почему?

– А зачем еще посылать в Кантон «знаменосцев»? Это воины, они умеют драться в отличие от местной китайской армии.

Вошли слуги и начали расставлять на огромном столе столовые приборы. Потом внесли завтрак: холодных цыплят, вареные яйца, буханки хлеба, горячее рагу, клецки, горячий мясной пирог, масло, мармелад, джем.

Струан с удовольствием принялся за еду, Маусс старался не отставать от него. Купер ел без всякого аппетита.

– Масса? – спросил слуга.

– Да?

– Одноглазый масса ходить сюда. Мозна?

– Можно.

В комнату вошел Тайлер Брок. Его сопровождал его сын Горт.

– Доброе утро, джентльмены. Доброе утро, Дирк-приятель.

– Завтракать?

– Благодарствуйте, не откажусь.

– Удачно прошло плаванье, Горт?

– Да, благодарю вас, мистер Струан. – Горт был под стать своему отцу, рослый, крепкий, на лице шрам, нос сломан, волосы и борода засалились. – В следующий раз я приду раньше «Грозового Облака».

– В следующий раз, дружок, – со смехом заметил Брок, – ты пойдешь на нем капитаном. – Он сел к столу и начал жадно есть. – Будьте добры, передайте рагу, мистер Купер. – Выставив большой палец, он ткнул им в сторону окна: – Эти черти не

---

[12] Schrechlich – чертовски (нем.).

предвещают нам ничего хорошего.

– Верно. Что вы обо всем этом думаете, Брок? – спросил Струан.

– Ко-хонг сейчас рвет свои поросячьи хвостики с корнем. Стало быть, торговле пока конец. Надо же, первый раз я своими глазами вижу этих проклятых «знаменосцев», чума на них.

– Эвакуируем поселение?

– Силой меня отсюда не погонят ни китаезы, ни «знаменосцы». – Брок положил себе на тарелку еще рагу. – Ну, конечно, я могу немного отступить. Когда сам сочту нужным. Завтра большинство из нас все равно собирались возвращаться назад, чтобы участвовать в распродаже. Но вот совет созвать стоит, и чем скорее, тем лучше. У вас здесь есть оружие?

– Недостаточно.

– А у нас полно, на любую осаду хватит. Горт привез. Этот дом оборонять удобнее всего. К тому же, он и так почти что наш, – добавил он.

– Сколько у вас людей?

– Два десятка. Ребята Горта. Каждый управится с сотней китайцев.

– У меня тридцать человек, считая португальцев.

– К черту португальцев. Мы уж лучше сами как-нибудь. – Брок вытер рот, разломил пополам буханку хлеба и намазал ее маслом и мармеладом.

– Поселение непригодно для обороны, Брок, – вмешался Купер. – У вас ничего не получится.

– В этой фактории мы сможем продержаться сколько угодно, парень. Вы за нас не переживайте. Вам и остальным американцам лучше спрятаться в своей и сидеть там потише. Вас не тронут – это мы им понадобились.

– Да, – согласно кивнул Струан. – И вы будете нужны нам, чтобы присмотреть за торговлей в случае, если нам придется уехать.

– Это, кстати, еще одна причина, почему я пришел сюда, Дирк. Хотел поговорить с тобой в открытую насчет торговли и насчет «Купера и Тиллмана». Я сделал им предложение, которое было принято.

– Предложение было принято на том условии, что «Струан и компания» окажется не в состоянии выполнить ранее заключенные договоренности, добавил Купер. – Мы даем вам тридцать дней, Дирк. Сверх этих тридцати дней.

– Спасибо, Джефф. Это великодушно.

– Это глупо, парень. Но мне плевать на время, я тоже буду щедр с твоим временем. У тебя еще целых восемь дней Дирк, а?

Струан повернулся к Мауссу:

– Возвращайся к Ко-хонгу и выясни все, что можно. Будь осторожен по дороге и возьми с собой одного из моих друзей,

– Мне провожатый не нужен. – Маусс грузно поднялся с кресла и вышел.

– Мы проведем совет внизу, – сказал Струан, проводив его взглядом.

– Хорошо. Может, нам стоит сразу всем сюда перебраться. Места хватит.

– Это нас выдаст. Лучше приготовиться и ждать. Возможно, нас хотят просто напугать.

– Ты прав, парень. Пока слуги не разбежались, мы можем чувствовать себя в безопасности. Пойдем, порт. Значит, собираемся через час? Внизу?

– Да.

Брок и Горт ушли. Молчание нарушил Купер:

– Что же все это может значить?

– Думаю, это очередная хитрость Ти-сена. Он хочет заставить нас понервничать. Видимо, решил выторговать какие-то уступки и подготавливает почву. – Струан положил руку Куперу на плечо: – Спасибо за тридцать дней. Я не забуду этого.

– У Моисея было сорок. Я подумал, тридцати вам должно хватить.

Совет проходил бурно, но Струану и Броку совместными усилиями удавалось направлять его ход и поддерживать порядок.

Все торговцы, за исключением американцев, собрались в огромном зале фактории, который служил Струану рабочим кабинетом. Бочонки с коньяком, виски, ромом и пивом выстроились вдоль одной из стен. Вдоль другой тянулись полки с книгами и гроссбухами. Стены украшали картины Квэнса – виды Макао, портреты, корабли. В ящиках со стеклянными дверцами стояли оловянные кружки и серебряные кубки. На полках – груды абордажных сабель и мушкетов, порох, пули.

– А я говорю вам, все это ерунда, – горячился Мастерсон, краснолицый торговец тридцати с небольшим лет с двойным подбородком, глава фирмы «Мастерсон, Роуч и Роуч». Он был одет, как все остальные – темный сюртук из тонкого сукна с шелковой отделкой, жилет яркой расцветки и фетровый цилиндр. – Китайцы никогда не покушались на само поселение с тех пор, как оно здесь стоит, клянусь Богом.

– Верно. Но это было до того, как мы вступили с ними в войну и выиграли ее. – Больше всего Струану хотелось, чтобы они скорее пришли к какому-нибудь решению и разошлись. Он прикрывал нос надушенным платком, чтобы не чувствовать едкой вони, исходящей от их тел.

– А я говорю, выкинуть этих чертовых «знаменосцев» с площади, и дело с концом, – воскликнул Горт, наливая себе еще пива в высокую серебряную кружку с крышкой.

– Мы так и сделаем, если будет надобность. – Брок сплюнул в оловянную плевательницу. – Я устал от всех этих разговоров. Так мы принимаем план Дирка или нет?

Сверкая глазом, он оглядел собравшихся.

Большинство в ответ посмотрели на него в упор не пряча глаз. Их было сорок человек – англичан и шотландцев. Исключение составляли датчанин Эликсен, представлявший одну лондонскую фирму, и Румаджи, дородный парси в развевающихся одеждах из Индии. Макдональд, Керни и Мольтби из Глазго и Мессер, Вивиен, Тоуб и Смит из Лондона были наиболее крупными коммерсантами – все суровые и твердые, как столетний дуб, люди в возрасте от тридцати до сорока.

– Я чую беду, сэр, – сказал Румаджи и дернул себя за длинный ус. – Я предлагаю отступить без промедления.

– Ради Бога, Румаджи, весь план как раз и состоит в том, чтобы не отступать, – едко проговорил Роуч. – Отступление только в случае необходимости. Я голосую за план. И я согласен с мистером Броком. Слишком много пустой болтовни, и я устал. – План Струана был прост. Все они разойдутся по своим факториям и будут ждать. Если начнутся неприятности, по сигналу Струана все они соберутся в его фактории; его люди прикроют их огнем, если потребуется. – Отступать перед язычниками? Ни за что, клянусь Господом Богом!

– Могу я предложить кое-что, мистер Струан? – спросил Эликсен, высокий светловолосый человек, известный своей молчаливостью.

Струан кивнул:

– Разумеется.

– Может быть, одному из нас следует попробовать пробраться на Вампоа и дать им знать, что здесь происходит. Оттуда быстрая лорка смогла бы добраться до нашего флота у Гонконга. На тот случай, если нас окружат и отрежут от реки, как в прошлый раз.

– Отличная идея, – поддержал его Вивиен, человек высокого роста, с бледным лицом и вдрызг пьяный. – Давайте все пойдем добровольцами. Кто плеснет мне еще виски? Вот спасибо, дружок.

Тут все опять заговорили хором и начали спорить о том, кто должен пойти добровольцем, и лишь через некоторое время Струану удалось их утихомирить.

– Это была идея мистера Эликсена. Если он не возражает, почему не предоставить ему эту честь?

Все высыпали в сад и оттуда наблюдали, как Струан и Брок проводили Эликсена через площадь к лорке, которую Струан предоставил в его распоряжение. «Знаменосцы» не обратили на них никакого внимания, если не считать издевательского смеха и тыканья пальцами в их сторону.

Лорка заскользила вниз по течению.

– Может быть, мы видим этого парня в последний раз, – заметил Брок, провожая ее взглядом.

– Не думаю, что они его тронут. Иначе я ни за что не отпустил бы его.

Брок хмыкнул.

– Для иностранца он, как будто, малый ничего. – Вместе с Гортом он направился в свою факторию. Остальные торговцы заспешили к себе.

Струан расставил вооруженную охрану в саду и у задней двери фактории, которая выходила на Хог Стрит. Когда каждый занял отведенное ему место, он поднялся к себе наверх.

Мэй-мэй в спальне не было. А Гип тоже.

– Где мисси?

– Моя знать нет, масса. Моя колова чилло видеть нет никак.

Он обшарил каждый уголок здания, но Мэй-мэй и ее служанка исчезли, растаяли бесследно, словно никогда и не появлялись в этом доме.

Глава 5

Струан спустился в сад. Время близилось к полуночи. Воздух застыл неподвижно, наполненный гнетущей тишиной. Струан знал, что большинство торговцев сейчас спят в одежде, положив оружие рядом с собой. Сквозь щель в воротах парка он посмотрел на «знаменосцев». Некоторые из них спали, другие негромко переговаривались у костра, разожженного на площади. Ночь была холодной. По реке скользили редкие тени.

Струан отошел от ворот и начал в раздумье бродить по парку. Куда же, черт побери, подевалась Мэй-мэй? Он был уверен, что она не стала бы покидать поселение без особой на то причины. Может быть, ее сумели как-то выманить наружу. Может быть... дьявольщина, оборвал он себя, не смей даже думать об этом. Но он знал, что богатейший военачальник Китая, увидев ее хотя бы раз, не колеблясь ни секунды, постарался бы завладеть ею – силой, если понадобится.

Через боковую стену парка переметнулась тень, и в то же мгновение в руке Струана блеснул нож.

Это оказался незнакомый ему китаец – короткий тщедушный человечек со сломанными зубами, лицо которого вытянулось и пожелтело от курения опиума. Дрожащей рукой он протянул Струану лист бумаги. На бумаге стоял оттиск печати Дзин-куа, его личной печати, которой он пользовался только для больших контрактов и документов особой важности.

– Масса, – мягко проговорил китаец, – твоя ходить моя следом. Один.

Струан колебался. Выходить ночью из-под защиты стен поселения, да еще одному, было опасно. Более того, безрассудно.

– Нет можно. Дзин-куа сюда ходить можно.

– Нет мозна. Ходить моя следом. – Китаец ткнул пальцем в печать: – Дзин-куа хотеть, быстла лаз-лаз. Да-да, быстла.

– Завтра, – сказал Струан. Китаец покачал головой:

– Сичас. Лаз-лаз, ясна?

Струан понимал, что печать Дзин-куа могла попасть в чужие руки, и все это

легко может оказаться ловушкой. В то же время он не осмеливался взять с собой Маусса или кого-то другого из своих людей, потому что его встреча с Дзин-куа должна была остаться в тайне от всех. И чем скорее он увидит старика, тем лучше.

Он внимательно рассмотрел бумагу при свете фонаря и убедился, что печать настоящая.

– Можно, – кивнул он наконец.

Китаец подвел его к боковой стене и перебрался на ту сторону. Струан последовал за ним, готовый в любой миг отразить предательское нападение. Китаец заторопился вдоль стены и повернул на Хог Стрит. К своему глубокому изумлению, Струан увидел, что улица совершенно пуста. Тем не менее он все время ощущал на себе пристальный взгляд чьих-то невидимых глаз.

В конце Хог Стрит китаец повернул на восток. Там их ожидали два паланкина с занавешенными окнами. Стоявшие рядом носильщики дрожали от страха.

Их ужас еще больше усилился, когда они увидели Струана.

Шотландец забрался в один паланкин, его проводник – в другой. Кули тут же подхватили их и засеменили по улице Тринадцати Факторий. Затем они повернули на юг, в узкий пустынный переулок, где Струан никогда раньше не был. Очень быстро он потерял всякое направление и откинулся на спинку сиденья, проклиная себя за глупость. Однако при этом какая-то часть его сознания радостно предвкушала встречу с опасностью. Через некоторое время кули остановились в узком грязном проходе между высокими, глухими стенами домов. По проходу, заваленному гниющим навозом, в поисках пищи рыскала паршивая собака.

Проводник дал носильщикам какие-то деньги и, подождав, когда они растворятся в темноте, постучал в неприметную, низкую дверь. Дверь открылась, и он отошел в сторону, пропуская Струана вперед. Струан знаком приказал ему входить первым, потом настороженно последовал за ним и оказался в вонючей конюшне, где его ждал другой китаец с фонарем в руке. Новый провожатый молча повернулся и не оглядываясь зашагал к двери в дальнем конце. Из конюшни они попали в огромный склад, поднялись наверх по шатким ступе ням, потом по другой лестнице спустились еще в один склад. В темноте под ногами сновали крысы.

Струан знал, что они находятся где-то недалеко от реки – его чуткое ухо уловило плеск воды и поскрипывание швартовых. Готовый к любым неожиданностям, он пробирался меж тюков, мешков и ящиков, придерживая ладонью рукоятку ножа, лезвие которого он спрятал в рукаве.

Человек с фонарем нагнулся, проходя под какими-то ящиками, и подвел его к полускрытой двери в стене. Он тихо постучал, потом открыл ее.

– Халлоа, Тай-Пэн, – раздался голос Дзин-куа. – Долго, однако, не виделись.

Струан вошел. Это оказался еще один склад, тускло освещенный свечами и весь заставленный дощатыми ящиками и заваленный покрытыми плесенью рыболовными сетями.

– Халлоа, Дзин-куа, – с облегчением выдохнул он. – Давно не виделись.

Дзин-куа был глубоким стариком, хрупким, крошечным. Его кожа напоминала пергамент. Тонкие пряди седой бороды спускались на грудь. Его одежда была богато расшита, шапочку украшали драгоценные камни. На ногах – расшитые туфли на толстой подошве. Длинная косичка блестела словно отполированная. Длинные ногти на мизинцах защищали расшитые драгоценностями чехольчики.

Дзин-куа закивал с довольным видом и, шаркая ногами, просеменил в угол склада, где уселся за стол, на котором стояли еда и чай.

Струан сел напротив него спиной к стене. Дзин-куа улыбнулся. Во рту у него оставалось только три зуба. На всех трех были золотые коронки. Дзин-куа что-то сказал по-китайски человеку, который привел к нему Струана, и тот вышел в другую дверь.

– Чай? – предложил Дзин-куа.

– Можно.

Дзин-куа кивнул слуге с фонарем. Тот налил им чаю и положил обоим на тарелки понемногу из каждого блюда, что стояли на столе. Затем он отошел в сторону и замер, внимательно глядя на Дзин-куа. Струан заметил, что этот слуга выглядел крепким и был вооружен ножом, висевшим у пояса.

– Пазалуста, – сказал Дзин-куа, жестом приглашая Струана к трапезе.

– Спасибо.

Струан проглотил несколько кусочков и выпил несколько глотков чая, выжидая. Было очень важно, чтобы Дзин-куа заговорил с ним первым.

Какое-то время они ели молча, потом Дзин-куа спросил:

– Твоя хотеть моя видеть?

– Дзин-куа хорошо торговал далеко от Кантона?

– Дела холосо плохо все одинаково, беспокойся нет.

– Торговля теперь есть?

– Теперь нет. Хоппо очень плохая мандарина. Солдата много-много есть. Моя за солдата платить больсой мзда. Эи-йа!

– Плохо. – Струан отпил еще глоток чая Сейчас или никогда, сказал он себе. И вот теперь, когда он наконец встретился с Дзин-куа и подходящий момент наступил он вдруг со всей ясностью понял, что не сможет продать Гонконг. К чертям этого мандарина! Пока я жив. никакого паршивого хоппо на Гонконге не будет. Значит придется прикончить Брока. Но убийство – это не способ избегать банкротства Поэтому Броку ничего не грозит, ибо все ожидают, что именно так я и постараюсь исправить ситуацию. Или все-таки грозит? Куда, черт побери, подевалась Мэй-мэй?

– Моя слышать Одноглазый Дьявол Блок взяла Тай-Пэна за горло.

– Я слышал дьявол Хоппо взял Ко-хонг за горло, – парировал Струан. Теперь, когда он решил отказаться от сделки, он чувствовал себя гораздо лучше. – Эй-йа!

– Все лавно. Мандарина Ти-сен злой-злой стал.

– Почему так?

– Масса Глозный Пенис писала очень плохо-плохо письмо.

– Чай очень первый сорт хороший, – сказал Струан.

– Масса Глозный Пенис делай, как Тай-Пэн говоли, хейа?

– Иногда можно.

– Плохо, когда Ти-сен злой стал.

– Плохо, когда масса Лонгстафф злой стал.

– Эй-йа. – Дзин-куа тщательно выбрал себе несколько лакомых кусочков и не торопясь съел их. Его маленькие глазки сузились еще больше. – Твоя знает Кун Хэй Фат Чой?

– Китайский Новый год? Знаю.

– Новый год сколо начинаться есть. Ко-хонг много плохой долги от сталых лет иметь. Холосо йосс начинать Новый год, когда нет долги. Тай-Пэн много-много Ко-хонг бумаги иметь.

– Не беспокойся. Ждать можно. – Дзин-куа и другие купцы Ко-хонга должны были Струану шестьсот тысяч фунтов.

– Одноглазый Дьявол ждать можно?

– Бумаги Дзин-куа ждать можно. Конец Чоу очень первый сорт хорошо.

– Очень плохо. – Дзин-куа не спеша потягивал чай. – Слышать, Таи-Пэна Главная Госпожа и чилло мелтвый есть. Плохой йосс, жалко.

– Плохой йосс. Сильно плохой.

– Беспокойся нет. Твоя сильно молодой. Новый корова чилло много есть. Твой один корова чилло Мэй-мэй есть. Почему Тай-Пэн токка один бык чилло есть? Тай-Пэн хочет лекалство, может. Мозна.

– Когда нужно, я спрошу – добродушно заметил Струан. – Слышать, Дзин-куа новый бык чилло есть. Какое число этот сын?

– Десять и семь, – ответил Дзин-куа, довольно улыбаясь.

Боже праведный, подумал Струан. Семнадцать сыновей! И. вероятно, столько же дочерей, которых Дзин-куа по обычаю в расчет не принимает. Он нагнул голову и одобрительно присвистнул.

Дзин-куа рассмеялся.

– Сколька чая хотеть этот год?

– Торговли нет. Как торговать можно? Дзин-куа подмигнул:

– Мозна.

– Не знаю. Продавай Броку. Когда я хотеть чай, я тебе говорить, хейа?

– Два дня есть, потом должен знать.

– Нет можно.

Дзин-куа что-то отрывисто приказал слуге, тот подошел к одному из ящиков, покрытых налетом плесени, и открыл его. Ящик был полон серебряных слитков. Дзин-куа показал рукой на остальные ящики.

– Здесь солок лак долла есть.

Лак равнялся примерно двадцати пяти тысячам фунтов стерлингов. Сорок лаков составляли миллион. Дзин-куа еще больше прищурился.

– Моя занимать оц-цень тлудный. Оц-цень дорогой. Твоя хотеть? Дзин-куа давать взаймы, может.

Потрясенный, Струан напрягал все силы, чтобы не выдать своего состояния. Он не сомневался, что любой заем будет сопровождаться жесткой сделкой, ибо понимал, что Дзин-куа должен был продать душу дьяволу, рискнуть своей жизнью, домом, всем своим будущим, а также будущим своих друзей и сыновей, чтобы тайно собрать столько серебра. В том, что об этом серебре никто не знает, Струан был уверен, иначе Хоппо уже давно украл бы его, а сам Дзин-куа просто-напросто бы исчез. А ведь кроме Хоппо были еще пираты и разбойники, наводнявшие Кантон и его окрестности. Стоило слухам о том, что рядом, под рукой, находится хотя бы сотая часть таких сокровищ, просочиться в одно из их многочисленных тайных убежищ, и за жизнь Дзин-куа никто не дал бы ни гроша.

– Много лак долла! – проговорил Струан. – Человек услугу получать, должен услугу вернуть.

– Этот год чай покупай вдвое прошлый год, такой же цена прошлый год. Мозна?

– Можно.

– Этот год опиум плодавай такой же цена прошлый год. Мозна?

– Можно. – Струану придется заплатить за чай цену выше текущей рыночной цены, а опиум продать дешевле, но и в этом случае он получит большую прибыль. Если только другие условия будут столь же приемлемы, напомнил он себе. Если только Дзин-куа не нужен мандарин на Гонконге. Струан помолился про себя, чтобы мандарин не оказался частью сделки. Но он понимал и то, что если на Гонконге не будет мандарина, не будет там и Ко-хонга. А если не будет Ко-хонга с его монополией на торговлю с европейцами, Дзин-куа и другие купцы окажутся не у дел. Они тоже являлись частью системы и не могли без нее существовать.

– Только покупай Дзин-куа или сын Дзин-куа десять год. Мозна?

Великий Боже, подумал Струан, если я дам ему монопольное право торговли с моей компанией, он сможет тянуть из нас деньги, сколько пожелает.

– Можно – когда цена чай, цена шелк одинаковый другой Ко-хонг.

– Двадцать год. Цена Ко-хонг добавить десять плоцент.

– Плюс пять процентов – добавить пять процент. Можно.

– Восемь.

– Пять.

– Семь.

– Пять.

– Семь.

– Нет можно. Нет прибыль. Слишком сильно большой процент.

– Эй-йа. Оц-цень сильно больсой плибыль есть. Семь!

– Десять лет шесть процентов, десять лет пять процентов.

– Эй-йа! – горячась, воскликнул Дзин-куа. – Плохо, сильно плохо! – Он махнул рукой в сторону ящиков. – Стоить сильно огломный. Больсой интерес платить. Оц-цень много. Десять год шесть, десять год пять, добавить новый десять год пять.

Струан пытался угадать, действительно ли Дзин-куа разозлился или только притворяется.

– Предположим Дзин-куа нет, сын Дзин-куа нет?

– Много сын есть, много сына сын есть. Мозна?

– Новые десять лет добавить четыре процента.

– Пять. – Четыре.

– Плохо, плохо. Оц-цень высокий интерес, оц-цень. Пять.

Струан избегал смотреть на серебро, но чувствовал, как оно окружает его, надвигается со всех сторон. Не будь дураком, кричал ему внутренний голос. Бери его. Соглашайся на что угодно. Ты спасен, парень! У тебя есть все!

– Мандарина Ти-сен говорить один мандарина Гонконг, – вдруг переменил тему Дзин-куа. – Почему твоя говорить нет?

– Дзин-куа не любит мандарина, хейа? Зачем мне любить мандарина, хейа? – ответил Струан, чувствуя, как сердце сжалось и провалилось куда-то.

– Солок лак долла – один мандарина. Мозна?

– Нет можно.

– Сильно легкий. Почему твоя говорить нет мозна? Мозна.

Нет мозна. – Струан не мигая смотрел старику прямо в глаза. – Мандарин нет можно.

– Солок лак долла. Один мандарина. Дешевый.

– Десять раз сорок лак долла нет можно. Умирать раньше. – Струан решил больше не торговаться. – Конец, – хрипло выговорил он. – Клянусь прахом моих отцов, хватит. – Он тяжело поднялся на ноги и направился к двери.

– Зачем твоя уходить? – спросил Дзин-куа.

– Нет мандарин – нет долла! Зачем говорить, хейа?

К изумлению Струана, Дзин-куа весело фыркнул и сказал:

– Ти-сен хотеть мандарина. Дзин-куа не давать деньги Ти-сен. Дзин-куа давать деньги Дзин-куа. Добавить новый год пять плоцент. Мозна?

– Можно.

Струан опустился на место, чувствуя, как у него кружится голова.

– Пять лак долла покупать Дзин-куа земля на Гонконг. Мозна?

Зачем она ему, в отчаянии ломал голову Струан. Если Дзин-куа одолжит мне эти деньги, Ко-хонгу конец – он должен понимать это. Зачем ему своими руками рыть себе могилу? Зачем покупать землю на Гонконге?

– Мозна? – повторил Дзин-куа.

– Можно.

– Пять лак долла хланить, тлогать нет. – Дзин-куа открыл миниатюрную коробочку из тика и достал из нее две печати. Печати представляли собой маленькие квадратные палочки из слоновой кости длиной около двух дюймов. Старик ловко соединил их вместе, обмакнул концы, покрытые затейливой резьбой, в густую тушь и сделал оттиск на листе бумаги. После этого Дзин-куа протянул Струану одну из печатей, а другую убрал в коробочку. – Человек плиносить этот печать, давать земля и долла, ясна?

– Ясно.

– Следучий год моя посылать один бык чилло на Гонконг. Твоя посылать одинаково как твоя сын школа Лондон. Мозна?

– Можно.

– Твоя бык чилло Гордн Чен. Халосый? Плохой, может?

– Хороший чилло. Чен-Шень говорит сильно хорошо думай-думай есть. – Струан явно должен был что-то сделать с Гордоном Ченом. Но что именно, и почему Гордон вообще фигурировал в махинациях Дзин-куа? – Я думаю давать Гордон более высокое место, может.

– Зачем более высокий место? – презрительно скривил губы Дзин-куа. – Думать твоя одолжать один лак долла Чен бык чилло.

– Под какой процент?

– Половина плибыль.

Прибыли от чего? Струан чувствовал, что Дзин-куа водит его, как рыбу на крючке. Но с большого крючка ты соскочил, парень, хотелось закричать ему во весь голос. Ты получишь свой миллион без мандарина.

– Можно.

Дзин-куа вздохнул, и Струан решил, что сделка закончена. Но ошибся. Дзин-куа сунул руку в потайной карман в рукаве своего халата, извлек оттуда восемь половинок монет и разложил их на столе перед собой. Всего получилось четыре монеты, каждая из которых была грубо сломана пополам. Чехлом, предохранявшим ноготь его мизинца, Дзин-куа подтолкнул половинку каждой монеты на другой край стола.

– Последний. Четыле услуга. Человек плиносить один такой, твоя делать услуга.

– Какую услугу?

Дзин-куа откинулся на спинку своего стула.

– Моя знать нет, Тай-Пэн, – сказал он. – Четыле услуга когда-нибудь. Моя жизнь нет, может, сын, может. Нет знать когда, но плосить четыле услуга. Один половина монета – услуга. Мозна?

Спина Струана покрылась холодным потом. Согласиться на такое требование означало добровольно положить голову под топор. Но если он откажется, серебра ему не видать. Ты сам прыгаешь к черту в пасть, сказал он себе. Да, но решай же в конце концов. Нужно тебе будущее или нет? Ты знаешь Дзин-куа вот уже двадцать лет. Он всегда вел с тобой честную игру. Да, и при этом он самый хитрый и проницательный человек в Кантоне. Двадцать лет он помогал тебе, направлял тебя – и вместе вы увеличили свою власть и приумножили богатства. Так доверься ему, ему ты можешь доверять. Нет, доверять ты не можешь никому, и Дзин-куа в первую очередь. Ты процветал при нем лишь потому, что всегда оставлял за собой последнюю карту. А теперь тебя просят подарить Дзин-куа четырех джокеров из твоей колоды жизни и смерти.

В который раз Струан поразился изощренности и дьявольской хитрости китайского ума. Его величию. Его безжалостности. Но с другой стороны, напомнил он себе, ставки в их игре были огромны с обеих сторон. Оба рисковали в равной степени, полагаясь на честность друг друга, поскольку не могло быть никаких гарантий, что услуги будут оказаны. За исключением того, что ты обязательно окажешь их, должен оказать, потому что сделка есть сделка.

– Можно, – произнес он, протягивая руку. – Мой обычай пожать руку. Не китайский обычай, все равно. – Он никогда раньше не обменивался с Дзин-куа рукопожатием и знал, что китайцы считают этот обычай варварским.

– Услуга, может, плотив закона. Моего, твоего, ясна?

– Ясно. Ты друг. Ты или сын монета посылать нет плохая услуга просить.

Дзин-куа на секунду закрыл глаза и задумался об этих белых дикарях из

далекой Европы. У них росли волосы на руках, на ногах и на теле, и они походили на обезьян. Их манеры были уродливы и вызывали отвращение. Вонь, исходившая от них, казалась невероятной. Им были неведомы культура, этикет, соблюдение приличий. Даже самый низкий и презренный кули был в десять тысяч раз лучше самого лучшего европейца. И то, что относилось к мужчинам, еще в большей степени относилось к женщинам.

Он вспомнил свой единственный визит к английской шлюхе, которая жила в Макао и говорила по-китайски. Он посетил ее больше из любопытства; нежели действительно желая получить удовлетворение. Любопытство разбудили в нем рассказы друзей, утверждавших, что впечатление будет незабываемым, поскольку не существовало услуги, которую она не оказала бы самым старательным образом при малейшем поощрении со стороны клиента.

Он весь передернулся при мысли об ее волосатых руках, волосатых подмышках, ногах и промежности, о грубости ее кожи и черт лица, о запахе пота, смешивавшегося с запахом мерзких духов.

А какую пищу едят эти варвары – ужасно. Он много раз присутствовал на их обедах, где ему приходилось терпеливо сидеть и смотреть, едва не теряя сознание от дурноты, как бесконечные блюда сменяются одно за другим, и притворяться, что он не голоден. С отвращением наблюдать за неимоверным количеством полусырого мяса, которое они поглощали, отрезая ножом у самых губ, так что кровавый жир стекал по подбородкам. А реки отнимающих разум напитков, которые они вливали в себя. А их мерзкие вываренные безвкусные овощи. А мясные пироги, которые просто невозможно переварить. Все в чудовищных количествах. Как свиньи, как потные, ненасытные, огромные черти. Невероятно!

У них нет ни одного качества, которое можно было бы отнести к достоинствам, подумал он. Ни одного. За исключением их готовности убивать, и это они проделывают с невиданной жестокостью, хотя и безо всякой утонченности. По крайней мере, они служат для нас средством зарабатывать деньги.

Варвары – это зло во плоти. Все, кроме вот этого человека – Дирка Струана. Когда-то Струан ничем не отличался от прочих. Теперь он отчасти китаец. Сознанием. Сознание очень важно, потому что быть китайцем – это во многом состояние ума. Он содержит себя в чистоте, и запах от него чистый. И он усвоил некоторые из наших привычек и обычаев. Конечно, он по-прежнему дик, по-прежнему варвар и убийца. Однако немного изменившийся. А если одного варвара можно превратить в цивилизованного человека, почему нельзя сделать того же со многими?

Твой план – мудрый план, сказал себе Дзин-куа. Он открыл глаза, потянулся через стол и легко коснулся руки Струана своей рукой.

– Длуг.

Дзин-куа жестом приказал своему слуге налить им еще чаю.

– Мои люди носить серебро твоя фактория. Два дня. Ночь. Оц-цень секретный, – сказал Дзин-куа. – Сильно много опасный, ясна? Оц-цень сильно много.

– Ясно. Я давать бумага и моя печать за серебро. Пришлю завтра.

– Печать нет, бумага нет. Слово лучче, хейа?

Струан кивнул. Как бы ты объяснил – ну, скажем, Кулуму, – что Дзин-куа дает тебе миллион серебром на справедливых условиях, зная, что мог бы навязать тебе любую сделку, дает все, что тебе нужно, под простое рукопожатие?

– Три раза десять лак долла платить Дзин-куа, долги Ко-хонг. Теперь Новый год нет долги. Холосо йосс, – гордо произнес Дзин-куа.

– Да, – кинул Струан. – Хороший йосс для меня.

– Оц-цень сильно много опасность, Тай-Пэн. Нет мозна помогать.

– Да.

– Оц-цень, оц-цень много опасности. Нужна ждать два ночи.

– Эй-йа, какая опасность! – согласился Струан. Он забрал со стола четыре половинки монет. – Спасибо тебе, Чен-це Цзин Арн. От всего сердца спасибо.

– Нет спасибо, Дилк Стлуан. Длуг.

Внезапно в комнату ворвался человек, провожавший Струана к Дзин-куа. Он что-то взволнованно затараторил, обращаясь к старому китайцу. Дзин-куа с испуганным лицом повернулся к Струану:

– Слуга уходить! Уходить поселение вон. Все уходить!

Глава 6

Струан сидел в закрытом паланкине, легко покачиваясь в такт торопливой грусце носильщиков, пробиравшихся пустынными улочками. Обивка внутри паланкина была засаленной, в темных пятнах пота. Время от времени он выглядывал в занавешенное окошечко, выходившее на улицу. Неба он не видел, но чувствовал, что до рассвета оставалось совсем немного. Ветер доносил до него вонь гниющих фруктов, испражнений, навоза, а также ароматы готовящейся пищи и специй; ко всему этому примешивался запах пота носильщиков.

Прежде чем расстаться, они с Дзин-куа договорились о более безопасном способе доставки серебра на Гонконг. Они решили, что Дзин-куа погрузит ящики со слитками на вооруженную лорку. На вторую ночь лорка будет тайно доставлена к причалу поселения. Ровно в полночь. Если это станет невозможным, лорку оставят неподалеку от южного края причала с зажженными фонарями на носу и на фок-мачте. Чтобы полностью исключить возможность ошибки, Дзин-куа сказал, что выкрасит глаз лорки на ближнем к берегу борту в красный цвет. На тиковой обшивке носа каждой лорки непременно вырезались два глаза. Это делалось на счастье, а также чтобы помочь душе лорки смотреть вперед. Китайцы верили, что ни одна лодка не может жить без глаз, которыми она могла бы видеть.

Но что означает этот жест Дзин-куа, отдающий Гонконг в полное мое распоряжение, спрашивал себя Струан. Без сомнения, Дзин-куа должен понимать значение мандарина на острове. И зачем старику понадобился сын, получивший образование в Лондоне? Неужели Дзин-куа, единственный из всех китайцев, с которыми встречался Струан, оказался настолько дальновиден, что понял в конце концов неизбежность долгого и прочного соединения судеб Китая с судьбами Британии?

Он услышал лай собак и сквозь щель в занавесях увидел, как они, оскалив зубы, атаковали ноги переднего носильщика. Но тут кули, бежавший с фонарем впереди паланкина, повернулся и с большой ловкостью прошелся по собачьим спинам своим шестом с железным наконечником. Собаки с визгом бросились врассыпную.

Потом на перекрестке далеко впереди Струан заметил пеший отряд «знаменосцев», человек около ста. Они были вооружены и имели с собой фонари. Весь отряд сидел на земле, в их спокойной неподвижности было что-то зловещее. При виде паланкина несколько солдат поднялись на ноги и направились в их сторону. Носильщики, к огромному облегчению Струана, круто свернули в переулок. Теперь все, что тебе осталось сделать, парень, это доставить серебро на Гонконг в целости и сохранности. Или хотя бы на Вампоа, где ты сможешь погрузить его на «Китайское Облако». Но пока последний ящик не окажется на борту, ты не можешь чувствовать себя в безопасности.

Паланкин нырнул вниз: один из носильщиков едва не упал, угодив ногой в рытвину, которых было полным-полно на дороге. Струан вертелся в тесной кабинке, пытаясь хоть как-то сориентироваться в лабиринте улочек. Вскоре он смог разглядеть над домами верхушки корабельных мачт. Впереди по-прежнему не было ничего знакомого. Носильщики свернули за угол, направляясь к реке, затем, срезая

путь, прошли каким-то узким переулком, вышли в другой. Наконец, впереди над крышами лачуг появились очертания зданий поселения, посверкивающих в лунном свете стеклами окон.

Внезапно паланкин остановился и в следующую секунду рухнул на землю. Струана швырнуло набок. Он рванул шторки в сторону и выпрыгнул наружу с ножом в руке как раз в тот момент, когда три копья пронзили тонкие стенки насквозь. Пока копьеносцы отчаянно пытались освободить застрявшее оружие, Струан метнулся к ближайшему из них, всадил ему нож в бок и повернулся к другому, который, бросив копье, взмахнул двуострым боевым топором. Лезвие топора полоснуло Струана по плечу, и он сморщился от боли, но, скользнув в сторону, успел перехватить топор за рукоять и попытался завладеть им. Сильно дернув топор к себе, он вырвал его из руки противника, а тот издал дикий вопль, пронзенный копьем, нацеленным в Струана. Струан прижался спиной к стене. Третий копьеносец, держась от него на расстоянии длины копья, двинулся по кругу, часто и хрипло дыша и бормоча проклятия. Струан сделал обманное движение, рубанул топором, но промахнулся, и китаец выбросил копье вперед. Острый наконечник зацепил сюртук шотландца, однако Струан одним движением освободился от него и по рукоятку вонзил нож в живот нападавшему, потом повернул, выпуская ему кишки.

Отпрыгнув подальше от тел, Струан опять прижался к спасительной стене и замер. Человек, которого он ранил в бок, громко стонал. Второй лежал неподвижно. Третий, держась рукой за живот, отползал в сторону.

Струан подождал мгновение, переводя дыхание, и стрела ударилась в стену над самой его головой. Быстро пригнув шись, он подобрал одно из копий и бросился бежать по узкой улочке к поселению. Позади он услышал топот чьих-то ног и побежал быстрее. Повернув за угол, он увидел прямо перед собой улицу Тринадцати Факторий. Он бросил копье, пробежал по ней зигзагом, повернул на Хог Стрит, миновал ее и припустил через площадь, заполненную все прибывающими «знаменосцами».

Прежде чем они успели сообразить, что к чему, он добежал до ворот парка и проскользнул внутрь. В живот ему уперлось дуло мушкета.

– А, это ты, Дирк, – раздался голос Брока. – Где это ты был, черт возьми?

– Гулял. – Струан судорожно ловил ртом воздух. – Кровь Христова, на меня напали грабители с большой дороги, черт бы их побрал!

– Это твоя кровь или их?

При свете фонаря Струан стащил с раненного плеча сюртук и разорвал рубашку. На плечевой мышце алел порез, ровный и неглубокий.

– Комариный укус, – пренебрежительно фыркнул Брок. Он достал фляжку с ромом, плеснул на рану и улыбнулся, увидев, как скривилось от боли лицо Струана. – Сколько их было?

– Трое.

– И тебя подрезали? Да ты, как видно, стареешь! – Брок налил два стакана рома.

Струан выпил и почувствовал себя лучше.

– Я-то думал, ты спишь. Дверь у тебя заперта. Где ты был?

– Что тут у вас творится?

– Примерно час назад исчезли все слуги. Вот так-то. Я решил, что лучше никого сюда не вытаскивать, пока не рассветет. Когда ты там бежал, тебя прикрывали стволов пятьдесят, не меньше.

– Тогда какого дьявола было совать мушкет мне в брюхо?

– Да просто захотелось поприветствовать тебя, как подобает. – Брок отхлебнул из своего стакана. – Чтобы ты вроде как знал, что мы не дремлем.

– Кто-нибудь знает, почему исчезли слуги?

– Нет. – Брок подошел к воротам. Потревоженные «знаменосцы» опять укладывались спать. На горизонте нерешительно подрагивал первыми лучами нервный рассвет. – Выглядит все это до омерзения скверно, – тяжело проговорил он. – Не нравятся мне эти сукины дети, ох как не нравятся. Сидят себе, ничего не делают, только иногда в эти свои барабаны стучат. Думаю, нам лучше отступить, пока для этого еще есть хорошая возможность.

– Как минимум несколько дней нам ничего не грозит. Брок покачал головой:

– У меня дурное предчувствие. Что-то здесь не так. Лучше бы нам уйти.

– Это хитрость, Брок. Обман. – Струан оторвал кусок рубашки и вытер со лба пот.

– Может, и хитрость. Но на душе у меня не спокойно, а когда меня одолевают такие предчувствия, значит пора уносить ноги. – Брок ткнул большим пальцем в сторону «знаменосцев»: – Мы их тут пересчитали. Сто пятьдесят штук. Хау-куа говорит, их больше тысячи вокруг поселения.

– Я видел, может быть, сотни две-три. К востоку отсюда.

– Что ты там делал?

– Так, прогулялся. – Струану вдруг захотелось рассказать ему обо всем. Только делу это не поможет, подумал он. Брок сделает все, что в его силах, чтобы помешать тебе доставить серебро на Гонконг. А без этого серебра ты, дружок, мертвее мертвого. – Тут рядом, за углом, живет одна девочка, – развязно сообщил он.

– Девочка, черта с два! Не такой ты дурак, чтобы рисковать своей шкурой из-за юбки. – Брок раздраженно подергал себя за бороду. – Сменишь меня через час?

– Хорошо.

– В полдень мы отчаливаем. –

– Нет.

– А я говорю, в полдень.

– Нет.

Брок нахмурился.

– Что это, интересно, так тебя здесь держит?

– Если мы покинем поселение прежде, чем начнутся настоящие неприятности, мы страшно потеряем лицо.

– Верно. Это я знаю. Не думай, что мне нравится удирать. Но что-то подсказывает мне, что так будет лучше.

– Мы подождем пару дней.

– Ты знаешь, что я никогда не ошибался насчет того, когда следует смазывать пятки. – Брок смотрел на него с глубоким подозрением. – Почему ты хочешь остаться?

– Эта лиса Ти-сен просто опять взялся за свои старые трюки. На этот раз твое предчувствие тебя обманывает. Я сменю тебя через час, – пообещал Струан и вошел в здание фактории.

Ну, Дирк, что ты задумал на этот раз, размышлял Брок. Он громко прокашлялся. Его нос улавливал в воздухе тошнотворный запах опасности, который испускала умирающая ночь.

Струан поднялся по мраморной лестнице к себе наверх. Стены вдоль лестницы украшали произведения Квэнса и китайские картины на шелке. На площадках стояли огромные драконы эпохи Мин из тикового дерева и тиковые же сундуки. В коридорах, ведущих с первой площадки, висели изображения кораблей и морских сражений – все в богатых рамах; небольшой пьедестал венчала выполненная с изумительной точностью модель корабля Ее Величества «Виктория».

Дернув за дверную ручку своей комнаты, Струан обнаружил, что она заперта.

– Открывай немедленно, – приказал он. А Гип впустила его внутрь.

– Где ты, черт побери, была, Мэй-мэй? – спросил он, стараясь скрыть за

раздраженным тоном чувство глубокого облегчения.

Она стояла в тени портьер у окна. Сказав А Гип несколько фраз по-китайски, Мэй-мэй жестом приказала ей удалиться.

Струан запер дверь на задвижку.

– Где ты была, черт побери? – повторил он. Она шагнула вперед, свет фонаря упал на нее, и Струан был поражен ее бледностью.

– Что случилось?

– Ходят слухи, Тай-Пэн. Много слухов. Говорят, всех варваров собираются предать мечу.

– Ну, в этом-то нет ничего нового. Где ты была?

– Новое есть в том, что появились «знаменосцы». Говорят, что Ти-сен впал в немилость. Что он приговорен к смерти.

– А вот это уже просто ерунда. Он доводится двоюродным братом самому императору и только ему во всем Китае уступает богатством.

– По слухам, император так в господа бога мать разозлился, когда Ти-сен заключил этот договор, что Ти-сена ждет публичная пытка.

– Это безумие. – Струан встал у огня и снял сюртук и рубашку. – Где ты была?

– Что с тобой случилось? – воскликнула она, увидев кровь.

– На меня напали разбойники.

– Ты виделся с Дзин-куа?

Струан на мгновение онемел от изумления.

– Откуда ты знаешь о Дзин-куа?

– Я ходила поклониться и засвидетельствовать свое почтение его Верховной Госпоже. Она сказала мне, что он только что вернулся в Кантон и послал за тобой.

Струан впервые услышал, что Мэй-мэй была знакома с первой женой Дзин-куа, но он был настолько взбешен, что даже не стал об этом думать.

– Какого дьявола ты не предупредила меня, куда идешь?

– Ты бы не пустил меня, если б узнал, – резко ответила Мэй-мэй. – Я всегда с таким удовольствием навещаю ее.

К тому же, там я могу привести в порядок волосы и посоветоваться с астрологом.

– Что?

– У нее есть ужасная хорошая цирюльница, которой пользуются жены Дзин-куа. Уж-жасно полезно для волос. Эта женщина известна на весь Квангун. Очень дорогая. Астролог сказал, йосс хороший. Очень хороший. Но быть осторожным при строительстве домов.

– Ты запросто рискуешь жизнью, чтобы послушать прорицателей и вымыть голову? – взорвался он. – Какого дьявола, что не так с твоими волосами? Они и без того прекрасны!

– Ты ничего в этом не понимаешь, Тай-Пэн, – холодно ответила она. – Именно там я и узнаю обо всех слухах. У цирюлъницы. – Она взяла его руку и провела ею по своим волосам – Вот, видишь. Они стали гораздо мягче, нет?

– Нет! Не стали! Смерть господня, если ты еще хоть раз посмеешь уйги, не предупредив меня, куда ты направляешься, получишь такого шлепка, что не сможешь потом сидеть целую неделю.

– Только попробуй, Тай-Пэн, клянусь Господом, – ответила она. и ее глаза сверкнули, поймав его негодующий взгляд.

Он тут же схватил ее в охапку, невзирая на бешеное сопротивление, подтащил к кровати, задрал платье и нижние юбки и шлепнул ее пониже спины так, что зазвенела рука, а ее саму швырнуло на постель. Он никогда раньше не бил ее. Мэй-мэй как ветром сорвало с кровати, она бросилась к нему и злобно вцепилась в лицо своими длинными ногтями. Фонарь полетел на пол. Струан опять поднял ее и шлепнул еще

раз. Она вывернулась у него из рук и полоснула ногтями по глазам, промахнувшись на какую-то долю дюйма и оставив на щеке глубокие царапины Он сжал ее кисти, повернул к себе спиной, сорвал с нее платье и все, что было под ним, и в третий раз ударил по голым ягодицам открытой ладонью. Она яростно сопротивлялась, ткнув его локтем в пах и опять вцепившись в лицо ногтями. Собрав всю свою силу, он прижал ее к постели, но она высвободила голову и вцепилась зубами в предплечье его левой руки. Он задохнулся от боли и вновь с размаху ударил ее по ягодицам. Она только крепче сжала зубы.

– Клянусь Господом, ты кусаешь меня в последний раз, – процедил он сквозь сжатые зубы. Ее зубы еще глубже вонзились в предплечье, но он специально не отдергивал руку. Его глаза стали влажными от боли, но он лишь хлестал Мэй-мэй все сильнее и сильнее, каждый раз по ягодицам, пока не заболела рука. В конце концов она разжала зубы.

– Не надо... больше... пожалуйста... пожалуйста, – прерывистым голосом пробормотала она и, беззащитная, заплакала, уткнувшись лицом в подушку.

Струан перевел дыхание.

– А теперь попроси прощения за то, что ушла без разрешения.

Ее багровые истерзанные ягодицы напряглись, и она вздрогнула, ожидая нового удара, однако он не поднял руки. Он знал, что нрав чистокровной лошади должен быть только укрощен, но не сломлен.

– Я даю тебе три секунды.

– Я... прости меня. Ты сделал мне больно. Больно, – рыдала она.

Он поднялся с кровати и, поднеся руку к свету, осмотрел рану. Зубы Мэй-мэй проникли очень глубоко, выступила кровь.

– Подойди сюда, – повторил он, но на этот раз его голос прозвучал как удар плетью, и она, вздрогнув, вскочила на кровати. Он не смотрел на нее. Торопливо собирая вокруг себя обрывки платья, она начала спускаться с кровати.

– Я не велел тебе одеваться! Я сказал, подойди сюда.

Она быстро засеменила к нему Ее глаза покраснели от слез, лицо было перепачкано размокшей пудрой и потеками туши.

Он положил руку на стол, куском ткани промокнул сочащуюся кровь и налил бренди в каждую ранку. Чиркнув спичкой, он передал ее Мэй-мэй.

– Опусти пламя в раны, в каждую по очереди.

– Нет!

– По очереди, – повторил он. – Человеческий укус так же ядовит, как укус бешеной собаки. Живее.

Ей понадобилось три спички, и всякий раз она плакала чуть-чуть громче, и к горлу подступала тошнота от запаха паленого мяса, но рука у нее не дрожала. И всякий раз, когда вспыхивало бренди, Струан скрежетал зубами и не произносил ни слова.

Когда процедура закончилась, он плеснул еще бренди на почерневшие ранки, а Мэй-мэй отыскала ночной горшок, и ее сильно вырвало. Струан быстро налил из чайника горячей воды на полотенце, легонько похлопал Мэй-мэй по спине и, когда приступ рвоты прошел, нежно обтер ей лицо горячим полотенцем и заставил ополоснуть рот остатками горячей воды. Затем поднял ее на руки, положил на кровать и собрался уходить. Но она прижалась к нему и заплакала тем глубоким, идущим от самого сердца плачем, который прогоняет из души всякую ненависть.

Струан качал ее на руках и успокаивал, пока она не уснула. Потом он вышел и сменил Брока в саду.

В полдень состоялся еще один общий сбор. Многие высказывались за то, чтобы уехать немедленно. Но Струан взял верх над Броком и убедил коммерсантов подождать до завтра. Они, ворча, согласились и решили перебраться в его факторию

для общей безопасности. Купер и все американцы вернулись к себе.

Струан поднялся наверх.

Мэй-мэй приняла его со страстью. Потом они уснули, умиротворенные. Один раз оба проснулись на мгновение, и она прошептала, целуя его в полусне:

– Ты был прав, наказав меня. Я была виновата перед тобой, Тай-Пэн. Но никогда не бей меня без вины. Потому что когда-нибудь ты уснешь – должен же ты спать, – и тогда я убью тебя.

Среди ночи их покой был нарушен. В дверь громко забарабанили, и раздался громовой голос Вольфганга Маусса:

– Тай-Пэн! Тай-Пэн!

– Да?

– Быстро! Вниз! Скорее!

Теперь и до них доносился шум толпы, заполнявшей площадь.

Глава 7

– Отец предупреждал вас всех, черт бы побрал вашу слепоту! – выругался Горт, отвернувшись от окна и проталкиваясь через торговцев.

– Толпу мы видели и раньше, – резко возразил Струан – И ты знаешь, что толпа никогда не собирается сама по себе, это делается исключительно по приказу мандаринов.

– Да, но только не такая, – буркнул Брок.

– Всему этому отыщется какое-нибудь самое простое объяснение. Пока нам не о чем беспокоиться.

Площадь внизу напоминала потревоженный муравейник. Некоторые из китайцев держали в руках фонари, другие – факелы. Несколько человек пришли с оружием. И все они в один голос что-то кричали.

– Этих пакостников там, должно быть, две или три тысячи, – проворчал Брок, потом крикнул: – Эй, Вольфганг! Что орут эти дьяволы-язычники?

– Смерть дьяволам-варварам.

– Подумать только, какая наглость! – воскликнул Роуч, маленький, похожий на нахохлившегося воробья человечек, сжимавший мушкет, который был выше его самого.

Маусс повернул голову и снова посмотрел на толпу. Сердце его тревожно стучало, рубашка взмокла от пота. Это ли время Твое, о Господи? Время Твоего беспримерного мученичества?

– Я пойду и поговорю с ними, обращусь к ним с проповедью, – хрипло произнес он, всей душой желая покоя, который сулила ему эта жертва и одновременно ужасаясь ей.

– Достойнейшая мысль, мистер Маусс, – часто кивая, сказал Румаджи, его черные глаза беспокойно косили то на Маусса, то на толпу. – Они не могут не прислушаться к словам человека, наделенного таким даром убеждения, сэр.

Струан заметил капли пота на лице Маусса, его смертельную бледность и перехватил его у двери.

– Никуда вы не пойдете.

– Время пришло, Тай-Пэн.

– Вам не купить спасения такой дешевой ценой.

– Кто вы такой, чтобы судить об этом? – Маусс попытался протиснуться в дверь, но Струан не дал ему пройти.

– Я хотел сказать, что путь к спасению долог и исполнен страданий, – мягко проговорил он. Дважды раньше замечал он у Маусса эту странность. Оба раза это было перед схваткой с пиратами и потом, во время схватки. Маусс бросал оружие и

шел навстречу противнику, охваченный религиозным экстазом, открыто ища смерти. – Это очень долгий путь.

– Мир... мир Господа Бога нашего... тяжко обрести, – пробормотал Маусс. Слова застревали у него в горле. Он радовался, что его остановили, и ненавидел себя за эту радость. – Я просто хотел...

– Совершенно верно. Я и сам все знаю про спасение, – вмешался в разговор Мастерсон. Он сложил ладони перед грудью и умильно смотрел на них. – Господи, защити нас от этих чертовых язычников! Я целиком с вами согласен, Тай-Пэн. Черт бы побрал весь этот шум, ну?

Маусс усилием воли взял себя в руки, ему казалось, что он голым стоит перед Струаном, который опять смог заглянуть в самую глубину его души.

– Вы... вы правы... Да. Правы.

– В конце концов, если мы вас лишимся, кто останется проповедовать Слово Божие? – добавил Струан, решив про себя не спускать с Маусса глаз, если дело дойдет до стычки.

– Абссолютно правильно, – согласился Мастерсон, сморкаясь в горсть – Какой смысл бросать ценного христианина на растерзание волкам? Эта чертова шайка разбойников довела себя до бешенства и не в настроении сейчас выслушивать проповеди. Господи, защити нас! Дьявольщина, Тай-Пэн, ведь я же говорил вам, что будет нападение.

– Как бы не так. Ни черта ты не говорил! – отозвался Роуч с другого конца комнаты.

– А кто, дьявол тебя растряси, спрашивал твоего мнения, клянусь Господом? Когда мы тут спокойно беседуем с Тай-Пэном и преподобным Мауссом? – крикнул в ответ Мастерсон. Он повернулся к Мауссу: – Почему бы вам не прочесть молитву за всех нас, а? Мы ведь в конце концов христиане, клянусь Богом! – Он ринулся к окну, расталкивая торговцев. – Что, уже нельзя человеку и посмотреть, что тут происходит?

Маусс вытер пот со лба. О Господь вседержитель и благословенный Иисус, единственный Сын Твой, коею ты зачал в благости Своей, ниспошли мне мир Твой. Ниспошли мне учеников и миссионеров, чтобы мог я сложить с себя ношу свою. И пребуди благословен за то, что послал мне Тай-Пэна, который – совесть моя и видит меня таким, каков я есть. – Спасибо, Тай-Пэн.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалились еще торговцы. Все они были вооружены.

– Какого дьявола? Что туг творится? Что случилось?

– Никто не знает, – ответил Роуч. – В один момент все было тихо, потом, ни с того ни с сего, они вдруг стали прибывать.

– Бьюсь об заклад, нам никогда больше не увидеть несчастного старину Эликсена. Бедный чертяка. Наверное, уже лежит где-нибудь с перерезанным горлом, – произнес Мастерсон, со зловещим видом ковыряясь в запале своего мушкета. – Сегодня ночью мы все умрем в своих постелях.

– О, ради всего святого, заткнешься ли ты наконец? – взмолился Роуч.

– Ты сегодня прямо ни дать ни взять провозвестник благости и утешения. – Вивиен, быкообразный торговец, сердито посмотрел на Мастерсона. – Почему бы тебе не помочиться в шляпу?

Раздался взрыв хохота. Когда он утих, Горт стал плечом прокладывать себе дорогу к двери.

– Я возьму своих ребят, и мы разнесем их всех к чертовой матери!

– Нет! – Возглас Струана щелкнул, как удар бича. В комнате воцарилась тишина. – Они пока что не причинили нам никакого вреда. В чем дело, Горт? Ты испугался кучки людей, кричащих проклятия в твой адрес?

Горт покраснел и двинулся к Струану, но Брок встал у него на дороге.

– Ступай вниз, – приказал он. – Будешь охранять парк, снесешь башку первому же китайцу, который вздумает туда сунуться!

Горт с видимым усилием обуздал свой гнев и вышел. Все опять разом заговорили.

– Нехорошо это – так цепляться к парню, Дирк. – Брок налил себе кружку пива и выпил ее большими глотками. – Он мог запросто подарить тебе твою же голову.

– Может быть. А может быть, получил бы урок хороших манер.

– Извините, мистер Струан, – прервал его Румаджи, взвинченные нервы заставили его забыть о вежливости. – А у задней двери есть охрана?

– Да. Три моих человека. Они сумеют справиться с целой армией этого отребья.

Среди торговцев вспыхнул горячий спор, и затем Роуч сказал:

– Я согласен с Гортом. По-моему, нам нужно немедленно пробиваться отсюда.

– Мы так и сделаем. Если возникнет надобность, – спокойно ответил Струан.

– Согласен, – поддержал его Брок. – Делать это сейчас значило бы напрашиваться на неприятности. Будем ждать и нести охрану, пока не рассветет. Может, к этому времени их уже и след простынет.

– А если нет? А? Что тогда, хотел бы я знать!

– Тогда мы сделаем им большое кровопускание Я тайком переправил трех ребят на нашу лорку, и они вывели ее на середину реки. С десятифунтовкой на борту.

Струан рассмеялся.

– Я думаю, мистер Брок заслуживает вотума доверия за свою предусмотрительность.

– Клянусь Богом, мистер Брок, это вы здорово придумали, – воскликнул Мастерсон. – Ура в честь мистера Брока!

Грохнуло троекратное «гип гип ура», и Брок довольно ухмыльнулся.

– Благодарствуйте, ребятки. Ну, а теперь лучше всего немного поспать. Тут нам, как будто, ничего не грозит.

– Gott im Himmel! Смотрите! – Маусс, вытаращив глаза, показывал рукой в окно.

Под звуки гонгов и барабанов с Хог Стрит на площадь вливалась процессия с фонарями. Перед ней шли «знаменосцы» и цепами прокладывали дорогу в густой толпе. Во главе процессии шествовал неимоверно толстый человек в богатых одеждах, но босой и с непокрытой головой. Он едва переставлял ноги под весом опутывавших его цепей.

– Смерть господня! – вырвалось у Струана. – Это же Ти-сен!

Процессия приблизилась к центру площади и здесь остановилась. В ней шли все купцы Ко-хонга, за исключением Дзин-куа. У всех с шапочек были спороты церемониальные пуговицы, свидетельствовавшие об их ранге, и все они дрожали и пошатывались. В толпе раздались издевательские выкрики и свист. Тогда начальник «знаменосцев», высокий чернобородый воин, ударил в огромный гонг, и толпа опять утихла.

На площадь внесли открытый паланкин, впереди и, позади него ехали конные «знаменосцы». В паланкине в полном церемониальном серо-алом облачении восседал Хипиа-хо – императорский Хоппо. Это был приземистый и толстый маньчжурский мандарин, почти без шеи. В руке он держал императорский веер слоновой кости, инкрустированный нефритом – символ своей должности.

Паланкин Хоппо поставили в центре площади, и начальник «знаменосцев» что-то громко прокричал. Каждый человек на площади пал на колени и трижды коснулся лбом земли, потом все поднялись на ноги.

Хоппо развернул свиток и при свете фонаря, который держал один из стражников, начал читать высоким голосом.

– Что он говорит? – спросил Брок у Маусса.

– Посмотрите-ка, вон старик Хау-куа, – сказал Мастерсон со смешком. – Здорово же его трясет, прямо как...

– Пожалуйста. Тише. Я ничего не слышу, hein? – попросил Маусс. Он высунулся из окна. Все замолчали, прислушиваясь.

– Это императорский указ, – быстро заговорил Маусс. – «...и изменник Ти-сен, наш бывший родственник, подлежит немедленному закованию в цепи и отправке в нашу столицу как приговоренный к смерти, и...» Я не слышу, hein? Подождите минутку. «...Позорный договор, именуемый соглашением Чуэн-пи, который он подписал без нашего повеления, аннулируется. Варварам приказывается немедленно покинуть пределы нашей империи, оставить Кантон и Гонконг под страхом немедленной и мучительной смерти, и...»

– Я прямо ушам своим не верю, – усмехнулся Роуч.

– Заткнись! Как Вольфганг может расслышать что-нибудь?

Маусс напряженно вслушивался в жуткий высокий голос, прорезавший гнетущую тишину на площади.

– Нам приказано убираться, – перевел он. – И мы должны возместить весь ущерб, нанесенный стране по нашей вине. Никакой торговли, кроме как по Восьми Правилам. Королеве Виктории приказано прибыть в Кантон в трауре... что-то... что-то еще вроде того, что за наши головы назначена награда, и... «как знак нашего неудовольствия, преступник Ти-сен будет подвергнут публичному бичеванию, и все его имущество конфискуется. Да убоится этого всякий и, дрожа, подчинится!».

Начальник «знаменосцев» приблизился к Ти-сену и показал кнутом на землю. Ти-сен, белый, как мел, опустился на колени, а начальник «знаменосцев» поднял руку и обрушил кнут на его спину. Потом еще, еще и еще. Вся площадь замерла в молчании, был слышен лишь свист рассекающего воздух бича. Ти-сен повалился вперед, лицом вниз, а «знаменосец» все продолжал хлестать его.

– Я не могу в это поверить, – проговорил Мастерсон.

– Это невозможно, – сказал Маусс.

– Если они способны сделать такое с Ти-сеном, клянусь распятием, они перережут нас всех.

– Чепуха! Мы можем захватить весь Китай, когда только пожелаем.

Брок захохотал.

– Что тут смешного, hein? – нетерпеливо спросил Маусс.

– Это означает, что у нас опять война на руках, – ответил Брок. – А я так скажу: вот и хорошо. – Он с издевкой посмотрел на Струана. – Ведь говорил я тебе, парень. Вот куда завело нас твое желание заключать с отребьем договоры помягче.

– Это какая-то хитрость, – спокойно возразил Струан. Но внутри он был не менее их потрясен тем, что сейчас происходило на площади. – Ти-сен – самый богатый человек в Китае. Императору просто понадобился мальчик для побоев, козел отпущения. Ну и, конечно, богатство Ти-сена. Это вопрос лица. Император просто сохраняет свое лицо.

– Катись ты к черту со своим лицом, парень. – Брок уже не смеялся. – Вот оно уже где сидит, твое лицо. Договору конец, торговле конец, Гонконгу конец, тебе самому конец, а ты тут все разглагольствуешь о каком-то лице.

– Ты ошибаешься, Тайлер. Гонконг только начинается, – сказал Струан. – Многое еще только-только начинается.

– Верно Война, к примеру, разрази меня гром.

– А если и будет война, где ты отыщешь базу для нашего флота? Макао нас не спасет, как никогда не спасал – это часть материка, и китайцы могут захватить город в любой момент. Но наш остров – другое дело, клянусь Господом. До него им не добраться, пока там стоит наш флот. Я готов согласиться, что без Гонконга нам действительно конец. Что без него мы не сможем снарядить экспедицию на север.

Никогда. Не сможем защитить те порты и поселения на материке, которые появятся у нас в будущем. Слышишь, Тайлер? Гонконг – это ключ к Китаю. Без Гонконга мы связаны по рукам и ногам.

– Клянусь Создателем, я и сам знаю, что нам нужен остров-крепость, – голос Брока загремел, перекрывая одобрительный гул, которым были встречены слова Струана. – Я просто говорю, что Гонконг не единственное место. Цюшан лучше.

– Ты никогда не сможешь защищать Цюшан так же успешно, как Гонконг, – с торжеством возразил Струан, понимая, что и для Брока нет пути назад, как не было его ни для кого из них. – Эта «голая проклятая скала», как ты его называешь, заключает в себе все твое чертово будущее.

– Может, да, а может, и нет, – угрюмо ответил Брок. – Поживем – увидим. Но вот уж тебя-то Гонконг ничем не порадует. Круглый холм будет моим, а тебе придет конец.

– Не будь так самоуверен. – Струан повернулся и посмотрел на площадь. Кнут по-прежнему поднимался и опускался. Ему стало жаль Ти-сена, угодившего в ловушку, которой он не мог ни избежать, ни предвидеть. Он не искал должности императорского представителя – ему приказали занять ее. Он оказался жертвой эпохи, в которой жил. Так же, как и сам Струан, и Лонгстафф, и Брок, и Хоппо, и все торговцы стали безвольными пешками в игре обстоятельств теперь, когда сделан первый ход. Дальнейшее было столь же неотвратимо, как удар бича. Кантон, как и раньше, подвергнется нападению. Сначала англичане захватят укрепления на подступах к городу, после чего станут просто угрожать ему. Брать город штурмом не придется, поскольку Кантон сначала заплатит выкуп. Затем летом, когда установится ветер, – вновь на север, к устью и причалам реки Пей Хо, и вновь император, беспомощный в тисках обстоятельств, как и все остальные, немедленно запросит мира. Договор останется, потому что он справедлив. Потом пройдут годы, и китайцы по своей воле откроют порты на материке, увидев, что британцам есть что предложить им: закон, правый суд, неприкосновенность собственности, свободу.

Ибо простые китайцы хотят того же, чего хотим мы, думал он, и нет между нами никакой разницы. Почему же нам не трудиться всем вместе ради общего блага? Может быть, со временем мы поможем китайцам выбросить из страны этих варваров-маньчжуров. Именно так все и произойдет, пока существует такой разумный договор, как сейчас, и пока у нас достанет терпения разыгрывать свою игру с китайцами по китайским правилам и с китайской неторопливостью. Ибо китайцы измеряют время не днями и не годами, а поколениями. А пока что мы сможем торговать в ожидании грядущих перемен. Без торговли мир станет тем, чем был когда-то – адом, где единственным законом была сильная рука и тяжелая плеть. Кроткие никогда не унаследуют землю. Да. Но Закон, по крайней мере, может защитить их и позволить им прожить свою жизнь так, как им хочется.

Когда Ти-сен получил сто ударов, «знаменосцы» подняли его. Кровь струилась по его лицу и шее, одеяние на спине превратилось в кровавые лохмотья. Толпа кричала и улюлюкала. «Знаменосец» ударил в гонг, но толпа продолжала неистовствовать, и тогда солдаты врезались в нее, рассыпая направо и налево град ударов. Раздались вопли, толпа отшатнулась и замерла в молчании.

Хоппо повелительным жестом указал на парк. Паланкин подняли, и «знаменосцы» двинулись впереди него, щелкая кнутами и расчищая дорогу в направлении торговцев.

– Пошли, – сказал Струан Мауссу и Броку. – Остальные пусть приготовятся на случай нападения. – Он выбежал в парк, Маусс и Брок следовали за ним по пятам.

– Ты что, умом тронулся? – спросил Брок на ходу.

– Нет.

Они напряженно наблюдали, как толпа раздвинулась, и у ворот парка появились

«знаменосцы». Хоппо остался сидеть в паланкине, прокричав что-то с высокомерным видом в их сторону.

– Он приказывает вам подойти и взять копию указа, мистер Струан, – перевел Маусс.

– Скажи ему, что мы не одеты в подобающие случаю одежды. Такое важное дело требует большой торжественности, нужно придать ему величие и достоинство, которого оно заслуживает.

На лице Хоппо появилось озадаченное выражение. Через секунду он заговорил снова.

– Он говорит: «Варвары не имеют торжественных обычаев и не заслуживают даже презрения. Однако. Сын Неба простирает свою милость на всех, кто трепещет перед ним. Депутация должна прибыть в мой дворец сегодня утром в Час Змеи».

– Сколько это будет по-нашему, дьявол его побери? – спросил Брок.

– Семь утра, – пояснил Маусс.

– Мы не собираемся совать голову в их вонючий капкан. Скажи ему, пусть проваливает к черту.

– Скажи ему, – начал Струан, – что в соответствии с Восемью Правилами нам не разрешается лично встречаться с высоким Хоппо, но мы должны получать документы через Ко-хонг здесь в поселении. Час Змеи не дает нам достаточно времени. – Он поднял голову: небо начинало бледнеть на востоке.

– Когда будет одиннадцать часов ночи?

– В Час Крысы, – ответил Маусс.

– Скажи ему, что мы примем документ из рук Ко-хонга здесь в поселении с «должной церемонией» в Час Крысы. Завтра вечером.

– «Должная церемония» – это ты ловко ввернул, Дирк, – одобрительно кивнул Брок. – Времени будет достаточно, чтобы приготовить им приветствие по всей форме!

Маусс выслушал ответ Хоппо.

– Он говорит, что Ко-хонг доставит указ в Час Змеи – это девять часов утра – сегодня. И все британские варвары должны покинуть поселение к Часу Овцы – это час пополудни – сегодня же.

– Скажи ему, что до часа пополудни осталось слишком мало времени. В Час Овцы завтра.

– Он говорит, что мы должны уйти в три часа дня сегодня – это Час Обезьяны – и что до этого времени нам ничего не грозит, и мы можем уехать беспрепятственно.

– Скажи ему: Час Обезьяны завтра.

Хоппо ответил Мауссу и выкрикнул приказ. Паланкин тут же подняли, и процессия стала выстраиваться в том же порядке, в каком прибыла на площадь.

– Он сказал, что мы должны уйти сегодня. В Час Обезьяны. Три часа дня сегодня.

– Передай ему, чтобы шел в ад! – в бешенстве крикнул Струан. Процессия уже направлялась к Хог Стрит. Один из «знаменосцев» толчком поставил Ти-сена позади паланкина и принялся подгонять его плетью, когда тот, тяжело волоча ноги, двинулся вслед за ним. Еще больше солдат навалилось на толпу, которая начала быстро редеть. Оставшиеся на площади «знаменосцы» разделились на два отряда. Один придвинулся ближе к фактории, отрезав ее от Хог Стрит, другой расположился к западу от нее. Фактория оказалась окруженной.

– Почему ты так настаивал на отсрочке? – спросил Брок.

– Обычный прием при ведении переговоров.

– Ты прекрасно знаешь: после того, что случилось с Ти-сеном, добиваться отсрочки – значит добиваться большего, чем стоит жизнь Хоппо! Что такого важного заключается в том, чтобы переночевать здесь еще одну ночь, а? Большинство из нас

так и так собирались уезжать сегодня. Чтобы успеть на распродажу.

Господи всеблагой и милосердный, мысленно взывал Струан, понимая, что Брок прав. Как я теперь смогу дождаться лорки с серебром?

– Ну? – настаивал Брок.

– Нет никакой причины.

– Что-то ты темнишь, парень, – покачал головой Брок, входя в дверь фактории.

Ровно в Час Змеи под гром барабанов и гонгов купцы Ко-хонга в полном составе появились на площади в сопровождении пятидесяти «знаменосцев». Оставленные для охраны площади солдаты пропустили их и снова сомкнули ряды. Дзин-куа не было среди купцов и на этот раз.

Но Хау-куа, его сын и ведущий купец Ко-хонга, был на месте. Хау-куа, круглый человечек средних лет, всегда улыбался. Но сегодня на его покрытом потом лице не было и тени улыбки. Он так дрожал от ужаса, что едва не уронил аккуратно свернутый императорский указ, перевязанный алой лентой. Остальные купцы выглядели напуганными не меньше его.

Струан и Брок ожидали их в парке. Они надели свои лучшие сюртуки, белые галстуки и цилиндры. Струан был свежевыбрит, а Брок дал расчесать свою бороду. Оба вставили в петлицу по яркому цветку. Они сознавали, что эта церемония поднимала их престиж и заставляла Хоппо терять лицо.

– Все правильно, ребята, – с хриплым смехом говорил Брок часом раньше. – Струан и я. мы выйдем и заберем у них этот чертов указ, и если мы не отнесемся к этому с подобающей серьезностью, они еще, чего доброго, возьмут да и поджарят нас, как крыс в крысоловке, не дожидаясь назначенного ими же часа. С них станется. Поэтому сделайте все в точности, как сказал Струан.

Купцы и сопровождающие их солдаты остановились у ворот. Маусс открыл их, и Струан и Брок подошли и встали в проходе. «Знаменосцы» впились в них взглядами Струана и Брока не покидало мрачное сознание того, что за их головы все еще назначена награда, но страха они не испытывали, зная, что сейчас их прикрывают десятки ружей, спрятавшихся за окнами фактории позади них, и пушка на лорке Брока, стоявшей на середине реки.

Начальник отряда что-то проговорил, горячась и тыча в них собранной в кольцо плетью.

– Он говорит, выходите и берите указ, – перевел Маусс. Струан в ответ лишь приподнял шляпу, протянул руку и не двинулся с места, словно врос в землю.

– Хоппо сказал, что указ должен быть вручен. Вручайте его. – Он продолжал держать руку перед собой.

Маусс передал его слова, и затем, после нескольких мгновений тревожного ожидания, «знаменосец» обрушил поток проклятий на Хау-куа, и тот заторопился вперед и отдал свиток Струану. В ту же минуту Струан, Брок и Маусс взяли на отлет свои цилиндры и прокричали во весь голос: «Боже, храни Королеву». По этому сигналу Горт поджег фитили у шутих и швырнул их в парк. Купцы Ко-хонга отпрянули назад, а «знаменосцы» натянули луки и схватились за мечи, но Струан и Брок с торжественными, величавыми лицами стояли совершенно неподвижно, держа шляпы в воздухе.

Взрывающиеся шутихи наполнили парк дымом. Когда их треск прекратился, Маусс, Струан и Брок, к ужасу всего Кохонга, крикнули: «К чертям всех маньчжуров!», а из фактории донеслось звучное троекратное «гип гип ура».

Начальник отряда с воинственным видом шагнул вперед и что-то сердито протараторил Мауссу.

– Он спрашивает, что все это значит, Тай-Пэн.

– Ответь ему в точности так, как я тебе говорил. – Струан поймал взгляд Хау-куа и незаметно подмигнул ему, зная об его ненависти к маньчжурам.

Маусс звенящим голосом громко произнес на безукоризненном мандаринском наречии:

– Таков наш обычай для особо важных церемоний. Не каждый день нам выпадает счастье получать столь драгоценный документ.

«Знаменосец» коротко выругался в его адрес и приказал Ко-хонгу возвращаться. Купцы ушли, но теперь их шаг стал тверже.

Брок захохотал. Громкий смех прокатился по всей фактории и эхом отозвался в дальнем конце площади, где располагалась фактория американцев. Кто-то просунул в одно из окон британский флаг и храбро замахал им.

– Ну что ж, теперь пора готовиться к отъезду, – сказал Брок и, довольный, улыбнулся. – Здорово получилось, что и говорить.

Струан не ответил. Он перебросил шелковый свиток Мауссу со словами «сделай мне точный перевод, Вольфганг» и поднялся в свои апартаменты.

А Гип с поклоном впустила его и опять принялась колдовать над кухонными горшками и кастрюлями. Мэй-мэй одетая лежала на кровати.

– В чем дело, Мэй-мэй?

Она исподлобья посмотрела на него, повернулась на живот и, задрав платье, показала ему посиневшие ягодицы.

– Вот в чем дело! – выпалила она с притворным гневом. – Посмотри, что ты наделал, зверь, варвар, фанквэй. Теперь я должна либо стоять, либо лежа на животе.

– «Должна лежать на животе», – поправил ее Струан, падая в кресло с задумчивым видом.

Мэй-мэй одернула платье и осторожно слезла с кровати. – Почему ты не смеешься? Я думала, это тебя развеселит.

– Извини, девочка. Конечно, в другой раз я бы так и сделал. Но сейчас мне нужно о многом подумать.

– О чем о многом?

Он махнул рукой А Гип: «Ты уходить, хейа, ясно?» и запер за ней дверь на задвижку. Мэй-мэй опустилась на колени рядом с дымящимся горшком и палочкой помешала его содержимое.

– Мы должны уехать отсюда в три часа пополудни, – заговорил Струан. – Скажем, ты вдруг захотела бы остаться Здесь, на территории поселения До завтра. Что бы ты сделала?

– Спряталась, – тут же ответила она. – На этом... как вы говорите... маленькая комната рядом с крышей.

– Чердак?

– Да. На чердаке. Почему ты хочешь остаться?

– Как ты полагаешь, факторию станут обыскивать, когда мы уедем?

– Зачем оставаться? Очень неразумно оставаться.

– Как ты думаешь, «знаменосцы» станут пересчитывать нас на причале?

– Это чертово отродье и считать-то не умеет. – Она шумно отхаркалась и сплюнула в огонь.

– Прекрати плеваться!

– Я мною раз говорила тебе, Тай-Пэн, что это очень важный, очень мудрый китайский обычай, – с полной серьезностью проговорила она. – В горле всегда бывает яд. Человек становится очень больным, если его не отхаркивает. Это очень разумно – его отхаркивать. Чем громче отхаркивание, тем сильнее пугается божество ядовитой слюны.

– Все это ерунда. К тому же, это отвратительная привычка.

– Ай-йа, – нетерпеливо воскликнула она. – Ты разве не понимаешь по-английски? Иногда я спрашиваю себя, зачем я беру себе весь этот труд объяснять тебе столько цивилизированных китайских мудростей. Зачем нам нужно здесь прятаться? Опасно

оставаться, когда другие уедут. Будет большая опасность, если «знаменосцы» увидят меня. Нам понадобится охрана. Зачем мы должны прятаться?

Он рассказал ей о лорке. И о серебряных слитках.

– Ты должен очень мне доверять, если решился рассказать такое, – произнесла она с большой серьезностью.

– Да.

– Что ты должен дать Дзин-куа взамен?

– Торговые уступки.

– Разумеется. Но что еще?

– Только торговые уступки. Она замолчала.

– Дзин-куа – умный человек. Он не захочет одних лишь торговых уступок, – заговорила она с задумчивым видом после недолгой паузы. – Каких только уступок не потребовала бы я, будь я Дзин-куа! На все ты должен согласиться. На все.

– И чего бы ты пожелала?

Она молча посмотрела на языки пламени в камине и подумала, что сказал бы Струан, если бы узнал, что она внучка Дзин-куа – вторая дочь пятой жены его старшего сына Хау-куа. И она опять спросила себя, почему ей запретили рассказывать об этом Струану – запретили под страхом исключения ее имени из родовых списков навечно. Странно, в который раз подивилась она этому запрету. И задрожала при мысли о том, что может быть отлучена от семьи, поскольку это означало бы, что не только она, но и ее дети, и дети их детей, и их внуки отпадут от главного ствола и тем самым лишатся той взаимной поддержки и защиты, которая связывает кровных родственников и является краеугольным камнем китайского общества. Камнем вечным, неподвластным разрушительной силе времени. Ибо пять тысячелетий развития и постоянного поиска научили этот народ, что лишь одно в мире людей имеет непреходящую ценность, служит каждому безопасным прибежищем и достойно сохранения – семья.

И она задумалась, какова же подлинная причина, заставившая отца отдать ее Струану.

– Вторая дочь пятой матери, – сказал он ей в день ее пятнадцатилетия. – Мой достойнейший отец решил оказать тебе великую честь. Ты будешь отдана Тай-Пэну всех варваров.

Это известие повергло ее в ужас. Ни разу в жизни она не видела ни одного варвара, и они представлялись ей грязными, отвратительными пожирателями людей. Она расплакалась, умоляя отца сжалиться над ней, а потом ей тайком показали Струана, когда тот приходил к Дзин-куа.

Светловолосый гигант напугал ее, но она, по крайней мере, могла убедиться, что он не обезьяна. Однако и после этого она продолжала молить родителя отдать ее замуж за китайца.

Но Хау-куа был непреклонен и поставил ее перед выбором:

– Подчинись воле отца или покинь этот дом и будь изгнана из семьи навсегда.

Поэтому Мэй-мэй переехала в Макао и поселилась в доме Струана. Ей было приказано доставлять ему удовольствие и радость. А также выучить язык варваров. И обучить Тай-Пэна китайским обычаям, но так, чтобы сам он и не догадывался, что его учат.

Раз в год Дзин-куа и ее отец присылали кого-нибудь с новостями о семье и узнавали, насколько она продвинулась в том, что ей поручено.

Все это очень странно, думала Мэй-мэй. Конечно же, меня послали сюда не для того, чтобы шпионить за Струаном, а для того, чтобы стать его наложницей. И, конечно же, ни отец, ни дедушка не стали бы этого делать с легким сердцем – ведь она была их крови. Разве не считалась она любимой внучкой Дзин-куа?..

– Так много серебра, – проговорила Мэй-мэй, избегая ответа на его вопрос. –

Так много – это ужасно большой соблазн. Огромный. И все в одном месте: одна лишь попытка – нападение, кража – и двадцать, сорок поколений никогда не узнают, что такое бедность. – Какой же я была дурочкой, что боялась Тай-Пэна. Он такой же мужчина, как любой другой. И он мой господин. Очень-очень мужчина. А я скоро стану Тай-тай. Наконец-то, после стольких лет. И тогда у меня наконец-то будет лицо.

Она низко поклонилась.

– Ты оказал мне большую честь тем, что доверился мне. Я буду вечно благословлять твой йосс, Тай-Пэн. Твой дар велик, ты даешь мне так много лица. Потому что любой на моем месте постарался бы украсть такое богатство. Любой.

– Как бы ты взялась за это дело?

– Послала бы А Гип к Хоппо, – не задумываясь ответила она и опять помешала мясо в горшке. – Если пообещать ему пятьдесят процентов, он забудет даже об императоре. Он позволит тебе остаться – тайно, если ты пожелаешь, – пока не прибудет лорка. Когда он убедится, что это та самая лорка, он позволит тебе так же тайно проникнуть на нее и перехватит где-нибудь ниже по реке. И перережет тебе горло. Но потом он отнимет у меня мою долю, и мне придется стать его женщиной. Мерзкое черепашье дерьмо! За весь чай Китая я не лягу в постель с этой развратной свиньей. У него ужасно гнусные повадки. Ты знаешь, что он почти не мужчина?

– Что? – переспросил Струан, занятый своими мыслями.

– Это всем известно. – Она осторожно попробовала тушеное мясо и добавила немного соевого соуса. – Ему теперь нужны две девушки сразу. Пока одна занимается делом, другой приходится играть с ним. Потом, опять же, у него такой маленький член, что он надевает на себя всякие штуки, огромные штуки. Ну и потом, конечно, ему нравится делать любовь с утками.

– Прекратишь ли ты наконец нести околесицу?

– Что такое «околесица»? – спросила Мэй-мэй.

– «Ерунда»

– Ха, это не ерунда. Все знают. – Она игриво тряхнула головой, и гладкие струи ее волос заиграли при этом движении. – Я тебя совсем не понимаю, Тай-Пэн. У тебя такой шок, когда я говорю об очень обычных вещах. Многие используют разные штуки, чтобы улучшить свой секс. Очень важно улучшать, если можешь. Кушать правильную пищу, пользоваться правильными лекарствами. Если у тебя маленький член, ай-ай, разве плохо улучшить свой йосс и доставить своей девушке больше удовольствия? Но только не так, как это делает эта грязная свинья! Он просто хочет, чтобы было больно.

– Хватит об этом, женщина!

Она перестала помешивать мясо и посмотрела на него. Ее брови чуть заметно нахмурились.

– Все европейцы такие, как ты, Тай-Пэн? Не любят говорить открыто про мужчин и женщин, хейа?

– О некоторых вещах у нас просто не принято говорить, вот и все.

Она покачала головой.

– Это неправильно. Говорить хорошо – полезно. Как же иначе можно стать лучше? Мужчина есть мужчина, а женщина есть женщина. У тебя же не бывает шок, когда ты говоришь о пище! Зачем же так сердиться, а? Секс и есть пища, можешь не беспокоиться. – Ее глаза озорно прищурились, и она оглядела его сверху донизу. – Хейа, все масса делать джиг-джиг, как твоя, одинаково, хейа?

– А все китайские девушки такие же, как ты, хейа?

– Да, – спокойно ответила она. – Большинство. Как я, но только не такие хорошие. Я надеюсь. – Она рассмеялась. – По-моему, ты очень особенный. Я тоже особенная.

– И скромная к тому же.

– Чума на такую скромность, Я просто откровенна, Тай-Пэн. Все китайцы – очень откровенные люди. Почему я должна принижать свои достоинства? И твои? Я доставляю тебе радость, и сама получаю огромное удовольствие. Глупо притворяться, что это не так. – Она заглянула в горшок, палочками достала оттуда кусочек мяса и попробовала его. Затем сняла горшок с огня и поставила тут же рядом, чтобы не остыл. Отперев дверь, она что-то прошептала А Гип. Та кивнула и выскользнула из комнаты. Мэй-мэй вернулась к огню.

– Куда она ушла?

– Искать место, где можно спрятаться.

– Я сам займусь этим.

– У нее лучше получится. Сейчас мы поедим, а потом ты решишь насчет Брока.

– А что с ним надо решать?

– Он ведь не даст тебе просто так остаться и спрятаться, хейа?

– Я уже решил, что с ним делать. – Струан улыбнулся так широко, что все его лицо покрылось морщинками. – Ты очень-очень особенная, Мэй-мэй.

– Достаточно особенная, чтобы ты сделал меня Тай-тай? Своей Верховной госпожой, по обычаям твоей страны?

– На это я дам тебе ответ, когда успешно завершу три дела.

– Какие три дела?

– Первое – доставлю серебряные слитки на «Китайское Облако» в целости и сохранности.

– Дальше?

– Второе – добьюсь, чтобы Гонконг стал нашим по-настоящему и навсегда.

– И последнее?

– Еще не знаю точно. В отношении третьего дела тебе придется запастись терпением.

– С первыми двумя я тебе помогу. Как будет с последним, я не знаю. Я китаянка, а китайцы очень терпеливые люди. Но не забывай, что я еще и женщина.

– Буду помнить, – произнес он после продолжительного молчания.

Глава 8

Струан сидел в своем рабочем кабинете на первом этаже и писал письмо Роббу. Было почти два часа пополудни. Снаружи торговцы вместе со своими клерками, носильщиками и слугами перетаскивали вещи из факторий на свои лорки. Хоппо отменил приказ, отзывавший из поселения всех слуг. Слугам и носильщикам было разрешено исполнять свои обязанности до Часа Обезьяны – трех часов дня – к каковому времени все европейцы должны были покинуть Кантон. «Знаменосцы» по-прежнему оставались на площади, отрезая англичан от американской фактории.

Струан закончил писать, поставил на листе под посланием свою личную печать, которой пользовался лишь в исключительных случаях, и капнул на письмо воском, прижав к нему перстень с печаткой. В письме он сообщал Роббу, что беспокоиться не о чем и что он привезет в Гонконг добрые вести, добавив, что если сам он опоздает, Робб должен вместо него пойти на распродажу и приобрести все участки, которые они заранее подобрали для компании. И купить круглый холм, чего бы это ни стоило. Сколько бы Брок ни давал, Робб должен предложить на доллар больше.

Струан откинулся на спинку кресла, потер глаза, прогоняя усталость, и начал заново, шаг за шагом, перепроверять свой план, пытаясь отыскать в нем слабые звенья. Как и в любом плане, успех которого во многом зависит от реакции других людей, Струан, готовясь осуществить свой замысел, тоже в какой-то степени полагался на удачу – предусмотреть все было невозможно. Но он чувствовал, что флюгер его йосса опять показывает в ту сторону, где судьба неизменно хранила его и

все получалось именно так, как ему хотелось.

Высокие напольные часы пробили дважды. Струан встал из-за резного тикового стола и подошел к слугам, которые непрерывно сновали взад-вперед между факторией и причалом под надзором португальских клерков.

– Мы почти закончили, мисгер Струан, – сказал Мануэль де Варгаш, престарелый седовласый португалец, державшийся всегда с большим достоинством. Он служил «Благородному Дому» уже одиннадцать лет и являлся старшим клерком. До этого он владел собственной компанией с главной конторой в Макао, но не выдержал конкуренции с британскими и американскими коммерсантами. Он не держал на них зла. То была воля Господа, сказал он тогда безо всякой ненависти, взял с собой жену, собрал детей и отправился слушать мессу, после чего возблагодарил мадонну за все, чем она благословила его. Он был таким же, как и огромное большинство других португальцев – верным, спокойным, всегда довольным своей судьбой, неспешным в мыслях и поступках. – Можем отправляться, как только прикажете, – устало произнес он.

– Вы хорошо себя чувствуете, Варгаш?

– Небольшая лихорадка, сеньор. Но как только мы обоснуемся на новом месте, со мной опять все будет в порядке. – Варгаш покачал головой. – Скверно это – бесконечно переезжать с места на место. – Он что-то резко выговорил на кантонском наречии носильщику, сгибавшемуся под тяжестью гроссбухов, и показал рукой на лорку.

– Это последние из книг, мистер Струан.

– Хорошо.

– Печальный сегодня день, печальный. Ходит много плохих слухов. Некоторые совсем глупые.

– Что за слухи?

– Говорят, что нас всех перехватят по дороге и убьют. Что Макао пора уничтожить, а нас изгнать с Востока раз и навсегда. Ну и обычные разговоры о том, что мы вернемся через месяц, и торговля пойдет лучше, чем когда-либо. Некоторые даже утверждают, что где-то в Кантоне спрятаны сорок лаков серебра.

Улыбка Струана осталась все такой же снисходительной и безмятежной.

– Да столько лаков не наберется во всем Квантуне!

– Разумеется. Глупость, конечно, но пересказывать ее занятно. Считают, что это серебро собрали купцы Ко-хонга в подарок императору, чтобы умилостивить его.

– Чушь.

– Конечно, чушь. Нет в Кантоне такого человека, который осмелился бы держать столько серебра в одном месте. Все бандиты Китая слетелись бы сюда, как мухи на мед.

– Возьмите вот это письмо и передайте его мистеру Роббу, из рук в руки. Сразу, как только увидитесь с ним. Затем немедленно отправляйтесь в Макао. Я хочу, чтобы вы набрали группы строительных рабочих. Они понадобятся мне на Гонконге через две недели, считая от сегодняшнего дня. Пятьсот человек.

– Да, сеньор. – Варгаш вздохнул и подумал, сколько еще ему придется притворяться. Все мы знаем, что «Благородному Дому» пришел конец. Пятьсот человек? Зачем нам люди, когда нет денег, чтобы купить землю? – Это будет трудно, сеньор.

– Через две недели, – повторил Струан.

– Найти хороших работников будет нелегко, – вежливо настаивал Варгаш. – Торговцев много, строители пойдут нарасхват. К тому же императорский указ отменил мирный договор. Может быть, они вообще откажутся работать на Гонконге.

– Хорошая плата заставит их передумать. Мне нужны пятьсот человек. Лучшие из лучших. Платите вдвое, если понадобится.

– Да, сеньор.

– Если у нас не окажется денег, чтобы заплатить им, – добавил Струан с мягкой усмешкой, – вам хорошо заплатит Брок. Для беспокойства нет причин.

– Я пекусь не о плате за свой труд, – ответил Варгаш с большим достоинством. – Я тревожусь за благополучие компании. Я бы не хотел, чтобы «Благородный Дом» прекратил свое существование.

– Да, я знаю. Вы хорошо служили мне, Варгаш, и я ценю это. А теперь забирайте с собой всех клерков. Я поплыву с Мауссом и моими людьми.

– Мне запереть факторию, или это сделаете вы?

– Заприте сами, когда все клерки будут на борту.

– Очень хорошо. Господь да хранит вас, сеньор.

– И вас также, Варгаш.

Струан прошел через площадь. Вокруг него сновали люди, перенося последние кипы, ящики, узлы на тяжело груженные лорки, расположившиеся одна позади другой вдоль всего причала. Впереди на причале он заметил Брока и Горта, которые безжалостно погоняли своих надрывающихся матросов и клерков. Кое-кто из торговцев уже отчалил, и Струан приветственно махнул рукой какой-то лорке, уходящей вниз по течению. У другого берега за их от правлением наблюдали танка, речные люди, громко предлагая торговцам свои сампаны, чтобы вывести лорки на стремнину: направление ветра затрудняло маневрирование и отходить от причала было неудобно.

Лорка Струана имела две мачты и вместительный корпус длиной сорок футов. Маусс уже стоял на полуюте.

– Все как будто утихло, Тай-Пэн. Ходят слухи, что Хоппо захватил дом Ти-сена. В нем оказалось пятьдесят лаков серебряных слитков.

– Ну и что?

– Ничего, Тай-Пэн. Слухи, hein? – Маусс выглядел усталым. – Вся моя паства разбежалась.

– Они вернутся, не переживай. И тебе еще многих предстоит обратить на Гонконге, – сказал Струан, испытывая к нему сострадание.

– Гонконг теперь наша единственная надежда, не так ли?

– Да. – Струан двинулся вдоль причала. Он заметил, как из американской фактории выскользнул высокий носильщик, тут же растворившийся в людском муравейнике на площади. Струан повернул в ту же сторону.

– Хейа, сто твоя янки делать мозна? – крикнул он этому кули, отыскав его в толпе глазами.

– Черт вас возьми, Тай-Пэн. – ответил из-под соломенной шляпы носильщика голос Купера – Неужели мой наряд так плох?

– Вас выдал ваш рост, дружище.

– Просто хотел пожелать вам попутного ветра. Бог знает, когда мы с вами снова свидимся. Конечно, у вас еще есть ваши тридцать дней.

– Но вы не думаете, что от них будет какая-то польза?

– Это я узнаю через месяц с небольшим, не так ли?

– А тем временем купите для нас восемь миллионов фунтов чая.

– А чем платить, Тай-Пэн?

– Чем вы обычно платите за чай?

– Разумеется, мы ваши агенты. В течение следующих тридцати дней. Но я не могу что-то покупать для вас, не имея серебра.

– Вы продали весь свой хлопок?

– Нет еще.

– Тогда поторопитесь с продажей.

– Почему?

– Возможно, у рынка окажется выбитым дно.

– Если это так, то прощай наша «Независимость».

– Было бы жаль распрощаться с нею, не правда ли?

– Надеюсь, вы как-нибудь договоритесь с Броком. И построите свое «Независимое Облако». Я хочу испытать удовлетворение, побив вас лично.

– Становись в очередь, парень, – добродушно усмехнулся Струан. – Будьте готовы покупать для нас много и быстро. Я дам вам знать, когда.

– Без вас Восток будет уже не тем, Тай-Пэн. Если вы уйдете, мы все немножко потеряем.

– Может быть, в конце концов я все-таки и не уйду.

– Одна моя половина жаждет в дальнейшем обходиться без вас. Вы, первый среди всех нас, владели чрезмерно большим куском того сладкого пирога, который представляет собой здешний рынок. Владели слишком долго. Пришло время открывать моря.

– Открывать для американских кораблей?

– И для других тоже. Но не на британских условиях.

– Морями мы будем править всегда, дружище. Это наш долг. Вы – сельскохозяйственная страна. Мы – промышленники. Эти моря нужны нам.

– Когда-нибудь они станут нашими.

– Возможно, к тому времени они уже перестанут быть нам нужны. Потому что мы будем править небесами. Купер усмехнулся.

– Не забывайте о нашем споре.

– Кстати, вы мне напомнили. Несколько дней назад я получил письмо от Аристотеля. Он попросил у меня взаймы, чтобы пересидеть вынужденное бездействие, поскольку «тот упоительный заказ приходится отложить до лета, на холоде у нее появляется гусиная кожа». Так что времени у нас достаточно, чтобы загнать эту лисичку в нору – или, может быть, в постель?

– Это кто угодно, но не Шевон. У нее в жилах ледяная вода, а не кровь.

– Она что, опять отказала вам?

– Да. Может быть, вы замолвите за меня словечко?

– Нет уж, в таких переговорах я не посредник! Через плечо Струана Купер увидел, что к ним приближаются Брок и Горт.

– Если бы оба Брока сейчас не добрались до Гонконга, вы бы получили как раз то время, которое вам нужно. Не правда ли?

– Вы предлагаете мне слегка подзаняться убийствами?

– Это было бы не слегка. Это было бы очень и очень серьезно, Тай-Пэн. Доброе утро, мистер Брок.

– Я так и подумал, что это вы, мистер Купер, – с веселым видом заметил Брок. – Очень любезно с вашей стороны прийти проводить нас. – Он повернулся к Струану: – Ты отплываешь сейчас?

– Да. Я хочу предоставить Горту возможность любоваться кормой моего корабля до самого Вампоа. А потом, на «Китайском Облаке», – до самого Гонконга. Как обычно.

– Единственной кормой, которую вы мне покажете, будет ваша собственная через шесть дней, когда вас швырнут в долговую яму, где вам и место, – набычившись проговорил Горт.

– До самого Гонконга, Горт. Правда, нет никакой радости соревноваться с вами. Как мореход вы не годитесь даже грести на лодке.

– Клянусь Богом, я лучше вас.

– Полно, если бы не ваш отец, вы были бы посмешищем всей Азии...

– Клянусь Богом, ты, су...

– Придержи язык! – рявкнул Брок. Он знал, что Струан будет в восторге, если

его публично назовут «сукиным сыном», потому что тогда у него будет полное право вызвать Горта на дуэль. – Зачем задирать парня, а?

– Я не задираю его, Тайлер. Просто говорю все, как есть. А тебе не мешало бы научить его кое-каким манерам, а заодно и мореходству.

Брок сдержал свой гнев. Горту пока еще не справиться со Струаном. Пока. Через год-другой, когда парень станет хитрее и опытнее – другое дело. Но не сейчас, клянусь Господом. Да и не достойно это англичанина – топтать противника, беспомощно лежащего на спине. Как проклятый Струан сейчас. – Дружеское пари. Ставлю сто гиней, что мой мальчик обойдет вас. Первым коснется флагштока на Гонконге.

– Двадцать тысяч гиней. И его деньги, не твои, – предложил Струан, насмешливо глядя на Горта.

– Откуда у вас взяться таким деньгам, Тай-Пэн? – презрительно бросил Горт, и у Брока все вскипело внутри: Боже, какой глупец.

– Это всего лишь шутка, Дирк, ничего больше, – быстро сказал он. – Пусть будет двадцать тысяч, как ты говоришь.

– Что ж, шутка так шутка. Если ты за это ручаешься, Тайлер. – Внешне Струан оставался холоден, но душу его переполняло ликование. Они клюнули на его наживку! Теперь Брок и Горт понесутся на Гонконг, забыв обо всем на свете: двадцать тысяч гиней – нешуточное состояние, но это ничто по сравнению с сорока лаками серебра на борту «Китайского Облака». Итак, Брока он благополучно убрал с дороги. Однако игра получилась довольно опасной. Горт едва не зашел слишком далеко, и тогда пришлось бы пролить кровь Убить Горта – пара пустяков.

Он протянул руку Куперу.

– Помните, у меня еще тридцать дней. – Они пожали друг другу руки. Струан посмотрел на Горта. – Флагшток на Гонконге! Приятного путешествия, Тайлер! – Он бросился к своей лорке, которая уже отошла от причала, сампаны тащили ее за нос, выводя на середину реки.

Струан вспрыгнул на планширь, повернулся и насмешливо помахал им рукой, потом исчез внизу.

– Надеюсь, вы извините нас, мисгер Купер, – торопливо сказал Брок, беря Горта за руку. – Мы вас разыщем!

Он подтолкнул Горта к их лорке. На полуюте он яростно швырнул его к фальшборту и, подступив вплотную, разразился:

– Ах ты, чертов полудурок, безмозглая корабельная крыса! Ты что, хочешь, чтобы твое дурацкое горло располосовали от уха до уха? В этих водах закон один: если ты называешь человека сукиным сыном, ты должен драться. Попробуй назвать его так, и он будет вправе убить тебя! – Тыльной стороной ладони наотмашь он ударил Горта по лицу, так что у того изо рта побежала струйка крови. – Я пятьдесят раз предупреждал тебя, чтобы ты остерегался этого дьявола. Уж если я его остерегаюсь, клянусь Господом, тебе и подавно пристало!

– Я могу убить его, Па, я знаю, что могу!

– А я тебе пятьдесят раз говорил, будь с ним вежлив. Он только и ждет, как бы тебя подрезать, дурень ты несчастный. И будь спокоен, это у него получится. С этим дьяволом ты будешь драться только один-единственный раз! Понятно?

– Да. – Горт почувствовал во рту вкус крови, и это сделало его еще злее.

– В другой раз я не стану вмешиваться, помирай, если охота, недоумок. И запомни еще одно: никогда не задирай человека, который проиграл тебе деньги и вроде как бы твой должник. И не пинай его в пах, когда он лежит у твоих ног избитый и беспомощный. Это не по правилам!

– К чертям правила! Брок ударил его еще раз.

– Броки чтят кодекс чести. Все в открытую. Один на один. Пойдешь против этого,

и твоему партнерству в компании «Брок и сыновья» конец.

Горт вытер кровь с подбородка.

– Не бей меня больше, Па!

Брок почувствовал ярость, звеневшую в голосе сына, и его лицо потемнело и стало жестоким.

– Не надо, Па. Клянусь господом нашим Иисусом Христом, в следующий раз я отвечу. – Горт стоял, широко расставив ноги, сжав гранитные кулаки. – Сегодня ты ударил меня в последний раз. Ударишь меня снова, и я не остановлюсь ни перед чем. Господом Иисусом клянусь, ты ударил меня в последний раз!

Вены на шее Брока вздулись и почернели, когда его огромная фигура грозно надвинулась на сына – уже не сына, а врага. Нет, не врага. Все-таки сына, который просто перестал быть юнцом. Сына, который бросил вызов отцу, как все сыновья рано или поздно бросают вызов отцам.

И Брок, и Горт понимали, что если сейчас между ними вспыхнет ссора, то прольется кровь, и за этим последует изгнание из семьи. Ни отец, ни сын не хотели этого, но оба знали, что если такое случится, они до конца жизни останутся кровными врагами.

Брок ненавидел Горта в эту минуту за то, что тот заставил отца почувствовать свой возраст. И любил его за то, что он не испугался и восстал против него, хотя не мог не понимать, что ему никогда не сравняться с отцом в искусстве ведения смертельного поединка.

– Тебе лучше поторопиться на Гонконг.

Горт с усилием разжал кулаки.

– Да, – хрипло сказал он – Но тебе лучше поскорее покончить с этим ублюдком, если ты взаправду собираешься это сделать. Иначе в следующий раз я сделаю это сам и по-своему. – Он в упор посмотрел на боцмана – Какого дьявола ты тут стоишь, чертово отродье? За дело, шевелись!

Горт вытер кровь с губ и сплюнул за борт. Но сердце его продолжало тяжело стучать, и он пожалел, что третьего удара не последовало. Я был готов, клянусь Богом. И я смог бы одолеть его, как могу одолеть этого зеленоглазого сукина сына. Я знаю, что могу.

– Каким курсом мы пойдем, Па? – спросил он, потому что можно было выбрать много разных путей. Подходы к Кантону по реке представляли собой настоящий лабиринт из больших и малых островов и многочисленных проток.

– Ты сам заварил эту кашу. Сам и прокладывай курс. – Брок отошел к левому фальшборту. Он чувствовал себя очень старым и очень-очень усталым. Ему вспомнился его отец, который был кузнецом, вспомнилось, как мальчишкой он должен был терпеть побои, выслушивать поучения, скрывать обиду и делать, что велят, пока – в тот день ему как раз исполнилось пятнадцать – боль и ярость не прорвались наружу и не застлали ему глаза кровавой пеленой. Когда пелена спала и его взгляд очистился, он увидел, что стоит, все еще сжимая кулаки, над неподвижным телом своего отца.

Господи, подумал он, это едва не случилось. Слава Богу, что мне не пришлось драться с ним по-настоящему. Я не хочу терять сына.

– Оставь Дирка Струана в покое, Горт, – сказал он, и его голос уже не был таким грубым и жестким в эту минуту.

Горт ничего не ответил. Брок потер пустую глазницу и опять прикрыл ее повязкой. Он смотрел на лорку Струана. Она была уже на середине реки, самого Струана нигде не было видно. Сампан развернул нос лорки по течению и быстро переместился к другому борту. Несколько человек из команды Струана ухватились за веревки и, покрикивая хором в такт своим усилиям, подняли паруса. Сампан повернул назад к лорке Варгаша, стоявшей у причала.

Что-то не похоже на Дирка, задумался Брок. Как-то уж слишком поспешно он отбыл. Нет, совсем не похоже. Брок оглянулся на причал и увидел, что Варгаш и все клерки Струана еще там, рядом с пришвартованной лоркой. Вот уж действительно, никогда за Дирком такого не водилось: покидать поселение раньше своих клерков. Странные, странные вещи вытворяет Дирк в последнее время. Н-да.

Струан прятался в кабине сампана. Когда лодка проходила под носом лорки Варгаша, он пониже надвинул широкую шляпу кули и поддернул на себе стеганую китайскую куртку. Владелец сампана и его семья, казалось, не замечали его. Им хорошо заплатили, чтобы они ничего не видели и не слышали.

План, который они разработали вместе с Мауссом, представлялся ему при данных обстоятельствах самым надежным. Он приказал Мауссу как можно быстрее добраться до «Китайского Облака», стоявшего на якоре у острова Вампоа в тринадцати милях от поселения. Маусс должен был пройти туда коротким северным путем и передать капитану Орлову распоряжение поднять все паруса, спуститься по реке к дальнему концу острова, там повернуть, обогнуть остров и вернуться южным рукавом вверх по течению в направлении Кантона. Весь этот маневр должен был остаться незамеченным для Брока – Струан предупредил Маусса, что это его важнейшее условие. Сам Струан тем временем дождется лорки с серебром, потом отправится вниз по реке длинным путем и через хитросплетение проток незаметно проскользнет к южной стороне острова, где клипер и будет его ждать. У Мраморной пагоды. Эту пагоду высотой двести футов было хорошо видно отовсюду.

– Но зачем, Тай-Пэн? – недоумевал Маусс. – Это опасно. К чему весь этот риск, hein?

– Вы просто будьте там, Вольфганг, – ответил ему Струан.

Когда сампан подошел к причалу, Струан подобрал несколько корзин, которые приготовил заранее, и заторопился через толпу к воротам парка. Никто не обратил на него внимания. Очутившись в здании фактории, он отбросил корзины в сторону, подбежал к окну столовой и осторожно выглянул наружу через щель между портьерами.

Его лорка была уже далеко. Брок вышел на стремнину, набирая скорость. Его паруса наполнились попутным бризом. Горт отдавал распоряжения на полуюте, и до Струана доносились обрывки его ругательств. Брок стоял у левого фальшборта и вглядывался куда-то вниз по течению. Варгаш только что закончил проверять, все ли клерки на месте, и теперь возвращался назад.

Струан выскочил из столовой и быстро взбежал по лестнице наверх. С лестничной площадки он видел, как Варгаш вошел в холл фактории, проверил напоследок, все ли в порядке, и вышел. Струан услышал, как в замке повернулся ключ. Облегченно вздохнув, он по узкой лесенке поднялся на чердак. Здесь, пробравшись через груду старых ящиков, он стал осторожно продвигаться к фасаду здания.

– Хэллоу, Тай-Пэн, – раздался голос Мэй-мэй. Она была в своих лоснящихся от грязи штанах танка и стеганой куртке; правда, на этот раз она решила не пачкать лицо. Девушка сидела на коленях на толстой подстилке позади каких-то ящиков. А Гип поднялась и поклонилась ему, потом снова села на корточки рядом с небольшим узелком одежды и кухонной утвари. Мэй-мэй жестом показала на другую подстилку напротив нее и на доску для трик-трака с расставленными фишками. – Мы играем по тем же ставкам, хейа?

– Подожди минутку, девочка.

На чердаке было два слуховых окна: одно в крыше и еще одно в передней стене. Отсюда Струан мог наблюдать за всей площадью, не боясь быть замеченным. Внизу торговцы все еще суетились, переругиваясь, меняя что-то в последний момент.

– Ты заметила меня?

– О да, очень, – ответила Мэй-мэй. – Но мы смотрели сверху. Может быть, внизу никто и не видел. Зачем Брок ударил своего сына, хейа?

– Я и не знал, что он это сделал.

– Ударил. Два раза. Зачем такие удары? Мы смеялись, пока чуть-чуть не задохнулись. Сын едва не ударил его в ответ. Надеюсь, они подерутся – убьют друг друга – тогда и денег возвращать не надо. Я по-прежнему думаю, что ты фантастический сумасшедший, что не заплатил пирату, который убьет его. Это так просто. – Она было села на подстилку, но тут же, чертыхнувшись, вернулась на колени.

– В чем дело?

– Попа. Она все еще болеет.

– «Она все еще болит».

– Нет болеет. Это я в шутку. Ай-йа, на этот раз я разобью тебя в пухи и прахи и верну все мои деньги. – С невинным видом она добавила: – Сколько я тебе должна? Четырнадцать тысяч?

– У тебя очень хорошая память. – Он опустился на подстилку и взял стаканчик с костями. – Четыре игры. Потом спать. У нас впереди долгая ночь. – Он бросил кости, и у нее вырвалось проклятие:

– Вот это йосс! Две шестерки, две шестерки, чума на две шестерки! – Потом бросила кости она, и у нее выпало столько же. Мэй-мэй с треском поставила стаканчик на пол и торжествующе вскрикнула: – Милые, добрые, чудесные две шестерочки!

– Не так громко, или мы прекратим игру.

– Нам нечего бояться, Тай-Пэн. Бросай. Мой йосс сегодня просто огромный.

– Будем надеяться, что это так. И что ею хватит на завтра!

– Эй-йа, завтра, Тай-Пэн! Сегодня. Только сегодня и имеет значение. – Она бросила снова, опять выпали две шестерки. – Ах вы, мои милые, мои чудные косточки, я вас обожаю – Она нахмурилась. – Что такое значит «обожаю»?

– «Люблю».

– А «люблю»?

Струан прищурился и погрозил ей пальцем.

– Тебе не удастся снова втянуть меня в этот разговор.

Однажды он попробовал объяснить ей, что такое любовь. Но в китайском языке не нашлось слова для обозначения того, что вкладывают в это понятие европейцы.

Большие часы внизу начали отбивать одиннадцать. Струан устало пошевелился на своем посту у окна в стене. Мэй-мэй спала, свернувшись калачиком, рядом с ней А Гип бесформенной грудой привалилась к покрытому белесой плесенью ящику. Несколько часов назад он ненадолго заснул, но сны его были тревожны, фантастические видения перемешивались в них с реальностью. Он видел себя на борту «Китайского Облака» придавленным целой горой серебряных слитков. В каюту вошел Дзин-куа и освободил его из-под серебряной груды, а потом забрал все себе в обмен на гроб и двадцать золотых гиней. А в следующий миг он уже был не на корабле, а на берегу – в Большом Доме на круглом холме. Винифред принесла ему три вареных яйца, и он начал завтракать, как вдруг голос Мэй-мэй спросил из-за спины: «Кровь Христова, как ты можешь пожирать неродившихся детей курицы?». Обернувшись, он увидел ее – нагую и до боли прекрасную. Винифред спросила: «А мама была такой же красивой без одежды?», и он ответил: «Да, только по-другому», и тут внезапно проснулся.

Мысли о семье, пришедшие вместе со сном, опечалили его. Нужно будет в скором времени съездить домой, подумал он. Ведь я даже не знаю, где они похоронены.

Он потянулся и стал наблюдать за движением на реке и размышлять о Роланде

и Мэй-мэй. Какие они все-таки разные, даже очень – вернее, были разные. Я равно любил их обеих. Роланде бы очень понравился Лондон, красивый столичный дом, поездки на воды в Брайтон или Бат летом. Она идеально справлялась бы с ролью хозяйки на всех званых ужинах и балах. Но теперь... Теперь я один.

Возьму ли я Мэй-мэй с собой, когда решу вернуться в Англию? Может быть. В качестве Тай-тай? Исключено. Потому что это закроет передо мной двери тех, кого я должен буду использовать.

Он отвлекся от этих мыслей и сосредоточил все внимание на площади. Она была пуста. «Знаменосцы» ушли с наступлением сумерек. Теперь всю ее заливал тусклый лунный свет. Струан смотрел на нее поверх посеребренных луною крон деревьев, и ему казалось, что в этой пустоте притаилось что-то зловещее и жестокое.

У него слипались глаза. Ты не можешь заснуть сейчас, постоянно твердил он себе. Да, но я так устал.

Он поднялся на ноги, потянулся и снова устроился у окошка. Часы пробили четверть, потом половину, и он решил про себя, что еще через четверть часа разбудит Мэй-мэй и А Гип. Спешить пока некуда, говорил Струану его внутренний голос. Он не позволял себе думать о том, что случится, если лорка не появится. Его пальцы нащупали в кармане четыре половинки монет, и мысли его в который раз вернулись к разговору с Дзин-куа. Какие услуги и когда?

Теперь он отчасти понимал, что руководило старым китайцем. Это понимание пришло к нему сегодня утром, когда он увидел Ти-сена в цепях. Стало ясно, что дело кончится новой войной. Британия, конечно же, выиграет ее, и торговля, конечно же, возобновится. Но уже ни в коем случае не по Восьми Правилам. Следовательно, Ко-хонг лишится своей монополии, и отныне каждый будет сам за себя. Отсюда и условие Дзин-куа торговать только с ним в течение следующих тридцати лет: старик просто укреплял свои деловые связи на три десятилетия вперед. Это характерно для китайцев, подумал Струан: беспокоиться не о сиюминутной выгоде, а об устойчивом доходе на долгие годы.

Все это верно, но что же в действительности задумал Дзин-куа? Зачем ему земля на Гонконге? Зачем давать сыну «варварское» воспитание, чего он рассчитывает этим добиться? И в чем будут заключаться эти четыре услуги? Другой вопрос: теперь, когда ты согласился и связал себя словом, как ты собираешься держать его? Как ты сможешь заставить Робба и Кулума соблюдать условия сделки?

Струан задумался. Он перебрал в уме дюжину вариантов, пока не нашел наконец ответ. Все его существо восставало против того, что ему придется сделать, но он был уверен – иного пути нет. Затем, приняв решение, он занялся другими проблемами.

Как быть с Броком? И с Гортом? В какой-то момент там, на причале, он был готов довести дело с Гортом до конца. Еще одно слово, и ему пришлось бы открыто вызвать его. Закон чести потребовал бы – и позволил – поставить Горта на место. Ударом ножа в живот. Или плетью.

А Кулум? Что у него за планы? Почему он ни разу не написал мне за эти две недели? Да и Робб тоже. И сколько глупостей нагородил Лонгстафф в его отсутствие?

Часы пробили три четверти двенадцатого. Струан разбудил Мэй-мэй. Она зевнула и сладко, по-кошачьи, потянулась. А Гип поднялась, едва он успел отойти о г окна и уже начала собирать свои узлы.

– Лорка прибыла? – спросила Мэй-мэй.

– Нет. Но мы можем спуститься вниз и приготовиться.

Мэй-мэй шепотом сказала несколько слов А Гип, и та вынула заколки из ее волос и принялась энергично их расчесывать. Мэй-мэй закрыла глаза, целиком отдавшись удовольствию. Затем А Гип заплела волосы своей госпожи в косу, как это делали женщины танка, перевязала ее красной лентой и опустила за спину.

Мэй-мэй повозила руками по пыльному полу и измазала себе лицо.

– Чего только я не делаю для тебя, Тай-Пэн. Эта мерзкая грязь разрушит все совершенство моей прекрасной кожи. Мне понадобится много серебра, чтобы восстановить его. Сколько дашь, хейа?

– Марш отсюда!

Они осторожно спустились в столовую. Струан знаком приказал им сесть и терпеливо ждать, а сам подошел к окну. Площадь была по-прежнему безлюдна. В плавучих деревнях на сбившихся в тесные кучки сампанах горели масляные фонари. Время от времени откуда-то доносился лай собак, поднимались и затихали спорящие голоса, иногда слышался смех и радостные восклицания – и ни на минуту не умолкало сухое постукивание костяшек маджонга о доску или столик, сопровождаемые монотонным бормотанием. От котлов, в которых варилась пища, поднимался густой пар. Звуки, запахи, бесчисленные лорки, джонки, сампаны, теснившиеся возле берега – все казалось Струану привычным и нормальным. Тревожила лишь пустота на площади – он предполагал, что там будут люди. Теперь же им предстоит бежать по открытому пространству, а при свете луны их будет видно за сотни шагов.

Пробило полночь.

Он ждал, напряженно всматривался в огни на реке и снова ждал.

Минуты стали длиннее: казалось, прошла целая вечность, когда гулкий удар возвестил четверть первого. Потом половину.

– Может быть, лорка стала южнее, – сказала Мэй-мэй, пряча зевок.

– Возможно. Мы подождем еще полчаса, потом пойдем посмотрим.

Почти ровно в час он заметил два огня на лорке, спускавшейся вниз по течению. Лорка была еще слишком далеко, чтобы он мог разглядеть нарисованный красным глаз. Затаив дыхание, Струан ждал. Лорка шла мягко, но казалась неповоротливой и медленной на воде. Это был добрый знак, потому что слитки должны были весить много тонн. Миновав северный конец поселения, лорка изменила курс и подобралась к причалу. Два китайца из ее команды спрыгнули на берег со швартовыми в руках и привязали ее. Струан с облегчением увидел, как другой китаец прошел на нос, задул горевший там фонарь и зажег его снова, как было условлено.

Шотландец вглядывался в полутьму, стараясь заранее заметить какую-нибудь скрытую опасность. Но не почувствовал ее. Проверив пистолеты, Струан заткнул их за пояс.

– А теперь – за мной, быстро!

Он прошел к входной двери, отпер ее и провел женщин через парк. Выйдя за ворота, они заторопились через площадь. Струану казалось, что весь Кантон смотрит на них. Приблизившись к лорке, он увидел красный глаз и узнал на полуюте человека, который провожал его к Дзин-куа Струан помог Мэи-мэй подняться на борт. А Гип легко вспрыгнула на лорку без посторонней помощи.

– Почему два колова чилло, хейа? Нет мозна! – сердито сказал китаец.

– Твое имя как, можно? – спросил Струан.

– Вонг, хейа!

– Корова чилло мой. Отчаливай, Вонг!

Вонг заметил маленькие ноги Мэй-мэй, и его глаза сузились. Ее лица он не мог разглядеть из-за широкой соломенной шляпы, надвинутой низко на лоб. Струану не понравились ни колебания Вонга, ни то, как он посмотрел на Мэй-мэй.

– Отчаливай! – резко повторил он, стукнув кулаком по фальшборту. Вонг скороговоркой протараторил приказ. Швартовы отвязали, и лорка отошла от причала. Струан подвел Мэй-мэй и А Гип к трапу, и они спустились на нижнюю палубу. Здесь он повернул к корме, где обычно располагалась капитанская каюта, и открыл дверь. Внутри он увидел пятерых китайцев. Знаком он приказал им выйти. Они неохотно

подчинились, оглядывая Мэй-мэй сверху донизу. Им тоже бросились в глаза ее маленькие ноги.

Каюта была крошечной с четырьмя койками, грубым столом и скамьями. Здесь пахло пенькой и тухлой рыбой. Вонг стоял в дверях, пристально разглядывая Мэй-мэй.

– Почему колова чилло? Нет мозна. Струан не обратил на него внимания.

– Мэй-мэй, твоя запирать дверь, хейа? Только открывать дверь мой стук, ясно?

– Ясна, масса.

Струан подошел к двери и, махнув рукой Вонгу, вышел из каюты. Он подождал, пока за ними лязгнет запор, и сказал:

– Трюм ходить!

Вонг проводил его в трюм. Сорок ящиков двумя ровными рядами стояли по бортам, оставляя в середине широкий проход.

– Что в ящиках, хейа? – спросил Струан. Вонг с удивлением посмотрел на него.

– Зачем твоя говолить, хейа? Все как масса Дзин-куа говолить.

– Сколько люди знать?

– Моя толька! Все знать – ай-й-йа! – Вонг чиркнул пальцем по горлу.

Струан хмыкнул.

– Охраняй дверь.

Он наугад выбрал один ящик и ломиком вскрыл его.

Некоторое время он не отрываясь смотрел на серебро, потом взял в руки слиток из верхнего ряда. Он почувствовал, как напрягся Вонг, и это усилило его собственную напряженность. Положив слиток на место, Струан закрыл крышку.

– Почему колова чилло? – опять повторил Вонг.

– Корова чилло мой. Конец. – Струан подергал крышку и убедился, что она опять прочно приколочена.

Вонг засунул большие пальцы рук за пояс своих потрепанных штанов. – Чоу? Мозна?

– Можно.

Струан поднялся на верхнюю палубу и осмотрел паруса и рангоут. Небольшая четырехфунтовая пушка располагалась на носу, и еще одна такая же – на корме. Он убедился, что обе заряжены, проверил затравку и пороховые ящики – ящики были полные, порох сухой. Ядра и картечь лежали рядом. Он приказал Вонгу собрать всю команду на палубе и взял в руку кофель-нагель. Всего на лорке оказалось восемь человек.

– Твоя говорить люди, – обратился он к Вонгу, – все ножи, все бум-бум на палубу быстро раз-раз. Быстро-быстро.

– Эй-йа, нет мозна, – запротестовал Вонг. – Сильно много пилата лека есть. Сильно...

Он не договорил – кулак Струана врезался ему в горло и отбросил к фальшборту. Матросы что-то злобно затараторили и приготовились броситься на Струана, но поднятый кофель-нагель охладил их пыл.

– Все ножи, все бум-бум на палубу, сильно быстро, – повторил Струан металлическим голосом.

Вонг с трудом поднялся на ноги и пробормотал несколько слов на кантонском наречии. После зловещего молчания он швырнул свой нож на палубу, и остальные, ворча и качая головами, последовали его примеру. Струан приказал Вонгу собрать ножи и завернуть их в кусок мешковины, валявшейся на палубе. Затем он приказал матросам повернуться к нему спиной и принялся обыскивать их. У третьего по счету он обнаружил маленький пистолет и рукояткой ударил китайца сбоку по голове. Еще четыре ножа звякнули о палубу, и краем глаза Струан увидел, как Вонг украдкой уронил за борт небольшой боевой топорик.

Закончив обыск, он приказал всем оставаться на палубе, а сам собрал оружие и внимательно осмотрел все судно. Внизу никто не прятался. За какими-то ящиками он обнаружил тайник с четырьмя мушкетами, шестью мечами, четырьмя луками со стрелами и тремя боевыми цепами и перенес все это в каюту.

– Хейа, Мэй-мэй, твоя слышать можно, что наверху есть? – прошептал он.

– Да, – ответила она так же тихо. – Ты всегда говоришь, что при А Гип мы можем спокойно говорить по-английски. Ты почему-либо не хочешь сейчас?

– Я забыл. Привычка. Нет, девочка, считай, все в порядке.

– Зачем нужно было ударить Вонга? Дзин-куа ведь доверяет ему, нет?

– Наш груз – самый сильный магнит в этом путешествии.

– «Магнит»?

– Да, магнит. Стрелка компаса, помнишь?

– А, теперь понимаю. – Мэй-мэй села на койку, морща нос or запаха гниющей рыбы. – Мне будет очень плохо, если я останусь здесь. Можно мне быть на палубе?

– Подожди, пока мы отойдем от Кантона. Здесь сейчас безопаснее. Гораздо безопаснее.

– Когда мы увидим «Китайское Облако»?

– Вскоре после рассвета, если Вольфганг ничего не напутает с местом встречи.

– А это возможно?

– С таким грузом, как у нас, все возможно. – Струан поднял один из мушкетов. – Ты знаешь, как с ним обращаться?

– Зачем мне стрелять из ружьев? Я всего лишь цивилизированная напуганная старая женщина – очень красивая, согласна, но никаких ружьев.

Он показал ей, что нужно делать.

– Если кто-то, кроме меня, войдет в эту каюту, убей его.

Струан вернулся на палубу, прихватив с собой другой мушкет.

Лорка вышла на середину реки. Полная луна заливала ярким светом все вокруг. Сидя низко в воде, лорка тяжело и лениво продвигалась по течению, делая около четырех узлов. Они все еще плыли мимо предместий Кантона, и по обе стороны вдоль берега тянулась нескончаемая череда плавучих деревень. Время от времени им попадались сампаны и джонки, пробирающиеся вверх по течению. Река здесь была шириной около полумили; и впереди, и позади них спускалось по течению много лодок всех размеров.

Взглянув на небо, Струан определил, что погода будет ясной, но ветер показался ему мягким, сухим, совсем без влаги, и как бы бестелесным, ненаполненным. Опыт подсказывал ему, что такой ветер скоро стихнет, и, значит, скорость их еще больше упадет. Но это его мало тревожило; он столько раз проделывал этот путь, что знал наперечет все мели, протоки, рукава и помнил все вехи.

Путь к Кантону по воде с его огромным количеством больших и малых островов, разбросанных на площади почти в сто квадратных миль, мог стать тяжелым испытанием для человека, очутившегося здесь впервые. Существовало много разных путей вверх по течению. Много их было и для тех, кто направлялся вниз, к морю.

Струан был счастлив вновь оказаться на палубе корабля. И счастлив, что путь к Мраморной пагоде наконец начался. Он твердо стоял на ногах, легко покачиваясь вместе с лоркой. Вонг занял место рядом с кормчим, а остальные матросы разбрелись по палубе со злыми, недовольными лицами. Взглянув на нос, Струан убедился, что наблюдатель находится на своем месте.

В полумиле впереди лежал остров. Перед ним была мель, которой следовало избежать. Струан ждал, не говоря ни слова. Он услышал, как Вонг отдал распоряжение рулевому, и тот переложил румпель, направив лорку в сторону от

мели. Хорошо, подумал Струан, значит Вонг, хотя бы отчасти, знал эти воды. Ему очень хотелось посмотреть, какой путь Вонг выберет, чтобы обогнуть остров. Оба пути были удобными, но северный считался чуть лучше южною. Лорка изменила курс и направилась в северный рукав. Струан повернулся, покачал головой и показал рукой на южный, чтобы обезопасить себя на случай, если Вонг задумал устроить там засаду.

Рулевой покосился на Вонга. ожидая подтверждения. Струан лишь чуть-чуть подался в его сторону, и румпель быстро перешел в противоположное положение. Паруса захлопали, на мгновение потеряв ветер, и лорка легла на указанный курс.

– Зачем ходить тот долога, хейа? Зачем моя бить? Сильно плохо. Сильно. – Вонг отошел к фальшборту и устремил взгляд в темноту ночи.

Ветер немного посвежел, и лорка прибавила скорости, входя в южный рукав. На пределе их галса Струан сделал рулевому знак переложить румпель. Лорка медленно повернула, легла на новый галс, и ветер наполнил хлопающие паруса. Над палубой заскрипели гики, судно вдруг слегка накренилось и опять начало набирать скорость.

Струан приказал поставить паруса к ветру, и около получаса они гладко скользили по воде, ничем не выделяясь среди других лодок. Внезапно краем глаза Струан заметил большую лорку, быстро приближающуюся к ним с наветренной стороны. На носу лорки стоял Брок. Струан пригнулся, бросился к румпелю и оттолкнул рулевого. Вонг и рулевой изумленно посмотрели на него и что-то возбужденно затараторили, вся команда следила за Струаном.

Он круто перевел румпель вправо, моля Бога, чтобы лорка быстро послушалась руля. До него чуть слышно донесся голос Брока: «Ну-ка, право руля, живее!» и он почувствовал, как его паруса потеряли ветер. Струан рванул румпель в другую сторону, чтобы развернуться и поменять направление на противоположное, – бесполезно, судно его не слушалось. Лорка Брока подошла к ним бортом, он увидел, как взлетели вверх абордажные крючья и намертво впились в их фальшборт. Струан поднял мушкет.

– О, да это ты, Дирк, клянусь Богом! – крикнул Брок, изображая крайнее удивление. Он, широко улыбаясь, облокотился на фальшборт.

– Абордажные крючья являются актом пиратства, Брок! – Струан перебросил нож – рукояткой вперед – Вонгу. – Крючья рубить быстро раз-раз!

– Прав ты, парень, прав. За крючья прошу прощения, – отозвался Брок. – Я, было, подумал, что твоей лорке понадобился буксир. Да и флага твоего на мачте не видно. Ты, может, теперь его стыдишься?

Струан видел, что команда Брока вооружена и стоит по местам. Горт расположился на полуюте рядом с небольшим фальконетом на вертлюжной подставке, и, хотя орудие не было направлено в его сторону, Струан знал, что оно заряжено и готово к бою. – В следующий раз, когда ты бросишь абордажные крючья на мой корабль, я буду считать тебя пиратом и разнесу тебе голову.

– Разрешение ступить на борт, Дирк?

– Да.

Брок проскользнул меж такелажных тросов своей лорки и перепрыгнул на лодку Струана. Три человека вскочили на фальшборт, готовясь последовать за ним, но Струан поднял мушкет и прокричал: – Стоять на месте! Хоть один ступит на борт без разрешения, и я отправлю вас прямо в ад.

Матросы, качнувшись вперед, остановились.

– Совершенно верно, – кивнул Брок с сардонической усмешкой. – Таков морской закон. Капитан приглашает на борт, кого захочет. Стойте, где стоите.

Струан подтолкнул Вонга вперед.

– Обрезай крючья.

Перепуганный китаец подбежал к борту и начал кромсать веревки. Горт развернул фальконет, и Струан прицелился в него.

– Отставить, Горт! – резко выкрикнул Брок.

Морской закон был на стороне Струана: использование абордажных крючьев действительно квалифицировалось как пиратство. Равно как и появление на борту с оружием без разрешения капитана. А изо всех английских законов ни одни не охранялись столь строго и не исполнялись столь неукоснительно, как законы, регулирующие отношения кораблей и определяющие права капитана в открытом море. Наказание за пиратство было одно: веревка на шею.

Вонг перерезал последний трос, и лорки начали расходиться. Когда между ними легла полоса воды в тридцать ярдов, Струан опустил мушкет и прокричал:

– Попробуйте только подойти ко мне ближе чем на пятьдесят ярдов, и, клянусь Господом, я обвиню вас в пиратстве. – Он оперся спиной на фальшборт. – Что все это значит, Тайлер?

– Я мог бы у тебя спросить то же самое, Дирк, – беспечно ответил Брок. – Я заметил вчера, как ты проскользнул на ют сампан. – Его глаз посверкивал в свете фонаря. – Потом я увидел тебя в очень смешном наряде – ни дать ни взять кули – и, слава Богу, ты благополучно добрался до своей фактории. Странно все это, сказал я себе. Может, старина Дирк сделался главою скорбен? Или, может, старине Дирку нужна помощь, чтобы целым и невредимым выбраться из Кантона? Поэтому мы немного от ошли вниз, потом потихоньку вернулись и встали на якоре к северу от поселения. Дальше глядим, ты садишься на эту вонючую посудину. Ты сам и с тобой две красотки.

– То, что я делаю, никого, кроме меня, не касается.

– Ага, кто же спорит?

Мозг Струана лихорадочно работал. Он понимал, что лорка Брока гораздо быстроходнее его собственной, что команда опасна и хорошо вооружена и что одному ему против них не выстоять. Он проклинал себя за то, что был так самоуверен и не следил за рекой.

Но, с другой стороны, ты все равно бы не заметил, как Брок проскользнул мимо. Как же теперь обыграть его? Должен быть какой-то выход. Ему ничего не стоит пустить тебя ко дну под покровом ночи, и, даже если ты уцелеешь, ты вряд ли сможешь доказать что-нибудь впоследствии. Брок просто заявит, что это произошло случайно. К тому же Мэй-мэй не умеет плавать.

– Эта старая лоханка сидит что-то уж необычно низко. Может, швы текут? Или груз так тяжел?

– Что у тебя на уме, Тайлер?

– Слухи, парень. Все вчерашнее утро перед нашим отъездом не смолкали разговоры. Слухи про серебро Ти-сена. Ты слышал об этом?

– Господи, да о чем там только не болтали.

– Верно. Но все сходились в одном: где-то в Кантоне спрятано серебро, много серебра – выкуп императору. Я об этом даже думать не стал. Пока не увидел, что ты вернулся. И тут мне подумалось, как интересно все получается. Это после спора-то на двадцать тысяч гиней. Очень интересно. Потом ты ночью, как вор, садишься на груженую лорку и идешь на юг, хотя северный рукав удобнее. – Брок потянулся и яростно поскреб бороду. – Старого Дзин-куа что-то не было видно эти дни, а?

– Его нет в Кантоне, это верно.

– Старый Дзин-куа ведь твой пес. По крайности, – с издевкой сказал Брок, – он твой человек, а?

– Ближе к делу.

– А куда спешишь, парень? Нет, спешить нам некуда, клянусь Богом! – Он бросил взгляд на нос своей лорки. – Нос-то у нее мелко сидит, тебе не кажется? –

Брок намекал на острый железный шпиль сечением в квадратный фут, торчавший из носа на шесть футов сразу под ватерлинией. Много лег назад Струан изобрел этот таран как простой и надежный способ пробивать корпус судна и пускать его ко дну. Брок и многие другие Китайские торговцы переняли его.

– Да. А мы перегружены. Но вооружения у нас хватает.

– Это я заметил. Носовая пушка, кормовая пушка, а вот вертлюгов нет. – Возникла напряженная пауза. – Еще пять дней, и приходит срок твоим бумагам. Верно я говорю?

– Да.

– Ты заплатишь по ним?

– Через пять дней узнаешь.

– Сорок-пятьдесят лаков серебра – это ведь будет много тонн?

– Надо полагать, не мало.

– Я спросил Горта: «Послушай, что стал бы делать старина Дирк, если бы йосс начал вроде как отворачиваться от него?» А Горт и говорит: «Он бы попытался его изменить». – «Верно, – говорю, – но как?» – «Заем», – говорит. «Ага. – говорю, – стал быть, заем и есть». Только где занимать-то? И тут, Дирк, мальчик мой, я подумал о Дзин-куа и о Ти-сене. Ти-сену конец, значит – Дзин-куа. – Он замолчал на мгновение, неторопливо двигая челюстью. – Тут на борту две женщины. Я буду счастлив доставить их на Вампоа в Макао. Куда только ни прикажешь.

– У них уже есть корабль.

– Да. Но эта старая развалина запросто может потонуть. Мне не хотелось бы потом мучиться мыслью, что женщины погибли, когда этого лет ко можно было избежать.

– Мы не потонем, Тайлер.

Брок опять потянулся всем телом и крикнул на свою лорку, чтобы за ним прислали баркас – Ну что ж, парень, я просто хотел предложить подвезти женщин. И тебя, разумеется. Что-то говорит мне, что эта посудина по морю ходить не годится. Поверишь ли, первый раз встречаю такое ненадежное судно.

– В этих водах много пиратов. Если какой-нибудь корабль подойдет слишком близко, я воспользуюсь пушкой.

– Это разумно, Дирк, очень разумно. Но если в ночной тьме я вдруг увижу впереди корабль, который маневрирует, пытаясь уйти, и этот корабль окажется настолько невежлив, что выпалит по мне из пушки... Что ж, старина, ты на моем месте и сам бы сделал то же самое... предположил бы, что это пираты, и разнес бы их в клочья. Правильно?

– Если бы остался жив после первого выстрела.

– Ну, это понятно. Мы живем в жестоком мире. Нет, из пушки стрелять не стоит.

К лорке подошел баркас.

– Премного благодарен, Дирк. Думаю, тебе следует поднять свой флаг, пока он у тебя есть. Тогда не возникнет никаких дурацких недоразумений, вроде этого. Еще раз прошу прощения за крючья. Надеюсь, увидимся на Гонконге.

Брок перелез через борт лорки и встал в баркас. Он иронично махнул рукой на прощанье, и баркас быстро отошел.

– Масса Один-Глаз чего хотеть? – дрожащим голосом спросил Вонг. Вся команда онемела от ужаса при виде лорки Брока.

– А как ты думаешь, хейа? Ты делать все как я говорить, не мертвый можно, – резко бросил ему Струан. – Все паруса, сильно быстро раз-раз. Морской огонь убить, хейа!

Рьяно взявшись за дело, они потушили фонари и стали уходить по ветру.

Оказавшись на палубе своей лорки, Брок вгляделся в темноту. Ему не удалось распознать лорку Струана среди многих других, скользивших, подобно призракам,

вниз по течению.

– Ты видишь ее? – спросил он у Горта.

– Да, Па.

– Я пойду вниз. Если ты случайно продырявишь какую-нибудь лорку, это будет ужасно. Просто ужасно.

– Серебро у него?

– Серебро, Горт? – Брок изобразил удивление. – Я знать не знаю, о чем ты. – Он заговорил тише: – Если я понадоблюсь, позови. Но запомни, никаких пушек, если только он не выстрелит первым. Мы не собираемся захватывать его как морские разбойники. У нас довольно врагов, которые ухватятся за любую возможность объявить нас пиратами.

– Спи спокойно, Па, – ответил Горт.

В течение трех часов Струан петлял, как заяц, останавливаясь, меняя курс, проходя в опасной близости от песчаных отмелей, всегда следя за тем, чтобы между ним и лоркой Брока, неотступно следующей по пятам, были другие лодки. Теперь они выходили из южного рукава, огибая небольшой остров, и опять попадали в главное русло. Струан сознавал, что теперь у них будет больше места для маневрирования, но это скорее было на руку Броку, а не ему.

В южном рукаве Брок мог бы легко взять к ветру, а потом атаковать его, когда он, лавируя, встанет к нему боком. Струану не хватило бы ветра, чтобы увернуться, и он получил бы пробоину прямо в середине корпуса. Прямой или скользящий удар железным тараном вспорет обшивку и лорка камнем пойдет ко дну. Поскольку пушки на носу и корме крепились неподвижно, он не мог перетащить их на борт, чтобы иметь возможность защищаться. Если бы с ним была его команда, все обстояло бы иначе: он убрал бы все паруса, встал носом к ветру и дождался рассвета, будучи уверенным, что его люди сумеют воспользоваться своим оружием, чтобы пресечь любую попытку Брока сблизиться с ними. Но на китайскую команду он положиться не мог; тем более, что древние китайские мушкеты, казалось, скорее разорвутся в руках, чем выстрелят, как положено, стоит лишь нажать на курок. И опять же, Брок верно обрисовал ситуацию: если Струан выстрелит в темноте первым, Брок окажется вправе ответить ему. Один умелый бортовой залп, и они взлетят до небес.

Струан поднял голову и уже, наверное, в тысячный раз посмотрел на небо. Он отчаянно нуждался во внезапной буре с проливным дождем или в облаках, которые закроют луну. Но в небе не было ни облачка, и ничто не предвещало скорой грозы.

Шотландец оглянулся назад и увидел, что большая лорка нагоняет их Она шла за ними в сотне ярдов, выходя на наветренную сторону. Держась ближе к ветру, чем они, она набирала скорость.

Струан напряг всю свою сообразительность в поисках приемлемого плана. Он знал, что без труда оторвется от преследователей, если облегчит свой корабль, выбросив слитки за борт. В полумиле впереди река вновь раздваивалась, огибая остров Вампоа. Если он войдет в северный рукав, это будет гораздо безопаснее, поскольку большинство лодок пользовались именно этим путем, и там ему, возможно, удастся избежать столкновения. Но, с другой стороны, он не сможет уворачиваться от Брока достаточно долго, чтобы миновать весь остров, обогнуть его и вернуться южным рукавом к тому месту, где его должно ждать «Китайское Облако». Значит, придется сразу повернуть на юг.

Он не видел выхода из западни. Через два-три часа рассветет, и тогда ему конец. Он должен найти способ оторваться от них в темноте и спрятаться, а потом осторожно пробраться к месту встречи. Но как это сделать?

В ночном полумраке впереди он увидел, как серебристая полоса реки делится надвое, огибая Вампоа. Вдруг на ступеньках трапа он заметил А Гип. За кормой лорка Брока поотстала, по-прежнему держась наветренной стороны, готовая пойти прямо

по ветру, если он выберет южный рукав, или оставаться с наветренной стороны, если выбор падет на северный.

Струан вытянул руку и показал на небольшую пагоду на южном берегу острова, задавая рулевому курс.

– Ясно?

– Ясно, масса!

– Сильно хорошо ясно нужно! – Струан провел пальцем по горлу. Потом заторопился вниз.

Мэй-мэй рвало. Вонь, теснота каюты и качка вызвали такую рвоту, что она почти лишилась сил. Однако мушкет из рук не выпускала. Струан поднял ее на руки и понес на палубу.

– Нет, – слабо запротестовала она. – Я послала за тобой из-за А Гип.

– А что с ней такое?

– Я послала ее вперед, тайно. Послушать, что говорит команда. – Мэй-мэй икнула и вся сжалась в комок. Когда спазмы прекратились, она продолжила: – А Гип слышала разговор двух человек. Они говорили о серебре. Думаю, они все знают.

– Да, – кивнул Струан. – Я в этом уверен. – Он потрепал А Гип по плечу. – Твоя сильно большая плата скоро можно.

– Эй-йа, – воскликнула А Гип. – Плата зачем, хейа?

– Брок все так же идет за нами? – спросила Мэй-мэй.

– Да.

– Может быть, молния ударит в него.

– Да, может быть. А Гип делать чоу мисси можно! Суп. Ясно? Суп.

А Гип закивала головой:

– Суп нет. Чай халосый!

– Суп!

– Чай-йа.

– А, ладно, – раздраженно махнул рукой Струан, зная, что сколько бы он ни говорил «суп», это все равно будет чай.

Он отнес Мэй-мэй на палубу и оставил ее на ящике с порохом. Ни Вонг, ни рулевой, ни матросы не смотрели в ее сторону. Но Струан видел, что они остро чувствуют ее присутвие, и напряженность на палубе еще больше возросла. Тут он вспомнил ее слова о молнии, и внезапно в голове у него сложился отчетливый план. Все его тревоги разом оставили его, и он громко рассмеялся.

– Почему твоя ха-ха, хейа? – спросила Мэй-мэй. Она глубоко вдыхала свежий морской воздух, и ее желудок понемногу успокаивался.

– Думай-думай хороший план резать Одноглазый масса – ответил Струан. – Хейа, Вонг! Ты со мной идти. – Струан тротянул Мэй-мэй один из своих пистолетов. – Мужчина близко – убей, ясно?

– Ясна, масса!

Струан махнул Вонгу, чтобы тот следовал за ним, и пошел вперед. Он легким шагом двигался по палубе, и матросы спешили убраться с дороги. Остановившись на полубаке, он оглянулся, чтобы окончательно убедиться, что лорка Брока находится на безопасном расстоянии, и торопливо спустился вниз. Вонг спустился за ним следом. Матросский кубрик представлял собой одну большую каюту, стенами которой служипи борта лорки и две перегородки. Вдоль стен тянулись лежаки. В каюте из кирпичей был сооружен грубый очаг с откидной железной решеткой сверху. Над тускло мерцающими углями покачивался чайник. Рядом лежали пучки трав, сушеные грибы, сушеная и свежая рыба, свежие овощи и мешок риса, а также большие и маленькие глиняные кувшины.

Он снял с кувшинов крышки и понюхал содержимое.

– Масса хотеть чоу? Мозна.

Струан покачал головой. В первом кувшине была соя. В следующем – имбирный сироп. Потом – корень женьшеня в уксусе и со специями. Нашел он и растительное масло: по кувшину арахисового и кукурузного. Струан капнул на раскаленную решетку по несколько капель того и другого. Кукурузное масло горело дольше.

– Вонг, твоя нести наверх, – сказал он, показывая на кувшин с кукурузным маслом.

– Зачем, хейа?

Струан поспешил на палубу. Лорка приближалась к тому месту, где они должны будут повернуть либо на север, либо на юг. Струан показал рукой на юг.

– Почему длинный долога, хейа? – спросил Вонг, ставя кувшин на палубу.

Струан посмотрел на него так, что тот попятился. Рулевой уже переложил румпель. Лорка направлялась в южный рукав. Большая лорка Брока быстро повернула за ней, следуя тем же галсом. Между ними было много лодок, и Струан некоторое время мог считать себя в безопасности.

– Ты оставаться палуба, – сказал он Вонгу. – Хейа, корова чилло. Твоя оставаться. Стрелять бум-бум все равно.

– Ясна, масса, – ответила Мэй-мэй. Она чувствовала себя гораздо лучше.

Струан вернулся в капитанскую каюту, собрал все оружие и отнес его на полуют. Он отобрал один мушкет, два лука со стрелами и боевой цеп и выбросил все остальное за борт.

– Пирата мозна, наша бум-бум нет, – сердито пробормотал Вонг.

Струан поднял боевой цеп и принялся бесцельно покачивать им. Цеп представлял собой три металлических пруга по футу каждый, соединенные кольцами, с железным шаром, усеянном острыми шипами, на конце – смертоносное оружие в рукопашной схватке. Короткая металлическая рукоятка удобно ложилась в руку и удерживалась на кисти широким кожаным ремнем.

– Пират приходить, много-много мертвый есть, – хрипло произнес Струан.

Вонг яростно ткнул пальцем в сторону лорки Брока. – Его остановить нет можна, хейа? – Он показал на берег: – Там. Наша белег плыть – наша живой есть!

– Эй-йа! – Струан презрительно повернулся к нему спиной. Он сел на палубу, не снимая цепа с руки. Испуганные матросы с удивлением смотрели, как Струан оторвал рукав своей стеганой куртки, разорвал его на полосы и обмакнул их в масло. Взяв одну из полос, он аккуратно обернул ее вокруг железного наконечника стрелы. Команда прянула в стороны, когда он натянул лук, прицелился вдоль палубы и пустил стрелу в мачту. В мачту стрела не попала. Вместо этого она глубоко вонзилась в тиковую дверь полубака. Без видимого усилия Струан выдернул ее обратно.

Вернувшись на место, он размотал матерчатую полосу и опять окунул ее в масло. Затем осторожно посыпал ее порохом, вновь намотал на наконечник и обмотал сверху еще одной полосой промасленной ткани.

– Хо! – крикнул наблюдатель с кормы. Лорка Брока зловещей тенью подбиралась к ним все ближе и ближе.

Струан взялся за румпель и некоторое время сам управлял судном. Он проскочил за кормой какой-то неторопливой джонки, едва с ней не столкнувшись, и ловко поменял направление так, чтобы, разойдясь с ней, идти другим галсом, не теряя скорости. Лорка Брока бросилась наперерез, но ей пришлось свернуть в сторону, чтобы пропустить караван джонок, идущих на север. Струан передал румпель одному из матросов и приготовил четыре стрелы.

Вонг больше не мог сдерживаться:

– Хейа, масса, что мозна?

– Давай морской огонь, хейа?

Бормоча ругательства, Вонг ушел и вернулся с фонарем.

– Морской огонь!

Струан жестами изобразил, как поджигает обмотку в пламени фонаря и пускает горящую стрелу в грот большой лорки.

– Сильно много огонь, хейа? Они стоять, мы уходить, хейа?

Рот Вонга открылся от изумления. Потом он расхохотался. Когда к нему вернулся дар речи, он объяснил план Струана команде, и все матросы радостно заулыбались шотландцу.

– Твоя сильно... сильно тай-пэн. Эй-й-йа! – восклицал Вонг.

– Твоя сильно фантастический, – сказала Мэй-мэй, присоединяясь к общему веселью. – Очень сильно Одноглазый масса джиг-джиг!

– Хо! – крикнул наблюдатель.

Лорка Брока вернулась на прежний курс и опять догоняла их. Струан встал к рулю и начал петлять среди других лодок, продвигаясь южным рукавом все дальше и дальше. Брок постепенно нагонял их, все время держась наветренной стороны. Струан понимал, что как только движение на реке поредеет, Брок сделает роковой бросок. Сейчас Струан чувствовал себя чуть более уверенно. Если стрела попадет в парус, размышлял он, и если грот достаточно сух, чтобы загореться, и если только Брок подождет еще четыре мили, прежде чем решится на первую попытку, и если мой йосс сегодня хороший, тогда я смогу оторваться от него.

– Чума на Брока! – сказал он вслух.

Движение на реке заметно редело. Он передвинул румпель, приводя лорку на ветер и стараясь подойти как можно ближе к южному берегу, чтобы, когда он снова повернет, лорка встала в бакштаг, и они могли бы идти по ветру.

Южная сторона реки изобиловала мелями, и заходить сюда далеко было рискованно. Следуя так долго этим галсом, Струан опасно открывал свой борт лорке Брока, расположившейся с наветренной стороны, и та приготовилась ринуться на свою добычу. Но Струан как раз и хотел, чтобы они атаковали его именно сейчас. Время пришло. Он давным-давно усвоил основной закон выживания: заставь противника вступить в бой на твоих условиях, ни в коем случае не на его.

– Хейа, Мэй-мэй, вниз ходить!

– Моя смотреть. Мозна, ладно.

Струан поднял второй мушкет и передал его А Гип.

– Вниз ходить, сейчас же! Женщины подчинились.

– Вонг, морской огонь два давать.

Вонг принес второй фонарь, и Струан зажег оба. Он разложил рядом четыре стрелы и два лука. Теперь назад пути нет, сказал он себе.

Лорка Брока находилась в двухстах ярдах с наветренной стороны. Река постепенно опустела. Два корабля остались одни. В ту же минуту лорка Брока круто повернула и бросилась на них. Команда Струана врассыпную метнулась к противоположному борту. Матросы повисли на снастях и приготовились прыгнуть в воду. Один только Вонг остался со Струаном на полуюте.

Струан теперь мог отчетливо видеть Горта, стоящего у румпеля. Команда большой лорки расположилась по местам, готовая к бою. Он окинул взглядом палубу, отыскивая Брока, но не увидел его и задумался, какую еще ловушку тот ему готовит. Когда между лорками оставалось пятьдесят ярдов, Струан перевел румпель, меняя галс, и его лорка неуклюже развернулась к ветру, встав к Горту кормой. Горт быстро нагонял их, неизменно держась наветренной стороны: Струан знал, что Горт слишком опытен, чтобы попробовать атаковать его с подветренного борта. Он знаком приказал Вонгу принять у него румпель и выдерживать заданный курс. Положив стрелу на тетиву, он пригнулся за фальшбортбм. Он видел быстро надвигающиеся на него верхушки мачт, большой лорки. Струан поднес наконечник стрелы к пламени фонаря. Пропитанная маслом ткань тут же вспыхнула. Он встал и прицелился. Лорка

была от них в тридцати ярдах. Стрела описала в темноте огненную дугу и посреди тревожных криков ударилась в середину грота. Но от удара пламя погасло.

Горт прокричал что-то команде, продолжая держаться прежнего курса, и в этот момент в них полетела вторая стрела. Она тоже угодила в грот и застряла в нем, рассыпая по палубе искры. Порох в ее внутренней обмотке взорвался, яркие языки пламени метнулись во все стороны. Горт невольно переложил румпель, и его лорка пошла в сторону, содрогаясь всем корпусом от слишком крутого поворота.

Струан уже успел приготовить третью стрелу, и когда лорка проносилась мимо, пустил ее. Он увидел, как она попала в огромный фок. Пламя, разгораясь, начало пожирать холстину паруса. Ликуя, он переложил румпель и готовился уходить по ветру, как вдруг снизу на палубу своей лорки выскочил Брок, отшвырнул Горта и схватился за румпель, разворачивая судно. Затем Брок рывком переложил румпель и бросил корабль на Струана, целясь в середину его правого борта и отрезая ему путь к спасению.

Струан предвидел этот ход Брока, но его лорка была слишком тяжела и не отреагировала на поворот руля, и тогда он понял, что теперь все кончено. Он поджег последнюю стрелу и стал ждать, опершись всем телом на румпель и моля Бога, чтобы его лорка все-таки поменяла курс. Брок с полуюта кричал на команду, которая безуспешно пыталась потушить огонь. Горящий клубок перепутавшихся снастей рухнул на палубу в двух шагах от него, но Брок даже не взглянул в ту сторону. Его глаза были устремлены на точку в середине правого борта Струана, которую он выбрал для тарана.

Струан тщательно прицелился и, когда лорка была от него в пятнадцати ярдах, спустил тетиву. Стрела врезалась в перегородку рядом с головой Брока, но большая лорка не изменила курса. Лорка Струана наконец начала разворачиваться, но было уже слишком поздно. Струан почувствовал сокрушительный удар и услышал отвратительный треск и скрежет деревянной обшивки, которую таран Брока вспорол, вонзившись по косой в правый борт. Лорка сильно накренилась и едва не перевернулась, Струана швырнуло на палубу.

Осыпаемый дождем искр от горящих парусов и снастей, шотландец поднялся на ноги. Обе команды отчаянно пытались разорвать огненное сплетение: китайцы – визжа от ужаса, люди Брока – крича и хрипло ругаясь. Посреди этого рева Струан услышал насмешливое «прошу прощения» Брока, и в следующий миг корабли разошлись. Лорка Брока двинулась вперед, ее паруса были охвачены пламенем. Корабль Струана выпрямился, пьяно завалился на правый борт, перекатился на левый и так замер, опасно накренившись.

Струан ухватился за румпель и налег на него всем телом. Лорка неуклюже подчинилась, и когда ветер наполнил паруса, Струан направил ее к берегу в лихорадочной надежде достичь его, прежде чем они пойдут ко дну.

Он видел, что оба паруса на лорке Брока объяты пламенем. Он знал, что теперь их придется срезать, выбросить за борт, а потом заменить. Вдруг Струан заметил, что палуба накренена на десять градусов к левому борту – противоположному тому, который пострадал при столкновении. Он с трудом добрался по наклонной палубе до правого фальшборта и. перегнувшись, впился взглядом в огромную пробоину. Ее нижний край был всего на несколько дюймов ниже ватерлинии. Струан сообразил, что сильный толчок, должно быть, сдвинул ящики со слитками в трюме на левую сторону и именно вес серебра объясняет этот устойчивый крен.

Он заорал Вонгу, чтобы тот встал к рулю и держался заданного курса. Затем схватил боевой цеп, пробрался вперед и, размахивая им, сумел загнать несколько матросов в трюм. По дороге он заметил в развороченной капитанской каюте Мэй-мэй и А Гип. бледных от потрясения, но, судя по всему, не пострадавших.

– Наверх быстро, раз-раз! Держать бум-бум!

В трюме царил хаос. Несколько ящиков оказались разбитыми, и серебряные бруски валялись повсюду. Уцелевшие ящики вплотную сдвинулись влево. Через пробоину в трюм хлестала вода. Матросы в панике повернули было обратно, но он заставил их пройти дальше в трюм и потушить огонь там, куда попали рассыпавшиеся горячие угли.

Ругаясь и жестикулируя, он показал им, что ящики надо перенести и поставить один на другой ближе к левому борту. Стоя по щиколотку в воде, китайцы смертельно боялись утонуть, но еще больше пугал их железный цеп Струана, со свистом рассекавший воздух, и они подчинились. Лорка, грозя в любой момент перевернуться, еще больше накренилась влево, и пробоина поднялась над водой. Струан притащил запасную бизань и принялся заталкивать парусину в пробитый борт судна, используя серебряные слитки вместо клиньев.

– Кровь Христова! – рычал он. – Скорее! Быстро раз-раз!

Матросы бросились на помощь, и вскоре пробоина была заделана. Струан знаками приказал команде взять запасной грот и погнал их назад на палубу.

Мэй-мэй и А Гип стояли наверху, перепуганные, но целые и невредимые. Мэй-мэй по-прежнему сжимала в руке пистолет, а А Гип – мушкет. Вонг с перекошенным от страха лицом словно прирос к румпелю. Струан собрал людей на носу и с их помощью пропустил грот под форштевень, а потом продвинул его Дальше, под корпус. Накрыв им сверху залатанную дыру в борту, он закрепил парус. Вода еще больше натянула паруси ну, плотнее прижимая ее к пробоине; лорка беспомощно закачалась, едва не перевернувшись.

Вновь Струан заставил матросов спуститься в трюм. Там, заколотив еще несколько слитков в парусиновую затычку, он приказал им расставить ящики таким образом, чтобы уменьшить слишком опасный крен влево.

Вернувшись на палубу, он осмотрел завязки грота и убедился, что они прочно держат парус на месте. Он вздохнул свободнее.

– С тобой все в порядке, Мэй-мэй?

– Как? – переспросила она.

– Болеть твоя?

– Мозна. – Она показала на кисть руки. Кожа на ней была содрана, и рана кровоточила. Он тщательно осмотрел ее. Хотя кисть причиняла Мэй-мэй сильную боль, ему показалось, что перелома нет. Он обильно полил раны ромом, сам сделал большой глоток и, обернувшись, посмотрел назад, за корму. Лорка Брока легла в дрейф, грот и фок яростно полыхали вместе со всем такелажем. Он видел, как команда перерезала снасти, и паруса обрушились за борт. Некоторое время они горели на воде. Потом все покрыла тьма. Несколько джонок и сампанов находились поблизости, но никто не пришел на помощь горящей лорке.

Струан, прищурившись, посмотрел вперед. С подветренной стороны открывался рукав Шести Скал, он был мало изведан. Струан осторожно шевельнул румпель, и корабль отклонился от курса на несколько градусов. Паруса поймали ветер, лорка резко накренилась вправо, и пробоина ушла под воду. Матросы закричали ему, предупреждая об опасности, и Струан выправил крен. Так плыть слишком рискованно, подумал он. Похоже, мне нельзя идти левым галсом. Самая легкая волна сорвет грот, и мы камнем уйдем на дно. Если я пройду рукавом Шести Скал, то Броку ни за что не найти меня, но я не могу лавировать, меняя галс. Значит, придется остаться в главном русле. Пойду вниз по ветру как можно более прямым курсом.

Он рассчитал примерное местоположение своей лорки. Мраморная пагода должна была находиться в восьми милях ниже по течению.

С защитным парусом под килем, который действовал как штормовой якорь, лорка делала не более двух-трех узлов. То, что ему придется держаться ближе к ветру, чтобы избежать лавирования, еще больше снизит ее скорость. Река впереди

начинала извиваться. Если йосс мне поможет, нам не придется идти левым галсом. Я буду опускать паруса и дрейфовать по течению и поднимать их снова, когда направление и ветер позволят воспользоваться ими.

Он передал румпель Вонгу, спустился вниз и еще раз проверил парусиновую пробку. Какое-то время она выдержит – если йосс не переменится, подумал Струан. Он разыскал несколько чайных чашек и вернулся на палубу. Команда сбилась в тесную угрюмую кучку у правого борта. На лорке осталось только шесть человек.

– Хейа! Шесть бык только. Где два?

Вонг ткнул пальцем за борт и рассмеялся. – Трах-бах, люди падай! – Потом махнул рукой за спину и пожал плечами. – Ладна.

– Кровь господня! Зачем нет спасать, хейа?

– Зачем спасать, хейа?

Струан знал, что бесполезно пытаться что-то объяснить. В том, что эти двое свалились за борт, китайцы видели только йосс. Просто йосс – их йосс – заключался в том, чтобы однажды захлебнуться и утонуть; и это была также воля богов. Спаси человека от смерти, и весь остаток жизни ты сам будешь отвечать за него. Это справедливо. Ибо, вмешиваясь в то, что предопределено богами, ты должен быть готов принять на себя и их заботы.

Струан налил чашку рому и передал Мэй-мэй. Он по очереди предложил по чашке каждому члену команды, не ожидая благодарности и не получив ее. Странно, подумал он, но очень по-китайски. С какой стати им благодарить меня за спасение жизни? То, что мы не утонули, – йосс, и ничего больше.

Благодарю тебя, Господи, за мой йосс. Благодарю тебя.

– Хей! – встревоженно крикнул один из матросов, глядя вниз на воду.

Парусиновую пробку понемногу вталкивало обратно. Струан бросился вниз. Сняв с руки боевой цеп, он затолкал намокший парус глубже в рану корабля. В льялах хлюпала вода, ее набралось там фута на три. Он подпер парусину ящиком и вколотил в складки еще несколько слитков.

– Выдержит, – сказал он вслух. – Да... может быть.

Он поднял цеп и зашел в капитанскую каюту. Там все было перевернуто вверх дном. Струан с тоской посмотрел на койку, захватил с собой набитый травой тюфяк и начал подниматься по трапу.

На верхних ступеньках он вдруг замер. Вонг целился в него из пистолета. Второй китаец держал мушкет, у его ног неподвижно лежала А Гип. Третий одной рукой обхватил Мэй-мэй, зажимая ей рот другой. Вонг нажал на курок – Струан инстинктивно выставил вперед тюфяк и развернулся боком, прижавшись спиной к поручням трапа. Он почувствовал, как пуля царапнула ему шею, и бросился на палубу, держа перед собой тюфяк, словно некий античный щит, его лицо все было в черных точках от крупинок пороха. Второй китаец выстрелил в него в упор, но старый мушкет разорвался, оторвав ему кисти рук. Он ошеломленно уставился на окровавленные культи, а потом дико закричал.

Вонг и остальные матросы ринулись на Струана, и он взмахнул цепом. Усаженный шипами шар врезался сбоку в лицо Вонга, снеся ему половину челюсти, и китаец покатился к борту. Следующим ударом Струан свалил еще одного. Третий прыгнул ему на спину и начал душить, используя свою косичку как удавку, но Струану удалось его сбросить. Человек, державший Мэй-мэй, прыгнул вперед. Струан ударил его в лицо рукояткой цепа, а когда тот вскрикнул и упал, ногой проломил ему грудь. Двое уцелевших матросов убежали на нос. Тяжело дыша, шотландец тут же бросился вслед за ними. Они прыгнули в воду. В этот момент с полуюта раздался вопль. Вонг, весь в крови, струящейся из половины лица, слепо хватал воздух руками, пытаясь добраться до Мэй-мэй. Девушка увернулась, скользнула в сторону и заковыляла к Струану, ища защиты. Струан шагом вернулся назад и добил его.

Человек с оторванными руками заходился в раздирающем уши крике. Струан одним ударом положил конец его мучениям.

На палубе стало тихо.

Мэй-мэй попалась на глаза оторванная кисть руки, и она согнулась пополам в сильнейшем приступе рвоты. Струан носком сапога перекинул кисть через борт. Когда силы понемногу вернулись к нему, он выбросил в реку все тела, за исключением одного. Потом он внимательно осмотрел А Гип. Она дышала ртом, из носа по подбородку сбегали две тонкие струйки крови.

– Думаю, с ней все будет в порядке, – сказал он и удивился тому, как низко и глухо звучал его голос. Он ощупал свое лицо. Боль накатывалась яростными волнами. Струан тяжело осел на палубу рядом с Мэй-мэй.

– Что произошло?

– Не знаю, – проговорила она, глядя на него сухими глазами. – В один момент пистолет был у меня, в другой – мне уже зажимали рот рукой и стреляли из него в тебя. Почему ты не мертвый?

– Похоже, все-таки мертвый, – ответил он. Ему сильно обожгло левую сторону лица, подпалило волосы. Выстрелом снесло половину левой брови. Боль в груди постепенно затихала.

– Почему они – Вонг и все эти – сделали так? Зачем? Ведь Дзин-куа доверял ему.

– Ты сама говорила, что любой постарался бы завладеть серебром. Правильно. Любой. Я не виню их. Это я сделал глупость, спустившись в трюм один.

Он взглянул вперед. Лорка медленно ковыляла в нужном направлении. Мэй-мэй заметила шрам на его лице.

– Еще бы дюйм, даже полдюйма... – прошептала она. – Возблагодари богов за свой йосс. Я сделаю им преогромное подношение.

Струана мучил сладковатый запах крови, и теперь, когда опасность миновала, его желудок взбунтовался. Он ухватился за фальшборт, чувствуя невыносимую дурноту, и его вырвало. Когда первый приступ рвоты прошел, он разыскал деревянный таз и вымыл палубу. Потом вытер цеп.

– Зачем ты оставляешь этого человека? – спросила Мэй-мэй, глядя на бесчувственное тело китайского матроса, которого Струан оставил лежать на палубе.

– Он еще жив.

– Брось его за борт.

– Не раньше чем он умрет. Или, если он вдруг придет в себя, то может сам прыгнуть в воду. – Струан несколько раз вдохнул свежий ночной воздух, и тошнота прошла. Его ноги болели от усталости, но он подошел к А Гип, поднял ее и положил на надстройку у основания грот-мачты.

– Ты видела, куда ее ударили?

– Нет.

Струан расстегнул на А Гип ее куртку и внимательно осмотрел тело. Он не нашел следов удара ни на груди, ни на спине, но заметил пятна засохшей крови у основания косички. Он снова одел ее и постарался уложить на надстройке как можно удобнее. Ее лицо посерело и покрылось пятнами, дыхание стало тяжелым и прерывистым.

– Выглядит она неважно.

– Долго нам еще плыть теперь?

– Два или три часа. – Он взялся за румпель. – Точно не знаю. Может быть, больше.

Мэй-мэй легла на спину и, подставив лицо ветру, стала ждать, когда холодный воздух остудит ей голову и ее мысли прояснятся.

Струану на глаза попалась разбитая бутылка рома, перекатывавшаяся по

палубе у шпигатов.

– Ступай вниз. Посмотри, пожалуйста, нет ли там еще одной бутылки рома. Помнится, их было две.

– Прости меня, Тай-Пэн. Моя глупность едва не стоила нам жизни.

– Да нет, девочка. Это все серебро. Проверь трюм.

Она стала осторожно спускаться вниз. Ее не было очень долго.

Когда Мэй-мэй вернулась, в руках у нее оказались чайник и две чашки.

– Я делаю чай, – с гордостью объявила она. – Я делаю огонь и делаю нам чай. Бутылка с ромом, она разбивалась вдребезги. Поэтому мы пьем чай.

– Вот тебе раз. А я-то думал, ты даже чай заваривать не умеешь, не говоря уже о том, чтобы разжечь огонь, – заметил Струан, поддразнивая ее.

– Когда я буду старая и беззубая, я буду ама. – Она равнодушно отметила про себя, что последнего из китайских матросов уже не было на палубе. Налив чаю, она поднесла ему его чашку, силясь улыбнуться при этом.

– Спасибо.

А Гип пришла в себя. Ее тут же вырвало, и она опять потеряла сознание.

– Не нравится мне ее вид, совсем не нравится, – покачал головой Струан.

– Она хорошая рабыня.

Он с удовольствием отпил большой глоток из своей чашки.

– Сколько воды в трюме?

– Весь пол покрыт водой, – ответила Мэй-мэй, потягивая чай маленькими глоточками. – Думаю, было бы разумно... э-э... как это у вас говорится – «купить» морского бога на нашу сторону.

– Ублажить?

– Да, ублажить.

Она кивнула.

– Правильно. Будет разумно, если я ублажу морского бога.

– А как это следует делать?

– Там внизу много серебра. Один брусок было бы очень хорошо.

– А по-моему, это было бы очень плохо. Столько серебра пропадет зря. Мы уже тысячу раз говорили на эту тему. Нет никаких богов, кроме Господа.

– Верно. Но, пожалуйста. Пожалуйста, Тай-Пэн. Очень пожалуйста. – Ее глаза умоляюще смотрели на него. – Нам теперь нужно фантастически много помощи. Я советую немедленно попросить у морского бога особенного благословения.

Струан давно оставил все попытки втолковать ей, что существует только один Бог, что Иисус был Сыном Божьим и что христианство – это единственно верное учение. Два года назад он попробовал объяснить ей христианскую веру.

– Ты хочешь, чтобы я стала христианкой? Тогда я христианка, – радостно объявила она ему в тот раз.

– Но все это не так просто, Мэй-мэй. Ты должна верить.

– Ну конечно. Я верю во все, во что ты хочешь, чтобы я верила. Есть только один Бог. Христианский варварский Бог. Новый Бог.

– Это не варварский Бог и не новый Бог.

– Ваш Господи Иисусе не был китайцем, хейа? Значит он варвар. И почему ты мне говоришь, что этот Бог Иисус не новый, когда он еще не родился всего две тысячи лет назад, хейа? Это очень даже сильно новый. Ай-йа, нашим богам пять, десять тысяч лет.

Струан не нашелся, что ответить, потому что, хотя он и был христианином, ходил в церковь, иногда молился и читал Библию, как ее читает большинство людей, простых людей, он не обладал ни знаниями, ни навыками, чтобы обучить ее своей вере. Поэтому он пригласил Вольфганга Маусса, чтобы тот пересказал ей Евангелие на мандаринском наречии. Но уже после того, как Маусс обучил и окрестил ее,

Струан обнаружил, что она по-прежнему ходит в китайский храм.

– Но зачем гуда ходить? Ведь это означает, что ты снова стала язычницей. Ты поклоняешься идолам.

– Но что же такое вырезанный из дерева Господи Иисусе на кресте в церкви, как не идол? Или сам крест? Разве это все равно не идол?

– Это не одно и то же.

– Будда в храме – только символ Будды. Я не поклоняюсь идолу, дружок. Я китаянка. Китайцы ведь не поклоняются идолам, только идее, заключенной в статую. Мы, китайцы, не такие глупые. Мы уж-жасно умные в этих божеских вещах. И как я так узнаю, что Господи Иисусе, который был варваром, любит китайцев, хейа?

– Нельзя говорить такие вещи! Это богохульство. Вольфганг ведь все объяснил тебе про Евангелие за эти месяцы. Конечно же, Иисус любит всех людей одинаково.

– Зачем же тогда христианские мужчины-священники, которые носят длинные юбки и не имеют женщинов, говорят, что другие христианские священники, которые одеваются, как мужчины, и плодят много детей, сумасшедшие, хейа? Масса Маусс на днях говорил, что было много воинов и много убийств. Эй-йа, дьяволы в длинных юбках сжигают на кострах женщин и детей. – Она решительно покачала головой. – Лучше нам перемениться сразу, Тай-Пэн. Давай станем христианами в длинных юбках. Тогда, если они нас победят, нас с тобой не сожгут. Твои добрые христиане, которые не носят юбок, ведь не жгут людей, хейа?

– Нельзя вот так запросто взять и поменять веру, да еще по такой причине. Католики не правы. Они...

– А я говорю тебе, Тай-Пэн, что, по-моему, нам нужно сделаться христианами в длинных юбках. И я еще думаю, давай ты будешь изо всех сил ухаживать за своим новым богом Иисусом, а я тоже буду ухаживать за богом Иисусом изо всех сил, и при этом еще за нас обоих присмотрю за нашими настоящими китайскими богами, очень потихоньку. – Она вновь твердо кивнула и обворожительно улыбнулась. – Тогда кто бы из них ни оказался самым сильным Богом, он все равно позаботится о нас.

– Этого нельзя делать. Есть только один Бог. Один!

– Докажи.

– Я не могу.

– Вот видишь. Как может смертный человек доказать Бога, любого бога? Но я христианка, как и ты. Только, к счастью, я еще китаянка, а в этих божеских вещах лучше думать немного по-китайски. Для тебя большой йосс, что я китаянка. Потому что я и за тебя смогу просить китайских богов... Которых, – поспешно добавила она, – конечно же, не существует. – Она улыбнулась. – Разве это не чудесно?

– Нет.

– Да. Ясно, что, если бы у меня был выбор, которого у меня нет, потому что есть только один Бог, я бы выбрала китайских богов. Они не хотят, чтобы те, кто их почитает, убивали других богов или умертвляли всех, кто им не поклоняется. – Опять она торопливо добавила: – Но христианский варварский Бог, который один и единственный Бог, кажется мне, бедной простой женщине, оч-чень кровожадным и поладить с ним трудно, но, конечно, я верю в него. Вот, – выразительно закончила она.

– Ничего не «вот».

– Я вообще думаю, что ваш рай – чертовски странное место, Тай-Пэн. Все летают туда-сюда, как птицы, и у всех бороды. А в раю занимаются любовью?

– Не знаю.

– Если мы не сможем там заниматься любовью, я в этот твой рай не собираюсь. Нет, нет и нет, абсолютно. Истинный Бог или не истинный Бог. Потому что тогда это было бы очень плохое место. Я должна знать наперед, прежде чем мы пойдем туда. Да, да, да, обязательно. И еще одно, Тай-Пэн. Почему один истинный Бог, который

поэтому фантастически умный, говорит, чтобы была только одна жена, хейа, когда это ужасная глупость? И если ты христианин, почему мы как муж и жена, когда у тебя уже есть жена? Прелюбодейственность, а? Очень плохо. Почему ты нарушаешь столь многие из Десяти Заповедников, хейа, и при этом оч-чень хорошо спокойно называешь себя христианином?

– Видишь ли, Мэй-мэй, некоторые из нас – грешники и люди слабые. Господь наш Иисус простит нас, некоторых из нас. Он обещал простить, если мы раскаемся.

– Я бы не простила, – твердо заявила она. – Особенно если бы была Самым Единственным Богом. Нет, нет и нет. И еще, Тай-Пэн. Как может Бог быть «троицей» и при этом иметь первого сына, который тоже Бог, который был рожден от живой женщины без помощи живого мужчины, которая потом стала Божьей Матерью? Вот этого я никак не пойму. Только не думай, Тай-Пэн: я такая же христианка, как все, клянусь Богом. Хейа?

У них было много таких бесед, и всякий раз он оказывался втянутым в спор, не имевший ни конца, ни начала. Он знал только, что есть один-единственный Бог, истинный Бог, и убеждался, что Мэй-мэй никогда этого не поймет. В те дни он надеялся, что, может быть, в свое время Он сам откроет ей Себя...

– Пожалуйста, Тай-Пэн, – повторила Мэй-мэй. – От одного маленького притворства никому не станет хуже. Я уже помолилась Единственному Богу. Не забывай, что мы сейчас в Китае, и эта река – китайская.

– Но и пользы от этого никакой.

– Знаю. О да, Тай-Пэн, я знаю абсолютно. Но ведь я всего лишь двухлетняя христианка, поэтому ты и Бог должны быть терпеливы со мной. Он простит меня, – торжествующе закончила она.

– Ну хорошо, – согласился Струан.

Мэй-мэй спустилась вниз. Когда она вернулась, ее лицо и руки были чисто вымыты, а волосы заплетены. В руках она держала серебряный слиток, обернутый в бумагу. На бумаге были написаны китайские иероглифы.

– Это ты написала эти иероглифы?

– Да. Я отыскала внизу перо и тушь. Я написала здесь молитву морскому богу.

– О чем в ней говорится?

– «О великий, мудрый и могучий Морской Бог, в благодарность за этот неимоверно огромный дар – почти сто тэйлов серебра – пожалуйста, доставь нас целыми и невредимыми на варварский корабль под названием „Китайское Облако“, принадлежащий моему варвару, а оттуда – на остров Гонконг, который варвары украли у нас.»

– Мне не очень понравилась эта молитва. – сказал Струан. – В конце концов, девочка, это мое серебро, и мне не доставляет удовольствия, когда меня называют варваром.

– Это вежливая молитва, и она говорит правду. Это китайский морской бог. Для китайца ты варвар. Крайне важно говорить в молитвах правду. – Она осторожно спустилась по наклонной палубе к левому борту и, с большим трудом удерживая тяжелый, завернутый в бумагу слиток на вытянутых руках, закрыла глаза и нараспев прочла написанное ею. Затем, по-прежнему не открывая глаз, она аккуратно развернула серебряный брусок, уронила бумагу в воду и быстрым движением спрятала серебро в складках своей куртки. Открыв глаза, она увидела, что волна от лорки увлекает бумажный лист в глубину.

Крепко сжимая слиток, Мэй-мэй радостно вскарабкалась назад.

– Ну вот, теперь мы можем отдохнуть.

– Клянусь Господом, это обман – взорвался Струан.

– Что?

– Ты не бросила серебро за борт.

– Чш-ш-ш-ш! Не так громко! Ты все испортишь! – Потом она зашептала: – Конечно, нет. По-твоему, я совсем дура?

– Я думал, ты хотела сделать подношение.

– Я только что его и сделала, – прошептала она, озадаченно глядя на Струана. – Ты же не думаешь, что я на самом деле способна бросить столько серебра в реку, ведь правда? Кровь Христова, я что, паршивая собака? Или сумасшедшая?

– Тогда зачем было затевать все…

– Ш-ш-ш-ш! – настойчиво шикнула на него Мэй-мэй. – Не так громко. Морской бог может тебя услышать.

– Но зачем притворяться, что ты роняешь серебро за борт? Это не подношение.

– Как перед Богом, Тай-Пэн, я тебя совсем не понимаю. Зачем богам может понадобиться настоящее серебро, хейа? Для чего они станут его использовать? Чтобы покупать настоящую одежду и настоящую еду? Боги есть боги, а китайцы – китайцы. Я сделала подношение и сберегла твое серебро. Как перед Богом клянусь, варвары – странный народ.

И она пошла вниз, бормоча про себя на языке родной провинции Сучжоу: «Словно я действительно могла бы уничтожить столько серебра! Разве я императрица, чтобы так швыряться серебром? Эй-й-йа», вздохнула она, пробираясь узким коридором в трюм, «даже императрица дьяволов не была бы столь глупа»! Она положила слиток в льяло, где нашла его, и вернулась наверх.

Струан слышал, как она возвращается, все еще раздраженно бормоча что-то по-китайски себе под нос.

– Что ты там говоришь? – требовательно спросил он.

– Разве я сумасшедшая, чтобы вот так взять и выбросить столько заработанных тяжелым трудом денег? Разве я варвар? Разве я транжира...

– Хорошо. Но я все же не понимаю, почему ты уверена, что морской бог ответит на твои молитвы, когда его с такой очевидностью надули. Вся эта затея – фантастическая глупость.

– Нельзя говорить такие вещи так громко, – нахмурилась она. – Он получил подношение. Теперь он защитит нас. – Она упрямо тряхнула головой. – Боги как люди. Они поверят во что угодно, если сказать им это сразу, не задумываясь. – Потом добавила: – Может быть, этот бог вообще куда-нибудь отлучился и все равно не станет нам помогать. И мы утонем, ладно.

– Тогда еще один вопрос, – непреклонно продолжал Струан – Почему мы должны говорить шепотом, а? Ведь это китайский морской бог. Как, черт его возьми, может он понимать по-английски, хейа?

Вопрос обескуражил Мэй-мэй. Она нахмурилась и долго напряженно размышляла. Потом, пожав плечами, сказала:

– Бог есть бог. Может быть, он говорит и на варварском языке. Хочешь еще чаю?

– Спасибо.

Она наполнила его чашку, потом свою. Затем, обхватив руками колени, уселась на крышку люка, мурлыкая про себя какую-то песенку.

Лорка, покачиваясь, плыла вниз по реке. Занимался рассвет.

– Ты редкая женщина, Мэй-мэй, – сказал Струан.

– Ты мне тоже нравишься. – Она придвинулась к нему, устраиваясь поудобнее у него под боком. – Сколько мужчин, таких, как ты, есть в твоей стране?

– Около двадцати миллионов: мужчин, женщин, детей.

– Китайцев, говорят, триста миллионов.

– Это значило бы, что каждый четвертый человек на земле – китаец.

– Я беспокоюсь за свой народ, если все варвары похожи на тебя. Ты убиваешь так много и так легко.

– Я убил этих людей потому, что они пытались убить меня. И мы не варвары.

– Я рада, что видела, как ты убиваешь, – сказала она странным голосом. Ее глаза сияли, светлеющий воздух собрался в подобие ореола вокруг ее темноволосой головки. – И я оч-чень рада, что ты не мертвый.

– Когда-нибудь я тоже умру.

– Конечно. Но я рада, что видела, как ты убиваешь. Наш сын Дункан будет достоин тебя.

– К тому времени, когда он вырастет, убийство перестанет быть необходимостью.

– К тому времени, когда вырастут дети детей его детей, люди все еще будут убивать. Человек – хищное животное, он живет кровью. Большинство людей. Мы, китайцы, знаем это. Но варвары хуже нас. Хуже.

– Ты так думаешь, потому что ты китаянка. У вас гораздо больше варварских обычаев, чем у нас. Со временем люди меняются. Мэй-мэй.

Тогда она сказала просто:

– Учись у нас, помни уроки Китая, Дирк Струан. Люди никогда не меняются.

– Учись у нас, помни уроки Англии, девочка. Мир может стать царством порядка, где все равны перед законом. И этот закон будет справедлив. Честен. Неподкупен.

– Так ли это важно, если люди умирают от голода?

Он надолго задумался над ее словами.

Лорка медленно продвигалась вниз по реке. Мимо проплывали другие суда – одни вверх, другие вниз по течению; матросы с любопытством смотрели в их сторону, но не произносили ни слова. Река впереди изгибалась, и Струан, осторожно пошевеливая румпель, задал лорке нужное направление. Парусиновая заплата, похоже, пока держалась.

– Я думаю, да, – сказал он наконец. – Да. Я думаю, что это очень важно. Кстати, я хотел спросить тебя кое о чем. Ты говорила, что ходила навестить верховную госпожу Дзин-куа. А где ты с ней познакомилась?

– Я была рабой в ее доме, – спокойно ответила Мэй-мэй. – Как раз перед тем, как Дзин-куа продал меня тебе. – Она заглянула ему в глаза. – Ты ведь купил меня, не правда ли?

– Я приобрел тебя в соответствии с вашими обычаями, это верно. Но ты не рабыня. Ты можешь остаться или уйти – свободно, по своему выбору. Я сказал тебе это в первый же день.

– Я не поверила тебе тогда. Я верю тебе сейчас, Тай-Пэн. – Она посмотрела на берег и на проплывающие мимо лодки. – Я никогда раньше не видела, как убивают. Мне не нравится, когда убивают. Это потому что я женщина?

– Да. И нет. Не знаю.

– А тебе нравится убивать?

– Нет.

– Жаль, что твоя стрела не попала в Брока.

– Я и не целился в него. Я пытался не убить его, а лишь заставить повернуть.

Она была поражена.

– Клянусь Богом, Тай-Пэн, ты особенно фантастический человек.

– Клянусь Богом, Мэй-мэй, ты особенно фантастическая женщина, – ответил он, и его глаза прищурились в улыбке.

Она улеглась на бок, с нежностью глядя на него. Потом заснула.

Когда она проснулась, солнце уже встало. Низкие берега реки убегали вдаль к туманным горизонтам – плодородная земля, разделенная на бесчисленные квадраты рисовых полей, где зелеными волнами колыхались зимние всходы. Вдалеке поднимались окутанные облаками горы.

Прямо впереди высилась Мраморная пагода. Под ней на якоре стоял клипер Струана «Китайское Облако».

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1

Четыре дня спустя «Китайское Облако» тайно бросил якорь в заливе Дипуотер Бэй у южной оконечности Гонконга. Было утро – холодное, с низко нависшими плотными облаками, которые придавали морю серо-стальной цвет.

Струан стоял у ромбовидных окон в капитанской каюте и смотрел на остров. Дуга залива была образована голыми скалами, почти отвесно уходящими в море; их вершины окутывали облака. В центре этой дуги желтел небольшой пятачок песчаного пляжа, за которым земля опять круто взбегала к облакам, суровая и покинутая. Воздух был наполнен криками чаек. Волны лениво плескались о борт. Корабельный колокол пробил шесть склянок.

– Да? – отозвался Струан, услышав стук в дверь.

– Катер вернулся, – устало сообщил ему капитан Орлов, широкоплечий горбун едва пяти футов роста, с мощными руками и огромной головой. На руке у него болтался боевой цеп. С того момента, как серебро погрузили на корабль, он носил его днем и ночью, не снимая даже когда ложился спать. – Клянусь бородой Одина, наш груз хуже «черной смерти».

– Опять какие-нибудь беспорядки?

– Беспорядки, говорите? Только не на моем корабле, клянусь головой матери Иисуса Христа! – Крошечный уродец весело хмыкнул, и глаза его зло сверкнули: – По крайней мере, когда я не сплю, а, Зеленые Глаза?

Струан повстречался с Орловом много лет назад в Глазго, где тот бесцельно шатался по докам. Горбун был норвежцем, потерпевшим кораблекрушение в опасных водах у Оркнейских островов. С тех пор он никак не мог найти себе корабль: хотя для моряков национальность значения не имела, ни один владелец не хотел доверять свое судно человеку, который никому и никогда не говорил «сэр» или «мистер» и соглашался служить только капитаном – не меньше.

– Лучше меня нет никого в целом мире, – орал Орлов, и его рябое крючконосое лицо тряслось от ярости. – Я отслужил свое на реях – довольно, больше я туда не встану! Проверьте меня, и я вам докажу, клянусь кровью Тора!

Струан проверил, как Орлов знает море и ветер, испытал его силу и мужество и не нашел у него ни одного недостатка. Орлов говорил на английском, французском, русском, финском и норвежском языках, обладал блестящим умом и поразительной памятью. И хотя внешне он напоминал злого гоблина и при необходимости мог убивать так же безжалостно, как акула, он был честен и совершенно неподкупен. Для начала Струан дал ему небольшой корабль, потом корабль побольше. Потом клипер. В прошлом году он сделал его капитаном «Китайского Облака», окончательно убедившись в том, что все, что говорил о себе Орлов, – правда от первого до последнего слова.

Струан налил еще чаю, горячего, сладкого, с каплей рома, придавшего ему особый вкус и аромат.

– Как только мистер Робб и Кулум поднимутся на борт, берите курс на гавань Гонконга.

– Чем скорее, тем лучше, а? – Где Вольфганг?

– В своей каюте. Он вам нужен?

– Нет. И проследите, чтобы нас не беспокоили.

Направляясь к двери, Орлов раздраженно повел плечами и передернулся под

промокшей одеждой.

– Чем скорее мы избавимся от этой заразы в трюме, тем лучше. Самый жуткий груз, который мне когда-либо доводилось перевозить.

Струан не ответил. Он был измучен до предела, но голову сохранял ясную и всякую минуту был начеку. Почти дома, сказал он себе. Еще несколько часов, и ты будешь в безопасности в гавани. Благодари Господа за королевский флот. Встав на якорь рядом с одним из фрегатов, ты сможешь отдохнуть.

Капитанская каюта была просторной и отличалась роскошью отделки. Но сейчас она была вся завалена мушкетами, тесаками, боевыми цепами, мечами и абордажными саблями. Он разоружил всю команду, прежде чем перегрузил серебро на клипер. Теперь только он и капитан Орлов носили оружие Струан постоянно ощущал то чудовищное напряжение, в котором пребывали все на корабле. Серебро заразило алчностью душу каждого члена команды. Да, подумал он, эти слитки никого не оставят равнодушными. Даже Робба. Даже Кулума. Может быть, даже Орлова.

По дороге от Мраморной пагоды А Гип впала в беспамятство и вскоре скончалась. Струан хотел похоронить ее в море, но Мэй-мэй обратилась к нему с просьбой:

– А Гип была преданной рабыней, – сказала она. – Плохой будет йосс не вернуть ее родителям и не похоронить по китайскому обычаю, о, абсолютно очень плохой и ужасный, Тай-Пэн.

Струан изменил курс и отправился в Макао. Там с помощью Маусса он купил для А Гип красивый гроб и передал его родителям девушки. Он дал им также десять тэйлов на похороны. Ее родители были танка. Они поблагодарили его и стали уговаривать взять вместо А Гип ее младшую сестру А Сам, веселую, круглолицую девочку пятнадцати лет, которая тоже говорила на «пиджин» и имела перевязанные ноги – для танка вещь крайне необычная. Мэй-мэй знала А Сам и раньше, девушка ей нравилась, поэтому Струан согласился. Родители запросили за А Сам триста серебряных тэйлов. Струан был готов заплатить без разговоров, но Мэй-мэй сказала, что как госпожа она сильно потеряет лицо, если будет заплачена первая же названная сумма. Она принялась усердно торговаться с ними и в конце концов сбила цену до ста шестнадцати тэйлов.

Струан не споря выполнил все формальности, связанные с покупкой девушки, потому что этого требовал обычай. Но затем, когда сделка состоялась и он, по китайскому закону, стал владельцем рабыни, он разорвал документ на глазах у А Сам и сказал ей, что она не рабыня, а только прислужница. А Сам ничего не поняла. Струан знал, что потом она спросит у Мэй-мэй, почему он порвал такую важную бумагу, и Мэй-мэй ответит, что некоторые обычаи варваров действительно странные и смысл их понять невозможно. А Сам согласно кивнет головой, и ее страх перед ним увеличится.

Все то время, пока «Китайское Облако» стоял в Макао, Струан продержал команду на борту. Исключение было сделано только для Вольфганга Маусса. Шотландец опасался, что слухи о серебре разнесутся по городу, и, хотя обычно он доверял своим людям, он не мог полагаться на них сейчас, когда такое огромное богатство лежало буквально под рукой и словно ждало, чтобы его взяли.

Он ожидал пиратского нападения как извне, так и изнутри. В Макао на борту едва не вспыхнул бунт, и впервые ему и его офицерам пришлось прибегнуть к плети, рассыпая удары без разбора направо и налево. После этого Струан распорядился выставить часовых на полубаке и встать на якоре в мелкой гавани подальше от берега. Всем сампанам было запрещено подходить к «Китайскому Облаку» ближе, чем на сто ярдов.

Он выслал Кьюдахи, первого помощника, с катером на Гонконг впереди себя, чтобы тот привез Робба и Кулума на тайное свидание в Дипуотер Бэй, строго

предупредив не говорить им ни слова о серебре. Он знал, что этим увеличивает грозящую ему опасность, но понимал также и то, что должен пойти на этот риск. Благополучно погрузив серебро на «Ки тайское Облако», он смог спокойно поразмышлять о Дзин-куа, а также о «Благородном Доме», Роббе и Кулуме и решил, что делать дальше. Он понимал, что пришло время окончательно определить будущее лицо компании. С Роббом и Кулумом или без них. Любой ценой.

Струан оставил Мэй-мэй в Макао, в доме, который подарил ей. Перед тем, как уехать, он и Мэй-мэй навестили Чен Шеня.

Дункан, их трехлетний сын, встречая родителей, опустился на колени для поклона, но Струан поднял малыша и сказал, чтобы тот никогда и ни перед кем не смел больше этого делать. Дункан пролепетал: «Да, Тай-Пэн», и крепко прижался к нему и к матери.

За крошкой Кейт ухаживали с той же любовью и заботой, что и за Дунканом, и Чен Шень хлопотал вокруг них, как старая курица. Принесли еду и чай, и тогда Чен Шень попросил позволения Струана пригласить Кай-сун, которая хотела поклониться Тай-Пэну.

Кай-сун минуло тридцать шесть. Она появилась в великолепном темно-красном с золотом платье с нефритовыми и серебряными заколками в черных волосах. Струану показалось, что семнадцати лет, прошедших со времени их последней встречи, словно не было. Ее лицо было белым и чистым, как алебастр, а глаза остались такими же бездонными, как и в дни юности.

Но по щекам катились слезы, и она прошептала что-то на кантонском наречии, а Мэй-мэй радостно перевела:

– Старшая сестра так опечалена, что твоя Тай-тай стала мертвая, Тай-Пэн. Старшая сестра говорит, всегда, когда ты хочешь, чтобы дети были здесь, они будут как ее дети. И она благодарит тебя за то, что ты так добр к ней и к ее сыну.

– Скажи ей, что она выглядит очень хорошо, и поблагодари ее.

Мэй-мэй перевела, потом немного поплакала вместе с Кай-сун, и они почувствовали себя счастливыми. Кай-сун низко поклонилась еще раз и ушла.

Чен Шень отвел Струана в сторону.

– Слышать твоя, может, холосый йосс есть, Тай-Пэн. – Все его необъятное лицо сложилось в одну большую улыбку.

– Может.

– Холосый йосс есть тоза – моя покупать люди стлоить Гонконг оц-цень дешевый! – Чен-Шень ухватился руками за огромный живот и громко захохотал. – Хейа, Тай-Пэн! Децтвенный рабыня есть. Твоя хотеть? Я твоя покупать, хейа? Дешевый-дешевый.

– Ай-йа, девственница! Лишние заботы зачем, свои заботы много есть и так!

Струан и Мэй-мэй забрали детей и вернулись к ней домой. Мэй-мэй проиграла ему в трик-трак больше, чем стоил этот ее дом, некогда подаренный ей Струаном. Она официально и с большой церемонией передала ему купчую и тут же протянула колоду карт.

– На квит, Тай-Пэн, в долги.

Он вытащил валета, и она завыла и стала рвать на себе волосы.

– О горе, горе, горе! Ах, я паршивая собака, старая ни на что не годная подстилка! Я зачем открывала свой грязный рот?

С мученическим видом она зажмурилась, вытащила карту, съежилась от страха и чуть-чуть приоткрыла глаза. Это была дама. Она вскрикнула от счастья и бросилась в его объятия.

Они с Мэй-мэй договррились, что Струан очень быстро вернется с Гонконга или пришлет за ней «Китайское Облако». Затем он отплыл к Дипуотер Бэю.

Дверь каюты открылась.

– Здравствуй, отец, – сказал Кулум.

– Привет, Дирк, – произнес вслед за ним Робб.

– Добро пожаловать. Добрались без приключений?

– Да, все нормально. – Робб тяжело опустился в кресло. Под глазами у него залегли черные тени.

– Ты выглядишь совсем обессилевшим, Робб.

– Так оно и есть. Я перепробовал все, что можно, все. – Он стащил с себя тяжелый плащ, от которого валил пар. – Никто не хочет открывать нам кредит. Мы погибли. О каких хороших новостях мог ты вообще писать, Дирк? – Он пошарил в кармане своей куртки и вытащил оттуда письмо. – Боюсь, из меня добрый вестник тоже не получится. Это пришло для тебя со вчерашней почтой. От отца.

Вся радость Струана, вся его гордость за то, чего он сумел достичь, улетучились в один миг. Винифред, подумал он, это должно быть о ней. Он взял письмо в руки. Печать была не сломана. Струан узнал мелкий паучий почерк своего отца.

– Какие новости из дома? – спросил он, стараясь, чтобы его голос не дрожал.

– Это все, что нам пришло, Дирк. Я не получил вообще ничего. Извини. Ну, а ты-то как? Что случилось с твоим лицом? Ты обжегся? Мне очень жаль, что я ничем не сумел помочь.

Струан положил письмо на стол.

– Ты купил землю?

– Нет. Распродажу отложили – Робб старался не смотреть на письмо.

– Она состоится завтра, отец. Не хватило времени, чтобы обмерять все участки. Поэтому ее и перенесли. – Кулум неловко покачнулся, когда корабль накренился, увлекаемый вперед наполнившимися парусами. Он оперся о стол. – Хочешь, я сам вскрою письмо?

– Нет, спасибо. Вы видели Брока?

– «Белая Ведьма» прибыла с Вампоа два дня назад, – сказал Робб. – Сам я его не видел. Это правда, что у нас опять война?

– Да, – ответил Струан. – Флот по-прежнему на Гонконге?

– Да. Но когда Эликсен привез последние новости, он развернулся в боевое построение. К восточному и западному входам в пролив посланы корабли для патрулирования. Китайцы собираются напасть на Гонконг?

– Не будь смешным, Робби.

Робб посмотрел в окно на море за кормой клипера. В лице Дирка появилось что-то новое, подумал он. – Откуда здесь столько оружия, Дирк? Что-нибудь не так?

– Чем занимался Лонгстафф все это время, Кулум? – спросил Струан.

– Не знаю, – ответил юноша. – Я видел его лишь однажды, когда понадобилось его согласие, чтобы перенести распродажу.

– И я тоже с ним не встречался, Дирк. После той статьи про нас в газете мне вообще стало трудно с кем-либо встречаться. Особенно с Лонгстаффом.

– В самом деле? Что же случилось?

– Я увиделся с ним на следующий день. Он сказал: «Чес с-слово, это что, правда?», и когда я ответил ему: «Да», он взял понюшку табаку, пробормотал: «Жаль. Ну что же, я очень занят, Робб. Всего хорошего», и выпил еще один стакан портвейна.

– Ты ожидал чего-то другого?

– Не знаю, Дирк. Наверное, я ждал сочувствия. Или какой-нибудь помощи.

– Лонгстафф не уволил Кулума. Это говорит в его пользу.

– Он вызвал меня обратно только потому, что на тот момент у него под рукой не оказалось никого, кто мог бы этим заняться, – заметил Кулум. За последние две недели он начал прибавлять в весе, и его болезненная бледность уже не так бросалась в глаза. – По-моему, он испытывает удовольствие от того, что мы

потерпели крах. То есть, – быстро добавил он, – я-то, конечно, не в счет. Я хочу сказать, что «Благородный Дом» потерпел крах.

– Если это не «мы», значит это какая-то другая компания, Кулум.

– Да, я знаю, отец. Я имел в виду, что... ну, по-моему, ты всегда был для Лонгстаффа особенным человеком. Он, как китаец, низко кланялся твоим знаниям и опыту, потому что ты был богат. Но если отбросить богатство, у тебя нет ни знатности, ни воспитания. А без этого ты не можешь быть для него равным. А если ты ему не ровня, значит и знания твои не имеют никакой ценности. Абсолютно никакой. Мне кажется, все это весьма печально.

– Где ты узнал о китайском обычае низко кланяться?

– Подожди, пока увидишь Гонконг.

– Что это значит, парень?

– Мы будем на месте через несколько часов. Ты сможешь увидеть все своими глазами. – Голос Кулума зазвенел: – Пожалуйста, отец, вскрой письмо!

– Это известие подождет. Винифред умирала, когда ты уезжал. Ты ждешь чуда?

– Я надеюсь на него, да. Я молил о нем Господа.

– Пойдемте вниз, – пригласил их Струан.

Аккуратные ряды серебряных слитков таинственно посверкивали в полумраке трюма, отражая свет покачивающегося фонаря. Воздух здесь был сперт и насыщен сладковатым дурманящим запахом сырого опиума. Кругом кишели тараканы.

– Это невозможно, – прошептал Робб, касаясь серебра рукой.

– Я и не знал, что в каком-то одном месте на земле может оказаться столько серебра, – произнес Кулум, потрясенный увиденным не меньше своего дяди.

– Оно все здесь, можешь не сомневаться, – сказал Струан.

Робб дрожащей рукой взял один слиток, чтобы увериться, что это не сон. – Невероятно.

Струан рассказал им, как он подучил это серебро. Он передал им все, что говорил Дзин-куа, не упомянув лишь о печати, четырех половинках монеты, о пяти лаках, которые предстояло вложить в землю на Гонконге, о пяти лаках, которые нельзя было трогать, а также об одном лаке для Гордона Чена. Он описал им морское сражение с Броком. Но ни словом не обмолвился о Мэй-мэй.

– Ах он проклятый пират! – негодовал Кулум. – Лонгстафф прикажет повесить Брока и Горта, когда услышит об этом.

– С какой стати? – поинтересовался Струан. – Брок виноват в этом не больше меня. Он просто случайно столкнулся со мной в темноте.

– Но это не ложь. Ты можешь доказать, что он...

– Я не могу и не стану ничего доказывать. Брок сделал попытку, она не удалась, вот и все. Это дело касается только его и меня, и никого больше.

– Мне это не нравится, – угрюмо сказал Кулум. – Закон предписывает по-иному смотреть на преднамеренное пиратство.

– Все счеты будут сведены. Когда я сам решу, что время пришло.

– Господи, помоги нам, мы спасены, – чуть слышно пробормотал Робб, голос его дрожал. – Теперь мы без помех осуществим все наши международные финансовые планы. Мы станем самой богатой компанией на Востоке. Благослови тебя Бог, Дирк. Ты совершил невозможное. – Теперь наше будущее обеспечено, восторженно думал Робб. Теперь денег хватит, чтобы удовлетворить самые экстравагантные вкусы Сары. Тетерь я могу немедленно отправляться домой. Может быть, Дирк еще передумает и никогда не уедет отсюда, никогда не будет жить в Англии, забудет про парламент. Все наши тревоги позади. Теперь я смогу купить замок и зажить в мире и спокойствии, как какой-нибудь лорд. Сыновья женятся, дочери выйдут замуж, я смогу обеспечить им безбедное существование, и еще детям их детей останется. Родди сможет закончить университет. Он станет банкиром и никогда не узнает, что такое Восток. –

Благослови тебя Бог, Дирк!

Кулум тоже пребывал в экстазе. Это не просто деньги, кричал ему мозг, это власть! Возможность покупать оружие, покупать голоса, чтобы диктовать свою волю парламенту. Здесь, передо мной, решение всех проблем чартистов и чартистского движения. Как Тай-Пэн я смогу использовать власть этого богатства – а потом и еще большего богатства – для достижения благородной цели. Благодарю тебя, Боже, истово молился он, что Ты не оставил нас в трудный час, в час испытаний.

Теперь Кулум по-другому смотрел на отца. За последние недели он много размышлял над словами Струана о богатстве власти, о их назначении и о том, что они дают человеку. Постоянно общаясь с Глессингом, прикоснувшись к той огромной власти, которой обладал на Востоке Лонгстафф, ловя сочувственные улыбки или наблюдая открытую радость по поводу гибели «Благородного Дома», он понял: человек без титула или богатства – сам по себе – беззащитен в этом мире. Струан почувствовал алчность, овладевшую Роббом и Кулумом. Да, сказал он себе. Но будь честен. Деньги, такие деньги способны совратить любого. Посмотри на себя. Ты убил восемь, десять человек, чтобы сохранить их. И убил бы еще сотню. Посмотри, что они заставляют тебя делать с собственным сыном и собственным братом.

– Есть одна вещь, и я хочу, чтобы вы ее очень хорошо усвоили, – заговорил он. – Эти деньги даны мне в долг. Под мое слово. Я отвечаю за них перед Дзин-куа. Я. Не «Благородный Дом».

– Я не понимаю тебя, Дирк, – поднял голову Робб.

– Что ты сказал, отец?

Струан достал Библию.

– Сначала поклянитесь на Священном Писании, что все, что я скажу, останется нашей тайной, тайной трех человек.

– Неужели нужно клясться? – удивленно произнес Робб. – Разумеется, я и так никогда ничего не скажу.

– Так ты клянешься, Робб?

– Конечно.

Он и Кулум поклялись, коснувшись рукой Библии.

Струан положил книгу на серебряные слитки.

– Эти деньги будут использованы для спасения «Благородного Дома» только при том условии, что если кто-либо из вас станет Тай-Пэном, он согласится: во-первых, целиком посвятить нашу компанию поддержке Гонконга и торговли с Китаем; во-вторых, навсегда сделать Гонконг тем местом, где будет располагаться главная контора компании; в-третьих, принять на себя выполнение всех обещаний, данных мною Дзин-куа, и держать мое слово перед ним и его наследниками; в-четвертых, взять с преемника, которого он выберет Тай-Пэном себе на смену, клятву, что тот будет делать то же самое; и в-последних, – Струан показал рукой на Библию, – обещайте сейчас, что сколько бы лет ни просуществовал наш торговый дом, только христианин, наш родич, сможет стать его Тай-Пэном. Поклянитесь в этом на Священном Писании, так же как вы заставите поклясться на Священном Писании своего преемника в соблюдении этих условий, прежде чем передадите ему власть.

Наступило молчание. Затем Робб. хорошо зная своего брата, спросил:

– Нам известны все условия, которые поставил Дзин-куа?

– Нет.

– Каковы же остальные?

– Я назову их после того, как вы поклянетесь. Можете доверять мне или не доверять, дело ваше.

– Получается не очень-то честно.

– То, что это серебро здесь, не очень-то честно, Робб. Я не могу рисковать. Это не детская игра. И в данный момент я не думаю о вас как о своих родственниках.

Ставка делается на столетие. На два столетия вперед. – В неверном свете раскачивающегося фонаря глаза Струана горели зеленым огнем. – Отныне для «Благородного Дома» время будет идти по-китайски. С вами или без вас обоих.

Воздух в трюме сгустился почти ощутимо. Робб почувствовал, как взмокли его спина и плечи. Кулум ошеломленно смотрел на своего отца.

– Что для тебя означают слова «целиком посвятить компанию поддержке Гонконга»?

– Развивать и охранять его, сделать остров постоянной базой для всех торговых операций. А торговля имеет целью открыть Китай для остального мира. Весь Китай. Он должен войти в семью народов.

– Это невозможно, – покачал головой Робб. – Невозможно!

– Что ж, может быть. Но именно этому «Благородный Дом» посвятит все свои усилия.

– Ты хочешь сказать, поможет Китаю стать мировой державой? – спросил Кулум.

– Именно.

– Это опасно! – вскричал Робб. – Это сумасшествие! На земле и без того хватает забот, чтобы помогать еще и бесчисленным толпам язычников! Они же поглотят нас, как болотная трясина. Всех нас. Всю Европу!

– Сейчас каждый четвертый человек на земле – китаец, Робб. Нам выпала редкая возможность помочь им. Обучить нашим обычаям. Британским обычаям. Дать им закон, порядок, справедливость. Христианство. Ибо рано или поздно настанет день, когда они ринутся из своих пределов – сами по себе. Я говорю, что мы должны направить их по нашему пути.

– Это невозможно. Их не переделать. Никогда. Такая попытка заранее обречена на неудачу.

– Таковы условия. Через пять месяцев ты – Тай-Пэн. В свое время Кулум придет тебе на смену – если окажется достоин.

– Господи на небесах! – взорвался Робб. – Так вот к чему ты стремился все эти годы?

– Да.

– Я всегда знал, что у тебя есть какая-то непонятная мечта, Дирк. Но это... это уже слишком. Не берусь судить, чудовищно это или удивительно. Мне просто не дано тебя понять.

– Может быть, – ответил Струан, и в голосе его зазвучал металл. – Но это условие твоего выживания, Робби, твоего и твоей семьи, и залог их будущего. Ты станешь Тай-Пэном через пять месяцев. И будешь им по крайней мере один год.

– Я уже заметил тебе однажды, что, по-моему, это еще одно неразумное решение, – горячо заговорил Робб, и лицо его исказилось. – У меня нет ни твоих знаний, ни твоей хитрости, чтобы вертеть Лонгстаффом или удерживать «Благородный Дом» на первом месте во всей этой кутерьме с войнами, перемириями, новыми войнами. Или справляться с китайцами.

– Знаю. Я знаю, на какой риск иду. Но Гонконг теперь наш. Эта война закончится так же быстро, как и предыдущая. – Струан махнул рукой в сторону серебра. – Вот это – скала, которая не скоро рассыплется по песчинкам. Отныне все будет решать торговля. А торговать ты умеешь.

– Нет, тут дело не только в торговле. Есть еще корабли, которыми нужно управлять, пираты, с которыми нужно драться. Брок, которого нужно держать в узде, и тысячи других проблем.

– За пять месяцев мы сумеем решить основные. Со всеми остальными ты справишься.

– Справлюсь ли?

– Справишься. Потому что благодаря этим деньгам, мы теперь стоим более

трех миллионов. Уезжая, я заберу с собой один. И двадцать процентов прибыли пожизненно. Ты сделаешь то же самое. – Он взглянул на Кулума. – К концу твоего срока мы будем стоить десять миллионов, потому что я смогу защитить вас и «Благородный Дом» из парламента и сделаю компанию баснословно богатой. Нам больше не нужно будет полагаться на сэра Чарльза Кросса, Дональда Макдональда. Макфи, Смита, Росса и всех, кого мы поддерживаем, чтобы они отстаивали наши интересы. Я буду делать это сам. И я буду постоянно приезжать на Гонконг, так что тебе не о чем беспокоиться.

– Мне нужно лишь достаточно денег, чтобы спокойно засыпать ночью и мирно просыпаться утром, – сказал Робб. – В Шотландии. Не на Востоке. Я не хочу умереть здесь. Я уезжаю со следующим кораблем.

– Год и пять месяцев, о которых я прошу, это не много.

– Это требование, Дирк, а не просьба.

– Я тебя ни к чему не принуждаю. Месяц назад, Робб, ты был готов принять пятьдесят тысяч и удалиться на покой. Прекрасно. Это предложение остается в силе. Если же ты хочешь получить то, что по праву принадлежит тебе, – более миллиона фунтов, – ты получишь их не позже, чем через два года. – Струан повернулся к Кулуму: – От тебя, парень, мне нужно два года твоей жизни, Если ты станешь Тай-Пэном – еще три года. Всего – пять лет.

– Если я не соглашусь на эти условия, тогда мне придется уехать? – спросил Кулум, чувствуя, как у него заныло сердце и пересохло в горле.

– Нет. Ты по-прежнему останешься партнером, хотя и младшим. Но ты никогда не будешь Тай-Пэном. Никогда, Мне придется найти и подготовить кого-то другого. Год – как раз тот срок, который справедливо попросить – или, как он говорит, потребовать – у Робба. Он уже одиннадцать лет в деле. – Струан взял в руки слиток серебра. – Тебе еще предстоит доказать, что ты достоин занять его место, Кулум, даже если ты сейчас согласишься. Ты будешь лишь предполагаемым преемником, не более того. Я не дам тебе жиреть на моем поте или поте Робба. Это закон клана и хороший закон жизни вообще. Каждый человек должен стоять на своих собственных ногах. Конечно, я буду помогать тебе всем, что в моих силах – пока я жив, но ты сам должен показать, на что способен. Только настоящий мужчина имеет право стоять на самом верху.

Лицо Кулума вспыхнуло.

Робб в упор смотрел на Струана, ненавидя его.

– Тебе не нужен Тай-Пэн через пять месяцев. Тебе просто нужна нянька на год, не в этом ли все дело?

– Обещай мне остаться здесь на пять лет, и ты сможешь сам выбрать, кого захочешь.

– Значит, я могу прямо сейчас устранить Кулума в обмен на обещание отдать тебе еще пять лет?

– Да, – не задумываясь ответил Струан. – Я думаю, из мальчика вышел бы толк, но окончательное решение осталось бы за тобой. Да.

– Видишь, что власть делает с человеком, Кулум? – сказал Робб натянутым голосом.

– Нынешний вариант «Благородного Дома» мертв без этих денег, – сказал Струан безо всякой злобы. – Я изложил вам свои условия. Решайте.

– Я понимаю, почему тебя ненавидят в этих морях, – произнес Кулум.

– Понимаешь ли, дружок?

– Да.

– Ты никогда не знаешь этого, не узнаешь по-настоящему, пока не истекут твои пять лет.

– Значит, у меня нет выбора, отец. Либо пять лет, либо ничего?

– Либо ничего, либо все, Кулум. Если тебя устраивает быть в жизни вторым, отправляйся сейчас на палубу. Я хочу, чтобы ты понял одно: стать Тай-Пэном «Благородного Дома» означает, что ты должен приготовиться к тому, чтобы жить в одиночестве, быть ненавидимым многими, иметь некую цель, высокую и бессмертную, и без колебаний приносить в жертву любого, в ком ты не уверен. Поскольку ты мой сын, я сегодня предлагаю тебе, безо всякого испытания, возможность получить верховную власть в Азии. То есть власть делать почти все на свете. Я не предлагаю этого с легким сердцем. Я знаю, что это такое – быть Тай-Пэном. Выбирай же, клянусь Богом!

Кулум не мог оторвать взгляд от Библии. И от серебра. Я не хочу быть вторым, сказал он себе. Теперь я это знаю. Тот, кто остается вторым, никогда не сможет сделать ничего достойного. У меня впереди бесконечно много времени, чтобы поразмыслить об этих условиях, о Дзин-куа и китайцах и заняться решением мировых проблем. Возможно, мне даже не придется переживать, стану я Тай-Пэном или нет... может быть, Робб решит, что я не подхожу для этого. О Господи, сделай так, чтобы я оказался достойным, пусть я стану Тай-Пэном, чтобы обратить эту власть на пользу добру. Пусть она явится средством для достижения Твоей цели. Хартия должна победить. И это единственный путь.

Его лоб покрылся капельками пота. Он взял Библию.

– Я клянусь господом Богом соблюдать эти условия. Если и когда я стану Тай-Пэном. Да поможет мне Бог. – Его пальцы дрожали, когда он клал Библию на место.

– Робб? – спросил Струан, не поднимая глаз.

– Пять лет как Тай-Пэн, и я могу отослать Кулума назад в Шотландию? Прямо сейчас? Смогу менять и переделывать все, что сочту нужным?

– Да, клянусь Господом. Неужели мне нужно повторять что-то дважды? Через пять месяцев ты будешь делать, что захочешь. Если согласишься на другие условия. Да.

В трюме наступила глубокая тишина, нарушаемая лишь нескончаемой крысиной возней в темноте.

– Почему вы хотите от меня отделаться, дядя? – спросил Кулум.

– Чтобы заставить страдать твоего отца. Ты последний в его роду.

– Верно, Робб. Так оно и есть.

– Но то, что вы говорите, ужасно! Чудовищно, – воскликнул пораженный Кулум. – Ведь мы же родственники. Родственники.

– Да, сказал Робб с мукой в голосе. – Но сегодня у нас откровенный разговор Твой отец готов принести в жертву меня, тебя, моих детей, чтобы достичь своей цели. Почему мне не поступить точно так же?

– Может быть, ты так и поступишь, Робб, может быть, ты так и поступишь, – произнес Струан, кивая головой.

– Ты знаешь, что я никогда не сделаю ничего, что причинит тебе боль. Господи милостивый, иже есть на небесах, что же с нами происходит? Мы всего лишь раздобыли денег, а нас вдруг обуяла алчность и Бог знает что еще. Прошу тебя, отпусти меня. Через пять месяцев. Прошу тебя, Дирк.

– Я должен уехать. Только в парламенте я смогу по-настоящему управлять Лонгстаффом и теми, кто придет ему на смену. – как это будешь делать ты, когда покинешь Азию. Только там мы сможем осуществить наш план. Но Кулуму нужно многому научиться. Ты пробудешь Тай-Пэном год и уедешь.

– Как можно обучить его за такой короткий срок?

– Через пять месяцев я увижу, может он быть Тай-Пэном или нет. Если нет, я сделаю другие распоряжения.

– Какие распоряжения?

– Смерть господня! Ты согласен, Робб, или ты отказываешься? Что это будет: один год или пять? Или ни одного?

Крепчающий ветер еще больше накренил корабль, и Робб перенес вес тела с одной ноги на другую. Все его существо восставало против этой клятвы. Но он знал, что должен ее принести. Должен ради своей семьи. Он взял в руки Библию, книга показалась ему отлитой из свинца. – Несмотря на то, что я ненавижу Восток и все, что он олицетворяет, я клянусь господом Богом соблюдать эти условия в полную меру своих сил и способностей. Да поможет мне Бог. – Он протянул Библию Струану. – Я думаю, ты пожалеешь, что заставил меня остаться и стать Тай-Пэном – на один год.

– Может быть. Но об этом не пожалеет Гонконг. – Струан открыл Библию и показал им четыре половинки монет, которые он воском прилепил изнутри к переплету. Он перечислил им все условия Дзин-куа, умолчав лишь об одном лаке для Гордона Чена. Это мое дело, сказал себе Струан и на секунду задумался, как отнесется Кулум к своему сводному брату – и к Мэй-мэй, – когда узнает о них. Робб знал о Мэй-мэй, хотя никогда и не видел ее. Интересно, спрашивал себя Струан, мои враги уже успели шепнуть Кулуму о Гордоне и Мэй-мэй?..

– Я считаю, ты был прав, что заставил нас поклясться, – сказал Робб. – Одному Богу известно, какой дьявольский трюк кроется за этими монетами.

Когда они вернулись в каюту, Струан подошел к столу и сломал печать на письме. Он прочел первые несколько строк и вскричал, задыхаясь от радости:

– Она жива! Винифред жива, клянусь Господом. Она поправилась!

Робб схватил письмо. Струан, вне себя от счастья, крепко обнял Кулума и начал отплясывать джигу, джига перешла в рил, он сомкнул руки с Кулумом, они вытащили в круг Робба, и вся их ненависть и недоверие друг к другу исчезли в один миг.

Потом Струан всей своей невероятной силой остановил их голова к голове.

– А теперь все вместе! Раз, два, три, – и они во всю силу легких прокричали латинский боевой клич клана:

– Feri! – Рази без промаха!

Потом он еще раз крепко обнял их и прогремел:

– Стюард!

Матрос со всех ног бросился на зов.

– Да, сэр-р?

– Всей команде по двойной чарке. Волынщики на ют! Принеси бутылку шампанского и еще один чайник с чаем, клянусь Богом!

– Есть, так точно, сэр-р!

Так они помирились между собой. Но в глубине души каждый понимал, что их отношение друг к другу уже никогда не будет прежним. Слишком много было сказано. Скоро каждый из них пойдет своей собственной дорогой. Один.

– Слава Богу, что ты вскрыл письмо потом, Дирк, – сказал Робб. – Слава Богу, что оно пришло. Я чувствовал себя ужасно. Ужасно.

– Я тоже, – добавил Кулум. – Прочти его вслух, отец.

Струан опустился в глубокое кожаное морское кресло и начал читать. Письмо было написано по-гэльски четыре месяца назад – через месяц после того, как Кулум отплыл из Глазго.

Парлан Струан писал, что жизнь Винифред две недели висела на волоске, а потом девочка начала поправляться. Доктора ничего не могли понять, они лишь пожимали плечами и говорили: «Воля Божья». Сейчас она жила со стариком на небольшом участке земли, который Струан приобрел для него когда-то много лет назад.

– Ей там будет хорошо, – сказал Кулум. – Вот только поговорить там не с кем, одни козы да охотники. Куда она станет ходить в школу?

– Пусть сначала окончательно поправится, окрепнет. Тогда подумаем и об этом, – сказал Робб. – Что там дальше, Дирк?

Дальше в письме шли семейные новости. У Парлана Струана было два брата и три сестры, и все. давным-давно обзавелись своими семьями, а теперь переженились и их дети и народили им внуков. Были семьи и у его собственных детей: Дирка и Флоры – от первого брака и Робба, Ютинии и Сьюзан – от второго.

Многие из его потомков эмигрировали: в канадские колонии, в Соединенные Штаты Америки. Несколько человек были разбросаны по Индиям и испанской Южной Америке.

Парлан Струан писал, что Алистер МакКлауд, муж сестры Робба Сьюзан, вернулся из Лондона со своим сыном Гектором и поселился в Шотландии – потеря Сьюзан и их дочери Клер, скончавшихся от холеры, тяжелым камнем легла ему на сердце и почти доконала его. Он писал также, что получил письмо от Кернов: Флора, родная сестра Дирка, вышла замуж за Фаррана Керна, и в прошлом году они уехали в Норфолк, штат Вирджиния. Добрались они благополучно, и плаванье прошло хорошо; Керны и их трое детей были здоровы и счастливы.

Дальше в письме говорилось: "Передай Роббу, что Родди вчера уехал в университет. Я посадил его на дилижанс до Эдинбурга с шестью шиллингами в кармане и запасом еды на четыре дня. Твой кузен Дугалл Струан написал мне, что будет забирать его на каникулы к себе и станет его опекуном, покуда Робб не вернется домой. Я взял на себя смелость послать с ним вексель, выданный от имени Робба, на пятьдесят гиней в уплату за комнат у и стол на год вперед и для выдачи одного шиллинга еженедельно на карманные расходы. Я также дал ему Библию и предупредил против продажных женщин, пьянства и азартных игр, и прочитал в напутствие отрывок из «Гамлета» Уилла Шекспира, где говорится про то, чтобы «в долг не брать и денег не давать», и заставил парня переписать его на листок бумаги и хранить его в Священном Писании. У мальчика хороший почерк.

Твоя дорогая Рональда и дети похоронены в одной из чумных ям. Прости, Дирк, мой мальчик, но закон требовал, чтобы всех умерших хоронили именно так – сжигали, а потом посыпали известью – ради безопасности живых. Но похороны были освящены в соответствии с нашей верой, и участок земли с могилами сделали священным местом. Да упокоит Господь их души.

За Винни не беспокойся. Девочка сейчас прямо красавица, и здесь, у Лох Ломонд, где на землю ступала нога Господа, она вырастет в добрую богобоязненную женщину. Теперь хочу предупредить тебя: не дай языческим варварам в Индийском Китае украсть твою душу и тщательно закрывай дверь от всякого зла, которое плодится в тех проклятых краях. Не сможешь ли ты вскоре приехать? Здоровье у меня прекрасное, милостивый Господь хранит меня. Только семь лет осталось мне до семи десятков, которые Бог обещал нам, но лишь один на четыре сотни видит в наше злое время. Я чувствую себя очень хорошо. В газетах пишут, что в Глазго, Бирмингеме и Эдинбурге были большие беспорядки. Опять поднялись чартисты. Фабричные рабочие требуют большей платы за свой труд. Два дня назад в Глазго состоялось публичное повешение за кражу овец. Черт побери англичан! В каком же мире мы живем, когда доброго шотландца вешают только за то, что он украл английскую овцу, да еще приговор выносит судья-шотландец. Ужасно. На той же сессии сотни людей выслали на австралийскую землю Ван Димена за участие в бунтах, забастовках и за то, что сожгли фабрику. Друга Кулума Бартоломью Ангуса приговорили к десяти годам ссылки в Новый Южный Уэльс за то, что он возглавлял чартистский мятеж в Эдинбурге Народ…"

– О Боже! – выдохнул Кулум.

– Кто этот Бартоломью, Кулум? – спросил Струан.

– Мы жили с ним в одной комнате в университете. Бедный старина Барт.

– Ты знал, что он чартист? – резко проговорил Струан.

– Конечно. – Кулум подошел к окну и устремил взгляд в море.

– Ты тоже чартист, Кулум?

– Ты сам говорил, что Хартия – справедливый документ.

– Да. Но я также высказал тебе и свои взгляды на неповиновение. Ты активный сторонник движения?

– Я был бы им, если бы остался дома. Большинство студентов университета поддерживают Хартию.

– Тогда, клянусь Богом, я рад, что ты здесь. Если Бартоломью стоял во главе бунта, он заслужил эти десять лет. У нас хорошие законы и лучшая парламентская система в мире. Неповиновение, бунты и забастовки – не способ добиваться перемен.

– О чем еще говориться в письме, отец?

Струан несколько секунд наблюдал спину своего сына, уловив в его голосе хорошо ему знакомую интонацию Рональды. Он мысленно решил внимательнее разобраться в действиях чартистов. Потом вернулся к письму:

"Народ ежедневно прибывает в Глазго с севера, где лорды продолжают огораживать клановую землю, лишая своих родичей исконного права на нее. Граф Струан, этот дьявол с черным, сердцем, да поразит его Господь скорой смертью, собирает теперь свой полк, чтобы сражаться в индийских колониях. Люди стекаются под его знамя отовсюду, привлеченные обещаниями богатой добычи и земли. Ходят слухи, что нам опять придется воевать с проклятыми американцами из-за канадских колоний, и еще рассказывают о войне между этими дьяволами французами и русскими из-за оттоманских турок. Черт бы побрал этих французов. Словно мало мы натерпелись от их архидьявола Бонапарта.

В печальные времена живем мы, мальчик мой. Да, забыл упомянуть, что появился план построить за пять лет железную дорогу от Глазго до Эдинбурга. То-то будет здорово? Тогда, быть может, мы, шотландцы, сможем объединиться, и выбросим вон англичан, и выберем своего короля. Обнимаю тебя и твоего брата и обними за меня Кулума. С уважением, твой отец Парлан Струан".

Струан с усмешкой поднял глаза.

– Кровожаден, как всегда.

– Если граф набирает полк в Индию, вполне может так получиться, что они окажутся здесь.

– Верно. Я подумал о том же. Что ж, парень, если он когда-либо доберется до владений «Благородного Дома», полк вернется домой без командира, да поможет мне Бог.

– Да поможет мне Бог, – эхом откликнулся Кулум. Раздался стук в дверь, и в каюту торопливо вошел стюард, неся шампанское, бокалы и чай.

– Капитан Орлов благодарит вас от имени команды, сэр-р.

– Попроси его и Вольфганга присоединиться к нам в конце вахты.

– Есть, так точно, сэр-р.

После того как было разлито вино и чай, Струан поднял бокал.

– Тост. За Винифред, воскресшую из мертвых! Они выпили, и Робб сказал:

– Еще один тост. Я пью за «Благородный Дом». Пусть никогда во веки мы не замыслим и не сделаем зла друг другу.

– Да.

Они выпили снова.

– Робб, когда мы придем на Гонконг, напиши нашим агентам. Пусть выяснят, кто являлся директорами нашего банка и кто был виновен в превышении кредита.

– Хорошо, Дирк.

– А потом, отец? – спросил Кулум.

– Потом мы пустим по миру всех виновных, – ответил Струан. – Вместе с их семьями.

У Кулума побежали мурашки по коже от неумолимой окончательности этого приговора.

– Почему же и семьи тоже?

– А что их жадность сделала с нашими семьями? С нами? С нашим будущим? Нам еще много лет предстоит расплачиваться за их тупую ненасытность. Поэтому они заплатят той же монетой. Все до единого.

Кулум встал и направился к двери.

– Что тебе нужно, парень?

– Туалет. То есть, я хочу сказать, «гальюн».

Дверь закрылась за ним.

– Жаль, что пришлось говорить ему такие вещи, – вздохнул Струан. – Но по-другому нельзя.

– Знаю. Мне тоже жаль. Но ты прав насчет парламента. Он будет прибирать к рукам все большую и большую власть. Там и станут заключаться самые крупные торговые сделки. Я присмотрю за деньгами, и вместе мы сможем направлять Кулума и помогать ему. Как чудесно все получилось с Винифред, а?

– Да, слава Богу.

– У Кулума, похоже, вполне определенный взгляд на некоторые вещи?

– Он очень молод. Рональда воспитывала детей... Ну, она понимала Писание слишком буквально, как тебе известно. Когда-нибудь Кулуму придется повзрослеть.

– Что ты намерен делать в отношении Гордона Чена?

– Ты имеешь в виду его и Кулума? – Струан наблюдал за полетом морских чаек. – С этим придется разбираться сразу же, как только мы вернемся на Гонконг.

– Бедный Кулум. Взросление ведь дается нелегко, не так ли?

– Взросление никогда не бывает легким, – покачал головой Струан.

После короткой паузы Робб спросил:

– Помнишь мою Мин Су?

– Да.

– Я часто думаю, что сталось с ней и ребенком.

– Денег, которые ты дал ей, хватит на то, чтобы она могла жить как принцесса и нашла себе замечательного мужа, Робб. Она сейчас наверняка жена какого-нибудь мандарина. Не стоит за них переживать.

– Маленькой Изабель теперь должно быть десять. – Робб позволил себе скользнуть в ласковые объятия воспоминаний, где звенел ее смех и жила радость, которую Мин Су дарила ему. Так много радости, подумал он. Мин Су за один день давала ему больше любви, доброты, нежности и сочувствия, чем Сара за все годы их брака. – Тебе нужно жениться еще раз, Дирк.

– У меня еще будет время подумать об этом. – Струан рассеянно взглянул на барометр. Прибор показывал 30, 1 дюйма, ясно. – Робб, когда станешь Тай-Пэном, Кулуму спуску не давай.

– Не волнуйся, не дам, – ответил Робб.

Когда Кулум поднялся на палубу, клипер перевалился на другой борт и вырвался из пролива, который образовывал с Гонконгом крошечный прибрежный остров Тун Ку Чай. Корабль быстро выскользнул из горловины пролива, зажатого меж высокими скалами, в открытое море и взял курс на юго-восток. Другой остров, покрупнее, Поклью Чау лежал в двух милях по левому борту. Свежий северный муссон срывал пену с волн, над морем висело серое покрывало облаков.

Кулум стал пробираться вперед, тщательно обходя аккуратные бухты канатов и тросов. Он прошел мимо рядов пушек, тускло отсвечивавших начищенными боками, и подивился чистоте и порядку на всем корабле. На Гонконге он поднимался на борт

других торговых судов и везде видел грязь.

Левый гальюн оказался занят двумя матросами, поэтому он осторожно перебрался через борт в правый. Уцепившись за веревки, он с большим трудом спустил штаны и опасливо присел над сеткой.

Подошел молодой рыжеволосый матрос, ловко перемахнул через фальшборт в гальюн и снял штаны. Он был босиком и, присев, не стал держаться за веревки.

– С чудесным вас утречком, сэр, – поприветствовал он Кулума.

– И тебя также, – ответил Кулум, угрюмо держась за веревки.

Матрос управился быстро. Он потянулся вперед к фальшборту, взял из коробки квадратик газетной бумаги и подтерся, потом аккуратно бросил бумагу вниз и подвязал штаны на поясе.

– Что это ты делаешь? – спросил Кулум.

– Что? А, вы это про бумагу, сэр-р? Разрази меня гром, если я знаю, сэр. Это вроде как приказ Тай-Пэна. Вытирай задницу бумагой или лишишься платы за два месяца и проси дишь десять суток в чертовом карцере. – Матрос рассмеялся – Тай-Пэн горазд на всякие шутки, прошу прощения, сэр. Но это его корабль, так что если сказано вытирать задницу, мы ее и вытираем. – Он легко спрыгнул на палубу, окунул руки в ведро с морской водой и поплескал ее себе на ноги. – Руки чертовы тоже мой, клянусь Богом, и ноги тоже, или отправляйся в карцер! Прямо чудно все это. Ни дать, ни взять сума... прошу прощения, сэр-р. Но вы только подумайте: руки чертовы мой, чертову задницу вытирай, каждую чертову неделю мойся целиком и каждую чертову неделю меняй одежду – не жисть, а прямо мука, провалиться мне на этом месте.

– Как же мука, черта с два, – откликнулся другой матрос, он жевал табак, облокотившись на фальшборт. – Плату получаешь звонкой монетой? И всегда, черт побери, в срок, клянусь Господом! Жратва что у твоего принца за столом? Да еще призовые деньги. Какого же рожна тебе еще надобно, Чарли? – Потом обратился к Кулуму: – Уж не знаю, как Тай-Пэн это делает, сэр, да только на его кораблях болезней и цинги меньше, чем на любом другом, сколько их тут ни плавает. – Он выпустил изо рта на ветер длинную струю черной от табака слюны. – Так что я свою задницу вытираю и всем при этом доволен. Прошу прощения, сэр, на вашем месте, сэр, я сделал бы то же самое. Тай-Пэн страх как любит, когда его приказы выполняются!

– Взять рифы на брамселях и бом-брамселях, – прокричал с юта капитан Орлов неожиданно мощным для такого маленького человечка голосом.

Моряки ловко отдали Кулуму честь и присоединились к тем, кто уже карабкался наверх к парусам.

Кулум воспользовался бумагой, вымыл руки и спустился вниз к отцу и дяде, где стал ждать подходящего момента, чтобы вступить в разговор.

– Какой смысл в том, чтобы пользоваться бумагой?

– А? – Струан удивленно поднял брови.

– В гальюне. Подтирайся бумагой или десять суток в карцере.

– А, вон что. Забыл сказать тебе, сынок. Китайцы полагают, что между испражнениями и болезнью существует какая-то связь.

– Это смешно, – фыркнул Кулум.

– Китайцы так не думают. И я тоже. – Струан повернулся к Роббу: – Я пробую это уже три месяца на «Китайском Облаке». Больных стало меньше.

– Даже по сравнению с «Грозовым Облаком»?

– Да.

– Это совпадение, – покачал головой Кулум. Робб хмыкнул.

– На наших кораблях ты обнаружишь много совпадений, Кулум. Прошло лишь пятьдесят с небольшим лет с тех пор, как капитан Кук открыл, что лимоны и свежие

овощи излечивают цингу. Может быть, испражнения действительно как-то связаны с болезнями.

– Когда ты мылся в ванне последний раз, Кулум? – спросил Струан.

– Не знаю... месяц... нет, вспомнил. Капитан Перри на «Грозовом Облаке» настоял, чтобы раз в неделю я мылся вместе с командой. Я тогда едва не умер от холода. Почему ты спрашиваешь?

– Когда ты в последний раз стирал свою одежду?

Кулум недоуменно заморгал, глядя на отца, потом опустил глаза на свои плотные штаны из коричневой шерсти и сюртук:

– Да никогда не стирал! Зачем ее нужно стирать?

Глаза Струана сверкнули:

– Отныне, на берегу или в море, ты будешь мыться целиком раз в неделю. Будешь пользоваться бумагой и мыть руки. Раз в неделю будешь отдавать свою одежду в стирку. Воду пить не будешь, только чай. И каждый день станешь чистить зубы.

– Зачем? Не пить воды? Это безумие. Стирать одежду? Господи, да ведь она от этого сядет, покрой испортится, и Бог еще знает что!

– Все это ты будешь делать. Это Восток. Ты нужен мне живым. Сильным. И здоровым.

– Я не стану. Я не ребенок и не один из твоих матросов!

– Тебе лучше послушаться отца, – сказал Робб. – Я тоже противился ему. Всем его нововведениям. Пока он не доказал мне, что они срабатывают. Как и почему, не знает никто. Но там, где люди мерли, как мухи, мы остались здоровыми.

– А вот и нет, – возразил Кулум. – Вы сами говорили мне, что постоянно болеете.

– Да. Но этой болезни уже много лет. Я так и не поверил твоему отцу про воду и продолжал пить ее. Теперь мой живот кровит и всегда будет кровить. Мне уже с этим ничего не поделать, слишком поздно, но, клянусь Богом, я жалею, что не попробовал. Может быть, эта гниль и не забралась бы ко мне внутрь. Дирк никогда не пьет воду. Только чай.

– Это то, что делают все китайцы, парень.

– Я в это не верю.

– Что ж, пока ты выясняешь, правда это или нет, – резко бросил Струан, – ты будешь подчиняться приказам. Ибо это приказы.

Кулум вскинул подбородок:

– Из-за каких-то варварских обычаев этих язычников-китайцев я должен поменять весь свой образ жизни? Ты это хочешь сказать?

– Я готов учиться у них. Да. Я перепробую все, чтобы сохранить здоровье, и ты будешь делать то же самое, клянусь Богом. Стюард! – рявкнул он.

Дверь распахнулась.

– Да, сэр-р.

– Приготовьте ванну для мистера Кулума. В моей каюте. И чистую одежду.

– Есть, сэр-р.

Струан пересек комнату и встал перед Кулумом. Он обследовал голову сына. – У тебя вши в волосах.

– Я совсем тебя не понимаю! – взорвался Кулум. – Вши есть у всех. Они всегда с нами, нравится нам это или нет. Ты просто почесываешься немного, вот и все.

– У меня нет вшей, нет их и у Робба.

– Тогда вы особенные. Прямо уникальные. – Кулум раздраженно отхлебнул из бокала с шампанским. – Мыться в ванной – значит глупо рисковать здоровьем, все это знают.

– От тебя дурно пахнет, Кулум.

– Ото всех дурно пахнет, – нетерпеливо отмахнулся Кулум. – Зачем же еще мы постоянно таскаем с собой помады? Вонь – просто часть нашей жизни. Вши – это проклятие, ниспосланное людям, о чем тут еще говорить.

– От меня не пахнет, не пахнет от Робба и от членов его семьи, не пахнет ни от одного из моих матросов, и мы самая здоровая компания на всем Востоке. Ты будешь делать то, что от тебя требуют. Вши – это совсем не обязательно, равно как и вонь.

– Тебе надо побывать в Лондоне, отец. Наша столица воняет, как ни один другой город мира. Если люди услышат, что ты проповедуешь насчет вшей и вони, тебя сочтут сумасшедшим.

Отец и сын сверлили друг друга взглядом.

– Ты подчинишься приказу! Ты вымоешься, клянусь Богом, или я заставлю боцмана вымыть тебя. На палубе!

– Соглашайся, Кулум, – вмешался Робб. Он чувствовал растущее раздражение Кулума и слепое упрямство Струана. – В конце концов, какое это имеет значение? Пойди на компромисс. Испробуй это в течение пяти месяцев, а? Если к этому времени ты не почувствуешь себя лучше, вернешься к тому, как жил раньше.

– А если я откажусь?

Струан посмотрел на него с неумолимым видом.

– Я люблю тебя, Кулум, больше своей жизни. Но некоторые вещи ты будешь делать. В противном случае я буду поступать с тобой, как с матросом, ослушавшимся приказа.

– Как это?

– Протащу тебя на веревке за кораблем десять минут и вымою таким образом.

– Вместо того, чтобы сыпать приказами, – обиженно выпалил Кулум, – почему бы тебе иногда просто не сказать «пожалуйста».

Струан рассмеялся в ту же секунду.

– Клянусь Господом, парень, а ведь ты прав. – Он хлопнул Кулума по спине. – Пожалуйста, не будешь ли ты так добр сделать то, о чем я прошу? Клянусь Господом, ты прав. Я буду чаще говорить «пожалуйста». И не беспокойся насчет одежды. У тебя будет лучший портной в Азии. К тому же того, что ты привез с собой, все равно недостаточно. – Струан взглянул на Робба: – Как насчет твоего портного, Робб?

– Хорошая мысль. Да. Сразу же, как только мы обоснуемся на Гонконге.

– Мы пошлем за ним прямо завтра, привезем его из Макао со всем, что ему нужно. Если только он уже не на Гонконге. Итак, в течение пяти месяцев, парень?

– Согласен. Но я по-прежнему считаю это пустой затеей.

Струан вновь наполнил бокалы.

– Теперь слушайте. Думаю, мы должны отпраздновать возрождение «Благородного Дома».

– Каким образом, Дирк? – спросил Робб.

– Мы устроим бал.

– Что? – Кулум с интересом вскинул глаза, разом забыв все свои обиды.

– Именно, бал. Для всего европейского населения. Роскошный по-княжески. Через месяц, считая от сегодняшнего дня.

– Это все равно что запустить ястреба в голубятню! – воскликнул Робб.

– О чем ты говоришь, дядя?

– Эта новость вызовет среди наших леди такой переполох, какого ты еще никогда не видел. Они ни перед чем не остановятся, чтобы перещеголять соперниц и появиться на балу в самом красивом платье – и, безусловно, самом модном! Они загоняют мужей до седьмого пота и будут красть друг у друга портних! Боже милостивый, бал – это грандиозная идея. Интересно, что наденет Шевон.

– Ничего – если решит, что это пойдет ей больше всего! – Глаза Струана весело

сверкнули. – Да, бал. Мы назначим приз для той леди, чье платье будет признано лучшим. Думаю...

– Ты что, не помнишь, чем кончился суд Париса? – скривившись, спросил Робб.

– Помню. Но судьей будет Аристотель.

– Он слишком умен, чтобы согласиться на это.

– Посмотрим. – Струан на мгновение задумался. – Приз должен быть значительным. Тысяча гиней.

– Ты шутишь! – воскликнул Кулум.

– Тысяча гиней.

Кулума ошеломила такая расточительность. Это было неприлично. Более того, преступно. На эту тысячу гиней в сегодняшней Англии человек мог прожить, как король, пять или даже десять лет. Заработная плата фабричного рабочего, трудившегося от зари до зари и еще часть ночи шесть дней в неделю круглый год, составляла пятнадцать-двадцать фунтов за год – и на эту сумму он устраивал жилье, содержал жену, воспитывал детей, платил ренту, покупал еду, уголь, одежду. Мой отец сошел с ума, думал он, помешался на деньгах. Только подумать о двадцати тысячах гиней, которые он просвистел – да, именно просвистел! – в том глупом споре с Броком и Гортом. Но там, по крайней мере, нужно было убрать с дороги Брока. Эта рискованная затея оправдала бы себя, если бы сработала, да она по-своему и сработала – серебро на «Китайском Облаке», и мы снова богаты. Богаты.

Теперь Кулум понимал, что быть богатым значит прежде всего перестать быть бедным. Он убедился, что его отец был прав: сами деньги не имеют значения – только их отсутствие.

– Это слишком много, слишком много, – потрясение бормотал Робб.

– Да. С одной стороны это так. – Струан закурил сигару. – Но у «Благородного Дома» есть обязанность – все делать по-княжески. Эта новость заполнит умы и сердца людей, как ни одна другая. И об этом станут рассказывать сотни лет спустя. – Он положил руку на плечо Кулуму: – Запомни еще одно правило, дружок: когда ты хочешь крупно выиграть, ты должен крупно рисковать. Если ты не готов рисковать по-крупному, большая игра не для тебя.

– Такое огромное количество денег заставит, может заставить некоторых людей рискнуть большим, чем они могут себе позволить. Это не хорошо, не так ли?

– Главное назначение денег – быть использованными. Я бы сказал, что эти деньги не окажутся потраченными зря.

– Но что же ты приобретаешь с этим?

– Лицо, парень. – Струан повернулся к Роббу: – Кто победительница?

Робб беспомощно покачал головой:

– Не знаю. По красоте – Шевон. Но лучшее платье? Найдутся такие, которые рискнут целым состоянием, чтобы удостоиться этой чести, не говоря уже о призе.

– Ты еще не встречался с Шевон, Кулум?

– Нет, отец. Как-то раз я видел ее прогуливающейся по дороге, которую Джордж – Джордж Бюссинг – проложил от Глессинг Пойнта до Счастливой Долины. Мисс Тиллман прекрасна. Но я нахожу мисс Синклер гораздо более привлекательной. В ней столько очарования! Джордж и я проводили некоторое время в ее обществе.

– Вот как, в самом деле? – Струан постарался скрыть внезапно мелькнувший в его глазах интерес.

– Да, – простодушно ответил Кулум. – У нас был прощальный ужин с мисс Синклер и Горацио на корабле Джорджа. У бедняги Джорджа забрали его фрегат. Он был так расстроен... Значит у нас в самом деле будет бал?

– Почему Глессинг потерял свой корабль?

– Лонгстафф назначил его начальником гавани и главным инспектором, и адмирал приказал ему занять предложенные должности. Мисс Синклер согласилась

со мной, что это открывает перед ним завидные перспективы, но сам он не выглядел особенно счастливым.

– Он тебе нравится?

– О, да. Он очень доброжелателен ко мне. – Хотя я и сын Тай-Пэна, едва не добавил Кулум. Он благодарил судьбу за то, что у него нашлось с Глессингом общее увлечение. Оба они были прекрасными игроками в крикет. Кулум был капитаном университетской команды, а в прошлом году выступал за графство.

– Клянусь Юпитером, – сказал тогда Глессинг, – значит, ты должен быть чертовски хорош. Сам я играл за флот только полевым. Каким номером ты выходил с битой?

– Третьим.

– Вот это да! Я выше четвертого не поднимался[13].

Черт побери, Кулум, старина, может быть, нам следует выделить участок под поле для крикета? Чтобы было где тренироваться, а?

Кулум улыбнулся про себя, очень довольный тем, что оказался хорошим игроком в крикет. Он знал, что без этого Глессинг просто-напросто перестал бы его замечать, и тогда он был бы лишен удовольствия видеть Мэри. Интересно, позволит ли она ему сопровождать ее на бал?

– Мисс Синклер и Горацио очень любят тебя, отец.

– Я полагал, что Мэри в Макао.

– Она и была там, отец. Но где-то около недели назад она на несколько дней вернулась на Гонконг. Очаровательная леди, не правда ли?

Внезапно послышалось тревожное звяканье корабельного колокола, быстрый топот многих ног и крик: «Свистать всех наверх!» Струан рванулся из каюты.

Робб поспешил за ним, но остановился в дверях.

– Две вещи, Кулум, быстро, пока мы одни. Во-первых, делай то, что говорит тебе отец, и будь терпелив с ним. Он странный человек со странными идеями, но в большинстве случаев они себя оправдывают. И, во-вторых, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе стать Тай-Пэном. – После этого он поспешил наверх, Кулум за ним следом.

Когда Струан выскочил на ют, команда уже стояла по местам и открывала пушечные порты, наверху матросы облепили снасти.

Прямо перед ними, растянувшись зловещей линией вдоль горизонта, показалась флотилия боевых джонок.

– Клянусь левой ягодицей Тора, да их тут целый флот! – крякнул капитан Орлов. – Я насчитал больше сотни, Тай-Пэн. Поворачиваем и удираем?

– Следуем прежним курсом, капитан. У нас перед ними выигрыш в скорости. Очистить палубы! Мы подойдем поближе и посмотрим. Поставить брамсель и фор-брамсель!

Орлов проорал наверх:

– Поставить брамсель и фор-брамсель! Все паруса, хоу! – Офицеры подхватили эти крики, матросы бросились к парусам, развернули их, и «Китайское Облако», разрезая форштевнем воду, полетел еще быстрее.

Корабль находился в проливе между крупным островом Поклью Чау в двух милях по левому борту и небольшим островком Ап Ли Чау в полумиле справа. Ап Ли Чау отстоял на четверть мили от Гонконга и образовывал удобный залив, получивший название Абердин. На берегу этого залива располагалась рыбацкая

---

[13] В крикете два первых бэтсмена, которые начинают матч, как правило, не являются самыми сильными игроками команды. Их задача – измотать боедлера команды соперников. Лучшим бэтсменом команды является третий номер, который сменяет выбывающего из игры номера первого.

деревушка. Струан заметил в заливе больше сампанов и рыбацких джонок, чем их было там месяц назад.

На ют поднялись Робб и Кулум. Робб увидел джонки на горизонте, и волосы зашевелились у него на затылке.

– Кто они такие, Дирк?

– Не знаю, парень. Ну-ка, в сторону!

Кулум и Робб отскочили с дороги, когда несколько матросов спустились по вантам и, покрикивая хором, закрепили натянутые тросы, а затем бросились к боевым местам на корме. Струан протянул бинокль Мауссу, чья грузная фигура появилась на юте рядом с ним: – Ты можешь разобрать, что у них за флаг, Вольфганг?

– Нет, пока нет, Тай-Пэн. – Вольфганг, чувствуя, как у него пересохло во рту, вглядывался в огромную неповоротливую боевую джонку, шедшую впереди, одну из самых больших, какие ему доводилось видеть, – более двухсот футов в длину и водоизмещением около пятисот тонн. Ее корпус с несоразмерно большой кормой слегка кренился под давлением трех обширных парусов. – Gott im Himmel, их слишком много для пиратского флота. Но это вряд ли армада для вторжения на остров? Они, конечно, не осмелятся напасть на Гонконг, пока наш флот так близко.

– Мы скоро все узнаем, – сказал Струан. – Два румба вправо!

– Два румба вправо, – отозвался рулевой.

– Так держать! – Струан проверил положение парусов. Свежий ветер и натянутые, звенящие снасти заражали его радостным возбуждением.

– Смотрите! – крикнул капитан Орлов, показывая назад.

Еще одна флотилия джонок показалась из-за южной оконечности Поклью Чау, готовясь отрезать им путь к отступлению.

– Это засада! Приготовиться повернуть...

– Остановитесь, капитан! Я на юте!

Капитан Орлов угрюмо отошел к рулевому и встал у компаса, проклиная правило, в котором оговаривалось, что когда Тай-Пэн находился на юте любого судна, принадлежащего «Благородному Дому», он становился его капитаном.

Что ж, подумал Орлов, удачи тебе, Тай-Пэн. Если мы сейчас не развернемся и не бросимся наутек, эти джонки с их висельниками отрежут нас, а те, что впереди, просто задавят нас численностью, и мой прекрасный корабль перестанет существовать. Черта с два, разрази меня гром! Со своими пушками мы отправим штук тридцать в огненные ямы Валгаллы и пролетим сквозь их строй подобно Валькирии.

И впервые за эти четыре дня он забыл о серебре и радостно думал лишь о предстоящей схватке.

Корабельный колокол пробил восемь склянок.

– Разрешение сойти вниз, капитан! – крикнул Орлов.

– Да. Возьмите с собой мистера Кулума и покажите ему, что нужно делать.

Орлов быстро проводил Кулума в глубь корабля.

– Когда пробьет восемь склянок в утреннюю вахту – это полдень по береговому времени, – капитан обязан завести хронометр, – объяснил он, испытывая облегчение от того, что ушел с юта, когда Тай-Пэн узурпировал командование судном. Хотя, опять же, признался он себе, будь ты на месте Тай-Пэна, ты сделал бы то же самое. Оказавшись там, ты бы никогда и никому не уступил самой прекрасной должности на свете.

Его маленькие голубые глазки изучали Кулума. Он заметил его мгновенную неприязнь к нему и взгляды исподтишка на его горб и короткие ноги. Даже после сорока лет таких взглядов он все еще не выносил, когда его считали уродом.

– Я родился на льдине в снежную бурю. Моя мать говорила, я был таким

красивым малышом, что злой дух Ворг растоптал меня своими копытами через час после моего рождения.

Кулум неуютно задвигался в полутьме.

– О?

– У Ворга раздвоенные копыта, – с коротким смешком добавил Орлов. – Ты веришь в духов?

– Нет. Нет, не думаю.

– Но в дьявола ты веришь? Как все добрые христиане?

– Верю. – Кулум старался не выдать голосом охватившего его страха. – Что следует делать с хронометром?

– Его следует завести. – Орлов опять хохотнул. – Если бы тебя мать рожала на свет так же. как меня, может и ты вышел бы Кулумом Горбуном вместо Кулума Стройного Красавчика, а? С высоты моего роста на все смотришь по-другому.

– Мне очень... вам, должно быть, ужасно трудно.

– Не трудно – ваш Шекспир нашел слова получше. Но ты не волнуйся, Кулум Силач. Я могу убить человека вдвое больше меня безо всякого труда. Хочешь, я научу тебя убивать? Скажу сразу, лучшего учителя тебе не найти. За исключением, разве что, Тай-Пэна.

– Нет. Нет, спасибо.

– Ты поступишь разумно, если научишься этому. Очень разумно. Попроси своего отца дать тебе несколько уроков. Когда-нибудь тебе понадобится такое умение. Да, и скоро. Ты знал, что у меня есть дар провидения?

Кулум передернулся.

– Нет.

Глаза Орлова сверкнули в темноте, улыбка сделала его еще больше похожим на маленького злого гнома.

– Тебе еще многому нужно научиться. Ты ведь хочешь стать Тай-Пэном, не так ли?

– Да. Я надеюсь стать им. Когда-нибудь.

– В тот день руки твои обагрятся кровью. Кулум вздрогнул, но тут же постарался вернуть себе самообладание.

– Что вы хотите этим сказать?

– Уши у тебя есть. В тот день на твоих руках будет кровь. Да. И очень скоро тебе понадобится человек, которому ты сможешь доверять в течение многих-многих дней. Пока Норстедт Страйд Орлов является капитаном одного из твоих кораблей, ты можешь верить ему.

– Я запомню, капитан Орлов, – сказал Кулум и пообещал себе, что когда станет Тай-Пэном, он первым делом спишет Орлова на берег. И тут, подняв голову и заглянув ему в лицо, он вдруг испытал странное чувство, будто Орлов прочел его тайные мысли.

– В чем дело, капитан?

– Спроси у себя самого. – Орлов отпер шкафчик, в котором хранился хронометр. Для этого ему пришлось встать на ступеньку приставной лесенки. Затем он начал аккуратно заводить часы большим ключом.

– Эти часы нужно заводить на тридцать три оборота.

– А почему вы сами делаете это? Почему не один из офицеров? – спросил Кулум, хотя это его нисколько не интересовало.

– Это обязанность капитана. Одна из них. Навигация – такая вещь, которую следует хранить в Тайне. Если бы с этим мог справиться любой матрос на корабле, конца бы не было бунтам. Лучше всего, когда только капитан и несколько офицеров обладают необходимыми навыками и знаниями. Тогда матросы без них беспомощны и обречены на гибель. Мы держим хронометр на запоре и здесь, подальше от глаз,

безопасности ради. Разве он не прекрасен? Какая работа, а? Сделано добрыми английскими руками с помощью добрых английских мозгов. Он показывает точное лондонское время.

Воздух в проходе был спертый, и Кулум почувствовал приступ дурноты, тем более сильный, что его терзал страх перед Орловом и предстоящей схваткой. Но он сумел справиться с тошнотой и твердо решил, что не доставит удовольствия Орлову, раскиснув у него на глазах. Он постарался не замечать кисловатого запаха, который шел из льял. Когда-нибудь я рассчитаюсь с ним за все, поклялся он про себя.

– Неужели хронометр настолько важен?

– Ты посещал университет и задаешь такие вопросы? Без этого красавца нам конец. Ты слышал о капитане Куке? Шестьдесят лет назад он первый воспользовался хронометром и доказал его необходимость. До того времени мы не могли определять долготу. Но теперь, имея точное лондонское время и секстант, мы можем определить свое местонахождение с точностью до мили. – Орлов запер шкафчик и бросил на Кулума короткий взгляд.

– Ты умеешь пользоваться секстантом?

– Нет.

– Когда мы потопим джонки, я покажу тебе. Или ты полагаешь, что сможешь быть Тай-Пэном «Благородного Дома» сидя на берегу? А?

Они услышали торопливый топот ног по палубе и почувствовали, что «Китайское Облако» еще больше прибавил в скорости. Здесь, внизу, казалось, что весь корабль пульсирует, словно живое существо.

Кулум облизнул сухие губы.

– А мы сможем потопить так много джонок и уйти от опасности?

– Если не сможем, до берега придется добираться вплавь. – Коротышка посмотрел на Кулума снизу вверх: – Ты когда-нибудь терпел кораблекрушение или тонул?

– Нет. И я не умею плавать.

– Если ты моряк, лучше и не учиться. Это способно лишь ненадолго отсрочить неизбежное – если море захотело тебя и твое время пришло. – Орлов дернул за цепочку, проверяя замок. – Тридцать лет я провел в море, а плавать не умею. Я тонул больше десятка раз, от Китайских морей до Берингова пролива, но всегда находил рею или лодку. Когда-нибудь море возьмет меня. Оно само решит, когда. – Он поправил боевой цеп на руке. – Я был бы рад вернуться сегодня в порт.

Кулум благодарно последовал за ним вверх по трапу.

– Вы доверяете команде?

– Капитан доверяет своему кораблю, только своему кораблю. И только себе изо всех людей.

– А моему отцу вы доверяете?

– Он капитан.

– Я не понимаю.

Орлов не ответил. Очутившись на юте, он проверил паруса и нахмурился. Слишком уж их много в такой близости от берега. Слишком много неизвестных рифов в этих водах, и в воздухе пахнет бурей. Линия преградивших им путь джонок протянулась в двух милях прямо по курсу; маленькие суда молча и неумолимо надвигались на них.

Корабль шел под всеми парусами, фок и грот по-прежнему зарифлены, и радостно подрагивал всем корпусом. Эта радость передалась команде. Когда Струан приказал убрать рифы, матросы прыгнули к снастям и с песней взялись за дело, забыв про серебро, отравившее их души алчностью. Ветер посвежел, и паруса начали покряхтывать. Клипер накренился, набирая скорость, морская пена, как дрожжи, поднималась в шпигатах.

– Мистер Кьюдахи! Возьмите вахтенных по трюму и вынесите оружие на палубу!

– Есть, так точно, сэр-р! – Кьюдахи, первый помощник капитана, черноволосый ирландец с прыгающими глазами, носил в ухе золотую серьгу.

– Так держать! Палубная вахта! Пушки к бою! Заряжать картечью!

Люди облепили пушки, выкатили их из пушечных портов, зарядили картечью и закатили обратно.

– Расчету третьей пушки по чарке рома сверх нормы! Расчету восемнадцатой чистить льяла!

Крики радости перемешались с громкими проклятиями.

Это был обычай, который Струан ввел на своих судах много лет назад. Расчет, приготовившийся первым перед сражением, получал награду, а отстающим доставалась самая грязная работа на корабле.

Струан окинул взглядом небо, тугие паруса и направил бинокль на огромную боевую джонку. Он заметил много пушечных амбразур, носовую фигуру в виде дракона и флаг, который пока не мог распознать на таком расстоянии. Увидел десятки китайцев, толпящихся на палубе, и горящие факелы.

– Приготовить бочки с водой! – прокричал Орлов.

– Зачем нужны бочки, отец? – спросил Кулум.

– Чтобы тушить огонь, парень. На джонках горят факелы. Китайцы, должно быть, в избытке запасли зажигательные ракеты и дымовые бомбы. Дымовые бомбы делают из дегтя и серы, они испускают страшную вонь, очень едкую, и могут превратить клипер в сущий Бедлам, – если вовремя не приготовиться. – Он посмотрел за корму: другая флотилия входила в пролив позади них.

– Мы отрезаны, не так ли? – спросил Кулум, чувствуя, как сжалось сердце у него в груди.

– Да. Но только дурак повернул бы в ту сторону. Посмотри на ветер, парень. Если бы мы развернулись, нам бы пришлось лавировать против ветра, а что-то подсказывает мне, что он встанет еще круче против нас. Но, двигаясь вперед, как сейчас, мы дадим фору любой джонке. Ты только взгляни, как они неповоротливы, дружок! Словно тяжеловозы в сравнении с нами – легконогой борзой. У нас десятикратный перевес в огневой мощи, если брать корабль на корабль.

Одна из снастей наверху грот-мачты неожиданно лопнула, рея завизжала, ударившись о стеньгу, и парус заплескался на ветру.

– Вахтенные с левого борта, наверх! – прорычал Струан. – Топенант к бом-брам-рее быстро!

Кулум смотрел, как матросы выбрались на рею почти у самой верхушки грот-мачты и боролись с ветром, вцепившись в нее ногтями и пальцами ног, и он знал, что сам никогда не смог бы так. Он ощутил в желудке желчь, которую пригнал туда страх; из головы не шли слова Орлова про кровь на его руках. Чью кровь? Пошатываясь, он подошел к фальшборту, и его вырвало.

– Вот, возьми, сынок, – сказал Струан, протягивая ему фляжку с водой, висевшую на кофель-нагеле.

Кулум оттолкнул ее, ненавидя отца в этот миг за то, что тот заметил его слабость.

– Ополосни рот, клянусь Богом! – Голос Струана звучал сурово.

Кулум с несчастным видом подчинился и даже не заметил, что это была не вода, а холодный чай. Он сделал несколько глотков, и это вызвало новый приступ рвоты. Затем он сполоснул рот и стал осторожно цедить напиток сквозь зубы, чувствуя себя ужасно.

– В первый раз, когда я участвовал в сражении, меня рвало, как упившегося егеря – ты такого даже вообразить себе не можешь. И я был перепуган до смерти.

– Я в это не верю, – чуть слышно произнес Кулум. – Ты никогда в жизни не знал,

что такое страх или тошнота.

Струан хмыкнул.

– Что ж, можешь мне поверить. Это было у Трафальгара.

– Я и не знал, что ты был там! – От удивления Кулум даже на время забыл о своем желудке.

– Я был подносчиком пороха, «пороховой мартышкой». Военно-морской флот набирает детей на линейные корабли, чтобы подтаскивать порох из зарядного погреба на пушечные палубы. Проход должен быть узким, насколько это возможно, чтобы уменьшить опасность проникновения туда огня во время боя, иначе весь корабль взлетит на воздух. – Струану вспомнились рев пушек и крики раненых, оторванные конечности, разбросанные по палубе, скользкой от крови, багровый цвет шпигатов – и запах крови. И вонь в нескончаемом черном туннельчике, осклизлом от детской блевотины. Он вспомнил, как на ощупь пробирался к пушкам с бочонками пороха, потом нырял назад в эту страшную темноту, а сердце колотилось как сумасшедшее, и нечем было дышать, и слезы ужаса катились по закопченному лицу – и так час за часом. – Я едва не умер от страха.

– Ты действительно участвовал в Трафальгарской битве?

– Да. Мне было тогда семь лет. Я был самым старшим в моей группе, но боялся больше всех. – Струан тепло потрепал сына по плечу. – Так что не переживай. В этом нет ничего зазорного.

– Мне сейчас не страшно, отец. Это просто запахи в трюме.

– Не обманывай себя. Это запах крови, который ты будто бы уже чувствуешь, и страх, что она окажется твоей собственной.

Кулум быстро перегнулся через борт, и его вырвало снова. Свежий морской ветер никак не мог выветрить тошнотворный сладковатый запах из его ноздрей и зловещее пророчество Орлова из его памяти.

Струан подошел к бочонку с бренди, нацедил чарку и протянул ее Кулуму, наблюдая за ним, пока он пил.

– Прошу прощения, сэр. Ванна готова, как вы приказывали, сэр-р, – доложил стюард.

– Благодарю. – Струан подождал, пока стюард присоединится к своему орудийному расчету, и повернулся к Кулуму: – Ступай вниз, парень.

Кулум весь вспыхнул от унижения:

– Нет. Я останусь здесь. Мне уже лучше.

– Ступай вниз! – Хотя это был приказ, он был отдан мягким тоном, и Кулум понял, что ему дают возможность сойти вниз, сохраняя лицо.

– Пожалуйста, отец, – начал он, чуть не плача. – Позволь мне остаться. Прости меня.

– Извиняться не за что. Я подвергался такой опасности, как сейчас, тысячу раз, поэтому мне легко. Я знаю, чего ожидать. Ступай вниз, парень. Ты еще успеешь вымыться и вернуться на палубу. И принять участие в схватке, если все это кончится схваткой. Пожалуйста, иди вниз.

Кулум подчинился с расстроенным видом.

Струан повернулся к Роббу, который с посеревшим лицом прислонился к фальшборту. Струан задумался на мгновение, потом подошел к нему.

– Могу я попросить тебя об одолжении, Робб? Составь парню компанию. Ему что-то совсем скверно.

Робб выдавил на лице улыбку.

– Спасибо, Дирк. Но на этот раз мне нужно остаться. Как бы я себя ни чувствовал. Они собираются напасть на остров?

– Нет, дружище. Но не волнуйся. Мы сможем пробиться сквозь них, если понадобится.

– Я знаю. Я знаю.

– Как Сара? Срок у нее, кажется, уже очень близко, нет? Извини, что не спросил сразу.

– Она чувствует себя хорошо, насколько хорошо вообще чувствует себя большинство женщин, когда ждать остается несколько недель. Скорее бы ожидание закончилось. Скорее бы.

– Да. – Струан отвернулся и чуть-чуть поправил курс.

Робб заставил себя не думать о джонках, которые, казалось, покрыли собой все море впереди. Надеюсь, это будет еще одна девочка, подумал он. Девочек настолько легче растить, чем мальчиков. Надеюсь, она будет похожа на Карен. Дорогая моя крошка Карен!..

Робб опять возненавидел себя за то, что накричал на нее сегодня утром – неужели еще сегодня утром они все вместе были на «Грозовом Облаке»? Карен куда-то пропала, и они с Сарой решили, что девочка свалилась в воду. Они с ума сходили от беспокойства, а потом, когда начались поиски, Карен со счастливым видом появилась на палубе из трюма, где играла все это время. Робб испытал такое облегчение, что тут же наорал на нее, и Карен, заходясь в плаче, бросилась искать утешения у матери. Робб напустился на жену за то, что она не смотрит за Карен как следует, зная, что Сара тут ни при чем, но не в силах сдержать себя. Потом, через несколько минут, Карен уже была как все дети: она весело смеялась, обо всем забыв. А они с Сарой были как все родители: их еще душила злоба друг на друга, и они не забыли ничего...

Впереди и позади них флотилии джонок блокировали «Китайское Облако». Робб увидел своего брата, который прислонился к нактоузу и невозмутимо прикуривал сигару от тлеющего пушечного фитиля, и пожалел, что не обладает таким же спокойствием.

О Господи, дай мне силы пережить эти пять месяцев, а потом еще двенадцать месяцев и путешествие домой, и, пожалуйста, пусть у Сары все кончится благополучно.

Он перегнулся через фальшборт, и его буквально вывернуло наизнанку.

– Два румба влево, – сказал Струан, внимательно изучая берег Гонконга. Он почти достаточно приблизился к скалистому выступу в море справа по борту и вышел в наветренную сторону от линии джонок. Еще несколько минут, и тогда он повернет и ринется на джонку, которую заранее наметил себе в жертвы, и благополучно вырвется на свободу – если только у китайцев нет брандеров, и если ветер не упадет, и если какой-нибудь подводный риф или мель не изувечат корпус клипера.

На севере небо начинало темнеть. Устойчивый муссон дул с прежней силой, но Струан знал, что в эхих водах ветер может с гибельной внезапностью поменять направление на восемь румбов и больше или с моря вдруг налетит ураганный шквал. Его корабль несет столько парусов, что их положение сразу станет крайне опасным: ветер может сорвать паруса прежде, чем они успеют взять рифы, или мачты не выдержат. Кроме того, нельзя было забывать о мелях и многочисленных рифах, которые могут подстерегать их так близко от берега, готовые в любую минуту пропороть им днище. Никто еще не составлял карту этих вод. Однако Струан понимал, что только скорость спасет их. И йосс.

– Golt im Himmel! – Маусс вцепился в бинокль. – Это Лотос! Серебряный Лотос!

Струан выхватил у него бинокль и навел его на флаг, развевавшийся над огромной джонкой: серебряный цветок на красном поле. Ошибки не было. Это действительно был Серебряный Лотос, флаг By Фан Чоя, короля пиратов, о садизме которого ходили легенды, чьи бесчисленные флотилии грабили и разоряли все побережье южного Китая и собирали дань на тысячу миль к северу и югу. По слухам, его главная стоянка находилась на Формозе.

– Что Ву Фан Чой делает в этих водах? – спросил Маусс. Вновь он почувствовал, как в нем поднимается эта странная смесь страха и надежды. Да исполнится воля Твоя, Господи.

– Наше серебро, – ответил Струан. – Это должно быть наше серебро. В противном случае Ву Фан Чой никогда бы не рискнул появиться здесь, особенно когда наш флот совсем рядом.

Много лет португальцы и все торговцы платили Ву Фан Чою дань – за безопасное прохождение своих судов. Так выходило дешевле, чем терять корабли, к тому же джонки пирата держали моря южного Китая свободными от других пиратов – большую часть года. Но с прибытием экспедиционного корпуса в прошлом году британские торговцы перестали платить пиратам, и одна из флотилий Ву Фан Чоя начала разбойничать на морских путях и на побережье рядом с Макао.

Четыре фрегата королевского флота выследили и уничтожили большинство пиратских джонок, а затем преследовали остальные до самого Байас Бэя – логова пиратов на побережье в сорока милях к северу от Гонконга, где те пытались укрыться. Там фрегаты уничтожили последние джонки и сампаны и сожгли две пиратские деревни. С тех пор флаг Ву Фан Чоя не рисковал показываться в водах острова.

С пиратского флагмана раздался пушечный выстрел, и, к огромному удивлению англичан, все джонки, кроме одной, повернули к ветру, спустили гроты, оставив лишь короткие паруса на корме, и легли в дрейф. Маленькая джонка отделилась от флотилии и двинулась по направлению к «Китайскому Облаку», намереваясь покрыть разделявшую их милю.

– Руль под ветер! – распорядился Струан, и «Китайское Облако» тоже повернул к ветру. Паруса тревожно захлопали, корабль потерял скорость и почти остановился. – Держать судно носом к ветру!

– Есть, есть, сэр-р!

Струан в бинокль разглядывал маленькую джонку. На верхушке мачты полоскался белый флаг.

– Смерть господня! Это еще что за новости? Китайцы никогда не пользуются белым флагом! – Джонка подошла ближе, и Струан онемел от изумления: джонкой управлял огромный чернобородый европеец в тяжелой морской одежде и с абордажной саблей у пояса. Рядом с ним стоял китайский мальчик, одетый в богатый халат и штаны из зеленой парчи и в мягкие черные сапоги. Струан увидел, как европеец навел длинную подзорную трубу на «Китайское Облако». Через мгновение человек опустил ее, громко расхохотался и помахал рукой.

Струан передал бинокль Мауссу:

– Что ты думаешь об этом человеке? – Он перегнулся к капитану Орлову, наблюдавшему за джонкой в свою трубу. – Капитан?

– Пират, в этом нет сомнения. – Орлов протянул подзорную трубу Роббу. – Вот и еще один слух подтвердился – во флоте Ву Фан Чоя служат европейцы.

– Но зачем им всем понадобилось спускать паруса, Дирк? – ошеломленно спросил Робб.

– Посланник нам все расскажет. – Струан подошел к краю квартердека. – Мистер, – крикнул он Кьюдахи, – приготовьтесь дать предупредительный выстрел.

– Есть, есть, сэр-р. – Кьюдахи подскочил к первой пушке и навел ее.

– Капитан Орлов! Приготовьте баркас. Вы поведете абордажную команду. Если мы сразу не потопим эту джонку.

– Но зачем брать ее на абордаж, Дирк? – спросил Робб, подходя к Струану.

– Я не подпущу ни одну пиратскую джонку ближе чем на пятьдесят ярдов. Это может оказаться брандер, набитый порохом. В наши времена лучше быть готовым к любым хитростям.

На сходном трапе появился Кулум. Ему казалось, что на него смотрит вся

команда. Он был одет, как моряк, в толстую шерстяную рубашку, шерстяную куртку, широкие штаны и парусиновые туфли.

– Привет, парень, – кивнул ему Струан.

– Что происходит?

Струан рассказал ему и добавил:

– Этот костюм идет тебе, сынок. Ты выглядишь лучше.

– Мне действительно гораздо лучше, – сказал Кулум, чувствуя себя неуютно в новой одежде и совсем чужим на корабле.

Когда до пиратской джонки оставалась сотня ярдов, «Китайское Облако» дал выстрел над ее носом, и Струан поднял рупор.

– Паруса долой! – прокричал он. – Или я разнесу вас в щепки.

Джонка послушно повернула к ветру, спустила паруса и легла в дрейф, увлекаемая приливом.

– Эй, на «Китайском Облаке»! Разрешение ступить на борт, – прокричал чернобородый великан.

– Зачем, и кто вы такой?

– Капитан Скраггер, некогда житель Лондона, – крикнул человек в ответ и грубо захохотал. – Словечко вам на ухо, милорд Струан, частным образом!

– Поднимайтесь на борт один. Без оружия!

– Как парламентер, приятель?

– Да. – Струан подошел к леерному ограждению. – Держите джонку под прицелом, мистер Кьюдахи!

– Она под прицелом, сэр-р!

С борта джонки на воду спустили маленькую динги, Скраггер ловко перепрыгнул в нее и начал грести к «Китайскому Облаку». Приближаясь, он зычным голосом затянул матросскую песню «Бей Врага, Друг» в такт движениям кормового весла.

– Отчаянный черт, – заметил Струан, улыбаясь против воли.

– Скраггер – довольно редкое имя, – сказал Робб. – Не за Скраггера ли из Лондона вышла тогда замуж бабушка Этель?

– Да. Я подумал о том же, дружище. – Улыбка Струана стала еще шире. – Погоди, вот еще окажется, что среди наших родственников есть пираты.

– Разве мы сами все не пираты?

Струан рассмеялся.

– «Благородный Дом» будет в безопасности в твоих руках, Робб. Ты мудрый человек – гораздо мудрее, чем ты сам думаешь. – Он оглянулся на динги: – Отчаянный черт!

Скраггеру на вид было тридцать с небольшим. Длинные нечесаные волосы и борода черного цвета, маленькие бледно-голубые глазки, багровые обветренные руки. Из ушей свисали золотые кольца, левая сторона лица была обезображена шрамом.

Он привязал свою динги и с привычной сноровкой начал взбираться по спущенной сверху сети. Спрыгнув на палубу, он повернулся к югу, с нарочитым почтением отдал честь и поклонился по всей форме:

– Доброе утро вашим милостям! – Потом весело бросил матросам, смотревшим на него разинув рты: – Привет, ребятки! Мой начальник, Ву Фан Чой, желает вам благополучного плавания до самого дома! – Он захохотал, открыв поломанные зубы, потом прошел на ют и остановился перед Струаном. Он оказался ниже шотландца ростом, но выглядел плотнее.

– Давай-ка сойдем вниз!

– Мистер Кьюдахи, обыщите его!

– Эй, я же прибыл с белым флагом и без оружия. Это чистая правда. Я дал тебе слово, да помогут мне святые угодники! – возмутился Скраггер, состроив невинное

лицо.

– Тебя обыщут в любом случае! Скраггер дал себя осмотреть.

– Теперь ты удовлетворен, Тай-Пэн?

– На данный момент.

– Тогда пойдем вниз. Только мы вдвоем. Как я просил. Струан проверил свой пистолет и жестом показал Скраггеру на трап.

– Всем оставаться на палубе.

К изумлению Струана, Скраггер двигался по клиперу с уверенностью человека, уже побывавшего раз на борту. Войдя в каюту, он с размаху упал в морское кресло и с довольным видом вытянул ноги.

– Я бы не прочь промочить горло до начала разговора, если ты не против. Грести – работка не из легких, и меня мучает жажда.

– Ром?

– Бренди. А-а, бренди! И ежели у вас отыщется лишний бочонок, я буду страсть как расположен.

– Расположен сделать что?

– Запастись терпением. – Глаза Скраггера холодно блеснули, как сталь клинка. – А ты как раз такой, как я думал.

– Ты говорил, что жил в Лондоне?

– Что верно, то верно, так и сказал. Давно только это было. А, вот, спасибо. – Скраггер принял высокую кружку бренди многолетней выдержки. Он умильно потянул носом, в несколько глотков опорожнил ее, вздохнул и вытер грязные усы. – Ах, бренди, бренди! Единственное, что плохо в моей нынешней должности, так это нехватка бренди. Страсть как эта штука помогает мне от сердца.

Струан вновь наполнил кружку.

– Благодарствуй, Тай-Пэн.

– Из какой ты части Лондона? – спросил Струан, поигрывая пистолетом.

– Из прибрежной канавы, приятель. Как раз там я и вырос.

– Как твое имя?

– Дик. А что?

Струан пожал плечами.

– Теперь давай к делу, – сказал он, решив отправить со следующей почтой запрос своим агентам, не является ли человек по имени Дик Скраггер потомком старой Этель, которой они с Роббом доводились внучатыми племянниками.

– А как же, Тай-Пэн, непременно. By Фан Чой хочет поговорить с тобой. Наедине, прямо сейчас.

– О чем?

– Я его не спрашивал, а сам он не сказал. «Отправляйся, – говорит, – привези мне Тай-Пэна». И вот я здесь. – Он осушил кружку, потом хитро прищурился: – У тебя на борту прорва серебра, если слухи не врут. А?

– Передай ему, что я встречусь с ним здесь. Я разрешаю ему прибыть на борт – одному и без оружия.

Скраггер в ответ расхохотался во все горло и привычно почесался: его одежда кишела вшами.

– Ну, Тай-Пэн, ты же знаешь, что он на это не пойдет. Да ты и сам в одиночку не пошел бы к нему без, вроде как, защиты. Видал того парнишку на моей джонке?

– Да.

– Это его младший сын. Он будет заложником. Ты должен прибыть к нему на корабль – при оружии, если хочешь, – а мальчишка останется здесь.

– А потом окажется, что это переодетый сын носильщика, а меня искромсают на куски!

– Ну, нет, – обиделся Скраггер. – Я даю тебе слово, клянусь Богом. И он тоже.

Мы не какое-нибудь грязное пиратское отребье. У нас под командой три тысячи судов, и мы правим на всем побережье, как тебе хорошо известно. Я даю тебе честное слово, клянусь Господом. И он тоже.

Струан заметил белые шрамы на запястьях Скраггера. Он знал, что обнаружит такие же и на его лодыжках.

– Почему ты, англичанин, с ним?

– В самом деле, почему, приятель? Вот уж действительно, – ответил Скраггер, поднимаясь на ноги. – Ничего, если я плесну себе еще? Премного благодарен. В его флоте нас, англичан, человек, пожалуй, пятьдесят, если не больше. И еще человек пятнадцать других – американцев, большей частью, и один французик. Капитаны, пушкари, артиллеристы, помощники. Я сам-то раньше плавал помощником боцмана, – словоохотливо продолжал он, разогретый выпивкой. – Лет десять, если не больше, назад мы потерпели крушение у одного из островов там, на севере. Грязные коротконогие языческие ублюдки поймали меня и сделали своим рабом, джапанцы их звали. Они продали меня другим языческим ублюдкам, но я убежал и встретился с Ву Фан Чоем. Он предложил мне службу, когда узнал, что я плавал помощником боцмана и могу на корабле делать почти все. – Скраггер прикончил еще одну кружку, рыгнул и наполнил ее снова. – Ну так что, мы едем или нет?

– А почему тебе сейчас не остаться с нами? Дорогу через Ву Фана я себе проложу без всякого труда.

– Спасибо, приятель, но я доволен своей теперешней жизнью.

– Как долго ты пробыл заключенным?

Рука Скраггера с кружкой остановилась на полдороге, и его взгляд стал настороженным. – Достаточно долго приятель. – Он взглянул на белые шрамы на запястье: – Следы от браслетов, а? Н-да, уже двенадцать лет прошло, а они все еще со мной.

– Откуда ты сбежал? Из Ботани Бея?

– Ага, из Ботани Бея и есть, – ответил Скраггер, к которому вернулся его дружелюбный тон. – Пятнадцать лет ссылки я получил, когда был еще совсем мальчишкой, по крайней мере моложе, чем сейчас. Лет, эдак, двадцать пять мне было. Тебе, кстати, сколько?

– Достаточно много.

– А я вот про себя так никогда точно и не знал. Может, мне тридцать пять, а может, сорок пять. Ага. Так вот, пятнадцать лет за то, что съездил по морде мерзавцу – помощнику капитана на трижды чертовом фрегате.

– Тебе еще повезло, что тебя не вздернули.

– Повезло, это уж верно – Скраггер опять рыгнул со счастливой ухмылкой. – Мне нравится беседовать с тобой, Тай-Пэн. Совсем не то, что с моими помощниками. Да-а... так вот, из Блайти нас и повезли. Девять месяцев в море, скованный одной цепью вместе с четырьмястами других бедолаг, да еще столько же примерно женщин там было. Нас приковали к брусьям трюма. На десять месяцев или даже больше. Сухари и вода, и ни кусочка мяса. Нельзя так с людьми обращаться, никак нельзя. Когда пришли в порт, живых нас осталось не больше сотни В порту Сиднея мы взбунтовались и разбили цепи. Поубивали всех до одного тюремщиков, чтоб их черти забрали. Потом год отсиживался в буше, потом нашел себе корабль. Торговый. – Скраггер злобно ухмыльнулся. – По крайней мере, кормились мы за счет купцов. – Он заглянул в свою кружку, и улыбка исчезла с его лица. – Да, висельники, висельники мы все и есть, да проклянет Господь Бог всех крепкозадых сторожей на свете, – огрызнулся он. Некоторое время он Сидел молча, погруженный в воспоминания. – Но про кораблекрушение все это правда, и про остальное тоже. Струан закурил сигару.

– Зачем служить этому отребью, этой бешеной собаке Ву Фан Чою?

– Я, скажу тебе, приятель. Я свободен, как ветер. У меня три жены, я ем вдоволь,

получаю хорошие деньги, и я капитан корабля. Он обращается со мной лучше, чем мои проклятые соплеменники. Будь они трижды прокляты! Да. Для них я висельник, воронья добыча. Но для Ву Фана – нет, а где и как еще человек, вроде меня, может иметь жен, хороший стол, деньги, и чтобы никаких тебе тюремщиков или виселиц, а? Конечно, я буду с ним – или с любым, кто даст мне все это. – Он встал. – Так ты идешь, как он просил, или нам придется брать тебя на абордаж?

– Возьмите меня на абордаж, капитан Скраггер. Но сначала допейте свое бренди. Это будет последнее бренди, которое вы выпьете на этом свете.

– Да у нас против тебя больше сотни кораблей.

– Ты, должно быть, принимаешь меня за круглого идиота. Ву Фан Чой никогда сам не сунется в эти воды. Никогда. Пока наши военные корабли стоят всего лишь на другой стороне Гонконга. Ву Фана с вами нет.

– Да ты и в самом деле хитер, Тай-Пэн, – хихикнул Скраггер. – Меня предупреждали. Да. Ву Фан Чоя с нами нет, зато есть его главный адмирал Ву Квок, его старший сын. И тот мальчишка – его сын, Ву Квока. Это чистая правда.

– Правда имеет много лиц, Скраггер, – сказал Струан, – А теперь убирайся к чертям с моего корабля. Белый флаг распространяется только на твое судно. Я покажу тебе, чего стоит ваш вонючий пиратский флот.

– Уж это верно, Тай-Пэн, тебе только волю дай. Да, чуть не забыл, – сказал он, доставая с груди маленький кожаный мешочек, висевший на шнурке вокруг шеи. Вынув оттуда сложенный лист бумаги, он положил его на стол и подтолкнул к Струану. – Я должен был передать тебе вот это, – сказал он, и его лицо презрительно скривилось.

Струан развернул бумагу. На белом листе стоял оттиск печати Дзин-куа. Внутри лежала половинка монеты.

Глава 2

Струан с невозмутимым видом замер на носу своего баркаса, глубоко засунув руки в карманы толстого морского сюртука. С правой кисти свисал боевой цеп, за поясом торчали пистолеты. Его люди с напряженными лицами сидели на веслах, вооруженные до зубов. Скраггер опустился на скамью в середине баркаса и пьяным голосом напевал матросскую песню. По предварительной договоренности со Скраггером – Струан настоял на этом условии – пиратский флагман отделился от охраняющей его флотилии джонок и подошел ближе к берегу, расположившись в нескольких сотнях ярдов с подветренной стороны от «Китайского Облака». Здесь, оставив лишь небольшой парус на корме, флагман лег в дрейф, находясь под прицелом пушек клипера и фактически в его власти. Но остальные джонки по-прежнему преграждали англичанам дорогу, окружив два больших корабля.

Струан понимал, чем рискует, поднимаясь на борт пиратского корабля без охраны, но половина монеты не оставляла ему выбора. Он хотел взять с собой Маусса – им понадобится переводчик, к тому же Маусс в драке был сущим демоном. Но Скраггер покачал головой: «Только ты, Тай-Пэн. Там на борту отыщутся такие, которые говорят и по-английски. Так что, один. При оружии, если тебе угодно, но один. Так он просил».

Прежде чем покинуть «Китайское Облако», Струан отдал последние распоряжения в присутствии Скраггера.

– Если флагман поднимет паруса, разнесите его в щепки. Если я не вернусь на баркас через час, пускайте их ко дну без промедления.

– Послушай, Тай-Пэн, – неуверенно заговорил Скраггер, выдавив из себя нервный смешок, – не дело это так относиться к его вроде как приглашению. Совсем не дело, совсем. Все ж таки белый флаг, приятель.

– Разнесите их в щепки. Но сначала вздерните мальчишку на нок-рее.

– Не беспокойтесь, – зловеще сказал Орлов. – Мальчишка все равно что мертв, и, клянусь кровью Иисуса Христа, я не уйду отсюда, пока хоть одна джонка останется на плаву.

– Суши весла! – крикнул Струан; баркас подошел к борту огромной джонки. Сотня китайских пиратов столпилась наверху, возбужденно переговариваясь, ухмыляясь и показывая на него руками. Струан сосчитал пушечные амбразуры. Двадцать с каждого борта. Итого сорок пушек.

Он взобрался по посадочной лестнице. Очутившись на палубе, он отметил, что пушки содержались в порядке, что ящики с порохом валяются там и сям по всей палубе вперемешку с большим количеством дымовых и зажигательных бомб и что пиратов на борту предостаточно. Грязь повсюду, но никаких признаков болезни или цинги. Паруса в хорошем состоянии, снасти не провисли. Трудно – если не невозможно – захватить эту джонку в рукопашном бою. Но потопить ее для «Китайского Облака» труда не составит – если йосс поможет.

Он проследовал за Скраггером вниз в капитанскую каюту под палубой полуюта, механически отмечая в памяти трапы и все, что может пригодиться ему, если придется отступать этой дорогой. Они вошли в грязное помещение, битком набитое людьми. Скраггер протолкался к двери в дальней стене, которую охранял воинственного вида китаец. Охранник показал пальцем на оружие Струана и напустился на Скраггера, что-то сердито ему выговаривая. Но Скраггер проорал ему что-то в ответ на кантонском наречии и, презрительно отшвырнув китайца в сторону одной рукой, открыл дверь.

Каюта была огромна. Небольшое возвышение, на котором стоял низкий лакированный столик красного цвета, было завалено грязными подушками. Каюта, как и весь корабль, пропахла потом, гнилой рыбой и кровью. Позади возвышения от пола до потолка поднималась деревянная решетка. Дерево украшала богатая резьба; решетка была занавешена с той стороны, где спал предводитель. Отсюда сквозь занавеси ничего не видно, подумал Струан, но их легко проткнуть мечом или пробить пулей. Он отметил про себя четыре зарешеченных иллюминатора и шесть масляных фонарей, покачивавшихся под потолочными балками.

Дверь в решетчатой стене открылась.

By Квок оказался тучным коротышкой средних лет, с круглым жестоким лицом и длинной грязной косичкой. На богатом халате зеленого шелка, подвязанном вокруг выпирающего живота, темнели сальные пятна. Он был в морских сапогах из тонкой кожи и носил на запястьях множество бесценных нефритовых браслетов.

Некоторое время он разглядывал Струана, потом жестом пригласил его на возвышение и сел у столика. Струан сел напротив. Скраггер с сардонической ухмылкой прислонился к запертой двери, рассеянно почесываясь.

Струан и By Квок долго сидели неподвижно, глядя прямо в глаза друг другу. Потом By Квок чуть заметно приподнял руку, и слуга принес палочки для еды, чашки, чай, лунные пирожки – крошечные аккуратные пирожки из рисовой муки, начиненные миндальной пастой, – и тарелку разных dim sum.

Dim sum представляли собой маленькие пельмешки из рисовой муки с креветками, жареной свининой, мясом курицы, овощами или рыбой и считались деликатесом. Некоторые были приготовлены на пару, другие обжарены в масле. Слуга налил чай в чашки.

By Квок поднял свою и жестом пригласил Струана сделать то же самое. Они молча выпили чай, ни на секунду не прерывая поединка взглядов. Затем пират взял палочки и выбрал один дин сум. Он положил его на маленькое блюдце перед Струаном и жестом предложил ему попробовать. Струан знал, что, хотя ему тоже принесли палочки, By Квок ожидал, что он станет есть руками, как варвар, и потеряет

лицо.

Как бы не так, дерьмо ты лягушачье, подумал он и возблагодарил свой йосс за Мэй-мэй. Струан уверенно взял палочки, ловко подцепил ими дим бум, поднес его ко рту, положил палочки на фарфоровую подставку и принялся жевать с наслаждением, еще большим от того, что почувствовал изумление пирата: надо же, дикарь – и вдруг ест как цивилизованный человек!

Закончив жевать, Струан опять взял палочки и тщательно выбрал другой дим сум: самый маленький и самый нежный, который труднее всего было удержать. Это был приготовленный на пару пельмешек с креветками, тонкое белое тесто казалось почти прозрачным. Быстрым и легким движением он поднял дим сум с блюда, молясь про себя, чтобы не уронить его. Вытянув руку, он предложил его By Квоку.

Палочки By Квока змеей метнулись вверх, он принял дим сум и положил его себе на блюдце. Однако крошечный кусочек креветки упал на стол. Внешне By Квок оставался безучастным, но Струан знал, что пират весь кипит от гнева, потому что потерял лицо перед гостем.

Струан нанес свой coup de grace[14].

Подавшись вперед, он подобрал кусочек креветки со стола, положил его на свое блюдце и выбрал еще один маленький дим сум. Вновь он предложил его By Квоку. Тот принял пельмешек и на этот раз не уронил ни крошки.

Он поднес дим сум Струану, тот небрежно перехватил его на весу и с удовольствием съел, но от следующего отказался. Это была вершина китайского этикета – притвориться перед хозяином, что пища настолько хороша, что больше съесть невозможно, хотя и хозяин и гость прекрасно знали, что застолье будет продолжаться – и с большим аппетитом.

– Не стесняйся, приятель! У нас этого добра хватает, – неожиданно произнес By Квок, уговаривая его, как и пристало хозяину.

Шок, который испытал Струан, услышав By Квока говорящим на грубом кокни, почти свел на нет удовольствие от того, что он заставил пирата заговорить первым и тем самым приобрел значительное лицо.

– Благодарю тебя. Я рад, что ты говоришь по-английски. Это все упростит, – сказал Струан. – Значительно упростит.

– Что верно, то верно. – By Квок очень гордился своим умением говорить на языке варваров.

– Где ты выучил английский? – Струан наклонился и поскреб ногтями щиколотку: по полу и подушкам прыгали блохи.

– А где ребята вроде тебя учатся есть, как китайские люди, а?

Струан выбрал себе дим сум.

– Я пытался овладеть кантонским наречием. Много раз. Но студент из меня вышел плохой, и мой язык никак не хочет выговаривать звуки правильно. – Он аккуратно съел дим сум и запил его чаем. – Чай отличный. Из Сучьжоу?

By Квок покачал головой.

– Лин Тин. Ты любишь чай из Сучьжоу?

– Лин Тин лучше.

– Я выучился английскому у Скраггера и у других. За много лет. – Некоторое время By Квок ел молча, потом опять принялся настаивать, чтобы Струан не отказывался от деликатеса. – Ешь, ешь еще, приятель. Ты, я вижу, человек необычный. Я прямо страсть как рад повстречать человека вроде тебя. Ты не похож на других, провалиться мне на этом месте. Ты умирал бы много дней, много-много

---

[14] Coup de grace – завершающий удар, которым добивали поверженного или смертельно раненного противника (фр.).

дней.

Глаза Струана вспыхнули изнутри и еще больше позеленели.

– А вот ты умер бы очень быстро. Мои методы отличаются от твоих. В один момент ты жив, в другой – ты мертв. Вот так. – Он щелкнул пальцами. – Это самое лучшее – и для друга и для врага. И для бешеной собаки!

– Почему ты говоришь так странно, а? – спросил Ву Квок после зловещей паузы.

– Что?

– Ты говоришь не так, как я. Тебя трудно понимать. Как-то по-другому звучит.

– Существует много диалектов – видов – английского языка, – спокойно ответил Струан, возвращая Ву Квоку лицо.

– Он дэнди, Ву Квок, я тебе про это говорил, – объяснил Скраггер. – Дэнди все произносят по-другому. Они в школах обучаются. Я же рассказывал тебе.

– Этот висельник Скраггер говорит правду, приятель? Мой английский не правильный?

– Кто говорит на более правильном кантонском – крестьянин или учитель в школе? Язык крестьянина правилен для поля, а язык учителя – для школы.

Ву Квок, попивая чай, откинулся на подушки.

– Мы слышали, у тебя на борту есть серебро. Сорок лаков.

– Где ты взял вот это? – Струан разжал кулак и положил половинку монеты на стол.

– Одна половина монеты – одна услуга, так, приятель?

– Так, – ответил Струан. Он был в ярости на себя за то, что угодил в ловушку Дзин-куа. – Откуда она у тебя?

– От моего отца.

– А он где ее взял?

– А где, ты думаешь, этот старый разбойник Дзин-куа так быстро откопал и зацапал в свои грязные лапы сорок лаков серебра, приятель? А? Конечно же, у своих старых партнеров. У тебя на борту десять лаков папиных денег. – Большой живот Ву Квока затрясся от хохота. – Налей его милости грогу, Скраггер. Он ему сейчас ох как нужен.

– Ву Фан Чой и Дзин-куа партнеры? – спросил потрясенный Струан.

– В некотором роде, приятель. Мы охраняем его морскую торговлю от проклятых пиратов. Мы вроде как стражи моря. За услуги принято платить, дело справедливое, а? А мудрый человек деньги вкладывает с прибылью, а? Вот мы в него иногда и вкладываем. Чай, шелк, опиум. Взаймы даем. – Ву Квок обхватил свой живот руками, от смеха на глазах, превратившихся в узкие щелки, выступили слезы. – Так что теперь мы вроде как партнеры, мы и «Благородный Дом». Разве можно поместить деньги удачнее, скажи-ка, а, приятель?

– Назови свою «услугу», Ву Квок.

– Мы сначала выпьем за серебро и за твой йосс, Тай-Пэн. Потом поговорим.

– Он приказал повесить мальчишку, если пробудет на борту больше часа, – заметил Скраггер, наливая ром в три кружки. – А если ты поднимешь парус, тоже сказал, чтобы разнести нас в щепки и вздернуть парня.

– Час это сколько, приятель?

– Достаточно долго.

Ву Квок стал жевать с задумчивым видом.

– Ты бы повесил мальчишку?

– А ты? – Струан достал свои часы и положил их на стол. – Ты использовал половину своего времени.

Ву Квок принял кружку от Скраггера и медленно начал пить. Струан почувствовал, как от напряжения зашевелились волоски у него на шее. До него доносились приглушенная китайская речь, поскрипывание бревен, звон и гудение

ветра в натянутых тросах.

По палубе над их головами ударили первые капли дождя. By Квок взял зубочистку и почистил зубы, вежливо прикрывая рот ладонью. Дождь усилился.

– Услуга By Фан Чоя, – начал он. – В твоем флоте двадцать клиперов, верно?

– Девятнадцать.

– Девятнадцать. На каждый мы определим одного из наших ребят. Ты обучишь их как капитанов. Офицеров. Девятнадцать человек. Обучишь как надо. Чтобы таких капитанов ты и сам согласился взять. Пори их, протаскивай под килем – все, что хочешь, если они не будут подчиняться, – но только не убивать. На пять лет они твои, потом вернутся домой. Дальше, через год и один день нам нужен клипер. Как «Китайское Облако». Мы заплатим серебром, во что он встанет. Ты даешь нам счета и все прочее, мы платим деньги. С пушками, парусами, оснасткой, как у «Китайского Облака». Десять наших людей отправятся в Блайти смотреть, как он будет строиться, потом вернутся вместе с ним. Где и как мы заберем корабль, скажем позже – правильно, Скраггер?

– Верно.

– И последнее: мы дадим тебе сосунка – трех сосунков на выучку. Трех мальчиков, чтобы обучить их, как дэнди. Лучшая школа в Лондоне. За любые деньги.

– Лучшая одежда, и коляски, и жилье, и жратва, – добавил Скраггер. – Чтобы как чертовых дэнди их воспитывали. Обращались соответственно. Оксфордский или Кембриджский университет. Да. Университет кончат, тогда домой.

– Это не одна услуга, – заметил Струан. – Это много услуг.

– Много, мало – услуга есть услуга, – злобно проговорил By Квок. – Клянусь Богом, это то, что мы просим. Может, я заберу десять лаков назад, да и остальные тридцать. Тогда куплю корабль. Деньги есть – что хочешь купишь, верно, приятель? Да, заберу лаки, может, и договорюсь с Одноглазым Дьяволом. Как его по имени?

– Брок, – сказал Скраггер.

– Ага, Брок. Договорюсь с Броком, или с другим кем-то. Сделка есть сделка. Просто обучи людей. Один корабль. Честная просьба. Ты говоришь да или нет.

– Я заключу с тобой новую сделку. Забирай монету назад и, буду я на борту «Китайского Облака» или нет, попробуй захватить все серебро, клянусь Господом.

– На горизонте две сотни кораблей. Я потеряю одну сотню, две сотни кораблей, ерунда. Я заберу лаки, Тай-Пэн. Я заберу лаки.

Струан взял со стола свою половину монеты и поднялся на ноги.

– Так ты согласен?

– Не согласен. Услуга – ты обещал услугу. Разве у Тай-Пэна «Благородного Дома» больше нет лица, хейа? Да или нет?

– Через тридцать дней вы приведете сто человек, среди них не будет ни одного, кого разыскивают мандарины за какое-либо преступление, и каждый из них должен уметь читать и писать. Из этой сотни я выберу девятнадцать, которые станут капитанами.

И десять человек, которые будут наблюдать за постройкой судна. Потом вы передадите мне трех мальчиков.

– Слишком опасно, приятель, – сказал By Квок, – очень много народу. Верно, Скраггер?

– Нет, если мы соберем их, скажем, в Абердине. То, что он сам выберет, это справедливо, вреда от этого не будет. А? Тайком, без шума?

By Квок некоторое время раздумывал.

– Согласен. Тридцать дней. Абердин.

– Я передам построенный клипер лично тебе или By Фан Чою – только вам, – сказал Струан. – Никому другому.

– Любому, кого я пошлю.

– Нет.

– Или мне, приятель? – вставил Скраггер.

– Нет. By Квоку или By Фан Чою. В открытом море.

– Почему? – встревоженно спросил By Квок. – А? Почему? Какую дьявольскую хитрость ты задумал?

– Это будет твой корабль. Я не собираюсь передавать такого красавца кому-то другому. Где твое лицо, а?

– Согласен, – сказал By Квок наконец. – Только без предательства, клянусь Богом, или ты заплатишь.

Струан презрительно скривил губы и направился к двери, но Скраггер преградил ему дорогу:

– Ты даешь священную клятву, Тай-Пэн?

– Я уже дал ее Дзин-куа. Ты знаешь цену моему слову, клянусь Богом!

– Благодарствуй, Тай-Пэн.

Скраггер кивнул By Квоку и шагнул в сторону.

– Видя, как ты соглашаешься на все так, вроде бы славно и по-дружески, Тай-Пэн, – заговорил By Квок, – мой отец посылает тебе подарок и письмо. – Он махнул рукой Скраггеру, который открыл морской сундук, достал оттуда сверток и протянул его Струану.

В свертке оказался флаг – переплетенные Лев и Дракон. И судовой журнал. Судовой журнал пропавшею «Багрового Облака».

Струан раскрыл его и нашел последнюю страницу:

«Ноябрь, 16-е. Полдень. 1Г23'11» СШ 114Г9'8" ВД. Шторм продолжается, 11 баллов. Прошлой ночью в три склянки во время полуночной вахты унесло штормовые паруса и поломало мачты. Наш корабль бросило сюда, на рифы Тизарда, где, по милости Божьей, он и застрял с оторванным килем и дырой в корпусе.

Ноябрь, 18-е. Четыре часа. На горизонте появились четыре джонки направлением ост-норд-ост. Закончены последние приготовления к тому, чтобы оставить корабль.

Ноябрь, 18-е. Пять часов. Четыре джонки поменяли курс и направляются к нам. Я раздал мушкеты. Постарался подгото вить пушки, но крен корабля не позволяет нам воспользоваться ими. Приготовились, как могли. На случай, если это пираты.

Ноябрь, 18-е. Восемь часов. Нас атаковали. Пираты. Мы отбили первый штурм, но они..." Здесь запись обрывалась.

Струан закрыл книгу.

– Вы убили их всех?

– Эти джонки не были частью нашего регулярного флота, приятель. По крайности, большую часть года.

– Вы убили их всех?

– Они сами умерли, Тай-Пэн, меня там не было.

– Ты знаешь повадки некоторых из этих оборванцев, Тай-Пэн, – сказал Скраггер. – Если бы это были люди By Фан Чоя, зачем бы он стал возвращать тебе журнал, а? До By Фан Чоя дошли слухи. Он послал меня посмотреть, что к чему. Людей на корабле не было, когда я туда добрался. Тел тоже. Никого.

– Ты ограбил судно?

– Тебе известны морские законы, Тай-Пэн. Он потерпел крушение и был оставлен командой. Мы спасли половину твоего груза. Шестнадцать пушек и порох с ядрами.

– Где хронометр?

Скраггер вскинул брови:

– Что за вопрос, на моей джонке, конечно, хотя я и не знаю, как с ним обращаться. Пока. Кто нашел, тот и хозяин, а? Все честно, как будто? Но ты знаешь,

Тай-Пэн, ты знаешь, что натворили эти Богом проклятые мерзавцы? Они дали ему остановиться. Представляешь! Святая правда. Они его просто не заводили. У нас несколько недель ушло на то, чтобы найти купца с лондонским временем. Американец это был, «Бостонская Ласточка». – Он захохотал, вспоминая об этом случае, потом добавил: – Четверо ребят из его команды решили присоединиться к нам.

– А остальные?

– Спустили их на плот у Филиппин. Недалеко от берега. Даю слово, что так и было. Не то три, не то четыре недели назад.

Ву Квок задвигался на подушках, благодушно почесываясь.

– И последнее, Тай-Пэн. Отец сказал: «Десять тэйлов с корабля за безопасное плаванье – это совсем не много. Десять тэйлов с корабля, и британский флаг будет под защитой Ву Фан Чоя». Как мы слышали, у вас теперь новое место появилось, здесь, на Гонконге. Передашь их своему мандарину.

– Возможно, я и стану передавать ему один тэйл с корабля.

– Шесть – самая низкая цена. Меньше нельзя. Так сказал мой отец, зная, что с тобой торговаться трудно. Шесть.

– Один.

– Садись. Мы выпьем еще, а потом нам принесут поесть, – сказал Ву Квок.

– Через пять минут от этого корабля ничего не останется, а заложника вздернут.

Ву Квок рыгнул.

– Ты будешь вешать не моего сына, приятель.

– Разумеется, – с отвращением бросил ему Струан. – Это всего лишь какой-то переодетый бедняга.

Ву Квок усмехнулся и сделал глубокий глоток.

– Ты умный человек, Тай-Пэн. Что ж, пусть будет два тэйла с корабля. Передашь их своему мандарину, а? И еще скажу тебе вот что: оставь мальчишку себе, повесь его, выброси в море – он твой. Верни его нам, и я сам его повешу.

– Что? – взорвался Скраггер. – Этот парнишка не твой сын?

– Конечно, нет, Скраггер. Ты думаешь, я дурак? – хрипло произнес Струан. – Я знаю цену клятвам подонков. – Он вышел из каюты.

– Но это было твое слово и мое. – Скраггер возмущенно повернулся к Ву Квоку: – Мы дали ему клятву. Ты сказал, что он твой сын. Ты же сам сказал мне, клянусь Богом.

– Тай-Пэн никогда бы не прислал к нам своего сына, почему я должен посылать своего к нему?

– Но я дал ему свое честное слово, клянусь Богом. Это же обман!

Ву Квок очень медленно поднялся на ноги:

– Ты назвал меня обманщиком, приятель?

– Нет, начальник, нет, – быстро пробормотал Скраггер, напрягая все силы, чтобы лицо не выдало ослепившего его гнева. – Дело просто в моей клятве. У нас принято держать клятвы. То, что случилось, считается у нас неправильным, очень неправильным. Вот и все.

Ву Квок устало покачал головой, удаляясь в покои:

– Варвары – действительно странный народ, приятель. Очень, очень странный. – Решетчатая дверь закрылась за ним.

Скраггер вышел на палубу. Клянусь Создателем, думал он, едва не плача от ярости, клянусь Создателем, с меня довольно. Я прикончу эту поганку, этого мерзкого извращенца-язычника. Богом клянусь, я это сделаю. Но только после того, как Струан отберет людей. О нет, ни в коем случае не раньше. Раньше я не осмелюсь, нет-нет, клянусь Богом, потому что это все испортит.

А вот потом, клянусь Богом, потом...

Глава 3

«Китайское Облако» разрезал пелену дождя, двигаясь вдоль южного берега Гонконга в главную гавань на севере острова.

Струаны обедали в капитанской каюте: тушеные устрицы, копченые колбасы, соленая рыба, вареная капуста со свиным жиром, холодные жареные цыплята, морские галеты, блюда с яблочным пирогом и пирогами с консервированными фруктами. Охлажденное в море белое вино и шампанское. И чай.

– Сорок лаков – четыре монеты, – говорил Робб, мрачно ковыряя вилкой в своей тарелке. – Одна принадлежит Ву Фан Чою. У кого остальные три?

– Дзин-куа непременно оставил одну себе. Может быть, две, – сказал Струан. Он потянулся через стол и положил себе еще одну обжаренную соленую селедку.

– Теперь мы связаны клятвой и должны оказать огромную услугу, – продолжал Робб. – Для этих дьяволов она куда как стоит десяти лаков. Заполучив такой клипер, как «Китайское Облако»... Господи, да с ним можно пускать ко дну даже фрегаты. Азиатские морские пути всей империи могут оказаться перерезанными. Один корабль – и десять человек, которые смогут построить еще. Девятнадцать человек, выученных на капитана, которые смогут учить других! Мы в ловушке, перед нами тупик. Ужасно.

– Дзин-куа обманул тебя. Он обманул тебя, – горячился Кулум.

– Нет. Перехитрил меня, да, но и так сказать будет неправильно. Я оказался недостаточно хитер. Я, парень! Не в нем дело. Когда двое садятся за стол, чтобы заключить сделку, каждый старается добиться для себя как можно более выгодных условий. Все очень просто. Да, я оказался слабее, чем он, и только в этом суть. Но даже если бы мне и пришла в голову мысль о том, что эти монеты могут быть поделены между несколькими людьми, мне все равно пришлось бы принять его условия. У нас не было выбора, абсолютно никакого.

– Если перехитрили тебя, Дирк, на что можно рассчитывать мне? Или Кулуму?

– Ни на что. Если только вы не будете готовы думать своей головой и учиться на ошибках других. И не станете вести себя с китайцем, как с одним из нас. Они не такие, как мы.

– Это верно, – сказал Кулум. – Уродливые, отвратительные, грубые. И все на одно лицо, невозможно отличить одно от другого.

– Я не согласен с тобой. Ты не понял меня. Я имел в виду, что у них иной склад ума, они думают по-другому, – возразил Струан.

– Тогда как же подобрать к ним ключ, отец?

– Если бы я знал это, я бы никогда не делал ошибок. Просто у них за спиной пять тысячелетий практики, вот и все. А теперь передай мне, пожалуйста, устриц... вот славный мальчик.

Кулум подал ему блюдо, и Струан положил себе уже третью порцию.

– Тебя все это, похоже, не волнует, Дирк, – заметил Робб. – А ведь это может погубить нас. Погубить всю торговлю с Азией.

– Ты совсем ничего не ешь, Робб. И ты, Кулум. Ешьте. – Струан оторвал куриную ногу и положил себе на тарелку. – Ситуация вовсе не так безнадежна. Возьмем, во-первых, эти девятнадцать человек... да, они будут шпионами Ву Фан Чоя и его отребья. Но для того, чтобы мы могли научить их, им придется выучить английский, так? А если мы сможем говорить с ними, почему нам не попробовать переделать их? Сделать из пиратов полезных для общества граждан? Может быть, даже христиан? Девятнадцать шансов заполучить ценных союзников. Я бы сказал, что попробовать стоит. А если они перейдут к нам – хотя бы один из них, – мы узнаем, где находятся все пиратские убежища и стоянки. Тогда мы сможем контролировать их, а при

надобности и уничтожить. Во-вторых, этот клипер: через год и один день мне предстоит выдержать морское сражение, только и всего. Я передам им корабль, а потом сразу же пущу его ко дну. Я ведь не давал обещания не топить его.

– А почему просто не передать его, набив трюм порохом и запалив медленный фитиль? – предложил Робб.

– Ву Квок слишком проницателен для этого.

– А нельзя ли как-нибудь подвесить мины снаружи корпуса ниже ватерлинии?

– Такой трюк, возможно, и удался бы. Мины снаружи они могут проглядеть. Но даже если тебя загнали в угол, и ты должен найти какую-то лазейку, ты не можешь нарушать священную клятву. Никакого обмана, Робб. Мы бы потеряли лицо на сотню лет вперед. Ву Квока я просто убью.

– Зачем?

– Чтобы научить его держать слово. И защитить нас на следующее поколение. Все замолчали.

– А я полагал, ты собираешься уехать домой через пять месяцев, – сказал Робб.

– В моих планах ничего не изменилось. Я приведу новый корабль обратно, когда он будет готов. Мы назовем его «Облако Лотоса». – Струан вытер рот салфеткой. – С людьми и с кораблем мне все ясно. Но зачем делать из трех мальчиков «дэнди»? Этого я не могу понять. Эти дети беспокоят меня, сам не знаю почему.

– Это будут сыновья Ву Квока?

– Сыновья или племянники, да, обязательно. Вот только зачем им это? Что они с этим приобретают?

– Все английское. Все наши секреты, – предположил Кулум.

– Нет, парень. То, что относится ко взрослым, относится и к детям. Даже в большей степени. Мальчиков будет легче превратить в европейцев, привить им наши обычаи, обратить в нашу веру. Почему они готовы потерять трех сыновей? Почему это должны быть «дэнди» – не капитаны, солдаты, кораблестроители, оружейники или что-нибудь еще столь же полезное? Почему именно «дэнди»?

Ответа не было...

Когда «Китайское Облако» с запада проскользнул в гавань Гонконга, Струан поднимался на ют, где его ожидали Кулум и Робб. Дождь прекратился, дул резкий пронизывающий ветер. День клонился к вечеру. Струан чувствовал себя хорошо отдохнувшим, на сердце у него было спокойно. Но едва лишь он ступил на палубу, как от его спокойствия не осталось и следа.

– Боже милосердный!

Гавань была забита торговыми судами со всей Азии и кораблями королевского флота. На берегу теснились палатки, в которых расположились четыре тысячи солдат экспедиционного корпуса.

Однако больше всего Струана поразили сотни китайских сампанов, облепивших берег севернее Глессинг Пойнта. Бессчетное количество джонок и сампанов прибывали и отчаливали каждую минуту. Тысячи крошечных лачуг выросли, как уродливые грибы, на склонах одного из холмов.

– Китайцы нескончаемой волной хлынули сюда с тою самого дня, когда я вернулся из Кантона, – сказал Кулум. – Одному Богу известно, сколько их тут. Они прибывают целыми сампанами и джонками и устремляются на берег. Потом растворяются в этой кишащей людской массе. Ночью эти дьяволы разбредаются по острову и крадут все, что можно унести.

– Боже милосердный!

– Поначалу они селились по всему острову. Потом я уговорил Лонгстаффа временно выделить им этот склон холма Они называют его Тай Пинь Шан или что-то в этом роде.

– Почему ты не сказал мне?

– Мы, дядя и я, хотели, чтобы ты сам все увидел. Несколько часов не имели никакого значения. Европейцев, не считая солдат, набирается сотни полторы. Лонгстафф рвет на себе остатки своих волос. Каждое утро мы вылавливаем в гавани по десять-пятнадцать китайских трупов. Убитых или утонувших.

– Нужно самому взглянуть на этот муравейник, чтобы поверить, – сказал Робб. – Как они живут! Места было достаточно, но они прибывают целыми толпами с каждым приливом.

– Что ж, – заметил Струан, – у нас не будет недостатка в носильщиках, слугах и рабочих руках. – Он повернулся к Орлову. – Салютуйте флагману и пошлите сигнал от своего имени: «Разрешение бросить якорь в восьми кабельтовых». Свистать всех наверх. Я жду вас на корме!

Орлов кивнул.

Пушки «Китайского Облака» прогремели, и с флагмана раздался ответный выстрел. Разрешение было дано. Команда собралась на палубе. Струан подошел к леерному отраждению полуюта.

– Всем оставаться на корабле до полудня завтрашнего дня. И до этого же времени никто не должен подниматься на борт. Ни слова о нашем грузе. Или о том, что я на борту. Любого, кто проболтается, я протащу под килем. Всем матросам – двойное месячное жалованье, деньги будут выплачены завтра к вечеру, серебром. Офицерам установить вооруженную охрану на юте по вахтам. Разойтись.

Матросы прокричали тройное «ура» в честь Тай-Пэна и разошлись.

– На какое время назначена распродажа, Кулум?

– На три часа дня, отец, завтра. В Счастливой Долине.

– Робб, позаботься, чтобы мы заранее располагали правильными номерами участков.

– Да. Мы принесли список. Круглый холм покупаем?

– Разумеется.

Робб задумался на мгновение.

– Если Брок окажется так же неподатлив, как ты, нам, возможно, придется рискнуть всем нашим будущим из-за этого несчастного холма.

– Верно. – Струан подозвал Орлова. – В две склянки утренней вахты пошли сигнал Броку от имени Робба с просьбой прибыть на борт к четырем склянкам. Разбуди меня, когда пробьет две склянки. До того времени меня не беспокоить. С этого момента ты принимаешь командование.

– Хорошо, – кивнул Орлов.

– Я пойду вздремну. Робб, тебе и Кулуму тоже нужно выспаться. Завтра нам предстоит долгий день. Да, кстати, Кулум, может быть, ты поразмыслишь над балом. Где, как и что. Через тридцать один день. – Он спустился вниз.

Когда «Китайское Облако» приближался к флагману, Кулум подошел к Орлову:

– Пожалуйста, спустите баркас на воду, как только мы станем на якорь.

– Тай-Пэн приказал всем оставаться на борту. Без его разрешения не будет никакого баркаса.

– Но приказ не распространяется на нас, на мистера Струана и меня, – резко проговорил Кулум.

Орлов хмыкнул.

– Ты не знаешь своего отца, Кулум Силач. Он сказал «всем». И именно так все и будет.

Кулум направился к люку, но Орлов остановил его, небрежно покачивая боевым цепом:

– Его нельзя беспокоить. Это тоже его приказ.

– Убирайтесь с дороги!

– Когда Тай-Пэн отдает распоряжения, он всегда взвешивает каждое слово. Спроси у своего дяди. До тех пор, пока я капитан «Китайского Облака», ни одна душа не сойдет на берег! Если бы он хотел, чтобы ты туда отправился, он бы так и сказал.

– Мы пробудем на борту до полудня, Кулум, – подтвердил Робб.

Сквозь ярость, обуревавшую его, Кулум спросил себя, будут ли и ему подчиняться столь же беспрекословно, когда он станет Тай-Пэном. Он понимал, что подобное повиновение объяснялось не просто титулом. Его нужно было заслужить. – Очень хорошо, капитан. – Он отошел и встал рядом с Роббом у фальшборта. Молча они наблюдали, как остров вырастает перед ними. Вскоре они смогли разглядеть круглый холм.

– Этот холм нас прикончит, – сказал Робб.

– Теперь у нас есть деньги. Брок не станет вмешиваться.

– Он будет повышать, повышать и повышать цену, зная, что Дирк все равно купит холм, чего бы ему это ни стоило. Брок прекратит торговаться, когда цена вырастет до небес. Дирк привязан к этому холму, так же крепко, как мы привязаны к «Благородному Дому». Теперь это вопрос лица, растреклятого лица, черт бы его побрал! Их дикая ненависть друг к другу когда-нибудь уничтожит их обоих.

– Отец сказал, что покончит с ним за эти пять месяцев, разве нет?

– Да, парень. Ему придется это сделать. Я не смогу. И ты тоже.

Кулум приковался взглядом к холму и к Гонконгу.

Хочешь ты этого или нет, сказал он себе, чувствуя, как у него холодеет внутри, но пред тобой сейчас твое королевство. Если ты чувствуешь в себе силу. И смелость, чтобы принять его.

Ему вдруг стало страшно.

С рассветом капитан Орлов дал распоряжение всей команде драить и чистить и без того сверкающее чистотой судно. В две склянки он послал сигнал Броку и спустился вниз.

– Доброе утро. Две склянки, – сказал Орлов в закрытую дверь.

– Доброе утро, капитан, – ответил Струан, открывая ему. – Входите. – Он был в зеленом ночном халате из шелковой парчи, надетом на голое тело. Струан спал без одежды в любое время года. – Распорядитесь прислать мне завтрак. И попросите мистера Робба и Кулума присоединиться ко мне за столом через полчаса.

– Насчет завтрака я уже распорядился.

– Где Вольфганг?

– Наверху.

– А китайский мальчонка?

– Вместе с ним. Бегает за ним, как собака. – Орлов протянул Струану аккуратно написанный список. – Эти лодки подходили к кораблю прошлым вечером и сегодня утром, спрашивали вас. Жена вашего брата прислала баркас с просьбой к нему как можно скорее прибыть на борт. Капитан Глессинг справлялся о вашем сыне. Синклер и его сестра тоже его спрашивали. Она также хотела повидать и вас, поэтому вы найдете ее имя в списке. Кроме этого, был сигнал с флагмана: «Вашему сыну незамедлительно прибыть на борт». Капитан Глессинг ругался, как подвальная крыса, когда я отослал его ни с чем.

– Благодарю вас.

В дверь постучали.

– Да?

– Доброе утро, сэр-р! – сказал вошедший матрос. – Сигнал с «Белой Ведьмы»: «С удовольствием».

– Спасибо, сигнальщик. – Матрос повернулся и исчез за дверью. Струан протянул Орлову банковский чек на тысячу гиней: – Вместе с нашей благодарностью,

капитан.

Орлов прочел сумму. Он ошеломленно поморгал и перечел ее снова.

– Это по-княжески. По-княжески. – Он вернул чек Струану. – Я всего лишь выполнял свою работу.

– Нет. С таким количеством денег на борту – нет. Возьмите чек. Вы его заслужили.

Орлов поколебался, потом опустил бумагу в карман. Он снял с руки боевой цеп и задумчиво положил его на полку рядом с другими. – Ваш сын, – заговорил он после долгой паузы, – вам нужно будет хорошенько присматривать за ним. Впереди его караулит большая беда.

– А? – Струан оторвал глаза от списка.

– Да. – Орлов поскреб свою короткую бороду.

– Что это значит? Опять твое дьявольское ведовство?

– Опять мое второе зрение, да.

– Какая именно беда? – Из долгого опыта Струан знал, что Орлов никогда ничего не предсказывает просто так. Слишком часто этот странный человек оказывался прав.

– Не знаю. – Неожиданная улыбка осветила лицо норвежца. – Он думает, что когда станет Тай-Пэном, то отберет у меня мой корабль.

– Значит, тебе придется заслужить его доверие, заставить его изменить свое решение, иначе ты потеряешь клипер. Орлов ухмыльнулся.

– Да. Так я и сделаю, можешь не сомневаться. – Улыбка погасла. – Но он станет Тай-Пэном в дурной день. Кровь будет на его руках.

Помолчав немного, Струан спросил:

– Чья? Моя?

Орлов пожал плечами:

– Не знаю. Но он доставит тебе много хлопот. В этом я твердо уверен.

– Какой сын не доставляет хлопот отцу?

– Тут ты прав. – Орлов подумал о своей семье, жившей в Норвике. О двух своих сыновьях, статных двадцатилетних молодцах. Оба они ненавидели и презирали его, хотя он обожал их, как обожал и свою жену Леку, лапландку. Они были счастливы вместе, пока сыновья не стали настраивать ее против него. – Да, – сказал он, чувствуя смертельную усталость, – ты прав. Как обычно.

– Тебе лучше поспать немного, – сказал Струан. – Ты понадобишься мне в восемь склянок.

Орлов ушел.

Долгое время Струан неподвижно смотрел в пространство. Какая беда? Чья кровь? Почему «дурной день»? Потом он отвлекся от того, чему не было ответа, ограничившись заботами сегодняшнего дня и, возможно, завтрашнего.

– С каждым днем ты все больше становишься китайцем, – сказал он вслух. Улыбнувшись, он перечел список еще раз. Горт Брок. Мисс Тиллман. Квэнс. Гордон Чен. Скиннер. Боцман Маккей. Маккей? – Стюард! – крикнул он.

– Да, сэр. – Стюард поставил горячую воду на шкафчик, рядом с бритвенными принадлежностями.

– Передайте мистеру Кьюдахи, что если к кораблю подойдет боцман Маккей, пусть он проводит его на палубу.

– Есть, сэр. – Стюард исчез.

Струан подошел к окнам каюты. Он смотрел на пульсирующее скопище людей, каким было китайское поселение Тай Пинь Шан. Но голова его была занята другим: зачем приезжала Шевон Тиллман? О да, она настоящая королева, достойная того, чтобы разделить с нею ложе. Интересно, она еще девственница? Ну конечно, девственница! По-другому и быть не может. А ты бы взял ее, зная, что она невинна?

Без того, чтобы потом жениться на ней? Нет. В этом случае я бы ее не тронул. Мужчине нужна девственница только дважды в жизни.

Один раз в молодости, когда он женится, и другой раз в расцвете лет, когда он с большой тщательностью выберет себе юную любовницу. Когда он уже научился терпению и сочувствию и может безболезненно превратить девушку в женщину.

Конечно, Шевон девственна; нужно быть дураком, чтобы усомниться в этом. Но искорки, таящиеся в глубине ее глаз, и то, как зазывно она покачивает бедрами при ходьбе, многое сулят ее будущему супругу, а? Да, из нее получилась бы интересная любовница. Так ты хочешь жениться на Шевон? Или просто залучить ее в постель?

Если бы ты был китайцем, ты мог бы открыто иметь много жен. И все они мирно уживались бы друг с другом. Струан коротко хохотнул. Хотел бы я видеть Шевон и Мэй-мэй вместе под одной крышей. Интересно, кто бы выиграл эту битву? Потому что только битвой это и могло окончиться – обе они не женщины, а дикие кошки.

– Здравствуй отец. – На пороге каюты стоял Кулум.

– Ты хорошо спал, дружок?

– Да спасибо. – На самом деле Кулума мучали кошмары: ему снился холм, Орлов на холме, предрекающий им вновь скорую бедность. О Боже, не допусти, чтобы мы опять разорились. Помоги мне исполнить то, к чему я призван. – Кстати, если мы будем хозяевами бала, нам, наверное, понадобится и хозяйка?

– Мэри Синклер?

Кулум безуспешно попытался придать себе безучастный вид.

– Да.

Струан отметил про себя, что ему нужно подыскать сыну какую-нибудь девушку, и побыстрее.

– Может быть, раз мы хозяева, будет лучше, если мы одинаково радушно примем всех, не отдавая предпочтения кому-то в отдельности. Тут у нас более двух десятков юных леди, твой глаз может остановиться на любой из них.

– Орлов сказал, что был сигнал с флагмана. Меня требуют на борт. Могу я теперь отправиться туда? Я хочу уточнить с Лонгстаффом последние детали земельной распродажи. Я бы хотел хорошо выполнить это его поручение.

– Отправляйся. – После паузы Струан добавил: – На твоем месте я не стал бы увольнять Орлова. Кулум вспыхнул:

– А, так, значит, он рассказал тебе? Мне он не нравится. От него у меня мурашки начинают бегать по коже.

– Смотри на него как на лучшего изо всех капитанов, когда-либо ходивших под парусами. Будь терпелив с ним. Он может оказаться ценным союзником.

– Он говорит, что умеет провидеть будущее.

– Это правда. Иногда его предсказания действительно сбываются. И он далеко не один такой. «Кровь на твоих руках» может означать что угодно или вообще ничего. Не тревожься, сынок.

– Хорошо, не буду, отец. Могу я теперь отбыть на флагман?

– Да. Сразу, как только уедет Брок.

– Ты считаешь, что я не умею держать язык за зубами?

– Некоторые люди обладают даром получать нужные им сведения просто заглянув человеку в лицо. Орлов, например. Или Брок. Ты изменился с того момента, как увидел серебро.

– Ничуть я не изменился.

Струан взял кисточку для бритья.

– Завтрак подадут минут через двадцать.

– Как я изменился? – настаивал Кулум.

– Есть огромная разница между молодым человеком, который знает, что он разорен, и молодым человеком, который уверен в обратном. У тебя хвост торчит

трубой, парень, и его видно за полмили. – Струан начал намыливать лицо. – У тебя когда-нибудь была любовница, Кулум?

– Нет, – ответил Кулум, смутившись. – В борделе я был, если ты это имеешь в виду. Почему ты спрашиваешь?

– Большинство людей в этой части света имеет любовниц.

– Китаезских?

– Китайских. Или евразийских.

– А ты?

– И я, конечно. – Струан взял бритву. – В Макао есть бордели. Восточные и европейские. Но без опаски можно посещать лишь некоторые, большинство из них заразны. Отсюда этот обычай… ты слышал о «женской болезни», французской хвори или испанской хвори, называй ее, как хочешь?

– Да. Конечно. Слышал.

Струан начал бриться.

– Говорят, первыми эту болезнь привезли в Европу Колумб и его матросы, подхватившие ее от американских индейцев. Есть своя ирония в том, что мы зовем ее французской или испанской, французы – испанской или английской, а испанцы – французской. Когда виноваты все мы. Я слышал, что она испокон века существует в Индии и Азии. Ты знаешь, что от нее нельзя излечиться?

– Да.

– Тогда ты должен знать, что заразиться ею можно только от женщины?

– Да.

– Тебе известно, что мужчина может предохраняться?

– Да... да, конечно.

– Стыдиться тут нечего. Я жалею, что за последние годы у меня не было возможности поговорить с тобой. Мне бы хотелось самому рассказать тебе о... о жизни. Может быть, ты и так уже все знаешь, а может быть, просто стесняешься. Так что я расскажу тебе в любом случае. Поверь, крайне необходимо надевать чехольчик. Самые лучшие делают из шелка – их выписывают из Франции. Существует и новый тип, который изготовляют из рыбьего пузыря. Я прослежу, чтобы ты получил достаточное их количество.

– Не думаю, что мне понадобятся…

– Согласен, – прервал его Струан. – Но никакого вреда не будет, если ты запасешься ими. На всякий случай. Я не пытаюсь вмешиваться в твою личную жизнь и не предлагаю тебе стать повесой. Я просто хочу быть уверен, что тебе известны некоторые элементарные вещи и что ты сумеешь избежать опасности. Чехольчик предотвратит заражение. И не даст девушке забеременеть, избавив ее, таким образом, от больших неприятностей, а тебя от чувства неловкости перед всем светом.

– Но это против законов божеских, не так ли? Я имею в виду, пользоваться... ну, это ведь грех, разве нет? Разве это не разрушает самого смысла любви. Ведь главное – это иметь детей.

– Так считают католики, да. И наиболее религиозные из протестантов.

– Ты ставишь под сомнение Священное Писание? – искренне ужаснулся Кулум.

– Нет, парень. Лишь некоторые из его – как бы это сказать? – толкований.

– Я всегда считал себя приверженцем передовых взглядов, но ты... знаешь, то, что ты говоришь, это самая настоящая ересь.

– Для некоторых, пожалуй. Но Дом Господа нашего очень важен для меня – он стоит на первом месте, выше меня, тебя, кого угодно, даже «Благородного Дома». – Струан продолжал бриться. – Здесь, на Востоке, существует обычай: каждый имеет свою собственную девушку. Которая принадлежит ему одному. Ты содержишь ее, оплачиваешь ее счета, прислужницу, кормишь ее, одеваешь и так далее. Когда она

тебе надоедает, ты даешь ей денег и отпускаешь.

– Тебе не кажется, что все это довольно жестоко?

– Да – если делать это без лица. Обычно та небольшая, в нашем представлении, сумма, которую ты оставляешь ей, более чем достаточна, чтобы у девушки появилось приданое и она нашла себе хорошего мужа. Сам выбор девушки проводится с большой церемонией. Делается это через «маклера» – поверь, это не просто сводник, – и в строгом соответствии с древним китайским обычаем.

– Но разве это не то же рабство? Причем самое гнусное из всех?

– Если ты намерен купить себе рабыню – да. И если ты обращаешься с ней, как с рабыней. Вспомни, как это бывает, когда ты нанимаешь слугу? Ты платишь деньги и покупаешь его на несколько лет. То же самое и здесь. – Струан провел рукой по подбородку и начал снова намыливать те места, которые показались ему выбритыми недостаточно чисто. – Мы поедем в Макао. Я договорюсь обо всем, если ты желаешь.

– Спасибо, отец, но... – Кулум хотел склать, что покупать женщину – шлюху, рабыню, наложницу – отвратительно и грешно, – ...я... э... благодарю тебя, но в этом нет необходимости.

– Если передумаешь, скажи мне, парень. Только не стесняйся. Я считаю, чго «иметь аппетиты» вполне нормально, и греха в этом нет Но ради Бога, будь осторожен, когда идешь в бордель. Никогда не ходи туда пьяным. Никогда не ложись с девушкой, не приняв мер предосторожности. Пока ты здесь, никогда не позволяй себе вольностей с женой или дочерью европейца – особенно португальца – иначе дело кончится твоей смертью, и очень быстро, что будет только справедливо. Никогда не называй человека сукиным сыном, если ты не готов подкрепить свои слова стальным клинком или пулей. И никогда, никогда не посещай борделей, которые не были рекомендованы тебе человеком, пользующимся твоим доверием. Если тебе не хочется обращаться ко мне или к Роббу, спроси у Аристотеля. Ему можно верить.

Растревоженный всем услышанным, Кулум наблюдал, как отец быстрыми, точными движениями заканчивает бритье. Он кажется таким уверенным во всем, подумал юноша. Но он неправ – во многих вещах. Неправ. В Писании ясно сказано: плотские утехи, похоть посланы нам дьяволом. Любовь же ниспослана нам Господом. Любить женщину, не желая ребенка, – похоть. И страшный грех. Как бы я хотел иметь жену. И забыть о похоти. Или любовницу. Но это незаконно и противно слову Божию.

– Ты купил свою наложницу? – спросил он.

– Да.

– Сколько ты заплатил за нее?

– Я бы сказал, что это не твоего ума дело, сынок, – мягко ответил Струан.

– Прости. Я не хотел быть грубым... любопытным или... – Кулум покраснел.

– Я знаю. Но такие вопросы мужчины друг другу не задают.

– Да. Я просто хотел узнать, сколько стоит женщина? Если ее покупать?

– Это будет зависеть от твоего вкуса. Начиная с какого-нибудь жалкого тэйла и кончая чем угодно. – Струан не жалел, что затеял этот разговор. Лучше сделать это самому, сказал он себе, чем ждать, когда это сделают другие. – Кстати, Кулум. Мы так и не обговорили сумму твоею жалованья. Ты начнешь с пятидесяти гиней в месяц. Эти деньги почти целиком пойдут на твои карманные расходы, поскольку ты будешь всем обеспечен.

– Это очень, очень щедро, – вырвалось у Кулума. – Благодарю тебя.

– Через пять месяцев эта сумма будет значительно увеличена. Как только мы приобретем землю, сразу же начнем строиться. Пакгаузы, Большой Дом – и дом тебе.

– Это было бы чудесно. У меня никогда не было дома – я имею в виду, у мети никогда не было даже комнаты, которая принадлежала бы только мне. Даже в универсшеге.

– Человек должен иметь собственное жилье, пусть маленькое и тесное, но свое. Место, где он мог бы побыть один. Это очень важно для поддержания ясности ума.

– Пятьдесят гиней в месяц - это так много, – проговорил Кулум.

– Это не подарок. Ты их отработаешь.

С такими деньгами я могу жениться, думал Кулум. Очень легко. Он обойдется без борделей или этих грязных китаянок. Кулум с отвращением вспомнил три своих визита в публичный дом, который пользовался популярностью у студентов университета и был им по карману. Ему пришлось тогда изрядно напиться, чтобы не ударить лицом в грязь перед друзьями и заставить себя войти в вонючую комнату. Шиллинг за то, чтобы повозиться на влажных от пота простынях с коровоподобной ведьмой, вдвое старше его годами. Чтобы избавиться от болей, посланных дьяволом – проклятия всех мужчин. И потом обязательные недели кошмарного ожидания, не проявится ли болезнь. Господи, избавь меня впредь от греха, помолился он.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Кулум?

– Да, спасибо. Знаешь, я, пожалуй, пойду побреюсь перед завтраком. Извини меня. Я не хотел... ну, я не хотел показаться грубым.

– Я знаю.

– Подошел баркас Брока, сэр-р, – доложил матрос.

– Проводи его вниз, – распорядился Струан, не поднимая глаз от перечня участков, который передал ему Робб.

Кулум и Робб почувствовали, как с каждой секундой ожидания растет напряженность в каюте.

Дверь открылась, и Брок вошел, тяжело ступая. Он широко улыбнулся:

– Ага, так это все-таки ты, Дирк. Я так и подумал, что ты на борту!

– Выпьешь?

– С удовольствием. Доброе утро, Робб. Доброе утро, Кулум.

– Доброе утро, – ответил Кулум, ненавидя себя за страх, охвативший его при появлении этою человека.

– Эта одежда сидит на тебе прямо лучше не надо. Ты теперь, надо полагать, станешь мореходом? Как твой батюшка?

– Нет.

Брок уселся в морское кресло.

– В последний раз, когда я видел твоего батюшку, он шел под таким креном, что жуть брала. Прямо сказать, тонул он. Ужас, да и только. Страшное это было происшествие – несчастный-то случай. – Он принял от Струана кружку с ромом. – Благодарствуйте. К тому времени, как я управился с этим чертовым огнем, невесть откуда взявшимся в той кромешной тьме, прямо как молния из бездны, и приготовился идти к нему на выручку, глядь, Господи, а его уж и нет нигде. Всю ночь мы тогда провели в поисках и большую часть следующего дня.

– Я ценю такую заботливость с твоей стороны, Тайлер, – сказал ему Струан.

– Прошлой ночью я послал Горта справиться о тебе. Очень, прямо, странно, а, Кулум?

– Что странно, мистер Брок?

– Как что? Да ведь этот дьявол-карлик даже не знал, что твой батюшка у него на корабле. И никому не разрешено было подниматься на борт до полудня, как я слышал. И встали вы под прикрытием пушек флагмана. А ты спрашиваешь, что тут странного.

– Горт коснулся флагштока? – спросил Струан.

– Ага. Очень он только расстраивался. Все говорил, что это было все равно как вбить еще один гвоздь в твой гроб. Ужасно он не хотел этого делать.

Струан протянул ему банковский чек на двадцать тысяч гиней.

– Спасибо, Дирк, – сказал Брок, не прикасаясь к чеку и даже не глядя на него. – Только он не мой. Может, тебе лучше самому отдать его Горту. Или прислать ему на борт. Эти деньги ты не мне платишь.

– Как пожелаешь, Тайлер. Он будет на распродаже?

– А как же.

Струан взял в руки список участков.

– Лучшие прибрежные участки идут под номерами 7 и 8 к западу от долины, 16 и 17 в центре, 22 и 23 к востоку. Какие ты хочешь для себя?

– Ты предлагаешь мне вот так свободно взять и выбрать, Дирк?

– Тут хватит нам обоим. Ты выберешь какие захочешь. Мы не станем торговаться против тебя. А ты против нас.

– Я подумал о том же. Это будет справедливо. 16 и 17 из прибрежных участков и 6 и 7 из городских.

– Мы возьмем 7 и 8 у берега. И 3 и 4 в городке.

– Идет. Остается круглый холм. Ты все так же собираешься купить его, а?

– Да.

Брок приложился к кружке. Он чувствовал беспокойство, снедавшее Кулума.

– Флот завтра уходит, Дирк. Ты слышал об этом?

– Нет. Уходит куда?

– На север. Воевать, – с сардонической усмешкой ответил Брок.

– Я и забыл, что у нас война, – сказал Струан с коротким смешком. – Еще один прорыв к Пекину? Зимой?

– Да. Наши доблестные вожди приказывают кораблям двигаться на север. У твоего лакея вместо мозгов пушечные ядра. Я слышал, адмирал чуть не визжал от возмущения, но Лонгстафф лишь повторял, как заведенный: «На север, клянусь Господом, я приказываю вам идти на север! Мы покажем этому языческому сброду, как нарушать договоры! Они это надолго запомнят!».

– Флот не пойдет на север.

– Теперь, когда ты вернулся, может, и не пойдет. Печальное это дело, когда Тай-Пэном оказывается человек вроде Лонгстаффа. Смех один, а не представитель Короны. И когда люди, вроде тебя, нашептывают ему на ухо. Когда нам всем приходится уповать на тебя, чтобы спасти наш флот. – Он шумно прочистил горло, потом потянул носом воздух: – До чего странно пахнет у вас на корабле.

– О?

– Запах денег. Да, деньгами пахнет, точно. – Брок быстро повернулся к Кулуму: – Стало быть, ты больше не банкрот, а парень?

Кулум промолчал, но кровь бросилась ему в лицо.

Брок удовлетворенно крякнул.

– Я почуял это, когда ты встал на якорь, Дирк. Господи, даже еще раньше, когда ты только вошел в гавань. Стало быть, ты не потонул и деньги у тебя есть, чтобы расплатиться, а я в очередной раз проиграл.

– Когда истекает срок моих векселей?

– Сегодня, как тебе хорошо известно.

– Хочешь отсрочить платеж?

– Если бы не лицо этого парнишки, да и всех на борту, я бы спросил себя, уж не блефуешь ли ты. Может, никакого серебра и нет в твоих трюмах. Но меня не провести. Это написано на каждой роже здесь на корабле, исключая твою – и Робба. Я приму твой банковский чек сегодня, клянусь Богом. Никакого кредита.

– После распродажи мы все уладим.

– До нее. Да, до нее. Лучше тебе быть свободным от всех долгов, прежде чем ты начнешь торговаться на аукционе, – сказал Брок, сверкая глазом, и его злоба прорвалась наружу – Ты опять побил меня, да проклянут тебя Господь и дьявол,

которому ты служишь, на веки вечные! Но круглый холм будет мой. Он будет мой.

– Он принадлежит «Благородному Дому». А не тому, кто тащится следом.

Брок поднялся, сжав кулаки.

– Я еще плюну на твою могилу, клянусь Богом.

– А я буду плевать на твою компанию с моего холма, клянусь Богом. Еще до захода солнца!

– Может статься, во всей Азии не наберется столько сокровищ, чтобы заплатить такую цену, клянусь Богом! Желаю здравствовать всем вам.

Брок в ярости ринутся из каюты, и его сапоги застучали по трапу.

Кулум вытер потные руки.

– Этот холм стал твоей ловушкой, Дирк. Он прекратит торговаться и разорит нас, – сказал Робб.

– Да, отец. Я знаю, что он так и сделает.

Струан распахнул дверь каюты:

– Стюард!

– Да, сэр-р.

– Мистера Кьюдахи ко мне. Быстро!

– Есть, сэр-р.

– Послушай, Дирк, – продолжал Робб. – У тебя есть шанс. Сделай с ним то же, что он собирается сделать с тобой. Прекрати вдруг торговаться. Пусть он сам разгребает эту кучу Тогда конец ему. Ему! Не нам!

Струан не произнес ни слова. Раздался стук в дверь, и в каюту торопливо вошел Кьюдахи:

– Слушаю, сэр-р?

– Катер на воду. Скажите боцману, пусть доставит мистера Робба и мистера Кулума на «Грозовое Облако». Там он дождется мистера Кулума и отвезет его на флагман. Потом пусть возвращается сюда. Собрать всех на палубе у кормы!

Кьюдахи закрыл за собой дверь.

– Отец, дядя прав. Ради всех святых, неужели ты не видишь, что этот проклятый пират загнал тебя в ловушку?

– Тогда нам остается только посмотреть, не вытащат ли нас святые, которых ты помянул, из этой ловушки. Это вопрос лица!

– Дирк, – взмолился Робб, – почему ты не прислушаешься к голосу разума?

– Сара хочет видеть тебя на борту. Пока о серебре ни слова. И, Кулум, дружок, если Лонгстафф спросит обо мне, скажи только, что я на корабле. Больше ничего.

– Дирк, это твой единственный шанс...

– Тебе лучше поторопиться, Робб. Передай мои наилучшие пожелания Саре и детям. – Он вернулся к вороху бумаг на столе.

Робб знал, что спорить дальше бесполезно. Он молча вышел. Кулум последовал за ним с тоской в сердце. Он понимал, ничто на свете не заставит отступить его отца – или Брока; «Благородный Дом» поставил все свое будущее на никчемный холмик земли, выросший на никчемной скале. Глупо, кричало все его существо. Почему отец так чертовски, так безнадежно глуп?

Глава 4

В тот же день после полудня Струан стоял рядом с большой палаткой, которую он распорядился поставить на берегу Счастливой Долины. Он смотрел, как капитан Орлов надзирает за матросами, те перетаскивали бочонки из баркаса на берег и укладывали их ровными рядами внутри палатки. Он был настолько поглощен этим, что не слышал, как сзади к нему подошла Мэри Синклер.

Ее лицо обрамлял капор, подвязанный под подбородком. Коричнево-красное

суконное платье волочилось по песку, оно было туго перетянуто в галии, придавая фигуре форму песочных часов по моде того времени. Но ткань была низкого качества, а покрой старомодным. Мэри прятала руки в потертую муфту, на плечи она набросила серую шаль, которая очень шла к ее глазам. Она выглядела аккуратной, невзрачной, бедной, замкнутой и полной достоинства.

– Привет, Тай-Пэн, – сказала она.

Струан, вздрогнув, вышел из состояния задумчивости. – О, привет, Мэри. Ты выглядишь очаровательно.

– Благодарю вас. добрый сэр, – сказала Мэри с мимолетной улыбкой. Она сделала изящный книксен. – Это такая высокая похвала для бедной девушки.

Пляж и долина быстро заполнялись торговцами, их женами и детьми – все в праздничном настроении, приодетые к случаю. Они обменивались друг с другом приветствиями и громко переговаривались Группы солдат и матросов – все офицеры в парадной форме – расположились в разных местах долины. Баркасы постоянно доставляли на берег новые семьи и офицеров. В прибрежной полосе, сбившись в кучки, ловили рыбу несколько сампанов, а к западу шумной толпой стоили любопытные китайцы, отделенные от долины кордоном из морских пехотинцев.

Столик аукционера поставили на небольшом возвышении в пятидесяти ярдах от палатки Струана, и, взглянув туда, шотландец заметил неподалеку от него Гордона Чена. Молодой человек тут же поклонился ему. Струан понял, что его сын хочет поговорить с ним и поэтому, должно быть, уже долгое время терпеливо ждет, когда предоставится возможность сделать это, не привлекая к себе внимания.

– Здравствуй, Гордон. Я освобожусь через минуту, – крикнул он.

– Благодарю вас, сэр, – откликнулся Гордон, кланяясь снова.

Струан увидел Робба, прогуливающегося с Сарой. Сара ступала грузно, с напряженным лицом. Рядом с ними резвилась Карен. Струан поискал глазами Кулума, но не нашел его и решил, что тот все еще на флагмане. Потом он вдруг увидел ею, занятого оживленной беседой с Глессингом. Струану показалось странным, что Кулум не подошел к палатке сразу же, как только прибыл на берег.

– Прошу прощения, Тай-Пэн, мисс Синклер, – сказал Орлов. – Все бочонки на берегу.

– Надеюсь, что так, капитан Орлов, – лукаво улыбнулась Мэри. – Я слышала, вы перетаскивали их с баркаса последние два часа без перерыва. Вы хотите споить все европейское население острова, мистер Струан?

Струан коротко хохотнул.

– Нет. Благодарю вас, капитан.

Орлов отдал честь Мэри и скрылся в палатке с несколькими матросами. Другие собрались вокруг нее, одна группа села рядом на берегу и принялась играть в кости.

– Ты пришла рано, Мэри. Торги начнутся не раньше, чем через час.

– Капитан Глессинг был настолько любезен, что предложил проводить меня на берег, – сказала она. – Давайте пройдемся немного, если вы не возражаете.

– Конечно, – ответил Струан, уловив тревожную нотку в ее голосе. Они не спеша пошли в глубь острова.

Внизу в долине было сыро, вчерашний дождь оставил после себя широкие зеркальные лужи. От небольшого водопада, петляя, сбегал тихий ручеек. К шуму прибоя добавлялось неумолчное жужжание мух, стрекоз, пчел и слепней. Лучи солнца несли с собой обещание весны.

Когда они отошли достаточно далеко, Мэри остановилась.

– Во-первых, я хотела сказать вам, как больно мне было услышать о вашей утрате.

– Спасибо, Мэри.

– Я пыталась увидеться с вами до того, как вы отбыли в Кантон.

– Я помню. У тебя доброе сердце.

– Вчера вечером я попробовала попасть на ваш клипер. Мне хотелось знать, как вы себя чувствуете. Это был плохой йосс.

– Да. Но это позади. В прошлом.

– В прошлом. Однако я читаю боль на вашем лице. Другие не видят ее, но я вижу.

– А как дела у тебя? – спросил он, пораженный, как всегда, тем, что Мэри могла выглядеть такой обыкновенной – милой, нежной, такой, какой она должна была быть, но не была. Мне следовало бы презирать ее, подумал он, но вопреки всему она мне нравится.

– Жизнь стала интересной. На некоторое время. – Мэри оглянулась на пляж. Брок, Горт и Нагрек Тум, Элиза Брок и ее дочери сходили на берег из своего баркаса. – Я рада, что вы опять побили Брока. Так рада.

– А разве я его побил?

Мэри прищурилась:

– Сорок лаков серебра? Четыре монеты?

– Откуда тебе извесшо об этом?

– Неужели вы забыли, Тай-Пэн? У меня есть друзья в высоких сферах. – Она произнесла это самым обычным тоном. Но когда она была рядом с Тай-Пэном, эти «друзья» вызывали у нее презрение.

– У кого хранятся другие половинки монет, кто эти люди?

– Вы хотите, чтобы я узнала?

– Может быть, я думаю, что это тебе уже известно.

– Ах, Тай-Пэн, вам действительно нет равных. – Ее голос потеплел еще больше. – Я знаю, где находятся две. Когда выясню про остальные, я вам сообщу.

– А у кого две первых?

– Если бы вам удалось устроить кому-то такой огромный заем, сколько бы половинок вы оставили себе?

– Все до одной. Да, клянусь Богом, все до одной. У Дзин-куа их две?

– Одна. – Она поиграла шалью и поправила ее на плечах. – Сейчас в Кантоне находятся четыре тысячи «знаменосцев». И большая армада брандеров. Наш флот должен подвергнуться нападению, если попытается атаковать форты Бог. И еще один флот ждет в пятидесяти милях к северу. Имя By Квок говорит вам о чем-нибудь?

Струан притворился, что пытается вспомнить, но на самом деле он был потрясен. До встречи со Скраггером он сам никогда не слышал о By Квоке. О By Фан Чое, его отце – конечно, но не о сыне. Маусс не был посвящен ни в то, ято происходило на большой джонке, ни в то, что сказал Скраггер, Знали обо всем только Кулум и Робб. От них Мэри никак не могла узнать о By Квоке. Значит, она должна была получить эти сведения от самого By Квока – или от Дзин-куа. Но каким образом? – Имя как имя, – сказал он наконец. – Почему ты спросила?

– By Квок – старший сын By Фан Чоя.

– Пиратского предводителя? Белого Лотоса? – Струан изобразил на лице удивление.

– Я обожаю шокировать вас, – весело сказала она. – Так вот, император через Хоппо в Кантоне тайно предложил By Квоку и By Фан Чою должности мандаринов. И еще генерал-губернаторство в провинции Фукьен – и на Формозе. В обмен за нападение на корабли в гавани Гонконга. Всем их флотом.

– На какой день назначено нападение? – На этот раз его шок был неподдельным.

– Они еще не приняли предложения. Как говорят китайцы, «переговоры продолжаются».

Может ли быть так, что By Квок просил об услугах лишь для отвода глаз,

спрашивал себя Струан. Дьявольская интрига внутри еще одной интриги, чтобы усыпить его бдительность и покрепче захлопнуть дверцу западни? Причем здесь тогда монета? Стали бы они рисковать всем своим флотом? Три тысячи джонок с пиратским сбродом на борту могли бы – покончить с нами – может быть!

– А ты узнаешь, если они примут... если нападение все-таки состоится?

– Я не уверена, но думаю, что да. Однако это еще не все, Тай-Пэн. Да будет вам известно, что вознаграждение за вашу голову удвоено. Назначено вознаграждение и за Кулума тоже. Десять тысяч долларов. Вообще за каждого англичанина. Джорджа Глессинга, Лонгстаффа, Брока. – Ее голос упал: – И за Мэй-мэй, Дункана и Кейт. Если их захватят живыми.

– Что?!

– Я услышала об этом три дня назад. Вас здесь не было, поэтому я с первым же судном поспешила в Макао, но вы уже уехали оттуда. Так что я отправилась прямо к Мэй-мэй. Я сказала ей, что меня послали вы, что вам стало известно, будто ей и детям грозит опасность. Затем я повидала вашего компрадора и передала ему, от вашего имени, чтобы он забрал Мэй-мэй с детьми к себе, добавив, что если с ними случится что-нибудь до вашего возвращения, вы повесите его самого, его детей и детей его детей.

– Что ответил Чен Шень?

– Он просил передать, что вам нечего бояться. Я проводила Мэй-мэй и детей в его дом, потом вернулась на Гонконг. Думаю, на время они в безопасности.

– Он знает про серебро?

– Разумеется. Часть его, очень маленькая часть, принадлежит ему. Разве он мог бы найти более выгодное применение своим деньгам?

– Кто еще давал серебро?

– Я знаю о Чен Шене, Дзин-куа, купцах Ко-хонга – каждый внес свою долю. Это составило около пятнадцати лаков. Насчет остального я не уверена. Вероятно, маньчжурские мандарины.

– Ти-сен?

– Нет. Он в совершенной немилости. Все его богатство отошло в императорскую казну. Купцы Ко-хонга считают, что оно оценивалось в две тысячи лаков. Золотом.

– Так Чен Шень сказал, что присмотрит за Мэй-мэй и детьми?

– Да. Теперь, когда вы снова богаты, он готов отвечать за них жизнью своей матери. По крайней мере, какое-то время.

– Подожди меня здесь, Мэри. – Струан повернул к пляжу. Он нашел глазами Маусса, окрикнул его, подзывая рукой, и заторопился ему навстречу.

– Вольфганг, разыщи Орлова и отправляйся на «Китайском Облаке» в Макао. Забери Мэй-мэй и детей и привези их вместе с амой сюда. На всех парусах. Оставь Кьюдахи присматривать за палаткой.

– Привезти их сюда, на остров?

– Да. Вы должны вернуться к завтрашнему дню. Они живут у Чен Шеня.

– Привезти их сюда? Открыто?

– Да, клянусь Богом! Отправляйся немедленно.

– Я не стану этого делать, Тай-Пэн. В открытую – нет. Вы же этим погубите себя. Вы ведь знаете, что перед вами захлопнутся все двери, вы станете изгоем.

– Мандарины назначили награду за их головы. Торопись!

– Gott im Himmel! – Маусс нервно подергал себя за бороду. – Я тайно доставлю их на корабль и возьму с Орлова клятву держать язык за зубами. Gott im Himmel, прости меня, несчастного грешника.

Струан вернулся к Мэри.

– Кто сообщил тебе о похищении, Мэри?

– Вы не знаете этого человека.

– Ты подвергаешь себя большой опасности, девочка. Получаешь информацию, а потом сама же начинаешь действовать.

– Я очень осторожна.

– Оставь Макао раз и навсегда. Избавься от той жизни, пока у тебя есть эта. Твой йосс не может длиться вечно.

– Давайте лучше поговорим о вас, Тай-Пэн. Вы не можете выставлять здесь напоказ свою любовницу.

– Она и дети будут в безопасности на борту моего клипера, а это единственное, что имеет значение.

– Только не в нашем обществе, клянусь Богом, и вы это знаете. Они уничтожат вас, Тай-Пэн, – даже вас, – если вы пойдете против их проклятых правил. Они должны будут сделать это. Она китаянка.

– Чума на них!

– Да. Но это проклятие прозвучит одиноко, а вам нужно думать о своем доме. Пока Мэй-мэй существует только для вас; им она не опасна – то, чего не видно, не существует. Я не могу давать вам советы – вы знаете это лучше, чем кто-либо, но я умоляю вас, пусть о ней никто не узнает.

– Я следовал этому правилу раньше, буду следовать ему и впредь – до тех Пор, пока им ничто не угрожает. Я обязан тебе услугой, Мэри.

– Да. – В ее глазах вспыхнул странный огонек. – Я согласна ее принять.

– Назови ее.

– Все, что я попрошу?

– Назови ее.

– Не теперь. Когда она мне будет нужна, я обращусь к вам. Да. Когда-нибудь мне понадобится ваша помощь. – Потом она добавила небрежно: – Вам следовало бы быть более осторожным с такими обещаниями, Тай-Пэн. Я женщина, а женский ум очень не похож на мужской.

– Это верно, – ответил он и улыбнулся.

– У вас такая чудесная улыбка, Тай-Пэн.

– Благодарю вас, добрая леди. – Он изящно поклонился. – Это такая высокая похвала для бедного Тай-Пэна. – Он взял ее под руку, и они направились к пляжу. – Кто сказал тебе о Мэй-мэй и о детях?

– Мы договорились два года назад, что источники моей информации священны и неприкосновенны.

– Постарайся обойтись без таких длинных слов.

– Я рада, что наконец встретилась с Мэй-мэй. Она так прекрасна. И дети тоже. – Мэри чувствовала себя согретой прикосновением его руки.

– А есть хоть какая-нибудь вероятность, что твоя информация неверна?

– Нет. Похищение за выкуп – древний китайский обычай.

– Гнусный обычай. Покушаться на женщин и детей. – Струан какое-то время шел молча. – Как долго ты собираешься пробыть здесь?

– Несколько дней. Горацио... Горацио немного теряется, когда остается один. Кстати, Чен Шень, конечно, знает, что я говорю на кантонском. Теперь об этом знает и Мэй-мэй. Я попросила ее сохранить это в секрете. Она ведь никому не расскажет, правда?

– Нет. На этот счет можешь не беспокоиться. Но я ей напомню о твоей просьбе. – Он заставил себя не думать о Мэй-мэй, детях, By Квоке, брандерах и оставшихся трех половинках монет. – Один секрет заслуживает другого. «Благородный Дом» дает бал через тридцать дней. Разумеется, вы приглашены.

– Какая замечательная идея!

– Мы назначили приз. Тысяча гиней для леди в самом красивом платье.

– Боже милостивый, Тай-Пэн, да вам глаза выцарапают!

– Судьей будет Аристотель.

– Все равно выцарапают. – Ее глаза вдруг словно поменяли цвет. – Вам не следует забывать об одной вещи: вы теперь самый завидный жених во всей Азии.

– Что?

Ее смех прозвучал почти насмешливо.

– Лучше вам поторопиться с выбором супруги, пока еще есть время. Немало красоток будут вертеть у вас перед носом кружевными панталончиками, и немало мамаш принарядят своих дочек, чтобы пропихнуть их к вам в постель.

– Как только у тебя язык поворачивается говорить такое?

– Ну что же, смотрите не говорите потом, что вас не предупреждали. Тысяча гиней? Думаю, я бы хотела выиграть такой приз. – Ее настроение неожиданно изменилось. – У меня есть деньги, чтобы купить такое платье, как вам хорошо известно, но если я это сделаю, то... то что станется с той Мэри Синклер, к которой все привыкли? Каждому известно, что мы бедны, как кули.

– Но я не вижу, что мешало бы мне подарить тебе красивое, модное платье. По крайней мере, ничто не запрещает мне предложить его тебе через Горацио. Как ты думаешь?

– Кровь господня, Тай-Пэн, неужели вы бы это сделали? Я верну вам деньги.

– Если ты прекратишь сквернословить, да. Только никаких денег: подарок есть подарок. – Он задумчиво посмотрел на нее: – Ты когда-нибудь вспоминаешь о своей бабушке Вильгельмине?

– О ком, о ком?

– О двоюродной тете твоей матери, которая в свое время уехала к мужу. В Голландию.

– Кто это?

– Наследница своего мужа. Как раз такая, которая могла бы оставить тебе много денег.

– У меня нет родственников в Голландии.

– Наверное, мать просто забыла рассказать тебе о ней. Может быть, какой-нибудь адвокат из Амстердама смог бы известить тебя, что ты получила наследство. – Он закурил сигару. – Став богатой наследницей, ты смогла бы тратить деньги открыто. Разве нет?

– Но... но... – У нее перехватило дыхание. – А как же быть с Горацио?

– Тетя Вильгельмина могла бы оставить ему две тысячи гиней. Основной капитал – тебе. По-настоящему она любила только отпрысков женского пола. Твоя матушка была ее любимицей. Странно, что никто не говорил о ней ни тебе, ни Горацио. Бедная тетушка Вильгельмина. Она скончалась вчера.

Глаза у Мэри сделались огромными от возбуждения.

– Неужели это возможно, Тай-Пэн? Вы бы взялись за это?

– Письмо до Лондона идет три месяца. Месяц на то, чтобы все подготовить в Голландии. Три месяца на ответ. Через семь месяцев ты станешь наследницей. Но до того времени тебе лучше прилежно играть роль церковной мышки. И не забудь очень удивиться, когда все это произойдет.

– Да. Простите, я... все это так... о, не беспокойтесь. Не беспокойтесь. Если я сейчас немножко сойду с ума и разрыдаюсь или закричу... Я боготворю вас, Тай-Пэн.

Его улыбка погасла.

– Пожалуйста, прошу, не говори таких вещей!

– Я никогда не говорила этого раньше и. возможно, никогда не повторю этого впредь. Но для меня вы – Бог – Она повернулась и пошла в глубь острова одна.

Струан несколько мгновений смотрел ей вслед, потом направился к Гордону Чену. С каждым днем мальчик все больше становится похож на китайца, подумал он. В море баркас с Орловом и Мауссом был все еще далеко от «Китайскою Облака».

Торопитесь, клянусь Богом!

Его перехватил Скиннер. Редактор выглядел озабоченным.

– Добрый день, мистер Струан.

– О, здравствуйте, мистер Скиннер.

– Сегодня великий день для Востока, не правда ли?

– Да. Извините, но мне нужно...

– Я задержу вас буквально на секунду, мистер Струан. Я пытался увидеться с вами вчера вечером. – Скиннер понизил голос. Он потел больше обычного, и пахло от него так же невыносимо, как и всегда. – Если память мне не изменяет, сегодня истекает срок векселям «Благородного Дома».

– Не изменяет? В самом деле?

– Они будут оплачены?

– У вас вдруг возникли какие-то сомнения на этот счет, мистер Скиннер?

– Ходят слухи. О серебре.

– Я их тоже слышал.

– Надеюсь, они подтвердятся. Я бы расстроился, если бы у «Ориентл Тайме» сменился владелец.

– Я бы тоже. Сегодня вечером у меня будет для вас нечто интересное. А сейчас, надеюсь, вы извините меня?

Скиннер увидел, как Струан подошел к Гордону Чену и пожалел, что не может слышать их разговора. Тут он заметил Брока и его семейство, беседующих с Нагреком Тумом. Это действительно великий день, радостно подумал он, грузно зашагав в их сторону. Кому же достанется круглый холм?

– Я был так огорчен, узнав о вашей утрате, сэр, – говорил между тем Гордон Чен. – Я пытался увиделся с вами, но не сумел исполнить свой долг. Я вознес молитву.

– Спасибо.

– Мать просила передать вам, что будет соблюдать положенные сто дней траура.

– Пожалуйста, скажи ей, что в этом нет нужды, – попросил Струан. зная, что Кай-сун все равно сделает по-своему. – А теперь, как идут твои дела со времени нашей последней встречи?

– Ничего особенного не произошло. Я старался помочь Чен Шеню отыскать кредит для компании, сэр. Но боюсь, наши старания не увенчались успехом. – Ветер взметнул ею косичку и стал играть ею.

– Найти кредит – очень трудное дело, – заметил Струан.

– Да, действительно. Мне очень жаль. – Гордон Чен подумал о невероятном количестве серебра в трюме «Китайского Облака», и его охватило чувство восхищения своим отцом. Сегодня утром до нею дошли слухи о серебре, и они совпадали с теми, которые еще раньше просочились в Тай Пинь Шан, слухи о том, что Тай-Пэн вывез слитки из Кантона под самым носом у ненавистных маньчжуров. Но Гордон ни словом не обмолвился о возрождении «Благородного Дома», поскольку это было бы невежливо.

– Возможно, пришло время открыть и тебе небольшой кредит. Может быть, мне удастся ею устроить. Скажем, один лак серебром.

Гордон Чен часто заморгал, открыв рот.

– Это огромный кредит, сэр.

– Ты возьмешь себе одну четвертую часть прибыли, я возьму три.

– Это было бы очень справедливо, сэр, – произнес Гордон, приходя в себя и быстро собираясь с мыслями. – Очень щедро. В такие тяжелые времена, как теперь, просто очень справедливо. Но если бы я должен был получать две трети, а вы одну, это помогло бы мне значительно увеличить вашу прибыль Очень значительно.

– Я и так ожидаю, что прибыль будет значительной. – Струан отбросил сигару и заговорил серьезно: – Мы станем партнерами. Прибыль будем делить поровну. Мы заключим с тобой джентльменское соглашение. Для всех оно должно оставаться тайной. Ты будешь вести книги и отчитываться предо мной ежемесячно. Согласен?

– Согласен. Поистине, вы слишком щедры ко мне, сэр. Благодарю вас.

– Приезжай сегодня вечером, я передам тебе необходимые бумаги. Я буду на «Китайском Облаке».

Гордон Чен был так счастлив, что ему хотелось прыгать и кричать от радости. Он не знал, чем объяснить такую невероятную щедрость отца. Но был уверен, что свой лак он теперь обязательно получит, и эти деньги умножатся во сто, в тысячу крат. Если йосс поможет, добавил он быстро. Тут он вспомнил о Хун Мун Тонге и задумался, не вступит ли верность тонгу в противоречие с преданностью отцу. И ее ни это случится, какое из чувств возобладает. – Я не могу найти слов, чтобы выразить вам свою благодарность, сэр. Может ли это соглашение вступить в силу теперь же?

– Да. Полагаю, ты захочешь принять участие в аукционе.

– Я уже думал... – начал было Гордон Чен и вдруг замолчал.

К ним с решительным выражением лица приближался Кулум.

– Привет, Кулум, – сказал Струан.

– Здравствуй, отец.

– Познакомься, это Гордон Чен. Мой сын Кулум, – представил их друг другу Струан, чувствуя на себе изумленные взгляды притихшей толпы на пляже.

Гордон Чен поклонился:

– Для меня большая честь познакомиться с вами, сэр.

– Гордон – твой сводный брат, Кулум, – произнес Струан,

– Я знаю. – Кулум протянул руку. – Рад нашему знакомству.

Оглушенный словами Струана, Гордон слабо пожал протянутую руку. – Спасибо. Спасибо вам большое.

– Сколько вам лет, Гордон? – спросил Кулум.

– Двадцать, сэр.

– Сводным братьям полагается называть друг друга по имени, не так ли?

– Если вам так угодно.

– Мы должны ближе узнать друг друга. – Кулум повернулся к Струану, глубоко пораженному тем, что его сын вот так при всех, открыто признал молодого евразийца своим братом. – Извини, что помешал вам, отец. Я просто хотел познакомиться с Гордоном, – сказал он и удалился.

Струан почувствовал, как окружавшая их тишина лопнула и замерший было пляж снова ожил. И он с удивлением заметил, что по щекам Гордона катятся слезы.

– Простите... мне... я ждал этого всю свою жизнь, мистер Струан. Благодарю вас. Благодарю вас, – произнес Гордон едва слышно.

– Большинство людей зовут меня Тай-Пэном, парень. Давай забудем «мистера Струана».

– Да, Тай-Пэн. – Гордон поклонился и зашагал прочь.

Струан направился вслед за Кулумом, но вдруг увидел, как к берегу подошел катер Лонгстаффа. В катере, кроме капитан-суперинтенданта, находились адмирал и группа морских офицеров. А также Горацио.

Хорошо, подумал Струан. Теперь Брок. Он помахал рукой Роббу и показал на Брока. Робб кивнул, оставил Сару и догнал Кулума. Вместе они присоединились к Струану.

– Бумаги у тебя с собой, Робб?

– Да.

– Тогда пошли. Пора нам заполучить наши векселя обратно. – Струан бросил

взгляд на Кулума: – Нервничать нет причин, парень.

– Да, отец.

Некоторое время они шли молча, потом Струан заговорил, обращаясь к сыну:

– Я рад, что ты не отказался от знакомства с Гордоном. Спасибо.

– Я... хотел увидеть его сегодня. Вместе с тобой. Знаешь... на людях.

– Зачем?

– Разве это не дает тебе лицо, которое всегда для тебя так важно?

– Кто рассказал тебе о Гордоне?

– До меня дошли слухи, когда я вернулся из Кантона. Люди всегда с готовностью распространяют дурные вести. – Он вспомнил довольные, ехидные усмешки большинства торговцев и их жен, с которыми он встречался. «Так обидно, парень, что ты приехал в столь несчастливое время. Жаль, право, что вашему торговому дому конец. Без „Благородного Дома“ здесь будет уже не то», говорили все они, каждый на свой лад. Но Кулум видел, что эти люди ликовали в душе, упиваясь их унижением. О Гордоне он узнал от тети Сары. Она первая по-настоящему открыла глаза его наивности. Они тогда шли вместе по Куинз Роуд, и по дороге на глаза им попались евразийцы – Кулум видел их в первый раз – мальчик и девочка. Он спросил у нее, какой они национальности и из какой страны приехали.

– А, эти, – ответила тетя Сара. – Это полукровки: наполовину англичане, наполовину язычники. Многие из торговцев имеют здесь незаконных детей от своих языческих любовниц. Все это, конечно, держится в секрете, но об этом тут знает каждый. У твоего дяди Робба тоже есть одна.

– Что?

– Я спровадила ее подальше вместе с ее отродьем еще много лет назад. Полагаю, все было бы не так скверно, если бы эта женщина была христианкой и красавицей. Это я еще могла бы понять. Но такое – нет.

– А у... у отца есть... другие дети?

– Насчет детей не знаю, Кулум. У него есть сын, который работает на его компрадора Чен Шеня. Его зовут Гордон Чен. У твоего отца, должно быть, странное чувство юмора, раз он решил дать ему клановое христианское имя. Я слышала, впрочем, что мальчика крестили, и он христианин. Полагаю, это уже кое-что. Может быть, мне и не следовало говорить тебе всего этого, Кулум. Но кто-то должен это сделать, и, наверное, лучше узнать правду от близкого человека, чем услышать ее в перешептываниях за своей спиной. О, да. В Азии у тебя есть, по крайней мере, один сводный брат.

В ту ночь он не мог уснуть. На следующий день он в отчаянии отправился на берег. Несколько морских офицеров, Глессинг среди них, играли в крикет, и Кулума попросили дополнить команду. Когда наступила его очередь стоять у калитки, он перенес всю свою злость на мяч, вкладывая в удары максимум силы, словно хотел убить его и вместе с ним свой стыд. Он играл великолепно, но игра не доставила ему удовольствия. Позже Глессинг отвел его в сторону и спросил, в чем дело. Кулум выпалил все, как есть, дрожа от возмущения.

– Я не одобряю твоего отца, как тебе, без сомнения, известно, – сказал ему тогда Глессинг. – Но это не имеет никакого отношения к его личной жизни. У меня и у самого та же проблема, что и у тебя. По крайней мере, мне известно, что у моего отца есть любовница в Майда Вэйл. А также два сына и дочь. Он никогда не говорил мне о них, хотя, полагаю, он знает, что я знаю. Все это чертовски осложняет жизнь, но что может поделать мужчина? Вероятно, дожив до его лет, я поступлю так же, как он. Что ж, подождем, там видно будет. Конечно, я согласен, дьявольски это неловко – знать, что у тебя есть брат-полукровка.

– Ты с ним знаком?

– Я его видел. Никогда с ним не разговаривал, хотя, если верить слухам, он

славный малый. Послушайся моего совета – не принимай слишком близко к сердцу то, что делает твой отец в своей личной жизни. Он твой единственный отец, другого не будет.

– Ты его не любишь и при этом принимаешь его сторону. Почему?

Глессинг пожал плечами.

– Может быть, потому, что я усвоил одну истину: грехи отцов – это их проблемы, а не их сыновей. Или потому, что мне никогда не стать таким мореходом, как Тай-Пэн, и он управляет лучшим флотом самых красивых кораблей на свете и обращается со своими матросами как должно: хорошие пища, жалованье, жилье. В то время как нас вынуждают обходиться теми крохами, что выделяет нам этот проклятый парламент: денег, черт побери, ни фартинга, а вместо команды висельники да насильно завербованные остолопы. Может быть, еще из-за Глессинг Пойнта – или потому что он Тай-Пэн. Может быть, потому, что им восхищаются Синклеры. Не знаю. Я открыто заявляю тебе, что если я когда-нибудь получу приказ преследовать его, я пойду на все, что только будет в рамках закона. Но даже так, я от всей души надеюсь, что он сумеет снова перехитрить этого проклятою грубияна Брока. Я бы не перенес, если бы Тай-Пэном стала эта свинья.

С того дня Кулум часто виделся с Глессингом. Их отношения переросли в тесную дружбу…

– Сегодня, – продолжал Кулум, обращаясь к Струану и чувствуя себя крайне неуютно, – ну, когда я увидел тебя вместе с Гордоном Ченом, я спросил о нем у Джорджа Глессинга. Он был достаточно честен, чтобы рассказать мне все, как есть.

Струан остановился.

– Ты хочешь сказать, что с моей стороны было нечестно скрыть это от тебя?

– Нет. Тебе не нужно оправдываться в своих поступках. Передо мной. Отец не должен ни в чем оправдываться перед сыном, не так ли?

– Гордон – хороший парень, – встревоженно вставил Робб.

– Почему тебе захотелось узнать, сколько ему лет? – спросил Струан.

– Мы ведь с ним одного возраста, не правда ли?

– И что из того?

– Это не имеет значения, отец.

– Имеет. Для тебя. Так почему?

– Я бы предпочел...

– Почему?

– Наверное, это вопрос этики. Раз мы одного возраста, получается, что мать Гордона носила своего сына... в одно время с моей.

– Да. Ты верно описал ситуацию.

– Такое слово, как «прелюбодеяние», описало бы ее не менее верно, разве нет?

– Одна из истин в жизни мужчины заключается в том что прелюбодеяние так же неизбежно, как смерть или восход солнца.

– Вовсе нет, если следовать заповедям Божьим, – возразил Кулум, пряча глаза от отца. – Пора открывать аукцион – Лонгсгафф уже прибыл, – сказал он.

– Ты поэтому так нервничаешь? Встретился с Гордоном и напоминаешь мне о Заповедях?

– Для разговора с Броком я тебе не нужен, отец, ведь правда? Думаю, мне... если ты не будешь возражать, я лучше проверю еще раз, все ли готово.

– Поступай, как знаешь, парень. Я считаю, что сейчас ты должен быть с нами. Это редкий случай. Но поступай, как знаешь. – Струан зашагал дальше по дороге. Кулум поколебался одно мгновение, потом догнал его.

Куинз Роуд шла вдоль берега, она вела из долины прямо на запад. Примерно через милю она проходила мимо палаток морских пехотинцев, охранявших постоянно растущее количество складов королевского флота. За ними на целую

милю до самого Глессинг Пойнта тянулись ряды палаток британских солдат. Здесь, у мыса, дорога заканчивалась.

А над Глессинг Пойнтом раскинулся Тай Пинь Шан, связанный с берегом нескончаемой вереницей китайцев, согнувшихся под тяжестью своих пожитков. Эта вереница все время двигалась и постоянно пополнялась за счет без конца прибывающих джонок и сампанов.

– Добрый день, ваше превосходительство, – сказал Струан, приподнимая шляпу, когда они поравнялись с Лонгстаффом и его свитой.

– А, добрый день, Дирк. Привет, Робб – Лонгстафф не стал задерживаться рядом с ними. – Разве вы не готовы начинать, Кулум? – спросил он на ходу.

– Буквально через минуту, ваше превосходительство.

– Что ж, поторопитесь. Меня ждут дела на корабле, ну.

Затем он добавил, обращаясь к Струану с оскорбительным опозданием, словно вдруг вспомнил о чем-то: – Рад, что вы вернулись, Дирк. – Он продолжил свой путь, здороваясь с остальными.

– Тон его превосходительства переменится минуты эдак через три, – заметил Струан.

– Глупый, презренный, насквозь прогнивший дурак. – Голос Кулума, задетого за живое, звучал тихо. – Благодарение Богу, сегодня последний день, когда я служу у него.

– Будь я на твоем месте, я бы воспользовался должностью заместителя секретаря колонии себе на пользу, – покачал головой Струан.

– Каким образом?

– Мы вернули себе всю нашу власть. Но по-прежнему именно его рука придает бумаге силу закона. А его рукой все так же нужно управлять, нет?

– Я... да, наверное, – ответил Кулум.

Струаны подошли к Брокам, и на пляже стало тихо, возбуждение нарастало. Горт и Нагрек Тум встали рядом с Броком, Лизой и девочками.

Скиннер принялся насвистывать что-то немелодичное и подобрался к ним поближе.

Кисть Аристотеля Квэнса остановилась на середине мазка.

Лишь самые юные из присутствующих не чувствовали охватившего всех волнения и потому не смотрели и не прислушивались.

– Добрый день, леди, джентльмены, – произнес Струан, приподнимая шляпу.

– Добрый день, мистер Струан, – мягко ответила Лиза Брок. – Вы знакомы с Тесс и Лиллибет, не правда ли?

– Разумеется. Добрый день, леди, – приветствовал их Струан. Девочки сделали книксен. Он отметил про себя, что Тесс очень выросла с того времени, когда он видел ее в последний раз. – Можем мы уладить наше дело? – обратился он к Броку.

– Что же, сейчас момент подходящий, как и любой другой. Лиза, ты с девочками давайте-ка идите на корабль. И, Лиллибет, не опускай ручки в море по дороге, а то поймаешь свою смерть. И смотри не свались в воду. А ты, Тесс, голубушка, будь осторожна и приглядывай за сестренкой. Ну, бегите, да слушайтесь маму и делайте все, как она скажет.

Девочки торопливо присели и побежали вперед, радуясь, что их наконец отпустили.

– Дети с жизнью на корабле никак не вяжутся, а? – заметил Брок. – Никогда не уследишь, куда они деваются. С ума можно сойти.

– Да. – Струан протянул Горту банковский чек. – Теперь мы в расчете, Горт.

– Благодарю вас, – ответил Горт. Он внимательно осмотрел чек.

– Может быть, ты хочешь удвоить свой выигрыш?

– Как это?

– Ставлю еще двадцать тысяч, что один из наших кораблей обойдет тебя на пути домой.

– Благодарствуйте. Только говорят, у дурака деньги надолго не задерживаются. Я не дурак – и не игрок. – Он опустил глаза на чек. – Это может мне как раз пригодиться. Вдруг удастся откупить кусочек круглого холма у батюшки.

Зеленые глаза Струана потемнели.

– Давайте подойдем к палатке, – предложил он и, повернувшись, зашагал вперед.

Робб и Кулум последовали за ним, Робб радовался про себя, что не он, а его брат является Тай-Пэном «Благородного Дома». Его старые страхи вернулись. Как я смогу один справиться с Броком? Как?

Струан остановился у палатки, не заходя внутрь, и кивнул Кьюдахи.

– За дело, ребятки, – крикнул Кьюдахи небольшой группе матросов. – Шевелись!

К огромному удивлению всех, матросы выдернули колышки и повалили палатку.

– Наши векселя, пожалуйста, Тайлер.

Брок неторопливо достал бумаги из кармана:

– Восемьсот двадцать четыре тысячи ровно. Струан передал векселя Роббу, который тщательно сверил их с дубликатами.

– Благодарю, – сказал Струан. – Теперь, пожалуйста, распишись здесь.

– А что это?

– Расписка.

– А где чек вашего банка? – подозрительно прищурившись, спросил Брок.

– Мы решили расплатиться наличными.

Моряки оттащили палатку в сторону. Почти закрывая собой пустые бочонки, глазам всех открылись аккуратные ряды серебряных слитков. Сотни и сотни слитков, тускло поблескивающих в предвечернем солнечном свете. Пораженный Брок не мог отвести от них взгляда. Чудовищное молчание повисло над всем Гонконгом.

– «Благородный Дом» решил расплатиться наличными, – небрежно повторил Струан. Он чиркнул спичкой и поднес ее к свернутым в трубку векселям. Достав три сигары, он предложил одну Роббу, одну Кулуму, и все трое прикурили от горящих документов. – Здесь все взвешено. Но у нас есть весы, если вы пожелаете проверить.

Кровь бросилась Броку в лицо:

– Будь ты проклят, дьявол!

Струан уронил сгоревшие векселя на песок и раздавил их каблуком.

– Благодарю вас, мистер Кьюдахи. Доставьте людей на «Грозовое Облако».

– Есть, так точно, сэр. – Кьюдахи и матросы кинули последний взгляд на серебро и, отирая пот со лба, бросились к своим лодкам.

– Ну, с этим покончено, – сказал Струан Роббу и Кулуму. – Теперь мы можем заняться землей.

– Действительно «редкий случай», Дирк, – заметил Робб. – Это была великолепная идея.

Кулум посмотрел вокруг. Он увидел жадность и зависть и глаза, исподтишка наблюдающие за ними. Благодарю Тебя, о Господи, молча помолился он, за то, что Ты позволил мне быть частью «Благородного Дома». Благодарю Тебя за то, что Ты позволил мне стать Твоим орудием.

Брок пришел в себя:

– Горт, давай всех своих ребят на берег и быстро.

– Что?

– Быстро, в господа бога мать, – яростно повторил Брок низким голосом. – И чтобы все при оружии. Не пройдет и нескольких минут, как все язычники-пираты,

сколько их ни есть в Азии, будут дышать нам в затылок.

Горт бросился бегом.

Брок вытащил свои пистолеты и передал их Нагреку:

– Если хоть кто-нибудь подойдет ближе чем на пять ярдов, сноси ему голову. – Он подошел к Лонгстаффу: – Могу я воспользоваться этими солдатами, ваше превосходительство? Иначе не миновать больших неприятностей.

– А? Солдатами? Солдатами? – Лонгстафф, моргая, смотрел на слитки. – Чертнязьми, это что же, все настоящее серебро? Вот это все? Чертнязьми, на восемьсот тысяч фунтов, вы говорили?

– Чуть больше, – нетерпеливо ответил Брок. – Так как насчет солдат? Морских пехотинцев, матросов. Любых, лишь бы при оружии. Для охраны, клянусь Богом!

– А, при оружии! Конечно. Адмирал, распорядитесь, пожалуйста.

– Эй, там! – рявкнул адмирал, взбешенный алчностью, читавшейся на каждом лице, включая лица офицеров королевского флота. Морские пехотинцы, солдаты и матросы со всех ног бросились к нему. – Образовать круг, пятьдесят шагов от сокровища. Никого не подпускать. Ясно? – Он посмотрел на Брока, сверкая глазами. – Я буду отвечать за его сохранность в течение часа. Потом оставлю, где лежит.

– Премного благодарен, адмирал, – ответил Брок, подавив проклятие. Он взглянул на море. Катер Горта быстро шел к «Белой Ведьме». Часа хватит, прикинул он, проклиная Струана и его серебро. Где, во имя Господа, смогу я пристроить столько денег? Под чью подпись решусь их отдать? Когда вот-вот грянет война, и мы, возможно, опять не сможем торговать, а? Если торговля не прекратится, тогда я легко расплачусь за весь чай этого года. Но до тех пор, пока никто не сможет этого гарантировать... Господи, да векселя любой компании останутся пустыми бумажками. За исключением «Благородного Дома», будь он трижды проклят.

Здесь нет ни банка, ни подвала с сейфами, и не будет тебе покоя, пока ты не избавишься от этих слитков до последнего. Твоя жизнь висит на волоске. Раньше нужно было думать, клянусь Богом. Ты должен был предвидеть, что замыслит этот растреклятый мерзавец. Вот уж подловил он тебя так подловил.

Брок с трудом оторвался мыслями от серебра и посмотрел на Струана. Он увидел на его лице насмешливую улыбку, и ярость обуяла его.

– День еще не закончился, клянусь Богом!

– Ты прав, Тайлер, – ответил Струан. – Осталось уладить еще один маленький спор.

– Да, клянусь Богом. – Брок начал проталкиваться сквозь немую толпу к помосту.

Тревога тут же вернулась к Кулуму, теперь она стала еще мучительнее, чем раньше.

– Послушай, отец, – торопливо заговорил он. – Дядя Робб прав. Брок отступится, когда цена дойдет до...

– Во имя Христа, не начинай все с начала, парень. Круглый холм принадлежит «Благородному Дому».

Кулум беспомощно посмотрел на отца. Потом молча зашагал к столику аукциониста.

– Какого дьявола, что с ним такое? – спросил Струан у Робба.

– Ума не приложу. Он сегодня целый день места себе не находит, прямо как сука во время течки.

В этот момент Струан заметил Сару. Она стояла у края толпы с бледным лицом, похожая на статую. Карен прижалась к ее боку. Струан взял Робба под руку и повел к ним.

– Ты ведь еще ничего не говорил Саре, Робб, не так ли? О том, что остаешься?

– Нет.

– Сейчас самый подходящий момент. Теперь вы снова богаты.

Они подошли к Саре, но она их не замечала.

– Пливет, дядя Дилк, – сказала Карен. – Можно мне поиглать вашими класивыми килпичиками?

– Они в самом деле настоящие, Дирк? – проговорила Сара, не отрывая взгляда от серебра.

– Да, Сара, – ответил ей Робб.

– Одному Богу известно, как тебе это удалось, Дирк, но спасибо тебе. – Ребенок зашевелился у нее в животе, она поморщилась и достала нюхательные соли. – Это значит... это значит, что мы спасены, не так ли? – Да, – ответил Струан.

– Мамочка, ну можно мне поиглать одним таким? – пронзительно прокричала ей Карен.

– Нет, дорогая. Беги поиграй где-нибудь. – Сара подошла к Струану и поцеловала его, из глаз ее катились слезы. – Спасибо тебе.

– Не благодари меня, Сара. Цена такого количества металла очень высока – Струан коснулся рукой шляпы и оставил их одних.

– Что он имел в виду, Робб? Робб рассказал ей.

– Я все равно уезжаю, – устало произнесла она. – Сразу, как только буду в состоянии. Как только родится малыш.

– Да Так будет лучше всего.

– Я молю Бога, чтобы ты не нашел ее.

– О, не надо опять об этом, Сара. Пожалуйста, прошу тебя. Сегодня такой необыкновенный день. Мы снова богаты. Теперь ты сможешь иметь все, что только пожелаешь.

– Может быть, мне ничего другого и не нужно, кроме настоящего мужчины в семье. – Сара тяжело двинулась к баркасу и, когда Робб повернулся следом, чтобы проводить ее, резко бросила: – Спасибо, как-нибудь сама управлюсь. Карен, дорогая, пойдем-ка.

– Как тебе будет угодно, – ответил Робб и направился вдоль берега в противоположную сторону. Некоторое время он не мог разыскать Струана в толпе. Потом, подойдя почти к самому помосту, он наконец увидел его. Дирк весело болтал с Аристотелем Квэнсом. Робб присоединился к ним.

– Приветствую тебя, Робб, дружище, – экспансивно обратился к нему Квэнс. – Прими мои поздравления. Это был восхитительный жест. Я как раз говорил об этом Тай-Пэну. Великолепный. Во всем достойный «Благородного Дома». – Он повернулся к Струану, его уродливое лицо лучилось от радости. – Кстати, ты должен мне пятьдесят гиней.

– Ничего подобного!

– Портрет Кулума. Он уже готов. Ты, конечно, забыл о нем.

– Мы сошлись на тридцати гинеях, и ты уже получил десять в задаток, клянусь Господом!

– В самом деле? Черт меня возьми совсем! Ты уверен?

– Где сейчас Шевон?

– Она, как я слышал, больна, бедняжка. – Квэнс взял понюшку табаку. – Королевские у тебя манеры, мой мальчик, поистине королевские. Могу я получить ссуду? Говорю сразу, деньги нужны для благого дела.

– Чем же она больна?

Квэнс огляделся и сказал, понизив голос:

– Сохнет от любви.

– К кому?

Квэнс нерешительно помолчал мгновение.

– К тебе, приятель.

– О, катись ты к черту, Аристотель! – сердито бросил Струан.

– Хочешь верь, хочешь нет. Я-то знаю. Она уже несколько раз о тебе справлялась.

– Во время сеансов?

– Каких сеансов? – переспросил Квэнс с невинным видом.

– Сам знаешь каких.

– Сохнет от любви, мой мальчик. – Старичок расхохотался. – А теперь, когда ты снова богат, держи ухо востро: налетит, как ураган, снесет тебя с ног – да прямо на сено! Клянусь бессмертной мошонкой Юпитера, на сене она должна быть восхитительна! Всего пятьдесят гиней, и я оставлю тебя в покое на целый месяц.

– Что это за «благое дело», о котором ты говорил?

– Я говорил о себе, мой мальчик. Мне нужно лекарство. Последнее время я, знаешь ли, стал прихварывать.

– Ага, и я догадываюсь, в чем тут дело. Седина в бороду, а бес в ребро. Для человека твоего возраста это просто отвратительно!

– Ах, как ты, должно быть, счастлив, мой милый. Должен признать, я великолепен. Пятьдесят монет на поддержание обедневшего гения – это не сумма.

– Получишь свои двадцать гиней, когда картина будет у меня. – Струан наклонился к нему и со значением прошептал: – Аристотель, хочешь получить заказ? Скажем, фунтов на сто? Золотом?

Квэнс тут же протянул руку ладонью вверх.

– Я твой человек. Вот моя рука. Кого я должен убить?

Струан рассмеялся и рассказал ему о бале, о конкурсе и о судействе.

– Черт меня возьми, да никогда в жизни! – взорвался Квэнс. – Я что, похож на круглого идиота? Ты хочешь, чтобы меня оскопили? Загнали в гроб в расцвете лет? Хочешь, чтобы на меня устроили охоту все красотки Азии? Превратили в парию? Подвергли остракизму? Ни за что!

– Только человек твоих знаний и достоинств, твоего...

– Никогда, клянусь Богом! И это предлагаешь мне ты, кого я бывало называл своим другом, – ты за жалкую сотню фунтов готов подвергнуть меня смертельной опасности. Да, клянусь Богом! Именно смертельной опасности! Быть всеми ненавидимым изгоем, погубить свою жизнь, умереть до срока... две сотни даешь?

– По рукам! – кивнул Струан.

Квэнс запустил шляпу в воздух, подпрыгнул, щелкнув каблуками, и любовно стиснул свое брюшко. Потом одернул пурпурный шелковый жилет, поднял шляпу с земли и насадил ее себе на голову, лихо заломив на затылок.

– Ай, Тай-Пэн, ты и вправду князь. Кто, кроме меня, Аристотеля Квэнса, отважился бы на такое? Кто, кроме меня, был бы самой подходящей кандидатурой? Идеальной! О, изумительный Квэнс! Король всех художников! Две сотни. Деньги вперед.

– После конкурса.

– Ты что, не доверяешь мне?

– Нет. Ты можешь удрать. Или тебя одолеют ваперы.

– Да я со смертного одра слезу, чтобы быть судьей в таком конкурсе. Если уж на то пошло, я бы даже вызвался добровольцем. Да, клянусь кровью Рембрандта, я бы сам с радостью заплатил... я бы заплатил сто гиней, чтобы добиться этой привилегии, даже если бы мне пришлось на коленях ползти к Броку и клянчить их у него взаймы.

– Что?

Квэнс опять подбросил шляпу в воздух.

– О, счастливый, счастливый день! О, неповторимый Квэнс, бессмертный Квэнс! Ты обеспечил себе место в истории. Бессмертный, непревзойденный Квэнс!

– Я что-то совсем перестал понимать тебя, Аристотель, – удивленно проговорил

Робб. – Ты действительно хочешь судить этот конкурс?

Квэнс подобрал шляпу и стряхнул с нее песок. Его глаза сияли.

– А вы подумали о тех преимуществах, которые дает мне это назначение? А? Господи, да теперь любая красотка в Азии будет – как бы поудачнее выразиться? – будет готова склонить судью на свою сторону, а? Причем заранее.

– А ты только того и ждешь, когда тебя начнут склонять, – вставил Струан.

– Ну, конечно. Но выбор будет честным. Безукоризненным. Я уже знаю, кто победит.

– Кто?

– Еще сто фунтов? Сегодня?

– Куда ты деваешь все эти деньги? Взять Робба, Купера и меня, так мы отвалили тебе целое состояние за эти годы!

– Отвалили! Ха! Отвалили? Да это ваша первая привилегия – не дать угаснуть бессмертному гению. Слышите, привилегия, клянусь седалищем Люцифера! Кстати, в этих бочонках еще осталось бренди? У меня сильнейшая жажда.

– Они пусты. Тут нет ни капли.

– Как это неприлично! Отвратительно – Квэнс взял очередную понюшку и тут заметил приближающегося к ним Лонгстаффа. – Ну что же, я, пожалуй, пойду. Желаю здравствовать, ребятки. – Он удалился, насвистывая. Проходя мимо Лонгстаффа, он с серьезным лицом приподнял шляпу.

– О, Дирк, – приветствовал Струана Лонгстафф с широкой улыбкой на лице. – С чего это Аристотель в таком хорошем настроении?

– Он, как и вы, просто радуется, что мы по-прежнему «Благородный Дом».

– И правильно, ну? – Лонгстафф был общителен и преисполнен уважения. – Я и не подозревал, что в Азии может найтись столько серебра. Это было великолепно – расплатиться вот так. Кстати, не хотите ли отужинать со мной сегодня вечером? Тут есть несколько дел, мне бы хотелось услышать ваше мнение на их счет.

– Боюсь, что сегодня вечером я занят, Уилл. Может быть, завтра? Почему бы вам не приехать к нам на «Отдыхающее Облако»? В полдень.

– Полдень подойдет. Изумительно. Я так рад...

– Кстати, Уилл, раз уж мы встретились... Я думаю, вам стоит отменить приказ, посылающий наш флот на север.

Лонгстафф нахмурился:

– Но эти дьяволы нагло отвергли наш договор, ну?

– Маньчжурский император отверг его, да. Но сейчас сезон тайфунов. Разумнее не дробить наши силы. К тому же здесь флот всегда у вас под присмотром.

Лонгстафф взял понюшку табаку и обмахнул кружевные манжеты своего великолепного камзола. – Погода адмирала не смущает. Но раз вы так считаете… – Он чихнул. – Если мы не пойдем на север, то что же нам тогда делать?

– Давайте поговорим об этом завтра, если вы не против?

– Очень разумно. Утро вечера мудренее. Это то, что нужно, ну? Я буду рад вновь обрести в вас советника. Ага, похоже, мы готовы начать. Кстати, я нахожу этот ваш другой жест столь же восхитительным. – Лонгстафф удалился в превосходнейшем настроении.

– О чем это он? – спросил Робб.

– Не знаю. О серебре, надо полагать. Послушай, Робб, завтра на корабле его примешь ты, – сказал Струан. – И сам скажешь ему, что нужно делать.

– А что нужно делать? – Лицо Робба растянулось в улыбке.

– Захватить форты Бог. Затем подойти к Кантону. Немедленно. Потребовать с города выкуп. Шесть миллионов тэйлов серебром. Потом, когда установится нужный ветер, – на север. Как в прошлый раз.

– Но он захочет говорить с тобой.

– Теперь им можно вертеть, как угодно. Он видел слитки.

– Он не станет доверять мне так же, как доверяет тебе.

– Через пять месяцев у него не будет другого выхода. Как восприняла новость Сара?

– Как ты и предсказывал. Она уедет в любом случае – Толпа возбужденно зашевелилась, и Робб посмотрел на помост. Лонгстафф поднимался по ступенькам. – Ты с ним так любезен, Дирк, даже после того, как он повел себя так оскорбительно. И все же я знаю, что теперь у тебя с ним свои счеты. Верно?

– Он первый губернатор Гонконга. Губернаторов назначают на четыре года. Так что времени впереди много, дойдет очередь и до Лонгстаффа.

– Что мы решим насчет круглого холма?

– Все уже решено.

– Ты собираешься оставить его Броку?

– Нет.

– Джентльмены, – обратился Лонгстафф к собравшимся торговцам, – прежде чем мы начнем, я бы хотел публично подтвердить те правила землевладения и распределения участков, которые были рекомендованы мной правительству Ее Величества. – Он начал зачитывать официальный документ: – «Вся земля является собственностью Ее Величества. Выделение участков будет производиться на открытом аукционе тем, кто предложит самую высокую сумму годичной арендной платы за землепользование, каковая арендная плата и объявляется предметом торгов на аукционе. Выдаются лицензии на девятьсот девяносто девять лет. В течение года на участке должен быть построен дом минимальной стоимостью одна тысяча долларов. Налог на собственность устанавливается из расчета четыре шиллинга четыре пенса за доллар. В противном случае лицензия на аренду изымается. Половина названной на аукционе суммы подлежит внесению в казну наличными сразу по окончании торгов». – Он поднял глаза. – Первоначально мы планировали предложить сегодня к распродаже сто участков, но оказалось невозможным промерить их все. Примерно пятьдесят будут выставлены на аукцион сегодня, а остальные – как только это станет практически осуществимо. Я также рекомендовал, чтобы участникам аукциона было позволено приобретать землю на условиях фригольда, если на то будет соизволение Ее Величества. Ах да, покупатели «прибрежных» участков могут также приобретать «городские» или «загородные» участки. Размер «прибрежных» участков устанавливается в сто футов шириной и протяженностью от Куинз Роуд до моря. – Он оглядел собравшихся и доброжелательно улыбнулся. – Проводя распродажу участков, мы можем считать, что тем самым сегодня закладываем основу нового города. Уже отведена земля под здание суда, административные учреждения, резиденцию губернатора, тюрьму, поле для крикета, рыночную площадь, а также под поселение для туземцев. Я официально назвал наш будущий город Куинз Тауном!

Отовсюду раздались приветственные крики.

– Это первая возможность обратиться сразу ко всем нам, предоставившаяся мне за много дней. Скажу не скрывая, нас ждут тяжелые испытания. Но не будем падать духом. Мы должны объединить усилия. Мы должны дружно навалиться на наш общий плуг и тогда, с Божьей помощью, мы покорим язычников ко славе Ее Британского Величества и ко славе колонии Гонконг.

Прогремело троекратное «гип гип ура» в честь королевы, троекратное «ура» в честь колонии и троекратное «ура» в честь Лонгстаффа. Наблюдавшие все это китайские зеваки оживленно переговаривались и громко смеялись.

– А теперь, если мистер Брок соблаговолит отвлечься от груды мелочи, оставленной ему «Благородным Домом», я объявляю аукцион открытым!

Брок и Горт только что не дымились от ярости, когда над их головами

прокатились волны громкого хохота.

Лонгстафф сошел с помоста, и к нему подошел Глессинг.

– Я должен повторить еще раз, ваше превосходительство, – заговорил Глессинг, – что из-за нехватки времени не все участки промеряны достаточно аккуратно.

– Пустяки. Пустяки, мой милый. Какое значение могут иметь несколько футов? Земли хватит на всех. Пожалуйста, Кулум, дружище, теперь вам слово. Удачи вам обоим. – Лонгстафф направился к своему катеру. Проходя мимо Струана, он улыбнулся и приподнял шляпу: – Значит, завтра в полдень, Дирк.

Кулум отер пот, струившийся по его лицу, и взглянул на маленького человечка, стоявшего рядом:

– Мистер Хиббс?

Генри Харди Хиббс выпрямился на все свои полные пять с половиной футов и взобрался на помост.

– Добрый день, господа, – начал он с елейной улыбкой. – Генри 'Арди 'Иббс, – представился он, по привычке глотая "х" в начале слов. – Уроженец Лондона, некогда директор фирмы «'Иббс, 'Иббс и 'Иббс», торговля недвижимостью и проведение аукционов. Официальный аукционер при его превосходительстве достопочтенном Уильяме Лонгстаффе. К вашим услугам. – Он напоминал неопрятного, отвратительного гнома с лысой головой и льстивыми манерами. – Лот номер один. Итак, джентльмены, прошу вас.

– Черт побери, где ты только раскопал его, Кулум? – спросил Струан.

– На одном из торговых судов. – Кулуму казалось, что за него говорит кто-то другой. Он желал лишь одного: чтобы этот день наконец закончился. – Хиббс отработал на нем свой проезд из Сингапура. Где его обобрал карманник, оставив без гроша.

Струан слушал, как Хиббс умело и с большим успехом подталкивал цену все выше и выше. Шотландец внимательно оглядел толпу и нахмурился.

– В чем дело, Дирк? – спросил Робб.

– Я искал Гордона. Он не попадался тебе на глаза?

– Последний раз, когда я его видел, он шагал по направлению к Глессинг Пойнту. Что-нибудь случилось?

– Да нет, ничего, – ответил Струан, находя про себя очень странным, что Гордон не присутствует на аукционе. Я бы подумал, что он захочет сам принять в нем участие, говорил он себе. Лучшего применения его деньгам сейчас не найти.

Торговались за участки жестко. Все понимали, что колония – это дело серьезное, на века. Поэтому цены на землю будут расти, как снежный ком. Особенно если учесть, что колония – остров, где ровных, пригодных для строительства участков не так уж много. Земля сулила обеспеченность; землю, в отличие от денег, не так легко было потерять. На ней можно нажить состояния. Торги продолжались, и Струан чувствовал, как возбуждение внутри него нарастает. С другой стороны плотной толпы коммерсантов стоял Брок, тоже на взводе. Горт был рядом с ним, его взгляд метался от Струана к матросам, окружавшим серебро. Струан и Брок приобрели те участки о которых договорились. Но цены оказались выше, чем они ожидали, поскольку соперничество на торгах развернулось жаркое. Они торговались друг против друга за несколько мелких участков. Одни из них достались Струану, другие он уступил. Волнение среди торговцев нарастало.

Последний из прибрежных участков был предложен и приобретен. Затем на торги выставили городские и пригородные участки, которые тоже разошлись за высокую цену. Наконец, остался только круглый холм. Это был самый крупный участок земли и, несомненно, самый лучший.

– Что ж, джентльмены, вот и все, – объявил Хиббс охрипшим от постоянного

напряжения голосом. – Все, кто приобрел землю, должны заплатить половину цены сейчас, звонкой монетой. Расписки у заместителя секретаря колонии. Прошу вас!

Толпа замолчала в каком-то недоуменном потрясении.

– Торги еще не кончены, – прорезал тишину голос Струана.

– Верно, клянусь Господом! – откликнулся Брок.

– Прошу прощения, джентльмены? – осторожно проговорил Хиббс, почуяв неладное.

– Вы забыли про холм.

– Про какой холм, ваши милости? Струан ткнул вытянутым пальцем:

– Вот про этот холм!

– Он... э... не внесен в список, сэр. Я тут ни при чем, сэр, – торопливо добавил Хиббс и приготовился быстро ретироваться. Он бросил косой взгляд на Кулума, стоявшего неподвижно, как статуя. – Не правда ли, ваша милость?

– Нет, не внесен. – Кулум заставил себя посмотреть на отца; повисшее над пляжем молчание душило его.

– Почему же, черт побери, его нет в списке?

– Потому что... потому что он уже куплен. – Волосы на затылке Кулума зашевелились, когда он увидел – словно во сне, – как отец подошел к нему, и все тщательно подобранные слова разом улетучились из его головы. Все его объяснения. Про то, как сегодня утром он с отчаяния сказал Лонгстаффу, что отец надумал поставить на холме церковь. Для всего Гонконга. Это был единственный выход, хотелось кричать ему. Неужели ты не понимаешь? Ты погубил бы всех нас. Если бы я предложил тебе такое, ты даже не стал бы меня слушать. Неужели ты не понимаешь?

– Куплен кем?

– Мной. Для Церкви, – запинаясь проговорил Кулум. – За один фунт в год. Холм принадлежит Церкви.

– Ты забрал у меня мой холм? – Слова прозвучали тихо, но колюче, и Кулум почувствовал притаившуюся за ними жестокость.

– Для Церкви. Да, – выдавил из себя Кулум. – Ку... купчая была подписана сегодня утром. Я... его превосходительство подписал ее. Навечно.

– Ты знал, что я хочу этот холм?

– Да. – Кулум не видел ничего, кроме ослепительного света, струившегося из глаз отца. Этот свет пожирал его, как пламя, выжигая самую душу. – Да. Да. Я решил отдать его Церкви. Да. Холм принадлежит Дому Божию.

– Значит, ты осмелился пойти против меня?

Наступила звенящая тишина. Даже Брок был поражен той силой, которая, казалось, изливалась из Струана и, как водоворот, захлестывала их всех.

Кулум ждал удара, который, как он знал – как знали все на пляже, – сейчас последует.

Но кулаки Струана разжались, он круто повернулся и зашагал прочь из долины.

Громовой хохот Брока вдребезги разнес тяжелое молчание, и каждый на берегу невольно вздрогнул.

– Заткнитесь, Брок, – сказал Квэнс. – Заткнитесь.

– Так я и сделаю, Аристотель, – ответил Брок. – Так я и сделаю.

Торговцы разделились на перешептывающиеся группки, и Хиббс выкрикнул дрожащим голосом:

– Пожалуйста, все, кто приобрел землю, проходите сюда. Прошу вас, джентльмены.

Брок внимательно, почти сочувственно, оглядел Кулума.

– Я бы сказал, что дни твои сочтены, парень. Ты не знаешь этого дьявола так, как его знаю я. Теперь, когда ходишь, оглядывайся почаще. – Он подошел к Хиббсу, чтобы заплатить за свои участки.

Кулум дрожал с головы до ног. Он чувствовал, что люди смотрят на него. Чувствовал их преклонение перед ним. Или это был ужас?

– Ради всего святого, почему ты не спросил у него? – проговорил Робб, едва оправившись от потрясения. – А? До того, как сделал это?

– Он ведь не согласился бы, правда?

– Не знаю. Не знаю. Мог и согласиться. Или мог оставить Брока с этим... – Робба вдруг охватила слабость, и он замолчал. – И не обращай внимания на то, что говорит Брок. Он просто пытается запугать тебя. Тебе не о чем беспокоиться. Совершенно.

– Я думаю, отец действительно сам дьявол. Робб невольно вздрогнул всем телом.

– Глупости это, парень. Глупости. Ты просто измотан. Мы все измотаны. Это серебро и... ну, волнение момента. Беспокоиться не о чем. Он все поймет, когда... – Робб не договорил. Повернувшись, он поспешил вслед за братом.

Кулум тщетно пытался поймать хоть один предмет в фокус, все плыло у него перед глазами. Ему казалось, что звуки стали громче, чем раньше, но людские голоса доносились до него словно издалека, цвета и контуры слились в одну нескончаемую пеструю полосу. Его глаза заметили вдалеке Мэри Синклер и ее брата. Вдруг он услышал их голоса совсем рядом, они обращались к нему.

– Извините, – пробормотал он. – Я не слышал, что вы сказали.

– Я просто говорил, что это будет прекрасное место для церкви. – Горацио натянуто улыбнулся. – Лучше-то не найти.

– Да.

– Ваш отец всегда хотел иметь этот холм. С самого первого дня, когда увидел Гонконг, – сказала Мэри.

– Да. Однако теперь холм принадлежит Дому Божьему.

– Действительно, – печально кивнула она. – Но какой ценой?

В следующий миг он почему-то уже не разговаривал с ними, а вместо этого недоуменно смотрел на Хиббса.

– Да?

– Прошу прощения, сэр, но расписки ждут. Расписки тем, кто купил сегодня землю, – тревожно поглядывая на него, проговорил Хиббс.

– Расписки?

– Да. Расписки за взносы. Вам бы нужно их подписать.

Кулум последовал за Хиббсом к помосту – ему казалось, что он видит себя как бы со стороны. Механически он написал свое имя.

Робб торопливо шагал по Куинз Роуд, не обращая внимания на смятенные взгляды, которыми его провожали все, кто попадался ему по дороге. Грудь болела от напряжения.

– Дирк, эй, Дирк, – выкрикнул он. Струан остановился на мгновение.

– Скажи ему, что я буду ждать его на его холме на рассвете.

– Но, Дирк, Кулум только хотел...

– Скажи ему, чтобы приходил один.

– Но, Дирк, послушай минутку. Не уходи. Подожди. Бедный парень просто...

– Скажи ему, чтобы приходил один.

Глава 5

В эту ночь во время полуночной вахты ветер переменился с ост-норд-оста на ост, и скорость его упала на один узел. Влажность увеличилась, температура поднялась на градус, и капитаны всего флота заворочались во сне и на короткое мгновение проснулись, зная, что новый муссон проложил себе курс. Теперь теплый и влажный ветер будет дуть с востока три месяца до самого мая, потом так же

неожиданно переменится вновь, забирая к югу и неся с собой все больше влаги и тепла. Затем осенью опять задует ост-норд-ост, сухой и прохладный, и так до весны следующего года, когда он в очередной раз повернет к востоку и ослабнет на один узел.

Капитаны снова погрузились в сон, но теперь он стал тревожен. Восточный ветер возвещал начало сезона тайфунов.

Брок раздраженно заворочался на своей койке и почесался.

– Что с тобой, Тайлер? – спросила Лиза, проснувшаяся в тот же миг и с ясной головой, как это бывает с женщинами, когда у них глубоко озабочен супруг или болеет ребенок. Она спала на койке у противоположной стены их пропахшей потом каюты.

– Пустяки, Лиза. Ветер переменился, только и всего. Спи, отдыхай. – Брок поправил фланелевый ночной колпак и тяжело зевнул.

Лиза грузно поднялась с постели и зашлепала босыми ногами через комнату.

– Куда это ты собралась?

– Да вот окно открою, дружок. Спи.

Брок повернулся на другой бок и закрыл глаза, но он знал, что сон к нему уже не вернется. Он почувствовал прохладное дуновение ветра в каюте. – Скоро поднимется туман, – сказал он.

Лиза вернулась на свою койку, и соломенный матрас шумно заскрипел под ней. Она уютно устроилась под одеялами.

– Это все серебро тебя так тревожит, верно?

– Да.

– Не мучайся сейчас понапрасну. У тебя будет время для этого завтра. – Она зевнула и поскребла ногтями то место, где ее укусил клоп. – Славно будет вновь зажить на берегу. А много времени уйдет на то, чтобы построить дом?

– Не много, – ответил он, поворачиваясь на другой бок.

– Этот бал, который дает Струан, – начала она, подбирая слова с большой осторожностью. – Прямо пощечина тебе.

– Не смеши меня. Спи давай. – Брок сразу же насторожился.

– Конечно, если мы появимся там одетые, как подобает, это уже будет пощечина ему, а, Тайлер?

Брок издал протяжный стон, но позаботился, чтобы Лиза его не услышала. Весть о предстоящем бале облетела корабли сразу же, как только Струан сообщил об этом Скиннеру. Каждый муж и глава семейства в Азии осудил эту затею Тай-Пэна и проклял его самого, потому что всем сразу стало ясно, что он украл их покой. И вместе с тем кровь у каждого быстрее побежала по жилам. Начали заключаться пари. Шевон Тиллман шла бесспорным фаворитом. – Так ты предлагаешь заклепать ему пушки кружевными тряпками? – сказал он. – Хорошая мысль, Лиза. Кстати, ты выглядишь прямо чудесно в красном шелковом платье, которое я...

– В этих старых лохмотьях? – встрепенулась Лиза, презрительно шмыгнув носом. – Ты, должно быть, шутишь!

– Старых, ты говоришь? Господи, да ты и надевала-то его всего три, не то четыре раза. По мне, так ты выглядишь...

– Три года я его ношу. Три. Да и тебе понадобится новый фрак, и бриджи, и нарядный жилет, и еще столько всего.

– Меня вполне устраивает то, что я сейчас ношу. Я думаю...

– Пора мне отправляться по магазинам. Прежде чем купят последнюю в Азии штуку приличного шелка и завалят заказами всех портних. Завтра я отплываю в Макао. На «Серой Ведьме».

– Но, Лиза! Из-за какого-то там дурацкого бала, который Дирк...

– Я отправлюсь в полдень, когда начнется отлив.

– Хорошо, Лиза, – сдался Брок, уловив в ее голосе тот особый тон, который означал, что сколько бы он ни спорил, она от своего не отступится. Чума на Струана! Но, несмотря на все его раздражение, мысль о призе и об объявленном конкурсе волновала его. Это отличная идея! Отличная! Черт, почему я сам до нее не додумался? Чума на Струана!

Лиза поправила подушку, мысли о бале не шли у нее из головы. Она уже решила, что приз достанется Тесс. И вся честь вместе с ним. Чего бы это ни стоило. Но как уговорить Тайлера отпустить Тесс на бал? Он упрется, как баран, стоит только завести об этом речь.

– Пришло время подумать о нашей Тесс, – сказала она вслух.

– А что с ней такое?

– Пора тебе задуматься о женихе для нее.

– Что?! – Брок сел на своей койке. – Ты что, рехнулась? Да Тесс едва из пеленок вышла. Ей всего шестнадцать.

– Вспомни, сколько было мне, когда я выходила за тебя замуж.

– Это совсем другое дело, клянусь Богом! По тем временам ты была достаточно взрослой, да и выглядела старше своих лет. Но времена меняются. Спешить некуда, придет черед и для этих ваших женских разговоров, клянусь Богом! Жених для Тесс? Нет, ты совсем из ума выжила, женщина! И надо же, заговорить о таком среди ночи! Вот что, чтобы я этого больше не слышал, не то придется ремню прогуляться по твоим бокам. – Он гневно повернулся к ней спиной, ткнул кулаком подушку и закрыл глаза.

– Хорошо, Тайлер, – ответила Лиза, улыбаясь в темноте. Она не осуждала супруга за те нечастые случаи, когда ей доставалось от него. Он никогда не бил ее со зла или в пьяном гневе. Да и было это уже давно. Двадцать лет прожила она с ним и была довольна своим мужем.

– Лиза, девочка, – осторожно заговорил Брок, все так же лежа лицом к стене, – а Тесс знает о... ну, об этих «вещах»?

– Разумеется, нет, – оскорбленно ответила она. – Девочку воспитывали как подобает!

– Ну что же, клянусь Богом, приспело время тебе отвести ее в сторонку и все ей объяснить, – сказал он, разволновавшись, и опять сел на постели. – И лучше тебе присматривать за ней повнимательнее. Клянусь Крестом Господним, если я увижу, что кто-то крутит носом вокруг нашей Тесс... А почему ты решила, что она уже достаточно взрослая? Девочка что, говорила тебе что-нибудь? Может, она ведет себя как-то по-другому?

– Конечно, на нее заглядываются. Смешно думать иначе. Смешно! – фыркнула Лиза. – Все вы, мужчины, одинаковы. Ха! Только от вас и слышишь, что угрозы, да «сделай то, сделай это», да бог весть еще какую ерунду, а ведь девочка просто-напросто подрастает и вступает в тот возраст, когда пора уже подумать о помолвке! И я буду очень вам благодарна, мистер Брок, если вы станете поменьше сквернословить. Очень это некрасиво и неприлично.

– Ну, ладно, хватит об этом, клянусь Господом, все, конец!

Лиза самодовольно улыбнулась про себя. Теперь дальше, подумала она, кто же это будет? Уж только не Нагрек Тум, клянусь Богом! Кто? Молодой Синклер? Ни гроша за душой, больно спесив и слишком набожен. Но здоровья отменного, и, без сомнения, у него есть будущее, да и сейчас он приближенное лицо проклятого Лонгстаффа. Нет ничего лучше, чем сын священника в семье. Возможно. Американец Джефферсон Купер? Этот позавиднее. Достаточно богат. Достаточно могуществен. Вот только чертов иностранец, который ненавидит нас, англичан. Но даже если и так, из Брока и Купера-Тиллмана, соединенных вместе, получится славный нож в брюхо «Благородного Дома». Горт подошел бы, но он ее сводный брат, так что он отпадает.

Жаль.

Она перебрала в уме тех многих, из кого могли бы получиться хорошие мужья. Мужчина должен иметь деньги, власть и уверенность в будущем. А также железную волю и крепкую руку, чтобы держать жену в узде. Да, подумала Лиза, этой девчонке время от времени будет нужна хорошая порка. Такая упрямая, что только держись. Нелегко будет ее приручить. Лонгстафф был бы для нее идеальной парой. Но он женат, хотя я слышала, что у его жены слабое здоровье и к тому же она в Лондоне. Так что, может быть, нам следует подождать?

В конце концов список сократился до двух человек. Только вот кто же из них?

– Тайлер.

– Ради Бога, дай же ты человеку поспать. Ну, что теперь?

– Что этот дьявол сделает с Кулумом Струаном?

– Откуда мне знать. Может, убьет его. Не знаю. Но это будет что-то ужасное, можешь мне поверить.

– Кулум, видно, не робкого десятка парень, если решился на такое.

Брок рассмеялся.

– Жаль, что ты не видела лица Дирка. Этот сукин сын прямо окаменел от изумления. Вот так взял и окаменел на месте.

– Мальчишка-то поступил хитро, что отдал землю Церкви. Избавил отца от опасности. Да и тебя тоже.

– Не смеши меня, женщина. Уж никак не меня, клянусь Богом. Дирку этот пригорок был нужен, как воздух. Он бы повышал и повышал цену, пока она не задушила бы его, тут-то я бы и отступился. Не будь этого молокососа, Дирк бы сейчас стоял на коленях. Разоренный дотла.

– Или предоставил бы тебе самому задыхаться в этой петле.

– Ну нет. Уж очень он хотел заполучить этот холм.

– Но разорить тебя он хотел еще больше.

– Нет. Ты ошибаешься. Ложись-ка спать.

– Как он поступит с Кулумом?

– Не знаю. Обид он не прощает. Они оба теперь ненавидят друг друга. Никогда не видел Дирка в таком бешенстве. Вражда между ним и мальчишкой может оказаться нам на руку.

На какое-то мгновение Лизу охватил страх. Страх за мужа. Страх перед той ненавистью, которую он и Струан испытывали друг к другу. Ненавистью, которая могла умереть только со смертью одного из них. Или обоих. Господи милосердный, помолилась она уже в несчетный раз, пусть между ними будет мир. Затем страх оставил ее, и она сказала себе то, что всегда говорила. «Чему быть, того не миновать». Это напомнило ей «Гамлета» и Уилла Шекспира, который был ее страстью.

– Почему бы тебе не построить театр, Тайлер? На Гонконге. Мы ведь теперь останемся здесь, не так ли?

– Да. – Брок просветлел, сразу перестав думать о Струане. – Это хорошая мысль, Лиза. Просто замечательная. Построим театр, пока это исчадие ада не подумал о том же. Да, завтра же я поговорю со Скиннером. И создам специальный фонд. Мы выпишем сюда актерскую труппу. Поставим пьесу к Рождеству. Подумай, какую лучше выбрать.

Лиза прикусила язык. Она едва не назвала «Ромео и Джульетту», а это было бы глупо, поскольку она ни минуты не сомневалась, что муж тут же разгадает ее тайные намерения. Да, именно Тесс станет ключом к проблеме Броков и Струанов. Только этот брак не закончится трагедией. Не как у этих Монтекки и Капулетти.

– Если бы Горт поступил так с тобой, отнял бы у тебя холм, что бы ты сделал?

– Не знаю, дорогая. Я рад, что это не был Горт. А теперь давай спать.

Лиза Брок отдалась свободному течению мыслей. Так который же из двух будет лучше всего? Лучше для нас и лучше для Тесс? Кулум Струан или Дирк Струан?

Туман накрыл корабли, мирно стоявшие на якоре. В его молочно-белых космах тенью проскользнул сампан. Лодка на мгновение ткнулась в носовой якорный канат «Белой Ведьмы». Ловкие руки быстро вцепились в него, топор поднялся и опустился, и сампан исчез так же бесшумно, как и появился.

Те, кто был на палубе – вооруженные матросы и Нагрек, стоявший эту вахту, – не заметили ничего необычного. В густом тумане, когда не видно ни берега, ни других кораблей, легкий ветерок, спокойное море и тихий прилив увлекали корабль с собой, ничем не выдавая его движения. «Белую Ведьму» сносило к берегу.

Боцман отбил восемь склянок, и Нагрека охватила паника: риск, на который он был готов пойти через несколько минут, казался ему теперь неимоверным. Чертов ты болван, в смятении думал он. Ты подвергаешь себя смертельной опасности, договариваясь с Тесс о таких свиданиях, как это. Не ходи туда! Останься на палубе – или иди к себе и ложись спать. Но не ходи к ней! Забудь ее и забудь сегодняшний день и вчерашнюю ночь. Уже много месяцев Нагрек постоянно чувствовал ее присутствие, но прошлой ночью, во время вахты, он заглянул в иллюминатор каюты, которую она делила со своей сестрой. Он увидел Тесс в ночной рубашке, молящуюся на коленях возле кровати подобно ангелу. Пуговицы рубашки были расстегнуты, соски грудей напряглись под тонким белым шелком. Закончив молитву, она открыла глаза, и на какое-то мгновение ему показалось, что она его заметила. Но она отвернулась от иллюминатора, собрала рубашку на спине и завязала ее узлом, так что тонкая ткань словно прилипла к ее телу. Затем она провела по себе руками. Нежно. Томно. По груди, бедрам, лону. Потом выскользнула из рубашки и встала перед зеркалом. Дрожь пробежала по ее телу. Она медленно оделась, вздохнула, задула лампу и забралась в постель.

А потом сегодня, когда она неслась по пляжу и юбки ее развевались, он увидел ее ноги, и ему до боли захотелось провести по ним рукой, и в этот момент он решил сделать ее своей. Сегодня днем на борту, цепенея от ужаса и желания, он прошептал ей несколько слов и увидел, как она вспыхнула, и услышал ее ответный шепот: «Да, Нагрек, сегодня в восемь склянок».

На палубу поднялась новая вахта.

– Иди вниз, Нагрек, – сказал Горт, вступая на ют. Он оправился в шпигаты, зевнул, занял свое место на квартердеке у накгоуза и встряхнулся почти по-собачьи.

– Ветер поменялся на ост.

– Я это почувствовал. – Горт раздраженно нацедил себе чарку рома. – Проклятый туман!

Нагрек спустился в свою каюту. Он снял туфли и сел на койку, чувствуя, как по спине струится холодный пот Полузадушенный собственной глупостью, но не в силах справиться с нею, он выскользнул в коридор и бесшумно прокрался на цыпочках к корме. Он остановился снаружи ее каюты. Влажной рукой осторожно попробовал ручку двери. Едва дыша, проник внутрь и закрыл дверь за собой.

– Тесс? – позвал он шепотом, почти молясь про себя, чтобы она его не услышала.

– Чш-ш-ш, – ответила она, – а то разбудишь Лиллибет. Его страх усилился – «Уходи!», кричал ему рассудок, – но боль внизу живота заставила его остаться.

– Это страшно опасно, – проговорил он, чувствуя, как ее рука проскользнула из темноты, сжала его руку и подвела его к койке.

– Ты хотел поговорить со мной? Чего ты хотел? – прошептала она, воспламененная темнотой, таинственностью и присутствием Нагрека, ужасаясь этому разбуженному внутри нее огню и одновременно наслаждаясь им.

– Теперь не подходящее время, милая.

– Но ты хотел поговорить наедине, чтобы никто не знал. Как же еще мы можем встретиться наедине? – Она села в постели и плотнее закуталась в рубашку, оставив свою руку в его руке и чувствуя, что ее тело становится будто бы чужим.

Он присел на койку, задыхаясь от желания. Его рука потянулась вперед, он коснулся ее волос, потом шеи.

– Не надо, – прошептала она и задрожала, когда он стал ласкать ее грудь.

– Я хочу жениться на тебе, любовь моя.

– О да, о да.

Их губы соприкоснулись. Рука Нагрека заскользила по ее телу, жадно повторяя его изгибы. И вслед за этим прикосновением пришел лихорадочный жар и ужас. Огненный смерч подхватил их, увлекая все выше, выше...

Горт перестал всматриваться в туман, услышав, как боцман отзвонил одну склянку, и неторопливо подошел к нактоузу. Он взглянул на компас в подрагивающем свеге фонаря и не поверил своим глазам. Горт потряс головой, словно пытаясь проснуться, и нагнулся к нактоузу еще раз.

– Этого не может быть!

– Что случилось, сэр? – удивленно посмотрел на него боцман.

– Ветер, клянусь Богом. Ветер западный! Западный!

Боцман подбежал к нактоузу, но Горт уже несся по палубе, расталкивая матросов.

Забежав на нос, он перегнулся через борт и увидел перерубленный канат.

– Эй, на вахте! Нас сносит! – прокричал он, запаниковав от неожиданности, и на корабле поднялся переполох. – Отдать кормовой якорь! Скорее, в тригоспода бога мать!

Моряки бросились к кормовому клюзу, но в этот миг киль заскреб по каменистому дну, корабль содрогнулся и словно вскрикнул.

Этот крик пробил толщу деревянных настилов и перегородок и проник в горнило их каюты. Нагрека и девушку на мгновение парализовало. Потом он оторвался от ее льнущей к нему теплоты, выскочил в коридор и кинулся на палубу. Брок распахнул дверь своей каюты и мельком увидел, как Нагрек поднимается по трапу. Краем глаза он заметил, что дверь в каюгу его дочерей открыта, но тут же забыл об этом в лихорадочной спешке наверх. Лиза выбежала за ним следом, пересекла коридор и скрылась в этой открытой двери.

Когда Брок появился на юте, кормовой якорь отдали, но было уже слишком поздно. «Белая Ведьма» вскрикнула в последний раз, слегка завалилась на левый борт и тяжело села на мель. В тот же миг из тумана выскользнули многочисленные сампаны, абордажные крючья впились в борты, и пираты начали карабкаться наверх.

Они были вооружены мушкетами, ножами и абордажными саблями. Первым на палубу спрыгнул Скраггер. И вот уже команда «Белой Ведьмы» дралась за свою жизнь.

Горт увернулся от бросившегося на него китайца, схватил его за горло и одним движением сломал ему шею. Нагрек подобрал боевой цеп и врезался в наседающую орду, заметив среди китайцев Скраггера и других европейцев. Он изувечил одного пирата и поспешил к Броку, который прикрывал трап, ведущий к каютам внизу. И к серебру в трюме.

Скраггер ударом сабли свалил матроса и отпрыгнул назад, окидывая взглядом атакующих пиратов. «Пробивайтесь вниз, клянусь Богом!» – прокричал он и бросился с несколькими людьми на Брока. Остальные ринулись вперед и уничтожили первых из вахтенных матросов, пытавшихся выскочить на палубу снизу.

Брок выстрелом в упор разнес голову одному из европейцев, с размаху сунул разряженный пистолет в пах другому и описал грозный полукруг своей саблей. Он сделал выпад в сторону Скраггера, тот скользнул вбок и нажал на курок наведенного

пистолета, но в эту секунду в него врезался Нагрек, и пуля, просвистев мимо, улетела в туман. Скраггер, рыча, круто обернулся и рубанул наотмашь, достав Нагрека концом клинка и легко его ранив. Потом он бросился в общую схватку, вновь пытаясь добраться до Брока. Его сабля вонзилась в грудь матросу, и в этот момент Брок схватил его за горло, и они рухнули на палубу, молотя друг друга кулаками и ногами. Брок задохнулся от боли, когда гарда сабли Скраггера врезалась ему в лицо. Огромным усилием он поднялся, швырнул пирата себе под ноги и взмахнул саблей. Скраггер едва успел откатиться в сторону; клинок звякнул о палубу и переломился. Брок погрузил обломок в живот китайца, вцепившегося ему в шею, а Скраггер метнулся назад, в безопасное место, прикрытый своими людьми.

Горт дрался в людском водовороте на главной палубе, рубя, уворачиваясь, снова нападая, когда в бок ему вонзился нож, и он рухнул, хватая ртом воздух. Брок видел, как упал его сын, но остался у трапа, продолжая сражаться и убивать.

Внизу Лиза затолкала Тесс и Лиллибет в свою каюту.

– Ну, девочки, смотрите не пугайтесь, – сказала она, захлопывая дверь снаружи.

Она встала в проходе – по пистолету в каждой руке и еще два в кармане. Если враг начнет спускаться по трапу, прежде чем сражение закончится, это будет означать, что ее муж убит или лежит без сознания. Но четыре пирата умрут, пока им удастся пройти дальше.

Предводительствуемые Скраггером, пираты еще раз атаковали матросов Брока и снова были отбиты. Кучка матросов прорвалась наверх из полубака. Трое из них присоединились к Броку у трапа, и вместе они ринулись на пиратов, отбросив их назад.

Кофель-нагель врезался Скраггеру в спину, и он понял, что схватка проиграна. Он тут же прокричал что-то по-китайски, и его люди прекратили атаку, как крысы, хлынули вниз по бортам в сампаны и стали уходить, Скраггер прыгнул с носа в море и исчез под водой. Брок выхватил мушкет у одною из магросов и подскочил к борту. Когда голова Скраггера на мгновение показалась на поверхности, Брок выстрелил, но промахнулся, и голова опять исчезла. Брок выругался и швырнул бесполезный теперь мушкет в темноту.

Его люди открыли огонь по сампанам, которые быстро растаяли в тумане. Когда больше некого было добивать, Брок приказал выбросить всех пиратов, и мертвых и раненых, за борт и подошел к Горту.

Кровь сочилась из раны, которую Горт прикрывал сжатым кулаком. Брок отстранил руку сына. Нож глубоко вошел под мышку по косой к спине.

– Ты харкал кровью, парень?

– Нет, Па.

– Хорошо. – Брок вытер пот с лица и поднялся на ноги. – Принесите смолу. И ром. Шевелитесь, черт возьми! Всем, кто ранен, собраться на корме. Остальные пусть сядут в лодки и стащут нас с мели. Прилив закончился. Торопитесь!

Нагрек пытался прогнать невыносимую головную боль, распоряжаясь спуском лодок на воду. Рана на плече сильно кровоточила.

Брок протянул Горту кружку рома. Как только смола забулькала на жаровне, он окунул в нее кофель-нагель и стал заталкивать смолу в рану. Лицо Горта перекосилось, но он не издал ни звука. Затем Брок принялся лечить ромом и смолой остальных.

– А я, сэр? Вы забыли про меня, – простонал один из матросов. Он держался за грудь. На губах у него выступила кровавая пена, воздух с шипением вырывался из раны.

– Ты уже мертвец. Тебе лучше приготовиться к встрече с твоим Создателем.

– Нет! Нет, клянусь Богом! Прижгите ее смолой, сэр, как и всем. Ну же, клянусь Богом! – Он закричал. Брок ударом кулака сбил его с ног, матрос повалился на

палубу и остался лежать там неподвижно, воздух хлюпал в ране, выходя наружу вместе с кровавыми пузырями.

Брок помог сыну подняться. Выпрямившись, Горт твердо встал на ноги.

– Я в порядке, клянусь Господом!

Брок оставил его и посмотрел назад. Лодки понемногу стащили корабль с мели и теперь выгребали подальше от берега. Вода стояла, прилив еще не сменился отливом.

– Навались! – прокричал он гребцам. – Готовь носовой якорь, Нагрек!

Корабль вывели на глубокую воду – лоцман громко называл каждый промер, – и когда Брок убедился, что корабль в полной безопасности, он приказал бросить якорь.

Клипер качнулся, подхваченный отливом, и замер.

– Парусный мастер!

– Здесь, здесь, сэр-р – откликнулся старый матрос.

– Сшей им саваны, – распорядился Брок, показывая на семь тел. – Возьми грот. Цепь к ногам, и с рассветом – за борт. Я отслужу панихиду, как обычно.

– Есть, слушаюсь, сэр.

Брок опять повернулся к Горгу:

– Сколько времени прошло от твоего заступления на вахту до того, как мы сели на мель?

– Не больше нескольких минут... Нет! Ровно одна склянка. Я отчетливо помню.

Брок на секунду задумался.

– Нас не могло снести с места нашей стоянки до самого берега за одну склянку. Никак не могло. Значит, в дрейф нас пустили во время предыдущей вахты. – Брок посмотрел на Нагрека, и тот отшатнулся. – Твоей вахты. Двадцать плетей на рассвете каждому, кто был на палубе.

– Есть сэр – холодея от ужаса, ответил Нагрек.

– Если бы не ты, я был бы уже на том свете от пули того растреклятого пирата, так что я подумаю о тебе, Нагрек. С этими словами он спустился вниз.

– Все хорошо, милая, – сказал он. Лиза, наклонив голову, стояла перед дверью детской каюты, незыблемая, как скала.

– Спасибо, Тайлер. – Она опустила пистолеты. – Тяжело было?

– Очень тяжело. Все из-за серебра. Видано ли это, чтобы пираты нападали на нас в гавани! В гавани! Среди них были англичане. Я прикончил одного, но главарь, черт бы его побрал, ускользнул. С детьми все в порядке?

– Да. Они внутри. Уже спят. – Лиза замолчала в нерешительности. – Наверное, мне следует поговорить с тобой.

– Так вот мы же и разговариваем, не так ли.

Она мрачно прошла по коридору к главной каюте. Он последовал за ней, она пропустила его в каюту и закрыла за собой дверь.

В три склянки Брок вновь появился на палубе. Туман поредел но и ветер упал. Он принюхался попробовал воздух и определил, что ветер вскоре опять наберет силу, так что к утру туман рассеется.

– Горт, пойдем-ка вниз, проверим груз.

– Но Па, ни один из этих грязных висельников даже не побывал внизу!

– Все равно пойдем посмотрим. Ты тоже, Нагрек. Брок взял фонарь, и они спустились в трюм.

– Вот смотри! Дверь по-прежнему заперта, – раздраженно сказал Горт, которого мучила его рана.

Брок отпер замок, и они вошли внутрь. Он осторожно поставил фонарь на слитки, вернулся к двери и запер ее снова.

– Ты лишился разума, Па! – вскинулся Горт. Брок в упор смотрел на Нагрека.

– Что случилось, мистер Брок? – спросил Нагрек, замирая от ужаса.

– Похоже, что Нагрек щупал твою сестру, Горт. Тесс.

– Я не... я не делал этого, клянусь Господом! – вскричал Нагрек. – Не делал ничего подобного.

Брок снят со стены кошку-девятихвостку.

– Похоже, что он забрался к ней в каюту, когда она спала, разбудил ее и стал играть с ней.

– Я не трогал ее, ничего ей не сделал, ничего, клянусь Господом! – кричал Нагрек. – Она сама позвала меня в свою каюту. Она позвала. Сегодня днем она позвала меня. Сама, клянусь Господом!

– Так, значит, ты все-таки был в ее каюте!

Горт бросился на Нагрека и тут же чертыхнулся от боли – рана в боку разошлась. Нагрек метнулся к двери, но Брок отшвырнул его назад.

– Ты покойник, Нагрек!

– Я ничего не сделал ей, как перед Богом клянусь, как перед...

– Ты совал свои грязные лапы к ней под рубашку!

Плеть жалила Нагрека снова и снова – Брок загонял его глубже в трюм.

– Совал ведь, клянусь Богом, разве нет?

– Как перед Богом клянусь, я не трогал ее. Не надо, мистер Брок. Пожалуйста. Никакого зла не свершилось... простите меня... я только дотронулся до нее... больше ничего... совсем ничего.

Брок остановился, часто дыша.

– Так это правда. Ты слышал, Горт? – Оба, отец и сын, прыгнули к Нагреку одновременно, но Брок оказался быстрее, и от удара его кулака Нагрек свалился без сознания. Брок оттолкнул Горта в сторону. – Погоди!

– Но, Па, эта свинья...

– Погоди! Твоя матушка сказала, что бедная девочка поначалу боялась даже рот раскрыть. Тесс думает, что раз он ее потрогал там, у нее теперь будет ребеночек. Но Лиза говорит, что Тесс еще невинна. Он только лапал ее, благодарение Богу!

Когда Брок перевел дыхание, он раздел Нагрека донага и подождал, пока тот придет в себя. Потом он оскопил его. И забил до смерти.

Глава 6

– Ты хотел меня видеть, отец? – Лицо Кулума было белым, как мел,

Струан стоял на вершине холма с биноклем на шее и ножом за поясом. У его ног лежал сложенный боевой цеп. Он неотрывно наблюдал за Кулумом с того самого момента, как юноша прибыл на берег, и видел, как тот вошел в долину и поднялся на холм. Ветер к утру разогнал облака, и солнце, вставшее на горизонте, обещало ясный день.

Струан показал рукой вниз:

– Вид отсюда замечательный, а? – Кулум не ответил. От пламени, полыхавшего в глазах отца, у него подгибались колени. – Ты не согласен со мной?

– Церковь будет... все будут...

– Не нужно рассказывать мне о церкви, – прервал его Струан. – Ты слышал про Брока? – Его голос звучал слишком мягко, слишком спокойно.

– Что с ним?

– Ночью на него напали. Пираты перерезали якорный канат, и судно вынесло на берег. Потом они взяли его на абордаж. Разве ты не слышал выстрелов?

– Слышал. – Кулум был в подавленном настроении. Бессонные ночи, пришедшее вслед за ними понимание, что только он один может спасти компанию, решение обмануть Лонгстаффа, которое он принял и осуществил – он чувствовал себя выжатым, как лимон. – Только я не знал, что это были пираты.

– Они самые. В гавани Гонконга. Как только туман рассеялся, я побывал у Брока. Он сказал, что потерял семерых и капитана.

– Горта?

– Нет. Нагрека Тума. Бедняга умер от ран. Горта тоже ранили, но не опасно. – Кулуму показалось, что лицо Дирка Струана сделалось жестче. – Капитан погиб, защищая свой корабль. Вот как должен умирать мужчина.

Кулум закусил губу и окинул взглядом холм. Сердце бешено колотилось у него в груди.

– Ты хочешь сказать, что это моя Голгофа?

– Я не понимаю тебя.

– Я о капитанах, которые умирают, защищая свои корабли. Это мой корабль – вот этот холм, – разве ты не это хотел сказать? Ты спрашиваешь меня, хочу ли я умереть, защищая его?

– А ты хочешь?

– Я не боюсь тебя. – Слова царапнули пересохшее горло Кулума. – Есть законы против убийства. Я знаю, мне не справиться с тобой, и ты можешь убить меня, но тебя за это повесят. Я пришел без оружия.

– Ты думаешь, я бы смог убить тебя?

– Если бы я встал на твоем пути – да. А я встал на твоем пути, не так ли?

– В самом деле?

– Ты всегда был для меня Богом. Но за тридцать дней, что я прожил здесь, я узнал, кто ты на самом деле. Хищник. Убийца. Пират. Торговец опиумом. Прелюбодей. Ты покупаешь и продаешь людей, вертишь ими, как хочешь. Ты наплодил ублюдков и гордишься ими, и от твоего имени разит так, что порядочным людям приходится затыкать нос.

– Кто эти порядочные люди?

– Ты хотел меня видеть. Я пришел. Говори, чего ты хочешь, и давай покончим с этим. Я устал играть роль мышки перед твоей кошкой.

Дирк Струан поднял свою сумку и повесил ее на плечо.

– Пошли.

– Куда?

– Мне нужно поговорить с тобой наедине.

– Мы сейчас одни.

Струан показал головой на корабли в гавани.

– Там есть глаза. Я чувствую, что они смотрят на нас. – Он показал на берег, пестревший фигурками китайцев и европейцев. Торговцы меряли шагами свои участки. Дети уже играли. – За нами наблюдают отовсюду. – Он вытянул руку к вершине утеса на западе. – Вот куда мы пойдем.

Утес был почти горой. Он поднимался на четыреста метров, скалистый, одинокий, угрюмый.

– Нет.

– Тебе не под силу туда подняться? – Струан прочел ненависть на лице Кулума и подождал ответа. Кулум упорно молчал. – Ты, кажется, сказал, что ничего не боишься.

Он повернулся и зашагал вниз с холма, а потом стал взбираться по склону утеса. Кулум, снедаемый страхом, постоял в нерешительности, потом, увлекаемый волей Струана, двинулся следом.

Карабкаясь вверх, Струан понимал, что затеял еще одну опасную игру. Он не останавливался и не оглядывался назад, пока не добрался до самой вершины. Она была покатой, и по ней вовсю гулял ветер. Он обернулся и увидел далеко внизу Кулума, с трудом поднимающегося по каменной круче.

Он повернулся спиной к сыну.

Панорама, открывшаяся перед ним, была необъятна. И величественно прекрасна. Солнце сияло высоко в голубом небе, Тихий океан расстилался под ним сине-зеленым ковром. С этого ковра поднимались вверх коричнево-зеленые горы островов: Поклью Чау на юго-востоке, Лан Тао, огромный, больше Гонконга, остров в пятнадцати милях к западу, и сотни маленьких пустынных островков и голых скал, окружавших архипелаг Гонконг. В свой бинокль он отчетливо видел каждый корабль в бухте, к северу лежал Большой Китай. Он видел флотилии джонок и сампанов, лавировавших в проливе Лан Тай, они направлялись к западным подходам к Гонконгу. Еще большее их количество возвращалось к устью Жемчужной реки. На севере и на юге, на востоке и на западе – везде он наблюдал на море оживленное движение: патрулирующие воды острова фрегаты; джонки и сампаны, занятые промыслом рыбы, но ни одного торгового судна.

Что же, подумал он, через несколько недель придет конец второй войне, и тогда торговцы опять станут хозяевами моря.

Кулум взбирался вверх по тропинке, проложенной Струаном. Он почти совсем выбился из сил, и только упорство заставляло его передвигать ноги. Его одежда порвалась во многих местах, лицо было исцарапано колючками. Но он продолжал подниматься.

Наконец он выбрался наверх. Грудь его ходила ходуном, ветер трепал полы сюртука.

Струан сидел на земле с подветренной стороны, спустившись на несколько футов по склону. Перед ним белела расстеленная скатерть, на которой стояла еда и бутылка вина.

– Держи, парень, – сказал Струаи, протягивая сыну полбокала сака.

Не успев отдышаться, Кулум взял бокал и попробовал пить, но большая часть содержимого стекла по подбородку. Он быстро вытер его рукавом, жадно ловя ртом воздух.

– Садись, – пригласил Струан.

К огромному удивлению Кулума, его отец доброжелательно улыбнулся.

– Ну же, парень, присаживайся. Пожалуйста, садись.

– Я... я не понимаю.

– Отсюда вид еще лучше, правда?

– Только что ты был сам дьявол, – проговорил Кулум, преодолевая острую боль в груди, – а сейчас... сейчас... я просто не понимаю.

– Я захватил с собой цыпленка, хлеб, – сказал Струан. – И еще одну бутылку вина. Тебя это устроит?

Кулум опустился на землю. Он вымотался до предела.

– Цыпленок?

– Ну, ты ведь не завтракал, верно? По-моему, ты вообще должен умирать с голоду.

– Насчет холма. Я...

– Отдышись, отдохни, потом поешь. Пожалуйста. Ты ведь совсем не спал эти две ночи. Разговаривать на пустой желудок вредно. Только не набрасывайся на еду, а то станет плохо. Путь сюда получился нелегкий. Я и сам устал.

Кулум лег на спину, закрыл глаза и собрался с силами. Все его тело ныло и требовало отдыха. Он с усилием открыл глаза, ожидая, что все это окажется сном. Но нет, вот сидит его отец и спокойно рассматривает в бинокль южную сторону моря.

– Насчет холма. Я был...

– Ешь, – прервал его Струан и протянул ему кусок цыпленка. Кулум взял куриную ножку.

– Я не могу есть. Пока не скажу всего. Я вынужден был сделать это. Вынужден. Ты бы никогда не согласился, а это был единственный выход. Брок разорил бы тебя.

В самом конце он бы отступился. Я знаю, что он бы отступился. Если бы не эта его бешеная ненависть к тебе, а твоя – к нему, то холм был бы твоим. Ты сам довел дело до этого. Только ты. Это твоя вина. Холм теперь принадлежит Церкви, и это правильно. Ты сам довел дело до этого.

– Верно, – кивнул Струан. – Так оно и есть. И я очень горжусь тобой. Такой шаг требовал большого мужества. Робб никогда бы не сделал этого. Даже если бы мысль отдать холм церкви и пришла ему в голову, он никогда не решился бы осуществить свой план.

Кулум онемел от изумления.

– Ты... ты хотел, чтобы я это сделал?

– Ну, конечно, дружок. Только так и можно было разрешить эту невозможную ситуацию.

– Ты... ты знал, что я это сделаю?

– Я поставил на то, что ты это сделаешь, да. Я намекнул тебе, что это следует сделать. Когда ты так нервничал, избегая встречи с Лонгсгаффом, – и когда не подошел ко мне в Счастливой Долине, – я подумал, что ты все устроил. Затем меня сбило с толку то, как ты отреагировал на Гордона. Но позже Лонгстафф сказал: «И этот ваш другой жест столь же восхитителен!», и тогда я окончательно уверился, что ты сумел найти единственный правильный выход. Я очень горжусь тобой, парень. Брок вне всякого сомнения прикончил бы нас. И я ничем не мог ему помешать. Холм стал вопросом лица.

– Ты... ты толкнул меня... заставил меня пройти через ад за эти два дня и две ночи, зная, что на все имелся простой ответ?

– Так ли он был прост?

– Для тебя был! – закричал Кулум. Он вскочил на ноги.

– Да, – ответил Струан, сразу посуровев. – Для меня. Но не для тебя. Однако ты все-таки принял верное решение, и это пошло тебе только на пользу. Теперь ты мужчина. Если бы это я подсказал тебе про «Дом Божий», ты никогда бы не смог осуществить этот план. Никогда. Ты бы выдал себя. Ты должен был верить в то, что ты делал. Если бы Брок хоть на мгновение заподозрил, что вместо тебя это придумал я, он сделал бы нас посмешищем всей Азии. Мы бы навсегда потеряли лицо.

– Ты готов пожертвовать мной ради лица?! – завопил Кулум. – Ради своего, в господа бога мать, трижды растреклятого лица?

– Нашего, Кулум, – поправил его Струан. – И мне приятно слышать, как ты, наконец, выругался. Это идет тебе, парень!

– Значит, твой гнев, твоя ярость – все это было притворством?

– Ну, конечно, мой милый. Это был спектакль для Брока. И для остальных.

– Даже для Робба?

– Для Робба больше, чем для кого-либо другого. Съешь что-нибудь.

– Чума на твое угощение! Ты дьявол! Ты всех нас затащишь с собой в преисподнюю. Клянусь Господом Богом нашим, я... Струан вскочил и схватил Кулума за плечи:

– Прежде чем ты скажешь что-то, о чем можешь пожалеть впоследствии, послушай меня. Я поставил на то, что у тебя хватит мужества решиться, и ты решился. Сам. Без моей помощи. И я благословил тебя. Теперь ты Кулум Струан – человек, который осмелился пойти против Тай-Пэна. Ты уникален, второго такого нет в целом мире. За один день ты приобрел больше лица, чем мог бы приобрести за двадцать лет. Как, во имя Господа, можно, по-твоему, управлять людьми, двигать ими, как пешками? Только силою руки? Нет. Но силою ума. И магией.

– Магией? – выдохнул Кулум. – Но это черная магия.

Мягко рассмеявшись, Струан сел и налил себе бокал вина.

– Те, у кого есть разум, смогут оценить твою мудрость. «Этот Кулум умен»,

скажут они. «Он отдал холм Церкви. И тем самым не позволил этому дьяволу Струану погубить „Благородный Дом“, вложив все богатство компании в никчемный холмик. Но при этом Кулум еще и сохранил Тай-Пэну лицо: этот дьявол не может убить Кулума Струана за то, что тот отдал землю Церкви». – Струан сделал глоток из бокала. – Даже Брок должен быть потрясен этим, не важно, подозревает он тут тайную сделку или нет. Потому что ты сделал все, как надо. Люди набожные станут благословлять тебя за то, что ты отдал «лучшее» Церкви. Дураки, вроде Лонгстаффа, станут бояться тебя и искать твоего совета. Циники будут благоговеть перед разумностью твоего решения, они преисполнятся ненависти к тебе и скажут: «В Кулуме есть что-то дьявольское от отца. С ним лучше держать ухо востро». Я бы сказал, что со вчерашнего дня ты приобрел достоинство и вес, парень.

– Но... но если я... получается, что тогда ты потерял лицо?

– Верно. Но у меня его еще много останется. Могу даже поделиться. С тобой и с Роббом. А вот времени на то, чтобы прочно посадить тебя на твое новое место, у меня мало. Присмотрись к людям, парень. Теперь они станут думать: «Один раз это сошло Кулуму с рук, но рискнет ли он ослушаться отца еще раз?» И все они станут надеяться, что мы возненавидим друг друга так сильно, что погубим себя. И это как раз то, что мы с тобой должны попробовать сделать. Открыто. На людях.

– Что?!

– Ну, разумеется. Холодная враждебность при всякой встрече. И скоро, очень скоро Брок постарается переманить тебя на свою сторону. То же самое попытается сделать и Купер. И Тиллман. Они будут пичкать тебя ложью – или исковерканной правдой – в надежде разжечь в тебе такую ненависть, что ты в этой нашей ссоре погубишь меня и себя заодно. И «Благородный Дом». Потому что каждый торговец жаждет этого всей душой. Но теперь, теперь им этого не дождаться. Ты оправдал мои надежды, клянусь Богом!

– Я не буду в этом участвовать, ни за что и никогда, – тихо проговорил Кулум.

– Будешь, и самым прямым образом. В течение пяти месяцев и пяти лет. Ты дал мне священную клятву.

– Ты будешь настаивать на том, чтобы я соблюдал ее? Теперь? После всего, что произошло?

– Ты сам будешь соблюдать ее. Твое жалованье утроено.

– Ты полагаешь, деньги имеют какое-то значение в подобных вещах?

– Это не большая плата за два дня ада.

– Не нужны мне никакие деньги. И я не буду делать того, о чем ты говоришь. Я не могу.

Струан с задумчивым видом выбрал себе куриную ножку.

– Я очень много размышлял о тебе. У меня было искушение вообще не говорить тебе ни слова. Предоставить тебе играть свою роль, ни о чем не подозревая. Но затем я еще раз все взвесил. И решил, что ты справишься с нею, даже будучи посвящен во все детали. Так это будет занятнее для нас обоих.

– Ты готов позволить мне прожить всю жизнь и умереть, ненавидя тебя? Только для того, чтобы «Благородный Дом» процветал?

– Ты сам знаешь ответ на свой вопрос.

– Ты нечестив.

– Согласен. В некоторых вещах, – кивнул Струан, пережевывая цыпленка. – Я – все то, что ты сказал, и даже больше. Я нарушаю многие Заповеди, но не все. Я знаю, что делаю, и готов отвечать за то, что я делаю. Но я единственный человек на всей земле, которому ты можешь доверять – при условии, что ты не пойдешь, сознательно не пойдешь, против нашего дома. Я Тай-Пэн. Через страдания и притворство ты станешь таким же.

– Это не стоит того лицемерия. Или зла.

– Ах, парень, гляжу я на тебя, и теплеет у меня на сердце, – сказал Струан, отбрасывая обглоданную кость. – Ты так молод. Я завидую тебе, тем годам, которые ждут тебя впереди. Не стоит, говоришь? Быть лучшим? Подчинять себе Брока и остальных самим своим присутствием? Управлять Лонгстаффом и через него Короной? Китайским императором? И через него тремястами миллионами китайцев? – Струан пригубил вино. – Стоит. Всеобщая ненависть и немного актерской игры – мизерная плата за это.

Кулум откинулся спиной на холодный камень, его разум бушевал от неумолимых слов, вопросов, безжалостных ответов. Такова ли воля Твоя, Господи, спрашивал он себя. Сильнейшие выживают за счет слабейших? Ибо Бог создал этот мир и, следовательно, этот закон тоже. Но Иисус сказал: «Кроткие унаследуют землю». Что Он имел в виду: нашу землю или Царство Божье?

Кротость не раздобыла бы столько серебра и не смогла бы его уберечь. Кротость не спасла бы «Благородный Дом» в этой истории с круглым холмом. Кротость никогда не продвинется вперед, никогда не одолеет жестоких и алчных.

Если я стану Тай-Пэном, Хартия пойдет дальше. Богатство и цель – бессмертная цель, – говорил он. Что ж, очень хорошо.

Ненависть Кулума Струана к своему отцу исчезла. И вместе с ненавистью ушла любовь. Осталось только уважение.

– Зачем ты решил подняться сюда? – спросил Кулум.

Струан понял, что потерял сына. Он был опечален как отец, но не как мужчина. Он навязал противнику поединок на своих условиях и сам выбрал для него время. Значит, свою обязанность отца он исполнил.

– Чтобы утомить тебя трудным подъемом, лишить тебя сил и иметь возможность поговорить и заставить тебя понять, – ответил он. – И показать тебе, что, хотя вид с холма прекрасен, отсюда он величествен.

Кулум в первый раз повел глазами вокруг.

– Да. Да, это так. – Затем он наклонился вперед, выбрал кусок цыпленка и начал есть.

Струан старался, чтобы его лицо не выдало боли. Улыбка еще вернется к парню, говорил он себе. Дай ему время. Заставить его взрослеть так быстро – это все равно что резать по живому.

Дай парню время.

Он испытывал большую усталость. Прислонившись к скале, он повернул бинокль к югу, отыскивая «Китайское Облако». Но клипера нигде не было видно. Он бесцельно осмотрел горизонт.

Вдруг глаза его напряглись:

– Посмотри туда, парень. Посмотри. Это «Голубое Облако».

Кулум взял бинокль и увидел корабль. Он был близнецом «Грозового Облака» – те же восемнадцать пушек, столь же быстр и прекрасен. Прекрасен даже для Кулума, который не любил ни кораблей, ни моря.

– У него на борту опиума на сто тысяч фунтов, – сказал Струан. – Что бы ты предпринял? У нас здесь три корабля, и еще шестнадцать прибудут в течение этого месяца.

– Отправим их на север? Чтобы продать груз?

– Да. – По лицу Струана пробежала тень. – Кстати, это мне напомнило. Ты не забыл Исаака Перри?

– Нет. Мне кажется, это было сто лет назад.

– Я списал его на берег, помнишь? Потому что он не вступился за Маккея и потому что он по непонятным причинам стал меня бояться. Я дал Маккею пятнадцать дней на то, чтобы разгадать эту загадку, но он так и не вернулся в Кантон. Вчера вечером я встретил его. Маккей теперь служит на берегу – помощник магистрата и

констебль. – Он раскурил сигару, прикрыв спичку ладонью от ветра, протянул ее Кулуму и раскурил еще одну. – Так вот, похоже, Перри работает теперь на Купера-Тиллмана. На их судне, курсирующем между Вирджинией и Африкой. Перевозит рабов.

– Я не верю этому.

– Я узнал об этом от Уилфа Тиллмана. Вчера вечером. Он пожал плечами и сказал, что Перри не захотел больше заниматься чайными перевозками. Поэтому он предложил ему торговать черным товаром. Перри согласился. Он уехал неделю назад. Перед самым его отъездом Маккей все из него выудил. Они напились вместе. Маккей пожаловался, что я его выкинул – так, собственно, оно и было, – стал проклинать меня и попросился к Перри на его новый корабль, клянясь отомстить мне за все. Выпивка любой язык развяжет, вот Перри и проболтался. Он рассказал Маккею, что продал список наших секретных торговых стоянок на побережье – указал их широту и долготу – и имена китайских посредников, сбывавших для нас опиум, Моргану Броку. Когда последний раз был в Лондоне.

– Значит, Броку известны теперь все наши секретные стоянки?

– Те, которыми пользовался Перри. За десять лет торговли. Помимо них, остается всего ничего.

– Что мы можем сделать?

– Найти новые стоянки и новых людей, которым можно доверять. Так что, парень, как видишь, ни на кого нельзя слишком полагаться.

– Но это ужасно.

– Это закон выживания. А теперь отдохни часок, и мы пойдем.

– Куда?

– В Абердин. Нужно потихоньку осмотреть окрестности. До того, как придет время выбирать там людей By Квока. – Он открыл сумку и передал сыну пистолет: – Ты умеешь с ним обращаться?

– Не очень хорошо.

– Тебе, наверное, стоит поупражняться.

Кулум кивнул головой и осмотрел оружие. Один раз ему довелось стрелять из дуэльного пистолета по поводу какой-то глупой университетской ссоры. И он, и его противник были настолько напуганы, что их пули пролетели в нескольких метрах от цели.

– Мы можем идти прямо сейчас, – сказал Кулум. – Я уже не чувствую усталости.

Струан покачал головой:

– Я хочу дождаться, когда на горизонте появится «Китайское Облако».

– А куда он ходил?

– В Макао.

– Зачем?

– Я послал его туда. – Струан стряхнул крошки с сюртука. – Несколько дней назад была назначена награда за голову моей любовницы. И за моих сына и дочь от нее – если их захватят живыми. Я послал Маусса на «Китайском Облаке» с приказом привезти их всех сюда. На борту корабля они будут в безопасности.

– Но Гордон уже здесь. Я видел его вчера.

– Эта женщина не его мать.

Кулум с некоторым удивлением обнаружил, что его ничуть не задела новость о том, что у его отца две – нет, три – семьи.

Три, включая его самого и Винифред.

– Похищение – это ужасная вещь. Ужасная, – сказал он.

– Теперь за твою голову тоже назначена награда. Десять, тысяч долларов.

– Неужели я стою так много? Я что-то сомневаюсь.

– Если китаец предлагает десять, можешь быть уверен, что ты стоишь всей

сотни. – Струан опять навел бинокль на «Голубое Облако». – Я считаю, что сто тысяч были бы более справедливой ценой. За тебя.

Кулум прикрыл глаза ладонью от солнца. Он понял скрытый комплимент отца. Но не подал виду. Он думал о его новой любовнице и пытался представить себе, как она выглядит и как выглядит мать Гордона. Его ум работал холодно, бесстрастно, он не чувствовал обиды, лишь презрение к слабости и неразборчивости отца.

Кулуму показалось странным, что его рассудок так спокоен.

– Что Брок станет делать со своим серебром? Пираты не дадут ему покоя, пока оно будет у него.

– Ему придется попросить нас забрать часть денег назад. Под вексель. Мы их немедленно примем. Под меньший процент, чем обычно. Скажи Роббу, пусть он займется этим.

– Но тогда пираты станут нападать на нас.

– Может быть. – Струан наблюдал, как «Голубое Облако», лавируя против ветра, медленно входит в пролив между Лан Тао и Гонконгом. – Как только вернется «Китайское Облако», я тут же уеду. Отправлюсь с экспедиционным корпусом и вернусь в Гонконг не раньше, чем за день до начала бала.

– Зачем?

– Чтобы дать тебе время свыкнуться с нашей «враждой». Тебе нужно будет освоиться со своей новой ролью, поупражняться. Вместе с Роббом вы начнете строительство. Все планы уже готовы. Кроме Большого Дома. Этим я сам займусь попозже. Начинайте возводить церковь на круглом холме. Пусть Аристотель сделает эскизы. Заплати ему десятую часть того, что он запросит в первый момент. Ты и Робб должны будете заниматься всеми вопросами.

– Да, Тай-Пэн, – ответил Кулум. «Тай-Пэн». Не «отец». Они оба услышали бесповоротность этого слова. И приняли ее.

– Мой коттедж поставьте на пригородном участке номер семнадцать. У Робба есть план дома. Он должен быть возведен за три недели. С разбитым садом и десятифутовой стеной вокруг него.

– Это невозможно!

– Чего бы это ни стоило. Поставьте туда сто, двести человек, если понадобится. Меблировка и ландшафт – строго, как указано в плане. И я хочу, чтобы все наши постройки были завершены не позднее, чем через три месяца.

– Там строительства по меньшей мере месяцев на десять. Даже на год, а то и больше.

– Верно. Поэтому мы наймем больше людей. Потратим больше денег. Тогда мы закончим значительно раньше.

– Почему нужно так торопиться?

– А почему не нужно?

Кулум посмотрел на море.

– Как быть с балом?

– Ты всем займешься. Вместе с Роббом и Чен Шенем, нашим компрадором.

– А Робб? Он не должен знать, что наша вражда – всего лишь маскарад?

– Я предоставлю тебе самому решать, что лучше. Ты можешь сказать ему обо всем в ночь бала. Если захочешь.

На горизонте появилось «Китайское Облако».

– Теперь мы можем идти, – сказал Струан.

– Хорошо.

Струан уложил бокалы и остатки еды в сумку.

– Пошли сюда тайно несколько человек, пусть ведут постоянное наблюдение с восхода и до заката.

– Наблюдение за чем?

– За кораблями. Поставив здесь своего человека, мы будем знать об их прибытии на четыре-пять часов раньше остальных. Особенно это касается пакетботов. Мы вышлем вперед быстрый катер, перехватим его и получим свою почту раньше других.

– А потом?

– У нас будет преимущество перед всеми. За четыре часа можно многое купить и многое продать. Знать о чем-то на четыре часа раньше остальных может означать разницу между жизнью и смертью.

Уважение Кулума возросло. Очень разумно, подумал он. Его взгляд равнодушно скользил по большому острову Лан Тай на западе.

– Посмотри! – вдруг воскликнул он, показывая рукой в море чуть южнее острова. – Там, видишь, дым. Горит корабль.

– У тебя острый глаз, парень, – заметил Струан, направляя туда бинокль. – Смерть господня, да это пароход!

Корабль был черным, узким, уродливым, с острым носом. Из приземистой трубы валил дым. Он имел две мачты и парусную оснастку, но сейчас шел без парусов, со злобным пыхтением двигаясь против ветра. На корме трепетал красный кормовой флаг.

– Ты только посмотри на этого омерзительного вонючего выродка, который набрался наглости идти под флагом королевского флота.

Кулума ошеломила злобность, звучавшая в его голосе.

– В чем дело?

– Этот проклятый ржавый блудодей – вот в чем дело! Ты только посмотри, как он дышит!

Кулум поднес к глазам бинокль. Корабль показался ему совершенно безобидным. Ему уже случалось видеть такие колесные пароходы. В Ирландии они использовались в качестве пакетботов уже лет десять. В бинокль он мог видеть два огромных гребных колеса посередине, одно с левого, другое с правого борта, клубящийся дым и пенистый след на воде. На корабле имелись пушки. Много пушек.

– Я не вижу в нем ничего страшного.

– Ты посмотри на волну за кормой! А курс! Прямо против ветра, клянусь Богом! Он идет прямо на восток. Против ветра. Нет, ты погляди на него! Он обставляет наш корабль так, словно «Голубое Облако» какой-нибудь толстобрюхий бриг в руках безмозглых обезьян, а не клипер с одной из лучших команд на свете!

– Но что в этом плохого?

– Все. Теперь на Востоке появился пароход. Он совершил невозможное. Этот ржавый, железнобокий, с паровой машиной вместо сердца сукин сын, отвратительное отродье Стефенсона, добрался сюда из Англии, вопреки омерзению океана и презрению всех его ветров. Если смог один, сможет и тысяча. Это и есть прогресс. И начало новой эры! – Струан схватил пустую винную бутылку и с размаху запустил ею в скалу. – Вот чем нам придется пользоваться лет через двадцать-тридцать Этими растреклятыми кастрюлями вместо кораблей, клянусь Богом!

– Он действительно уродлив, если сравнивать его с парусником. С «Голубым Облаком». Но то, что он может идти против ветра – вообще забыть о нем, – означает, что он будет быстрее, экономичнее и...

– Никогда! Уж только не быстрее, никак не при бакштаге. И отнюдь не надежнее на плаву. А взять шторм. Этот ночной горшок перевернется в мгновение ока и камнем пойдет ко дну. И он совсем не так экономичен, как кажется: приходится брать на борт дрова для котлов или уголь. И он никуда не годится для перевозки чая. Чай – продукт нежный, чувствительный, в этой вони он мигом испортится. Чай придется доставлять парусниками, хвала Создателю!

Кулума уже стала забавлять горячность отца, но он этого не показывал.

– Да. Но пройдет время, и они станут совершеннее. И если один смог добраться сюда, то, как ты говоришь, сможет и тысяча. Я думаю, нам следует покупать пароходы.

– Ты можешь покупать их. и правильно сделаешь. Но черт меня побери, если я когда-нибудь приобрету хоть одно из этих смердящих чудовищ. Будь я проклят, если «Лев и Дракон» будет развеваться на нем, пока я жив!

– Интересно, все моряки испытывают к ним те же чувства, что и ты? Кулум задал вопрос небрежным тоном, согретый изнутри.

– Вопрос прямо-таки дурацкий! Что у тебя на уме, Кулум? – резко проговорил Струан.

– Просто размышляю о прогрессе, Тай-Пэн. – Кулум оглянулся на пароход. – Интересно, как он называется.

Струан подозрительно посмотрел на сына. Он знал, что мозг Кулума сейчас напряженно работает, но не представлял, какие планы рождаются в данный момент у него в голове. Странно, сказал он себе. В первый раз ты подумал о Кулуме как о постороннем человеке, а не как о своем сыне, не как о «Кулуме», «парне» или «твоем мальчике».

– Благодарение Богу, моего века не хватит, чтобы увидеть смерть паруса. Но этот сукин сын возвещает нам о смерти Китайского клипера. Самого прекрасного корабля, когда-либо бороздившего океаны.

Он зашагал вниз по направлению к Абердину. Позже пароход подошел достаточно близко, чтобы они смогли прочесть его название. Это была «Немезида». Корабль флота Ее Величества «Немезида».

КНИГА ТРЕТЬЯ

Два фрегата, окутанные клубами порохового дыма, с ревом извергали один бортовой залп за другим по первым из китайских фортов на траверзе Бог, десятимильной протоки, охранявшей подходы к Кантону. Бог была укреплена мощными фортами и имела такое узкое устье, что могло показаться, будто, войдя в него, фрегаты поставили себя в крайне опасное положение, граничащее с самоубийством: места для маневра почти не было, и пушки фортов с легкостью могли в упор расстреливать атакующие корабли, которые, постоянно меняя галс, медленно продвигались вверх по течению. Но пушки прочно сидели на неподвижных лафетах и не могли вести прицельный огонь, а поколения продажных городских чиновников Кантона столетиями предоставляли укреплениям осыпаться и обрастать мхом. Поэтому несколько ядер, выпущенных фортами больше для вида, легли справа и слева от фрегатов, не причинив им вреда.

От кораблей отошли катеры, и морские пехотинцы лавиной хлынули на берег. Форты были взяты быстро и без потерь, поскольку их защитники, сознавая свою беспомощность, благоразумно отступили. Солдаты заклепали пушки и оставили в каждом форте по несколько человек. Остальные вернулись на борт, и фрегаты продвинулись еще на милю к северу, где начали обстрел следующих фортов, подавив их сопротивление с той же быстротой.

Позже их встретил целый флот джонок и брандеров, но и этот флот был потоплен.

Легкость, с которой два фрегата смогли расправиться с таким количеством джонок, объяснялась их превосходством в огневой мощи, а также тем, что их оснастка и паруса позволяли им двигаться в любом направлении при любом ветре. Джонки не могли лавировать, как фрегаты, не могли они идти и против ветра. Джонки

строились для китайских вод и устойчивых муссонов, фрегаты – для завывающей кутерьмы Ла-Манша, Северного моря и Атлантики, где шторм был обычным делом, а буря – нормой жизни.

Глава 1

– Стрельба по сидячим уткам, и только, – с отвращением проговорил адмирал.

– Верно, – кивнул Струан. – Но их потери незначительны, а о наших вообще можно не говорить.

– Решительная победа – вот наша цель, – изрек Лонгстафф. – Вот зачем мы здесь Горацио, напомните мне, чтобы я попросил Аристотеля запечатлеть сегодняшний штурм Бог.

– Да, ваше превосходительство.

Они стояли на квартердеке флагмана Ее Величества «Возмездие», отстав на милю от прокладывающих путь фрегатов. Позади них шли главные силы экспедиционного корпуса с «Китайским Облаком» впереди – Мэй-мэй и дети находились на его борту втайне от всей команды.

– Мы отстаем, адмирал, – недовольно заметил Лонгстафф. – Неужели вы не можете догнать фрегаты, ну?

Адмирал подавил в себе раздражение. В последнее время быть вежливым с Лонгстаффом давалось ему нелегко. Месяцы мелочной опеки, месяцы распоряжений и приказов, которые тут же отменялись, эта война, больше похожая на рядовые маневры – его уже тошнило от всего этого.

– Мы продвигаемся достаточно быстро, сэр.

– Ничего подобного. Мы все время лавируем: правый галс, левый галс, правый, левый. Абсолютно пустая трата времени. Пошлите сигнал на «Немезиду». Она может взять нас на буксир.

– Взять на буксир мой флагман?! – проревел адмирал, побагровев от возмущения. – Этому набитому опилками колбасному заводу? Тащить на буксире мой семидесятичетырехпушечный линейный корабль? Взять на буксир, вы сказали?

– Да, мой дорогой, именно на буксир, – сказал Лонгстафф. – И мы окажемся в Кантоне не в пример быстрее!

– Никогда, клянусь Богом!

– Тогда я переведу свою штаб-квартиру на пароход! Спустите катер на воду. Вся эта ревность просто смешна. Корабль есть корабль, двигает им пар или парус, а нам нужно войну выиграть. Можете подниматься ко мне на борт в любое время, какое сочтете для себя удобным. Я был бы рад, если бы вы отправились со мной, Дирк. Пойдемте, Горацио. – Лонгстафф удалился, негодуя на адмирала с его невозможными представлениями, на постоянные раздоры между армией и флотом: кто, мол, кем командует, и чье мнение имеет больший вес, и кто должен первым выбирать место для килевания кораблей и для своих палаток на Гонконге, и какая это война: морская или сухопутная, и кто перед кем должен иметь предпочтение. К тому же в глубине души он был все еще зол на этого хитрого дьяволенка Кулума за то, что тот обманом выудил у него подпись, лишившую Тай-Пэна его вожделенного круглого холма, – заставил его поверить, что Тай-Пэн одобрил решение построить там церковь, – и тем самым поставил под угрозу дружеские отношения, которые Лонгстафф так тщательно и на протяжении стольких лет выстраивал с этим опасным человеком, используя его в своих целях.

И Лонгстафф был уже сыт по горло строительством колонии, его мутило от льстивых просьб и настойчивых требований, всех этих гнусных дрязг между торговцами. И он был просто взбешен тем, что китайцы отвергли этот чудесный договор, который он, и только он, столь великодушно предложил им. Чертнязьми,

думал он, вот я – тащу всю Азию на своих плечах, принимаю все решения, не даю им всем перегрызть друг другу глотки, веду войну ко славе Англии, охраняю ее торговлю, клянусь Господом, а где благодарность? Да я уже несколько лет как должен быть пэром! Затем гнев его поулегся, ибо он знал, что совсем скоро Азия вновь станет покорной, колонии Гонконг уже не будет грозить опасность, и отсюда во все стороны потянутся нити британского могущества. По непререкаемому повелению губернатора. Вместе с должностью губернаторы обычно получают и титул. Сэр Уильям Лонгстафф – черт возьми, это звучит неплохо. А поскольку губернаторы колоний являются одновременно главнокомандующими всеми колониальными силами, и их слово как прямых предст авителеи королевы имеет силу закона, он сможет поступать с этими напыщенными адмиралами и генералами как ему заблагорассудится. Чума на них всех, подумал он и почувствовал себя лучше.

Итак, Лонгстафф разместился на борту «Немезиды».

Струан отправился туда вместе с ним. Пароход или не пароход, он будет в Кантоне первым.

Через пять дней флот бросил якорь у Вампоа, река позади них была усмирена. Тут же прибыла депутация купцов Кохонга для ведения переговоров, их прислал новый наместник Кантона Чинь-со. Но по совету Струана депутацию отослали обратно, так и не выслушав, а на следующий день англичане заняли кантонское поселение.

Когда торговцы появились на причале, все старые слуги ждали их у парадных дверей их факторий. Поселение выглядело так, словно европейцы оставили его только вчера. Китайцы ни к чему не притронулись в отсутствие хозяев. Все вещи были на месте.

Площадь была отдана под палатки морских пехотинцев, а Лонгстафф разместился в фактории «Благородного Дома», Вновь прибыла депутация Ко-хонга, и вновь ее отослали назад. Англичане начали открыто и с большой тщательностью готовиться к захвату Кантона.

И днем и ночью над Хог Стрит и улицей Тринадцати Факторий не умолкал людской гомон, здесь покупали, продавали, крали, дрались. Бордели и винные лавки не знали отбоя от посетителей. Многие упивались до смерти, некоторые кончали жизнь с перерезанным горлом, другие просто исчезали. Владельцы лавок дрались за место, цены поднимались и падали, но всегда оставались самыми высокими, какие только мог переварить рынок.

В третий раз депутация наместника запросила аудиенции у Лонгстаффа, и опять Струан убедил капитан-суперинтенданта отказать им в приеме. Линейные корабли расположились на траверзе Жемчужной реки, а «Немезида», спокойно попыхивая, курсировала вверх и вниз по течению, наводя ужас на китайцев. Но джонки и сампаны продолжали заниматься своим делом, поднимаясь и спускаясь по реке, как обычно. Из глубины страны поступали чай и шелка этого года; склады Ко-хонга по оба берега реки ломились от товаров.

Затем, ночью, прибыл Дзин-куа. Тайно.

– Здраствуй, Тай-Пэн, – сказал он, входя в небольшую столовую в личных апартаментах Струана. Старик опирался на руки двух своих рабов. – Харасо, что ты моя видеть есть. Почему ты моя ходить видеть нет, хейа?

Рабы помогли ему сесть, поклонились и вышли. Старик казался старше, чем всегда, морщин на лице прибавилось. Однако глаза смотрели молодо и светились умом. Он был одет в длинный шелковый бледно-голубой халат и штаны того же цвета, крохотные ноги были обуты в мягкие тапочки. Легкая куртка зеленого шелка на пуховой подкладке защищала его от сырости и холода весенней ночи. На голове красовалась многоцветная шапочка.

– Здравствуй, Дзин-куа. Мандарин Лонгстафф сильно сердитый стал. Нет хотеть,

чтобы этот Тай-Пэн повидал друга. Ай-йа! Чаи?

Струан нарочно принял Дзин-куа без сюртука, в одной рубашке, желая сразу показать, что очень зол на него из-за монеты Ву Фан Чоя. Чай разлили в чашки, и появились слуги с подносами всевозможных деликатесов, специально заказанных Струаном.

Струан положил немного дим сум на тарелку Дзин-куа, потом на свою.

– Чоу оч-чень сильно харосый, – похвалил угощение Дзин-куа, с прямой спиной сидя на своем стуле.

– Чоу сильно плохой, – извиняющимся тоном произнес Струан, прекрасно зная, что лучшего в Кантоне не найти. Слуга принес уголь для камина и положил в огонь несколько палочек благовонного дерева. Тонкий аромат наполнил маленькую комнату.

Дзин-куа аккуратно и с большим изяществом поглощал крошечные дим сум и потягивал китайское вино, которое было нагрето – все китайские вина подавали теплыми – как раз до нужной температуры. Он был согрет вином и еще больше тем, что его подопечный вел себя безукоризненно, как вел бы себя тонкий, проницательный противник-китаец. Подав дим сум среди ночи, когда обычай предписывал есть это блюдо только в первой половине дня, Струан не только подчеркивал свое неудовольствие, но и проверял, как много известно старику о его встрече с Ву Квоком.

И хотя Дзин-куа был в восторге от того, что его наставничество – вернее, наставничество его внучки Тчунг Мэй-мэй – приносило столь изысканные плоды, его не оставляли смутные опасения. Риск, на который ты решился, когда начал обучать варвара манерам цивилизованного человека, бесконечно велик, говорил он себе. Ученик может слишком хорошо усвоить урок; глазом не успеешь моргнуть, как он сам станет управлять своим учителем. Будь осторожен.

Поэтому Дзин-куа не сделал того, что поначалу намеревался сделать выбрать самый маленький дим сум с креветками и предложить его собеседнику на весу, повторяя жест Струана на корабле Ву Квока. Это явилось бы изящным и тонким намеком на то, что Дзин-куа во всех деталях известно о разговоре Струана с Ву Квоком. Вместо этого он взял палочками один из обжаренных в масле пельмешков, положил его себе на тарелку и не торопясь съел. Он чувствовал, что на данный момент разумнее скрыть свою осведомленность. Позже, если у него будет желание, он может помочь Тай-Пэну избежать нависшей опасности и показать, как спастись от надвигающейся катастрофы.

И, пережевывая дим сум, он в который раз подумал о невероятной тупости мандаринов и маньчжуров. Черепашье дерьмо! Презренные, питающиеся навозом, не знающие своей матери идиоты! Пусть отсохнут у них члены и пусть внутренности их источат черви!

Все было подготовлено и осуществлено так хитроумно, думал он. Мы заставили варваров воевать там, где это было нам удобно, и в нужное для нас время. Война решила их экономические проблемы, но мы, проиграв ее, не уступили им ничего значительного. Торговля, как и раньше, продолжалась только через Кантон. Таким образом. Срединное Царство по-прежнему оставалось недоступным для настырных европейских дикарей. И получили они лишь крохотный вонючий островок, который, едва только на него ступила нога первого кули, мы уже начали отвоевывать обратно.

И Дзин-куа принялся смаковать нюансы изумительного по тонкости плана, который строился на жадности императора и его страхе, что Ти-сен может стать угрозой трону, и заставил императора своими руками уничтожить собственного брата. Божественный замысел! Ти-сену расставили такую красивую ловушку, с такой проницательностью наметили его в жертвы еще задолго до последних событий. Он явился идеальным инструментом для сохранения лица императора и всего Китая. Но

после стольких лет терпения и интриг, после полной победы над врагами Срединного Царства этот алчный, грязный, шелудивый пес – император – совершил чудовищную, невероятную глупость, отвергнув столь выгодный договор!

Теперь эти британские варвары по-настоящему разозлились, и это понятно: они потеряли лицо перед своей дьяволицей-королевой и ее бестолковыми приспешниками. А нам сейчас придется начинать все с начала, и выполнение древнего предназначения Срединного Царства – облагородить варварский мир, вывести его из Тьмы к Свету: одна земля с одним правительством и одним императором – опять отсрочено.

Дзин-куа не огорчался, что придется начать все заново, ибо знал, что дело это растянется на века. Он был лишь слегка раздражен ненужной задержкой и тем, что была упущена прекрасная возможность.

Ладно, сейчас самое главное Кантон, напомнил он себе. Прежде всего нужно выкупить наш любимый Кантон. Какой минимальной суммы следует добиваться? Какой?..

Струан весь кипел внутри. Он ожидал, что Дзин-куа возьмет один из дим сум с креветками и предложит ему, держа на весу. Должен ли я заключить, спрашивал он себя, что старику не известно о том, что Ву Квок использовал первую из четырех монет? Он ведь не может не понимать, что означают поданные к столу дим сум? Гляди в оба, парень.

– Многа бум-бум корабаль, хейа? – произнес Дзин-куа после долгого молчания.

– Много еще у Лонгстаффа есть, беспокойся нет. Очень плохо когда мандарин худой голова иметь.

– Ай-йа, – закивал Дзин-куа. – Мандарин Чинь-со сильно худой голова есть. Император говорить одинаковый, что Ти-сен. – Старик провел пальцем по горлу и рассмеялся. – Пффт! Когда Лонгстафф уступать нет, война есть – толговать нет.

– Война есть, торговлю брать можно. Лонгстафф сильно злой есть.

– Скок'ка тэйлов помогать сильно злой доблый есть, хейа? – Дзин-куа спрятал руки в рукава своего шелкового халата, откинулся на спинку кресла и терпеливо ждал.

– Не знаю. Сто лаков, может.

Дзин-куа знал, что сократить эту сумму вдвое к общему удовлетворению не составит труда. А пятьдесят лаков для Кантона не так уж разорительно, если учесть, что город беззащитен. Но и в этом случае он изобразил на лице ужас. И тут же услышал, как Струан сказал:

– Добавить сто лаков. Выкуп.

– Добавить сто чего? – Теперь ужас старика был неподдельным.

– Выкуп мне, – резко проговорил Струан. – Нет нравится награда за голову моей рабыни и моих чилло маленький. Мандарин Чинь-со очень сильно плохой.

– Награда за голова чилло? Ай-йа! Оч-чень сильно плохой господа мать мандарин, оч-чень! – возмутился Дзин-куа, притворяясь удивленным. Он молча возблагодарил свой йосс за то, что вовремя услышал про назначенную награду и сумел быстро и толково все уладить: сразу же известил через посредника английскую шлюху, – а значит, и Струана – на случай, если кто-нибудь попытается получить деньги за Мэй-мэй и ее детей прежде, чем они будут в безопасности.

– Дзин-куа устлоит! Нет беспокойся, хейа? Дзин-куа устлоит для длуг челез несколько день всего. Очень господа мать мандарин Чинь-со. Плохо, плохо, плохо.

– Сильно плохо, – кивнул Струан. – Трудно устроить, может, много лак нужно. Поэтому нет добавить сто лак. Добавить двести лак!

– Дзин-куа устлоит для длуг, – успокаивая его, повторил китаец. – Нет добавить сто, нет добавить двести! Устлоить сильно быстло мозна. – Он довольно улыбнулся тому идеальному решению, которое нашел и уже начал осуществлять. – Оч-чень

простой. Писать другой имя на список Чинь-со. Одноглазый корова чилло и два корова чилло маленький.

– Что?! – взорвался Струан.

– Почему плохо, хейа? – Что, во имя неба, здесь не так, удивленно спрашивал себя Дзин-куа. Он подготовил простую замену: никчемная варварская женщина и две никчемные девочки, принадлежащие человеку, который поклялся уничтожить Струана, в обмен на безопасность его собственной семьи. Что здесь может быть не так? Кто в состоянии понять разум варвара?

Во имя Господа, думал Струан, как ты сможешь когда-либо научиться понимать этих языческих дьяволов?

– Нет нравится список, – сказал он вслух. – Нет мой чилло нет Одноглазый Дьявол чилло, нет никакой чилло. Очень сильно плохо.

Разумеется, похищение – ужасная вещь, ужасная, согласно подумал Дзин-куа, который и сам жил в постоянном страхе, что его детей или детей его детей похитят, чтобы запросить за них выкуп. Но чьи-то имена все равно должны быть внесены в список. Вот только чьи же?

– Дзин-куа нет писать корова чилло на список, ладна. Я устлоить. Ладна, хейа?

– Двести лак мой налог, добавить, ладно. Дзин-куа сделал глоток чая из чашки.

– Завтла Ко-хонг Лонстаф говорить, мозна?

– Чинь-со можно.

– Чинь-со добавить Ко-хонг, хейа?

– Завтра Чинь-со можно. Следующий день Ко-хонг можно. Говорить, сколько тэйлов. Пока говорить, мы чай покупать-продавать можно.

– Говорить конец, толговать мозна.

– Говорить торговать сразу можно.

Дзин-куа спорил, умолял, рвал на себе волосы и, в конце концов, уступил. Он уже получил согласие Чинь-со немедленно открыть торговлю и передал ему половину установленной мзды. Они договорились, что вторая половина будет выплачена через шесть месяцев. И Дзин-куа уже подсказал наместнику сохраняющее лицо извинение, которым Чинь-со воспользуется, чтобы защитить себя от гнева императора за неповиновение приказам Сына Неба: переговоры следовало затягивать до тех пор, пока последний корабль не будет загружен чаем и пока не будет выплачен последний тэйл серебра, после чего Чинь-со сразу же нападет на поселение, сожжет и разграбит его и пошлет брандеры против торговых кораблей варваров и очистят от них Жемчужную реку. Торговля убаюкает европейских дикарей, и они поверят, что им ничто не грозит; к тому же, торговля даст китайцам время стянуть к Кантону подкрепления, в которых они так очевидно нуждались. Таким образом, варвары окажутся беззащитными, и Чинь-со одержит великую победу.

Дзин-куа мысленно поцокал языком, восхищаясь изяществом своего плана. Он-то знал, что варвары будут далеко не беззащитны. И что налет на поселение приведет их в ярость. И тогда они немедленно двинутся на север и через ворота Пей Хо подойдут к Пекину. А в тот момент, когда их флот появится в устье Пей Хо, император запросит мира, и старый договор опять вступит в силу. Совершенный договор. Это произойдет, потому что «совершенный» договор нужен Тай-Пэну, а «Торчащий Пенис» – всего лишь пес Тай-Пэна.

И таким образом мне удастся избавить наш любимый Кантон от выкупа сейчас и не придется платить вторую половину мзды через полгода, потому что Чинь-со и его семья, разумеется, уже подведены за руку к самому краю могилы. где им и место – да останется этот мерзкий ростовщик из провинции Фукьен немощным на те несколько месяцев, что еще остались ему на этой земле! «Выкуп», который придется изыскать, чтобы умилостивить сейчас императора, а позже – варваров, сложится из прибыли от продажи чая, шелка и опиума в этом году. И немало еще останется. Поистине, жизнь

полна радостей и захватывающей остроты!

– Нет волноваться чилло, хейа? Дзин-куа устлоить.

Струан поднялся на ноги.

– Добавить двести лак, мой налог. – Потом прибавил с любезной улыбкой: – Дзин-куа говорит Чинь-со: «Трогать один волос корова чилло мой, Тай-Пэн приводить огнедышащий морской дракон. Съест Кантон, беспокойся нет!».

Дзин-куа улыбнулся, но по спине у него побежали мурашки от этой угрозы. Он сыпал проклятиями всю дорогу домой. Теперь мне придется нанять еще больше, шпионов и охранников и потратить еще больше денег, чтобы оберегать детей Струана. Не только от явных похитителей, да поглотит земля этих скотоложцев, но и от любого бродяги, который в глупости своей решит, что может заработать легкий доллар. О горе, горе!

Поэтому, очутившись в безопасности своего дома, он наградил пинками свою любимую наложницу и раздавил тисками большие пальцы двум девушкам-рабыням, после чего почувствовал себя гораздо лучше. Некоторое время спустя он потихоньку выскользнул из дома и отправился в место тайных собраний, где сменил свой халат на багряное церемониальное облачение своей должности. Он был Тай Шан Чу – Верховным руководителем Хун Мун Тонга в южном Китае. Вместе с нижестоящими руководителями гонга он выслушал первое донесение от недавно образованной гонконгской ложи. И утвердил Гордона Чена ее главой.

Итак, к восторженной радости и облегчению китайских купцов и европейских коммерсантов, торговля возобновилась. Все солдаты, кроме отряда в пятьдесят человек, были отосланы назад на Гонконг. Туда же вернулся и флот. Только корабль флота Ее Величества «Немезида» продолжал патрулировать реку, изучая подходы к Кантону и нанося на карту все протоки и рукава, которые ему попадались.

А в поселении и на морских путях от Вампоа все бурлило от яростного соперничества, не прекращавшегося ни днем, ни ночью. Торговые корабли нужно было подготовить для такого нежного товара, как чай: заново покрасить трюмы, вычистить льяла и привести их в порядок. Нужно было запасти провизию на весь долгий путь домой. Разобраться с распределением грузового пространства.

Торговцы, не имевшие собственных кораблей, а таких было немало, осаждали судовладельцев и дрались за лучшие грузовые места на самых быстрых и надежных кораблях. Цены за фрахт устанавливались сумасшедшие, но принимались сразу и без возражений.

«Благородный Дом» и «Брок и сыновья» всегда приобретали много чая, шелка и пряностей для себя. Однако, будучи людьми практичными, и Струаны и Броки перевозили также и чужой груз, выступая не только перевозчиками, но и маклерами, банкирами, агентами на комиссии как по пути в Англию, так и обратно. На обратном пути они даже старались взять чей-то попутный груз: большей частью это были хлопчатобумажные ткани, пряжа, спиртные напитки, а в общем все, что производила промышленная мощь Англии, плюс любой товар, который, по мнению его владельца, мог найти сбыт на Востоке. Иногда другие английские фирмы отправляли им свои корабли с грузом на консигнацию, и они принимали на себя обязательство распродать его в Азии, каким бы он ни был, и, опять же за комиссионные, подыскивали на эти корабли груз для отправки в Англию. Сами Струаны и Броки везли на Восток только опиум, пушки, порох, ядра и картечь.

Начало переходить из рук в руки серебро, и Струан с Броком заработали небольшие состояния, снабжая других торговцев наличными под чеки, выписанные на лондонские банки. Правда, по условиям договора серебро передавалось не раньше, чем через сутки после того, как корабль и его груз благополучно проходили через Бог и оказывались в открытом море.

В этом году Струан не стал слушать советов Робба и придержал все грузовое

пространство «Голубого Облака» для одного лишь «Благородного Дома», оставив себе весь закупленный компанией чай и шелк. Четыреста пятьдесят девять тысяч фунтов чая, бережно упакованного в пятидесятифунтовые ящики, обшитые изнутри кедровыми планками, и пять с половиной тысяч штук шелка начали круглосуточно заполнять трюмы клипера: шестьсот тысяч фунтов стерлингов при условии благополучной доставки в Лондон – если корабль придет первым; сто шестьдесят тысяч фунтов чистой прибыли – если корабль придет первым.

«Серая Ведьма» Брока в этом году тоже взяла на борт только груз своей компании. Клипер должен был доставить в столицу Англии полмиллиона фунтов чая и четыре тысячи штук шелка. Как и Струан, Брок знал, что теперь не будет спать спокойно, пока пакетбот не доставит ему через полгода весть о благополучном прибытии корабля в Лондон – и о благополучной распродаже товара.

Лонгстафф сиял от гордости: ведь это он и никто другой с такой легкостью добился возобновления торговли и заставил наместника Чинь-со лично сесть с ним за стол переговоров. «Но, мой дорогой адмирал, зачем же еще я бы отсылал эти три депутации, ну? Все дело в лице. Нужно понимать „лицо“ и образ мыслей этих язычников. Переговоры и торговля почти без единого выстрела! А торговля, мой дорогой сэр, торговля – это для Англии главный источник жизненной силы». Он отменил штурм Кантона, чем еще больше обозлил и армию, и флот. Он повторил военным то, что, как напомнил ему Струан, он, Лонгстафф, сам часто говаривал в прошлом: «Мы должны быть великодушны к побежденным, джентльмены. Должны защищать слабых и кротких. Англия не может строить свою торговлю на крови беззащитных, ну? Переговоры закончатся через несколько дней, и Азия будет усмирена раз и навсегда».

Но переговоры не закончились. Струан хорошо понимал, что они и не могут закончиться в Кантоне. Только в Пекине или у ворот Пекина. К тому же он пока и не нуждался в их завершении. Сейчас его интересовала одна лишь торговля. Было жизненно необходимо закупить чай и шелка этого года и сбыть весь доставленный на Восток опиум. Прибыль от торговли в этом сезоне поможет всем Китайским торговцам восполнить потери предыдущих лет. Прибыль вернет им надежду, и тогда они решат остаться здесь еще на год и постараются расширить дело. А расширяться теперь можно только на Гонконге. Прибыль и торговля дадут англичанам столь нужное им время. Время построить пакгаузы, причалы и дома на их новом островном приюте. Время до лета, когда ветры позволят флоту вновь двинуться на север. Время переждать любую непогоду и дотянуть до нового торгового сезона в будущем году. Время и деньги, чтобы обезопасить Гонконг и сделать его открытой дверью в Азию.

Поэтому Струан всячески охлаждал восторженное нетерпение Лонгстаффа и затягивал переговоры, ввязавшись тем временем в отчаянную конкуренцию с Броком за лучший чай и шелка, за наиболее выгодные фрахтовые контракты. Нужно было загрузить и отправить восемнадцать клиперов. Решить проблемы восемнадцати команд и восемнадцати капитанов.

Брок первым закончил погрузку «Серой Ведьмы», и корабль полетел вниз по реке с переполненными трюмами. Последний грузовой люк на «Голубом Облаке» был задраен на полдня позже, и клипер Струана бросился следом. Гонка началась.

Горт громко возмущался и негодовал, потому что его корабль отправился в плавание с новым капитаном, но Брок был неумолим.

– С такой раной, как у тебя, ничего путного из твоего капитанства не выйдет, к тому же ты понадобишься мне здесь.

Горт подчинился и решил, что должен стать Тай-Пэном до срока. Тай-Пэном над всеми тай-пэнами, клянусь Богом! Он отправился на «Немезиду». С тех пор как корабль, дымя трубой, вошел в гавань, он проводил на нем все свое свободное

время. Учился управлять им, драться на нем, узнавал его возможности, достоинства и недостатки. Потому что понимал, как понимал и его отец, что «Немезида» означала смерть паруса – и, если поможет йосс, смерть «Благородного Дома». Им обоим было известно, с каким отвращением Струан относился к пароходам, и, хотя они понимали, что переход от парусников к пароходам сопряжен для их компании с огромным риском, они решили крупно поставить на будущее. С тем же ветром и с тем же отливом, которые «Немезида» преодолела на пути в гавань Гонконга, в Англию отправился пакетбот. Корабль уносил с собой письмо Брока его сыну Моргану. В этом письме отменялся сделанный ранее заказ на два клипера, вместо них Брок распорядился заложить первые два судна новой пароходной линии компании «Брок и сыновья». Ориент Куин Лайн.

– Тай-Пэн, – раздался в темноте голос Мэй-мэй: они лежали на уютной кровати в их спальне, – могу я съездить в Макао? На несколько дней? Детей я возьму с собой.

– Тебе надоела жизнь в поселении?

– Нет. Только трудно здесь без всех моих одеждов и детских игрушек. Всего на несколько дней, хейа?

– Я уже говорил тебе о том, что за вас назначена награда, и я...

Она остановила поток его слов поцелуем и теснее прижалась к его теплому телу.

– Ты так приятно пахнешь.

– Ты тоже.

– Эта Мэри Синклер. Она мне понравилась.

– Она... она очень смелая девушка.

– Странно, что ты послал женщину. Это на тебя не похоже.

– У меня не было времени искать кого-то другого.

– Она фантастически хорошо говорит на кантонском и мандаринском.

– Это тайна для всех. Ты никому не должна говорить об этом.

– Конечно, Тай-Пэн.

Темнота сгустилась для них, и на время каждый погрузился в свои сокровенные мысли.

– Ты всегда спал без одеждов? – спросила она.

– Да.

– Как же у тебя нет простуды?

– Не знаю. В горах Шотландии холоднее, чем здесь. В отрочестве я был очень беден.

– Что такое «отрочество»?

– Детские годы.

Она улыбнулась.

– Мне нравится думать о тебе, как о маленьком. Но теперь ты больше не бедный. И две из трех вещей уже осуществились. Не так ли?

– Каких вещей? – спросил он, вдыхая ее тонкий аромат и ощущая телом гладкий теплый шелк ее ночной рубашки.

– Первая была – перевезти серебро, помнишь? Вторая – отвести от Гонконга все опасности. А какая третья?

Она повернулась к нему и положила ногу поверх его ноги. Он продолжал лежать неподвижно; через шелк он чувствовал прикосновение ее бедра и ждал с внезапно пересохшим горлом.

– Безопасность Гонконга еще под вопросом, – выговорил он.

Ее рука отправилась путешествовать по его телу.

– Вы торговали в этом году, значит этот вопрос решен, разве нет? Так что вторая вещь скоро осуществится.

– Если йосс будет к нам благосклонен.

Его рука неторопливо приоткрыла ее рубашку и заскользила по нежной коже. Он помог ей раздеться, зажег свечу и откинул шелковые простыни в сторону. Он смотрел на нее, завороженный загадочной, чудесной красотой ее тела, напоминающего своей ровной светящейся прозрачностью растаявший фаянс.

– О, это волнует меня – когда ты смотришь вот так, а я знаю, что нравлюсь тебе.

И они предались любви – неспешно, с томной негой. Позднее она спросила:

– Когда ты намерен вернуться на Гонконг?

– Через десять дней. – Десять дней, подумал он. Потом я отберу для нас людей Ву Квока в Абердине, а на следующий вечер – бал.

– Я поеду с тобой?

– Да.

– А новый дом уже будет готов к тому времени?

– Да. Там вы будете в безопасности. – Его рука покоилась на ее бедре, кончиком языка он легонько пробежал по ее щеке и дальше, к шее.

– Я рада, что буду жить на Гонконге. Там я смогу чаще видеться со своим учителем. Я уже много месяцев толком не разговаривала с Гордоном. Может быть, у нас опять получится начать еженедельные уроки? Мне нужно выучить много новых и красивых слов. Как он поживает?

– Прекрасно. Я видел его перед самым отъездом. После недолгого молчания она мягко заметила:

– Это нехорошо, что ты поссорился со своим первым сыном.

– Знаю.

– Я поставила три свечи, чтобы твой гнев улетел на Яву и ты простил его. Когда ты простишь его, я бы хотела познакомиться с ним.

– Познакомишься. Со временем.

– Можно мне съездить в Макао перед Гонконгом? Пожалуйста. Я буду очень осторожна. Детей я оставлю здесь. Здесь им не будет грозить никакая опасность.

– Что это тебе так понадобилось в Макао?

– Ну, разные вещи и... это секрет, очень хороший, сюрпризный секрет. Всего на несколько дней? Пожалуйста. Если хочешь, пошли со мной Маусса и еще кого хочешь.

– Это слишком опасно.

– Теперь не опасно, – возразила Мэй-мэй, зная, что их имена вычеркнуты из списка, и до глубины души удивляясь, почему Струан не захлопал в ладоши от восторга, – как это сделала она, – когда сообщил ей, что Дзин-куа уладил дело с наградой за их головы. Ай-йа, подумала она, европейцы очень странные люди. Очень. – Теперь опасности нет никакой. Но даже и так я буду очень осторожна.

– Почему это вдруг стало важно? Что за секрет?

– Сюрпризный секрет. Я скажу тебе очень скоро. Но пока секрет.

– Я подумаю об этом. А теперь – спать.

Мэй-мэй довольно расслабилась, уверенная, что через несколько дней она отправится в Макао и что существует много способов, с помощью которых женщина может добиться своего в споре с мужчиной – хорошим или плохим, умным или глупым, сильным или слабым. Мое бальное платье будет наилучшейшим, самым наилучшейшим из всех, думала она в радостном возбуждении. Мой Тай-Пэн будет гордиться мной. Очень сильно гордиться. Он будет гордиться мной так, что женится на мне и сделает своей Тай-тай – Верховной госпожой.

И ее последняя мысль, перед тем как она погрузилась в сладкий сон, была о ребенке, зреющем в ее чреве. Ему всего несколько недель. Мой ребенок будет мальчиком, пообещала она себе. Сыном, которым он будет гордиться. Два изумительных сюрпризных секрета для него, которыми он будет гордиться.

– Не знаю, Варгаш, – просительно произнес Струан. – Тебе лучше справиться

об этом у Робба. Он понимает в цифрах лучше меня.

Они находились в личном кабинете Струана, на столе лежал раскрытый гроссбух. В широко распахнутые окна врывался гул Кантона, тучи мух носились по комнате. Стоял теплый весенний день, и по сравнению с зимой заметно усилилась вонь.

– Дзин-куа очень торопит нас с окончательным заказом, сеньор, и...

– Это я знаю. Но до тех пор, пока он не передаст нам свой окончательный заказ на опиум, мы не можем назвать ему точную цифру. Мы даем лучшую цену за чай и лучшую за опиум, так в чем же задержка?

– Не знаю, сеньор, – ответил Варгаш. Он не спросил, хотя ему очень хотелось, почему «Благородный Дом» платит Дзин-куа за чай на десять процентов больше остальных торговцев и продает ему отборный индийский опиум из Падвы на десять процентов ниже текущей рыночной цены.

– А, к дьяволу все это! – воскликнул Струан, наливая себе чаю. Он жалел, что отпустил Мэй-мэй в Макао. Он послал с ней А Сам, а также отрядил им в охрану Маусса и нескольких ма гросов. Она должна была вернуться вчера, и до сих пор еще не появилась. Конечно, ничего тревожного в этом не было: время пути от Макао до кантонского поселения никогда нельзя было рассчитать точно. Как и любой переезд по морю вообще. Когда ты целиком зависишь от воли ветра, подумал он с сарказмом. Если бы она была на этом ночном горшке с трубой, все было бы иначе. Пароходы могут ходить по расписанию, им дела нет до ветров и отливов, черт бы их побрал.

– Да? – Он резко обернулся на стук в дверь.

– Извините, мистер Струан, – сказал Горацио, входя в кабинет. – Его превосходительство хотел бы видеть вас у себя.

– Что-нибудь стряслось?

– Видимо, его превосходительство лично сообщит вам обо всем, сэр. Он в своих апартаментах.

Струан захлопнул гроссбух.

– Мы утрясем все это с Роббом сразу же, как только вернемся, Варгаш. Вы будете на балу?

– Я бы лишился покоя на следующие десять лет, сеньор, если бы моя супруга, мой сын и моя старшая дочь не были там.

– Вы собираетесь привезти их из Макао?

– Нет, сеньор. Их препровождают в Гонконг друзья. Я же отправлюсь туда прямо отсюда.

– Как только вернется Маусс, дайте мне знать. – Струан вышел, Горацио зашагал рядом с ним.

– Не знаю, как мне благодарить вас, мистер Струан, за подарок для Мэри.

– Что?

– Бальное платье, сэр.

– А-а. Вы уже видели, что там у нее вышло?

– О нет, сэр. Она отплыла в Макао на следующий день после распродажи. Вчера я получил от нее письмо. Она шлет вам свои наилучшие пожелания. – Горацио знал, что с таким подарком у Мэри появился очень хороший шанс выиграть приз. Если бы только не Шевон. Вот бы Шевон заболела! Ничего серьезного, конечно, просто, чтобы ее не было там в этот день. Тогда Мэри достанется тысяча гиней. Какие удивительные вещи они смогут позволить себе, имея такие деньги! Съездить домой на лето. Жить, окружив себя роскошью и великолепием. О Господи, сделай так, чтобы она выиграла этот приз! Я рад, что ее нет на Гонконге, пока я здесь, подумал он. В Макао она недоступна для Глессинга. Проклятый Глессинг. Интересно, он действительно намерен просить ее руки? Каков нахал! Он и Кулум... а, Кулум... бедняга Кулум.

Горацио отстал на шаг от Струана, когда они начали подниматься по лестнице, поэтому ему не нужно было скрывать свое беспокойство. Бедный, храбрый Кулум. Он вспомнил, каким странным показался ему юноша на другой день после аукциона. Он и Мэри тогда долго искали Кулума и нашли его на борту «Отдыхающего Облака». Кулум пригласил их остаться на ужин, и всякий раз, когда они пытались завести речь о Тай-Пэне в надежде примирить их, Кулум уводил разговор в сторону. Затем, в конце концов, он сказал им:

– Давайте забудем о моем отце, хорошо? Я забыл.

– Ты не должен, Кулум, – расстроилась Мэри. – Он удивительный человек.

– Мы теперь враги, Мэри, нравится вам это или нет. Я не думаю, что его отношение ко мне переменится, а до тех пор не изменюсь и я.

Бедный, храбрый Кулум, думал Горацио. Я знаю, что это такое – ненавидеть своего отца.

– Тай-Пэн, – заговорил он, когда они вышли на площадку перед дверью, – Мэри и я ужасно сожалеем о том, как все получилось с холмом. Но еще больше нас расстраивает то, что произошло между вами и Кулумом. Кулум, видите ли, стал нашим близким другом, и...

– Благодарю вас за заботу, Горацио, но попрошу вас впредь не касаться этой темы.

Горацио и Струан молча пересекли площадку и вошли в приемную Лонгстаффа. Комната была большая и роскошная. Лепной потолок украшала роскошная люстра в центре, под нею стоял огромный стол, отсвечивающий полированной поверхностью. Во главе стола сидел Лонгстафф, справа о г него расположился адмирал, слева – генерал, лорд Рутледж-Корнхилл.

– Добрый день, джентльмены.

– Очень хорошо, что вы присоединились к нам, Дирк, – приветливо встретил его Лонгстафф. – Присаживайтесь, любезный друг. Я счел, что ваше мнение может оказаться полезным.

– Что случилось, ваше превосходительство?

– Ну... э... я также попросил мистера Брока составить нам компанию. Дело может подождать до его прихода, тогда мне не придется повторяться, ну? Шерри?

– Благодарю вас.

Дверь открылась, и в комнату вошел Брок. Взгляд у него стал еще более настороженным, когда он увидел за столом Струана и офицеров в великолепных мундирах.

– Я вам понадобился, ваше превосходительство?

– Да. Пожалуйста, садитесь...

Брок кивнул Струану.

– Привет, Дирк. Добрый день, джентльмены, – добавил он, зная, что взбесит этим генерала. Он с угрюмым удовольствием принял в ответ их холодные кивки.

– Я пригласил вас обоих, – начал Лонгстафф, – потому что... э... помимо того факта, что вы являетесь признанными лидерами торговцев, ну?.. э... ваш совет может оказаться весьма ценным. Похоже, чго на Гонконге обосновалась группа анархистов.

– Что?! – взорвался генерал.

– Вот те на! – воскликнул Брок, удивленный не меньше его.

– Вы только вообразите себе... самые настоящие анархисты, черт бы их побрал! Следует полагать, что даже среди язычников на нашем острове уже есть эти дьяволы. Да-да, если мы не будем смотреть в оба, Гонконг превратится в настоящий рассадник этой заразы. Только этого нам, черт возьми, не хватало, ну?

– А что за анархисты? – спросил Струан. Анархисты означали беспорядки. Беспорядки мешали торговле.

– Эти, как их... э... что там было за слово, Горацио? Танг? Тунг?

– Тонг, сэр.

– Да, так вот, этот тонг уже действует под самым нашим носом. Ужасно.

– Действует каким образом? – спросил Струан, начиная проявлять нетерпение.

– Возможно, вам лучше рассказать все сначала, сэр, – заметил адмирал.

– Прекрасная мысль. На сегодняшнюю встречу наместник Чинь-со прибыл в полном расстройстве. Он сообщил мне, что китайским властям только что стало известно, будто эти анархисты – это тайное общество – устроили свой штаб в Тай Пинь Шане – этом отвратительном бельме на нашем глазу. У этих анархистов много, очень много разных имен, и они... Горацио, расскажите-ка лучше вы.

– Чинь-со заявил, что это группа революционеров-фанатиков, поклявшихся свергнуть императора, – начал Горацио. Он передал его превосходительству около полусотни названий, под которыми в разное время и в разных местах проходило это общество: Красная Партия, Красное Братство, Общество Земли и Неба, Триады и так далее, часть названий даже невозможно перевести на английский. Некоторые зовут его просто «Хун Мун» или «Хун Тонг», «тонг» как раз и означает «тайное братство». – Он остановился, чтобы собраться с мыслями. – В любом случае, эти люди являются анархистами самого злобного толка. Воры, пираты, бунтовщики. Вот уже несколько столетий власти пытаются покончить с ними, но безуспешно. В Южном Китае, предположительно, около миллиона членов братства. Они организованы в ложи, и их церемонии посвящения отличаются особым варварством. Они разжигают восстания под любым предлогом и живут за счет страха, внушаемого ими своим же братьям. Они требуют со всех деньги за «покровительство». Каждая проститутка, купец, крестьянин, землевладелец, кули – все без исключения должны платить им мзду. Если кто-то отказывается платить, следует быстрая расправа: смерть или увечье. Каждый член братства платит взносы – весьма похоже на тред-юнионы. Где бы ни возникало недовольство, тонг раздувает его искорку в пожар восстания. Это фанатики. Они насилуют, пытают, они распространяются подобно чуме.

– Вы когда-нибудь слышали о китайских тайных обществах? – спросил у него Струан. – До того, как о них упомянул Чинь-со?

– Нет, сэр.

– Анархисты – дьяволы во плоти, тут и спорить нечего – встревоженно сказал Брок. – Это как раз такая чертовщина, на которую китаезы должны быть падки.

Лонгстафф подтолкнул через стол небольшой красный треугольный флажок. На нем были изображены два китайских иероглифа.

– Наместник сказал, что треугольник – их неизменный символ. Иероглифы на флажке означают «Гонконг». Как бы там ни было, мы столкнулись со сложной проблемой, это несомненно. Чинь-со хочет послать в Тай Пинь Шан «знаменосцев» и мандаринов, чтобы они прошлись по нему мечом.

– Вы не дали согласия? – звенящим от напряжения голосом произнес Струан.

– Боже милостивый, нет. Клянусь Создателем, мы не потерпим никакого вмешательства на нашем острове. Я заверил его, что мы не позволим анархистам прикрываться нашим флагом и в ближайшее время решим эту проблему своими силами. Итак, что же нам следует предпринять?

– Выбросить туземцев ко всем чертям с Гонконга, и делу конец, – предложил адмирал.

– Это невозможно, сэр, – возразил Струан. – И это не послужит нам на пользу.

– Верно, – кивнул Брок. – Нам не обойтись без работников, носильщиков и слуг. Китаезы на острове нужны нам, и от этого никуда не денешься.

– Есть очень простое решение, – сказал генерал, беря понюшку табаку. Это был быкоподобный, седовласый человек с красным, изрядно поношенным лицом. – Издайте приказ, что любой, кто принадлежит к этому... как его, тонгу... будет повешен. – Он раскатисто чихнул. – Я прослежу за выполнением такого приказа.

– Вы не можете повесить китайца, милорд, только за то, что он хочет ниспровергнуть династию иностранного государства. Это противоречит английскому закону, – заметил Струан.

– Иностранная там династия или нет, – вставил адмирал, – потакание бунтовщикам против императора «дружественной державы», – а она будет дружественной, и очень скоро, клянусь Богом, если нам дадут возможность выполнить то, зачем мы были посланы сюда правительством, – противоречит международному праву. И законам Англии. Возьмите, к примеру, этот чартистский сброд.

– Мы не вешаем их за то, что они чартисты. Веревки они заслуживают только тогда, когда поднимают восстания или нарушают закон, и это правильно! – Струан в упор смотрел на адмирала. – Английский закон гласит, что человек имеет право на свободу слова. И может свободно примыкать к любым политическим партиям.

– Но не к партиям, которые подбивают народ к открытому неповиновению! – гневно возразил генерал. – Вы одобряете неповиновение законной власти?

– Ваш вопрос настолько смешон, что я даже не считаю нужным отвечать на него.

– Джентльмены, джентльмены, – вмешался Лонгстафф. – Разумеется, мы не можем вешать вс якого, кто является... э... ну, не важно, как их там зовут. Но в равной степени мы не можем допустить и того, чтобы Гонконг кишел анархистами, ну? Или заразился этими чертовыми тред-юнионистскими идеями.

– Все это может оказаться просто выдумкой Чинь-со, чтобы сбить нас с толку. – Струан повернулся к Броку: – Ты когда-нибудь слышал об этих тонгах?

– Нет. Но я вот тут подумал, раз эти трианги выжимают деньги изо всех и каждого, значит они выжимают деньги и из купцов и скоро примутся за нас.

Генерал раздраженным щелчком сбил несуществующую пылинку со своего безукоризненного алого мундира.

– Все это совершенно очевидно должно находиться в ведении военных, ваше превосходительство. Почему вам не издать постановление, объявляющее этот сброд вне закона? Все остальное мы возьмем на себя. То есть применим ту тактику, которую опробовали в Индии. Предложим награду за информацию. Дикарям достаточно услышать звон монеты, и они тут же выдадут всех своих противников, особенно политических. Мы публично казним первую дюжину, и потом у вас не будет никаких хлопот.

– Индийские правила здесь не годятся, – сказал Струан.

– У вас нет опыта в управлении колонией, мой дорогой сэр, поэтому вы едва ли могли составить себе мнение на этот счет. Дикари есть дикари, и толковать тут не о чем. – Генерал повернулся к Лонгстаффу. – Военные решат эту проблему без труда, сэр. Поскольку Гонконг вскоре станет нашим постоянным военным лагерем, мы с полным правом сможем этим заняться. Издайте указ, который поставит их вне закона, и мы проследим, чтобы справедливость восторжествовала.

Адмирал фыркнул.

– Я тысячу раз говорил, что Гонконг должен подпадать под юрисдикцию королевского военно-морского флота. Если мы не установим контроль за морскими путями, Гонконгу конец. Следовательно, значение флота первостепенно. Всем этим следует заниматься нам и никому другому.

– Исход кампаний решают армии, адмирал, как я уже не раз указывал. Именно сухопутные сражения кладут конец войнам. Конечно, наши военные моряки уничтожили флот Бонапарта и заставили Францию голодать. Но ставить окончательную точку в этом конфликте пришлось все-таки нам. Что мы и сделали при Ватерлоо.

– Без Трафальгара не было бы никакого Ватерлоо.

– Это спорный вопрос, мой дорогой адмирал. Однако давайте вернемся к Азии. Очень скоро нам на пятки сядут и французы, и голландцы, и испанцы, и русские, покушаясь на наше законное право господствовать в этой части света. Да, вы в состоянии контролировать морские пути и, благодарение Богу, контролируете их, но до тех пор, пока Гонконг не станет неприступным в военном отношении, Англия будет лишена надежной базы для защиты своих флотов и плацдарма для выступления против противника.

– Главное предназначение Гонконга, милорд, заключается в том, чтобы быть центром торговли со всей Азией, – вмешался Струан.

– О, я понимаю важность торговли, любезнейший, – язвительно ответил генерал. – Но мы сейчас обсуждаем стратегию, и вас это вряд ли касается.

– Не будь торговли, – заговорил Брок, и его лицо побагровело, – ни к чему были бы ни армии, ни флоты.

– Ерунда, любезнейший. Да будет вам известно...

– Стратегия это или нет, – громко прервал его Струан, – но Гонконг – прежде всего колония, и как таковая находится в ведении министра иностранных дел, так что определяться все это будет Короной. Его превосходительство вел в этом вопросе мудрую политику, и, я уверен, он считает, что и королевский флот, и солдаты Ее Величества сыграют важнейшую роль в будущем Гонконга. А будущее этого острова как удобного дока для кораблей королевского флота, неприступной военной крепости и центра торговли, – он незаметно пнул Брока под столом, – а также как свободного порта, – будущее его обеспечено. Брок подавил гримасу и быстро добавил:

– Верно, верно, так и есть! Свободный порт принесет огромные доходы Короне, это уж будьте уверены. И даст деньги на строительство лучших доков и лучших казарм в мире. Его превосходительство свято печется о всех ваших интересах, джентельмены. Армия крайне важна... и королевский флот. А открытый порт все повернет как раз к полному вашему удовольствию. И больше всего к удовольствию королевы, да благословит ее Господь.

– Совершенно верно, мистер Брок, – сказал Лонгстафф. – Разумеется, нам нужны и флот, и армия. Торговля – это основа жизненной силы Англии, и свободная торговля – дело ближайшего будущего. Процветание Гонконга послужит интересам всех нас в равной степени.

– Его превосходительство желает открыть Азию для всех цивилизованных народов, никому не оказывая предпочтения, – сказал Струан, подбирая слова с осторожностью. – Как же лучше это сделать, чем через открытый порт, охраняемый цветом вооруженных сил Короны.

– Я не одобряю планов, которые позволят иностранцам жиреть за наш счет, – резко ответил адмирал, и Струан улыбнулся про себя: рыбка проглотила наживку. – Мы ведем войны, выигрываем их, а потом начинаем новые, потому что мир, который заключают краснобаи в штатском, всегда оказывается с гнильцой. Чума на иностранцев, таково мое слово.

– Похвальное высказывание, адмирал, – столь же резко ответил Лонгстафф, – но не слишком полезное для дел практических. Что же касается «краснобаев в штатском», то нам очень и очень повезло, что дипломаты ставят себе целью заглядывать на много лет вперед. Война, в конце концов, всего лишь длинная рука дипломатии. Когда другие средства не дают результата.

– А здесь дипломатия как раз и не дала результата, – сказал генерал, – поэтому, чем скорее мы высадимся в Китае крупными силами и установим английский закон и порядок по всей стране, тем лучше.

– Дипломатия дает самые реальные результаты, мой дорогой генерал. Переговоры продвигаются успешно и ведутся с большой осмотрительностью. И в Китае, к вашему сведению, триста миллионов китайцев.

– Один английский штык, сэр, стоит тысячи китайских копий. Черт возьми, мы управляем Индией с горсткой людей, то же самое мы можем делать и здесь – и вы только посмотрите, сколько пользы принесло наше правление этим дикарям, а? Явить им наш флаг во всей силе – вот что нужно сделать. Безотлагательно.

– Китай – это один народ, милорд, – заметил Струан. – А не десятки, как в Индии. Здесь не применимы те же правила.

– Не будь морские пути безопасными, армия потеряла бы Индию за неделю, – вставил адмирал.

– Смешно! Господи, да мы могли бы...

– Джентльмены, джентльмены, – устало проговорил Лонгстафф, – мы обсуждаем проблему анархистов. Итак, что посоветуете вы, адмирал?

– Вышвырнуть всех туземцев с острова. Если вам нужны рабочие руки, отберите тысячу или две тысячи – сколько вам понадобится – и вышлите всех остальных.

– Вы, милорд?

– Я уже изложил свою точку зрения, сэр.

– Да. Мистер Брок?

– Я согласен с вами, превосходительство, чтобы Гонконг был свободным портом и что китаезы нам нужны, и мы должны сами разобраться с этими триангами. Я согласен с генералом: вешать любого из этих триангов, кто будет сеять смуту. И с адмиралом: что нам на острове никаких тайных заговоров против императора не надобно. Поставьте их вне закона, да. И я согласен с тобой, Дирк, что это не по закону вешать их, если они ведут себя вроде как мирно. Но любого крикуна, которого поймают как трианга, выпороть, заклеймить и вышвырнуть с острова навсегда.

– Дирк?

– Я согласен с мистером Броком. Только без бичевания и клейма. Это под стать мрачному средневековью.

– Из того, что я узнал об этих язычниках, – презрительно произнес генерал, – ясно, что они и живут в средневековье. Разумеется, они должны быть наказаны, если принадлежат к группировке, объявленной вне закона. Плеть – самый обычный вид наказания. Установите экзекуцию в пятьдесят ударов. И клеймение на щеке также является законным и правильным английским наказанием за некоторые преступления. Так что пусть получают и клеймо. Но лучше повесить первую дюжину, которая попадет нам в руки, и тогда остальные растворятся в воздухе, как дервиши.

– Заклеймите их навечно, – гневно заговорил Струан, – и вы отнимете у них всякую возможность стать в будущем законопослушными гражданами.

– Законопослушные граждане не вступают в тайные анархистские общества, мой любезный сэр, – сказал генерал. – Но, опять же, только джентльмен способен понять ценность моего совета.

Кровь бросилась Струану в лицо.

– В следующий раз, когда вы позволите себе подобное замечание, милорд, я пришлю вам секундантов с вызовом, и вы закончите свой бренный путь с пулей между глаз.

Наступило жуткое молчание. С белым от шока лицом Лонгстафф забарабанил кулаком по столу.

– Я запрещаю вам обоим продолжать дальше этот разговор! Запрещаю – Он достал кружевной платок и вытер внезапно выступивший на лбу пот. В пересохшем рту горчило.

– Я вполне согласен с вами, ваше превосходительство, – сказал генерал. – И я предлагаю, чтобы эту проблему в дальнейшем решали только представители власти: вам, вместе с адмиралом и мною, следует заниматься такими вопросами. Они не... они лежат вне компетенции торговых людей.

– Вы так надули грудь, милорд генерал, – сказал Брок, – что если вас угораздит

пустить ветры здесь, в Кантоне, этим ураганом снесет ворота лондонского Тауэра!

– Мистер Брок! – начал Лонгстафф. – Вы не...

Генерал вскочил на ноги.

– Я буду благодарен вам, мой любезный сэр, если вы оставите при себе замечания такого рода.

– Я вам не любезный сэр. Я Китайский торговец, клянусь Богом, и чем скорее вы это усвоите, тем лучше. Навсегда ушло то время, когда людям вроде меня приходилось лизать вам задницу из-за какого-то чертова титула, который, как пить дать, был дарован сначала королевской шлюхе или королевскому ублюдку или вообще куплен ударом ножа в спину монарха.

– Клянусь Господом, я требую удовлетворения. Мои секунданты будут у вас сегодня же.

– Ничего подобного не случится, милорд, – отрезал Лонгстафф, стукнув ладонью по столу. – Если между вами что-нибудь произойдет, я вышлю вас обоих под стражей в Англию, и вам придется отвечать перед Тайным Советом. Я представляю в Азии Ее Величество, и я здесь закон. Чертнязьми, это никуда не годится. Вы немедленно извинитесь друг перед другом! Я вам приказываю.

Адмирал скрыл довольную усмешку. Горацио ошеломленно переводил взгляд с одного лица на другое. Брок понимал, что Лонгстафф наделен достаточной властью, чтобы исполнить свою угрозу, и ему совсем не была нужна дуэль с генералом. К тому же он злился на себя за го, что не сумел сдержаться и затеял открытую ссору.

– Я приношу свои извинения, милорд. За то, что назвал вас старым пердуном.

– А я приношу извинения, потому что мне приказано это сделать.

– Я думаю, мы закончим на этом сегодняшнюю встречу, – сказал Лонгстафф, испытывая огромное облегчение. – Да. Благодарю вас за ваши советы, джентльмены. Мы пока отложим принятие окончательного решения. Всем нам нужно время, чтобы обдумать все это, ну?

Генерал надел свою медвежью шапку, отдал честь и направился к двери, позвякивая саблей и шпорами.

– О, кстати, генерал, – самым обычным тоном заметил Струан. – Я слышал, военный флот вызвал армию на боксерский поединок.

– Генерал тут же остановился, держась за ручку двери, и весь встрепенулся, словно петух, вспомнив те замечания, которые адмирал намеренно ронял при всяком удобном случае в адрес его солдат.

– Да. Боюсь только, смотреть будет особенно не на что.

– Почему же, генерал? – сердито спросил адмирал, вспомнив замечания, которые лорд Рутледж-Корнхилл при всяком удобном случае ронял в адрес его морских волков.

– Потому что, я бы сказал, наш человек выиграет бой, милорд. Без большого труда.

– А почему бы не устроить матч в день бала? – предложил Струан. – Мы почтем это за честь и будем рады назначить приз победителю. Скажем, пятьдесят гиней.

– Это очень щедро, Струан, но я не думаю, что армия успеет подготовиться к этому времени.

– В день бала, клянусь Господом, – кивнул генерал, побагровев. – Ставлю сто гиней на нашего бойца!

– Идет, – одновременно ответили адмирал и Брок.

– По сотне с каждым из вас! – Генерал круто повернулся на каблуках и вышел.

Лонгстафф налил себе шерри.

– Адмирал?

– Нет, благодарю вас, сэр. Думаю, мне пора на корабль. Адмирал взял свою саблю, кивнул Струану и Броку, отдал честь и удалился.

– Шерри, джентльмены? Горацио, будьте добры, поухаживайте за гостями.

– Разумеется, ваше превосходительство, – ответил Горацио, радуясь возможности хоть чем-то занять руки.

– Благодарствуйте. – Брок осушил бокал и снова протянул его Горацио. – Вот это здорово, напиток так напиток. Прекрасный у вас вкус, наше превосходительство. А, что скажешь, Дирк, дружище?

– Я в самом деле должен сделать вам выговор, мистер Брок. С вашей стороны было непростительно говорить такие вещи. Лорд...

– Да, сэр, – ответил Брок, изображая искреннее раскаяние. – Вы были правы. Я действительно виноват. Нам всем повезло, что вы занимаете этот пост. Когда вы издадите постановление насчет свободного порта?

– Ну... э... тут мы пока можем не спешить. Сначала нужно разобраться с этими проклятыми анархистами.

– А почему не решить обе проблемы одновременно? – предложил Струан. – Сразу, как только вы вернетесь на Гонконг. Почему не дать нашим новым британским подданным – китайцам право не отвечать за вину, если она не доказана. Высылайте их, но давайте не будем начинать с плетей и клейма. Это справедливо, а, Тайлер?

– Ну, раз ты так считаешь, и его превосходительство согласны… – великодушно ответил Брок. Такой торговли, как в этом году, он еще не видел. «Серая Ведьма» уже давно в пути, и пока держит первенство. Строительство в Счастливой Долине идет полным ходом. Между Струаном и Кулумом установилась открытая вражда. А теперь еще и Гонконг должен стать открытым портом. Да, Дирк, приятель, в упоении говорил он себе, ты еще на многое годишься. Хитрец ты хоть куда, ничего не скажешь Свободный порт поправит все, что ты тут нагородил. А через пару годков наши пароходы сделают тебя банкротом. – Да, – добавил он, – если вы оба согласны. Только скоро вам все равно придется и сечь, и клеймить.

– Я от души надеюсь, что нет, – сказал Лонгстафф. – Отвратительное это дело. Однако, как бы там ни было, закон должен действовать, а преступники – получать по заслугам. Прекрасное решение, джентльмены, проблема этих... как вы их называете, мистер Брок? Ах да, Триад. В будущем мы так и будем называть их – Триады. Горацио, подготовьте список иероглифов с названиями тонга, которые передал нам Чинь-со, и мы обнародуем его вместе с постановлением. А сейчас запишите, пока я не забыл, следующее: «Все вышеперечисленные тонги объявляются вне закона и в дальнейшем будут именоваться одним общим названием „Триады“. Наказанием за принадлежность к Триадам станет немедленная высылка и передача китайским властям. Виновные в подстрекательстве к открытому бунту против правительства Ее Британского Величества – или против Его Высочества императора Китая – будут повешены».

Глава 2

Деревня Абердин лежала, погруженная во мрак и тишину, свет полной луны размывал очертания лачуг во влажном воздухе. Улицы были пустынны, двери домов крепко заперты. В спокойной грязной воде у берега неподвижно застыли на привязи сотни сампанов. И хотя стояли они так же тесно, как и хижины, на них не было заметно никакого движения и оттуда не доносилось ни звука.

Струан ждал в условленном месте, сразу за деревней, там, где тропинка разветвлялась надвое рядом с колодцем. Колодец был обложен камнями, и Струан пристроил на них три фонаря. Он был один, его золотые часы-луковица показывали, что назначенное время почти наступило. Он попытался угадать, откуда появится Ву Квок и его люди: из деревни, из сампанов или со стороны пустынных холмов. Или с моря.

Он устремил в море пристальный взгляд. Его глаза не уловили никакого движения, только волны лениво перекатывались. Где-то там, в непроглядной тьме, двигался в кругой бейдевинд его клипер «Китайское Облако» с командой, стоящей по боевым местам. Корабль находился слишком далеко, чтобы с него можно было наблюдать за Струаном, но достаточно близко, чтобы видеть зажженные фонари Струан приказал, что если фонари вдруг погаснут, команда должна сесть в лодки и высадиться на берег с мушкетами и абордажными саблями.

Приглушенные голоса тех нескольких матросов, которых он взял с собой, доносились с пляжа. Они ждали его у двух катеров и тоже следили за фонарями, вооруженные и готовые по первому знаку прийти к нему на выручку. Он прислушался, но не смог разобрать, о чем они говорили. Я чувствовал бы себя спокойнее, будь я здесь один, сказал он себе. В таком деле мне вовсе ни к чему лишние пары глаз. Но высадиться на берег без охраны было бы верхом глупости. Хуже того, это означало бы испытывать свой йосс. Да. Струан замер. Тишину деревни нарушило ворчание собаки. Он прислушался и напряг зрение, пытаясь разглядеть в темноте движущиеся тени. Но не увидел ни одной и понял, что собака просто рыскала по улицам в поисках пищи. Он прислонился к колодцу и постарался расслабиться, довольный, что опять вернулся на остров. Успокоенный тем, что Мэй-мэй и дети были теперь в безопасности в доме, который построили для них в Счастливой Долине.

Робб и Кулум очень толково распоряжались всем в его отсутствие. Небольшой дом с окружающей его стеной и крепкими воротами был закончен. Двести пятьдесят человек работали на его строительстве днем и ночью.

Остались недоделанными еще много мелочей, и садом пока совсем никто не занимался, но сам дом был вполне обитаем и почти полностью обставлен. Его выстроили из кирпича, с камином и дощатой крышей. В комнатах – бревенчатые потолки. Стены большей частью были оклеены обоями, но немало было и крашеных, и во всех комнатах имелись стеклянные окна.

Дом выходил фасадом на море и состоял из кабинета хозяина, столовой и просторной гостиной. К западу от него, на другом конце сада, стоял решетчатый павильон, отделенный от остальных построек. Здесь располагались комнаты Мэй-мэй и комнаты для детей, а позади них – помещение для прислуги.

Два дня назад Струан доставил Мэй-мэй с детьми и А Сам, ее аму, в дом и разместил их там. Он также привез из Кантона своего личного повара по имени Лим Дин, которому доверял, аму для стирки и девушку-помощницу по кухне.

И хотя ни один из европейцев не видел Мэй-мэй, большинство из них были уверены, что Тай-Пэн уже перевез свою любовницу в первое постоянное жилище на Гонконге. Одни понимающе ухмылялись и перемигивались друг с другом, другие порицали его из зависти. Но своим женам ни те, ни другие не говорили ни слова. Придет время, когда и они захотят привезти на остров своих любовниц, поэтому все молча соглашались, что чем меньше об этом разговоров, тем лучше. Те жены, которые подозревали своих мужей в неверности, не показывали вида: они ничего не могли с этим поделать.

Струан остался очень доволен домом и тем, как шло строительство пакгаузов и фактории. А также результатами своей показной холодности к Кулуму. Кулум тайно сообщил ему, что Брок уже сделал первую осторожную попытку сблизиться с ним и что Уилф Тиллман приглашал его на борт роскошного плавучего склада Купера-Тиллмана, где щедро угощал его и всячески обхаживал.

Кулум рассказал, что разговор шел о торговле, о том, что будущее Азии целиком зависит от сотрудничества, особенно между представителями англосаксонских рас. Он добавил, что на ужине присутствовала Шевон и что она была обворожительна и жизнерадостна.

Из воды выпрыгнула рыба, на мгновение повисла в воздухе, потом плюхнулась

обратно. Струан замер, напряженно прислушиваясь. Затем вновь расслабился и вернулся к своим размышлениям.

Шевон была бы подходящей женой для Кулума, бесстрастно рассуждал он. Или для тебя самого. Да. Из нее бы вышла прекрасная хозяйка, и она могла бы стать интересным дополнением к тем банкетам, которые ты будешь давать в Лондоне. Для лордов, леди и членов парламента. И министров Кабинета. Наверное, тебе стоит купить для себя титул барона? Твоих денег хватит на десяток таких титулов. Если «Голубое Облако» придет домой первым. Или вторым, даже третьим – лишь бы он благополучно добрался до лондонского порта. Если торговля в этом году закончится удачно, ты сможешь позволить себе и графский титул.

Шевон достаточно молода. Она принесет тебе небесполезное приданое и интересные политические связи. Но как же быть с Джеффом Купером? Он безумно любит ее. Однако, если она откажет ему, это уже его проблемы,

А что с Мэй-мэй? Закроет ли тебе жена-китаянка доступ в святая святых лондонского света? Безусловно. Она значительно снизит твои шансы на успех в этой игре. Значит, забудь об этом браке.

Вращаться в английском свете без подобающей твоему положению жены немыслимо. Высокая политика большей частью вершится в роскошных гостиных на частных приемах. Тогда, может быть, дочь лорда, или графа, или члена Кабинета? Подождать до дома, там видно будет, а? Времени у тебя много.

А много ли?

Где-то среди сампанов надрывно залаяла собака, потом лай сменился визгом, когда на нее набросились другие. Шум собачьей драки не на жизнь, а на смерть то затихал, то становился громче, потом прекратился совсем. И вновь – тишина, нарушаемая лишь сдавленным урчанием, возней и клацаньем зубов в темноте: победители принялись за дележ добычи.

Струан наблюдал за сампанами, стоя спиной к фонарям. Он заметил одну движущуюся тень, затем другую, и вскоре весь молчаливый отряд китайцев, отобранных для Струана, покинул плавучую деревню и собрался на берегу. Он увидел Скраггера.

Струан спокойно ждал, небрежно держа в руке пистолет, и всматривался в темноту, пытаясь отыскать глазами Ву Квока. Китайцы неслышно приблизились по тропинке, ведущей из деревни. Скраггер благоразумно держался в середине. Пираты остановились у колодца и уставились на Струана. Все были молоды, двадцати с небольшим лет, все в длинных черных рубашках и черных штанах, на ногах сандалии на ремешках; большие, как у кули, шляпы скрывали их лица.

– Чудный вечерок, Тай-Пэн, – тихо произнес Скраггер. Он держался настороже и был готов отступить в любую минуту.

– Где Ву Квок?

– Он приносит свои вроде как извинения, только он сегодня сильно занят. Здесь вся сотня Выбирай давай, да и разойдемся, а?

– Скажи им, пусть разобьются на десятки и разденутся.

– Разденутся, ты сказал?

– Да. Всем раздеться, клянусь Богом!

Скраггер, моргая, недоуменно глядел на Струана. Потом пожал плечами, вернулся к своим людям и тихо проговорил что-то по-китайски. Китайцы негромко затараторили, встали группками по десять человек и разделись.

Струан сделал знак первому десятку, и они пошли к свету. Из некоторых групп он выбрал по одному человеку, из других двух или трех, из некоторых ни одного Он выбирал с предельной тщательностью, понимая, что набирает особый отряд, который станет острием его броска к сердцу Китая. Если он сумеет склонить их на свою сторону. Тех, кто опускал перед ним глаза, он исключал сразу же. Проходил и

мимо тех, чьи косички были неухоженными и грязными. Слабые телом тоже в расчет не принимались. Те, чьи лица были испещрены отметинами оспы, пользовались предпочтением – Струан знал, что оспа была бичом моряков на всех морях, а человек, переболевший этой болезнью и оставшийся в живых, становился невосприимчивым к ней, сильным и хорошо знал цену жизни. Отдавал он предпочтение и тем, у кого замечал хорошо зажившие ножевые раны. Те, кто не стеснялись своей наготы, заслуживали его одобрение. Тех, в ком она пробуждала враждебность, он осматривал с особым вниманием, зная, что в этом мире море и жестокость связаны накрепко. Некоторых он выбирал из-за ненависти, горевшей в их глазах, некоторых – потому что так ему подсказывал инстинкт, когда он заглядывал им в лицо.

Скраггер наблюдал за ним с растущим нетерпением. Он вытащил нож и принялся бросать его в землю.

Наконец Струан закончил отбор.

– Вот этих людей я беру. Все могут одеться. Скраггер рявкнул приказ, и люди оделись. Струан достал пачку листов и протянул один Скраггеру.

– Можешь прочитать им это вслух.

– А это еще что?

– Стандартный контракт. Оплата и условия их пятилетней службы. Каждый из них должен подписаться под одним таким.

– Я не умею читать. Да и к чему эти контракты, а? Ву Фан Чой сказал им, что они твои на пять лет.

Струан протянул ему другой лист, с китайскими иероглифами.

– Передай это кому-нибудь, кто умеет читать. Каждый из них подпишет контракт, или я никого не беру и сделка отменяется.

– Хочешь, чтобы все было по форме, вон как? – Скраггер взял документ и вызвал одного из отобранных китайцев – коротышку со следами оспы на лице. Тот подошел и, взяв у него бумагу, стал изучать ее при свете фонаря.

Скраггер, дернув большим пальцем, сделал знак тем, кто не прошел отбор, и они исчезли в сампанах.

Коротышка начал читать вслух.

– Как его имя?

– Фонг.

– Фонг, а дальше как?

– Как тебе угодно. Кому какое дело, под каким именем проходят эти обезьяны?

Китайцы внимательно слушали Фонга. Он зачитал очередной пункт, и это место было встречено приглушенным, нервным смехом.

– Что там смешного? – спросил их Скраггер на кантонском. Фонг довольно долго объяснял ему в чем дело. Скраггер повернулся к Струану:

– А это еще зачем, а? Они должны обещать не спать с женщинами и не жениться все эти пять лет? Это нечестно. За кого ты их принимаешь?

– Это обычный пункт любого договора, Скраггер. Он есть во всех контрактах.

– Только не для моряков, клянусь Богом.

– Они должны стать капитанами и офицерами, поэтому обязаны заключить контракт. Для придания обучению законной силы.

– Никуда это не годится, если хочешь знать мое мнение. Что же им теперь, за пять лет и девчонку нельзя ни разу потискать?

– Это всего лишь формальность. Нельзя только жениться. Скраггер повернулся к ним и произнес короткую речь. Снова раздался дружный смех.

– Я сказал, что они должны подчиняться вам как Господу Всепроклято-могущему. За исключением прелюбодейства. – Он вытер пот с лица. – Ву Фан Чой сказал им, что они твои на пять лет. Так что волноваться не о чем.

– Почему же ты так нервничаешь?

– Да нет, ничего. Ничего, говорю тебе.

Фонг продолжал читать дальше. Все разом замолчали, потом кто-то попросил прочитать очередной пункт с начала. Скраггера он заинтересовал еще больше. Речь шла об оплате. Те, кого будут готовить на капитана, должны были получать пятьдесят фунтов в первый год, семьдесят – во второй и третий, сто – когда получат удостоверение первого помощника и сто пятьдесят – с капитанским патентом. А также шестнадцатую доли прибыли на любом корабле, которым будут командовать. Назначалась премия в двадцать фунтов тем, кто выучит английский за три месяца.

– Полторы сотни серебром – это больше, чем они зарабатывают здесь за десять лет, – заметил Скраггер.

– Хочешь получить работу?

– Благодарствуйте, я доволен той, что имею сейчас. – Вдруг в голову ему пришла какая-то мысль, и он прищурился. – Ву Фан не станет платить столько серебра, – настороженно проговорил он.

– Никто и не будет его об этом просить. Эти ребята отработают каждый пенни, можешь быть уверен. Или я спишу их на берег.

– Покуда моему начальнику не придется раскошеливаться, ты можешь платить им сколько угодно и пускать на ветер свои денежки.

После того как Фонг закончил читать документ, Струан заставил каждого пирата написать по-китайски свое имя на отдельном экземпляре контракта. Писать умели все. Потом он заставил каждого обмакнуть левую ладонь в густую тушь и отпечатать ее на обратной стороне листа.

– Это еще зачем?

– Ладонь каждой руки имеет свой рисунок. Теперь я знаю, кто есть кто, как бы их там ни звали. Где мальчики?

– Отвести людей к лодкам?

– Да. – Струан дал Фонгу фонарь и подтолкнул его к пляжу. Остальные молча последовали за ним.

– Умно ты обставил этот свой отбор, Тай-Пэн. Опять же, документы все эти... Да, чего-чего, а ума тебе не занимать. – Скраггер задумчиво покусывал кончик ножа. – Я слышал, ты славно поддел Брока. И с серебром тоже: посадил его голой задницей на горячую сковородку.

Струан хмуро посмотрел на Скраггера, сразу насторожившись.

– Брок говорил мне, что в нападении на него участвовали европейцы. Ты был одним из них?

– Если бы Ву Фан приказал мне заняться этим, Тай-Пэн, все бы закончилось иначе. Ву Фан не любит неудач. Должно быть, это кто-то из местных висельников. Страх, да и только. – Скраггер пристально огляделся вокруг. Убедившись, что они одни, он зашептал с заговорщицким видом: – Ву Квок родом из провинции Фукьен. Он с острова Квемой выше по побережью. Ты, наверное, знаешь этот остров?

– Да.

– В ночь на Иоанна Предтечу там будет большой праздник. Ву Квок приедет обязательно. Что-то, связанное с предками. – В глазах Скраггера появился злобный блеск. – Если поблизости случится быть одному-двум фрегатам. Господи, да он попадется, как проклятая крыса в бочонок.

Струан презрительно усмехнулся:

– Что верно, то верно!

– Говорю тебе, это правда, клянусь Господом. Даю тебе честное слово. Этот мерзавец обманул меня, заставил дать тебе клятву, хотя знал, что это будет ложь, и этого я ему не прощу. Слово Скраггера не хуже твоего!

– Ага. Конечно. Только неужели ты думаешь, что я поверю человеку, который

продает своего хозяина, как крысу?

– Он мне не хозяин. Мой начальник Ву Фан Чой. и больше никто. И присягал на верность я только ему, никому другому. Даю тебе слово.

Струан внимательно посмотрел на Скраггера.

– Я подумаю насчет Иоаннова Дня.

– Я даю тебе слово. Я хочу, чтобы этот сукин сын отправился к праотцам, клянусь Богом. Честное слово человека – это все, что стоит между ним и вечным проклятьем. Эта свинья отняла у меня мое, да поразит его Господь, и я хочу, чтобы он своей жизнью заплатил за это.

– Где мальчики?

– Они станут денди, как ты говорил?

– Торопись, мне надоело торчать здесь.

Скраггер повернулся и свистнул в темноту. Три маленькие тени выскользнули из сампанов. Мальчики осторожно сошли по качающейся доске на берег и заторопились к ним по тропинке. Глаза Струана широко раскрылись, когда свет фонарей упал на их лица. Один был китайцем. Другой – евразийцем. А третий – маленьким грязным английским постреленком. Китайский мальчик, богато одетый, с толстой, аккуратно заплетенной косичкой, нес с собой сумку. Двое других были одеты в трогательные подобия европейского костюма: сюртук из домотканого сукна, маленькие помятые цилиндры, вручную сшитые брючки и маленькие туфли с грубыми застежками. На плече каждый нес палку, на конце которой болтался узелок.

Все трое отчаянно – и безуспешно – пытались скрыть свой страх.

– Это Ву Пак Чук, – сказал Скраггер. Китайский мальчик нервно поклонился. – Он внук Ву Фан Чоя. Один из них, но не от Ву Квока. А это мои собственные ребятки. – Он с гордостью показал на постреленка, который невольно вздрогнул. – Вот этот – Фред. Ему шесть. А это Берт, ему семь.

Он слегка шевельнул рукой, и оба мальчика взяли на отлет свои цилиндры, поклонились и пробормотали что-то, запинаясь от страха, а потом посмотрели на отца, чтобы узнать, все ли они сделали правильно. Берт, евразийский мальчик, прятал свою косичку под шляпу, но теперь, после всей этой неловкой возни, она болталась у него за спиной. Грязные волосы английского мальчишки были, как и у его отца, перевязаны сзади обрывком просмоленной бечевки.

– Подойдите сюда, ребятки, – мягко подозвал их Струан.

Младший взял на руку своего сводного брата, и оба они медленно сделали шаг вперед. Потом остановились, затаив дыхание. Английский мальчик тыльной стороной ладони вытер мокрый нос.

– Тебя зовут Фред?

– Да, ваша милость, – прошептал тот едва слышно.

– Говори громче, – сказал Скраггер, и мальчишка тут же выпалил:

– Да, ваша милость, меня зовут Фред.

– А я Берт, ваша милость. – Евразийский мальчик весь сжался, когда взгляд Струана остановился на нем. Он был высокого роста, выше других, с приятным лицом, красивыми ровными зубами и золотистой кожей.

Струан посмотрел на Ву Пака. Тот опустил глаза и приблизился, едва поднимая ноги.

– Он не говорит по-английски?

– Нет. Но вот Берт говорит на его языке. И Фред знает пару слов. Мама Берта из провинции Фукьен. – С каждой минутой Скраггер чувствовал себя все более неуютно.

– А где твоя мама, Фред?

– Умерла, ваша милость, – выдавил из себя малыш. – Она умерла, сэр.

– Вот уже два года, как она померла. Цинга ее прикончила, – добавил Скраггер.

– У вас на кораблях есть англичанки?

– На некоторых есть. Ну-ка, ребятки, давайте назад, – сказал Скраггер, и его сыновья со всех ног припустили туда, куда он показал рукой, и неподвижно замерли неподалеку, где не могли слышать разговора взрослых. Ву Пак было заколебался, потом побежал за ними и всгал рядом.

Скраггер понизил голос:

– Мать Фреда была заключенной. Ее выслали на десять лег за то, что она глубокой зимой крала уголь. В Австралии нас обвенчал священник, но он был отступником, так что, может, это и не считается. Но для меня мы все равно были женаты. Я поклялся ей перед смертью, что позабочусь о сыне.

Струан вынул еще какие-то бумаги.

– Эти документы делают меня опекуном этих трех мальчиков. До тех пор, пока им не исполнится двадцать один год. Ты можешь подписать их для своих сыновей, но как быть с Ву Паком? Это должен быть родственник.

– Я поставлю свое имя на всех трех. У тебя есть один листок для меня, чтобы я мог показать Ву Фану? Что я подписал?

– Да. Один можешь взять.

Струан начал вписывать имена, но Скраггер остановил его.

– Тай-Пэн, не пиши про моих ребят «Скраггер». Поставь другое имя. Любое, какое захочешь... нет, мне не говори, какое, – быстро добавил он. – Любое имя. Придумай, какое получше. – Его лоб покрылся испариной Пальцы дрожали, когда он взял карандаш и поставил внизу свою подпись. – Фред должен забыть меня. И свою мать. Позаботься о Берте, хорошо? Его мать все еще со мной, и она неплохая женщина на свой лад. Позаботься о них, как о родных, и я твой друг на всю жизнь. Клянусь тебе в этом. Их обоих научили молиться, как положено. – Он громко высморкался и вытер пальцы о штаны. – Ву Пак должен раз в месяц писать Дзин-куа, Да, вот еще что, ты будешь пересылать Дзин-куа счета за обучение и все остальное. Раз в год. Они должны ходить в одну школу и вообще держаться друг друга.

Он махнул рукой маленькому китайцу. Ву Пак неохотно вышел вперед. Скраггер ткнул большим пальцем в направлении лодок, и тот послушно повернулся и заторопился к ним. Затем он подозвал сыновей:

– Ну, мне пора, ребятки.

Мальчики подбежали к нему, прижались к полам сюртука и наперебой стали умолять его не отсылать их; из глаз у них катились слезы, маленькие круглые мордашки перекосились от страха. Но он оттолкнул их и заставил свой голос звучать жестко:

– Ну, хватит, пора. Слушайтесь Тай-Пэна. Он теперь будет вам вместо отца.

– Не отсылай нас, папа, – жалобно тянул Фред. – Я ведь был хорошим мальчиком. Берт и я, мы оба были хорошими мальчиками, папа, не отсылай нас.

Они стояли, раздавленные громадностью своего горя, их маленькие плечи вздрагивали и судорожно вздымались.

Скраггер шумно прочистил горло и сплюнул. После секундного колебания он выдернул нож и ухватил Берта за косичку. Евразиец пискнул от ужаса и забился в его руке, как птенец, пытаясь вырваться. Но Скраггер одним ударом отсек косичку и шлепнул заходящегося в истерике сына по щеке, шлепнул достаточно сильно, чтобы привести его в чувство, но не сильнее.

– О, папа, – проговорил Фред своим высоким дрожащим голоском, – ты же знал, что Берт пообещал своей маме всегда носить волосы, как положено.

– Лучше это было сделать мне, Фред, чем ждать, когда это сделает кто-то другой, – ответил Скраггер, и голос его сорвался. – Берту она больше не нужна. Он будет денди, как и ты.

– Я не хочу быть денди, я хочу остаться дома, с тобой.

Скраггер в последний раз взъерошил волосы Берта. И Фреда.

– Прощайте, ребятки мои. – Он бросился прочь, и ночная тьма поглотила его.

Глава 3

– Зачем уходить так рано, Тай-Пэн? – спросила Мэй-мэй, подавив зевок. – Два часа сна прошлой ночью мало для тебя. Ты растеряешь всю свою силу.

– Полно, девочка, что за глупости ты болтаешь! И я же предупредил тебя вчера, чтобы ты не ждала меня.

Струан оттолкнул тарелку с завтраком, и Мэй-мэй налила ему еще чаю. Утро было чудесное. Лучи солнца проникали через зарешеченные окна, образуя на полу красивый узор.

Мэй-мэй старалась не слышать стука молотков и визга пил, доносившихся с берега Счастливой Долины, где вовсю шло строительство, но все ее старания были тщетны. Уже четвертые сутки проводили они в новом доме, и этот шум не прекращался ни днем, ни ночью, заглушая все остальные звуки.

– Дел много, а я хочу быть уверенным, что все готово к балу, – говорил Струан. – Он должен начаться через час после захода солнца.

Мэй-мэй затрепетала от восторга, вспомнив о своем тайном наряде и о том, как он великолепен.

– Завтракать с рассветом – это варваризм.

– Варварство, – поправил ее Струан. – И сейчас уже не рассвет. Девять часов пробило.

– А мне кажется, что рассвет. – Она поправила свой бледно-желтый шелковый халат, чувствуя, как напрягшиеся соски трутся о гладкую ткань. – Сколько еще будет продолжаться эта ужасающая шумность?

– Через месяц или около того шум поутихнет. И по воскресеньям, разумеется, все работы прекращаются, – ответил он, слушая ее вполуха и размышляя о том, какие дела ему предстояло закончить за сегодня.

– Шумности слишком много. И что-то очень не так с этим домом.

– Что? – рассеянно спросил он, занятый своими мыслями.

– Что-то от него исходит плохое, ужасно плохое. Ты уверен, что фен шуй правильный, хейа?

– Фен что? – Он удивленно поднял глаза, отвлекшись на время от своих забот.

Мэй-мэй испуганно смотрела на него:

– Ты не приглашал сюда джентльмена по фен шуй?

– Кто это?

– Кровь Христова, Тай-Пэн! – выдохнула она в полном отчаянии. – Ты строишь дом и не спрашиваешь про фен шуй! Ты просто безумный сумасшедший! Ай-й-ай! Я займусь этим сегодня же.

– А что делает этот джентльмен по фен шуй, – едко спросил Струан, – кроме того, что стоит денег?

– Как?! Удостоверяет, что фен шуй правильный, конечно.

– А что такое, скажи на милость, фен шуй?

– Если фен шуй плохой, духи дьявола проникают в дом, и у тебя будет ужасно плохой йосс и ужасная болезнь. Если фен шуй хороший, тогда ни один дух зла не войдет внутрь Все знают про фен шуй.

– Ты добрая христианка, и тебе не пристало верить в злых духов и всяких там мумбо-юмбо.

– Я абсолютно соглашаюсь, Тай-Пэн, но в домах фен шуй фантастически важный. Не забывай, что это Китай, а в Китае есть...

– Хорошо, Мэй-мэй, – сказал он, уступая. – Пригласи своего джентльмена по фен шуй, пусть он поворожит, если это уж так необходимо.

– Он не ворожит, – с важностью сказала она. – Он проверяет, чтобы дом стоял правильно для течений Неба – Земли – Воздуха. И чтобы его не строили на шее дракона.

– А?

– Господи всеблагой и милосердный, как ты иногда говоришь! Это было бы ужасно, потому что тогда дракон, который спит в земле, больше не сможет спать спокойно. Кровь Господня, я надеюсь, что мы у него не на шее! Или на голове! Ты бы смог спать с домом на шее или на голове? Разумеется, нет! Если потревожить сон дракона, конечно, произойдут фантастически наихудшие вещи. Нам придется переехать незамедленно!

– Это смешно!

– Фантастически смешно, но мы все же переедем. Вот я, я оберегаю вас. О да. Очень важно, чтобы каждая женщина оберегала своего мужчину и свою семью. Если мы построились на драконе, мы переезжаем.

– Тогда тебе стоит сразу сказать этому феншуйному джентльмену, чго для него будет лучше, если он не обнаружит тут никаких драконов, клянусь Богом!

Она вздернула подбородок.

– Джентльмен по фен шуй не будет обучить тебя, как управлять кораблем, – почему же ты хочешь обучить его про драконов, хейа? Это очень благословенно трудно – быть джентльменом по фен шуй.

Струан почувствовал прилив радости от того, что к Мэй-мэй начинает возвращаться ее былая неукротимость. Он заметил, чго со времени возвращения в Кантон из Макао и всю дорогу до Гонконга она казалась раздраженной чем-то и рассеянной. Особенно последние несколько дней. И она была права: шум с берега очень мешал.

– Ну что же, мне пора.

– Можно я приглашу сегодня Мэри Синклер?

– Да. Только я не знаю, где она сейчас и прибыла ли вообще на остров.

– Она на флагмане. Приехала вчера со своей амой, А Тат, и бальным платьем. Оно черное и очень красивое. Встанет тебе в двести долларов. Ай-йа, если бы ты позволил мне заняться этим платьем, я бы сэкономила тебе шестьдесят, семьдесят долларов, можешь не беспокоиться. Ее каюта рядом с каюгой ее брата.

– Откуда ты все это узнала?

– Ее ама четвертая дочь сестры матери А Сам. А на что еще годится рабыня с таким прожорливым ротом, как у А Сам, если она не содержит свою мать в курсе и не имеет полезных знакомств?

– А каким образом мать А Сам передала ей все это?

– О, Тай-Пэн, ты такой смешной, – воскликнула Мэй-мэй. – Да это не мать А Сам, а я. Все китайские рабыни зовут свою госпожу «мать». Точно так же, как тебя она зовет «отец».

– Вот как?

– Все рабы называют хозяина дома «отец». Это древняя традиция, и это очень вежливо. Поэтому А Тат, рабыня Мэри, сказала А Сам. А Сам, которая никуда не годный, ленивый червяк и ждет хорошей порки, сказала своей «матери». Мне. Видишь, все очень просто. Ах да, и чтобы быть абсолютно правильным, если бы ты мог говорить на кантонском, ты бы называл А Сам «дочь».

– Зачем ты хочешь видеть Мэри?

– Скучно ни с кем не разговаривать. Я буду говорить только на кантонском, не тревожься. Она знает, что я здесь.

– Откуда?

– А Сам сказала А Тат, – объяснила она, словно разговаривая с ребенком. – Естественно, такую интересную новость А Тат передала своей матери – передала

Мэри. Эта старая шлюха А Тат знает секретов больше, чем есть нефритов в нефритовой шахте.

– А Тат – шлюха?

– Кровь господня, Тай-Пэн. это только фигурная речь. Тебе на самом деле следует вернуться в постель. Ты что-то очень простоватый сегодня утром.

Он допил свой чай и отодвинул тарелку.

– Вот уж действительно: сижу тут и слушаю всю эту ерунду. Сегодня я обедаю с Лонгстаффом, так что я передам Мэри твое приглашение. Какое время ей указать?

– Спасибо, Тай-Пэн, но это не нужно. А Сам будет лучше. Тогда никто не узнает, кроме слуг, а они и так все знают, ладно.

Лим Дин открыл дверь. Он был не только поваром, но и личным слугой Струана – невысокий крепкий человечек на шестом десятке, выглядевший очень аккуратно в своих черных штанах и белой рубашке. На его круглом, довольном лице прыгали туда-сюда хитрые глазки.

– Масса. Мисси и Масса приходить твоя видеть. Мозна?

– Масса какой? – Струан был поражен тем, что кто-то мог оказаться настолько невежливым, чтобы прийти к нему в дом без приглашения.

Лим Дин пожал плечами.

– Масса и Мисси. Хотеть спросить какой Масса, какой Мисси?

– Нет, ладно, – ответил Струан и поднялся из-за стола.

– Ты разве ждешь гостей? – спросила Мэй-мэй.

– Нет.

Струан вышел из комнаты и очутился в небольшой передней. Он открыл дверь в противоположной стене и плотно прикрыл ее за собой. Теперь он находился в коридоре, который вел к прихожей и его отдельным апартаментам в передней части дома. Выйдя в коридор, он сразу понял, что его гостьей была Шевон. Тонкий аромат ее духов – она специально выписала их из Турции и таких не было больше ни у кого – распространился по всему дому.

Его сердце забилось быстрее, а недовольство быстро улеглось, пока он шел по коридору, постукивая каблуками коротких сапог из мягкой кожи по каменным плитам пола. В конце коридора он свернул в гостиную.

– Хэллоу, Тай-Пэн, – приветствовала его Шевон, когда он появился в дверях.

Двадцатилетняя Шевон была грациозна, как газель. Ее темно-рыжие, темнее, чем у Струана, волосы длинными завитыми локонами падали на плечи. Полная грудь под скромно декольтированным платьем зеленого бархата вздымалась над восемнадцатидюймовой талией. Из-под доброй дюжины нижних юбок выглядывали крошечные ножки и точеные щиколотки. Она надела зеленый капор в тон платью, а ее зонтик от солнца оказался неожиданно яркого, оранжевого цвета.

Да, подумал Струан, девушка хорошеет с каждым днем.

– Доброе утро, Шевон, Уилф.

– Доброе утро. Извините, что пришли без приглашения. – Уилф Тиллман чувствовал себя крайне неловко.

– О, ну полно вам, дядя, – беспечно заметила Шевон. – Это просто добрая старая американская традиция пожелать новому дому счастья и процветания.

– Мы не в Америке, дорогая. – Тиллман ничего так не желал, как оказаться дома, особенно сегодня. Больше всего ему хотелось, чтобы Шевон наконец благополучно вышла замуж за Джеффа Купера, и он смог бы сложить с себя ответственность за это сумасбродное создание. Черт бы побрал эту девчонку. И Джефф тоже хорош, мысленно добавил он. Ради всего святого, чего дожидается этот человек, почему он официально не попросит ее руки? Тогда я смог бы просто-напросто объявить о свадьбе, и дело с концом. Все это хождение вокруг да около выглядит смешно. Джефф только и знает, что твердит: «Дадим ей время. Времени у меня много». Но

ведь я-то, черт побери, прекрасно вижу, что теперь, когда Струан овдовел, времени у него совсем нет. Готов голову дать на отсечение, что Шевон навострила свои коготки на Тай-Пэна. Зачем же еще ей так настаивать на визите сюда сегодня утром? И зачем постоянно расспрашивать о нем?

Всю дорогу до дома Струана он размышлял о том, насколько разумен был бы союз между Струаном и Шевон. Естественно, это сулит прямую финансовую выгоду, но Струан совершенно не приемлет нашего образа жизни в Америке, он просто не желает его понять.

Разумеется, он настроит Шевон против нас, думал Тиллман. И станет через нее вмешиваться в наши дела. Джефф будет взбешен тем, что потеряет ее, и, скорее всего, выйдет из компании «Купер и Тиллман». И я никак не смогу ему помешать. Если компания окажется на мели, откуда брать деньги для брата Джона на те роскошные приемы, которые он регулярно устраивает в Вашингтоне. Политика – вещь дорогая, а без связей в политических кругах жизнь для семьи станет по-настоящему тяжелой. К тому же нам отчаянно нужна любая помощь против этих чертовых северных штатов. Нет, клянусь Небом. Шевон выйдет замуж за Джеффа, а не за Тай-Пэна. И никаких разговоров.

– Извините, что пришли незваными, – повторил он.

– Я очень рад видеть вас обоих. – Струан знаком показал Лим Дину на графин и бокалы. – Шерри?

– М-м, благодарю вас, но мне кажется, нам уже пора бы откланяться, – сказал Тиллман.

Шевон рассмеялась и премило наморщила свой вздернутый носик.

– Но мы же только что пришли. Я хотела первой поприветствовать вас в вашем доме, Тай-Пэн.

– И вам это удалось. Присаживайтесь. Вы очень хорошо сделали, что пришли.

– Мы купили кое-какие подарки для нового дома. – Она открыла свою сумку и извлекла оттуда маленькую буханку хлеба, крошечную солонку с солью и бутылку вина. – Это старинный обычай, он принесет дому удачу. Я бы пришла одна, но дядя сказал, что это было бы проявлением самого дурного вкуса. Это вовсе не его вина.

– Я рад, что вы пришли. – Струан взял в руки хлеб. Хлеб был душистый, с хрустящей золотисто-коричневой корочкой.

– Я испекла его вчера вечером.

Струан отломил кусочек и попробовал.

– Да он просто превосходен!

– О, вообще-то есть его не полагается. По крайней мере... видите ли... это только символ. – Она опять рассмеялась и взяла свою сумку и зонтик. – Ну, а теперь, когда я выполнила свою обязанность, мы действительно пойдем.

– Мои первые гости могут даже не надеяться, что я отпущу их просто так. Я настаиваю: хотя бы глоток шерри.

Лим Дин поднес им бокалы. Шевон взяла свой и удобно устроилась в кресле, Уилф Тиллман нахмурил брови. Лим Дин удалился, шаркая ногами.

– Вы в самом деле испекли его сами? И никто не помогал? – спросил Струан.

– Я считаю, что каждая девушка должна уметь хорошо готовить, – ответила она и с вызовом посмотрела ему прямо в глаза. Тиллман потягивал шерри.

– Шевон готовит очень хорошо, – заметил он.

– Я с удовольствием буду брать по буханке в день, – сказал Струан. Он сел в большое кожаное кресло и поднял бокал: – Долгих и счастливых вам лет!

– Вам тоже.

– У вас очень милый дом, Тай-Пэн.

– Благодарю вас. Когда он будет закончен, я бы хотел показать его вам – Струан догадался, что Шевон сгорала от желания удостовериться, насколько правдивы

слухи о переезде Мэй-мэй. – Аристотель во время нашей последней встречи говорил, что вам нездоровится.

– О, это была всего лишь простуда.

– Он пишет для вас еще один портрет?

– Пока еще я только думаю об этом, – невозмутимо ответила она. – Ах, дорогой миспер Квэнс, меня так восхищают его картины. Дядя и я, мы все время пытаемся уговорить его провести один сезон в Вашингтоне. Мне кажется, он заработал бы там целое состояние.

– В таком случае я бы сказал, что вам удалось заполучить к себе этого госгя. – Глядя на невинное выражение ее лица, Струан никак не мог определить, была ли эта невинность искренней или девушка только кокетничала. Он перевел взгляд на Тиллмана – Как идут дела?

– Превосходно, благодарю вас. Джефф возвращается из Кантона сегодня днем. Жизнь в поселении бьет ключом. Вы намерены вернуться туда?

– Через несколько дней.

– Я слышал, «Голубое Облако» и «Серая Ведьма» идут голова в голову. Один из наших кораблей, возвращавшийся из Сингапура, встретил их два дня назад, они летели на всех парусах. Желаю вам удачи.

Пока мужчины вежливо беседовали о делах, не интересуясь по-настоящему мнением друг друга, Шевон потягивала шерри и разглядывала Струана. Он был в летком шерстяном костюме, хорошо сшитом и элегантном.

Ты редкий мужчина, думала она. Ты можешь и не знать этого, Дирк Струан, но я собираюсь выйти за тебя замуж. Интересно, что представляет собой эта твоя восточная наложница; я чувствую ее присутствие в доме. Наложница там или нет, я – та девушка, которая нужна тебе. И когда я стану твоей женой, тебе долго не понадобится смотреть на сторону. Очень долго...

– Ну что же, думаю, нам пора, – сказал Тиллман, поднимаясь. – Еще раз извините, что мы пришли без приглашения.

– Мой дом всегда открыт для вас.

– О, кстати, Тай-Пэн, – обронила Шевон. – Насколько я понимаю, леди не приглашены на сегодняшний поединок. Не поставите ли вы за меня гинею на бойца от нашего флота?

– Господи милосердный, Шевон, – возмутился пораженный Тиллман. – Разве можно говорить о таких вещах? Это просто верх неприличия для дамы!

– Тогда вы, дядюшка, являете нам верх нечестности и старомодности, – живо парировала она. – Вы, мужчины, находите удовольствие в призовых схватках, почему же нам нельзя? Вы, мужчины, любите держать пари, почему же нам запрещается это делать?

– Хороший вопрос, Шевон. – Струана забавляло замешательство Тиллмана.

– В конце концов, это и восточная традиция тоже. – Она с невинным видом посмотрела на Струана: – Я слышала, китайцы все время играют на деньги, особенно женщины.

Струан с непроницаемым лицом пропустил замечание мимо ушей.

– Азартные игры – это очень вредная привычка, – назидательно изрек Тиллман.

– Я совершенно с вами согласна, дядя. Сколько вы поставили?

– Это здесь абсолютно ни при чем.

Струан расхохотался.

– С вашего позволения, Уилф, мы уважим ее просьбу. Гинея за флот?

– Благодарю вас, Тай-Пэн, – произнесла она, прежде чем Тиллман смог что-либо ответить, и протянула Струану руку в перчатке. – Тут все дело в принципе. Вы отнеслись ко мне с огромным пониманием.

Он задержал ее руку в своей на мгновение дольше, чем было необходимо,

затем коснулся ее губами, завороженный мыслью о том, сколько удовольствий сулит будущему владельцу приручение этой своенравной лошадки, и проводил их до двери.

– До встречи сегодня вечером.

– Предупреждаю, если я не получу ваш приз на сегодняшнем балу, я рассержусь не на шутку. И к тому же окажусь в долговой яме.

– Тебе это не грозит, Шевон, а вот твоим несчастным, многострадальным отцу и дяде – пожалуй, – заметил Тиллман. Когда они ушли, Струан вернулся в покои Мэй-мэй. Та встретила его холодным взглядом.

– Что случилось?

– Эта сладкоречивая чертовая кукла ухлестывает за тобой. Вот что случилось!

– Прекрати болтать глупости и сквернословить! Да и как ты вообще могла ее видеть?

– Ха! У меня что, глаз нет? Носа нет? Зачем бы я сидела над планами дома, а? Час за растреклятым часом, а? Затем, чтобы он получился таким, чтобы я видела, кто сюда приходит, кто проходит мимо. А они меня нет. Ха! Эта начиненная навозом кукла с коровными выменями ухлестывает за тобой, чтобы замужествовать.

– Выйти замуж, – поправил он.

– Руку целовать, а? Мою руку почему не целовать, а? – Она с громким стуком поставила чайник на стол. – Почему сидеть там смотреть на нее коровными глазами, хей? Ай-й-йа!

– Прибереги свое «ай-йа» для себя самой. Услышу что-нибудь подобное еще хоть раз – получишь шлепка. Тебе хочется быть отшлепанной?

– Муч-чины! – Она гневно вскинула голову. – Муч-чины!

– Мужчины, а не муч-чины. Сколько раз тебе нужно повторять?

– Мужчины! – Мэй-мэй дрожащей рукой налила себе чаю, потом с треском поставила чашку и вскочила на ноги. – «Я слышала, китайские муч-чины играют на деньги, особенно женчины», – передразнила она Шевон, приподняв руками свои маленькие груди, чтобы они казались больше, и виляя задом. – А ты рассиживаешься там и пожираешь глазами ее грудь. Почему на мой грудь ты так не уставляеваешься, хейа?

Струан аккуратно поставил свою чашку на стол и поднялся на ноги. Мэй-мэй тут же отступила к противоположному концу стола.

– Я ничего и не говорю, ладно, – торопливо добавила она.

– Я так и подумал. – Он спокойно допил свой чай, а она, не шевелясь, следила за ним, готовая убежать в любую минуту.

Он опустил чашку на блюдце.

– Подойти сюда.

– Ха! Я тебе не верю, когда твои глаза горят зеленым огнем.

– Подойди сюда. Пожалуйста.

Ее глаза сделались почти косыми от ярости, она сейчас казалась ему похожей на одну из тех сиамских кошек, которых он видел в Бангкоке. Точь-в-точь, как они, и такая же злобная, подумал он.

Она осторожно приблизилась к нему, готовая тут же броситься прочь или пустить в дело ногти. Он нежно потрепал ее по щеке и пошел к двери.

– Вот послушная девочка.

– Тай-Пэн! – Мэй-мэй повелительным жестом протянула ему руку для поцелуя.

Сдерживая улыбку, он вернулся и галантно поцеловал протянутую руку. Затем, прежде чем она сообразила, что происходит, он развернул ее и звонко шлепнул пониже спины. Она ошеломленно разинула рот, вырвалась из его рук и метнулась назад, ища спасения по другую сторону стола. Очутившись в безопасности, она швырнула в него чашку. Чашка ударилась в стену рядом с его ухом, она тут же

подняла другую.

– Не бросай ее.

Она медленно поставила чашку на место.

– Вот умница. Одна – это нормально. Две – уже излишество. – Он взялся за ручку двери.

– Я только говорю тебе это, чтобы защитить тебя, – в отчаянии крикнула она. – Защитить от сладкоречивой, безобразной куклы с выменями, как у старой коровы!

– Спасибо, Мэй-мэй, – сказал он, закрывая дверь за собой. Струан потопал ногами на месте, показывая, будто удаляется по коридору, а сам, стараясь не расхохотаться, осторожно приложил ухо к двери. Вторая чашка вдребезги разбилась о нее с другой стороны. За этим звуком последовал поток китайских ругательств, потом он услышал имя А Сам и вслед за ним новые ругательства.

Счастливо улыбаясь, Струан на цыпочках зашагал к выходу.

Вся Счастливая долина, словно некий живой организм, пульсировала, охваченная бурной деятельностью, и, легко шагая под уклон от своего дома к берегу, Струан чувствовал, как гордость переполняет его. Были заложены уже многие постройки. Среди них выделялись огромные трехэтажные фактории «Благородного Дома» и компании «Брок и сыновья», выходившие фасадом на Куинз Роуд. В их просторных помещениях располагались склады, пакгаузы, конторы и жилые комнаты; она напоминали фактории кантонского поселения, удобство и надежность которых могли по достоинству оценить все китайские торговцы. Пока что они представляли собой лишь голые стены в строительных лесах из бамбука, на которых копошились сотни китайских рабочих Вокруг этих громадин располагались десятки других зданий, жилых домов и причалов.

Струан разглядел вдалеке, что на полпути к Глессинг Пойнту уже началось строительство дока: нескончаемая череда носильщиков насыпала камни для первого из глубоководных причалов. Напротив маленького домика начальника гавани, уже целиком готового, если не считать крыши, возвышались каменные стены тюрьмы, законченные на три четверти. А за доком были видны строительные леса первой из армейских казарм.

Струан повернул на запад к веренице больших палаток, в которых располагалась их временная главная контора. Палатки были раскинуты у самою края долины. К строительству церкви еще не приступали, хотя Струан заметил людей, обмерявших вершину круглого холма.

– Доброе утро, Робб, – сказал он, входя в палатку.

– С возвращением. – Робб был небрит, под глазами залегли черные тени. – Ты разобрался с Абердином?

– Да. Как у тебя тут дела?

– И хорошо, и плохо. По Куинз Роуд теперь не пройти без того, чтобы тебя не окружила вонючая голпа попрошаек. И что еще хуже, мы ежедневно доставляем сюда джонками и сампанами десять тысяч кирпичей из Макао, так к утру больше двух тысяч штук исчезает бесследно. – Он сердито взмахнул руками. – И не только кирпичи. Бревна, столы, цемент, перья, бумага – они воруют все. Если так пойдет и дальше, наши расходы на строительство удвоятся. – Он перебросил ему листок с цифрами. – Подарок для тебя: расчеты за твой дом – предварительные. Втрое больше, чем предполагал Варгаш.

– Почему так много?

– Ну, ты же хотел, чтобы он был закончен за три недели.

– Да за тысячу фунтов я, черт возьми, могу приобрести почти пятую часть клипера.

– Если «Голубое Облако» не доберется до Лондона, мы попадем в чудовищную переделку. Снова.

– Он доберется.

– Мне бы твою уверенность. – Робб тяжело опустился на стул.

Струан сел за свой стол.

– Ну, а теперь скажи мне, в чем заключается настоящая проблема, парень?

– О, я не знаю. Эти воры и нищие... и дел слишком много. И этот проклятый несмолкающий шум. Наверное, я устал... Нет, дело не в этом. Две вещи. Во-первых, Сара. У нее задержка на две недели, а ты даже не представляешь, какой раздражительной становится женщина в этом случае; к тому же бедная девочка боится, что умрет. И боится не напрасно. А помочь ничем нельзя, кроме как твердить постоянно, что все будет хорошо. Потом, опять же, это мое решение остаться. Все это время у нас только и были что нескончаемые жуткие ссоры. Она твердо намерена уехать не позже, чем через месяц, ну, может, чуть больше – как только будет в состоянии.

– Хочешь, я с ней поговорю?

– Нет. Тут уже ничего не поможет. Она все решила для себя, и говорить больше не о чем – ты знаешь Сару. Конечно, она в восторге от того, что мы снова богаты, но домой все равно возвращается. Даже бал не помог: она злится на свой живот, на то, что она, по ее выражению, «толстая и противная». Что бы ты ни говорил, для нее это остается пустыми звуками.

– Это первое. Что же второе?

– Кулум. Ты и Кулум.

Струан посмотрел на дверь палатки, на многочисленные корабли, ровными рядами стоящие на якоре.

– Он кажется мне вполне окрепшим после болезни.

– Я не об этом.

– Давай отложим этот разговор на время.

– Ситуация получается очень скверная. Скверная и для вас, и для компании.

– Повремени с этим, Робб.

– Я прошу тебя. Пожалуйста, прости его.

– Подожди, Робб. – Струан повернулся к нему. – Немного подожди.

– Хорошо, Дирк. – Робб засунул руки в карманы. – Что произошло вчера ночью в Абердине?

Струан рассказал и передал ему контракты и бумаги на опекунство. Но о Ву Квоке и о празднике на острове в день святого Иоанна Крестителя не сказал ни слова. Иоаннов день наступит, когда он еще будет Тай-Пэном, а решать, что делать со всем этим, должен Тай-Пэн – и только он.

Робб забеспокоился:

– Где сейчас мальчики?

– На борту «Отдыхающего Облака». Я передал их Вольфгангу. Остальные девятнадцать человек на «Китайском Облаке».

– Чем скорее мы отправим мальчиков домой, тем лучше. Если всем станет известно о том, что мы связаны с этим пиратским сбродом... уф-ф, одному Богу ведомо, чем все это кончится.

– Погрузка «Грозового Облака» почти завершена. Он будет готов к отплытию через четыре-пять дней. На нем они и отправятся.

– Я сегодня же переправлю их на Вампоа.

– Нет, парень. Я сам захвачу их с собой завтра. Так безопаснее. Слишком многое поставлено на карту в Кантоне, так что мне лучше вернуться туда не мешкая. Хочешь поехать со мной?

– Я не могу, Дирк. Не сейчас, когда у Сары срок так близко. Почему тебе не взять с собой Кулума?

– Здесь и так хватает дел.

– Ему нужно многое узнать о чае, шелках, фрахте. Всего четыре месяца осталось.

– Хорошо.

– Что ты намерен делать с теми, кого отобрал?

– Сначала Вольфганг и Гордон обучат их английскому. Через три месяца мы определим их на клиперы. Ни в коем случае не больше, чем по одному на корабль. Пораскинь-ка своим хитрым умом, как нам понадежнее перетянуть их на свою сторону.

– Постараюсь. Эх, разгадать бы, что за чертовщину задумали Ву Квок и Скраггер. Я не верю им ни на грош.

– Это правильно.

Интересно, подумал Струан, что бы ты стал делать, Робб, с днем святого Иоанна, если бы знал о нем. Ты бы послал фрегаты, я уверен. И, может быть, послал их прямиком в ловушку. А я? Нет, пока не знаю.

Робб выглянул из палатки и окинул взглядом строящиеся дома.

– Если Бог в этом году будет с нами, мы далеко обгоним Брока.

– Да. – Но что делать с ним самим? И с Гортом?

– Я думаю нам следует отвоевать часть земли у моря и протянуть причал до глубоководья, – сказал Робб. – Можно заняться этим прямо сейчас, не дожидаясь следующего года.

– Хорошая мысль, парень.

– Извините, сэр, – сказал Кьюдахи, торопливо подходя к палатке, – но вы приказали, чтобы я доложил немедленно.

– Входите, мистер Кьюдахи, – пригласил его Робб. – Как все прошло?

– Черт побери, мы обернулись быстрее ветра, сэр. Пакетбот оказался в точности там. где вы говорили. У меня с собой список пассажиров, о котором вы просили. Наш катер перехватил его у Поклью Чау. В гавань Гонконга корабль придет через три часа. – Кьюдахи улыбнулся и положил на стол небольшой мешок с почтой. – Э... прошу прощения, сэр, но как вы узнали, что пакетбот на подходе. Он ведь пришел на день раньше.

– Предчувствие, мистер Кьюдахи, – ответил Робб. – Будьте добры, подождите снаружи. – И он со значением посмотрел на мешок. Кьюдахи отдал честь и вышел.

– Это была великолепная идея, – сказал Робб, – поставить наблюдательный пост на горе.

– Кулум, я вижу, не забыл об этом? – Струан был доволен Он рассортировал почту и остался еще больше доволен тем, что Робб и Кулум сумели тайно осуществить его план. – Каким образом вы передаете сигнал?

– Мы дали задание одному из клерков, племяннику старого Варгаша, Иезушу Варгашу, каждые четверть часа смотреть на вершину горы. Разумеется, в подзорную трубу и, разумеется, под большим секретом. Кулум придумал систему флаговых кодов. Теперь мы сразу знаем, является ли корабль почтовым пакетботом, одним из наших или кораблем Брока или Купера Тиллмана.

Они просмотрели содержимое мешка. Газеты и периодические издания за три месяца были отложены в сторону, ими можно будет насладиться на досуге. Кроме этого, они обнаружили книги, ноты, пьесы, модные журналы для Сары, новинки судостроения для Струана, финансовые документы для Робба.

Сначала бизнес.

Цены лондонского рынка на пряности – имбирь, мускатный орех, перец, корицу – заметно возросли. На мелиссу упали. Розничная цена на чай из-за оскудения его запасов стала выше на пятьдесят процентов – это означало, что «Голубое Облако» при несет им двести сорок тысяч фунтов прибыли, если придет первым. Крупные выступления чартистов серьезно снизили производительность хлопчатобумажных

мануфактур Ланкашира и угольных шахт Уэльса. Как следствие, цена на минеральное масло для ламп поползет вверх, и цена хлопчатобумажной ткани окажется выше, чем ожидалось. Цены на опиум в Калькутте упали, потому что было собрано невиданное доселе его количество. Поэтому Струан тут же изменил распоряжение для «Морского Облака», одного из их клиперов, курсировавшего вблизи Гонконга, и вместо Вампоа, где он должен был взять на борт груз чая, срочно отправил его в Манилу за пряностями с приказом лететь потом в Англию на всех парусах через мыс Доброй Надежды. Робб дал указания Варгашу скупить всю, какую удастся найти, хлопчатобумажную ткань до последнего ярда, а также все нитки и хлопчатобумажную пряжу, избавшись от мелиссы, увеличить заказ на калькуттский опиум и как можно быстрее сбыть имеющиеся у них запасы.

И прежде чем пакетбот бросил якорь в гавани, «Морское Облако» уже был на пути к Маниле, а три часа непрерывной купли-продажи должны были в ближайшем будущем принести им около сорока тысяч фунтов. Поскольку за эти три часа они монополизировали рынок, скупив все наличные запасы привозного масла для ламп, хлопчатобумажных товаров, пряжи, ниток, пряностей и заранее забронировали все свободное грузовое пространство на всех американских и английских кораблях, за исключением кораблей Брока. Они знали, что как только пакетбот прибудет на Гонконг и все узнают последние новости, у их дверей соберется толпа торговцев, жаждущих купить хлопок и пряности и зафрахтовать корабли, чтобы немедленно доставить все это домой. И никто, кроме братьев, не будет знать, что «Морское Облако», обгоняя конкурентов по меньшей мере на сутки, летит, закусив удила, как чистокровный скакун, в Англию, и сливки с лондонского рынка опять снимет именно «Благородный Дом».

– Жаль, что нам понадобится как минимум два дня, чтобы выполнить заявки наших клиентов и отправить в путь корабли из Манилы, – радостно улыбаясь, заметил Робб.

– Печально это, Робби, прямо очень грустно.

– Я бы сказал, что мы неплохо поработали сегодня утром.

Они стояли у входа в палатку и наблюдали, как пакетбот отдает якоря. Корабль окружали десятки катеров, набитых людьми, нетерпеливо ожидавшими своей почты.

Струан взглянул на список пассажиров:

– Господи, ты только посмотри сюда! – Он сунул бумагу Роббу.

Робб пробежал глазами список. На одном из имен он остановился: Его императорское высочество, Великий князь Сергеев.

– Что делает в Азии русский вельможа, а?

– Да нет, я не о нем, парень, хотя это и любопытно, спора нет. Читай дальше.

Робб опустил глаза ниже. Жены коммерсантов, три возвращающихся торговца, другие пассажиры, чьи имена ему ни о чем не говорили. Наконец он нашел то, что искал.

– Морин Квэнс с семьей? – Он громко расхохотался.

– Черт возьми, по-моему, тут не до смеха, – озабоченно заметил Струан. – Как теперь быть с конкурсом?

– О Боже!

Шесть лет назад жена Аристотеля в ярости села на корабль, отплывавший из Макао домой, будучи уверенной – как и все они, – что Аристотель, живший в смертельном страхе перед супругой, удрал от нее в Англию. Однако художник вместо этого прятался в Учреждении миссис Фортерингилл для благородных девиц, или «УФ», как называли бордель местные завсегдатаи, расшифровывая сокращение по-своему: «Укротительницы Фаллоса». Аристотель покинул свое убежище через неделю после отъезда Морин, и ему понадобились месяцы, чтобы вновь стать самим собой и справиться с «ваперами». Торговцы приписывали «ваперы» тому, что он

совершенно бездумно пользовался оказанным ему в этом доме гостеприимством. Он страстно отрицал подобные обвинения: «Когда человек оказывается в такой крайности, клянусь Богом, в нем едва ли может появиться склонность к тому, что – за неимением лучшего слова – я могу описать лишь как куэнтус. Восхитительный, без сомнения, но все же куэнтус. Нет. мои дорогие заблуждающиеся друзья, ужас и беспутство в одну постель никогда и нигде не улягутся». Ему никто не поверил.

– Что же нам делать? – спросил Робб.

– Если Аристотель прослышит об этом, он непременно исчезнет. Улизнет в Кантон, а мы останемся с носом. Нам нужно разыскать его первыми и спрятать подальше до самого вечера.

– Где он сейчас?

– Даже не представляю. Рассылай поисковые группы. Возьми всех людей до последнего. Отвези его на «Грозовое Облако» – под любым предлогом – и держи там, пока не придет время судить конкурс. Немедленно отправь Кьюдахи на пакетбот. Скажи Морин, что она и ее семья – наши гости, доставь их на меньший из плавучих складов. Возможно, мы сумеем задержать ее до завтра.

– Ничего не выйдет. Она Аристотеля носом чует.

– Придется попробовать. Ты готов быть судьей?

– А что с сегодняшним поединком? Он ни за что не захочет его пропустить!

– Если заказать ему портрет Сары или кого-нибудь из детей, захочет.

Робб выбежал из палатки.

Струан взглянул на часы. До его визита на флагман оставался целый час. Он послал за Гордоном Ченом и попросил его набрать три десятка китайских сторожей.

– Я считаю, было бы разумно, Тай-Пэн, в качестве дополнительной предосторожности нанять сторожей и для вашего дома, – сказал Гордон. – Я чувствовал бы себя спокойно, если бы вы это сделали.

– Хорошая мысль, Гордон. Увеличь число людей до тридцати пяти.

– Боюсь, большинство китайцев, поселившихся в Тай Пинь Шане, очень плохие люди. Многих из них разыскивают за разные преступления в Квангуне, ну а здесь, на Гонконге, мандарины не могут до них добраться. – Из широкого рукава своего халата он достал свиток пергамента. – Да, кстати, я заключил соглашение с Королем нищих относительно вашего бала сегодня вечером. – Он положил свиток на стол. – Это расписка. Могу я надеяться получить эти деньги назад у компрадора?

– Расписка? За что?

– За три тэйла. Эта скромная мзда гарантирует, что ни одного из ваших гостей не будут беспокоить сегодня вечером. Я также заключил с ним месячное соглашение на очень приемлемых условиях – три тэйла – от вашего имени; теперь нищие будут держаться в стороне от вашего жилища и построек «Благородного Дома».

– Я не стану платить этих денег, – взорвался Струан. – Мне наплевать на то, что у нищих есть свой Король в Макао или в любом другом городе Китая. Мы не станем начинать с того же здесь, на Гонконге, клянусь Богом.

– Но Король здесь уже есть, и все уже организовано, – спокойно возразил Гордон Чен, – кто же еще будет управлять нищими? Кто будет отвечать за них? Кому еще платить мзду, чтобы обеспечить особое отношение, которого заслуживают люди богатые и занимающие высокое положение, такие, как мы с вами? Я умоляю вас пересмотреть свое решение, Тай-Пэн. Я бы самым настойчивым образом рекомендовал вам согласиться. Уверяю вас, эти деньги не пропадут даром. По крайней мере, попробуйте это в течение месяца. Такая просьба не может быть чрезмерной. Потом вы и сами убедитесь в мудрости такого обычая. К тому же, разумеется, эта мера поможет уберечь вашу собственность, поскольку нищие будут доносить вам о ворах. Это очень необходимо, поверьте мне.

– Очень хорошо, – сказал Струан после недолгого раздумья. – Но только на

один месяц, не больше. – Он поставил свои инициалы на расписке, зная, что плата Королю нищих станет постоянной. Бороться с этим обычаем было невозможно – разве что изгнав всех китайцев с Гонконга.

– Деньги ты можешь получить у Чен Шеня завтра.

– Благодарю вас.

– А что дает именно этому человеку право быть Королем нищих?

– Полагаю, остальные доверяют ему, Тай-Пэн. – Гордон мысленно отметил про себя, что нужно сегодня же днем поговорить с Королем нищих и убедиться, что в следующем месяце все будет идти, как задумано. Он был очень доволен: не только удивительно малой мздой, которую выторговал от имени Струана – два тэйла за сегодняшнюю ночь и два тэйла за месяц, разница в один тэйл составляла его собственную законную прибыль, – но также и своим предвидением, которое заставило его попросить Дзин-куа прислать на остров «Короля» из Кантона. Этот человек был младшим братом кантонского Короля нищих, а это означало, что он профессионал, то есть человек, изрядно поднаторевший в методах получения наибольшей прибыли наименьшими усилиями. И этот человек, разумеется, был утвержден в должности младшего чиновника Хун Муна в гонконгской ложе. Безупречная комбинация, сказал себе Гордон. Деньги, получаемые от нищих, станут постоянной и весомой частью доходов тонга. Затем его ухо поймало вопрос, которого он ждал от отца с самого начала их разговора:

– Ты слышал о Триадах, Гордон?

– Я читал постановление, конечно, – спокойно ответил Гордон. – Почему вы спрашиваете?

– Ты знаешь о них что-нибудь?

– Видите ли, Тай-Пэн, я слышал, что в историческом плане тайные общества всегда были одной из форм борьбы против иноземных захватчиков. И что у них есть много разных названий.

– Держи уши открытыми и сообщай мне тайно обо всех их делах, если таковые будут. И вот еще что: я завербовал двадцать китайцев на свой флот. Попробую сделать из них помощников капитана. Ты должен будешь поработать вместе с мистером Мауссом и обучить их английскому. Еще десять человек отправятся в Англию изучать судостроение.

– Слушаюсь, сэр. – Гордон радостно улыбнулся. Тридцать человек. Безусловно, тридцать новых Триад. Да, «Триады» звучит хорошо, лучше, чем Хун Мун. А два десятка таких людей, с умом размещенных на кораблях «Благородного Дома», явятся дополнением огромной ценности к могуществу его ложи. Он был очень доволен своими успехами. Набор новых членов в тонг выглядел многообещающе. Все слуги, бывшие Триадами, переданы в его подчинение – ибо нет нужды говорить, что со времени первого появления варваров в Азии все их Слуги отбирались только из числа преданных членов тонга. Следующим шагом Гордон наметил создание гильдии корабельных грузчиков, каждый из которых станет членом тайного братства. Гильдия строительных рабочих уже создавалась. Скоро все рабочие, все китайцы на Гонконге вступят в члены тонга и будут платить взносы – ко славе родной страны и ко всеобщему благу. Да, возбужденно говорил он себе, здесь, на Гонконге, не опасаясь мандаринов, мы станем самой влиятельной ложей во всем Китае. И когда мы выбросим маньчжуров, руководители ложи будут среди первых, кому новый император почтет себя обязанным. Смерть Циням – пусть скорее вернется время наших законных правителей, последней китайской династии Минь. – Когда я могу приступать?

– Завтра.

– Превосходно. Вы можете быть уверены в моей прилежности. – Он слегка поклонился. – Может быть, если вы сочтете это удобным, мне будет позволено

поклониться и засвидетельствовать свое почтение госпоже Тчунг. И детям. Я не видел их уже много месяцев.

– Разумеется, Гордон. Приходи завтра в полдень. Почему бы вам опять не возобновить ваши еженедельные занятия? Думаю, это пошло бы ей на пользу.

– Я бы с радостью согласился. И с удовольствием поговорил бы с детьми. – Гордон извлек из рукава еще два свитка. – Я принес отчет за прошедший месяц по нашему частному соглашению. Не хотите ли ознакомиться с цифрами?

– Да.

Гордон развернул свитки. Один был написан по-китайски, другой по-английски.

– Я счастлив доложить, Тай-Пэн, что первый вклад в десять тысяч долларов принес нам совместную прибыль в шесть тысяч пятьдесят восемь долларов и сорок два цента.

Глаза Струана расширились:

– Это более чем неплохо для одного месяца.

– Я тоже весьма горжусь этим достижением. Наши вклады в землю также оцениваются очень высоко. Они сулят огромную прибыль.

– Но ты же не покупал никакой земли.

– На распродаже участков – нет. Но... э... я скупал землю в поселении Тай Пинь Шан. На прошлой неделе эти приобретения были одобрены... э... управлением по землепользованию. Нам также принадлежат значительные земельные участки вокруг деревни Абердин и у залива Дипуотер Бэй.

– Но их еще не предлагали к распродаже.

– Эти участки... э... принадлежат местным жителям, Тай-Пэн. Я скупил все документы на право владения землей, какие существуют, – по крайней мере, все, о существовании которых я знаю на данный момент.

– Но они утратили законную силу, парень. Вся земля отошла королеве.

– Да. Но, разумеется, предстоит заключить определенные соглашения, которые... э... компенсируют жителям деревни эту потерю. Деревня стоит здесь много лет, и... ну, Корона так великодушна. – Его глаза простодушно смотрели на Струана. – Мистер Кулум, кажется посчитал, что его превосходительство благосклонно отнесется к купчим, которые... э... заверены – кажется, так следует сказать – старейшинами деревни.

Интересно, сколько этой «заверенной» земли не принадлежит и никогда не принадлежало ни деревне, ни кому-то еще, спросил себя Струан.

– Все «наши» купчие «заверены»?

– О, абсолютно, Тай-Пэн. С большой тщательностью. В противном случае они бы не стоили ни гроша, не так ли? – Гордон улыбнулся. – Наши участки записаны на имена... э... наших различных «доверенных лиц», и мы, естественно, никакой землей не владеем в открытую. Нам принадлежит только исходный документ. Передаточные документы на вторые, а также третьи и четвертые лица могут выдержать самую строгую проверку. Здесь я был предельно осторожен.

– Я бы сказал, что в бизнесе тебя ждет большое будущее, Гордон – Он внимательно просмотрел финансовый отчет. – А это что за статья? Две тысячи девятьсот семьдесят восемь долларов?

– Арендная плата за нашу земельную собственность в Тай Пинь Шане.

– Ты сделал ошибку. По твоим датам получается, что этот отчет охватывает период в два месяца, тогда как землей ты владеешь всего месяц.

– Видите ли, "Тай-Пэн, как только китайцы начали селиться на нашей земле в Тай Пинь Шане, я начал брать с них арендную плату. То, что в течение месяца земля формально нам не принадлежала, не должно их заботить. Не так ли?

– Нет, не должно. Только это называется мошенничеством.

– О нет, сэр. Нет, если придерживаться фактов. Прибывающий на остров житель,

естественно, хотел взять в аренду лучший из имеющихся участков. Мы приняли от него аванс – предоставив ему возможность пользоваться этой землей раньше срока под честное слово. Он был счастлив, заплатив «ренту», поскольку всякому ясно, что за аренду земли необходимо платить. Эта сумма фактически является платой за услугу. Я пошел на немалый риск, чтобы эту услугу им оказать. Если бы мне не удалось купить эту землю и дать им таким образом все преимущества долгосрочной аренды, Господи, да они непременно попали бы в лапы ростовщиков, воров и разбойников.

Струан хмыкнул.

– Что ты намерен делать с остальными деньгами?

– Если мне будет позволено воспользоваться вашим терпением, я предпочел бы отложить этот разговор до следующего месяца. Я буду продолжать пользоваться кредитом, который вы были так добры устроить для меня, но всегда с большой осмотрительностью.

Струан свернул свиток и протянул его сыну:

– О нет, Тай-Пэн. Это ваш экземпляр.

– Очень хорошо.

Струан на мгновение задумался. Потом он осторожно заметил:

– Я слышал, китайцы имеют привычку занимать наличные деньги под очень высокие проценты. Я надеюсь, что ни одно из наших капиталовложений не будет использовано подобным образом. – Он в упор посмотрел на Гордона. Последовало длительное молчание. – Ростовщичество – это плохо.

– Одалживание денег людям, которые в них нуждаются, – очень важное дело.

– Под умеренные проценты.

Гордон поиграл концом своей косички.

– На один процент ниже обычного?

– На два.

– Один с половиной было бы очень, очень справедливо.

– Да. Очень справедливо. Ты с умом ведешь дела. Гордон. Возможно, в следующем году я смогу увеличить размеры твоего кредита.

– Я постараюсь добиться наивысшей прибыли, чтобы оправдать ваше решение.

– Уверен, что ты этого добьешься, Гордон, – сказал Струан. Он взглянул на дверь палатки и с удивлением увидел, что к ним спешит главный старшина корабельной полиции.

– Мистер Струан? – Главный старшина сухо отдал честь. – Его превосходительство шлет вам наилучшие пожелания и просит присоединиться к нему на флагмане без промедления.

Струан посмотрел на часы. До назначенного часа еще оставалось время, но он сказал в ответ лишь короткое «конечно».

Глава 4

Лонгстафф стоял спиной к двери и смотрел через окна своей каюты на пакетбот. Струан заметил, что обеденный стол накрыт на четверых. Рабочий стол был завален официальными депешами.

– Доброе утро, Уилл.

– Привет, Дирк. – Лонгстафф повернулся и протянул ему руку. Струан отметил, что сегодня капитан-суперинтендант выглядит особенно свежим и помолодевшим, каким он не видел его уже много месяцев. – Итак, все это крайне любопытно, не так ли?

– Что именно? – спросил Струан, догадываясь, что речь должна идти о русском. Но он не стал лишать Лонгстаффа удовольствия самому сказать ему об этом. К тому

же он хотел услышать его мнение, потому что, хотя Лонгстафф и был чужим человеком в Азии и никуда не годился как капитан-суперинтендант торговли, Струан знал о его поразительной осведомленности в вопросах европейской дипломатии и не раз удивлялся глубине и точности его суждений.

С той самой минуты, как Струан разрешил неожиданно возникшую проблему с Аристотелем и убедился, что Робб благополучно доставил художника на корабль, он не переставал думать о том, что могло заставить русского появиться в этих краях. Он обнаружил, что этот визит странным образом тревожит его, хотя и не смог разобраться почему.

– Вы, конечно, еще не знаете об этом, но у нас появился незваный гость.

– О, и кто же?

– Великий князь, ни больше, ни меньше. Русский Великий князь Алексей Сергеев. Он прибыл с почтовым пакетботом.

Струан изобразил на лице крайнее изумление.

– С чего это мы удостоились такой чести здесь, в Азии?

– Действительно, с чего? – Лонгстафф радостно потер руки. – Он согласился отобедать с нами. Клайв сопровождает его.

Клайв Монсей был заместителем Лонгстаффа как капитан-суперинтенданта торговли. Государственный чиновник по профессии, он, как и Лонгстафф, был назначен на Восток министром иностранных дел. Обычно обязанности Монсея удерживали его в Макао, где Лонгстафф имел свое постоянное представительство.

– Есть также и некоторые весьма любопытные депеши, – сказал Лонгстафф, и в глазах Струана сразу же сверкнул живой интерес. Он знал, что ни в одной из них не может содержаться официального одобрения Договора Чуэн-пи и назначения Лонгстаффа первым губернатором колонии Гонконг, поскольку весть об успешном окончании войны только сейчас должна была достичь Англии.

Струан принял бокал шерри.

– Ближний Восток? – спросил он и затаил дыхание.

– Да. Кризис разрешен, клянусь Богом! Франция приняла план урегулирования, предложенный нашим министром иностранных дел, и угрозы всеобщей войны больше не существует. Турецкий султан так благодарен нам за поддержку, что подписал с нами договор, отменив все ограничения на торговлю с Турцией, по сути, распахнув Оттоманскую империю для Британской торговли.

Струан издал победный клич.

– Клянусь всеми святыми сразу! Это лучшая новость, какую нам довелось услышать за многие и многие нескончаемые дни!

– Я знал, что вы будете довольны, – сказал Лонгстафф.

Затянувшийся кризис, о котором шла речь, касался Дарданелл – пролива, находившегося под контролем турецкой Оттоманской империи. Пролив служил ключом к европейскому Средиземноморью и являлся постоянным casus belli[15] для пяти великих держав: Британии, Франции, России, Австро-Венгрии и Пруссии, поскольку Дарданеллы открывали русским военным кораблям короткий путь в Средиземное море, имевшее жизненно важное значение для безопасности европейских стран, а также обеспечивали военным флотам других стран доступ в Черное море с прямой угрозой уязвимому подбрюшью России. Восемь лет назад Россия принудила Турцию подписать договор, дававший русским совместное с турками господство над проливом, и напряженность в отношениях между пятью странами с тгех пор не ослабевала. Затем, три года назад, Мехмет Али, самонадеянный воин-паша Египта, поддерживаемый французами, выступил в поход

---

[15] Casus belli – повод к войне (лат.).

на Константинополь, объявив себя халифом Оттоманской империи. Франция восторженно приветствовала это выступление и открыто поддержала его в войне с султаном. Но сильный союзник Франции по ту сторону Дарданелл угрожал интересам остальных великих держав, и вся Европа вновь оказалась на грани открытого военного конфликта.

Британский министр иностранных дел лорд Каннигтон убедил правительства великих держав – исключая Францию и даже не проконсультировавшись с ее представителями – использовать свое влияние на стороне султана против Мехмета Али. Французы пришли в ярость и стали угрожать войной. Предложенный Каннингтоном план предполагал отвод войск Мехмета Али в Египет, передачу ему пожизненного сюзеренитета над Сирией, утверждение его как самостоятельного правителя Египта, выплату чисто номинальной ежегодной дани турецкому султану и, самое важное, то, что древнее правило для Дарданелл должно быть гарантировано всеми пятью державами раз и навсегда. Это правило гласило: пока Турция не находится в состоянии войны, пролив остается закрытым для военных кораблей всех стран.

Принятие Францией этих условий и вывод из Турции войск ее египетского союзника сулили «Благородному Дому» несметные богатства. Теперь сложный финансовый механизм, над созданием которого Робб и Струан трудились два года и в который вложили столько средств, начнет работать. По протянутым щупальцам финансовых соглашений их торговое могущество проникнет в самое сердце почти всех крупнейших держав, дав компании возможность без ущерба переждать непрекращающийся кризис в международных отношениях и открыть новые огромные рынки для сбыта чая и шелка. Более того, если британские интересы в настоящее время доминируют в Оттоманской империи, возможно, удастся остановить там производство опиума. Без турецкого опиума, который уравновешивает их затраты в звонкой монете, американские компании вынуждены будут увеличить товарооборот с Британией, и более тесные связи с Америкой, которых добивался Струан, станут реальностью. Да, радостно повторял про себя Струан, сегодня счастливый день. Он был несколько озадачен тем, что Лонгстафф получил официальное сообщение раньше него: обычно информанты Струана в парламенте с большим упреждением извещали его о событиях такой важности.

– Это превосходно, – сказал он.

– Теперь мир установился надолго. Пока Франция не попытается выкинуть еще какой-нибудь фортель.

– Или Австро-Венгрия. Или Пруссия. Или Россия.

– Да. Что приводит нас назад к Сергееву. С какой стати столь значительному лицу при российском дворе появляться в Азии в это время? И как могло случиться, что мы не получили ни официального, ни какого-либо иного уведомления? Когда мы контролируем все морские пути к востоку от Африки?

– Вероятно, он совершает поездку по государственным делам в русскую Аляску и прибыл сюда не со стороны мыса Доброй Надежды.

– Готов поставить сто гиней, что именно это он и скажет, – заявил Лонгстафф. Он удобно расположился в кресле и закинул ноги на стол. – Сергеев имеет большой вес в Санкт-Петербурге. Я жил там в течение пяти лет, когда был еще ребенком, – мой отец служил дипломатом при царском дворе. Дворе тиранов. Весь их род таков. Нынешний царь, Николай I, типичный его представитель.

– А что придает Сергееву такое значение? – спросил Струан, удивленный тем, что за все годы их знакомства Лонгстафф никогда не упоминал о Санкт-Петербурге.

– Их семья владеет огромными землями. К тому же они царские родственники. Если память мне не изменяет, им «принадлежат» десятки тысяч рабов и сотни деревень. Помню, отец как-то говорил, что князь Сергеев – наш должен быть из той

же семьи – входит в ближайшее окружение царя и является одним из самых могущественных людей во всех трех Россиях. Любопытно встретить одного из них – и где? Здесь, подумать только, ну?

– Вы считаете, что Россия собирается предпринять попытку проникнуть в Азию?

– Я бы сказал, что этот человек слишком удобен для этой цели, чтобы все это оказалось простым совпадением. Теперь, когда на Ближнем Востоке восстановлен status quo[16], и вопрос с Дарданеллами решен, хлоп! – откуда ни возьмись выскакивает великий князь.

– Вы полагаете, тут есть связь?

Лонгстафф мягко рассмеялся.

– Ну, мир на Ближнем Востоке начисто перекрывает русским все пути на запад, однако они могут позволить себе посидеть и подождать. Франция так и лезет в драку, то же самое можно сказать о Пруссии. Старый дьявол Меттерних переживает тяжелые времена, пытаясь удержать австрийские владения в Италии, и он взбешен тем, что Франция и Британия помогли бельгийцам основать свое собственное государство за счет голландцев. Грядет серьезный конфликт между Францией и Британией в вопросе об испанском наследстве – испанской королеве двенадцать лет, и скоро ее выдадут замуж. Луи-Филипп прочит ей в мужья своего ставленника, но мы не можем допустить объединения тронов Франции и Испании. Пруссия жаждет расширить сферу своего влияния в Европе, а Франция на протяжении всей своей истории считала это своим исключительным и божественным правом. О да, – добавил он с улыбкой, – Россия может позволить себе подождать. Когда Оттоманская империя развалится, она без всякого шума приберет к рукам все Балканы – Румынию, Болгарию, Бессарабию, Сербию, а также такой кусок Австро-Венгерской империи, какой только сумеет проглотить. Конечно, мы не можем позволить ей этого, следовательно, разразится новая большая война, если только Россия не удовлетворится разумными уступками. Поэтому, с точки зрения русских, Европа на данный момент не представляет для них опасности. Россия оказалась плотно блокированной, но это не имеет никакого значения. Исторически ее политика всегда сводилась к тому, чтобы побеждать хитростью – подкупать лидеров какой-нибудь страны, а заодно и лидеров оппозиции, если таковая имелась. Расширяться за счет «сфер влияния», а не прямыми военными захватами, а затем устранять этих лидеров и переваривать народ в своей утробе. Теперь, когда угрозы с запада нет, я бы решил, что ее взгляд повернется к востоку. Поскольку она тоже считает, что занимает на земле исключительное место, что и она, как Франция или Пруссия, самим Богом назначена править миром. На востоке между нею и Тихим океаном нет ни одной крупной державы.

– Исключая Китай.

– А мы оба знаем, что Китай слаб и беспомощен. Это нам не на руку, не так ли? Слабый Китай и очень сильная Россия, возможно контролирующая его?

– Никак не на руку, – согласился Струан. – Тогда она по своему желанию сможет прижимать и нас. И Индию.

Они замолчали, задумавшись каждый о своем.

– Но зачем посылать сюда такого знатного вельможу? – спросил Струан.

– Чтобы прощупать нас. Если заглянуть в историю, ответ будет ясен. Россия – это вечный рассадник недовольства в соседних государствах, и всегда будет им, пока не решит, где, по ее мнению, пролегают ее естественные границы Она соседствует с Турцией – в Турции беспорядки, она соседствует с Индией – там тоже самое. Она соседствует с Китаем – по крайней мере, насколько мы знаем – значит должна

---

16 Status quo – исходное положение вещей (лат.).

начаться смута и здесь. Сергеев появился, чтобы выяснить, чего мы достигли, как далеко продвинулись. Чем слабее покажется ему Китай, тем больше у них будет причин торопиться с экспансией на восток. Поэтому нам нужно попытаться нейтрализовать российского посланника, сбить его со следа, заставить думать, будто Китай могуществен. Мне понадобится вся ваша помощь. Не могли бы мы пригласить его на бал сегодня?

– Ну, конечно.

– В любом случае, мы должны дать ему понять, что Китай является частной сферой влияния британской короны и что правительство Ее Величества не потерпит здесь ничьего вмешательства.

Мысли Струана быстро перенеслись вперед. Чем глубже будут связи Короны в Азии, тем больше это будет способствовать его генеральному плану – ввести Китай в семью народов как великую державу. Чем сильнее будет Китай, поддерживаемый Англией и ею обученный, тем лучше для мира в целом. Да. И мы не можем допустить вмешательства этих деспотичных русских теперь, когда стоим на пороге успеха.

В дверь постучали, и в каюте появился Клайв Монсей, худощавый человек на середине пятого десятка, спокойный, непритязательный, с жидкими волосами и огромным картофелеобразным носом.

– Ваше превосходительство, – сказал он, – позвольте представить вам его высочество Великого князя Алексея Сергеева.

Лонгстафф и Струан поднялись. Лонгстафф сделал несколько шагов навстречу великому князю и сказал на безупречном русском языке:

– Я счастлив познакомиться с вами, ваше высочество. Проходите, прошу вас, и присаживайтесь. Приятно ли прошло ваше путешествие?

– Изумительно, ваше превосходительство, – ответил Сергеев, не выказав ни малейшего удивления. Он пожал протянутую руку, слегка поклонившись с чрезвычайным изяществом. – С вашей стороны было бесконечно любезно пригласить меня к обеду, тогда как мне можно поставить в упрек известную неучтивость, ибо я не уведомил вас о своем прибытии. Тем более, что визит мой неофициален и даже случаен.

– Значит случай был благосклонен к нам, ваше высочество.

– Я надеялся, что вы окажетесь сыном достойного друга России сэра Роберта. Это поистине счастливое совпадение.

– Да, действительно, – сухо ответил Лонгстафф. – А как здоровье князя, вашего отца? – спросил он, положившись на свою интуицию.

– Рад сообщить, что он в добром здравии. А вашего?

– Он умер несколько лет назад.

– О, простите. Но ваша матушка, леди Лонгстафф?

– Чувствует себя превосходно, благодарю вас.

Струан тем временем рассматривал русского. Сергеев был изящным высоким человеком с широкими плечами и узкими бедрами. Его одежда отличалась богатством и безупречным вкусом. Высокие скулы и странные, чуть-чуть раскосые голубые глаза придавали его лицу несколько необычный вид. У пояса под мундиром он с большой ловкостью носил парадную шпагу. Вокруг шеи, ниже белоснежного галстука на тонкой алой ленте висел скромный знак какого-то ордена. Да, такого человека не станешь задирать по пустякам, подумал Струан. Бьюсь об заклад, он фехтует как дьявол и превращается в сущего демона, если затронута его честь.

– Позвольте представить вам мистера Дирка Струана, – сказал Лонгстафф по-английски.

Князь протянул руку, улыбнулся и добавил тоже по-английски с едва уловимым акцентом:

– А, мистер Струан, рад познакомиться с вами.

Струан пожал протянутую руку и убедился, что у Сергеева стальная хватка.

– Вы имеете передо мной преимущество, ваше высочество, – произнес он с грубоватой прямотой, намеренно выбрав этот тон. – У меня складывается стойкое впечатление, что вы знаете обо мне очень много, тогда как я о вас не знаю ничего.

Сергеев рассмеялся.

– Молва о знаменитом Тай-Пэне «Благородного Дома» докатилась даже до Санкт-Петербурга. Я надеялся, что удостоюсь знакомства с вами. И я с удовольствием побеседую с вами и расскажу о себе, если вам это интересно. – Он улыбнулся Лонгстаффу. – Вы крайне любезны, ваше превосходительство. Уверяю вас, я непременно доложу Его Императорскому Величеству о том теплом приеме, который был оказан мне полномочным представительством Ее Британского Величества. Теперь же, когда я поимел удовольствие встретиться с вами, я спешу откланяться, чтобы не отрывать вас от государственных дел.

– О нет, ваше высочество, прошу вас. Мы надеемся, что вы не откажетесь с нами отобедать. – У Лонгстаффа потеплело на сердце: наконец-то перед ним стояла одна из тех задач, для которых его готовили и которые были ему понятны. – Пожалуйста, не разочаровывайте нас. Вы и сами можете видеть, все это вполне неофициально.

– Что же, благодарю вас. Почту за честь составить вам компанию.

Дверь открылась, и вошел стюард, неся шампанское в ведерке со льдом и наполненные бокалы. Он подошел с подносом к Сергееву, потом к Лонгстаффу, Струану и Монсею.

– За благополучное возвращение домой, – произнес Лонгстафф.

Они выпили.

– Изумительное шампанское, ваше превосходительство. Изумительное.

– Пожалуйста, прошу к столу.

Обед проходил строго по протоколу, без единой неточности. Сергеев сидел по правую руку от Лонгстаффа, Струан – по левую. Стюарды подносили копченые колбасы и устриц, йоркширские окорока, дымящееся, прямо с огня рагу из свежезабитой говядины, жареную ногу ягненка, вареный картофель и квашеную капусту.

– Сожалею, что не могу предложить вам икры, – сказал Лонгстафф.

– Я охотно поделюсь ею с вами, ваше превосходительство, как только прибудет мой корабль. Мы имели несчастье попасть в шторм в проливе Сунда. Корабль дал течь, и лишь с большим трудом нам удалось добраться до вашего порта Сингапура. Почтовый пакетбот уходил с тем же отливом, поэтому я купил место на его борту.

И тем самым не дал нам заранее узнать о своем приезде, подумал Лонгсгафф. Пролив Сунда означал путешествие через мыс Доброй Надежды. Что у него, черт побери, за планы?

– Я слышал, климат Сингапура неблагоприятен в это время года, мистер Струан, – говорил между тем Сергеев.

– Да, это так, – ответил Струан. – Это ваша первая поездка в Азию, ваше высочество?

– Да.

– Что ж, может быть, нам удастся сделать ваше пребывание здесь приятным. Сегодня вечером я даю бал. Я почту за честь, если вы примете мое приглашение. Это даст вам возможность познакомиться сразу с нашим обществом.

– Вы очень любезны.

– Как долго вы рассчитываете пробыть здесь?

– Только до тех пор, пока не прибудет мой корабль. Я совершаю неофициальную поездку в наши владения на Аляске.

– А ваш корабль сильно пострадал?

– Даже и не знаю, мистер Струан. Я не слишком хорошо разбираюсь в таких вещах. Он проследует сюда сразу же, как только это станет возможным.

– Значит вам понадобится жилье, – заключил Струан, подозревая, что Сергеев разбирался, и очень хорошо, в «таких вещах», а «непригодность» его корабля к морскому плаванию являлась для него удобным способом изменять по своему желанию длительность своего пребывания на Гонконге. Интуиция также подсказывала Струану, что Сингапур был первым портом, где русские остановились на пути из Санкт-Петербурга. – Мы будем счастливы предоставить вам каюту на одном из наших судов, постоянно стоящих в гавани. Не обещаю, что она будет очень роскошной, но мы приложим все силы, чтобы вам было удобно.

– Это в высшей степени любезно с вашей стороны. Нас всего пятеро: я сам и четверо слуг. Они могут спать где угодно.

– Я позабочусь, чтобы им нашлось место. А, благодарю вас, – сказал Струан стюарду, наполнившему его пустой бокал. – У вас четырехмачтовый бриг?

– Трех.

– Я сам предпочитаю трехмачтовики. Они гораздо послушнее в открытом море. И рифы на парусах брать легче. Ваш несет брамсели и бом-брамсели?

– Кажется, там достаточно парусов, мистер Струан. Как бы они ни назывались.

Струан уловил короткое, в долю секунды колебание перед ответом и понял, что Сергеев моряк. Да, но с какой стати ему это скрывать?

– Я слышал, ближневосточный кризис наконец-то разрешен, – сказал Сергеев, меняя тему.

– Действительно, – ответил Лонгстафф. – Известие об этом прибыло сюда с пакетботом.

– Большая удача. Франция проявила редкое благоразумие, отказавшись от своей воинственной позиции.

– Значение Дарданелл для Британии очевидно, – кивнул Лонгстафф. – Поддержание мира там послужит на благо всем нам.

– Жаль, что Франция и Пруссия, видимо, уверили себя в обратном. Да и Габсбурги тоже. Британия и Россия – традиционные союзники, и их интересы во многом совпадают. Я рад, что в будущем нам предстоит более тесное сотрудничество.

– Да, – вежливо согласился Лонгстафф. – Конечно, Париж очень близко от Лондона.

– Ну разве не достойно сожаления го, что этот славный город постоянно оказывается под пятой самых несуразных правителей? – подосадовал Сергеев. – Прекрасный народ, прекрасный. И, однако, все его вожди неизменно преисполнены самого губительного тщеславия и жаждут, как видно, только одного – разодрать мир в клочья.

– Крупнейшая проблема нашего времени, ваше высочество. Европа, и как обуздать тщеславие ее властителей. Конечно, в Британии мы, по счастью, имеем парламент, и британскую мощь уже не бросают в бой по прихоти одного человека.

– Согласен. Это великий и славный эксперимент, отвечающий превосходным качествам вашей державы, сэр. Но он подходит не для всех стран. Кажется, еще древние греки пришли к выводу, что наиболее совершенной формой правления является благонамеренная диктатура, нет? Власть одного человека?

– Благонамеренная, да. Но при этом выборная. Не диктатура по божественному праву.

– Кто возьмется утверждать, с абсолютной уверенностью, что божественного права не существует?

– О, ваше высочество, – ответил Лонгстафф, – никто не ставит под сомнение существование Бога. Речь идет лишь о праве короля делать, что он пожелает и когда

пожелает, не спросив мнения народа. История Англии знает длинную череду «божественных» монархов, которые, как выяснилось впоследствии, отнюдь не были непогрешимы. Народу очень трудно переносить ошибки правителей. Вы не находите? Столь многим приходится расплачиваться за них своей кровью.

Сергеев весело хмыкнул.

– Мне очень нравится юмор англичан. – Он взглянул на Струана: – Вы, кажется, шотландец, мистер Струан?

– Да. Британец. В наши времена уже не существует разницы между шотландцами и англичанами. – Он сделал глоток вина. – Мы устали красть их коров и овец. Решили, что уж лучше сразу украсть всю страну. Поэтому оставили Шотландию и перебрались на юг.

Все дружно рассмеялись и выпили еще. Лонгсгаффа забавляло то, что Монсей, выбитый из колеи грубоватым добродушием Струана, не проронил за столом ни слова.

– А что думаете по этому поводу вы, мистер Струан? – спросил Сергеев. – Могли бы вы управлять «Благородным Домом», имея под рукой «парламент», с которым постоянно приходится бороться?

– Нет, ваше высочество. Но я вовлекаю в конфликт – в соперничество – с другими торговцами только компанию. Я рискую только собой и своим торговым домом. А не жизнью других людей.

– И, однако, сейчас у вас война с Китаем. Именно потому, что язычники набрались безрассудства мешать вашей торговле. Разве это не так?

– Отчасти. Разумеется, решение объявить войну едва ли было моим.

– О, конечно. Я говорю о том, что вы один имеете исключительное право управлять крупным торговым концерном и что это действенный способ добиться успеха. Власть одного. Это разумно для компании, флота, страны.

– Пожалуй. При условии, что вы действительно добиваетесь успеха, – ответил Струан, сводя все к шутке. Затем добавил уже серьезно: – Возможно, в настоящем парламентская система и не подходит для России – и некоторых других стран, – но я убежден, что земля никогда не будет жить в мире, пока все народы не примут английскую парламентскую систему, пока каждый человек не получит право голоса и пока кто-то один будет распоряжаться судьбой целого государства – по божественному ли праву или по праву, дарованному ему глупым голосованием глупых избирателей.

– Согласен, – кивнул Сергеев. – Ваше предположение верно. Но в нем есть один большой недостаток. Вы подразумеваете просвещенное население земли, когда каждый получает образование наравне со всеми и, как и все, преуспевает, что, конечно же, невозможно, не так ли? Вам следовало бы проехать по России, чтобы увидеть своими глазами, насколько это невозможно. И вы совершенно не принимаете в расчет национальные чувства и различия в вере. Если бы вы добавили «пока все народы не станут христианскими», тогда, возможно, вы. были бы правы. Но как вы представляете себе французского католика, живущего в согласии с английским протестантом? Или русскую ортодоксальную церковь – с испанскими иезуитами? Или всех их вместе взятых – с ордами мусульманских нехристей, а тех в свою очередь – с несчастными евреями, а тех – с идолопоклонниками и язычниками?

Струан сделал глубокий вдох.

– Я рад, что вы задали этот вопрос, – сказал он и решительно умолк.

– Я вижу, впереди нас ждет много интересных бесед, – с легкостью подхватил разговор Лонгстафф. – Чай, ваше высочество? Через час назначен боксерский поединок. Если вы не слишком утомлены дорогой, возможно вы захотите посмотреть его. Бой обещает быть весьма захватывающим. Флот против армии.

– О, с большой охотой, ваше превосходительство. На кого вы ставите в этой

схватке? Я поставлю на противную сторону.

– Гинея – на флот.

– Идет.

После обеда был подан чай и сигары, и через некоторое время Монсей проводил великого князя на пакетбот. Лонгстафф отпустил стюардов.

– Я думаю, один из наших фрегатов должен немедленно нанести «случайный» визит в Сингапур, – сказал он Струану.

– Я подумал о том же, Уилл. Он моряк, я в этом уверен.

– Да. Это вы тонко разыграли, Дирк. – Лонгстафф покрутил в руках чашку. – И он производит впечатление на редкость хитрого и осмотрительного человека. Такой, вероятно, будет крайне осторожен в отношении всякого рода официальных бумаг.

– Я пришел к тому же выводу.

– Я с удовольствием вспоминаю о времени, проведенном в Санкт-Петербурге. За исключением долгих часов учебы. Мне пришлось учиться читать и писать по-русски, помимо, разумеется, занятий французским. Русский – очень трудный язык.

Струан налил чаю им обоим.

– Вас ведь никогда не привлекали боксерские поединки, не правда ли, Уилл?

– Нет, не привлекали. Думаю, я просто провожу его на берег и вернусь назад. Спокойно вздремну в одиночестве. – Лонгстафф сухо рассмеялся: – Подготовлюсь к вечерним празднествам, ну?

Струан поднялся.

– А я должен поразмыслить над тем, как мне со своей стороны вернее заронить в его душу семена обеспокоенности, чтобы увидеть потом дружные всходы.

Пока стюарды убирали со стола, Лонгстафф лениво разглядывал темные чайные листья на дне своей чашки.

– Нет, – произнес он, показывая жестом, чтобы и чашку, и чайник ему оставили. – И проследите, чтобы меня не беспокоили. Зайдите ко мне через час.

– Слушаюсь, сэр.

Он подавил зевок, в каюте стало тихо, и приятные мысли неспешной чередой потянулись в его голове. Чес-с-слово, это замечательно, что Сергеев здесь. Теперь можно немного насладиться жизнью. Поупражняться в парировании и нанесении уколов в тонкой дипломатической беседе. Исследовать ум этого русского – вот чем непременно следует заняться. Забыть на время нескончаемые заботы колонии, этих чертовых торговцев и проклятого императора с его языческим отребьем, черт бы побрал всю эту шайку разбойников.

Он прошел в свою личную каюту и удобно улегся на постель, закинув руки за голову. Как это там Дирк сказал? Ах да, семена обеспокоенности. Это он удачно выразился. Какие же семена можем мы посеять? Сдержанно-мрачные намеки на могущество Китая? На неисчислимость его жителей? На то, что правительство Ее Величества может аннексировать всю страну в случае вмешательства любой из держав? На сложности торговли опиумом? Чаем?

Над его головой раздался топот ног: сменялась вахта; на палубе начал репетицию оркестр морской пехоты. Он снова зевнул и удовлетворенно закрыл глаза. Нет ничего лучше, чем короткий сон после обеда, сказал он себе. Благодарение Господу, я джентльмен – не приходится ковыряться в земле, сажая настоящие семена, как какому-нибудь вонючему крестьянину или грязному фермеру. Черт, ты только вообрази себе – работать руками весь день! Сажать всякую всячину, потом выращивать. Кругом навоз хлюпает. От одной мысли обо всем этом в дрожь бросает. Сеять семена в дипломатии не в пример важнее, и это действительно работа для джентльмена Так, на чем я там остановился? Ах да. Чай. Жизнь, наверное, была просто невыносимой до того, как у нас появился чай. Абсолютно несносной. Не могу понять, как люди вообще могли существовать без чая. Жаль, что он не растет в

Англии. Это избавило бы нас от многих хлопот.

– Господи милосердный! – вырвалось у него, и он, выпрямившись, сел на постели. – Чай! Ну конечно же, чай! Сколько лет он был у тебя под самым носом, а ты даже не замечал его! Ты гений! – Он пришел в такое возбуждение от только что зародившейся мысли, что вскочил с койки и станцевал джигу. Облегчившись в ночную вазу, он вернулся в главную каюту и сел за рабочий стол, чувствуя, как колотится сердце. Теперь ты знаешь способ, как положить конец этому британо-китайскому кошмару, заключавшемуся в шаткости сложившегося баланса чай-серебро-опиум. Ты знаешь, говорил он себе, потрясенный и изумленный простотой и гениальностью той идеи, которую подсказала ему прощальная шутка Струана.

– О Боже мой, Дирк, – произнес он вслух, фыркнув от смеха, – если бы ты только знал. Ты своими руками перерубил сук, на котором сидишь вместе со всеми Китайскими торговцами. Подарив Британии славу, а мне – Бессмертие!

Да, именно так. Однако тебе лучше держать язык за зубами, предостерег он себя. У стен есть уши.

Идея была удивительно проста: уничтожить монополию Китая на чай. Купить, выпросить или украсть – разумеется, под большим секретом – тонну семян чайного куста. Тайком перевезти их в Индию. Там можно найти десятки районов, где чай будет прекрасно расти. Десятки. И еще при моей жизни у нас появятся богатейшие плантации – мы станем выращивать свой собственный чай на своей земле. Обеспечив себя чаем, мы больше не будем нуждаться ни в серебре, ни в опиуме, чтобы расплатиться за него с китайцами. Прибыль, от торговли индийским чаем быстро уравняется, а потом превысит и вдвое, и втрое прибыль от продажи индийского опиума, так что тут мы ничего не теряем. Мы будем выращивать лучший чай в мире и будем продавать его всему миру. Короне от этого прямая выгода, ибо доходы от чая возрастут фантастически: ведь мы, вне всякого сомнения, будем выращивать его и дешевле, и лучше – британский подход, сметка и все такое! – а цена у нашего чая будет ниже, чем у китайских сортов. И, кроме этого, мы поднимем свой моральный престиж в глазах всего мира, положив конец торговле опиумом. Проклятые контрабандисты окажутся не у дел, ибо, лишив их этого чертова зелья, какой пользы можно от них ожидать; поэтому опиум мы сможем объявить вне закона. Индия от этого выигрывает невероятно. Китай тоже выигрывает, потому что прекратится контрабандный ввоз опиума, а свой чай китайцы и так прекрасно потребляют.

А ты, Уильям Лонгстафф – единственный человек, который в состоянии осуществить этот план – ты удостоишься великих почестей. При самом скромном везении – герцогский титул, предложенный благодарным парламентом, ибо ты и только ты разрешишь неразрешимое.

Но кому я могу доверять настолько, чтобы поручить достать семена чая? И как уговорить китайцев продать их? Они, разумеется, сразу же догадаются о последствиях. И кому доверить перевозку семян? Ни к одному торговцу обратиться нельзя – стоит им только заподозрить что-нибудь подобное, как они тут же мне все испортят! И как теперь привлечь на свою сторону вице-короля Индии, чтобы он не присвоил себе всю заслугу в этом деле?

Глава 5

Когда два соперника и их секунданты поднялись на ринг, устроенный рядом с флагштоком на Глессинг Пойнте, вся огромная масса зрителей замолчала, затаив дыхание.

Оба бойца были шести футов роста – огромные парни немногим старше

двадцати лет с суровыми лицами. Голова у каждого была гладко выбрита, чтобы противники не смогли схватить друг друга за волосы. И когда они сняли свои грубые рубахи, все увидели одинаково могучие торсы с буграми стальных мускулов и на спинах у обоих старые шрамы, оставленные плеткой-девятихвосткой. Противники были достойны друг друга, и каждый понимал, что ставка высока. Адмирал и генерал лично проследили за отбором бойцов и предупредили их, что ждут только победы. Честь целого вида вооруженных сил легла на их плечи и вместе с нею все сбережения их товарищей. Победитель мог рассчитывать на завидное будущее. Для побежденного будущего не будет вообще.

Генри Харди Хиббс пролез под единственным канатом и встал в центре ринга, где мелом был отмечен квадратный ярд.

– Ваше превосходительство, ваше высочество, милорды и ваши милости, – начал он. – Бой до победы. В этом углу – боцман Джем Грам от королевского флота...

Раздался гром приветственных криков из толпы моряков с восточной стороны ринга и свист и улюлюканье из плотных рядов английских и индийских солдат с западной. Лонгстафф, великий князь, адмирал и генерал сидели в креслах на почетных местах у северной стороны, их окружал караул отборных морских пехотинцев, застывших с бесстрастными лицами. За спиной великого князя стояли два его телохранителя в ливреях, вооруженные и настороженно посматривающие по сторонам. Струан, Брок, Купер, Тиллман, Робб, Торт и все тай-пэны сидели у южной стороны ринга. Позади них теснились торговцы рангом пониже, а также морские и армейские офицеры – все они энергично работали локтями, чтобы пробиться поближе. А поодаль с каждой минутой росла толпа китайцев, высыпавших на берег из лачуг Тай Пинь Шана, они весело переговаривались между собой, смеялись и ждали.

– А в этом углу – представляющий армию Ее Величества сержант Билл Тинкер...

И вновь голос его потонул в буре криков. Хиббс воздел руки, и его грязный сюртук отделился от шарообразною брюшка. Когда подбадривания и насмешка стихли, он выкрикнул:

– Лондонские правила для призовых схваток: каждый раунд кончается с падением одного из участников; перерыв между раундами тридцать секунд, и после гонга дается еще восемь секунд на то, чтобы боец вышел к черте и встал у нее; удары ногами, головой и ниже пояса запрещаются, а также тычки пальцем в глаз. Тот, кто не выйдет из своего угла или чьи секунданты выбросят полотенце, считается побежденным.

Он с важным видом сделал знак секундантам, которые осмотрели кулаки соперников, чтобы убедиться, что они смазаны соком грецкого ореха, как то полагалось, и в них не спрятан камень, а потом проверили, чтобы на подошвах их бойцовских ботинок было не больше трех положенных шипов.

– А теперь пожмите руки, и да победит сильнейший!

Боксеры вышли на центр ринга. Их плечи подрагивали от едва сдерживаемого нетерпения, брюшные мышцы напряглись и стали твердыми, как камень, ноздри раздувались... в нос каждому ударил тяжелый кислый запах пота соперника.

Они встали на линию и коснулись рук друг друга. Затем сжали гранитные кулаки и замерли в напряженном ожидании, все их рефлексы обострились до предела.

Хиббс и секунданты нырнули под канат и оставили ринг.

– Ваше высочество? – сказал Лонгстафф, предоставляя честь Сергееву.

Великий князь встал с кресла и подошел к корабельному колоколу, установленному рядом с рингом. Он сильно ударил в него, и режущий уши звон прокатился по пляжу.

Едва лишь раздался звук колокола, боксеры на ринге заработали кулаками. Их ноги – носки строго на линии – словно вросли в землю, похожие на корни могучих

дубов. Костяшки кулака Грама врезались в лицо Тинкера, оставив за собой кровавый рубец, а кулак Тинкера яростно влип в живот Грама. Они беспрерывно молотили друг друга, подстегиваемые ревом голосов, а также своей собственной злобой и ненавистью. Их бой был лишен всякого искусства, ни один даже не пытался уклониться от ударов.

Восемь минут спустя их тела сплошь покрывали багровые синяки, лица были в крови. У обоих были сломаны носы, костяшки пальцев ободрались и осклизли от пота и крови. Противники жадно ловили ртом воздух, их груди вздымались, как кузнечные мехи, рты у обоих наполнились кровью. На девятой минуте Тинкер обрушил на боцмана чудовищный хук правой, который попал Граму в горло и повалил его. Раздались радостные крики солдат и громкие проклятия матросов. Грам вскочил на ноги вне себя от гнева и боли и бросился на своего врага, забыв, что первый раунд закончился, забыв обо всем на свете, кроме того, что он должен убить этого дьявола. Он обхватил Тинкера за шею, и в следующий миг оба бойца, сцепившись, уже пинали друг друга ногами и выдавливали глаза, а армия вопила: «Неправильный удар!» Секунданты бросились на ринг и попытались растащить дерущихся. Между солдатами и матросами, а также их офицерами едва не началась потасовка.

– Клянусь Господом, – прокричал Глессинг, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Этот ублюдок ткнул нашего человека пальцем в глаз!

– А кто затеял всю эту свару, клянусь Богом? Раунд-то закончился! – вспылил майор Тернбул, положив руку на эфес сабли. Этот подтянутый тридцатипятилетний офицер был главным магистратом Гонконга. – Вы, значит, думаете, что если вас назначили начальником гавани, это сразу дает вам право прикрывать запрещенный удар?

– Нет, клянусь Богом! Но только не пытайтесь привнести все величие вашей должности в неофициальные дела. – Глессинг повернулся к нему спиной и начал протискиваться через толпу.

– Хэллоу, Кулум!

– Хэллоу, Джордж. Отличный бой, не правда ли?

– Ты видел, как этот ублюдок ткнул нашего человека пальцем в глаз?

– По-моему, и его глазу тоже досталось, разве нет?

– Не в этом дело, клянусь Богом!

В этот момент полминуты истекли, и бойцы вновь бросились друг на друга.

Второй и третий раунды были почти такими же длинными, как первый, и зрители знали, что ни один человек не в состоянии долго выносить такую пытку. В четвертом раунде размашистый хук левой достал сержанта пониже уха, и он рухнул на парусину. Звякнул колокол, и секунданты подхватили своего подопечного. Через безжалостно короткие полминуты отдыха солдат встал на линию, обрушил на матроса град ударов, потом обхватил его за грудь и со страшной силой швырнул наземь. Затем снова в угол. Следующие короткие тридцать секунд. – и опять в бой.

Раунд за раундом. Выигрывая по числу падений, проигрывая по числу падений.

В пятнадцатом раунде кулак Тинкера дотянулся до сломанного носа Грама. В голове боцмана полыхнул взрыв, ослепив его, он закричал от боли и в панике бешено замолотил руками. Его левый кулак попал в цель, взгляд на мгновение очистился, и он увидел, что его противник раскрылся и тупо топчется на месте, услышал заполнивший весь мир рев голосов, радостных и негодующих, услышал его совсем рядом и при этом словно издалека. Грам выбросил вперед свой правый кулак, стиснув его так, как никогда еще не стискивал. Он увидел, как этот кулак врезался в живот сержанта. Его левая пошла сбоку, обрушилась на лицо противника, и он почувствовал, как какая-то маленькая косточка в его руке вдруг хрустнула, и потом перед ним уже никого не стало. В который раз до него долетело ненавистное звяканье колокола, чьи-то руки подхватили его, кто-то сунул в его разбитый рот

горлышко бутылки, он глубоко глотнул обжигающую жидкость, тут же изверг ее обратно, только уже красную от крови, и прохрипел: «Какой раунд, приятель?», и кто-то ответил ему: «Девятнадцатый», и он поднялся на ноги, чтобы еще раз дотащиться до линии, где его опять будет ждать противник, причиняющий ему дикую боль, убивающий его, а он должен выстоять и победить или умереть.

– Здорово дерутся, а, Дирк? – проревел Брок, перекрывая общий шум.

– Да.

– Может, передумаешь и поставишь-таки?

– Нет, спасибо, Тайлер, – ответил ему Струан, преклоняясь в душе перед мужеством бойцов. Оба находились на пределе своих сил, оба были зверски избиты. Левая рука Грама почти не служила ему, у Тинкера заплыли оба глаза, и он едва мог видеть. – Не хотел бы я встретиться с одним из них на ринге, клянусь Богом!

– Да, в храбрости они никому не уступят! – Брок рассмеялся, показав сломанные коричневые зубы. – Кто выиграет бой?

– Выбирай сам. Но готов поспорить, что они не сдадутся до конца, и выброшенных полотенец мы сегодня не увидим.

– Это верно, клянусь Богом!

– Двадцать четвертый раунд, – нараспев объявил Хиббс, и бойцы тяжело шагнули к центру ринга, с трудом переставляя будто налитые свинцом ноги, и возобновили схватку. На ногах их удерживала единственно сила воли. Тинкер нанес левой чудовищный удар, который свалил бы быка, но его кулак скользнул по плечу Грама, и сержант поскользнулся и упал. Флот восторженно закричал, а армия зарычала в бешенстве, когда секунданты отнесли солдата в его угол. Тридцать секунд истекли, и армия, затаив дыхание, наблюдала, как Тинкер ухватился за канат и начал поднимайся на ноги. Вены у него на шее вздулись от напряжения, но он все-таки поднялся и, пошатываясь, вернулся на линию.

Струан почувствовал на себе чей-то взгляд и, обернувшись, увидел великого князя, который знаком подозвал его к себе. Он начал проталкиваться к нему вокруг ринга, напряженно размышляя, сумел ли Орлов, которого он послал «помочь» переезду великого князя на плавучий склад, перехитрить слуг и обнаружил ли он какие-нибудь интересные бумаги.

– Вы выбрали победителя, мистер Струан? – спросил Сергеев.

– Нет, ваше высочество. – Струан посмотрел на адмирала и генерала. – Оба бойца делают честь вашим родам войск, джентльмены.

– Боец от флота полон мужества, клянусь Богом, замечательно, – добродушно произнес генерал, – но, я думаю, у нашего человека хватит сил выстоять.

– Нет. Наш боец будет тем парнем, который выйдет на линию последним. Но, клянусь Богом, ваш сержант хорош, милорд. Он сделает честь любому командиру.

– Почему бы вам не присоединиться к нам, мистер Струан? – предложил Сергеев, показывая на свободное кресло. – Возможно, вы могли бы объяснить мне некоторые тонкости призовой схватки?

– С вашего позволения, джентльмены, – вежливо проговорил Струан, садясь в кресло. – А где же его превосходительство?

– Он рано ушел, клянусь Богом, – ответил генерал. – Что-то связанное с депешами. Колокол прозвонил снова. Сергеев неуютно пошевелился в кресле.

– А каково наибольшее количество раундов, отмечавшееся за один поединок?

– Я видел бой Берка с Бирном в тридцать третьем году, – коротко сказал адмирал. – Девяносто девять раундов. Клянусь кровью Христовой, это была королевская схватка. Фантастическое мужество! Бирн потом скончался от полученных ударов. Но он так и не сдался.

– Ни один из этих двух тоже не сдастся… они оба так избиты, что уже ничего не соображают, – сказал Струан. – С нашей стороны было бы неразумно дожидаться,

когда умрет один из них – или оба, – как вы считаете, джентльмены?

– Остановить бой? – недоверчиво спросил князь.

– Суть поединка состоит в том, чтобы испытать силу и мужество двух человек, поставив их лицом к лицу, – продолжал Струан. – Они оба одинаково сильны и одинаково храбры. По-моему, оба доказали, что не зря были выбраны для такой схватки.

– Но тогда у вас не будет победителя. Это, конечно же, несправедливо, слабовольно и ничего не доказывает.

– Несправедливо убивать мужественного человека, да, – спокойно возразил Струан. – Только мужество позволяет им еще держаться на ногах. – Он повернулся к остальным: – В конце концов, они оба англичане. Сохраните их для настоящего врага.

Неожиданный взрыв радостных криков отвлек адмирала и генерала, но не Сергеева.

– Это звучит почти как вызов, мисгер Струан, – сказал он, улыбаясь с убийственным спокойствием.

– Нет, ваше высочество, – любезно ответил Струан, – это просто факт. Мы уважаем мужество, но в данном случае победа менее важна, чем сохранение их человеческого достоинства.

– Что скажете, адмирал? – Рутледж-Корнхилл повернул голову в его сторону. – В словах Струана есть свой смысл, а? Какой у нас теперь раунд? Тридцать пятый?

– Тридцать шестой, – ответил Струан.

– Скажем, мы ограничим схватку пятьюдесятью. Кто-то из них должен упасть до того времени – невозможно столько продержаться на ногах. Но если они оба смогут встать на линию в пятьдесят первом раунде, мы бросаем полотенца вместе, идет? Объявим поединок ничейным. Хиббс может огласить это решение.

– Я согласен. Но ваш человек столько не протянет.

– Еще сотня гиней на то, что протянет, клянусь Богом!

– Идет!

– Хотите пари, мистер Струан? – предложил князь, когда адмирал и генерал сердито отвернулись и замахали Хиббсу: – Называйте сумму и выбирайте бойца.

– Вы наш гость, ваше высочество, поэтому выбирать первым – ваша привилегия. Если, только вас устроит заклад: один вопрос – проигравший ответит на него сегодня вечером в частной беседе. Искренне, как перед Богом.

– Что за вопрос? – медленно спросил Сергеев.

– Любой вопрос, который захочет задать победитель.

Великий князь испытывал огромное искушение принять вызов, с другой стороны, его пыл охлаждали серьезные опасения. Риск был непомерно велик, но ему казалось, что игра стоит свеч. Он очень многое хотел бы узнать от Тай-Пэна «Благородного Дома».

– Идет!

– Кто ваш боец?

Сергеев без промедления указал на боцмана Грама.

– Я поставлю свою честь на него! – И он тут же закричал моряку: – Прикончи его, клянусь Богом!

Раунды шли один за другим. Сорок третий. Сорок четвертый. Сорок пятый. Сорок шестой. Сорок седьмой. Сорок восьмой Сорок девятый. Теперь уже и зрители обессилели почти так же, как сами участники схватки.

Наконец солдат упал. Он рухнул, как подрубленный дуб, и звук его падения далеко разнесся по пляжу. Боцман, пьяный от боли, все еще слепо размахивал руками, безуспешно отыскивая противника. Потом упал и он, оставшись лежать так же неподвижно. Секунданты оттащили бойцов каждого в свой угол, тридцать секунд

миновали, и армия во всю глотку закричала своему человеку, чтобы он вставал, а генерал колотил ладонью по парусине ринга и с раскрасневшимся лицом взывал к Тинкеру: «Вставай, ну, ради Бога, вставай, парень!» Адмирал побагровел, когда Грам заставил себя подняться, и, шатаясь, встал в своем углу. «На линию, парень, давай на линию!» Струан подбадривал сержанта, а великий князь во весь голос, путая английские слова с русскими и французскими, кричал матросу, чтобы тот шел к линии в центре ринга.

Каждый из боксеров знал, что его противник побежден. Оба кое-как дотащились до линии и стояли там, раскачиваясь, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Наконец оба подняли руки и попытались нанести удар. Но силы окончательно покинули их. Оба упали.

Последний раунд.

Толпа безумствовала, потому что было совершенно очевидно, что ни один из бойцов не сможет через полминуты оставить свой угол и вернуться на линию.

Звякнул колокол, и над пляжем повисла пронзительная тишина. Противники с трудом поднялись на ноги, уцепились за канат и, шатаясь, стояли каждый в своем углу. Моряк всхлипнул и сделал первый мучительный шаг к линии. Потом, после целой вечности, во время которой все следили за ним, затаив дыхание, другой. Солдат все еще стоял в своем углу, дрожа, раскачиваясь, едва не падая. Но вот его нога, описав высокую дугу, передвинулась вперед, и раздался сумасшедший рев: понукания, подбадривания, просьбы, молитвы, проклятия – все слилось в один общий ураган человеческих страстей, когда оба соперника стали дюйм за дюймом продвигаться к цели. Вдруг солдат беспомощно покачнулся, едва не потерял равновесие, и генерала чуть было не хватил удар. В следующую секунду моряка, как пьяного, повело в сторону, и вот уже адмирал закрыл глаза и зашептал молитву, по лицу его струился пот.

Пляж превратился в ад кромешный, когда оба бойца встали на линию и полотенца полетели через канат. И только когда на ринге началось столпотворение, и люди запрыгали вокруг них, соперники по-настоящему поняли, что схватка закончена. И только тогда позволили они себе погрузиться с головой в пучину кошмарной боли, не представляя, кто из них победитель, кто побежденный, сон это или явь, живы они или мертвы – зная только одно: они сделали все, что могли.

– Клянусь бородой святого Петра, – произнес великий князь. Он охрип и говорил с трудом, его одежда взмокла от пота. – Вот это был поединок!..

Струан, тоже покрытый потом и обессилевший, вытащил плоскую фляжку и подал ее князю. Сергеев запрокинул голову и сделал большой глоток рома. Струан выпил вслед за ним и передал фляжку адмиралу, который протянул ее генералу, и они вместе опорожнили ее.

– Кровь господня, – хрипел Струан. – Кровь господня.

Глава 6

Солнце уже опустилось ниже гор. но гавань еще купалась в золотистом свете. А Сам отняла бинокль от глаз и встревоженно засеменила к дому от потайного отверстия в стене сада. Она пробежала между грудами камней и огромными кучами земли, которые скоро станут настоящим садом, и торопливо проникла через дверь в гостиную.

– Мать! Лодка Отца подходит к берегу, – сказала она. – О-ко, он выглядит таким сердитым.

Мэй-мэй перестала подшивать нижнюю юбку своего бального наряда.

– Он прибыл с «Китайского Облака» или с «Отдыхающего Облака»?

– С «Отдыхающего Облака». Вам лучше самой посмотреть.

Мэй-мэй схватила бинокль, выбежала в сад, нашла крошечное зарешеченное окошко в стене и стала разглядывать море у берега. Она поймала Струана в фокус. Он сидел посередине баркаса, на корме за его спиной трепетал на ветру «Лев и Дракон». А Сам была права. Он действительно выглядел очень сердитым.

Она закрыла отверстие смотрового окошка маленькой ставенкой, закрепила ее и бегом вернулась назад. – Приберись тут и смотри, чтобы все было хорошо спрятано, – распорядилась она. И когда А Сам небрежно сгребла в охапку бальное платье и юбки, она больно ущипнула ее за щеку. – Не помни их, сладкоречивая потаскушка. Они стоят целое состояние. Лим Дин! – пронзительно выкрикнула она. – Быстро приготовь Отцу ванну и проследи, чтобы чистая одежда для него была аккуратно сложена, да не забудь ничего. Ах да, смотри, чтобы ванна была горячей, если не хочешь нажить неприятностей. Положи новый кусок душистого мыла.

– Да, Мать.

– И берегись. Похоже, что гнев Отца ступает впереди него!

– О-ко!

– Вот тебе и о-ко! Все должно быть готово к приходу Отца, или вы оба отведаете кнута. И если что-нибудь помешает моему плану, вас обоих ждут тиски для пальцев, и я сама буду пороть вас до тех пор, пока у вас глаза не вывалятся. Убирайтесь!

А Сам и Лим Дин бросились исполнять ее приказания. Мэй-мэй прошла в свою спальню и спрятала все следы своей работы. Она взяла флакон духов, открыла его, коснулась пробкой за ушами и постаралась успокоиться. О Господи, думала она, мне совсем не нужно, чтобы он был в плохом настроении сегодня вечером.

Струан раздраженно приблизился к воротам в высокой стене. Он протянул было руку к дверной ручке, но дверь распахнулась сама собой, и он увидел сияющего Лим Дина, который приветствовал его низким поклоном.

– Класивый этот закат есть, хейа, масса?

Струан лишь что-то угрюмо буркнул в ответ.

Лим Дин запер ворота и стремглав бросился к парадной двери дома, где улыбнулся еще шире и поклонился еще ниже.

Струан механически взглянул на корабельный барометр, висевший на стене в холле. Барометр был укреплен на шарнире, и тонкий, заключенный в стекло столбик ртути показывал успокоительные 29, 8 дюйма, «ясно».

Лим Дин мягко прикрыл входную дверь, засеменил по коридору впереди Струана и открыл дверь в спальню. Струан вошел в комнату, пинком захлопнул дверь и запер ее на засов. Глаза Лим Дина закатились под лоб. Он постоял несколько секунд, приходя в себя, затем исчез на кухне.

– Сегодня кто-то получит порку, – тревожно прошептал он А Сам. – Это так же неизбежно, как смерть и вымогательство.

– Можешь не беспокоиться из-за нашего варварского дьявола-Отца, – зашептала в ответ А Сам. – Я готова поспорить на твое жалованье за следующую неделю, что через час он у Матери заворкует, как голубок.

– Идет!

У двери появилась Мэй-мэй.

– О чем это вы тут шептались, бездомные шелудивые собаки и нерадивые рабы? – прошипела она.

– Мы просто молились, чтобы Отец не рассердился на нашу бедную, дорогую, прекрасную Мать, – ответила А Сам, захлопав ресницами.

– Тогда пошевеливайся, льстивая шлюха. За каждое грубое слово, которое он мне скажет, ты получишь щипок!

Струан стоял посреди комнаты, не сводя глаз с грязного носового платка, завязанного в тяжелый узел, который он достал из кармана. Гром и молния, что же мне теперь делать, спрашивал он себя.

После поединка он показал князю его новые апартаменты на «Отдыхающем Облаке». Оставаясь с Орловом наедине, он с облегчением узнал, что тому без всякого труда удалось покопаться в багаже великого князя.

– Только бумаг там никаких не оказалось, – сказал Орлов. – Я нашел небольшую запертую шкатулку, но вы распорядились ничего не ломать, поэтому я оставил ее как есть. Времени у меня было достаточно – ребята постоянно находили для слуг какое-нибудь занятие.

– Спасибо. Теперь слушай, никому об этом ни слова.

– Ты за дурака меня принимаешь! – возмутился Орлов, сочтя свое самолюбие уязвленным. – Кстати, миссис Квэнс и все пятеро детей размещены на малом плавучем складе. Я сказал ей, что Квэнс в Макао и должен появиться завтра с полуденным приливом. Ох, и пришлось же мне попотеть, пока я отвязался от нее с ее расспросами. Она способна исторгнуть ответ даже из морской раковины.

Струан расстался с Орловом и направился в каюту мальчиков. Детей помыли и переодели во все новое. Вольфганг по-прежнему был с ними, и они не боялись его. Струан сказал им, что завтра они отправятся с ним в Кантон, где он определит их на корабль, отплывающий в Англию.

– Ваша честь, – произнес вдруг английский мальчик, когда Струан уже собрался уходить, – можно мне сказать вам что-то? Наедине чтобы?

– Да, – кивнул Струан и отвел его в другую каюту.

– Мой папа велел передать вам вот это, ваша милость, и никому не говорить, ни мистеру Ву Паку, ни даже Берту. – Фред дрожащими пальцами развязал узелок, все еще болтавшийся на палке, и разложил тряпицу на столе. В ней оказался небольшой нож, тряпичная собачонка и носовой платок, завязанный в еще один основательный узел Он нервно протянул платок Струану и, к удивлению шотландца, повернулся спиной и зажмурил глаза.

– Что это ты делаешь, Фред?

– Папа сказал, что я не должен смотреть. И чтобы повернулся спиной, ваша милость, и не видел ничего, – объяснил Фред, еще плотнее сжав веки.

Струан развязал платок и, разинув рог, уставился на ею содержимое: рубиновые серьги, алмазные подвески, кольца, усыпанные бриллиантами, крупная брошь с изумрудами и множество сломанных, погнутых золотых пряжек с алмазами и сапфирами. На сорок-пятьдесят тысяч фунтов. Пиратская добыча.

– Что он хотел, чтобы я с этим сделал?

– Можно мне открыть глаза, ваша милость? Только чтобы я не видел.

Струан опять завязал платок и спрятал его в карман сюртука.

– Да. А теперь скажи мне, что твой папа хотел, чтобы я с этим сделал?

– Он сказал, что это мое... я слово забыл. Оно было... было как-то вроде намс... наст... – Глаза Фреда наполнились слезами. – Я был хорошим мальчиком, ваша милость, но я забыл.

Струан присел перед ним на корточки и твердо и по-отечески взял за плечи:

– Не нужно плакать, дружок. Давай-ка подумаем вместе. Это было «наследство»?

Мальчик поднял на Струана широко раскрывшиеся глаза, словно тот был волшебником.

– Да. Наследство. А вы как узнали?

– Не нужно плакать. Ты же мужчина. Не плачь.

– А что такое настледство?

– Это подарок – обычно, деньги – отца сыну. Фред долго обдумывал его слова. Потом спросил:

– Почему мой папа сказал не говорить братцу Берту?

– Даже не представляю.

– Что, ваша милость? – переспросил мальчуган.

– Может быть, потому что он хотел подарить его тебе, а не Берту.

– А может настледство быть сразу для многих сыновей?

– Может.

– А можем мы с братцем Бертом поделить это настледство, если получим такое?

– Да. Если получите, сможете.

– Вот хорошо, – сказал Фред, вытирая слезы. – Братец Берт – мой самый лучший друг.

– А где жили ты и твой отец? – спросил Струан.

– В доме. С мамой Берта.

– А где стоял этот дом, дружок?

– Рядом с морем. Рядом с кораблями.

– А название у этого места было какое-нибудь?

– Ага, оно называлось Порт. Мы жили в доме в Порте, – гордо произнес малыш. – Папа сказал, я должен рассказать вам все, по правде.

– Давай теперь вернемся в каюту, хорошо? Или есть еще что-то?

– Да, вот. – Фред быстро связал тряпицу в узелок. – Папа сказал завязать ее как было. Потихоньку. И не говорить никому. Я готов, ваша милость.

Струан снова раскрыл платок. Смерть господня, что же мне делать с этим сокровищем? Выкинуть его? Этого я сделать не могу. Разыскать владельцев? Но как? Это могут быть испанцы, французы, американцы, англичане. И как я объясню, откуда у меня все эти драгоценности?

Он подошел к огромной кровати под балдахином на четырех столбах и отодвинул ее от стены. Он обратил внимание, что его новый вечерний костюм был разложен на ней с предельной аккуратностью. Струан опустился на колени рядом с кроватью. В пол был вмурован стальной сейф. Он отпер его и положил узелок вместе со своими личными бумагами. На глаза ему попалась Библия с тремя оставшимися половинами монет, и он вполголоса выругался. Закрыв сейф и заперев его на ключ, он задвинул кровать на место и подошел к двери.

– Лим Дин!

Лим Дин появился тут же, преданно посверкивая глазами на сияющем лице.

– Ванну сильно быстро!

– Ванна узе готовый, масса! Беспокоица нет!

– Чай!

Лим Дин исчез. Струан прошел через спальню к отдельной комнатке, которая предназначалась только для принятия ванн и отправлений естественных надобностей. Робб расхохотался, когда увидел ее на плане. Тем не менее Струан настоял, чтобы это нововведение было построено в точности, как он задумал.

Высокая медная ванна стояла на небольшом возвышении, от нее через стену был протянут желоб, отводивший воду в глубокую, заполненную крупными камнями яму, которую специально для этого отрыли в саду. Над ванной с потолочного бруса свисало железное ведро с продырявленным дном. К этому ведру тянулась труба от бака с пресной водой на крыше. Труба была снабжена краном. Туалет представлял собой отгороженный со всех сторон закуток со съемной крышкой, ведро можно было вынимать и использовать его содержимое как удобрение для сада.

Ванна была уже наполнена. Струан скинул пропахшую потом одежду и с наслаждением вступил в горячую воду. Он лег на спину и расслабился.

Дверь спальной открылась, и вошла Мэй-мэй. За ней следовала А Сам, неся поднос с чаем и горячими дим сум, рядом семенил Лим Дин. Все они прошли в ванную, и Струан закрыл глаза в немом отчаянии: никакое количество объяснений и увещеваний не могло заставить А Сам понять, что ей нельзя входить в ванную, когда

он моется.

– Хэллоу, Тай-Пэн, – приветствовала его Мэй-мэй с восхитительной улыбкой. Все его раздражение как рукой сняло. – Мы будем пить чай вместе, – добавила она.

– Хорошо.

Лим Дин собрал грязную одежду и исчез. А Сам с веселым видом поставила поднос: она уже знала, что выиграла спор. Повернувшись к Мэй-мэй, девушка сказала несколько слов на кантонском, и ее хозяйка расхохоталась, после чего А Сам хихикнула, выбежала из ванной и закрыла за собой дверь.

– Что, черт возьми, она тебе сказала?

– Так, женские разговоры! – Он поднял губку, намереваясь запустить ею в нее, и Мэй-мэй торопливо добавила: – Она сказала, что ты очень могучий мужчин.

– Почему, ради всего святого, А Сам не может понять, что ванна не для посторонних глаз?

– А Сам очень непосторонняя, не беспокойся. Зачем ты стыдишься, хей? Она так гордится тобой. Тебе нечего стыдиться. – Она сняла свой халат, вступила в ванну и опустилась в нее с другого конца. Затем разлила чай и подала ему чашку.

– Спасибо. – Он выпил чай, протянул руку и съел один дим сум.

– Бой был интересный? – спросила Мэй-мэй. Она заметила зажившие шрамы, которые ее зубы оставили на его предплечье, и спрятала улыбку.

– Превосходный.

– Почему ты был такой сердитый?

– Так, без всякой причины. М-м, это вкусно, – сказал он и съел еще один дим сум. Потом улыбнулся ей: – Ты прекрасна, и я не могу вообразить себе более приятного чаепития.

– Ты тоже прекрасен.

– Что наш дом? Его профеншуили?

– Когда будет конкурс платьев?

– В полночь. Зачем тебе? Она пожала плечами.

– За полчаса до полуночи ты можешь зайти сюда?

– Зачем?

– Я хочу увидеть своего мужчину. Забрать его подальше от этого коровногрудного тараканьего рта. – Ее нога скользнула вперед под водой. Струан дернулся от неожиданности, атакованный в интимном месте, и едва не уронил свою чашку. – Прекрати это и будь осторожнее, черт побери. – Он перехватил ее руку и рассмеялся. – Ну же, будь послушной девочкой.

– Хорошо, Тай-Пэн. Если и ты будешь осторожен. – Мэй-мэй сладко улыбнулась и оставила свою руку покоиться в его руке. – На меня ты не пялишь глаза, как на ту дьявольскую женчину, хотя я и без одеждов. Что тебе не нравится в моей груди?

– Она совершенна. Ты вся совершенна. Даже и говорить нечего. А теперь перестань дразнить меня.

– Так ты придешь на полчаса раньше?

– Все, что угодно, за минуту покоя. – Струан отпил еще несколько глотков из своей чашки. – Ах, да, ты мне не ответила. Дом профеншуили?

– Да. – Она взяла мыло и начала намыливать свое тело. Но больше не произнесла ни звука.

– Так да или нет?

– Да. – Она опять умолкла, излучая восхитительное очарование, бесившее его в эту минуту.

– Ну, что случилось?

– Мне ужасающе жаль, Тай-Пэн, но мы прямо на самом оке дракона, и нам придется переехать.

– Мы никуда не будем переезжать, и я больше не хочу слышать об этом.

Заканчивая намыливаться, она начала напевать себе под нос какую-то песенку. Потом смыла мыльную пену и нежно посмотрела на него широко открытыми глазами.

– Повернись, я намылю тебе спину, – сказала она.

– Мы не станем переезжать, – повторил он, подозрительно прищурившись на нее.

– Мэри приходила сегодня днем, и мы чудесно поболтали.

– Мы не будем переезжать! И делу конец!

– В самом деле, Тай-Пэн, я не глухая. Я фантастически хорошо расслышала тебя и в первый раз. Ты хочешь, чтобы я потерла тебе спину, или нет?

Он повернулся, и она принялась намыливать его.

– Мы переедем, и делу конец. Потому что твоя старая Мать так решила, – сказала она на кантонском наречии.

– Что? – спросил он, слегка шевельнув шеей. Он наслаждался осторожными прикосновениями ее рук, которые искусно массировали ему плечи.

– Старая кантонская пословица: «Когда ласточки вьют гнездо, рассветное солнце улыбается».

– Что же она означает?

– Только то, что сказано. – Она была довольна собой. – Просто пришла вдруг в голову, вот и все. – Мэй-мэй зачерпнула воды в ладони и смыла пену – А Сам-м-ма! – крикнула она с придыханием в конце. Вбежала А Сам с огромными полотенцами в руках. Мэй-мэй встала в ванне, А Сам обернула одно полотенце вокруг нее и развернула второе для Струана.

– Скажи ей, что я, черт возьми, сам это сделаю! – громко произнес Струан.

Мэй-мэй перевела, и А Сам положила полотенце, хихикнула и выбежала из комнаты.

Струан вылез из ванны, и Мэй-мэй укутала его в полотенце. К его удивлению, оно оказалось горячим.

– Я сказала А Сам на будущее немного подогревать их, – пояснила Мэй-мэй. – Полезно для здоровья.

– Ощущение превосходное, – сказал он, вытираясь насухо. Струан открыл дверь в спальню и увидел, что кровать разобрана, а его чистая одежда переложена на бюро.

– У тебя есть время для короткого отдыха, – сказала Мэй-мэй и, когда он начал возражать, добавила повелительным тоном: – Ты отдохнешь!

Струан взглянул на часы. Времени довольно, подумал он. Он забрался в постель и блаженно вытянулся.

Мэй-мэй знаком подозвала А Сам, которая вошла в ванну и закрыла дверь. Опустившись на колени, А Сам развязала стопы Мэй-мэй и вытерла их сухим полотенцем. Она напудрила крохотные ножки, наложила чистые сухие повязки и надела на них новые вышитые тапочки.

– Они так прекрасны, Мать, – сказала она.

– Спасибо, А Сам. – Мэй-мэй ласково ущипнула А Сам за щеку. – Только, пожалуйста, не делай впредь так много замечаний по поводу мужских достоинств Отца.

– Это была простая вежливость, и они куда как достойны уважения. – А Сам распустила волосы своей госпожи и принялась расчесывать их. – Обычно любой Отец будет очень рад, если ему сделают такой комплимент. Нет, в самом деле, я ни на вот столечко не понимаю нашего варварского Отца. За все время он ни разу не брал меня к себе в постель. Разве я такая отвратительная?

– Я сто раз говорила тебе, что у варваров Отцы не спят со всеми женщинами в доме, – устало сказала Мэй-мэй. – Ему просто нельзя этого делать. Это против его религии.

– Вот уж действительно плохой йосс, – А Сам засопела носом. – Иметь такого Отца, так богато награжденного богами, и чтобы это было против его религии.

Мэй-мэй рассмеялась, передавая ей полотенце.

– Беги, маленькая льстивая лгунья. Принеси нам чаю через час, и, если ты опоздаешь хоть на минуту, я тебя хорошенько высеку!

А Сам умчалась.

Мэй-мэй надушилась и, возбужденно думая о бальном платье и своем втором сюрпризе, направилась в спальню.

Лиза Брок открыла дверь каюты и подошла к койке. Она чувствовала, как холодный пот бежит у нее из-под мышек. Настал момент, когда все решалось для Тесс: теперь или никогда.

– Ну, дорогой, – сказала она и еще раз потрясла Брока за плечо. – Пора вставать.

– Оставь меня в покое. – Брок опять повернулся на другой бок, укачанный приливом, мягко подталкивающим корму «Белой Ведьмы». – Я оденусь, когда придет время.

– Ты говоришь это уже целых полчаса. Поднимайся-ка, а то опоздаешь.

Брок зевнул, потянулся и сел на койке.

– Еще даже и солнце не село, – невнятно проворчал он, посмотрев в окно.

– Горт скоро приедет, а ты хотел пораньше приготовиться. Потом еще нужно просмотреть книги с компрадором. Ты же сам просил разбудить тебя.

– Ну, хорошо, Лиза, довольно. – Он опять зевнул и посмотрел на жену. Она была в новом платье из темно-красной шелковой парчи с большим турнюром. Ее волосы были собраны сзади в пучок. – Ты смотришься расчудесно, – механически проговорил он и потянулся еще раз.

Лиза помяла в руках свою шляпу с огромными перьями, потом положила ее на стол.

– Я помогу тебе одеться, – предложила она.

– Это еще что! Я же сказал тебе, что и старый костюм вполне сойдет, – взорвался он, увидев на стуле новую одежду. – Или ты думаешь, денежки так легко достаются, что ты можешь тратить их как соленую воду?

– Нет, дорогой, тебе был нужен новый парадный костюм, а сегодня ты должен выглядеть как нельзя лучше. – Она подала ему маленький корсет. Мода того времени требовала, чтобы каждый мужчина надевал такой, подчеркивая талию. Брок чертыхнулся и встал с кровати. Затянув корсет поверх длинного шерстяного белья, он с ворчанием позволил облачить себя во все новое.

Однако, посмотрев на себя в зеркало, он остался очень доволен тем, что увидел. Новая рубашка с оборками белоснежным облаком топорщилась на груди, и темно-бордовый бархатный сюртук с шитыми золотом отворотами сидел безукоризненно: огромный в плечах и узкий в талии. Тесные белые брюки подтягивались штрипками к вечерним туфлям из мягкой черной кожи. Расшитый оранжевый жилет, золотая цепочка и брелок довершали костюм.

– Честное слово, дорогой, ты выглядишь как король английский!

Он расчесал бороду, отчего она стала напористо торчать вперед.

– Ну, – грубо сказал он, стараясь скрыть свое удовлетворение, – может, ты была и права. – Он повернулся в профиль и пригладил бархат на груди. – Кажется, в груди широковато, а?

Лиза расхохоталась.

– Ладно-ка тебе, дружок, – сказала она, чувствуя, что ей уже не так страшно. – По-моему, рубиновая заколка больше подойдет к твоему галстуку, чем бриллиантовая.

Он поменял заколку и продолжал любоваться собой. Затем рассмеялся, обхватил Лизу за талию и, низко гудя себе под нос мотив вальса, закружил ее по каюте.

– Ты у меня принцесса бала, милая, – сказал он.

Лиза постаралась забыть на мгновение о своих страхах и изобразила на лице веселость в тон его настроению, но Брок заметил по ее глазам, что что-то не так.

– В чем дело?

Она достала платок, вытерла пот со лба и села.

– Это... в общем, это касается Тесс.

– Она заболела?

– Нет. Это... ну... мы берем ее с собой на бал!

– Ты совсем рехнулась?

– Я приготовила для нее платье... о, оно просто восхитительное... и волосы ей уложила, и она ждет, когда ты одобришь ее наряд, прежде чем...

– Тогда скажи ей, пусть идет спать, клянусь Богом! Ни на какой бал она не пойдет, черт меня подери! Ты ведь знала, как я к этому отношусь! Так ты приготовила для нее платье, вон как? – Он поднял руку, чтобы ударить ее.

– Подожди, послушай, – заговорила Лиза, превозмогая свой страх. – Послушай сначала. Нагрек... и она.

Поднятая рука остановилась на полдороге.

– Нагрек?

– Хорошо, что он умер в ту ночь. Тесс... видишь ли, Тесс, она... – Ее глаза наполнились слезами. – Я не хочу волновать тебя, но она...

– У нее будет ребенок?!

– Нет. Весь этот месяц с тех пор, как ты уехал в Кантон, я изнывала от тревоги. Боялась, что вдруг я ошиблась. Но ее месячные начались на прошлой неделе, так что этот страх позади.

– Но она не девственна? – спросил он, оцепенев от ужаса.

– Она еще девственна. – Слезы покатились по ее лицу.

– Тогда, раз она девственна, объясни мне, ради Создателя, чего ты, черт возьми, так переживаешь. Ну, Лиза, ну, полно, – сказал он и потрепал ее по щеке.

Лиза знала, что никогда не сможет сказать мужу правду. Но она благословляла Господа Бога за то, что он подсказал ей нужные слова и дал силы убедить девочку, что в ту ночь все происходило больше в ее воображении, чем на самом деле, и она по-прежнему чиста, как должна быть чиста любая девушка.

– Этот месяц был ужасным, – проговорила она. – Ужасным. Но это предупреждение нам, Тайлер. Я тревожусь за тебя, за то, что ты не видишь, как она выросла, и мне страшно. Ты словно нарочно закрываешь глаза на то, что делается у тебя перед самым носом. – Он открыл рот, чтобы заговорить, но она торопливо продолжала: – Пожалуйста, Тайлер. Я умоляю тебя. Только взгляни на нее, и, если ты согласишься, что она уже взрослая девушка, тогда мы возьмем ее с собой. Если ты решишь, что нет, она никуда не поедет. Я сразу сказала ей, что решать будешь ты.

– Где Тесс сейчас?

– В главной каюте.

– Ты оставайся здесь и жди меня.

– Да, милый.

Глава 7

Когда ночь окончательно опустилась на Гонконг, Кулум подошел к краю палубы полуюта «Грозового Облака» и взмахнул рукой. Громыхнула пушка. После выстрела в гавани на мгновение установилась полная тишина. Он нервно взглянул в сторону

Счастливой Долины. Его возбуждение нарастало. Он увидел вспыхнувший огонек, потом другой, и вскоре весь прибрежный участок номер восемь превратился в сплошное море танцующих огней.

Слуги на берегу торопились зажечь остальные фонари. Сотни их засветились вокруг огромного круга из струганых досок, который образовывал площадку для танцев, и свет их был мягким и завлекающим. Столы и стулья были расставлены уютными группами, на каждом – лампа и цветы, доставленные из Макао. Многочисленные лампы свисали также с веревок, натянутых меж тонкими бамбуковыми шестами рядом с большими столами на козлах, буквально ломившимися от всякой снеди. Другие фонари были красиво задрапированы и освещали бочонки португальских и французских вин, рома, бренди, виски; сака и пива. Сорок ящиков шампанского стояло во льду наготове.

Всюду сновали слуги, аккуратно одетые в одинаковые черные штаны и широкие белые рубашки, их косички плясали на ходу. Ими надменно распоряжался Чен Шень, компрадор «Благородного Дома», неимоверно толстый человек в богатом платье и шапочке, сверкавшей драгоценными камнями. Пряжкой его ремня служила бесценная пластина чисто белого нефрита, ноги были обуты в черные шелковые тапочки на белой подошве. Он сидел как огромный паук в центре танцевального круга и играл длинными волосками, которые росли у него из маленькой бородавки на подбородке. В эту тихую, безветренную ночь рядом с ним находился его личный раб с веером.

Когда все приготовления к его удовлетворению были закончены, он грузно поднялся и воздел руку. Слуги бросились по местам и замерли, неподвижные, как статуи, пока он производил последний заключительный осмотр. Еще одно мановение руки, и слуга заторопился из круга света во тьму пляжа с фитилем в руке.

Блеснула яркая вспышка, и загремела канонада шутих, которая продолжалась несколько минут. Все на кораблях и на берегу бросились смотреть. За шутихами настал черед огненных шаров и цветных огней, шум и гром еще больше усилились. Потом в сгустившемся дыму опять затрещали шутихи. За ними завертелись огненные колеса, и сказочные вулканы стали извергать столбы разноцветных огненных брызг. Треск и громыхание длились еще несколько минут, потом раздался оглушительный грохот, словно целый флот дал залп изо всех пушек, и сотня ракет сорвалась в небо. Их дымные шлейфы взмыли ввысь и растаяли. На мгновение все стихло, потом небо взорвалось алыми, и зелеными, и белыми, и золотыми огненными перьями. Эти перья, величественно покачиваясь, опустились вниз и с шипением угасли в море.

Слуга поджег последний фитиль и со всех ног бросился бежать. Красный и зеленый огонь зазмеились вверх по огромному бамбуковому каркасу, и он вскоре вспыхнул, начертав во тьме Льва и Дракона. Этот флаг ярко полыхал несколько минут и погас, взорвавшись целиком, так же неожиданно, как и возник.

На некоторое время все поглотила черная тьма, прорезаемая лишь бурей восторженных криков, которые эхом катились по утесам, окружавшим долину. Когда глаза зрителей немного привыкли к темноте, вновь уютно засветились фонари танцевального круга, и весь Гонконг охватило радостное ожидание.

Шевон плакала от боли в своей каюте.

– Довольно, – взмолилась она.

Ее горничная покрепче ухватилась за шнурки корсета и уперлась коленом пониже спины Шевон.

– Выдохни, – приказала она и, когда девушка подчинилась, в последний раз поддернула шнурки и завязала их. Шевон судорожно вздохнула.

– Ну вот, моя милая, – сказала горничная в капоре. – Вот и готово.

Горничная была маленькой аккуратной ирландкой с железной хваткой. Ее звали Катлина О'Рурк. Она была няней и горничной Шевон с самых пеленок и обожала ее.

Каштановые волосы Катлины обрамляли приятное лицо со смеющимися глазами и ямочкой на подбородке. Ей было тридцать восемь.

Шевон выпрямилась, держась за спинку кресла, и застонала: она едва могла дышать.

– Я не выдержу до конца бала и упаду в обморок.

Катлина достала портновский метр и измерила талию Шевон.

– Семнадцать с половиной дюймов, клянусь благословенной Девой Марией! И когда будешь падать, голубушка, не забудь, что ты должна быть грациозна, как облачко, и позаботься, чтобы каждый это увидел.

Шевон стояла в панталончиках с оборками, шелковые чулки облегали стройные ноги. Корсет с пластинами из китового уса охватывал бедра, яростно ужимал талию и поднимался выше, чтобы поддержать и приподнять грудь.

– Мне нужно присесть на минутку, – чуть слышно проговорила девушка.

Катлин разыскала флакон с нюхательной солью и помахала им под носом у Шевон.

– Ну вот, сердечко мое. Как только эти куколки увидят тебя, тебе сразу же расхочется падать в обморок. Клянусь благословенной Дево.й Марией, святой Анной и Иосифом, ты будешь первой красавицей на этом балу.

В дверь резко постучали.

– Ты еще не готова, Шевон? – спросил Тиллман.

– Нет, дядя. Я уже скоро.

– Поторопись, дорогая. Мы должны прибыть, туда раньше его превосходительства! – Он отошел от двери. Катлина мягко хохотнула.

– Глупый человек, сердечко мое. Он не понимает, что это такое – вступить в бальную залу.

Квэнс отложил кисти в сторону:

– Готово!

– Превосходно, Аристотель, – сказал Робб и поднял маленькую Карен на руки, чтобы она могла взглянуть на свой портрет. – Не правда ли, Карен?

– Неужели я такая? – разочарованно протянула Карен. – Это ужасно.

– Это бессмертное творение, Карен, – сказал шокированный Квэнс. Он взял девочку у Робба и крепко прижал ее к себе. – Вот посмотри, какой восхитительный румянец играет у тебя на щечках, посмотри, как светятся твои прекрасные глаза. А это счастье, окружающее тебя подобно ореолу? Клянусь бородой Алькаказабедабра, портрет дивно хорош, как и ты сама.

– Ой, здолово. – Она обняла Квэнса за шею, и он поставил ее на пол. Карен посмотрела на картину еще раз. – А кто этот Альказа... ну, пло котолого вы говолили?

– Мой друг, – серьезно ответил Квэнс. – Бородатый друг, который присматривает за художниками и красивыми девочками и мальчиками.

– Ты получилась очень, очень хорошенькой, – произнесла Сара натянутым голосом. – Ну, а теперь бегом в постель, тебе уже давно пора спать.

– Еще лано, – надула губки Карен. – И ты обещала, что я могу не ложиться, пока папа не уедет.

Квэнс улыбнулся, протер пальцы скипидаром и снял рабочий халат.

– Я заберу краски завтра, Робб.

– Конечно.

– Ну что же, нам, пожалуй, пора. – Квэнс расправил на себе свой яркий, расшитый пурпуром жилет и надел сюртук из золотого шелка.

– Вы мне нлавитесь, мистел Квэнс, – со взрослым видом сказала Карен. – Вы очень класивый в этом наляде, хотя кал-тина все лавно ужасная.

Он расхохотался, коротко обнял ее и надел цилиндр.

– Я подожду тебя в баркасе, Робб.

– Почему бы тебе не показать мистеру Квэнсу дорогу, Карен? – предложил Робб.

– Ой, да, – ответила она и, танцуя, подбежала к двери. Квэнс вышел из каюты, ступая важно, как павлин.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Сара? – заботливо спросил Робб.

– Нет, – холодно ответила она. – Но это не важно. Тебе лучше идти. А то опоздаешь.

– Я могу остаться, если это тебе поможет, – сдерживая раздражение, проговорил Робб.

– Единственное, что мне поможет, это благополучные роды и корабль домой. – Сара отбросила со лба выбившуюся прядь. – Подальше от этого проклятого острова!

– О, только не говори глупостей! – вспылил он, и его твердое намерение не ссориться сегодня с женой утонуло, как в болоте, в озлоблении, охватившем его. – Причем тут Гонконг!

– С того самого дня, как он стал нашим, мы ничего, кроме бед, не видели, – сказала она. – Ты стал другим, Дирк стал другим, Кулум, я. Ради всего святого, да что же это такое творится? Только мы окончательно решили уехать – вдруг выясняется, что мы банкроты. Мы все напуганы до смерти, дикие ссоры следуют одна за другой, а несчастная Рональда и вся семья Дирка умерли. Потом серебро спасает нас, но нет же. Дирк загоняет тебя в угол, а ты слишком слаб, чтобы выбраться оттуда, и поэтому даешь ему клятву остаться. Кулум теперь ненавидит Дирка, Дирк ненавидит Кулума, а ты глупо болтаешься посередине, не имея мужества взять то, что принадлежит нам по праву, и уехать домой, где мы могли бы в покое и радости жить на эти деньги. Раньше у меня никогда не было задержек с ребенком, а здесь я уже переходила свой срок. Никогда раньше я не чувствовала себя больной и несчастной, а теперь сама жизнь стала мне в тягость. Если тебе нужна точная дата, когда начались все наши беды, то это 26 января 1841 года!

– Все это идиотская чепуха, – огрызнулся он, взбешенный тем, что она произнесла вслух те самые мысли, которые уже давно не давали ему покоя, осознав вдруг, что и он точно так же проклинал этот день долгими бессонными ночами. – Глупейший предрассудок, – добавил он, больше для того, чтобы убедить в этом себя самого. – Чума случилась в прошлом году. Банк лопнул в прошлом году. Мы просто получили известия об этом уже после того, как завладели Гонконгом. И я не дурак. Деньги нам нужны, много денег, и год в нашей жизни ничего не прибавит и не убавит. Я думаю в первую очередь о тебе, о детях и об их детях. Мне нужно остаться. Все решено.

– Ты уже заказал нам места домой?

– Нет.

– Тогда я буду рада, если ты сделаешь это немедленно. – Я не изменю решения, если ты на это надеешься!

– Нет, Сара, – холодно ответил Роб, – я не надеюсь, что ты изменишь свое решение. Я просто жду, когда ты почувствуешь себя лучше. Кораблей, отправляющихся домой, у нас предостаточно. Как ты прекрасно знаешь.

– Через месяц я уже буду в состоянии уехать.

– Нет, не будешь, и такой поспешный отъезд слишком опасен. И для тебя, и для ребенка!

– Тогда, может быть, тебе стоит сопровождать нас в этом путешествии.

– Я не могу.

– Ну, конечно, не можешь. У тебя есть дела поважнее. – Сара окончательно вышла из себя: – Наверное, очередная языческая шлюха уже наготове и ждет.

– О, замолчи, ради Бога. Я тысячу раз говорил тебе…

– Дирк уже привез свою на остров. Чем же ты хуже.

– Разве привез?

– А разве нет?

Они с ненавистью смотрели друг на друга.

– Тебе лучше идти, – сказала она наконец и отвернулась.

Дверь распахнулась, и в каюту, все так же танцуя, влетела Карен. Она прыгнула на руки к отцу, потом подбежала к Саре и обняла ее.

– Папочка готовит нам корабль, чтобы мы могли поехать домой, дорогая, – сказала Сара, чувствуя, как малыш яростно толкается у нее в животе. Время родов наконец-то подошло вплотную, и ее вдруг охватил необъяснимый страх. – В этом году мы будем праздновать Рождество дома. Будет снег, и рождественские гимны, и чудесные подарки. И Санта-Клаус.

– Ой, здолово, я так люблю Санту-Клауса. А что такое снег?

– Это когда все кругом белое – и деревья, и дома, – дождик, который превратился в лед. Это очень красиво, а в магазинах будет полным-полно игрушек и всяких замечательных вещей. – Голос Сары дрогнул, Робб почувствовал ее боль, и она словно ножом полоснула его. – Это будет так здорово – вновь оказаться в настоящем городе. А не... не в пустыне.

– Ну, я пойду, – произнес Робб с тяжелым сердцем. Он легко коснулся щеки Сары поцелуем, а она едва уловимо отвернулась в сторону, опять разозлив его. Он прижал к себе Карен и вышел из каюты.

Мэри Синклер несколькими движениями придала своей прическе законченный вид и приколола на место крошечную корону из диких цветов, которые прислал ей Глессинг.

Ее платье с турнюром из черного, как крыло ворона, шантунгского шелка ниспадало поверх множества нижних юбок, шелестевших при каждом движении. Низкий вырез обнажал гладкие плечи и верх округлой груди.

Она равнодушно изучала свое отражение. Лицо, смотревшее на нее из зеркала, казалось ей чужим. Глаза пьянили прелестью, немыслимой для всех, кто ее знал, в щеках – ни кровинки. Карминные губы влажно блестели.

Мэри знала, что никогда еще не выглядела так очаровательно.

Она вздохнула и взяла календарь, понимая в душе, что бессмысленно пересчитывать дни заново. Результат всегда будет один и тот же, и открытие, как молния, поразившее ее сегодня утром, останется неизменным: ты беременна.

О Боже, о Боже, о Боже.

Глава 8

Кулум вежливо поклонился.

– Добрый вечер, – механически произнес он, и очередной гость растворился в праздничной голпе. Вот уже почти целый час как он стоял рядом с отцом и дядей, официально приветствуя гостей бала, и никак не мог дождаться окончания церемонии.

Он окинул взглядом танцевальный круг. Среди обнаженных плеч, роскошных платьев всех цветов, великолепных мундиров и постоянно подрагивающих вееров он нашел Мэри Синклер. На мгновение он почувствовал раздражение, увидев, что она беседует с Глессингом. С другой стороны, сказал он себе, ты не должен ревновать. Мэри безусловно самая прекрасная женщина из всех присутствующих на балу, и Джордж совершенно прав, выбрав себе место подле нее Я ни капли не сержусь на него.

С двух сторон танцевального круга, прямо напротив друг друга, были сооружены два помоста: один – для морского оркестра, другой – для армейского. Услышав, что

адмирал согласился предоставить для бала свой оркестр, генерал сделал то же самое.

Сейчас играли солдаты, все в алых мундирах. Всем не терпелось начать танцы, но приходилось ждать, когда прибудет Лонгстафф. А он опаздывал, что являлось его привилегией.

Кулум поклонился следующему гостю, потом следующему и с облегчением заметил, что их поток редеет. Он взглянул в сторону берега, туда, где полоска огней освещала гостям путь от их баркасов к дому, и увидел, как катер Лонгстаффа мягко ткнулся в песок. Лонгстафф, великий князь и адмирал сошли на берег. Хорошо, подумал Кулум. Теперь уже не долго. Вновь его взгляд заскользил по площадке для танцев и на этот раз остановился на Мануэлите де Варгаш. Девушка наблюдала за ним, прикрыв лицо веером. Она была очень красива – белоснежная кожа, темные глаза, мантилья поверх черных волос. Кулум улыбнулся и чуть заметно поклонился ей. У глаз Мануэлиты появились морщинки, веер затрепетал, и она отвернулась. Кулум дал себе слово, что обязательно протанцует с ней хотя бы один танец.

Он стряхнул пыль с лацканов, сознавая, что одет по последней английской моде, далеко опережая в этом большинство из собравшихся мужчин. Его сюртук был небесно-голубого цвета с темно-синими отворотами, узкий в талии и расширяющийся над бедрами. Бледно-голубые брюки в обтяжку были заправлены в черные короткие сапоги. Кудрявые волосы прикрывали уши и спускались на высокий накрахмаленный воротник. Портной Робба замечательно поработал, подумал он. И так дешево. Да на сто пятьдесят гиней в месяц я мог бы позволить себе несколько дюжин отличных костюмов и сапог. Жизнь прекрасна!

Он поклонился еще одной группе гостей, они прошли мимо, оставив после себя тяжелый запах застарелого пота, смешавшийся с ароматом духов и помад. Странно, подумал он Теперь он чувствовал запах других людей, и от них действительно воняло. Его уже поражало, что он не замечал этого раньше. Он определенно чувствовал себя лучше, гораздо лучше, с тех пор, как начал ежедневно принимать ванну и менять одежду. Тай-Пэн оказался прав.

Он посмотрел на отца, который о чем-то беседовал с Морли Скиннером. Кулум сознавал, что за ним наблюдают и что выражение его лица враждебно. Никто из гостей не мог бы заметить, что отношения между отцом и сыном потеплели. Наоборот, их вражда стала глубже, превратившись в холодную вежливость. С той поры, как началась эта игра, Кулум обнаружил, что с каждым разом ему все легче и легче дается его роль в этом обмане. Отец перестал быть твоим кумиром, говорил он себе. Ты по-прежнему уважаешь его – но он еретик, прелюбодей, и влияние его опасно. Поэтому ты не притворяешься, ты действительно холоден. Холоден и осторожен.

– Полно тебе, Кулум, дружище, – встревоженно прошептал Робб.

– О чем вы, дядя?

– Да нет, ни о чем. Просто сегодняшняя ночь – это праздничная ночь.

– Да, вы правы.

Кулум прочел озабоченность на его лице, но не сказал ничего и отвернулся, чтобы приветствовать новых гостей, поглядывая на Мэри и, время от времени, на Мануэлиту. Он уже решил не говорить Роббу о том, что произошло между ним и Тай-Пэном на вершине утеса.

– Вы еще не знакомы с моим племянником Кулумом, – услышал он позади себя голос Робба. – Кулум, познакомься с мисс Тесс Брок.

Кулум повернулся. Сердце его остановилось, и в тот же миг он влюбился без памяти.

Тесс присела в реверансе. Юбка ее платья из белой парчи вздымалась поверх пышного каскада нижних юбок, выбивавшихся из-под края подобно морской пене.

Под низким лифом, приоткрывавшим высокую грудь, талия казалась невероятно узкой. Волосы мягкими кольцами ложились на обнаженные плечи. Кулум увидел голубые глаза и чувственные губы. И она смотрела ему прямо в лицо, пока он разглядывал ее.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, – услышал он свой голос, показавшийся ему чужим и ненастоящим. – Может, вы удостоите меня первого танца.

– Благодарю вас, мистер Струан, – услышал он ее ответ, прозвеневший, как колокольчик, и она отошла.

Лиза, затаив дыхание, наблюдала эту сцену. Она видела выражение лица Кулума и ответную реакцию Тесс. О Господи, пусть это случится, сделай так, чтобы это случилось, думала она, следуя за Броком через зал.

– Я и не узнал малышку Тесс, а ты? – говорил тем временем Струан Роббу. Он тоже заметил взгляды, которыми обменялись его сын и дочь Брока, и в голове его сразу закрутились мысли о преимуществах и опасностях, заключавшихся в союзе Кулума и Тесс. Господи Иисусе!

– Я тоже. Ты только посмотри на Брока. Его прямо-таки распирает от гордости.

– Что верно, то верно.

– А Мэри-то, Мэри. Никогда бы не подумал, что и она может быть такой... такой потрясающей.

– Да. – Струан на мгновение задержал взгляд на Мэри. Черное платье выгодно подчеркивало светящуюся матовую бледность ее кожи. Потом он пристально рассмотрел Мануэлиту. Потом его взгляд вернулся к Тесс. Она улыбалась Кулуму, который так же открыто улыбался ей. Боже милостивый, подумал он, Кулум Струан и Тесс Брок.

– Черт бы побрал Шекспира, – невольно вырвалось у него.

– А, Дирк?

– Нет, ничего. Я бы сказал, что Мэри действительно с полным правом может претендовать на приз.

– Она не в том классе, клянусь Богом, – заметил проходивший мимо Квэнс и подмигнул ему. – Ее никак не сравнишь, скажем, с Мануэлитой де Варгаш.

– Или с Шевон, готов поспорить, – продолжал Струан, – когда она снизойдет до того, чтобы удостоить нас своим присутствием.

– А, обворожительная мисс Тиллман. Я слышал, она собирается появиться в одних только панталончиках и прозрачной газовой накидке. И больше ничего! О, великие сфероиды Юпитера, какое это будет зрелище, а?

– Аристотель, я ищу тебя, – сказал Джефф Купер, подходя к ним. – Могу я поговорить с тобой? Речь пойдет о заказе на картину.

– Да благословит Боже мою светлую душу! Нет, я решительно не понимаю, что это на вас всех нашло, – подозрительно прищурившись, сказал он. Весь день прямо-таки отбоя пег от заказчиков.

– Мы вдруг оценили непревзойденное совершенство твоих работ, – быстро ответил Купер.

– Ну что ж, самое время, клянусь Богом, ибо то, что ты сказал, бессмертная истина. Мои расценки возросли. Пятьдесят гиней.

– Давай обсудим это за бокалом шампанского, а? – Купер украдкой подмигнул Струану поверх головы Квэнса и, взяв старичка под руку, увел его с собой.

Струан усмехнулся. Он заранее позаботился о том, чтобы Квэнса постоянно кто-то занимал и не давал ему трепать языком – до объявления результатов конкурса. И ему удалось надежно привязать Морин Квэнс к ее временному жилищу на борту его плавучего склада, убрав с него все баркасы.

В этот момент Лонгстафф, великий князь и адмирал появился в полосе света.

Барабаны забили дробь, все встали, и оба оркестра сыграли «Боже, храни

королеву». Потом они, слегка запинаясь, исполнили российский гимн и под конец – «Правь, Британия». Все дружно зааплодировали.

– Я ценю такое внимание с вашей стороны, мистер Струан, – сказал Сергеев.

– Благодарю вас, ваше высочество. Мы хотим, чтобы вы чувствовали себя как дома. – Струан знал, что сейчас все глаза устремлены на них и отметил про себя, что действительно удачно выбрал костюм для бала. В противоположность всем гостям он был одет в черное, лишь волосы сзади у воротника были перехвачены узкой зеленой лентой. – Может быть, вы согласитесь вести первый танец?

– Почту за честь. Но боюсь, я не представлен ни одной из дам. – Сергеев прибыл на бал в великолепном казачьем мундире, рубашка была элегантно присборена на одном плече, с унизанного драгоценными камнями пояса свисала парадная шпага. Двое слуг в ливреях незаметно держались поблизости.

– Ну, это легко поправимо, – улыбнулся Струан. – Не хотите ли выбрать. Я буду рад официально представить вас.

– Это было бы очень невежливо с моей стороны. Может быть, вы сами решите, кто согласится удостоить меня этой чести.

– Чтобы остальные потом выцарапали мне глаза? Что же, очень хорошо.

Он повернулся и зашагал через танцевальный круг. Самой подходящей кандидатурой была бы Мануэлита. Это принесло бы огромную честь и доставило удовольствие португальской общине, из которой и «Благородный Дом», и все другие торговцы набирали своих клерков, бухгалтеров, кладовщиков – всех тех, без кого не может существовать ни одна компания. Мэри Синклер была бы почти столь же хорошим выбором, ибо она выглядела сегодня как-то необычайно интригующе и была самой прекрасной женщиной в зале. Но с этим выбором он ничего не выигрывал, если не считать поддержки Глессинга. Струан заметил, что Глессинг не отходит от Мэри ни на шаг. С тех пор, как он стал начальником гавани, его значение сильно возросло. И он мог бы оказаться весьма ценным союзником.

Струан увидел, как широко раскрылись глаза Мануэлиты и как Мэри Синклер затаила дыхание, когда он направился в их сторону. Но он остановился перед Броком.

– С твоего позволения, Тайлер, может быть Тесс согласится вести первый танец в паре с великим князем? – Струан с удовольствием услышал за спиной шорох изумления.

Брок кивнул, весь вспыхнув от оказанной ему чести. Лиза была в экстазе. Тесс зарделась и едва не лишилась чувств. А Кулум проклинал и ненавидел отца и одновременно благословлял его за то, что он так выделил Тесс перед всеми. Торговцы же, все без исключения, спросили себя, уж не собрался ли Тай-Пэн помириться с Броком. И если так, то зачем?

– Я не верю своим глазам, – сказал Глессинг.

– Да, – озабоченно кивнул Купер: мир между Броком и Струаном не сулил ему ничего хорошего. – Это просто не укладывается в голове.

– Это очень хорошо укладывается в голове, – возразила Мэри. – Она моложе всех нас, ей и следует предоставить эту честь.

– Все не так просто, мисс Синклер, – сказал Глессинг. – Тай-Пэн никогда и ничего не делает без причины. Возможно, он надеется, что она упадет и сломает ногу или еще что-нибудь в этом роде. Он ненавидит Брока.

– Мне кажется, с вашей стороны очень жестоко так думать, капитан Глессинг, – резко заметила Мэри.

– Да, вы правы, и я прошу извинить меня; я сказал вслух то, о чем сейчас думает каждый. – Глессинг посетовал на свою глупость: он должен был предвидеть, что такое возвышенное, чистое создание, конечно же, бросится защищать этого дьявола. – Меня раздражает только то, что вы здесь самая красивая леди, и, вне

всякого сомнения, эта честь принадлежит вам.

– Вы очень любезны. Но вы не должны думать, что Тай-Пэн способен делать что-то злонамеренно. Это не так.

– Вы правы, а я ошибался, – покорно опустил голову Глессинг. – Может быть, я могу рассчитывать на первый танец – и вы позволите сопровождать вас к ужину. Тогда я буду знать, что прощен.

Прошло уже больше года с того дня, когда Мэри впервые задумалась о Джордже Глессинге как о возможном муже. Он ей нравился, но любви к нему она не испытывала. И вот теперь все кончено, думала она.

– Благодарю вас, – произнесла она вслух. – Если вы пообещаете впредь быть более... более мягким.

– Идет, – кивнул Глессинг со счастливой улыбкой. Струан вел Тесс через танцевальный круг.

– Ты умеешь вальсировать, девочка?

Она кивнула и постаралась не смотреть на сына Тай-Пэна.

– Позвольте представить вам мисс Тесс Брок, ваше высочество. Великий князь Алексей Сергеев.

Тесс стояла парализованная, колени ее дрожали. Но мысль о Кулуме. о том, как он смотрел на нее, подстегнула ее уверенность в себе и вернула ей самообладание.

– Я польщена, ваше высочество, – сказала она, приседая в реверансе.

Великий князь поклонился и галантно поцеловал ей руку.

– Это я чувствую себя польщенным, мисс Брок.

– Приятно ли прошло ваше путешествие? – спросила она, обмахиваясь веером.

– Да, благодарю вас. – Он посмотрел на Струана: – Скажите, все юные леди Англии так прекрасны?

Едва он договорил, как в зал вплыла Шевон, держа под руку Тиллмана. Платье из зеленого газа окутывало ее подобно облаку, его колоколообразная юбка была огромна. Верхнее платье имело длину всего до колена, чтобы подчеркнуть пирамиду из дюжины пышных нижних юбок изумрудного цвета. Руки были в длинных зеленых перчатках, в рыжих волосах – перья райской птицы. И совершенно невероятная деталь: лиф ее платья не поддерживался рукавами.

– Простите нас за опоздание, ваше превосходительство, мистер Струан, – извинилась она, приседая в поклоне среди общего молчания. – Перед самым уходом я потеряла пряжку с туфли.

Лонгстафф оторвал взгляд от глубокого декольте и спросил себя, вместе со всеми остальными, как, черт возьми, держится на ней это платье и не свалится ли оно в один прекрасный момент.

– Вы всегда появляетесь вовремя, Шевон. – Он повернулся к Сергееву: – Позвольте представить вам мисс Шевон Тиллман из Америки. О, и мистера Тиллмана. Его высочество великий князь Алексей Сергеев.

Тесс, которая в этот момент стояла рядом, всеми забытая, смотрела, как Шевон приседает перед князем, и ненавидела ее всем своим существом за то, что та украла у нее миг славы. Впервые она почувствовала ревность к другой женщине. И впервые она подумала о себе как о женщине, а не как о девушке.

– Какое восхитительное платье, мисс Тиллман, – пропела она. – Вы сами его сшили?

Глаза Шевон зло блеснули, но она ответила с не меньшей любезностью:

– О нет, дорогая, боюсь, у меня нет вашего таланта. – Грязная ты потаскушка, недомерок, договорила она про себя.

– Не окажете ли вы мне честь, подарив мне свой первый танец, Шевон? – спросил Лонгстафф.

– С удовольствием, ваше превосходительство. – Зависть и ревность, которые

она вызывала, кружили ей голову, упоительно будоражили кровь. – Здесь все так красиво, Тай-Пэн. – Она улыбнулась Струану.

– Э... благодарю вас, – ответил Струан. Он повернулся и сделал знак дирижеру флотского оркестра.

Тот взмахнул палочкой, и по залу поплыли первые волнующие такты венского вальса. Хотя вальсы все еще заставляли хмуриться благовоспитанную публику, они уже прочно заняли главенствующее место среди других танцев.

Великий князь повел Тесс по центру круга, и Шевон от души помолилась, чтобы Тесс оступилась и упала или, еще лучше, танцевала, как корова. Но Тесс заскользила по залу, словно лепесток, подхваченный легким ветром. Лонгстафф вывел Шевон на круг. Грациозно закружившись в танце, она заметила, как Струан направился к темноглазой португальской красавице, которую она никогда раньше не видела, и это привело ее в ярость. Но когда она опять на мгновение оказалась к нему лицом, она увидела, что Струан пригласил Лизу Брок, и подумала про себя: «О, Тай-Пэн, ты умный человек. Я люблю тебя за это». Затем на глаза ей попались Тесс и великий князь, уверенно занимавшие центр круга, и она направила туда Лонгстаффа, превосходного танцора, который, однако, так и не понял, что его куда-то направляют.

Кулум стоял в стороне и наблюдал за танцующими. Он взял бокал шампанского, залпом осушил его, даже не почувствовав вкуса, и в следующий миг застыл в поклоне перед Тесс, приглашая ее на второй танец.

Он не заметил, как нахмурился Брок и как Лиза торопливо отвлекла мужа разговором. Или как в глазах Горта вдруг вспыхнуло любопытство.

Вальсы сменялись польками, польки – рилами и галопами. В конце каждого танца Шевон окружала толпа поклонников; такая же толпа – но более осторожная – окружала Мануэлиту. Кулум протанцевал с Тесс в третий раз, а четыре танца за вечер были тем пределом, который дозволялся приличиями.

Когда был объявлен последний танец перед ужином, Струан плечом проложил себе дорогу сквозь толпу, окружавшую Шевон.

– Джентльмены, – объявил он со спокойной непререкаемостью, – сожалею, но этот танец – привилегия хозяина.

Мужчины застонали в ответ и дали ему забрать ее. Он не стал ждать, когда заиграет музыка, а сразу повел ее на круг.

Джефф Купер проводил их ревнивым взглядом. Это был его танец.

– Они хорошо смотрятся вместе, – заметил он Тиллману.

– Да. Почему ты не настаиваешь на женитьбе? Ты знаешь мое мнение. И мнение моего брата.

– Время еще есть.

– Теперь, когда Струан овдовел, уже нет. Глаза Купера превратились в узкие щелки:

– Ты бы одобрил такой союз?

– Разумеется, нет. Но для меня вполне очевидно, что Шевон увлечена этим человеком. – Помолчав немного, Тиллман раздраженно добавил: – Пора ей угомониться. С того дня, как она прибыла сюда, я не знал ни минуты покоя, и мне надоело исполнять при ней роль сторожевого пса. Я знаю о твоих намерениях, поэтому официально попроси ее руки, и давай покончим с этим.

– Не раньше, чем я буду уверен, что она готова меня принять – с радостью принять – по собственной воле и без понукания. Она не вещь, которую можно покупать и продавать.

– Согласен. Но при этом она остается женщиной, младшим членом семьи, и она поступит так, как сочтут нужным ее отец и я. Должен признаться, я не одобряю твоего отношения ко всему этому, Джефф. Ты напрашиваешься на неприятности.

Купер промолчал. Он смотрел на Шевон, и весь низ живота у него сводило от

боли.

– Из них получилась идеальная пара, – сказала Мэри, мучительно желая оказаться на месте Шевон. И в этот момент она вдруг почувствовала себя нечистой: из-за своей тайной жизни, из-за ребенка и из-за Глессинга. Сегодня он весь вечер был таким внимательным, нежным и мужественным, и очень англичанином, очень чистым. Она едва не разрыдалась от боли, которую ей причиняла ее безнадежная любовь к Тай-Пэну.

– Действительно, – согласился Глессинг. – Но если только на свете существует справедливость, приз достанется вам, мисс Синклер.

Она сумела улыбнуться и вновь постаралась разобраться, кто же отец ее ребенка – не то чтобы это имело какое-то значение, потому что в любом случае его отец был китайцем. Родить китайского ублюдка! Я раньше умру, твердо сказала она себе. Еще два или три месяца, а потом это станет заметно. Но я не доживу до этого дня, чтобы не видеть ужаса и упрека на их лицах. Ее глаза наполнились слезами.

– Ну же, Мэри, полно, – сказал Глессинг, мягко касаясь ее руки. – Вы не должны плакать потому, что я сделал вам комплимент. Вы в самом деле самое прекрасное создание в этом зале – прекраснейшее из всех, кого я знал. Это чистая правда.

Она рукой смахнула слезы, прикрывшись веером. И в ее затуманенном ужасом сознании возник образ Мэй-мэй. Может быть, Мэй-мэй сумеет ей помочь? Наверное, у китайцев есть лекарства, с помощью которых можно избавиться от ребенка. Но это же убийство. Убийство! Нет, это мое тело, и никакого Бога нет, и если я рожу, меня ждет проклятие.

– Извините, Джордж, дорогой, – сказала она, несколько успокоившись теперь, когда приняла решение. – Я на мгновение почувствовала, что у меня кружится голова.

– Вы уверены, что сейчас вам уже лучше?

– О да, вполне.

Глессинга переполняли любовь и желание защитить и утешить ее. Бедная хрупкая девочка, думал он. Ей нужен человек, который будет заботиться о ней, и этот человек – я. Только я.

Струан становился в пустом центре танцевального круга.

– Я все спрашивала себя, когда же я удостоюсь этой чести. Тай-Пэн. – В глазах Шевон светилось лукавство.

– Этот танец посвящается вам, Шевон, – любезно сказал он.

В тот же миг прозвучал первый такт самой зажигательной музыки на свете. Канкан. Необузданный, веселый, буйный танец с высоким выбрасыванием ног, который появился в тридцатые годы в Париже и тут же стал излюбленным танцем парижан, а потом штурмом взял остальные столицы Европы, но оставался под запретом в высшем свете как слишком несдержанный.

– Тай-Пэн! – ошеломленно воскликнула она.

– Я подкупил дирижера, – прошептал он ей на ухо.

Она колебалась, но, чувствуя на себе шокированные взгляды гостей, небрежно взяла Струана за руки, подстегиваемая пульсирующей музыкой.

– Я надеюсь, у вас ничего не свалится? – сказал Струан.

– Если свалится, вы меня защитите, я надеюсь?

И в следующий момент они заскакали по кругу. Шевон отпустила руки Струана, подхватила юбки и выбросила вверх ногу, показав кружевные панталончики. Раздался ликующий крик, и мужчины бросились разбирать партнерш. Теперь уже танцевали и вскидывали ноги все до единого, захваченные заразительным, безудержным ритмом.

Музыка в одночасье подчинила себе и развратила всех. Всех без исключения.

Когда она окончилась, раздались бешеные аплодисменты и непрекращающиеся

крики «бис!», и оркестр заиграл снова. Мэри забыла о ребенке, а Глессинг решил, что сегодня же вечером он попросит – нет, черт побери, потребует, – чтобы Горацио благословил их брак. Танцующие продолжали кружиться, высоко задирать ноги, подбадривать друг друга, восторженно вскрикивать – и потом все разом кончилось. Молодежь окружила Струана и Шевон, наперебой благодаря его и поздравляя ее. Она с видом собственницы держала его под руку и обмахивалась веером, бесконечно довольная собой. Он вытер вспотевший лоб, радуясь, что обе его карты оказались выигрышными: Тесс и канкан.

Все вернулись к своим местам за столами, и официанты начали разносить подносы с едой. Копченый лосось, копченые окорока, рыба, устрицы, съедобные моллюски и колбасы. Свежие фрукты, которые Чен Шень выкрал с лорки, совершившей опасное путешествие из Манилы. Говяжьи бока, приобретенные у королевского флота и зажаренные на открытом огне. Молочные поросята. Маринованные свиные ножки в сладком желе.

– Клянусь жизнью, – заметил Сергеев, – давно уже не видел я такого изобилия за столом и не проводил время так чудесно, мистер Струан.

– Ла-ла, ваше высочество, – сказала Шевон. приподняв одну бровь, – а по-моему, «Благородный Дом» сегодня как раз решительно ничем не смог нас удивить.

Струан рассмеялся вместе с остальными и сел во главе сгола. Сергеев опустился на стул по правую руку от него, Лонгстафф – по левую, рядом с великим князем расположилась Шевон. Мэри Синклер села подле Лонгстаффа, следом за ней – Глессинг, внимательный и заботливый. За тем же столом сидели Горацио, Аристотель, Мануэлита и адмирал. Потом Брок с Лизой и Джефф Купер. Робб и Кулум были хозяевами за своими собственными столами.

Струан посмотрел на Аристотеля, удивляясь про себя, как это старику удалось уговорить Варгаша позволить Мануэлите быть дамой Аристотеля за обеденным столом. Господи всемогущий, подумал он, неужели это Мануэлита позирует ему для той картины?

– Канкан, – говорил между тем Лонгстафф, – нет, чес-с-слово. Это был дьявольски рискованный трюк, Тай-Пэн.

– Отнюдь, ваше превосходительство, ведь здесь собрались вполне современные люди. Мне кажется, все получили массу удовольствия.

– Но если бы мисс Тиллман – не взяла на себя инициативу, – вставил Сергеев, – сомневаюсь, что кто-то из нас нашел бы в себе достаточно мужества.

– Что еще оставалось делать бедной девушке, ваше высочество? – ответила Шевон. – Честь была поставлена на карту. – Она повернулась к Струану: – С вашей стороны это было очень нехорошо, Тай-Пэн.

– Верно, – кивнул он. – Прошу вас извинить меня на минуту, я должен проследить, чтобы о гостях позаботились должным образом.

Он обошел столы, приветливо кивая всем. Когда он приблизился к столу Кулума, наступило молчание, и Кулум поднял глаза.

– Хэллоу, – произнес он.

– Все в порядке, Кулум?

– Да, благодарю вас. – Кулум был безукоризненно вежлив, но голос его звучал холодно. Горт, сидевший напротив Тесс за его столом, спрятал довольную усмешку. Струан кивнул и отошел.

Когда ужин закончился, дамы удалились в большую палатку, поставленную специально для них. Мужчины собрались группами у столов. Они курили, потягивали портвейн, отдыхали, довольные тем, что ненадолго остались одни. Разговор в основном шел о поднявшихся ценах на пряности, и Робб и Струан между делом заключили несколько выгодных сделок на их поставку, а также на предоставление

другим торговцам скупленного ими грузового пространства на торговых судах. По поводу предстоящего конкурса все сходились во мнении, что победительницей будет Шевон, но Аристотеля это, как будто, ни в чем не убеждало.

– Если вы не отдадите ей приз, – говорил Робб, – она убьет вас.

– Ах, Робб, дорогая ты моя простота! – возражал Аристотель. – Вы все не можете оторвать взгляд от ее грудок – они и в самом деле дивно хороши, – но конкурс-то объявлен на лучшее платье, а не на полное отсутствие такового!

– Но ее платье восхитительно. Самое лучшее здесь, даже думать нечего.

– Ах, бедняга ты бедняга, ты не обладаешь глазом художника – и чувством ответственности, которую налагает на человека бессмертный выбор.

Так что шансы Шевон стали расцениваться несколько ниже. Многие отдавали предпочтение Мэри. Мануэлита также имела своих сторонников.

– А кого выбрал бы ты, Кулум? – спросил Горацио.

– Мэри Синклер, разумеется, – ответил Кулум, как того требовала вежливость, хотя, насколько это касалось его, в мире теперь существовала лишь одна леди, достойная этой чести.

– Это очень любезно с твоей стороны, – сказал Горацио. В этот момент его окликнул Маусс, и он отвернулся со словами: – Прошу прощения.

Кулум присел за одним из етолов, радуясь возможности побыть наедине со своими мыслями. Тесс Брок. Какое очаровательное имя! Как она была прекрасна! Какая совершенная леди! Он увидел приближающегося к нему Горта.

– Пару слов с глазу на глаз, Струан? – произнес Горт.

– Конечно. Присаживайтесь, пожалуйста. – Кулум старался скрыть охватившее его беспокойство.

– Благодарствуйте. – Горт сел, положив свои огромные руки на стол. – Лучше уж я сразу выложу все, как есть. Я по-другому и не умею. Дело касается твоего отца и моего. Они враги, тут ничего не попишешь. И ничего мы с этим поделать не сможем, ни ты, ни я. Но, только потому что они враги, нам-то вовсе не обязательно так же относиться друг к другу. По крайности, такая у меня мысль. Китай большой, хватит его и на твою, и на мою долю. По крайности, такая у меня мысль. Мне до смерти надоело смотреть на те глупости, которые они вытворяют. Возьми, к примеру, этот холм – да они оба были готовы всем на свете рискнуть, все поставить на один удар молотка из-за этого своего лица. Если мы не поостережемся, нас обоих втянут в эту вражду, и тебя, и меня, хотя нам-то друг друга ненавидеть и не за что. Что скажешь? Давай решать сами за себя. Что мой Па думает или что твой Па думает – ну, это их личное дело. Давай мы с тобой начнем все по-честному. В открытую. Кто знает, может, когда-нибудь мы станем друзьями? Но, я думаю, не по-христиански это – нам вот так друг друга ненавидеть, из-за наших только отцов. Что скажешь?

– Я с тобой согласен, – ответил Кулум, сбитый с толку этим неожиданным предложением дружбы.

– Я не говорю, что мой отец не прав, а твой прав. Я только говорю, что мы как мужчины должны постараться жить своей жизнью, а уж там, как получится. – Грубое, словно вытесанное из камня лицо Горт а сложилось в улыбке: – Я, видать, тебя здорово огорошил, парень.

– Прошу прощения. Просто я... ну... да, я бы хотел, чтобы мы были друзьями. Я просто не ожидал, что... ну, что ты смотришь на это по-иному, чем наши родители.

– Вот видишь? Я как раз об этом и речь веду, клянусь Богом. Мы за всю жизнь друг другу и четырех слов не сказали, а ты уже думал, что я ненавижу тебя со всеми потрохами, да и только.

– Да.

– Нелегко это – ну, то, что мы затеем. Не забывай, у нас с тобой жизнь была разная. Моей школой стал корабль. В десять лет я уже ушел в свое первое плавание.

Так что придется тебе попривыкнуть к моим манерам, да и к речи. Но даже и так, я знаю про Китайскую торговлю больше многих, и я лучший моряк в этих водах. Не считая моего Па – да еще этого дьяволова отродья Орлова.

– Орлов так хорош?

– Да. Этот мерзавец, наверное, зачат от акулы, а выродила его русалка. – Горт взял щепоть просыпанной на стол соли и суеверно бросил ее через плечо. – У меня от этого сукина сына мурашки по коже бегают.

– У меня тоже, – кивнул Струан. Горт помолчал немного, потом сказал:

– Нашим отцам никак не понравится, что мы стали друзьями.

– Да. Я знаю.

– Скажу тебе прямо, Струан. Это Тесс мне сказала, что сегодня подходящий вечер, чтобы поговорить с тобой по душам. Так что поначалу это была и не моя идея – поговорить с тобой сегодня в открытую-то. Но я прямо рад, что теперь выговорился. Что скажешь? Давай попробуем, а? Вот моя рука.

Кулум с радостью пожал протянутую руку.

Глессинг раздраженно потягивал бренди, стоя в нетерпеливом ожидании по другую сторону танцевального круга. Он уже готов был прервать беседу Горацио с Кулумом, когда Маусс подозвал Синклера к себе. И что это ты, черт возьми, так разнервничался, спрашивал он себя. Да нет, я не нервничаю. Просто мне не терпится высказать то, что у меня на сердце. Клянусь Юпитером, Мэри сегодня выглядит потрясающе. Совершенно потрясающе!

– Извините, капитан Глессинг, – отрывисто произнес у его плеча Тернбулл, сероглазый, всегда безукоризненно одетый человек, главный магистрат Гонконга, который с крайней серьезностью относился к своему назначению.

– Прекрасный вечер, ну?

– Да.

– По-моему, сейчас самое время, если вы не против. Его превосходительство свободен. Нам стоит попробовать перехватить его, пока есть такая возможность.

– Хорошо. – Глессинг автоматически поправил пояс с саблей и последовал за Тернбуллом меж столов в сторону капитан-суперинтенданта торговли, стоявшего неподалеку.

– Вы не уделите нам минуту времени, ваше превосходительство? – обратился к нему Тернбулл.

– О, разумеется.

– Извините, что речь на праздничном вечере пойдет о делах, но все это весьма важно. Один из наших патрульных фрегатов захватил шайку грязных пиратов.

– Отлично. Дело, как будто, яснее ясного?

– Да, ваше превосходительство. Негодяи были захвачены у южного берега, недалеко от Абердина. Они грабили джонку, перебив ее команду.

– Проклятые свиньи, – возмутился Лонгстафф. – Суд уже состоялся?

– В этом-то и заключается проблема, – доложил Тернбулл. – Капитан Глессинг считает, что это должен быть военно-морской трибунал – я полагаю это гражданским делом. Но мои полномочия распространяются лишь на мелкие правонарушения и уж никак не на уголовные преступления какого бы то ни было рода. Это дело должно слушаться в присутствии присяжных и обязательно настоящим судьей; оно по всем оценкам достойно сессии.

– Верно. Но мы не можем иметь своего судью, пока официально не станем колонией. А это, как вы понимаете, займет еще не один месяц. С другой стороны, мы не можем держать преступников в тюрьме без скорого и справедливого суда – это незаконно. – Лонгстафф ненадолго задумался. – Я бы сказал, что дело это гражданское. Если присяжные вынесут обвинительный приговор, пришлите мне бумаги на утверждение. Вам лучше сразу начать возводить рядом с тюрьмой

виселицу.

– Я не могу сделать этого, ваше превосходительство. Это было бы серьезным нарушением законности. Закон в данном случае предельно ясен – только настоящий судья полномочен выносить приговор по такому важному делу.

– Однако мы не можем бесконечно долго держать под замком людей, обвинив их в преступлении и лишив открытого и справедливого суда. Что вы предлагаете?

– Я не знаю, что делать, сэр.

– Чертовски досадно все это! – сказал Лонгстафф. – Вы правы, конечно.

– Возможно, нам следует передать их китайским властям, пусть они с ними разбираются, – предложил Глессинг, стремясь поскорее решить этот вопрос, чтобы поговорить наконец с Горацио.

– Я не одобряю этого шага, – резко возразил Тернбулл. – Преступление было совершено в британских водах.

– Вполне с вами согласен, – кивнул Лонгстафф. – Пока что держите всех таких обвиняемых под стражей, а я отправлю срочную депешу в министерство иностранных дел и запрошу их указаний.

– Слушаюсь, ваше превосходительство. – Тернбулл замолчал на секунду. – Далее, я бы хотел получить средства на расширение тюрьмы. У меня десятки случаев ограблений с нанесением телесных повреждений и одна вооруженная кража со взломом.

– Очень хорошо, – апатично сказал Лонгстафф. – Давайте обсудим это завтра.

– Возможно, мне тоже следует попросить ваше превосходительство об аудиенции на завтра, – сказал Глессинг. – Мне необходимы какие-то деньги, чтобы нанять лоцманов, и нам нужно определить сумму портовых и причальных сборов. Кроме того, мне требуются полномочия на то, чтобы реквизировать несколько быстрых охотников за пиратами. Ходят упорные слухи, что флот этого дьявола Ву Фан Чоя стоит где-то недалеко на севере. Мне также понадобится ваше разрешение расширить мою юрисдикцию на все воды Гонконга. Существует настоятельная необходимость ввести единообразные таможенные свидетельства для порта и решить все вопросы, связанные с взиманием таможенных пошлин.

– Очень хорошо, капитан, – кивнул Лонгстафф. – В полдень. – И затем Тернбуллу: – Девять часов?

– Благодарю вас, ваше превосходительство.

К досаде Глессинга, Лонгстафф повернулся и направился к Горацио. Господи милостивый, подумал он, я так и не доберусь до него сегодня.

Струан смотрел на корабли, стоящие на якоре, и время от времени поглядывал на небо. Погода хорошая, сказал он себе.

– Прекрасная гавань, мистер Струан, – дружелюбно заметил Сергеев, подходя к нему.

– Да. Хорошо, что после стольких лет мы наконец имеем собственную гавань и свои воды. – Струан с появлением князя насторожился, но внешне его манеры оставались такими же спокойными. – Гонконг станет подлинной жемчужиной в королевской короне. Со временем.

– Не хотите ли немного прогуляться?

Великий князь направился вниз к воде, Струан поравнялся с ним и зашагал рядом.

– Насколько я понимаю, островом вы владеете чуть больше двух месяцев. – Князь махнул рукой в сторону многочисленных построек, заложенных в Счастливой Долине. – И, однако, у вас тут уже почти целый город. Ваша энергия и трудолюбие превосходят всякое воображение.

– Что ж, ваше высочество, если вы решаете, что что-то должно быть сделано, без толку сидеть и ждать, теряя время, не так ли?

– Вы правы. Мне только кажется странным, что вы удовлетворились лишь этой пустынной скалой, когда Китай так беспомощен. Война должна была бы принести вам много куда более значительных призов.

– Мы не гонимся за призами в войне с Китаем. Нам достаточно просто небольшой базы, где мы сможем килевать и переоснащать свои корабли. К тому же я едва ли назвал бы беспомощной нацию, насчитывающую триста миллионов человек.

– Значит, коль скоро война еще не завершена, вы, я полагаю, ожидаете прибытия крупных подкреплений. Вам понадобятся здесь армии, а не несколько тысяч солдат. И целые флоты, а не тридцать или около того кораблей.

– Его превосходительство осведомлен на этот счет лучше меня. Но со своей стороны могу сказать, что любая держава, которая решит померяться силами с Китаем, должна настроиться на долгую и упорную борьбу. Если у нее нет необходимых планов и необходимых людей. – Струан показал рукой через гавань на материк: – Эта земля не имеет конца.

– Россия тоже не имеет конца, – сказал Сергеев. – Но только иносказательно. На самом деле даже России положены пределы. Северным Ледовитым океаном и Гималаями. Балтийским морем и Тихим океаном.

– Вы заняли северные земли? – Струан был ошеломлен, но постарался не выдать голосом охватившей его тревоги. Где это, ради Создателя? К северу от Маньчжурии? Маньчжурии? Или Китая, моего Китая?

– Мать-Россия простирается от моря до моря. Под Богом, Тай-Пэн, – без всякой выспренности произнес Сергеев. – Нужно своими глазами увидеть землю моей родины, чтобы понять мои слова. Она черна, плодородна и наполнена жизнью. И все же мы превратили в пустыню полторы тысячи миль этой земли, чтобы сдержать Бонапарта и его Grande Armee[17].

Ваша стихия – море. Моя – земля. Море я оставляю вам, Тай-Пэн. – Взор Сергеева затуманился. – Сегодня днем мы наблюдали великий поединок. И заклад был любопытный. Крайне любопытный.

Струан улыбнулся, глубокие линии, прорезавшие его щеки, стали еще глубже.

– Жаль, что схватка закончилась вничью. Теперь мы так и не узнаем – не правда ли, ваше высочество, – кто же из бойцов был лучшим?

– Вы нравитесь мне, мистер Струан. Я бы хотел быть вашим другом. Мы могли бы очень пригодиться друг другу.

– Я почту за честь быть вам полезным везде и во всем.

Сергеев расхохотался, обнажив ослепительно белые зубы?

– Времени впереди достаточно. Единственное преимущество, которое Азия имеет перед Европой, кроется в отношении азиатов ко времени. Мой род происходит из Караганды. Город лежит по эту сторону Урала, так что, возможно, я отчасти азиат. Мы казаки.

– Я не понимаю. Урал?

– Горная цепь, которая тянется от Северного Ледовитого океана до Каспийского моря. Она делит Россию на восточную и западную части.

– Я так мало знаю о России... да и о Европе, если уж на то пошло, – сказал Струан.

– Вам непременно нужно побывать в России. Подарите мне шесть месяцев своего времени и позвольте быть вашим гостеприимным хозяином. У нас есть, на что посмотреть: города... бескрайние моря колышущейся травы. Поездка могла бы оказаться очень выгодной. Огромные рынки для чая, шелка и вообще всех видов товаров. – Его глаза весело сверкнули: – И женщины просто несравненны.

---

[17] Grande Armee – великая армия (фр.).

– На этой неделе я немного занят, но вот, может быть, на следующей?

– А теперь давайте оставим шутки и поговорим серьезно. Прошу вас, подумайте о моем предложении. На будущий год или через год. Я полагаю это очень важным. Для вас, для вашей страны и вообще для будущего. Россия и Британия никогда не воевали друг с другом. На протяжении веков мы были союзниками, и у нас обоих постоянно возникали трения с Францией, нашим традиционным противником. Россия располагает громадными земельными ресурсами и миллионами людей, сильных людей. У вас земли мало, поэтому вам нужна ваша империя, и мы ничего не имеем против этого. Вы правите морями, мы признаем и одобряем это. Ваша промышленная мощь возросла неимоверно и приносит вам огромные богатства. Это доставляет нам искреннее удовольствие. Вы имеете товары и средства их доставки, мы имеем рынки. Но у нас тоже есть товары, которые могут пригодиться вам: сырье для ваших невероятных машин и пища для вашего поразительного народа. Вместе мы несокрушимы. Вместе мы сможем держать Францию в узде. И не только ее, но и священную Римскую империю, и Пруссию, и турецких нехристей. Вместе мы сможем установить прочный мир. И расти и процветать на благо всех.

– Да, – столь же серьезно ответил Струан. – Я тоже за это. Но вы рассуждаете в масштабах целой нации. С исторической точки зрения. Это ничего не дает на практике. И я не считаю, что можно винить французов в честолюбии их королей. Или оправдать обращение турков в христиан посредством огня и меча. Я уже высказал свои взгляды за обедом. Если говорить о всех государствах сразу, то я уверен, что без какой-либо формы контроля за действиями королей – и королев – войн окончательно не избежать. Его превосходительство сегодня очень удачно выразился на этот счет. Короли – да и вообще любые вожди – проливают не свою кровь, а кровь других людей. Говоря же о практической стороне, я мало что могу сделать. Мой торговый дом не решает государственных проблем – и я не обладаю никакой реальной властью в парламенте, как вам хорошо известно.

– Но во всем, что касается Азии, к вашему мнению прислушиваются очень внимательно. А власть – и огромная власть – есть у меня в Санкт-Петербурге.

Струан глубоко затянулся сигарой, потом выпустил длинную струю дыма:

– Что вам нужно в Азии?

– Что вам нужно в Китае?

– Торговля, – ответил Струан тут же, словно не задумываясь, хотя внутренне весь собрался, чтобы случайно не выдать своей истинной цели. Существует, черт возьми, огромная разница, сказал он себе, между Азией и Китаем.

– Я, возможно, сумел бы добиться, чтобы «Благородному Дому» было даровано исключительное право поставлять чай на рынок всех трех России. И такое же право на вывоз пушнины и зерна изо всех трех России.

– В обмен на что? – спросил Струан, ошеломленный огромностью этого предложения. Подобная монополия означа ла бы миллионные доходы. И столь сильная позиция обеспечила бы ему влиятельное положение в английских политических кругах и подняла бы его престиж на недосягаемую высоту.

– Дружбу, – ответил Сергеев.

– Это слово включает в себя множество значений, ваше высочество.

– У него есть только одно значение, мистер Струан. Хотя, конечно, существует много способов, как друг может помочь другу.

– Какую конкретную помощь вы конкретно хотите получить в обмен на конкретное соглашение с моей компанией?

Сергеев рассмеялся.

– Этак у нас получится слишком много конкретностей для одного вечера, мистер Струан. Но, согласитесь, мое предложение стоит того, чтобы над ним поразмыслить и серьезно его рассмотреть. А также обсудить, выбрав для этого конкретный момент,

а? – Он устремил взгляд мимо кораблей через гавань на материк. – Вы непременно должны побывать в России, – повторил он.

– Когда вам понадобится перевод, ваше превосходительство? – Горацио поднял глаза от бумаги, которую минуту назад протянул ему Лонгстафф.

– В любое время, мой милый. Скажем, как-нибудь на днях, ну? Только поставьте китайские иероглифы над английскими словами, хорошо?

– Слушаюсь, сэр. Мне следует отправить его кому-нибудь?

– Нет. Просто вернете его мне. Разумеется, дело это приватное. – Лонгстафф отошел, довольный тем, как продвигается вперед его план. Письмо гласило: «Его превосходительство английский капитан-суперинтендант торговли желает приобрести пятьдесят фунтов семян тутового дерева или тысячу саженцев, которые должны быть доставлены ему как можно быстрее». Все. что ему останется сделать, когда Горацио вернет текст переведенным, это подставить «чая» вместо «тутового дерева». С этим он и сам справится: китайский иероглиф, обозначающий чай, можно найти на каждом ящике, который отправлялся домой. А потом он будет ждать, пока не решит, к кому можно и обратиться с таким посланием.

Оставшись один, Горацио перечел письмо. Интересно, зачем это Лонгстаффу вдруг понадобились тутовые деревья? Десятки тысяч этих деревьев вместе с шелковичными червями росли на юге Франции, и было бы проще простого получить семена оттуда. В то время как в Китае раздобыть их будет совсем не просто. Или Лонгстафф намерен посадить рощу этих деревьев прямо здесь? Но зачем ему тогда пятьдесят фунтов семян? Это же громадное количество, а он никогда не увлекался садоводством. И зачем подчеркивать, что это частное дело и не должно разглашаться?

– Горацио?

– А, привет, Джордж. Как поживаешь?

– Прекрасно, благодарю тебя.

Горацио заметил, что Глессинг был весь в поту и заметно нервничал.

– Что случилось?

– Ничего. Просто, видишь ли... ну, в жизни каждого человека наступает день... когда он должен... ну, ты вдруг встречаешь кого-то, кто... нет, я говорю все не то. Это касается Мэри. Я хочу жениться на ней, и мне нужно твое благословение.

Горацио вспыхнул, но тут же заставил себя успокоиться и сказал то, что уже решил сказать. Сегодня он весь вечер особенно остро ощущал то внимание, которое Глессинг оказывал Мэри; и вспоминал выражение лица капитана в самый первый день на острове. Он ненавидел Глессинга за то, что тот осмелился осложнить жизнь ему и Мэри, осмелился возомнить, будто Мэри хотя бы на мгновение может им всерьез заинтересоваться. – Я крайне польщен, Джордж. И Мэри тоже будет польщена. Но она... видишь ли, я думаю, она еще не вполне созрела для супружеской жизни.

– Да что ты! Конечно же, она к ней готова, давно готова, тут и думать нечего. А у меня прекрасные перспективы, и мой дед собирается отказать мне родовое поместье. Достаток у меня будет весьма приличный, и служебная карьера выглядит чертовски заманчиво, к тому же...

– Поостынь немного, Джордж. Мы должны очень тщательно все обдумать и взвесить. Ты уже говорил об этом с Мэри?

– Господи милостивый, нет. Хотел сначала узнать о твоем отношении. Как же иначе.

– Тогда дай мне время во всем разобраться. Я и не предполагал, что у тебя серьезные намерения. Боюсь, я должен попросить тебя запастись терпением – для меня Мэри всегда была гораздо младше, чем на самом деле. Да ведь и

совершеннолетия она еще не достигла, – небрежно добавил он.

– Значит, в общем и целом ты одобряешь? Так я понимаю?

– О да... просто мне никогда не приходило в голову, что... ну, в положенное время, когда она станет совершеннолетней, я уверен, она почтет за честь и с радостью примет твои ухаживания.

– Так ты считаешь, что мне следует подождать, пока ей исполнится двадцать один?

– Как ты понимаешь, я пекусь только об ее интересах. Она моя единственная сестра, и... мы очень близки друг другу. С тех пор, как умер отец, ее воспитанием занимался я.

– Да, конечно, – сокрушенно произнес Глессинг. – И из тебя, черт побери, вышел отличный воспитатель. Чертовски признателен, что ты вообще не отверг меня с ходу. Она такая... о, по-моему, она удивительная. Да, она удивительная.

– И все же лучше набраться терпения. Брак – это слишком ответственный шаг. Особенно для такой девушки, как Мэри.

– Да. Ты прав, конечно. Ну что ж, давай выпьем за будущее, а? Я не спешу с... э-э, но я хотел бы получить официальный ответ. Ведь нужно все распланировать, не так ли?

– О да, разумеется. Итак, за будущее!

– Дьявол меня забери, – выругался Брок, когда Горт подошел к нему. – Струаны прибрали к рукам каждый проклятый фут грузового пространства на всех кораблях, кроме наших. Как это у них получается? Еще сегодня утром? Уму непостижимо!

– Такое чувство, что узнал обо всем заранее – только это невозможно.

– Ну да ладно, клянусь Богом, это не так уж важно, – произнес Тайлер Брок, самодовольно улыбаясь и думая о своем корабле, спешившем в Манилу. Он не знал, что Дирк Струан и здесь опережает его на несколько часов. – Потанцевали и порезвились мы тут на славу, что скажешь?

– Кулуму, похоже, сильно приглянулась наша Тесс, Па.

– Н-да... я это тоже заметил. Пора ей, пожалуй, домой.

– Не раньше, чем пройдет конкурс. – Горящий взгляд Горта впился в глаза отца. – Если эта парочка поженится, то это как раз будет нам на руку.

– Никогда, клянусь Богом, – отрезал Брок, и его лицо побагровело.

– А я говорю – да, клянусь Богом. До меня дошел слух. От одного из наших португальских клерков, который узнал об этом от одного из клерков Струана: через полгода Тай-Пэн уезжает домой.

– Что?!

– Уезжает навсегда.

– Я в это не верю.

– Когда этот дьявол выйдет из дела, кто станет Тай-Пэном, а? Робб. – Горт смачно сплюнул. – Робба мы слопаем с потрохами. До земельной распродажи я был готов сказать, что и Кулума мы разжуем, как кусок солонины. Теперь я уже не так уверен. Но если Тесс будет его женой, тогда это будет «Брок, Струан и компания». После Робба Тай-Пэном станет Кулум.

– Дирк никогда не уедет. Никогда. Ты, видать, умом тронулся, парень. Только то, что Кулум танцевал с ней, не означает еще...

– Постарайся же понять, Па, – прервал его Горт. – Когда-нибудь Струан уедет. Все знают, что он метит в парламент. Как и тебе нужно будет уйти. Когда-нибудь.

– Ну, до этого-то еще далеко, клянусь Богом.

– Верно. Но когда-нибудь ты ведь все-таки уйдешь? Тогда Тай-Пэном буду я. – Голос Горта не был грубым, в нем звучала лишь спокойная уверенность. – Я буду Тай-Пэном «Благородного Дома», клянусь Богом, а не второй после него компании. И

союз Кулума и Тесс в самый раз мне это устроит.

– Дирк ни за что не уедет, – повторил Брок, ненавидя сына за намек на то, что Горт преуспеет там, где у него самого ничего не получилось.

– Я же о нас думаю, Па! И о нашем доме. О том, как ты и я работаем день и ночь, чтобы обойти его. И о будущем. Женитьба Кулума на Тесс отлично решит все наши проблемы, – твердо добавил Горт.

Брок весь словно ощетинился, уловив вызов в его словах. Он понимал, что наступит день, когда ему придется передать в другие руки бразды правления. Но это будет не скоро, клянусь Господом. Ибо, лишившись своей компании, перестав быть Тай-Пэном торгового дома «Брок и сыновья», он зачахнет и умрет.

– С чего ты решил, что это будет Брок-Струан? Почему не Струан-Брок, где Тай-Пэном будет он, а ты окажешься за бортом?

– Не беспокойся. Па. С тобой и этим дьяволом Струаном все обстоит как в сегодняшней схватке. Вы стоите один другого. Оба одинаково сильны, одинаково хитры. Но я и Кулум?.. Тут все иначе.

– Я подумаю о твоих словах. Потом приму решение.

– Конечно, Па. Ты – Тай-Пэн. Если йосс поможет, ты станешь Тай-Пэном «Благородного Дома» раньше меня. – Горт улыбнулся и направился к Кулуму и Горацио.

Брок поправил повязку на глазу и посмотрел вслед сыну, такому высокому, энергичному, сильному и такому молодому. Он перевел взгляд на Кулума, потом огляделся, отыскивая Струана. Он увидел Тай-Пэна стоящим в одиночестве на берегу бухты, Струан всматривался в ночь. Любовь к Тесс и желание видеть ее счастливой боролись в душе Брока с сознанием справедливости всего, что говорил Горт. Он ни на минуту не сомневался в том, что Горт уничтожит Кулума, когда между ними вспыхнет конфликт, – а Горт обязательно доведет дело до ссоры, едва лишь настанет подходящий момент. Правильно ли это? Отдать в руки Горту мужа Тесс, которого она, возможно, полюбит?

Он спросил себя, что же он действительно предпримет, если любовь Кулума и Тесс окажется не пустячным увлечением, и что предпримет Струан. Этот брак нам, как будто, на руку, сказал он себе. Ничего худого в этом нет, а? Да. Только ты-то знаешь, что старина Дирк никогда не уедет из Китая – как и ты, – и сведение счетов между тобой и им обязательно состоится.

Он ожесточил свое сердце, злясь на Горта за то, что тот заставил его почувствовать себя стариком. Зная, что и в этом случае он должен уничтожить Тай-Пэна. Ибо при живом Струане у Горта против Кулума нет ни единого шанса.

Когда леди вернулись в зал, танцы возобновились, но канкан больше не повторялся. Струан сначала протанцевал с Мэри, и ее наслаждение было бесконечным; сила, исходившая от него, успокоила и очистила ее и придала ей мужества.

Для следующего ганца он выбрал Шевон. Она приникла к нему достаточно близко, чтобы возбуждать, но недостаточно близко, чтобы показаться неделикатной. Ее тепло и аромат обволакивали его. Он мельком заметил, как Горацио увел Мэри с круга, а повернувшись к ним лицом вновь, увидел, что они не торопясь спускаются к берегу. Затем до него донеслось звяканье корабельного колокола. Половина одиннадцатого. Пора идти к Мэй-мэй.

Когда танец окончился, он проводил Шевон к столу.

– Вы извините меня, если я на мгновение оставлю вас, Шевон?

– Конечно, Дирк. Возвращайтесь скорее.

– Непременно, – ответил он.

– Дивная ночь, – искусственно восхитилась Мэри, нарушив гнетущее молчание.

– Да. – Горацио легко придерживал ее под руку. – Я хотел рассказать тебе нечто

забавное. Джордж только что отвел меня в сторону и попросил, официально попросил твоей руки.

– Тебя поражает, что у кого-то может возникнуть желание жениться на мне? – холодно спросила она.

– Конечно же нет, Мэри. Я просто хотел сказать, что это чудовищно самонадеянно с его стороны считать, будто ты можешь всерьез заинтересоваться таким помпезным ослом, как он, вот и все.

Она опустила глаза на веер, потом, встревоженная, устремила взгляд в темноту ночи.

– Я ответил ему, что, по-моему, он...

– Я знаю, что ты ему ответил Горацио, – резко оборвала она брата. – Ты был очень любезен и оставил его ни с чем разговорами про «время» и «мою милую сестрицу». Знаешь, наверное, я выйду замуж за Джорджа.

– Но ты не можешь! Я никогда не поверю, что этот зануда нравится тебе настолько, чтобы ты хоть на мгновение могла подумать о нем как о своем муже.

– Наверное, я выйду замуж за Джорджа, – повторила она. – На Рождество. Если Рождество будет.

– Что ты хочешь сказать этим «если Рождество будет?»

– Ничего, Горацио. Он нравится мне достаточно, чтобы стать его женой, и я... я думаю, пришло мне время уезжать отсюда.

– Я не верю этому.

– Я сама этому не верю. – Ее голос задрожал. – Но если Джордж хочет жениться на мне... я решила, что этот выбор меня устраивает.

– Но, Мэри, ты нужна мне. Я люблю тебя, и ты знаешь... – Ее глаза вдруг яростно сверкнули, и вся накопившаяся за долгие годы горечь и боль заклокотала у нее в горле:

– Не смей говорить мне о любви!

Он смертельно побледнел, и губы его задрожали.

– Я миллион раз молил Господа простить нас.

– Твои просьбы к нему простить «нас» несколько запоздали, тебе не кажется?

Это началось после очередной порки, когда он был еще маленьким, а она – совсем маленькой. Они вместе забрались в постель, изо всех сил прижимаясь друг к другу, чтобы прогнать от себя ужас и боль. Жар их тел успокоил и убаюкал ее, а потом она испытала новую боль, которая заставила ее забыть даже о плети. Это повторялось потом несколько раз, и ей уже не было больно, она стала находить в этом удовольствие – Мэри была тогда слишком мала, чтобы понимать что-то, но Горацио – Горацио вырос уже достаточно. Потом он уехал учиться в Англию. После его возвращения они ни разу не заговаривали о том, что произошло между ними. Ибо к тому времени они оба уже знали, что это было.

– Перед Богом клянусь, я столько молил Его о прощении.

– Что ж, рада это слышать, милый братец. Только никакого Бога нет, – сказала она, и голос ее был бесстрастен и жесток. – Я прощаю тебя. Но это не вернет мне моей невинности, не так ли?

– Мэри, прошу тебя, умоляю, ради Создателя, пожалуйста...

– Я прощаю тебе все, братец мой дорогой. Кроме твоего отвратительного лицемерия. Мы не грешили – ты согрешил. Молись за свою собственную душу, мою оставь в покое.

– За твою душу я молюсь больше, чем за свою. Мы согрешили, да поможет нам Господь. Но Бог простит нас. Он простит, Мэри.

– В этом году, если йосс мне поможет, я стану женой Джорджа, забуду тебя и забуду Азию.

– Но ты несовершеннолетняя. Ты не можешь уехать. Я твой законный опекун. Я

не могу отпустить тебя. Со временем ты сама поймешь, как это разумно. Так будет лучше для тебя же самой. Я запрещаю тебе уезжать Этот подонок недостоин тебя, слышишь? Ты никуда не уедешь!

– Когда я решу выйти за Джорджа, – прошипела она, и он отшатнулся, словно тигрица полоснула его своими когтями, – тебе лучше поторопиться с твоим вонючим «благословением», потому что если ты этого не сделаешь, я всем расскажу... нет, сначала я расскажу Тай-Пэну, и он придет за тобой с плетью. Мне терять нечего. Нечего! И все твои насквозь прогнившие молитвы, которые ты возносишь своему несуществующему Богу и блаженному Христу нашего отца, не помогут тебе. Потому что никакого Бога нет, никогда не было и никогда не будет, а Христос был всего лишь человеком – святым, но человеком!

– Ты не Мэри. Ты... – его голос треснул, – ты само зло. Конечно, Бог существует. Конечно, у нас есть душа. Ты еретичка. Ты дьяволица! Это все ты, ты наделала, не я! О Господи Боже, яви нам милость Твою...

Она ударила его по щеке всей ладонью.

– Прекрати это, дорогой братец. Меня тошнит от твоих пустых молитв. Ты слышишь? Сколько лет при виде тебя меня бросало в дрожь. Потому что каждый раз я читаю в твоих глазах похоть и знаю, что ты все так же хочешь меня. Даже понимая, что это кровосмешение, как ты понимал это и в тот день, когда впервые сотворил это со мной. – Она зашлась в жутком хохоте. – Ты еще хуже, чем отец. Он-то обезумел от веры, а ты... ты только притворяешься, что веришь. О, я надеюсь, что твой Бог существует, потому что тогда ты будешь вечно гореть в адском пламени. И поделом тебе.

Она ушла.

Горацио долго смотрел ей вслед, потом, ничего не видя перед собой, бросился в темноту.

Глава 9

– Хейа, масса! – с цветущей улыбкой произнес Лим Дин, широко распахивая дверь.

– Хейа, Лим Дин, – ответил Струан, бросая взгляд на барометр. 29, 8 дюйма, «ясно». Превосходно.

Он двинулся по коридору, но Лим Дин загородил ему дорогу и с важностью показал на гостиную:

– Мисси говолит здеся мозна. Мозна?

– Можно, – весело хмыкнул Струан.

Лим Дин подал ему его бренди, уже налитое в бокал, с поклоном проводил до кожаного кресла с высокой спинкой и заторопился из комнаты, Струан забросил ноги на оттоманку. Старое уютное кресло пахло кожей, его резкий запах приятно смешивался с ароматом духов Шевон, который, казалось, все еще окружал его.

Часы на каминной доске показывали без двадцати минут двенадцать.

Струан начал напевать матросскую песню.

Он услышал звук открывшейся двери и приближающийся шелест шелкового платья. Ожидая, когда Мэй-мэй появится на пороге, он опять стал сравнивать ее и Шевон. Этим сравнением он занимался весь вечер, пытаясь непредвзято оценить каждую из них. Шевон была прелестной игрушкой, без сомнения, энергичной и полной жизни. Он бы с удовольствием занялся приручением такой женщины, да. И как жена Шевон была бы в его доме превосходной хозяйкой – уверенная в себе, наделенная тонким умом, она открыла бы ему многие двери. Брать с собой в Англию Мэй-мэй – как жену – означало бы пойти на крайний риск. Как любовницу – другое дело. Н-да, сказал он себе. Но даже и в этом случае я все равно женюсь на ней. Имея

за спиной могущество «Благородного Дома» и с лицензией на монопольное право торговли с Россией в кармане, я могу рискнуть показать длинный нос условностям светской морали и разрушить почти непреодолимый барьер между Западом и Востоком. Мэй-мэй, вне всякого сомнения, докажет – на все времена – тем людям, которые действительно определяют общественное мнение, что Восток во всем достоин нас и способен обогатить нашу жизнь и наш быт. Самим своим появлением Мэй-мэй приблизит день равенства. И он наступит еще при моей жизни.

Да, загораясь, думал он. Мэй-мэй будет чудесным ходом в моей игре. Вместе мы добьемся успеха. На все времена. Чуть-чуть йосса, и весь Лондон будет у ее ног.

Он поднял глаза, и окрылившая его радость разлетелась на тысячу осколков, словно хрустальная птица, рухнувшая на пол.

Мэй-мэй, вертясь туда-сюда, стояла в дверях с лучезарной улыбкой на лице. Ее европейское платье с огромной юбкой и турнюром было бешено разноцветным и вдобавок все сверкало драгоценными камнями. Волосы завитыми колечками опускались на голые плечи, на голове сидела шляпа с перьями. Она выглядела чудовищно. Кошмарно.

– Кровь Господня!

Мгновение они смотрели друг на друга посреди жуткого молчания.

– Это... это очень красиво, – спотыкаясь, выговорил он с фальшивой улыбкой, раздавленный болью в ее глазах.

Мэй-мэй ужасно побледнела, лишь высоко на щеках запылали два багровых пятна. Она знала, что страшно потеряла лицо перед Струаном. Она покачнулась, едва не потеряв сознание. Потом зарыдала и бросилась прочь.

Струан рванулся следом за ней по коридору. Не разбирая дороги, он пробежал через ее комнаты и остановился перед дверью в спальню, запертую изнутри на задвижку.

– Мэй-мэй, девочка. Открой мне.

Ответа не последовало, и он почувствовал, что за спиной у него появились Лим Дин и А Сам. Когда он обернулся, они исчезли, до смерти напуганные выражением его глаз.

– Мэй-мэй! Отопри дверь!

По-прежнему никакого ответа. Он был в ярости на себя за то, что не сумел скрыть своих чувств, за то, что оказался так глуп и неподготовлен. Он должен был догадаться, что Мэй-мэй непременно захочет по-своему принять участие в бале, и, конечно, все ее вопросы должны были подсказать ему, что она собирается сшить себе бальное платье, и... о, Господи!

– Отопри мне!

Вновь молчание. Его каблук с треском врезался в дверь. Она распахнулась и повисла на искореженных петлях.

Мэй-мэй стояла подле кровати, глядя в пол прямо перед собой.

– Не следовало тебе запирать дверь, девочка. Ты... видишь ли, ты... это платье и ты просто ошеломили меня на мгновение. – Он знал, что должен вернуть ей лицо, или она умрет. Умрет от горя или от собственной руки. – Пойдем, – сказал он. – Мы отправляемся на бал.

Мэй-мэй захотела упасть на колени, чтобы поклониться ему и вымолить прощение, но запуталась в юбках и споткнулась. Она открыла рот, чтобы заговорить, но не смогла произнести ни звука. Шляпка с перьями соскользнула на пол.

Струан бросился к Мэй-мэй и постарался поднять ее на ноги.

– Полно, девочка моя, не нужно этого.

Но она не хотела подниматься. Она еще глубже уткнулась лицом в ковер и попыталась зарыться в него, вцепившись в ворс ногтями.

Струан неловко поднял ее и встал рядом, поддерживая. Мэй-мэй отвернулась.

Он твердо взял ее за руку.

– Пойдем?

– Что? – тупо спросила она.

– Мы отправляемся на бал. – Он понимал, что это станет катастрофой и для него, и для нее. Понимал, что после этого он перестанет существовать для европейцев как член их общины и что над ней будут смеяться. Но и в этом случае он знал, что должен взять ее с собой или дух ее умрет и никогда больше не воскреснет. – Пойдем, – повторил он, и голос его дрогнул на опасной грани. Но она лишь продолжала смотреть себе под ноги, дрожа всем телом.

Он мягко потянул ее за руку, но она едва не упала. Тогда Струан мрачно сжав губы, поднял Мэй-мэй на руки. Ее тело бессильно привалилось к его груди, словно мертвое. Он понес ее к двери.

– Мы идем на бал, и точка.

– Подожди, – всхлипнула она. – Я... я... я должна, ш... ш... шляпка.

Он отпустил ее, и она вернулась в спальню. В этом платье ее раскачивающаяся семенящая походка казалась безобразной. Отныне между ними все будет уже не так, как прежде, с горечью признал Струан. Она совершила ужасную ошибку. Он должен был бы предвидеть ее, но...

Он вдруг увидел, как она метнулась к острому, как бритва, стилету, которым пользовалась при вышивании. Струан оказался рядом в тот самый миг, когда Мэй-мэй направила его себе под сердце, и ухватился за рукоятку. Острие скользнуло вдоль костяной пластинки ее корсета. Он отшвырнул нож и попытался обнять ее, но она, исступленно затараторив что-то по-китайски, оттолкнула его и стала раздирать на себе платье. Струан быстро повернул ее к себе спиной и расстегнул крючки. Мэй-мэй разорвала перед платья пополам, выбралась из него, скинула корсет и вцепилась в панталоны. Освободившись от них, она принялась топтать платье, заходясь в безумном, диком крике.

– Прекрати! – крикнул он, хватая ее в охапку, но она уперлась руками ему в грудь и с неистовой силой отшвырнула от себя. – Прекрати!

Он с размаху хлестнул ее по лицу ладонью. Она пьяно покачнулась и рухнула на кровать. Веки ее затрепетали, и она потеряла сознание.

Струан остановился на мгновение, чтобы справиться с молотом, стучавшим у него в ушах. Сорвав простыни с постели, он накрыл ими Мэй-мэй.

– А Сам! Лим Дин!

Два перекошенных от страха лица появились у сломанной двери.

– Чай – быстро раз-раз! Нет. Принеси бренди.

Лим Дин вернулся с бутылкой. Струан бережно приподнял Мэй-мэй и помог ей сделать глоток. Она поперхнулась и слегка закашлялась. Затем веки ее задрожали и открылись. Глаза неподвижно смотрели на него, не узнавая.

– С тобой все в порядке, девочка? Мэй-мэй, ответь мне!

Она словно не слышала его. Ее пугающий, застывший взгляд упал на изуродованное платье, и лицо жалобно сморщилось. Из приоткрывшихся губ вылетел стон, и она что-то пробормотала по-китайски. А Сам с круглыми от ужаса глазами заставила себя шагнуть вперед. Опустившись на колени, она начала лихорадочно собирать разбросанную одежду.

– Что она сказала? Что мисси говорит? – спросил Дирк Струан, не сводя с Мэй-мэй встревоженного взгляда.

– Дьявольские одежды огонь, масса.

– Нет огонь, А Сам. Моя комната класть. Прятать. Прятать. Ясно?

– Ясна, масса.

– Потом иди сюда.

– Ясна, масса.

Струан махнул рукой Лим Дину, отпуская его, и он тут же исчез.

– Ну же, девочка, – мягко проговорил он, напуганный неподвижностью и безумием ее взгляда. – Давай-ка мы оденем тебя в твое обычное платье. Ты должна пойти со мной на бал. Я хочу познакомить тебя с моими друзьями.

Он шагнул к ней, но она резко дернулась назад, словно изготовившаяся к обороне змея. Он замер на месте. Ее лицо исказилось, пальцы скрючились и превратились в когти. В углу рта блеснула капелька слюны. Выражение ее глаз внушало ужас.

Его вдруг охватил страх за нее. Он уже видел однажды этот взгляд. В глазах морского пехотинца за миг до того, как его мозг разлетелся в клочья. В тот первый день на Гонконге.

Он быстро вознес немую молитву Господу и собрал всю свою волю.

– Я люблю тебя, Мэй-мэй, – мягко сказал он, потом повторил это еще раз, еще и еще, медленно двигаясь через комнату. Ближе. Медленно, очень медленно. Вот он уже вырос перед ней и увидел занесенные для удара когти. Подняв руки, он нежно коснулся ее лица. – Я люблю тебя, – повторил он. Его глаза, которые он даже не пытался как-то защитить, подчиняли ее себе неиссякаемостью струившейся из них силы.

– Ты нужна мне, девочка, нужна мне.

Безумие в ее глазах сменилось болью, и она, рыдая, упала к нему на грудь. Он обнял ее и, обессиленный, возблагодарил Бога.

– Мне... я... прости, – всхлипывала она.

– Не надо извиняться, девочка. Ну же, ну, полно.

Он отнес ее к кровати и сел, держа ее на руках и мягко покачивая, как ребенка.

– Ну же, ну.

– Оставь... меня... теперь. Все... все теперь хорошо.

– Ни за что не оставлю, – сказал он. – Давай-ка сначала соберись с силами, а потом мы оденемся и пойдем на бал. Не переставая плакать, она покачала головой:

– Нет... не могу. Я... пожалуйста...

Потом плач стих, она мягко высвободилась из его объятий и встала рядом, пошатываясь. Струан подхватил ее и подвел к кровати, где помог снять остатки разорванной одежды. Уложив ее в постель, он заботливо укутал ее простынями.

Ее тело безжизненно обмякло на кровати, и она закрыла глаза, лишенная последних сил.

– Пожалуйста. Сейчас хорошо. Должна... спать. Ты иди.

Он ласково погладил ее по голове, убрав с лица нелепые завитки волос.

Позже он ощутил спиной, что в дверях стоит А Сам. Он обернулся, и девушка вошла в комнату, по щекам ее катились слезы.

– Твоя уходить, масса, – прошептала она. – А Сам смотреть, нет беспокойся. Бояца нет. Мозна.

Он устало кивнул. Мэй-мэй глубоко спала. А Сам опустилась на колени рядом с кроватью и осторожно, с нежностью, погладила голову Мэй-мэй,

– Бояца нет, масса. А Сам оч-чень смотреть, когда масса приходить.

Струан на цыпочках вышел из комнаты.

Глава 10

Кулум первым встретил Струана, когда тот опять появился на балу.

– Можем мы наконец начать конкурс? – отрывисто спросил он. Ничто не могло нарушить его радостного настроения по поводу вновь обретенной возлюбленной и ее брата, вновь обретенного друга. Но он продолжал играть свою роль.

– А чего вы дожидались все это время? – в тон ему ответил Струан. – Где Робб?

Кровь господня, неужели я должен все делать сам?

– Ему пришлось уйти. Сообщили, что у. тети Сары начались схватки. Кажется, там не все благополучно.

– Что именно?

– Не знаю. Но с ним отправилась миссис Брок – посмотреть, не сможет ли она помочь.

Кулум отошел. Струан едва заметил его отсутствие. К нему вернулась тревога за Мэй-мэй, а теперь к ней добавились и переживания за Сару и Робба. Но Лиза Брок слыла лучшей повивальщицей в Азии, поэтому если какая-то помощь понадобится, Сара ее получит.

Подошла Шевон. Она принесла ему бренди. Молча протянув Струану бокал, она невесомым движением взяла его под руку. Шевон понимала, что собеседник был ему сейчас не нужен. В такие минуты лучше не говорить ничего: размышляй, сколько угодно, но никаких вопросов. Ибо даже самые, сильные натуры, как она знала, временами нуждаются в теплоте молчаливого, понимающего, терпеливого сочувствия. Поэтому она ждала, стараясь окружить его своим присутствием, словно неким облаком.

Струан медленно потягивал бренди. Его взгляд быстро пробежал по оживленной толпе гостей, и он увидел, что все было в порядке: взрывы смеха то здесь, то там, порхающие веера, сверкающие эфесы. Он понаблюдал за Броком, занятым приватной беседой с великим князем. Брок слушал русского с предельной сосредоточенностью, время от времени кивая головой. Что говорил ему Сергеев? Предлагал ту же самую лицензию? Мэри обмахивалась веером рядом с Глессингом. Там что-то не так, отметил он про себя. Тесс, Кулум и Горт весело смеялись, стоя тесной группой. Хорошо.

С последним глотком бренди к Струану полностью вернулось самообладание, и он посмотрел на Шевон.

– Благодарю вас, – произнес он. сравнивая уродливую гротескность Мэй-мэй в европейском платье и с европейской прической с тем совершенством, которое такой наряд придавал облику Шевон. – Вы очень красивы и наделены глубоким пониманием.

Его голос звучал отрешенно, и она догадывалась, что это должно быть как-то связано с его любовницей. Ну и пусть, подумала она и ободряюще сжала его руку.

– Теперь все хорошо, – сказал он.

– Сюда направляется мистер Квэнс, – предупредила она его вполголоса. – Пора назвать победительницу.

Яркая зелень его глаз потемнела.

– Вы не только прекрасны, Шевон, но и умны.

Она уже приготовилась поблагодарить его, но сдержалась. Слова замерли на кончике языка, и она лишь слегка шевельнула веером. Шевон чувствовала, что бренди, молчание и понимание – прежде всего то, что не было задано ни одного вопроса – сделали много, чтобы подвести его вплотную к принятию решения.

– А, Тай-Пэн, мой дорогой друг, – заговорил Квэнс, подходя к ним. От него изрядно несло спиртным. В глазах плясало веселье, лицо раскраснелось. – Настало время судить конкурс!

– Очень хорошо, Аристотель.

– Ну так объявляйте, и давайте приступим к делу!

– Мистер Квэнс! – Слова прокатились в ночи подобно раскатам грома.

Все повернулись к выходу, пораженные.

Квэнс испустил громкий стон.

В дверях стояла Морин Квэнс и ее глаза, устремленные на мужа, буквально испепеляли его. Морин была высокой, широкой в косги ирландкой с лицом,

напоминавшим дубленую кожу, крупным носом и ногами, которые упирались в пол, как дубовые столбы. Одних с Квэнсом лет, она сохранила недюжинную силу. Ее седые, стального цвета волосы были собраны сзади в неопрятный пучок.

В молодости она слыла привлекательной, но картофель и пиво сделали свое дело, и сейчас ее раздавшееся вширь тело внушало лишь почтительный трепет.

– Добрейший вам вечер, мистер Квэнс, муженек мой разлюбезный, – сказала она. – Вот и сама здесь, славен будь Господь!

Она двинулась через зал, не обращая внимания на шокированные взгляды и неловкое молчание, и встала прямо перед супругом.

– Долгонько же я тебя искала, мой сладкий.

– О? – выдавил Квэнс из себя дрожащим фальцетом.

– "О" и есть. – Она повернула голову. – Добрый вечер, мистер Струан, и я хочу поблагодарить вас за жилье и провизию. Слава Господу, сама поймала-таки проказника.

– Вы... э... выглядите превосходно, миссис Квэнс.

– И верно, на здоровье пожаловаться не могу и чувствую себя неплохо. Не иначе как сам святой Патрик в благости своей сотворил чудо, послав самой туземную лодку и направив ее стопы в это бессмертное место. – Она обратила на Аристотеля скорбный взгляд, и он мелко задрожал. – Ну, а теперь мы будем прощаться, дорогой мой!

– Но, миссис Квэнс, – быстро проговорил Струан, вспомнив о конкурсе. – Мистера Квэнса удерживают здесь некоторые...

– Мы будем прощаться, – повторила она, и в голосе ее послышалось угрожающее ворчание львицы, у которой отнимают ее добычу. – Пожелай хозяевам доброй ночи, мой мальчик.

– Доброй ночи, Тай-Пэн, – пискнул Аристотель. Съежившись, он позволил Морин взять себя под руку и увести.

После того, как они ушли, зал взорвался дружным хохотом.

– Смерть господня, – выругался Струан. – Бедный старина Аристотель.

– Что случилось с мистером Квэнсом? – спросил Сергеев. Струан посвятил его в семейные неурядицы художника.

– Может быть, нам следует прийти к нему на помощь? – предложил Сергеев. – Он мне определенно понравился.

– Мы едва ли вправе вмешиваться в супружеские отношения, как вы думаете?

– Пожалуй. Но кто же тогда будет судьей конкурса?

– Видимо, придется мне взять это на себя.

Глаза Сергеева весело прищурились.

– Позвольте мне вызваться добровольцем. Как другу?

Струан внимательно посмотрел на него. Затем повернулся на каблуках и вышел на центр круга. Оба оркестра взяли громкий мажорный аккорд.

– Ваше превосходительство, ваше высочество, леди и джентльмены. Сегодня вечером у нас проводится конкурс среди леди на лучшее бальное платье. Боюсь, что наш бессмертный Квэнс занят в данный момент другими делами. Но ею высочество великий князь Сергеев предложил разрешить наше затруднение и сделать выбор. – Струан повернулся к великому князю и захлопал в ладоши. Его аплодисменты были гут же подхвачены, и вышедшего вперед Сергеева встретил одобрительный рев.

Сергеев взял мешок с тысячью гиней.

– Кого мне выбрать, Тай-Пэн? – спросил он углом рта. – Тиллман для вас, Варгаш для меня, Синклер – потому что она самая интригующая дама в зале? Выбирайте, кто будет победительницей.

– Это ваш выбор, мой друг, – сказал Струан и отошел с безмятежной улыбкой.

Сергеев подождал немного, продлевая приятное волнение. Он знал, что выбор

должен пасть именно на ту, кого наметил в победительницы Струан. Наконец он принял решение, прошел через притихший зал, поклонился и положил мешок с золотом к ее ногам.

– Полагаю, это принадлежит вам, мисс Брок.

Тесс ошеломленно смотрела на великого князя. Потом тишина лопнула, и ее лицо густо зарделось.

Раздались шумные аплодисменты, и те, кто поставил на Тесс вопреки настроениям большинства, громко закричали от восторга.

Шевон хлопала вместе со всеми, скрывая свое разочарование. Она понимала, что выбор был сделан действительно мудро.

– Идеальный политический ход, Тай-Пэн, – спокойно прошептала она. – Вы очень умны.

– Это решение принял не я, его принял великий князь.

– Вот вам еще одна причина, по которой вы мне так нравитесь, Тай-Пэн. Вы все время невероятно рискуете, и ваш йосс никогда вас не подводит. Это удивительно.

– А вы и сами редкая женщина.

– Да, – призналась она без всякого тщеславия. – Я очень хорошо понимаю политику. Это у нас семейное. Когда-нибудь мой отец – или один из моих братьев – станет президентом Соединенных Штатов.

– Вам следует быть в Европе, – сказал он. – Здесь вы растрачиваете себя.

– В самом деле? – Ее глаза, дразня, посмотрели на него.

Глава 11

Струан вошел в дом, стараясь не шуметь. Близился рассвет. Лим Дин спал возле самой двери и, вздрогнув, пробудился.

– Чай, масса? Завтлак? – спросонья забормотал он.

– Лим Дин кровать, – мягко сказал Струан.

– Да, масса. – Китаец засеменил к себе.

Струан пошел по коридору, но, проходя мимо гостиной, заглянул в открытую дверь и остановился как вкопанный. Мэй-мэй, бледная и неподвижная, сидела в кожаном кресле и смотрела на него.

Когда он вошел в комнату, она поднялась и изящно поклонилась. Ее волосы были собраны сзади в тяжелый пучок, большие темные глаза аккуратно подведены, брови выгнулись двумя ровными дугами. Она надела длинное простое китайское платье.

– Как ты себя чувствуешь, девочка? – спросил он.

– Благодарю вас, ваша раба теперь чувствует себя хорошо. – Бледность и прохладный зеленый цвет ее шелкового платья подчеркивали то огромное достоинство, с которым она держалась. – Вы не хотите ли бренди?

– Нет, спасибо.

– Чай?

Струан покачал головой, пораженный ее величавостью.

– Я рад, что тебе лучше. Наверное, тебе не следовало вставать, час уже поздний.

– Ваша раба умоляет вас простить ее. Ваша раба...

– Ты не раба и никогда не была ею. А теперь запомни, девочка, прощения тебе просить не за что, поэтому давай-ка живо в постель.

Мэй-мэй терпеливо ждала, когда он закончит говорить.

– Ваша раба умоляет вас слушать. Она должна сказать сама все, что должно быть сказано. Пожалуйста, садитесь.

Две слезинки выступили в уголках глаз и сбежали вниз по бледным, как мел,

щекам.

Он сел, почти завороженный ее видом.

– Ваша раба просит своего господина продать ее.

– Ты не раба, и тебя нельзя покупать или продавать.

– Пожалуйста, продать. Кому угодно. В притон или другому рабу.

– Ты не продаешься.

– Ваша раба оскорбила вас так, что этого нельзя вынести. Пожалуйста, продать.

– Ты ничем меня не оскорбила. – Он встал, и в его голосе зазвучали металлические нотки. – А теперь иди спать.

Она упала на колени и склонилась перед ним.

– Ваша раба больше не имеет лица перед своим господином и владельцем. Она не может жить здесь. Пожалуйста, продать!

– Встань! – Лицо Струана окаменело. Она поднялась на ноги. На ее лицо легла тень, оно казалось лицом призрака.

– Тебя нельзя продать, потому что тобой никто не владеет. Ты останешься здесь. Мне ты не нанесла никакого оскорбления. Ты удивила меня, вот и все. Европейская одежда не идет тебе. Те платья, что ты обычно носишь, мне нравятся. И ты нравишься мне такая, как есть. Но если ты не хочешь оставаться, ты вольна уйти.

– Пожалуйста, продать. Это ваша раба. Пока хозяин не продаст, раба не может уйти.

Струан едва не взорвался. Держи себя в руках, отчаянно крикнул ему внутренний голос. Если ты сейчас не совладаешь с собой, то потеряешь ее навсегда.

– Иди ложись.

– Вы должны продать вашу рабу. Продайте вашу рабу или прогоните ее.

Струан понял, что уговорами и убеждением он ничего не добьется. С Мэй-мэй нельзя обращаться, как с европейской женщиной, сказал он себе. Веди себя с ней так, как если бы ты был китайцем. Но как это? Я не знаю. Обращайся с ней как с женщиной, приказал он себе, решив наконец, какую тактику ему избрать.

– Ты никуда не годная рабыня, клянусь Богом! – разразился он в притворном гневе. – И я, пожалуй, продам тебя на улицу Голубых Фонарей, – словно распаляясь, проорал он, выбрав улицу самых грязных притонов в Макао, – хотя кто захочет покупать такую грязную никчемную рабыню, как ты, я не знаю. От тебя одни беды, и я подумываю, уж не отдать ли тебя прокаженным. Вот именно, прокаженным, клянусь Богом! Я заплатил за тебя восемь тысяч полновесных серебряных тэйлов, а ты осмеливаешься сердить меня? Клянусь Богом, меня обманули! Ты не стоишь даже комка грязи! Презренная рабыня – не представляю, как я терпел тебя все эти годы! – Он бешено потряс кулаком перед самым ее лицом, и она отшатнулась. – Разве я плохо обращался с тобой? А? Был недостаточно щедр? А? А? – рычал он, с удовлетворением заметив, как в ее глазах промелькнул страх. – Отвечай!

– Нет, господин, – прошептала она, кусая губы.

– Ты осмеливаешься заказывать наряды за моей спиной, а потом надевать их, не спросив моего разрешения, клянусь Богом! Ну, отвечай?

– Да, господин.

– Я продам тебя завтра же. Меня даже подмывает вышвырнуть тебя из дома прямо теперь, презренная подлая шлюха! На колени! Сейчас же на колени, клянусь Богом!

Она еще больше побледнела при виде его ярости, рухнула на колени и быстро поклонилась.

– А теперь продолжай кланяться, пока я не вернусь!

Он вихрем вылетел из комнаты и направился в сад. Выхватив нож, он выбрал тонкий побег бамбука из только что посаженной рощицы, срезал его, со свистом рассек воздух раз-другой и бегом вернулся в гостиную.

– Снимай одежду, презренная раба! Я собираюсь сечь тебя до тех пор, пока рука не отвалится!

Дрожа всем телом, она разделась. Он вырвал у нее платье и швырнул его на пол.

– Ложись сюда! – он показал на оттоманку. Она сделала, как он приказал.

– Пожалуйста, не сечь меня слишком сильно, я уже два месяца ношу ребенка. – Она уткнулась лицом в оттоманку.

Струану захотелось сжать ее в объятиях, но он знал, что, сделав это, потеряет перед ней лицо. И порка теперь была единственным способом вернуть ей ее достоинство.

Поэтому он хлестнул бамбуковым прутом по ягодицам, рассчитав силу так, чтобы причинить боль, но ни в коем случае не повредить. Скоро она уже громко кричала, плакала навзрыд и извивалась от боли, но он продолжал наказание. Дважды он нарочно промахивался и со всей силы ударял по кожаной поверхности оттоманки; ужасающий звук, который при этом получался, был предназначен для ушей Лим Дина и А Сам, подслушивающих, как он знал, у двери.

После десяти ударов он приказал ей оставаться на месте, а сам подошел к буфету и достал бутылку бренди. Сделав глубокий глоток прямо из горлышка, он запустил бутылку в стену и возобновил порку. Неизменно соразмеряя силу удара.

Наконец он остановился и, ухватив ее за волосы, поставил на ноги.

– Одевайся, презренная рабыня!

Когда она оделась, он проревел:

– Лим Дин! А Сам!

Через мгновение они, нервно дрожа, появились на пороге.

– Почему нет чай, нет еда, ленивые рабы! Нести еду! – Он швырнул бамбуковый прут к двери и повернулся к Мэй-мэй:

– На колени, развалина несчастная!

В ужасе от его неукротимого гнева, она торопливо подчинилась.

– Приведи себя в порядок и возвращайся сюда. Тридцать секунд, или я начну все сначала!

Лим Дин подал чай, и хотя напиток был приготовлен как подобает, Струан объявил, что он слишком холодный, и швырнул чайник в стену. Мэй-мэй, Лим Дин и А Сам бросились на кухню и торопливо принесли новый чайник.

Еда появилась с той же невероятной быстротой, и Струан позволил Мэй-мэй прислуживать ему. Она всхлипнула от боли, и он тут же закричал:

– Замолчи, или я буду пороть тебя каждый день до скончания века!

Потом он замолчал со зловещим видом и принялся за еду, предоставив им умирать от страха в гнетущей тишине.

– Подай мне палку! – завопил Струан, насытившись. Мэй-мэй принесла бамбуковый прут и протянула ему. Он уперся его концом ей в живот.

– В постель! – хрипло приказал он, и Лим Дин и А Сам выскочили вон из комнаты, твердо уверенные, что Тай-Пэн простил свою Тай-тай, которая приобрела безграничное лицо, терпеливо снося его справедливый гнев.

Мэй-мэй обернулась вся в слезах и пошла по коридору в свои комнаты, но он зарычал:

– В мою постель, клянусь Богом!

Она испуганно вбежала в его спальню. Он проследовал за ней, с треском закрыл дверь и запер ее на задвижку.

– Так, значит ты ждешь ребенка. Чьего ребенка?

– Вашего, господин, – прошептала она.

Он сел на кровать и вытянул обутую в сапог ногу:

– Ну, шевелись.

Она упала на колени и стянула с него сапоги, потом встала рядом с кроватью.

– Как ты осмелилась думать, что я захочу представлять тебя своим друзьям? Когда я захочу вывести тебя на люди, я сам скажу тебе об этом, клянусь Богом.

– Да, господин.

– Место женщины в доме. Здесь! – Он ткнул кулаком в постель.

– Да, господин.

Он позволил себе чуть-чуть смягчить выражение своего лица.

– Вот так-то лучше, клянусь Богом.

– Я не хотела идти на бал, – едва слышно зашептала она. – Только одеться, как... мне и не нужен никакой бал. Зачем ходить на бал – никогда-никогда не нужно. Только чтобы делать удовольствие. Простите. Очень простите.

– Почему я должен прощать тебя, а? – Он начал раздеваться. – А?

– Нет причины, никакой нет. – Теперь она тихо, жалобно плакала. Но он чувствовал, что сейчас еще слишком рано смягчаться окончательно.

– Возможно, раз уж у тебя ребенок, я и дам тебе еще один шанс. Только это должен быть сын, а не девочка. Кому нужна девочка.

– О да... пожалуйста, пожалуйста. Пожалуйста, простите. – Она бросилась на колени и стукнулась лбом в пол.

Ее плач разрывал ему сердце, но он продолжал раздеваться с сердитым видом. Потом задул лампу и забрался в постель.

Ее он оставил стоять у кровати.

Прошла минута, вторая, потом он грубо сказал:

– Ложись в постель. Я замерз.

Позже, когда Струан уже больше не мог выносить ее слез, он нежно обнял ее и поцеловал:

– Ты прощена, девочка моя.

С мокрыми от слез глазами она уснула в его объятиях.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошли недели, и весна перешла в раннее лето. Солнце набрало силу, и воздух отяжелел от влаги. Европейцы, не сменившие своей обычной одежды и длинного шерстяного белья – а также платьев с турнюрами и корсетов из китового уса – страдали неимоверно. Пот засыхал под мышками и в паху, и там образовывались гноящиеся язвы. Вместе с летом пришла обычная в это время года болезнь – кантонская нутряная хворь, кровавый понос Макао, азиатская немочь. Тех, кто умирал, оплакивали. Остальные стоически переносили эти муки как неизбежные испытания, которые Господь в своей милости посылает человечеству во очищение его, и продолжали закрывать окна своих домов, чтобы не впускать в комнаты вредоносный воздух, ибо считалось, что в летние месяцы от земли исходят ядовитые газы. Они, как и прежде, позволяли своим врачам отворять им кровь и ставить пиявки, поскольку знали, что это единственное верное средство избавиться от болезни, и продолжали пить воду, вылавливая из нее мух, и есть засиженное мухами мясо. Они по-прежнему не мылись, ибо даже ребенку было известно, что это опасно для здоровья, и усердно молились о скорейшем возвращении зимы, когда прохлада вновь очистит землю от губительных испарений.

К июню болезнь безжалостно выкосила каждого десятого из расквартированных на острове солдат. Торговый сезон почти закончился. Этот год сулил многим огромные состояния – если поможет йосс. Поскольку никогда еще купля и продажа не велись в кантонском поселении с таким размахом. Торговцы и их португальские клерки, а также их китайские компрадоры и купцы Ко-хонга все обессилели от жары,

но еще больше – от долгих недель лихорадочной деятельности. Все приготовились отдыхать до зимы, когда можно будет начать новые закупки.

И в этом году наконец-то в отличие от всех предыдущих лет европейцы намеревались провести лето в своих собственных домах на своей собственной земле.

Их семьи, оставшиеся на Гонконге, уже переселились из тесных корабельных кают в Счастливую Долину. Строительство шло полным ходом. Куинз Таун уже начал приобретать свои очертания: появились улицы, склады, тюрьма, причалы, две гостиницы, таверны и дома.

Таверны, обслуживавшие солдат, располагались рядом с палатками у Глессинг Пойнта. Те, что посещали моряки, были построены напротив доков на Куинз Роуд. Некоторые из них представляли собой простые парусиновые палатки или грубые, наспех возведенные постройки. Другие были более основательными.

Приходили корабли из дома, доставлявшие на Гонконг самые разные товары, а также родственников и друзей и множество людей новых, никому не знакомых. И с каждым приливом на остров прибывали переселенцы из Макао – португальцы, китайцы, евразийцы, европейцы: парусные мастера, ткачи, портные, клерки, слуги, деловые люди, продавцы и покупатели, кули, просто люди в поисках работы или те, чье ремесло заставило их искать места на Гонконге – все, кто обслуживали Китайскую торговлю, жили и кормились за ее счет. Среди прибывавших были и хозяйки борделей, девицы легкого поведения, курильщики опиума, изготовители джина, игроки, контрабандисты, карманники, похитители детей, воры, нищие, пираты – отбросы общества со всех стран. Они тоже подыскивали себе жилище или начинали строить его вместе с помещениями, где устраивали свой бизнес. Винные лавки, публичные дома, опиумные притоны начали наводнять Куинз Таун и лепиться вдоль Куинз Роуд. Круто поползла вверх преступность, и полиция, в том виде, в каком она существовала на Гонконге, была завалена работой. Среда стала днем публичного бичевания К удовольствию всех праведных жителей Гонконга, осужденных преступников публично секли у стен тюрьмы в назидание другим злодеям.

Британское правосудие, хотя и было быстрым и суровым, никак не казалось азиатам жестоким. Публичные пытки, увечение, забивание насмерть, тиски для раздавливания пальцев, лишение одного или обоих глаз, отсечение одной или обеих рук или ног, клеймение, срезание мяса с костей, удушение, раздавливание мужских органов были для китайцев самыми привычными наказаниями. И у них не существовало суда присяжных. Поскольку Гонконг находился вне пределов досягаемости разящего копья китайского правосудия, все преступники, которые могли убежать с континента, стекались в Тай Пинь Шан, где чувствовали себя в полной безопасности и презрительно смеялись над слабостью варварского Закона.

И по мере того, как на острове расцветала цивилизация, всюду начали скапливаться отбросы. Вместе с отбросами появились мухи.

Вода начала застаиваться и тухнуть в брошенных бочках, в разбитых горшках и кастрюлях. Она собиралась в бамбуковых стаканах строительных лесов, в ямах разбивавшихся будущих садов, в несильно заболоченной низине долины. В этих лужицах гнилой воды закипала жизнь: личинки, из которых потом выводились комары, крошечные, невзрачные и очень особенные – и настолько чувствительные, что летали они лишь после захода солнца: анофелес.

И люди в Счастливой Долине начали умирать.

Глава 1

– Ради Бога, Кулум, я знаю об этом не больше, чем ты. В Куинз Тауне

свирепствует смертельная лихорадка. Никто не знает, отчего она возникает, а вот теперь и маленькая Карен заболела. – Струан чувствовал себя несчастным. Уже неделю он не получал вестей от Мэй-мэй. На Гонконге он не появлялся почти два месяца, не считая торопливого двухдневного визита несколько недель назад, когда потребность увидеть Мэй-мэй пересилила все остальное. Она выглядела восхитительной и свежей, как цветок, беременность ее протекала легко, и они остались довольны друг другом больше, чем когда-либо. – Благодарение Господу, наш последний корабль ушел, и завтра мы покидаем поселение!

– Дядя Робб пишет, что это малярия, – возбужденно говорил Кулум, размахивая письмом, которое они только что получили. Он не находил себе места от тревоги за Тесс. Только вчера от нее пришло письмо, где она сообщала, что вместе с сестрой и матерью перебралась с корабля в частично законченную факторию Брока. Но о малярии в нем не упоминалось ни словом. – Как можно излечиться от малярии?

– Я никогда не слышал, чтобы от нее существовало лекарство. Но я не доктор. К тому же, Робб пишет, что только некоторые из врачей считают, что это малярия. – Струан раздраженно махнул метелкой, отгоняя мух. – «Малярия» – латинское слово, означающее «плохой воздух». Это все, что я знаю – что знает любой. Матерь Божья, если воздух Счастливой Долины отравлен, нам конец!

– Говорил же я тебе не строиться там, – взорвался Кулум. – Я сразу возненавидел это место, едва лишь увидел его!

– Клянусь кровью Христовой, ты что, хочешь сказать, будто заранее знал, что воздух там гнилой?

– Нет. Этого я не говорю. Я имею в виду... ну, эта долина сразу мне не понравилась, вот и все.

Струан захлопнул окйо, чтобы не пускать в комнату вонь с площади перед поселением, и снова принялся отгонять мух. Он молился про себя, чтобы эта лихорадка оказалась не малярией. Если это малярия, то болезнь может коснуться каждого, кто ночует в Счастливой Долине. Всем было хорошо известно, что земля в некоторых районах мира отравлена малярией и по каким-то неведомым причинам испускает ночью смертоносные газы.

Как писал Робб, лихорадка возникла словно из ниоткуда четыре недели назад. Первыми заболели китайские рабочие. Затем стали заболевать другие – европейский торговец здесь, ребенок там. Но только в Счастливой Долине. Больше нигде на Гонконге. К настоящему моменту были заражены четыре-пять сотен китайцев и человек двадцать-тридцать европейцев. Суеверные китайцы перепугались насмерть, уверенные, что это боги карают их за нарушение императорского указа, запрещавшего им работать на острове. Лишь повышение платы за работу убедило их остаться на Гонконге.

А теперь слегла крошка Карен. Робб писал в конце своего послания: «И Сара, и я в отчаянии. Болезнь протекает очень коварно. Сначала ужасная лихорадка, длящаяся полдня, потом выздоровление, потом более сильный приступ лихорадки дня через два-три. Цикл повторяется снова и снова, и каждый новый приступ тяжелее предыдущего. Доктора дали Карен рвотное из каломели; такое сильное, какое только осмелились. Бедной девочке пустили кровь, но мы не питаем большой надежды. Носильщики-китайцы обычно умирают после третьего или четвертого приступа. А Карен так ослабела после рвотного и пиявок, так ослабела. Господи, помоги нам, я думаю, мы ее потеряли».

Струан направился к двери. Боже милостивый, сначала малыш, а теперь и Карен! На следующий день после бала Сара разрешилась от бремени сыном, Локлином Россом, но мальчик родился слабеньким, с поврежденной левой ручкой. Роды были очень тяжелыми, и она едва не умерла. Но родовая болезнь, которой опасались больше всего, миновала ее, и хотя молоко у нее быстро пропало и волосы

поседели, силы понемногу возвращались к ней. Когда Струан ездил на остров, чтобы увидеть Мэй-мэй, он навестил Сару. От страданий и ожесточенности на ее лице залегли глубокие морщины, она выглядела как старуха. Струан опечалился еще больше, когда ему показали новорожденного: неподвижная левая ручка, болезненный вид, жалобный мяукающий плач – труд но было надеяться, что малыш будет жить. Жива ли еще крошка, спросил себя Струан, рывком распахивая дверь. Робб ничего не написал о нем. – Варгаш!

– Да, сеньор.

– У вас в Макао когда-нибудь была малярия?

– Нет, сеньор. – Варгаш побледнел. Его сын и племянник работали на «Благородный Дом» и теперь жили на Гонконге. – Вы уверены, что это малярия?

– Нет. Лишь некоторые из врачей так полагают. Не все. Найдите Маусса. Передайте ему, что я хочу безотлагательно видеть Дзин-куа. Вместе с ним.

– Слушаюсь, сеньор. Его превосходительство желает, чтобы вы отужинали с ним и великим князем сегодня в девять часов.

– Прими приглашение от моего имени.

– Слушаюсь, сеньор.

Струан закрыл дверь и с мрачным видом опустился в кресло. Он был в легкой рубашке без галстука, легких брюках и тонких сапогах. Все остальные европейцы считали подобную беспечность чистым сумасшествием: всем известно, что летние ветра вызывают порой дьявольски жестокую простуду.

– Это не может быть малярия, – произнес он. – Никак не может. Это что-то другое.

– Над этим островом тяготеет проклятие.

– Полно, ты рассуждаешь, как женщина.

– Лихорадки там не было, пока не появились кули. Нужно избавиться от кули, тогда и лихорадка исчезнет. Они переносят ее с собой. Они все это и делают, это их вина.

– Откуда нам знать, Кулум? Я признаю, что все началось именно среди них. И я согласен, что кули живут в низко лежащих местах. Согласен я и с тем, что, насколько нам известно, заразиться малярией можно только подышав отравленным ночным воздухом. Но почему тогда лихорадкой болеют только в долине? Неужели в одной Счастливой Долине воздух так губителен? Воздух есть воздух, черт меня возьми, а там большую часть дня и йочи дует свежий бриз. Получается чепуха какая-то.

– Никакой чепухи нет, все очень просто. Это воля Божья.

– Чума на такой ответ!

Кулум вскочил на ноги.

– Я бы попросил тебя не богохульствовать.

– А я бы попросил тебя не забывать, что еще не так давно людей сжигали на кострах только за то, что они утверждали, будто Земля вращается вокруг Солнца! Божья воля здесь ни при чем!

– Что бы ты ни говорил, Господь имеет в нашей жизни решающее слово, в любой ее момент. Тот факт, что лихорадка поразила единственное во всей Азии место, которое мы выбрали для жилья, является, по моему мнению, волей Божьей. Ты не можешь отрицать этого, потому что не в силах доказать обратное, точно так же, как и я не могу доказать, что это правда. Но я верю, что это так – в это верит большинство, – и я считаю, что мы должны оставить Счастливую Долину.

– Если мы сделаем это, мы оставим Гонконг.

– Мы могли бы начать строительство рядом с Глессинг Пойнтом.

– Ты хоть представляешь, сколько денег мы и все остальные торговцы вложили в Счастливую Долину?

– А ты хоть представляешь, сколько денег ты сможешь забрать с собой, когда

ляжешь на шесть футов в землю?

Струан смерил сына холодным взглядом. За эти последние недели он почувствовал, что враждебность Кулума с каждым днем становится все менее наигранной. Но это его не тревожило. Он понимал, что чем больше Кулум будет узнавать, тем больше будет стараться осуществлять не чужие, а свои собственные идеи и тем больше будет жаждать власти. Это справедливо, решил он про себя, с огромным удовлетворением наблюдая за успехами сына. В то же время он начал беспокоиться за безопасность Кулума. Юноша проводил слишком много времени в компании Горта и был с ним опасно откровенен и чересчур доверчив.

Десять дней назад между отцом и сыном случилась жестокая, так ничем и не окончившаяся ссора. Кулум пространно и с увлечением излагал ему всякие теории. Насчет использования пароходов – явно пересказывал взгляды Горта, – а Струан в итоге с ним не согласился. Тогда Кулум заговорил о вражде между Броком и Струаном и заявил, что молодое поколение не станет повторять ошибок старших, Горт, мол, понимает, что совсем не обязательно сыновьям попадать в те же сети, в которых запутались их родители. Горт и он решили похоронить любую неприязнь между собой и непременно постараться помирить своих отцов. И когда Струан начал возражать, Кулум отказался его слушать и выбежал из комнаты.

Потом, нельзя было забывать еще об одной проблеме – Тесс Брок.

Кулум ни разу не упоминал о ней при Струане. Тай-Пэн тоже не касался этой темы. Но он понимал, что Кулума безнадежно тянет к Тесс, и это затуманивает его разум. Струан вспомнил свою молодость и то, как он страстно томился по Рональде. В то время все казалось ему таким ясным, и значительным, и чистым.

– Ах, Кулум, дружище, не распаляй себя, – сказал он, не желая спорить с сыном. – Сегодня жаркий день, и мы все на взводе. Сядь и успокойся. Крошка Карен больна, и многие из наших друзей тоже. Я слышал, у Тиллмана лихорадка, и кто знает, у кого еще?

– А мисс Тиллман?

– Нет, у нее, кажется, нет.

– Горт сказал, что они завтра закрывают свою факторию. Он собирается провести лето в Макао. Все Броки туда поедут.

– Мы отправляемся на Гонконг. Наша фактория здесь остается открытой.

– Горт говорит, что летом лучше жить в Макао. У него там дом. Я знаю, у нас тоже есть там собственность, она ведь никуда не делась, правда?

Струан шевельнулся в кресле.

– Правда. Если хочешь, возьми неделю или дней десять отпуска. Можешь провести его в Макао, но потом ты нужен мне в Куинз Тауне. И я снова предупреждаю тебя, смотри в оба. Горт тебе не друг.

– Тогда я должен опять повторить тебе, что, по-моему, все-таки друг.

– Он пытается завоевать твое Доверие, чтобы однажды уничтожить тебя.

– Ты ошибаешься. Он понятен мне. Он мне нравится. Мы прекрасно ладим. Я нахожу, что нам есть о чем поговорить, общение с ним доставляет мне удовольствие. Мы оба сознаем, что тебе, как и его отцу, трудно понять вас, но, видишь ли, все это так сложно объяснить.

– Я понимаю Горта даже слишком хорошо, клянусь Господом!

– Давай не будем обсуждать это, – спокойно сказал Кулум.

– А я думаю, что это необходимо. Горт околдовал тебя. Для Струана это гибельно.

– Ты смотришь на Горта другими глазами. Он – мой друг.

Струан открыл коробку, выбрал гаванскую сигару и решил про себя, что момент подходящий.

– Ты думаешь, Брок одобрит твою женитьбу на Тесс? Кулум вспыхнул и

порывисто произнес:

– Не вижу, почему бы нет. Горт – за.

– Ты обсуждал это с Гортом?

– Я не обсуждал этого с тобой. И вообще ни с кем. Так с какой стати я должен говорить об этом с Гортом?

– Тогда откуда ты знаешь о его отношении?

– А я и не знаю. Просто он постоянно говорит, как хорошо, что мисс Брок и я, похоже, сдружились и как ей нравится бывать в моем обществе, поощряет меня писать ей, ну, и все такое.

– Ты полагаешь, я не вправе спрашивать о твоих намерениях относительно Тесс Брок?

– Да нет, конечно же, вправе. Просто... ну да, что ж, я действительно думал о том, чтобы жениться на ней. Но Горту об этом никогда не говорил. – Кулум смущенно замолчал и промокнул лоб платком. Его поразила та неожиданность, с которой Тай-Пэн приступил к тому, что составляло предмет его самых сокровенных раздумий, и хотя ему давно хотелось выговориться, подобная прямота, как он считал, принижала его любовь и претила ему. Черт возьми, я должен был быть готов к такому разговору, думал он, услышав будто со стороны свой голос, торопливо говоривший против его воли: – Однако я не считаю, что моя... моя симпатия к мисс Брок должна заботить кого-то В данный момент. Ничего не было сказано между нами, и нет ничего... В общем, те чувства, которые я испытываю к мисс Брок, – это мое личное дело.

– Я понимаю, что именно так ты и думаешь, – сказал Струан, – но это не означает, что ты прав. Ты когда-нибудь задумывался о том, что тебя могут Использовать?

– Кто? Мисс Брок?

– Горт. И Брок.

– А ты не задумывался, что твоя ненависть к ним окрашивает самым определенным образом все твои суждения? – Кулум был вне себя.

– Да. Я принял это в расчет. А ты Кулум? Подумал ли ты, что они, возможно, используют тебя?

– Давай предположим, что ты прав. Допустим, я действительно женился на мисс Брок. Разве это не на пользу твоему делу?

Струан был рад, что они наконец заговорили об этом в открытую.

– Нет. Потому что Горт слопает тебя со всеми потрохами, когда ты станешь Тай-Пэном. Он заберет себе все, что принадлежит нам, и уничтожит тебя – чтобы самому стать «Благородным Домом».

– Почему он должен уничтожать мужа своей сестры? Почему нам не объединить наши компании – Брок и Струан? Я буду вести дела, он займется кораблями.

– И кто же будет Тай-Пэном?

– Мы могли бы поделить это между собой – Горт и я.

– Тай-Пэн может быть только один. Это заложено в самом значении слова. Таков закон.

– Но твой закон – это не обязательно и мой закон. Или закон Горта. У нас есть возможность учиться на чужих ошибках. Слияние двух компаний даст нам гигантские преимущества.

– Так вот что у Горта на уме? – Струан спрашивал себя, уж не ошибся ли он в Кулуме. Его безоглядная увлеченность Тесс и столь же безоглядное доверие к Горту станут залогом гибели «Благородного Дома» и дадут Броку и Горту все, чего они добиваются. Остается всего три месяца, а потом я уезжаю в Англию. Боже всеблагой и милосердный! – А? – настаивал он.

– Мы никогда не заговаривали об этом. Наши беседы касались торговли,

кораблей, мореплавания, деятельности компаний и прочих подобных вещей. И того, как помирить вас двоих. Но слияние было бы выгодным для нас шагом, разве нет?

– С тобой и с Гортом – нет. Ты уступаешь ему классом. Пока.

– Но когда-нибудь я с ним сравняюсь?

– Возможно. – Струан закурил сигару. – Ты в самом деле считаешь, что смог бы подчинить себе Горта?

– Может быть, мне и не понадобится подчинять его себе. Не больше, чем ему нужно будет подчинять себе Меня. Предположим, я женюсь на мисс Брок. У Горта останется его компания, у нас – наша. По отдельности. Мы можем продолжать конкурировать. Но мирно. Без ненависти. – Его голос стал жестким. – Давай на минуту посмотрим на все глазами Тай-Пэна. У Брока есть любимая дочь. Я влюбляю ее в себя и вкрадываюсь в доверие к Горту. Женившись на ней, я просто смягчу враждебное отношение Брока ко мне и смогу выиграть время, чтобы приобрести необходимый опыт. В качестве наживки постоянно держа у них перед носом идею о слиянии наших компаний. Потом, когда буду готов, я смогу разорить их. Прекрасный и надежный план. Чума на эту девушку. Я просто использую ее – к вящей славе «Благородного Дома».

Струан промолчал.

– Неужели ты не рассмотрел бесстрастно все эти возможности? – продолжал Кулум. – Впрочем, мне и спрашивать не надо: ведь ты слишком умен, чтобы не заметить что я люблю ее.

– Да, – сказал Струан. Он тщательно стряхнул пепел с сигары в серебряную пепельницу. – Я, как ты говоришь, рассмотрел тебя – и Тесс – бесстрастно.

– И каково же твое заключение?

– Что опасности, которые таит для тебя этот брак, перевешивают его преимущества.

– Значит, ты совершенно не одобряешь моей женитьбы на Тесс.

– Я не одобряю того, что ты влюблен в нее. Однако суть дела в том, что ты действительно любишь ее. Или думаешь, что любишь. И следующий вывод столь же очевиден; ты обязательно женишься на ней, если сможешь. – Струан глубоко затянулся сигарой. – Как ты думаешь, Брок даст вам свое благословение?

– Не знаю. Думаю, что нет, да поможет мне Господь.

– А я думаю, что даст, да поможет тебе Господь.

– Но ты – нет?

– Я уже однажды сказал тебе: я единственный человек в целом мире, которому ты можешь доверять полностью. При условии, что ты сознательно не пойдешь против нашего дома.

– А ты считаешь, что этот брак вредит интересам компании?

– Этого я не говорил. Я лишь сказал, что ты не видишь всех опасностей. – Струан затушил сигару и поднялся. – Она несовершеннолетняя. Ты готов ждать ее пять лет?

– Да, – ответил Кулум, внутренне ужасаясь длине этого срока. – Да, клянусь Господом. Ты не представляешь, что она значит для меня. Она... о, она единственная девушка, которую я когда-либо смогу полюбить по-настоящему. Я никогда не передумаю, и ты не понимаешь, не можешь этого понимать. Да, я готов ждать пять лет. Я люблю ее.

– А она тебя любит?

– Не знаю. Она... кажется, я ей нравлюсь. Я молю Создателя, чтобы это было так. О Господи, что же мне делать?

Благодарение Богу, я уже никогда не буду так молод, с теплотой подумал Струан. Теперь я знаю, что любовь – как море: порой спокойное, порой бурное. Она бывает грозной, бывает прекрасной, таит в себе смерть и дарует жизнь. Но она

никогда не бывает постоянной, все время меняется. И остается неповторимой лишь на один краткий миг в глазах вечности.

– Тебе ничего не нужно делать, парень. Сегодня вечером я сам поговорю с Броком.

– Нет, – встревоженно запротестовал Кулум. – Это моя жизнь. Я не хочу, чтобы ты...

– То, что ты намерен сделать, заставляет мою жизнь пересекаться с жизнью Брока, – прервал его Струан. – Я поговорю с Броком.

– Значит, ты поможешь мне?

Струан прогнал муху с лица.

– А как быть с двадцатью гинеями, Кулум?

– Что?

– Деньги на мой гроб. Те двадцать монет, которые Брок оставил мне, а ты сохранил. Разве ты забыл?

Кулум открыл было рот, чтобы сказать что-то, но передумал.

– Да, я забыл о них. По крайней мере, сейчас они вылетели у меня из головы. – В глубине его глаз отразилась боль. – Почему мне захотелось солгать тебе? Я едва не солгал. Это ужасно.

– Да, – кивнул Струан, довольный тем, что Кулум прошел еще одно испытание и усвоил еще один урок.

– И что же с монетами?

– Ничего. Кроме того, что ты должен помнить о них. Это Брок. Горт еще хуже, потому что у него нет даже отцовской щедрости.

Время близилось к полуночи.

– Присаживайся, Дирк, – пригласил Брок, почесывая бороду. – Грог, пиво или бренди?

– Бренди.

– Ну-ка, бренди, – приказал Брок слуге, затем кивнул на накрытый стол, освещенный двумя канделябрами. – Накладывай себе, Дирк, не стесняйся. – Он поскреб под мышкой, покрытой струпьями от язв, которые торговцы называли между собой «потницей». – Черт, вот проклятая погода! Как это, дьявол тебя забери, ты не мучаешься наравне с нами со всеми?

– Я живу Правильно, – ответил Струан, удобно вытягивая ноги. – Я уже миллион раз тебе говорил. Если мыться четыре раза в день, не будет никакой «потницы». Исчезнут вши, и...

– Это тут вовсе ни при чем, – возразил Брок. – Все это глупость. Противно природе, клянусь Богом. – Он расхохотался. – Те, кто говорят, будто ты у дьявола в помощниках состоишь, может, ближе подобрались к тому, почему у тебя все не как у людей. А? – Он сунул слуге свою пустую серебряную кружку на полгаллона, и тот тут же наполнил ее пивом из небольшого бочонка, стоявшего у стены. Мушкеты и абордажные сабли располагались на стойках рядом. – Но близится, близится срок, когда тебе воздается по заслугам, а, Дирк? – Брок ткнул вниз коротким и толстым большим пальцем.

Струан принял от слуги шарообразный хрустальный бокал и поднес бренди к носу.

– Воздаяние по заслугам ожидает всех нас, Тайлер.

Струан не спешил убирать бокал от лица: аромат бренди перебивал вонь, стоявшую в комнате. Интересно, пахнет ли от Тесс так же, как от ее отца и матери, спросил он себя, и знает ли Брок о цели моего визита. Окна кабинета были плотно закрыты и не пропускали ни ночного воздуха, ни гула людских голосов на площади внизу.

Брок крякнул, поднял наполненную кружку и жадно припал к ней. Он был одет в свой обычный сюртук из плотной шерсти, теплое белье, галстук, завязанный под самым горлом, и жилет. Его колючие глазки неодобрительно разглядывали Струана. Щотландец выглядел спокойным и могучим в своей легкой рубашке, белых брюках и коротких сапогах, рыжеватые волосы на широкой груди отливали золотом в желтом пламени свечей.

– Гляжу я на тебя, парень, и кажется мне, что сидишь ты словно как голый совсем. Смотреть противно.

– Это новая мода, Тайлер. Твое здоровье! – Струан поднял бокал, и они выпили.

– К слову о дьяволе, я слышал, Морин Квэнс скрутила бедного старого Аристотеля почище прежнего. Поговаривают, что они отправляются домой со следующим отливом.

– Он сбежит или перережет себе горло, прежде чем это случится.

Брок громко захохотал.

– Помнишь, как она нежданно-негаданно появилась тогда на балу? Я столько не смеялся с тех самых пор, как Ма защемила себе грудь в катках для белья. – Он махнул слуге рукой, и тот исчез. – Я слышал, ты отправил свой последний корабль.

– Да. Великий сезон, а?

– Угу. И он будет еще лучше, когда «Голубая Ведьма» первая встанет у лондонского причала. Мы получили весточку, что она на сутки впереди. – Брок сделал несколько глубоких глотков, и на лице его тут же выступил пот. – Джефф Купер говорил, что и его последний корабль отчалил, так что Вампоа свободен.

– Ты останешься в Кантоне?

Брок покачал головой.

– Мы уезжаем завтра. Сначала в Куинз Таун, пртом в Макао. Но это место мы оставим открытым, не как раньше.

– Лонгстафф остается. Переговоры будут продолжены здесь, я так полагаю. – Струан почувствовал в воздухе напряженность, и его беспокойство усилилось.

– Ты знаешь, что здесь они все равно не завершатся. – Брок занялся повязкой на глазу. Он поднял ее и потер изуродованную, всю в шрамах глазницу. Бечевка, годами удерживавшая повязку на месте, прорезала на его лбу тонкую красную канавку. – Горт сказал мне, что младшенькая у Робба подхватила лихорадку.

– Да. Наверное, он узнал это от Кулума.

– Ага. – Брок отметил про себя, как резко прозвучал голос Струана. Он опять приложился к кружке и отер пену с усов тыльной стороной ладони. – Жаль, что так обернулось. Плохой йосс. – Он выпил снова. – Твой парень да мой сейчас ровно как старые приятели.

– Славно будет вновь выйти в море. – Струан пропустил мимо ушей насмешку Брока. – Сегодня днем я виделся с Дзин-куа и долго беседовал с ним. О лихорадке. Насколько он знает, в Квантуне никто и никогда не болел ею.

– Если это и взаправду малярия, нам придется несладко. – Брок протянул руку и взял со стола цыплячью грудку. – Угощайся. Я слышал, цены на носильщиков опять подскочили. Вообще цены на Гонконге лезут вверх, как сумасшедшие.

– Ну, не настолько быстро, чтобы серьезно бить нас по карману. Лихорадка пройдет.

Брок, морщась, пошевелился всем своим огромным телом и осушил кружку.

– Ты хотел меня видеть, наедине? Чтобы поговорить о лихорадке?

– Нет, – ответил Струан, с омерзением чувствуя, как вонь, перемешавшись с запахом стоялого пива и духов Брока, влажной пленкой оседает на его коже. – Дело касается моего старинного обещания прийти за тобой с плеткой-девятихвосткой.

Брок взял со стола колокольчик и яростно зазвонил. Резкий звук заметался по комнате. Когда дверь не открылась в ту же секунду, он позвонил снова.

– Вот чертова обезьяна, – выругался он. – Этот лентяй напрашивается на хороший пинок под зад. – Брок подошел к бочке с пивом, наполнил кружку, вернулся на место и поднял глаза на Струана. И стал ждать.

– Ну так что? – проговорил он после долгой паузы.

– Тесс Брок.

– А? – Брок был поражен этим желанием Струана ускорить принятие решения, над которым он сам – как, без сомнения, и Струан тоже – ломал голову долгими бессонными ночами.

– Мой сын любит ее.

Брок глотнул еще пива и снова вытер рот рукой.

– Они и виделись-то лишь однажды. На балу. Ну, потом еще были прогулки днем с Лизой и Лиллибет. Три раза.

– Да. Но он ее любит. Он уверен, что любит ее.

– Ты это точно знаешь?

– Да.

– И что ты думаешь?

– Что нам лучше обговорить все это сейчас. В открытую.

– Почему сейчас – подозрительно спросил Брок, лихорадочно пытаясь отыскать настоящую причину. – Она ведь еще очень молода, как ты знаешь.

– Да. Но она уже достаточно выросла, чтобы выйти замуж.

Брок задумчиво поигрывал кружкой, глядя на свое отражение в полированном серебре. Он спрашивал себя, правильно ли он разгадал намерения Струана.

– Так ты что же, просишь, официально просишь, руки Тесс для своего сына?

– Это его обязанность, а не моя – обращаться к тебе с официальной, просьбой. Однако мы должны поговорить неофициально. До того, как это произойдет.

– Ну, и что ты думаешь? – опять спросил Брок. – Об этом союзе?

– Ты знаешь ответ. Я против него. Я не доверяю тебе. Я не доверяю Горту. Но у Кулума своя голова на плечах, и он вынудил меня уступить: не всегда отец может заставить сына делать то, что он хочет.

Брок подумал о Горте. Когда он заговорил, голос его звучал надтреснуто.

– Коли ты так против него настроен, возьми да вколоти ему в башку немного ума-разума; а то отошли домой, пусть собирается и уматывает. Невелик труд избавиться от этого расхорохорившегося воробушка.

– Ты знаешь, что у меня нет выхода, – с горечью произнес Струан. – У тебя три сына: Горт, Морган, Том. А у меня теперь остался только Кулум. Так что, хочу я этого или нет, именно он должен будет прийти мне на смену.

– Есть ведь еще Робб и его сыновья, – заметил Брок, довольный тем, что правильно прочел мысли Струана, и играя с ним теперь, как с рыбкой на крючке.

– Ты знаешь, что я на это отвечу. «Благородный Дом» создал я, а не Робб. А что думаешь ты сам, а?

Брок не спеша выпил кружку до дна. Он опять позвонил в колокольчик. И опять никто не явился.

– Я этой образине все кишки выпущу и наделаю из них подвязок! – Он встал с кресла и подставил кружку к бочонку. – Я тоже против этого брака, – грубо сказал он и увидел, как на лице Струана промелькнуло изумление. – Но даже и так, – добавил Брок, – я приму твоего сына, когда он обратится ко мне.

– Я так и думал, клянусь Богом! – Струан вскочил, сжав кулаки.

– Ее приданое будет самым богатым во всей Азии. Они поженятся в будущем году.

– Раньше я увижу тебя в аду!

Оба великана зловеще надвинулись друг на друга. Брок впился взглядом в суровое лицо шотландца, которое впервые увидел тридцать лет назад; оно дышало

все той же неиссякаемой жизненной силой. Опять он уловил в нем то неопределимое нечто, которое заставляло все его существо так яростно восставать против Струана. Господи ты Боже мой, вскипел он, я не могу постичь, почему Ты поставил этого дьявола на моем пути. Одно я знаю: Ты сделал это затем, чтобы он был сокрушен в честном поединке, а не ударом ножа в спину, как следовало бы.

– Это будет потом, Дирк, – проговорил он. – Сначала они поженятся, честь по чести. Ты и в самом деле загнан в угол. Не моими стараниями, о чем я только жалею, и я не собираюсь тыкать тебя лицом в твой дурной йосс. Но я тут много думал – как и ты – о них двоих и о нас, и я полагаю, так будет лучше всего для них и лучше всего для нас.

– Я знаю, что у тебя на уме. И у Горта.

– Кому дано знать будущее, Дирк? Может статься, в будущем наши компании объединятся.

– Только не пока я жив.

– С другой стороны, может, никакого объединения и не будет. Ты останешься при своем, а мы – при нашем.

– Тебе не удастся захватить и уничтожить «Благородный Дом», уцепившись за женскую юбку!

– А теперь послушай-ка меня, клянусь Богом! – взорвался Брок. – Ты сам завел этот разговор! Ты хотел поговорить в открытую, и я еще не закончил. Поэтому ты будешь слушать, клянусь Богом! Если только ты не окончательно растерял свое мужество, как растерял учтивость, а заодно с нею и мозги.

– Хорошо, Тайлер. – Струан налил себе еще бренди. – Говори, что хочешь сказать.

Брок слегка расслабился, вновь опустился в кресло и отпил из кружки несколько больших глотков.

– Я ненавижу тебя и всегда буду ненавидеть. И доверяю тебе не больше, чем ты мне. Я смертельно устал убивать, но, клянусь Господом нашим Иисусом Христом, я убью тебя в тот день, когда увижу, что ты вышел против меня с плетью в руке. Но не я начну эту драку. Нет. Я не хочу тебя убивать, просто сокрушить, и чтобы все по-честному. Но я тут думал, что, может, молодым удастся поправить то, чего мы... что невозможно для нас. Вот я и решил, пусть будет то, чему суждено быть. Если будет слияние, пусть будет слияние. Это уж они сами решат – не ты и не я. Если не будет слияния – опять же, это их личное дело. Что бы они ни сделали, они это сделают сами. Без нас. Поэтому я я говорю, что брак этот – дело хорошее.

Струан допил свой бренди и со стуком поставил бокал на стол.

– Вот уж не думал, что ты окажешься таким трусом, чтобы использовать Тесс, когда тебе все это не по душе так же, как и мне.

Брок пристально посмотрел на него в ответ, на этот раз уже без злобы,

– Я не использую Тесс, Дирк. Как перед богом клянусь. Она любит Кулума, и это истинная правда. Только поэтому я и разговариваю с, тобой вот так. Мы оба оказались в ловушке. Давай назовем все своими именами. Она как Джульетта для твоего Ромео; да, клянусь Богом, и как раз этого-то я и боюсь. Да и ты тоже, если уж на то пошло. Я не хочу, чтобы моя Тесс кончила свои дни на мраморной плите в склепе только потому, что я ненавижу тебя. Она любит его. Я думаю прежде всего о ней!

– Я этому не верю,

– Я тоже, клянусь Богом! Но Лиза мне уже полдюжины писем прислала про Тесс. Она пишет, что Тесс только мечтает да вздыхает, все вспоминает бал, но говорит при этом только про Кулума. И Тесс писала раз шестнадцать, если не больше, про то, что Кулум сказал, а чего не говорил, что она сказала Кулуму, да как он посмотрел на нее, да что сказал в ответ – и так всю дорогу, пока у меня пар из ушей не повалит. О, она

его любит, тут и думать нечего.

– Это лишь детское увлечение. Оно ничего не значит.

– Клянусь Господом, до чего ты каменный человек, с тобой просто невозможно нормально разговаривать. Ты ошибаешься, Дирк. – Брок вдруг почувствовал себя постаревшим и очень усталым. Ему захотелось скорее покончить с этим.

– Не будь бала, этого никогда бы не случилось. Ты выбрал ее вести первый танец. Ты выбрал ее победительницей конкурса. Ты...

– Я не выбирал! Выбор сделал сам Сергеев, я здесь ни при чем!

– Это правда, клянусь Господом?

– Да.

Брок пристально посмотрел на Струана.

– Тогда, может статься, это была рука Господа. Платье Тесс не было самым красивым на балу. Я знаю это, и все это знают, кроме Тесс и Кулума. – Он допил свою кружку и поставил ее на стол. – Я делаю тебе предложение: ты не любишь Кулума так, как я люблю Тесс, но обещай им попутный ветер, открытое море и безопасную гавань, и я сделаю то же самое, Мальчишка заслуживает этого – он спас твою шею в нашем споре о круглом холме, потому что, Христом клянусь, я задушил бы тебя ценой на том аукционе. Если тебе нужна схватка со мной – только скажи. Если я найду способ разорить тебя, чтоб по всем правилам, Богом клянусь, я обязательно сделаю это. Но не с ними двумя, Обещай им попутный ветер, открытое море и безопасную гавань, обещай, как перед Богом, ну?

Брок протянул руку.

Голос Струана проскрежетал, как острие ножа по металлу:

– Я пожму тебе руку в отношении Кулума и Тесс. Но не Горта.

От того, как Струан произнес имя Горта, у Врока похолодело внутри. Но он не убрал руки, хотя и знал, что это соглашение таит в себе немало опасностей. Опасностей для него.

Они крепко пожали друг другу руки.

– Мы выпьем еще по одной, чтобы скрепить все, как полагается, – сказал Брок, – потом можешь убираться ко всем чертям из моего дома. – Он взял колокольчик, потряс им в третий раз и, когда никто не явился на зов, с размаху швырнул его в стену. – Ли Танг! – проревел он.

Его голос странным гулким эхом прокатился по Дому.

Послышался частый стук шагов, торопливо взбегавших по огромной лестнице, и в дверях появилось испуганное лицо португальского клерка:

– Слуги все исчезли, сеньор. Я нигде не могу их найти,

Струан метнулся к окну. Уличные торговцы, лавочники, зеваки, нищие беззвучно покидали площадь. Группы торговцев в английском саду стояли неподвижно, как статуи, прислушиваясь и наблюдая.

Струан повернулся и бросился к мушкетам, он и Брок оказались у оружейной стойки вместе, в одно и то же мгновение.

– Собери всех внизу! – прокричал Брок клерку.

– В мою факторию, Тайлер. Бей тревогу, – сказал Струан и в следящий момент был уже за дверью.

В течение часа все торговцы и их клерки набились в факторию Струана и заняли английский сад, который служил ей передним двором. Отряд из пятидесяти солдат вооружился и встал в боевом порядке у ворот. Их офицеру, капитану Оксфорду, ловкому, подтянутому человеку с пушком светлых усов на губе, едва исполнилось двадцать.

Струан, Брок и Лонгстафф стояли посередине сада. Джефф Купер и Сергеев держались рядом. Ночь была влажной, жаркой, гнетущей.

– Вам лучше отдать приказ о немедленной эвакуации, ваше

превосходительство, – посоветовал Струан.

– Да, – поддержал его Брок.

– Не стоит торопить события, джентльмены, – возразил Лонгстафф. – Такое случалось и раньше, ну?

– Случалось. Но мы всегда получали какое-то предупреждение от Ко-хонга или от мандаринов. Это никогда не было так неожиданно. – Струан напряженно вслушивался в темноту, в то время как его глаза считали лорки, стоявшие у причала. Хватит на всех, подумал он. – Что-то не нравится мне эта ночь.

– И мне тоже, клянусь Богом! – Брок свирепо сплюнул. – На воду надо выходить, говорю я.

– Но вы, конечно, не думаете, что существует какая-то реальная опасность? – спросил Лонгстафф.

– Не знаю, ваше превосходительство. Но что-то подсказывает мне, что нужно отсюда убираться, – сказал Струан. – Или, по крайней мере, перейти на лорки и встать на рейде. Торговый сезон окончен, так что мы можем оставаться здесь или уезжать по собственному желанию.

– Но они же не осмелятся напасть на нас, – презрительно фыркнул Лонгстафф. – Зачем им это нужно? Что они этим выигрывают? Переговоры продвигаются успешно. Все это просто смешно.

– Я лишь предлагаю применить на практике то, о чем вы сами постоянно говорите, ваше превосходительство: что лучше быть готовым к любой неожиданности.

Лонгстафф апатичным жестом подозвал к себе офицера:

– Разделите ваших людей на три отряда. Выставьте охрану у восточного и западного входов и на Хог Стрит. Препятствуйте любому проникновению на площадь до получения дальнейших распоряжений.

– Есть, сэр.

Струан увидел Кулума, стоявшего у фонаря вместе с Горацио и Гортом. Горт объяснял Кулуму, как заряжается мушкет, и юноша внимательно его слушал. Рядом с Кулумом Горт казался огромным, полным жизненной энергии и силы. Струан отвел глаза и заметил Маусса, беседовавшего в тени деревьев с высоким китайцем, которого Струан видел впервые. Заинтересовавшись, Струан подошел к ним.

– Ты слышал что-нибудь, Вольфганг?

– Нет, Тай-Пэн. Никаких слухов, ничего абсолютно. И Горацио тоже ничего не знает. Gott im Himmel, я не понимаю, что все это значит.

Струан, слушая его, внимательно разглядывал китайца. Тот был одет, как крестьянин, в грязные штаны и рубашку. На вид ему можно было дать лет тридцать с небольшим. Его живые, полускрытые тяжелыми веками глаза с неменьшим любопытством изучали Струана.

– Кто он? – спросил Струан у Маусса.

– Хун Хсу Чьюн, – ответил Вольфганг с большой гордостью. – Он – хакка. И он христианин, Тай-Пэн. Я сам крестил его. Он лучший из всех, что были у меня, Тай-Пэн. Блестящий ум, пытливый и прилежный, и при этом он простой крестьянин. Наконец-то я обратил человека, который готов нести другим слово Божье – и помогать мне в трудах Его.

– Тебе лучше отослать его отсюда. Если дело обернется бедой и мандарины схватят его вместе с нами, у тебя будет одним обращенным меньше.

– Я уже говорил ему об этом, но он ответил: «Пути Господни нам неведомы, и те, у кого Бог в душе, не поворачиваются спиной к язычникам». Не волнуйтесь. Господь охранит его, а я буду присматривать за ним со своей стороны – даже ценой собственной жизни.

Струан коротко кивнул и вернулся к Лонгстаффу и Броку.

– Как хотите, а я отправляюсь на борт! – сказал Брок.

– Тайлер, пошли Горта с его людьми для усиления солдат вон там. – Струан показал рукой на темнеющий провал Хог, Стрит. – Я возьму на себя восточный вход и прикрою тебя, если начнутся неприятности. Ты можешь отступить сюда.

– Ты за своими людьми присматривай, – ответил Брок. – А уж о моих я как-нибудь сам позабочусь. Ты тут не главнокомандующий, клянусь Богом. – Он махнул рукой Горту: – Пойдешь со мной. Алмейда, ты и остальные клерки, забирайте книги и живо на борт. – Брок со своим отрядом вышел из сада, и они двинулись через площадь.

– Кулум!

– Да, Тай-Пэн.

– Забери все из сейфа и перебирайся на лорку.

– Хорошо. – Кулум понизил голос: – Ты говорил с Броком?

– Да. Не сейчас, парень. Торопись. Потом поговорим.

– Что он сказал: «да» или «нет»?

Струан чувствовал, что другие смотрят на него, и хотя ему очень хотелось рассказать Кулуму о разговоре с Броком, сад был для этого неподходящим местом. – Смерть господня, ты будешь наконец делать то, что тебе говорят?

– Я хочу знать, – ответил Кулум, и его глаза вспыхнули.

– Я не собираюсь обсуждать твои проблемы сейчас. Делай, что велено! – Струан зашагал к дверям фактории. Его остановил Джефф Купер.

– Зачем так сразу уезжать? К чему вся эта спешка, Тай-Пэн? – спросил он.

– Простая осторожность, Джефф. У вас есть лорка?

– Да.

– Если все ваши люди на ней не поместятся, я буду рад взять их с собой. – Струан перевел взгляд на Сергеева: – С реки открывается очень красивый вид, ваше высочество, если вы пожелаете присоединиться к нам.

– Вы всегда убегаете, когда площадь пустеет и исчезают слуги?

– Только когда возникает такое желание. – Струан повернулся и протиснулся сквозь плотную толпу людей. – Варгаш, доставьте все книги на борт и всех клерков. При оружии.

– Слушаюсь, сеньор.

Другие торговцы, увидев, что Струан и Брок серьезно готовятся к немедленному отъезду, заторопились к своим факториям, собрали бухгалтерские книги, коносаменты и другие бумаги, подтверждавшие объем их операций за сезон – то есть обеспечивавшие их будущее – и начали переносить все это на свои лодки. Сокровищ, о которых следовало бы особенно беспокоиться, почти не было, поскольку большинство сделок оплачивалось переводными векселями, – а Брок и Струан уже успели отправить свое серебро на Гонконг.

Лонгстафф перебрал бумаги на своем рабочем столе, уложил шифровальные книги и секретные документы в вализу и присоединился к Сергееву в саду.

– Вы уже собрались, ваше высочество?

– О, у меня с собой нет ничего, заслуживающего особого внимания. Признаться, я нахожу все это довольно любопытным. Опасность либо есть, либо ее нет. Если опасность есть, то почему здесь нет ваших войск? Если ее нет, то зачем удирать?

Лонгстафф рассмеялся.

– Образ мыслей язычников, мой дорогой сэр, весьма отличается от образа мыслей цивилизованного человека. Правительство Ее Величества вот уже более века изучает его в непосредственном контакте. Поэтому мы знаем теперь, что можно ожидать от китайцев и как следует вести с ними дела. Разумеется, – сухо добавил он, – нас не интересует захват их территории – только мирная торговля. Хотя мы и считаем этот регион исключительно британской сферой влияния.

Струан проверял содержимое сейфа, чтобы удостовериться, что все важные бумаги отправлены на борт.

– Я уже сделал это, – сказал Кулум, стремительно входя в комнату и захлопывая за собой дверь. – Ну, так каков же был ответ, черт побери?

– Ты помолвлен, – мягко ответил Струан, – черт побери.

Кулум остолбенело уставился на него, лишившись дара речи.

– Брок в восторге от того, что ты станешь его зятем. Вы сможете пожениться в будущем году.

– Брок сказал «да»?

– Да. Поздравляю. – Струан спокойно проверил выдвижной ящик своего стола и запер его на ключ. Он улыбнулся про себя, довольный тем, что его разговор с Броком прошел по задуманному плану. Он получил именно то, что хотел.

– Ты хочешь сказать, что он согласен? А сам ты согласен?

– Да. Тебе, правда, придется обратиться к нему официально, но он сказал, что готов отдать за тебя свою дочь. Нам еще предстоит обсудить приданое и некоторые детали контракта, но он подтвердил, что вы можете пожениться уже в следующем году.

Кулум порывисто обнял Струана за плечи:

– О, отец, спасибо тебе, спасибо!

Он не слышал, как у него вырвалось слово «отец». Но это услышал Струан.

Треск выстрелов разорвал ночную тишину. Струан и Кулум подскочили к окну как раз в тот момент, когда передние ряды толпы у западного входа на площадь откатились назад под ружейным огнем. Но сотни человек продолжали напирать сзади, и в следующую минуту поток визжащих китайцев, поглотив, словно огромная волна, горстку солдат в алых мундирах, разлился в дальнем конце площади.

Толпа несла с собой факелы, топоры, копья – и знамена Триад. Китайцы окружили ближайшую к западному концу факторию, которая принадлежала американцам. В окно полетел факел, потом были сорваны с петель двери. Толпа начала жечь, крушить и грабить здание.

Струан схватил мушкет.

– Ни слова Тесс, держи все в большом секрете, пока не повидаешься с Броком. – Они выбежали в холл. – Бросай все это к чертям, Варгаш! – крикнул Струан, заметив португальца, тащившего огромную кипу дубликатов накладных. – Быстро на борт!

Варгаш бросился к лорке.

Площадь перед факторией Струана и сад были заполнены торговцами, спешащими к своим судам у причала. Несколько солдат забрались на стену сада и приготовились стоять до последнего. Струан присоединился к ним, чтобы помочь прикрывать отступление. Краем глаза он увидел, как Кулум забежал назад в факторию, но его тут же отвлекла еще одна толпа, появившаяся на дальнем конце Хог Стрит. Солдаты, защищавшие подход к площади с той стороны, дали залп и отступили, сохраняя боевой порядок, к английскому саду, где заняли позицию рядом с остальными, прикрывая последних из торговцев, бежавших к лоркам. Те, кто уже сел на корабли, приготовили мушкеты, но толпа целиком сосредоточилась на факториях в дальнем конце площади и, к огромному удивлению европейцев, почти не обращала внимания на самих торговцев.

Струан с облегчением вздохнул, увидев Купера и остальных американцев на палубе одной из лорок Он-то думал, что они еще не успели покинуть факторию.

– Чес-с-с-слово, вы только полюбуйтесь на этих мерзавцев, – произнес Лонгстафф, не обращаясь ни к кому в отдельности. Он стоял у стены снаружи сада с тросточкой в руке и смотрел на толпу. Ему было ясно, что это означало превращение всяких переговоров и делало войну неизбежной – Армия и флот Ее Величества скоро

положат конец этому вздору. – Он вернулся через ворота в сад и разыскал Сергеева. Тот невозмутимо наблюдал за сумятицей, рядом стояли два его ливрейных лакея, вооруженные и беспокойно озирающиеся по сторонам.

– Может быть, вы согласитесь подняться вместе со мной на борт, ваше высочество, – предложил князю Лонгстафф, стараясь перекричать шум беснующейся толпы. Он понимал, что если с Сергеевым что-нибудь случится, это может вырасти в международный инцидент, который даст царю превосходный предлог направить в китайские воды военные корабли и солдат в качестве ответной меры. А этого, черт возьми, нельзя допустить ни в коем случае, сказал он себе.

– Существует только один язык, на котором можно говорить с этой падалью. Вы полагаете, ваша демократия здесь уместна?

– Разумеется. Нужно лишь дать им время, ну? – небрежно ответил Лонгстафф. – Давайте пройдем на корабль. Нам повезло, сегодня приятный вечер.

Один из русских слуг начал что-то говорить Сергееву, который в ответ лишь посмотрел на него. Слуга побледнел и умолк.

– Как вам угодно, ваше превосходительство, – ответил Сергеев, не желая уступать Лонгстаффу в его явном презрении к толпе. – Только я думаю, нам следует подождать Тай-Пэна. – Он достал из кармана табакерку и предложил ее англичанину, с удовлетворением отметив, что его пальцы при этом не дрожали.

– Благодарю вас. – Лонгстафф взял понюшку. – Скверно все это, черт меня побери, ну? – Он подошел к Струану: – Какого дьявола, Дирк, что это на них нашло?

– Приказ мандаринов, можете не сомневаться. Такой толпы раньше никогда не было. Никогда. Нам лучше поспешить к лоркам. – Струан следил за площадью. Последний из торговцев сел на корабль. Не было видно только Брока. Горт со своими людьми по-прежнему охранял двери фактории Броков, расположенной с восточной стороны, и Струан пришел в ярость, увидев, что Горт стреляет в толпу, которая грабила факторию американцев и не угрожала ему непосредственно.

Он испытывал искушение отдать приказ о немедленном отступлении, а потом, в сумятице, поднять мушкет и пристрелить Горта. Он знал, что в таком шуме и суматохе его никто не заметит. Это избавило бы его от еще одного убийства в будущем. Но Струан не стал стрелять. Он хотел получить полное удовольствие, увидев ужас в глазах Горта в тот миг, когда он действительно убьет его.

Севшие на лорки торговцы торопливо отчаливали, и уже многие суда вышли на середину реки. Толпа по-прежнему странно игнорировала их.

Над факторией Купера-Тиллмана клубился дым. Но вот налетел порыв ветра, все здание разом вспыхнуло, как свеча, и языки пламени принялись лизать ночную тьму.

Струан увидел, как из своей фактории выскочил Брок. В одной руке он держал мушкет, в другой – саблю, карманы его сюртука оттопыривались, набитые бумагами. Его старший клерк Алмейда побежал впереди него к лорке, согнувшись под тяжестью бухгалтерских книг, Брок и Горт со своими людьми прикрывали его. В этот момент еще одна толпа, смяв солдат, прорвалась на площадь с востока, и Струан понял, что пора уносить ноги.

– Все на корабль! – прорычал он, устремляясь к воротам сада. Вдруг он остановился как вкопанный: Сергеев прислонился спиной к стене с пистолетом в одной руке и рапирой в другой. Лонгстафф стоял рядом с ним.

– Пора удирать! – крикнул он, покрывая шум. Сергеев рассмеялся.

– В какую сторону?

Раздался оглушительный взрыв – пламя добралось до арсенала американцев, – и здание американской фактории рухнуло, забросав толпу горящими обломками, которые некоторых убили и многих покалечили" Знамена Триад пересекли Хог Стрит, за ними следовала неистовая толпа грабителей, которая одну за другой захлестнула

восточные фактории. Струан уже выбежал за ворота, когда вдруг вспомнил о Кулуме. Он крикнул своим людям, чтобы они прикрыли его и бросился назад.

– Кулум! Кулум!

Кулум появился на лестнице и запрыгал вниз по ступенькам.

– Я забыл кое-что, – на ходу бросил он отцу и помчался к лорке.

Сергеев и Лонгстафф все еще ждали у ворот вместе с людьми Струана. Третья толпа, хлынув через площадь и набросившись на соседнюю факторию, отрезала им путь к отступлению. Струан показал на стену, и они перелезли через нее. Кулум упал, но Струан помог ему подняться, и вместе они побежали к лоркам. Сергеев и Лонгстафф не отставали.

Толпа дала им пройти, но как только они двинулись через площадь, открыв дорогу к фактории, ее вожаки ринулись в сад, у многих в руках были факелы. И они набросились на «Благородный Дом».

Теперь уже большая часть факторий была объята пламенем, где-то с тяжелым вздохом провалилась крыша, и новый огненный дождь обрушился на тысячи людей, собравшихся на площади.

Брок стоял на главной палубе своей лорки, безжалостно понукая команду. Все его матросы были вооружены, пушки смотрели в сторону берега.

Со своего места на юте Горт видел, как отдали носовой и кормовой швартовы. Когда лорка начала медленно отходить от причала, он схватил мушкет, прицелился в китайцев, теснившихся в дверях их фактории и выстрелил. Он увидел, как один человек упал, и губы его изогнулись в дьявольской усмешке. Горт взял другой мушкет и в этот момент заметил Струана и остальных – они прорывались к своей лорке, круша китайцев, наседавших и спереди, и сзади. Он огляделся и, убедившись, что на него никто не смотрит, тщательно прицелился. Струан находился между Кулумом и Сергеевым, Лонгстафф – чуть сбоку. Горт нажал на курок.

Сергеев крутанулся на бегу и с размаху врезался в землю.

Горт схватил третий мушкет, но на ют ринулся Брок.

– Давай на нос, встанешь у носовой пушки! – крикнул он сыну. – Не стрелять, пока я не дам команды! – Он подтолкнул Горта вперед и зарычал на матросов: – Переложить руль, клянусь Господом! Отдать рифы, все паруса – хоу! – Он взглянул на берег: Струан и Лонгстафф склонились над Сергеевым, Кулум стоял рядом, толпа китайцев стремительно надвигалась на них. Брок схватил мушкет, который Горт уронил на палубу, прицелился и выстрелил. Вожак китайцев упал, и толпа остановилась.

Струан взвалил Сергеева на плечо.

– Стреляйте поверх голов! – приказал он. Его люди растянулись в линию, прикрывая его своими телами, и дали залп в упор. Те китайцы, что были впереди, отпрянули назад, задние продолжали рваться вперед. Возникла давка, в толпе раздались истошные выкрики, тем временем Струан и его люди успели благополучно добраться до цели.

Маусс ждал их на причале рядом с лоркой, неподалеку от него стоял тот самый новообращенный китаец, который не так давно привлек внимание Струана. Оба были вооружены. Маусс держал в одной руке Библию, в другой абордажную саблю и кричал:

– Славен будь, Господи, и прости этих несчастных грешников.

Его клинок со свистом рассек воздух, и толпа попятилась.

Когда все были на борту, и лорка вышла на стремнину, они оглянулись назад.

Все поселение было в огне. Танцующие языки пламени, клубы дыма, леденящие кровь вопли – все слилось в одну картину ада.

Лонгстафф стоял на коленях рядим с Сергеевым, которого положили на квартердеке. Струан поспешил к ним.

– Беги на нос! – прогремел он на ходу Мауссу. – Встань там впередсмотрящим.

Сергеев, с лицом белым, как мел, держался рукой за пах с правой стороны. Из-под пальцев сочилась кровь. Его телохранители, стуча зубами, подвывали от ужаса, Струан оттолкнул их в сторону и разорвал спереди брюки Сергеева. Потом распорол ножом и снял одну штанину. Мушкетная пуля оставила глубокую косую царапину внизу живота, на долю дюйма выше детородного органа, и проникла в правое бедро. Кровь текла обильно, но не толчками. Струан возблагодарил Бога за то, что пуля не угодила в живот, как он опасался. Он перевернул Сергеева, и русский издал горлом сдавленный стон. Сзади на бедре зияла кровавая рваная дыра, отмечавшая то место, где вышла пуля. Струан осторожно прозондировал рану и извлек оттуда маленький кусочек раздробленной кости.

– Принеси одеяла, бренди и жаровню, – резко бросил он матросу. – Ваше высочество, вы можете пошевелить правой ногой?

Сергеев попробовал чуть-чуть передвинуть ее и сморщился от боли, но нога подчинилась.

– Думаю, бедро ваше в порядке, дружище. А пока – лежите, не двигайтесь.

Когда принесли одеяла, он укутал в них великого князя и помог ему устроиться поудобнее на сиденье позади рулевого. Потом дал ему бренди.

Вскоре принесли жаровню. Струан обнажил рану и щедро полил ее из бутылки. Потом нагрел свой нож, воткнув его в уголья жаровни.

– Держите его, Уилл! Кулум, ну-ка помоги нам. – Они опустились на колени: Лонгстафф в ногах, Кулум рядом с головой.

Струан поднес раскаленное докрасна лезвие к ране, бренди вспыхнуло, и Сергеев потерял сознание. Струан прижег рану спереди и быстро прошел глубже, торопясь закончить прежде, чем Сергеев придет в себя. Потом перевернул князя и занялся выходным отверстием. Воздух наполнился запахом паленого мяса. Лонгстафф отвернулся, и его вырвало, но Кулум продолжал держать князя и помогать отцу, и Лонгстафф заставил себя опять повернуть голову.

Струан заново накалил нож, вылил еще бренди на рану и глубоко и тщательно прижег ее. От тяжелого запаха у него разболелась голова, с подбородка капал пот, но руки двигались уверенно, и он знал, что если сделает прижигание недостаточно тщательно, рана нагноится, и тогда Сергеев обязательно умрет.

Да, с такой раной умерли бы девять человек из десяти.

Вскоре операция закончилась.

Он перевязал Сергеева и сполоснул свой рот бренди; коньячные пары прогнали запах крови и горелого мяса. Затем он сделал большой глоток и посмотрел на русского. Лицо князя было серым и безжизненным.

– Теперь он в руках своего собственного йосса, – сказал он. – Ты в порядке, Кулум?

– Да. Кажется, да.

– Ступай вниз. Распорядись насчет горячего рома для всех матросов. Проверь наши запасы. Ты теперь Номер Второй на борту. Разберись, кто есть кто на судне, у нас тут люди из других компаний.

Кулум покинул ют.

Оба русских слуги стояли на коленях рядом с Сергеевым. Один из них тронул Струана за руку и что-то сбивчиво проговорил, благодарно глядя на него. Струан знаком приказал им оставаться подле своего господина.

Он устало потянулся, положил руку на плечо Лонгстаффу, отвел его в сторону и наклонился к самому его уху:

– Вы видели у китайцев мушкеты? Лонгстафф покачал головой:

– Ни одного.

– И я тоже, – сказал Струан.

– Выстрелы там раздавались повсюду – Лонгстафф побледнел и выглядел крайне озабоченным. – Видимо, один из тех несчастных случаев, которые неизбежны в такой суматохе.

Струан помолчал несколько секунд.

– Если он умрет, нас ждут большие неприятности, а?

– Будем надеяться, что этого не случится, Дирк. – Лонгстафф закусил губу. – Я немедленно поставлю министра иностранных дел в известность об этом происшествии. Нужно будет провести расследование, – Лонгстафф бросил взгляд на посеревшее, как у трупа, лицо. Дыхание Сергеева было частым и неглубоким. – Чертовски некстати все это, ну?

– Судя по расположению раны и по тому, где он стоял перед тем, как упасть, не приходится сомневаться, что пуля была выпущена из нашего мушкета.

– Это был самый обыкновенный несчастный случай.

– Верно. Но пуля могла бы быть и направлена.

– Невозможно. Кому придет в голову убивать его?

– Кому придет в голову убивать вас? Или Кулума? Или, может быть, меня? Мы все держались очень тесной группой.

– Кому?

– У меня здесь врагов не меньше десятка.

– Брок не стал бы хладнокровно стрелять в вас из-за угла.

– Я этого и не говорил. Назначьте награду за информацию. Возможно, кто-то что-то видел.

Вместе они посмотрели на поселение. Теперь оно осталось далеко за кормой: лишь дым и пламя над крышами Кантона указывали то место, где оно находилось.

– Это безумие грабить и разрушать все подобным образом. Раньше никогда такого не было. Зачем им понадобилось это делать? Зачем? – говорил Лонгстафф.

– Я не знаю.

– Сразу же после прибытия на Гонконг мы отправимся на север – на этот раз прямо к воротам Пекина, клянусь Богом. Император очень и очень пожалеет, что отдал такой приказ.

– Да. Но сначала вы снарядите экспедицию против Кантона. Немедленно.

– Но это же пустая трата времени, ну?

– Будьте готовы штурмовать город не позже, чем через неделю. Вам не придется доводить дело до конца. Вы опять потребуете с Кантона выкуп. Шесть миллионов тэйлов серебром.

– Зачем?

– Вам нужен месяц или даже больше, чтобы флот подготовился к походу на север. Погода пока против нас. К тому же нужно дождаться подкреплений. Когда они должны прибыть?

– Через месяц-полтора.

– Хорошо. – Лицо Струана стало жестким. – Тем временем Ко-хонгу придется где-то отыскать шесть миллионов. Это научит их предупреждать нас в другой раз, клянусь Богом. Вы непременно должны показать наш флаг здесь, прежде чем отправитесь на север, или мы потеряем лицо. Если им сойдет с рук сожжение поселения, мы больше никогда не сможем чувствовать себя в безопасности. Прикажите «Немезиде» встать у стен города. Дальше – ультиматум и двенадцать часов на раздумье, или вы сравняете Кантон с землей.

Сергеев застонал, и Струан подошел к нему. Русский все еще пребывал в шоке и едва сознавал, что происходит вокруг.

Потом Струан заметил, что обращенный Мауссом китаец наблюдает за ним. Человек стоял на главной палубе у правого фальшборта. Он осенил Струана крестным знамением, закрыл глаза и начал молча молиться.

Глава 2

Струан выпрыгнул из катера на их новый причал в Куинз Тауне и торопливо зашагал вдоль пирса к огромному, почти законченному трехэтажному зданию. Солнце палило нещадно с раскаленного добела неба, и он сегодня хромал больше, чем обычно. На верхушке флагштока развевался «Лев и Дракон».

Струан отметил про себя, что многие жилые дома и постройки помельче в разных концах Счастливой Долины были полностью закончены и уже началось возведение церкви на холме. Причал Брока на дальнем конце залива был достроен, и примыкающая к нему фактория тоже выглядела почти готовой. Другие здания и дома по-прежнему стояли в бамбуковых каркасах строительных лесов, на которых добавились новые ярусы. Куинз Роуд замостили камнями.

Несмотря на то, что уже минул полдень, работающих кули оказалось немного. Воздух был горячий и очень влажный. Приятный восточный ветерок то тут, то там легкими порывами пробегал по долине.

Струан вошел в главный холл фактории; его рубашка взмокла и прилипла к спине. Португальский клерк, обливавшийся потом за рабочим столом, поднял к нему изумленное лицо.

– Madre de Deus[18], мистер Струан! Добрый день, сеньор. Мы не ждали вас сегодня.

– Где мистер Робб?

– Наверху, сеньор, только там...

Но Струан уже взбегал по лестнице. Коридоры с первой лестничной площадки вели на север, восток и запад, в глубину здания. Многочисленные окна смотрели и на море, и на сушу. Он увидел флот, неподвижно стоявший на якоре в заливе; у причалов других торговцев было пусто: его лорка первой добралась сюда из Кантона.

Он повернул на восток и пересек наполовину законченную столовую; звук его шагов сухим гулким эхом прокатился по голым каменным плитам. Постучав в дверь, он открыл ее. Дверь вела в просторную комнату. Она была уже частично обставлена: кресла и кушетки, тот же каменный пол, картины Квэнса на стене, богатые ковры, пустой, холодный камин. Сара сидела в кресле с высокой спинкой подле одного из окон, держа в руке бамбуковый веер. Она не мигая смотрела на него.

– Здравствуй, Сара.

– Здравствуй, Дирк.

– Как Карен?

– Карен умерла.

Голубые глаза Сары поблекли, взгляд застыл, кожа на лице покраснела и была сальной от пота. В волосах блестели седые пряди, лицо постарело.

– Мне жаль. Мне так жаль.

Сара рассеянно обмахнулась веером. Легкий ветерок, рожденный этим движением, подхватил выбившуюся прядь волос, и она упала ей на лицо, но Сара не стала убирать ее.

– Когда это случилось? – спросил он.

– Три дня назад. Может быть, два, – произнесла она ровным, безжизненным голосом. – Не знаю.

Веер продолжал качаться из стороны в сторону, словно сам по себе.

– Как малыш?

– Еще жив. Локлин еще жив.

---

[18] Madre de Deus – Матерь Божья (порт.).

Струан пальцами снял каплю пота с подбородка.

– Мы первыми вернулись из Кантона. Китайцы сожгли поселение. Письмо Робба мы получили перед самым отплытием. Я только что прибыл.

– Я видела, как подошел твой катер.

– Где Робб?

Она показала веером на дверь, он увидел тонкие бледные кисти рук с голубыми прожилками вен.

Струан вошел в спальню. Комната была большая, и кровать под балдахином на четырех столбах в точности повторяла его собственную.

На кровати лежал Робб. Его глаза были закрыты; посеревшее, изможденное лицо утонуло в потемневшей от пота подушке.

– Робб? – позвал Струан. Но веки не дрогнули, а губы так и остались чуть-чуть приоткрытыми. У Струана сжалось сердце.

Он коснулся лица брата. Холод. Холод смерти.

Неподалеку залаяла собака, муха с лета врезалась в оконное стекло. Струан повернулся, вышел из комнаты и тихо прикрыл дверь за собой.

Сара все так же сидела в своем кресле. Веер продолжал медленно качаться. Туда-сюда. Туда-сюда.

Он ненавидел ее за то, что она не сказала ему.

– Робб умер час назад, – проговорила она. – Два или три часа, или час. Я не помню. Перед смертью он попросил меня передать тебе несколько слов. Это было сегодня утром, кажется. Может быть, ночью. Кажется, это было сегодня утром. Робб сказал: «Передай Дирку, что я никогда не хотел быть Тай-Пэном».

– Я сам займусь всем, что нужно, Сара. Тебе и детям лучше перебраться на «Отдыхающее Облако».

– Я закрыла ему глаза. И я закрыла глаза Карен. Кто закроет глаза тебе, Тай-Пэн? Кто закроет их мне?

Струан отдал необходимые распоряжения и затем направился вверх по пологому склону к своему дому. Он вспоминал тот первый день, когда Робб прибыл в Макао.

– Дирк! Всем нашим бедам конец, я приехал! – провозгласил Робб со своей удивительной улыбкой. – Мы раздавим Ост-Индскую Компанию и сотрем в порошок Брока. Мы станем как лорды и положим начало династии, которая будет править в Азии вечно! У меня есть девушка, на которой я собираюсь жениться! Сара Макглен. Сейчас ей пятнадцать, мы помолвлены и поженимся через два года.

Ответь мне, Господи, вопрошал Струан, где, в какой момент своей жизни мы сбиваемся с истинного пути? Как? Отчего люди меняются? Как получается, что ссоры, жестокость, ненависть и боль рождаются из красоты, юности, нежности и любви? И почему? Ибо именно так всегда бывает с людьми. Так было с Сарой. Так было с Рональдой. И Так же будет с Кулумом и Тесс. Почему?

Он остановился у ворот в высокой стене, окружавшей его новое жилище. Открыл их, посмотрел на дом. Его поразила полная тишина: ему почудилось в ней что-то зловещее. Слово «малярия» тут же вытеснило из головы все остальные мысли. Легкий ветерок пробежал по высоким побегам бамбука. Сад уже обрел свой настоящий вид: цветники, кусты, пчелы жужжа перелетают с цветка на цветок.

Он поднялся по ступеням и открыл дверь. Но сразу не вошел, а прислушался с порога. Он не услышал ни приветственного смеха, ни приглушенного монотонного разговора слуг. Дом казался покинутым.

Струан взглянул на барометр: 29, 8 дюйма, «ясно».

Он медленно двинулся по коридору, вдыхая необычно густой, тяжелый запах благовоний. Ему попалась на глаза пыль в таких местах, где раньше ее никогда не было.

Он открыл дверь в спальню Мэй-мэй. Кровать была застелена и пуста, комната показалась ему как-то по-особенному чисто прибранной.

Комната для детей тоже пустовала. Маленькие кроватки и игрушки исчезли.

И тут он увидел ее в окне. Она вышла из глубины сада со срезанными цветами в руках. Оранжевый зонтик прикрывал ее лицо от солнца. В следующий миг он был уже снаружи, крепко сжимая ее в объятиях.

– Кровь Господня, Тай-Пэн, ты помял мои цветы. – Мэй-мэй положила букет на землю и обвила его шею руками. – Откуда ты взялся, хейа? Тай-Пэн, ты меня раздавишь! Ну, пожалуйста. И почему у тебя такое странное лицо?

Он подхватил ее на руки и присел на скамейку, залитую солнцем. Она умиротворенно приникла к нему, согретая его силой и ясно читавшейся на его лице радостью от того, что он видит ее. Она улыбнулась ему.

– Ну вот. Ты скучал по мне фантастически, хейа?

– Я скучал по тебе фантастически, хейа.

– Хорошо. Почему ты несчастный? И почему, когда я теперь вижу тебя, ты весь как призрачный?

– Плохие вести, Мэй-мэй. К тому же я думал, что потерял тебя. Где дети?

– В Макао. Я отправила их в дом Чен Шеня под присмотр Старшей Сестры. Когда началась лихорадочная болезнь, я подумала, что это будет уж-жасно мудро. Я отправила их с Мэри Синклер. Почему ты думал, что потерял меня, хейа?

– Так, пустое. Когда дети уехали?

– Неделю назад. Мэри должна была позаботиться о них в дороге. Она возвращается завтра.

– А где А Сам и Лим Дин?

– Я послала их за едой. Когда мы заметили твою лорку, я подумала: «ай-й-йа», Дом такой ужасно грязный и еды нет, вот я и заставила их быстро-быстро чистить дом, а потом послала за едой, так что ладно. – Она вскинула голову. – Этим ленивым, ни на что не годным блудням нужна хорошая порка. О, я так уж-жасно рада, что ты вернулся, Тай-Пэн, честно-честно. Расходы на дом ай-ай как возросли, а у твоей старой бедной женщины совсем нет деньгов, так что придется тебе давать мне больше, потому что мы кормим еще весь клан Лим Дина и А Сам тоже. Ха, не то что я против помогать их ближним родственникам – это, конечно, справедливая мзда, ладно, – но все их кланы целиком? Тысячу раз нет, клянусь Богом! Мы богаты, да, но не настолько, и мы должны сберегать наше состояние, а то быстро останемся без гроша. – Тараторя все это, она неотрывно следила за его лицом и теперь нахмурилась: – Что за плохие вести?

– Робб умер. И крошка Карен.

Ее глаза широко раскрылись, и радость на лице погасла.

– Я знала про девочку. Но не про брата Робба. Я слышала, что у него лихорадка... три, четыре дня назад. Но не знала, что он мертвый. Когда это случилось?

– Несколько часов тому назад.

– Какой ужасный йосс. Лучше нам перебраться из этой проклятой долины.

– Она не проклятая, девочка. Но лихорадка в ней действительно есть.

– Да. Только – прости, что я говорю об этом снова, – не забывай... мы живем на самом глазу дракона. – Она возвела глаза горе и выпустила длинную череду кантонских и мандаринских слов, моля богов о защите. Немного успокоившись, она добавила: – Не забывай, что наш фен шуй здесь уж-жасающе жутко плохой.

В эти дни Струан вплотную занялся решением проблемы, которая мучила его последние недели. Если он уедет из долины, вслед за ним уедут и все остальные; если он останется, Мэй-мэй может заболеть лихорадкой и умереть, а на такой риск он никогда не осмелится. Если он останется, а она уедет в Макао, умрут другие, которые

могли бы в противном случае еще жить и жить. Как уберечь всех от лихорадки и при этом сохранить Куинз Таун и Гонконг?

– Тай-Пэн, до нас здесь дошли слухи, что у вас были большие неприятности в Кантоне?

Он рассказал ей обо всем, что произошло.

– Фантастическое безумие. Зачем было грабить и жечь, хейа?

– Да.

– Но это было уж-жасно мудро со стороны всех не жечь поселение, пока не закончится торговля. Очень разумно. Что будет теперь? Вы нападете на Пекин?

– Сначала мы раздавим Кантон. Потом Пекин.

– Почему Кантон, Тай-Пэн? Это же все император виноват, а не они. Они лишь делали то, что им было приказано.

– Верно. Но они должны были бы предупредить нас обо всем. Они заплатят шесть миллионов выкупа и заплатят их быстро или у них не будет города, клянусь Богом. Сначала – Кантон, потом – на север.

Мэй-мэй нахмурилась. Она понимала, что должна немедленно известить об этом своего дедушку Дзин-куа, предупредить его. Потому что на этот раз Ко-хонгу придется-таки собрать весь выкуп, и если Дзин-куа не подготовится к этому заранее, он будет разорен. Она еще никогда не передавала дедушке никаких сведений, и никогда не использовала тайно от Струана ту информацию, которую доставляло ей ее исключительное положение наложницы Тай-Пэна. Но на этот раз она чувствовала, что должна это сделать, И мысль о том, что она станет частью большой и сложной интриги, наполнила ее радостным возбуждением. В конце концов, говорила она себе, без заговоров, интриг и секретов жизнь лишится огромной доли своей привлекательности Интересно, почему толпа так буйствовала, грабила и крушила все подряд, когда в этом не было никакой необходимости. Глупо.

– Мы будем соблюдать стодневный траур, скорбя о твоем брате? – спросила она.

– Я не могу скорбеть о нем больше, чем сейчас, девочка, – ответил Струан, чувствуя себя совершенно без сил.

– Сто дней траура предписаны обычаем, – настойчиво заметила она. – Я договорюсь с Гордоном Ченом о китайских похоронах. Пятьдесят профессиональных плакальщиц. С барабанами, трещотками и флагами. У дяди Робба будут похороны, которые люди запомнят на долгие годы. В таких делах мы денег не жалеем. Ты будешь доволен, как будут довольны и все боги.

– Мы не можем устраивать ничего подобного, – ошеломленно поднял глаза Струан. – Это не китайские похороны. Мы не можем нанимать профессиональных плакальщиц!

– Тогда как же ты собираешься прилюдно почтить своего брата и дать ему лицо в глазах всех настоящих людей Гонконга? Конечно, мы должны нанять плакальщиц. Или мы больше не «Благородный Дом»? Можем мы позволить себе потерять лицо перед самым презренным носильщиком? Даже не говоря о том, что это безобычайнейшая неучтивость и плохой йосс, мы просто не можем так поступить.

– Но у нас нет такого обычая, Мэй-мэй. Мы делаем все по-другому.

– Ну, разумеется, – радостно закивала она. – Я как раз об этом и говорю, Тай-Пэн. Ты сохраняй лицо перед варварами, а я буду делать то же самое перед своим народом. Я буду скорбеть сто дней наедине сама с собой, потому что я, конечно же, не могу показываться ни на твоих, ни на китайских похоронах. Я оденусь в белые одежды, потому что цвет траура – белый. Я закажу табличку, как всегда, и по ночам мы будем кланяться ей. Потом, когда сто дней пройдет, мы сожжем табличку, как всегда, и его душа благополучно воскреснет, как всегда. Это йосс, Тай-Пэн. Твой брат понадобился богам, ничего не поделаешь.

Но Струан не слушал ее. Он напрягал мозг в поисках ответа: как победить лихорадку, и как сохранить долину, и как защитить Гонконг?

Глава 3

Три дня спустя Робба похоронили. Рядом с могилкой Карен. Вольфганг Маусс отслужил службу в недостроенной церкви, под высоким безоблачным небом вместо крыши.

Присутствовали все тай-пэны за исключением Уилфа Тиллмана, который по-прежнему лежал в своей каюте на плавучем складе Купера-Тиллмана, едва живой от лихорадки Счастливой Долины. Лонгстаффа в церкви не было. Вместе с генералом и адмиралом он уже отплыл в Кантон – со всем флотом, десантными кораблями и всеми солдатами, которые могли держаться на ногах. Нутряная хворь – дизентерия – заметно сократила их ряды. Корабль Ее Величества «Немезида» был выслан вперед.

Сара сидела на грубо сколоченной скамье в первом ряду. Она была в черном и прикрыла лицо черной вуалью. Шевон тоже была в черном. Как Мэри, Лиза, Тесс и все остальные. Мужчины также облачились в темные сюртуки, и пот тек с них ручьями,

Струан поднялся, чтобы прочесть отрывок из Священного Писания, и Шевон впилась в него взглядом. Вчера она лишь коротко выразила ему свои соболезнования, понимая, что пока ей лучше этим и ограничиться. Через неделю или две все опять уладится. Теперь, когда умер Робб, ей придется пересмотреть свои планы. Поначалу она рассчитывала быстро выйти замуж за Струана, а затем увезти его: сначала в Вашингтон, чтобы ввести в круг наиболее влиятельных политиков, оттуда в Лондон и в парламент – но уже имея в активе прочные связи за океаном. А потом – назад в Вашингтон, послом Ее Величества. Однако теперь этот план откладывался, ибо она понимала, что он не сможет уехать до тех пор, пока Кулум не будет готов занять его место.

В одно время с тихими, мрачными похоронами в Счастливой Долине и черным траурным кортежем, тронувшимся по Куинз Роуд к кладбищу, по узким кривым улочкам Тай Пинь Шана с оглушительным шумом двигалась похоронная процессия китайцев в белых одеждах: плач, стенания, горестные вскрикивания, разрывание на себе белоснежных одеяний под неумолчный грохот барабанов возвещали богам о великой утрате, понесенной «Благородным Домом».

И население Тай Пинь Шана было должным образом поражено невиданной для варвара цивилизованностью Тай-Пэна и величием его торгового дома. Огромное лицо, которое приобрел в этот день Тай-Пэн, еще больше подняло престиж Гордона Чена, ибо никто из обитателей холма не мог предположить, что его отец столь достойно почтит их богов и их обычаи. Не то чтобы Гордон Чен особенно нуждался в поднятии своего престижа. Разве не был он уже самым крупным землевладельцем на Гонконге, и разве щупальца его бизнеса не протянулись во все стороны? Разве не ему принадлежало большинство зданий? И бизнес носильщиков паланкинов? И три прачечных? Четырнадцать рыбацких сампанов? Две аптеки? Шесть ресторанов? Девятнадцать мест для чистки обуви? И портновские лавки, и обувные мастерские, и мастерские, где изготовлялись ножи? И разве не он владел пятьюдесятью одним процентом первой ювелирной лавки, где работали опытные квантунские резчики как по драгоценным камням, так и по дереву?

И, кроме всего этого, он еще и ростовщик. Ай-йа, и какой ростовщик! Невозможно в зто поверить, но он настолько богат, что ссужает деньги, соблюдая свой интерес на полтора процента ниже обычного, благодаря чему монополизировал весь бизнес. Ходили слухи, что он состоит в партнерстве с самим Тай-Пэном, и что

смерть его дяди-варвара принесет ему теперь новые неисчислимые богатства.

Среди Триад положение Гордона Чена также не нуждалось в укреплении. Они знали, кто он, и подчинялись ему беспрекословно. К тому же Триады в строительном деле и среди грузчиков, среди чистильщиков улиц и ночных собирателей экскрементов, среди рыбаков, поваров и уличных торговцев, прачек, слуг и кули – все они время от времени брали у него взаймы и регулярно платили за жилье, следовательно, и они тоже исполнились глубокой печали, что дядя-варвар их предводителя умер, и с радостью отдали на его похороны дополнительно недельную мзду. Они понимали, что поступают мудро, держа сторону Тай-Пэна Тай Пинь Шана. К тому же им было хорошо известно, что часть этой мзды пойдет на подношение богам – жареные молочные поросята, пирожки, цукаты, вареное мясо без счета, омары, креветки, рыба и крабы целыми сампанами, а также хлеб и горы риса; они знали, что после того, как боги благосклонно взглянут на такое великолепие, подношение будет роздано, и они сами примутся за эту снедь, которой хватит, чтобы досыта накормить самых голодных.

Поэтому все громко стенали вместе с плакальщицами, безмерно наслаждаясь драмой смерти, благословляя свой йосс за то, что они живы и могут скорбеть, есть, любить, зарабатывать деньги, стать в будущем – если позволит йосс – такими же богатыми, как усопший, чтобы обеспечить себе после смерти такое же колоссальное лицо в глазах всех соседей.

Гордон Чен следовал за процессией. Он хранил крайне печальный и торжественный вид, рвал – но с большим достоинством – на себе одежду и громко взывал к богам, повествуя о постигшей его огромной утрате. Сразу следом за ним шел Король нищих, и этим оба приобретали еще большее лицо. И боги благосклонно улыбались.

Когда могилу засыпали сухой, бесплодной землей, Струан проводил Сару к катеру.

– Я заеду на корабль сегодня вечером, – пообещал он.

Не отвечая ему, Сара села на корме и повернулась спиной к острову.

Когда катер отошел от берега, Струан направился к Счастливой Долине.

На дороге толпились нищие и носильщики паланкинов. Но Тай-Пэна они не беспокоили: он продолжил выплату ежемесячной мзды Королю нищих.

Струан увидел Кулума рядом с Тесс в самой середине всего клана Броков. Он подошел к ним и вежливо приподнял шляпу, приветствуя дам. Потом взглянул на Кулума:

– Не хочешь ли немного пройтись со мной?

– Разумеется, – ответил Кулум. Он еще не говорил с отцом после их возвращения на остров, то есть не говорил о важных вещах: например, о том, как смерть дяди Робба повлияет на их планы, или когда можно будет официально объявить о помолвке. Ни для кого уже не было секретом, что на Вампоа при отступлении из Кантона он официально попросил у Брока руки Тесс, и Брок, скрепя сердце, дал свое согласие. Также было известно, что из-за неожиданной трагедии в семье с объявлением о помолвке решили повременить.

Струан вновь приподнял шляпу и отошел, Кулум пристроился с ним рядом.

Они в молчании шли по дороге. Торговцы, видевшие их вместе с Броками, качали головами, заново удивляясь тому, что Брок согласился на этот брак, который, конечно же, был не чем иным, как новой хитростью Струана.

– Доброе утро, Мэри, – произнес Струан, когда к нему подошла Мэри Синклер, сопровождаемая Горацио и Глессингом. Она выглядела утомленной и нездоровой.

– Доброе утро, Тай-Пэн. Не могла бы я навестить вас сегодня днем? – спросила она. – Возможно, вы уделите /мне несколько минут вашего времени?

– О да, конечно. Поближе к заходу солнца? У меня дома?

– Благодарю вас. Не могу выразить, как больно мне было услышать о... о вашей утрате.

– Да, – добавил Глессинг. – Ужасный случай. – За последние недели Струан все больше и больше поражал его. Черт побери, любой, кто служил в Королевском флоте, кто был «пороховой мартышкой» у Трафальгара, достоин величайшего уважения, клянусь Богом. Когда Кулум рассказал ему об этом, он немедленно спросил: «На каком корабле?» и был просто шокирован, услышав в ответ: «Не знаю. Я не спрашивал». С тех пор его постоянно мучил вопрос, не служил ли Тай-Пэн вместе с его отцом. При всякой встрече у него чесался язык спросить об этом, но он не мог, потому что Кулум поведал ему обо всем под секретом. – Чертовски жаль, Тай-Пэн.

– Благодарю вас. Как идут дела?

– Прекрасно, благодарю. Работы по горло, можете поверить.

– Наверное, стоило бы подумать о том, чтобы отдать глубоководные штормовые якоря на всех линейных кораблях.

Глессинг тут же насторожился:

– Вы чуете приближение шторма?

– Нет. Но сейчас сезон тайфунов. Иногда они приходят рано, иногда – поздно.

– Благодарю за подсказку. Я распоряжусь, чтобы этим занялись сегодня же. – Чертовски предусмотрительно, отметил про себя Глессинг. Этот человек прекрасно держится, хотя на него обрушилось такое несчастье. И второго такого знающего моряка, как он, еще поискать. Мэри считает его удивительным человеком, а ее мнение много значит, клянусь Создателем. И благодаря ему флот теперь у стен Кантона, черт возьми, всего через несколько дней после того, как эти дьяволы осмелились сжечь поселение. Чтоб у нашего проклятого адмирала глаза лопнули! Какого дьявола? Почему этот чертов идиот не вернет мне мой корабль? Интересно, наберусь ли я смелости попросить Тай-Пэна замолвить за меня словечко. – Вы собираетесь присоединиться к флоту?

– Не знаю. – Струан посмотрел на Горацио. – Когда вы вернулись, дружище?

– Прошлой ночью, Тай-Пэн. Его превосходительство отослал меня назад, чтобы я представлял его на похоронах. Я рад засвидетельствовать вам свое почтение. Я возвращаюсь с отливом.

– Это было очень любезно с его стороны и с вашей. Пожалуйста, передайте ему мою глубокую признательность.

– Он с нетерпением ждет известий о состоянии здоровья его высочества.

– Все не так плохо. Князь сейчас на борту «Китайского Облака». Почему бы вам не нанести ему визит? Мне кажется, бедро у него все-таки повреждено, хотя пока еще слишком рано делать какие-то выводы. До встречи, Мэри. – Он опять приподнял шляпу, и они с Кулумом продолжили свой путь. Струан размышлял о Мэри. Наверное, она хочет рассказать о детях. Надеюсь, с ними все в порядке, Что такое случилось с Горацио и Глессингом? Оба показались мне какими-то скованными и раздраженными.

– Позвольте проводить вас до отеля, мисс Синклер, – говорил между тем Глессинг. – Может быть, вы оба не откажетесь отобедать со мной в доке?

– О, с удовольствием, Джордж, дорогой, – ответила Мэри, – вот только Горацио не сможет к нам присоединиться. – Прежде чем Горацио успел вставить хоть слово, она спокойно добавила: – Мой милый брат сказал мне, что вы официально просили у него моей руки.

Глессинг ошеломленно посмотрел на нее:

– Да... э... да, так и было. Надеюсь... ну-у... кхм... да.

– Я бы хотела теперь же сказать вам, что принимаю ваше предложение.

– Клянусь Юпитером! – Глессинг порывисто схватил ее руку и припал к ней губами. – Как перед Богом, Мэри, клянусь Создателем, разрази меня гром! Я

клянусь… – Он повернулся, чтобы поблагодарить Горацио, и вся его радость в тот же миг улетучилась. – Смерть господня, что случилось!

Горацио пристально и злобно смотрел на сестру. Его лицо скривилось в вымученной улыбке, но взгляда от нее он не оторвал.

– Ничего.

– Ты не одобряешь нашего брака? – Голос Глессинга зазвенел, как натянутая струна.

– Ну что вы, конечно, он одобряет, не правда ли, дорогой братец? – вмешалась Мэри.

– Это... ты так... так молода, и...

– Но ты все-таки одобряешь, ведь правда? И мы поженимся за три дня до Рождества. Если это вас устроит, Джордж?

Глессинг окаменел при виде столь явной враждебности в отношениях между сестрой и братом.

– Это удовлетворит тебя, Горацио?

– Я уверена, Тай-Пэн одобрит твою покладистость, Горацио. – Мэри была рада, что решила выйти замуж за Джорджа. Теперь ей непременно придется избавиться от ребенка. Если не сможет помочь Мэй-мэй, она обратится к Тай-Пэну. Это и будет та услуга, которую он ей пообещал когда-то. – Я принимаю предложение Джорджа, – с вызовом произнесла она, пряча свой страх.

– Будьте прокляты вы оба! – Горацио зашагал прочь.

– Ради Бога, да что это на него нашло? Как я должен это понимать? Он согласен? Или не согласен? – сердясь и волнуясь, спросил Глессинг.

– Он согласен, Джордж, дорогой. Успокойтесь. И, пожалуйста, простите мне мою настойчивость, просто я хотела, чтобы все было сказано между нами теперь же.

– Нет, Мэри, это я прошу у вас прощения. Я и не подозревал, что ваш брат так серьезно настроен против нашего брака. Если бы я хоть на мгновение усомнился... ну, я бы не был столь нетерпелив. – Радость от того, что его предложение принято, омрачалась болью, которую он читал в глазах Мэри. И непроходящим возмущением от того, что он не с флотом. Черт бы побрал адмирала! Чума на это трижды растреклятое назначение на берег, и чума на Синклера. Будь я продлят, как мог этот наглец даже нравиться мне одно время? Как он посмел быть таким грубым?

– Я так рада, что вы здесь, Джордж, – услышал он голос Мэри.

Глессинг увидел, как она смахнула со щеки несколько слезинок, и ощущение бесконечного счастья вернулось к нему. Не будь он начальником гавани, он никогда бы не смог проводить столько времени с Мэри. Он благословил свою удачу! Она приняла его, а только это и имело значение. Глессинг взял ее руки в свои.

– Довольно слез, – сказал он. – Это самый счастливый день в моей жизни, и мы непременно устроим обед и отметим это событие. Сегодня вечером мы ужинаем вместе – отныне мы всегда будем обедать и ужинать вместе. В следующем месяце мы объявим о нашей помолвке. С этого дня я буду заботиться о вас. И если кто-то вас расстроит, клянусь Богом, ему придется отвечать передо мной!

Струан и Кулум потягивали бренди в рабочем кабинете фактории. Комната была просторная, пол выложен каменными плитами. Ее обстановка состояла из письменного стола полированного тика, корабельных фонарей, барометра на шарнирах рядом с тиковой дверью, картин Квэнса на стенах, кресел, обтянутых хорошо промасленной кожей, и софы, издававшей приятный сладковатый запах.

Струан стоял у окна и смотрел на гавань. Без флота и десантных кораблей ее спокойная ширь казалась опустевшей. Из клиперов оставались только «Китайское Облако» и «Белая Ведьма». Было еще несколько купцов, грузившихся для обратного путешествия домой, и несколько кораблей из Англии, только что доставивших товары, заказанные в прошлом году.

Кулум рассматривал полотно, висевшее над каминной доской. Это был портрет китайской девушки-танка; она была поразительно красива. Девушка держала на бедре корзину ц улыбалась.

Кулум задумался над тем, справедливы ли слухи, что это портрет любовницы его отца, которая жила сейчас в его доме в нескольких сотнях шагов отсюда.

– Теперь я уже не могу уехать, как мы планировали. Я решил остаться, – сказал Струан, по-прежнему глядя в окно.

Кулум цочувствовал укол разочарования.

– Я мог бы и сам справиться. Я уверен, что смог бы.

– Да. Со временем.

Кулум опять подивился проницательности своего друга Горта. Вчера вечером на квартердеке «Белой Ведьмы» Горт сказал: «Попомни мои слова, старина. Теперь он ни за что не уедет. Готов поспорить на что угодно, но он скоро позовет тебя и объявит, что никуда не едет. Ужасное это дело так говорить, но, видно, придется нам с тобой дожидаться, пока по ним не прочтут отходную».

– Но мне самому не справиться, Горт. Одному, как Тай-Пэну, – нет.

– Ерунда. Конечно, ты бы справился. Господи, Даже если допустить, что тебе понадобится помощь, чего никогда не случится, есть я. Я помогу тебе во всем. Да и Па тоже. В конце концов, Кулум, мы ведь теперь как бы одна семья. Конечно, ты бы прекрасно справился, тут и думать нечего. Но если ты скажешь об этом отцу, Тай-Пэн ответит: «Разумеется, ты справишься, Кулум. Со временем».

– Ты действительно полагаешь, что я бы смог?

– Никаких сомнений на всем белом свете. А что тут такого трудного, скажи на милость? Покупай да продавай, твой компрадор берет на себя большую часть риска. Корабли – это корабли, чай – это чай, а опиум – это опиум. Тай-Пэн принимает решения, вот и все. Главное тут – обычный здравый смысл. Господи, да ты только вспомни, как ловко ты выкрутился с тем холмом! Ты принял самое что ни на есть правильное решение. Сам принял, а не кто-то другой. И ты заставил его поговорить с Па насчет Тесс, а Па заставил его дать тебе и Тесс попутный ветер и безопасную гавань.

– Может быть, я и смог бы управлять компанией, если все кругом будет спокойно. Но не Лонгстаффом, не войной и не Дзин-куа.

– Они как раз значения и не имеют. Война все равно идет сама по себе, как бы твой Па ни притворялся, что он чего-то там решает. Ну, а что до старого лиса Дзин-куа, я могу помочь тебе держать в узде эту обезьяну. Нет, Кулум, так и придется нам дожидаться, пока они не умрут. А это ужасно, когда мы оба так молоды, и у нас столько новых идей, и вообще. А ведь передай они нам бразды правления сейчас, что тут такого страшного? Наши Па будут прикрывать нам спину дома, а если понадобится их помощь здесь, так это раз – и готово. Мы же не вот выкидываем их совсем. Компании как принадлежали, так и будут им принадлежать, это само собой. Но они же в это никогда не поверят. У них у обоих вместо мозгов соленая вода. Им ведь нужно самим всем командовать, только тогда они будут счастливы. Он просто заморочит тебе голову всякими там «тебе нужно поднабраться опыта» да «подожди годика два-три» – только это будет тянуться вечно...

Кулум уперся взглядом в спину отца.

– Я смог бы справиться, Тай-Пэн. Струан повернулся к нему:

– С Лонгстаффом? С войной и Дзин-куа?

– Войну все равно ведем не мы, не так ли?

– Так. Но если бы Лонгстаффа никто не направлял, он уже сто раз погубил бы нас всех.

– Если случится, что ты все-таки уедешь, ну, это же не будет означать, что ты умываешь руки от всех дел компании, ведь так? Если появится что-то, с чем мне не

справиться, я мог бы обратиться к тебе, раз – и готово.

– Когда я уеду, парень, тебе одному придется отвечать за все. Только на почту домой и обратно уходит полгода. Слишком многое может произойти за это время. Тебе нужен опыт. Ты еще не готов.

– А когда я буду готов?

– Это зависит от тебя.

– Ты обещал, что я стану Тай-Пэном через год после... ну, после дяди Робба.

– Да. Если будешь готов. А ты еще не готов к тому, чтобы я уехал, как мы договаривались. Брок и Горт сожрут тебя в два счета.

Да, сказал себе Кулум, Горт снова был прав. Придется ждать.

– Очень хорошо. Что я могу сделать, чтобы доказать, что я достоин?

– Ничего сверх того, что ты уже делаешь, парень. Тебе нужно просто поднабраться опыта. Два года, три – я скажу тебе, когда буду уверен.

Кулум знал, что ничего не добьется, если начнет сейчас возражать и спорить.

– Ты хочешь, чтобы я взял на себя работу дяди Робба?

– Да. Но пока ничего не заказывай, ничего не продавай и никого не увольняй без моего ведома. Я подготовлю для тебя особое письмо с инструкциями. Помоги Варгашу оценить наши убытки в поселении и привести в порядок все бухгалтерские книги.

– Как ты считаешь, когда можно будет объявить о нашей помолвке?

– Ты уже обговаривал это с Броком?

– Только когда видел его на Вампоа. Он предложил День святого Иоанна.

Струан вдруг вспомнил Скраггера и то, что тот рассказал ему о By Квоке: про праздник на Кимое в День святого Иоанна, который легко можно превратить в ловушку для пиратского главаря. Он понимал, что теперь у него нет другого выхода, кроме как положиться на слово Скраггера и постараться уничтожить By Квока. Мертвый By Квок означал бы, что у Кулума будет одной опасностью меньше, когда он станет Тай-Пэном. А как быть с остальными тремя половинками монет? Каких макиавеллиевских «услуг» потребуют от компании их владельцы? И когда? Он посмотрел на календарь на столе. 15 июня. До Дня святого Иоанна оставалось девять дней.

– Что же, пусть будет День святого Иоанна. Но только скромный ужин. Исключительно для родственников, – добавил он с тонкой иронией.

– Мы подумали о свадебном подарке, который хотели бы получить от тебя. Это была идея Тесс. – Он протянул Струану лист бумаги.

– Что это?

– Не больше и не меньше как торжественное соглашение забыть о прошлом и стать друзьями. Скрепленное подписями Броков и Струанов.

– Единственная сделка, на которую я пойду с этими двумя людьми, уже заключена, – сказал Струан, возвращая ему бумагу, даже не прочитав ее.

– Горт готов подписаться. Он сказал, что и его отец сделает это.

– Могу поспорить, что у Горта уже и чернила наготове, клянусь Богом. Но Тайлер никогда не подпишет такого документа.

– А если подпишет, подпишешь ли ты?

– Нет,

– Прошу тебя.

– Нет.

– Наши дети будут принадлежать вам обоим, и уж тогда...

– Я хорошо подумал о детях, Кулум, – прервал его Струан. – И о многом другом. Я очень сомневаюсь, что у ваших детей будут дядя и дедушка с материнской стороны к тому времени, когда они достаточно подрастут, чтобы разобраться, что представляют собой эти двое.

Кулум решительно направился к двери.

– Подожди, Кулум!

– Пожалуйста, сделай нам подарок, о котором мы просим, умоляем тебя.

– Я не могу. Для них это останется лишь клочком бумаги. Горт и Брок охотятся за твоей шкурой, они...

Кулум хлопнул дверью, не дослушав его.

Струан налил себе еще бренди, выпил его залпом и запустил бокал в камин.

В ту ночь Струан лежал с открытыми глазами рядом с Мэй-мэй на большой кровати в спальне своего дома. Окна были распахнуты, пропуская в комнату свет луны и легкий бриз, напоенный бодрящим запахом моря. Снаружи огромной сетки, со всех сторон закрывавшей кровать, беспокойно жужжали комары, отыскивая какую-нибудь щель, чтобы добраться до пищи. В отличие от большинства европейцев, Струан всегда пользовался комариной сеткой. Дзин-куа дал ему этот совет еще много лет назад, сказав, что это помогает сохранить здоровье.

Струан размышлял о ночных малярийных испарениях, опасаясь, что как раз сейчас они с Мэй-мэй вдыхают их.

Кроме этого, его тревожила Сара. Когда он увиделся с ней несколько часов назад, она сообщила ему, что намерена уехать с первым же кораблем.

– Но ты еще слишком слаба, – возразил он. – И Локлин тоже.

– Как бы то ни было, мы уезжаем. Ты сам подготовишь все, или этим заняться мне? У тебя есть копия завещания Робба?

– Да.

– Я только что прочла его. Почему он назначил тебя доверенным распорядителем его доли в компании, а не меня?

– Не женское это дело, Сара! Но волноваться тебе незачем. Ты получишь все до последнего пенни.

– Мои адвокаты проследят за этим, Тай-Пэн.

Он подавил в себе нарастающий гнев.

– Сейчас сезон тайфунов. Опасное время для путешествия домой. Подожди до осени. К тому времени вы оба достаточно окрепнете.

– Мы уезжаем немедленно.

– Поступай, как знаешь.

Потом он навестил Сергеева. Рана у князя воспалилась, но гангрены, слава Богу, не было. Поэтому какая-то надежда оставалась. Затем он вернулся в контору и написал донесение Лонгстаффу, в котором указал, что по дошедшим до него сведениям пират By Квок на Иоаннов день будет находиться на острове Кимой, что фрегатам следует встать в засаде где-нибудь неподалеку, и что он хорошо знает те воды и с радостью возглавит экспедицию, если адмирал даст, свое согласие. Он отослал депешу Горацио. И уже ближе к вечеру, когда он собирался домой, к нему пришли армейские врачи. Они сказали, что исчезли последние сомнения: лихорадка Счастливой Долины была малярией...

Он нервно заворочался в постели.

– Хочешь, поиграем в трик-трак? – предложила Мэй-мэй, уставшая не меньше него и столь же обеспокоенная.

– Нет, спасибо, девочка. Ты тоже не можешь уснуть?

– Да. Не обращай внимания, – ответила она. Она тревожилась за Тай-Пэна. Весь день сегодня он был каким-то странным. И она переживала за Мэри Синклер. Сегодня днем Мэри пришла рано, Струан еще не вернулся. Мэри рассказала ей о ребенке и о своей тайной жизни в Макао. Даже о Горацио. И о Глессинге.

– Прости, – говорила Мэри сквозь слезы. Они беседовали на мандаринском диалекте, который обе предпочитали кантонскому. – Я должна была рассказать все это кому-нибудь. Вокруг меня нет ни одного человека, к которому я могу обратиться

за помощью. Ни одного.

– Ну-ну, Мэри, дорогая моя, – постаралась утешить ее Мэй-мэй. – Не плачь. Сначала мы будем пить чай, а потом решим, что делать.

Им подали чай, и пока они пили его, Мэй-мэй удивлялась про себя варварам и их взглядам на жизнь и отношения между мужчиной и женщиной.

– Какая помощь тебе нужна?

– Помоги... помоги избавиться от ребенка. Боже мой, это уже становится заметно.

– Но почему ты не пришла ко мне раньше?

– Мне не хватало смелости. Если бы я не заставила Горацио согласиться на наш брак, мне бы и сейчас ее не хватило. Но теперь... Можно еще что-то сделать?

– Как долго он живет в твоем чреве?

– Почти три месяца, без одной недели.

– Это нехорошо, Мэри. После двух месяцев это может быть опасно. – Мэй-мэй уже думала о том, как можно было бы помочь Мэри и насколько велик будет риск. – Я пошлю А Сам в Тай Пинь Шан. Я слышала, там есть собиратель трав, который, возможно, сумеет тебе помочь. Ты понимаешь, что это может быть очень опасно?

– Да. Если ты выручишь меня, я сделаю для тебя все, что ты захочешь. Абсолютно все.

– Ты – моя подруга. Подруги должны помогать друг другу. Но ты никогда, никогда не должна никому об этом рассказывать.

– Я обещаю, как перед Богом.

– Когда травы будут у меня, я пошлю А Сам к твоей служанке А Тат. Ты доверяешь ей?

– Да.

– Когда твой день рождения, Мэри?

– Зачем это тебе?

– Астрологу нужно будет определить наиболее благоприятный день для принятия лекарства, конечно.

Мэри назвала ей день и час.

– Где ты будешь принимать лекарство? В отеле нельзя – здесь, на острове вообще нигде нельзя. Выздоровление может растянуться на несколько дней.

– В Макао. Я поеду в Макао. В свой... в свой дом. О нем никто не знает. Там это будет безопасно. Да, там мне ничего не грозит.

– Эти лекарства помогают не всегда, моя дорогая. И лечение никогда не бывает легким.

– Я не боюсь. Лекарство поможет. Должно помочь, – ответила Мэри.

Мэй-мэй легонько шевельнулась.

– Что случилось? – тут же спросил Струан.

– Ничего. Просто малыш толкается.

Струан положил руку на ее слегка округлившийся живот.

– Нужно пригласить доктора, пусть он осмотрит тебя.

– Нет уж, спасибо, Тай-Пэн, не стоит. Эти ваши варварские дьяволы не для меня. В этом я навсегда останусь той, кем была – китаянкой.

– Мэри выглядела нездоровой, тебе не показалось? – осторожно спросила она после короткой паузы.

– Показалось. И эта девушка что-то задумала. Она случайно не говорила тебе, что у нее на уме?

Мэй-мэй не хотелось лгать, но при этом она и не желала открывать Струану то, что его, по сути, не должно было касаться.

– По-моему, она просто переживает из-за брата.

– А что с ним такое?

– Она сказала, что хочет выйти замуж за этого Глессинга.

– А, вон оно что. – Струан уже понял, что Мэри приходила повидать в первую очередь Мэй-мэй, а не его. Он обменялся с ней всего несколькими фразами, поблагодарил за то, что она проводила детей в Макао. – Я так полагаю, Горацио не дает своего благословения, и она хочет, чтобы я поговорил с ним? Она за этим приходила?

– Нет. Ее брат согласен.

– Это меня удивляет.

– Почему? Этот Глессинг – он плохой человек?

– Нет, девочка. Просто Мэри и Горацио долгие годы жили вместе. Ему будет здесь очень одиноко без нее. – Струан спросил себя, что сказала бы Мэй-мэй, узнав о тайном доме Мэри в Макао. – Может, она так неважно выглядит, потому что беспокоится за него.

Мэй-мэй ничего не ответила, лишь грустно покачала головой, думая о том, как сложно все иногда бывает в жизни мужчины и женщины.

– Как идут дела у молодых влюбленных? – спросила она, пытаясь разгадать, что же в действительности не дает ему покоя.

– Хорошо. – Он еще не рассказывал ей о своем разговоре с Броком.

– Ты уже решил, что делать с дьявольской лихорадкой?

– Нет пока. Думаю, тебе следует вернуться в Макао.

– О да, пожалуйста, Тай-Пэн. Но только после того, как ты найдешь решение для Гонконга.

– Здесь оставаться опасно. Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Йосс, – произнесла она, пожав плечами. – Конечно, наш фен шуй здесь ох-ох какой плохой. – Она положила руку ему на грудь и погладила его, потом нежно поцеловала. – Однажды ты говорил мне, что есть три вещи, которые ты должен сделать, прежде чем выберешь свою Тай-тай. Две я знаю. Какая третья?

– Передать «Благородный Дом» в надежные руки, – ответил он. И рассказал ей о разговоре с Броком и о сегодняшней ссоре с Кулумом.

Она долго молчала, обдумывая его слова и подбирая ключ к этой третьей проблеме. И поскольку решение было таким простым и очевидным, она спрятала его глубоко в своем сердце и произнесла с невинным видом:

– Я говорила тебе, что помогу с первыми двумя и подумаю над третьей. Третья для меня слишком велика. Я не смогу помочь тебе, как бы мне ни хотелось.

– Понимаю, – кивнул Струан. – Я не знаю, что мне делать. По крайней мере, – добавил он, – я вижу лишь один ответ.

– Убийство – ответ неразумный, – твердо сказала она. – Очень неразумно опасный. Броки будут ждать его. Все будут. И ты рискуешь тем, что тебе будет мстить ваш ужасный закон, который, как глупый, требует глаз за глаз у любого, у кого есть глаз, а это, как всякому понятно, сумасшедшее безумие. Зачем тогда быть богатым, хейа? Ты не должен этого делать, Тай-Пэн. И дальше, я советую тебе сделать сыну и твоей новой дочери подарок, о котором они так просят.

– Я не могу, клянусь Богом. Это все равно что своей рукой перерезать Кулуму горло!

– Даже так, это мой совет. И я дальше советую тебе фантастически немедленный брак.

– Об этом не может быть и речи, – взорвался он. – Любая, поспешность сейчас будет выглядеть крайне неприлично – оскорбление памяти Робба – да и просто смешно.

– Я всем сердцем соглашаюсь с тобой, Тай-Пэн, – спокойно ответила Мэй-мэй. – Но я, кажется, понимаю, что по варварскому обычаю – который хоть раз следует мудрому китайскому обычаю – девушка переходит жить в дом мужа. Не наоборот,

хейа? Поэтому чем немедленнее Броковая девица выскользнет из-под каблука Горта, тем скорее Броки потеряют власть над твоим сыном.

– Что?

– Вот тебе и что! Почему ты думаешь, твой сын стал теперь совсем глупый, как безумный? Потому что ему фантастически сильно хочется затащить ее на постель. – Струан рывком сел на кровати, и она торопливо проговорила, повысив голос: – Нет, не надо сейчас спорить, клянусь Богом, сейчас ты слушай, а потом и я буду тебя почитательно слушать. Вот почему он и делается безумно больной – бедный мальчик лежит всю ночь холодный, измученный, никого не покрывший. Это правда. Почему ты не говоришь это открыто, хейа? Я говоришь это открыто. Он весь горит, как в огне. Почему и слушает, высунув язык, всю сумасшедшую болтовню Горта. Я, будь я на его месте, делала бы то же самое, потому что всякий брат имеет власть над сестрой! Но ты отдай сыну Кулуму его девушку, и тогда будет твой Кулум проводить час за растреклятым часом, выслушивая брата Горта? Нет, клянусь Богом! Он станет каждую минуту проводить в ее постели, тиская ее грудь, фантастически изнуряя себя и делая малышей. И он возненавидит любого, кто попробует его отвлекать от этих занятий – тебя ли, Брока, или Горта. – Она нежно посмотрела на него. – Нет?

– Да, – сказал он. – Я обожаю тебя за твою проницательность.

– Ты обожаешь меня, потому что я безумно свожу тебя с ума, но при этом и сплю с тобой, сплю, пока ты не лопаешься. – Она рассмеялась, очень довольная собой. – Дальше: пусть они начнут строить свой дом. Завтра же. Направь их мысли на свой дом, и они забросят слушать фан-квэя Горта. Она ведь совсем юная, да? Поэтому мысль о собственном доме фантастически займет весь ее ум. Это разозлит Броков, и они начнут долго решать, что за дом и так дальше, а это разозлит ее и приведет ее к тебе, кто дал ей дом. Горт должен абсолютно противничать быстрому браку – почему и Кулум отвернется от него, потому что он лишится своего – как вы это говорите? – «валета в рукаве».

– Туза в рукаве. – Он восторженно обнял ее. – Ты фантастическое создание! Я должен был бы сам до этого додуматься. На следующей неделе проводится еще одна распродажа земли. Я куплю для тебя прибрежный участок. За твою мудрость.

– Ха! – сердито воскликнула она. – Ты думаешь, я оберегаю своего мужчину из-за клочка паршивой гонконгской земли? Одного единственного разнесчастного пригородного участка? Из-за серебряных тэйлов? Нефрита? Кто, по-твоему, эта бесценная Т'чунг Мэй-мэй, хейа? Грязный ломотик продажного собачьего мяса?

Она продолжала тараторить и возмущаться и лишь с большой неохотой позволила ему успокоить себя, гордясь тем, что он так хорошо понимал значение собственной земли для цивилизованного человека, и благодарная ему за то, что он дал ей такое лицо, притворившись, будто не понял, как она довольна в глубине души его предложением.

В комнате теперь было тихо, только комары звенели чуть слышно.

Мэй-мэй свернулась калачиком рядом со Струаном и задумалась над третьей проблемой Тай-Пэна. Она решила думать об этом на мандаринском, а не на английском, потому что не знала достаточного количества слов с правильными оттенками значений. Например, «тонкость», подумала она. Как бы ты сказала это на варварском языке? Или «искусность»? Решение третьей проблемы требовало истинно китайской тонкости и величайшей искусности.

Все так восхитительно просто, радостно думала она. Нужно убить Горта. Подстроить его убийство так, чтобы никто даже не заподозрил, будто его убийцы могут быть кем-то, кроме пиратов или разбойников. Если проделать все это тайно и именно таким образом, одной опасностью для моего Тай-Пэна будет меньше, Кулум окажется защищен от явной угрозы в будущем, а старый Брок ничего не сможет поделать, потому что он по-прежнему будет связан по рукам и ногам той

поразительной, невероятной окончательностью, с которой все варвары воспринимают свои «священные» клятвы. Очень простое решение. Но чреватое опасностью. Я должна быть очень осторожна. Если мой Тай-Пэн когда-нибудь узнает об этом, он сам притащит меня к одному из этих варварских судей – может быть, к этому отвратительному Mayccy! Мой Тай-Пэн обличит меня перед ним – даже меня, свою обожаемую наложницу. И меня повесят. Какая нелепость!

После всех этих лет, что я изучаю их – учу их язык и изо всех сил стараюсь понять их, – некоторые представления варваров и сейчас остаются для меня абсолютно непостижимыми. Как глупо иметь один закон для всех – и для богатых, и для бедных. Зачем же тогда работать, исходить потом, чтобы становиться богатым и могущественным?

Ну ладно, так какой же способ будет наилучшим, спросила она себя. Я так мало знаю об убийствах. Как это сделать? Где? Когда?

Мэй-мэй не смыкала глаз всю ночь. С первыми лучами солнца она наконец решила, что ей следует предпринять. Потом погрузилась в сладкий сон.

Глава 4

К Иоаннову дню вся Счастливая Долина пребывала в полном отчаянии. Малярия продолжала распространяться, но в эпидемии нельзя было выделить никакой закономер ности. В одном и том же доме не обязательно заболевали все его обитатели. В одном и том же месте не все дома оказывались пораженными.

Кули теперь появлялись в Счастливой Долине, только когда солнце поднималось уже высоко, и возвращались в Тай Пинь Шан еще засветло. Струан, Брок и все торговцы тщетно ломали головы в поисках выхода. Они ничего не могли поделать – кроме как переехать на новое место, а переезд для них был равносилен катастрофе. Отказ же от него мог обернуться еще худшей катастрофой. И хотя находилось немало людей, которые настаивали, что отравленная почва и вредоносный ночной воздух не могут вызывать малярию, болезни подвергались только те, кто ночевал в долине. Люди богобоязненные видели в лихорадке, как и Кулум, волю Божью, и с удвоенной страстностью молили Создателя защитить их; безбожники, напуганные не меньше их, пожимали плечами и произносили только одно слово: «Йосс». Тонкий ручеек семей, возвращавшихся на корабли, превратился в сплошной поток, и Куинз Таун стал городом призраков.

Однако это отчаяние не коснулось Лонгстаффа. Он вернулся из Кантона на флагмане прошлой ночью, весь сияя от успеха, и, поскольку он жил на корабле и не имел намерения переселяться в Счастливую Долину, ядовитые ночные испарения были ему не страшны, и он это прекрасно знал.

Он добился всего, чего хотел, – и даже больше.

Уже через день после того, как началась операция по захвату Кантона, шесть миллионов тэйлов выкупа, которые он потребовал, были выплачены полностью, и он отменил приказ о штурме. Но тут же распорядился немедленно начать приготовления к полномасштабной войне на севере. И на этот раз не будет уже никаких остановок – до полной ратификации договора. Через несколько недель должны были прибыть обещанные подкрепления из Индии. А затем вся армада вновь отплывет на север к Пей Хо – к Пекину, – и Восток будет открыт для англичан раз и навсегда.

– Да, абсолютно, – довольно хмыкнул Лонгстафф. Он был один в своей каюте на флагмане Ее Величества «Возмездие» и, держа в руке зеркало, восхищался собой. – А ты и в самом деле умен, мой милый, – вслух говорил он своему отражению. – Именно, именно. Гораздо умнее, чем Тай-Пэн, а уж он-то воплощенная мудрость. – Лонгстафф положил зеркало и, плеснув на ладонь немного одеколона, протер лицо,

потом взглянул на карманные часы. Струан должен был появиться через несколько минут. – Но и в этом случае не стоит позволять твоей правой руке ведать, что творит левая, а? – весело фыркнул он.

Лонгстафф до сих пор едва мог поверить, что ему с такой легкостью удалось устроить закупку чайных семян. То есть, довольно напомнил он себе, устроил-то ее Горацио. Интересно, почему этот человек так расстроен желанием своей сестры выйти замуж за Глессинга. Я бы подумал, что для нее это наоборот отличная партия. В конце концов, она действительно бедновата и робка, как мышка, – хотя на балу выглядела поразительно. Но, Черт побери, какая удача, что Горацио ненавидит Глессинга, ну? И мне дьявольски повезло, что он всегда ненавидел торговлю опиумом. А как ловко я подбросил ему эту идею, наживив на крючок возможную отсылку Глессинга домой.

– Чес-с-слово, Горацио, – говорил он неделю назад в Кантоне, – проклятое это дело, торговля опиумом, ну? А все потому, что нам приходится расплачиваться за чай серебром. Жаль, что Британская Индия его не выращивает, ну? Тогда и опиум стал бы не нужен. Мы бы просто объявили его вне закона, спасли бы язычников для достойных устремлений, ну? Сеяли бы семена добра среди них вместо этого гибельного зелья. Тогда флот мог бы вернуться домой, а мы бы зажили здесь в мире и спокойствии на веки вечные.

Через день Горацио отвел его в сторону и стал взволнованно развивать перед ним мысль о приобретении чайных семян у китайцев и отправке их в Индию. Лонгстафф изобразил глубокое и искреннее удивление и позволил Горацио убедить себя в перспективности этой идеи.

– Но, Господи милостивый, Горацио, – сказал он, – как же можно заполучить эти чайные семена?

– Вот мой план, ваше превосходительство: я частным образом поговорю с наместником Чинь-со. Скажу ему, что вы страстный садовод и имеете намерение превратить Гонконг в цветущий сад. Я попрошу у него по пятьдесят фунтов семян тутового дерева, хлопка, риса, камелий и других цветов, а также несколько сортов чая. Это отвлечет его внимание от собственного чая, собьет со следа.

– Но, Горацио, он ведь очень умный человек. Он должен понимать, что лишь немногие из этих растений приживутся на Гонконге, а, скорее всего, вообще ни одно.

– Разумеется. Но он воспримет это как самую обычную варварскую тупость.

Горацио был вне себя от возбуждения.

– Но как вам удастся заставить его хранить все это в тайне? Чинь-со расскажет мандаринам или Ко-хонгу, а те непременно передадут торговцам. Вы понимаете, что эти чертовы пираты перевернут небо и землю, чтобы помешать тому, что вы предлагаете. Они обязательно догадаются, что у вас на уме. И потом, как быть с Тай-Пэном? Вы не можете не понимать, что ваш план оставит его не удел.

– Он и так достаточно богат, ваше превосходительство. Опиум – это зло, и мы должны покончить с ним. Это наш долг.

– Да. Но и китайцы, и европейцы однозначно воспротивятся этому плану. А когда Чинь-со поймет, что вы в действительности задумали, – а это неизбежно произойдет – ну, тогда вы вообще можете забыть про ваши семена.

Горацио на мгновение задумался. Потом сказал:

– Да. Но если бы я мог пообещать ему, что в обмен на эту услугу мне – ведь я просто хочу сделать вам, моему начальнику, приятный сюрприз – я, который должен пересчитывать сундуки с серебром и расписываться за них, возможно, пропущу один сундук, тогда он точно не станет никому об этом рассказывать.

– Что стоит один сундук?

– Сорок тысяч тэйлов серебром.

– Но эти деньги принадлежат правительству Ее Величества, Горацио.

– Конечно. Во время переговоров вы могли бы «в частном порядке» оговорить, что к установленному количеству сундуков следует добавить еще один, не регистрируя его, в этом случае Корона не пострадает. Семена были бы вашим подарком правительству Ее Величества, сэр. Я почел бы за честь, что бы вы объявили, что это была ваша идея. Я уверен, что она и есть именно ваша. Что-то в ваших словах тогда натолкнуло меня на нее. И вся заслуга с полным Правом должна принадлежать вам. В конце концов, ведь это вы являетесь полномочным представителем.

– Но если ваш план удастся, тогда вы разорите не только Китайских торговцев, вы и сами потеряете работу. Это уж вовсе лишено всякого смысла.

– Опиум – ужасный грех, сэр. И я пошел бы на любой риск, чтобы искоренить его. Но моя работа зависит прежде всего от вашего успеха, а не от опиума.

– Кроме того, при удачном исходе дела вы подрываете сами основы новой колонии.

– Но ведь потребуется много лет, чтобы чай прижился и разросся на новом месте. На ваш срок Гонконгу ничего не грозит, сэр. Остров по-прежнему останется центром торговли с Азией. Кто знает, что произойдет за эти годы?

– Значит, насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я разузнал у вице-короля Индии, какими возможностями для выращивания чая он располагает?

– Кто, кроме вас, ваше превосходительство, мог бы довести эту идею – вашу идею – до ее совершенного конца?

Лонгстафф с видимой неохотой позволил уговорить себя и еще раз предупредил Горацио о необходимости держать весь план в строжайшей тайне.

Уже на следующий день Горацио со счастливым видом доложил:

– Чинь-со согласился! Он сказал, что через полтора месяца, самое большее через два, ящики с семенами будут доставлены на Гонконг, ваше превосходительство. Теперь для полного счастья мне не хватает лишь одного: чтобы Глессинга немедленно отослали домой. Я считаю, что Мэри просто потеряла голову. Жаль, что нельзя дать ей хотя бы год, чтобы она разобралась в своих чувствах и с абсолютной уверенностью могла сказать, что знает, что делает. Если бы я только мог избавить ее от его каждодневного влияния...

Лонгстафф снова усмехнулся, вспомнив об этой прозрачной попытке молодого человека завуалировать свою просьбу. Он причесался, открыл дверь каюты и вошел в свой кабинет. Порывшись в бумагах в сейфе, он отыскал письмо, которое Горацио перевел для него несколько недель назад. «Теперь в нем уже нет надобности», – сказал он вслух, разорвал бумагу, высунулся в окно, швырнул обрывки в море и проводил их взглядом, когда они поплыли по воде.

Возможно, Глессинга и в самом деле следует отослать домой. Девушка еще не достигла совершеннолетия, и Горацио очутился в очень трудном положении. Ну ладно, я еще подумаю об этом. После того, как семена отправятся в Индию.

Он увидел приближающийся баркас Струана. Тай-Пэн с хмурым видом сидел в середине. Его мрачное настроение напомнило Лонгстаффу о малярии. Дьявол меня забери, что же нам с ней делать, а? Она нарушает всю стратегию Гонконга, ну?

Струан смотрел в кормовые окна каюты и терпеливо ждал, когда Лонгстафф закончит говорить.

– Чес-с-слово, Дирк, у меня было такое чувство, будто Чинь-со заранее знал о нашем намерении потребовать у него шесть миллионов тэйлов. Выкуп был представлен незамедлительно. До последнего пенни. Наместник выразил глубочайшее сожаление по поводу грабежей и поджогов в поселении. Он сказал, что это были все те же проклятые анархисты – Триады. Им назначено тщательное и обширное расследование, и он надеется раздавить их раз и навсегда. Кажется, один из их лидеров попал к нему в руки. И уж если Чинь-со ничего не сможет от него

добиться, значит этого вообще никто не сможет. Он пообещал немедленно сообщить мне имена всех Триад на Гонконге.

Струан отвернулся от окон и сел в глубокое кожаное кресло.

– Это очень хорошо, Уилл. Я бы сказал, что вы проделали выдающуюся работу. Выдающуюся.

Лонгстафф был очень доволен.

– Должен сказать, все действительно прошло по плану. О, кстати. Касательно той информации, которую вы прислали мне о пирате Ву Квоке. Я бы предпочел видеть вас во главе флотилии, но адмирал был непреклонен. Он сам возглавил экспедицию.

– Что ж, это его привилегия. Будем надеяться, он славно поработает сегодня ночью. Мне дышалось бы гораздо легче, если бы этот дьявол Ву Квок отправился на дно.

– Совершенно с вами согласен.

– Теперь все, что вам осталось сделать, это спасти Гонконг, Уилл. Только вам это под силу, – сказал Струан, моля Бога, чтобы ему и на этот раз удалось заставить Лонгстаффа принять тот план, который наконец созрел у него, ибо другого пути спасти их всех он просто не знал. – Я полагаю, вам следует отдать приказ о немедленном переселении из Счастливой Долины.

– Господи милосердный, Дирк, – воскликнул Лонгстафф, – если я это сделаю, то... ведь это же равносильно тому, чтобы оставить Гонконг!

– Куинз Таун заражен малярией. По крайней мере, ею заражена Счастливая Долина. Так что город должен быть оставлен.

Лонгстафф дрожащей рукой взял понюшку табаку.

– Я не могу сделать этого своим приказом. В этом случае я буду нести ответственность за все вложенные в город средства.

– Да. Вы приняли решение использовать эти шесть миллионов тэйлов на то, чтобы возместить убытки всем, кто их понесет.

– Боже милостивый. Я не могу пойти на это! – вырвалось у Лонгстаффа. – Серебро принадлежит Короне. Корона – только Корона – может указывать, куда оно должно быть направлено!

– Вы решили, что Гонконг представляет собой слишком большую ценность, чтобы вы могли рисковать им. А обстоятельства вынудили вас действовать быстро. Это будет жест, достойный губернатора.

– Я абсолютно не могу, Дирк! Ни под каким видом. Это невозможно!

Струан подошел к буфету и налил два бокала шерри.

– От этого зависит все ваше будущее. – Да? В самом деле? Каким образом?

Струан протянул ему бокал.

– Ваша репутация при дворе напрямую связана с Гонконгом. Вся ваша политика в Азии – а это политика Короны в Азии – имеет своим центром Гонконг. И это справедливо. Не обеспечив безопасности Гонконга, губернатор не сможет именем Ее Величества управлять Азией как должно. Без города на острове нельзя говорить о такой безопасности ни для вас, ни для Короны. Счастливая Долина мертва. Значит, должен быть построен новый город, и быстро. – Струан сделал глоток шерри и задержал вино во рту, атакуя его. – Если вы безотлагательно возместите убытки всем, кто вел строительства, вы сразу же восстановите веру в себя. Вас поддержат все торговцы до единого – это очень пригодится вам в будущем. Не забывайте, Уилл, что многие из них, имеют большое влияние при дворе. Это будет великолепный жест, как раз достойный вас. К тому же, в любом случае, все возмещение убытков фактически оплачивается китайцами, а не Короной.

– Не понимаю.

– Не позже чем через три месяца вы будете у ворот Пекина –

главнокомандующий непобедимой армадой. Экспедиция обойдется вам, скажем, в четыре миллиона. Добавьте еще шесть миллионов за разорение поселения. Итого десять миллионов. Но вы попросите четырнадцать миллионов, что будет только справедливой контрибуцией. Дополнительные четыре миллиона станут основой губернаторской казны Гонконга, которая, таким образом, станет одной из самых богатых колониальных сокровищниц империи. На самом же деле вместо четырнадцати миллионов вы потребуете двадцать: еще шесть возместят те шесть, которые вы – со свойственной вам дальновидностью – вложили в Гонконг от имени Короны. Не забывайте: не имея в тылу надежной базы, вы ни за что не посмеете предпринять наступление на север, Без Гонконга для Англии нет в Азии будущего. Без Гонконга нет будущего для вас. Вы сейчас определяете дальнейшую судьбу всей Британской империи, Уилл. Ни больше ни меньше!

Струан чувствовал, как разум Лонгстаффа мечется, лихорадочно прорабатывая все мыслимые последствия такого шага. Это было единственно возможное решение. Единственный способ, позволявший сохранить каждому свое лицо и спасти остров. И в тот момент, когда Струан увидел, как Лонгстафф открыл рот, чтобы заговорить, он быстро добавил:

– И последнее, Уилл. Вы тут же получите деньги назад, большую их часть.

– А?

– Вы немедленно проведете земельную распродажу. Торговаться за новые участки будут бешено. Куда пойдут эти деньги? В вашу правительственную казну. Вы выигрываете во всех случаях, Земля, которую вы продаете, не стоила вам ни гроша. Вы знаете, как отчаянно вам нужны деньги на управление колонией: тут и выплата жалования служащим и полиции, и строительство губернаторского дворца, дорог, зданий суда, кораблей для обслуживания гавани, и тысяча других проблем; а вы, разумеется, не можете прямо использовать на это полученный вами с Кантона выкуп. Я бы сказал, что это будет гениальный ход истинного государственного деятеля. Вам все равно придется принимать решение сейчас, потому что ждать полгода, пока депеша достигнет Англии и заведомо утвердительный ответ вернется обратно, для вас невозможно. Вы спасете Гонконг, и это ничего не будет вам стоить. Но прежде всего вы однозначно продемонстрируете Сергееву, что Англия намерена остаться в Азии навсегда. Я бы сказал, Уилл, что ваше умение одним ходом решать сразу столько проблем произведет впечатление на весь Кабинет. И, безусловно, на Ее Величество королеву. А за высокой оценкой, как правило, следуют высокие титулы.

Корабельный колокол пробил восемь склянок. Лонгстафф достал свои карманные часы. Они отставали, и он поставил стрелки на полдень, напряженно тем временем размышляя и пытаясь отыскать какой-нибудь изъян в логике Струана. Она безукоризненна, признал он наконец. У него закружилась голова, когда он вдруг осознал, что, не будь Тай-Пэна, он так ничего и не предпринял бы в отношении лихорадки. Просто держался бы подальше от долины, надеясь, что врачи найдут какой-нибудь способ бороться с болезнью. Он, как и все, был встревожен эпидемией, но считал, черт побери, более важным сначала выиграть войну с Кантоном.

Да. Изъяна нет. Черт, ты едва не упустил момент, открывающий самые блестящие перспективы. Разумеется, это превышение его письменных полномочий, но, с другой стороны, губернаторы и полномочные представители наделяются властью и сверх той, что доверена бумаге. Следовательно, такая поспешность будет расценена лишь как вынужденная мера. Мы не можем ждать до следующего года, чтобы утвердить волю Ее Величества среди язычников. Решительно не можем. И его замысел с чайными семенами чудесно вписывается в общую картину и говорит о дальновидности, превышающей даже дальновидность Тай-Пэна.

Лонгстафф почувствовал необоримое искушение тут же рассказать Струану о семенах. Но огромным усилием воли сумел справиться с ним.

– Думаю, вы правы. Я немедленно объявлю об этом.

– Почему бы вам не собрать у себя завтра всех тай-пэнов? Дайте им два дня на то, чтобы представить вашему казначею счета на землю и строительство. Назначьте новую распродажу земли через неделю. Это даст вам время, чтобы промерять все участки. Я полагаю, вы захотите видеть новый город рядом с Глессинг Пойнтом?

– Да. Именно так я и подумал. Это будет самое удачное место. В конце концов, его мы и рассматривали в свое время. – Лонгстафф поднялся, налил себе еще шерри, потом дернул шнур звонка. – Как всегда, я был рад выслушать ваш совет, Дирк. Вы, разумеется, останетесь отобедать.

– Боюсь, что мне лучше вернуться. Завтра с отливом Сара уезжает домой на «Махарадже Калькутты», и дел очень много.

– Ужасное несчастье. Я о Роббе и о вашей племяннице.

Дверь открылась.

– Да, сэр-р? – спросил дежурный офицер.

– Поинтересуйтесь у генерала, не присоединится ли он ко мне за обедом.

– Слушаюсь, сэр-р. Прошу прощения, сэр-р, но здесь миссис Квэнс, ожидает встречи с вами. И мистер Квэнс. Потом еще все эти вот, – он протянул Лонгстаффу длинный список имен, – которые прибыли с просьбой принять их. Сказать миссис Квэнс, что вы заняты?

– Нет. Лучше уж мне принять ее прямо сейчас. Пожалуйста, не уходите, Дирк. Боюсь, мне понадобится моральная поддержка.

В каюту вошла Морин Квэнс. Следом за ней появился Аристотель. Под его безжизненно потухшими глазами лежали черные тени. Теперь он был просто маленьким тусклым человечком. Даже одежда его выглядела неопрятной и какой-то серой.

– Доброе утро, миссис Квэнс, – произнес Лонгстафф.

– Да хранят вас святые угодники, ваше превосходительство, сегодня и впрямь чудный денек.

– Доброе утро, ваше превосходительство, – едва слышно произнес Аристотель, не поднимая глаз от пола.

– Добрый вам день, Тай-Пэн, – сказала Морин. – С благословенной помощью самого святого Патрика мы через несколько дней вернем вам по счету.

– Никакой спешки нет. Доброе утро, Аристотель.

Аристотель Квэнс медленно поднял голову и посмотрел на Тай-Пэна. Его глаза наполнились слезами, и он прочел на лице Струана сочувствие.

– Она сломала все мои кисти, Дирк, – с трудом выдавил он из себя, – Сегодня утром. Все до одной. И мои... она выбросила мои краски в море.

– Пора уж нам было прийти повидать вас, ваше превосходительство, – тяжело заговорила Морин. – Мистер Квэнс наконец-то решил отступиться от этой своей пустой мазни. Он хочет определиться на приличную работу. Вот о работе мы и пришли с вами поговорить, ваше превосходительство, – Она оглянулась на мужа, и на ее лице появилось усталое выражение. – Все что угодно. Лишь бы она была постоянной и приносила довольно денег. – Она повернулась к Лонгстаффу: – Может, какое-нибудь место клерка. Бедный мистер Квэнс не имеет в делах большого опыта.

– Это... э... вас устроит, Аристотель?

– Она сломала мои кисти, – безнадежно повторил Квэнс. – Это все, что у меня было... мои краски и кисти.

– Мы же обо всем договорились, дружок, не так ли, ну? Давеча еще клялись всем, что свято? А? Больше никаких картин. Приличная постоянная работа, исполнение своего святого долга перед семьей и никаких шалостей.

– Да, – убито сказал Квэнс.

– Я буду рад предложить вам место, мистер Квэнс, – вмешался Струан. – Мне

как раз нужен клерк. Плата – пятнадцать шиллингов в неделю. Я добавлю к этому каюту на моем плавучем складе сроком на один год. После этого вы будете сами подыскивать себе жилье.

– Да охранят вас все святые, Тай-Пэн. Идет. Ну, поблагодари Тай-Пэна, – сказала Морин.

– Спасибо, Тай-Пэн.

– Будьте в конторе завтра в семь утра, Аристотель. И без опозданий.

– Он придет, Тай-Пэн, уж вы не беспокойтесь. Да пребудут с вами в эти тяжкие дни благословения святого Петра за то, что вы позаботились о несчастной жене и голодных детях. Добрый день вам обоим.

Они вышли. Лонгстафф плеснул себе глоток бренди.

– Боже милостивый. Я глазам своим не верю. Бедный, бедный Аристотель. Вы в самом деле намерены превратить Аристотеля Квэнса в клерка?

– Да. Уж лучше я, чем кто-то другой. У меня не хватает людей в конторе. – Струан надел шляпу, очень довольный собой. – Я не из тех, кто станет встревать между мужем и женой. Но любая женщина, которая способна сделать такое со стариной Аристотелем, называться женой не имеет права, клянусь Богом!

Лрнгстафф вдруг улыбнулся и сказал:

– Я отряжу линейный корабль, если это поможет. Все, чем располагает правительство Ее Величества, к вашим услугам.

Струан заторопился на берег. На Куинз Роуд он подозвал закрытый паланкин и объяснил кули, куда его доставить.

– Ждать, ясно? – сказал он, когда его доставили в указанное место.

– Ясна, масса.

Он прошел мимо ошеломленного привратника в гостиную дома. Комната была вся убрана коврами – большие удобные диваны, портьеры из вощеного ситца, зеркала, всюду изящные безделушки. За его спиной послышался шелест платья и звук приближающихся шагов. Сквозь занавес из бус в гостиную вошла маленькая седая леди в аккуратном, туго накрахмаленном платье. У нее были большие глаза и очки на носу.

– Приветствую вас, миссис Фортерингилл, – вежливо произнес Струан.

– А-а, Тай-Пэн, я рада вас видеть, – сказала она. – Господи, вот уже столько лет мы были лишены удовольствия принимать вас у себя. Сейчас несколько рановато для посетителей, но юные леди как раз готовятся к их встрече. – Она улыбнулась, обнажив слегка пожелтевшие вставные зубы.

– Э-э... видите ли, миссис Фортерингилл...

– Я все понимаю, Тай-Пэн, – кивнула она с серьезным видом. – В жизни каждого мужчины наступает момент, когда он...

– Речь пойдет о моем друге.

– Не тревожьтесь, Тай-Пэн, в этом заведении умеют держать язык за зубами. Вам не о чем беспокоиться. Соблаговолите подождать одно мгновение. – Она торопливо поднялась и громко крикнула: – Девушки!

– Сядьте и выслушайте меня! Это касается Аристотеля!

– О! Бедный попрошайка, вот уж кому теперь не позавидуешь.

Струан объяснил ей, что ему от нее нужно, и сбежавшиеся на зов хозяйки девушки разочарованным взглядом проводили его до двери.

Едва он переступил порог своего дома, как Мэй-мэй напустилась на него:

– Почему это ты ходишь к шлюхам, хейа?

Струан вздохнул и рассказал ей все...

– Ты думаешь, я этому поверю, хейа? – Ее глаза метали молнии.

– Да. Так будет лучше для тебя же.

– Я верю тебе, Тай-Пэн, – тут же выпилила она.

– Тогда перестань изображать передо мной огнедышащего дракона! – Он прошел в свою комнату.

– Хорошо, – сказала Мэй-мэй, входя за ним следом и закрывая за собой дверь. – Сейчас мы увидим, Говорил ли ты правду. Мы незамедленно займемся любовью. Я безумно желаю тебя, Тай-Пэн.

– Благодарю тебя, но у меня дела, – ответил Струан, с трудом удерживаясь от того, чтобы не расхохотаться.

– Ай-йа на твои дела, – сказала она и начала расстегивать пуговицы на своей золотистой пижаме. – Мы делаем немедленную любовь. Я скоро буду видеть, если какая-нибудь сладкоречивая шлюха забрала твою силу, клянусь Богом. И тогда твоя старая Мать разберется с тобой, клянусь Богом. – У тебя, кстати, тоже есть дела, – заметил Струан.

– У меня очень много дел. – Ее шелковые штаны соскользнули на пол, и она выступила из них. Ее серьги позвякивали, как колокольчики. – И тебе лучше заняться делом очень сильно быстро.

Он разглядывал ее и следил при этом, чтобы переполнявшее его счастье не вырвалось наружу. Ее живот чуть-чуть, и очень красиво, округлился после четырех месяцев, что она носила его ребенка. Быстрым движением он обнял ее и впился поцелуем в губы. Потом бережно положил на кровать и лег сверху, немного придавив ее своим весом.

– Будь осторожен, Тай-Пэн, – выдохнула она. – Я ведь не одна из твоих грудастых толсторебрых варварских великаншев! Поцелуи ничего не доказывают. Снимай одежды, тогда увидим все по правде!

Он поцеловал ее Снова, и она сказала уже другим голосом:

– Ну, снимай же.

Он приподнялся на локтях и посмотрел на нее сверху вниз, потом потерся носом о ее нос, положив конец игре.

– Сейчас не время. Мне скоро отправляться на вечер, посвященный помолвке, а ты начинай укладывать вещи.

– Укладывать вещи зачем? – спросила она.

– Ты переезжаешь на «Отдыхающее Облако».

– Почему?

– Наш фен шуй здесь никуда не годится, девочка.

– О, как хорошо, как ужасно замечательно хорошо! – Она восторженно обняла его. – В самом деле уезжать отсюда? Навсегда?

– Да.

Она поцеловала его, быстро выскользнула из-под его рук и начала одеваться.

– А я-то думал, ты действительно хотела заняться любовью, – заметил он.

– Ха! Кому нужно такое доказательство? Я слишком много тебя знаю. Даже если у тебя была шлюха час назад, ты такой бык, что сумеешь притвориться и обмануть свою бедную старую Мать. – Она рассмеялась и снова обхватила его руками за шею. – О, как хорошо, что мы покидаем плохой фен шуй. Я уложусь быстро-быстро.

Она подбежала к двери и пронзительно крикнула: «А Сам-м-ма!» Тут же появилась встревоженная А Сам, следом за ней Лим Дин, и на них обрушился целый водопад криков, вперемешку с громким тараторением. Когда водопад иссяк, А Сам и Лим Дин шумно заторопились прочь, взывая к богам в сильнейшем возбуждении. Мэй-мэй вернулась в комнату, села на кровать и принялась обмахиваться веером.

– Я уже укладываюсь, – радостно объявила она. – Теперь я помогу тебе одеться.

– Спасибо, но я пока в состоянии сам справиться с этим.

– Тогда я буду смотреть. И потру тебе спину. Ванна готова. Я так чудесно рада, что ты решил уехать. – Она продолжала жизнерадостно щебетать, не умолкая ни на

минуту, пока он переодевался. Он принял ванну, и она крикнула слугам, чтобы те подали для него горячие полотенца, а когда их принесли, насухо вытерла ему спину. И все это время она думала о том, была у него девушка или нет после того, как он договорился обо всем для того маленького смешного художника, который так замечательно написал ее портрет. Хотя мне все равно, говорила она себе, с силой растирая его. Просто он не должен посещать такие места. Решительно нет. Очень плохо для его лица. И очень плохо для моего. Очень плохо. Скоро эти мерзкие паршивые слуги начнут шептать по всем углам, что я не могу как следует заботиться о своем мужчине. О боги, защитите меня от грязных сплетен, а его от грязных красоток всех видов.

Солнце уже садилось, когда она, А Сам и Лим Дин были наконец готовы. Драматизм и возбуждение большого переезда оставили их всех совершенно без сил. Несколько носильщиков унесли тюки, сундуки и сумки. Другие терпеливо ждали около закрытого паланкина, который должен был доставить ее на катер.

Мэй-мэй закуталась в густую вуаль. Она задержалась на мгновение в воротах сада вместе со Струаном и оглянулась на свой первый дом на Гонконге. Если бы не плохой фен шуй – и не лихорадка, которая была частью этого фен шуя, – ей было бы горько уезжать отсюда.

Вечер был приятным. Несколько комаров, тонко звеня, кружились вокруг них. Один сел ей на щиколотку, но она этого не заметила.

Комар жадно потыкался хоботком, замер и через несколько секунд улетел с раздувшимся брюшком.

Струан вошел в главную каюту «Белой Ведьмы». Броки ожидали его в полном сборе, не было только Лиллибет, которую уже отослали спать. Кулум стоял рядом с Тесс.

– Добрый вечер, – приветствовал всех Струан. – Сара шлет свои извинения. Она неважно себя чувствует.

– Добро пожаловать на борт, – ответил Брок. Голос его звучал грубо и встревоженно. Лицо хмурилось от тяжелых раздумий.

– Вот тебе раз, – со смехом заметил Струан – Не так стоило бы начинать счастливое торжество.

– Торжество тут ни при чем, клянусь Богом, как тебе хорошо известно. Мы все превращаемся в банкротов – по крайней мере, несем огромные убытки из-за этой растреклятой малярии.

– Верно, – кивнул Струан. Он с улыбкой посмотрел на Кулума и Тесс и, заметив их беспокойство, решил не откладывая сообщить все хорошие новости. – Я слышал, Лонгстафф собирается отдать приказ о том, чтобы оставить Куинз Таун, – как бы между делом произнес он.

– Клянусь кровью Христовой! – взорвался Горт. – Мы не можем оставить город. Мы вложили слишком много денег в землю и строительство. Мы не можем все это бросить. Если бы вы, черт возьми, не выбрали тогда эту проклятую долину, мы бы не...

– Придержи язык, – оборвал его Брок. Он повернулся к Струану: – Ты, как есть, теряешь больше нашего, клянусь Богом, и при этом стоишь улыбаешься. С чего бы это?

– Отец, – вмешалась Тесс, в ужасе от того, что застарелая злоба испортит им вечер и помешает осуществиться их с Кулумом невероятному счастью, – может быть, мы наполним бокалы? Шампанское уже совсем холодное.

– Да-да, конечно, Тесс, милая, – сказал Брок. – Но разве ты не понимаешь, что говорит Дирк? Получается, что мы теряем чудовищную сумму. Наличными. Если нам придется уехать из долины, наше будущее черно, как адское варево. И его тоже,

клянусь Богом.

– Будущее «Благородного Дома» бело, как меловые утесы Дувра, – спокойно изрек Струан. – Причем ваше тоже. Лонгстафф возместит всем нам те деньги, которые мы вложили в Счастливую Долину. Каждый пенни. Наличными.

– Это невозможно! – воскликнул Брок.

– Это ложь, клянусь Богом! – рявкнул Горт

Струан повернулся к нему:

– Маленький совет, Горт. Не называй меня лжецом больше одного раза.

Потом он рассказал им о намерениях Лонгстаффа.

Кулум был безмерно поражен красотой этого плана. Хотя его отец ни словом не обмолвился о том, что это он повлиял на решение Лонгстаффа, он прекрасно видел, что только Тай-Пэн мог бы так тонко и с таким блеском все устроить. Он вспомнил свою первую встречу с Лонгстаффом и то, как отец манипулировал этим человеком, точно куклой. Вера Кулума в себя была поколеблена. Он вдруг понял, что не все, из того, что он слышал от Горта, до конца справедливо: сам он никогда не смог бы управлять Лонгстаффом так, как это удавалось его отцу – чтобы спасти их всех в следующий раз.

– Это почти что чудо, – сказал он, сжав руку Тесс.

– Клянусь всеми святыми, Тай-Пэн, – заговорил Горт, – я беру свои слова обратно. Приношу свои извинения – это вырвалось у меня против воли. Да, здорово придумано, ничего не скажешь.

– Дирк, – начал Брок с угрюмым добродушием, – я буду рад – прямо очень рад – породниться с гобой. Ты спас всех нас, и это чистая правда.

– Я тут совершенно ни при чем. Это была идея Лонгстаффа.

– Ну, конечно, – сардонически усмехнулся Брок. – Что ж, дай ему Бог ума и впредь. Лиза, выпивку, клянусь Богом. Дирк, ты дал нам сегодня огромный повод для торжества. Благодаря тебе вечер удался, клянусь Богом. Так давайте пить и веселиться. – Он взял бокал шампанского и, когда все присоединились к нему, поднял его для госта: – За Тесс и Кулума, и пусть у них всегда будут спокойное море и тихая гавань до конца дней.

Все выпили. Потом Брок пожал руку Кулуму, а Струан обнял Тесс, и в каюте воцарилась дружба.

Но лишь на время. Каждый понимал это. Однако на сегодня все приготовились забыть о старой вражде. Только Тесс и Кулум чувствовали полное умиротворение.

Сели ужинать. Платье Тесс выгодно подчеркивало ее расцветающую фигуру, и Кулум едва не терял рассудок от обожания. Вина не жалели, смех стал громче, тосты следовали один за другим. В минуту затишья Струан достал из кармана жесткий конверт и протянул его Кулуму.

– Маленький подарок вам обоим.

– Что это? – спросил Кулум. Он открыл конверт. Тесс вытянула шею, чтобы посмотреть вместе с ним. Внутри оказались несколько сложенных бумаг, одна была плотно исписана китайскими иероглифами.

– Это купчая на кое-какую землю под самым Глессинг Пойнтом.

– Но ведь земля там еще не продавалась, – подозрительно сощурился Брок.

– Его превосходительство утвердил некоторые бумаги китайцев из здешней деревни, которые владели землей до того, как Гонконг отошел к нам. Это одна из них. Кулум, ты и Тесс теперь совместно владеете акром земли. Вид оттуда превосходный. Да, и вместе с купчей вы получаете достаточно строительных материалов на дом с семью спальнями, садом и летним флигелем.

– О, Тай-Пэн, – воскликнула Тесс, одаряя его лучезарной улыбкой, – спасибо вам! Спасибо!

– Наша собственная земля? И наш собственный дом? Ты действительно

серьезно? – спрашивал Кулум, потрясенный щедростью и великодушием отца.

– Да, парень. Я подумал, что вам, наверное, захочется начать строить его безотлагательно. Я договорился для вас о встрече с архитектором завтра в полдень. Чтобы он мог приступить к планам.

– Завтра мы все уезжаем в Макао, – резко произнес Горт.

– Но, Горт, ты же не станешь возражать против того, чтобы задержаться на день-два, правда? – сказал Кулум. – В конце концов, все это очень важно для нас...

– О, очень, – поддакнула Тесс.

– ...и теперь, когда проблема Куинз Тауна решена и предстоит еще одна земельная распродажа... – Он замолчал и возбужденно повернулся к своей невесте: – Суза – лучший архитектор на Востоке.

– Мне думается, наш Ремедиос будет получше, – сказал Брок, злясь на себя за то, что мысль дать им построить свой собственный дом не пришла ему в голову. В качестве свадебного подарка он намеревался предоставить им один из домов компании в Макао, подальше от Струана и его влияния.

– О да, он очень хорош, мистер Брок, – быстро сказал Кулум, почувствовав его ревность. – Если Суза нас не удовлетворит, тогда мы, возможно, обратимся к нему. – Он повернулся к Тесс: – Ты согласна? – и к Струану: – Я бесконечно тебе благодарен.

– Не стоит благодарности, Кулум. Молодым людям нужно хорошее начало в жизни и дом, принадлежащий им одним. – Струан был в восторге от того, что ему удалось разозлить Горта и Брока.

– Да, – удовлетворенно подтвердила его слова Лиза. – Бог ты мой, это сущая правда.

Брок взял купчую и принялся внимательно ее рассматривать.

– А ты уверен, что тут все, как положено? – спросил он. – Вид-то у нее больно необычный.

– Уверен. Лонгстафф подтвердил их законную силу. Официально. Его печать стоит на последней странице.

Брок задумчиво посмотрел на Горта, его кустистые брови слились на жестком обветренном лице в одну толстую черную поперечину.

– Я так думаю, стоит нам выяснить, что это за такие туземные купчие.

– Да, – кивнул Горт. Он в упор взглянул на Струана: – Только, сдается мне, Па, на продажу там уже ни одной не осталось.

– Думаю, найдутся и другие, Горт, – небрежно ответил Струан, – если ты готов хорошенько поискать. Кстати, Тайлер, как только будут промеряны новые участки, нам, возможно, стоит обсудить наши позиции.

– Я подумал о том же. Все, как и раньше, Дирк. Только в этот раз ты выбираешь первым. – Он передал документ Тесс, которая бережно разгладила его.

– Кулум, ты по-прежнему заместитель секретаря колонии?

– Думаю, да. – Кулум рассмеялся. – Хотя моих обязанностей никто не определял. А почему вы вдруг спросили?

– Так, ничего.

Струан допил свое вино и решил, что подходящий момент настал.

– Теперь, когда мы оставляем Счастливую Долину и эта проблема решена, а новый город будет возводиться за счет Короны, будущее Гонконга обеспечено.

– Да, – согласился Брок, к которому понемногу возвращалось хорошее настроение. – Теперь Корона рискует своими денежками наравне с нами.

– Поэтому, я думаю, больше нет нужды откладывать этот брак. Я предлагаю, чтобы Тесс и Кулум обвенчались уже в следующем месяце.

Его слова были встречены мертвым молчанием.

Время словно остановилось для каждого из собравшихся за столом. В голове Кулума одна за другой проносились мысли: что скрывается за этой улыбкой Горта,

которая так плохо у него получилась, и почему Тай-Пэн выбрал именно следующий месяц, и – о Боже, пусть это будет следующий месяц..

Горт понимал, что следующий месяц лишит его власти над Кулумом и что этого, черт побери, не должно случиться. Что бы ни сказал Па, поклялся он, скорому браку не бывать. На следующий год – может быть. Да, может быть. Что же задумал этот дьявол?

Брок тоже пытался разгадать подлинную цель этого предложения Струана – поскольку такая цель обязательно есть, и она не сулит ничего хорошего ни ему, ни Горту. Его первым порывом было отсрочить бракосочетание; это ему подсказывал его инстинкт. Но он, – как и Струан, – поклялся перед Богом, что даст молодым безопасную гавань, а он знал, что эта клятва связывает Струана так же, как и его самого.

– Мы могли бы объявить о предстоящем браке в следующее воскресенье, – сказал Струан, чтобы разрядить напряженность. – Думаю, следующее воскресенье подойдет как нельзя лучше. – Он улыбнулся Тесс: – А, девочка?

– О да. Да, – сказала она и взяла Кулума за руку.

– Нет, – сказал Брок.

– Это слишком быстро, – вставил Горт.

– Почему? – спросил Кулум.

– Я просто думал о тебе, Кулум, – примирительно ответил Горт, – и о твоем дяде, о твоей печальной утрате. Это была бы неприличная поспешность, прямо очень неприличная.

– Лиза, милая, – хрипло проговорил Брок, – ты и Тесс, пойдите-ка погуляйте. Мы присоединимся к вам после портвейна. – Тесс обняла его за шею, прошептала: «О, пожалуйста, папочка», и четверо мужчин остались одни.

Брок тяжело поднялся и откупорил бутылку портвейна. Разлив вино по бокалам, он передал их гостям и сыну.

Струан сделал глоток и удовлетворенно кивнул:

– Очень хороший портвейн, Тайлер.

– Урожай тридцать первого года.

– Прекрасный год для портвейна. Опять наступило молчание.

– Не будет ли неудобно отложить ваш отъезд на несколько дней, мистер Брок? – неуверенно спросил Кулум. – Я хочу сказать, если это невозможно, то... но я, конечно, очень бы хотел, чтобы Тесс посмотрела участок и встретилась с архитектором.

– С этим переселением, земельной распродажей и всем остальным мы теперь никуда не поедем, – сказал Брок. – По крайней мере, – добавил он, – не поедем мы с Гортом. Лизе, Тесс и Лиллибет нужно ехать, и как можно скорее. В это время года лучше Макао места для здоровья не найти. Да там и попрохладнее. Не так ли, Дирк?

– Да. В Макао сейчас славно. – Струан закурил сигару. – Я слышал, на следующую неделю назначено расследование того случая с великим князем. – Он испытующе посмотрел на Горта.

– Это был плохой йосс, – сказал Брок.

– Да уж, – эхом откликнулся Горт. – Палили со всех сторон без остановки.

– Все так, – кивнул Струан. – Кстати, сразу после того, как его подстрелили, кто-то убил вожака толпы рядом с нами.

– Это сделал я, – сказал Брок.

– Спасибо, Тайлер, – поблагодарил его Струан. – Ты тоже дрался, Горт.

– Я был на носу, выводил лорку.

– Верно, – подтвердил Брок. Он попытался вспомнить, не видел ли он, чтобы кто-то стрелял. Но вспомнил лишь, как отослал Горта на нос. – Плохой йосс. Толпа есть толпа, дело страшное; в такое время кто знает, что может случиться.

– Да, – опять кивнул Струан. Он понял для себя, что, если пуля и была

направлена, то направила ее рука Горта. Не Брока. – Видно, один из тех случаев.

Ветер снаружи слегка упал, и масляные лампы, свисавшие с поперечной балки, мягко качнулись, когда крен корабля уменьшился. Моряки – Горт, Брок и Струан – тут же насторожились. Брок открыл окошко и потянул носом воздух. Горт начал всматриваться в море через окна в корме, а Струан прислушался к внутреннему голосу самого корабля.

– Пустое, – сказал Брок. – Ветер переменился на несколько градусов, только и всего.

Струан вышел в коридор, где висел барометр. Прибор показывал 29, 8. Давление за последние недели изменилось едва на десятую долю дюйма.

– Давление что-то на редкость устойчиво, – заметил он, вернувшись в каюту.

– Да, – ответил Брок. – Только скоро оно перестанет быть устойчивым, и тогда мы начнем задраивать люки. Я вижу, ты уже установил штормовые буи на глубоководье у своего причала.

– Да. – Струан налил себе еще портвейна и предложил бутылку Горту. – Не хочешь ли еще?

– Благодарствуйте, – ответил Горт.

– Ты чуешь приближение шторма, Дирк?

– Нет, Тайлер. Но я люблю, когда буи стоят наготове – так, на всякий случай. Глессинг, впрочем, тоже приказал расставить их для всего флота.

– Это ты ему посоветовал?

– Да.

– До меня дошли слухи, что он женится на сестре молодого Синклера.

– Похоже, мысли о браке теперь вообще носятся в воздухе.

– Я думаю, они будут очень счастливы вместе, – сказал Кулум. – Джордж боготворит ее.

– Круто придется Горацио, – заметил Горт, – что она оставляет его вот так, к слову сказать, неожиданно. У него, кроме нее, и родных-то никого нет. И она еще такая молодая, несовершеннолетняя даже.

– Сколько ей? – спросил Кулум.

– Девятнадцать, – ответил Струан. Напряженность в каюте опять усилилась.

– Тесс очень молода, – сказал Кулум с болью в голосе. – Я бы ни в коем случае не хотел повредить ей. Даже если... ну, можно ли нам... что вы думаете, мистер Брок? О нашем браке? На следующий месяц? То, что будет лучше всего для Тесс, будет правильно и для меня.

– Она действительно еще очень молода, парень, – произнес Брок, уже слегка захмелевший, – но я рад, что ты сказал то, что сказал.

– Несколько месяцев не покажутся тебе концом света, а, Кулум? – Горт старался, чтобы его голос звучал ровно и доброжелательно. – До будущего года осталось едва полгода.

– До января семь месяцев, Горт, – нетерпеливо возразил Кулум.

– Я тут ничего не решаю. Что хорошо для вас двоих, хорошо и для меня. – Горт осушил свой бокал и налил себе еще. – Что ты скажешь, Па? – обратился он к отцу, нарочно подставляя его под удар.

– Я подумаю над этим, – сказал Брок, пристально разглядывая свой бокал. – Она еще очень молода. Спешить в таких делах не подобает. Вы знаете друг друга всего три месяца и...

– Но я люблю ее, мистер Брок, – настаивал Кулум. – Три месяца или три года ничего в этом не изменят.

– Я знаю, парень, – сказал Брок не без теплоты в голосе. Он вспомнил, как радость расцвела на лице Тесс, когда он сообщил ей, что дает свое благословение на ее брак с Кулумом. – Я просто желаю тебе добра, и ей тоже. Мне нужно время,

чтобы подумать. – Сообразить, что у тебя на уме, Дирк, сказал он себе.

– По-моему, это было бы очень хорошо и для них, и для нас. – Струан чувствовал теплоту, исходившую от Кулума. – Тесс молода, это правда. Но и Лиза тоже была молода, и мать Кулума. Сейчас мода на ранние браки. Деньги у них есть. Им обеспечено богатое будущее. Если йосс не подведет. Вот я и говорю, что это было бы хорошо.

Брок потер лоб тыльной стороной ладони.

– Я подумаю. И тогда скажу тебе, Кулум. Это неожиданное предложение, вот почему мне нужно время.

Кулум улыбнулся, тронутый искренностью, звучавшей в голосе Брока. В первый раз он почувствовал к нему доверие и симпатию.

– Конечно, конечно, – сказал он.

– Сколько, ты думаешь, времени тебе понадобится, Тайлер? – упрямо спросил Струан. Он видел, что Кулум смягчается перед их притворным добродушием, и чувствовал, что, настаивая, сумеет показать их ему в истинном свете. – Не след нам держать молодежь, как рыбок на крючке, да и о многом надо подумать заранее. Мы должны устроить самую роскошную свадьбу, какую только видели в Азии.

– Как мне помнится, – резко ответил Брок, – свадьбу устраивает отец невесты. И я в этом вполне компетентен и сам знаю, что правильно, а что нет. – Брок понимал, что Струан загнал его в угол и теперь играет с ним как кошка с мышкой. – Поэтому всеми приготовлениями будем заниматься мы сами.

– Конечно, – кивнул Струан. – Так когда ты дашь Кулуму ответ?

– Скоро. – Брок поднялся. – Пойдемте-ка к дамам.

– Как скоро, Тайлер?

– Эй, вы же слышали, что сказал Па, – запальчиво произнес Горт. – Зачем еще теребить его, а?

Но Струан не обратил на него ни малейшего внимания и продолжал в упор смотреть на Тайлера.

Кулум испугался, что дело может кончиться дракой, и тогда Брок передумает, и свадьбы вообще не будет. В то же время ему хотелось знать, сколько ему придется ждать, и он был рад, что Струан не оставляет Брока в покое.

– Прошу тебя, – взмолился он, обращаясь к отцу. – Я уверен, мистер Брок не станет… он внимательно все обдумает. Давай пока оставим это.

– То, чего хочешь ты, Кулум, это твое личное дело! – вскипел Струан в притворном гневе. – Но я хочу получить ответ теперь же. Я хочу знать, в чем дело: тебя либо используют, либо играют с тобой в кошки-мышки, клянусь Богом.

– Это ужасно, что ты так говоришь, – отшатнулся Кулум.

– Да. Но с тобой я на данный момент закончил, так что прикуси язык. – Струан круто повернулся к Броку, зная, что доставил этой отповедью большое удовольствие и ему, и Горту. – Так сколько требуется времени, Тайлер?

– Неделя. Неделя – ни больше, ни меньше. – Брок опять посмотрел на Кулума, и опять голос его потеплел. – Нет ничего страшного в том, чтобы узнать срок, парень, и не беда, если ты спрашиваешь ответа как мужчина мужчину. Это правильно. Неделя, Дирк. Это удовлетворит твою растреклятую неучтивость?

– Да. Спасибо, Тайлер. – Струан подошел к двери и широко распахнул ее, пропуская Брока вперед.

– После тебя, Дирк.

Вернувшись в спокойную, безопасную тишину своей каюты на «Отдыхающем Облаке», Струан рассказал Мэй-мэй обо всем, что произошло.

Она слушала его внимательно, не скрывая своего восторга.

– О, хорошо, Тай-Пэн. Очень хорошо.

Он снял сюртук, который она тут же приняла у него, чтобы повесить в шкаф. При этом движении из широкого рукава ее платья выпал свиток. Струан поднял его и развернул.

Это была изящная китайская акварель, испещренная многочисленными иероглифами. Она изображала морской пейзаж с крошечной фигуркой мужчины, склонившегося в низком поклоне перед женщиной, у подножья высоких, окутанных туманом гор. От скалистого берега отплывал сампан.

– Откуда это здесь взялось?

– А Сам принесла из Тай Пинь Шана, – ответила Мэй-мэй.

– Красиво, – сказал он.

– Да, – спокойно согласилась Мэй-мэй. Она вновь испытала благоговение перед удивительной утонченностью дедушки Дзин-куа. Он прислал свиток одному из своих помощников в Тай Пинь Шане, у которого Мэй-мэй время от времени покупала нефрит. А Сам приняла его, ничего не подозревая, как самый обычный подарок для своей госпожи.

И хотя Мэй-мэй была уверена, что А Сам и Лим Дин рассмотрели картину и иероглифы очень внимательно, она знала, чго им никогда не прочесть тайного послания, которое там содержалось. Оно было слишком хорошо спрятано. Даже на личной фамильной печати ее дедушки была искусно оттиснута другая печать. И стихотворение – «Шесть гнезд улыбаются, глядя на парящих орлов, Восход солнца отсвечивает Зеленым Огнем, И стрела возвещает появление птенцов надежды» – было таким простым и прекрасным. Действительно, кто, кроме нее, мог бы догадаться, что он благодарит ее за сообщение о шести миллионах выкупа, что «Зеленый Огонь» – это «Тай-Пэн», и что он намерен послать ей вестника, которого она опознает по стреле, предъявленной им в той или иной форме, и который сделает для нее все, что только возможно.

– Что означают эти иероглифы? – спросил Дирк Струан.

– Трудно пересказать, Тай-Пэн. Я не знаю всех слов, но тут говорится: «Шесть птичьих домиков улыбаются огромным птицам, плавающим наверху, зеленый огонь виден в поднимающемся солнце, стрела приносит... – она наморщила лоб, подыскивая нужное английское слово, – ...приносит маленьких птичек надежды».

– Это же бессмыслица, клянусь Богом, – Струан рассмеялся.

Она счастливо вздохнула.

– Я обожаю тебя, Тай-Пэн.

– Я обожаю тебя, Мэй-мэй.

– В этот следующий раз, когда мы будем строить наш дом, первым делом, пожалуйста, пригласи джентльмена по фен шуй, хорошо?

Глава 5

На рассвете Струан отправился на борт «Махараджи Калькутты», торгового судна, на котором Сара возвращалась домой. Корабль принадлежал Ост-Индской Компании. Он должен был отплыть через три часа, когда начнется отлив, и команда занималась последними приготовлениями.

Струан спустился вниз и постучал в дверь каюты, которую занимала Сара.

– Войдите, – услышал он ее голос.

– Доброе утро, Сара. – Он закрыл дверь за собой. Каюта была большой и удобной. Кругом в беспорядке валялись игрушки, одежда, сумки, туфли. Полусонный Локлин жалобно попискивал в своей крошечной кроватке у окна.

– Ты все собрала, Сара?

– Да.

Он достал из кармана конверт.

– Здесь вексель на предъявителя на пять тысяч гиней. Ты будешь получать такой же каждые два месяца.

– Ты очень щедр.

– Это твои деньги – по крайней мере, это деньги Робба, мне они не принадлежат. – Он положил конверт на дубовый стол. – Я лишь выполняю его посмертную волю. Я написал здесь об открытии траст-фонда, как он хотел; в скором времени ты получишь все необходимые бумаги. Я также попросил отца встретить твой корабль. Не хотела бы ты пожить в моем доме в Глазго, пока не подыщешь дом себе по вкусу?

– Твоего мне ничего не нужно.

– Я написал нашим банкирам, чтобы они принимали векселя за твоей подписью – опять же, в соответствии с распоряжениями Робба – на сумму до пяти тысяч гиней в год сверх твоего содержания. Ты должна понимать, что ты богатая наследница, и я считаю своим долгом напомнить тебе об осторожности: найдется немало таких, кто постарается украсть твое богатство. Ты молода, у тебя впереди целая жизнь...

– Мне не нужны твои советы, Дирк, – сказала Сара, впиваясь в него ненавидящим взглядом. – Что касается того, чтобы получить причитающуюся мне долю, я сама о себе позабочусь. Всегда заботилась. А что-до моей молодости, так я заглянула в зеркало. Я стара и безобразна. Я это знаю, и ты это знаешь. Моя жизнь кончена! А ты прекрасно устроился на своем проклятом заборе и забавляешься, двигая фигурками внизу: мужчины против мужчин, женщины против женщин. Ты рад, что Рональда мертва – она с лихвой отслужила свое. И ее смерть чудесно расчистила дорогу для следующей. Кто это будет? Шевон? Мэри Синклер? Дочь герцога, быть может? Ты всегда метил высоко. Но, кто бы она ни была, она будет молода и богата, и ты высосешь из нее все соки, как и изо всех остальных. Ты пьешь кровь у каждого, кто рядом с тобой, и ничего не даешь взамен. Будь же ты проклят перед Господом, который видит нас сейчас, и я молю Его, чтобы Он позволил мне пережить тебя и плюнуть на твою могилу.

Малыш в кроватке громко заплакал, но ни Сара, ни Струан не слышали этого плача, глядя в глаза друг другу.

– Ты забыла одну истину, Сара. Все твое озлобление происходит от мысли, что ты выбрала не того из двух братьев. И ты превратила жизнь Робба в ад по этой причине.

Струан распахнул дверь и вышел.

– Я ненавижу твою истину, – крикнула Сара в пустоту, сомкнувшуюся вокруг нее.

Струан оцепенело сидел за своим рабочим столом в кабинете фактории. Он злился на Сару, но в глубине души понимал ее, и ее проклятье мучило его.

– Неужели я действительно пью чужую кровь? – невольно произнес он вслух. Он поднял глаза на портрет Мэй-мэй. – Да, наверное, так оно и есть. А должно быть иначе? Но разве они не питаются мной? Все время? Так кто же из нас неправ, Мэй-мэй? Кто прав?

Он вспомнил об Аристотеле Квэнсе.

– Варгаш!

– Да, сеньор.

– Как идут дела у мистера Квэнса?

– Все это так печально, сеньор. Так печально.

– Пожалуйста, пришлите его сюда.

Спустя минуту-другую Квэнс появился в дверях.

– Входи, Аристотель, – пригласил его Струан. – И закрой за собой дверь.

Квэнс послушно выполнил все, что ему приказали, потом подошел и встал напротив стола с несчастным видом.

Струан быстро заговорил:

– Аристотель, времени у тебя в обрез. Незаметно выберись из фактории и спускайся к причалу. Там тебя ждет сампан. «Махараджа Калькутты» отплывает через несколько минут, ты догонишь его и поднимешься на борт.

– Что вы сказали, Тай-Пэн?

– Помощь на подходе, приятель. Обставь попышнее свое вступление на корабль. Пока будете выходить из гавани, кричи и размахивай руками. Пусть все узнают, что ты на борту.

– Да благословит тебя Господь, Тай-Пэн. – В глазах старика опять засверкали знакомые искорки. – Но я не хочу уезжать из Азии. Я не могу уехать.

– В сампане ты найдешь одежду кули. Выйдя из гавани, ты сможешь тайком пробраться на лорку шкипера. Я подкупил команду, но не самого шкипера, так что ему на глаза не попадайся.

– О, великие сфероиды Божественного огня! – Квэнс словно подрос на несколько дюймов. – Но... но где мне спрятаться? В Тай Пинь Шане?

– Тебя ждут у миссис Фортерингилл. Я договорился о двухмесячном пансионе. Но запомни, деньги, которые я выложил, останутся за тобой, клянусь Богом!

Квэнс восторженно обнял Дирка Струана и испустил счастливый вопль, который Струан тут же резко оборвал:

– Кровь господня, будь осторожен. Если Морин хоть что-нибудь заподозрит, она превратит нашу жизнь в нескончаемое страдание и никогда не уедет.

– Совершенно справедливо, – согласился Квэнс хриплым шепотом и бросился к двери, но вдруг он остановился: – Деньги! Мне понадобятся деньги. Ты не мог бы предоставить мне небольшую ссуду, Тай-Пэн?

Струан уже держал в руке объемистый кошелек с золотом.

– Здесь сто гиней. Я включу их в твой счет.

Кошелек исчез в кармане Квэнса. Аристотель еще раз обнял Струана и послал воздушный поцелуй портрету над камином.

– Десять портретов несравненнейшей Мэй-мэй. На десять гиней ниже моей обычной цены, клянусь Богом. О, бессмертный Квэнс, я обожаю тебя. Свободен! Свободен, клянусь Богом!

Он два раза взбрыкнул ногами, изображая канкан, бросился в раскрытую дверь и исчез.

Мэй-мэй рассматривала нефритовый браслет. Она поднесла его поближе к солнечному свету, падавшему в открытое окно каюты, и скрупулезно обследовала. Нет, она не ошиблась: на браслете действительно была искусно вырезана стрела и иероглифы, означавшие «птенцы надежды».

– Это прекрасный нефрит, – сказала она на мандаринском.

– Благодарю вас, Повелительница Повелителей, – ответил Гордон Чен на том же языке.

– Да, очень красивый, – повторила Мэй-мэй, возвращая ему украшение, которое он минуту назад снял со своей руки. Гордон Чен принял браслет, помедлил мгновение, с наслаждением ощущая кожей его гладкую поверхность, но на руку надевать не стал, а вместо этого уверенным коротким движением выбросил браслет в окно и проследил за ним взглядом, пока он не исчез под водой.

– Я почел бы за честь, если бы вы приняли его в дар, высокочтимая госпожа. Но некоторые подарки принадлежат черной глубине моря.

– Ты очень мудр, сын мой. Только я не высокочтимая госпожа. Всего лишь наложница.

– У Отца нет жены. Следовательно, вы его Тай-тай.

Мэй-мэй не ответила. Ее ошеломило то, что посланцем Дзин-куа оказался Гордон Чен. И, несмотря на предъявленный браслет, она решила быть очень

осторожной и говорить загадками, на случай, если браслет был им перехвачен. Она знала, что и Гордон Чен будет в равной степени осторожен и предпочтет говорить иносказательно.

– Ты выпьешь чаю?

– Это было бы слишком хлопотно для вас, Мать. Очень хлопотно.

– Нисколько не хлопотно, сын мой. – Она прошла в следующую каюту. Гордон Чен последовал за ней, преклоняясь перед красотой ее походки и ее крошечными ногами, едва не теряя голову от изысканного аромата ее духов. Ты полюбил ее с того самого момента, когда увидел, сказал он себе. В каком-то смысле она твое творение, ибо именно ты передал ей варварскую речь и варварские мысли.

Он благословил свой йосс за то, что Тай-Пэн был его отцом, и его уважение к нему не знало границ. Он понимал, что без этого уважения его любовь к Мэй-мэй не смогла бы остаться сыновней. Подали чай, и Мэй-мэй отпустила Лим Дина, но, соблюдая приличия, позволила А Сам остаться. Она знала, что А Сам не понимает диалекта провинции Сучьжоу, на котором и возобновила разговор с Гордоном.

– Стрела может быть очень опасна.

– Да, высокочтимая госпожа, в неверных руках. Вы интересуетесь стрельбой из лука?

– Когда я была очень маленькой, мы часто пускали воздушных змеев, мой брат и я. Один раз я стреляла из лука, но это очень напугало меня. Однако я полагаю, иногда стрела может быть даром богов и потому не опасна.

Гордон Чен задумался на мгновение, потом почтительно кивнул и сказал:

– Да. Например, если бы она оказалась в руках умирающего с голоду человека, и он бы прицелился в дичь и поразил бы свою жертву.

Ее веер изящно шевельнулся. Она была рада, что в свое время имела возможность изучить склад его ума; теперь это облегчало ей задачу и делало передачу информации более увлекательной.

– Такому человеку понадобилась бы вся его осторожность, если бы у него был только один шанс попасть в цель.

– Все это так, повелительница моя. Но мудрый охотник держит много стрел в своем колчане. – Что это за дичь, на которую ему придется охотиться, спрашивал он себя.

– Бедной женщине никогда не дано испытать мужских радостей охоты, – спокойно заметила она.

– Мужчина олицетворяет собой принцип ян – он охотник по выбору богов. Женщина олицетворяет собой принцип инь – она та, которой охотник приносит пищу, чтобы приготовить ее.

– Боги очень мудры. Очень. Они учат охотника, какая добыча съедобна, а какая нет.

Гордон Чен маленькими глотками пил чай. Хочет ли она этим сказать, что ей нужно просто кого-то найти? Или выследить и убить? Кого она могла бы хотеть отыскать? Бывшую любовницу дяди Робба и его дочь, может быть? Скорее всего, нет, потому что для этого совсем не требовалось бы соблюдать такую секретность – и, уж конечно, Дзин-куа никогда не стал бы привлекать к этому меня. Клянусь всеми богами, что может связывать эту женщину с Дзин-куа? Чем она так помогла ему, что это заставило его приказать мне – а в моем лице всей мощи гонконгских Триад – исполнить любое ее желание?

В этот момент неясные слухи, дошедшие до него несколько дней назад, вдруг обрели свое истинное значение: слухи о том, что Дзин-куа раньше других узнал, что флот немедленно возвращается к Кантону, вместо того чтобы отправиться на север, как все ожидали. Так вот в чем дело! Должно быть, Мэй-мэй тайно известила об этом Дзин-куа и тем самым поставила его в положение своего должника! Ай-ай-ай, вот уж

действительно услуга из услуг!

Получив такое известие заранее, Дзин-куа сэкономил самое меньшее три-четыре миллиона тэйлов.

Его уважение к Мэй-мэй возросло.

– Иногда охотник вынужден пользоваться своим оружием и для того, чтобы защитить себя от диких зверей леса, – сказал он, предлагая ей другое продолжение разговора.

– Верно, сын мой. – Ее веер с треском захлопнулся, и она вздрогнула всем телом. – Боги защищают бедных женщин от такой беды.

Значит, она хочет, чтобы кого-то убили, подумал Гордон. Он принялся разглядывать фарфоровую чашку, пытаясь угадать, кого же.

– Йосс судит так, что зло подстерегает нас во многих местах. Наверху и внизу. На материке и здесь, на острове.

– Да, сын мой, – произнесла Мэй-мэй, и ее веер затрепетал, а губы слегка задрожали. – Даже на море. Даже среди высокородных и очень богатых. Ужасны пути богов.

Гордон Чен едва не выронил чашку из рук. Он повернулся спиной к Мэй-мэй и постарался собрать свои разбежавшиеся мысли. «Море» и «высокородный» могли означать только двух людей: Лонгстаффа или самого Тай-Пэна.

Драконы смерти, пойти сейчас против любого из них – значило бы приблизить свое полное уничтожение! Его желудок сжался в тугой комок. Но зачем? И неужели это Тай-Пэн? О боги, только не мой отец. Не допустите, чтобы это был мой отец!

– Да, высокочтимая госпожа, – сказал он с оттенком покорной отрешенности, ибо знал, что принесенная им клятва обязывала его выполнить любое ее приказание. – Пути богов ужасны.

Мэй-мэй заметила внезапную перемену в поведении Гордона Чена, но никак не могла понять, чем это было вызвано.

Она заколебалась, озадаченно нахмурившись. Потом встала и подошла к окнам на корме.

Флагман, отдав якорь, мягко покачивался на искрящейся глади моря в гавани, окруженный сампанами. За ним на штормовом якоре стоял клипер Дирка Струана «Китайское Облако», чуть поодаль расположилась «Белая Ведьма».

– Эти корабли так прекрасны, – сказала она. – Какой из них больше других радует твой взгляд?

Гордон подошел вплотную к окнам. Он не думал, что это мог бы оказаться Лонгстафф. Его смерть не сулила никакой выгоды. По крайней мере для нее. Для Дзин-куа – возможно, но не для нее.

– Я думаю, вон тот, – мрачно произнес он, кивнув головой в сторону «Китайского Облака».

Мэй-мэй судорожно вздохнула, веер выскользнул из ее рук и полетел на пол.

– Кровь господня! – вырвалось у нее по-английски. А Сам на короткое мгновение подняла глаза, и Мэй-мэй тут же овладела собой. Гордон Чен поднял веер и, низко склонившись, подал ей.

– Благодарю. – продолжала она на сучьжоу. – Однако я предпочитаю вон тот корабль. – Мэй-мэй указала веером на «Белую Ведьму». Она все еще дрожала от страшного осознания того, что Гордон Чен подумал, будто она желает смерти ее обожаемого Тай-Пэна. – Тот другой – бесценный нефрит. Бесценный, ты слышишь? Неприкосновенный, клянусь богами. Как смеешь ты быть таким дерзким, чтобы думать иначе.

Облегчение, которое он испытал, было почти осязаемым.

– Простите меня, повелительница. Я бы поклонился тысячу раз здесь и сейчас, чтобы показать, насколько глубоко мое раскаяние, но это могло бы показаться

странным вашей рабыне, – скороговоркой забормотал он, нарочно смешивая мандаринские слова с сучьжоу. – На какой-то миг дьявол пролез в мою дурную голову, и я недостаточно хорошо вас понял. Конечно, я никогда, никогда в жизни не стал бы сравнивать эти корабли, один с другим.

– Хорошо, – сказала она. – Если хоть один волосок пеньковой веревки, хоть одна щепка упадут с того, другого, я последую за нечестивцем, который осмелится осквернить несравненное совершенство такого нефрита, в самое чрево ада и там ногтями раздеру ему мошонку, вырву глаза и скормлю ему его собственные внутренности!

Гордон Чен содрогнулся в душе, но голос его по-прежнему оставался спокойным и почтительным.

– Не беспокойтесь, высокочтимая госпожа. Не беспокойтесь. Я отобью сто низких поклонов в наказание за то, что не понял разницы между драгоценным нефритом и деревом. Я никогда бы не дал повода… мне бы ни в коем случае не хотелось, чтобы у вас осталась хоть тень сомнения в том, что я понял все правильно.

– Хорошо.

– А сейчас, если вы извините меня, высокочтимая госпожа, я немедленно, не откладывая, займусь своим делом.

– Твое дело еще не закончено, – резко произнесла она. – И приличия требуют, чтобы вы выпили еще чаю. – Она повелительно хлопнула в ладоши и приказала А Сам приготовить свежий чай. И горячие полотенца. Когда А Сам вернулась, Мэй-мэй заговорила на кантонском: – Я слышала, в скором времени многие корабли отплывают в Макао, – сказала она.

Тут Гордон Чен сразу понял, что Брока следует устранить в Макао, и без промедления.

Лицо А Сам озарилось улыбкой.

– Вы думаете, мы тоже поедем? О, я была бы счастлива вновь увидеть Макао. – Она игриво посмотрела на Гордона Чена: – Вы знаете Макао, досточтимый господин?

– Конечно, – ответил он. Обычно рабыня не осмелилась бы обратиться к нему. Но он знал, что А Сам была посвящена во многие секреты Мэй-мэй, являлась ее личной рабыней и потому имела некоторые особые привилегии. К тому же он находил ее очень хорошенькой – для девушки-танка. Он перевел взгляд на Мэй-мэй: – К сожалению, я не смогу поехать туда в этом году. Хотя многие из моих друзей постоянно ездят туда и обратно.

Мэй-мэй кивнула.

– Ты слышал, что варварский сын Отца был помолвлен вчера вечером? Можешь ты себе представить? С дочерью его врага. Совсем невероятные люди эти варвары!

– Да, – сказал Гордон Чен, удивляясь про себя, что Мэй-мэй сочла необходимым еще раз пояснить ему, что Брок должен исчезнуть с лица земли. Не может же быть, чтобы она хотела уничтожения всей семьи? – Неслыханно.

– Хотя до их отца мне дела нет: он стар, и, если боги справедливы, его йосс скоро кончится. – Мэй-мэй тряхнула головой, заставив зазвенеть все нефритовые и серебряные украшения. – Что же касается девушки, ну, я полагаю, она принесет своему мужу хороших сыновей – хотя я действительно не в состоянии себе представить, что мужчина может найти в таком толстоногом, коровногрудом создании.

– Да, – согласно кивнул Гордон. Значит, Брока убивать не нужно. И дочь тоже. Остаются мать и брат. Мать – крайне маловероятно, следовательно, это брат – Горт. Но почему только брат, почему один только Горт Брок? Почему не отец и брат? Ведь оба представляют очевидную опасность для Тай-Пэна. Уважение Гордона к своему отцу увеличилось невероятно. Как тонко с его стороны представить дело так, будто Мэй-мэй сама вздумала уничтожить Горта! Как хитро он поступил, прозрачно

намекнув на это Мэй-мэй, которая обратилась к Дзин-куа, который обратился ко мне! Какой это изысканный план! Конечно, говорил он себе, это означает, что Тай-Пэн знал о том, что Мэй-мэй передала секретную информацию дальше – должно быть, он специально дал ей эти сведения, чтобы Дзин-куа оказался у нее в долгу. Но знает ли он, следовательно, и о Триадах? И обо мне? Разумеется, нет.

Он почувствовал себя очень усталым. Его разум был измотан чрезмерным напряжением этого разговора и постоянным ощущением близкой опасности. И его серьезно тревожило то, что мандарины усилили гонения на Триад в Квантуне. А также в Макао. И даже в Тай Пинь Шане. У мандаринов было много агентов среди обитателей холма, и, хотя большинство из них были ему известны и четверо из них уже устранены, тревога, которую несло с собой их присутствие, действовала на него угнетающе. Если станет известно, что он возглавляет движение Триад на Гонконге, он уже никогда не сможет вернуться в Кантон, и жизнь его не будет стоить даже испражнений самого бедного владельца сампана.

И, опять же, рассудок его растворялся в изысканном благоухании Мэй-мэй и в откровенной, животной привлекательности А Сам. Я бы не прочь покрыть рабыню, подумал он. Но это будет неразумно. И опасно. Разве что Мать сама мне предложит. Лучше скорее вернуться в Тай Пинь Шан в объятия его наложницы, самой дорогой из всех на холме. Клянусь богами, она почти стоит той тысячи тэйлов, которую я за нее заплатил. Сегодня мы будем любить друг друга десять раз десятью разными способами.

Он улыбнулся про себя. Будь честен, Гордон, это произойдет всего лишь трижды. Да и трижды-то, если поможет йосс – но зато как это будет чудесно!

– Я опечален, что не смогу поехать в Макао, – сказал он. – Я полагаю, все новые родственники Отца по браку отправятся туда? Особенно сын?

– Да, – ответила Мэй-мэй, сладко вздохнув: теперь она знала, была уверена, что ее поняли правильно. – Я так думаю.

– Ха! – с отвращением воскликнула А Сам. – Для всех настанет великая радость, когда сын покинет Гонконг.

– Почему? – заинтересовалась Мэй-мэй, и Гордон Чен тоже насторожился, в миг забыв о своей усталости.

А Сам приберегала эту редкую новость как раз для такого вот драматичного момента.

– Этот сын – настоящий варварский дьявол. Он ходит в один из варварских борделей два или даже три раза в неделю.

Она замолчала и принялась заново наполнять их чашки.

– Ну, продолжай же, А Сам, – нетерпеливо приказала Мэй-мэй.

– Он бьет их, – со значением сказала рабыня.

– Возможно, они не могут угодить ему, – заметила Мэй-мэй. – Хорошая взбучка никак не повредит этим варварским шлюхам.

– Да. Но он порет их кнутом и терзает их, прежде чем лечь с ними.

– Что, каждый раз? – недоверчиво спросила Мэй-мэй.

– Каждый раз, – уверенно ответила А Сам. – Он платит за битье, а потом платит за... ну, за очень короткую игру – потому что, похоже, это все, что следует дальше. Пф-ф-фт! Только оказался внутри – и сразу готово, – она щелкнула пальцами, – просто вот так!

– Ха! Откуда ты все это знаешь, а? – требовательно спросила Мэй-мэй. – По-моему, ты заслуживаешь хорошего щипка. Мне кажется, ты все это просто выдумываешь, рабыня со ртом, наполненным навозными жуками!

– Я ни в коем случае ничего не выдумываю, Мать. Эта варварская мадам... ну, старая ведьма с невозможным именем? Та, которая со стеклянными глазами и невероятными вынимающимися зубами?

– Фортерингилл? – спросил Гордон Чен.

– Совершенно верно, досточтимый господин. Фортерингилл. Так вот, у этой мадам самый большой дом в Куинз Тауне. Недавно она купила шесть девушек-танка и одну девушку из Кантона. Одна из...

– Девушек-танка было пять, – поправил ее Гордон Чен.

– Ты занимаешься и этим тоже? – вежливо поинтересовалась Мэй-мэй.

– О да, – ответил он. – Это дело становится весьма прибыльным.

– Продолжай, А Сам, девочка моя.

– Так вот, Мать, как я говорила, одна из девушек-танка доводится родственницей А Тат, которая, как вы знаете, состоит в родстве с моей матерью, и эту девушку назначили к нему на всю ночь. Одного раза было достаточно! – А Сам еще больше понизила голос: – Он чуть-чуть не убил ее. Он хлестал ее по животу и по ягодицам, пока не потекла кровь, а потом заставил проделывать всякие особенные вещи с его органом. Потом...

– Какие особенные вещи? – тоже шепотом спросил Гордон Чен, подаваясь вперед.

– Да, – сказала Мэй-мэй, – какие вещи?

– Не по мне, конечно, пересказывать такие необычайные и непристойные занятия, – о боги, нет – но она должна была, и с большим искусством, почтить его орган всеми своими частями.

– Всеми?

– Всеми, Мать. И это после ужасных побоев и после того, как он кусал, и пинал, и терзал ее. Ай-йа, бедная девушка едва не умерла.

– Как необычно все это! – Мэй-мэй удивилась, потом резко бросила рабыне: – И все-таки я думаю, что ты сочиняешь. А Сам. Помнится, ты сама говорила, что для него это всегда бывает, – она величественно щелкнула пальцами, – пф-фт, – вот так.

– Так и есть. И он всегда ужасно ругается и обвиняет во всем девушку, хотя это не ее вина. В этом-то и заключается его главная беда. В этом и еще в том, что у него такой маленький и вялый. – А Сам воздела руки к небу и заголосила: – Пусть я умру старой высохшей девой, если я солгала! Пусть моих предков пожрут черви, если я солгала! Пусть предков моих предков пожрут черви, если я солгала! Пусть предки моих предков никогда не знают покоя и никогда не возродятся, если я солгала! Пусть моя...

– О, ну хорошо, А Сам, – раздраженно оборвала ее Мэй-мэй. – Я тебе верю.

После этого А Сам обиженно вернулась к своей чашке с чаем.

– Как бы я осмелилась лгать моей превосходнейшей Матери и ее досточтимому родственнику? Но я считаю, что боги непременно должны покарать такого варварского зверя!

– Да, – сказал Гордон Чен.

И Мэй-мэй улыбнулась про себя.

КНИГА ПЯТАЯ

В тот же день Струан отправился на «Китайское Облако». Он отослал капитана Орлова на одну из лорок и распорядился, чтобы Сергеева доставили в просторную каюту на «Отдыхающем Облаке». Потом приказал поставить все паруса, поднять якоря и, покинув гавань, устремился в безбрежные просторы океана.

Три дня подряд клипер, послушный его воле, летел, как стрела, на юго-восток, с наполненными ветром парусами на поскрипывающих реях.

Струан ушел в море, чтобы очиститься, смыть с души суетную бренность, слова Сары, потерю Робба и Карен. И благословить Мэй-мэй и ту радость, которую она ему

дарила.

Он припал к груди океана, как любящий сын, пробывший на чужбине целую вечность, и океан приветствовал его шквалом и штормом, грозным, но не неистовым, не подвергая опасности корабль и того, кто им управлял. Океан отмерял свое богатство с осторожностью, возвращая ему силу, жизнь, достоинство и благословляя так, как только море может благословить человека, очищая его так, как может очистить только океан.

Струан гнал себя так же, как гнал свой корабль: без сна, на пределе своих сил. Вахта сменялась за вахтой, а он все так же расхаживал по юту, встречая рассвет, потом второй, потом третий, тихо что-то напевая про себя и едва прикасаясь к пище. И открывая рот только для того, чтобы приказать еще больше увеличить скорость, заменить порванный парус или поставить еще один. Он стремился в самое сердце Тихого океана, в бесконечность.

На четвертый день он повернул назад и полсугок гнал корабль на северо-запад. Затем лег в дрейф, спустился вниз, побрился, принял ванну, проспал целый день и целую ночь, а наутро съел плотный завтрак. Потом он поднялся на палубу.

– Доброе утро, сэр-р, – приветствовал его Кьюдахи.

– Возьмите курс на Гонконг.

– Слушаюсь, сэр-р.

Он оставался на юте весь день и часть ночи, потом опять заснул. С рассветом он взял высоту солнца, сделал отметку на карте и вновь приказал лечь в дрейф. Он разделся донага, нырнул через борт в воду и поплыл рядом с кораблем. Матросы суеверно перекрестились: вокруг клипера кругами ходили акулы.

Но ни одна из акул не приблизилась к Тай-Пэну.

Он взобрался на палубу и приказал вычистить и без того безупречно чистый корабль, надраить палубы швабрами с водой и песком, заменить такелаж, починить паруса, почистить шпигаты и пушки. Всю свою одежду и одежду команды он выбросил за борт. Потом распорядился выдать матросам и офицерам все новое, и сам облачился в матросскую куртку и штаны.

Вся команда получила по двойной чарке рома.

На рассвете седьмого дня на горизонте прямо по курсу показался Гонконг. Пик был окутан туманом. Небо покрывали перистые облака, внизу жадно перекатывались тяжелые валы.

Он стоял на бушприте, под его ногами кипела морская пена.

– Делай теперь, что хочешь, Остров! – крикнул он вслед восточному ветру. – Я вернулся домой!

Глава 1

«Китайское Облако» вошел в гавань через западный пролив. Ярко светило утреннее солнце, ветер с востока был ровным – и влажным.

Струан, голый по пояс, покрытый темным загаром, с выгоревшими на солнце золотисто-рыжими волосами, стоял на квартердеке. Он навел свой бинокль на корабли в гавани. Первым делом «Отдыхающее Облако». На бизани трепетали на ветру кодовые флажки: «Зенит» – владельцу немедленно прибыть на борт. Этого следовало ожидать, подумал он. Струан вспомнил тот последний раз – казалось, с тех пор прошла целая вечность – когда увидел «Зенит» на «Грозовом Облаке»; в тот день это слово возвещало о стольких смертях и о приезде Кулума.

За прошедшую неделю в гавани прибавилось десантных кораблей. Все они были под флагом Ост-Индской Компании. Хорошо. Начали прибывать подкрепления. Рядом с флагманом он увидел большую трехмачтовую бригантину. На корме развевался русский флаг, на вершине грот-мачты – царский вымпел. По волнам

гавани сновало гораздо больше джонок и сампанов, чем обычно.

Внимательно осмотрев остальные корабли, он повернулся к берегу; запах моря приятно смешивался с запахами суши. Он отметил какое-то оживление рядом с Глессинг Пойнтом; на Куинз Роуд было полно европейцев, сопровождаемых толпами нищих. Ему показалось, что Тай Пинь Шан заметно увеличился в размерах.

Над покинутой факторией «Благородного Дома» плескался на ветру «Лев и Дракон», осеняя безжизненную пустоту Счастливой Долины.

– Четыре румба вправо!

– Есть, есть, сэр-р, – пропел рулевой.

Струан, с привычной ловкостью поставил свой корабль борт о борт с «Отдыхающим Облаком». Он натянул через голову рубашку и отправился на плавучий склад.

– Доброе утро, – произнес при его виде капитан Орлов. Он слишком хорошо знал Тай-Пэна, чтобы спрашивать, где тот пропадал столько времени.

– Доброе утро. Вы подняли «Зенит». Почему?

– Приказ твоего сына.

– Где он?

– На берегу.

– Пожалуйста, доставь его на борт.

– За ним послали сразу же, как только ты появился в гавани.

– Тогда почему его до сих пор здесь нет?

– Могу я теперь получить назад свой корабль? Клянусь Тором, Зеленые Глаза, мне до смерти надоело быть капитаном на подхвате. Пусть уж я буду чайным капитаном или опиумным капитаном, а то разреши мне провести мой корабль в Арктику. Я знаю полсотни мест, где можно взять груз пушнины – это принесет еще больше растреклятого серебра в твои сундуки. Видишь, я прошу совсем немногого.

– Ты нужен мне здесь. – Струан усмехнулся, чувствуя, как груз лет упал с его плеч.

– Тебе-то что не смеяться, клянусь крайней плотью Одина! – Лицо Орлова сложилось в неповторимую, только ему свойственную ухмылку. – Ты-то ходил в море, а я торчал здесь на приколе. Ты выглядишь как бог, Зеленые Глаза. Тебе встретился шторм? Тайфун? И почему у меня новый грот, и фор-бом-брамсель, и крюйсель, и бом-кливер? Везде новые фалы, леера и гитовы. Почему, а? Ты что, вырвал сердце у моего красавца, чтобы очистить свою душу?

– Что за пушнина, капитан?

– Котик, соболь, норка – ты только скажи, какая нужна, я любую достану, пока смогу сказать: «Катись к чертям с моего корабля» каждому, даже тебе.

– В октябре пойдешь на север. Один. Этого тебе довольно? Пушнина для Китая, а?

Орлов пристально посмотрел на Струана снизу вверх и в тот же миг понял, что ни на какой север в октябре он не пойдет. Он едва заметно вздрогнул, ненавидя этот свой провидческий дар, который давно стал его проклятьем. Что же случится со мной между июнем и октябрем?

– Могу я теперь получить свой корабль назад? Да или нет, клянусь Богом? Октябрь – месяц плохой, и до него еще далеко. Могу я получить свой корабль назад сейчас, да или нет?

– Да.

Орлов перепрыгнул через борт и твердо встал на юте «Китайского Облака».

– Отдать носовой, – прокричал он, потом махнул рукой Струану и восторженно захохотал во весь голос. Клипер отошел от плавучего склада и ловко проскользнул на свою штормовую стоянку напротив Счастливой Долины.

Струан спустился вниз, в каюты Мэй-мэй. Она еще спала глубоким сном. Он

приказал А Сам не будить ее, добавив, что вернется попозже. Струан прошел в свою собственную каюту палубой выше, вымылся, побрился и переоделся. Лим Дин принес яйца, фрукты и чай.

Дверь каюты распахнулась, и в комнату влетел Кулум.

– Где ты был? – скороговоркой начал он с порога. – У нас тысяча незавершенных дел, да еще к тому же сегодня земельная распродажа. Мог бы, по крайней мере, предупредить меня, прежде чем исчезать вот так. Туг все бурлит, как в жерле вулкана, и...

– Ты разве не приучен стучаться, прежде чем войти, Кулум?

– О, конечно, но я так спешил. Прости меня.

– Садись. Что за тысяча дел? – спросил Струан. – Помнится, ты говорил, что сам мог бы со всем справиться.

– Тай-Пэн ты, а не я, – ответил Кулум.

– Верно. Но, предположим, я бы не вернулся сегодня, что бы ты стал делать?

Кулум нерешительно помолчал несколько секунд.

– Пошел бы на распродажу. Купил землю.

– А ты договорился с Броком относительно тех участков, за которые мы не будем торговаться друг против друга?

Кулум чувствовал себя неуютно под взглядом отца.

– Ну-у, некоторым образом. Я заключил предварительное соглашение. Оставив последнее слово за тобой. – Он достал карту и разложил ее на столе. Место для нового города выбрали вокруг Глессинг Пойнта, в двух милях западнее Счастливой Долины. Ровный участок, удобный для строительства, был зажат со всех сторон горами и имел едва полмили в ширину, протянувшись от берега вглубь еще на полмили. Тай Пинь Шан нависал над будущим городом с востока, препятствуя расширению его в этом направлении. – Вот здесь отмечены все участки. Я выбрал 8 и 9. Горт сказал, что им нужны 14 и 21.

– А с Тайлером ты говорил об этом?

– Да.

Струан взглянул на карту:

– Зачем было выбирать два соседних участка?

– Ну, я ничего не понимаю в земле, в строительстве факторий и причалов, поэтому я обратился за советом к Джорджу Глессингу. И к Варгашу. Потом, тайно, поговорил с Гордоном Ченом. И...

– Почему вдруг с Гордоном?

– Не знаю. Просто я подумал, что это была удачная мысль. Он кажется мне очень разумным.

– Продолжай.

– Ну так вот, все они согласились, что лучшими из прибрежных участков являются 8, 9, 10, 14 и 21. Гордон предложил взять два рядом на тот случай, если мы будем расширяться; тогда один причал сможет обслуживать сразу две фактории. По совету Глессинга я дал капитану Орлову поручение тайно промерить глубину у берега. Он сказал, что там хорошее скалистое дно, но у берега мелковато. Нам придется отвоевать часть земли у моря и протянуть причал довольно далеко вперед.

– Какие из городских участков ты выбрал?

Кулум, нервничая, показал их на карте.

– Гордон посчитал, что нам следует торговаться за землю вот здесь. Это... ну-у, это холм, и... я думаю, это было бы прекрасное место для Большого Дома компании.

Струан встал из-за стола, подошел к окнам и посмотрел на холм в бинокль. Холм располагался западнее Тай Пинь Шана на противоположной от него стороне будущего города.

– Нам придется строить туда дорогу, а?

– Варгаш сказал, что если бы мы смогли приобрести городские участки 9А и 15В, мы бы получили... кажется, он назвал это «сервитут» или как-то еще в этом роде, и это защитило бы нашу собственность. Впоследствии мы могли бы построить на этих участках дома и сдавать их в аренду по своему желанию. Или перепродать.

– Ты обсуждал это с Броком?

– Нет.

– С Тесс?

– Да.

– Зачем?

– Безо всякой причины. Мне просто нравится разговаривать с ней. Мы о многом беседуем.

– Разговор с ней на подобную тему таит в себе опасность. Нравится тебе это или нет, но ты устроил ей испытание.

– Что?

– Если Горт или Брок станут торговаться за участки 9А и 15В, ты будешь знать, что ей нельзя доверять. Без этих дополнительных участков приобретение холма связано с огромным риском.

– Она никому ничего не скажет, – воинственно возразил Кулум. – Мы говорили наедине, и все останется между нами. Может быть, Брокам просто придет в голову та же мысль, что и нам. Только то, что они будут торговаться против нас на распродаже, еще ничего не докажет.

Струан испытующе посмотрел на него. Потом сказал:

– Выпьешь чаю или чего-нибудь покрепче?

– Спасибо, чаю. – Ладони рук у Кулума сделались липкими. А что если Тесс в самом деле рассказала обо всем Броку или Горту, спрашивал он себя. – Где ты был столько дней?

– Какие еще дела ждут решений?

Кулум с трудом заставил себя сосредоточиться.

– Мы получили много почты, и для тебя, и для дяди Робба. Я не знал, что с нею делать, поэтому убрал все в сейф. Потом Варгаш и Гордон Чен подсчитали наши затраты в Счастливой Долине, и я... ну... я расписался за серебро. Лонгстафф заплатил всем торговцам до единого, как ты и говорил. Я расписался и все пересчитал. И еще одно: вчера на корабле Сергеева сюда прибыл человек из Англии. Некто Роджер Блор. Он сказал, что сел на русский корабль в Сингапуре. Ему нужно срочно тебя видеть. Мне он не стал говорить, что у него за дело, однако... ну, в общем, я разместил его на малом плавучем складе. Кто он такой?

– Не знаю, парень, – задумчиво ответил Струан. Он позвонил в колокольчик, стоявший на столе, и в каюту вошел стюард. Струан распорядился, чтобы за Блором послали катер.

– Что еще, дружок?

– Накопилась целая гора заказов на строительные материалы и корабельную оснастку. Потом, нам нужно заказывать новые партии опиума – и еще Бог знает сколько всего.

Струан покрутил в руке свою чашку.

– Брок уже дал тебе ответ?

– Сегодня последний день. Он пригласил меня вечером на «Белую Ведьму».

– По Тесс, по ее поведению, никак нельзя судить о том, к какому решению он пришел?

– Нет.

– А по Горту?

Кулум вновь покачал головой.

– Они завтра уезжают в Макао. Все, кроме Брока. Я получил приглашение ехать

с ними.

– Ты поедешь?

– Теперь, когда ты вернулся, мне бы очень хотелось. На неделю – если он скажет, что мы можем пожениться скоро. – Кулум отпил несколько глотков из своей чашки. – Нужно будет присмотреть мебель и... ну, вообще много всего такого.

– Вы встречались с Сузой?

– О да, как ты договорился. Участок чудесный, и планы уже готовы. Даже не знаю, как нам тебя благодарить. Мы тут подумали... видишь ли, Суза рассказал нам об отдельной комнате для ванны и туалета, которую ты устроил в своем доме. Мы... ну, мы попросили его сделать и нам такую же.

Струан предложил ему сигару и поднес спичку.

– Как долго ты бы ждал, Кулум?

– Не понимаю.

– Моего возвращения. Море могло поглотить меня.

– Только не тебя, Тай-Пэн.

– Когда-нибудь это может случиться – и случится. – Струан выпустил тонкую струйку дыма и посмотрел, как она поднялась к потолку и растаяла в воздухе. – Если я когда-либо исчезну вновь, не предупредив тебя о том, куда я отправляюсь, жди меня сорок дней. Не больше. Это будет означать, что я или мертв, или не вернусь.

– Очень хорошо. – Кулум пытался сообразить, к чему клонит отец. – Почему ты уехал вот так вдруг?

– А почему ты разговариваешь с Тесс?

– Это не ответ.

– Что еще произошло за то время, пока меня не было?

Кулум отчаянно пытался понять отца и не мог. Он питал к нему большее уважение, чем раньше, но сыновней любви уже не испытывал. В течение этой недели они с Тесс проводили за разговорами долгие часы, и он открыл в ней необыкновенную глубину. Они много говорили о своих отцах, пытаясь постичь этих людей, которых любили, боялись, а иногда и ненавидели больше всего на свете, но к которым устремлялись при малейшей опасности.

– Фрегаты вернулись с Кимоя.

– И что же?

– Они потопили и сожгли от пятидесяти до ста джонок. И больших и маленьких. И уничтожили три пиратских деревни на берегу. Может быть, они пустили ко дну By Квока, может быть, нет.

– Думаю, очень скоро мы это узнаем.

– Позавчера я побывал в твоем доме в Счастливой Долине. Сторожа... ну, ты знаешь, что на ночь там теперь никто не остается... так что, боюсь, в него вломились и сильно разграбили.

Струан спросил себя, добрались ли воры до тайного сейфа под кроватью в его спальне.

– Есть какие-нибудь хорошие новости?

– Аристотель Квэнс сбежал из Гонконга.

– О?

– Да. Миссис Квэнс отказывается в это верить, но все – вернее, почти все – видели его на корабле, том самом, который повез домой тетю Сару. Ты слышал о Джордже и Мэри Синклер? Они собираются пожениться. Это хорошо, хотя Горацио ужасно всем этим расстроен. Но и тут, однако, не все ладно. Мы только что получили известие, что Мэри очень больна.

– Малярия?

– Нет. Какая-то особенная нутряная хворь, приключившаяся с ней в Макао. Все это очень странно. Джордж вчера получил письмо от матери-настоятельницы

католического ордена сестер-утешительниц. Бедняга переживает смертельно! Разве можно доверять этим паписткам.

– Что пишет мать-настоятельница?

– Только то, что она сочла своим долгом оповестить о болезни ближайших родственников Мэри. И что Мэри попросила ее написать Джорджу.

Струан нахмурился.

– Почему, черт побери, она не пошла в больницу к нашим миссионерам? И почему ничего не сообщила Горацио?

– Не знаю.

– Ты рассказал Горацио об этом?

– Нет.

– Как ты думаешь, а Глессинг стал бы это делать?

– Сомневаюсь. Похоже, они друг друга теперь вообще не выносят.

– Тебе лучше отправиться с Броками и выяснить, что с ней.

– Я подумал, что ты, наверное, захочешь получить вести из первых рук, поэтому я вчера отправил туда с лоркой сына Варгаша – Иезуша. Бедный Джордж не добился у Лонгстаффа увольнительной, так что я решил заодно помочь и ему тоже.

Струан налил им еще чаю и посмотрел на Кулума с новым уважением.

– Молодец.

– Ну, я же знаю, что она почти твоя воспитанница.

– Это верно.

– Кроме этого, остается, пожалуй, упомянуть лишь то, что несколько дней назад было проведено расследование того происшествия с великим князем. Суд присяжных решил, что это был несчастный случай.

– А сам ты как думаешь?

– Ну, конечно. А ты разве думаешь иначе?

– Ты навещал Сергеева?

– По меньшей мере один раз в день. Он, разумеется, присутствовал на дознании, и... и говорил про тебя много хорошего. Как ты помог ему, спас ему жизнь и все такое. Сергеев никого не стал винить и заявил, что написал об этом в своем донесении государю. Он объявил при всех, что считает себя обязанным тебе жизнью. Скиннер подготовил специальный выпуск «Ориэнтл Тайме», посвященный расследованию. Я сохранил его для тебя. – Кулум протянул отцу газету. – Не удивлюсь, если ты удостоишься высочайшей благодарности от самого царя.

– Как Сергеев себя чувствует?

– Он уже ходит, но нога в бедре пока не сгибается. Мне кажется, он очень страдает, хотя я ни разу не слышал от него ни одной жалобы. Он говорит, что не сможет больше ездить верхом.

– Но чувствует он себя хорошо?

– Настолько хорошо, насколько может чувствовать себя человек, который безумно, страстно любит верховую езду.

Струан подошел к буфету и налил два бокала шерри. Мальчик изменился, подумал он. Да, очень изменился. Я горжусь своим сыном.

Кулум принял бокал, его отрешенный взгляд опустился на вино и застыл.

– Твое здоровье, Кулум. Ты справился прекрасно.

– Твое здоровье, отец. – Кулум специально выбрал это слово.

– Спасибо.

– Не благодари меня. Я хочу быть Тай-Пэном «Благородного Дома». Очень хочу. Но я не желаю торопить тот день, когда смогу надеть ботинки покойника.

– Я никогда так и не думал, – резко заметил Струан.

– Да, но я всерьез рассматривал такой вариант. И теперь я доподлинно знаю, что эта мысль мне не по душе.

Как, спросил себя Струан, мог мой сын сказать такое вслух и с таким спокойствием.

– Ты сильно переменился за последние несколько недель.

– Наверное, я начинаю узнавать себя. Это главным образом заслуга Тесс... ну и то, что я остался один на эти семь дней. Я вдруг понял, что пока не готов остаться один.

– А Горт разделяет твое мнение о ботинках покойника?

– Я не могу отвечать за Горта, Тай-Пэн. Я отвечаю только за себя. Я знаю лишь то, что ты в большинстве случаев оказываешься прав, что я люблю Тесс и что ты идешь против всего, во что веришь, чтобы помочь мне.

Струану вновь вспомнились слова Сары.

Он задумчиво поднес к губам свой бокал с шерри.

Роджеру Блору на вид было лет двадцать с небольшим; его лицо выдавало огромное нервное напряжение, глаза смотрели настороженно. Одет он был в дорогой костюм, но материя кое-где протерлась до ниток; и его невысокая фигура выглядела сильно исхудалой. У него были темно-русые волосы и голубые глаза, в которых читалась глубокая усталость.

– Пожалуйста, присаживайтесь, мистер Блор, – предложил Струан. – Я хочу знать, чем вызвана вся эта таинственность. И почему вы непременно решили говорить со мной наедине?

Блор остался стоять.

– Вы Дирк Локлин Струан, сэр?

Струан был удивлен. Лишь очень немногим было известно его второе имя.

– Да. А кем могли бы оказаться вы сами?

Ни лицо, ни имя молодого человека ничего не говорили Струану. Но выговор у него был правильный – Итон, Харроу или Чартерхаус[19].

– Могу я взглянуть на вашу левую ногу, сэр? – вежливо спросил юноша.

– Смерть господня! Ах ты, нахальный щенок! Давай выкладывай, что у тебя есть, или убирайся отсюда!

– Ваше раздражение совершенно оправдано, мистер Струан. Пятьдесят против одного, что вы действительно Тай-Пэн. Даже сто против одного. Но я должен быть уверен, что вы тот человек, за которого себя выдаете.

– Зачем?

– Затем, что я имею информацию для Дирка Локлина Струана, Тай-Пэна. «Благородного Дома», чья левая ступня наполовину срезана пулей, – информацию огромной важности.

– От кого?

– От моего отца.

– Мне не знакомо ни ваше имя, ни имя вашего отца, а, видит Бог, у меня хорошая память на имена!

– Роджер Блор не мое имя, сэр. Это всего лишь псевдоним, взятый мною для безопасности. Мой отец – член парламента. Я почти уверен, что вы Тай-Пэн. Но прежде чем я передам вам его информацию, я должен быть уверен абсолютно.

Струан вытащил кинжал из-за правого голенища и поднял левый сапог.

– Снимай, – произнес он с угрозой. – И если твоя информация не окажется «огромной важности», я распишусь на твоем лбу вот этим пером.

– Тогда, я полагаю, я ставлю на карту свою жизнь. Жизнь за жизнь.

Он стянул сапог, облегченно вздохнул и бессильно опустился на стул.

– Меня зовут Ричард Кросс. Мой отец – сэр Чарльз Кросс, член парламента от

---

[19] «Итон, Харроу или Чартерхаус» – названия самых престижных частных школ в Англии.

Чалфонг Сэйнт Джайлса.

Струан встречался с сэром Чарльзом дважды, несколько лет назад. В то время сэр Чарльз был мелким деревенским сквайром без всяких средств. Горячий поборник свободной торговли, он понимал важность торговли с Азией и пользовался уважением в парламенте. Все эти годы Струан поддерживал его деньгами и ни разу не пожалел об этом. Речь, должно быть, пойдет о ратификации, нетерпеливо подумал он.

– Почему ты сразу этого не сказал?

Кросс устало потер глаза.

– Простите, могу я попросить у вас чего-нибудь выпить?

– Грог, бренди, шерри – наливай сам, не стесняйся.

– Благодарю вас, сэр. – Кросс налил себе бренди. – Спасибо. Еще раз простите, но я... э-э, я немного устал. Отец сказал, чтобы я был крайне осторожен, взял себе псевдоним. Говорил только с вами или, в случае вашей смерти, с Роббом Струаном. – Он расстегнул рубашку и распорол мешочек, который носил подвязанным вокруг талии. – Отец прислал вам вот это. – Юноша протянул Струану засаленный конверт с толстыми печатями и опять сел.

Струан взял письмо Оно было адресовано ему, на конверте стояла дата: 29 апреля, Лондон. Он вскинул глаза и проскрежетал:

– Ты лжешь! Невозможно, чтобы ты добрался сюда так быстро. Письмо было написано всего шестьдесят дней назад.

– Так и есть, сэр, – весело ответил Кросс. – Я совершил невозможное. – Он нервно рассмеялся. – Отец, наверное, до конца своих дней не простит мне этого.

– Никогда еще ни один человек не проделывал такой путь за шестьдесят дней... Хорошо бы послушать твой рассказ.

– Я выехал во вторник, 29 апреля. Почтовый дилижанс от Лондона до Дувра. Успел на пакетбот до Кале – в последнюю минуту. Оттуда дилижансом до Парижа, потом еще одним – до Марселя. Там каким-то чудом, уже в последнюю секунду, вспрыгнул на борт французского пакетбота до Александрии. Дальше – посуху до Суэца; тут помогли чиновники Мехмета Али – отец однажды встречался с ним – и затем, в последний миг, пакетбот до Бомбея. В Бомбее я застрял на целых три дня и уже начал покрываться плесенью, когда мне вдруг сказочно повезло. Я купил место на опиумном клипере до Калькутты. Затем...

– Что за клипер?

– «Летучая Ведьма» компании «Брок и сыновья».

– Продолжай, – сказал Струан, изумленно подняв брови.

– Затем – корабль Ост-Индской Компании до Сингапура. «Князь Бомбея». Дальше – неудача: ни одно судно не собиралось идти на Гонконг в течение нескольких ближайших недель. Потом – огромная удача. Мне удалось уговорить русского капитана взять меня на свой корабль. Вон тот, – показал Кросс в кормовое окно. – Это была моя самая рискованная затея за все путешествие, но это был и мой последний шанс. Я отдал капитану все гинеи, какие у меня оставались, все до последней. Заплатил вперед. Я думал, что едва мы выйдем в море, они обязательно перережут мне горло и выбросят за борт, но это была моя последняя надежда. Так что вот, сэр, пятьдесят девять дней – от Лондона до Гонконга.

Струан встал, налил Кроссу еще бренди и плеснул себе добрых полбокала. Да, это возможно, решил он про себя. Маловероятно, но возможно.

– Ты знаешь, что в этом письме?

– Нет, сэр. То есть, я знаю ту его часть, которая касается меня.

– И о чем же в ней говорится?

– Отец пишет, что я никчемный, беспутный игрок, помешанный к тому же на лошадях, – сказал Кросс с обезоруживающей прямотой. – Что у Ньюгейтской тюрьмы

имеется ордер на мой арест за неуплату долгов. Что он вверяет меня вашему великодушию и надеется, что вы сможете найти какое-нибудь применение моим «талантам» – все что угодно, лишь бы держать меня подальше от Англии и от него до конца его жизни. И далее он оговаривает условия нашего пари.

– Какого пари?

– Я прибыл вчера, сэр. 28 июня. Ваш сын и многие другие подтвердят это. Возможно, вам следует все же прочесть письмо, сэр. Я могу заверить вас, что отец никогда не стал бы заключать со мною пари, если бы речь не шла об известиях чрезвычайной важности.

Струан еще раз внимательно осмотрел печати и сломал их. Письмо гласило:

"Вестминстер, 11 часов вечера, 28 апреля, 41 г. Мой дорогой мистер Струан. Я только что тайно ознакомился с содержанием депеши министра иностранных дел лорда Каннингтона достопочтенному Уильяму Лонгстаффу, полномочному посланнику Ее Величества в Азии. Депеша, помимо прочего, гласит следующее: «Вы проигнорировали и нарушили мои указания, которые, видимо, представляются вам лишь пустыми словами. Для меня совершенно очевидно, что вы намерены устраивать дела правительства Ее Величества по собственной прихоти. Вы дерзко пренебрегли инструкциями, которые предписывали вам открыть для британских торговых интересов пять или шесть портов на материковом побережье Китая и наладить в них на постоянной основе военные, торговые, административные и дипломатические связи, что этого следует добиваться без промедления, предпочтительно путем переговоров, но если таковые невозможны, то с использованием армии и флота, каковые и были направлены вам именно для этой цели и ценою значительных затрат. Вместо этого вы ограничиваетесь жалкой скалой, почти необитаемой, и абсолютно неприемлемым договором, и в то же время – если верить донесениям армии и флота – постоянно используете не по назначению вооруженные силы Ее Величества, находящиеся в вашем распоряжении. Ни при каких обстоятельствах Гонконг не сможет стать центром торговли с Азией – не больше, чем таковым стал Макао. Договор Чуэн-пи отвергается безоговорочно. Ваш преемник, сэр Клайд Уэйлен, прибывает в Азию в самом скором времени, мой дорогой сэр. Возможно, вы будете настолько любезны, что передадите свои полномочия вашему помощнику, мистеру К. Монсею, сразу же по получении настоящего послания и незамедлительно покинете Азию на фрегате, специально отряженном для этой цели. Я жду вас в своем кабинете в ближайшее удобное для вас время».

Я ума не приложу, что делать..."

Невозможно! Невозможно, чтобы они могли совершить такую чудовищную, в Господа-Бога-мать-растреклятую, невероятно глупую ошибку, думал Струан. Он вернулся к письму: "Я ума не приложу, что делать. Я ничего не могу предпринять до тех пор, пока эта информация не будет официально представлена в палате. Я не смею открыто воспользоваться сведениями, полученными мною из секретных источников. Каннингтон тут же потребует мою голову, и я навсегда буду отлучен от политики. Даже то, что я пишу вам все это на бумаге, дает моим противникам – а у кого из политиков их мало? – возможность уничтожить меня и вместе со мной всех тех, кто выступает за свободу торговли и те принципы, которые вы столь преданно защищали все эти годы. Я молю Бога, чтобы мой сын передал письмо только в ваши руки. (Он, кстати, ничего не знает о его содержании.)

Как вам известно, министр иностранных дел человек по натуре властный, он не признает ничьих суждений, кроме своих собственных, и является столпом нашей партии вигов. Его отношение к происходящему, как видно из депеши, совершенно однозначно. Боюсь, что Гонконг теперь стал безнадежным делом. И, если только правительство не потерпит поражения на выборах и консерваторы сэра Роберта

Пила не придут к власти – вещь, я бы сказал, невозможная в обозримом будущем, – Гонконг, скорее всего, так и останется безнадежным делом.

Новость о закрытии вашего банка распространилась во внутренних кругах Сити – чему немало способствовали ваши конкуренты, возглавляемые молодым Морганом Броком. «Под большим секретом» Морган Брок намеренно сеял всюду зерна недоверия, намекая, помимо прочего, что Брокам теперь принадлежат если не все, то большая часть выданных вами векселей, и это крайне сильно подорвало ваше влияние здесь. Кроме этого, почти одновременно с донесением Лонгстаффа, содержавшим «Договор Чуэн-пи», прибыло письмо, подписанное Броком и некоторыми другими торговцами, яростно выступавшими против Гонконга и против того, как Лонгстафф вел боевые действия. Письмо было адресовано премьер-министру, министру иностранных дел, с копиями их противникам – которых, как вы понимаете, у них предостаточно.

Зная, что вы, вероятно, вложите весь остаток своих средств, если таковые найдутся, в этот остров, столь дорогой вашему сердцу, я пишу это письмо, чтобы дать вам возможность заблаговременно забрать свои вклады и спасти от катастрофы то, что еще можно спасти. Может статься, вам удалось каким-то образом договориться с Броком – я всей душой уповаю на это – хотя, если верить высокомерным заявлениям Моргана Брока, единственное, что может удовлетворить их, это полное уничтожение вашего торгового дома. (У меня есть все основания полагать, что это неожиданное наступление на ваш банк начали Морган Брок и группа заинтересованных банкиров с континента – по слухам, французских и русских. Континентальная группа предложила этот план, когда к ним каким-то образом просочилась информация о международной финансовой структуре, которую задумал мистер Робб Струан. Они разорили ваш банк в обмен на половинное участие в аналогичном проекте, который сейчас пытается осуществить Морган Брок.)

Мне очень жаль, что я приношу вам такие скверные новости. Я делаю это с добрыми намерениями, надеясь, что эта информация окажется для вас полезной, что вы сумеете выстоять, чтобы продолжить свою борьбу. Я по-прежнему считаю, что ваш план в отношении Гонконга является правильным. И я намерен продолжать попытки к его осуществлению.

Я мало что могу сказать о сэре Клайде Уэйлене, новом капитан-суперинтенданте торговли. Он достойно служил в Индии и имеет репутацию отличного солдата. Насколько я могу судить, как администратор он из себя ничего не представляет. Как я понял, он отплывает в Азию завтра; таким образом, его прибытия следует ожидать скоро.

И последнее. Я препровождаю к вам моего младшего сына. Это законченный бездельник и повеса, позор нашей семьи, его единственная цель в жизни – играть, предпочтительно на скачках. Ньюгейтская тюрьма имеет ордер на его арест за неуплату по векселю. Я сказал ему, что – в последний раз – оплачу его долги здесь, если он немедленно отправится в это опасное путешествие. Он согласился, поставив условием, что если он совершит невозможное и доберется до Гонконга меньше чем за шестьдесят пять дней – половину обычного срока – я дам ему тысячу гиней, с которыми он сможет поступать, как ему заблагорассудится.

Чтобы обеспечить максимально быструю доставку этого письма, я пообещал ему пять тысяч гиней, если он уложится в шестьдесят пять дней, с вычетом пятисот гиней за каждый день сверх этого срока – все это при условии, что ноги его не будет в Англии, пока я жив. Эти деньги должны выплачиваться ему по пятисот гиней в год, пока не иссякнут. Я прилагаю к письму чек на первую выплату. Пожалуйста, сообщите мне с обратной почтой о дате его прибытия.

Если вы сможете найти какое-нибудь применение его «талантам» и направлять его в жизни, вы заслужите вечную признательность отца. Я попытался, да поможет

Господь и мне, и ему, но у меня ничего не получилось. Хотя я очень люблю его.

Я выражаю вам свое искреннее сочувствие по поводу постигших вас неудач. Передайте мои наилучшие пожелания мистеру Роббу, и я заканчиваю в надежде, что удостоюсь радости увидеть вас лично при более благоприятных обстоятельствах. Имею честь быть вашим, сэр, покорнейшим слугой, Чарльз Кросс".

Струан поднял глаза на гавань и на остров. Он вспомнил о кресте, который поджег на нем в первый день. И о двадцати золотых гинеях Брока. Вспомнил оставшиеся три половинки монет Дзин-куа. И те лаки серебра, которые должны быть вложены от имени кого-то, кто однажды придет и предъявит ему некую печать. Теперь весь пот, весь труд, все замыслы, все смерти оказались напрасными. Из-за тупого высокомерия одного-единственного человека: лорда Каннингтона.

Господи всеблагой и милосердный, что же мне теперь делать?

Струан преодолел шок, который вызвало у него это известие, и заставил себя думать. Министр иностранных дел обладал блестящим умом. Он не стал бы с легкостью отвергать Гонконг. Должна быть какая-то причина. Какая? И как я смогу направлять Уэйлена? Как вписать в наше будущее «отличного солдата и никудышного администратора»?

Может быть, мне не стоит покупать сегодня землю. Пусть остальные торговцы покупают, и черт с ними. Брок будет разорен вместе со всеми, поскольку Уэйлен и все новости прибудут не раньше чем через месяц, а то и больше. К тому времени они по самое горло увязнут в лихорадочном строительстве. Да, это выход. И когда новость станет известна всем, мы вернемся в Макао – или в один из тех портов, которые Уэйлен вытребует по договору, – а все остальные окажутся без гроша. Или понесут очень крупные убытки. Вот так. Но если я мог получить эту информацию, ее может получить и Брок. Поэтому его, возможно, обмануть и не удастся. Возможно.

Да. Но этот путь приведет к тому, что ты потеряешь ключ к Азии: этот жалкий, голый островок, без которого все открытые порты и все наше будущее здесь лишаются всякого смысла.

Другой путь заключается в том, чтобы вложить деньги в землю и начать строиться, рассчитывая, что Уэйлена – как и Лонгстаффа – можно будет убедить превысить свои полномочия, – другими словами, вступить в открытое противоборство с самим лордом Каннингтоном. Вложить все богатство «Благородного Дома» в новый город. Рискнуть. Сделать Гонконг процветающим. Так, чтобы правительство было вынуждено признать и принять новую колонию.

Это смертельно опасно. Ты не в состоянии навязывать свои условия Короне. Риск велик, ужасно велик. Но и в этом случае выбора у тебя нет. Тебе придется сыграть даже по таким ставкам.

Это напомнило ему о юном Кроссе. Толковый парень, ничего не скажешь. Как я могу его использовать? Как мне заставить его помалкивать о своем фантастическом путешествии? Н-да, и что я могу сделать для того, чтобы Гонконг произвел на Уэйлена благоприятное впечатление? И как мне подобраться поближе к Каннингтону? Как сохранить договор в таком виде, в каком он мне нужен?..

– Что ж, мистер Кросс, вы проделали впечатляющий вояж. Кому известно, сколько времени он у вас занял?

– Только вам, сэр.

– Тогда держите это при себе.

Струан написал что-то на листе бумаги.

– Вы передадите это моему старшему клерку. Кросс прочел записку.

– Вы выдаете мне все пять тысяч гиней сразу?

– Я выдаю их на имя Роджера Блора. Думаю, вам следует сохранить его – во всяком случае, на какое-то время.

– Очень хорошо, сэр. Отныне я Роджер Блор. – Он поднялся. – Я вам пока

больше не нужен, мистер Струан?

– Вы хотите получить работу, мистер Блор?

– Боюсь, что есть... видите ли, мистер Струан, я уже переменял их с десяток, но ни разу у меня не выходило ничего путного. Отец перепробовал все, что можно, и... ну... я обречен – возможно, это предопределено свыше – оставаться тем, что я есть. Мне очень жаль, но вы бы лишь попусту растратили благие намерения.

– Я готов поставить пять тысяч гиней на то, что вы примете работу, которую я вам предложу.

Юноша знал, что выиграет это пари. Не существовало такой работы – что бы ни предложил ему Тай-Пэн – на которую он бы согласился.

Но не спеши, одернул он себя. Перед тобой не тот человек, с кем можно шутить в таких вещах, и пари с ним дело не пустяшное. Эти дьявольски спокойные глаза ничего не выражают. Не хотел бы я увидеть их напротив себя за покерным столом. Или играя в баккара. Будь осторожен, Ричард Кросс Роджер Блор. Этот человек получает со своих должников все до последнего цента.

– Ну, мистер Блор? Где ваша смелость? Или на поверку вы вовсе не такой игрок, каким притворяетесь?

– В этих пяти тысячах гиней вся моя жизнь, сэр. Последняя ставка, которая у меня есть.

– Ну, так поставьте свою жизнь, клянусь Богом!

– Вы не рискуете своей, сэр. Поэтому заклад неравноценен. Для вас такая сумма – капля в море. Давайте уравняем ставки. Дайте мне сто к одному.

Струана восхитила беззастенчивость молодого человека.

– Прекрасно. Ваши условия приняты, мистер Блор. Как перед Богом. – Он протянул руку, и Блор внутренне содрогнулся, потому что рассчитывал, что, запросив такую ставку, он сразу же положит конец этому спору. Не соглашайся, глупец, твердил он себе. Пятьсот тысяч гиней!

Он пожал протянутую руку.

– Секретарь Жокей-клуба Гонконга, – сказал Струан.

– Что?!

– Мы только что основали жокей-клуб. Вы – его секретарь. Ваша работа – найти лошадей. Разметить скаковой круг. Заложить здание клуба. Основать самую богатую, самую лучшую конюшню скаковых лошадей в Азии. Такую же, как Эйнтри или любая другая в мире. Кто выиграл, парень?

Блору отчаянно захотелось облегчиться. Ради всех святых, сосредоточься, кричал он себе.

– Скаковой круг?

– Ну да. Вы его заложите, будете им заведовать: лошадьми, тотализатором, стойками, призами, ставками – одним словом, всем. Начиная с сегодняшнего дня.

– Но, Господи Иисусе, где вы собираетесь брать лошадей?

– А где вы станете брать лошадей?

– Австралия, клянусь Богом, – вырвалось у Блора, – я слышал, у них там лошадей полным-полно! – Он порывисто сунул Струану банковский чек и испустил ликующий вопль: – Мистер Струан, вы не пожалеете об этом. – Он повернулся и ринулся к двери.

– Куда вы направляетесь? – осведомился Струан.

– В Австралию, конечно.

– Почему бы вам сначала не повидать нашего генерала?

– А?

– Я, кажется, припоминаю, что у них есть какая-то кавалерия. Попросите несколько лошадей взаймы. Я думаю, вы смогли бы устроить первые заезды уже в следующую субботу.

– Думаете, смог бы?

– Вполне. Суббота – подходящий день для скачек. И Индия ближе, чем Австралия. Я отправлю вас туда с первым же кораблем.

– Отправите?

Струан улыбнулся.

– Да. – Он протянул ему назад подписанный чек. – Пять сотен – это ваша премия за первый год сверх вашего годичного жалованья в пятьсот гиней, мистер Блор. Остальное пойдет на учреждение призов для первых четырех или пяти скачек. Я бы предложил восемь заездов по пять лошадей каждую вторую субботу.

– Благослови вас Бог, мистер Струан.

Струан остался один. Он чиркнул спичкой и стал смотреть, как пламя пожирает письмо сэра Чарльза. Раздавив обуглившиеся листы в пепельнице, он спустился вниз. Мэй-мэй все еще лежала в постели, но была заново расчесана и выглядела прелестно.

– Хейа, Тай-Пэн, – приветствовала она его, сопроводив слова легким поцелуем, после чего продолжала обмахиваться веером. – Я благословенно рада опять тебя видеть. Я хочу, чтобы ты купил мне небольшой кусок земли, потому что я решила заняться бизнисом.

– Каким именно бизнесом? – спросил он, несколько задетый таким небрежным приемом, но вместе с тем довольный, что она приняла его внезапный отъезд и возвращение без всяких вопросов и без истерики.

– Увидишь, не беспокойся. Но мне нужно немного тэйлов, чтобы начать. Я плачу десять процентов интереса, что оч-чень первоклассно. Сто тэйлов. Ты будешь моим «спящим» компаньоном.

Он протянул руку и положил ладонь ей на грудь.

– Кстати, раз уж речь зашла о «спящем» компаньоне, у меня есть...

Она отстранила его руку.

– Сначала бизнис, потом спящение. Ты купишь мне землю и дашь мне взаймы тэйлы?

– Сначала спящение, потом бизнес!

– Ай-йа, в такой жаркоте? – спросила она со смешком. – Очень хорошо. Это уж-жасно плохо изнурять себя в такой жаркоте – у тебя рубашка уже прилипла к спине. Однако пошли, ладно. – Она послушно направилась к двери в спальню, но он удержал ее.

– Я просто дразнил тебя. Как ты себя чувствуешь? Малыш сильно тебя беспокоит?

– Нет, конечно. Я очень заботливая мать и я ем только очень особенную пищу, чтобы сын рос во мне здоровым и сильным. И я думаю только воинственные мысли, чтобы он был храбрым, как Тай-Пэн.

– Сколько тэйлов тебе нужно?

– Сто. Я же уже говорила. Разве у тебя ушев нет? Ты сегодня уж-жасно странный, Тай-Пэн. Да. Определенно очень странный. Ты случайно не больной, нет? Получил плохие известия? Или просто устал?

– Просто устал. Сто тэйлов, конечно. А что все-таки за «бизнис»?

Она возбужденно хлопнула в ладоши и села за стол.

– О, увидишь. Я много думала с тех пор, как ты уехал. Что я для тебя делаю? Даю любовь и направляю тебя – и то, и другое, конечно, уж-жасно хорошо, но этого недостаточно. Поэтому теперь я буду делать и тэйлы тоже для тебя, и для моей старости. – Она опять рассмеялась, и ее смех согрел ему душу. – Но только на варварах. Я сделаю целые состояния... о, ты будешь думать, что я очень мудреная.

– Так не говорят.

– Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать. – Она обняла его. – Хочешь

делать любовь сейчас?

– Через час начинается распродажа участков.

– Верно. Тогда тебе лучше переодеться и поспешить назад на берег. Маленький участок на Куинз Роуд. Но я плачу за аренду не больше десяти тэйлов в год! Ты принес мне подарок?

– Что?

– Ну, это хороший обычай, – сказала она с невинным видом, – что когда мужчина покидает свою женщину, он потом привозит ей подарок. Нефриты. Всякие другие вещи.

– Нефритов не обещаю. Но в следующий раз я буду более внимателен.

Она пожала плечами.

– Хороший обычай. Твоя старая бедная Мать очень в бедности. Мы кушаем позже, хейа?

– Да. – Слруан поднялся в свои апартаменты палубой выше.

Лим Дин склонился в поклоне:

– Ванна оч-чень холодный, одинаково, масса. Твоя хо-чит?

– Да.

Струан снял взмокшую одежду, лег в ванну и попробовал спокойно перебрать в уме и взвесить все последствия того решения, о котором сообщил ему сэр Чарльз. Злость на Каннингтона, на его глупость едва не задушила его. Он вытерся насухо и оделся во все свежее, но через несколько минут рубашка опять стала влажной от пота.

Лучше мне сесть и обстоятельно все обдумать, решил он. Пусть Кулум сам займется землей. Я готов жизнью поклясться, что Тесс рассказала отцу про его планы относительно холма. Может быть, Кулум попадет в ловушку, и они постараются взвинтить цену. Парень неплохо справился с делами в мое отсутствие, я должен доверять его способности справиться и с такой ситуацией.

Поэтому он послал Кулуму распоряжение участвовать в аукционе от имени «Благородного Дома», а также приобрести небольшой, но хороший участок на Куинз Роуд. И он известил Горацио о болезни Мэри, предоставив в его распоряжение лорку, которая немедленно доставит его в Макао.

Затем он сел в глубокое кожаное кресло, устремил взгляд через окно на остров и погрузился в раздумье.

Кулум купил прибрежные и городские участки, гордясь тем, что выступает от имени «Благородного Дома» и приобретает еще большее лицо. Многие спрашивали его, где Тай-Пэн сейчас – и где он пропадал целую неделю, – но Кулум лишь раздраженно отвечал, что не имеет об этом ни малейшего понятия, продолжая изображать враждебность, которой уже не испытывал.

Он купил холм – и те участки, которые оправдывали это приобретение, – и с облегчением отметил, что Броки не торговались против него, доказав тем самым, что Тесс можно доверять. Но и в этом случае он решил быть впредь осмотрительнее и больше не ставить ее в ложное положение. Опасно, подумал он, быть слишком откровенным, когда это касается чего-то, что известно тебе одному. Опасно и для нее, и для него. Взять, например, то, что сама мысль о ней, мимолетнейшее прикосновение к ней сводили его с ума, наполняя безумным желанием. Об этом он никогда бы не смог заговорить с ней или со своим отцом – только с Гортом, который понимал его: «Да, Кулум, дружище. Мне ты можешь об этом не рассказывать. Это ужасная боль, ужасная. Такая, что порой и ходить-то нельзя. Да... и справиться с ней дьявольски трудно. Но не волнуйся, парень. Мы с тобой приятели, и я все понимаю. Надо, чтобы между нами все было начистоту, без недомолвок. И это ужасно опасно для тебя – жить вот так, как монах. Да. Хуже того, все это оборачивается сплошными бедами в будущем, и даже еще хуже... я слышал, из-за этого потом рождается

нездоровое потомство. Боль у тебя в животе – это предупреждение от Бога. Да... эта боль будет сосать из мужчины силы всю его жизнь, и это святая правда, да поможет мне Господь! Но ты не волнуйся – я знаю в Макао одно место. Не волнуйся, старина».

И хотя Кулум не верил в душе тем предрассудкам, о которых распространялся Горт, боли, не прекращавшиеся ни днем, ни ночью, лишали его воли противостоять желанию. Он жаждал облегчения. Но даже и так, поклялся он, если Брок согласится, чтобы мы поженились в будущем месяце, я не пойду в публичный дом. Не пойду!

На закате Кулум и Струан отправились на «Белую Ведьму». Брок ждал их на квартердеке, Горт стоял рядом с отцом. Вечер был прохладным и приятным.

– Я принял решение насчет твоей женитьбы, Кулум, – сказал Брок. – Следующий месяц был бы против приличий. Следующий год, вероятно, подошел бы лучше всего. Но через три месяца Тесс исполняется семнадцать лет, и в этот день, десятого числа, вы можете пожениться.

– Благодарю вас, мистер Брок, – проговорил Кулум. – Благодарю вас.

Брок с ухмылкой посмотрел на Струана.

– Это тебя устраивает, Дирк?

– Тут решаешь ты, Тайлер, а не я. Но по мне так три месяца или два ничем не отличаются от одного. Я по-прежнему за следующий месяц.

– Сентябрь тебе подходит, Кулум? Как я сказал? Будь откровенен, парень.

– Да. Конечно. Я надеялся, но... в общем, да, мистер Брок. – Кулум дал себе клятву, что будет ждать эти три месяца. Но в глубине души знал, что не сможет ее сдержать.

– Ну, тогда и делу конец.

– И то, – откликнулся Струан. – Три месяца, так три месяца. – Да, повторил он про себя, значит три месяца… Ты только что подписал смертный приговор, Тайлер. Может быть, даже два.

– И еще, Дирк... может, ты завтра найдешь для меня время? Мы могли бы обговорить приданое и еще целую кучу всего.

– В полдень?

– Идет. В полдень. А теперь, я думаю, нам пора присоединиться к дамам внизу. Ты останешься ужинать, Дирк?

– Благодарю, но у меня еще есть кое-какие дела.

– Например, скачки, а? Приходится признать, ты это здорово придумал. Выписав из дома этого Блора, ты никак не прогадал. Парень прямо горит этим делом. Последний заезд на каждых скачках будет проводиться на приз Броков. Мы выделяем призовые деньги.

– Да. Я уже слышал об этом. Гонконгу подобает иметь лучший ипподром в Азии.

Блор сделал свое объявление на распродаже. Лонгстафф согласился стать первым президентом нового жокей-клуба. Ежегодный взнос для его членов был установлен в десять гиней, и каждый европеец на острове тут же записался. Теперь Блора осаждали желающие скакать на лошадях, которых генерал согласился ему предоставить.

– Ты умеешь ездить верхом, Дирк?

– Умею. Но в скачках никогда не участвовал.

– Я тоже. Так, может, нам стоит попробовать, а? Ты ездишь верхом, Кулум?

– О, да. Только большого опыта у меня нет. Горт хлопнул его по спине.

– Мы можем раздобыть лошадей в Макао, Кулум, поупражняться немного. Кто знает, может, мы когда-нибудь рискнем потягаться с нашими с тобой Па, а?

Кулум натянуто улыбнулся.

– Это, кстати, вполне осуществимо, Горт, – заметил Струан. – Ну что же, спокойной ночи. Увидимся завтра в полдень, Тайлер.

– Да. До свидания, Дирк. Струан ушел.

За столом Кулум всячески пытался смягчить ту неприязнь, которая установилась в последнее время между Гортом и Броком. Он с удивлением отмечал про себя, что они нравятся ему оба и он видит их обоих насквозь: он понимал, почему Горт так хочет быть Тай-Пэном и почему Брок ни за что не уступит своего места, даже на время. И, странная вещь, он чувствовал себя в этом мудрее Горта. Хотя, собственно, не такая уж и странная, подумал он. Ведь Горта не оставляли вот так одного сразу на семь долгих дней, взвалив на его плечи всю ответственность за компанию. В тот день, когда Тесс станет моей женой, я выброшу двадцать соверенов Брока. Будет неправильно, если я стану хранить их и дальше. Что бы ни случилось, мы все начнем заново. Всего лишь три месяца. О Господи, благодарю тебя.

После ужина Кулум и Тесс поднялись на палубу. При виде мириада звезд над головой у обоих перехватило дыхание. Они стояли, взявшись за руки и изнывая от желания. Кулум легко коснулся ее губ в первом осторожном поцелуе, и Тесс вспомнила грубый поцелуй Нагрека, и огонь, разгоравшийся под его руками, и боль, которую она испытала – даже не боль, а мучительное наслаждение, воспоминания о котором всегда заставляли ее чувствовать себя родившейся заново. Она была рада, что скоро сможет загасить огонь, сжигавший ее изнутри. Всего три месяца – потом блаженство и покой.

Они вернулись в пропахшую потом каюту внизу, и, после того как Кулум ушел, она легла в свою постель. Ее страстно влекло к нему, и она заплакала. Потому что знала, что Нагрек тогда прикоснулся к ней так, как должен был прикасаться только Кулум, и что она должна сохранить это от своего возлюбленного в вечном секрете. Но как? О, моя любовь, моя любовь...

– А я повторяю, Па, это была ошибка, – говорил Горт в главной каюте, стараясь, чтобы его голос звучал тихо. – Ужасная ошибка!

Брок с треском поставил кружку на стол, и пиво выплеснулось на скатерть и на пол.

– Таково мое решение, Горт, и довольно об этом. Они обвенчаются в сентябре.

– И не торговаться за холм тоже было ошибкой. Этот дьявол опять обошел нас на шаг, клянусь Богом.

– Пораскинь мозгами, Горт! – прошипел Брок. – Сделай мы это, молодой Кулум знал бы наверняка, что Тесс в своем простодушии рассказывает мне, о чем они беседуют, а о чем – нет. Этот пригорок ничего не значит. Может быть, в следующий раз она скажет нам что-то такое, что позволит враз выпустить Дирку кишки, а только это мне и нужно знать, остальное меня не интересует. – Брок презирал и ненавидел себя за то, что выслушивал Тесс и использовал ни чего не подозревавшую дочь, чтобы шпионить за Кулумом, превращая ее в инструмент своей борьбы против Дирка Струана. Но еще сильнее он ненавидел Горта и доверял ему теперь меньше, чем когда-либо. Потому что понимал: Горт прав. Больше всего на свете он желал видеть Тесс счастливой, и сознание правоты Горта делало его опасным. Подумать только, плод поганых чресел Струана соединится с его обожаемой Тесс! – Господом клянусь, я убью Кулума, если хоть волос упадет с ее головы, – проговорил он, и голос его был страшен.

– Зачем тогда, во имя всего святого, разрешать Кулуму жениться на ней так быстро? Конечно, он будет тиранить ее и станет использовать против нас.

– А с чего это ты вдруг передумал, а? – вскипел Брок. – Ты же горой был за этот брак… прямо из кожи лез.

– Я и сейчас за него, но, черт побери, не через три месяца. Это все испортит.

– Почему?

– Конечно, испортит. Когда я предложил их поженить, Робб был жив, так? Тай-Пэн тогда собирался уезжать этим летом навсегда, и Тай-Пэном стал бы Робб – а через год после него Кулум. Все это правда. Они поженились бы на будущий год, и

все устроилось бы чудесно. Но теперь Тай-Пэн останется. А раз ты согласился, чтобы они поженились через три месяца, он заберет у тебя Тесс и опять настроит Кулума против нас. Так что, я думаю, теперь он вообще никогда не уедет. Уж по крайней мере, пока ты Тай-Пэн «Брока и Сыновей»!

– Он ни за что не покинет Азию, что бы он ни говорил Кулуму. Или Роббу. Я знаю Дирка.

– А я знаю тебя!

– Когда он уедет – или умрет, – уеду и я.

– Тогда ему самая пора отправляться на тот свет.

– Тебе лучше запастись терпением.

– Я терпелив, Па. – Торт едва не рассказал Броку о той мести, которую он задумал против Струана – через Кулума – в Макао. Но он не сделал этого. Его отец был больше озабочен счастьем Тесс, чем желанием стать Тай-Пэном «Благородного Дома». Старик уже не обладал той необходимой, не ведающей сомнений безжалостностью, которой Струану было не занимать и которая одна позволяла человеку быть Тай-Пэном. – Вспомни, Па: он перехитрил тебя с серебром, с их домом на холме, с этой женитьбой, даже с балом. Тесс – твое слабое место, – все больше распалялся он. – Он знал это и подцепил тебя на этот крюк; он поманил тебя неверным огоньком, и ты идешь теперь прямо на скалы.

– Нет. Нет! Я знаю, что делаю, – ответил Брок, сдерживаясь, чтобы не раскричаться. Вены у него на висках вздулись, став похожими на узлы на кошке-девятихвостке. – И я уже предупреждал тебя: не охотиться за этим дьяволом в одиночку. Он отрежет тебе то, что у тебя между ног, и скормит тебе же в два счета. Я знаю это исчадие ада!

– Конечно, знаешь, Па, кто же спорит?! – Горт уловил запах старости, исходивший от отца, и впервые почувствовал, что действительно может сокрушить его в схватке один на один. – Поэтому убирайся с дороги и предоставь мужчине делать мужскую работу, клянусь Богом!

Брок вскочил на ноги, и его кресло с грохотом опрокинулось на пол. Горт стоял и ждал, когда рука отца метнется к ножу, зная, что отныне и навсегда он может позволить себе ждать, ибо до конца измерил его силу.

Брок ясно видел, что это его последняя возможность подчинить себе Горта. Если он не выхватит сейчас нож – для него все кончено. Если же выхватит – ему придется убить Горта. Он знал, что сможет сделать это, но уже лишь хитростью, не силой. Горт – твой сын, твой старший сын, повторял он про себя. Он тебе не враг.

– Нехорошо это, – медленно проговорил он, подавляя в себе желание убить. – Нехорошо это, что у нас... у нас с тобой... вот так все. Нет, клянусь Богом. Говорю тебе в последний раз: оставь его в покое или предстанешь перед Создателем до срока.

Горта захлестнула горячая волна ликования: он победил.

– Только йосс поможет нам справиться со всем этим. – Он повернулся и ногой отшвырнул стул с дороги. – Я еду на берег.

Брок остался один. Он осушил до дна свою кружку, потом еще одну и еще. Лиза открыла дверь, но он не заметил ее, и она оставила его наедине с его выпивкой и, улегшись в постель, помолилась за счастливый исход предстоящего брака. И за своего мужа.

Горт отправился на берег. В дом миссис Фортерингилл.

– Я больше не хочу иметь с вами дел, мистер Брок, – сказала она. – Последняя девушка была избита просто зверски.

– Что тебе до этой мартышки, старая ведьма? Вот! – Горт швырнул на стол двадцать золотых соверенов. – И вот еще столько же, чтобы ты не раскрывала свою пасть.

Она дала ему молодую девушку-хакка и проводила в подвал в самой глубине дома.

Горт надругался над девушкой, со звериной жестокостью исхлестал ее кнутом и оставил умирать.

На следующий день он отплыл на «Белой Ведьме» в Макао, лежавший в сорока милях к юго-западу. Все Броки собрались на борту, кроме главы семейства. Кулум тоже стоял на юте, он держал Тесс под руку.

Глава 2

Через пять дней наступил день скачек.

И за это время было заложено основание нового города. Следуя примеру «Благородного Дома», торговцы задействовали для бесконечного рытья, подноски, возведения стен все силы и все умение обитателей Тай Пинь Шана. Они не скупясь вкладывали назад в землю то серебро, которое выдал им Лонгстафф. Изготовители кирпича в Макао и поставщики строевого леса из Квантуна, а вместе с ними все те, кто были так или иначе связаны со строительством домов, факторий и причалов, стали работать и днем и ночью, чтобы удовлетворить безудержное стремление торговцев как можно быстрее восстановить все, что им пришлось оставить в долине. Рабочая сила обходилась дороже едва ли не с каждым днем.

Рабочих рук не хватало, – один только «Благородный Дом» использовал три тысячи каменщиков, строителей и мастеровых разных профессий, – хотя с каждым приливом на остров прибывали все новые и новые партии китайцев. Они быстро находили хорошо оплачиваемую работу.

Тай Пинь Шан раздался вширь еще больше. Воздух вокруг Глессинг Пойнта пульсировал от несмолкающего шума.

Скачки пришлись на четырнадцатый день после того, как Струан и Мэй-Мэй покинули свой дом в Счастливой Долине и перебрались на «Отдыхающее Облако».

– Ты что-то неважно выглядишь, девочка, – встревоженно заметил Струан. – Лучше тебе сегодня остаться в постели.

– Наверное, я так и сделаю, – ответила Мэй-мэй. Она беспокойно спала всю ночь, и с утра у нее начали болеть голова, шея и спина. – Это пустяки, не волнуйся. Ты выглядишь уж-жасно хорошо.

– Спасибо. – Струан надел новый костюм, который заказал специально к открытию скачек. Темно-зеленый сюртук для верховой езды из тончайшей, самой лучшей шерсти. Белые тиковые брюки со стрелкой, подтянутые штрипками к коротким сапогам из мягкой кожи. Жилет из бледно-желтого Кашмира, зеленый галстук.

Мэй-мэй повела плечами, прогоняя боль, и А Сам поправила подушку, чтобы ей было удобнее.

– Это всего лишь летний демон. Я пошлю за доктором. Ты сейчас едешь на берег?

– Да. Скачки начнутся через час. Думаю, мне лучше прислать к тебе нашего врача, девочка. Он...

– Я пошлю за доктором. Китайским доктором. И конченный разговор. А пока не забудь: двадцать тэйлов на лошадь номер четыре в четвертом заезде. Астролог сказал, что это абсолютно верная победительница.

– Не забуду. – Струан потрепал ее по щеке. – Ты главное отдыхай.

– Когда я выиграю, я буду чувствовать себя фантастически лучше, хейа? Ну, иди теперь.

Он подоткнул одеяло со всех сторон, позаботился, чтобы Мэй-мэй принесли свежий чай и наполнили горячей водой керамическую бутылку для ее спины. Потом

отправился на берег.

На скаковом кругу, размеченном к западу от Глессинг Пойнта, было буквально не протолкнуться от желающих посмотреть на скачки. Часть берега рядом с шестом, который отмечал сразу и стартовую и финишную черту, была оцеплена кордоном солдат, отделявшим европейцев от толп любопытных китайцев, теснившихся вокруг. В разных частях ипподрома были поставлены палатки. За эти пять дней здесь успели выстроить паддок и стойки тотализатора. Флажки на бамбуковых шестах отмечали овал скаковой дорожки.

Играли все безудержно. Генри Харди Хиббс оказался самым удачливым букмекером, собрав у себя наибольшее число клиентов.

– Делайте ваши ставки, джентльмены, – гнусаво покрикивал он, шлепая рукой по крашеной доске, на которую мелом заносил котировку лошадей. – Майор Трент – на черного жеребца по кличке Сатана, фаворита в первом заезде. Ставки поровну. Остальные лошади идут три к одному!

– Черт бы тебя побрал, Хиббс, – раздраженно бросил Глессинг, оплывая потом на несносной жаре. – Три к одному для всех остальных означает, что ты в любом случае останешься в выигрыше. Дай мне шесть к одному на серую кобылу. Ставлю гинею!

Хиббс бросил косой взгляд на доску и хрипло зашептал:

– Для вас, капитан, сэр, пусть будет пять. Одна гинея. На Мэри Джейн.

Глессинг отвернулся. Он весь кипел от негодования, что он не в Макао и что обещанное Кулумом письмо все еще не прибыло. О Господи, думал он, изнывая от тревоги, прошло уже столько времени, я должен был бы получить от него известие. Какого дьявола, чем можно объяснить такую задержку? Хотел бы я знать, что сейчас делает этот мерзавец Горацио. Неужели он опять взялся ее пилить?

Он угрюмо побрел вниз к паддоку и увидел стоящих вместе Струана и Сергеева, но в эту минуту к ним присоединился Лонгстафф, и он, не останавливаясь, прошел мимо.

– На кого вы поставили, ваше высочество? – с веселым видом спросил Лонгстафф у князя.

– На мерина, – ответил Сергеев, опираясь на трость. Всеобщее возбуждение и запах лошадей взбодрили его, и постоянная боль в бедре мучила его сейчас гораздо меньше. Он было пожалел, что не может сам сесть в седло, но тут же благословил судьбу за то, что вообще пережил такую рану. И вместе с судьбой благословил Струана. Он знал, что без операции Тай-Пэна он был бы уже мертв.

– Ла-ла, ваше высочество, – пропела Шевон, приближаясь к ним под руку с Джеффом Купером. Она была одета в поблескивающее зеленое платье, от солнца ее защищал оранжевый зонтик. – Вы посоветуете мне что-нибудь? – Она одарила их всех улыбкой. В особенности Струана.

– Если говорить о лошадях, то лучше всех вот этот мерин, но кто лучший наездник, я не знаю, Шевон, – ответил Сергеев.

Шевон взглянула на большого каурого коня, его шерсть блестела, он возбужденно поводил глазами.

– Да, – сказала она, и в глазах ее сверкнули озорные искорки. – Бедная лошадка! Если бы я была лошадью и все это делали со мной, клянусь, я бы не ступила вперед ни шагу. Ни для кого! Это варварство!

Они рассмеялись вместе с ней.

– Вы ставите на мерина, Тай-Пэн?

– Не знаю, – сказал он, волнуясь за Мэй-мэй. – Мне как-то больше по душе вон та молодая кобылка. Но окончательный выбор, я, наверное, сделаю, когда они встанут на линию.

Шевон на мгновение задержала на нем испытующий взгляд, пытаясь понять, не

говорит ли он загадками.

– Давайте рассмотрим ее поближе, – предложил Джефф с принужденным смешком.

– В самом деле, Джефф, дорогой, почему бы вам не пойти и не посмотреть? Я останусь здесь и подожду вас.

– Я пойду с вами, – сказал Лонгстафф, не замечая раздражения, промелькнувшего на лице американца. Купер раздумывал секунду-другую, потом они вместе отошли.

Брок вежливо приподнял шляпу, проходя мимо Шевон, Струана и Сергеева, но задерживаться не стал. Он был рад, что Струан решил не участвовать в скачках, поскольку сам он ездить верхом не любил и вызов, брошенный им вчера Струану, сорвался у него с языка непроизвольно. Будь этот дьявол проклят во веки вечные, привычно подумал он.

– Как ваша рана, ваше высочество? – спросила Шевон.

– Прекрасно. Я почти что снова здоров благодаря Тай-Пэну.

– О, я здесь ни при чем, – ответил Струан, смущенный похвалой великого князя. Внизу у паддока он заметил Блора, увлеченно беседующего о чем-то со Скиннером. Интересно, подумал он, не ошибся ли я, поставив на этого парня.

– Скромность вам к лицу, сэр, – сказала Шевон Струану, грациозно приседая перед ним в коротком реверансе. – Noblesse oblige[20], кажется, так это звучит?

Струан заметил, что Сергеев смотрит на девушку с открытым восхищением.

– У вас прекрасный корабль, ваше высочество.

Русская бригантина водоизмещением в восемьсот тонн несла четыре мачты. И много пушек.

– Я почту за честь предоставить капитану возможность показать его вам, – ответил Сергеев. – Возможно, мы могли бы поговорить с вами о... его отдельных качествах более подробно. Когда вы будете готовы.

– Благодарю вас, я с удовольствием принимаю ваше приглашение. – Струан собирался продолжить разговор, но в этот момент к ним подлетел Блор, весь в пыли и запыхавшийся.

– Мы почти готовы начать, Тай-Пэн... вы выглядите потрясающе, мисс Тиллман... добрый день, ваше высочество, – выпалил он единым духом. – Все ставьте свои деньги на четвертый номер в четвертом заезде, решил скакать на ней сам... ах да, Тай-Пэн, я проверил жеребца вчера вечером. Он взял мундштук, так что мы вполне можем использовать его в следующих скачках... Ваше высочество, позвольте мне проводить вас на ваше место, вы открываете первый заезд.

– В самом деле?

– Разве его превосходительство не говорил с вами об этом? Черт по... я хочу сказать, вы бы не согласились это сделать? – Никогда в жизни Блор столько не работал, и никогда еще это не доставляло ему такого удовольствия. – Пожалуйста, пойдемте, я провожу вас. – Он торопливо повел Сергеева сквозь толпу.

– Приятный молодой человек этот Блор, – заметила Шевон, радуясь, что наконец осталась наедине со Струаном. – Где вы отыскали его?

– Он сам отыскал меня, – ответил Струан. – И я рад этому. – Его внимание вдруг привлекла перебранка возле одной из палаток. Несколько солдат из оцепления выталкивали за линию какого-то китайца. Большая круглая шляпа свалилась с его головы – и вместе с нею длинная косичка. Это был Аристотель Квэнс. – Извините, я оставлю вас на секунду, – пробормотал Струан. Он торопливо подошел к солдатам и встал перед маленьким человечком, прикрывая его своим огромным телом: – Все в

---

[20] Noblesse oblige – благородство обязывает (фр.).

порядке, ребята, это мой друг!

Солдаты пожали плечами и отошли.

– О, чугунные тестикулы Громовержца, Тай-Пэн, – задыхаясь, проговорил Квэнс, поправляя на себе одежду. – Ты подоспел как раз вовремя. Храни тебя Господь!

Струан нахлобучил шляпу ему на голову и увлек его за полог палатки.

– Какого дьявола ты здесь делаешь? – прошептал он.

– Я должен был увидеть скачки, клянусь Богом. – Квэнс поправил шляпу так, чтобы косичка падала на спину. – И еще мне нужно поговорить с тобой.

– Сейчас не время! Морин где-то здесь в толпе.

Квэнс съежился.

– Господи, спаси и сохрани!

– Вот-вот, хотя зачем Ему это делать, я не представляю. Исчезай, пока тебя никто не видел. Я слышал, она заказала билеты домой на следующую неделю. Если она заподозрит... в общем, сам будешь выкручиваться!

– Только первый заезд, Тай-Пэн? – взмолился Квэнс. – Прошу тебя. И у меня есть для тебя кое-что важное.

– Что?

Квэнс рассказал пораженному Струану о том, что Горт сделал с проституткой.

– Чудовищно! Бедная девочка при смерти. Горт сумасшедший, Тай-Пэн. Просто сумасшедший.

– Дай мне знать, если девушка умрет. Тогда мы... ладно, мне еще предстоит подумать о том, что мы предпримем. Спасибо, Аристотель. А теперь тебе лучше исчезнуть, пока еще есть возможность.

– Только первый заезд? Пожалуйста, ради всего святого! Ты не понимаешь, что это значит для бедного старика.

Струан огляделся вокруг. Шевон подчеркнуто не замечала их. Он увидел проходившего мимо Глессинга.

– Капитан!

Когда Глессинг узнал Квэнса, глаза у него полезли на лоб.

– Клянусь Юпитером! А я-то думал, что ты давно в открытом море!

– Окажите мне услугу, хорошо? – быстро заговорил Струан. – Миссис Квэнс стоит сейчас у большого шеста. Не согласились бы вы побыть с Аристотелем, не попадаясь ей на глаза? Лучше всего отвести его вон туда. – Струан указал на теснившихся сбоку от ипподрома китайцев. – Пусть он посмотрит первый заезд, потом отведите его домой.

– Ну, конечно. Господи, Аристотель, я рад тебя видеть, – Глессинг повернулся к Струану: – Вы не получали вестей от Кулума? Я ужасно беспокоюсь за мисс Синклер.

– Нет. Но я поручил Кулуму навестить ее сразу же, как только он приедет. Письмо может прийти в любую минуту. Я уверен, с ней все в порядке.

– Надеюсь, что так. Да, вот только куда же мне проводить Аристотеля после заезда?

– К миссис Фортерингилл.

– Вот это да! И как там внутри, Аристотель? – спросил Глессинг, не в силах сдержать своего любопытства.

– Ужасающе, мой мальчик, до смерти ужасающе. – Квэнс схватил его за руку, и голос его сразу как-то осел. – Я не могу там глаз сомкнуть, и пища отвратительная. Ничего, кроме куэнтуса на завтрак, обед, к чаю и на ужин. Ты не можешь одолжить мне несколько гиней, Тай-Пэн?

Струан возмущенно фыркнул и отошел.

– Что такое «куэнтус», Аристотель?

– Это... э... ну, вроде каши.

Струан вернулся к Шевон.

– Это ваш друг, Тай-Пэн?

– Есть друзья, которых замечать не политично, Шевон.

Она легонько стукнула его по руке веером.

– Совершенно излишне напоминать мне о политике, Дирк. Я скучала по вам, – нежно добавила она.

– Вот как, – сказал он, сознавая, что жениться на Шевон было бы легко и очень разумно. Но невозможно. Из-за Мэй-мэй. – Почему вы хотите, чтобы вас написали обнаженной? – неожиданно спросил он и по выражению ее глаз тут же понял, что его догадка была верна.

– Это Аристотель вам сказал? – Ее голос звучал ровно.

– Господи милостивый, нет. Он никогда бы этого не сделал. Но несколько месяцев назад он решил подразнить нас. Сказал, что получил новый заказ. На обнаженную натуру. Так почему же?

Она вспыхнула, прикрылась веером и рассмеялась.

– Гойя написал портрет герцогини Альбы. Дважды, если не ошибаюсь. Она стала знаменитой на весь свет.

Его глаза весело прищурились.

– Вы воплощенный демон зла, Шевон. Вы действительно позволили ему... э-э... ознакомиться с предметом?

– Это было его высокое право художника. Мы обсуждали идею двух портретов. Вы не одобряете?

– Держу пари, что ваш дядюшка – и отец – подпрыгнули бы до небес, узнай они об этом или попади эти портреты в дурные руки.

– А вы бы приобрели их, Тай-Пэн?

– Чтобы спрятать?

– Чтобы наслаждаться.

– Вы необычная девушка, Шевон.

– Возможно, я просто презираю лицемерие. – Она пристально посмотрела на него. – Как и вы.

– Да. Но вы живете в мире мужчин, и некоторые вещи вам просто нельзя делать.

– Существует так много «некоторых» вещей, которые я бы очень хотела сделать. – Раздались приветственные крики, и лошадей вывели для парада. Шевон приняла окончательное решение: – Наверное, я покину Азию. Не позже чем через два месяца.

– Это звучит почти как угроза.

– Нет, Тай-Пэн. Я просто влюблена – но влюблена и в жизнь тоже. И я согласна с вами: ставку нужно делать, когда все участники заезда стоят на линии. – Она стала обмахиваться веером, молясь про себя, чтобы риск, на который она пошла, оправдал себя. – Кого вы выбираете?

Он не повернул головы, чтобы посмотреть на лошадей.

– Все ту же молодую кобылу, Шевон, – сказал он.

– Как ее имя? – спросила она.

– Мэй-мэй, – произнес он, глаза его струили нежность. Ее веер замер на мгновение, потом размеренные покачивания возобновились.

– Заезд не проигран, пока победитель не утвержден судьей и не увенчан гирляндой.

Она улыбнулась и зашагала прочь с высоко поднятой головой, более прекрасная, чем когда-либо.

Молодая кобыла проиграла заезд. На каких-то полголовы. Но проиграла.

– Ты так скоро вернулся, Тай-Пэн? – чуть слышно произнесла Мэй-мэй.

– Да. Скачки мне надоели, и я беспокоился за тебя.

– Я выиграла?

Он покачал головой.

Она улыбнулась и вздохнула.

– Ну и ладно, не беда. – Белки ее глаз стали красными, золотистая кожа лица посерела изнутри.

– Доктор приходил?

– Нет еще. – Мэй-мэй повернулась на бок, поджав ноги, но легче ей от этого не стало. Она убрала подушку, но и это не помогло, поэтому она подтянула ее обратно. – Твоя бедная старая Мать просто стареет, – проговорила она с вымученной улыбкой.

– Где у тебя болит?

– Нигде, везде. Мне надо хорошо выспаться, и все пройдет, не беспокойся.

Он помассировал ей шею и спину, гоня от себя мысли о самом страшном. Он распорядился приготовить свежий чай и легкую пищу и постарался уговорить ее поесть, но у нее совсем не было аппетита.

На закате в комнату вошла А Сам, она приблизилась к Мэй-мэй и сказала ей несколько слов.

– Пришел врач. И Гордон Чен, – перевела Мэй-мэй Струану.

– Хорошо! – Струан поднялся на ноги и потянулся всем телом, затекшим от долгого сидения.

А Сам подошла к ящичку, в котором хранились драгоценности, и достала оттуда маленькую статуэтку из слоновой кости. Статуэтка изображала лежащую на боку обнаженную женщину. К огромному удивлению Струана, Мэй-мэй показала на различные части крошечной фигурки и потом долго что-то говорила А Сам. Когда она закончила, А Сам кивнула и вышла; озадаченный Струан последовал за ней.

Врач оказался уже пожилым человеком. Его длинная косичка была тщательно умащена, длинный древний халат протерся до ниток. У него были удивительно ясные глаза; несколько длинных волосков росли из бородавки на щеке. На тыльной стороне тонких рук выделялись набухшие синие вены, пальцы были длинными и тонкими.

– Прошу прощения, Тай-Пэн, – сказал Гордон и поклонился вместе со стариком. – Это Ки Фа Тан, лучший целитель в Тай Пинь Шане. Мы пришли сразу, как только смогли.

– Благодарю вас. Прошу вас, проходите сю... – он замолчал, увидев, что А Сам подошла к доктору, низко поклонилась и протянула ему статуэтку, отметив те самые ее части, которые указала ей Мэй-мэй. Сейчас она пространно отвечала на вопросы старика.

– Что это он, черт возьми, делает?

– Ставит диагноз, – ответил Гордон Чен, внимательно слушая А Сам и доктора.

– По статуэтке?

– Да. Было бы неприлично, если бы он стал осматривать саму госпожу без особой надобности, Тай-Пэн. А Сам объясняет ему, где госпожа чувствует боли. Пожалуйста, запаситесь терпением, я уверен, это лишь легкое недомогание.

Доктор молча созерцал маленькую фигурку. Наконец он поднял глаза на Гордона и что-то тихо сказал.

– Он говорит, что это не простой диагноз. С вашего разрешения, он хотел бы осмотреть госпожу.

Сгорая от нетерпения, Струан проводил их в спальню.

Мэй-мэй опустила полог кровати. Отделенная от них полупрозрачной тканью, она лежала на широкой постели едва различимой тенью.

Врач прошел к кровати, встал сбоку от Мэй-мэй и опять погрузился в молчание. Через несколько минут он тихо проговорил несколько слов. Левая рука Мэй-мэй послушно высунулась из-под полога. Старик взял ее в свои руки и пристально

рассмотрел. Потом положил пальцы на пульс и закрыл глаза. Пальцы начали легонько постукивать по коже.

Шли минуты. Пальцы все так же медленно постукивали по ее руке, словно ища что-то, что было невозможно найти.

– Что он делает теперь? – спросил Струан.

– Слушает ее пульс, сэр, – шепотом ответил Гордон. – Мы должны стоять очень тихо. В каждой кисти есть девять пульсов. Три на поверхности, три немного ниже и три в самой глубине. Они скажут ему о причине болезни. Прошу вас, Тай-Пэн, будьте терпеливы. Слушать пальцами невероятно трудно.

Мерное постукивание продолжалось. Это был единственный звук в каюте. А Сам и Гордон Чен не отрываясь следили за доктором, завороженные. Струан беспокойно пошевелился, но не издал ни звука. Доктор словно погрузился в какой-то мистический транс. Потом постукивание вдруг прекратилось, и доктор, будто схватив наконец долгое время ускользавшую жертву, сильно надавил пальцами. В течение минуты он стоял неподвижно, как статуя. Потом он опустил ее кисть на покрывало, и Мэй-мэй молча протянула ему правую руку. Процедура повторилась.

И опять после многих минут томительного ожидания постукивание внезапно оборвалось.

Доктор открыл глаза, вздохнул и положил руку Мэй-мэй на покрывало. Он сделал знак Гордону Чену и Струану следовать за ним и вышел из каюты.

Гордон закрыл за ними дверь. Врач засмеялся тихим нервным смехом и начал говорить спокойно и быстро.

Глаза Гордона широко раскрылись.

– В чем дело? – резко спросил Струан.

– Я не знал, что Мать носит ребенка, Тай-Пэн. – Гордон повернулся к доктору и задал новый вопрос. Старый китаец говорил долго. Потом наступило молчание.

– Ну, что он сказал, черт возьми?

Гордон посмотрел на него, безуспешно пытаясь сохранить спокойный вид.

– Он говорит, что Мать очень больна, Тай-Пэн. Что яд проник в ее кровь через нижние конечности. Этот яд собрался в печени, и печень теперь... – он замолчал, подыскивая слово, – ...разладилась. Скоро наступит лихорадка, плохая лихорадка. Очень плохая лихорадка. Потом пройдут три или четыре дня, и снова лихорадка. И снова опять.

– Малярия? Лихорадка Счастливой Долины?

Гордон повернулся к старику и перевел вопрос Струана.

– Он говорит, да.

– Все знают, что малярию вызывают ночные газы – никакой не яд, проникший через кожу, клянусь Богом, – рявкнул Гордону Струан. – Она не была там уже несколько недель!

Гордон пожал плечами.

– Я лишь передаю вам его слова, Тай-Пэн. Я не доктор. Но этому доктору я бы поверил… думаю, вам следует доверять его словам.

– Как он собирается вылечить ее?

Гордон расспросил старика.

– Он говорит следующее, Тай-Пэн: «Я вылечил несколько человек из тех, кто страдал от яда Счастливой Долины. Все выздоровевшие были сильными мужчинами, они приняли некое лекарство перед третьим приступом лихорадки. Но теперь болеет женщина, и, хотя ей двадцать первый год, она сильна, и дух ее подобен огню, вся ее сила уходит в ребенка, который уже шесть месяцев зреет в ее чреве». – Гордон встревоженно замолчал. – Он опасается за госпожу и за ребенка.

– Скажи ему, пусть пошлет за этим лекарством и начнет лечить ее прямо сейчас. Не дожидаясь приступа.

– В этом вся беда. Он не может этого сделать, сэр. У него больше не осталось такого лекарства.

– Тогда скажи, пусть достанет сколько нужно, клянусь Богом!

– На Гонконге его нет, Тай-Пэн. Он в этом уверен. Лицо Струана потемнело.

– Хоть сколько-нибудь, но должно быть. Скажи ему, пусть достанет – я заплачу любую цену.

– Но, Тай-Пэн, он...

– Кровь господня, скажи ему!

Последовал быстрый обмен фразами на китайском.

– Он говорит, что на Гонконге лекарства больше нет. Что его не найти ни в Макао, ни в Кантоне. Что это лекарство изготовляют из коры очень редкого дерева, которое растет где-то в Южных Морях или в землях по ту сторону океана. То малое количество, которое у него было, перешло к нему от отца, тоже целителя, который в свою очередь получил его от своего отца. – Гордон беспомощно добавил: – Он говорит, он совершенно уверен в том, что лекарства не осталось совсем.

– Двадцать тысяч тэйлов серебром, если она выздоровеет.

Глаза Гордона широко раскрылись. Он подумал мгновение, потом быстро проговорил что-то врачу. Они оба поклонились и заторопились к двери.

Струан достал носовой платок, отер пот с лица и вернулся в спальню.

– Хейа, Тай-Пэн, – сказала Мэй-мэй; голос ее звучал совсем слабо. – Какой у меня йосс?

– Они ушли за лекарством, которое вернет тебе здоровье. Так что можешь не переживать.

Он успокоил ее, как мог, устроил поудобнее на кровати, подождал, пока она заснет, потом обычным тоном отдал слугам необходимые распоряжения – и все это время сердце его сжималось от боли.

Затем он поспешил на флагман и обратился к главному врачу флота с просьбой рассказать все, что тому известно о коре некоего дерева, которое излечивает лихорадку.

– Сожалею, мой дорогой мистер Струан, но все это бабушкины сказки. Существует легенда о графине Хинхон, жене испанского вице-короля Перу, которая в семнадцатом веке привезла в Европу какую-то кору из Южной Америки. Кора получила название «иезуитской», иногда ее еще называют «хинная корка». Считалось, что если принимать ее с водой в растолченном виде, она излечивает лихорадку. Но когда ее опробовали в Индии, она не дала абсолютно никаких результатов. Оказалась совершенно бесполезной! Проклятые паписты готовы наобещать что угодно, лишь бы обратить побольше неискушенных душ в свою веру.

– Где, черт меня побери, могу я достать хоть немного этой коры?

– Право, не знаю, мой дорогой сэр. В Перу, наверное. Однако чем вызвана ваша тревога? Куинз Таун теперь опустел. Если вы не вдыхаете ночных испарений, то можете не беспокоиться насчет лихорадки.

– Один из моих друзей только что заболел малярией.

– А! Что ж, тогда рекомендую укрепиться сердцем и начать с мужественной дозы каломели для очистки желудка. Без промедления. Конечно, обещать ничего не могу. Мы не откладывая поставим ему пиявки.

После этого Струан побывал у главного армейского доктора, а затем по очереди у всех менее значительных врачей – и военных, и гражданских. Все они говорили ему одно и то же.

Потом Струан вспомнил, что Уилф Тиллман еще жив. Он тут же отправился на плавучий опиумный склад Купера-Тиллмана.

Тем временем Гордон Чен вернулся в Тай Пинь Шан и послал за десятью начальниками Триад, бывшими у него в подчинении. Вернувшись от него, каждый из

этих десяти человек в свою очередь вызвал к себе десять начальников рангом пониже. Слух о том, что необходимо найти кору какого-то особенного дерева, распространился с невероятной быстротой. На сампанах и джонках молва об этом перелетела через пролив на Кулун, откуда в самом скором времени достигнет деревушек, деревень, больших и малых городов. Выше по побережью, ниже по побережью, в глубине страны. Через несколько часов все китайцы на Гонконге – и Триады, и не Триады – знали, что кто-то ищет кору редкого дерева. Они не знали, кто и зачем, слышали лишь, что за нее назначено огромное вознаграждение. Эти сведения достигли и ушей мандаринских шпионов. Они тоже принялись за поиски коры, но их прельщала не только награда: они понимали, что эту кору, возможно, удастся использовать как приманку, чтобы выявить главарей Триад.

– Извините, что прибыл без приглашения, Уилф. Я... – Струан замолчал, потрясенно глядя на Тиллмана.

Тиллман опирался спиной на взмокшую от пота подушку, его лицо цвета старой нестираной простыни страшно исхудало и больше напоминало обтянутый кожей череп, чем лицо живого человека; белки глаз стали грязно-желтыми.

– Входите, – произнес он едва слышно. И тут Струан увидел, что Тиллман, чьи зубы всегда были такими крепкими, ровными и белыми, стал совсем беззубым.

– Что случилось с вашими зубами?

– Каломель. Ее действие на некоторых людей... – голос Тиллмана устало смолк. В следующую секунду в его глазах появился странный блеск: – Я ждал вас. Мой ответ: нет!

– Что?

– Нет. Просто нет и все. – Голос набрал силу. – Я ее опекун, и она никогда не станет вашей женой!

– Я пришел не для того, чтобы просить ее руки. Я лишь заглянул узнать, как вы себя чувствуете и как малярия...

– Я вам не верю! – Голос Тиллмана задрожал на истерической ноте. – Вы просто надеетесь, что я умру!

– Какая чепуха! Зачем мне желать вашей смерти?

Тиллман слабой рукой поднял колокольчик, лежавший на заскорузлом от пота покрывале, и позвонил. Дверь открылась, и в каюту вошел огромный босой негр, раб Тиллмана.

– Джебидия, попроси массу Купера и миссис немедленно прийти сюда.

Джебидия кивнул и закрыл за собой дверь.

– По-прежнему помыкаете человеческими созданиями, Уилф?

– Джебидия доволен своей участью, черт бы тебя побрал! Вы живете по-своему, мы – по-своему, грязная ты свинья!

– Чума на вашу жизнь, проклятый работорговец.

Второй корабль Струана навсегда запечатлелся в его памяти, и шотландца до сих пор иногда мучили по ночам кошмары: ему снилось, что 6н опять вышел на нем в открытое море. Получив после Трафальгара свою долю призовых денег, он выкупил себя из королевского флота и записался юнгой на английский торговый корабль, бороздивший просторы Атлантики. Лишь когда они были уже далеко в океане, он обнаружил, что капитан занимался незаконной торговлей черным товаром и направлялся в Дакор за грузом рабов. Оттуда корабль пошел через южную Атлантику и штилевую полосу экватора в Саванну; мужчины, женщины и дети копошились в трюме, как черви. Неделя тянулась за неделей. В ушах у него не смолкали их предсмертные крики и плач, нестерпимая вонь душила его. Он был в ту пору всего лишь восьмилетним мальчишкой и ничего не мог поделать. В Саванне он сбежал с корабля. Это был единственный в его жизни корабль, который он бросил.

– Вы даже хуже тех, кто доставляет вам рабов из Африки, – сказал он голосом,

звенящим от едва сдерживаемой ярости. – Вы просто покупаете живую плоть, выставляете ее на помост и подсчитываете барыши. Я видел рынок рабов и знаю, что это такое!

– Мы хорошо обращаемся с ними! – взвизгнул Тиллман. – Они всего лишь дикари, а мы даем им хорошую сытую жизнь. И это так! – Он откинулся на подушку, собираясь с силами; его лицо подергивалось, он отчаянно завидовал здоровью и силе Струана и чувствовал приближение конца. – Моя смерть не принесет тебе выгоды, да проклянет тебя Господь на веки вечные!

Струан повернулся к двери.

– Тебе лучше подождать. То, что я намерен сказать, тебя заинтересует.

– Меня не заинтересует ничего из того, что можешь сказать ты!

– Ты называешь меня работорговцем? А как ты сам заполучил свою любовницу, гнусный лицемер?

Дверь распахнулась, и в каюту влетел Купер.

– О, привет, Тай-Пэн! Я не знал, что вы на борту.

– Привет, Джефф, – ответил Струан, с трудом беря себя в руки.

Купер взглянул на Тиллмана:

– Что случилось, Уилф?

– Ничего. Я хотел видеть тебя и мою племянницу. Вошла Шевон и в изумлении остановилась на пороге.

– Хэллоу, Тай-Пэн. Вы хорошо себя чувствуете, дядя?

– Нет, дитя мое. Мне очень плохо.

– В чем дело, Уилф? – спросил Купер.

Тиллман слабо кашлянул.

– Тай-Пэн заглянул ко мне «с визитом». Я решил что это подходящий случай, чтобы уладить одно важное дело. Завтра у меня ожидается новый приступ лихорадки, и я, наверное... в общем. – его тусклые глаза повернулись к Шевон, – я с гордостью извещаю тебя, что Джефф официально попросил твоей руки и я с радостью дал ему свое согласие.

Шевон побледнела.

– Но я пока не хочу выходить замуж.

– Я очень тщательно все взвесил.

– Я не хочу!

Тиллман приподнялся на локте, что стоило ему больших усилий.

– Довольно. Ты поступишь так, как я скажу! – прогремел он. Гнев придал ему силы. – Я твой законный опекун. Я уже несколько месяцев переписываюсь с твоим отцом. Мой брат официально одобрил этот брак, если я окончательно решу, что он послужит к твоей пользе. А я решил, что послужит. Следовательно...

– Что ж, я такого решения не принимала, дядя. Мы живем в девятнадцатом веке, а не в средневековье. Я еще не хочу выходить замуж.

– Меня нисколько не интересуют твои желания, и ты совершенно права: мы живем в девятнадцатом веке. Ты обручена. И ты выйдешь замуж. Твой отец и я надеялись, что за это время, пока ты здесь, Джефф сможет оценить тебя. Это произошло. – Тиллман в изнеможении опустился на подушку. – Это в высшей степени достойный союз. И дело это решенное.

Купер подошел к Шевон:

– Шевон, дорогая. Вы знаете о моих чувствах. Я и понятия не имел, что Уилф собирался... я надеялся...

Она отшатнулась от него и нашла глазами Струана.

– Тай-Пэн! Прошу вас, скажите моему дяде. Скажите ему, что он не имеет права так поступать... он не может обручить меня... скажите ему, что не может!

– Сколько вам лет, Шевон? – спросил Струан.

– Двадцать.

– Если ваш отец и ваш дядя одобряют этот брак, у вас нет выбора. – Он посмотрел на Тиллмана: – Полагаю, вы имеете письменное подтверждение своих слов?

Тиллман показал на письменный стол.

– Письмо лежит вон там. Хотя это и не твоего проклятого ума дело.

– Значит, все законно, Шевон. Вы младший член семьи и обязаны подчиниться воле своего отца. – Струан с печальным лицом повернулся к двери, но Шевон остановила его.

– Вы знаете, почему меня продают? – заговорила она в порыве отчаяния.

– Попридержи язык, девчонка! – вскричал Тиллман. – С тех самых пор, как ты сюда приехала, ты доставляла нам одни лишь хлопоты и беспокойство. Пора тебе наконец вспомнить о приличиях и об уважении к тем, кто старше и лучше тебя.

– Меня продают за долю в деле, – с торечью произнесла она. – За пакет акций компании «Купер и Тиллман».

– Это не так! – возразил Тиллман, и лицо его исказила уродливая гримаса.

– Шевон, вы слишком взвинчены сейчас, – начал Купер с несчастным видом. – Это все от неожиданности и...

Струан сделал шаг вперед, намереваясь обойти ее, но она не отпускала его.

– Подождите, Тай-Пэн. Это сделка. Я знаю, как рассуждают политики. Политика – очень дорогое занятие.

– Придержи язык! – закричал Тиллман, но тут же вскрикнул от боли и повалился на постель.

– Не получая доходов отсюда, – быстро продолжала она дрожащим голосом, – отец не сможет позволить себе оставаться сенатором. Дядя – старший из двух братьев, и если он умрет, Джефф будет вправе выкупить долю Тиллманов в деле за чисто номинальную сумму, и тогда...

– Полно, Шевон, – резко оборвал ее Купер. – Это не имеет никакого отношения к моей любви к вам. За кого вы меня принимаете?

– Будьте честны, Джефф. Ведь это правда, не так ли? О выкупе цо номиналу?

– Да, – ответил Купер после хмурой паузы. – При таких обстоятельствах я мог бы выкупить долю Тиллмана. Но я не заключал такой сделки. Я не покупаю себе служанку. Я люблю вас. Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

– А если я ею не стану, согласитесь вы не выкупать долю дяди?

– Не знаю. Это решение я приму, когда придет время. Ваш дядя точно так же мог бы выкупить мою долю, если бы мне пришлось умереть раньше него.

Шевон опять повернулась к Струану:

– Пожалуйста, купите меня, Тай-Пэн.

– Я не могу, девочка. Но я также не думаю, что и Джефф вас покупает. Я знаю, что он любит вас.

– Пожалуйста, купите меня, – повторила она упавшим голосом.

– Не могу, милая. Это против закона.

– Нет, не против. Нет, не против. – Что-то надломилось в ней, она уронила голову на грудь и горько разрыдалась. Купер осторожно обнял ее, в его глазах читалась мука.

Когда Струан вернулся на «Отдыхающее Облако» Мэй-мэй еще спала, но сон ее был беспокойным.

Опустившись в кресло рядом с постелью и не сводя с нее глаз, он тупо подумал о том, что же ему теперь делать с Гортом и Кулумом. Он понимал, что должен немедленно отправиться в Макао. Но не раньше, чем выздоровеет Мэй-мэй – о Господи, верни ей здоровье. Может быть, мне стоит послать «Китайское Облако» и Орлова... или Маусса? Или все-таки подождать? Я предупредил Кулума, чтобы он

был осторожен – но вот послушается ли он меня? О Господи Иисусе, помоги Мэй-мэй.

В полночь в дверь каюты постучали.

– Да?

Неслышно ступая, в комнату вошел Лим Дин. Он взглянул на Мэй-мэй и вздохнул.

– Большой Толстый Масса приходить Тай-Пэн видеть, мозна? Хейа?

Поднимаясь по трапу в свою каюту на следующей палубе, Струан чувствовал, как ноют у него спина и плечи, как отяжелела голова.

– Извините, что пришел незваным и так поздно, Тай-Пэн, – произнес Морли Скиннер, поднимая с кресла свое потное, оплывшее жиром тело. – Дело весьма важное.

– Всегда рад встрече с прессой, мистер Скиннер. Садитесь, прошу вас. Выпьете что-нибудь? – Он постарался перестать думать о Мэй-мэй и заставил себя сосредоточиться, понимая, что это не праздный визит.

– Благодарю вас. Виски. – Скиннер жадными глазами вбирал в себя богатый интерьер просторной каюты: зеленые китайские ковры на хорошо отдраенных досках пола, кресла, кушетки, запах чистой промасленной кожи, соли и пеньки; и легкий сладковатый тягучий запах опиума из трюмов внизу. Масляные лампы с аккуратно подрезанными фитилями давали чистый теплый свет, оттенявший на потолке черными полосами тяжелые бимсы главной палубы. Он сравнил ее с жалкой дырой, в которой сам ютился на Гонконге: протершаяся обивка, кругом грязь, вонючий спертый воздух в крошечной комнатке над большим помещением, где размещался печатный пресс. – Я признателен вам за то, что вы согласились увидеться со мной в столь поздний час, – сказал он.

Струан поднял свой бокал:

– Ваше здоровье.

– Да, здоровье. Это хороший тост в наше злое время. Взять хотя бы малярию, да и все остальное. – Его маленькие поросячьи глазки сверкнули. – Я слышал, у вас есть друг, который заболел малярией.

– Вы знаете, где можно достать хинную корку?

Скиннер покачал головой:

– Нет, Тай-Пэн. Все, что мне доводилось читать про нее, говорит о том, что эта штука – вроде блуждающего огонька, в руки не дается. Легенда, одним словом. – Он вытащил из кармана гранки еженедельника «Ориэнтл Тайме» и протянул листы Струану: – Я тут подумал, возможно, вам захочется взглянуть на редакционную статью о сегодняшних скачках. Завтра выйдет специальный выпуск.

– Благодарю вас. Вы для этого хотели меня видеть?

– Нет, сэр. – Скиннер жадно проглотил виски и посмотрел в пустой бокал.

– Если хотите еще, наливайте, не стесняйтесь.

– Благодарю вас. – Скиннер грузно двинулся к графину, его слоновий зад и ляжки вздрагивали, как студень, при каждом шаге. – Хотел бы я иметь вашу фигуру, мистер Струан.

– Тогда не ешьте так много.

Скиннер рассмеялся.

– Еда тут совершенно ни при чем. Вы либо толстый, либо нет. Это одна из тех вещей, которые Господь Бог определяет при рождении раз и навсегда. Я все время был крупным. – Он наполнил свой бокал и вернулся на место. – Вчера вечером ко мне в руки попала кое-какая информация. Не могу открыть вам источник, из которого я ее получил, но мне захотелось обсудить ее с вами, прежде чем я ее напечатаю.

Что за скелет и в чьем шкафу ты учуял своим длинным носом, мой дорогой друг, подумал Струан. Их так много, выбирай любой. Я лишь надеюсь, что ты выбрал правильный.

– «Ориэнтл Тайме» принадлежит мне, да. Насколько мне известно, только мы с вами знаем об этом. Однако я никогда не говорил вам, что публиковать, а что не публиковать. Вы редактор и издатель. Вы несете полную ответственность, и если то, что вы напечатаете, окажется клеветой, вас привлекут к суду. Привлечет любой, кто будет оклеветан.

– Да, мистер Струан. И я ценю свободу, которую вы мне предоставляете. – Его глаза, казалось, нырнули еще глубже в заплывшие жиром складки лица. – Свобода предполагает ответственность – перед самим собой, перед газетой, перед обществом. Правда, не обязательно именно в таком порядке. Но на этот раз все обстоит иначе... видите ли... как бы это сказать?.. «взрывная сила» данного известия очень велика. – Он достал обрывок бумаги. Лист был целиком испещрен скорописными значками, прочесть которые мог только он. Скиннер поднял глаза: – Договор Чуэн-пи отвергнут Короной, и Гонконг вместе с ним.

– Это какой-нибудь новый анекдот, мистер Скиннер? – Струан озабоченно подумал, насколько убедителен был Блор. Все ли ты рассчитал правильно, дружище, спросил он себя. У парня, кстати, прекрасное чувство юмора: Жеребец взял мундштук. Правда, «тяжеловоз» подошло бы больше.

– Нет, сэр, – ответил Скиннер. – Наверное, мне лучше прочитать вам. – И он прочитал вслух, почти слово в слово, то, что написал в своем письме сэр Чарльз Кросс и что Струан предложил Блору под большим секретом шепнуть на ухо Скиннеру. Струан решил, что Скиннер был как раз тем человеком, который сумеет расшевелить торговцев, пробудить в них злость и негодование, чтобы они не дали Гонконгу погибнуть, и начали – все вместе и каждый по-своему – бороться против Каннингтона, как боролись много лет назад против Ост-Индской Компании и в конце концов взяли над ней верх.

– Я в это не верю.

– Думаю, вам все-таки следует в это поверить, Тай-Пэн. – Скиннер допил свой виски. – Вы позволите?

– Конечно. Принесите сюда весь графин. Тогда вам не нужно будет ходить взад и вперед. Кто передал вам эту информацию?

– Этого я не могу вам сказать.

– А если я буду настаивать?

– Даже в этом случае. Если я назову имя, для меня как для газетчика все сразу будет кончено. Здесь затронуты очень важные принципы профессиональной этики.

– Газетчик прежде всего должен иметь газету, – без обиняков объявил Струан, испытывая его.

– Верно. В этом и заключается риск, на который я пошел, решив поговорить с вами. Но если вы и так поставите вопрос, я вам все равно ничего не скажу.

– Вы уверены, что это правда?

– Нет. Но я так думаю.

– Когда было отправлено это сообщение? – спросил Струан.

– 27 апреля.

– Вы серьезно считаете, что оно могло попасть сюда так быстро? Это просто смешно!

– Я сказал то же самое. И тем не менее я считаю, что эта информация достоверна.

– Если это так, тогда нам всем конец.

– Вполне вероятно, – ответил Скиннер.

– Не вероятно, а совершенно точно.

– Вы забываете о могуществе прессы и о том, чего могут добиться торговцы, объединив свои усилия.

– Мы недостаточно могущественны, чтобы тягаться с министром иностранных

дел. Да и время против нас. Вы собираетесь напечатать это?

– Да. В свое время.

Струан покрутил в руке хрустальный бокал, наблюдая игру света в его резных гранях.

– Я бы сказал, что когда вы это сделаете, паника поднимется невиданная. И вы тут же попадете на ковер к Лонгстаффу.

– Меня это не беспокоит, мистер Струан. – Скиннер был озадачен: Струан реагировал на известие совсем не так, как он предполагал. Разве что Тай-Пэн уже и так обо всем знает, в сотый раз сказал он себе. Но тогда я не вижу никакого смысла в том, чтобы посылать ко мне Блора. Блор прибыл неделю назад, а за эту неделю Тай-Пэн вложил в Гонконг бесчисленные тысячи тэйлов. Если он знает о судьбе договора, это было бы актом маньяка-самоубийцы. Так чьим же курьером был Блор? Брока? Маловероятно. Потому что Брок тратит деньги так же безоглядно, как и Струан. Скорее всего, это генерал... или адмирал... или Монсей. Монсей! Кто, как не Монсей, имеет связи в министерских кругах? Кто, как не Монсей, ненавидит Лонгстаффа и метит на его место? Кто, как не Монсей, жизненно заинтересован в том, чтобы идея Гонконга увенчалась успехом? Потому что без сильного Гонконга Монсею не сделать карьеры в Дипломатическом Корпусе. – Похоже, что с Гонконгом покончено. Все деньги, все силы, которые вы вложили – все мы вложили – в него, смахнули в сторону, как крошки со стола.

– Гонконг нельзя оставлять. Без этого острова все порты на материковом побережье, которые мы откроем, не будут стоить выеденного яйца.

– Я знаю это, сэр. Мы все это знаем.

– Да. Но министр иностранных дел полагает иначе. Почему? Мне очень интересно знать, почему? И что мы вообще могли бы сделать в данной ситуации? Как убедить его в нашей правоте, а? Как?

Скиннер был таким же ревностным защитником новой колонии, как и Струан. Без Гонконга не будет «Благородного Дома». А, без «Благородного Дома» не будет ни еженедельника «Ориэнтл Тайме», ни работы.

– Может быть, нам и не придется ни в чем убеждать этого мерзавца, – отрывисто проговорил он, и глаза его холодно блеснули.

– А?!

– Не вечно же этому пакостнику быть у власти, – повторил Скиннер.

Струан посмотрел на него с возросшим интересом. Это был новый поворот в игре, причем неожиданный. Скиннер не пропускал ни одной газеты, ни одного периодического издания и был самым информированным человеком в отношении той части парламентских дел, которая освещалась в печати. В то же время, обладая необыкновенной памятью и испытывая к людям самый живой интерес, Скиннер имел другие, и очень разнообразные, источники информации.

– Вы полагаете, существует возможность смены правительства?

– Я готов поставить любые деньги, что сэр Роберт Пил и консерваторы опрокинут вигов в течение этого года.

– Это было бы дьявольски рискованно с вашей стороны. Я сам бы сыграл против вас.

– Хотите поставить «Ориэнтл Тайме» против падения вигов еще в этом году – и закрепления Гонконга за Короной?

Струан прекрасно понимал, что такое пари сделает Скиннера самым верным его союзником, а газета – не такая уж большая цена за это. Но поспешное согласие выдало бы его.

– У вас нет ни единого шанса в мире выиграть это пари.

– Наоборот, мои шансы весьма велики, мистер Струан. Прошлая зима дома была самой тяжелой за все последние годы – и в производстве, и вообще в

экономике. Безработица выросла невероятно. Урожай собрали мизерный. Вам известно, что, согласно последней почте, буханка хлеба стоит теперь один шиллинг два пенса? Кусковой сахар продают по восемь пенсов за фунт, чай – по семь шиллингов восемь пенсов, мыло – по девять пенсов кусок; дюжина яиц стоит четыре шиллинга. Картофель – шиллинг за фунт. Бекон – три с половиной шиллинга за фунт. Теперь возьмите заработную плату: самое большее – семнадцать с половиной шиллингов в неделю за шестьдесят четыре часа работы; сельскохозяйственные рабочие получают девять шиллингов в неделю за Бог знает сколько часов, фабричные рабочие около пятнадцати шиллингов – все это при условии, что у вас вообще есть работа. Боже милостивый, мистер Струан, вы живете где-то в поднебесье со своим несметным богатством, вы можете дать девушке тысячу фунтов только за то, что у нее красивое платье, поэтому вы не знаете этого, не можете знать, но каждый одиннадцатый человек в Англии – нищий. В Стоктоне в прошлом году почти десять тысяч человек зарабатывали меныле двух шиллингов в неделю. Тридцать тысяч в Лидсе – меньше шиллинга. Чуть не каждый живет впроголодь, а ведь мы самая богатая страна в мире. Виги засунули головы себе в задницы и отказываются признавать то, что давно видно всем: чудовищную несправедливость такого положения вещей. Возьмите чартистов: виги так ничего и не поняли, они ограничились лишь тем, что навесили на них ярлык оголтелых анархистов. Они словно не замечают, в каких ужасающих условиях работают люди на ткацких и иных фабриках. Господи Иисусе, шести-, семилетние дети трудятся по двенадцать часов в сутки, и женщины тоже, а их труд обходится нанимателю дешевле, и он увольняет с работы мужчин, Да и с какой стати вигам что-то менять? Большинство фабрик им и принадлежит. И у них один Бог – деньги, все больше, и больше, и больше денег, а народ пусть идет к чертям. Возьмите ирландскую проблему: виги так ничего и не предпринимают для ее решения. Бог мой, в прошлом году там был голод, если и в этом году будет то же самое, вся Ирландия вновь восстанет, да и пора уже. А виги даже пальцем не шевельнули, чтобы реформировать банковскую систему. Зачем – ведь банки тоже принадлежат им! Вспомните, как вам самому не повезло этой зимой! Если бы мы имели справедливый и жесткий закон, защищающий вкладчиков от проклятых махинаций проклятых вигов… – Он сделал над собой усилие и замолчал, лицо его раскраснелось, толстые щеки тряслись от возмущения. – Извините, я вовсе не хотел произносить перед вами целую речь. Конечно, вигам придется уйти. Я бы сказал, что если они не сделают этого в ближайшие полгода, в Англии начнется такая кровавая баня, рядом с которой французская революция будет выглядеть невинным пикником. Единственный, кто может спасти нас, это сэр Пил, клянусь всеми святыми.

Струан вспомнил, что рассказывал ему Кулум об условиях жизни в Англии. Он и Робб сочли это тогда горячностью романтически настроенного студента университета. И то, что писал ему его собственный отец, тоже показалось ему тогда не заслуживающим внимания.

– Если лорд Каннингтон уйдет в отставку, кто станет следующим министром иностранных дел?

– Сам сэр Роберт. Если не он – то лорд Абердин.

– Но они оба противники свободной торговли.

– Да, но они также слывут либералами и настроены вполне миролюбиво. А оказавшись у власти, они должны будут сразу же изменить свое отношение к свободной торговле. Как только оппозиция получит власть и на их плечи ляжет вся ответственность, они пересмотрят свои взгляды. Свободная торговля – это единственный путь, который позволит Англии выжить – вы это знаете, – поэтому им придется поддержать ее. И им понадобится максимальная помощь ото всех, кто обладает реальной силой и богатством.

– Вы хотите сказать, что я должен поддержать их?

– «Ориэнтл Таймс» со всем, что есть у газеты, включая печатный пресс, против падения вигов уже в этом году. И Гонконга.

Струан немного приспустил сапог на искалеченной ноге и опять откинулся на спинку кресла. Он не спешил нарушать молчание.

– Пятьдесят процентов остаются за мной, и считайте, что мы договорились, – сказал он наконец.

– Все или ничего.

– Может, мне стоит просто вышвырнуть вас и забыть об этом.

– Может, и стоит. Вашего богатства с избытком хватит и вам, и вашим близким вплоть до Страшного Суда. Я спрашиваю вас, насколько вам нужен Гонконг – и будущее Англии. Мне кажется, у меня есть ключ ко всему этому.

Струан налил себе еще виски и вновь наполнил бокал Скиннера.

– Идет. Все или ничего. Не пожелаете ли составить мне компанию за ужином? Я немного проголодался.

– О, с удовольствием. Весьма вам признателен. Работа языком всегда будит во мне чувство голода. Сердечно благодарю вас.

Струан позвонил в колокольчик, благословляя свой йосс за то, что его риск опять оправдал себя. Вошел Лим Дин, и он заказал ужин.

Скиннер залпом проглотил свой виски и возблагодарил Бога за то, что не ошибся с Тай-Пэном и все рассчитал верно.

– Вы не пожалеете об этом, Тай-Пэн. Теперь послушайте меня. Отставка Лонгстаффа – я знаю, он ваш друг, но я говорю с точки зрения политики – огромная удача для Гонконга. Во-первых, он дворянин; во-вторых, он виг и в третьих – дурак. Сэр Клайд Уэйлен – сын сквайра; во-вторых, не дурак и в-третьих, он человек действия. В-четвертых, он знает Индию – провел там тридцать лет на службе в Ост-Индской Компании. До этого служил в королевском флоте. И в-последних, что наиболее существенно: хотя он и считается вигом, я уверен, что в душе он тайно ненавидит Каннингтона, а вместе с ним и нынешнее правительство, и сделает все, что только будет в его силах, дабы добиться его отставки.

– Почему?

– Он ирландец. Каннингтон руководил разработкой большинства законов, принятых по Ирландии за последние пятнадцать лет, и лично ответствен, как считают все ирландцы, за нашу катастрофическую политику в этой стране. Это ключ к Уэйлену... если мы сможем найти способ воспользоваться им. – Скиннер в возбуждении принялся грызть испачканный чернилами ноготь большого пальца.

Лим Дин вернулся вместе с еще одним слугой, неся тарелки с холодным мясом, копчеными колбасами, цукатами, холодными пирогами и пирожками, а также огромные кружки охлажденного пива и шампанское в ведерке со льдом.

Скиннер плотоядно улыбнулся:

– Пир, достойный владельца ткацкой фабрики!

– Достойный издателя и владельца собственной газеты! Приступайте, не стесняйтесь. – Мысли быстро сменяли одна другую в голове Струана. Как подчинить себе Уэйлена? Неужели виги действительно потеряют власть? Следует ли мне теперь перенаправить свое влияние в помощь консерваторами? Перестать поддерживать таких людей, как Кросс? К этому времени в Англии уже знают, что «Благородный Дом» остался все тем же «Благородным Домом» и силен, как никогда. Должен ли я поставить на сэра Роберта Пила?

– Когда вы опубликуете свое сообщение, всех охватит паника, – сказал он, сужая, подобно беркуту, круги для последнего броска, который прикончит ничего не подозревающую жертву.

– Да, мистер Струан. Даже если бы я не был так решительно настроен против того, чтобы оставить Гонконг, мне еще нужно думать о будущем моей газеты. –

Скиннер набил полный рот и продолжал говорить и жеватъ одновременно: – Но существует столько разных способов представить читателю одну и ту же новость. Именно это и делает работу газетчика такой захватывающей. – Он расхохотался, и несколько кусочков пищи вывалилось у него изо рта, запачкав подбородок. – О да, я должен заботиться о будущем моей газеты. – После этого он целиком сосредоточил свое внимание на еде, поглощая все в чудовищных количествах.

Струан, погруженный в размышления, ел мало. Наконец, когда даже Скиннер насытился, он встал и поблагодарил его за информацию и советы.

– Я извещу вас частным образом, прежде чем опубликую сообщение, – сказал Скиннер, придерживая руками плотно набитый живот. – Это произойдет скоро, через несколько дней, но мне требуется время, чтобы все спланировать. Благодарю вас, Тай-Пэн. – Он ушел.

Струан спустился вниз. Мэй-мэй все так же металась во сне. Он распорядился поставить в ее комнате кушетку и позволил себе ненадолго забыться в полусне.

К утру Мэй-мэй начало знобить. Ледяной холод проник в ее вены, в голову, в чрево. Наступил пятнадцатый день.

Глава 3

Мэй-мэй, хрупкая и беспомощная, как младенец, лежала, придавленная весом дюжины одеял. Ее лицо совсем посерело, глаза потухли. Четыре часа она не переставая стучала зубами от холода. Потом озноб резко сменился сильным жаром. Струан протирал ей лицо ледяной водой, но это не приносило облегчения. Мэй-мэй начала бредить. Она билась на постели, бормоча и выкрикивая бессмысленный набор китайских и английских слов, сжигаемая изнутри страшным огнем. Струан удерживал ее, пытался успокоить, но она не узнавала его и не слышала того, что он говорил.

Лихорадка прекратилась так же внезапно, как и началась. Изо всех пор измученного тела хлынул пот, промочив одежду и простыни. Спекшиеся губы разлиплись, и из них вырвался экстатический стон облегчения. Глаза открылись, окружавшие Мэй-мэй светлые и темные пятна начали обретать контуры людей и предметов.

– Я чувствую себя так хорошо, я так устала, – произнесла она чуть слышно.

Струан помог А Сам сменить промокшие подушки, простыни и одежду.

Потом Мэй-мэй заснула. Она лежала на постели неподвижно, и сон ее казался сном смерти. Струан сел в кресло и стал смотреть на нее.

Она проснулась через шесть часов, спокойная, но совсем без сил.

– Хэллоу, Тай-Пэн. У меня лихорадка Счастливой Долины?

– Да. Но у вашего врача есть лекарство, которое тебя вылечит. Оно будет в его распоряжении через день или чуть больше.

– Хорошо. Очень хорошо. Не беспокойся, ладно.

– Чему ты улыбаешься, девочка?

– Ах, – выдохнула она, потом умиротворенно закрыла глаза и вся обмякла, погрузившись глубже в чистые простыни и подушки. Как же еще человек может управлять йоссом? Если ты улыбаешься, проигрывая, тогда ты выиграешь в жизни.

– С тобой все будет хорошо, – сказал он. – Очень хорошо. Не волнуйся.

– Я не волнуюсь за себя. Только за тебя.

– Что ты имеешь в виду? – Струан страшно устал после долгого бдения, и ему невыносимо мучительно было видеть то, что она казалась теперь еще тоньше, чем всегда, став словно полупрозрачной, что глаза ее утонули в почерневших глазницах. И постарели.

– Ничего. Я бы съела немного супа. Куриного супа.

– Врач прислал лекарство, которое вернет тебе силы.

– Хорошо. Я чувствую себя фантастически слабой. И приму лекарство после супа.

Он приказал принести суп, и Мэй-мэй сделала небольшой глоток, потом снова легла.

– Теперь ты отдыхай, Тай-Пэн, – сказала она и, нахмурив лоб, спросила: – Сколько дней до следующей лихорадки?

– Три или четыре, – ответил он убитым голосом.

– Не беспокойся, Тай-Пэн. Четыре дня это целая вечность, ладно. Иди отдохни, пожалуйста, а потом мы будем разговаривать.

Он вернулся в свою каюту и заснул тревожным сном, просыпаясь через каждые несколько минут, засыпая снова и видя во сне, что он лежит в постели с открытыми глазами или в мучительной полудреме и никак не может расслабиться, дать отдых голове и телу.

Умирающее солнце висело низко над горизонтом, когда Струан встал с кровати. Он вымылся и побрился. Ему казалось, что его мозг превратился в какую-то мерзкую, липкую кашу. Он уставился на свое лицо в зеркале, и то, что он увидел, ему не понравилось. Потому что его глаза говорили ему, что Мэй-мэй не сможет перенести трех таких сражений с болезнью. А значит, жить ей осталось самое большее двенадцать дней.

В дверь постучали.

– Да.

– Тай-Пэн?

– А, здравствуй, Гордон. Есть новости?

– Боюсь, пока никаких. Я делаю все, что могу. Как госпожа себя чувствует?

– Первый приступ начался и прошел. Не очень хорошо, парень.

– Мы уже начали поиски коры. Врач прислал лекарства, чтобы поддержать силы госпожи, и особую пищу для нее. А Сам знает, что нужно делать.

– Спасибо.

Гордон ушел, и Струан вернулся к своим размышлениям. Он мучительно пытался найти какой-нибудь выход. Где мне взять хинную корку? Какое-то ее количество должно быть где-нибудь, Где в Азии можно найти перуанскую кору? Нет, не перуанскую – «иезуитскую» кору.

В этот момент его слепо тычущиеся в пустоту мысли натолкнулись на одну идею, от которой его словно обдало жаром.

– Святители небесные! – громко вскрикнул он, и проблеск надежды заставил его сердце учащенно забиться. – Если тебе нужны лошадиные слепни – ищи лошадь. Если тебе нужна «иезуитская» кора... ну, конечно же, идиот ты несчастный!

Через два часа «Китайское Облако» разрезал форштевнем воды гавани, окрашенные в закатный цвет лучами уходящего солнца, летя к выходу в океан подобно валькирии. Клипер шел под всеми парусами, но они были зарифлены против набирающего силу муссона. Когда корабль вырвался из западного пролива и почувствовал полную силу волн и ветра Великого океана, он накренился, и снасти ликующе запели.

– Зюйд-тень-зюйд-ост, – прогремел Струан, перекрывая рев ветра.

– Есть зюйд-тень-зюйд-ост, сэр-р, – эхом отозвался рулевой.

Струан поднял глаза к парусам, четко выделявшимся на фоне неумолимо темнеющего неба, и подосадовал, что так много парусины оказалось зарифленной. Но он знал, что при таком восточном ветре и таком море рифы придется оставить.

«Китайское Облако» лег на новый курс и устремился в ночь, хотя ему по-прежнему приходилось бороться и с ветром и с морем. Скоро он вновь повернет, ветер окажется с кормы, и тогда он полетит вперед, уже ничем не сдерживаемый.

Через час Струан прокричал:

– Свистать всех наверх, приготовиться повернуть корабль!

Матросы высыпали из полубака и встали в темноте по местам у тросов, фалов и гарделей.

– Вест-тень-зюйд-вест, – приказал он. Рулевой переложил штурвал, и клипер встал по ветру. Реи заскрипели и выгнулись в подветренную сторону, гардели и фалы натянулись и взвыли на ветру, и в следующую минуту корабль лег на новый курс. Струан прокричал:

– Отдать рифы на гроте и брамселях! Клипер полетел по волнам, следуя полным бакштагом, волна из-под носа широким веером разлеталась в стороны.

– Так держать, – приказал Струан.

– Есть, есть, сэр-р, – откликнулся рулевой, напрягая глаза, чтобы разглядеть мерцающий огонек нактоуза и удерживать постоянный курс. Штурвал рвался у него из рук.

– Смените меня, капитан Орлов!

– Ну, наконец-то, Зеленые Глаза.

– Возможно, вам удастся прибавить скорости, – сказал Струан. – Я бы хотел попасть в Макао как можно быстрее. – Он спустился вниз.

Орлов возблагодарил Бога за то, что оказался готов, как и всегда, к немедленному отплытию. Едва увидев лицо Тай–Пэна, он понял, что «Китайскому Облаку» лучше выйти из гавани в рекордное время или он останется без корабля. И хотя осторожность опытного морехода подсказывала ему, что нести столько парусов ночью в водах, изобилующих мелями и подводными камнями, было опасно, он радостно прокричал: «Отдать рифы на фор-бом-брамселе и верхних брамселях», упиваясь ощущением свободы: он снова в море, снова капитан своего корабля после стольких дней, проведенных на якоре в гавани. Он поправил курс на румб вправо, отдал еще рифы и безжалостно погнал корабль вперед.

– Приготовьте носовой катер, мистер Кьюдахи! Господь свидетель, ему лучше быть в полной готовности, когда Тай-Пэн выйдет на палубу... и поднимите на марсе фонарь для лоцмана.

– Есть, слушаюсь, сэр-р.

– Отставить фонарь для лоцмана! Мы все равно его не получим среди ночи. Я не стану дожидаться рассвета и какого-то там лоцмана с акульим сердцем. Я сам проведу корабль в порт. У нас на борту срочный груз.

Кьюдахи нагнулся и прошептал в самое ухо Орлову:

– Это она, сэр? Та самая, за которую он заплатил столько золота, сколько она весит? Вы видели ее лицо?

– Отправляйся на нос или я скрою себе штаны из твоих кишок! И держи язык за зубами, клянусь кровью Христовой, да и другим передай, чтобы помалкивали! Когда придем в Макао, всей команде оставаться на корабле!

– Есть, есть, мой дорогой капитан, сэр, – рассмеявшись ответил Кьюдахи. Он выпрямился во весь рост, возвышаясь, как гора, над маленьким человечком, которого любил и которым восхищался. – Наши рты на замке, клянусь бородой святого Патрика! Будьте покойны! – Он спустился с квартердека, прыгая по трапу через три ступеньки, и заспешил на нос.

Орлов принялся расхаживать по юту, пытаясь сообразить, что означала вся эта таинственность, и что случилось с тонкой, закутанной в покрывало девушкой, которую Тай-Пэн на руках внес на корабль. Он увидел, как приземистый китаец Фонг словно преданный пес последовал за Кьюдахи, и в который раз спросил себя, зачем ему прислали этого человека, из которого он должен был сделать капитана, и почему Тай-Пэн определил по одному язычнику на каждый из своих клиперов.

Хотел бы я взглянуть на лицо этой девушки, говорил он себе. Ее вес в золоте...

да, так рассказывают люди. Я бы хотел... о, как бы я хотел не быть тем, что я есть, как бы я хотел заглянуть в лицо мужчине или женщине и не увидеть в нем отвращения, перестать доказывать всем, что я такой же человек, как любой другой, а на море даже лучше любого другого. Я устал быть Страйдом Орловом, горбуном. Не потому ли я так испугался, когда Тай-Пэн сказал: «В октябре ты пойдешь на север, один»?

Он задумчиво посмотрел через борг на черные волны, стремительно пробегавшие мимо. Ты есть то, что ты есть, и море ждет. И ты капитан самого прекрасного корабля в мире. И был, был в твоей жизни миг. когда ты заглянул в человеческое лицо и увидел там зеленые глаза, изучавшие тебя просто как человека. Да, Зеленые Глаза, подумал он, и тоска отпустила его, я пойду с тобой хоть в ад за то мгновение, которое ты мне тогда подарил.

– Эй вы, там, увальни! Ну-ка живо к брамселям! – крикнул он.

И по его приказу люди начали торопливо карабкаться наверх, чтобы забрать еще больше силы у ветра. А потом, когда он увидел на горизонте огни Макао, он приказал взять на парусах рифы и осторожно – но всегда с максимальной скоростью – провел клипер в мелководную гавань, сверяя курс по выкрикам лотового, делавшего промеры на носу.

– Очень искусно, капитан, – раздался за его спиной голос Струана.

Орлов вздрогнул и резко обернулся:

– О, я вас не видел. Вы подкрадываетесь к человеку, как привидение. Катер готов к спуску на воду. – Потом он добавил небрежно: – Я подумал, почему бы мне самому не войти в бухту вместо того, чтобы ждать до рассвета, когда прибудет портовый лоцман.

– Вы прочли мои мысли, капитан. – Струан посмотрел на огни и на скрытый в ночной тьме город, начинавшийся у самой кромки воды, и забиравшийся затем на самый верх окрестных холмов. – Бросьте якорь на нашей обычной стоянке. Мою каюту будете охранять лично. Вы не должны входить в нее – никто не должен. Всем оставаться на корабле. И языком не трепать.

– Эти распоряжения я уже отдал.

– Когда португальские власти прибудут на борт, извинитесь, что мы не стали дожидаться лоцмана, и заплатите все положенные сборы. А также мзду китайцам. Скажите, что я на берегу.

Орлов благоразумно поостерегся спрашивать, как долго Тай-Пэн намерен отсутствовать.

Горизонт начал едва заметно светлеть, когда «Китайское Облако» бросил якорь в полумиле от все еще неразличимых в сереющей тьме причалов в юго-западной части гавани. Подходить к берегу ближе крупные корабли не рисковали: залив был очень неглубок и потому опасен и почти бесполезен. Это послужило еще одной причиной того, что Гонконг стал для англичан экономической необходимостью. Торопя катер к берегу, Струан заметил южнее штаговые огни еще одного клипера – «Белой Ведьмы». Кроме него, на якоре в гавани стояли несколько европейских кораблей помельче. Сотни джонок и сампанов бесшумно сновали туда-сюда.

Струан быстро зашагал вдоль пирса, который «Благородный Дом» по-прежнему арендовал в Макао. Он увидел, что большое здание их компании, также арендованное у португальцев, погружено во тьму. Это был четырехэтажный дом с колоннами, стоявший в дальнем конце усаженной деревьями praia[21].

Он повернул на север и пошел вдоль набережной, огибая здание китайской таможни. Потом пересек широкую улицу и начал подниматься по отлогому склону холма к церкви Святого Франциска.

---

[21] Praia – набережная (порт.).

Он был рад вернуться в Макао, вернуться к цивилизации, мощеным улицам, величественным соборам, красивым домам в средиземноморском стиле, pracas[22] с фонтанами и большими парками со множеством цветов, наполнявших воздух своим благоуханием.

Когда-нибудь и Гонконг станет таким же, сказал он себе, если поможет йосс. Затем он вспомнил Скиннера, и Уэйлена, и малярию, и Мэй-мэй на борту «Китайского Облака», – она так похудела и ослабла, а ведь до следующего приступа оставалось всего два или три дня. И что там с «Голубым Облаком»? Корабль скоро должен быть дома. Обгонит ли он «Серую Ведьму»? Или он уже отстал на тысячу миль и лежит на дне океана? А остальные клиперы? Сколько их суждено мне потерять в этом году? Лишь бы «Голубое Облако» пришел первым! Как там Винифред? И все ли в порядке с Кулумом, и где сейчас Горт, и не сегодняшний ли день назначен судьбой для сведения старых счетов?

Город был по-прежнему погружен в предрассветный сон. Но он чувствовал на себе внимательный взгляд невидимых китайских глаз. Он поднялся на вершину холма и пересек прекрасную Praca de Sao Francisco.

К северу по другую сторону площади, в самой высокой точке перешейка, вставали укрепления и стены древнего форта Сан Паулу де Монте. А за ним начиналась, китайская часть Макао: узкие улочки, лачуги, лепившиеся друг на друга, покрывали всю северную сторону холма, редея по мере того, как спускались вниз по склону.

Дальше на полмили протянулся участок ровной земли; перешеек здесь сужался до каких-нибудь ста пятидесяти ярдов. Здесь были разбиты парки, аллеи; яркими пятнами изумрудной зелени выделялись небольшой ипподром и поле для крикета, давным-давно построенные агличанами, которые преданно ухаживали за ними два с лишним столетия. Португальцы не одобряли скачек и не играли в крикет.

В ста ярдах за полем для крикета поднималась стена: здесь кончался Макао и начинался Китай.

Стена толщиной десять футов имела двадцать футов в высоту и тянулась от берега до берега. Только после того, как она была построена триста лет назад, император согласился отдать португальцам эту землю в аренду и позволил им селиться на ней.

Посреди стены возвышалась сторожевая башня с единственными величественными воротами. Ворота в Китай всегда были открыты, но ни один европеец не имел права ступить за них.

Сапоги Струана громко простучали по булыжникам, когда он торопливо пересек площадь. Открыв высокие кованые железные ворота епископского дворца, он прошел через сад, который создавался неустанным трудом в течение трех веков. Когда-нибудь у меня будет такой же, пообещал он себе.

Все так же громко стуча каблуками, Струан миновал мощеный передний двор и подошел к огромной двери. Он дернул шнур звонка и услышал звяканье колокольчика, эхом прокатившееся по дому, потом настойчиво дернул его еще раз и еще.

Через некоторое время в нижних окнах мелькнул свет фонаря, и он услышал приближающиеся шаги и ворчливое бормотание по-португальски. Дверь открылась.

– Bom dia[23]. Я хочу видеть епископа.

Полуодетый заспанный слуга уставился на него, не узнавая и ничего не понимая,

---

[22] Pracas – площадям (порт.).

[23] Bom dia – Добрый день (порт.).

затем возмущенно изверг еще один поток португальских слов и потянул дверь на себя. Но Струан выставил вперед ногу, рывком распахнул дверь и вошел в дом. Он свернул в первую попавшуюся комнату – это оказался роскошный, со множеством книг вдоль стен рабочий кабинет – и сел в кресло с резной спинкой. Потом опустил взгляд на стоящего с открытым ртом слугу.

– Епископа, – повторил он.

Получасом позже Фалариан Гинеппа, епископ Макао, генерал римско-католической церкви, надменно вступил в комнату, захваченную Струаном. Это был высокий патриций с римским крючковатым носом, высоким лбом и худым высохшим лицом. Груз своих пятидесяти лет он носил с юношеской легкостью. Епископ был одет в пурпурную мантию и шапочку того же цвета, с худой шеи свисало усыпанное драгоценными камнями распятие. Темные сонные глаза смотрели враждебно. Но едва их взгляд упал на Струана, как раздражение и сонливость прелата словно рукой сняло. Епископ остановился на пороге, насторожившись каждой клеточкой своего тела.

Струан встал.

– Доброе утро, ваше светлость. Извините, что я без приглашения и потревожил вас в столь ранний час.

– Добро пожаловать во имя Господа, сеньор, – мягко ответил епископ. Он указал рукой на стул. – Я думаю, небольшой завтрак? Вы разделите его со мной?

– Благодарю вас.

Епископ отрывисто сказал что-то по-португальски слуге, который поклонился и торопливо вышел. Затем он медленно приблизился к окну, держа пальцы на распятии, и долгим взглядом посмотрел на встающее солнце. Далеко внизу, в заливе, он увидел «Китайское Облако», клипер стоял на якоре в окружении множества сампанов. Какое срочное дело, размышлял он, привело ко мне Тай-Пэна «Благородного Дома»? Этого врага, которого я так хорошо знаю, но с которым никогда раньше не встречался. – Я признателен вам за такое пробуждение. Рассвет сегодня поистине великолепен.

– Да.

Оба собеседника выказывали отменную учтивость, хотя на самом деле почтения друг к другу не питали.

Для епископа Струан олицетворял расчетливых, злобных, фанатичных англичан-протестантов, которые презрели законы Божеские, которые – обрекши себя вечному проклятию – отринули Папу, как некогда иудеи отринули Христа; а этот человек к тому же был среди них одним из первых: именно он, чуть ли не в одиночку, уничтожил Макао, а вместе с Макао и безраздельное господство Святой матери-церкви среди азиатских язычников.

Для Струана же епископ воплощал в себе все то, что шотландец всегда презирал в католиках: догматичный фанатизм добровольно оскопивших себя властолюбцев, которые во имя католического Бога высасывали богатства из бедняков, каплю за кровавой каплей, и строили из этих капель гигантские соборы для прославления Божественного, каким они его себе представляли; они, подобно идолопоклонникам, посадили в Риме человека – Папу, – сделав его непогрешимым судьей всех остальных людей.

Слуги в ливреях почтительно внесли серебряные подносы, горячий шоколад, почти невесомые булочки из воздушного теста и свежее масло, а также джем из кумквота[24], которым славился монастырь францисканцев.

Епископ прочел молитву, и латынь еще больше усилила раздражение Струана,

[24] Кумквот – род цитрусовых.

но он не сказал ни слова.

Завтрак прошел в молчании. Колокола многочисленных церквей прозвонили к заутрене, и тишину заполнил неясный, гортанный хор монашеских голосов, читавших молитву в соборе.

После шоколада был подан кофе из Португальской Бразилии – горячий, сладкий, крепкий, с изысканным ароматом и вкусом.

Епископ шевельнул рукой, слуга открыл драгоценную шкатулку для сигар и предложил ее Струану.

– Эти из Гаваны, если вам такие нравятся. После завтрака я обычно наслаждаюсь «даром» сэра Уолтера Рэли человечеству.

– Благодарю вас.

Струан выбрал сигару. Слуги поднесли им огонь и по знаку епископа удалились.

Епископ поднял глаза, наблюдая за струйкой табачного дыма.

– С какой стати Тай-Пэн «Благородного Дома» вдруг ищет моей помощи? Помощи паписта?

– Вы можете поспорить – и не проиграете, ваша светлость, – что я прибегаю к ней не с легким сердцем. Вы слышали что-нибудь о хинной корке? Иезуитской коре?

– Вот как. У вас малярия. Лихорадка Счастливой Долины, – тихо произнес епископ.

– Сожалею, но вынужден разочаровать вас. Нет, у меня нет малярии. Но ею болен человек, который мне очень дорог. Хинная корка действительно излечивает малярию?

Пальцы епископа поиграли огромным перстнем на среднем пальце, потом коснулись распятия.

– Да. Если малярия Счастливой Долины – это та же малярия, которой болеют в Южной Америке. – Его взгляд стал пронзительным. Струан почувствовал его силу, но глаз не опустил, глядя в лицо епископу с той же твердостью. – Много лет назад я был миссионером в Бразилии. Я заболел там их малярией. Но хинная корка исцелила меня.

– У вас есть хинная корка здесь? В Макао?

Последовало молчание, которое нарушалось лишь негромким постукиванием ногтей прелата по кресту; Струан сразу вспомнил китайского врача, постукивавшего пальцами по запястью Мэй-мэй. Он спросил себя, правильно ли он все рассчитал – относительно епископа.

– Я не знаю, сеньор Струан.

– Если хинная корка излечивает нашу малярию, то я готов заплатить. Если вам нужны деньги, вы их получите. Власть? Я дам вам ее. Если вам нужна моя душа, она ваша – я не разделяю ваших взглядов, так что это будет стоящий обмен. Я даже с радостью пройду через церемонию принятия католичества, но это было бы лишено всякого смысла, как мы оба хорошо понимаем. Я дам вам все, что вы хотите, если только это в моей власти. Но мне нужна кора. Немного. Я хочу вылечить от лихорадки одного человека. Назовите вашу цену.

– У вас весьма необычные манеры для того, кто пришел как проситель.

– Да. Но я исхожу из того, что, несмотря на мои манеры – или на то, что вы думаете обо мне, а я – о вас, – нам обоим есть, что предложить друг другу. Есть ли у вас хинная корка? Если есть, то излечивает ли она малярию Счастливой Долины? И если да, то какова ваша цена?

В комнате стало очень тихо, и в этой тишине навстречу друг другу устремились два потока разума, воли, мыслей.

– Сейчас я не могу дать ответа ни на один из этих вопросов, – сказал наконец епископ. Струан поднялся.

– Я вернусь сегодня вечером.

– Вам не нужно возвращаться, сеньор.

– Вы хотите сказать, что не будете иметь со мной дела?

– Я хочу сказать, что сегодня вечером может быть слишком рано. Понадобится время, чтобы оповестить каждого целителя страждущих и получить ответ. Я снесусь с вами сразу же, как только ответ будет получен. На все ваши вопросы. Где вас искать? На «Китайском Облаке» или в резиденции?

– Я пришлю человека, который будет постоянно ждать у вашего порога.

– В этом нет нужды. Я дам вам знать. – Епископ остался сидеть в своем кресле. Затем, видя, насколько глубока тревога Струана, он мягко добавил: – Не беспокойтесь, сеньор. Я пошлю людей в оба места, во имя Христа.

– Благодарю вас. – Уходя, Струан услышал, как епископ сказал ему вслед: «Ступайте с Богом», но не остановился. Входная дверь с треском захлопнулась за ним.

В неподвижной тишине маленькой комнаты епископ глубоко вздохнул. Его взгляд упал на драгоценное распятие, висевшее у него на груди. Он молча помолился. Затем послал за своим секретарем и распорядился начать поиски. Вновь оставшись в одиночестве, он разделил себя на те три самостоятельные личности, которые каждый генерал католического ордена должен был сочетать d себе единовременно. Во-первых, Божий помазанник Петр, первый епископ Христа, со всей высокой духовностью, которую это предполагало. Во-вторых, воинственный защитник Церкви в мирских делах, со всеми необходимыми для этого качествами. И, наконец, простой человек, который верил в учение другого простого человека, который был Сыном Божьим.

Епископ глубже сел в кресло и предоставил этим трем граням себя самого спорить друг с другом. И стал слушать их.

Глава 4

Струан поднимался по мраморным ступеням резиденции «Благородного Дома», усталый, но со странным чувством покоя в душе. Я сделал все, что мог, подумал он.

Едва он подошел к двери, как она широко и торжественно распахнулась. Ло Чум, старший над всеми слугами «Благородного Дома» в Макао, лучезарно улыбнулся ему беззубым ртом. Это был крошечный старичок с лицом цвета пожелтевшей слоновой кости и улыбкой гоблина. Он находился в услужении у Струана с тех самых пор, когда Струан впервые смог позволить себе нанять слугу. На нем была длинная белая рубашка, черные штаны и сандалии на веревках.

– Хелло-а, Тай-Пэн. Ванна готовый, завтрак готовый, одежды готовый, чего Тай-Пэн хочит, мозна. Ладно.

– Хейа, Ло Чум. – Струан не переставал поражаться тому, с какой быстротой распространялись все новости. Он ни минуты не сомневался, что если бы, едва ступив на берег, он бегом пробежал по пирсу и направился прямо сюда, дверь распахнулась бы перед ним точно так же, и Ло Чум точно так же стоял бы на пороге.

– Ванна, одежда можно.

– Компрадор Чен Шень был ушел. Говорил обратный приходить девять час, мозна?

– Можно, – устало ответил Струан.

Ло Чум закрыл входную дверь, заторопился впереди Струана вверх по мраморной лестнице и открыл дверь в спальню своего господина. От большой чугунной ванны поднимался пар – как всегда; на маленьком столике стоял стакан молока – как всегда; бритвенные принадлежности были аккуратно разложены, свежая рубашка и остальная одежда лежали на кровати – все, как всегда. Хорошо быть дома, подумал Струан.

– Тай-Пэн хочит колова чилло в ванну, хейа? – Высокое, пронзительное, тонкое хихиканье, похожее на ржание жеребенка.

– Ай-йа, – Ло Чум. Всегда говорит оч-чень плохие вещи, всегда говорит корова чилло в ванне джиг-джиг, все ему ладно, – проворчал Струан, снимая грязную одежду. – Разбуди массу Кулума, скажи здесь можно!

– Масса Кулум дома спать нет.

– Куда масса ушел? – спросил Струан.

Ло Чум собрал с пола одежду и пожал плечами:

– Весь ночь нет, масса. Струан нахмурился:

– Каждую ночь одинаково, хейа? Ло Чум покачал головой:

– Нет, масса. Один, два ночь здесь спать. – Он заспешил к двери.

Струан погрузился в воду, встревоженный сообщением об отсутствии Кулума. Господи, надеюсь у парня хватит ума не совать носа в Китайский квартал.

Ровно в девять утра напротив дома Струанов остановился богатый паланкин. Чен Шень, компрадор «Благородного Дома», грузно выбрался из него на мостовую. Он был в багряном одеянии, шапочку его украшали драгоценные камни, и он держался с большим достоинством, очень хорошо сознавая, насколько величествен его вид.

Он поднялся по ступеням, и дверь ему открыл сам Ло Чум – как всегда. Это давало Чен Шеню огромное лицо, ибо Ло Чум лично открывал дверь только Тай-Пэну и ему.

– Он ожидает меня? – спросил Чен Шень на одном из кантонских диалектов.

– Разумеется, ваше превосходительство. Простите, что я устроил вашу встречу так рано, но я полагал, что вы захотите быть первым.

– Я слышал, он покинул Гонконг в страшной спешке. Вы не знаете, в чем дело?

– С корабля он направился прямо к Тай-Пэну длиннополых, и...

– Это я уже слышал, – нетерпеливо оборвал его Чен Шень. Он никак не мог понять, что понадобилось Струану в монастыре, да еще так срочно. – Честное слово, Ло Чум, я не знаю, почему я с таким терпением отношусь к вам и почему в эти тяжелые времена я продолжаю платить вам каждый месяц, дабы вы держали меня в курсе всего, что происходит. О том, что корабль стоит в гавани, я узнал раньше, чем вы сумели меня известить. Поистине отвратительное пренебрежение моими делами.

– Я очень прошу простить меня, ваше превосходительство, – ответил Ло Чум. – Конечно, Тай-Пэн еще привез на корабле свою наложницу…

– А! – Хорошо, подумал Чен Шень. Я буду рад вернуть ей детей и снять с себя ответственность за них. – Это уже лучше, хотя я и сам узнал бы об этом не позже, чем через час. Какие еще жемчужины драгоценной информации есть у вас, которые оправдали бы в моих глазах столь значительное вознаграждение, получаемое вами все эти годы?

Ло Чум поднял глаза к небу, показав белки.

– Какую мудрость мог бы я, низкий раб, положить к ногам такого мандарина, как вы? – заговорил он с горестным видом. – Тяжелые настали времена, господин. Мои жены не дают мне покоя, требуя денег, а мои сыновья тратят тэйлы на азартные игры так, словно серебро это рис, который растет у них под ногами. Печально. Только зная заранее нечто очень важное, может человек защитить себя от ударов судьбы. Страшно даже подумать, что такие знания могут достичь ушей недостойного.

Чен Шень начал поигрывать своей косичкой, он сразу сообразил, что Ло Чум разнюхал нечто особенное.

– Я согласен с вами. В такие трудные времена, как наши, очень важно – сами боги положили нам так – помогать впавшим в бедность, – кивнул он с грустным видом. – Я думал послать вам ничтожный подарок, дабы почтить ваших достославных предков: три жареных поросенка, четырнадцать кур-несушек, две

штуки шантунгского шелка, жемчужину ценой десять тэйлов чистейшего серебра, прекрасную нефритовую пряжку для пояса эпохи ранней династии Цинь стоимостью пятьдесят тэйлов и кое-какие сладости и печенье, которые ни в коем случае не достойны вашего неба, но, может быть, вы согласитесь отдать их вашим слугам.

– Я едва ли могу принять столь великолепный дар, – произнес Ло Чум крайне почтительно. – Я навечно стал бы вашим должником.

– Если вы откажетесь, я могу лишь заключить, что это скромное подношение недостойно ваших блистательных предков, и я потеряю лицо.

Беседа продолжалась. Ло Чум понемногу позволил уговорить себя принять дар, а Чен Шень позволил убедить себя в том, что дар был княжеским.

– Я слышал, Тай-Пэн что-то ищет, – прошептал Ло Чум, – потому что его наложница тяжело больна. Она заразилась ядовитой лихорадкой Гонконга.

– Что?! – Новость ужаснула Чен Шеня. но в глубине души он испытал удовлетворение: столь огромный подарок не пропал даром. – Пожалуйста, продолжайте!

Ло Чум рассказал ему о враче и о странном лекарстве – вместе со всем тем, что А Сам торопливым шепотом передала владельцу сампана, которого он послал к ней.

– Люди еще говорят, что Тай-Пэн назначил награду в двадцать тысяч тэйлов. Его сын – достойный сын вашей третьей жены и ваш приемный сын – начал отчаянные поиски лекарства на Гонконге.

У Чен Шеня голова пошла кругом, когда он подумал, чем все это могло кончиться Он сделал знак Ло Чуму, и тот проводил его в кабинет Струана.

– Хелло-а, Тай-Пэн, – сказал он с широкой улыбкой. – Хорошо твоя видеть Макао, ладно.

– Хелло-а, Чен Шень, – ответил Струан. Он показал рукой на стул. – Садись!

– Лотка «Голубой Облако» домой приходить номер один, хейа?

– Не знаю. Когда есть, я говорить сильно быстро. Чен Шень хотел моя видеть, хейа?

Чен Шень был встревожен. Как глава всех Триад Макао, он лично отвечал перед Дзин-куа за безопасность Т'чунг Мэй-мэй и ее детей. Лишь он один из всех помощников Дзин-куа знал, что она его внучка. Он понимал, насколько велика ее ценность как наложницы Тай-Пэна для них обоих. А ее ценность для дела Триад – для дела всего Китая – было даже невозможно себе представить. Известие о том, что флот варваров немедленно возвращается в Кантон вместо того, чтобы отправиться прямо к Пекину, сохранило им почти четыре миллиона тэйлов – в сто раз больше, чем стоило ее образование. Он благословил свой йосс за Мэй-мэй: не будь ее, ему самому пришлось бы где-то отыскивать значительную часть выкупа.

И вот теперь эту глупую, ни на что не годную женщину угораздило подхватить неизлечимую болезнь. То есть, быстро поправился он, неизлечимую в том случае, если мы не сможем достать лекарство. А если сможем, то она выздоровеет и деньги, которые мы вложили в нее – и в Тай-Пэна, – не пропадут, да к тому же на этом можно будет заработать двадцать тысяч тэйлов. Потом – клац! – еще одна новость встала на место, и он подумал: «Ага, так вот зачем Гордон Чен тайно прислал вчера в Макао сорок Триад из гонконгской ложи». Наверное, здесь можно раздобыть это лекарство. Ему стало интересно, что сказал бы Гордон Чен, если бы он поведал ему, что его тайный «Учитель» был послан к нему по приказу Дзин-куа, что сам Дзин-куа руководил всеми Триадами Квантуна, а он, Чен Тень, был в организации вторым после него лицом. Да, заметил он про себя, очень мудро держать некоторые вещи в секрете: никогда не знаешь, кто и когда поскользнется.

– Тай-Пэн чилло маленький в мой дом оч-чень хороший, оч-чень счастливый, – радостно объявил он. – Твоя видеть хочит? Гонконг забирать хочит?

– Видеть сегодня. Забирать скоро. Я скажу очень когда. – Струан спрашивал

себя, стоит ли ему говорить Чен Шеню про Мэй-мэй.

– Тай-Пэн. Твоя чилло маленький хорошо есть, – начал Чен Шень. – Думать лучше твоя берег привозить чилло мама. Делать чилло мама частливый, мозна. Оч-чень номер один доктор зде-ся мозна. Оч-чень номер один лекарство мозна. Нет никакой беда. Думать лекарство здесь Макао есть. Чен Шень устроить оч-чень сильно хорошо.

– Откуда ты знаешь, что она здесь, и про малярию?

– Сто? Нет понимай.

– Почему твой знать моя корова чилло плохо больной есть?

Чен Шень довольно хихикнул про себя и пожал плечами:

– Все равно знать, ладна.

– Лекарство здесь? Правда?

– Если зде-ся, достать мозна. Я посылать джонка раз-раз на «Китайский Облако». Корова чилло берег возить. Чен Шень устроит.

Он вежливо поклонился и вышел.

Струан отправился на клипер и разрешил команде увольнительные на берег по вахтам. Вскоре к кораблю подошла джонка Чен Шеня. Мэй-мэй с осторожностью перевезли на берег – всю дорогу подле нее находился китайский врач – и доставили в ее дом на склоне холма Святого Антония.

Дом был чисто убран и полон слуг, чай был готов, А Сам, хлопоча, забегала по комнатам, обняла детей, ждавших тут же вместе со своими амами, помогла Мэй-мэй устроиться на огромной кровати и привела к ней сына и дочь. Были пролиты слезы счастья, прибавилось беготни и криков, и наконец А Сам и Мэй-мэй почувствовали себя дома.

Врач принес специальную пищу и лекарства, которые должны были укрепить силы Мэй-мэй и поддержать силы младенца в ее чреве, и приказал ей оставаться в постели.

– Я скоро вернусь, – сказал Струан.

– Хорошо Спасибо тебе, Тай-Пэн. Спасибо.

– Я иду в резиденцию. Затем, возможно, в дом Броков.

– Они в Макао?

– Да. Все, кроме Тайлера. Я, кажется, уже говорил тебе об этом. Разве ты не помнишь! Кулум и Тесс тоже здесь.

– Ах, да, – ответила она. Мэй-мэй хорошо помнила о своей договоренности с Гордоном Ченом. – Извини. Я забыла. У меня голова совсем как сито. Конечно, конечно, теперь я вспомнила. О, я так чудесно рада уехать с корабля и быть дома. Спасибо тебе.

Он вернулся в резиденцию компании. Кулум еще не приходил, поэтому он зашагал вдоль praia к дому Броков. Но ни Тесс, ни Лиза не знали, где Кулум. Горт сказал, что вчера вечером они вместе отправились играть в Английский Клуб, но он, Горт, ушел оттуда первым.

– Я провожу вас до двери, – предложил Горт. Когда они оказались одни у порога, он криво ухмыльнулся, упиваясь в душе своей местью. – Вы знаете, как это бывает… я навещал одну леди. Может, и он пошел куда-нибудь с таким же визитом. Беды в этом нет. К тому же он, помнится, выигрывал, когда я оставил его за карточным столом, если вас это беспокоит.

– Нет, Горт. Это меня не беспокоит. Ты знаешь, что в Британии для убийц существует хороший закон: скорый суд и петля без проволочек, кто бы ни был убит. Даже проститутка.

Горт побелел.

– Что вы хотите этим сказать, а?

– Если кто-то окажется висельником, я сам с радостью возьмусь его вздернуть.

– Вы мне угрожаете? Против этого тоже есть закон, клянусь Богом.

– Если будет смерть, тогда Господь свидетель, будет и обвинение в убийстве.

– Не знаю даже, о чем вы говорите! – вскипел Горт. – Вы не правы, обвиняя меня!

– Я ни в чем тебя не обвиняю, Горт. Просто напоминаю о том, как обстоят дела. Да. Я слышал, есть два возможных свидетеля возможной смерти… которые будут готовы выступить на суде.

Горт справился с охватившей его было паникой. Струан, конечно, говорит об этой проклятой ведьме Фортерингилл и этом слизняке Квэнсе. Ей заплатили достаточно, чтобы она помалкивала. Ну да ладно, если понадобится, я с ними разберусь в два счета, да только вряд ли это будет нужно, потому что та маленькая сучка все равно не умрет.

– Я не боюсь таких, как вы... или ваших растреклятых ложных обвинений.

– Я не обвиняю тебя. Горт, – еще раз повторил Струан. Он испытывал сильное искушение спровоцировать неизбежную схватку прямо сейчас. Но понимал, что должен ждать, пока Горт сделает свою первую ошибку: публично нанесет ему оскорбление, ответом на которое может быть только дуэль. Только тогда он сможет свободно и открыто послать к нему секундантов с официальным вызовом и убить в присутствии целой толпы зрителей. Только в этом случае ему удастся сохранить союз Кулума и Тесс и не дать Броку шанса обвинить его в убийстве. Потому что Мэй-мэй была права: вся Азия знает, как ему не терпится прикончить Горта. – Если увидишь Кулума, передай, что я ищу его.

– Передавайте ему это сами! Я вам не лакей. Клянусь Богом, вам не долго оставаться Тай-Пэном «Благородного Дома».

– Смотри не споткнись, – сказал Струан. – Тебе меня не испугать.

Горт клюнул на приманку.

– Тебе меня тоже, Дирк. Я говорю тебе как мужчина мужчине: сам смотри под ноги, или будешь иметь дело со мной.

Струан вернулся в свою резиденцию очень довольный собой. Вот ты и попался на крючок, Горт.

Кулум все еще не появлялся. И от епископа тоже не было никаких известий. Струан приказал Ло Чуму постараться разыскать Кулума и вышел на praia. Он повернул вверх по склону к собору, откуда пошел менее знакомыми улицами мимо симпатичных ресторанчиков с разноцветными зонтами прямо на тротуаре. Он пересек широкую praca и вошел в огромные ворота.

Монахиня, сидевшая за грубым деревянным столом, подняла глаза.

– Доброе утро. Вы говорите по-английски? – обратился к ней Струан.

– Немного, сеньор.

– У вас лежит больная. Мисс Мэри Синклер. Я ее друг. Последовала долгая пауза.

– Вы хотите видеть?

– Да, пожалуйста.

Привратница подозвала жестом монахиню-китаянку и что-то быстро сказала ей по-португальски. Струан последовал за той по коридору и, поднявшись на несколько ступеней, очутился в комнате Мэри.

Комната была маленькая, вся в грязных пятнах. Окна были плотно закрыты, и внутри стоял тяжелый запах пота. Над кроватью висело распятие.

В лице у Мэри не осталось ни кровинки, ее улыбка была едва уловимой. И страдания состарили ее.

– Привет, Тай-Пэн.

– Что с тобой, Мэри? – мягко спросил он.

– Ничего, чего бы я не заслуживала.

– Я заберу тебя из этого проклятого места.

– Со мной все хорошо, Тай-Пэн. Они очень добры ко мне.

– Да, но это неподходящее место для английской девушки-протестантки.

В комнату вошел высокий худой монах с тонзурой. Он был в простой рясе, заскорузлой от старых пятен крови и пролитых на нее лекарств. На груди у него висел простой деревянный крест.

– Доброе утро, – сказал монах. Он говорил по-английски правильно и без всякого акцента. – Я отец Себастьян. Врач этой больной.

– Доброе утро. Наверное, я заберу ее из-под вашей опеки.

– Я бы не советовал вам этого делать, мистер Струан. Ее не следует тревожить по крайней мере месяц.

– Что с ней?

– Внутреннее расстройство.

– Вы англичанин?

– Вам это кажется таким странным, мистер Струан? Есть много англичан, а также и шотландцев, которые признают истинную Церковь Христову. Но то, что я католик, не делает меня в меньшей степени врачом.

– У вас здесь есть хинная корка?

– Что?

– Хинная корка? «Иезуитская кора»?

– Нет. Я никогда не пользовался ею. Никогда ее не видел. Зачем вам?

– Так, ничего. Что произошло с мисс Синклер?

– Случай весьма сложный. Мисс Синклер необходим полный покой в течение месяца, лучше – двух.

– Ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы переехать отсюда, девочка?

– Ее брат, мистер Синклер, не возражает против того, чтобы она оставалась здесь. И, если не ошибаюсь, мистер Кулум Струан тоже одобряет мое предложение.

– Кулум был здесь сегодня? – спросил Струан у Мэри. Она покачала головой и с трагичным лицом повернулась к монаху:

– Пожалуйста, расскажите Тай-Пэну о... обо мне.

Отец Себастьян хмуро кивнул.

– Думаю, вы поступаете разумно. Кто-то должен знать. Мисс Синклер очень больна, мистер Струан. Она выпила настой китайских трав, наверное правильнее будет сказать яд, чтобы вызвать у себя выкидыш. Яд изгнал плод из чрева, но стал причиной кровотечения, которое теперь, Божьей милостью, почти удалось остановить.

Струан почувствовал, как у него вдруг взмокла спина.

– Кто еще знает, Мэри? Горацио? Кулум?

Она покачала головой.

Струан повернулся к монаху:

– Почти удалось остановить? Означает ли это, что с девушкой все в порядке? Что через месяц или чуть больше она поправится?

– Физически, да. Если не начнется гангрена. И если на то будет воля Божья.

– Что вы имеете в виду, говоря «физически»?

– Я хочу сказать, мистер Струан, что невозможно рассматривать физическое здоровье отдельно от духовного. Эта женщина ужасно согрешила против законов Божеских – против законов католической церкви, а также и вашей церкви, – поэтому прежде чем можно будет говорить о полном исцелении, должно состояться примирение с Господом и расплата за грехи перед Ним. Вот все, что я пытаюсь сказать.

– Как... как она попала сюда?

– Ее доставила сюда ее ама, католичка. Я получил особое разрешение лечить

ее, и... ну, мы поместили ее здесь и лечили так хорошо, как только могли. Мать-настоятельница потребовала, чтобы кто-то был извещен, потому что нам казалось, будто надежды на выздоровление мало. Было послано письмо капитану Глессингу. Мы полагали, что он является... отцом, но мисс Синклер клянется, что это не так. И она попросила нас не раскрывать причины ее болезни. – Отец Себастьян умолк. – Тот кризис, благодарение Богу, миновал.

– Вы сохраните это в тайне? То... то, что случилось с ней?

– Только вы, я и сестры знают об этом. Мы принесли обеты Господу, которые не могут быть нарушены. С нашей стороны вам нечего опасаться. Но я знаю, что исцеления этой несчастной грешницы не произойдет без примирения и расплаты. Ибо Он знает.

Отец Себастьян оставил их вдвоем.

– О... отцом был один из твоих «друзей», Мэри?

– Да. Я не... я не жалею о своей жизни, Тай-Пэн. Мне... я не могу жалеть. Или... или о том, что я сделала. Это йосс. – Мэри смотрела в окно. – Йосс, – повторила она. – Меня изнасиловали, когда я была совсем маленькой... по крайней мере... нет, это неправда. Я не знала, что... я еще ничего не понимала, но в первый раз меня немного принудили. Потом я... потом принуждать уже было не обязательно – я хотела.

– Кто это был?

– Один из мальчиков в школе. Он умер. Это было так давно.

Струан переворошил свою память, но не смог отыскать там ни одного мальчика, который бы потом умер. Мальчика, который мог бы иметь отношение к семье Синклеров или был бы вхож в их дом.

– Потом, после этого, – запинаясь, продолжала Мэри, – у меня появилась потребность. Горацио... Горацио был в Англии, поэтому я попросила одну из ам найти мне любовника. Она объяснила мне, что я... что я могла бы получить любовника, много любовников, что, если я буду осторожна и она будет осторожна, у меня может появиться другая, тайная жизнь, а с нею – всякие красивые вещи. Моя настоящая жизнь никогда не дарила мне никаких радостей. Вы знаете, что у меня был за отец. И вот эта ама подсказала мне, как нужно за это взяться. Она... она подыскивала мне «друзей». Мы... мы с ней... мы с ней вместе разбогатели, и я рада этому. Я купила себе два дома, и она всегда приводила ко мне только очень богатых людей. – Мэри замолчала, потом, после долгой паузы, всхлипнула: – О, Тай-Пэн, мне так страшно.

Струан присел на кровать рядом с ней. Он вспомнил слова, которые говорил ей всего лишь несколько месяцев назад. И ее уверенный ответ.

Глава 5

Струан стоял у открытого окна, задумчиво рассматривая праздную толпу людей на praia внизу. День клонился к закату. Все португальцы были в строгих вечерних костюмах. Они прогуливались в обе стороны praia, раскланиваясь, оживленно беседуя. Юные fidalgos и девушки осторожно флиртовали под неусыпным надзором родителей и дуэний. Несколько паланкинов искали в толпе клиентов, другие доставляли на променад опоздавших. Сегодня вечером губернатор давал бал в своем дворце, и Струан получил приглашение, но он не был уверен, что пойдет туда. Кулум так и не вернулся. Человек от епископа тоже не приходил.

Днем он виделся с Горацио. Горацио был в бешенстве, потому что А Тат, ама Мэри, исчезла.

– Я убежден, это именно она напоила бедную Мэри ядом, – горячился он. Мэри рассказала ему, что по ошибке выпила вместо чая какие-то травы, которые нашла на кухне – ничего больше.

– Чепуха, Горацио. А Тат живет с вами уже столько лет. Зачем бы ей понадобилось затевать такое? Это произошло случайно.

После того, как Горацио откланялся, Струан разыскал людей, которые были вместе с Кулумом и Гортом вчера вечером. Большей частью это оказались приятели Горта, и все они уверяли его, что через несколько часов после ухода Горта ушел и Кулум, что он пил, но был не пьянее остальных и не пьянее, чем обычно.

Ах, Кулум, идиот ты несчастный, думал Струан. Говорил же я тебе.

Внезапно он заметил, что к его дому приближается безупречного вида слуга в парике и ливрее. Он сразу узнал герб епископа. Слуга не спеша двигался вдоль praia, но у его дома не остановился и скоро исчез в толпе.

Начинало быстро темнеть, и свет масляных фонарей, освещавших променад, стал ярче в сгущавшихся сумерках. Струан увидел, как перед его домом остановился закрытый портшез. Два почти неразличимых во тьме носильщика поставили его на мостовую и исчезли в боковой улочке.

Струан бросился из комнаты и сбежал вниз по лестнице.

Кулум без сознания развалился на задней скамье портшеза. Его одежда была порвана и заляпана пятнами рвоты. От него сильно пахло спиртным.

Струана этот вид больше позабавил, чем разозлил. Он рывком поднял Кулума на ноги, взвалил себе на плечо и, не обращая внимания на изумленные взгляды прохожих, внес его в дом.

– Ло Чум! Ванну, быстро раз-раз!

Струан положил Кулума на кровать и стащил с него одежду. На груди и на спине синяков не было. Он перевернул его. Царапины от ногтей на животе. И посиневшие пятна любовных укусов.

– Ах ты, дурачок, – проговорил он, осматривая сына быстро и внимательно. Сломанных костей нет. Зубы на месте. Кольцо-печатка и часы исчезли. Карманы пусты.

– Тебя обобрали, парень. Возможно, в первый раз, но уж никак не в последний.

Струан знал, что подсыпанное в бокал неискушенного клиента снотворное было обычным трюком во всех борделях.

Слуги принесли ведра с теплой водой и наполнили ванну. Струан перенес в нее Кулума и вымыл его губкой с мылом. Ло Чум поддерживал бессильно болтающуюся голову.

– Масса сильно ужасный пить безумный, сильно ужасный джиг-джиг, хейа.

– Ай-й-йа! – ответил Струан. Когда он вынимал Кулума из ванны, острая боль пронзила левую щиколотку, и он понял, что за день натрудил изувеченную ногу больше, чем предполагал. Надо будет несколько дней перевязывать ее потуже, подумал он.

Струан вытер Кулума полотенцем и уложил в постель. Легко похлопав его по щекам, он попытался привести сына в чувство, но это ни к чему не привело, поэтому он поужинал один и стал ждать. Прошел час, потом другой. Его тревога усилилась, потому что к этому времени, сколько бы Кулум ни выпил, он уже должен был бы прийти в себя.

Кулум дышал глубоко и ровно. Сердце его билось размеренно и сильно, не внушая никаких опасений.

Струан встал с кресла и потянулся. Ему оставалось только ждать.

– Я ходить номер один мисси, – сказал он – Ты оставаться смотреть оч-чень хорошо, хейа?

– Ло Чум смотреть оч-чень как мама!

– Дашь знать, ясно9 Какое время масса просыпаться одинаково, дашь знать, ясно?

– Почему Тай-Пэн ясна говорить, хейа? Всегда ясна оч-чень когда, ладна Хейа?

Но в ту ночь Ло Чум так и не прислал за ним.

На рассвете Струан покинул дом Мэй-мэй и вернулся в резиденцию. Мэй-мэй проспала ночь спокойно, зато Струан вздрагивал всякий раз, когда слышал шаги прохожего или когда мимо проносили портшез – и часто это была лишь игра его воображения.

Ло Чум открыл ему дверь.

– Зачем Тай-Пэн рано, хейа? Завтлак готовый, ванна готовый, чего Тай-Пэн хочит мозна, хейа?

– Масса просыпаться, хейа?

– Зачем спрашивать? Если просыпаться давать знать. Я оч-чень сильно хорошо ясна, Тай-Пэн, – проворчал Ло Чум с оскорбленным видом.

Струан поднялся наверх. Кулум по-прежнему крепко спал.

– Один раз, два раз масса делай как… – и Ло Чум застонал, зачавкал, тяжело двигая челюстью, шмыгнул носом, зевнул и застонал еще громче.

После завтрака Струан послал слугу к Лизе и Тесс с известием, что Кулум вернулся, но не стал сообщать им, в каком виде. Затем он попытался сосредоточиться на делах компании.

Он подписал несколько бумаг и одобрил увеличение строительных расходов на Гонконге, возмущаясь ростом цен на строительный лес, кирпич, рабочую силу и на все виды припасов для кораблей, на их ремонт и оснащение.

Чума на это безобразие! Цены взлетели на пятьдесят процентов – и никаких признаков того, что они упадут. Теперь клиперы: закладывать ли мне новые на будущий год или рискнуть остаться с теми, что уже есть? Положиться на то, что море не потопит ни одного? Нет, придется докупить еще.

Поэтому он подписал заказ на один новый клипер. Он назовет его «Облако Тесс», и корабль будет подарком Кулуму ко дню его рождения. Но даже мысль о еще одном красавце-паруснике не обрадовала его, как это неизменно бывало. Она напомнила ему об «Облаке Лотоса», который скоро будет заложен на стапелях Глазго, и о предстоящем через год морском сражении с By Квоком – если он был еще жив – или его отцом By Фан Чоем и их пиратами. Он вдруг подумал о мальчиках Скраггера, благополучно ли они доберутся до дома. Пройдет не меньше месяца, прежде чем они попадут в Лондон, и еще три месяца, пока известие об этом вернется сюда.

Он запер контору и отправился в Английский Клуб, где перекинулся парой слов с Горацио, потом кое с кем из торговцев и сыграл партию в бильярд. Он не получил удовольствия ни от игры, ни от компании. Разговор велся исключительно о делах: все с тревогой говорили о признаках вновь нависшей над миром катастрофы и озабоченно гадали, насколько рискованными окажутся их огромные торговые операции в этом году.

Струан расположился в просторной тихой библиотеке и взял газеты трехмесячной давности, прибывшие с последней почтой.

Сделав над собой усилие, он сосредоточился на редакционной статье, которая рассказывала о ширящихся волнениях среди промышленных рабочих Мидленда. Автор настаивал на необходимости справедливой платы за честный труд. Другая статья проливала слезы по поводу того, что гигантская машина английской промышленности работает только вполсилы, и решительно требовала открыть новые, более емкие рынки для того изобилия товаров, которое она способна произвести: рост производства означал бы снижение цен и безработицы и повышение заработной платы.

Следом пошли статьи, в которых говорилось о напряженных отношениях между Францией и Испанией, о грозовых облаках войны, нависших над этими государствами из-за нерешенного вопроса об испанском наследстве; Пруссия

протягивала свои щупальца к мелким германским княжествам с целью подчинить их себе, и франко-прусский конфликт представлялся делом ближайшего будущего; «грозовые облака войны» нависли также над Россией и Святой Римской империей Габсбургов; те же пресловутые облака висели над итальянскими государствами, которые желали вышвырнуть из Италии новоиспеченного французского короля Неаполитанского и потом объединиться или же не объединяться, вследствие чего Папа, поддерживаемый французами, оказался вовлеченным в политическую борьбу; грозовые тучи собрались и над южной Африкой, потому что буры, которые последние четыре года непрерывным потоком покидали на своих фургонах Капскую провинцию, чтобы основать Трансвааль и Оранжевое свободное государство, угрожали теперь английской колонии Наталь, и уже со следующей почтой ожидалось известие о начале военных действий; по всей Европе катилась волна антисемитских выступлений, в городах устраивались погромы, католики сражались с протестантами, мусульмане – с индусами, католиками, протестантами и друг с другом; в Америке шли войны с индейцами, Северные штаты враждовали с Южными, Америка и Британия ссорились из-за Канады; беспорядки в Ирландии, напряженная обстановка в Швеции, Финляндии, Индии, Египте, на Балканах...

– Черт побери, какую газету ни возьми, везде одно и то же! – взорвался Струан, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Весь мир сошел с ума, клянусь Богом!

– Что случилось, Тай-Пэн? – вздрогнув, спросил Горацио, очнувшийся от своих отравленных ненавистью мыслей.

– Весь мир сошел с ума, вот что случилось! Какого дьявола люди не прекратят кромсать друг друга на куски и не начнут наконец жить в мире?!

– Полностью согласен, – прокричал Мастерсон с другого конца комнаты. – Абсолютно. Клянусь Господом, это же ужас, что мы оставляем детям. Весь мир летит в тартарары. Уже провалился гуда. Вспомните, насколько лучше все было в старые времена, ну? Отвратительно!

– Да, – закивал Роуч. – Мир слишком разогнался. Голова нашего чертова правительства оказалась в его же пресловутой прямой кишке – обычное, впрочем, дело. Клянусь Богом, каждый раз думаешь, что они все-таки чему-то научатся, но этого, видно, никогда не произойдет. Каждый Богом проклятый день мы читаем, как премьер-министр призывает нас «потуже затянуть пояса». Ради Создателя, вы слышали когда-нибудь человека, который призывал бы немного их ослабить?

– Говорят, ввозную пошлину на чай удваивают, – подлил масла в огонь Мастерсон. – А если этот маньяк Пил пролезет к власти, этот мерзавец как пить дать введет еще и подоходный налог! Это новейшее измышление дьявола!

Его слова вызвали всеобщее возбуждение, и на голову Пила посыпались проклятия и язвительные насмешки.

– Да этот человек сущий анархист, черт бы его побрал! – негодовал Мастерсон.

– Чепуха, – спокойно заметил Роуч. – Налоги здесь ни при чем. Все дело просто в том, что у нас слишком много людей. Что нам нужно, так это контроль рождаемости.

– Что? – проревел Мастерсон. – Только не говорите мне об этой богохульной, омерзительной идее! Вы что, антихрист, клянусь Создателем?

– Нет, клянусь Богом. Но низшие классы засасывают нас, как болотная трясина. Я не говорю, что мы должны это делать, но уж они-то должны непременно, черт побери! Среди этого отребья в кого ни ткни, в висельника попадешь!

Струан отшвырнул газеты в сторону и отправился в Английский Отель. Отель, как и Клуб, занимал величественное здание с колоннами.

В парикмахерской ему вымыли и подровняли волосы. Позже он послал за Свенсоном, шведским моряком-массажистом.

Скрюченный старик молотил его стальными ладонями, растирал все тело льдом, а потом тер грубым сухим полотенцем, пока кожа не начала гореть.

– Разрази меня гром. Свенсон, я заново родился на свет.

Свенсон засмеялся, но ничего не сказал. Много лет назад корсары в Средиземном море вырвали ему язык.

Он сделал Дирку Струану знак лежать на покрытом матрасом столе, плотно укутал его одеялами и оставил отдыхать.

– Тай-Пэн! – это был Ло Чум. Задремавший было Струан тут же проснулся.

– Масса Кулум?

Ло Чум покачал головой и улыбнулся беззубым ртом:

– Длиннополая масса!

Струан следовал за молчаливым монахом-иезуитом по крытой галерее собора, окружавшей внутренний двор с его великолепным садом.

Монастырские часы отзвонили четыре пополудни.

Монах свернул в конце галереи и первым вошел в большую тиковую дверь, которая вела в просторную приемную. На ее стенах висели гобелены. Изрядно вытертый мраморный пол устилали ковры.

Монах почтительно постучал в дальнюю дверь, и они вошли в следующую комнату. Величественный, как монарх, Фалариан Гинеппа восседал в кресле с высокой спинкой, весьма похожем на трон. Он едва заметно шевельнул рукой, отпуская монаха, тот поклонился и вышел.

– Пожалуйста, садитесь, сеньор.

Струан опустился в деревянное кресло, на которое указал епископ. Оно было несколько ниже, чем кресло епископа, и он чувствовал силу воли прелата, обволакивавшую его, чтобы подчинить себе.

– Вы посылали за мной?

– Я просил вас прийти повидать меня, это так. Хинная корка. В Макао ее нет, но, кажется, небольшое ее количество есть в нашей миссии в Ло Тине.

– Где это?

– Внутри страны. – Епископ разгладил складку на своей пурпурной мантии. – Около ста пятидесяти миль на северо-запад.

Струан поднялся.

– Я немедленно пошлю туда кого-нибудь.

– Я уже сделал это, сеньор. Пожалуйста, садитесь. – Епископ хранил торжественный вид. – Наш курьер вышел на рассвете с приказом обернуться в рекордное время. Я думаю, это ему удастся. Он китаец, родом как раз из той местности.

– Как вы полагаете, сколько времени уйдет у него на это путешествие? Семь дней? Шесть дней?

– Это еще одна причина моей озабоченности. Сколько приступов лихорадки было у девушки?

Струан хотел было спросить у епископа, как он узнал о Мэй-мэй, но сдержался. Он понимал, что источники секретной информации католиков неисчислимы, да и в любом случае «девушка» была бы несложным выводом для такою проницательного человека, как епископ.

– Один. Пот выступил два дня назад. Примерно в это же время.

– Значит, следующий будет завтра. Или никак не позже, чем через день. Чтобы дойти до Ло Тиня и вернуться обратно, курьеру потребуется семь дней – это при условии, что все пройдет хорошо и не возникнет никаких непредвиденных трудностей.

– Я не думаю, что она сможет вынести еще два приступа.

– Я слышал, она молодая и сильная девушка Она должна быть в состоянии прожить еще восемь дней.

– Она уже шесть месяцев носит ребенка.

– Это очень плохо.

– Да. Где находится Ло Тинь? Дайте мне карту. Возможно, мне удастся сократить время на день.

– В этом путешествии мои возможности превышают ваши тысячекратно, – ответил епископ. – Может быть, оно займет только семь дней. Если на то будет воля Божья.

Да, подумал Струан. Тысячекратно. Как бы я хотел обладать теми знаниями, которые католики собрали на протяжении столетий, постоянно совершая вылазки в глубь Китая. Интересно, какой именно Ло Тинь? Их там может быть полсотни в радиусе двухсот миль.

– Да, – проговорил он после долгого молчания, – если на то будет воля Божья.

– Вы – необычный человек, сеньор. Я рад, что мне выпала возможность встретиться с вами. Не хотите ли выпить бокал мадеры?

– Какова цена коры? Если она существует, если она будет доставлена вовремя и если она излечит лихорадку?

– Не хотите ли выпить бокал мадеры?

– Благодарю вас.

Епископ позвонил в колокольчик, и в ту же секунду в дверях появился ливрейный лакей с графином с бокалами на гравированном серебряном подносе.

– За лучшее понимание многих вещей, сеньор.

Они выпили – и смеряли друг друга взглядом.

– Цена, ваша светлость?

– В настоящий момент существует слишком много «если». Это пока может подождать. Но две другие вещи – нет. – Епископ сделал еще один глоток, смакуя вино. – Поистине, мадера – несравненный аперитив. – Он собрался с мыслями. – Меня очень тревожит сеньорита Синклер.

– Меня тоже, – сказал Струан.

– Отец Себастьян – чудодейственный целитель. Но он постоянно дает мне понять, что если сеньорита не получит духовной помощи, она может лишить себя жизни.

– Только не Мэри! Она очень сильная девушка. Она не станет этого делать.

Фалариан Гинеппа свел свои тонкие пальцы в пирамиду. Косой луч солнца упал на огромный рубин его перстня, и камень словно расплавился в ослепительном сиянии.

– Если бы ее можно было полностью поручить заботам отца Себастьяна – и святой Христовой Церкви, – мы смогли бы обратить ее проклятие в благословение. В ее положении это явилось бы наилучшим выходом. Я всем сердцем верю, что это единственное подлинное решение. Но если это невозможно, то, прежде чем она выйдет от нас, я должен передать ответственность за нее кому-то, кто эту ответственность примет.

– Я приму ее.

– Очень хорошо, хотя я не думаю, что вы поступаете разумно, сеньор. Однако, как бы там ни было, ваша жизнь и душа – как и ее – также пребывают в руках Господа. Я молюсь, чтобы вам и ей было даровано понимание и прозрение. Очень хорошо. Пока она находится здесь, я приложу все усилия, чтобы постараться спасти ее душу но как только она достаточно окрепнет телом, чтобы уйти, я тотчас же дам вам знать.

Часы собора пробили пять часов.

– Как рана великого князя Сергеева?

Струан нахмурил брови:

– Это вторая вещь, которая не может ждать?

– Для вас, британцев, вполне возможно.

Фалариан Гинеппа открыл ящик и извлек из него кожаный портфель с тяжелыми

сургучными печатями.

– Меня просили конфиденциально передать вам вот это. Похоже, что определенные дипломатические круги крайне встревожены присутствием великого князя в Азии.

– Церковные круги?

– Нет, сеньор. Мне предложено сказать вам, что вы, по своему желанию, можете передать эти документы дальше. Как я понимаю, некоторые печати, которые вы найдете внутри, послужат доказательством их подлинности. – По его лицу скользнула легкая улыбка: – Портфель тоже запечатан.

Струан узнал печать, которой пользовались чиновники, состоявшие при генерал-губернаторе.

– С какой стати меня вдруг посвящают в дипломатические тайны? Существуют специальные дипломатические каналы. Мистер Монсей живет всего в полумиле отсюда, а его превосходительство находится на Гонконге. И тот и другой прекрасно знакомы с протоколом.

– Я ни во что вас не посвящаю. Я лишь выполняю просьбу, с которой ко мне обратились. Не забывайте, сеньор, сколько бы я лично ни презирал все то, за что вы выступаете, вы пользуетесь влиянием при Сент-Джеймском дворе, а ваши торговые связи охватывают весь мир. Мы живем в изменчивые времена, а Португалия и Британия являются старыми союзниками. Британия всегда была для Португалии добрым другом, а разум подсказывает, что друзья должны помогать друг другу, нет? Может быть, именно этим все и сказано.

Струан взял протянутый портфель.

– Я извещу вас сразу же, как только наш курьер вернется из Ло Тиня, – сказал Фалариан Гинеппа. – В какое бы время дня или ночи это ни произошло. Вы желаете, чтобы отец Себастьян осмотрел вашу даму?

– Не знаю. – ответил Струан, поднимаясь. – Возможно. Я бы хотел подумать над этим, ваша светлость.

– К вашим услугам, сеньор. – Епископ заколебался на мгновение: – Ступайте с Богом.

– Бог да пребудет с вами, ваша светлость, – сказал Струан.

– Хэллоу, Тай-Пэн, – с трудом выговорил Кулум. В голове у него словно стучал молот, а язык был как высохшая коровья лепешка.

– Привет, парень.

Струан положил на стол еще не распечатанный портфель, который жег ему руки всю дорогу до дома. Он подошел к буфету и плеснул в бокал глоток бренди.

– Кушать, масса Кулум? – радостно спросил Ло Чум. – Полосенка? Калтофель? Соуса? Хейа?

Кулум слабо покачал головой, и Струан отпустил Ло Чума.

– Вот, выпей, – сказал он, протягивая бокал сыну.

– У меня не получится. – Кулум отвернулся, борясь с тошнотой.

– Пей.

Юноша проглотил коньяк. Он поперхнулся и быстро запил его чаем, стоявшим у кровати. Потом откинулся на подушку, стараясь унять пульсирующую боль в висках.

– Хочешь поговорить? Рассказать мне, что случилось?

Лицо Кулума было серым, белки глаз – грязно-розовыми.

– Я ничего не могу вспомнить. Господи, я чувствую себя ужасно.

– Начни с начала.

– Я играл в вист с Гортом и несколькими нашими друзьями, – с трудом ворочая языком, заговорил Кулум. – Помню, я выиграл что-то около ста гиней. Мы довольно много пили. Но я помню, как убрал выигранные деньги в карман. Потом... нет, дальше – провал.

– Ты помнишь, куда ты поехал?

– Нет. Точно не помню. – Он сделал еще несколько жадных глотков из чашки с чаем и провел руками по лицу, пытаясь прогнать мучительную головную боль. – О Боже, мне так плохо!

– Ты помнишь, в какой публичный дом ты отправился?

Кулум покачал головой.

– У тебя есть какой-то, куда ты ходишь постоянно?

– Боже милостивый, нет!

– Не нужно так картинно возмущаться, дружок. Ты был в борделе – это ясно. Тебя обобрали – это ясно. В бокал тебе подсыпали снотворного – это тоже ясно.

– Меня опоили?

– Это самый старый трюк на свете. Поэтому я и советовал тебе посещать только те публичные дома, которые были рекомендованы тебе человеком, заслуживающим твоего доверия. Это был первый раз, когда ты посетил бордель в Макао?

– Да, да. Господи милостивый, меня опоили?

– Ну же, парень, шевели мозгами. Думай! Ты помнишь, что это был за дом?

– Нет... ничего. Полная темнота.

– Кто выбрал его для тебя, а? Кулум сел на кровати.

– Мы пили и играли. Я был, ну-у, изрядно пьян. Потом... потом все вдруг заговорили о... о девушках. И об этих домах. Ну, и... – он посмотрел на Струана, на его лице ясно читались стыд и боль, – ...я был просто... видишь ли, все это вино, и... я почувствовал, ну, потребность в девушке. Это жгло, как огонь. И тогда я решил, что я должен... должен пойти в бордель.

– В этом нет беды, парень. Кто дал тебе адрес?

– Кажется... Нет, не знаю. Но, по-моему, они все давали мне какие-то адреса. Писали мне адреса... или говорили адреса, я не помню. Я помню, как вышел из Клуба. Там стоял портшез, и я забрался в него. Подожди минутку... вспомнил! Я сказал им доставить меня в «У и Ф»!

– Там тебя никогда бы не обокрали, дружок. И не стали бы подсыпать всякой гадости в вино. Или доставлять тебя домой таким образом. Это было бы немного чересчур – они дорожат своей репутацией.

– Нет. Я уверен. Именно это я и сказал носильщику. Да, я абсолютно уверен!

– Куда тебя отнесли? В китайский квартал?

– Не знаю. Помню, кажется... нет, не знаю.

– Ты сказал, это жгло тебя, как огонь. Что за огонь? Опиши подробнее, что ты чувствовал.

– Ну, это было так... помню, я был очень разгорячен и, ну... смерть господня, я все время безумно хочу Тесс, а после стольких бокалов и всего остального... я не знал покоя, поэтому... поэтому я пошел в этот дом... – Кулум умолк. – О Господи, у меня раскалывается голова. Пожалуйста, оставь меня одного.

– У тебя было с собой чем предохраняться? Кулум покачал головой.

– Этот огонь. Эта потребность. Вспомни, было в них что-то необычное вчера вечером?

Кулум опять качнул головой.

– Нет. Все это длится уже много недель, но... хотя пожалуй, это несколько отличалось... впрочем нет, не очень. Он у меня стал твердым, как железный прут, и все в паху горело, как в огне, и мне была просто необходима девушка, и... о, я не знаю. Оставь меня! Пожалуйста... мне очень жаль, но, пожалуйста...

Струан подошел к двери.

– Ло Чум!

– Да, масса?

– Ходить дом Чен Шень. Приводить больной номер один корова чилло доктор

сюда быстро раз-раз? Ясно?

– Ясна сильно хорошо! – обиженно ответил Ло Чум. – Уже оч-чень сильно хорошо доктар внизу есть для голова бум-бум больной и все больной-больной! Молодая масса одинаково как Тай-Пэн, ладна!

Струан спустился в холл и через Ло Чума поговорил с доктором. Врач сказал, что немедленно пришлет лекарства и пищу для специальной диеты, и удалился, унося щедрое вознаграждение.

Струан вернулся наверх.

– Ты можешь вспомнить что-нибудь еще, парень?

– Нет... ничего. Прости. Я не хотел вот так тревожить тебя своими бедами.

– Послушай меня, парень! Ну же, Кулум, это важно!

– Пожалуйста, отец, не говори так громко, – взмолился Кулум, приоткрывая глаза со страдальческим видом. – Что?

– По твоему рассказу похоже, что тебе дали афродизиак.

– Что?

– Да, афродизиак. Существует целая дюжина таких, которые можно подлить или подсыпать в бокал с вином.

– Невозможно. Во всем виновато вино и моя... моя потребность в... это невозможно!

– Есть лишь два объяснения случившемуся. Первое: кули доставили тебя в притон – и это никак не был местный филиал «У и Ф», – где они получают большую мзду за богатого клиента, а также долю украденных у него денег. Там девушка или девушки опоили тебя, обобрали и доставили назад. Я надеюсь, ради тебя самого, что так все и было. Другой вариант заключается в том, что один из твоих друзей дал тебе афродизиак в Клубе, договорившись предварительно, чтобы тебя ждал портшез, который доставит тебя в определенный дом.

– Ерунда! Зачем кому-то понадобилось бы устраивать все это? Ради сотни гиней, часов и кольца? Один из моих друзей? Да нет, это бред какой-то.

– Однако предположим, что кто-то смертельно ненавидит тебя, Кулум. Скажем, план заключался в том, чтобы подсунуть тебе больную девушку, такую, которая заразилась женской болезнью!

– Что?!

– Да. И я боюсь, что как раз это-то и случилось.

У Кулума на мгновение остановилось сердце, все померкло перед глазами.

– Ты просто хочешь попугать меня.

– Клянусь Господом нашим, сын, у меня и в мыслях нет пугать тебя. Но это одна из возможностей, и очень реальная. Я бы сказал она более вероятна, чем первая, потому что тебя принесли назад.

– Кто бы стал так поступать со мной?

– Это уж тебе самому придется мне сказать, дружок. Но даже если это и произошло, еще не все потеряно. Пока. Я послал за китайскими лекарствами. Ты должен выпить их все, не пропустив ни одного приема.

– Но от женской болезни лекарства нет!

– Верно. Когда болезнь уже установилась. Но китайцы считают, что можно убить яд этой болезни или что там ее вызывает, если немедленно принять меры предосторожности и очистить кровь. Много лет назад, когда я впервые появился здесь, со мной случилось то же самое Аристотель подобрал меня в сточной канаве в китайском квартале и нашел китайского врача, после чего со мной все было в порядке. Вот так я и познакомился с ним – вот почему он уже столько лет остается моим другом. Я не могу сказать с уверенностью, был ли тот притон заразным – или девушка, – но у меня болезнь так и не началась.

– О Боже, помоги мне.

– Да. Мы ничего не будем знать наверняка в течение недели. Если к ее исходу не появится никакой припухлости, боли или выделений, тогда можно считать, что на этот раз ты выкрутился. – Он увидел ужас в глазах сына, и сердце его открылось ему навстречу. – Тебя ждет неделя адских мук, дружище, пока ты будешь ждать результата. Я знаю, что это такое – поэтому держи себя в руках. Я помогу всем, чем смогу. Так же, как мне в свое время помог Аристотель.

– Я убью себя. Я убью себя, если... о Боже, как я мог быть таким глупцом? Тесс! Господи, мне лучше рассказать...

– Об этом не может быть и речи! Ей ты скажешь, что по дороге домой на тебя напали грабители. Мы подадим об этом заявление в полицию. Своим друзьям ты расскажешь то же самое. Что ты, должно быть, слишком много выпил – после девушки. Что ты не помнишь ничего. Кроме того, что замечательно провел время и проснулся уже у ворот своего дома. И всю эту неделю ты будешь вести себя совершенно обычно.

– Но Тесс! Как я могу...

– Ты поступишь так, как я сказал, парень! Именно так, как я сказал, клянусь Богом.

– Я не могу, отец. Это нево...

– И ни при каких обстоятельствах ты никому не скажешь ни слова о китайских лекарствах. В публичный дом не ходи, пока мы не будем в чем-то уверены, и не касайся Тесс, пока вы не поженитесь.

– Мне так стыдно.

– Это лишнее, парень. Быть молодым так трудно. Но в этом мире каждому человеку приходится быть очень осторожным. Кругом полным-полно бешеных псов.

– Ты утверждаешь, что это дело рук Горта?

– Я ничего не утверждаю. А сам ты как считаешь?

– Нет, конечно, нет. Но ты-то имеешь в виду именно его, не правда ли?

– Не забывай, ты должен вести себя совершенно нормально, или ты потеряешь Тесс.

– Почему?

– Ты полагаешь, Лиза и Брок отдадут за тебя свою дочь, если узнают, что ты настолько незрел и глуп, что пьяным пускаешься в поход по притонам Макао, да еще попадаешь в неизвестные тебе бордели, где тебя накачивают любовными напитками, а потом обирают до нитки? Будь я на месте Брока, я бы сказал, что у тебя не хватает в голове, чтобы быть моим зятем!

– Мне так жаль.

– Давай-ка отдохни, дружок. Я приду попозже.

И всю дорогу до дома Мэй-мэй Струан выбирал, каким способом он убьет Горта – если Кулум заболеет. Самым жестоким способом. Да, холодно думал он, я могу быть очень жестоким. Я не собираюсь просто убивать его – или делать это быстро. Господь мне свидетель!

– Ты выглядишь ужасно, Кулум, дорогой, – говорила Тесс. – Тебе в самом деле следует лечь пораньше.

– Да.

Они прогуливались вдоль praia в вечерней тишине. Он поужинал, и голова его несколько прояснилась, но душевная мука, которую он испытывал, была почти невыносима.

– Что случилось? – спросила она, почувствовав его состояние.

– Ничего, дорогая. Я просто выпил лишнего. И эти разбойники не очень-то со мной церемонились. Клянусь Господом, я целый год теперь не притронусь к вину. – Пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы ничего не случилось. Пусть эта неделя пролетит быстрее, и пусть ничего не случится.

– Давай вернемся, – предложила она и, решительно взяв его под руку, повернула к дому Броков. – Вот выспишься ночью хорошенько, сразу почувствуешь себя не в пример лучше. – Ее переполняли материнские чувства, и она против воли была счастлива, видя его почти полную беспомощность. – Я рада, что ты отказываешься от спиртного, мой милый. Отец иногда ужасно напивается. И Горт. Честное слово, я столько разов видела его пьяным.

– Столько раз, – сказал он, поправляя ее.

– Столько раз видела его пьяным. О, я так счастлива, что нас скоро обвенчают.

Какие возможные причины могли бы быть у Горта, чтобы пойти на такое, спрашивал себя Кулум. Нет, Тай-Пэн, конечно же, преувеличивает. Да, преувеличивает.

Слуга открыл дверь, и Кулум проводил Тесс в гостиную.

– Так скоро вернулись, мои милые? – удивилась Лиза.

– Я немножко устала, мама.

– Ну что же, я пойду, – сказал Кулум. – До завтра. Вы собираетесь на матч по крикету?

– О да, Ма, пожалуйста!

– Может статься, вы согласитесь нас сопровождать, Кулум?

– Благодарю вас. С удовольствием. Я зайду за вами завтра. – Кулум поцеловал руку Тесс. – Доброй ночи, миссис Брок.

– До свидания, дружок.

Кулум уже повернулся и направился к двери, когда в комнату вошел Горт.

– О, привет, Горт.

– Привет, Кулум. Я ждал тебя. Я как раз собираюсь в Клуб, промочить горло. Пойдем вместе.

– Сегодня нет, спасибо. Я что-то совсем сдал. Слишком поздно ложился последнее время. К тому же завтра крикет.

– Бокал вина тебе не повредит. После такой ночки – это лучшее средство, чтобы прийти в себя.

– Нет, не сегодня, Горт. В любом случае, спасибо. Увидимся завтра.

– Как хочешь, старина. Ладно, смотри, будь осторожен. – Горт закрыл за ним входную дверь.

– Горт, что произошло вчера ночью? – Лиза пристально посмотрела на него.

– Бедняга напился. Я ушел из Клуба раньше него, я же вам говорил, поэтому сам еще ничего толком не знаю. Что он рассказывает, Тесс?

– Просто, что выпил лишнего и что на него напали грабители. – Она рассмеялась. – Бедняжка Кулум, думаю, это надолго излечит его от тяги к дьявольскому зелью.

– Тесс, крошка, ты не принесешь мне мои сигары? – попросил Горт. – Они в комоде.

– Ну, конечно. – Тесс выпорхнула из комнаты.

– Я слышал, – начал Горт, – я слышал, наш дружок Кулум вроде как ударился в разгул.

– Что? – Лиза перестала шить и подняла на него глаза.

– Большой беды тут нет, – продолжал Горт. – Может, мне вообще не стоило говорить об этом. Ничего в этом страшного, если соблюдать осторожность, клянусь Богом. Ты же знаешь, все мужчины устроены одинаково.

– Но ведь он женится на нашей Тесс! Она не выйдет замуж за распутника.

– Это правильно. Думаю, надо мне поговорить с парнем. Здесь, в Макао, держи ухо востро, это уж точно. Если бы Па был здесь, тогда другое дело. Но я должен защищать семью, а заодно и этого бедолагу от его же слабостей. Ты, вот что, никому об этом не говори!

– Конечно, нет. – Лиза ненавидела в мужчинах их мужское начало. Почему они не могут обойтись без этого хоть какое-то время? Может быть, мне стоит еще раз все обдумать, прежде чем женить их. – Тесс не выйдет замуж за распутника. Но Кулум вовсе не такой. Ты уверен в том, что говоришь?

– Да, – ответил Горт. – По крайней мере, так утверждают некоторые из ребят.

– Как жаль, что здесь нет твоего отца.

– Да, – согласно кивнул Горт, потом добавил, словно придя к неожиданному решению: – Вот что, съезжу-ка я на Гонконг на день или два. Поговорю с Па. Это будет лучше всего. А потом как следует поговорю с Кулумом. Я отправляюсь с отливом.

Глава 6

Струан закончил читать последнюю страницу переведенных на английский язык русских документов. Он медленно собрал листы, подровнял их и положил назад в портфель, который потом оставил лежать у себя на коленях.

– И что? – спросила Мэй-мэй. – Зачем ты такой фантастически молчаливый, хейа? – Она полулежала на постели под комариной сеткой, шелковая рубашка золотистого цвета делала ее кожу еще бледнее.

– Ничего, девочка.

– Отложи дела в сторону и поговори со мной. Целый один час ты сидишь как ученый.

– Дай мне подумать пять минут. Потом я поговорю с тобой, хейа?

– Ха, – сказала она. – Если бы я не заболезнела, ты бы не вылезал из моей постели все время.

– Ишь ты какая. – Струан подошел к двери в сад и посмотрел в ночное небо. Звезды сияли ярко: небеса предвещали хорошую погоду.

Мэй-мэй спустилась пониже и, лежа, наблюдала за ним. Он выглядит очень усталым, подумала она. Бедный Тай-Пэн, столько забот.

Он рассказал ей о Кулуме и о своих страхах за него, но не о Горте. Он также сообщил ей, что кору от лихорадки нашли и через несколько дней она будет у них. И еще он рассказал ей о Мэри, неустанно проклиная при этом А Тат.

– Чертова дура. Она чуть не убила ее. Ей следовало бы знать, что она делает. Если бы Мэри сказала все мне или тебе, мы могли бы отослать ее в такое место, где она тихо и благополучно разрешилась бы от бремени. В Америку, скажем, или еще куда-нибудь. Младенца можно было бы усыновить, и...

– А этот ее Глессинг? – спросила она. – Он все равно женился бы на ней? Через девять месяцев?

– Этому браку так и так конец!

– Кто отец? – спросила Мэй-мэй.

– Мне она не говорит, – ответил Струан, и Мэй-мэй улыбнулась про себя.

– Бедная Мэри, – произнес он. – Теперь ее жизнь кончена.

– Чепуха, Тай-Пэн. Замужество еще очень может состояться – если этот Глессинг и Горацио ничего не узнают.

– Ты совсем из ума выжила? Конечно же, этому браку не бывать. То, что ты говоришь, невозможно. Это было бы бесчестно, ужасно бесчестно.

– Да. Но то, что никто не знает, важности не имеет, а причина скрывать это хорошая, а не плохая, ладно.

– Да как же, скажи на милость, он этого не узнает? А? Конечно, все обнаружится. Он же непременно поймет, что она не девственница.

На это есть свои способы, Тай-Пэн, подумала она. Свои хитрости. Все мужчины такие простодушные в некоторых вещах. Женщины гораздо умнее, особенно в том,

что действительно имеет значение.

И она решила послать к Мэри кого-нибудь, кто сумел бы объяснить ей все, что ей нужно знать, и, таким образом, прекратил всю эту бессмыслицу с самоубийством. Кого же? Ну, конечно, Старшую Сестру, третью жену Чен Шеня, которая когда-то жила в доме для увеселений и должна знать такие секреты. Я пошлю ее завтра. Она сообразит, что нужно сказать Мэри. Итак, Мэри больше не проблема. Если поможет йосс. А Кулум, Горт и Тесс? Скоро тоже не проблема, потому что произойдет убийство. Моя лихорадка? Эта проблема разрешится согласно моему йоссу. Все на свете разрешается согласно йоссу, так зачем же переживать? Разумнее принять. Мне жаль тебя, Тай-Пэн. Ты столько размышляешь, столько планируешь и вечно пытаешься подчинить йосс своей воле. Или нет, наверное, это все-таки не так, засомневалась она. Ну, конечно, не так. В сущности, он ведь делает только то, что делаешь ты, что делают все китайцы. Он смеется над злой судьбой, йоссом и богами и старается как можно лучше использовать мужчин и женщин, чтобы приблизиться к своей цели. И обмануть йосс. Да, воистину все так и есть. О, Тай-Пэн, ты во многом больше китаец, чем я сама.

Она еще глубже забралась под сладко пахнущее покрывало и стала ждать, когда Струан подойдет, чтобы побеседовать с ней.

А он тем временем целиком сосредоточился на том, что узнал из бумаг, обнаруженных в портфеле.

Документы включали переведенную на английский копию секретного доклада, подготовленного для царя Николая I в июле прошлого, 1840, года, и содержали, что было совершенно невероятно, карты земель, лежащих между Россией и Китаем. Одни эти карты – первые из всех, какие Струан когда-либо видел – были бесценны. Прилагался также анализ содержания этих документов, тоже на английском.

Доклад был подготовлен князем Тергиным, возглавлявшим тайный совет, который занимался вопросами стратегии в международных отношениях. Он гласил:

"По нашему взвешенному мнению, в течение полувека Государь расширит свои владения от Балтики до Тихого океана, от Северных Ледовитых морей до Индийского океана и сможет править всем миром, если на ближайшие три года будет принята следующая стратегия.

Ключ к мировому господству – это Азия плюс Северная Америка. Северная Америка почти в наших руках. Если Британия и Соединенные Штаты на десять лет дадут нам свободу действий в Русской Америке на Аляске – вся Северная Америка будет принадлежать нам.

Наше положение там прочно и не вызывает враждебности ни с чьей стороны. Соединенные Штаты ни в коем случае не рассматривают нашу обширную экспансию в пустынные северные земли как угрозу себе. Закрепление земель от Аляски до нашего самого южного «торгового форта» в Северной Калифорнии, а оттуда в глубь континента к Атлантическому океану может быть осуществлено обычным методом – немедленной крупномасштабной эмиграцией. Большая часть западных Соединенных Штатов и вся Канада, за исключением самых восточных ее областей, в настоящее время почти свободны от поселенцев. Следовательно, размеры нашей эмиграции в необжитые северные земли удастся сохранить в тайне – как это и должно быть. Оттуда эмигранты, которыми станут наши племена воинственных и выносливых евразийцев – узбеков, туркменов, жителей Сибири, киргизов, таджиков и уйгуров, – большинство из которых предпочтительно должны вести кочевой образ жизни, хлынут на восток и подчинят себе всю землю, почти не встретив сопротивления.

В течение следующего десятилетия мы должны поддерживать с Британией и Соединенными Штатами дружеские отношения. К тому времени эмиграция сделает Россию самой могучей силой в Америке, и наши племена – которые в древности составляли орды Тамерлана и Чингисхана, – вооруженные современным оружием и

находящиеся под командованием русских офицеров, смогут по желанию сбросить англосаксонцев в море.

Но в тысячу раз важнее для нас Азия. Мы могли бы отказаться от обеих Америк, но от Азии – никогда.

Ключ к Азии – это Китай. А Китай лежит у наших ног. Наша сухопутная граница с Китайской империей протянулась на пять тысяч миль. Мы должны подчинить ее себе или мы никогда не будем в безопасности. Мы ни в коем случае не можем позволить ей стать сильной или подпасть под влияние другой великой державы, иначе мы окажемся запертыми между Востоком и Западом, что может принудить нас вести войну на два фронта. Наша азиатская политика однозначна: Китай должен оставаться слабым, зависимым и стать русской сферой влияния.

Только одна держава – Британия – стоит между нами и успехом. Если нам удастся, хитростью или силой, помешать ей приобрести остров у китайского побережья, закрепиться на нем, и превратить его в крепость, Азия – наша.

Разумеется, в настоящее время, мы не можем позволить себе пойти на разрыв отношений с Британией, нашим союзником. Франция, Польша, Пруссия и империя Габсбургов ни в коей мере не удовлетворены решением вопроса о Дарданеллах, не более, чем оно удовлетворяет Россию, и мы должны постоянно быть начеку, чтобы противостоять их непрекращающимся попыткам пересмотреть его в свою пользу. Без британской поддержки священная земля в самом сердце нашей страны окажется открытой для вторжения. При условии, что британцы будут придерживаться провозглашенной ими политики в Китае – то есть, что они желают лишь «установить торговые отношения и открыть на Китайской территории центры торговли, которыми в равной степени смогут пользоваться все европейские страны», – мы сможем начать продвижение в Синь-цзян, Туркестан и Монголию и установить свой контроль над сухопутными подходами к Китаю. (Мы уже контролируем маршруты вторжения практически до самого Кашмира и Хайбарского перевала в горах Гиндукуша, откуда открывается прямая дорога в Британскую Индию.) Если о наших территориальных захватах станет известно, наша официальная позиция должна сводиться к тому, что «Россия просто усмиряет дикие, враждебно настроенные племена в наших южных пределах». Не позже чем через пять лет мы должны обосноваться в непосредственной близости от центрального Китая, к северо-западу от Пекина. Тогда, используя простое дипломатическое давление, мы сможем навязать своих советников маньчжурскому императору и через него управлять Китайской империей до того момента, когда ее можно будет удобно поделить на вассальные государства. Вражда между маньчжурскими повелителями и их китайскими подданными в значительной степени облегчает нашу задачу, и мы, разумеется, будем продолжать ее поддерживать.

Любой ценой мы должны поощрять британцев увязывать свои торговые интересы в Китае с открытием портов на его материковом побережье, где они будут находиться под постоянным китайским давлением, которое мы со временем сможем направлять, используя дипломатические рычаги. И любой ценой мы должны заставить Англию отказаться от укрепления и колонизации какого-либо острова, как они проделали это с Сингапуром, Мальтой, Кипром (или с Гибралтаром, который они превратили в неприступную крепость), поскольку такой остров будет свободен от нашего влияния и сможет служить постоянной базой для их мощного флота и армии. Было бы разумно безотлагательно завязать самые тесные торговые связи с избранными компаниями в этом регионе.

Краеугольным камнем нашей внешней политики должно избрать следующее: «Пусть Англия правит морями и торговыми путями и будет первой промышленной державой мира. Но пусть Россия правит сушей». Ибо в тот момент, когда земля станет нашей – а в том и есть наше святое предназначение, наше Богом данное

право, чтобы цивилизовать и облагородить ее, – все моря станут русскими морями. И самодержец трех России будет править всем миром".

Сергеев легко может оказаться ключом к этому плану, подумал Струан. Не тот ли он самый человек, которого послали, чтобы разведать, насколько мы сильны в Китае? Чтобы установить «тесные торговые связи с избранными компаниями»? Не является ли частью его миссии представить донесение, из первых рук, об отношении американцев к русской Аляске? Не тот ли он человек, которого направили, чтобы подготовить Аляску к вторжению диких орд? Вспомни, как он говорил тебе: «Нам принадлежит земля, вам – море!»

Комментарий к докладу был не менее откровенен и глубок: "Основываясь на данном секретном документе и прилагаемых к нему картах, достоверность которых не должна подлежать сомнению, можно прийти к некоторым крайне важным выводам.

Во-первых, касательно стратегии в Северной Америке. Необходимо отметить, что, хотя Соединенные Штаты серьезно озабочены спором о границах с Британской Канадой, они, по всей видимости, не стремятся присоединять к себе новые территории на североамериканском континенте. И благодаря дружеским отношениям, которые существуют между Соединенными Штатами и Россией (тщательно поддерживаемым, как можно полагать, русской стороной для осуществления своей цели), общее политическое настроение в Вашингтоне на данный момент таково, что русское присутствие на Аляске и его расширение на юг вдоль западного побережья не угрожает их суверенитету. Короче говоря, Соединенные Штаты Америки не станут обращать доктрину Монро[25] против России и тем самым – поразительная беспечность – откроют свою спину иностранной державе, что явно противоречит их интересам. И безусловно противоречит интересам Британской Канады. Если на севере обоснуются пятьсот тысяч евразийцев-кочевников, что легко осуществимо, то положение, в котором окажутся англичане и американцы, следует признать совершенно безнадежным.

Далее необходимо отметить, что, хотя нынешний царь пренебрежительно относится к Русской Америке, эта территория может с полным основанием послужить России ключом ко всему континенту. И если в будущем в Соединенных Штатах вспыхнет гражданская война между Севером и Югом из-за отношения к рабовладению, что на данный момент представляется совершенно неизбежным, русские племена окажутся главной силой в этом конфликте. Это обязательно вовлечет Англию и Францию в войну на американском континенте, в которой орды русских кочевников с их примитивной способностью кормиться от земли будут иметь очевидное преимущество, тем большее, что короткий Берингов пролив, отделяющий Россию от Америки, позволит наладить постоянное снабжение их всем необходимым. И поскольку большинство западных и юго-западных земель действительно мало населены, эти поселенцы – или «воины» – смогут продвигаться на юг с относительной легкостью.

Таким образом, если Британия желает сохранить свое положение крупнейшей мировой державы и нейтрализовать извечное стремление России к мировому господству, она должна прежде всего устранить угрозу Канаде и неокрепшим Соединенным Штатам со стороны русской Аляски. Она должна убедить Соединенные Штаты – любыми средствами, находящимися в ее распоряжении, – придерживаться доктрины Монро в отношении России. Или она должна оказать

---

[25] Доктрина Монро – доктрина, провозглашенная президентом Монро в обращении к Конгрессу 2 декабря 1823 года, согласно которой США намерены рассматривать как враждебный акт любую попытку европейской державы вмешаться в дела американских государств или расширить свои владения на обоих американских континентах. (прим. перев.).

дипломатическое давление и купить эту территорию, в крайнем случае взять ее силой. Ибо если русское присутствие на континенте сохранится, вся Северная Америка в течение полувека окажется под пятой России.

Во-вторых, Англия должна удерживать позицию абсолютного господства в Китае. Необходимо проследить всю историю захвата русскими территорий за Уралом, чтобы увидеть, насколько глубоко они уже проникли в земли, которые исторически, пусть и весьма условно, принадлежали Китайскому императору." Серия карт, дат, названий мест, переведенные копии договоров давали полное представление о панораме движения русских на восток.

"Последние триста лет (с 1552 года) армии московитов упорно продвигались на восток в поисках «конечного» предела. К 1640 году эти армии достигли Охотска на Охотском море севернее Маньчжурии по Тихоокеанскому побережью. Здесь они сразу же повернули на юг и впервые столкнулись с маньчжуро-китайскими ордами.

Нерчинский договор 1689 года, подписанный Россией и Китаем, устанавливал северную границу между ними вдоль реки Аргун и по Становому хребту. Вся восточная Сибирь, принадлежавшая маньчжурам, отходила России. На сегодняшний день эта граница и является «конечным» российским пределом на севере Китая.

Примерно в то же время, в 1690 году, русский по фамилии Затерев был послан в Пекин послом. По дороге он разведывал пути для возможного вторжения в невероятно богатые земли центрального Китая. Лучший маршрут, который он обнаружил, следовал естественным коридором реки Селенги, вытекавшей на равнины к северу от Пекина. Ключом к этому маршруту служит владение Туркестаном, Внешней Монголией и китайской провинцией Синьцзян.

И, как следует из доклада князя Тергина, их армии уже подчинили себе Евразию к северу от Маньчжурии до Тихого океана, и уже стоят у границ Синьцзяна, Туркестана и Внешней Монголии. Именно с этого направления начнется наступление русских на сам Китай и будет продолжаться долгое время.

Если Британия не покажет со всей твердостью, что Китай и Азия являются ее сферами влияния, русские советники окажутся в Пекине еще при жизни этого поколения. Русские армии станут контролировать все удобные подходы к Британской Индии со стороны Туркестана, Афганистана и Кашмира, и вся Британская Индия окажется под угрозой вторжения и может быть проглочена в любой момент.

Если Британия намерена и далее оставаться ведущей мировой державой, жизненно необходимо превратить Китай в непреодолимую стену для России. Жизненно необходимо остановить дальнейшее продвижение русских в Синьцзяне. Жизненно необходимо воздвигнуть в центре Китая несокрушимую британскую крепость, потому что сам по себе Китай беспомощен. Если Китаю позволить закоснеть в своих древних обычаях и традициях и не помочь вступить в современную эру, он будет легко покорен Россией, и равновесие сил в Азии нарушится.

Заключение. Крайне прискорбно, что Португалия недостаточно сильна, чтобы обуздать захватнические устремления России. Нам останется лишь надеяться, что наш старый союзник Британия, опираясь на свое величие и могущество, сумеет предотвратить то, что кажется сейчас неизбежным.

Единственно для этой цели мы нелегально подготовили это досье, не имея на то ни официального, ни чьего-либо неофициального разрешения. Доклад князя Тергина и карты были получены в Санкт-Петербурге и проделали долгий путь до Португалии, где попали в руки наших друзей, не связанных с правительством. Оттуда – сюда.

Мы обратились к его светлости – он не знаком ни с какой частью этой информации – с просьбой передать документы в руки Тай-Пэна «Благородного Дома», который, как мы верим, сумеет безошибочно распорядиться ими в дальнейшем и доставить по назначению, с тем чтобы решительные действия были

предприняты прежде, чем станет слишком поздно. И в подтверждение нашей искренности мы подписываемся своими именами, уповая на то, что наши карьеры – возможно, наши жизни – окажутся в столь же надежных руках".

Комментарий был подписан двумя младшими португальскими чиновниками – экспертами по международной политике, которых Струан немного знал.

Он швырнул окурок сигары в сад и стал смотреть, как он догорает в траве Да, сказал он себе, это неизбежно Но не в том случае, если мы сохраним Гонконг. Черт бы побрал лорда Каннингтона.

Как же мне воспользоваться этой информацией? Ответ как будто прост. Сразу по возвращении на Гонконг – слово на ухо Лонгстаффу и другое – Куперу. Но что я этим выигрываю? Почему бы мне самому не поехать домой? Эти сведения дают шанс, который выпадает человеку раз в жизни. И как быть с Сергеевым? Следует ли мне и теперь обговаривать с ним «подробности»? Заключать с ним сделку?

– Тай-Пэн?

– Да, девочка?

– Ты не закроешь дверь в сад? Становится совсем очень холодно.

Ночь была теплой.

Глава 7

Мэй-мэй сотрясал озноб. Огонь сжигал ее. В бреду она вдруг почувствовала, как чрево ее раздирает дикая боль, и она закричала. Жизнь, которую она готовилась дать, изошла из нее, унеся с собой всю ее силу, опустошив душу, оставив в измученном теле лишь едва теплющуюся, неверную искорку. Потом лихорадка прекратилась, и выступивший пот освободил ее от кошмара. Четыре часа находилась она на пороге смерти. Но йосс судил ей вернуться назад.

– Хеллоу, Тай-Пэн. – Она чувствовала, как кровь не переставая сочится из нее. – Плохой йосс потерять младенца, – прошептала она.

– Не кори себя. Просто поправляйся. Хинная корка теперь может прибыть в любую минуту. Я знаю, что она прибудет.

Мэй-мэй собрала остаток сил и пожала плечами с подобием былого высокомерия.

– Чума на этих длиннополых! Как может человек торопиться ногами, если у него длинная юбка, хейа?

Но усилие оказалось для нее слишком велико, и она потеряла сознание.

За два следующих дня она значительно окрепла.

– Доброе утро, девочка. Как ты себя чувствуешь сегодня?

– Фантастически прекрасно, – ответила Мэй-мэй. – Сегодня погожий денек, хейа? Ты повидал Мэри?

– Да. Она выглядит гораздо лучше. Просто огромная перемена. Знаешь, это почти что чудо!

– Почему вдруг такая хорошая перемена, хейа? – спросила она с невинным видом, зная, что вчера Старшая Сестра ходила навещать Мэри.

– Даже не представляю, – пожал он плечами. – Перед самым уходом я встретился с Горацио. Он принес ей цветы. Кстати, она благодарит тебя за какой-то подарок. Что ты ей послала?

– Несколько манго и чай из трав, которые порекомендовал мой врач. А Сам ходила два, три дня назад. – Мэй-мэй устало замолчала. Даже говорить было для нее огромным напряжением. Сегодня она должна быть очень сильной, твердо напомнила она себе.

Сегодня нужно сделать очень много дел, а завтра снова будет лихорадка. Ну ладно, по крайней мере, Мэри для него больше не проблема. Она спасена. Ей

гораздо легче сейчас, когда Старшая Сестра подробно объяснила ей все, чему учат каждую молодую девушку в доме удовольствий: что благодаря осторожности и тонкой игре, слезам притворной боли и страха и, наконец, скромным предательским пятнам, нанесенным тайком в нужных местах, девушка может, если понадобится, быть девственницей десять раз для десяти разных мужчин.

Вошла А Сам. Она низко поклонилась и произнесла вполголоса несколько слов. Мэй-мэй оживилась.

– О, очень хорошо, А Сам! Ты можешь идти. – Она повернулась к Струану: – Тай-Пэн, мне нужны тэйлы серебра, пожалуйста.

– Сколько?

– Много. Я в бедности. Твоя старая Мать очень тебя любит. Зачем ты спрашиваешь такие вещи?

– Если ты поторопишься с выздоровлением, я дам тебе столько тэйлов, сколько тебе понадобится.

– Ты даешь мне очень большое лицо, Тай-Пэн. Громаднейшее лицо. Двадцать тысяч тэйлов за исцеление – ай-й-йа, я стою для тебя столько же, сколько стоит наложница самого императора.

– Это Гордон тебе сказал?

– Нет. Я сама была подслушивать у дверей. А как же! Ты что думаешь, твоя старая Мать не хочет знать, что говорит доктор и что говоришь ты, хейа? – Она бросила взгляд в сторону двери.

Струан обернулся и увидел очаровательную юную девушку, склонившуюся в грациозном поклоне. Ее волосы были уложены толстыми черными кольцами поверх точеной головки и украшены нефритовыми заколками и цветами. Лицо миндалевидной формы было белым, как самый чистый алебастр.

– Это Йин-си, – сказала Мэй-мэй. – Она моя сестра.

– Я и не знал, что у тебя есть сестра, девочка. Она очень милая.

– Да, но, вообще-то, она не настоящая сестра, Тай-Пэн. Китайские дамы часто называют друг друга «сестрами». Это вежливость. Йин-си – подарок тебе на день рождения.

– Что?!

– Я купила ее на твой день рождения.

– Ты совсем сошла с ума?

– О, Тай-Пэн, ты иногда бываешь такой плохо выносимый, – сказала Мэй-мэй. и глаза ее наполнились слезами. – Твой день рождения через четыре месяца. В это время я была бы очень больная с ребенком, поэтому я начала подыскивать «сестру». Было так трудно сделать наилучшейший выбор. Она наилучшейшая, и теперь, потому что я больна, я даю ее теперь, а не жду. Она тебе не нравится?

– О Господи, девочка! Не плачь, Мэй-мэй. Послушай. Не плачь... Конечно, мне нравится твоя сестра. Но, ради всего святого, девушек нельзя покупать как подарок ко дню рождения!

– Почему?

– Ну, просто нельзя и все.

– Она очень красивая... я хочу, чтобы она была моей сестрой. Я собиралась учить ее эти четыре месяца, но теперь... – Она снова разрыдалась.

Йин-си торопливо просеменила от порога, опустилась на колени подле Мэй-мэй, взяла ее за руку, заботливо вытерла ей слезы и помогла сделать несколько глотков чая. Мэй-мэй предупредила ее, что варвары иногда ведут себя странно и выражают свое счастье громким криком и проклятьями, но чтобы она не беспокоилась.

– Посмотри, Тай-Пэн, как она красива! – заговорила Мэй-мэй. – Она тебе нравится, в самом деле?

– Не в этом дело, Мэй-мэй. Конечно же, она мне нравится.

– Тогда все решено, тогда, – Мэй-мэй закрыла глаза и обессиленно откинулась на спину, утонув в подушках.

– Ничего не решено, тогда.

Она ввела в бой тяжелую артиллерию и выпустила по нему последний бортовой залп.

– Нет, решено, и я даже не буду больше спорить с тобой, клянусь Богом! Я заплатила огромные деньги, и она самая наилучшейшая, и я не могу отослать ее назад, потому что она навсегда потеряет лицо и ей придется повеситься.

– Не говори ерунды!

– Я обещаю тебе, что она так и сделает, Тай-Пэн. Все знают, что я искала новую сестру для себя и для тебя, и если ты прогонишь ее, она лишится лица насовсем. Фантастически насовсем. Она повесится, это правда!

– Не плачь, девочка. Пожалуйста.

– Но тебе же не нравится мой подарок.

– Она мне нравится, и ты можешь не отсылать ее, – сказал он быстро – все, что угодно, лишь бы остановить этот поток слез. – Пусть остается здесь. Она... она будет твоей сестрой, а когда ты поправишься, мы... мы найдем ей хорошего мужа. А? И не нужно плакать. Ну же, девочка. Ну, перестань.

Наконец Мэй-мэй перестала плакать и снова опустилась на подушки. Этот взрыв эмоций отнял у нее слишком много драгоценной энергии. Но он стоил того, ликовала она. Теперь Йин-си останется. Если я умру, он попадет в хорошие руки. Если я буду жить, она станет моей сестрой и второй сестрой в его доме, потому что он, конечно же, захочет ее. Конечно же, он захочет ее, повторила она про себя, когда все поплыло у нее перед глазами. Она такая красивая...

Вошла А Сам.

– Масса. Молодой масса снаружи. Видеть мозна? Струан встревожился, видя, как ужасно побледнела Мэй-мэй.

– Звать доктор сильно быстро раз-раз, ясно? – Ясна, масса.

Струан с убитым видом вышел из комнаты. А Сам закрыла за ним дверь, опустилась на колени возле кровати и сказала Йин-си: – Вторая Мать, я должна поменять одежду госпожи перед тем, как придет врач.

– Да. Я помогу тебе, А Сам. Отец определенно такой странный великан. Если бы Верховная госпожа и ты не предупредили меня, я бы очень испугалась.

– Отец очень добрый. Для варвара. Конечно, Верховная госпожа и я много учили его. – А Сам, нахмурившись, посмотрела на глубоко спящую Мэй-мэй. – Она в самом деле выглядит очень плохо.

– Да. Но мой астролог дал хорошие предсказания, поэтому мы должны запастись терпением.

– Привет, Кулум, – сказал Струан, выходя в красивый сад переднего двора, обнесенного стеной.

– Хэллоу, Тай-Пэн. Я надеюсь, ты не рассердился, что я пришел сюда. – Кулум поднялся со скамейки; стоявшей в тени ивы, и достал письмо. – Оно только что пришло, и... ну, вместо того, чтобы посылать Ло Чума, я решил сходить сам и посмотреть, как ты здесь. И узнать, как она себя чувствует.

Струан взял конверт. Он был помечен «Лично, Срочно и Секретно» и подписан Морли Скиннером.

– Позавчера она потеряла ребенка, – сказал он.

– Какой ужас! Хинная корка прибыла? Струан покачал головой.

– Садись, парень.

Он вскрыл письмо. Морли Скиннер писал, что если поначалу он намеревался придержать новость об отвержении договора Короной до возвращения Струана – он

полагал опасным публиковать ее в его отсутствие, – то теперь возникла настоятельная необходимость опубликовать это сообщение немедленно: "Сегодня утром прибыл фрегат из Англии. Мой человек на флагмане рассказал, что адмирал пришел в восторг от полученной им секретной депеши Адмиралтейства и произнес следующее: «Клянусь Богом, давно пора, будь я проклят. Теперь немного везения, и не пройдет и месяца, как мы двинемся на север». Это может означать лишь одно: он тоже в курсе последних новостей, и прибытия Уэйлена следует ожидать в самое ближайшее время. Я не могу выразить, насколько необходимо сейчас ваше присутствие здесь. Кстати, как я слышал, существует весьма любопытное частное дополнение к соглашению Лонгстаффа и Чинь-Со о выкупе за Кантон.

Последнее: я надеюсь, вы смогли, тем или иным способом, убедиться в ценности хинной корки. С сожалением извещаю вас, что, насколько мне известно, здесь ее найти не удалось. За сим остаюсь, сэр, вашим покорнейшим слугой, Морли Скиннер".

Мэй-мэй не хватит еще на один приступ, с болью подумал Струан. Это правда, и ты должен смотреть ей в глаза. Завтра она умрет – если только не прибудет хинная корка. Да и кто знает, поможет ли она ей вообще?

Если она умрет, ты должен спасти Гонконг. Если останется жить, ты должен спасти Гонконг. Но зачем? Почему не оставить этот проклятый остров таким, каким он был раньше? Ты можешь ошибаться: возможно, Гонконг вовсе не так уж необходим для Британии. Что и кому ты доказываешь этим безумным крестовым походом, предпринятым тобой с целью открыть Китай для всех; ввести его в большой мир на твоих условиях и так, как ты считаешь правильным? Предоставь Китай его собственному йоссу и возвращайся домой. С Мэй-мэй, если она будет жить. Пусть Кулум, став Тай-Пэном, найдет свое место в жизни, сам выберет свой путь.

Однажды ты умрешь, и тогда «Благородный Дом» сам определит дальнейшее свое предназначение. Таков закон – закон Божеский, закон природы и закон йосса.

Возвращайся домой и пользуйся тем, ради чего ты пролил столько пота и принес столько жертв. Освободи Кулума от его пятилетнего рабства; того, что ты имеешь, хватит и тебе, и ему, и детям его детей. Пусть Кулум сам решит, хочет он остаться или не хочет. Возвращайся домой и забудь обо всем. Ты богат и могуществен, перед тобой откроются дворцы королей, если ты пожелаешь. Да. Ты – Тай-Пэн. Уйди же как Тай-Пэн, и к дьяволу Китай. Откажись от этой страны, она, как женщина-вампир, высасывает кровь у всех, кто приносит ей свою любовь.

– Опять плохие новости?

– О... извини, Кулум, дружище, я задумался и совсем забыл о тебе. Что ты сказал?

– Опять плохие новости?

– Нет, но важные. – Струан отметил про себя, что прошедшие семь дней тяжело дались его сыну. Теперь в твоем лице уже нет мальчишества, парень. Ты стал мужчиной. Потом он вспомнил Горта и понял, что не может уехать из Азии не сведя всех счетов – с Гортом и с Броком.

– Сегодня седьмой день, парень, последний, не так ли?

– Да, – ответил Кулум. О Господи, подумал он, не дай мне еще раз пережить такую неделю. Дважды он чуть не умер от страха. Один раз он почувствовал боль, когда мочился, и один раз ему показалось, что появилась сыпь и начинается отек. Но Тай-Пэн успокоил и поддержал его. Отец и сын очень сблизились за эти дни. Струан рассказал ему о Мэй-мэй.

Долгими бессонными ночами Струан беседовал с сыном, как может иногда беседовать отец, когда горе – или порой счастье – отмыкает в душе все двери. Планы на будущее, проблемы прошлого. И как это трудно – любить кого-то и год за годом жить рядом с этим человеком.

Струан поднялся.

– Я хочу, чтобы ты немедленно отправился на Гонконг, – сказал он Кулуму. – Ты пойдешь на «Китайском Облаке», с отливом. Я официально извещу капитана Орлова, что он должен выполнять все твои приказания. На время этого путешествия ты будешь хозяином «Китайского Облака». – Кулуму понравилась мысль о том, что он будет хозяином настоящего клипера. Да. – Как только придешь на Гонконг, прикажи Орлову доставить на борт Скиннера. Ты вручишь ему лично письмо, которое я дам тебе. Затем ты сделаешь то же самое с письмом для Гордона. Ни при каких обстоятельствах не сходи на берег сам, и не позволяй никому подниматься на борт. Как только Скиннер и Гордон напишут ответы, отошли их назад и немедленно возвращайся сюда. Ты должен вернуться завтра к вечеру. Отплывай с полуденным отливом.

– Очень хорошо. – Кулум помолчал. – Я даже не знаю, как мне благодарить тебя за... ну, за все.

– Кто знает, парень? Может быть, ты и на милю не приближался к этой болезни.

– Да. Но все равно... в общем, спасибо.

– Мы встретимся через час в конторе.

– Хорошо. Тогда у меня будет время попрощаться с Тесс.

– Ты когда-нибудь думал о том, чтобы взять вашу с ней судьбу в свои собственные руки? Не ждать эти три месяца?

– Ты хочешь сказать, убежать и тайно обвенчаться?

– Я просто спросил, задумывался ли ты над этим, вот и все. Я не говорю, что ты должен это делать.

– Как бы я хотел, чтобы я мог... чтобы мы могли... Это бы решило... нет, это невозможно, а то бы я попробовал. Нас никто не обвенчает.

– Брок точно будет в ярости. И Горт. Я бы не рекомендовал тебе этот путь. Горт уже вернулся? – спросил он, зная, что еще нет.

– Нет. Его ждут сегодня к вечеру.

– Пошли кого-нибудь известить капитана Орлова, чтобы он встретился с нами в моем кабинете. Через час.

– Он должен будет выполнять абсолютно все мои приказания? – спросил Кулум после короткой паузы.

– В том, что касается управления кораблем, нет. Но во всех остальных вопросах, да. Почему ты спрашиваешь?

– Нет, Тай-Пэн, ничего – ответил Кулум. – Увидимся через час.

– Добрый вечер, Дирк, – сказала Лиза, входя в столовую резиденции Струанов. – Извините, что прерываю ужин.

– Ну что вы, Лиза, – ответил Струан, вставая. – Пожалуйста, присаживайтесь. Не согласитесь ли присоединиться ко мне?

– Нет, спасибо. Дети здесь?

– А? Как бы они могли здесь оказаться?

– Я уже больше часа жду их к ужину, – раздраженно сказала Лиза. – Я думала, они опять воркуют где-нибудь, забыв обо всем на свете. – Она повернулась к двери. – Еще раз извините, что прервала ваш ужин.

– Погодите, я не понимаю. Кулум отплыл на «Китайском Облаке» с полуденным отливом. Как вы могли ждать его к себе на ужин?

– Что?

– Он покинул Макао сегодня в полдень, – терпеливо повторил Струан.

– Но Тесс... я думала, она с ним. Весь день, на матче по крикету.

– Мне пришлось срочно отправить его. Сегодня утром. Последнее, что я слышал от него, это то, что он собирался попрощаться с Тесс. О, это, должно быть, было

где-то перед самым полуднем.

– Они ни словом ни обмолвились о том, что он уезжает сегодня, сказали только, что увидятся со мной позже. Да, это было перед полуднем! Тогда где же Тесс? Ее не было дома весь день.

– Не стоит из-за этого так переживать. Она, вероятно, у кого-нибудь из друзей. Вы знаете, как это бывает с молодежью, они не замечают, как бежит время.

Лиза встревоженно закусила губу.

– Она никогда раньше не опаздывала. Тем более, так надолго. Она домоседка, не из тех, кто любит ходить по гостям. Если с ней что-нибудь случится, Тайлер... Если она отправилась вместе с Кулумом на том корабле они дорого за это заплатят.

– Зачем бы они стали это делать, миссис Брок? – спросил Струан.

– Да поможет им Господь, если это так. И вам тоже, если вы помогли им в этом.

Когда Лиза ушла, Струан налил себе в бокал бренди и подошел к окну, откуда стал наблюдать за praia и гаванью.

Когда он увидел, что «Белая Ведьма» приближается к своей стоянке, он спустился вниз.

– Я иду в клуб, Ло Чум.

– Да, масса.

Глава 8

Горт ворвался в фойе Клуба, как разъяренный бык. В руке он сжимал кошку-девятихвостку. Он отшвырнул с дороги пораженных слуг и гостей и вломился в игорный зал.

– Где Струан?

– Кажется, он был в баре, Горт, – ответил Горацио, потрясенно глядя на лицо Горта и на плеть, злобно подергивавшуюся в его руке.

Горт круто повернулся и стремглав бросился через фойе в бар. Он увидел Струана за столом с группой торговцев. Они все отодвинулись в сторону, когда Горт приблизился к Тай-Пэну.

– Где Тесс, ты, сукин сын?

В комнате повисла мертвая тишина. Горацио и все остальные столпились в дверях.

– Не знаю, и если ты назовешь меня так еще раз, я убью тебя.

Горт ухватил Струана за грудь и рывком поднял его на ноги.

– Она на «Китайском Облаке»?

Струан разжал руки Горта и убрал их от себя.

– Не знаю. Но если и так, какая разница? Что за беда, если молодая парочка...

– Это твоих рук дело! Ты все это подстроил, мерзавец! Ты приказал Орлову поженить их?

– Если они и сбежали, что от этого изменилось? Если они теперь женаты, что в этом такого?

Горт взмахнул кошкой, пытаясь достать Струана. Один из стальных коготков, которыми оканчивались ее ремни, оставил тонкую царапину на лице шотландца.

– Наша Тесс обвенчана с больным распутником? – прокричал он. – Сукин ты сын! Грязный, вонючий сукин сын!

Значит я был прав, подумал Струан. Это все-таки ты! Он бросился на Горта и схватил рукоятку плети, но все, кто был в комнате, навалились на них и растащили в стороны. В сумятице кто-то сшиб канделябр с одного из столов на пол, и Горацио быстро затоптал огонь на тут же вспыхнувшем ворсистом ковре.

Струан вырвался из рук державших его торговцев и горящим взглядом уперся в Горта:

– Я сегодня же пришлю к тебе своих секундантов.

– Не нужны мне секунданты, клянусь Богом. Давай сейчас. Выбирай свое проклятое оружие. Ну, давай! А после тебя я разделаюсь с Кулумом. Господь свидетель!

– Зачем провоцировать меня, Горт, а? И зачем угрожать Кулуму?

– Ты сам знаешь, сукин ты сын. У него женская болезнь, клянусь Богом!

– Ты сошел с ума!

– Тебе этого не утаить, клянусь Богом. – Горт попытался вырваться от державших его четырех человек, но не смог. – Отпустите меня, черт побери!

– Кулум совершенно здоров. Кто говорит, что у него женская болезнь?

– Все это знают. Он был в китайском квартале. Ты знаешь это, поэтому-то они и сбежали – прежде чем весь этот ужас выйдет наружу.

Струан взял кошку в правую руку.

– Отпустите его, ребята.

Все расступились. Горт выхватил нож и приготовился нападать, в ту же секунду нож словно по волшебству появился в левой руке Струана.

Горт сделал ложный выпад, но Струан остался недвижим, как скала, и на мгновение позволил Горту прочесть в его глазах всю первобытную жажду убийства, обуревавшую его. И его удовольствие. Горт остановился, как громом пораженный, всем существом почувствовав смертельную опасность.

– Здесь не место для поединка, – сказал Струан. – Не я стал причиной дуэли. Но я уже ничего не могу поделать. Горацио, вы не согласитесь быть моим секундантом?

– Да. Да, конечно, – ответил Горацио, которого мучила совесть с тех самых пор, как он договорился о семенах чая для Лонгстаффа. Так ли должен он отплатить человеку, который всю его жизнь был ему другом и столько раз приходил на помощь? Тай-Пэн сообщил тебе о Мэри и дал тебе лорку, чтобы ты мог попасть в Макао. Он был тебе и ей вместо отца, и вот ты вонзил нож ему в спину. Да... но ты для него – ничто, пустое место. Ты просто уничтожаешь великое зло. Если тебе удастся сделать это, то ты искупишь свое собственное зло, когда настанет твой час предстать перед Господом.

– Я почту за честь быть вашим вторым секундантом, Тай-Пэн, – вызвался Мастерсон.

– Тогда, возможно, вам лучше пройти со мной, джентльмены. – Струан вытер тонкую струйку крови с подбородка, зашвырнул кошку за стойку бара и направился к двери.

– Ты мертвец! – прокричал Горт ему вслед, вновь обретая уверенность в себе. – Только не тяни, мразь, поганец, сучий выродок!

Струан не останавливался, пока они не вышли из Клуба и не очутились в безопасности на praia.

– Я выбираю боевые цепы.

– Боже милостивый, Тай-Пэн, это... это несколько необычно, – ошеломленно проговорил Горацио. – Он очень силен, а вы... ну... вы... последняя неделя отняла у вас больше, чем вам кажется.

– Совершенно согласен, – кивнул Мастерсон. – Пуля между глаз куда разумнее. О да, Тай-Пэн.

– Вернитесь и передайте ему мои слова сейчас же. Не спорьте. Мое решение твердо!

– Где... где вы собираетесь... ну, нам ведь, наверное, нужно постараться избежать огласки? Португальцы скорее всего постараются помешать вам.

– Да. Наймите джонку. Вы двое, я, Горт и его секунданты выйдем в море на рассвете. Мне нужны свидетели и дуэль по всем правилам. На палубе джонки места будет больше чем достаточно.

Я не стану убивать тебя, Горт, в радостном предвкушении говорил себе Струан. О нет, это слишком легко. Но клянусь Господом нашим, с завтрашнего дня ты больше не сможешь сам ходить, не сможешь сам есть, не сможешь видеть и никогда не сможешь спать с женщиной. Я покажу тебе, что такое месть.

К вечеру новость о дуэли из уст в уста облетела весь город, и повсюду начали заключаться пари. Многие отдавали предпочтение Горту: он был в самом расцвете сил и, в конце концов, имел полное основание вызвать Тай-Пэна, если верить слухам о том, что Кулум заразился женской болезнью, а Тай-Пэн, зная об этом, отправил его и Тесс в море с капитаном, который по закону мог обвенчать их, едва они отойдут от берега дальше, чем на три мили.

Те, кто ставили свои деньги на Тай-Пэна, делали это, больше надеясь на его победу, нежели твердо веря в нее. Все знали о его отчаянных попытках раздобыть хинную корку и о том, что его таинственная наложница умирает. И все видели, какое разрушительное действие это оказало на него. Только Ло Чум, Чен Шень, А Сам и Йин-си заняли столько, сколько смогли, и все до последнего пенни с уверенностью поставили на Тай-Пэна, вознеся богам горячую молитву не оставлять их своим покровительством. Без Тай-Пэна они разорились бы в любом случае.

Никто даже не заикнулся о дуэли при Мэй-мэй. Струан рано ушел от нее и вернулся в свою резиденцию. Он собирался хорошенько выспаться. Исход поединка его не тревожил: он был уверен, что сумеет справиться с Гортом. Но ему вовсе не хотелось самому быть изувеченным в этой схватке, и он знал, что для этого ему понадобится вся его сила и вся быстрота.

Он спокойно шагал по тихим улицам. Ночь была теплой – еще одна прекрасная, звездная ночь.

Ло Чум открыл ему дверь:

– Здраствуй, масса.

Он мягким жестом показал рукой в холл. Там стояла Лиза Брок.

– Добрый вечер, – произнес Струан.

– Это правда, что у Кулума женская болезнь?

– Разумеется, у него нет никакой болезни! Кровь господня, мы даже не знаем, поженились ли они. Может быть, они просто решили прокатиться тайком от всех.

– Но он ходил в притон, да еще Бог знает в какой? В ту ночь, когда его ограбили?

– У Кулума нет женской болезни, Лиза.

– Тогда почему другие говорят, что есть?

– Спросите об этом у Горта.

– Я так и сделала, и он ответил, что ему так сказали.

– Я повторяю еще раз, Лиза. Кулум ничем не болен.

Огромные плечи Лизы затряслись от рыданий.

– О, Господи, что мы наделали? – Она жалела, что не в ее власти предотвратить дуэль. Горт ей нравился, пусть даже он и не был ее сыном. Она чувствовала свою вину и понимала, что и ее руки обагрятся кровью, которая теперь неизбежно прольется – кровью Горта, или Тай-Пэна, или Кулума, или ее мужа. Если бы она не заставила тогда Тайлера взять Тесс на бал, ничего этого, возможно, и не случилось бы.

– Не волнуйтесь, Лиза, – мягко сказал Струан. – Я уверен, с Тесс все в порядке. Даже если они обвенчались, вам нечего бояться.

– Когда возвращается «Китайское Облако»?

– Завтра вечером.

– Вы позволите нашему врачу осмотреть его?

– Это решит сам Кулум. Но я не стану ему запрещать. У него нет женской болезни, Лиза. Если бы была, неужели вы думаете, я допустил бы этот брак?

– Да, я так думаю, – с болью в голосе сказала Лиза. – Вы – дьявол, и только

дьявол знает, что у вас на уме, Дирк Струан. Но я клянусь, и Господь мне в том свидетель, если вы лжете, я сама убью вас, коли мои мужчины не смогут этого сделать.

Она пошатываясь направилась к двери. Ло Чум выпустил ее и запер за ней дверь на засов.

– Масса, лучче спать-спать, – радостно объявил Ло Чум. – Завтла совсем сколый, хейа?

– Иди к черту.

Сухой стук металлической колотушки снаружи входной двери эхом прокатился по уснувшему дому. Струан прислушался к теплой, но не душной темноте спальни и услышал внизу осторожные шаги Ло Чума. Он выскользнул из постели, держа нож наготове и схватил свою шелковую ночную рубашку. Быстро и неслышно выйдя на лестничную площадку он заглянул через перила. Двумя этажами ниже Ло Чум поставил на пол фонарь и отпер дверь. Высокие напольные часы пробили четверть второго.

На пороге стоял отец Себастьян:

– Тай-Пэн меня видеть можно?

Ло Чум кивнул и убрал в сторону тесак, который прятал за спиной. Он двинулся вверх по лестнице, но голос Струана остановил его.

– Да?

Отец Себастьян, подняв голову, вглядывался в темноту. От неожиданности этого окрика у него зашевелились волосы на затылке.

– Мистер Струан?

– Да? – Вновь откликнулся Струан, и горло у него перехватило...

– Я прислан его светлостью. Мы получили хинную корку.

– Где она?

Монах поднял маленький грязный мешочек.

– Вот. Его светлость сказал, что вы ждете кого-нибудь с этой корой.

– А цена?

– Об этом мне ничего не известно, мистер Струан, – тихо отозвался отец Себастьян. – Его светлость приказал мне лечить ею того, к кому вы меня отведете. Это все.

– Я сейчас же спущусь к вам, – прокричал Струан и метнулся обратно в спальню.

Он торопливо оделся, сунул ноги в сапоги и бросился к двери, но вдруг остановился. Подумав секунду, он взял с собой боевой цеп и спустился по лестнице, прыгая через четыре ступеньки.

Отец Себастьян увидел боевой цеп и вздрогнул.

– Доброе утро, святой отец, – произнес Струан. Он скрыл отвращение, которое внушала ему грязная ряса монаха, и заново возненавидел всех врачей на свете. – Ло Чум, когда масса Синклер здесь, ты приводить, ясно?

– Ясна, масса.

– Пойдемте, отец Себастьян!

– Одну минуту, мистер Струан! Прежде чем идти, я должен объяснить вам одну вещь. Я никогда раньше не пользовался хинной коркой, никто из нас не пользовался ею.

– Ну, это никакого значения не имеет, не так ли?

– Конечно, имеет! – воскликнул монах. – Я знаю лишь то, что должен приготовить «чай» из этой коры, сварив ее. Беда в том, что мы не знаем точно, как долго следует держать ее на огне и как крепко заваривать. Или сколько отвара должен выпивать больной за один прием. И как часто он должен его принимать. Единственное руководство по лечению хинной коркой, которое у нас есть, написано

по-латыни; оно очень древнее и неопределенное!

– Епископ говорил, что у него когда-то была малярия. Сколько отвара он принимал тогда?

– Его светлость не помнит. Он помнит только, что отвар был очень горьким на вкус и его постоянно тошнило. Если он не ошибается, он пил его в течение четырех дней. Его светлость сказал, что вы должны совершенно ясно представлять себе: мы будем лечить ее целиком на ваш страх и риск.

– Да. Я понимаю это очень хорошо. Пойдемте же!

Струан выбежал на улицу. Отец Себастьян поспешил за ним следом. Они немного прошли вдоль praia, потом повернули наверх и пошли тихой, усаженной деревьями улицей.

– Пожалуйста, мистер Струан, не так быстро, – запыхавшись, проговорил отец Себастьян.

Струан пересек Ргаса de Sao Paulo и, свернув на другую улицу, нетерпеливо устремился дальше. Вдруг инстинкт заставил его остановиться; он резко отпрыгнул в сторону. Мушкетная пуля расплющилась о стену в том месте, где он только что стоял. Он дернул вниз перепуганного монаха. Прогремел еще один выстрел. Пуля царапнула ему плечо, и он проклял себя за то, что не взял пистолеты.

– Бегите, спасайтесь!

Струан рывком поднял монаха на ноги и подтолкнул через дорогу в безопасное место у дверей какого-то дома. Кое-где в окнах стали зажигаться огни.

– Сюда! – прошептал он, бросаясь вперед. Он неожиданно изменил направление, и третья пуля просвистела мимо в каком-то дюйме от его головы. В следующий миг он свернул в спасительный переулок, отец Себастьян тяжело дышал у его плеча.

– Вы не потеряли кору? – спросил Струан.

– Нет. Ради всего святого, что происходит?

– Грабители! – Струан взял трясущегося от страха священника за руку и побежал по переулку, а потом – через открытое пространство перед фортом Сан-Пауло де Монте.

В тени его стен он остановился, чтобы перевести дух.

– Где кора?

Отец Себастьян дрожащей рукой поднял мешочек. Лунный свет коснулся свежего шрама на подбородке Струана и замерцал в его глазах; шотландец словно стал выше ростом, и в его облике появилось что-то демоническое.

– Кто это был? Кто стрелял в нас? – спросил отец Себастьян.

– Грабители, – повторил Струан. Он знал, что на самом деле засаду устроили люди Горта – или сам Горт. Он задумался на секунду, не был ли отец Себастьян послан к нему с целью заманить его в эту ловушку. Маловероятно – монаха прислал к нему сам епископ, и он пришел с корой. Ну да ладно, скоро я это узнаю, подумал он. И если святой отец все-таки окажется в этом замешан, я своей рукой перережу несколько папистских глоток.

Струан пристально всматривался в темноту. Он вытащил из сапога нож и поправил на руке ремень боевого цепа. Когда отец Себастьян начал дышать не так тяжело, он повел его через холм, мимо церкви Святого Антония, и дальше вниз, к улице, на которую выходила наружная стена дома Мэй-мэй. В этой высокой и толстой стене, сложенной из гранитных глыб, была устроена дверь.

Он резко ударил в нее дверным молотком. Через несколько секунд в двери открылось окошечко, и из него выглянуло настороженное лицо Лим Дина. Дверь распахнулась. Они вошли в передний двор, и Лим Дин опять аккуратно запер дверь на засов.

– Теперь мы в безопасности, – сказал Струан. – Лим Дин, чай пить сильно

быстро раз-раз! – Он жестом показал отцу Себастьяну на стул и положил на стол свой боевой цеп. – Сначала отдышитесь.

Монах убрал руку с распятия, которое сжимал все это время, и вытер пот со оба.

– Кто-то действительно пытался нас убить?

– Было у меня такое чувство, – ответил Струан. Он снял сюртук и осмотрел плечо. Пуля лишь обожгла кожу.

– Позвольте мне взглянуть, – предложил монах.

– Это пустяки. – Струан надел сюртук. – Не беспокойтесь, святой отец. Лечите ее, я отвечаю за все. С вами самим все в порядке?

– Да. – Губы монаха пересохли, во рту горчило. – Сначала я приготовлю чай из хинной корки.

– Хорошо. Но прежде чем мы приступим, поклянитесь на кресте, что вы никогда и никому не расскажете об этом доме, о том, кто в нем живет, и о том, что здесь происходит.

– Это, право, не обязательно. Нет ничего, что бы...

– Нет, есть! Я хочу, чтобы тайны моей личной жизни оставались только моими! Если вы не дадите мне клятвы, я сам буду лечить ее. Похоже, что про лечение хинной коркой я знаю столько же, сколько и вы. Решайте.

У монаха сжалось сердце. Скудность собственных познаний была ему мучительна, его сжигало страстное, всепоглощающее желание исцелять во имя Господне.

– Пусть будет так. Я клянусь на святом распятии, мои уста запечатаны.

– Благодарю вас. – Струан первым вошел в дом и зашагал по коридору. А Сам появилась на пороге своей комнаты и настороженно поклонилась, плотнее запахивая на себе зеленый халат. Ее спутанные волосы в беспорядке рассыпались по плечам, лицо было еще опухшим со сна. Она пошла следом за ними в кухню, неся фонарь.

Кухня оказалась маленькой и тесной. В ней был устроен очаг и стояла жаровня с углями. Второй дверью она выходила на задний двор, заваленный всяким хламом. Комнатка была вся уставлена горшками, кастрюлями, чайниками. Сотни пучков засушенных трав и грибов, а также связки овощей, колбас, коровьих кишок висели на закопченных стенах. Сплетенные из пальмовых листьев мешки с рисом стояли прямо под ногами на грязном полу.

Две полусонные кухонные амы, приподнявшись среди вороха тряпья на деревянных койках, тупо уставились на Струана. Но когда он одним движением сбросил груду кастрюль и грязных тарелок со стола, чтобы освободить место, они выпрыгнули из постелей и в страхе бросились вон из дома.

– Чай, масса? – спросила А Сам, не понимая, что происходит.

Струан покачал головой. Он взял влажный от пота полотняный мешочек из рук нервничающего монаха и открыл его. Разломанная на крошечные кусочки кора была коричневого цвета и выглядела вполне обыкновенно. Он понюхал ее; но она ничем не пахла.

– Что теперь?

– Нам понадобится какая-нибудь посуда, чтобы приготовить отвар. – Отец Себастьян выбрал относительно чистую кастрюлю.

– Сначала, будьте добры, вымойте руки. – Струан показал на небольшой бочонок с водой и лежащий рядом кусок мыла.

– Что?

– Сначала вымойте руки. Пожалуйста. – Струан окунул мыло в воду и подал его монаху. – Вы приступите к делу только после того, как вымоете руки.

– Почему это так необходимо?

– Не знаю. Старинное китайское поверье. Пожалуйста, святой отец, прошу вас, пожалуйста.

Пока Струан мыл кастрюлю и ставил ее на стол, А Сам во все глаза смотрела, как отец Себастьян потер руки мылом, сполоснул их и насухо вытер чистым полотенцем.

Затем он закрыл глаза, сложил руки перед грудью и молча помолился.

– Теперь нам нужно найти какую-нибудь мерку, – сказал он, открывая глаза и возвращаясь с небес на землю. Он взял первую попавшуюся чашку помельче и до краев наполнил ее корой. Высыпав кору в кастрюлю, он медленно и методично добавил туда десять таких же частей воды. Потом поставил кастрюлю на жаровню. – Начнем с пропорции десять к одному, – сипло произнес он и нервно вытер руки о рясу. – Теперь я бы хотел осмотреть больную.

Струан жестом подозвал А Сам и показал на кастрюлю.

– Нет трогать!

– Нет трогать, масса! – ответила А Сам, часто кивая головой. Теперь, когда она немного пришла в себя после столь неожиданного пробуждения, в ней проснулся интерес ко всем этим странным вещам, которые происходили у нее перед глазами. – Нет трогать, масса, ладна!

Струан и монах вышли из кухни и направились в спальню Мэй-мэй. А Сам последовала за ними.

В комнате тускло горела лампа, выхватывая из темноты отдельные предметы. Йин-си стояла перед зеркалом и расчесывала спутанные волосы. При виде Струана она положила гребень и торопливо поклонилась. Ее низкая кровать, покрытая тонким матрасом, стояла на полу сбоку от огромной, с балдахином кровати Мэй-мэй.

Мэй-мэй слабо дрожала, укутанная несколькими одеялами.

– Привет, девочка. Мы принесли хинную корку, – сказал Струан, подходя ближе к ней. – Наконец-то. Теперь все будет хорошо!

– Мне так холодно, Тай-Пэн, – беспомощно прошептала она. – Мне так холодно. Что у тебя с лицом?

– Ничего, девочка.

– Ты порезался. – Она задрожала и закрыла глаза, увлекаемая вьюгой, которая кружила ее в ледяной мгле. – Мне так холодно.

Струан повернулся и посмотрел на отца Себастьяна. На худом вытянутом лице монаха застыло изумленное выражение.

– Что случилось?

– Ничего. Ничего. – Монах поставил на стол крошечные песочные часы и, опустившись на колени подле кровати, взял Мэй-мэй за кисть руки и начал считать пульс. Как может китайская девушка говорить по-английски, недоумевал он. Неужели другая девушка – его вторая любовница? Я в гареме дьявола? О Боже, защити меня, и дай мне силу исцелять именем Твоим, и сделай меня оружием Твоим в эту ночь.

Пульс Мэй-мэй был таким медленным и слабым, что ему стоило огромных трудов не потерять его. С чрезвычайной бережностью он повернул к себе ее лицо и заглянул ей в глаза.

– Не бойся, – проговорил он. – Бояться нечего. Ты в руках Господа. Я должен посмотреть твои глаза. Не бойся, ты в Его руках...

Оцепеневшая и беззащитная, Мэй-мэй сделала, как он просил. Йин-си и А Сам стояли поодаль и настороженно наблюдали за происходящим.

– Что он делает? Кто он? – шепотом спросила Йин-си.

– Знахарь этих демонов-варваров, – прошептала в ответ А Сам. – Он монах. Один из длиннополых жрецов того голого Бога-человека, которого прибили гвоздями к кресту.

– О! – Йин-си невольно передернулась. – Я слышала о них. Как они только могли сделать такую абсолютно ужасную вещь! Они действительно демоны! Почему ты не принесешь Отцу чаю? Это всегда помогает, когда человек волнуется.

– Лим Дин готовит чай, Вторая Мать, – прошептала А Сам, поклявшись про себя, что ни за что на свете не тронется с места, ибо может в этом случае пропустить что-то особенно важное. – Как жалко, что я не понимаю их ужасного языка.

Монах положил руку Мэй-мэй на покрывало и поднял глаза на Струана:

– Его светлость сказал мне, что малярия вызвала выкидыш. Я должен осмотреть ее.

– Ну так осматривайте.

Когда монах отодвинул в сторону одеяла и простыни, Мэй-мэй попыталась остановить его. Иин-си и А Сам встревоженно бросились к ней на помощь.

– Нет! – резко крикнул им Струан. – Стоять! – Он сел на кровать рядом с Мэй-мэй и взял ее руки в свои. – Все в порядке, девочка моя. Продолжайте, – сказал он францисканцу.

Отец Себастьян обследовал Мэй-мэй и затем аккуратно укутал ее снова.

– Кровотечение почти прекратилось. Это очень хорошо. Он коснулся своими длинными пальцами ее головы у основания черепа, осторожно надавливая.

Мэй-мэй почувствовала, как часть боли ушла от этих прикосновений. Но внутри нее вновь намерзала ледяная глыба, и ее зубы застучали.

– Тай-Пэн. Мне так холодно. Можно мне грелку или еще одеяло? Пожалуйста. Мне так холодно.

– Конечно, девочка, сейчас. – Под спиной у нее уже была бутыль с горячей водой. Она лежала под четырьмя пуховыми одеялами.

– У вас есть часы, мистер Струан? – спросил отец Себастьян.

– Да.

– Пожалуйста, пойдите на кухню. Как только вода закипит, заметьте время. После того, как она прокипит один час... – В глазах отца Себастьяна отразилось бесконечное отчаяние. – Два? Полчаса? Сколько? О Боже, молю тебя, помоги мне в этот трудный час.

– Один час, – с твердой уверенностью сказал Струан. – Мы поставим еще такое же количество коры и будем кипятить ее два часа. Если первый отвар не подействует, испробуем второй.

Струан взглянул на часы, подойдя к лампе над кухонным столом. Он снял кастрюлю с жаровни и поставил остужаться в ведро с водой. Вторая кастрюля с корой уже закипела.

– Как она? – спросил он, увидев входящего монаха. А Сам и Йин-си вошли в кухню следом за ним.

– Сильный озноб. Сердце бьется очень слабо. Вы помните, как долго ее знобило в последний раз до наступления горячки?

– Четыре часа, может быть пять. Не знаю. – Струан налил немного горячей жидкости в крошечную чайную чашечку и попробовал ее. – Кровь господня, ну и горечь! Это просто ужас какой-то.

Монах сделал глоток и тоже сморщился.

– Ну что ж. Давайте начнем. Надеюсь только, что она сумеет удержать это внутри. По чайной чашке через каждый час. – Он снял одну из чашек с закопченной полки и взял со стола грязную тряпку.

– Зачем вам тряпка? – спросил Струан.

– Нужно процедить отвар, чтобы в него не попали кусочки коры. Эта тряпица как раз подойдет. Плетение достаточно редкое.

– Я сам это сделаю, – сказал Струан. Он достал серебряное чайное ситечко, которое приготовил заранее, и еще раз вытер его чистым носовым платком.

– Зачем вы его протираете?

– Китайцы всегда очень внимательно следят за тем, чтобы чайник и чашки были чистыми. Они говорят, что чай от этого делается полезнее. – Он начал переливать

дурно пахнущий хинный отвар в безукоризненно чистый фарфоровый чайник, думая лишь об одном: чтобы крепость жидкости оказалась правильной. – Почему не попробовать то же самое и в нашем случае, а?

Он отнес чайник и чашку в спальню, Первую чашку Мэй-мэй извергла обратно. Вторую тоже.

Невзирая на ее отчаянные мольбы, Струан заставил ее выпить третью. На этот раз Мэй-мэй удержала ее в себе – что угодно, лишь бы не пришлось пить ее снова.

Они с надеждой смотрели на нее. Однако ничего не произошло. Только озноб стал сильнее.

Через час Струан заставил ее выпить следующую чашку. Ее не вырвало, но озноб продолжал усиливаться.

– Будем давать по две чашки, – сказал Струан, борясь с охватывающей его паникой. И он заставил ее выпить двойную дозу.

Час за часом этот процесс повторялся. Наступил рассвет.

Струан посмотрел на часы. Шесть. Никакого улучшения. Мэй-мэй билась в ознобе, как тонкая веточка на осеннем ветру.

– Ради Создателя, – вырвалось у Струана, – питье должно сработать!

– Благодарение Создателю, оно работает, мистер Струан, – сказал отец Себастьян. Он держал Мэй-мэй за кисть. – Жар и горячка должны были наступить два часа назад. Если они не начнутся, у нее есть шанс. Я едва чувствую ее пульс, это правда, но хинная корка делает свое дело.

– Держись, девочка, – сказал Струан, сжимая руку Мэй-мэй. – Еще несколько часов. Держись!

Через некоторое время в дверь в стене сада постучали.

Струан, пошатываясь, вышел из дома и отодвинул засов на двери.

– Привет, Горацио. Хейа, Ло Чум.

– Она умерла?

– Нет, парень. Думаю, она исцелилась, милостью Божьей.

– Вы раздобыли хинную корку?

– Да.

– Мастерсон ждет около джонки. Сейчас должен появиться Горт. Я попрошу их – его секундантов – отложить поединок до завтра. Сегодня вы не в состоянии с кем-либо драться.

– Тебе не нужно ни о чем беспокоиться. Существуют и другие способы прикончить ядовитую змею, кроме как раздавить каблуком ее проклятую голову. Я буду там через час.

– Хорошо, Тай-Пэн. – Горацио заспешил прочь, Ло Чум вместе с ним.

Струан запер дверь и вернулся к Мэй-мэй.

Она лежала на кровати совершенно неподвижно.

А отец Себастьян держал ее руку у кисти. Его лицо окаменело от тревоги Он наклонился к ней и приложил ухо к груди. Шли секунды. Он поднял голову и испытующе посмотрел на Струана:

– Был момент, когда я подумал... но с ней все хорошо. Ее сердце бьется страшно медленно, но... что ж, она молода. С Божьей помощью лихорадка побеждена, мистер Струан. Перуанская хинная корка излечивает лихорадку Счастливой Долины Поистине неисповедимы пути Господа нашего!

Струан ощутил в себе какую-то странную отрешенность.

– Лихорадка вернется? – спросил он.

– Возможно. Раз, другой, третий. Но новые порции хинного отвара остановят ее – теперь мы можем быть в этом уверены. Эта лихорадка побеждена. Вы понимаете меня? Эта женщина излечилась от малярии.

– Она будет жить? Вы говорите, что пульс у нее очень слабый. Она будет жить?

– Милостью Божьей, у нее хороший шанс Очень хороший. Но я не могу утверждать этого наверняка.

– Сейчас мне нужно уйти, – сказал Струан, поднимаясь – Вы не побудете здесь до моего возвращения?

– Хорошо. – Отец Себастьян поднял было руку, чтобы перекрестить его, но вспомнил о чем-то, и рука опустилась – Я не могу благословить ваш уход, мистер Струан. Вы уходите, чтобы убить, не так ли?

– Человек рождается, чтобы умереть, святой отец. Я просто в меру своих сил пытаюсь защитить себя и тех, кто мне дорог, и хочу сам выбрать час своей смерти, вот и все.

Он взял боевой цеп, закрепил ремень рукоятки на запястье и вышел из дома.

Шагая по улицам, он чувствовал на себе взгляд чьих-то глаз, но не обращал на это внимания Он жадно впивал в себя это утро, это солнце, безбрежную синеву океана и его запах, чувствуя, как с каждым шагом крепнут его ноги и руки и проясняется голова. Сегодня прекрасный день, чтобы раздавить ядовитую змею, думал он. Только смерть сегодня ждет тебя, а не его У тебя не хватит сил, чтобы одолеть Горта в схватке на цепах. Сегодня – нет.

Глава 9

Рядом с джонкой собралась большая толпа. Торговцы, отряд португальских солдат под командованием молодого офицера, моряки. Джонка была пришвартована к пирсу, начинавшемуся у самой praia. Когда появился Струан, те, кто ставили на него, пришли в смятение. А те, кто поставили на Горта, возликовали.

Португальский офицер вежливо остановил Струана.

– Доброе утро, сеньор.

– Доброе утро, капитан Мачадо.

– Генерал-губернатор напоминает вам, что дуэли в Макао запрещены.

– Я знаю это, – кивнул Струан. – Может быть, вы поблагодарите его превосходительство от моего имени и передадите ему, что я буду последним из тех, кто нарушит португальские законы. Я понимаю, что мы гости, а гости имеют вполне определенные обязательства по отношению к хозяевам. – Он поправил ремень цепа на запястье и зашагал к джонке. Толпа расступилась перед ним, и он увидел враждебные лица людей Горта и всех тех, кто желал его смерти. Таких было много.

Ло Чум ждал на высоком полуюте рядом с Горацио.

– Здраствуй, масса. – Он протянул ему бритвенные принадлежности. – Твоя хочит?

– Где Горт, Горацио?

– Его секунданты ищут его.

Струан всем сердцем пожелал, чтобы Горт сейчас валялся в каком-нибудь притоне, пьяный в стельку. О Господи, сделай так, чтобы мы дрались завтра!

Он начал бриться. Толпа молча наблюдала за ним, и многие суеверно перекрестились, пораженные сверхъестественным спокойствием Тай-Пэна.

Побрившись, Струан почувствовал себя несколько лучше. Он посмотрел на небо. Синеву прочертили редкие нити перистых облаков, и море было спокойным словно озеро. Он окликнул Кьюдахи, которого снял на время дуэли с «Китайского Облака».

– Следи, чтобы ко мне никто не приближался.

– Есть, сэр-р.

Струан растянулся на крышке люка и мгновенно заснул.

– Боже милостивый, – ошеломленно пробормотал Роуч. – Это не человек.

– Да, – согласился Вивиен, – он сам Дьявол, это точно.

– Тогда удвоим ставку, раз ты так уверен, а?

– Нет. Разве что Горт придет пьяным.

– Скажем, ему удастся убить Горта, – что тогда с Тайлером?

– Они будут драться насмерть, я думаю.

– А что сделает Кулум, а? Если Горт окажется сегодня победителем.

– Ничего. Что он может сделать? Кроме как возненавидеть, быть может. Бедняга, мне он скорее нравится. Как бы там ни было, они с Тай-Пэном все равно враги – так что, возможно, он еще будет благодарен Горту, а? Он ведь сразу станет Тай-Пэном вместо отца, тут и думать нечего. Куда, дьявол его забери, запропастился Горт?

Солнце неумолимо поднималось все выше. Из боковой улочки выбежал португальский солдат и начал что-то возбужденно докладывать офицеру. Тот немедленно повел свой отряд скорым шагом вдоль praia.

Струан пробудился. Действительность, к которой медленно возвращалось его сознание, была вся наполнена ноющей болью, и каждая клеточка его тела пронзительно кричала о потребности во сне. Он опустил тяжелые, будто налившиеся свинцом ноги на палубу и с трудом поднялся. Горацио как-то странно смотрел на него.

Страшно обезображенное тело Горта лежало в грязи в одном из переулков, выходивших на причалы китайского квартала. Вокруг него валялись тела трех китайцев. Еще один китаец с обломком копья, торчавшим у него в паху, стонал, лежа у ног патруля португальских солдат.

Торговцы и португальцы толпились вокруг, стараясь протиснуться поближе. Те, которым удавалось увидеть Горта, тут же отворачивались с побледневшими лицами.

– Патруль сообщает, что они услышали крики и шум борьбы, – рассказывал португальский офицер Струану и тем, кто стоял рядом. – Когда они подбежали сюда, то увидели сеньора Брока на земле, там, где он лежит сейчас. Три или четыре китайца кололи его копьями. Когда эти кровожадные демоны увидели наших солдат, они исчезли вон там. – Он показал на безмолвное скопление лачуг, разделенных кривыми улочками и проходами. – Наши люди попытались их преследовать, но... – Он пожал плечами.

Струан сознавал, что эти наемные убийцы спасли ему жизнь.

– Я назначу награду за поимку тех, кому удалось сбежать, – объявил он. – Сто тэйлов за мертвых, пятьсот – за живых.

– Поберегите ваши «мертвые» деньги, сеньор. Язычники просто притащат вам три трупа – первые, какие смогут найти. Что же касается награды за живых преступников, – офицер с отвращением ткнул пальцем в сторону пленника, – если только этот bastardo degenerado[26] не назовет вам своих сообщников, деньги ваши останутся целы. Хотя с другой стороны, я вот сейчас подумал, что китайские власти имеют – как бы это сказать? – больший опыт в снятии допроса с арестованных. – Он резко проговорил что-то по-португальски, солдаты положили раненого китайца на сорванную с петель дверь, валявшуюся неподалеку, и унесли его.

Офицер щелчком сбил кусочек грязи со своего мундира.

– Глупая и ненужная смерть. Сеньору Броку следовало бы знать, что этот район – не место для прогулок. Похоже, что ничья честь не была удовлетворена.

– Повезло же вам, Тай-Пэн, – язвительно усмехнулся один из друзей Горта. – Прямо повезло.

– Да. Я рад, что мои руки чисты от его крови.

Струан повернулся спиной с трупу и медленно зашагал прочь.

Он миновал переулок и поднялся на холм к древнему форту. Там, наверху, в

---

[26] Bastardo degenerado – мерзкий ублюдок (порт.).

окружении моря и неба, он сел на скамью и возблагодарил Бога за благословение, посланное ему ночью, и за благословение, посланное днем.

Он не замечал прохожих, солдат в воротах форта, перезвона церковных колоколов. Птиц, окликавших друг друга, ласки легкого ветерка, теплоты целительного солнца. Или течения времени. Позже он попытался решить, что ему делать, но разум отказывался служить ему.

– Возьми себя в руки, – сказал он вслух.

Он спустился вдоль склона холма к резиденции епископа, но его самого не застал. Он отправился в собор и спросил епископа там. Монах предложил ему подождать в монастырском саду.

Струан опустился на скамейку в тенистом месте и стал слушать журчание воды в фонтане. Цветы казались ему более яркими, чем когда-либо, их аромат – более изысканным. Биение его сердца, вернувшаяся к нему сила, даже постоянная боль в щиколотке – все это было не сном, но реальностью.

О Господи, благодарю тебя за жизнь.

Епископ пристально смотрел на него, стоя в тени крытой галереи.

– О, здравствуйте, ваша светлость, – произнес Струан. Он чувствовал в себе удивительную свежесть. – Я пришел поблагодарить вас.

Епископ поджал тонкие губы:

– Что вы видели сейчас, сеньор?

– Не знаю, – ответил Струан. – Я просто смотрел на сад. Любовался им. Радовался жизни. Даже не могу сказать точно.

– Мне думается, вы были очень близко к Богу, сеньор. Вы, возможно, так не считаете, но я знаю, что были.

Струан покачал головой:

– Нет, ваша светлость. Просто радовался, что сижу в прекрасном саду в такой чудный денек. Только и всего.

Но выражение лица Фалариана Гинеппы не изменилось. Его пальцы легли на распятие.

– Я долгое время наблюдал за вами. Я чувствовал, что вы были близко. Вы! Изо всех людей. Конечно, этого не должно быть. – Он вздохнул. – Однако откуда нам, бедным грешникам, могут быть ведомы пути Господни? Я завидую вам, сеньор. Вы хотели меня видеть?

– Да, ваша светлость. Эта хинная кора излечила лихорадку.

– Deo gratias![27] Но это поистине чудо! Как удивителен промысел Божий!

– Я собираюсь немедленно зафрахтовать судно и отправить его в Перу с распоряжением взять груз хинной корки. С вашего позволения, я бы хотел послать с кораблем отца Себастьяна, чтобы он разузнал, как собирают кору, где она растет, как перуанцы лечат свою малярию, одним словом – все. Когда он вернется, знания и груз мы разделим пополам. Я бы также хотел, чтобы он, получив ваше разрешение, без всякого промедления составил и отправил в Англию в «Ланцет» – и в «Тайме» – медицинский отчет о вашем успешном лечении малярии хинной коркой.

– Такое официальное медицинское руководство может быть направлено только через официальные каналы Ватикана. Но я прикажу ему подготовить этот труд. Что же касается посылки с кораблем именно его, это я должен буду обдумать. Однако я обязательно пришлю кого-нибудь на ваше судно. Когда оно отправляется?

– Через три дня.

– Очень хорошо. Мы поделим груз и знания поровну. Это очень щедро.

– Мы так и не определили цену за лечение. Она исцелилась. Поэтому прошу вас

---

[27] Deo gratias – Боже милостивый (лат.).

сейчас назвать действительную цену.

– Ничего, сеньор.

– Я не понимаю.

– Горсть хинной коры, которая спасла жизнь одной девушки, ничего не стоит.

– Но, конечно же, у нее должна быть цена. Я ведь сказал: все, что вы попросите! Я готов заплатить. На Гонконге мною были предложены двадцать тысяч тэйлов. Я пришлю вам чек на предъявителя.

– Нет, сеньор, – терпеливо ответил прелат. – Если вы это сделаете, я просто порву его. Мне не нужна за кору никакая плата.

– Я построю католическую церковь на Гонконге, – сказал Струан. – Монастырь, если вы пожелаете. Не играйте со мной, ваша светлость. Сделка есть сделка. Назовите вашу цену.

– Вы ничего не должны лично мне, сеньор. Вы ничего не должны Церкви. Но вы очень много должны Господу Богу. – Он поднял руку и перекрестил его, – In nomine Patris, et Filii, et Spintus Sancti[28], – тихо произнес он, и удалился.

Глава 10

Мэй-мэй почувствовала, что пробуждается от сна; руки Струана поддерживали ее, губ касалась чашка с лекарством. Она словно издалека услышала, как Струан тихо разговаривает с отцом Себастьяном, но не стала напрягаться, чтобы понять английские слова. Она послушно проглотила хинный отвар и скользнула назад в полузабытье.

Потом Мэй-мэй услышала, как монах ушел, и это доставило ей удовольствие, потому что постороннее присутствие тяготило ее. Она почувствовала, как Струан вновь приподнял ее, и проглотила вторую чашку, преодолевая тошноту, которую по-прежнему вызывал у нее омерзительный вкус лекарства.

Сквозь благостный туман, окутывавший ее сознание, она услышала, как Струан сел в бамбуковое кресло. Вскоре до нее донеслось его тяжелое размеренное дыхание, и она поняла, что он уснул. Это сразу наполнило ее чувством защищенности и покоя.

Звуки разговора ам, болтавших о чем-то на кухне, острый язвительный юмор А Сам, тонкий аромат духов Йин-си доставляли ей столько радости, что Мэй-мэй не позволяла сну завладеть ею целиком.

Она тихо лежала на кровати, чувствуя, как с каждой минутой силы ее прибывают. И она поняла, что будет жить.

Я воскурю благовония богам за мой йосс. Может быть, поставлю свечу длиннополому Богу. В конце концов, это ведь монах принес кору, разве нет? – как бы отвратительна она ни была на вкус. Может быть, мне следует сделаться длиннополой христианкой. Это дало бы монаху огромное лицо. Правда, мой Тай-Пэн этого бы не одобрил. Но даже и так, почему бы мне не попробовать. Ибо если никакого длиннополого Бога нет, вреда от этого не будет, а если есть, то получится, что я поступила очень мудро. Интересно, похож ли Бог варваров на наших китайских богов. Которые, если разобраться, очень глупы. Впрочем, нет, не так. Они, как люди, со всеми нашими достоинствами и недостатками. Это гораздо разумнее, чем притворяться, как это делают все варвары, будто их Бог совершенен и видит всех, слышит всех, всех судит и наказывает.

Я рада, что я не одна из них.

Она услышала мягкий шелест одежд Йин-си и вдохнула аромат духов,

---

[28] In nomine Patris, et Filii, et Spintus Sancti – Во имя Отца, Сына и Святого духа (лат.).

принесенный ею. Мэй-мэй открыла глаза.

– Вы выглядите лучше, Верховная госпожа, – прошептала Йин-си, встав на колени рядом с нею. – Посмотрите, я принесла вам цветы.

Маленький букетик был очень красив. Мэй-мэй слабо кивнула, но она чувствовала, что силы быстро возвращаются к ней. Струан крепко спал, развалившись в длинном кресле. Во сне его лицо казалось совсем молодым, глазницы потемнели от усталости, на подбородке алел свежий шрам.

– Отец здесь уже около часа или больше, – сказала Йин-си. Она была в голубых шелковых штанах и длинной, до колена, двубортной шелковой рубашке цвета морской волны, в волосах – цветы.

Мэй-мэй улыбнулась, повернула голову и увидела, что уже наступил вечер.

– Сколько дней прошло с тех пор, как началась последняя лихорадка, Сестра?

– Она была у вас прошлой ночью. Отец пришел с длиннополым монахом. Они принесли волшебное питье, разве вы не помните? Сегодня рано утром я послала эту жалкую рабыню А Сам возблагодарить богов. Почему вам не позволить мне вымыть вас? Я расчешу и уберу ваши волосы. Вы почувствуете себя гораздо лучше.

– О да, пожалуйста, Сестра, – сказала Мэй-мэй. – Я, должно быть, выгляжу ужасно.

– Да, Верховная госпожа, но это лишь потому, что вы едва не умерли. Десять минут, и вы будете так же прекрасны, как всегда – я обещаю вам!

– Будь тиха, как бабочка, Сестра, – предупредила ее Мэй-мэй. – Что бы ты ни делала, не разбуди Отца, и скажи этому черепашьему дерьму на кухне, что если Отец проснется прежде, чем я буду готова, ты лично – по моему приказу – раздавишь им пальцы в тисках.

Йин-си в восторге выпорхнула из комнаты. В доме настала глубокая тишина.

Йин-си и А Сам на цыпочках вернулись в спальню, вымыли Мэй-мэй в ванне с душистой водой, принесли нагретые солнцем штаны из тончайшего шантунгского шелка алого цвета и алую же рубашку и помогли ей одеться. Они вымыли ей ноги и сменили повязки, потом поддержали ее, пока она чистила зубы и ополаскивала рот мочой младенца. В заключение Мэй-мэй пожевала несколько пахучих листочков чая и наконец почувствовала себя чистой и свежей.

Они тщательно расчесали ей волосы, заплели их в косу и изящно украсили свежими сладкопахнущими цветами. Потом поменяли простыни и подушки, побрызгали на них духами и положили под подушку пучок ароматических трав.

И хотя все эти передвижения и переодевания отняли у нее много сил, Мэй-мэй почувствовала себя так, словно заново родилась на свет.

– А теперь немного бульона, Верховная госпожа. А затем – свежее манго, – сказала Йин-си.

– А затем, – с важностью добавила А Сам, и ее серебряные серьги зазвенели, – у нас есть для вас замечательная новость.

– Что?

– Только после того, как вы поедите, Мать, – сказала А Сам. Мэй-мэй начала протестовать, но А Сам лишь твердо покачала головой – Мы должны заботиться о вас, вы еще не выздоровели до конца. Вторая Мать и я знаем, что хорошая новость очень благоприятна для пищеварения. Но сначала вы должны съесть что-нибудь, чтобы было что переваривать.

Мэй-мэй выпила немного бульона и съела несколько нарезанных ломтиков манго. Они стали уговаривать ее поесть еще. – Вы должны восстанавливать свои силы, Верховная госпожа.

– Я доем манго, если вы расскажете мне новость прямо сейчас, – сказала Мэй-мэй.

Йин-си задумалась. Потом кивнула А Сам:

– Говори, А Сам. Только начни с того, что рассказал тебе Ло Чум: как это все началось.

– Не так громко! – напомнила им Мэй-мэй. – Не разбудите Отца.

– Ну так вот, – начала А Сам, – вечером накануне нашего приезда – семь ужасных дней назад варварский сын Отца угодил в лапы к самому дьяволу во плоти, тоже варвару. Этот чудовищный варвар раскинул сети заговора, такого грязного и бесчестного, такого демонического – уничтожить любимого сына нашего Отца, – что я едва могу найти слова, чтобы рассказывать о нем. И вот прошлой ночью и сегодня, пока волшебное питье варварских демонов побеждало вашу лихорадочную болезнь, наступило время ужасной, судьбой предопределенной развязки. Всю бессонную ночь мы провели на коленях, умоляя богов о защите. Но все напрасно Отец должен был погибнуть, вы должны были погибнуть, мы должны были погибнуть, и, что еще хуже, враг торжествовал победу. – А Сам замолчала, потом, прилежно изображая сла бость в ногах, проковыляла к столу, взяла крошечную чашечку с вином, которую Йин-си принесла в подарок Мэй-мэй, и сделала глоток, не в силах справиться с волнением.

Вернув себе таким образом самообладание, она продолжила свой рассказ, сопровождая его леденящими кровь паузами, невероятными вздохами и энергичной жестикуляцией.

– И там, в самой грязи, – закончила А Сам рыдающим шепотом, тыча пальцами в пол, – разрубленный на сорок кусков, в окружении пятнадцати мертвых тел наемных убийц, лежал труп этого варварского дьявола, Горта! Так был спасен наш Отец!

Мэй-мэй радостно захлопала в ладоши, поздравляя себя со своей дальновидностью. Определенно, боги не оставили нас своим покровительством! Хвала Всевышнему, что я поговорила с Гордоном не позже, чем было нужно. Если бы не он...

– О, как чудесно! О, А Сам, ты великолепно все рассказала Я едва не умерла, когда ты дошла до того места, где Отец уходил из этого дома сегодня утром. Если бы перед тем, как ты начала, вы заранее не предупредили меня, что новость замечательная, я бы действительно умерла.

– Хейа, девочка! – Струан проснулся, разбуженный хлопками Мэй-мэй.

Йин-си и А Сам торопливо поднялись на ноги и поклонились.

– Я чувствую себя фантастически лучше, Тай-Пэн, – объявила Мэй-мэй.

– Ты и выглядишь фантастически лучше.

– Тебе нужна пища, Тай-Пэн, – сказала она. – Ты, вероятно, не ел весь день.

– Спасибо, девочка, но я не голоден. Я перекушу попозже у себя в резиденции. – Струан встал и потянулся.

– Пожалуйста, поешь здесь, – попросила Мэй-мэй. – Останься здесь сегодня. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы... ну, пожалуйста, останься. Это сделает меня очень счастливой.

– Ну, разумеется, девочка, – согласился Струан – Ты должна принимать хинную корку еще четыре дня. Три раза в день.

– Но, Тай-Пэн, я и так чувствую себя благословенно хорошо. Пожалуйста, не надо больше.

– Три раза в день, Мэй-мэй. Следующие четыре дня.

– Кровь господня, у этой штуки вкус птичьего помета, смешанного с уксусом и змеиной желчью.

В спальню внесли стол, весь уставленный кушаньями. Йин-си прислуживала им, потом оставила их одних. Мэй-мэй, изящно орудуя палочками, лакомилась обжаренными в масле креветками.

– Что ты делал сегодня? – спросила она.

– Ничего особенно важного. Но одна проблема решена. Горт мертв.

– О? Как? – воскликнула Мэй-мэй и принялась усердно изображать то удивление, то ужас, слушая его рассказ. – Ты очень умный, Тай-Пэн, – сказала она, когда он умолк. – Но твой йосс фантастически хороший.

Струан оттолкнул тарелку, подавил зевок и задумался о йоссе:

– Да.

– Брок будет ужасно злой?

– Горт умер не от моей руки. Но даже если бы и от моей, он заслуживал смерти. По-своему, мне жаль, что он умер таким образом. – Смерть Горта и побег молодых выведут Брока из себя, подумал он. Мне лучше держать наготове пистолет или нож. Станет ли он охотиться за мной, как ночной убийца? Или придет открыто? Эти заботы я отложу на завтра. – Кулум должен скоро вернуться.

– Почему ты не ложишься спать? Ты выглядишь усталым. Когда Ло Чум принесет известия, А Сам тебя разбудит, хейа? Думаю, мне сейчас тоже лучше спать.

– Наверное, я так и сделаю, милая. – Струан нежно поцеловал ее и обнял. – Ах, девочка, девочка. Я очень боялся за тебя.

– Спасибо, Тай-Пэн. Сейчас иди спать, а завтра мне уже будет гораздо лучше, да и тебе тоже.

– Мне придется вернуться на Гонконг, девочка. Как можно быстрее. На несколько дней. У нее защемило в груди.

– Когда ты уезжаешь, Тай-Пэн?

– Завтра, если с тобой все будет хорошо.

– Ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу, Тай-Пэн?

– Конечно.

– Возьми меня с собой. Я не хочу... оставаться здесь одна, если ты будешь там.

– Ты еще слишком слаба для такого путешествия, а мне необходимо побывать там, девочка.

– О, но завтра я уже буду сильная. Я обещаю. На корабле я все время буду лежать в постели, а жить мы можем на «Отдыхающем Облаке», как и раньше. Пожалуйста.

– Я уезжаю всего на несколько дней, и было бы лучше, если бы ты осталась здесь. Гораздо лучше.

Но Мэй-мэй теснее придвинулась к нему, ласково тормоша его:

– Пожалуйста. Я буду очень хорошая, и выпью все чашки без возражениев, и никуда не встану с постели, и буду есть, и есть, и есть, и буду фантастически очень хорошей.

Я обещаю. Пожалуйста, не оставляй меня, пока я по-настоящему не поправлюсь.

– Ну хорошо, ложись спать, а завтра мы решим.

Она поцеловала его.

– Не надо на завтра решать. Если ты уедешь, я не буду есть и не буду пить чашки, клянусь Богом! Вот! – заявила она, передразнивая его суровый вид. – Твоя старая Мать встала обоими ногами на палубу, и она не сдвинется с места!

Струан крепко прижал ее к себе. Он чувствовал, как с каждой минутой она становится все сильнее. Да благословит Господь хинную корку.

– Хорошо, но тогда мы поедем не завтра. Послезавтра, на рассвете. Если ты достаточно окрепнешь к тому времени. Если же...

– О, спасибо, Тай-Пэн. Я буду чувствовать себя очень хорошо.

Он отстранил ее от себя, не выпуская из рук, и внимательно рассмотрел. Он знал, что пройдут месяцы, прежде чем к ней вернется вся ее былая красота. Но не одно только лицо делает человека исключительным, подумал он. Это то, что лежит в глубине – в глазах и в сердце.

– Ах, девочка, ты так прекрасна. Я люблю тебя.

Она коснулась крошечным пальчиком его носа.

– Почему ты говоришь такие вещи своей старой Матери? – Она приникла к нему. – Я думаю, ты тоже уж-жасно прекрасный.

Потом он дал ей лекарство, она зажала пальцами нос и выпила обе чашки. Затем положила себе в рот несколько чайных листьев, чтобы прогнать горечь. Он укутал ее, как ребенка, поцеловал еще раз и прошел в свою комнату.

В спальне он сбросил одежду, лег в кровать и блаженно вытянулся на прохладных простынях. Сон пришел быстро.

А пока он спал, допрос китайца, участвовавшего в убийстве Горта, продолжался. Люди, пытавшие его, были очень терпеливы – и очень искусны в достижении своей цели.

Глава 11

«Китайское Облако» вернулся в Макао сразу после восхода солнца. Когда клипер приближался к своей стоянке, Струан уже торопливо шагал вдоль пирса. Его катер ждал его.

– Дирк!

Он в изумлении поднял глаза.

– Доброе утро, Лиза.

Лиза Брок стояла на пирсе с бледным перекошенным лицом.

– Я поеду с вами.

– Конечно. – Струан протянул руку, чтобы помочь ей сесть в катер, но она не приняла ее.

– Отчаливай! – приказал он.

Матросы налегли на весла. День был ясный, море – спокойное. Струан увидел маленькую фигурку капитана Орлова на полуюте корабля и понял, что за ним наблюдают. Хорошо, подумал он.

– Я повезу тело Горта назад на Гонконг завтра, – сказала Лиза.

Струан ничего не ответил. Он просто кивнул и посмотрел на свой клипер.

Когда они подошли к трапу, он пропустил Лизу вперед, и она первой поднялась на палубу.

– Доброе утро, – сказал капитан Орлов.

– Мисс Брок на борту? – спросил Струан.

– Да.

– Вы... вы их обвенчали? Кулума и мою Тесс? – спросила Лиза.

– Да. – Орлов повернулся к Струану: – Вы передали, чтобы я выполнял все его распоряжения. Он приказал мне обвенчать их. Хозяин есть хозяин, таков ваш закон. Я лишь следовал приказам.

– Совершенно верно, – мягко сказал Струан. – Вы несли ответственность только за управление судном. Я объяснил это Кулуму.

Лиза в ярости обернулась к Струану:

– Так значит это было сделано нарочно. Вы подстроили все это. Вы знали, что они собираются бежать!

– Нет, он не знал, миссис Брок. – Кулум появился в проеме люка и поднялся к ним на палубу. Его голос звучал уверенно, но было видно, что он волнуется. – Это была моя идея. Привет, Тай-Пэн. Я приказал Орлову обвенчать нас. Я один отвечаю за все.

– Верно. Пойдем-ка вниз, парень.

Лиза с посеревшим лицом схватила Кулума за плечо:

– У тебя женская болезнь?

– Разумеется, нет. С чего вы взяли? Неужели вы думаете, я бы женился на Тесс, если бы был болен?

– Я молю Бога, чтобы ты говорил правду! Где Тесс?

– В каюте. Мы... Пойдемте вниз.

– Она... она в порядке?

– Конечно, миссис Брок!

– Здесь не место для семейных разговоров, – прервал их Струан. Он начал спускаться по трапу. Лиза последовала за ним.

– Здравствуйте, – робко произнесла Тесс, выходя из главной каюты. – Здравствуй, мама.

– С тобой все хорошо, милая?

– О да, о да.

В следующий миг мать и дочь бросились друг другу в объятия.

Струан знаком вызвал Кулума из каюты.

– Послушай, парень. У нас здесь были неприятности, пока ты отсутствовал. – Он рассказал Кулуму о Горте. – Нет сомнения, что это был он. Он действительно подставил тебя. Все, как мы думали.

– Есть ли... какая-нибудь вероятность, что после семи дней... нет?

– Нет. Но лучше показаться врачу Броков. Это успокоит Лизу.

– Ты опять был прав. Ты предупреждал меня. Господи милосердный, ты предупреждал меня. Зачем Горт сделал это? – Как вообще мог человек поступить так с другим человеком, спрашивал он себя.

– Не знаю. У вас все в порядке, между тобой и Тесс?

– О да. Черт бы побрал Горта! Он все испортил. – Кулум вынул из кармана два конверта: – Вот ответы от Скиннера и Гордона.

– Спасибо, парень. Не волнуйся насчет...

– Мы едем на берег, – раздался голос Лизы, ее внушительная фигура выросла на пороге. – Я забираю Тесс, а потом... Кулум прервал ее:

– Мою жену вы никуда не заберете, миссис Брок. Что же касается слухов о болезни, мы немедленно отправимся к вашему врачу и уладим все теперь же.

– Тайлер расторгнет этот брак. Он был свершен без родительского благословения.

– Мы обвенчаны перед Богом, по закону, и обратного пути нет. – Кулум и Тесс заранее обдумали все, что он скажет ее родителям. Но теперь его смелость сделалась словно выхолощенной изнутри – из-за Горта. – Я сожалею, что мы убежали... нет, не сожалею. Мы женаты, и я приложу все усилия, чтобы быть хорошим зятем, но Тесс останется со мной и будет делать только то, что я ей скажу.

– Тайлер высечет тебя!

– О, мама, нет, – вскричала Тесс, подбегая к Кулуму. – Мы обвенчаны, и через три месяца было бы то же самое, и что об этом теперь говорить Скажите ей, Тай-Пэн, скажите ей, что она не права.

– Я уверен, что твой отец будет очень зол, Тесс. И правильно. Но я также уверен, что он простит вас обоих. Лиза, вы не могли бы простить их здесь и сейчас?

– Не я, Дирк Струан, не я должна их прощать.

– Полно тебе, мама, – обратилась к ней Тесс. Теперь уже ничего не может случиться, говорила она себе. Теперь, когда мы муж и жена, и он любил меня, и было больно, как тогда, но по-другому. И он был всем доволен – он такой нежный и удивительный. В этот день она навсегда прогнала от себя воспоминания о Нагреке. – Давайте позавтракаем все вместе.

Лиза вытерла капельки пота с верхней губы.

– Вам лучше переехать домой. Я пошлю известие твоему отцу.

– Мы остановимся в Английском Отеле, – сказал Кулум.

– В этом нет нужды, Кулум, – заметил Струан. – Вы можете занять несколько комнат в нашей резиденции.

– Спасибо, но мы решили, что так будет лучше всего. Мы думаем, что нам следует немедленно вернуться на Гонконг, увидеться с мистером Броком и просить у него прощения. Пожалуйста, миссис Брок, давайте будем друзьями. Отец рассказал мне о том, что случилось с Гортом. В этом не было его вины.

– Я думаю, была, парень. И вы не можете уехать вот так сразу. Завтра нам нужно будет отвезти назад гроб.

– Что? – ошеломленно спросила Тесс.

– Горт был убит, дорогая, – сказал ей Кулум. – Вчера.

– Что?

– Подло убит наемными бандитами! – закричала Лиза.

– О Боже, нет!

Струан рассказал ей все. Кроме того, что Горт попытался сделать с Кулумом.

– Мне ничего не оставалось, как вызвать его, – закончил Струан. – Но мои руки чисты от его крови. Думаю, нам всем лучше поехать на берег.

Тесс тихо плакала. Кулум обнимал ее за плечи.

– Полно, любимая, вытри слезы. Мы здесь ни при чем. И отец тоже. – Он вывел ее из каюты. Струан нарушил молчание:

– Она поженились и счастливы, Лиза. Почему не оставить все, как есть?

– Будь дело во мне, я бы сказала да. Если то, что говорит Кулум, правда. Но Тайлер так не скажет – вы знаете его так же хорошо, как он знает вас. Я знаю, что вы подстроили все это, Дирк. И он будет это знать. Он убьет вас... или постарается убить, и я думаю, что как раз этого вы и добивались. Тайлер и вы готовы перегрызть друг другу глотки, стоит лишь одному из вас начать. Почему вы не оставили все, как было: три месяца не такой уж большой срок. А теперь... О Господи!

Струан оторвался от писем, когда Кулум с подавленным видом вошел в его кабинет и опустился на стул.

– Все хорошо?

– Да. Доктор сказал, что у меня все чисто.

– Ты обедал?

– Нет. Никому из нас что-то не хотелось есть. О Господи... все шло так чудесно. Черт бы побрал Горта и его проклятое безумие.

– Как миссис Брок?

– Хорошо, насколько этого можно ожидать, как пишут в газетах. А как себя... хинная корка прибыла?

– Прибыла. Она теперь чувствует себя прекрасно.

– О, это замечательно!

– Да.

Однако, несмотря на то, что все, казалось, обстоит благополучно, Струана донимало некое неясное, но вместе с тем неотвязное предчувствие. Это не было что-то, что он мог бы выразить словами, просто ощущение подстерегающей его где-то безымянной опасности. Письма не содержали никакого намека на то, что это могло бы быть. Гордон Чен писал, что он еще не потерял надежду раздобыть хинную корку. А Скиннер извещал его, что опубликует новость немедленно и будет ждать его на Гонконге сегодня.

Но сегодня уже не получится. О Господи, я должен был проявить твердость и сказать Мэй-мэй, что она останется.

– Завтра я возвращаюсь на Гонконг. Вам двоим лучше всего поехать со мной.

– Думаю, нам лучше отплыть на «Белой Ведьме» с миссис Брок и Лиллибет. Миссис Брок сегодня утром послала письмо Броку с лоркой. О нас... и о Горте.

– Не волнуйся, парень. Лиза Брок образумится, и Тайлер тоже не станет вам

мешать. Он ведь дал клятву, ты не забыл?

Кулум несколько секунд пристально смотрел на Тай-Пэна:

– Ты знал, что я собирался увезти Тесс с собой на «Китайском Облаке»?

– Ну что тебе сказать, парень. Когда она пропала, я стал надеяться, что ты так и сделал, – осторожно ответил Струан.

Кулум взял со стола пресс-папье. Оно было тяжелым, из цельного куска белого нефрита.

– Я был очень глуп.

– Я так не думаю. Из всего, что ты мог сделать, ты выбрал наилучший вариант. Теперь твое положение стало прочным и определенным.

– Я был очень глуп, потому что я снова оказался марионеткой.

– А?

– Я думаю, это ты подбросил мне мысль о побеге. Я думаю, ты специально подчинил мне Орлова, зная, что я прикажу ему обвенчать нас. Я думаю, ты отослал Тесс и меня, зная, что это приведет Горта в бешенство, заставит его публично оскорбить тебя и даст тебе возможность открыто убить его. Разве не так?

Струан неподвижно сидел в своем кресле. Его глаза не отрываясь смотрели в глаза Кулума.

– Даже не знаю, как ответить тебе, Кулум. Я не уверен, хочешь ли ты сам получить ответ. Ты хотел жениться на Тесс как можно скорее, и ты женат – это факт. Горт пытался убить тебя подлейшим способом, какой только можно себе вообразить, – это факт. Он мертв – это факт. Я сожалею, что не испытал удовольствия убить его лично, – это факт, но фактом является и то, что на моих руках нет его крови. Вы – ты и Тесс – живы, потому что он мертв, – это факт. Что бы ни захотел теперь сделать Брок, он дал священную клятву предоставить вам безопасную стоянку и тихую гавань – это факт. И последний факт – теперь ты скоро сможешь сменить меня. Стать Тай-Пэном.

Кулум положил пресс-папье на стол.

– Я не готов быть Тай-Пэном.

– Я знаю. Но скоро ты будешь готов. Через несколько месяцев я уезжаю домой. На следующий год я приведу сюда «Облако Логоса» и рассчитаюсь с Ву Квоком. Но все остальное будет уже твоей заботой.

Кулум подумал о том, как он будет Тай-Пэном, как останется один. Но он знал, что теперь это одиночество не будет полным Теперь у него есть Тесс.

– Думаю, я сумею помириться с Броком. Если ты не станешь пытаться сделать это для меня. Ты подстроил все это? Могу я получить от тебя «да» или «нет»? – Он ждал, отчаянно желая услышать «нет».

– Да, – медленно произнес Струан. – Я использовал некоторые факты, чтобы получить заранее просчитанный результат.

– Когда я стану Тай-Пэном, я собираюсь объединить «Струана и Компанию» с «Броком и Сыновьями», – сказал Кулум. – Брок будет первым Тай-Пэном, а я – вторым после него!

Струан вскочил на ноги:

– Этот ублюдок никогда не будет Тай-Пэном «Благородного Дома». Он не будет управлять моими кораблями!

– Это не твои корабли. Они принадлежат Компании. Разве Брок не еще одна пешка, которой можно вертеть, как заблагорассудится, а потом выбросить?

– Богом клянусь, Кулум, я не понимаю тебя. Вся твоя жизнь теперь в твоих руках, и надо же, ты хочешь сделать то единственное, что погубит ее.

Кулум вдруг со всей ясностью увидел своего отца – как человека. Увидел его огромный рост, его силу, жесткое обветренное лицо, огненные золотисто-рыжие волосы и пронзительную зелень его глаз. И в этот миг он понял, что всегда будет

орудием этого человека. Понял, что никогда не сможет противостоять ему или убедить его в том, что единственная для него возможность выжить как Тай-Пэну заключается в объединении с Броком и ставке на то, что Брок оставит его и Тесс в покое.

– Я никогда не смогу быть Тай-Пэном «Благородного Дома». Я не такой, как ты, – произнес он со спокойной непреложностью. – Я не хочу быть таким, и никогда не буду.

Раздался стук в дверь.

– Да? – проскрежетал Струан. Дверь открыл Ло Чум.

– Солдацкий масса видеть, мозна?

– Я буду через минуту.

Кулум поднялся.

– Думаю, я пойду, и...

– Подожди минуту, Кулум. – Струан повернулся к Ло Чуму: – Видеть сейчас, ясно?

Ло Чум обиженно фыркнул и открыл дверь пошире. Вошел молодой португальский офицер.

– Добрый день, сеньор.

– Пожалуйста, садитесь, капитан Мачадо. Вы знакомы с моим сыном Кулумом?

Они обменялись рукопожатиями, и офицер сел.

– Мое начальство поручило мне официально сообщить вам как наиболее влиятельному лицу среди английских подданных результаты нашего расследования убийства сеньора Брока, – начал он.

– Вы поймали остальных убийц? – прервал его Струан. Офицер улыбнулся и покачал головой:

– Нет, сеньор. Я сомневаюсь, что это нам вообще когда-нибудь удастся. Мы передали арестованного бандита китайским властям, как и должны были сделать. Они допросили его своими неповторимыми способами. Он признался, что был членом тайного общества. Хун Мун. Если не ошибаюсь, вы зовете их Триадами. Похоже, что несколько дней назад он прибыл сюда с Гонконга. По его словам, в Тай Пинь Шане процветает огромная ложа. – Офицер опять улыбнулся. – Похоже также, что у вас очень много врагов, сеньор Струан. Этот негодяй заявил, что ваш... ваш кровный сын, Гордон Чен, является ее руководителем.

– Это самая смешная шутка, которую я слышал за последние годы, – сказал Струан с безмятежной улыбкой на лице. Однако про себя он в этот момент очень тщательно взвешивал вероятность того, что это правда. А что если это действительно так, спрашивал он. Не знаю. Но я должен выяснить это как можно скорее, любым путем.

– Мандаринов эта выдумка тоже позабавила, как они сказали, – продолжал Мачадо. – В любом случае, чертов язычник, к сожалению, скончался прежде, чем они успели вытянуть из него имя настоящего главаря. – Он презрительно добавил: – Убийца заявил, что был послан сюда убить сеньора Брока по приказу руководителя ложи. Разумеется, он назвал имена своих сообщников, но они лишены смысла, как и весь его остальной рассказ. Это было простое ограбление. Все эти проклятые Триады не кто иные, как разбойники с большой дороги. Или, возможно, – подчеркнуто произнес он, – это была месть.

– А?

– Видите ли, сеньор, молодой сеньор Брок был – как бы это сказать – не слишком любим в некоторых местах, пользующихся дурной репутацией. Похоже, что он являлся частым гостем некоего дома неподалеку от того места, где его нашли. Неделю назад или чуть больше он зверски надругался над проституткой. Она умерла позавчера. Мы только что получили жалобу на него от мандаринов. Кто знает? Может

быть, мандарины решили рассчитаться с ним по-своему, а все остальное служит лишь для отвода глаз. Вы знаете, насколько хитроумны они бывают в таких вещах. Возможно, это и к лучшему, что он умер: его смерть избавляет нас от необходимости предпринимать какие-то меры, которые поставили бы всех в неловкое положение. – Он поднялся. – Мое начальство, разумеется, направит официальное уведомление его превосходительству, поскольку дело касается одного из ваших соотечественников.

Струан протянул ему руку:

– Прошу вас, поблагодарите ваше начальство от моего имени. И я хотел бы знать, нельзя ли каким-нибудь образом замять это дело. Ту его часть, в которой фигурирует проститутка. Мой сын женат на сестре этого человека, и я бы хотел оградить имя Броков от оскорблений. Тайлер Брок – мой старый товарищ.

– Я понимаю, – произнес офицер с едва уловимой иронией. Он бросил взгляд на Кулума: – Мои поздравления, сеньор.

– Благодарю вас.

– Я упомяну о вашем предложении перед моим начальством, сеньор Струан. Я уверен, они оценят деликатность ситуации.

– Благодарю вас, – сказал Струан, – Если вы поймаете остальных, назначенная мною награда остается в силе.

Офицер отдал честь и вышел.

– Спасибо тебе за твое предложение, – сказал Кулум. – Что бы случилось с Гортом, останься он жив?

– Его бы повесили. Есть добрый английский закон насчет любого убийства.

– Все выглядело бы так иронично, если бы эта история оказалась правдой.

– А? О чем ты?

– Гордон Чен и это тайное общество. Если бы оказалось, что на самом деле вызов Горта не входил в твои планы, потому что ты уже тайком подготовил его убийство.

– Это ужасное обвинение. Ужасное.

– Я не обвиняю тебя. Я лишь сказал, что увидел бы в этом иронию. Я знаю, что ты – это ты: любое убийство, которое ты совершаешь, должно быть открытым, в честном поединке один на один. Так должен был бы работать ум Тай-Пэна. Но мой не станет. Никогда не станет. Мне претит загонять людей в ловушки и использовать их. Я – не ты, и никогда не буду таким, как ты. Тебе придется мириться со мной, пока хватит терпения. И если твой «Благородный Дом» погибнет в моих руках – что ж, говоря твоими же словами, это йосс. Твое лицо не пострадает. Ты уйдешь как Тай-Пэн, что бы ни случилось впоследствии. Я никогда не пойму тебя и знаю, что ты никогда не поймешь меня, но и в этом случае мы можем быть друзьями.

– Конечно, мы друзья, – сказал Струан. – Одна только вещь – пообещай мне, что ты никогда не объединишься с Броком.

– Когда я стану Тай-Пэном, мне придется поступать так, как я сочту наилучшим. Это уже будет не твое решение. Таков закон, который ты установил, закон, которому я клянусь подчиняться.

Стали слышны доносившиеся с praia звуки. Где-то вдалеке начали свой перезвон церковные колокола.

– Ты поужинаешь с нами сегодня? В Клубе?

– Да.

Кулум ушел. Струан остался за своим рабочим столом. Как мне зажечь огонь в сердце Кулума, спрашивал он себя.

Он не мог придумать ответа. Струан послал за своим секретарем и распорядился закончить все дела компании до его возвращения на Гонконг. Затем он покинул кабинет и весь путь до дома Мэй-мэй размышлял о Броке. Кто знает, не

ворвется ли он сегодня вечером в Клуб, как это сделал Горт?

Он остановился на минуту и устремил взгляд в море. «Белая Ведьма» и «Китайское Облако» были прекрасны в лучах полуденного солнца. Он неторопливым взором окинул Макао и увидел собор. Почему этот дьявол-епископ отказался от справедливой платы за кору? Будь прежде сам справедлив, Дирк. Он не дьявол. Да, но он перехитрил тебя. Теперь ты до конца своей жизни будешь помнить его – и станешь оказывать всяческие услуги Церкви. И дьяволам-католикам. Хотя дьяволы ли они? Ну, признайся себе.

Нет.

Единственным дьяволом, которого ты знал, был Горт, а Горт мертв – с ним покончено. Слава Богу!

Да. Горт мертв. Но не забыт.

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава 1

На рассвете «Китайское Облако» покинул гавань. Море было спокойным, дул устойчивый восточный ветер. Но через два часа бриз посвежел, и Струан оставил Мэй-мэй в главной каюте и поднялся на палубу.

Орлов смотрел на небо. Оно было чистым до самого горизонта, но там, вдалеке, собирались кучевые облака.

– Ничего страшного, – определил он.

– Там тоже все в порядке, – добавил Струан, кивнув в сторону моря. Он прошел вдоль палубы, затем вспрыгнул на ванты фок-мачты и начал быстро карабкаться наверх, радостно борясь с ветром, который налетал упругими порывами, норовя сбросить его вниз. Он не останавливался, пока не достиг самой вершины, где закрепился на фалах второго брамселя.

Оттуда он исследовал море и небо, тщательно выискивая притаившийся где-нибудь шквал или шторм, подводный риф или не обозначенную на карте мель. Но до самого горизонта взгляд его не обнаружил никаких признаков опасности.

Какое-то время он позволил себе просто наслаждаться скоростью, ветром, бесконечностью моря и неба, благословляя йосс за то, что он жив, и за Мэй-мэй. Она чувствовала себя гораздо лучше. Конечно, она была еще слаба, но заметно окрепла в сравнении со вчерашним днем.

Он осмотрел весь такелаж, какой смог достать взглядом, проверяя, нет ли обрывов и протертых мест, затем спустился вниз и вернулся на квартердек. Через час ветер еще больше посвежел, клипер накренился сильнее, и брызги стали залетать на нижние паруса.

– Не хотел бы я провести сегодняшнюю ночь в море, – обеспокоенно произнес Орлов.

– Да. Ты, значит, тоже это чувствуешь?

– Я ничего не чувствую, кроме того, что буду рад провести сегодняшнюю ночь в гавани. – Орлов сплюнул на ветер и передвинул во рту кусок жевательного табака. – Море спокойное, ветер устойчивый, небо чистое – и все же где-то заваривается дьяволова каша.

– Так всегда бывает в этих водах.

– С твоего позволения, мы возьмем рифы, и я поставлю лотового, пусть делает промеры. Может статься, где-то там нас поджидает мель или вонючая скала, которая вспорет нам брюхо. – Орлов передернулся и плотнее закутался в свою морскую куртку, хотя день был теплый и на ветру не знобило.

– Хорошо.

Лотовой заторопился на нос и стал выкликать результаты своих промеров. А команда бросилась на реи, и громада парусов, увлекавшая вперед «Китайское Облако», съежилась.

К концу дня корабль благополучно вошел в устье западного пролива. Гонконг находился по левому борту, материк – по правому. Плаванье прошло спокойно, без всяких неожиданностей.

– Возможно, мы просто стареем, – заметил Струан с коротким смешком.

– Чем старше становится человек, тем сильнее хочет море увлечь его в свои глубины, – сказал Орлов, без злобы глядя на океан за кормой. – Если бы не мой раскрасавец-корабль, я бы сегодня же списался на берег.

Струан подошел к штурвалу.

– Я сменю вас ненадолго, рулевой. Идите на нос.

– Слушаюсь, сэр-р. – Моряк оставил их на полуюте одних.

– Почему? – спросил Струан Орлова.

– Я чувствую, что море следит за мной. Оно всегда следит за моряком, испытывает его. Но наступает время, когда оно начинает смотреть по-другому – ревниво, да, ревниво, как женщина. И становится таким же опасным, как она. – Орлов выплюнул жвачку через борт и ополоснул рот холодным чаем из парусиновой сумки рядом с нактоузом. – Я раньше никогда не выступал в роли священника и никого не женил. Признаюсь, это было до смерти странно, Зеленые Глаза, – видеть перед собой эту парочку, такую юную, нетерпеливую, уверенную в себе. И слушать этого петушка – твое, Тай-Пэн, эхо – расфуфырившегося, что твой павлин: «Клянусь Богом, Орлов, вы нас обвенчаете, клянусь Богом. Я – хозяин „Китайского Облака“, клянусь Богом. Вам известен закон Тай-Пэна, клянусь Богом». А я что – рву и мечу и упираюсь изо всех сил, чтобы дать ему лицо, хотя с самого начала знаю, что все ниточки опять в руках у старого кукольника по имени Зеленые Глаза. – Орлов весело хмыкнул и посмотрел снизу вверх на Струана. – Но я сыграл свою роль очень хорошо и позволил ему командовать мной – раз уж ты пожелал, чтобы мной командовали. Это был все равно что... ну... все равно что мой свадебный подарок парню. Он рассказал тебе о нашей сделке?

– Нет.

– «Обвенчайте нас, и вы сохраните за собой свой корабль, клянусь Богом. Откажитесь, и я буду травить вас, пока не выживу со всех морей, клянусь Богом». – Орлов ухмыльнулся: – Я бы и так их обвенчал.

– Я уже думал о том, чтобы забрать у тебя корабль.

Ухмылка исчезла с лица Орлова:

– А?

– Я намерен перестроить компанию: поставить весь наш флот под начало одного человека. Хочешь получить это место?

– На берегу?

– Конечно, на берегу. Разве можно управлять целым флотом с квартердека одного клипера?

Орлов сжал кулак и замахал им перед лицом Струана:

– Ты сам Дьявол, восставший из ада! Ты искушаешь меня властью, о которой я даже не мечтал, чтобы забрать у меня единственное, чем я дорожу на всем свете. На юте я забываю о том, кто я есть – черт побери, ты знаешь это. А кто я на берегу, а? Страйд Орлов, горбун!

– Ты мог бы быть Страйдом Орловом, тай-пэном благороднейшего флота в мире. Я бы сказал, что эта работа достойна любого мужчины. – Струан не сводил взгляда с лица карлика.

Орлов круто повернулся, отошел к подветренному борту и разразился бурным

потоком норвежских и русских ругательств, который не иссякал несколько минут.

Потом, громко стуча сапогами, он вернулся.

– Когда это будет?

– К концу этого года. Может быть, позже.

– А мое плавание на север? За пушниной? Ты забыл о нем?

– Ты, наверное, сам захочешь от него отказаться, а?

– Что дает тебе право превращать весь мир в кукольный балаган? А?

– Рулевой! На корму! – Струан передал штурвал матросу в тот момент, когда «Китайское Облако» вырвался из пролива в спокойные воды бухты. В миле впереди выдавался в море полуостров Кулун. Земля по оба борта корабля была голой, высохшей и круто обрывалась к морю. Слева по борту на расстоянии примерно одной мили виднелся скалистый выступ острова, носивший название Северный Мыс. За ним, еще невидимые для них, находились Счастливая Долина, Глессинг Пойнт и та небольшая часть гавани, которая пока использовалась.

– Норд-тень-норд-вест, – приказал Струан.

– Норд-тень-норд-вест, сэр, – отозвался рулевой.

– Так держать. – Он оглянулся через плечо на Орлова. – Итак?

– У меня нет выбора. Я сразу вижу, когда решение тобой уже принято. Ты бы списал меня на берег не раздумывая ни минуты. Но у меня есть условия.

– Слушаю.

– Во-первых, я хочу получить «Китайское Облако». На шесть месяцев. Я хочу съездить домой. В последний раз. – Либо твоя жена и сыновья вернутся сюда вместе с тобой, либо они останутся, сказал себе Орлов. Они останутся, и они плюнут тебе в лицо и проклянут тебя, а ты впустую потратишь шесть месяцев жизни корабля.

– Идет. Как только у меня будет здесь еще один клипер, «Китайское Облако» – твой. Ты привезешь назад груз пушнины. Дальше?

– Дальше, Зеленые Глаза, твой закон: когда ты на борту, ты капитан. То же самое для меня.

– Идет. Дальше?

– Это все.

– Мы не обсудили твое жалованье.

– К чертям деньги! Я буду тай-пэном флота «Благородного Дома». Чего большего может желать в этой жизни человек?

Струан знал ответ. Мэй-мэй. Но он не сказал ничего. Они скрепили сделку рукопожатием, и, когда корабль был в четверти мили от Кулуна, Струан приказал поменять курс на зюйд-вест-тень-зюйд и направил клипер прямо в гавань.

– Свистать всех наверх! Прямо держать! Смените меня, капитан. Встаньте рядом с «Отдыхающим Облаком». Сначала мы переправим на него наших пассажиров. Затем – на штормовую стоянку.

– Благодарю вас, капитан, – проворчал Орлов. – Клянусь Богом, я рад, что мы в гавани!

Струан осмотрел берег в бинокль. Отсюда он мог заглянуть в самую глубину Счастливой Долины: опустевшие здания, никакого движения. Он чуть-чуть передвинул бинокль и подкрутил регулировочный винт, очертания начатых построек нового Куинз Тауна вокруг Глессинг Пойнта обрели резкость. Строительные леса его новой огромной фактории были уже возведены, и он увидел там бессчетное количество кули, копошащихся, как муравьи: они таскали, строили, копали. Выросли леса и на круглом холме, где он приказал заложить Большой Дом Компании. Он разглядел тонкую неприметную ниточку дороги, которая петляя вела на вершину холма.

Тай Пинь Шан разросся еще больше. Там, где раньше между материком и островом сновали несколько сот сампанов, теперь их была добрая тысяча.

На якоре в гавани покачивались новые военные корабли и транспорты, прибыли также несколько торговых судов. Дома, лачуги и временные пристанища тянулись вдоль широкой ленты Куинз Роуд, окаймлявшей берег. И вся прибрежная часть бурлила, охваченная кипучей деятельностью.

Обогнув мыс, «Китайское Облако» салютовал флагману, с которого прогремел ответный пушечный выстрел.

– Сигнал с флагмана, сэр-р! – крикнул впередсмотрящий.

Бинокли Струана и Орлова тут же переместились на сигнальные флажки линейного корабля, которые возвещали: «Капитану предлагается немедленно прибыть на борт».

– Мне встать рядом с флагманом? – спросил Орлов.

– Нет. Спусти катер на воду, когда мы окажемся от него в двух чейнах[29]. Ты лично отвечаешь за благополучную доставку моих пассажиров на борт «Отдыхающего Облака». И чтобы ни один чужой взгляд не шнырял по палубе.

– Положись на меня.

Струан спустился вниз, сказал Мэй-мэй, что скоро вернется, и распорядился, чтобы А Сам и Йин-си все приготовили к переходу на плавучий склад.

Взгляд Орлова метался по кораблю. Работа на суше, стало быть? Ну ладно, посмотрим. До конца года предстоит пройти еще много лиг, сказал он себе. Ведь это же надо что придумал, дьявол его забери. Да, но ради Зеленых Глаз – отпрыска Одина – я готов пойти на сделку и с самим дьяволом. Тай-Пэну нужен такой человек, как я. К тому же он опять прав: это была бы работа, достойная настоящего человека.

От такой мысли у него потеплело на душе.

– Ну-ка, гляди веселей! – прорычал он команде, зная, что много подзорных труб наведены на них. Клипер, не убирая парусов, беспечно летел вперед прямо на флагман.

Сердце Орлова пело вместе с туго натянутыми снастями. Потом, в самую последнюю секунду, он прокричал:

– Руль под ветер! – И корабль развернулся и замер, словно охотничий пес, сделавший стойку над стаей куропаток.

Катер спустили на воду, и Струан скользнул по веревкам вниз. Катер отошел, а «Китайское Облако» взял несколько румбов в сторону и встал точно борт к борту с «Отдыхающим Облаком».

– Всем вниз! Очистить палубу! – приказал Орлов. – Проследите, чтобы наверху никого не было, мистер Кьюдахи. На обоих кораблях. Мы должны доставить к ним на борт груз, который не подлежит учету, клянусь Богом!

Струан открыл дверь главной каюты флагмана.

– Клянусь Богом, Дирк! Мы все уничтожены! – возбужденно выпалил Лонгстафф, подходя к нему и размахивая у него перед лицом номером «Ориэнтл Тайме». – Вы уже видели это? Уничтожены! Уничтожены!

Струан взял газету. На второй странице в глаза ему бросился заголовок редакционной статьи: «Министр иностранных дел отрекается от Китайских торговцев».

– Нет, Уилл, – сказал он.

– Клянусь всем, что есть святого, как он смеет совершать подобную глупость, ну? Проклятый идиот! Что нам теперь делать?

– Дайте мне прочитать статью, Уилл. Тогда я буду знать, о чем здесь пишут.

– Окончательно спятивший Каннингтон отверг наш договор. Вот о чем. И я отстранен от должности! Заменен! Я заменен! Да как он смеет?

---

[29] Два чейна – около 40 м.

Струан поднял брови и присвистнул.

– Вы еще не получили официальной депеши?

– Разумеется, нет! Кому, дьявол меня забери, придет в голову информировать полномочного посланника королевы, ну?

– Может быть, это фальшивка?

– Этот Скиннер клянется, что нет Для него будет лучше, если он говорит правду, иначе я привлеку его к ответу за клевету, клянусь Богом!

– Когда вышел номер, Уилл?

– Вчера. Как, черт побери, мог этот толстый вонючий попугай Скиннер заполучить в свои грязные толстые лапы секретную депешу, которую я еще даже не видел? Его следовало бы высечь! – Он налил себе бокал портвейна, осушил его одним залпом и налил другой. – Всю прошлую ночь я глаз не сомкнул, смертельно обеспокоенный нашим будущим в Азии. Прочтите это. Черт бы побрал Каннингтона!

По мере того как Струан углублялся в чтение, он чувствовал, как в нем опять растет негодование. Хотя статья на первый взгляд лишь излагала общие факты и дословно повторяла текст послания, полученного им от Кросса, Скиннер намекал на то, что Каннингтон, чья манера вершить международные дела, полагаясь лишь на собственное мнение, была хорошо известна, полностью отверг не только сам договор, но и весь опыт торговой общины, а также королевского флота и армии: «Лорд Каннингтон, который никогда не был восточнее Суэца, мнит себя знатоком, способным рассуждать о ценности Гонконга. Более чем вероятно, что он даже не знает, к северу или к югу от Макао находится Гонконг и восточнее он или западнее Пекина. Как он смеет выставлять адмирала нашего славного флота пустозвоном, не имеющим понятия о морском деле и об исторической ценности величайшей гавани в Азии? Где бы мы были без королевского флота? Или армии, которая в равной степени унижена – нет, оскорблена – глупым просчетом в нашей Азиатской политике? Не будь Гонконга, где бы нашли себе пристанище солдаты, где бы укрылись военные корабли? Как смеет этот человек, слишком долго засидевшийся на своем месте, заявлять, что все торговцы, которые связали – и с полным основанием – свое будущее и будущее своих компаний с Гонконгом, являются круглыми дураками? Как смеет он принимать решение, из которого следует, что те, кто провели в Китае всю свою жизнь, радея о славе Англии, ничего не смыслят в китайских делах, не понимают огромной ценности открытого порта, центра торговли и неприступной крепости…» И далее статья перечисляла все преимущества Гонконга и описывала, как, не считаясь с огромным риском, торговцы застроили Счастливую Долину, а когда ее пришлось оставить, неустрашимо принялись возводить новый город ко славе Британии. Это был настоящий шедевр тенденциозной подачи информации.

Струан скрыл свой восторг. Он знал, что если даже его – человека, который подготовил все это, – статья задела за живое, то остальные торговцы просто придут в ярость.

– Я потрясен! Надо же осмелиться на такое! Каннингтон должен быть немедленно привлечен к ответственности.

– Абсолютно с вами согласен! – Лонгстафф осушил бокал и со стуком поставил его на стол. – Ну вот, теперь я смещен. Все труды, пролитый пот, переговоры, сражения – все коту под хвост из-за этого надменного выскочки-маньяка, который воображает себя владыкой мира.

– Черт меня возьми, если это сойдет ему с рук, Уилл! Мы должны что-то предпринять! Даром ему это не пройдет!

– Уже прошло, клянусь Богом! – Лонгстафф поднялся и принялся мерять шагами каюту. Струану на миг стало жаль его. – Что же будет? Моей карьере конец – нам всем конец!

– Что вы уже предприняли по этому поводу, Уилл?

– Ничего. – Лонгстафф устремил горящий взгляд в окна каюты. – В этом проклятом острове корень всех моих бед. Эта дьяволом извергнутая скала уничтожила меня. Уничтожила всех нас! – Он оцепенело опустился в кресло. – Вчера тут едва не вспыхнул бунт. Ко мне пришла депутация торговцев с требованием, чтобы я отказался уезжать. Еще одна, под предводительством Брока, потребовала, чтобы я немедленно покинул Азию со всем флотом, и по прибытии в Лондон настоял на привлечении Каннингтона к ответу и, если понадобится, блокировал лондонский порт. – Он оперся подбородком на руки. – Что ж, я сам во всем виноват. Мне следовало неукоснительно придерживаться инструкций. Но ведь это было бы неправильно. Я не властолюбивый и алчный завоеватель. А, чума на все! – Он поднял глаза, лицо его перекосилось от испытываемого унижения: – Адмирал и генерал, разумеется, в восторге. Выпьете?

– Спасибо. – Струан налил себе бренди. – Не все еще потеряно, Уилл. Наоборот. Оказавшись дома, вы как раз сможете использовать свою власть.

– А?

– Все, что вы делали здесь, было правильным. Вам удастся убедить в этом Каннингтона, если он еще будет министром к тому времени. В предстоящей встрече с ним лицом к лицу у вас сильная позиция. Правота на вашей стороне Это несомненно.

– Вы когда-нибудь встречались с Каннингтоном? – с горечью спросил Лонгстафф. – С этим чудовищем спорить бесполезно.

– Верно. Но у меня тоже есть кое-какие друзья. Предположим, у вас будет возможность доказать, что вы правы, а он ошибается?

Глаза Лонгстаффа загорелись. Если Струана эта ужасная весть, похоже, не слишком обеспокоила, значит у него еще есть шанс.

– Какая возможность, мой дорогой друг? – спросил он. Струан потягивал бренди, наслаждаясь тонким его букетом.

– Дипломаты вечны, правительства же приходят и уходят. Прежде чем вы попадете домой, Пил будет премьер-министром.

– Это невозможно!

– Это вероятно Скажем, вы привезете с собой известие чрезвычайной важности, которое выставит Каннингтона круглым идиотом. Как посмотрели бы на вас Пил и его консерваторы в этом случае?

– С восхищением. Чес-с-слово! Что за известие, Дирк, друг мой?

Снаружи послышался громкий шум, и в каюту ворвался Брок. Несчастный часовой безуспешно пытался помешать ему. В следующую долю секунды Струан уже был на ногах, готовый выхватить нож.

Лицо Брока налилось кровью, его душила ярость и злоба:

– Они обвенчаны?

– Да.

– Горт убит?

– Да.

– Когда прибывает «Белая Ведьма»?

– Думаю, до наступления темноты. Она должна была отплыть утром, около девяти часов.

– Сначала я поговорю с Лизой. Потом с ними двумя. Потом, клянусь Господом Богом, я поговорю с тобой. – Отшвырнув часового, он бросился вон.

– Мерзкий грубиян! – вспыхнул Лонгстафф. – Он мог хотя бы постучать!

Струан расслабился, как расслабляется кошка, когда опасность миновала: мышцы сразу обмякли, готовые напрячься при новой угрозе, но глаза все так же настороженно смотрели в ту сторону, откуда она появилась.

– Вам нечего бояться со стороны Каннингтона, Уилл. С ним покончено.

– Да, да, конечно, Дирк. И поделом ему, черт бы его побрал! – Он взглянул на

дверь и вспомнил призовую схватку, зная, что поединок между Дирком и Броком будет не менее ожесточенным. – Что у Брока на уме, а? Он собирается послать вам вызов? Мы здесь, разумеется, слышали о вашей ссоре с Гортом. Скверные новости имеют привычку распространяться очень быстро, не так ли? Ужасное дело! Чертовски большая удача, что это не вы убили его.

– Да, – кивнул Струан. Теперь, когда опасность была позади, он чувствовал легкую тошноту и слабость.

– Какое сумасшествие нашло на эту юную пару, что они вдруг решили сбежать? Я понимаю, почему Брок в такой ярости. Глупо!

– Нет, не глупо, Уилл. Это было лучшее, что они могли сделать.

– Конечно. Раз вы так говорите. – И Лонгстафф задумался, насколько верны были слухи о том, что Тай-Пэн специально подстроил и этот брак, и дуэль. Он пришел к выводу, что Тай-Пэн слишком умен, чтобы такие вещи могли случаться сами по себе. Значит, схватка: Тай-Пэн против Брока. – Так что там насчет Пила, Дирк?

– Вы дипломат, Уилл. Дипломаты не должны иметь устойчивых связей с какой-либо одной партией. По крайней мере они должны быть на хорошем счету у всех партий.

– Целиком разделяю ваше мнение. – Глаза Лонгстаффа широко раскрылись: – Вы хотите сказать, что мне нужно стать консерватором, поддерживать Пила?

– Поддерживайте и вигов и консерваторов в равной степени. Гонконг нужен Англии. Вы – Гонконг, Уилл. Может быть, это, – Струан помахал газетой, – окажется для вас огромной удачей. Статья доказывает, что Каннингтон не только идиот, но еще и болтун. Это потрясающе, когда о содержании секретной депеши можно узнать из газеты. – Затем он рассказал ему о портфеле, но ровно столько, сколько было нужно, чтобы у Лонгстаффа закружилась голова.

– Боже милостивый! – Если, как указал Тай-Пэн, там действительно содержатся копия подлинного тайного доклада и карты русско-китайской границы, прилегающих к ним территорий и центра страны, то, Господи благослови, этот портфель открывает прямой путь к рангу посла и пэрству. – Где вы раздобыли такое?

– Из источника, который заслуживает абсолютного доверия. – Струан встал: – Я передам его вам в руки перед вашим отъездом. Воспользуйтесь им по своему усмотрению. Помимо всего прочего, он неоспоримо докажет, что вы правы, а Каннингтон ошибается.

– Вы не отужинаете со мной, Дирк? – Лонгстафф уже много лет так хорошо себя не чувствовал. – Поболтаем о старых временах.

– Сегодня нет, если вы извините меня. Может быть, завтра?

– Прекрасно. Благодарю вас. И я так рад, что правильность нашего выбора получила окончательное подтверждение.

– И последнее: есть еще одно дело, требующее вашего немедленного внимания. Триады.

– А?

– Горт Брок был убит Триадами с Гонконга. Из Тай Пинь Шана.

– Чес-с-слово! Почему?

– Не знаю.

Струан пересказал ему все, что узнал от португальского офицера о Триадах. И о Гордоне Чене. Он понимал, что должен передать Лонгстаффу эту информацию, в противном случае, если делу будет дан официальный ход, все могло выглядеть так, будто он пытается прикрыть своего сына. Если Гордон связан с этими бандитами, его выведут на чистую воду. Если же нет, никто не пострадает.

– Вот так раз, – со смехом воскликнул Лонгстафф. – Забавная история.

– Да, и, вне всякого сомнения, распространяют ее мои враги. Однако издайте

постановление о Триадах и прикажите майору Тренту раздавить их раз и навсегда. Иначе эти проклятые мандарины сядут нам на шею.

– Хорошая мысль. Отличная, клянусь Юпитером. Я распоряжусь, чтобы Горацио... черт возьми, я отпустил его на две недели в Макао. Могу я позаимствовать у вас Маусса?

– Разумеется. Я пришлю его к вам.

Когда Струан ушел, Лонгстафф в приподнятом настроении уселся за рабочий стол.

– Мой дорогой сэр Уильям, – обратился он к зеркалу. – Я чувствую себя превосходно. Уж если говорить начистоту, я чертовски рад, что уезжаю с этого зловонного острова. Мне решительно наплевать на то, что станется с ним – с торговцами, с китайцами или с этими Триадами, чума на них – Он подошел к окну и начал радостно посмеиваться. – Посмотрим, что окажется в этом портфеле. А когда мы вернемся в Англию, там и примем решение. Если Каннингтон к этому времени вылетит из своего кресла, мы можем спокойно поддержать Гонконг себе на пользу. Если же Каннингтон по-прежнему будет министром, я могу согласиться с тем, что он прав, и забыть об этом острове, словно его и не было. Потому что у меня будут эти документы, ключ к опочивальне любого министра иностранных дел, а также много чая. – Он громко расхохотался. Несколько дней назад личный посланник Чинь-со известил его, что семена, которые заказал Горацио, будут доставлены в ближайшие две недели. – Я бы сказал, вы сегодня славно поработали, ваше превосходительство!

Прибыв на «Отдыхающее Облако», Струан нашел Мэй-мэй уже в постели в ее собственных каютах. Она выглядела очень хорошо. Казалось, после путешествия сил у нее даже прибавилось.

– Я так блаженно счастлива быть дома, Тай-Пэн. Вот, смотри. Твоя старая Мать подчиняется, как моряк. Я выпила две чашки хинного отвара и готова выпить их еще трижды.

– А? – произнес он, подозрительно прищурившись.

– Господи, абсолютно да. И не гляди так. Я правду говорю! Разве я какая-нибудь шлюха из речных женщин? Нищая, питающаяся собачатиной? Разве я лгу прямо в лицо? Обещание есть обещание, и не забывай об этом. Конечно, – сладко добавила она, – теперь я принимаю это омерзительное волшебное питье с манговым соком, о чем любая из нормальных женчинов подумала бы незамедленно, но не из муч-чинов, о, нет-нет – для них это слишком просто. – Она вскинула голову с былой надменностью: – Муч-чины!

Струан спрятал улыбку, не показывая, как он доволен, что она все больше становится похожей на ту Мэй-мэй, какой была до болезни.

– Я вернусь позже. А ты оставайся в постели.

– Ха! Разве я нарушаю обещания? Разве я ни на что не годная дочь черепахи? – Она протянула ему руку жестом императрицы: – Тай-Пэн!

Он галантно поцеловал протянутую руку, и она расхохоталась и обняла его:

– Ну, беги, мой мальчик, и никаких грязных борделев!

Струан оставил ее и прошел в свою каюту. Открыв сейф, он достал оттуда одну из двух копий документов и карт из портфеля, которые он лично и с предельной аккуратностью изготовил, и положил бумаги в карман вместе с небольшим мешочком, в котором хранились остатки хинной корки.

Он вернулся на свой катер.

– «Бостонская Принцесса», – приказал он, назвав плавучий склад Купера – Тиллмана.

Диск солнца коснулся горизонта, он светился тускло, словно все небо было затянуто огромной вуалью.

– Что вы обо всем этом думаем, боцман?

– Даже не знаю, сэр-р. Я видел такую штуку в Южных морях и перед хорошей погодой, и перед плохой. Если луна сегодня будет в кольце, тогда, может статься, нас ждут дожди.

Или что-нибудь похуже, добавил про себя Струан. Он встал и посмотрел в сторону западного пролива. «Белой Ведьмы» нигде не было видно. Что ж, подумал он, может быть, они решили заночевать в море и войдут в гавань с рассветом Пока еще время думать о тебе не пришло, Тайлер.

Катер подошел к борту «Бостонской Принцессы». Это было огромное трехпалубное торговое судно, переделанное под плавучий склад. Оно никогда не покидало гавани.

Струан взбежал по сходне.

– Разрешение ступить на борт? – обратился он к офицеру-американцу, стоявшему на палубе. – Узнайте, возможно, мистер Купер согласится меня принять. Это срочно.

– Одну минуту, мистер Струан. – Офицер спустился вниз.

Струан закурил сигару и бросил спичку в море. «Китайское Облако» медленно продвигался к месту своей стоянки в глубоководной части бухты напротив Счастливой Долины.

– Хэллоу, Тай-Пэн, – раздался голос Джеффа Купера, стремительно поднявшегося на палубу. – Полагаю, вы уже слышали о том, что натворил этот безмозглый сукин сын Каннингтон? Мы с огромным огорчением узнали о дуэли и обо всем остальном. Эта юная пара идиотов действительно сбежала?

– Да. Как Уилф?

– Он умер.

– Проклятие! Когда это случилось?

– Три дня назад.

– Может быть, пройдем вниз?

– Хорошо. Так как же быть со смещением Лонгстаффа и отклонением договора?

– Это ничего не значит. Просто глупая ошибка плохого политика. Я уверен, она будет исправлена.

Купер проводил его вниз. Главная каюта была обставлена с большой роскошью.

– Бренди?

– Спасибо. – Струан принял бокал – Ваше здоровье!

– Ваше здоровье.

Струан развязал маленький мешочек и достал из него немного коры.

– Видите это, Джефф? Это кора. Хинная кора. Иногда ее еще называют «иезуитской корой». Если сварить из нее чай, то этим чаем можно вылечить малярию.

– Вы уверены?

– Да. Хинный отвар вылечил мою любовницу. Эта часть рассказа должна остаться между нами – но действие лекарства несомненно.

Купер взял кусочек коры, его пальцы дрожали.

– Боже мой, Тай-Пэн, вы понимаете, что вы совершили? Понимаете, что вы говорите?

– Да. Малярией болеют во всем мире. Она есть и у вас в Штатах: по всей Флориде и в Луизиане[30]. Я знаю способ лечения и где раздобыть эту кору. Что это дает?

---

[30] Территория от реки Миссисипи до Скалистых гор и от Мексиканского залива до Канады, приобретенная США у Франции в 1803 году за 15 миллионов долларов.

– Благодарность всего человечества – и богатство любому, кто первым займется этим.

– Верно, дружище. Я предлагаю вам партнерство. – Струан убрал кору назад в мешочек, лицо его вдруг стало печальным. – Ирония судьбы, не правда ли? Несколько недель назад это могло бы спасти Робба и маленькую Карен. Всех остальных – даже Уилфа, хотя я и презирал его.

– Он тяжело умирал, – сказал Джефф.

– Мне жаль это слышать. – Струан пригубил бренди и прогнал из головы все, что уже стало частью прошлого. – Предложение у меня простое. Мы образуем новую компанию, которая будет заниматься исключительно корой. Деньги вносим поровну. Четыре директора – вы и тот, кого вы назначите, я и Кулум. Вы управляете компанией. Я немедленно выкладываю вам где, как и что, а вы начинаете планировать все завтра же.

Купер протянул руку:

– Идет.

Струан рассказал ему, как он получил кору и от кого, а также о корабле, который он зафрахтовал и который завтра отплывал из Макао в Перу.

– Епископ известил меня, что с судном отправится отец Себастьян. Я предлагаю продублировать это путешествие, чтобы не рисковать. Расходы по этому судну будут занесены в дебет новой компании, и мы отправим еще один корабль – но уже прямо из Америки. Мы найдем двух врачей и двух бизнесменов, которых пошлем вместе с ним, чтобы они узнали все, что только возможно, о хинной корке. В тот день, когда американский корабль уйдет в плаванье, мы, используя ваши связи, опубликуем сообщение об этом в Соединенных Штатах. Мы окажемся на шаг впереди всех конкурентов и подстрахуем мою договоренность с епископом. Здесь мы опубликуем новость немедленно; нужно покончить с разговорами о проклятии Счастливой Долины. И сразу, как только сможем, – в Европе. К тому времени, когда наши корабли вернутся, врачи всего мира будут с пеной у рта требовать хинной корки. Мои корабли станут доставлять груз в Британскую империю, вы возьмете на себя Американский континент, а остальной мир мы поделим пополам. В одной только южной Италии мы могли бы продавать кору тоннами.

– Кто еще знает о ней?

– Только вы. С сегодняшнего дня. Сегодня же вечером я передам эту новость Скиннеру, если сумею его найти. Итак, с деловой частью мы закончили Теперь, как Шевон?

– Хорошо и плохо. Она смирилась с тем, что мы обручены. Но должен признать, как бы сильно я ее ни любил, она меня не любит.

– Вы станете выкупать долю Тиллмана в деле?

– Нет, если Шевон выйдет за меня. Если же она не согласится... ну, с точки зрения бизнеса было бы глупо не сделать этого. Теперь, когда Уилф умер, мне придется искать другого партнера. Это будет означать что я отдаю процент по акциям... да вы и сами очень хорошо знакомы с этими проблемами.

– Да. Чем занимается Сергеев?

– О, он все еще здесь. Бедро уже беспокоит его значительно меньше. Мы довольно часто встречаемся с ним. Ужинаем вместе два-три раза в неделю. – Купер невесело улыбнулся – Он очень привязался к Шевон, и ей он, похоже, нравится. Она сейчас как раз у него в гостях, на его корабле Струан задумчиво потер подбородок:

– Тогда у меня есть для вас еще одно предложение. Более рискованное и опасное, чем хинная корка.

– Какое?

– Отошлите Шевон домой на один год. Отпустите поводья – это лошадь чистых кровей. Если она захочет вернуться к концу года, вы женитесь на ней и будете жить

счастливо Если ее выбор окажется не в вашу пользу, вы дадите ей полную свободу. В любом случае скажите ей, что вы будете продолжать выплачивать ее отцу его «долю» до конца его жизни. Ее братья могут идти к черту. Не забывайте, нам очень пригодятся связи сенатора Тиллмана в нашем новом предприятии с хинной коркой. Деньги, которые вы ему выплатите, вернутся к вам с лихвой.

Купер подошел к своему столу, чтобы взять сигары – и тем самым выиграть время. Что означало это предложение Тай-Пэна? Неужели он пытается отвоевать Шевон для себя? Нет, для этого ему вовсе не нужно было бы прибегать к таким хитростям: ему стоит лишь пальцем поманить, и она примчится к нему со всех ног.

– Я должен буду подумать об этом, Тай-Пэн, – сказал он. – Сигару?

– Нет, спасибо. И пока вы будете думать об этом, поразмыслите заодно еще над одной авантюрой. Попросите Сергеева отвезти ее домой на своем корабле – разумеется, в сопровождении служанки.

– Вы сошли с ума!

– Нет, дружище. – Струан достал копии документов, аккуратно перевязанные зеленой лентой. – Прочтите вот это. Купер взял их в руки:

– Что это?

– Прочтите. Читайте внимательно, я подожду.

Купер сел за стол и развязал ленту.

Ну что же, говорил себе Струан, хинную корку мы запустили в дело. Теперь – Кулум. Может быть, парень прав, и ему действительно нужен партнер? Джефф – вот ответ на этот вопрос. Струан – Купер – Тиллман. Вернее, Струан – Купер, о Тиллмане теперь можно забыть. Почему нет? Джеффу это сулит огромную выгоду. Мы упрочим связи с обеими Америками. Джефф умен и честен. Обдумай этот вариант очень тщательно. Это хорошее решение. Лонгстафф? С Лонгстаффом я уладил все как нельзя лучше. Когда я потеряю его из виду, он будет делать только то, что подскажет ему другая сильная натура. Как быть со Скиннером? Пока что он справляется отлично. Блор? Надо повнимательнее присмотреться к нему. И к Мауссу тоже. Что потом? Дом и Мэй-мэй. Возможно, Орлов был прав. Возможно, все, что ты чувствовал сегодня во время плаванья, и в самом деле был лишь взгляд моря, устремленный на тебя, – ты получил от жизни все, чего может желать человек. Не относись слишком легко к таким ощущениям.

Его мысли неизменно возвращались к Броку. Да. Будет убийство. И Лиза была права. Однажды начавшись, это может никогда не кончиться. Или кончится с нами обоими.

– Насколько этому можно верить? – Купер закончил читать досье.

– Учитывая, откуда я это получил, я бы сказал, что не может быть никаких сомнений в их достоверности. Что вы чувствуете по сему поводу?

– Дьявольский замысел. Сергеев совершенно очевидно и есть тот человек – уж точно, один из них, – которого послали с целью исследовать «Британскую сферу влияния» в Азии и изучить возможности для эмиграции на русскую Аляску. – Купер замолчал на секунду, собираясь с мыслями. Потом сказал: – Что же нам делать со всем этим? Ну, следуя вашей мысли... Шевон. Сергеев с восторгом согласится сопровождать ее в Америку. В пути она очаровывает его – либо намеренно, либо ни о чем не подозревая – и привозит в Вашингтон. Ее отец, который, без сомнения, является тем самым человеком, кому в первую очередь следует передать эти документы, в частной беседе рассказывает Сергееву, что Соединенные Штаты недовольны Россией и хотят, чтобы русские ушли с континента. Доктрина Монро и все такое. Вы это имеете в виду?

– Вы проницательный человек, Джефф.

– Эта информация выставляет лорда Каннингтона круглым дураком.

– Несомненно.

– И совершенно однозначно указывает на важность – более того, жизненную необходимость – Гонконга.

– Верно.

– Теперь мы должны решить, как нам быстро и надежно передать эту информацию в руки сенатору. Эти бумаги невероятно поднимут его престиж в политических кругах, поэтому он выжмет из них все, что в его силах. Следует ли нам пойти на риск и посвятить Шевон в наш план, или мы просто вручим ей копии документов, которые она передаст отцу.

– Я бы не стал знакомить ее с досье или даже говорить ей, что в этих бумагах. В конце концов, она женщина. Женщина всегда может поступить непредсказуемо. Она может влюбиться в Сергеева. Тогда она пошлет к черту Соединенные Штаты Америки, потому что женская логика подскажет ей, что она должна в первую очередь защищать своего мужчину, невзирая на долг перед родиной и все такое прочее. Если Сергеев узнает, что нам стало известно из этих документов, это будет равносильно катастрофе.

– Я бы хотел обдумать все это, – сказал Купер. Он перевязал пакет и протянул его Струану. – Это звучит помпезно, Тай-Пэн, но моя страна в неоплатном долгу перед вами.

– Благодарность мне не нужна, Джефф. Может быть, окажется небесполезным, если сенатор Тиллман и другие дипломаты начнут высмеивать глупые просчеты и некомпетентность лорда Каннингтона в вопросах нашей политики здесь, на Востоке.

– Хорошо. Считайте, что это уже сделано. Кстати, вы должны мне двадцать гиней.

– За что?

– Вы разве забыли о нашем пари? По поводу обнаженной натуры? В самый первый день, Дирк. Картина Аристотеля с церемонией передачи острова была частью заклада, неужели вы забыли?

– Напрочь. И кто же она? – с интересом спросил Струан. Двадцать гиней не слишком большая потеря, если речь идет о чести дамы, подумал он. Да, но, черт возьми, картина-то мне нравилась.

– Шевон. Она сообщила мне об этом два дня назад. Сказала, что собирается заказать свой портрет. Такой же, как у герцогини Альбы.

– Вы намерены позволить ей?

– Не знаю. – На лице Купера появилась бледная улыбка, и из глаз на мгновение ушла не покидавшая их в последнее время боль. – Морское путешествие, наверное, положит конец этим фантазиям, как вы думаете?

– Чьим угодно, но только не этой девчонки. Завтра я пришлю вам кошелек. Как я припоминаю, проигравший должен был заплатить Аристотелю за то, чтобы тот вписал в картину победителя. Считайте, что это уже сделано.

– Может быть, вы согласитесь принять от меня эту картину. В подарок. Я договорюсь с Аристотелем, чтобы он вписал в нее нас обоих, а?

– Что ж, благодарю. Эта картина мне всегда нравилась.

Купер показал рукой на бумаги:

– Давайте вернемся к этому разговору завтра. За ночь я решу, как мне быть с Шевон.

Струан подумал о завтрашнем дне. Он протянул бумаги Куперу:

– Положите их в свой сейф. Для безопасности.

– Спасибо. Спасибо за то, что доверяете мне, Тай-Пэн.

Струан отправился на берег во временную контору компании, которую он устроил на их новом прибрежном участке. Варгаш ждал его.

– Давайте начнем с плохих вестей, Варгаш.

– Мы получили сообщение от наших агентов в Калькутте, сеньор. Боюсь, что

согласно последним донесениям «Серая Ведьма» опережает «Голубое Облако» на три дня.

– Дальше?

– Стоимость строительства непомерна, сеньор. После вчерашней статьи я, ну, приостановил все работы. Возможно, нам следует постараться как-то сократить наши убытки.

– Возобновите работы немедленно и с завтрашнего дня удвойте количество рабочих рук.

– Слушаюсь, сеньор. Скверные новости из Англии, с фондовой биржи. Рынок очень неустойчив. Баланс бюджета опять нарушен, и ожидаются финансовые неприятности.

– Это нормально. Неужели на этот раз у вас не припасено для меня какого-нибудь особенно страшного известия.

– Нет, сеньор. Ну, разумеется, грабежи невероятно участились. За время вашего отсутствия совершено три акта пиратства, и еще дюжина попыток была отбита. Две пиратские джонки попали в плен, обе команды целиком были публично повешены. Каждую среду у стен тюрьмы секут по сорок-пятьдесят воров, грабителей, головорезов. Почти ни одной ночи не проходит без того, чтобы не ограбили какой-нибудь дом. Все это очень печально. О, кстати, майор Трент ввел комендантский час для китайцев с заходом солнца. Это представляется единственным способом держать их в узде.

– Где миссис Квэнс?

– По-прежнему на малом плавучем складе, сеньор. Она отменила свое возвращение в Англию. Очевидно, до нее дошли слухи, что сеньор Квэнс все еще на Гонконге.

– А он действительно здесь?

– Я не хотел бы думать, что мы лишились нашего бессмертного Квэнса, сеньор.

– Чем занимается мистер Блор?

– Он тратит деньги так, словно скалы Гонконга сделаны из чистого золота. Разумеется, это не наши деньги, – заметил Варгаш, стараясь не показать своего неодобрения, – а «фонд Жокей-клуба». Насколько я понимаю, Клуб создан не как коммерческое предприятие, любая прибыль идет на совершенствование ипподрома, приобретение и содержание лошадей и так далее. – Он вытер вспотевшие ладони носовым платком. День был очень влажный. – Я слышал, сеньор Блор устраивает петушиные бои. Под эгидой все того же Жокей-клуба.

Лицо Струана оживилось:

– Хорошо. На какой день они назначены?

– Не знаю, сеньор.

– Что делает Глессинг?

– Все, что положено делать начальнику гавани. Но я слышал, он ужасно обижен на Лонгстаффа за то, что тот не отпустил его в Макао. Ходят слухи, что его собираются отправить домой.

– Маусс?

– А-а, преподобный Маусс. Он вернулся из Кантона и снимает номер в отеле.

– Что означает ваше «а-а», Варгаш?

– Ничего, сеньор. Просто еще один слух, – ответил Варгаш, досадуя на свою несдержанность. – Ну-у, похоже, что... конечно, мы, католики, не жалуем его, и нас печалит, что все протестанты исповедуют иную веру, не заботясь о спасении собственной души... В общем, у него есть последователь, которым он очень дорожит и гордится, крещеный танка по имени Хун Хсу-чьюн.

– А это имя – Хун Хсу-чьюн – имеет что-нибудь общее с Хун Мун, с Триадами?

– О нет, сеньор. Это самое обычное имя.

– Да, я помню этого человека. Высокий мужчина с весьма необычной внешностью. Продолжайте.

– Собственно, рассказывать почти нечего. Просто он начал проповедовать среди китайцев Кантона. Без ведома преподобного Маусса. Он называл себя братом Иисуса Христа, утверждая, что по ночам беседует со своим отцом – Богом, что он новый мессия, что собирается очистить храмы Божий, как это сделал его брат, и всякую прочую идолопоклонническую чушь. Совершенно очевидно, что он сумасшедший. Если бы речи его не были столь кощунственны, он бы всех очень позабавил.

Струан подумал о Мауссе. Маусс нравился ему как человек, и он жалел его. Ему опять вспомнились слова Сары. Да, признался он себе, ты использовал Вольфганга много раз и для разных целей. Но взамен ты дал ему то, что ему было нужно – возможность обращать язычников. Без тебя он уже давным-давно был бы мертв. Без тебя... ладно, оставь это пока. Маусс идет к спасению своей собственной дорогой. Пути Господни поистине неисповедимы.

– Кто знает, Варгаш? Возможно, Хун Хсу-чьюн действительно тот, за кого себя выдает. В любом случае, – добавил он, видя, как возмущенно вскинул голову Варгаш, – я согласен с вами. Это не смешно. Я поговорю с Вольфгангом. Благодарю вас за то, что вы сказали мне об этом.

Варгаш смущенно прокашлялся.

– Как вы думаете, сеньор, не мог бы я взять отпуск на всю следующую неделю? Эта жара и... ну, я бы очень хотел повидать семью.

– Конечно. Возьмите две недели, Варгаш. И я полагаю, будет хорошо, если у португальской общины появится свой собственный Клуб. Я устрою подписку. Вы назначаетесь его временным казначеем и секретарем. – Струан написал несколько слов в блокноте и, оторвав лист, протянул его Варгашу. – Вот, можете получить по нему прямо сейчас. – Это был чек на предъявителя на тысячу гиней.

Варгаш был поражен:

– Благодарю вас, сеньор.

– Не за что, – ответил Струан. – Без поддержки португальской общины у нас не было бы здесь и общины британской.

– Но, сеньор, конечно, эта новость... эта статья! Гонконгу конец. Корона отвергла договор. Удвоить количество рабочих рук? Тысяча гиней на Клуб? Я не понимаю.

– Гонконг будет жить, пока на нем остается хотя бы один торговец, а в его гавани стоит хотя бы одно судно. Не волнуйтесь. Мне что-нибудь просили передать?

– Заходил мистер Скиннер. Он бы хотел встретиться с вами в удобное для вас время. И Гордон Чен тоже.

– Известите Скиннера, что я заеду к нему сегодня вечером. И Гордона – с ним я увижусь на «Отдыхающем Облаке» в восемь часов.

– Слушаюсь, сеньор, кстати, еще одна новость. Вы помните Рамсея? Того матроса, который дезертировал? Так вот, все это время он прятался в горах, как отшельник. В пещере на Пике. Жил тем, что крал пищу из рыбацкой деревушки у Абердина. Кажется, он изнасиловал там нескольких женщин, и китайцы связали его и передали властям. Вчера был суд. Сто плетей и два года каторжных работ.

– С тем же успехом они могли его и повесить, – заметил Струан. Два года он все равно не протянет. – Попав в тюрьму, человек терял надежду выйти оттуда живым. Жестокость, царившая там, не поддавалась описанию.

– Да. Ужасно. Еще раз благодарю вас, сеньор. Наша община будет вам очень признательна.

Варгаш ушел, но почти тут же вернулся.

– Извините, Тай-Пэн. Пришел один из ваших моряков. Китаец по имени Фонг.

– Скажите ему, пусть войдет.

Фонг вошел и молча поклонился.

Струан внимательно рассматривал приземистого китайца с отметинами оспы на лице. За те три месяца, что он провел на борту, Фонг сильно изменился. Теперь одежда европейского моряка уже не казалась ему неудобной, его свернутая косичка была аккуратно спрятана под вязаной шапочкой. Он уже довольно сносно говорил по-английски. Отличный матрос. Послушный, сдержанный, толковый.

– Почему ты не на корабле?

– Капитан говорить можно на берег ходить, Тай-Пэн. Моя вахта на берег ходить.

– Что тебе нужно, Фонг?

Фонг протянул ему измятый лист бумаги. Почерк был похож на детский. «Абердин. То же место, приятель. Восемь склянок в полуночную вахту. Приходи один». Послание было подписано «Папа Берта и Фреда».

– Где ты это взял?

– Кули остановить меня. Мне давать.

– Ты знаешь, о чем тут говорится?

– Я читать, да. Нет читать легкий. Очень трудный, ладно.

Струан задумчиво посмотрел на клочок бумаги.

– Небо. Ты его видел?

– Да, Тай-Пэн.

– Что оно сказало тебе?

Фонг понял, что это экзамен.

– Тайфун, – ответил он.

– Как скоро?

– Не знаю. Три дня, четыре дня, больше, меньше. Тайфун, все равно.

Солнце уже скрылось за горизонтом. Быстро темнело. На берегу и строительных площадках зажглись фонари.

Вуаль, покрывавшая небо, стала плотнее. Огромная кроваво-красная луна повисла в десяти градусах над чистой линией горизонта.

– Мне кажется, у тебя хороший нос, Фонг.

– Спасибо, Тай-Пэн.

Струан поднял руку с запиской:

– А что твой нос говорит тебе насчет этого?

– Нет ходить один, – ответил Фонг.

Глава 2

С наступлением темноты небо стали заволакивать облака, и влажность увеличилась. Китайские торговцы, которым были хорошо известны повадки ветра и моря, поняли, что скоро придет дождь. Сами по себе облака возвещали просто первый в это время года дождь, который ненадолго прогонит изнурительный зной и прибьет пыль. Обыкновенный ливень, если йосс будет к ним благосклонен. Если же йосс повернется против них, то будет шторм. И только йосс решит, превратится ли этот шторм в тайфун.

– Мне жарко, Тай-Пэн, – пожаловалась Мэй-мэй, обмахиваясь веером в постели.

– Мне тоже, – ответил Струан. Он стаскивал с себя влажную, отяжелевшую от пота рубашку, чтобы переодеться в свежую. – Я же говорил, что тебе было бы лучше остаться в Макао. Там гораздо прохладнее.

– Может быть и так, но тогда я лишилась бы удовольствия сказать тебе, что мне жарко, клянусь Богом.

– Ты мне больше нравилась во время болезни. Никакой развязности и вульгарной божбы.

– Ха! – фыркнула она. – Не ипокритствуй со мной!

– Чего-чего с тобой не делать?

– Ипокритствовать, Тай-Пэн. Ты что, не знаешь английского? Пока ты отсутствуешь целый день, забыв о своей бедной старой Матери, я уж-жасно много занимаюсь чтением книги со словами вашего доктора Джонсона, улучшая свой ум относительно варварского языка. Все знают слово «ипокрит». Оно означает «лицемер». Как раз для тебя подходит, клянусь Богом. – Она надула губы и стала от этого еще прелестнее. – Ты совсем больше не обожаешь меня!

– Я всерьез подумываю о том, чтобы хорошенько отипокритствовать тебя пониже спины.

Мэй-мэй испустила долгий мучительный стон.

– Тай-Пэн хочит корова чилло жиг-жиг, хейа, масса? Мозна, о-ко, ладна.

Струан подошел к кровати, и Мэй-мэй отпрянула к стене. – Ну же, Тай-Пэн, это была шутка.

Он крепко обнял ее.

– Ах, девочка, ты, главное, поправляйся, это сейчас для тебя самое главное.

На ней была длинная мягкая рубашка из голубого шелка, волосы изящно уложены, запах ее духов опьянял.

– Не вздумай ходить к шлюхам, а?

– Не говори глупостей.

Он поцеловал ее и закончил переодевание. Сунув свой нож в черные ножны у пояса и маленький кинжал в левый сапог, он аккуратно перевязал волосы лентой сзади у основания шеи.

– Почему ты обрезаешь волосы, Тай-Пэн? Отрасти их и носи косичку как цивилизованный человек. Очень красиво.

Лим Дин постучал и открыл дверь.

– Масса. Масса Чен зде-ся. Мозна?

– Видеть каюта наверху.

– Ты вернешься, Тай-Пэн?

– Нет, девочка. Я проеду прямо на берег.

– Попроси Гордона навестить меня, хорошо?

– Хорошо, девочка.

– Куда ты идешь?

– По делам, клянусь Богом. Смотри веди себя хорошо, пока меня не будет. Я вернусь уже заполночь. Но я загляну к тебе сразу же, как только поднимусь на борт.

– Хорошо, промурлыкала она. – Только разбуди меня, если я буду спать. Твоя старая Мать захочет убедиться, что ее ипокритственный сын цел и невредим.

Он нежно потрепал ее по щеке и поднялся в свою каюту.

– Привет, Гордон.

Гордон Чен был одет в длинный синий шелковый халат и. легкие шелковые штаны. Ему было жарко, и вид у него был очень озабоченный.

– Добрый вечер, Тай-Пэн. С возвращением. Я так счастлив узнать, что вы нашли хинную корку. Как себя чувствует госпожа Т'чунг?

– Очень хорошо, спасибо.

– Мне так жаль, что мои слабые усилия оказались безрезультатными.

– Спасибо, что ты попытался помочь.

Гордон Чен опять расстроился, потому что ему пришлось выложить немалое количество тэйлов на поиски коры, но это чувство не шло ни в какое сравнение с его тревогой по поводу Гонконга. Последняя новость из Англии вызвала сильнейшее беспокойство во всей иерархии Триад в Квантуне. Дзин-куа вызвал его к себе и приказал выведать настроение Тай-Пэна и использовать все могущество Триад, все средства, какие окажутся необходимыми – серебро, богатые подношения, расширение торговли, – чтобы помешать варварам покинуть остров и склонить их к

тому, чтобы остаться.

– Меня привело сюда дело крайней важности, Тай-Пэн, иначе я не стал бы беспокоить вас. Гонконг. Вчерашняя статья в газете. Это правда? Если да, то мы погибли... мы разорены.

– Я слышал, ты являешься тай-пэном гонконгских Триад.

– Кем?!

– Тай-пэном гонконгских Триад, – мягко повторил Струан и рассказал ему все, что услышал от португальского армейского капитана. – Глупая история, а?

– Не глупая, Тай-Пэн, просто – ужасная! Потрясающая ложь! – Если бы Гордон был один, он сейчас рвал бы на себе волосы и одежду и вопил от ярости.

– Зачем Триадам понадобилось убивать Горта?

– Я не знаю. Откуда я могу знать, чем занимаются эти анархисты? Тай-Пэн Триад? Я? Какое гнусное обвинение! – Моя жизнь теперь не стоит лепешки коровьего помета, кричал он себе. Этот предатель, черепашье дерьмо! Как он посмел выдать наши секреты! Сосредоточься, соберись с мыслями. Тай-Пэн варваров смотрит на тебя во все глаза, и тебе лучше подыскать для него умный ответ! – Я просто не представляю. Боже милостивый. Триады в Тай Пинь Шане, под самым моим носом? Чудовищно.

– У тебя есть враги, которые стали бы распространять такие слухи?

– Должны быть, Тай-Пэн... О небо! Я подумал, может... – Он закатил глаза под лоб.

– Может, что?

– Ну, я... э-э, вы мой отец. Не может так быть, что кто-то пытается причинить вред вам через меня?

– Это возможно, Гордон. Возможно и то, что ты действительно главарь Триад.

– Анархист? Я? – О боги, почему вы покинули меня. Только на прошлой неделе я потратил пятьдесят тэйлов на благовония и подношения и на молитвы, которые прочтут за меня в храмах. Разве я не самый щедрый жертвователь всех ваших храмов без исключения? Разве не я лично заложил три храма и четыре кладбища, и разве в моем окружении не состоят сорок три буддистских монаха, которых я содержу на свои личные средства? – С какой стати мне знаться с этими преступниками? Благодаря вам я становлюсь богат. Мне не нужно для этого воровать или грабить.

– Но ты бы хотел, чтобы маньчжуров сбросили с китайского трона?

– Маньчжуры или китайцы – мне все равно, Тай-Пэн. Почему это должно заботить меня? Я не имею к этому никакого отношения. – О боги, закройте свои уши на мгновение. – Я – не китаец. Я – англичанин. По-моему, я – последний человек, которому стали бы доверять китайцы из тайного общества. Это было бы опасно, вы не думаете?

– Возможно. Не знаю. Может быть, тебе стоит потратить немного тэйлов, Гордон. Расставить шпионскую сеть. Выяснить, кто эти люди и кто их главари.

– Я немедленно займусь этим, Тай-Пэн.

– Три месяца должно быть достаточно для такого хитроумного человека, как ты, чтобы представить мне их руководителей.

– Шесть месяцев, – автоматически произнес Гордон Чен, отчаянно пытаясь найти лазейку из западни, в которую угодил. Вдруг его осенило. Ну конечно! Пусть варвары сами помогут нам покончить с врагами Триад на острове. Мы навербуем из этого черепашьего дерьма шпионов, соберем их всех в отдельную ложу и проведем для вида какой-нибудь обряд посвящения. Отлично! Потом... так, надо подумать. Мы пустим слух, что настоящим руководителем Триад является... кто? Когда время придет, я отыщу какого-нибудь врага. Затем мы передадим их варварам как настоящих Триад, и вот они уже лишились своих голов. – О да, Тай-Пэн, я без промедления возьмусь за дело.

– Я думаю, так будет лучше для тебя. Потому что так или иначе, но я намерен раздавить этих Триад.

– А я буду помогать вам в этом в полную меру своих сил, – горячо заверил его Гордон. Жаль, что Чен Шень член семьи, в противном случае он был идеальной подставкой в качестве «главы Триад». Совсем чуть-чуть йосса, и я стану следующим после него компрадором «Благородного Дома».

Впрочем, не волнуйся, Дзин-куа поможет тебе найти подходящего кандидата. – Тай-Пэн, вернемся к более важным делам. Что со статьей? Гонконгу конец? Мы теряем целое состояние. Потеря острова станет настоящей катастрофой.

– Действительно, ряд незначительных проблем существует. Но все они будут решены. Гонконг наш навсегда. Скоро это правительство потеряет власть. Не волнуйся. «Благородный Дом» и Гонконг – одно целое.

Все тревоги Гордона Чена растаяли без следа.

– Вы уверены? Этот Каннингтон, его свергнут?

– Тем или иным способом. Да.

Гордон с восхищением посмотрел на отца. Ага, подумал он, значит, даже с помощью убийства. Отлично. Он очень хотел рассказать Тай-Пэну о том, что это он устранил Горта и таким образом спас ему жизнь. Но это может подождать до более важного момента, сказал он себе, переполненный восторгом. – Отлично, Тай-Пэн. Вы чудесно успокоили меня. Я согласен. «Благородный Дом» и Гонконг – действительно одно целое. – Если это не так, то можешь считать себя дохлым утенком, подумал он. Но отныне тебе лучше не появляться на материке. Теперь, когда закрутилась вся эта история с Триадами, путь туда тебе заказан. Это так. Теперь твоя жизнь неразрывно связана с Гонконгом. Этот остров станет твоим дворцом или твоей гробницей. – Тогда нам стоит расширяться, вкладывать в остров как можно больше. Я не пожалею труда, чтобы сделать Гонконг сильным. О да. Вы можете положиться на меня! Спасибо, Тай-Пэн, вы успокоили меня.

– Миледи хотела поздороваться с тобой. Спустишься вниз?

– Благодарю вас. И спасибо за то, что вы предупредили меня об этой смешной, но опасной истории. – Гордон Чен поклонился и вышел.

Все время, пока они беседовали, Струан пристально наблюдал за сыном. Так правда это или нет, спрашивал он себя. Удивление, которое тот выказал, могло быть и подлинным, и во всем, что он говорил, немало здравого смысла. Не знаю. Но если Гордон действительно тай-пэн Триад, тебе придется быть очень хитрым, чтобы поймать его. А что потом?

Струан нашел Скиннера в комнате, где стоял печатный пресс «Ориэнтл Тайме» В комнате было душно и шумно. Он поздравил редактора с тем, как была преподнесена новость.

– Не беспокойтесь, Тай-Пэн, – сказал Скиннер. – Завтра выходит выпуск с продолжением. – Он протянул Струану гранки. – Черт побери, когда наконец кончится это проклятое лето. – Он был одет в свой обычный черный сюртук из плотной ткани и теплые брюки.

Струан прочитал статью. Скиннер не поскупился на сарказм и оскорбительные выпады в адрес министра иностранных дел, особенно упирая на то, что все торговцы должны объединить усилия, завалить парламент петициями и уничтожить Каннингтона.

– Я бы сказал, что после этой статьи некоторые из ребят по-настоящему закусят удила, – одобрительно произнес Струан.

– Я от души надеюсь, что именно так и будет. – Скиннер развел руки в стороны, чтобы унять жгучий зуд под мышками. – Чертова жара! Вы чересчур полагаетесь на судьбу, Тай-Пэн, разгуливая среди ночи в таком виде.

На Струане была только легкая рубашка, полотняные брюки и сапоги из тонкой

кожи.

– Вам бы самому так попробовать. Потели бы меньше, и главное – никакой потницы.

– Даже не упоминайте при мне имени этой проклятой болезни. К жаре она не имеет никакого отношения, обычная летняя хворь. Человеку по природе своей свойственно потеть.

– Да, и быть любопытным. В своем письме вы упоминали что-то о странном дополнении к договору Лонгстаффа?.. наместником Чинь-со. Что вы имели в виду?

– Просто один из тех занятных кусочков информации, которые собирает любой газетчик. – Скиннер вытер лицо тряпкой, которая оставила за собой чернильные следы, и сел на высокий табурет. Он рассказал Струану о семенах – Тутовые деревья, камелии, рис, чай, разные цветы.

Струан ненадолго задумался.

– Да, это любопытно, слов нет.

– Лонгстафф не входит в число тех садоводов, о которых я наслышан. Возможно, это была идея Синклера. У него как раз есть склонность к садоводству. По крайней мере, она есть у его сестры. – Скиннер бросил взгляд на китайских рабочих, обслуживавших пресс. – Я слышал, она серьезно больна.

– Я счастлив сообщить, что девочка поправляется. Врач сказал, это было какое-то желудочное расстройство.

– Говорят, Брок появлялся сегодня днем на флагмане.

– Вы очень хорошо информированы.

– Я подумал, не следует ли мне подготовить некролог.

– Иногда ваш юмор... перестает забавлять меня.

Пот стекал по отвисшим щекам Скиннера и капал на засаленную рубашку.

– Я и не думал шутить, Тай-Пэн.

– Ну, а я принимаю это как шутку, – небрежно сказал Струан. – Разговаривать о некрологах – плохой йосс. – Он наблюдал, как пресс выдает завтрашние номера газеты. – Мне пришла в голову одна мысль касательно Уэйлена. Лонгстафф назвал старый город Куинз Тауном. Теперь у нас появился новый город. Возможно, Уэйлену следует предоставить честь выбрать для него другое имя.

Скиннер весело хмыкнул.

– Это будет для него чудесной приманкой. На каком названии вы остановились, Тай-Пэн?

– Виктория.

– Мне нравится. Виктория, стало быть? Вот так, одним простым жестом, Лонгстафф предан забвению. Можете считать, что такое «предложение» уже сделано. Предоставьте это мне. Уэйлен никогда в жизни не догадается, что это была не его идея. Я гарантирую. – Скиннер с довольным видом поскреб ногтями живот. – Когда я стану владельцем газеты?

– В тот день, когда Корона примет Гонконг как колонию и Договор будет утвержден обоими правительствами. – Струан передал ему документ. – Все это вы найдете здесь. Документ скреплен моей печатью. Конечно, он имеет силу только при условии, что «Ориэнтл Тайме» в то время будет оставаться действующим предприятием.

– У вас есть сомнения на этот счет, Тай-Пэн? – радостно спросил Скиннер. Он ясно видел свое будущее. Десять лет, сказал он себе. Потом я буду богат. Я уеду домой, женюсь на дочери сквайра, куплю небольшое поместьице в Кенте и открою газету в Лондоне. Да, Морли, старина, подумал он, ты прошел долгий путь от грязных переулков Лаймхауса[31], сиротского приюта, чума его забери, и чистки выгребных ям.

---

[31] Лаймхаус – район лондонских доков.

Да проклянет Господь тех двух дьяволов, которые дали мне жизнь, а потом бросили меня. – Спасибо, Тай-Пэн. Будьте уверены, я не подведу вас.

– Кстати, вам, возможно, захочется первому опубликовать некую исключительную новость. Хинная корка излечивает малярию Счастливой Долины.

Скиннер на мгновение лишился дара речи.

– О Боже, Тай-Пэн, – с трудом выговорил он, – это не новость, это... бессмертие. – Наконец его прорвало: – Исключительная, вы говорите? Да это самая великая новость в мире! Конечно, – добавил он, хитро прищурившись, – главную роль в этом рассказе сыграет «она»… или «он» – то есть человек, который излечился.

– Пишите, что хотите. Только не касайтесь меня и всех, кто имеет ко мне отношение.

– Никто и никогда не поверит в это, пока люди не увидят выздоровевшего своими собственными глазами. Врачи скажут, что это пустая болтовня.

– Пусть говорят. Их больные будут умирать. Тоже мне знатоки! – жестко сказал ему Струан. – Я верю в это настолько, что вкладываю значительные средства. Купер и я теперь являемся партнерами по доставке и продаже хинной корки. Груз этого лекарства будет в нашем распоряжении через шесть месяцев.

– Я могу это напечатать?

Струан коротко хохотнул.

– Я бы не стал говорить вам об этом, если бы хотел сохранить новость в секрете.

Выйдя на Куинз Роуд, Струан почувствовал как на него дохнуло жаром ночи. Луна стояла высоко, она тускло просвечивала сквозь облака, которые почти полностью закрывали небо. Но ореола вокруг нее пока не было.

Он направился вдоль по дороге и не останавливался до самых доков. Здесь он свернул немного в сторону от моря и зашагал по невзрачной улочке, обходя многочисленные рытвины и ямы. Поднявшись по короткой лестнице, он вошел в дом.

– Благослови меня, Господи, – воскликнула миссис Фортерингилл; ровный ряд белых вставных зубов придавал улыбке, расцветшей на морщинистом лице, гротескный вид. Она ужинала в гостиной: копченая селедка, ржаной хлеб и кувшин эля. – Девушки, – крикнула она и позвонила в колокольчик, висевший у нее на поясе. – Я всегда говорю: нет ничего лучше, чем порезвиться с красоткой в жаркую ночь. – Она заметила, что Струан был в одной рубашке. – Это чтобы не тратить лишнего времени на раздевание, Тай-Пэн?

– Я просто зашел повидать... э... вашего постояльца.

Она сладко улыбнулась:

– Этот старый плут уже пересидел тот срок, когда был здесь желанным гостем.

В гостиную неторопливо протрусили четыре девицы. На их украшенных перьями просторных шерстяных кимоно темнели влажные пятна, и от них исходил тяжелый запах духов и застарелого пота. Все девушки были моложе двадцати – грубые, крепкие, привыкшие к той жизни, которую вели. Они ждали, кого из них выберет Струан.

– Вам, без сомнения, нужна Нелли, Тай-Пэн, – сказала миссис Фортерингилл. – Восемнадцать лет, здорова телом и темпераментна.

– Благодарю вас, мадам. – Нелли сделала книксен, и ее полные груди вывалились из халата. Это была тяжелая блондинка с глазами древними и холодными, как лед. – Хочешь пойти со мной, Тай-Пэн, милый?

Струан дал каждой из них по гинее и отослал из гостиной.

– Где мистер Квэнс?

– Второй этаж до конца, налево. Голубая комната. – Миссис Фортерингилл посмотрела на него поверх очков: – Времена нынче очень тяжелые, Тай-Пэн. Ваш мистер Квэнс ест как лошадь, а как он сквернословит – это что-то ужасное. Юные леди шокированы. Его счет уже давно просрочен.

– Скажите, откуда вы набираете своих девушек?

Глаза старухи тускло блеснули, как мокрая галька.

– Там, где есть рынок, всегда отыщутся и девушки, чтобы обслуживать его, разве нет? Из Англии. Иногда из Австралии. Откуда придется. Почему вы спрашиваете?

– Во что вам обходится каждая?

– Коммерческая тайна, Тай-Пэн. У вас свои секреты, у нас – свои. – Она кивнула головой в сторону стола и сменила тему: – Не желаете перекусить? Селедка прямо из дома, по специальному заказу. Прибыла с пакетботом на этой неделе.

– Благодарю вас, но я уже поел.

– Кто оплатит счет дорогого мистера Квэнса?

– Какая там сумма?

– Счет у него. Я слышала, миссис Квэнс не на шутку расстроена по поводу своего супруга.

– Я обговорю с ним сумму счета.

– Вам мы всегда откроем кредит, Тай-Пэн.

– Девушка Горта умерла? – неожиданно спросил Струан. Старуха вновь превратилась в образец добропорядочности:

– Что? Я не понимаю, о чем вы говорите. В моем учреждении ничего недозволенного не происходит!

В руке Струана блеснул нож, его кончик коснулся дряблых морщинистых складок на шее миссис Фортерингилл.

– Умерла?

– Не здесь, здесь она не умирала. Ее забрали. Ради Создателя, не...

– Так умерла она или нет?

– Я слышала, что умерла, но я тут совершенно ни при чем, я...

– Сколько заплатил Горт, чтобы закрыть вам рот?

– Двести гиней.

– Что случилось с девушкой?

– Не знаю. Клянусь Господом, это святая правда, чтоб мне провалиться! За ней пришли родственники. Он заплатил им сто монет, и они остались довольны. Они забрали ее с собой. Это была всего лишь язычница.

Струан убрал нож.

– Возможно, вам придется повторить эти слова еще раз, в суде.

– Но этот мерзавец мертв, как я слышала, так что теперь и говорить, как будто, нечего. Да и как я могу что-нибудь сказать? Имени ее я не знаю, и трупа ее никогда не видела Вы сами понимаете, как это бывает, Тай-Пэн. Но я поклянусь на Библии перед Броком, если вы это имеете в виду.

– Благодарю вас, миссис Фортерингилл.

Он поднялся по лестнице в Голубую комнату. Ее беленые известью стены приобрели грязно-серый оттенок, в щели задувал ветер. На одной из стен висело огромное зеркало, балдахин большой кровати был украшен малиновым рюшем. На полу рядами стояли картины, они же покрывали оставшееся на стенах пространство; пол пестрел пятнами масляной и акварельной краски. Посреди комнаты стоял мольберт, кругом валялись десятки кистей и баночек с краской.

Аристотель Квэнс храпел в постели. Были видны только его нос и ночной колпак.

Струан подобрал с пола треснувший кувшин без ручки и швырнул его в стену. Кувшин с грохотом разлетелся на крошечные черепки, но Аристотель только глубже

забрался под одеяло. Струан взял кувшин побольше и отправил его вслед за первым.

Квэис приподнялся на кровати и открыл глаза:

– Господи, помилуй! Дьявол собственной персоной, клянусь всеми святыми!

Он выбрался из постели и обнял Струана.

– Тай-Пэн, мой любимый покровитель! Я боготворю тебя! Когда ты вернулся?

– Ну, полно, Аристотель, хватит, – сказал Струан. – Я приехал сегодня.

– Говорят, Горт мертв.

– Да.

– Хвала Создателю за это. Три дня назад этот мерзопакостник появился здесь и поклялся, что перережет мне горло, если хоть одна душа узнает от меня про девушку.

– Сколько он дал тебе за молчание?

– Ни единого пенни, гнусный скупердяй! Разрази меня Бог, я и просил-то всего сотню.

– Как твои дела?

– Ужасно печально, мой дорогой друг. Сама все еще здесь. О Боже, защити меня! Так что приходится торчать в своей берлоге. Носа не могу высунуть – страшно. – Квэнс вспрыгнул на кровать и, взяв в руки огромную палку, трижды сильно стукнул ею в пол. – Заказываю завтрак, – пояснил он. – Хочешь присоединиться? Ну, а теперь расскажи мне все новости.

– Ты завтракаешь в девять часов вечера?

– Видишь ли, мой милый, когда живешь в борделе, поневоле все начинаешь делать, как шлюха! – Он громко захохотал, потом схватился за грудь. – Кровь Христова, Тай-Пэн, как я ослабел! Ты видишь перед собой лишь тень живого человека, настоящий призрак бессмертного Квэнса.

Струан сел на кровать.

– Миссис Фортерингилл говорила о каком-то счете. Клянусь Богом, я же дал тебе мешок золота!

– Счете? – Квэнс пошарил под подушкой, отшвырнул в сторону недоеденный бутерброд, две книжки, три-четыре кисточки, несколько интимных предметов женского туалета и достал бумагу. Тяжело дыша, он сунул ее в руки Струану: – Посмотри, сколько эта ростовщица требует с тебя.

– Требует с тебя, ты хочешь сказать. – Струан взглянул на сумму: – Господи всеблагой и милосердный! – В счете значилось четыреста шестнадцать фунтов четыре шиллинга четыре пенса и фартинг. Семь с половиной шиллингов в день за стол и постель. Сто семь фунтов за краски, кисти, холст. Самая крупная цифра стояла напротив слов «Различные услуги». – Что, черт возьми, означает эта статья?

Квэнс поджал губы.

– Чес-с-слово, как раз это я сам безуспешно пытался вытянуть из старой карги.

Струан подошел к двери и крикнул вниз:

– Миссис Фортерингилл!

– Вы звали меня, Тай-Пэн? – сладким голосом спросила она, стоя внизу у лестницы.

– Да. Вы не будете добры подняться сюда?

– Я вам понадобилась? – спросила она еще более любезно, входя в комнату.

– Объясните мне, что это за чертовщина? – Струан зло ткнул пальцем в счет: – «Различные услуги» – без малого триста двадцать фунтов!

– А, это... – лукаво ответила она, – Бизнес, Тай-Пэн.

– Что?

– Мистер Квэнс совершенно не выносит одиночества, и эта цифра отражает услуги, оказанные ему как клиенту заведения с тех пор, как он был поручен нашим заботам. – Она презрительно фыркнула носом: – Мы ведем здесь строгий учет. Тут все правильно до минуты.

– Ложь! – взвыл Квэнс. – Она приписала лишнего, Тай-Пэн. Это шантаж!

– Шантаж! – взвизгнула миссис Фортерингилл. – Ах, ты... ты... а я и мои юные леди еще спасали тебя хуже, чем от смерти, да к тому же во второй раз!

– Но триста с лишним фунтов? – изумленно проговорил Струан.

– Все верно до минуты – Господь свидетель. Ему еще нравится рисовать их, а не только... у меня лучший бухгалтер в Азии. Другого бы я и не взяла на работу!

– Это невозможно, – настаивал Струан. Квэнс встал на постели, приложил одну руку к сердцу, а другой указал на женщину.

– От вашего имени, Тай-Пэн, я отказываюсь принимать этот счет! – Он выпятил грудь, как павлин. – Это ростовщичество!

– А-а, вон ты как заговорил? Ну что ж, тогда и я скажу, скажу тебе прямо в лицо, навозная ты куча, старый вонючий прыщ – вон отсюда! И я сегодня же все расскажу твоей жене! – Она круто повернулась и пронзительно крикнула: – Леди!

– Право, миссис Фортерингилл, – осторожно начал Аристотель, – не нужно так горячиться.

Девушки прибежали бегом. На этот раз их было восемь.

– Заберите это и отнесите в мою комнату, – приказала мадам, махнув рукой на краски, кисти и картины. – Никакого кредита, и все это останется у меня, пока счет не будет оплачен до последнего пенни! – Оскорбленно вздернув голову, она вышла.

Квэнс выбрался из постели, путаясь в ночной рубашке:

– Леди! Клянусь Богом, вы ни к чему не притронетесь!

– Ну, будь паинькой, – спокойно сказала Нелли. – Если мадам говорит, что их нужно вынести, значит мы их вынесем, даже если бы тут стоял сам Господь Бог!

– Вот именно, разлюбезный ты наш, – добавила другая. – Наша Нелли сказала все как надо, честь по чести.

– Одну минуту, леди, – вмешался Струан. – Мистеру Квэнсу вручили счет. Это и явилось причиной всего беспокойства. Мисс Нелли, вы... э... ну, вы проводили с ним время?

Нелли уставилась на Струана:

– Вы говорите «время», Тай-Пэн? Да у нашего дорогого мистера Квэнса на это самое «время» такой аппетит, какого во всем Ветхом Завете не сыщешь.

– О да, Тай-Пэн, – со смешком добавила другая. – Иногда ему даже нравится, когда нас две зараз. О, второго такого еще поискать!

– Это я чтобы рисовать, клянусь Богом! – прокричал Квэнс.

– Да полно, будет вам, мистер Квэнс, – сказала Нелли. – Мы же тут все друзья.

– Часть времени он нас рисует, – согласно кивнула еще одна девушка.

– Когда? – спросила другая. – А меня так вот он ни разу не рисовал.

– Ложь, клянусь Богом! – запротестовал Квэнс, поворачиваясь к Струану. Но, увидев выражение лица Тай-Пэна, сник и сел обратно на кровать. – Право, Тай-Пэн, – взмолился он, – не нужно судить так опрометчиво. Что может поделать человек, если он... популярен.

– Ты, верно, из ума выжил, если думаешь, что я стану платить за твой «куэнтус»!

– Что такое «куэнтус»? – возмущенно осведомилась Нелли. – Мы порядочные леди, вот так вот. Самые что ни на есть риспиктабельные. И нам не нравится, когда при нас говорят всякие грязные слова!

– Это просто «время» по-латыни, моя дорогая мисс Нелли, – хрипло пояснил Квэнс.

– О, – сказала она и сделала книксен. – Тогда прошу прощения, Тай-Пэн!

Квэнс схватился за сердце и закатил глаза.

– Тай-Пэн, если ты покинешь меня, мне конец. Долговая яма! Я умоляю тебя, – он сполз с кровати и смиренно встал на колени, – не поворачивайся спиной к старому другу!

– Я оплачу этот счет и заберу все твои картины под эту ссуду. Но это последний пенни. Ты понимаешь, Аристотель? Больше я платить не буду!

– Благослови тебя Господь, Тай-Пэн. Ты настоящий князь.

– О да, – пропела Нелли, бочком пододвигаясь к Струану: – Пойдем, милый. Ты оплатишь счет мадам, и это будет за счет заведения.

– Как насчет меня? – спросила другая. – Правда, Нелли побольше знает всяких штучек.

Они все закивали с улыбкой и выжидательно уставились на него.

– Я бы порекомендовал... – начал было Квэнс, но яростный взгляд Струана заставил его замолчать. – Каждый раз, когда ты так смотришь на меня, Тай-Пэн. я чувствую близость смерти. Одиночество. Неотвратимость рока.

Несмотря на все свое раздражение, Струан рассмеялся.

– Дьявол тебя забери! – Он направился к двери. Но внезапно одна мысль остановила его: – Почему эта комната называется Голубой?

Нелли нагнулась и извлекла из-под кровати ночную вазу. Она была голубого цвета.

– Мадам завела новую моду, Тай-Пэн. В каждой комнате горшок своего цвета. В моей – зеленый.

– А у меня старый позолоченный, весь в трещинах, – сообщила другая, фыркнув носом. – Вовсе как не для леди!

Струан безнадежно покачал головой и вышел.

– Итак, леди, – заговорил Квэнс ликующим шепотом, и все девушки замолчали. – Поскольку совесть моя вновь чиста, после завтрака я предлагаю устроить скромный праздник.

– О, чудесно, – воскликнули они и со всех сторон окружили его постель.

Глава 3

В полночь лорка ткнулась носом в пляж у Абердина, и Струан спрыгнул в мелкую воду, Фонг – рядом с ним. Часом раньше Тай-Пэн тайно высадил своих людей западнее деревни и расставил их вокруг колодца. Теперь он молча поднимался по пляжу к назначенному в записке месту встречи. Фонг нес фонарь, он заметно нервничал.

Луна совсем скрылась за низкими облаками, однако немного ее холодного света все-таки просачивалось сквозь их плотную завесу. В воздухе тяжело пахло водорослями, гниющими на обнажившихся с отливом камнях. Сотни сампанов в узкой бухте напоминали скопище сонных древесных жуков; зеленоватые блики покачивались на их твердых округлых спинах. Тьму прорезал только свет фонаря в руке Фонга. В ночной тишине не раздавалось ни звука, кроме неизбежной возни рыскавших в поисках пищи собак.

Деревня на берегу выглядела не менее зловеще.

Добравшись до развилки тропы, Струан стал всматриваться в ночь. Он чувствовал, что из сампанов за ним наблюдает много глаз.

Проверив, легко ли вынимаются из-за пояса пистолеты, Струан шагнул в сторону, благоразумно выйдя из круга света фонаря, который Фонг поставил на колодец.

Тишина стала еще более глубокой. Вдруг Фонг замер и вытянул вперед дрожащую руку. За самой развилкой поперек тропинки лежал мешок. Он выглядел, как самый обычный мешок для риса. С пистолетами наготове, Струан сделал знак Фонгу идти вперед, не доверяя ему. Фонг подчинился, дрожа от страха.

Когда они приблизились к мешку, Струан швырнул Фонгу кинжал, рукояткой вперед.

– Открой.

Фонг опустился на колени и вспорол мешковину. У него вырвался вздох ужаса, и он отпрянул назад. В мешке лежал Скраггер. У него не было ни рук, ни ног, ни глаз, ни языка, все четыре культи были залиты смолой.

– Добрейший вечерок, приятель! – Злобный, леденящий душу хохот By Квока докатился до них откуда-то из глубины ночи, и Струан вскочил на ноги.

Ему показалось, что хохот раздался со стороны сампанов.

– Что тебе нужно, исчадие ада? – крикнул в темноту Струан.

Гортанный голос быстро протараторил что-то по-китайски, и Фонг побледнел. Потом сдавленно крикнул что-то в ответ.

– Что он сказал?

– Он... By Квок говорит, я должен ходить... туда.

– Стой где стоишь, – приказал Струан. – Что тебе нужно, Квок? – прокричал он, вглядываясь в сампаны.

– Тебя живым! За Кимой, клянусь Богом! Будь ты проклят. Ты и твои проклятые фрегаты!

Темные фигуры отделились от сампанов и бросились вверх по холму, вооруженные копьями и абордажными саблями. Струан подождал, пока первый из пиратов будет хорошо виден, потом уложил его выстрелом из пистолета. Немедленно затрещали мушкеты притаившейся в засаде команды Струана. Раздались дикие вопли, и первая волна из двадцати-тридцати пиратов была уничтожена.

По тропинке наверх с криком устремилась новая толпа головорезов. Следующий мушкетный залп разнес их в клочья, но четыре пирата добрались до колодца. Струан зарубил одного, Фонг – другого, мушкетные пули прикончили остальных.

Вновь настала тишина.

– Чума на тебя, приятель!

– И на тебя, By Квок! – проревел в ответ Струан.

– Мой флот выходит против «Льва и Дракона»!

– Выбирайся из своей крысиной норы, становись со мной лицом к лицу, и я прикончу тебя сейчас. Мразь!

– Когда я тебя поймаю, ты умрешь точно так же, приятель. По конечности в неделю. Этот ублюдок прожил пять, шесть недель, но ты будешь умирать целый год, готов поклясться. Встретимся один на один через год, если не раньше! – Снова злобный смех, потом – молчание. Струан почувствовал искушение поджечь все сампаны, но он знал, что там сейчас сотни рыбаков, женщин и детей.

Он опустил глаза на вспоротый мешок.

– Ты понесешь его, Фонг. Возвращайтесь к лорке, ребята! – крикнул он своим людям в окружавшую его темноту.

Он прикрывал Фонга всю дорогу назад. Когда лорка достаточно отдалилась от берега. Струан обвязал мешок цепью, прочел над ним молитву и опустил в черную бездну. Он видел, как мешок исчез под водой, оставив после себя маленький кружок морской пены.

Струану очень хотелось рассказать Скраггеру о своем прощании с его сыновьями.

На Вампоа он передал их на руки капитану с письмами к агентам «Благородного Дома» в Лондоне, которых он сделал ответственными за мальчиков и их обучение.

– Ну что ж, удачи вам, ребятки. Когда приеду домой, я зайду навестить вас.

– Можно мне поговорить с вами, ваша милость, наедине? – спросил маленький Фред, стараясь не расплакаться.

– Конечно, дружок. Пойдем со мной. – Струан отвел его в каюту. Берт, евразиец,

забеспокоился, оставшись один, a By Пак изо всех сил вцепился в руку Берта.

– Я слушаю, Фред, – сказал Струан, когда они с мальчиком остались одни.

– Мой папа сказал, чтобы нам непременно дали правильное имя, раньше чем мы поплывем домой, ваша милость.

– Да, парень. Оно значится в ваших бумагах. Я говорил тебе об этом вчера вечером. Разве ты не помнишь?

– Прошу прощения, нет, ваша милость. Я забыл. Можно нам его снова узнать, пожалуйста?

– Ты Фредерик МакСтруан, – ответил он, потому что мальчишка ему понравился, а клановое имя было хорошим именем. – А Берт, он Берт Чен.

– О, – сказал малыш. – Да, теперь я вспомнил. Только почему мы разные? Я и мой братец?

– Ну, – ответил Струан, взъерошив ему волосы и вспомнив вдруг с пронзительной болью своих собственных сыновей, которых он потерял. – У вас ведь разные мамы, верно? Вот поэтому и имена разные.

– Да. Но мы же братцы, ваша милость, – сказал Фред, и глаза его наполнились слезами. – Прошу прощения, можно нам так, чтобы имя было одинаковое? Чен – очень хорошее, красивое имя. Фредерик Чен хорошо звучит, Тай-Пэн.

Поэтому Струан переписал документы, и капитан заверил его подпись.

– Вот, ребятки, теперь вы оба МакСтруаны. Альберт и Фредерик МакСтруаны.

И они заплакали от радости и прижались к нему, обняв своими ручонками.

Струан спустился вниз и постарался уснуть. Но сон бежал от него. Смерть Скраггера не шла у него из головы. Он знал, что это была излюбленная пытка By Фан Чоя, отца By Квока и деда By Пака. Жертве, назначенной к расчленению, давали три дня на то, чтобы выбрать, какая из конечностей будет отрублена первой. И на третью ночь к нему подсылали его друга, который тайно извещал его, что помощь близка и спасение рядом. Поэтому несчастный выбирал ту из рук или ног, без которой, как ему казалось, он смог бы обойтись лучше всего, пока не подоспеет помощь. Когда смола заживляла культю, беднягу заставляли выбирать еще одну конечность, снова обещая ему быструю помощь, которая так никогда и не приходила. Только очень сильные люди могли выжить, потеряв две конечности.

Струан встал с койки и поднялся на палубу. Ветер чуть-чуть посвежел, и пелена облаков стала толще: луна скрылась полностью. Волнение на море усилилось, но не настолько, чтобы представлять опасность для корабля.

– Завтра дождь, мистер Струан, – сказал Кьюдахи.

– Да, – ответил он. Струан устремил взгляд на восток, подставив лицо ветру. Он чувствовал, что море неотрывно следит за ним.

– Верховная госпожа, – сказала А Сам, будя Мэй-мэй легким прикосновением. – Катер Отца приближается.

– Лим Дин приготовил ему ванну?

– Да, Мать. Он поднялся наверх, чтобы приветствовать Отца.

– Ты можешь вернуться в постель, А Сам.

– Мне разбудить Вторую Мать? – Йин-си, свернувшись калачиком, спала в кровати у стены.

– Нет. Иди спать. Но сначала подай мне щетку и гребень и проследи, чтобы Лим Дин приготовил завтрак на случай, если Отец голоден.

Мэй-мэй на минуту опустилась назад на подушки, вспоминая то, что рассказал ей Гордон Чен. Этот грязный убийца, черепашье дерьмо! Подумать только! Он обвинил моего сына в связи с тайным обществом! Ему заплатили больше чем достаточно, чтобы он держал язык за зубами и умер тихо. Какой болван!

Она осторожно встала с постели. Первые несколько секунд ее ноги дрожали и подгибались. Потом она перестала качаться и встала прямо.

– О, – сказала она, – так гораздо лучше. – Она подошла к зеркалу и придирчиво себя рассмотрела: – Ты выглядишь как старуха, – упрекнула она свое отражение.

– Вовсе нет. И вы не должны вставать с постели, – проговорила Йин-си, садясь на своей кровати. – Позвольте мне расчесать ваши волосы. Отец вернулся? Я так рада, что вам лучше. Вы действительно выглядите очень хорошо.

– Спасибо, Сестра. Его катер как раз приближается – Мэй-мэй дала Йин-си расчесать ей волосы и заплести их в косу. – Спасибо, дорогая.

Она надушилась и вернулась в постель, чувствуя себя посвежевшей.

Дверь открылась, и в каюту на цыпочках вошел Струан.

– Что ты делаешь так поздно? Почему не спишь? – спросил он.

– Я хотела убедиться, что с тобой все хорошо. Твоя ванна готова. И завтрак тоже. Я очень рада, что ты вернулся целый и невредимый!

– Я, пожалуй, посплю несколько часов. Ты тоже ложись, девочка, и мы вместе позавтракаем, когда я проснусь. Я предупредил Лим Дина, чтобы он будил меня, только если возникнет что-то срочное.

Он коснулся ее губ легким поцелуем, немного смущаясь присутствием Йин-си, Мэй-мэй заметила это и улыбнулась про себя. Какие все-таки непостижимые люди эти варвары!

Струан чуть заметно кивнул Йин-си и вышел из каюты.

– Послушай, дорогая Сестра, – сказала Мэй-мэй, когда уверилась, что Струан не может ее слышать. – Вымойся в душистой воде и, когда Отец будет глубоко спать, заберись к нему в постель и будь с ним.

– Но, Верховная госпожа, я уверена, что Отец никак не показал своего желания взять меня к себе. Я наблюдала за ним очень внимательно. Если я приду незваной, я... он может очень рассердиться и прогнать меня, и тогда я сильно потеряю лицо перед вами и перед ним.

– Ты просто должна понять, что варвары очень отличаются от нас, Йин-си. У них нет понятия о «лице», как у нас, – совсем никакого. А теперь сделай так, как я скажу. Сейчас он примет ванну и пойдет спать. Подожди один час. Потом иди к нему. Если он проснется и прикажет тебе уйти, просто будь терпелива и скажи, – она перешла на английский, – «Верховная госпожа послала меня».

Йин-си повторила несколько раз незнакомые слова и запомнила их.

– Если это не поможет, возвращайся сюда, – продолжала Мэй-мэй. – Ты ни чуточки не потеряешь лица, я обещаю тебе. Не бойся. Я много знаю об Отце и о том, как он понимает «лицо». Мы ни в коем случае не можем допустить, чтобы он ходил в эти грязные бордели. Безобразник, вчера вечером он отправился прямиком в один из них.

– О, нет! – воскликнула Йин-си. – Мы ужасно потеряли лицо. О боги. Я, должно быть, внушаю Отцу отвращение. Наверное, вам лучше продать меня могильщику.

– Ха! – фыркнула Мэй-мэй. – Уж я бы показала ему, если бы была здорова. Не волнуйся, Йин-си. Он ведь даже еще не видел тебя. Говорю же тебе, он варвар. Это отвратительная манера ходить по притонам, когда здесь есть ты или даже А Сам.

– Я совершенно согласна. О, дурной человек!

– Они все дурные люди, дорогая, – сказала Мэй-мэй. – Я надеюсь, он так устал, что не прогонит тебя, как я ожидаю. Просто усни в его постели. С Отцом нам приходится все делать очень постепенно. Даже в его годы он еще очень стеснителен во всем, что касается любви.

– Он знает, что я не девственница? – Йин-си гладила голову Мэй-мэй.

– Он пока слишком молод, чтобы ему требовались девственницы для возбуждения желания, дорогая Сестра. И слишком стар, чтобы у него еще оставалось терпение заново обучать девственницу искусству любви. Просто скажи ему: «Верховная госпожа послала меня».

Йин-си еще раз повторила английские слова.

– Ты очень красива, Сестра. Ну, беги теперь. Подожди один час, потом иди к нему. – Мэй-мэй закрыла глаза и, довольная, блаженно расслабилась на постели.

Стоя рядом с кроватью, Йин-си широко открытыми глазами смотрела на Струана. Он глубоко спал; одна рука небрежно вытянулась поперек подушки. Окна были плотно занавешены, и свет раннего утра не проникал в каюту.

Йин-си сняла пижаму и осторожно скользнула под покрывало рядом со Струаном.

Теплота постели взволновала ее.

Она ждала, затаив дыхание, но он не проснулся. Она пододвинулась ближе, мягко положила ладонь на его вытянутую руку и опять замерла. Он по-прежнему не просыпался. Она придвинулась еще ближе, положила руку ему на грудь и оставила ее лежать там. И стала ждать.

Сквозь туманящий сон Струан чувствовал, что Мэй-мэй рядом с ним. Он вдыхал запах ее духов, ощущал теплоту ее тела, и душу его обнимал покой, потому что лихорадка осталась далеко в прошлом и она опять была здорова. Они лежали вместе, согретые солнцем, и он физически ощущал исходящую от нее силу и радость жизни. Он спросил, что подарить ей на день рождения, но она просто рассмеялась и тесно прижалась к нему под солнцем, которое было темным, необычным и нереальным, но все же прекрасным. Потом они изо всех сил приникли друг к другу, и он слушал ее счастливое щебетание, а в следующий миг они уже вместе плавали в море, и это показалось ему странным, потому что он знал, что она не умеет плавать, и он изумленно спрашивал себя, когда она успела научиться. Затем они нагие лежали рядом на пляже, соприкасаясь друг с другом всей длиной тела. Потом она начала дрожать, и его охватила паника, что у нее снова лихорадка, но тут появился монах в заскорузлой от крови рясе и с чашкой в руке, и лекарство прогнало лихорадку Мэй-мэй, а затем наступила тьма. Тучи сомкнулись над ними, и настала ночь среди дня, и Фонг кричал им из глубины волн: «Тайфун!» А потом они побежали прочь от этих туч и вместе оказались в постели, далеко от опасности.

Он шевельнулся во сне. Наполовину проснувшись, он ощутил прикосновение нежного тела; его ладонь заскользила по нему, накрыла ее грудь, и он почувствовал, как дрожь пробежала по ним обоим.

Он лежал в полутемной комнате на пороге пробуждения. Грудь под его рукой была мягкой, и он чувствовал ладонью набухший сосок Он открыл глаза.

Йин-си томно улыбнулась.

Струан рывком приподнялся на локте:

– Кровь господня, какого дьявола ты здесь делаешь? Йин-си непонимающе заморгала глазами:

– Верховная гаспажа пастлала миня.

– А? – Струан попытался обрести ясность мысли.

– Верховная гаспажа пастлала миня, Тай-Пэн.

– Что? Мэй-мэй? Мэй-мэй? Она что, с ума сошла? – Он показал рукой на дверь. – Ну-ка, давай. Йин-си покачала головой:

– Верховная гаспажа пастлала миня.

– Мне наплевать, даже если тебя послала королева Английская! Убирайся! Йин-си надула губы.

– Верховная гаспажа пастлала миня! – упрямо повторила она, потом решительно уткнулась головой в подушку и яростно посмотрела на него снизу вверх.

Струан расхохотался.

Йин-си ничего не понимала. О боги, Верховная госпожа была права. Варвары – поразительный народ Но я с этой кровати не уйду! Как он смеет ходить в бордель и заставлять меня терять лицо перед Тай-тай? Что я, в конце концов, старая ведьма, до

которой противно дотронуться? О нет, Тай-Пэн! Я никуда не уйду! Я очень красивая, и я Вторая Сестра и вторая госпожа в вашем доме, вот так-то!

– Клянусь всеми богами, – сказал Тай-Пэн, приходя в себя. – Я женюсь на Мэй-мэй, даже если это будет последнее, что я сделаю в своей жизни. И чума на них всех!

Он откинулся на спину и начал размышлять о том, что он и Мэй-мэй будут делать дома в Англии. Она станет кумиром Лондона… если только не будет надевать европейских нарядов. Вместе мы устроим английскому обществу хорошую встряску. Теперь я должен торопиться домой. Возможно, мне удастся самому сокрушить министра иностранных дел! Или блокировать Уэйлена. Да. Теперь ключ к Гонконгу находится в Лондоне. Итак – домой, и чем скорее, тем лучше.

Он повернул голову на подушке и посмотрел на Йин-си. Только сейчас он по-настоящему увидел ее. Она была очень желанна. Аромат ее духов был столь же изысканным и нежным, как и ее кожа.

– Ах, девочка, нельзя так искушать человека, – проговорил он.

Она придвинулась ближе к нему.

Глава 4

«Белая Ведьма» дотащилась в гавань перед самым полуднем. Клипер потерял фок-мачту, главную палубу покрывали обломки рей вперемешку со спутавшимся такелажем.

Корабль медленно двигался к своей стоянке, когда к его борту подошел катер Брока.

– Клянусь Господом, кто-то заплатит мне за это, – прорычал он, поднявшись на палубу. Глядя на порванную незарифленную парусину, запутавшуюся в фалах, он инстинктивно понял, что корабль нес слишком много парусов. – Что случилось?

– Добрый день, сэр, – сказал Майклмас, рослый и крепкий первый помощник со следами оспы на лице. – Я заменил мистера Горта. До тех пор, пока вы не решите насчет капитана. – В огромном кулаке он сжимал плеть. – В двух часах плавания от Макао мы угодили в шквал. Этот чертов шквал едва не перевернул нас кверху килем. Унес мачту и стащил с курса на пятьдесят лиг.

Брок сжал кулак и потряс им перед самым носом первого помощника.

– Ты что, не знаешь, как заранее разглядеть шквал в открытом мере? Не знаешь, что в это время года надо брать рифы на парусах?

– Знаю, мистер Брок, – без страха ответил Майклмас. – Но шквал-то налетел с подветренной стороны. Не ругайте меня за шквал, клянусь Богом!

Кулак Брока отбросил его к фальшборту, и Майклмас без сознания сполз на палубу.

– Пенниуорт! – проревел Брок второму помощнику, приземистому молодому силачу. – Ты назначаешься капитаном до дальнейших распоряжений. Выводи штормовые якоря. Погода портится к чертям. – Он увидел на юте Кулума. Моряки спешили убраться с его дороги, пока он пробирался через груды порванных снастей и поднимался по короткому трапу. Наконец его гигантская фигура выросла перед молодым Струаном.

– Доброе утро, мистер Брок. Я хотел бы...

– Где миссис Брок?

– Внизу, сэр. Мистер Майклмас был не виноват. И я хотел...

– Заткнись! – прорычал Брок и пренебрежительно повернулся к – нему спиной. Кулум вскипел при таком оскорблении: Брок никогда бы не повернулся спиной к Тай-Пэну.

– Корабль покидать запрещаю! – прокричал Брок. – Немедленно наведи здесь

порядок, Пенниуорт, или отправишься на берег следом за этим содомитом Майклмасом. Уберите его к чертям с моего клипера! – Он круто повернулся назад к Кулуму: – Скоро я с тобой поговорю!

– Я бы хотел поговорить прямо сейчас.

– Еще одно слово, прежде чем я буду готов, и я сотру тебя в порошок.

Кулум последовал за Броком вниз и пожалел, что рядом нет Тай-Пэна. О Боже, как я смогу справиться с этим человеком? И почему нам обязательно нужно было попасть в этот проклятый шквал?

Тесс стояла у двери своей каюты. Она робко улыбнулась и сделала книксен, но Брок прошел мимо, открыл дверь главной каюты и с треском захлопнул ее за собой.

– О, дорогой, да поможет нам Господь, – сквозь слезы сказала Тесс Кулуму.

– Не волнуйся. С нами все будет в порядке. – Кулум старался, чтобы голос его звучал ровно; ему отчаянно хотелось иметь под рукой пистолет. Он подошел к кофель-планке, выдернул из нее кофель-нагель и жестом показал Тесс, чтобы она вернулась в каюту. – Не тревожься. Он дал священную клятву. Он обещал.

– Давай убежим, пока еще есть возможность, – взмолилась она.

– Теперь бежать нельзя, дорогая. Не тревожься. Лучше все решить сейчас. Мы должны поговорить с ним.

– Стало быть, ты проворонила Тесс и позволила этому щенку одурачить тебя, а? – говорил Брок.

– Да. – Лиза пыталась сдержать охватившую ее панику. – Я приглядывала за ней, как положено, и я никогда не думала, что... но они сбежали, и это моя вина. Только они женаты, дружок, и мы ничего не...

– Это уж мне решать, клянусь Богом! Что произошло с Гортом?

Она рассказала ему все, что знала.

– Горт сам вызвал Дирка Струана, – повторила она. Ее сердце сжималось от страха. Не только за себя, но еще больше за Тесс и Кулума. И за мужа. Если Тайлер вот так выйдет против этого дьявола, он не жилец на этом свете. – Это все Горт, Тайлер. Он называл Тай-Пэна ужасными именами. И ударил его плетью. Прямо на глазах у всех ударил. Я говорила Горту подождать – приехать сюда и послушать, что ты скажешь, – но он ударил меня и ушел.

– Что?!

Она убрала волосы, открыв правое ухо. Оно раздулось и почернело, внутри запеклась кровь. – До сих пор болит так, что просто ужас – Она расстегнула блузку. На груди темнели огромные кровоподтеки. – Он сделал это. Твой сын. Он сущий дьявол, и ты сам это знаешь.

– Господи, Лиза. Если он... если бы я знал... тогда оно и к лучшему, что он умер. Но не от руки наемного бандита и не без почетного поединка, клянусь Богом.

С искаженным от гнева и боли лицом, он подставил кружку под бочонок с элем, и Лиза возблагодарила Бога за то, что у нее хватило предвидения сменить старый бочонок на свежий.

– Доктор уверен насчет женской болезни? У этого юного мерзавца?

– Болезни у него нет, и он не мерзавец. Он твой зять.

– Знаю. Будь он проклят!

– Тайлер, прости их. Я умоляю тебя. Он славный юноша и ужасно любит Тесс, и она так счастлива, и...

– Придержи язык! – Брок залпом проглотил пиво и со стуком поставил кружку на стол. – Это все дело рук Дирка. Я знаю. Мне назло! Сначала он задумал убить моего старшего сына, а потом отнял у меня радость выдать мою дочку замуж честь по чести. Будь он проклят! Даже это Струан отнял у меня! – Он запустил кружкой в перегородку. – Мы похороним Горта в море сегодня.

– Тайлер. милый, – начала Лиза. Она коснулась его руки. – Тайлер. милый, это

еще не все. Я должна сказать тебе что-то. Ты должен простить их... тебе есть что прощать. Нагрек...

– А?

– Горт рассказал мне, что ты и он сделали с Нагреком. Это ужасно, но он... он заслужил такой конец. Потому что он спал с Тесс. По-настоящему. Но Кулум не знает, кажется. И твоя дочь спасена от ужасной участи.

Мышцы вокруг пустой глазницы Брока начали бешено подергиваться:

– Что ты сказала?

– Это правда, Тайлер, – ответила Лиза, и ее боль прорвалась наружу. – По крайней мере, дай им шанс. Ты же поклялся перед Богом. И Бог помог нам с Тесс, дружок. Прости их. – Она обхватила голову руками и разрыдалась.

Губы Брока шевелились, но из них не вылетало ни звука. Он грузно поднялся на ноги, пересек коридор и в следующую секунду уже стоял перед Кулумом и Тесс.

Он увидел ужас в глазах Тесс. Это причинило ему боль и ожесточило его.

– Ты решила пойти против моего желания. Три месяца, я сказал. Но ты...

– О, Па... о, Па...

– Мистер Брок. Позвольте, я...

– Закрой рот. Скоро ты получишь слово! Но ты, Тесс, предпочла сбежать, как дешевая красотка. Очень хорошо. Попрощайся со своей матерью. Ты навсегда уйдешь из нашей жизни и отправишься на берег с мужем.

– О, Па, пожалуйста, выслушай.

– Отправляйся! Я хочу поговорить с ним.

– Я не уйду! – закричала Тесс в истерике. Она схватила кофель-нагель. – Ты не тронешь его. Я убью тебя!

Он выхватил кофель-нагель у нее из рук прежде, чем она даже успела сообразить, что он сделал какое-то движение.

– Вон, и на берег. – Брок видел себя словно в кошмарном сне. Он всем сердцем хотел простить, хотел, чтобы она обняла его, но какая-то черная, порочная тень его самого гнала его вперед, не давая остановиться, и он не мог ей противиться. – Вон, клянусь Богом!

– Все хорошо, дорогая, – сказал Кулум. – Иди и собирай вещи.

Двигаясь спиной вперед, она вышла из каюты и заторопилась прочь.

Брок пинком закрыл за ней дверь.

– Я поклялся дать тебе довольно места и спокойную гавань. Но это было, когда ты собирался жениться как положено.

– Выслушайте, мистер Брок...

– Нет, это ты послушай, клянусь Богом, а не то я раздавлю тебя, как клопа. – Из угла его рта спустилась ниточка слюны. – Я спросил тебя честно, как мужчина мужчину, устраивают ли тебя три месяца. Ты сказал, да. Но ты нарушил свое слово. Я же сказал: «Будь откровенен, парень».

Кулум промолчал. Он молился, чтобы у него достало сил, и понимал, что проиграл свой поединок с Броком. Но он еще попробует, клянусь Богом, он еще попробует...

– Нарушил или нет?

– Да.

– Тогда, думается мне, я свободен от своей клятвы.

– Могу я говорить теперь?

– Я не закончил. Но, даже хотя ты пошел обманным путем, вы женаты. Ты ответишь мне на один вопрос? Как перед Богом? Тогда мы будем квиты.

– Конечно. – Кулум хотел рассказать Броку о болезни, о публичном доме, о главной причине всего случившегося.

– Как перед Богом?

– Да. Мне нечего скрывать, и...

Брок оборвал его:

– Это твой отец подстроил все это? Подбросил тебе мысль о побеге? Зная, что этим взбесит Горта? Зная, чго это выведет Горта из себя настолько, что он публично вызовет его на дуэль, и твой отец сможет драться с ним по всем правилам? Ты ходил пьяным в бордель, не зная, где ты и с кем ты? Тебе не нужно отвечать. Это написано у тебя на лице.

– Да... но вы должны выслушать меня. Есть много...

– Ты получишь от меня свою безопасную гавань. Но я говорю тебе прямо: я объявляю войну твоему отцу. Я объявляю войну «Благородному Дому». Я не успокоюсь, пока не разорю его. Отныне твоя единственная гавань будет с «Броком и Сыновьями». Только там, Кулум трижды проклятый Струан! А до того дня ты для меня не существуешь. Ни ты, ни Тесс.

Он распахнул дверь.

– Вы не выслушали мою сторону! – крикнул Кулум. – Это нечестно!

– Не говори мне о честности, – ответил Брок. – Я спросил тебя прямо в глаза. Три месяца! Я сказал: «Будь откровенен, парень». Но ты все же нарушил свое слово. Для меня ты человек без чести, клянусь Богом!

Он ушел, а Кулум стоял и смотрел ему вслед, раздираемый болью и облегчением, стыдом и ненавистью.

– Вы несправедливы, – произнес он, и звук собственного голоса был ему мучителен.

Брок вышел на палубу; команда благоразумно держалась от него подальше.

– Пенниуорт!

Второй помощник отвернулся от матросов, разбиравших под его присмотром реи, порванные паруса и снасти, и, тяжело переставляя ноги, подошел к Броку.

– Разыщи Струана, – сказал Брок – Скажи ему, что я буду ждать его в Счастливой Долине На полпути между его причалом и моим. – Он вдруг замолчал, и его лицо искривила холодная усмешка. – Нет. На круглом холме в Счастливой Долине. Да. Его который был холм. Скажи ему, я буду ждать его на круглом холме в Счастливой Долине... как он хотел выйти против Горта. Понятно?

– Да, сэр. – Пенниуорт закусил губу. – Слушаюсь, сэр.

– И если ты шепнешь об этом кому-нибудь, кроме него, клянусь Господом Богом, я отрежу тебе все, что делает тебя мужчиной. – Брок начал спускаться по трапу.

– Кто будет заниматься наведением порядка на корабле, сэр?

– Ты. Ты – капитан «Белой Ведьмы». После того, как передашь мое послание.

Струан разглядывал Йин-си. Она лежала рядом и все еще спала. Он сравнил ее с Мэй-мэй. А Мэй-мэй – с другой китайской любовницей, которая была у него много лет назад. А потом всех их трех – с Рональдой, своей единственной женой. Такие разные. И вместе с тем во многом такие похожие. И он задумался, почему каждая из трех восточных женщин возбуждала его больше, чем Рональда, которая была его любовью – до тех пор, пока он не узнал Мэй-мэй. И он спросил себя, что такое любовь.

Он знал, что все китаянки имеют между собой много общего: невероятную шелковистость кожи, веселый нрав, преданность и такое неукротимое стремление наслаждаться всеми радостями земной жизни, какого он никогда и нигде до них не встречал. Но Мэй-мэй значительно превосходила остальных двух. Она была совершенна.

Он ласково коснулся Йин-си. Девушка пошевелилась, но не проснулась. Струан осторожно выскользнул из кровати и подошел к окнам, чтобы взглянуть на небо. Тучи сгустились. Он оделся и спустился вниз.

– Итак, – сказала Мэй-мэй. Она сидела на постели – воплощенная изысканность во всем.

– Итак, – сказал он.

– Где моя Сестра?

– «Верховная гаспажа пастлала миня».

– Ха! – воскликнула Мэй-мэй, тряхнув головой. – Ты просто сладострастная ипокритность и ты больше не обожаешь свою старую Мать.

– Это правда, – поддразнил ее Струан. Она казалась ему прекрасней, чем когда-либо, и осунувшееся после болезни лицо нисколько ее не портило. – Думаю, я теперь соберу твои вещи и выгоню тебя из дома!

– Ай-й-йа! Попробуй, увидишь, как мне все равно! Он рассмеялся и поднял ее на руки.

– Осторожнее, Тай-Пэн. Тебе понравилась Йин-си? Я так рада, что понравилась. Я сама вижу.

– Как бы тебе понравилось быть Тай-тай?

– Что?

– Ну, если это тебя не интересует, мы не будем больше об этом говорить.

– О, нет, Тай-Пэн! Ты хочешь сказать, Тай-тай? Настоящей Тай-тай, согласно обычаю? О, ты не дразнишь меня? Пожалуйста, не дразни меня такой важной вещью.

– Я не дразню тебя, Мэй-мэй. – Он сел на стул с нею на руках. – Мы едем в Англию. Вместе. Мы отправимся с первым же свободным клипером и поженимся по пути домой. Через несколько месяцев.

– О, чудесно. – Она обняла его. – Отпусти меня на минутку.

Он разжал руки, и она, слегка пошатываясь, подошла к кровати.

– Вот видишь, я почти снова здорова.

– Давай-ка ложись в постель, – сказал он.

– Ты правду говоришь о женитьбе? По твоим обычаям? И по моим?

– Да. И по тем, и по другим, если хочешь Она грациозно опустилась перед ним на колени и коснулась лбом ковра.

– Клянусь, я буду достойна того, чтобы стать твоей Тай-тай.

Он быстро поднял ее с ковра и уложил на кровать.

– Не надо этого, девочка.

– Я низко кланяюсь тебе, потому что ты дал мне самое огромное фантастически великое лицо на земле. – Она снова обняла его, затем отстранила немного и рассмеялась. Как тебе понравился подарок ко дню рождения, хейа? Ты поэтому женишься на своей бедной старой Матери?

– Нет и да. Просто у меня вдруг возникла такая мысль.

– Она красивая. Она мне очень благословенно нравится. Я рада, что и тебе она понравилась.

– Где ты нашла ее?

– Она была наложницей в доме мандарина, который умер шесть лет назад. Я говорила тебе, что ей восемнадцать? Для – его дома настали трудные времена, поэтому Тай-тай обратилась к брачному посреднику, чтобы он подыскал ей хорошего мужа. Я услышала о ней и побеседовала с ней.

– Когда? В Макао?

– Нет, что ты. Два, три месяца назад. – Мэй-мэй теснее прильнула к нему. – Я говорила с ней в Кантоне. Тай-тай Дзин-куа рассказала мне о ней. Когда я стала с ребенком, я подумала: «Ага, очень хорошо» и послала за ней. Потому что мой мужчина очень сластолюбец и вместо оставаться дома пойдет, может, в бордель. Ты обещаешь не ходить, но вчера ночью ты ходить в бордель. Грязные черепашьи лепешки!

– Я ходил туда не к девушкам. Просто повидал Аристотеля.

– Ха! – Мэй-мэй погрозила ему пальцем. – Это ты так говоришь. Я против шлюх ничего не имею, но только не таких О, ладно, хорошо, на этот раз я тебе верю.

– Благодарю покорно.

– Йин-си особенно красивая, поэтому и борделей не надо. О, я так счастлива. Она прекрасно поет, и играет на многих инструментах, и хорошо шьет, и очень быстро учится. Я буду учить ее по-английски Она поедет с нами в Англию. И А Сам, и Лим Дин. – Мэй-мэй слегка нахмурилась: – Но мы будем приезжать домой в Китай? Очень часто?

– Да. Может быть.

– Хорошо. Конечно, мы будем приезжать. – Снова безмятежная улыбка. – Йин-си очень хорошо воспитана. С ней хорошо в постели?

Глаза Струана весело прищурились:

– Я не занимался с ней любовью, если ты спрашиваешь об этом.

– Что?

– Я люблю сам выбирать, кого мне брать в постель и когда.

– Она в твоей постели, а ты не делаешь любовь?

– Да.

– Клянусь Богом, Тай-Пэн. Я тебя никогда не понимаю. Ты не желаешь ее? Нет?

– Конечно, да. Но я решил, что сегодня для этого не время. Вечером, может быть. Или завтра. Когда я решу. Не раньше. Но я ценю твою заботливость.

– Клянусь Богом, ты особенный. Или, может быть, ты просто растратил все силы с грязной шлюхой, и у тебя ничего не получилось. А?

– Не болтай глупостей. – Раздался стук в дверь. – Да?

Вошел Лим Дин.

– Тай-Пэн, масса здесь. Видеть Тай-Пэн. Мозна?

– Масса какой?

– Масса Пенниуорт.

Глава 5

Сидя в тени недостроенной, без крыши церкви, Брок смотрел, как Струан поднимается по тропинке, которая вела на вершину холма. Он увидел в его руке сложенный боевой цеп и на мгновение почувствовал легкую дурноту. И, однако, он был рад, что наконец-то время окончательного сведения всех счетов пришло.

Он поправил ремень своего цепа, встал и вышел на открытое пространство. В левой руке он сжимал нож.

Струан заметил Брока в тот момент, когда тот вышел из-под прикрытия церкви, и сразу же все, что он собирался сказать и сделать, вылетело у него из головы. Он замер на тропинке. Сейчас он помнил только одно: перед ним враг, которого он должен уничтожить. Сделав над собой усилие, Струан прогнал наваждение и продолжил путь наверх, чувствуя, как его мышцы подергиваются от желания начать. Наконец оба мужчины встали друг против друга.

– Ты подстроил побег и дуэль, так? – прорычал Брок.

– Да. – Струан отпустил сложенный цеп, и он с противным звяканьем повис на его руке на всю длину. Ему опять пришлось напрячься, чтобы вспомнить то, что он решил сказать.

Брок сжал рукоятку своего боевого цепа, сделал небольшой шаг вперед и приготовился.

Струан остался неподвижен, шевельнулись лишь глаза, следившие за противником.

– Мне жаль, что Горт умер так, как умер, – сказал он. – Мне бы доставило удовольствие убить его своей рукой.

Брок ничего не ответил. Но незаметно перенес вес тела на другую ногу. Восточный ветер теребил его спутавшиеся волосы.

В левой руке Струана появился кинжал, и он слегка присел.

– У Тесс теперь женская болезнь.

Брок остановился, как вкопанный.

– Неправда. Доктор определил, что у Кулума все чисто.

– Доктора можно купить, – хрипло отрезан Струан, чувствуя, как его охватывает жажда крови. – Ее заразили намеренно!

– Ах, ты... – Брок бешено взмахнул цепом и ринулся на Струана. Тяжелый металлический шар, усеянный острыми шипами, просвистел в дюйме от глаз шотландца. Струан выпрямился и ударил цепом сверху, но Брок отскочил в сторону, и они начали кружить друг около друга, как два хищных зверя.

– Горт заразил! Вот чего хотел Горт! – выкрикнул Струан. Ему хотелось скорее покончить с разговорами. – Ты слышишь? Все это дело рук Горта!

У Брока тяжело стучало в висках. Он не мог ни о чем думать, видя перед собой только врага, на которого он должен напасть и убить.

Снова вспыхнула короткая яростная схватка, и опять они попытались достать друг друга цепами. Брок парировал удар кинжалом. Струан увернулся от ответного выпада, отскочил на безопасное расстояние и понял, что еще немного, и он потеряет контроль над собой. – Горт специально заразил их женской болезнью!

– Ты лжешь, будь ты проклят! – Брок медленно двинулся по кругу, не сводя взгляда со Струана.

– Горт опоил Кулума. Подсыпал ему афродизиак. Горт заплатил хозяйке притона, чтобы Кулума положили с больной женщиной. Он хотел заразить Кулума! Все это твой проклятый сын. Ты слышишь?

– Лжец!

– Но по милости Божьей Кулум не заразился – я сказал это только затем, чтобы ты понял, почему я хотел убить Горта. Кулум здоров. И Тесс тоже.

– Что?

– Да. Это правда. И Бог мне свидетель.

– Дьявол! Богохульник! Ты лжешь перед Богом!

Струан сделал ложный выпад, Брок отскочил назад и угрожающе поднял цеп. Но Струан не стал наносить удар. Он вошел в открытую дверь недостроенной церкви и встал перед алтарем.

– Перед лицом Господа клянусь, что все это правда!

Он повернулся, и в этот миг самообладание изменило ему. Все звуки словно провалились куда-то, в мире не осталось ничего, кроме Брока и безумной жажды убийства. Он двинулся по проходу к двери – медленно, очень медленно.

– Горт насмерть замучил проститутку в Макао и еще одну здесь, на Гонконге, – прошипел он. – Вот тебе другая правда. Его крови нет на моих руках, но твоя будет.

Брок отступил с порога, ни на секунду не сводя горящего взгляда с лица Струана. Ветер упал, и он знал, что это странно, необычайно странно. Но не стал обращать внимания.

– Тогда... тогда у тебя были основания, – тяжело выговорил Брок. – Я... беру назад свои слова. У тебя была причина, клянусь Богом. – Теперь он был снаружи перед церковью. Здесь он остановился, словно загнанный зверь. – Я беру назад все, что говорил по поводу Горта. Но это ничего не решает между тобой и мной. – Ярость на Горта, на Струана, на безвозвратно ушедшие годы обожгла его, словно огнем, и он понял, что теперь должен только драться, бить и убивать. Чтобы остаться в живых.

Внезапно его щеки коснулось дуновение нового ветра.

В одно мгновение голова его прояснилась. Он повернулся и, прищурившись, посмотрел на материк.

Неожиданность этого движения застала Струана врасплох, и он замер в нерешительности.

– Ветер переменился, – прохрипел Брок.

– А? – Струан постарался сосредоточиться и шагнул назад, не доверяя ему.

Теперь они оба смотрели в сторону Большого Китая, напряженно прислушиваясь, пробуя ветер.

Он дул с севера.

Слабо, но безошибочно.

– Может быть, шквал, – произнес Брок, и звук собственного голоса резанул его, как нож; сердце бешено колотилось в груди, вся сила ушла из его тела.

– Только не с севера! – возразил Струан, чувствуя себя столь же опустошенным. О Господи, на миг я превратился в зверя. Не переменись так внезапно ветер...

– Тайфун!

Они посмотрели на гавань. Джонки и сампаны торопились к берегу.

– Да, – кивнул Струан. – Но это была правда. Про Горта.

Брок почувствовал вкус желчи во рту и сплюнул.

– Я прошу извинения за Горта. Да. Он сам во всем виноват, он мертв, и покончим на этом. – Где я совершил ошибку, где потерял его, спрашивал он себя. Где? – Что сделано, то сделано. Я сказал тебе все, что хотел сказать еще тогда, в поселении. Да, я был неправ, вызвав тебя сегодня, но я все сказал тебе тогда в Кантоне, и я не отрекаюсь от своих слов. Я не переменюсь, пока не переменишься ты. Но в тот день, когда ты выйдешь против меня с кошкой в руке, между нами все решится до конца. Ты сам выберешь этот день, как я и сказал тогда. Ты согласен?

Струан ощущал странную легкость в голове.

– Согласен. – Он отступил на шаг, снял с руки боевой цеп и вложил нож в ножны, недоверчиво следя за Броком. Брок тоже убрал свое оружие.

– И ты простишь Кулума и Тесс?

– Между ними и мной все сказано: для меня они все равно как умерли. До тех пор, пока Кулум не будет частью «Брока и Сыновей», а «Брок и Сыновья» не станут «Благородным Домом» и я – Тай-Пэном «Благородного Дома».

Струан уронил свой цеп на землю, и Брок сделал то же самое. Они оба быстрым шагом покинули холм, спускаясь по разным тропинкам.

Глава 6

Весь тот день северный ветер набирал силу. К наступлению ночи Куинз Таун приготовился к урагану, как только мог. Окна закрыли ставнями, двери забаррикадировали, а те, кто предусмотрительно вырыли в своих домах подвалы, благословляли свой йосс. Все, кто ютились во временных или передвижных жилищах, искали убежища в более прочных постройках. Но прочных зданий было мало – за исключением тех, что стояли в Счастливой Долине. А очень немногие были готовы пойти на риск отравиться ночными газами, даже хотя все уже прочли в сегодняшнем выпуске «Ориэнтл Тайме» о том, что найдено лекарство, которое излечивает малярию. Ибо сегодня хинную кору достать было невозможно.

Все люки на кораблях были задраены, и все имевшиеся якоря были глубоко посажены в морское дно. Корабли развели как можно дальше друг от друга, давая им максимальное пространство для раскачивания, когда ветер неожиданно упадет или сменит направление.

Но находились и такие, которые говорили, что, поскольку ветер все время дует с севера, он никак не может предвещать тайфун. Никто никогда не слышал, чтобы тайфун приходил только с севера. При тайфуне ветер налетал шквалами и постоянно менял направление.

Даже Струан склонялся к тому, чтобы разделить это мнение. Никогда еще барометр не стоял так высоко. А тайфун без падения барометра был делом немыслимым.

Ночью с низкого серого неба стал накрапывать моросящий дождь, принесший облегчение от жары.

Струан тщательно взвесил все грозящие им опасности. Будь он один, он вышел бы в море на «Китайском Облаке» и держал курс прямо на юг, пока ветер не ослабеет или не поменяет направление. Затем он выбрал бы самый безопасный путь и вырвался из тайфуна. Но некий инстинкт, который он не мог понять или объяснить, подсказывал ему, что в данной ситуации это было бы слишком рискованно. Поэтому он перевез Мэй-мэй, Йин-си, А Сам и Лим Дина в огромную покинутую факторию «Благородного Дома» в Счастливой Долине и разместил их в своих апартаментах на третьем этаже. Он рассчитывал, что дождь и ветер развеют ядовитые ночные испарения. Мэй-мэй будет в большей безопасности под защитой кирпича и камня, чем в открытом море или в погребе, а только это и имело значение.

Кулум поблагодарил Струана за предложенное им в фактории место, но сказал, что они с Тесс предпочитают переждать ураган в конторе начальника гавани. Контора помещалась в приземистом сооружении из гранитных камней, и Глессинг отвел Кулуму и Тесс часть жилого помещения, устроенного тут же.

Струан рассказал им о том, что произошло на холме, и что с Броком был заключен пусть шаткий, но мир. И весь день, занимаясь приготовлениями к тайфуну, который мог и не прийти, он размышлял о человеческой жестокости.

– В чем дело, Муж мой? – спросила его Мэй-мэй.

– Не знаю. Брок, я сам, тайфун – не знаю. Может, облака висят слишком низко. Давят.

– Я скажу тебе, в чем дело. Ты слишком много думаешь о том, что случилось – даже хуже: ты переживаешь из-за того, что могло бы случиться. Ха! Это глупость! Будь китайцем! Я приказываю тебе! Прошлое есть прошлое. С Броком заключен мир! Не трать время, скучая по комнате, как курица, которая никак не может снести яйцо. Поешь чего-нибудь, выпей чаю и сделай любовь с Йин-си.

Она рассмеялась и подозвала к себе Вторую Сестру, которая торопливо просеменила через огромную спальню, села на кровать и взяла ее за руку.

– Посмотри на нее, клянусь Богом! О, я уже давала ей хорошие наставления.

Он усмехнулся, и ему стало легче.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно сказала Мэй-мэй. – Я думаю о тебе все время, ладно. Йин-си живет в соседней комнате одна. Она преданно ждет всю ночь.

– Прекрати болтать глупости. – Он весело хмыкнул, а Мэй-мэй что-то быстро протараторила Йин-си по-китайски. Йин-си выслушала ее с огромным вниманием, потом восторженно захлопала в ладоши, лучезарно улыбнулась Струану и выскочила за дверь.

– Что ты ей сказала, Мэй-мэй? – подозрительно спросил он.

– Я рассказала ей, как ты делаешь любовь. И как делать тебя фантастически возбужденным. И не пугаться, когда ты вскрикиваешь в конце.

– Дьявол тебя забери! Имею я право хоть на какие-то личные секреты?

– Тай-тай знает, что лучше всего для ее вспыльчивого мальчика. Йин-си ждет тебя сейчас.

– Что?

– Йин-си. Я сказала ей приготовиться. Любовь по вечерам приятна, ладно. Ты разве забыл? Струан крякнул и направился к двери.

– Премного благодарен, но я занят.

Он спустился вниз и вдруг поймал себя на мысли, что настроение у него значительно поднялось. Да. Конечно это было глупо, так переживать из-за того, что

осталось в прошлом. И он в который раз возблагодарил свой йосс за то, что у него есть Мэй-мэй.

Брок распорядился, чтобы сломанную переднюю мачту «Белой Ведьмы» разобрали на стеньги и привязали их вдоль борта для безопасности. Команда рассортировала поломанные реи, распутала спутанный такелаж и задраила все люки. Он приказал отдать три якоря на носу и укрепил сзади парусиновый штормовой якорь, чтобы в любое время удерживать клипер носом к ветру.

Весь день он чувствовал себя вялым. Голова и грудь болели, и он знал, что ночью его будут мучить кошмары. Он очень хотел напиться до бесчувствия, уйти от себя. Но понимал, что всем им грозит смертельная опасность. Он в последний раз обошел с фонарем мокрую от дождя палубу, потом спустился вниз, проведать Лизу и Лиллибет.

– Вот твой чай, милый, – сказала Лиза. – Тебе лучше сразу переодеться в сухое. Я все приготовила. – Она показала на койку, где было разложено белье, и на сюртук, брюки, морскую шляпу и сапоги.

– Спасибо, милая. – Он сел к столу и выпил свой чай.

– Па, – спросила Лиллибет, – ты поиграешь со мной? – И когда Брок не ответил, потому что не слышал ее, она подергала его за мокрый рукав. – Па, пожалуйста поиграй со мной.

– Не мешай отцу, – сказала Лиза. – Я поиграю с тобой.

Она отвела Лиллибет в соседнюю каюту и стала читать молитву, благодаря Бога за то, что между ее мужем и Струаном установился мир. Брок рассказал ей обо всем, и целый день ее переполняло чувство благодарности к Всевышнему, услышавшему ее молитвы. Тот ветер был чудом, настоящим чудом, говорила она себе. Теперь все, что нужно, это терпение. Пройдет время, и Тайлер даст Тесс свое благословение.

Лиза попросила Господа защитить Тесс и Кулума, и корабль, и всех их, потом села и начала играть с Лиллибет в крестики-нолики.

Днем гроб с телом Горта погрузили на катер. Лиза и Брок вышли на нем на глубокую воду, и Брок прочитал заупокойную молитву. Когда он закончил, он проклял своего сына и столкнул гроб в морскую пучину. Они вернулись на «Белую Ведьму», и Брок ушел в свою каюту, запер дверь и заплакал по своему сыну и по своей дочери. Он заплакал в первый раз с тех пор, как стал мужчиной, и радость жизни ушла из него.

Всю ночь ветер и дождь постепенно усиливались. К рассвету дождь превратился в ливень, но не чрезмерный; волнение на море стало сильным, но не угрожающим.

Брок спал, не снимая одежды, и на палубу вышел с покрасневшими глазами. Он проверил барометр: ртутный столб упрямо показывал все те же 29, 8 дюйма. Он постучал по стеклу согнутым пальцем, но показания прибора не изменились.

– Доброе утро, сэр, – приветствовал его Пенниуорт. Брок равнодушно кивнул.

– Я думаю, это просто буря, – сказал Пенниуорт, встревоженный отрешенным видом хозяина.

Брок пристально всмотрелся в море и в небо. Одеяло облаков повисло в каких-нибудь трех-четырех сотнях футов над головой и скрыло вершины гор острова и Пик, но в этом тоже не было ничего необычного.

Брок заставил себя пройти на нос и проверить якорные канаты. Они прочно удерживали корабль: три якоря и три троса толщиной с бедро взрослого человека. Достаточно, чтобы выдержать любой шторм, подумал он. Но это не доставило ему удовольствия. Он не почувствовал ничего.

«Китайское Облако», аккуратный и отдраенный до блеска, мягко покачивался на своей стоянке, его вахта сбилась в кучку на подветренной стороне квартердека. Все остальные корабли тоже стояли спокойно, среди них выделялась громада флагмана.

Несколько запоздавших сампанов и джонок искали, куда бы приткнуться у плавучей деревни, прилепившейся к подветренному берегу крошечного залива рядом с Глессинг Пойнтом.

Брок спустился вниз, и Пенниуорт вместе с остальными вахтенными офицерами и матросами вздохнул, проводив его взглядом.

– Он постарел со вчерашнего дня, – покачал головой Пенниуорт. – И выглядит так, словно умирает стоя на ногах.

При свете хмурого утра Струан осматривал грубо сколоченные ставни второго этажа. Он спустился вниз, на первый этаж, и проверил там остальные окна. Взглянул на барометр: 29, 8 дюйма, и не падает.

– Черт побери! – вырвалось у него, и громкое эхо его голоса запрыгало по всему зданию. – Либо начинай падать, либо прекращай этот растреклятый потоп и давай покончим со всем этим.

– Что там, Тай-Пэн? – крикнула Мэй-мэй с лестничной площадки наверху. Она выглядела миниатюрной и очаровательной.

– Ничего, девочка. Возвращайся в кровать. Мэй-мэй слушала шум дождя и жалела, что она не в Макао, где перестук дождевых капель по крыше звучал так приятно.

– Этот дождь мне не нравится, – сказала она. – Надеюсь, с нашими детьми все хорошо. Я очень скучаю по ним.

– Да. Возвращайся в постель, будь умницей. Я выйду ненадолго.

Она весело помахала ему рукой:

– Смотри, будь осторожен.

Струан надел морской сюртук из толстой плотной ткани и вышел.

Теперь дождь падал косо. Он не усилился за последний час. Скорее даже, подумал Струан, он, как будто, стихает понемногу. Тучи висели совсем низко. Струан посмотрел на «Китайское Облако». С моим красавцем все в порядке, удовлетворенно отметил он про себя.

Он вернулся в факторию и еще раз взглянул на барометр. Никаких перемен.

Он как можно плотнее позавтракал и приготовился выйти снова.

– Туда! Сюда! Почему ты такой нетерпеливый? Куда ты теперь идешь, хейа? – спросила Мэй-мэй.

– К начальнику гавани. Хочу убедиться, что у Кулума все хорошо. Ни в коем случае не выходи из здания и не открывай ни окон, ни дверей. Это приказ, Верховная ты там госпожа Тай-тай или не Верховная госпожа Тай-тай.

– Да, Муж мой. – Мэй-мэй поцеловала его.

Куинз Роуд превратилась в грязное месиво и была почти пуста. Но ветер и дождь взбодрили его: это было лучше, чем сидеть взаперти в фактории. Все равно что весна на северо-востоке Англии, подумал он, хотя нет, там, пожалуй, дождит посильнее.

Он вошел в контору начальника гавани и стряхнул с себя дождевые капли.

Глессинг встал из-за своего рабочего стола.

– Доброе утро. Странный какой-то шторм, вам не кажется? Чашку чая? – Он показал рукой на кресло: – Вы, наверное, ищете Кулума и миссис Струан. Они ушли к утренней службе.

– А?

– Вернутся с минуты на минуту. Сегодня воскресенье.

– О, я совсем забыл.

Глессинг налил им чаю из огромного чайника, который поставил потом на жаровню. Комната была большая, повсюду в глаза бросались рулоны карт. Сквозь потолок, сложенный из тяжелых бревен, поднималась мачта, рядом с ней был устроен люк. Сигнальные флажки лежали ровными стопками, мушкеты стояли в

козлах, и вся комната выглядела чистой и аккуратной.

– Что вы думаете об этом шторме?

– Если это тайфун, то мы стоим прямо на его пути. Это единственный ответ. Если ветер не упадет или не переменится, значит его центр – или, как говорят, «око» – пройдет прямо через нас.

– Да поможет нам Бог, если вы правы.

– Да уж.

– Однажды я попал в тайфун, недалеко от Формозы. Никогда бы не хотел вновь очутиться в таком море, а ведь мы были далеко от «ока». Если такая штука вообще существует.

Порыв тяжелого от дождя ветра загремел штормовыми ставнями. Они посмотрели на указатель направления. Он все так же неизменно показывал на север.

Глессинг поставил свою чашку на стол.

– Я в долгу перед вами, мистер Струан. Позавчера я получил от Мэри письмо. Она рассказала мне, как вы были добры к ней – вы и Кулум. Особенно вы. Судя по письму, ей уже гораздо лучше.

– Я навестил ее перед самым отъездом. Она действительно выглядит сейчас в десять раз лучше, чем когда я увидел ее в первый день.

– Она пишет, что ее отпустят через два месяца. И что вы сказали Паписту, будто возьмете на себя ответственность за нее. Это, разумеется, теперь моя обязанность.

– Как вам угодно. Это была всего лишь формальность. – Струан спросил себя, как поступит Глессинг, когда узнает правду о Мэри. А он ее обязательно узнает. Как только Мэй-мэй может думать иначе?

– Врач сказал, что с ней случилось?

– Желудочное расстройство.

– Вот и она так написала. Еще раз – спасибо. – Глессинг передвинул карту, разложенную на столе, и смахнул с полированного тика лужицу пролитого чая. – Кулум как-то рассказал мне, что мальчишкой вы служили на королевском флоте. У Трафальгара. Надеюсь, вы извините мое любопытство, но мой отец тоже имел честь участвовать в этом сражении. Я спрашивал себя, на каком вы служили корабле. Он был флаг-адъютантом при адмирале лорде Коллингвуде на...

– На «Королевском Суверене», – договорил за него Струан. – Да. Я был на борту.

– Клянусь Юпитером! – только и смог произнести Глессинг.

Струан нарочно держал это в секрете от Глессинга, всегда зная, что на руках у него есть лишний туз на случай, если ему понадобится перетянуть капитана на свою сторону.

– Да. Конечно, я не помню вашего отца. – Я-то был всего лишь «пороховой мартышкой» и к тому же перепугался до безумия. Но адмирал там был, и я служил на «Королевском Суверене».

– Клянусь Юпитером, – повторил Глессинг. Однажды, еще мальчиком, он видел этот стодесятипушечный линейный корабль на Спитхедском смотре[32].

– Корабельная команда из восьмисот тридцати шести человек и будущий Тай-Пэн «Благородного Дома». Не удивительно, что мы победили, клянусь Богом.

– Благодарю вас, – сказал Струан. – Только я мало какое отношение имел к сражению.

– Клянусь честью, Тай-Пэн – вы позволите вас так называть? – я думаю, это замечательно. Я очень рад. В самом деле. Честное слово! Раньше ненавидел вас

---

[32] Спитхедский смотр – торжественный смотр судов военно-морского флота на якорной стоянке Спитхед в районе Портсмута.

всей душой, как вы знаете. Теперь уже нет. Я по-прежнему считаю, что принял верное решение в сражении у Чуэн-пи, но сейчас я понимаю, что этот проклятый тупоголовый недоносок Лонгстафф, чтобы его разорвало, был прав, когда сказал, что будь я на вашем месте, а вы – на моем, наше отношение к этому не изменилось бы.

– За что это вы так взъелись на Лонгстаффа?

Лицо Глессинга сразу утратило мягкость.

– Этот чертов ублюдок набрался наглости вмешиваться в дела королевского флота! Он «предложил» адмиралу отослать меня домой! Благодарение Богу, адмирал сам офицер королевского флота, а этого мерзавца выкинули к чертям! И раз уж мы заговорили об идиотах – я уверен, вы читали вчерашнюю газету. Это безмозглое ничтожество Каннингтон! Как он смеет утверждать, что Гонконг – лишь Богом забытая скала, на которой всех домов раз-два и обчелся? Абсолютный нахал, черт бы его побрал! Лучшая гавань на свете! Как он смеет утверждать, что мы ничего не понимаем в морском деле?

Струан вспомнил первый день – Господи, неужели это было всего шесть с небольшим месяцев назад? – и понял, что не ошибся тогда.

Глессинг может пойти ко дну вместе с Гонконгом, но не отступится и будет драться насмерть, чтобы защитить свой Глессинг Пойнт.

– Может быть, новый посланник, Уэйлен, согласится с Каннингтоном?

– Нет, если это хоть в чем-то будет зависеть от меня. Или от адмирала. Его едва удар не хватил, когда он узнал об этом. Оно и понятно. Вы посмотрите на наш флот. Ему тут так уютно и спокойно, как в Портсмутской гавани. Где бы, спрашивается, мы были без Гонконга в день вроде сегодняшнего? Господи милостивый! Да я был бы напуган до смерти, стой я сейчас на якоре в Макао. Без Гонконга нам не обойтись, тут и говорить нечего. Даже этот идиот генерал в кои-то веки прозрел и абсолютно с нами согласен, – и Глессинг продолжал громогласно возмущаться, проклиная Каннингтона и Лонгстаффа к большому удовольствию Струана.

Дверь распахнулась, и влажный ветер зашелестел картами. Вошли Кулум и Тесс. Несмотря на непогоду, настроение у юной четы было прекрасное.

– О, привет, Тай-Пэн, – сказал Кулум, увидев отца – Нельзя ли нам чаю, Глессинг, старина? Мы вознесли молитву в твою честь!

– Спасибо. – Глессинг показал на чугунный чайник, стоявший на жаровне. – Наливайте сами.

Тесс сделала книксен Струану и сняла насквозь промокший плащ.

– Доброе утро, Тай-Пэн.

– Вы сегодня очаровательны, миссис Струан, – сказал он.

Она вспыхнула и, отвернувшись, занялась разливанием чая.

– Вид у вас обоих как будто счастливый, – заметил Струан.

– Так и есть, – ответил Кулум. – Мы принесли нашу благодарность Господу. И за то, что он послал новый ветер, тоже.

– Ты не хочешь передумать, парень? Перейти в резиденцию?

– Нет, спасибо. Здесь мы в безопасности.

Струан обратил внимание на маленькую серебряную коробочку, богато украшенную драгоценными камнями, которая позвякивала на цепочке для часов у пояса Кулума.

– Что это, Кулум?

– Подарок на память. Я получил его от Тесс. – В маленькой коробочке лежали теперь двадцать соверенов Брока, и Кулум опять чувствовал себя виноватым, ибо он так и не сказал Тесс о том, что это за деньги. Он положил их в коробочку, когда они с Тесс вчера переезжали на берег с «Белой Ведьмы», как напоминание ему о Тайлере Броке, о том, что Брок поступил несправедливо, не дав ему оправдаться.

– Эта вещица принадлежала моей бабушке. Небогатый, конечно, свадебный

подарок, – сказала Тесс Струану. – Но раз нет ни приданого, ни всего остального... нищим выбирать не приходится.

– На этот счет не беспокойся, девочка. Ты теперь часть «Благородного Дома». Когда вы переезжаете в ваш дом?

– Через три недели, – одновременно ответили Тесс и Кулум и рассмеялись, вновь почувствовав себя счастливыми.

– Хорошо. Мы непременно отметим этот день. Ну что же, до встречи!

– Вы только посмотрите на этого сумасшедшего, Тай-Пэн! – воскликнул Глессинг. Стоя у окна, он рассматривал в подзорную трубу лорку, которая под зарифленными парусами быстро продвигалась к гавани восточным проливом.

– Какого дьявола он там делает? Сегодня не подходящий день для морских прогулок.

– С вашего позволения, мистер Струан, я дам ему сигнал швартоваться у вашего причала в Счастливой Долине. Ему будет трудно бросить якорь на рейде. А ваш причал пуст.

– Да, с удовольствием. Что это за судно?

– Лорка королевского флота. Идет под вымпелом помощника капитан-суперинтенданта. – Глессинг одним резким движением сложил трубу. – Ее капитану, вышедшему из Макао в такую погоду, нужно проверить голову у врача. Или у мистера Монсея появилось чертовски срочное дело. Что вы думаете на этот счет?

Струан усмехнулся:

– Я не ясновидящий, и хрустального шара у меня нет, капитан Глессинг.

Глессинг отдал необходимые распоряжения матросу, который споро привязал сигнальные флажки к фалу. Он открыл люк в потолке, и на них стали попадать брызги дождя, пока флажки поднимали на мачту.

– Где Лонгстафф? – спросил Струан.

– На флагмане, – ответил Глессинг. – Признаться, и я чувствовал бы себя спокойнее на плаву.

– А я нет, – заметил Кулум.

– О Господи, нет, – поддержала его Тесс. Струан допил свой чай.

– Ну, я пойду. Если я понадоблюсь, вы знаете, где меня найти.

– Однако ж... я хочу сказать, это не опасно, Тай-Пэн? – спросила Тесс. – Лихорадка Счастливой Долины и все такое? А вы там?

– Ветер и дождь развеют ядовитые газы, – ответил Дирк Струан с уверенностью, которой он сейчас не испытывал.

– Не забывай, Тесс, у нас еще осталось немного хинной корки, а скоро ее у нас будет в достатке, – сказал Кулум. – Тай-Пэн, по-моему, это новое предприятие – замечательная идея. Услуга всему человечеству.

Струан рассказал Кулуму о договоренности с Купером еще до того, как это появилось в газете. Он также посоветовал Кулуму проводить больше времени в обществе американца; чем больше он думал об объединении Купера с Кулумом, тем больше его привлекала эта идея. «Джефф очень умный человек, парень. Тебе понравится работать с ним». Он надел свой дождевик.

– Ну, я пошел. Послушайте, вы двое. Пусть Брок вас не тревожит. Не переживай за своего отца, девочка. Я уверен, он изменит свое решение, если ему дать время. Просто дайте ему время.

– Я надеюсь на это, – проговорила Тесс. – О, я так надеюсь на это.

Следуя к двери, Струан остановился около барометра.

– Боже милосердный! Он упал до 29, 5 дюйма! Глессинг встревоженно посмотрел на часы. Было почти десять.

– Черт возьми, получается почти полдюйма за полчаса.

Он сделал отметку в графике и последовал за Струаном, который в два прыжка

выскочил в дверь.

На востоке горизонт почернел, море там слилось с небом. Ветер, не поменявший направление ни на градус, стал более яростным, порывистым, дождь усилился.

– Вот и он, теперь можно не сомневаться, – процедил Струан сквозь зубы. – Задраивайтесь наглухо, в этом единственное спасение. – Он пустился бегом по Куинз Роуд к Счастливой Долине.

– Быстро внутрь! Кулум, Тесс! – приказал Глессинг. Он захлопнул дверь и задвинул тяжелый засов. – Что бы вы ни делали, не открывайте дверей до моих дальнейших распоряжений. – Он прикрыл деревянными щитами штормовые окна с двойными рамами и проверил все замки и крепления, чувствуя, что Струан был прав. Око тайфуна пройдет прямо над ними. – Я очень рад, что ты помирился с отцом, Кулум. Ну, а теперь, я думаю, небольшой завтрак, – сказал он, стараясь успокоить их. – Миссис Струан, вы не возьмете на себя роль хозяйки?

Глава 7

Струан бежал изо всех сил. Несколько китайских кули с портшезами спешили в Тай Пинь Шан; оказавшиеся на дороге европейцы торопились в свои убежища. Сквозь пелену дождя Струан увидел лорку, она была в гавани как раз напротив него и быстро продвигалась к Счастливой Долине, не убирая рифов. Кипящее море было тусклого серо-зеленого цвета. Темная линия шквала с невероятной скоростью пронеслась через гавань, ее край задел лорку, сорвал грот и перевернул ее. Струан напрягся всем телом, и шквал поглотил его. Он длился всего несколько секунд, но шотландец почувствовал, как слепящий дождь, подстегнутый ветром, хлестнул его, словно плетью, и едва не сбил с ног.

Когда он смог открыть глаза, он посмотрел на море. Каким-то чудом лорка осталась на плаву, ковыляя вперед на одной бизани; ее палубу заливала вода, сзади тащились обрывки грота.

Струан опять побежал. Он подоспел к своему причалу в Счастливой Долине как раз в тот момент, когда покрытый белой пеной вал подхватил лорку и швырнул ее на сваи.

Матрос спрыгнул с планширя с носовым швартовым в руках, но поскользнулся и упал между причалом и кораблем. Он ухватился руками за край причала, пытаясь подтянуться, и пронзительно вскрикнул, когда лорка ударилась о пирс и перерубила его пополам.

Когда море оттащило корабль назад, матроса уже не было видно.

Струан закричал перепуганным вахтенным и метнулся вперед. Один из них перебросил ему канат, и он закрепил его за стойку. Другой, положившись на свою судьбу, прыгнул на причал с кормовым швартовым и удержался.

Море поднималось, лорка заскрежетала бортом о сваи причала, потом замерла, натянув канаты, и люди стали спрыгивать на берег.

– Бегите к фактории! – Струан сделал им знак следовать за ним и побежал к передней двери. Он распахнул ее, борясь с сильным ветром. Восемь человек команды вбежали внутрь, бормоча проклятия и благословляя свою удачу.

Струан стянул с себя насквозь промокшую одежду и тут заметил Горацио и Монсея.

– Великий Боже, что ты здесь делаешь, Горацио? Приветствую вас, мистер Монсей!

– Я уже думал, что нам никогда не добраться до берега, – прохрипел Монсей.

Грудь Горацио ходила ходуном. Он прислонился к стене, и его вырвало.

Дверь открылась, и сопровождаемый ветром и дождем в холл сердито вошел

капитан лорки – молодой лейтенант королевского флота. Он остановился и отряхнулся, как собака. Струан подошел к двери и захлопнул ее.

– Клянусь Господом Богом Моисеевым! – обратился капитан к Струану. – Вы видели это небо?

– Какого дьявола вы забыли в море в такой день? У вас что, не хватило соображения воспользоваться своими глазами в Макао?

– Хватило, клянусь Богом! Но мне приказали идти на Гонконг, поэтому я пошел на Гонконг. Мы все в руках маньяка!

– Что?

– Этот чертов капитан-суперинтендант торговли, сэр Клайд в-господа-бога-мать Уэйлен, черт бы его побрал! Этот пустоголовый ирландец едва не утопил мой корабль со всей командой, сукин сын. Я сказал ему, что погода испортилась, но он лишь глянул на небо и фыркнул: «Вам хватит времени туда добраться. Приказываю выйти в море!» Благодарю тебя, Господи, за Гонконг.

– Как сейчас в открытом море?

– Еще один час, и нам бы пришел конец. Волны в двадцать, тридцать футов. А этот проклятый ветер! Дует без устали и не меняется – что-то невероятное! Так это тайфун или нет? Как такое возможно?

– Шторм приближается к нам строго с востока, и мы стоим прямо на его пути, парень.

– О Боже, защити нас!

– Будьте как дома. Я позабочусь о чае и роме для ваших матросов.

– Благодарю вас, – сказал молодой человек. – Извините мою несдержанность.

Струан подошел к Монсею и Горацио:

– Вы в состоянии подняться наверх, мистер Монсей?

– Да. Благодарю вас, Тай-Пэн. Вы очень любезны.

– Помогите мне с Горацио.

– Конечно. Даже не знаю, что это нашло на беднягу. Он стенает и бормочет что-то нечленораздельное от самого Макао. Крайне необычное поведение.

– Это страх, – ответил Струан.

Они помогли Горацио снять мокрый сюртук. Его лицо теперь было грязно-серым, он почти совсем обессилел от рвоты. Струан и Монсей, поддерживая его с обеих сторон, наполовину внесли его вверх по лестнице и положили на кушетку в западном крыле, в комнатах, когда-то принадлежавших Роббу.

Струан подошел к буфету и налил всем бренди. Монсей дрожащей рукой принял бокал и тут же осушил его. Струан налил ему еще.

– Спасибо.

– Дайте немного Горацио, – сказал Струан. – Я вернусь через минуту.

Он прошел по коридору до лестничной площадки и проследовал дальше, по коридору восточного крыла. Его комнаты занимали южную сторону на этом этаже.

Мэй-мэй, Йин-си, А Сам и Лим Дин играли в маджонг на маленьком столике в просторной гостиной. Комнату освещали фонари, язычки пламени весело подрагивали.

– Хэллоу, Тай-Пэн, – приветствовала его Мэй-мэй. Она взяла следующую костяшку из бамбука и слоновой кости и с проклятием шлепнула ею о стол. – О, вонючий день, Тай-Пэн! – посетовала она. – Мой йосс уж-жасно плохой. Я не выиграла ни одной игры. Мы играем уже сколько часов, я потеряла четыре сотни наличными. О горе, горе, горе! Я рада тебя видеть, все равно.

Дождь забарабанил в ставни, ветер усиливался.

– Проклятый шум! Ты можешь одолжить мне немного тэйлов? Я в бедности!

– Я вычту их из твоего содержания. Играй дальше, девочка. – Струан усмехнулся. – У нас гости внизу и по всему дому, поэтому никуда не выходи.

– Зачем выходить? Он вернулся в комнаты Робба.

Монсей понемногу приходил в себя. Он снял мокрую одежду и завернулся в одеяло. Горацио беспокойно спал.

– Бог спас нас в этот раз, Тай-Пэн.

– За каким дьяволом вам понадобилось покидать Макао? Сами зовете беду. Вы должны были видеть, какая погода на море.

– Официальное поручение, Тай-Пэн, – саркастически усмехнулся Монсей. – Его имперское превосходительство Уэйлен прибыл с фрегатом вчера вечером. Он отрядите меня на Гонконг с официальной депешей для экс-посланника. В эту погоду, если угодно! Как будто день или два имеют какое-то значение! У меня не хватило духу сообщить ему, что «большая новость» уже давно появилась в газете.

– Что он из себя представляет?

– Я бы сказал, поладить с ним будет нелегко. Он прибыл в Макао около полуночи на борту фрегата, без всякого уведомления. Через четыре минуты я был вызван к нему. Он предъявил свои полномочия, дал мне прочитать депешу министра иностранных дел – она, кстати, дословно совпадает со статьей Скиннера; как только этим чертовым газетчикам удается раньше всех знакомиться с секретными документами? и приказал отплыть с рассветом, чтобы немедленно вручить депешу Лонгстаффу. Сказал, что прибудет на Гонконг следом за мной и что Лонгстафф должен покинуть Азию безотлагательно. Что я должен увидеться с адмиралом и генералом и передать им, чтобы они подготовили все для немедленного отплытия на север. – Монсей с размаху плюхнулся в кресло. – Ирландец. Что еще я могу сказать?

– А почему он не явился прямо сюда?

– Нельзя же иметь здесь двух полномочных посланников одновременно – строго против правил, мистер Струан. Благодарение Богу, существует еще такая вещь, как протокол. Я должен сразу же сменить Лонгстаффа на его посту. Как только он покинет гавань, я смогу проинформировать его превосходительство. Тогда и он прибудет.

Порыв ветра ударил в ставни, и они загремели.

– Черт бы побрал этого человека. Он едва не прикончил меня. С таким посланником в Азии поднимется большой шум. Первое, что он сказал, было: «Насколько это касается меня, ваша чертова скала может идти ко дну». Нет, честное слово! Если не возражаете, я вздремну на несколько минут. Что-то я не в себе.

Горацио застонал, и его опять вырвало.

– Дайте ему еще бренди, – сказал Струан. – В соседней комнате вы найдете кровать.

Он спустился вниз посмотреть, как устроилась команда лорки. Матросы уже успели разыскать съестное и выпивку. Те, кто не пил и не ел, спали или пытались заснуть.

Барометр показывал 29, 1 дюйма и продолжал падать.

– Господи, да ведь это получается больше чем три десятых дюйма в час, – заметил юный лейтенант. Он был высокого роста, светловолосый. – О, кстати, мистер Струан, я – лейтенант королевского флота Вассерли-Смит. – Струан пожал протянутую руку. – Спасибо за то, что приютили нас.

Окно в северной стене распахнулось, и в холл ворвался ветер с дождем. Три матроса захлопнули раму и снова заперли ставни.

– Думаю, мне следует взглянуть на свой корабль, – сказал лейтенант.

– Тогда вам лучше смотреть отсюда. – Струан провел его по коридору к окну, которое было закрыто тяжелыми ставнями, но находилось с подветренной стороны северного ветра. Он осторожно открыл его и выглянул наружу.

Он увидел «Китайское Облако» и «Отдыхающее Облако», спокойно покачивающиеся на волнах. Лорка лейтенанта поднималась и опускалась, скрипя и

скрежеща бортом о сваи, а на востоке горизонт уже исчез. Непроглядная черная мгла. И эта мгла надвигалась на них.

– С вашим кораблем все в порядке, лейтенант, в большей безопасности он уже не будет.

– Да. – Молодой офицер бросил последний испуганный взгляд на восточную часть неба и запер ставни – Это мое первое судно. Я в этих водах всего несколько месяцев. Что происходит при тайфуне?

– Из шторма на тебя налетают Повелители Ветров.

– А что это такое?

– Порывы. Шквалы. Иногда их еще называют Ветрами Дьявола.

Глава 8

Первый из Повелителей Ветров промчался по гавани час спустя и обрушился на «Отдыхающее Облако». Якорные канаты с громким треском лопнули, и судно, беспомощное в кромешной тьме, стало сносить. Маусс, сидя в одной из кают, поднял глаза от Библии и возблагодарил Бога за все милости Его и за Хун Хсу-чьюна. Новый шквал опрокинул «Отдыхающее Облако», Маусса швырнуло на перегородку, и он потерял сознание. Ветер гнал корабль, почти лежавший на боку, к берегу. На его пути стояла «Бостонская Принцесса» Купера – Тиллмана. Два корабля яростно столкнулись, бушприт «Отдыхающего Облака» врезался в надводную часть американского судна, оттолкнув его и повредив обшивку, потом плавучий склад Струана развернулся кормой к берегу и понесся дальше. Буря бросила эту громадину на деревню сампанов, потопив десятки крошечных лодочек, и с размаху вынесла на берег. Сотни китайцев тонули, а те, чьи сампаны пока уцелели, сбились в дрожащие кучки под навесами из бамбука. Но следующий Повелитель Ветров унес эти жалкие перекрытия и с ними много семей.

На «Бостонской Принцессе» Джефф Купер с трудом оторвался от пола главной каюты и помог подняться Шевон. Шторм набирал силу, обрушивая на корабль шквал за шквалом, но его якорные канаты выдерживали натиск.

– Ты в порядке? – прокричал Купер, перекрывая рев урагана.

– Кажется, да. О Боже, помоги нам!

– Оставайся здесь! – Купер открыл дверь каюты и стал пробираться через окружавший его кавардак к палубе. Но ветер и горизонтально летящий дождь прогнали его вниз. Он спустился на три палубы и прошел по коридору в трюм. Подняв над головой фонарь, он огляделся. Там, куда ударил бушприт «Китайского Облака», шпангоуты треснули, и швы начали расходиться. Купер вернулся к Шевон.

– Все в порядке, – солгал он. – Только бы канаты выдержали.

Повелитель Ветров промчался по Глессинг Пойнту, переломил флагшток и, словно копье, швырнул его в здание, где помещалась контора начальника гавани.

Флагшток пробил гранитную стену и оторвал Глессингу руку у локтя. Он пронзил все строение насквозь и замер в противоположной стене, отшвырнув Кулума в сторону и забросав Тесс обломками кирпича, щепками и горячими углями из жаровни.

Дождь и ветер с воем ворвались в разбитые стены, и платье Тесс вспыхнуло. Кулум с трудом поднялся на ноги и начал колотить по горящей материи голыми руками.

Потушив огонь, он сжал Тесс в объятиях. Она была без сознания. Ее лицо побелело, волосы были опалены с одного края. Он сорвал с нее платье и внимательно осмотрел. Спина была в ожогах.

В его сознание вдруг ворвался дикий крик. Повернув голову, он увидел Глессинга: кровь хлестала у него из культи.

А у другой стены он увидел оторванную руку. Кулум поднялся, но не смог

сделать ни шага.

– Ну же, сделай что-нибудь, Кулум! – закричал он себе, перекрывая вой ветра.

Мышцы подчинились ему, он схватил обрывок сигнального фала, перетянул руку выше локтя и остановил кровотечение. Потом попытался решить, что ему делать дальше, и тут вспомнил, что делал его отец, когда был ранен Сергеев.

– Очисти рану, – сказал он вслух. – Вот что ты должен сделать. Очисти, а потом прижги ее.

Он нашел чайник. В нем еще оставалась вода, поэтому он сразу опустился на колени рядом с Глессингом и начал промывать кровавый обрубок.

– Держись, старина, – бормотал он, чувствуя, как муки Глессинга разрывают ему душу.

Тесс, всхлипнув, пришла в себя. Она поднялась на ноги. Ветер кружил по комнате бумаги, флажки, пыль, почти ослепляя ее. Потом ее взгляд очистился, и она закричала.

Кулум в панике обернулся и увидел ее безумный взгляд, прикованный к оторванной руке Глессинга.

– Помоги мне! Разыщи каминные клещи! – заорал он во всю силу легких.

Она покачала головой, отшатнулась в истерике, и в следующий миг приступ рвоты перегнул ее буквально пополам.

– Найди эти растреклятые клещи! – в бешенстве проревел Кулум, руки его горели огнем. – Потом пусть тебя рвет, потом!

Тесс заставила себя выпрямиться, потрясенная злобой, звучавшей в его голосе. Она принялась искать клещи.

– Ради Бога, скорее!

Наконец она нашла их и, словно в кошмарном сне, протянула Кулуму.

Он взял ими пылающий уголь и прижал его к культе. Глессинг вскрикнул и потерял сознание. Вонь от горелого мяса была невыносима. Кулум боролся с тошнотой, пока вся культя не была тщательно обработана.

Потом он отвернул голову в сторону, и его вырвало.

Брок отвернулся от барометра. Корабль вибрировал всем корпусом, стонали бимсы и шпангоуты.

– 28, 2 дюйма, Лиза! Он никогда еще не падал так низко! Лиза обняла Лиллибет и попыталась справиться со своим страхом.

– Интересно, где сейчас Тесс. О Господи, защити ее.

– Да, – сказал Брок.

Вдруг бревна пронзительно завизжали, и корабль лег на бок, но потом выпрямился.

– Я иду на палубу!

– Останься здесь! Ради Бога, милый, побереги... – Она замолчала, потому что он уже вышел.

– Когда это кончится, мама? – плача, спросила Лиллибет.

– Теперь уже в любую минуту, милая.

Брок осторожно высунул голову с подветренной стороны трапа, ведущего на ют. Он поднял взгляд на мачты. Они изогнулись, как прутья. Раздался чудовищный треск, и он увидел, как грот-стень-штаг переломился.

– Эй, на вахте! – прокричал Брок вниз. – Вахта левого борта – наверх!

Повелитель Ветров с ревом налетел с севера, лопнул один фал, другой, третий, грот-мачта надломилась у самого основания, врезалась в бизань, и обе мачты с реями и такелажем рухнули на палубу, в щепки разнеся трап на ют. «Белая Ведьма» опасно накренилась.

Брок выбрался из-под обломков и набросился на перепуганную команду.

– Все наверх, мерзавцы! Если хотите жить! Рубите такелаж! Мачты в море или

нам конец!

Он выгнал команду на палубу и, держась одной рукой, лихорадочно рубанул топором по грота-гардели, борясь со свирепым ветром, полуслепой от дождя, заливавшего ему лицо.

Он вспомнил другой тайфун, который стоил ему глаза, и помолился про себя, чтобы его единственный глаз остался цел, чтобы Тесс была в безопасности и чтобы Лиза и Лиллибет не сгинули в пучине.

Строительные леса нового города уже давно были разрушены. Повелитель Ветров устремился на берег, уничтожив то, что оставалось от армейских палаток, и превратив доки в руины. Он смахнул с лица земли винные лавки, пабы и притоны рядом с доками и повалил учреждение миссис Фортерингилл, в клочья разметав картины и похоронив Аристотеля Квэнса под обломками. Потом он проложил прямую, как стрела, просеку в лачугах Тай Пинь Шана, уничтожив сотню семей, и забросил обломки домов на грудь Пика в миле от города.

Глубоко под землей на склоне холма, где располагался Тай Пинь Шан, в подвале, который он построил тайком от всех, скорчившись сидел Гордон Чен и поздравлял себя с такой предусмотрительностью. Стены подвала были выложены камнями, так что убежище получилось надежным; и хотя он знал, что дома над его головой больше нет, он радостно напоминал себе, что все его ценности здесь с ним, а новый дом построить нетрудно. Его взгляд скользнул по пачкам бухгалтерских книг, стопкам купчих на землю, долговых обязательств, непогашенных векселей и закладных, по сундукам с серебром, шкатулкам с нефритами, штукам дорогих шелков и бочонкам самого лучшего вина. И остановился на его наложнице, Драгоценном Цветке. Она удобно устроилась под одеялом из легчайшего пуха на кровати, поставленной у одной из стен. Он выпил еще одну крохотную чашечку чая и забрался в постель рядом с ней.

Ты очень умный парень, сказал он себе.

Ветер и дождь стучались в северную стену фактории Струана в Счастливой Долине. Время от времени ее атаковал один из Ветров Дьявола. Но если не считать коротких содроганий и ужасающего шума, здание стояло твердо.

Струан подносил спичку к сигаре. Сидеть внутри дома и ничего не делать было невыносимо.

– Ты слишком много-много куришь, – прокричала Мэй-мэй.

– Курение успокаивает нервы.

– Грязная привычка. Вонючая.

Он ничего не ответил, лишь опять посмотрел на барометр.

– Зачем ты смотришь на него каждые десять минут?

– Он показывает, где сейчас шторм. Когда он перестанет падать, центр будет над нами. Потом он начнет подниматься. Я так думаю.

– Я не очень с удовольствием счастлива, что мы здесь, Тай-Пэн. В Макао было бы гораздо лучше.

– Я так не думаю.

– Что?

– Я так не думаю!

– О! Сегодня нам опять придется спать здесь? – спросила она, устав от крика. – Я бы не хотела, чтобы ты, или Йин-си, или даже это черепашье дерьмо А Сам заболели лихорадкой.

– Думаю, нам это не грозит.

– Что?

– Нам это не грозит! – Он посмотрел на часы. Они показывали двадцать минут третьего. Но, выглянув в щель в ставне, он ничего не увидел. Лишь какое-то неясное движение во тьме и горизонтальные прочерки дождя на оконном стекле. Он

порадовался, что они находятся с подветренной стороны. Эта часть здания выходила на восток, запад и юг и была защищена от неистовства урагана.

И Струан благодарил судьбу, что они на берегу. Ни один корабль не в состоянии выдержать такое, говорил он себе. Ни одна гавань мира не сможет долго защищать флот от такого проявления Божьего гнева. Готов поспорить, что Макао сейчас получает свое сполна. Там спрятаться негде. Бьюсь об заклад, половина кораблей в гавани пошли ко дну, и десять тысяч джонок и сампанов разбросаны на пятьсот миль по всему побережью. Да. А тот корабль, что мы послали в Перу? Я уверен, что тайфун зацепил его и он пропал, и отец Себастьян вместе с ним.

– Пойду проведаю остальных.

– Не уходи надолго, Тай-Пэн.

Он прошел по коридору, проверяя запоры на ставнях. Потом миновал лестничную площадку, рассеянно поправил картину Квэнса на стене и вошел в апартаменты Робба.

Горацио сидел, полускрытый тенью, в бамбуковом кресле, в котором когда-то давно сидела Сара, и в неверном, мерцающем свете фонарей Струану на мгновение показалось, что это и есть Сара.

– Привет, Горацио. Где Монсей?

Горацио посмотрел на Струана, его глаза были пусты.

– Я нашел А Тат, – сказал он чужим голосом.

– Я не слышу, парень. Здесь нужно кричать.

– А Тат. О да, я нашел ее.

– Что?

Горацио разразился сатанинским смехом, словно не замечая Струана.

– У Мэри был выкидыш. Она грязная шлюха, подстилка для вонючих язычников, и была ею много лет.

– Чепуха. Все это чушь, дружище. Не верь этому, – сказал Струан.

– Я нашел А Тат и плетью выбил из нее правду. Мэри дьявольская шлюха, которая спит с китайцами, и она носила в своем чреве ублюдка-полукровку. Но А Тат дала ей яд, чтобы убить его. – Снова взвизгивающий хохот. – Но я поймал А Тат и бил ее до тех пор, пока она не сказала мне всей правды. Она была сводней Мэри. Мэри продавалась язычникам за деньги. – Его взгляд опять остановился на крошечном язычке пламени внутри фонаря. – Глессинг никогда не женится на китайской шлюхе. Поэтому она снова станет моей. Моей целиком. Я прощу ее, если она приползет на коленях и будет просить, умолять,

– Горацио. Горацио!

– Она вся будет моей. Как когда мы были маленькими. Она снова будет моей, только моей. Я прощу ее.

Чудовищный шквал потряс здание. Потом – еще один, и еще, и дом задрожал, словно очутился среди десяти тысяч яростных вихрей. Струан услышал, как с треском распахнулись ставни и задребезжали стекла. Он сорвался с места и бросился по коридору в свои комнаты. Мэй-мэй и Йин-си прижались друг к другу на постели, дрожа от страха, А Сам стонала, пораженная ужасом. Струан бросился к кровати и сжал Мэй-мэй в объятиях. Вой, рев, свист разбушевавшейся стихии нарастали, не зная предела.

И вдруг шторм разом стих, словно провалился куда-то.

Наступила тишина.

Сквозь щели в ставнях в комнату стал просачиваться свет, с каждой секундой становясь все ярче.

– Что случилось? – спросила Мэй-мэй, в поглотившей все звуки тишине ее голос казался голосом из другого мира. Струан опустил Мэй-мэй на постель и подошел к окну. Он приник глазом к одной из щелей, потом осторожно открыл окно и распахнул

ставни. В комнату ворвался сухой, горячий воздух, заставив его поморщиться.

Не веря своим глазам, он смотрел на гавань.

«Китайское Облако» все так же покачивался на своей стоянке. «Белая Ведьма» лишилась мачт, и обрубленные фалы свисали с обоих бортов. «Отдыхающее Облако» выбросило на берег у Глессинг Пойнта. Лорка осталась пришвартованной к причалу компании. Он увидел один из фрегатов на берегу, судно лежало на боку гораздо выше линии прибоя. Но весь остальной флот, десантные корабли и торговые суда невредимые стояли на якоре.

Над головой сияло солнце, редкие космы облаков белели в голубом небе. Но море в гавани обезумело. Пирамиды волн поднимались с поверхности и сталкивались друг с другом. Он увидел, как «Китайское Облако» захлестнуло водой через оба борта, нос и корму одновременно. Вдалеке из моря вырастала кольцом окружавшая их гигантская стена грозовых туч. Это было что-то невиданное: она поднималась вверх на шестьдесят тысяч футов.

И надо всем, если не считать плеска волн друг о друга, – неземная тишина.

– Мы в центре!

– Что?

– Это называют глазом урагана. Вот он. Самый центр! Мэй-мэй, Йин-си и А Сам торопливо подбежали к окну.

– Флот уцелел, клянусь всеми святыми! – ликовал Струан. – Корабли целы. Они целы. – Вдруг радость исчезла с его лица. Он захлопнул ставни и окна и запер их.

– Пошли, – встревоженно сказал он, распахивая дверь, и они в изумлении последовали за ним. Он пробежал по коридору через лестничную площадку в другое крыло и открыл дверь комнаты, выходившей прямо на север.

Ставни были сильно расшатаны, а одно окно разбилось, и пол был усыпан осколками стекла.

– Оставайтесь здесь, – сказал он.

– В чем дело, Тай-Пэн? Шторма больше нет.

– Делайте, как я говорю. – Он торопливо вышел. Мэй-мэй пожала плечами и уселась на поломанный стул.

– Что случилось с Отцом? – спросила Йин-си.

– Не знаю. Иногда я его действительно не понимаю. Хвала небу, что этот шум прекратился. Тихо кругом, правда? Так тихо, что мне почти больно.

Йин-си подошла к окну и открыла его.

– О, посмотрите! – воскликнула она. – Как это прекрасно! Я так рада, что ураган кончился. Мэй-мэй и А Сам встали рядом с ней.

Брок стоял на палубе, парализованный. Он видел, как волны надвигаются на него сразу отовсюду, но здесь, с подветренной от берега стороны, волны были небольшие. Окружавшие их грозовые тучи были похожи на стены огромного собора шириной в пять миль. Но эти стены двигались. Восточный квадрант неумолимо надвигался на них.

– Что происходит, милый? – спросила Лиза, появляясь на палубе вместе с Лиллибет. – О, какая красота!

– Ах, мне так нравится, – прощебетала Лиллибет.

– Мы в оке тайфуна. В самом его центре! – выкрикнул Брок. Матросы, выходившие на палубу, повернулись и посмотрели на него.

– Ой, глядите-ка! – воскликнула Лиллибет. Она показывала на остров. – Как смешно!

Деревья, там и тут росшие на острове, белели голыми стволами на фоне коричневой земли: их ветви лишились всех листьев до единого. Новый Куинз Таун почти исчез, а Тай Пинь Шан превратился в груду развалин. На берегу стали появляться крохотные фигурки людей.

– Ступайте вниз, – проскрежетал Брок. Озадаченно посмотрев на него, Лиза и Лиллибет спустились по трапу.

– Капитан Пенниуорт!

– Да, сэр.

– Советую вам приготовиться к встрече со своим Создателем, – сказал Брок. – Только Ему известно, что там, по ту сторону дьяволовых туч. Всем спуститься вниз!

Он взял подзорную трубу и навел ее на резиденцию «Благородного Дома». Он увидел Струана, стоящего в группе людей перед дверью. В окнах третьего этажа показалось несколько голов.

Брок сложил трубу.

– Лучше тебе зайти в дом, Дирк, – тихо проговорил он. Он захлопнул то, что осталось от люка над трапом, задраил его, как мог, и спустился вниз.

– Думаю, пришла нам пора читать молитвы, – спокойно и легко сказал он.

– О, хорошо, – кивнула Лиллибет. – Можно я первая прочитаю? Как перед сном?

Кулум обнимал Тесс одной рукой.

– Если мы выберемся отсюда живыми, будь я проклят, если я тут останусь, – говорил он. – Мы уезжаем домой, и к дьяволу этот остров.

– Да, – сказала Тесс, потрясенная царившим вокруг хаосом. Она с ужасом посмотрела на приближающуюся черную стену. Стена проглотила полуостров Кулун. – Нам лучше вернуться.

Кулум закрыл за ней дверь. Обожженные ладони болели невыносимо, но он, сжав зубы, задвинул засов.

Она пробралась к Глессингу и опустилась рядом с ним на колени. Его лицо было лицом трупа, но сердце билось.

– Бедный Джордж.

Струан прикидывал на глаз расстояние от причала до «Китайского Облака» и до ближайших грозовых туч на востоке. Он понимал, что у него нет времени раздобыть катер, поэтому он подбежал к концу пирса и сложил ладони рупором.

– Орлов! – прогремел он. – Эгей, на «Китайском Облаке»! – Его голос жутким эхом прокатился по гавани Счастливой Долины, и он увидел, как Орлов махнул ему рукой, и до него донеслось слабое «Да?».

– Разверни его к югу! Теперь ветер придет с юга! Встань носом на юг!

– Да, – услышал он ответ Орлова и через секунду увидел, как на нос заспешили матросы. Они спустили на воду катер и изо всех сил налегли на весла, разворачивая корабль.

Струан поспешно вернулся к матросам, стоявшим у двери фактории.

– Заходите внутрь!

Некоторые из них подчинились, но молодой лейтенант все не мог оторвать ошеломленного взора от своей лорки и от гавани.

– Великий Боже, она все еще на плаву! И посмотрите на флот... посмотрите на корабли! Я думал, их уже разнесло в щепки, а тут всего лишь один фрегат выбросило на берег, да вон тот клипер потерял мачты. Невероятно, клянусь Богом! На юг, вы сказали? Почему?

– Пойдемте, – сказал Струан, потянув его за руку. – Заходите в здание и соберите там своих людей.

– А в чем дело?

– Ради Бога, через несколько минут центр пройдет над нами. И тогда ветер развернется... я думаю, что он развернется и будет дуть с юга. Прикажите своим людям...

Его едва не сшиб с ног Горацио, который выскочил из двери и побежал по Куинз Роуд в сторону доков.

– Вернись, дурень, ты погибнешь! – крикнул Струан ему вслед, но Горацио

словно не слышал его. Струан бросился за ним.

– Горацио! Дьявольщина, да что с тобой? – произнес он, догнав его и схватив за плечи.

– Я должен рассказать Глессингу. Покончить со всей этой мерзостной женитьбой, – взвизгнул Горацио. – Отойди от меня... убийца! Ты и твоя грязная кровожадная шлюха! Я еще увижу, как вас обоих вздернут! – Он вырвался и побежал дальше.

Струан было опять бросился за ним, но начал накрапывать дождь, и он остановился. Черная стена туч уже наполовину поглотила гавань, море кипело у ее подножья. – Он увидел, как команда катера взобралась на «Китайское Облако» и исчезла внизу. Орлов махнул ему рукой в последний раз и тоже пропал из виду.

Струан повернулся и бросился назад, моля Бога, чтобы ему вовремя удалось достичь фактории. Порыв ветра вцепился в него, и он удвоил усилия. Под страшным ливнем он взлетел на порог и оглянулся.

Горацио вдоль берега выбегал из Счастливой Долины. Стена накрыла доки, и Горацио стал исчезать в пелене дождя. Струан увидел, как он остановился и поднял лицо к небу. В следующий миг крошечную фигурку подхватило и понесло по воздуху, как сорванный лист.

Струан распахнул дверь и захлопнул ее за собой. Но прежде чем он успел запереть ее, кругом потемнело, и в холл ворвался Повелитель Ветров, отбросив его на середину зала. Он выбил все окна на первом этаже и убил трех матросов. И пропал. Струан поднялся на ноги, удивляясь тому, что он до сих пор жив. Он бросился к двери и, собрав всю свою огромную силу, закрыл ее и задвинул засов. Вихрь промчался снаружи окон, высасывая из фактории бумаги, фонари, обломки мебели – все, что не было прибито к полу и стенам.

Подбежав к лестнице, Струан наткнулся на раздавленное тело молодого лейтенанта. Он остановился и нагнулся над ним, но новый шквал потащил его назад и унес труп с собой. Уцепившись за перила и преодолевая чудовищное сопротивление ветра, Струан стал карабкаться вверх по лестнице, к спасению.

Шторм налетел с юга, и «Белая ведьма» пьяно клюнула носом. Шквал опрокинул ее на бок и двинул вперед, но якорные канаты выдержали, клипер каким-то чудом выпрямился и, дрожа всем корпусом, развернулся носом к ветру. Брок поднял с пола Лиллибет и Лизу и положил их назад на кровать. Он прокричал им слова ободрения, но они не слышали его, и все трое отчаянно уцепились за стойки, борясь за свою жизнь.

По трапу вниз устремилась вода, она стала биться о дверь каюты, просачиваясь снизу. В корабль с налета врезался Ветер Дьявола. Раздался громоподобный треск, клипер вздрогнул, и Брок понял, что один из якорных канатов оборвался.

На борту «Бостонской Принцессы» Шевон зажимала ладонями уши, пытаясь заглушить вой ветра, терзавшего корабль. Купер почувствовал, как оборвался последний канат. Он крикнул Шевон, чтобы она ухватилась за что-нибудь, но девушка не слышала его. Тогда он пробрался к ней и, напрягая все силы, прижал к стойке.

Судно накренилось. Его левый фальшборт вынырнул из моря, потом опять черпнул воды, и оно стало тонуть. Шторм подхватил его и бросил на русский корабль.

В главной каюте огромной бригантины вдребезги разбился стеклянный буфет, засыпав пол осколками хрусталя, фарфора и бутылок. Сергеев крепче вцепился в стойку, чертыхнулся и прочел молитву. Когда корабль выпрямился, став носом к ветру, он отшвырнул носком сапога осколки из-под ног, прочел еще одну молитву и налил себе еще бренди,

Чума на Азию, подумал он. Как бы я хотел оказаться сейчас дома. Чума на этот дьявольский шторм. Чума на британцев. Чума на этот гнусный остров. Чума на все. Чума на князя Тергина за то, что он послал меня сюда. Чума на Аляску – и на

эмиграцию. И на обе Америки и американцев. Но пусть будет благословенна Шевон.

Да, сказал он себе, когда корабль опять накренился и застонал под натиском бури. И будь благословенна Мать Россия, и ее святость, и ее место в истории. План князя Тергина изумителен и верен, это несомненно, и я помогу осуществить его. Да. Черт бы побрал эту проклятую боль. Больше мне уже не скакать во весь опор по бескрайней степи. С этим покончено. Теперь я принужден оставить игры. Загляни в свою душу, Алексей! Эта пуля была удачей – что это за слово, которое употребляет Тай-Пэн? – ах, да, йосс. Пуля была йоссом. Хорошим йоссом. Теперь я могу обратить все свои силы и помыслы к служению России.

Что делать? Покинуть Гонконг немедленно. Острову конец. Этот глупец, лорд Каннингтон, вбил Британии крепкий кляп в горло и дал нам ключ к Азии. Хорошо. Заключить торговую сделку с Тай-Пэном или Броком, затем как можно скорее покинуть остров и идти дальше, на Аляску. Подготовить там все для наших племен. Затем – домой. Нет, лучше в Вашингтон. Смотреть, слушать, думать и делать то, для чего ты был рожден: служить России-матери во всех концах земли. Ее земли.

Сергеев почувствовал боль в бедре, и в первый раз она доставила ему удовольствие. Очень хороший йосс, подумал он. Итак, решено. Мы уезжаем, если останемся живы.

Но как быть с Шевон? Ах, клянусь распятием, вот девушка, достойная того, чтобы задуматься о ней всерьез. Ценное приобретение, с политической точки зрения, а? И с физической. Но все же этого недостаточно, чтобы жениться на ней, даже хотя ее отец – сенатор. Впрочем, недостаточно ли? Очень может статься, что это был бы весьма разумный ход. Поразмысли над этим, Алексей. Нам понадобятся лидеры для русской Америки. Континент будет поделен на княжества. Династические браки всегда являлись одной из форм завоевания, а? Возможно, ты смог бы ускорить приближение славного часа.

Клянусь святым Петром, я бы не отказался от такой любовницы. Как бы я мог это устроить? Согласится ли она? Почему бы нет? Пустоголовый болван этот Купер. Чертовски досадно, что она помолвлена. Жаль. Впрочем, она говорила, что не любит его.

Тайфун достиг наивысшей силы, но кольцо гор по-прежнему охраняло гавань от его неистовой мощи.

«Бостонская Принцесса», беспомощно завалившись на бок, болталась посреди гавани; волны перехлестывали через фальшборт, вода в трюмах быстро прибывала. Купер понял, что конец близок. Он обнял Шевон и прокричал, что все будет хорошо.

Корабль погрузился глубже, и его понесло к Кулуму. Он тяжело царапнул килем по каменистому дну. Потом подводные скалы пропороли ему днище, и вода хлынула в трюмы потоком. В этот момент Повелитель Ветров поднял его из этого ада и швырнул боком на берег, за линию прибоя.

Теперь, поменяв направление на южное, ветер несся через гребень гор на материк. И в воронке, образованной Счастливой Долиной, его невероятная сила еще больше увеличивалась. Вновь и вновь он свирепо атаковал «Благородный Дом», отыскивая его уязвимое место.

Струан держал Мэй-мэй на руках в относительно спокойной комнате в северном крыле. Огонек фонаря нервно подрагивал, отбрасывая причудливые танцующие тени. Снаружи закрытых ставнями окон, с подветренной стороны бушующего урагана, была сплошная завеса тьмы. А Сам сидела на коленях на полу, а Йин-си тесно придвинулась к Струану сбоку, ища защиты.

Мэй-мэй повернула голову, приложила губы к уху Струана и прокричала:

– Тай-Пэн, я безудовольственно несчастна от всего этого шума.

Он рассмеялся и сильнее сжал ее, а она обняла его за шею. Он знал, что теперь им ничто не грозит. Худшее осталось позади.

– Еще три или четыре часа, и все это кончится, девочка.

– Вонючий шторм. Я тебе говорила, что это дракон? Морское чудовище-дракон?

– Да.

– Кровь господня!

– Что случилось?

– Я забыла принять последнюю чашку омерзительной отравы из хинной коры, у которой вкус, как у навоза. Сегодня последний день, ладно.

– Примешь ее через несколько часов, ладно!

– Да, муж мой! – Мэй-мэй чувствовала себя очень счастливой и совсем здоровой. Она поиграла длинными волосками сзади у него на шее. – Надеюсь, с нашими детьми все хорошо.

– Конечно. Не тревожься, Чен Шень присмотрит за ними.

– Когда мы поедем, хейа? Я в фантастической срочности насчет замужества.

– Через три месяца. В любом случае – перед Рождеством.

– Я думаю, ты должен взять еще одну варварскую жену Третьей Сестрой. Он расхохотался.

– Очень важно иметь много сыновей. Не смейся, клянусь Богом!

– Может быть, это и неплохая мысль, девочка, – спрятав улыбку, сказал он. – Возможно, мне следует иметь даже трех варварских жен. Потом есть еще ты и Йин-си. Я думаю, уж-жасно важно, чтобы перед отъездом мы взяли еще одну китайскую сестру.

– Ха! Если то, как ты обходился до сих пор со Второй Сестрой, о чем-то говорит, мы заведем любовников, клянусь Богом! – Она поцеловала его в ухо и прокричала: – Я очень благословенно довольна, что мой йосс дал мне тебя, Тай-Пэн!

Канонада Повелителей Ветров выбила окна в южном крыле, и все здание сдвинулось, словно при землетрясении.

Гвозди и скобы в крыше завизжали, уступая чудовищному напору, и следующий дьявольский шквал сорвал с фактории крышу и забросил ее в море.

Струан почувствовал, как Йин-си уносит вверх неистовый вихрь Он выбросил руку, пытаясь удержать ее, но девушка уже исчезла.

Струан и Мэй-мэй крепко прижались друг к другу.

– Не сдавайся, Тай-Тай!

– Никогда! Я люблю тебя, муж мой.

И Повелители Ветров обрушились на них.

Глава 9

Солнце храбро взошло и согрело воздух над разрушенным городом и уцелевшей гаванью.

Кулум нашел своего отца в развалинах фактории. Струан, неестественно сгорбившись, лежал на спине в углу одной из комнат в северном крыле, он сжимал в объятиях маленькую худую китайскую девушку. Кулум удивился, как его отец мог любить ее, потому что ему она совсем не показалась прекрасной.

Однако смерть не отняла у них красоты и достоинства. Их лица были спокойны, словно они спали.

Кулум вышел из комнаты, спустился по разбитой лестнице и появился на пороге. Легкий восточный ветерок коснулся его щеки.

Тесс ждала его снаружи. И когда она увидела, как он беспомощно покачал головой, ее глаза тоже наполнились слезами, и она взяла его за руку. Они пошли по Куинз Роуд прочь из Счастливой Долины, не видя ничего вокруг.

Новый город лежал в руинах, весь берег был завален обломками. То тут, то там были видны уцелевшие постройки: от некоторых остались одни стены, другие

получили лишь мелкие повреждения. Берег ожил, люди спешили в разные стороны или стояли неподвижными группами, осматривая то, что осталось от их домов, контор, складов. Многие наблюдали за работой кули, извлекавших из-под обломков их промокшее имущество или занимавшихся ремонтом. Носильщики портшезов уже сновали по дороге, предлагая свои услуги. Тут же были и нищие. Армейские патрули заняли ключевые позиции, чтобы предотвратить неизбежные грабежи и мародерство. Но грабителей и мародеров оказалось на удивление мало.

Сампаны и джонки занимались ловлей рыбы в гавани среди обломков разбитых лодок, покрывавших спокойную поверхность моря. Другие прибывали с материка, доставляя на остров новых поселенцев. И цепочка китайцев опять потянулась от берега в Тай Пинь Шан.

Над холмом клубился дым: в разрушенных лачугах кое-где вспыхнули пожары. Но под этим дымом уже слышался деятельный гул. Ресторанчики, чайные и продовольственные лавки, уличные торговцы вновь занялись своим делом, пока жители – орудуя молотками, пилами, лопатами и, конечно, языком – латали свои дома или начинали отстраивать их заново, благословляя йосс за то, что остались живы.

– Посмотри, Кулум, милый, – сказала Тесс. Они были рядом с доками.

Кулум пребывал в оцепенении, рассудок почти не повиновался ему. Он посмотрел туда, куда показывала ее рука. На пологом склоне холма стоял их почти законченный дом – без крыши, съехавший набок с фундамента.

– О Господи, – расстроилась она. – Что же нам теперь делать?

Он не ответил. Ее страхи умножились, когда она почувствовала, что он в панике.

– Пойдем, дорогой. Давай... давай зайдем в отель, а потом... потом – на «Белую Ведьму». Пойдем, милый.

К ним торопливым шагом приблизился Скиннер. Его лицо лоснилось от пота, порванная одежда была вся в грязи.

– Извините меня, мистер Кулум. Где Тай-Пэн?

– Что?

– Тай-Пэн. Вы не знаете, где он? Мне необходимо срочно увидеться с ним.

Кулум ничего не ответил, поэтому Тесс сказала:

– Он... он мертв.

– А?

– Он мертв, мистер Скиннер. Мы... мой... Кулум видел его. Он умер. В фактории.

– О Боже, нет! – хрипло выдохнул Скиннер. Вот он, мой проклятый йосс!

Он пробормотал соболезнования и вернулся в типографию к сломанному прессу.

– Ты издатель и владелец! – прокричал он. – Только чего? Пресса у тебя нет и нет денег, чтобы купить новый, а теперь, когда Тай-Пэн мертв, тебе не у кого их занять, следовательно ничем ты не владеешь и дело твое – труба! Труба! Черт побери, что же делать? – Он пнул ногой кучу обломков, не обращая внимания на кули, стоявших в стороне и терпеливо дожидавшихся его приказаний. – Черт, черт, черт, и надо же ему было умереть в такое время!

Он еще несколько минут негодовал и клял судьбу, потом сел на высокий табурет.

– Что же теперь делать? Ну, соберись! Думай!

Итак, сказал он себе, первым делом ты должен выпустить газету. Специальный выпуск. Как? На ручном прессе. – Да, ручной пресс, – повторил он вслух. – Рабочие руки у тебя есть, и это ты можешь сделать. Что потом?

Он заметил, что кули наблюдают за ним. Потом ты будешь держать язык за зубами, предостерег он себя. Сначала выпусти газету, потом пойди к этому беспомощному юному идиоту Кулуму и уговори его выложить деньги на новый пресс.

Это тебе удастся без труда. И держи язык за зубами.

Вошел Блор. Его лицо напоминало застывшую маску.

– Доброе утро, – сказал он. – Черт, это какой-то ужас! Стойки исчезли, словно их и не было, вместе с паддоком. Голое место. Потерял четырех лошадей – мерина тоже, дьявол забери меня совсем!

– Тай-Пэн мертв.

– О Господи! – Блор прислонился к треснувшему косяку. – Тогда конец всему. Что ж, так я и думал: слишком уж все было хорошо, чтобы долго продолжаться. – А?

– Гонконг, Жокей-клуб – вообще все. На всем теперь можно ставить крест. Тут и думать нечего. Вся колония в развалинах. Этот новый клещ Уэйлен только взглянет раз, и у него голова отвалится от хохота. Теперь, без Тай-Пэна, надежды нет никакой. Черт возьми, он мне нравился.

– Это ведь он послал вас ко мне, не так ли? С секретной депешей?

– Нет, – ответил Блор. Он дал слово Тай-Пэну. Тайна есть тайна. – Бедняга. По-своему, я даже рад, что он не увидит конца колонии.

Скиннер взял его за руку и повернул лицом к морю:

– Что там такое?

– А? Гавань, что же еще.

– Это беда всех людей. Они или не хотят думать, или не хотят видеть. Флот цел и невредим, и все торговые суда! Мы потеряли один фрегат, который выбросило на берег, но его отремонтируют, и через неделю он будет как новый. То же самое с «Отдыхающим Облаком», «Бостонская Принцесса» наскочила на скалы у Кулуна. Но это все. Неужели вы не понимаете? Самый страшный за всю историю тайфун устроил Гонконгу испытание – и остров вышел из него с честью, под барабанную дробь и с развевающимися знаменами, клянусь Богом. Этот тайфун был огромным йоссом. Вы полагаете, адмирал не понимает этого? Вы полагаете, даже этот болван Каннингтон не понимает, что основа нашей военной мощи – это флот, что бы там себе ни думал наш пустоголовый генерал? Морская держава, клянусь Богом!

– Боже милостивый. Вы действительно так думаете?

Скиннер уже отвернулся от двери и стал пробираться на свое место, ногой отшвыривая мусор с дороги. Он сел за стол, достал перо, чернила и бумагу и начал быстро писать.

– Вы действительно так думаете?

– Будь я на вашем месте, я бы начал готовить чертежи новых стоек и паддока. Хотите, чтобы я напечатал о том, что очередные скачки состоятся в назначенное время?

– Абсолютно. О, это замечательно! Да. – Блор задумался на мгновение. – Нам нужно завести традицию... придумал, мы устроим специальный заезд! Самый крупный денежный приз года – последний заезд сезона. Он будет называться «Приз Тай-Пэна».

– Хорошо. Сегодня вечером вы прочтете об этом. Блор некоторое время смотрел, как Скиннер пишет:

– Готовите ему некролог?

Скиннер открыл ящик и подтолкнул к молодому человеку несколько сложенных листов бумаги.

– Я написал его еще несколько дней назад. Прочтите. Потом можете помочь мне с ручным прессом.

Кулум и Тесс все еще стояли там, где их оставил Скиннер.

– Пойдем, милый, – сказала Тесс, потянув его за руку. Ее сердце сжималось от боли.

Кулум сделал над собой усилие и сосредоточился.

– Почему бы тебе не отправиться на «Белую Ведьму»? Я... я уверен, они

тревожатся и хотят... хотят узнать, что с тобой все в порядке. Я приеду туда позже. Оставь меня одного на время, хорошо, дорогая? Я... ну, просто оставь меня одного.

– О, Кулум, что же нам теперь делать?

– Не знаю. Я не знаю.

Он поймал ее взгляд, и потом она ушла. Кулум зашагал к Глессинг Пойнту, ничего не слыша и не видя вокруг. Время перестало для него существовать. О Господи, Владыка небесный, что мне делать?..

– Мистер Струан?

Он почувствовал, как его дернули за рукав, и это вывело его из оцепенения. Он заметил, что солнце уже высоко, а сам он стоит, прислонившись спиной к торчащему обломку флагштока на Глессинг Пойнте. Сверху на него взирал главный старшина корабельной полиции.

– Я от его превосходительства, мистер Струан. Не будете ли вы добры подняться к нему на борт?

– Да. Да, разумеется, – ответил Кулум, чувствуя себя опустошенным и полностью утратившим способность соображать.

Он позволил главному старшине отвести его к ожидающему их катеру. Поднялся по трапу на палубу флагмана, потом спустился вниз.

– Мой дорогой Кулум, – произнес Лонгстафф, – ужасное известие. Ужасное. Портвейн?

– Нет. Нет, благодарю вас, ваше превосходительство.

– Садитесь, Да, ужасное. Ошеломляющее. Едва я услышал эту новость, как сразу же послал за вами, чтобы выразить вам свои соболезнования.

– Благодарю вас.

– Я отплываю завтра с отливом. Новый полномочный посланник прислал с Монсеем сообщение, что он в Макао. – Черт бы его побрал. Почему, дьявол его забери, он не мог подождать? Черт бы побрал этот тайфун! Черт бы побрал Дирка! Черт бы побрал все на свете! – Вы знакомы с Монсеем, не так ли?

– Нет... нет, сэр.

– Впрочем, это неважно. Чес-с-слово, все это чертовски досадно. Монсей находился в той же фактории, и на нем ни царапины. Да, ужасно. Никогда не знаешь, чего ждать от йосса. – Он взял понюшку табаку и чихнул. – Вы слышали, что Горацио тоже погиб? – Чертов болван, как уж его-то угораздило погибнуть? Его смерть все так усложняет.

– Нет... нет, сэр. В последний раз... я полагал, он в Макао.

– О, кстати, ваш отец приготовил для меня кое-какие документы. Мне необходимо получить их перед отплытием.

Кулум порылся в памяти. Это усилие вымотало его окончательно.

– Он не упоминал о них при мне, ваше превосходительство. Я ничего о них не знаю.

– Ну, я уверен, он держал эти бумаги в надежном месте, – сказал Лонгстафф, в восторге от того, что Кулум не знает их содержания. – Сейф, Кулум, – там они и должны быть. Где находится его личный сейф?

– Я... я не знаю, сэр. Я спрошу у Варгаша.

– Ну же, Кулум, соберитесь с мыслями. Жизнь продолжается. «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов» и все такое. Нельзя сдаваться, ну? Где у него сейф? Думайте! В фактории? На «Отдыхающем Облаке»?

– Я не знаю.

– Тогда я предлагаю вам найти его, и очень быстро. – Голос Лонгстаффа стал резким. – Дело это чрезвычайной важности. Никого в него не посвящайте. Вы знаете, как карается государственная измена?

– Да... да, конечно, – пробормотал Кулум, напуганный его грозным тоном.

– Хорошо. И не забывайте, что вы по-прежнему заместитель секретаря колонии и присягали Короне. Я передал эти документы в руки вашему отцу, чтобы он хранил их для меня. Это строжайше секретные бумаги, касающиеся некой «дружественной державы». Карты, документы на русском языке с английским переводом. Найдите их. Как только они окажутся у вас, немедленно возвращайтесь сюда. В любом случае я жду вас здесь на закате. Если вы не справитесь с этим поручением, я сам им займусь. Ах да, еще вы выступите моим консигнатором в отношении партии кое-каких семян. Их доставят на остров через несколько дней. Вы перенаправите их мне, соблюдая ту же секретность. Вестовой! – громко позвал он.

Дверь тут же открылась.

– Да, сэр!

– Проводите мистера Кулума на берег!

Кулум в панике проследовал к баркасу. Оказавшись на берегу, он торопливо зашагал к «Отдыхающему Облаку». Корабль стоял почти вертикально в самой середине плавучей деревни сампанов. Кругом него были расставлены солдаты, охранявшие судно от грабителей. Он вскарабкался на палубу и спустился внутрь.

У каюты Струана с тесаком в руке стоял на страже Лим Дин.

– Масса мелтвый? – спросил он.

– Да.

Лим Дин ничего не сказал. Не изменилось и выражение его лица.

– Когда Тай-Пэн бумаги есть – важные бумаги – куда класть? – спросил Кулум.

– Хейа?

– Бумаги – сейф класть. Сейф есть? Ящик с замком?

Лим Дин знаком пригласил его войти в комнату и показал сейф, устроенный в перегородке спальни Струана.

– Эта?

– Ключ?

– Ключа нет есть. Тай-Пэн есть, ладно.

Где бы он мог хранить ключ, в отчаянии спрашивал себя Кулум. С собой! Конечно! Он носил его с собой! Мне придется... может быть, у Варгаша есть дубликат? О Господи всемогущий, помоги мне. Будут... да, похороны и гроб. Где мне... и... и как быть с девушкой, китайской девушкой? Можно ли ее похоронить вместе с ним? Нет, это не правильно. У него есть от нее дети? Да ведь он говорил мне, что есть. Где они? Под развалинами? Думай, Кулум! Проснись же, ради Бога! Как быть с кораблями? И с деньгами? Он оставил завещание? Забудь об этом, это пока не важно – все не важно. Ты должен найти секретные бумаги. Что там говорил Лонгстафф? Карты и русский документ.

В каюте неслышно появился Брок. Он прочел страх и беспомощность на лице юноши и увидел пятна крови на его руках и одежде.

– Доброе утро, парень, – мягко проговорил он. – Я пришел сразу же, как только узнал. Мне очень жаль, что так все вышло, парень, но ты не бойся. Я сделаю за тебя все, что нужно.

– О, спасибо вам, мистер Брок, – ответил Кулум с заметным облегчением. – Просто я... – У него подогнулись колени, и он сел.

– Тесс сказала, не будь тебя, она бы погибла, и Глессинг тоже. То, что случилось с твоим отцом, плохой йосс, но ты не бойся. Я побывал в фактории, парень, и я все приготовлю как надо. Я приказал Орлову приспустить «Льва и Дракона», а «Отдыхающее Облако» мы быстро приведем в порядок, ты и оглянуться не успеешь. Ты пока успокойся, переведи дух. Я присмотрю за всем.

– О, благодарю вас, мистер Брок. Вы не видели у него ключа? Мне нужно найти... – Кулум едва не рассказал ему все о документах, но вовремя спохватился, вспомнив, что говорил ему Лонгстафф о государственной измене. – Я просто

подумал... – запинаясь, пробормотал он со смущенным видом, – ну, мне, наверное, следует просмотреть его бумаги.

– Я не шарил по его карманам, – холодно произнес Брок. – Просто положил его, как нужно, и убрал с глаз женщину. – Да, Дирк, сказал он себе, до самого гроба я не забуду, как вы выглядели... ты и твоя язычница. Вместе. Но ради твоего собственного блага, ради детей, ты будешь похоронен один, по-христиански. – Я договорюсь, чтобы ее похоронили тихо, без шума.

– Да. Да, конечно, – сказал Кулум.

– Мы объединяемся, Кулум. Броки и Струаны. Так будет лучше для всех. «Благородный Дом» станет компанией «Брок и Струан». Я немедленно подготовлю бумаги, и мы сразу покончим с этим. – Вот так-то, сказал он себе. Я не хочу тыкать тебя лицом в твой йосс, Дирк, но теперь я Тай-Пэн. Наконец-то, после всех этих лет. Кулум будет следующим после Моргана и Тома, если окажется пригодным. – Все забыто между тобой и Тесс и мной, парень. Тебе лучше отправиться на «Белую Ведьму». Тесс сейчас нужна поддержка.

– Да. Хорошо, мистер Брок. Спасибо. Но... э-э... если вы не возражаете, я бы хотел... хотел сначала вернуться в факторию.

– Будь на борту вечером. – Брок вышел. Кулум провел ладонями по лицу. Так будет лучше всего. Объединяйся. Это наилучший выход. Ты всегда говорил, что так и сделаешь. Возьми себя в руки, Кулум. Пойди и возьми ключ!

– Масса? – Лим Дин поманил его рукой и вошел в соседнюю каюту. На полу лежал Маусс. Его лицо было безобразным в смерти.

– Йосс. Ладно, – сказал Лим Дин и нервно засмеялся.

Кулум выбрался с корабля, чувствуя, как ноет сердце, прошел по шатким мосткам между сампанами и оказался рядом с Глессинг Пойнтом. Он зашагал по Куинз Роуд, обходя кучи камней и разбитого имущества, невразумительно бормоча слова благодарности всем, кто подходил к нему выразить свое сочувствие. В его воспаленном мозгу крутилась только одна мысль: ты должен осмотреть его карманы.

– Кулум!

Как в тумане, он увидел Купера и рядом с ним Шевон. Они стояли вместе с другими торговцами у входа в отель. Он не хотел останавливаться, но они сами подошли к нему.

– Мы только что узнали, Кулум. Мне так жаль, – сказал Купер. – Мы можем чем-нибудь помочь? Это ужасный йосс.

– Да, – сказала Шевон. Ее лицо было в кровоподтеках, платье превратилось в лохмотья. – Ужасный. Мы только сейчас вернулись с Кулуна. Мне кажется, это просто чудовищно. Такая несправедливость.

– Я... я... простите, я не могу сейчас говорить. Я... мне... Он заторопился прочь.

– Бедный дьяволенок, – произнес Купер, глядя ему вслед.

– Он выглядит перепуганным насмерть.

– Не удивительно. Пережить такое: Тай-Пэн и Глессинг.

– Он поправится? Глессинг?

– Не знаю. Надеюсь, что да. – Купер посмотрел через гавань на материк. Он увидел останки «Бостонской Принцессы» и вновь возблагодарил Бога за то, что они остались живы. – Будь я на месте Кулума, я бы тоже с ума сходил от страха. – Бедному парню понадобится помощь, большая помощь, сказал он себе. Благодарение Богу, Тай-Пэн успел передать мне бумаги. Интересно, что это было? Предчувствие? Нет, конечно же, нет. Как быть с Кулумом? Что он намерен теперь делать? Он беспомощен как младенец. Возможно, мне следует присмотреть за ним. Это будет лишь малая часть того, что я должен Тай-Пэну. Теперь у нас с ним общая компания, занимающаяся хинной коркой. Мы отменим двух других директоров, останутся только Кулум и я. Почему бы нам вообще не объединить наши силы?

Полное слияние компаний? Новый «Благородный Дом» – Купер – Струан. Нет! Струан – Купер. Ты будешь честен с Кулумом. Он станет твоим преемником. Слияние сулит тебе гигантские преимущества, это несомненно. Но тогда нужно действовать быстро, иначе парень уже завтра будет есть с руки у Брока. Тай-Пэн «Благородного Дома». Тай-Пэн. Почему бы нет?

– Чему ты улыбаешься? – спросила Шевон.

– Так, одна мысль промелькнула, – ответил он, беря ее под руку. Ты обладал редким умом, Дирк, друг мой. Я приму оба твоих совета. Да. Мне понадобится этот год, чтобы прочно поставить все на ноги. – Наверное, я очень рад, что остался жив. Давай пойдем на пирс. Нужно узнать, все ли в порядке у Сергеева. Послушай, Шевон. Я решил отослать тебя домой на один год. Со следующим кораблем.

– Что? – Шевон остановилась.

– Да. Если к концу этого срока ты решишь, что любишь меня и хочешь выйти за меня замуж, я буду счастливейшим из людей. Нет, не говори ничего, – добавил Купер, видя, что она открыла рот. – Дай мне закончить. Если ты решишь, что нет, тогда ты получишь свободу и с ней мое благословение. В любом случае, я не стану выкупать долю Тиллманов в деле. Твой отец до конца жизни будет получать...

Шевон отвернулась, и они двинулись дальше, рука об руку. Он продолжал говорить, но она его уже не слушала. Один год, ликовала она, скрывая свою радость. И через год – свободна. Свободна от этого проклятого места! И отец сохранит свою долю! О Боже, Ты услышал мои молитвы. Благодарю тебя, благодарю тебя, благодарю тебя. Бедный Дирк, любовь моя. Теперь я свободна, а ты теперь мертв.

Она посмотрела на русскую бригантину. Да, подумала она, Тай-Пэна больше нет. Но ты свободна, а великий князь был бы идеальной партией.

– Прости, Джефф. Что ты сказал?

– Только то, что хочу отправить с тобой кое-какие частные бумаги для твоего отца.

– Конечно, дорогой. И спасибо тебе, спасибо. Год пробежит быстро.

Гордон Чен склонился перед статуей Будды в полуразрушенном храме и зажег последнюю благовонную палочку. Он плакал по своему отцу и по Мэй-мэй.

Но теперь не время плакать, сказал он себе. Йосс есть йосс. Теперь время думать.

«Благородный Дом» мертв.

У Кулума не хватит сил нести такой груз. Брок подчинит его себе и объединит компании. С Броком мне не справиться. Если Кулум объединится с Броком – Кулуму конец. Так что он не сможет быть мне полезен ни в том, ни в другом случае. Могу ли я помочь ему? Да. Но я не могу помочь ему в отношениях с варварами, и я не могу помочь ему стать Тай-Пэном. Это та ступень, на которую человек поднимается сам.

Тонкая струйка дыма от тлеющей палочки уходила вверх, закручиваясь изящными кольцами; он наблюдал за ней, вдыхая приятный аромат.

Только мой отец знал о нашем соглашении. У меня есть лак серебра, и со временем я буду иметь пятьдесят, сто лаков. Я самый богатый китаец на Гонконге. И самый могущественный. Тай-Пэн китайцев.

Будем откровенны – я не китаец, и не англичанин. Нет. Но я доволен своим йоссом, и я больше китаец, чем англичанин. Я женюсь на китаянке, так же поступят мои дети и дети моих детей, ладно.

Гонконг? Я помогу острову стать сильным. Сегодня я остановил грабителей и мародеров. В будущем рабочих рук будет много, и они будут послушны мне.

Я верю тому, что сказал мой отец: Британское правительство падет. Должно пасть. О Боги, ради будущего всего Китая я требую, чтобы оно пало! Вы же китайцы – подумайте о своей стране. Я заложу здесь самый большой храм во всем южном Китае... ну, по крайней мере, храм, достойный того, чтобы служить штабом Триад, и

достойный Тай Пинь Шана – как только правительство падет, и Гонконг безоговорочно станет британским.

Он низко поклонился и коснулся лбом пола перед статуей, скрепляя сделку.

Да, только Отец знает, как мы должны были разбогатеть. Но даже и в этом случае половина будет принадлежать Кулуму. Каждый месяц я буду отчитываться перед ним, и мы будем делить прибыль поровну до тех пор, пока он выполняет все условия договора со стороны Отца... что я управляю всем сам, что мне будут задавать мало – или вообще не будут задавать – вопросов, и что все останется в тайне, только между нами.

Пойди и найди его сейчас. Засвидетельствуй свое почтение.

Жаль, что Кулум женился на дочери Брока. Это его погубит. Жаль, что у него нет силы продолжать дело в одиночку. Хотел бы я поменяться с ним местами. Я бы показал варварам, как нужно управлять «Благородным Домом». И императором, если уж на то пошло. Если бы у Кулума нашлось хоть немного сил и он был бы готов выслушать хороший совет, Чен Шень и я сумели бы удержать Броков и всех остальных шакалов на безопасном расстоянии.

Ну, да ладно. Я устрою для моего отца и его Тай-тай такие похороны, о которых люди станут рассказывать потом сто лет. Я поставлю табличку для него и табличку для Тай-тай и буду соблюдать траур сто дней. Потом я сожгу эти таблички, чтобы они благополучно возродились.

Я привезу сюда Дункана и его сестренку и воспитаю их как своих собственных детей. И я положу начало новой династии.

Солнце почти село. Кулум сидел на ступенях недостроенной церкви на круглом холме в Счастливой Долине, оперевшись подбородком на руки. Его взгляд был устремлен вдаль. Ты должен забрать ключ, повторял он себе снова и снова. Тебе нечего бояться. Ты должен взять ключ, а потом – бумаги. Иди, Кулум.

Он уже справился с паникой. Но теперь его терзало отвращение к самому себе – и одиночество. Он посмотрел на факторию внизу. Варгаш и Орлов все так же стояли у входа. Он смутно понимал, как много часов назад вошел в долину и увидел их там, помнил, как свернул, чтобы избежать встречи и закричал: «Оставьте меня», когда они захотели подойти к нему. Он заметил, что теперь к ним присоединился Гордон Чен. Раньше его там не было, напомнил он себе. Что ему нужно? Поиздеваться? Пожалеть меня, как все остальные? Лонгстафф... Брок... Купер... Шевон... Скиннер... Варгаш... Орлов. Даже Тесс. Да, любимая, я прочел это даже в твоих глазах, когда мы остановились там внизу, на Куинз Роуд. Даже в твоих. И ты права. Вы все правы.

Что мне делать? Что я вообще могу сделать? Я не такой, как мой отец. Я говорил ему об этом. Я был честен с ним.

Забери ключ. Забери ключ и найди бумаги. Ты должен отнести бумаги. Лонгстафф приказал тебе прибыть на флагман. Уже почти время. О Боже. О Боже.

Он смотрел, как тени становятся все длиннее.

Должен ли я рассказать Броку о монетах Дзин-куа? О трех оставшихся половинках монет и о трех услугах, о священной клятве и об «Облаке Лотоса»? Придется. О Господи, а что теперь делать с By Квоком? И с китайцами, которые учатся на капитанов на наших клиперах, и с мальчиками, воспитанниками отца? Брок не станет соблюдать мою клятву, я знаю, что не станет. Ну и пусть. Какая разница?

– Привет.

– О, здравствуйте, мистер Квэнс. – Кулум тупо скосил глаза на тени. – Пожалуйста, оставьте меня одного. Прошу вас.

У Аристотеля Квэнса ныло все тело. Лишь час назад его откопали из-под обломков. На волосах и лице запеклась кровь, перемешавшаяся с каменной пылью, одежда была изодрана.

– Мне очень горько, – проговорил он. – Это был йосс. Просто йосс.

– Я ненавижу это слово. Пожалуйста, пожалуйста, оставьте меня.

Квэн прочел беспомощность, муку и самоуничижение на лице, едва уловимо напоминавшем ему то, которое он так хорошо знал. Он вспомнил тот день, когда впервые увидел Струана. Валявшегося без сознания в грязи в одном из темных переулков Макао. Такого же беспомощного, точно такого же, говорил он себе. Нет, клянусь Юпитером, не такого же, таким он никогда не был. Дирк выглядел, как Бог, даже когда лежал среди отбросов. Ах, Дирк, у тебя всегда было лицо Бога и сила Бога – в бдении ли, во сне ли. Да, и даже в смерти, готов поклясться. Лицо. Вот чего у тебя было никогда не отнять.

Такая разница между тобой и твоим сыном.

Да... Хотя, может быть, не такая уж и большая. Кулум пошел против тебя в споре о круглом холме. И встал рядом с тобой против Брока. И на глазах у тебя и у всех пожал руку Гордону Чену. И сбежал с любимой девушкой, послав к чертям рассудительность и не испугавшись последствий. И спас жизнь Глессингу. Твоя искра есть в нем.

Помнишь, что ты сказал, когда пришел в себя? «Я не знаю, кто вы, но спасибо за то, что вы вернули мне лицо».

Ты никогда и не терял его, Дирк, мой друг.

«Да. Но верни лицо моему сыну».

Разве не это ты сказал бы сейчас, будь ты здесь со мной? Ты здесь? Мне так не хватает тебя, парень.

Аристотель Квэнс запрятал поглубже свою грусть и сел на ступеньку рядом с Кулумом.

– Я знаю, сейчас неподходящий момент для таких разговоров, Тай-Пэн, но вы не могли бы одолжить мне четыреста пятьдесят гиней?

– Что? Что вы сказали?

– Не могли бы вы одолжить мне четыреста пятьдесят гиней, Тай-Пэн? Я понимаю, момент ужасный, но эта старая ведьма Фортерингилл жива – нет такого тайфуна, который осмелился бы ее тронуть, клянусь Богом! Она угрожает мне долговой ямой. Кроме вас, мне больше не к кому обратиться.

– Вы сказали «Тай-Пэн». Вы назвали меня Тай-Пэном.

– Ну, вы же теперь Тай-Пэн, разве нет?

Тогда Кулум вспомнил все, что говорил ему отец. О радости и боли быть Тай-Пэном, о могуществе, об одиночестве, о жизни, которая превращается в бесконечную битву.

Он больше не чувствовал себя покинутым. Его взгляд обратился на трех человек внизу. Вернулась тревога. Аристотелю легко сказать: «Тай-Пэн», подумал он. А что скажут они? Ты должен привлечь их на свою сторону. Как? Что там говорил отец? «Ты управляешь людьми силой своего ума и магией, волшебством».

Он, пошатываясь, встал на ноги.

– Я... я постараюсь. Клянусь Господом Богом, я действительно постараюсь. Я никогда не забуду вас, Аристотель. Никогда.

Он зашагал по склону холма, чувствуя, как от волнения у него сжимается желудок. Главный старшина корабельной полиции приближался от причалившего катера, и они встретились у двери фактории.

– Его превосходительство желает видеть вас на борту безотлагательно.

– Пожалуйста, передайте ему, что я увижусь с ним сразу же, как только смогу, – ответил он со спокойствием, которого не испытывал.

– Вы нужны ему прямо сейчас.

– Я занят. Передайте ему, я занят!

Старшина покраснел, отдал честь и тяжело зашагал обратно к катеру.

Что же там такое, наконец, в этих бумагах, спросил себя Кулум. Он собрал всю

свою волю и повернулся к Орлову, Варгашу и Гордону Чену.

– Брок прислал приказ на мой корабль, – заговорил Орлов. Он увидел кровь на руках и на рукавах Кулума, и по его телу пробежала дрожь. – Приказ приспустить флаг, клянусь Одином! Я бы и так сделал это сразу же, как только услышал. Я теперь должен принимать от него приказы? А?

– Брок уничтожит нас, мистер Кулум. Что нам делать? – произнес Варгаш, ломая руки.

– Варгаш, пойдите и распорядитесь насчет похорон. Мой отец и его леди будут похоронены вместе.

– Что?

– Да. Вместе. Она христианка и будет похоронена вместе с ним. Гордон, подожди меня. Я хочу поговорить с тобой. Орлов, возвращайтесь на корабль и поднимите флаг. Пусть развевается на самой верхушке мачты. Затем отправляйтесь на «Белую Ведьму» и доставьте мою жену на берег.

– Доставить ее, вы сказали?

– Да. И вот еще. – Он вынул из коробочки двадцать соверенов. – Передайте это Броку вместе с моим почтением. Скажите ему, это от меня... пусть купит себе гроб.

Все трое странно посмотрели на Кулума.

Потом сказали:

– Да, Тай-Пэн! – и подчинились.